

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР
БОЛЬШОГО АЛТАЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы
II Международного алтаистического форума*

30 сентября — 3 октября 2021 г.
Барнаул — Горно-Алтайск

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431
Т 985

Сборник материалов подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Ответственный редактор

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор,
президент Алтайского государственного университета,
руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, д-р юрид. наук, профессор АлтГУ
С.П. Грушин, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
А.В. Ковалева, д-р социол. наук, профессор АлтГУ
Ю.А. Лысенко, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
И.В. Октябрьская, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН
И.В. Анисимова, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
О.А. Латышева, канд. с.-х. наук, доцент АлтГУ
И.И. Назаров, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
Е.В. Понькина, канд. техн. наук, доцент АлтГУ
С.Б. Сарбашева, канд. филол. наук, доцент ГАГУ

Т 985 Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 504 с.

ISBN 978-5-7904-2597-4

В сборнике представлены научные материалы II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность», который состоялся 30 сентября — 3 октября 2021 г. на базе Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Целью II форума являлась консолидация ведущих научных школ и экспертов России, стран Большого Алтая и Центральной Азии в области изучения алтаистики и тюркологии; обсуждение научно-экспертным сообществом историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов. В представленном сборнике рассматриваются актуальные вопросы алтаистики: этнополитическая история, археология и этнография народов Большого Алтая, религиозное мировоззрение и развитие языков тюрко-монгольских народов, сохранение историко-культурного наследия Большого Алтая и Центральной Азии, факторы устойчивого развития и особенности формирования медиапространства данного региона.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами алтаистики.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431

ISBN 978-5-7904-2597-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2021

Оглавление

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	12
РАЗДЕЛ I. ПРИВЕТСТВИЯ.....	13
Приветствие заместителя председателя Правительства Алтайского края, руководителя Администрации губернатора и Правительства Алтайского края В.В. Снесаря.....	13
Приветствие главного федерального инспектора по Алтайскому краю аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе Ю.С. Земского.....	14
Приветствие статс-секретаря, заместителя министра иностранных дел РФ Е.С. Иванова.....	14
Приветствие руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») Е.А. Примакова.....	15
Приветствие заместителя министра науки и высшего образования РФ Д.В. Афанасьева.....	16
Приветствие министра образования и науки Республики Таджикистан Мухаммадюсуфа Сайдали Имомзоды.....	16
Приветствие министра образования и науки Кыргызской Республики Б.Д. Купешева.....	17
Приветствие академика РАН, научного руководителя Института археологии и этнографии СО РАН, председателя Международного экспертного совета НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» А.П. Деревянко.....	18
Приветствие ректора Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Е.Б. Сыдыкова.....	19
Приветствие ректора Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р. Гафурова.....	20
Приветствие ректора Российского университета дружбы народов О.А. Ястребова.....	21
Приветствие генерального секретаря Постоянной Международной Алтаистической конференции — РИАК Барбары Келлнер-Хайнкелле.....	21
Приветствие генерального секретаря Ассамблеи народов Евразии А.Ю. Бельянинова.....	22
РАЗДЕЛ II. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ.....	23
Землюков С.В., Грушин С.П. ПРОЕКТ «ТЮРКСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ»: НОВЫЙ ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	23
Трепавлов В.В. ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО МИРА.....	27
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	30
Шерстова Л.И. ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ.....	34
Функ Д.А. ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.....	38

Асанканов А.А. ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И КЫРГЫЗОВ	41
Жанбосинова А.С. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР: УГРОЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	45
Дашковский П.К. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	49
Жданова Е.А. СОВМЕСТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ТЮРКО- МОНГОЛЬСКОГО МИРА	53
ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТОВ НОЦ АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ», РЕАЛИЗОВАННЫХ В 2021 ГОДУ	56
Фролов Я.В., Грушин С.П. ПЕРВЫЙ ЭТАП РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ "БОЛЬШОЙ АЛТАЙ — ПРАРОДИНА ТЮРКОВ"».....	56
Асанканов А.А., Октябрьская И.В., Назаров И.И. ОБ ИТОГАХ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ: РОССИЯ — КЫРГЫЗСТАН, 2021».....	58
РАЗДЕЛ III. РЕЗОЛЮЦИЯ II МЕЖДУНАРОДНОГО АЛТАИСТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	63
РАЗДЕЛ IV. СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ	67
СЕКЦИЯ «ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩНОСТИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»	67
Солодовников К.Н., Эрдэнэ М. АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ.....	67
Казakov А.А. ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	70
Грушин С.П. ПЛАНИГРАФИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА РАННЕЙ ТЮРКИЗАЦИИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	74
Сайберт В.О. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ I ТЫС. Н.Э. В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЕ.....	78
Пилипенко С.А. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОЛЧАН ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧУЛЫМ-2.....	81
Арзыбаев Т.К. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ЮЖНОСИБИРСКИХ КОЧЕВНИКОВ IX-X ВВ.	86
Петенева Г.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ НА ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ АКБАУЫР В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ	89
Алкин С.В., Смоляков Р.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ШИЛКА)	93

СЕКЦИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКОМ МИРЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ»	96
Сафаров Р.И. РОЛЬ КАРЛУКСКИХ ПЛЕМЕН В ТАЛАССКОЙ БИТВЕ.....	96
Кылычев А.М. ИСТОРИЯ КАРАХАНИДОВ В ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ.....	100
Садырова З.Т. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТЕНГИР-ТОО (ПРИТЯНЬШАНЬЕ) И ЕГО ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В X-XII ВВ. В ПЕРИОД КАРАХАНИДОВ	105
Тимохин Д.М. АЛ-МАРВАЗИ И ОПИСАНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ДЕШТ-И КЫПЧАКА В «ТАБА'И' АЛ-ХАЙ'АВАН»	109
Манаш Талгатбек ТЮРКСКИЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ: КИМАКИ, КИПЧАКИ, ПОЛОВЦЫ.....	111
Чодолдоева Г.Ж. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КЫРГЫЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ.....	114
Сырдыбаев Т.Т. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА В КОНЦЕ XIX ВЕКА (ПО ДАННЫМ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)	119
Васильев Д.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД.	121
Лысенко Ю.А. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОСЕДЛОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.).....	125
Рыгалова М.В. АНАЛИЗ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ ОБЛАСТЕЙ	128
Джумагулова А.А. РУССКО-ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА.....	131
Бочкарева И.Б., Чекрыжова О.И. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.).....	134
СЕКЦИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ»	138
Насонов А.А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ...	138
Каратаев О.К. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ.....	140
Торбоков А.В. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АЛТАЙЦЕВ И ТУВИНЦЕВ.....	145
Садалова Т.М. О БОЖЕСТВЕ ЮЧ КУРБУСТАН В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	148
Тадышева Н.О. САКРАЛЬНОСТЬ ДВЕРЕЙ И ПОРОГА У ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ	151
Шершнева Е.А. РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ДУХОВНОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ)	155
Гончарова Н.С. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1970-х — НАЧАЛЕ 1980-х ГГ.	158

Гончарова Н.С., Дворянчикова Н.С. АТЕИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ХАКАСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х ГГ.	161
Дворянчикова Н.С., Гончарова Н.С. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х — НАЧАЛЕ 1980-х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	164
Дворянчикова Н.С. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В СЕРЕДИНЕ 1960-х — СЕРЕДИНЕ 1980-х ГГ.	167
Дашковский П.К., Жанбосинова А.С. ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСТВА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	170
Бикбулатова А.Р. ТАТАРЫ КЫРГЫЗСТАНА: ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	174
Дашковский П.К., Монгуш А.В., Гантуяа Магсаржав НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	178
Дашковский П.К., Бичилдей У.П., Бүрэнэлзий Идрээ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ О РОЛИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	181
СЕКЦИЯ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩНОСТИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ».....	185
Жалиева Б.С. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ С НАРОДАМИ САЯНО-АЛТАЯ	185
Перска Ё.Ю., Абдуллина Г.Р. ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАШКИР И ХАКАСОВ В АСПЕКТЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕМ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.....	188
Сатыбалдиева Ч.Т. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ТРАДИЦИОННЫХ ВОРСОВЫХ КОВРОВ И КОВРОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ЮЖНЫХ КЫРГЫЗОВ	192
Бексултанова Ч.Д. ВОЙЛОКОВАЛЯНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА	196
Мамытова А.Б., Султаналиева Н.И. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЛИЩА КОЧЕВНИКОВ	199
Кочкунов А.С., Момунбаева Н.С. ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА КЫРГЫЗОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	206
Зунунова Г.Ш. ПРАКТИКИ ОБМЕНА ДАРАМИ В РИТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКОВ: ВЕКТОРЫ И МОТИВЫ	209
Тыдыкова Н.Н. АЛТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА <i>КҮРЕШ</i> (ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	212
Чемчиева А.П. ФЕНОМЕН МНОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ	217
Николаев В.В. УРБАНИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ.....	221
Назаров И.И., Николаев В.В. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КУМАНДИНЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	225

Нехвядович Л.И., Фрадкина Г. САКСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАУРЕНА КАСТЕЕВА	227
Асанов Э. «ХОТЬ НАРОД НАШ РАЗОБЩЕН, НО ВСЕ УЗБЕКИ ДЕВЯНОСТО ДВУХ ПЛЕМЕН...» ТУРДЫ ФАРАГИ — ПЕРВЫЙ УЗБЕКСКИЙ КОНСТРУКТИВИСТ?	230
Кокоулин В.Г. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ.....	234
СЕКЦИЯ «ЯЗЫКИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»	237
Джаманкулова К.Т. ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ОБЩНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ	237
Сарбашева С.Б. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКИ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	242
Саялхова З.И. КОНЦЕПТ ОТЕЦ (АТАЙ) В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	244
Султаналиев И. ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ В «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТЮРК» МАХМУДА КАШГАРИ.....	247
Султаналиев И. КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТЮРК» И СОВРЕМЕННЫЙ КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК.....	250
Кондратьева Е.Н. ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА КОРЕ́ МАР В РУССКОЙ ТРАН- СКРИПЦИИ КОРЕЙСКИХ СЛОВ	253
Тыбыкова Л.Н. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	254
Ерленбаева Н.В. СПОСОБЫ ОБОГАЩЕНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	255
Шарипова М.К. ТЮРКИЗМЫ БОЯРИН, ЕСАУЛ, АТАМАН, БОГАТЫРЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	257
Саналова Б.Б. КОНТЕКСТНЫЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ)	261
Ередеева Ф.Л. СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЗВУКАМ РОДНОГО (АЛТАЙСКОГО) ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ	264
Гостюшева Е.М. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ).....	267
СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ».....	270
Самушкина Е.В. НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА	270
Черных А.В. НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ, ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ	274
Труевцева О.Н. МУЗЕОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ	277
Наумова О.Б. РОССИЙСКИЕ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ — НОВЫЕ ПОДХОДЫ	279
Бакчиев Т.А., Алымкулова С.К. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КЫРГЫЗСКОГО СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА	283

Миссонова Л.И. ТЮРКСКИЕ ТОМА В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ» ИЭА РАН. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	286
Нехвядович Л.И. МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	290
Имангалиев А.Т., Дукенбаева З.О. ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ УЧЕНЫХ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	291
Рахматулина Е.Ю. ИЗ ОПЫТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВОСТОЧНО- КАЗАХСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА (г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК, КАЗАХСТАН).....	294
Селезнева И.А. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ.....	297
Романова Е.Н. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ЫСЫАХ — ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	300
Сураганова З.К., Сарсембина К.К. КУМЫСНЫЕ ПРАЗДНИКИ САРЫ-АРКИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	304
Цыряпкина Ю.Н. ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ В ПОСТСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТАШКЕНТА).....	307
Лбова Л.В., Казаков В.В. ИНТЕГРАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	310
ПОДСЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА, ФОЛЬКЛОР, ЭПОС НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»	313
Киндикова А.В. ТЕМАТИКА И ОБРАЗНЫЙ МИР БАСЕН БУУЧАЯ БУРМАЛОВА	313
Чочкина М.П. СИМВОЛИКА ВЕЩЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКО- МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: МЕШАЛКА И МУТОВКА	315
Кудайбергенова З.С. ИЗОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ КИРГИЗОВ.....	317
Турдубаева Н.Ш. РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА В КИТАЕ.....	320
Дедина М.С. ЭТНОПОЭТИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ В АЛТАЙСКОЙ ЛИРИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВВ.)	323
Конунув А.А. ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.У. УЛАГАШЕВА	328
Чаптыкова Ю.И. ОБРАЗ ШАМАНА В ХАКАССКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗАНИЙ С.И. ШУЛБАЕВА).....	331
СЕКЦИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ».....	335
Васильева Н.А., Бахтуридзе З.З., Погодин С.Н. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ.....	335
Рахматулина Е.Ю. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗА РАБИС (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСКОЙ АССР 1919–1929-х гг.).....	338
Аюпов Т.М. ПРОФЕССОР А. ИНАН И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	338

Бармин В.А. СИНЬЦЗЯН КАК ПЛОЩАДКА ПРОДОЛЖЕНИЯ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»: ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И АНГЛИИ В ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГГ. XX ВЕКА	345
Дукенбаева З.О., Абжанов Х.М. ИНОЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАЗАХСТАНА: ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ И БУДУЩЕЕ	349
Эшматова Г.Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ГРАЖДАН В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1950-е — НАЧАЛЕ 1960-х ГГ.	352
Бикбулатова С.Р. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ТАТАР КЫРГЫЗСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	356
Омурова Ж.О., Шаршенбек кызы А. ИНТЕГРАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	358
Балпыкбаева Б.А. РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	361
Ушаков Д.В. МОНГОЛЬСКИЙ ВЕКТОР НОВОСИБИРСКИХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	364
Алексеев А.Н., Аубакирова Ж.С. КАЗАХИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА).....	368
СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В ТЮРКСКОМ МИРЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»	372
Почекаев Р.Ю. ЮРИДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРАВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.....	372
Зеленин Ю.А. К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	376
Русанов В.В. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТЮРКСКОГО МИРА: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМАТИКА	378
Ибрагимов Ж.И. ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В СИСТЕМЕ КАЗАХСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА	380
Насыров Р.В. «ДЛИННАЯ ВОЛЯ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНОСА НОСИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ	384
Анисимова И.В. СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЧИНОВНИКОВ	389
Головинов А.В. СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ О ЗНАЧЕНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА	392
СЕКЦИЯ «СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»	395
Мазина А.Л. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЙ	395
Неволина А.Л., Ткачук Г.А., Барашев А.Р., Кузнецова Д.М. СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ УрФУ ПО СОЗДАНИЮ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ С УНИВЕРСИТЕТАМИ КИТАЯ.....	399
Шваков Е.Е. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	403

Нехвядович Л.И. ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ТЮРКСКОГО МИРА: ОПЫТ АлтГУ ПО СОЗДАНИЮ И ВНЕДРЕНИЮ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ С УЧАСТИЕМ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	407
Ковалева А.В. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МЕДИАПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО АЛТАЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ	411
Понькина Е.В., Бондарович А.А., Ергалиев Е.К., Жантасова Ж.З., Карменова М.А., Оскорбин Н.М., Хворова Л.А. РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОАЗИАТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ	415
Латышева О.А., Черных А.А. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АНАЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (МЕЖДУНАРОДНАЯ СЕТЕВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА).....	417
Бадмаев В.Н. «СЕТЕВОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» — НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАЛМЫЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	420
Комарова О.С., Шелюгина О.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВОГО ДИЗАЙНА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ	423
СЕКЦИЯ «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ»	425
Рябов И.Ю., Понькина Е.В., Карменова М.А. ТРЕНДЫ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	425
Маулит А., Нугуманова А.Б., Понькина Е.В., Бондарович А.А., Алимбаев Д. РАЗРАБОТКА ЦИФРОВОГО СЕРВИСА ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТОЧНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	428
Соколов С.Н. ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ.....	431
Праздников Н.Н., Прудникова Н.Г., Суркова С.А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ.....	433
Болатова Ж.Б., Енгиндениз С., Сеитова Г.А., Білісбекқызы Е., Солтанова Д.А. ЭКОНОМИКА ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КАЗАХСТАНА	436
Алимбекова Н.Б., Байгереев Д.Р., Ергалиев Е.К. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФИЛЬТРАЦИИ В СИЛЬНОПОРИСТЫХ ТРЕЩИНОВАТЫХ СРЕДАХ С ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИЕЙ ТРЕЩИН	440
Бондарович А., Акшалов К., Коза М., Полнитц Ю., Шмидт Г., Конрад К. АНАЛИЗ РАЗМЕРОВ ЧАСТИЦ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЕТРОВОЙ ЭРОЗИИ В КАЗАХСТАНЕ	442
СЕКЦИЯ «МЕДИАПРОСТРАНСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»	445
Ковалева А.В. ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЮРКОЛОГИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ.....	445
Маматова Я.М. МЕДИАСРЕДА УЗБЕКИСТАНА: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СТРУКТУРЫ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	447

Токсоналиева Р.М. РЕКЛАМА В СФЕРЕ ЭТНОТУРИЗМА КЫРГЫЗСТАНА.....	451
Джунушалиева Г.Д. ПРОДВИЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО МИРА	454
Максутова Б.Б. МЕДИАПРОСТРАНСТВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ КЫРГЫЗСТАНА	456
Чижова Е.А. ИЗУЧЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ КАК ОСНОВЫ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ.....	459
Олимиён С.Ш. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КАРЛУКОВ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТАДЖИКИСТАНА	461
Кулиш Т.Э. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ.....	464
Зайнулин Р.Ш. РОЛЬ ДИГИТАЛ-ТЕХНОЛОГИЙ В РЕКЛАМНОЙ ИНДУСТРИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА	466
Федянина Г.С. МЕСТО И РОЛЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	468
Комиссарова Л.М., Янчевская К.А. ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ.....	471
Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л. ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ)	474
МОЛОДЕЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «РОССИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ»	478
Казаков Г.К. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СИНЬЦЗЯНА	478
Алексеева В.Е. ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX–XXI ВВ.....	481
Воронько А.О. ЕДИНСТВО ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО МИРА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИНТЕНЦИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	482
Гундова О.Е. РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ, ЧИНОВНИКИ И ВОЕННЫЕ XVIII — НАЧАЛА XIX В. О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ХАНСКОЙ ВЛАСТИ У КАЗАХОВ	485
Байбосунова Г.У. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОГО МАТЕРИАЛЬНО- ПРИКЛАДНОГО ЭТНОИСКУССТВА КЫРГЫЗОВ.....	488
Муксинова З.Р. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	490
Тандыянова А.Е. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЙНОГО ТУРИЗМА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ).....	492
Кумашов Д.Ж. ОБРЕТЕНИЕ КЫРГЫЗСТАНОМ НЕЗАВИСИМОСТИ: НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	496
Эзимова Д.Б. СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛЬНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	498
Поздняков Е.И. ТАТАРСТАН В ТУРКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ	501

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Представленный сборник содержит материалы II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» (30 сентября — 3 октября 2021 г.), организатором которого выступил Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета. Соорганизатором Форума стал Горно-Алтайский государственный университет.

В работе II Международного алтаистического форума приняли участие более 300 ученых, экспертов и молодых исследователей 89 университетов и научных учреждений, в том числе 45 университетов и научных учреждений Российской Федерации и 44 университета и научных учреждения 9 государств зарубежья — Казахстана, Узбекистана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Монголии, Венгрии, Германии, Дании, Финляндии; всего с докладами в онлайн- и офлайн-формате выступили более 300 участников.

Сборник был сформирован в соответствии с программой II Международного алтаистического форума. В нем представлены приветствия участникам Форума, поступившие от руководителей органов государственной власти, академических, научно-образовательных и общественных организаций Российской Федерации и государств Центральной Азии; пленарные доклады Форума, итоговая резолюция, принятая его участниками; секционные выступления.

Материалы сборника отражают многоаспектность дискуссий научно-экспертного сообщества по широкому спектру вопросов историко-цивилизационного наследия славяно-тюрко-монгольских народов Большого Алтая: историко-археологические исследования процессов формирования и эволюции общности тюркских народов, этнополитические и этносоциальные процессы в тюрко-монгольском мире в Средневековье, Новое и Новейшее время, религиозное мировоззрение, материальная и духовная культура, эпические традиции, языки и фольклор народов Большого Алтая и Центральной Азии, сохранение и популяризация их культурного наследия. Кроме этого, в сборник вошли материалы ряда секций II Международного алтаистического форума, связанные с анализом современного развития тюрко-монгольского мира, а также тенденций сетевого образовательного сотрудничества университетов Большого Алтая в области алтаистики и тюркологии, в том числе с участием молодых исследователей.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами евразийства, цивилизационными аспектами истории славянских, тюркских, монгольских народов.

Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, выступивший организатором II Международного алтаистического форума, приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц, а также принять участие в работе III Международного алтаистического форума, который состоится осенью 2023 года. Более подробная информация о работе Центра размещена на сайте: <https://bolshoy-altay.asu.ru/>

РАЗДЕЛ I. ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствие заместителя председателя Правительства Алтайского края, руководителя Администрации губернатора и Правительства Алтайского края Виталия Владимировича Снесаря

Доброе утро, дамы и господа, уважаемые друзья!

По поручению губернатора Алтайского края Виктора Петровича Томенко и от имени коллег по региональному правительству позвольте вас приветствовать на Алтайской земле в столице нашего региона городе Барнауле на втором уже Форуме, посвященном историко-цивилизационному наследию Большого Алтая!

Мне хочется отметить важность данного события для Алтайского края. В том видеоряде, который сегодня был представлен нам на экранах до открытия Форума, было видно, что ученые, заинтересованные люди, организаторы зря времени не теряли. Был проведен очень большой объем необходимых работ, исследований, которые только лишь напитали общую базу, которая сегодня станет базой знаний, предметом дискуссий и обсуждений. Их итогом будет не только детальный взгляд назад, но и выработка перспектив сотрудничества международного тюркологического сообщества, единых взглядов на историко-цивилизационное наследие народов Большого Алтая. Большой Алтай — не только географическое понятие, это уникальная территория, ставшая колыбелью многих народов и цивилизаций. Располагаясь в самом центре Евразийского континента, макрорегион по праву претендует на статус перекрестка цивилизаций. Пройдя долгий исторический путь, Большой Алтай стал крупным политическим и поликонфессиональным регионом, где мирно проживает множество национальностей, каждая из которых чтит свою аутентичность, самобытность. В Алтайском крае, и я думаю, предстоящая перепись это только подтвердит, проживает более 140 национальностей. В нашем гостеприимном большом регионе сохранение историко-культурного наследия имеет огромное эмоциональное, воспитательное значение, укрепляет национальное самосознание, помогает каждому человеку глубоко понять сопричастность духовным ценностям и традициям своих предков. Сегодня Алтай является центром притяжения многих народов, представители которых едут сюда в поисках своих исторических и духовных корней. Такое внимание к региону позволяет говорить о нем как о территории диалога культур, и данное мероприятие — тому яркое подтверждение!

Еще раз от имени Правительства и по поручению Виктора Петровича Томенко, губернатора региона, желаю вам плодотворной работы, хорошего настроения, ярких впечатлений, контактов, всего самого самого доброго!

Приветствие главного федерального инспектора по Алтайскому краю аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе Юрия Станиславовича Земского

Добрый день, дорогие друзья!

Разрешите вас поприветствовать от имени заместителя Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе Любови Евгеньевны Бурда, которая очень внимательно наблюдает за подготовкой Форума и вообще за тюркской тематикой! Она постоянно в теме, в контакте со многими из вас. Историко-культурное наследие тюркско-монгольских народов — это тот вопрос, который нельзя обойти стороной и который следует обсуждать на таких международных площадках!

Международный алтаистический форум — это тот плотный фундамент дружеских отношений, который складывается годами, веками, это фундамент, на основе которого будут решаться совместные задачи за пределами Форума. Этих задач действительно множество, но, наверное, самая главная задача — сохранение мира, гармонии в системе международных отношений, в регионах Большого Алтая!

Я желаю вам, вернее, я желаю нам плодотворной работы, интересных дискуссий, но и самое главное — это проработанных и выверенных решений!

С началом Форума, удачи и крепкого всем здоровья!

Приветствие статс-секретаря, заместителя министра иностранных дел РФ Евгения Сергеевича Иванова

Уважаемый Сергей Николаевич!

Благодарю за приглашение принять участие в качестве почетного гостя во II Международном алтаистическом форуме.

Форум уже утвердился в качестве востребованной дискуссионной площадки, его отличают насыщенная программа и авторитетный состав участников. Такого рода мероприятие, направленное на взаимодействие между учеными, способствует формированию школы тюркологии и алтаистики, целью которой является проведение комплексных исследований трансграничных территорий Большого Алтая и Центральной Азии, вовлечению в этот процесс партнеров из центральноазиатских государств, Китая и Монголии. Заявленная тема — «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» — представляется весьма актуальной и своевременной.

Убежден, что это мероприятие пройдет в конструктивном ключе, позволит установить взаимопользные контакты, наладить живой, заинтересованный диалог по широкому кругу вопросов, внесет заметный вклад в утверждение концепции исторического единства народов России и Центральной Азии, укрепление славянско-тюркской цивилизационной связи и, разумеется, будет способствовать развитию интеграционных связей в регионе Большого Алтая, а также международных культурно-гуманитарных контактов.

К сожалению, вследствие загруженности графика работы прибыть в Барнаул не смогу. Представлять Министерство на этом мероприятии поручено руководителю территориального органа МИД России в Барнауле Л.С. Еремейкину.

Желаю Вам и участникам Форума плодотворной работы.

**Приветствие руководителя Федерального агентства по делам Содружества
Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом,
и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»)
Евгения Александровича Примакова**

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Россотрудничества и от себя лично тепло приветствую организаторов, участников и гостей II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность».

Форум проводится во второй раз, но уже ярко проявил себя в качестве значимой экспертной платформы по обмену опытом и обсуждению широкого круга вопросов в области комплексных исследований Большого Алтая.

Высоко ценим содействие Форума формированию прочных интеграционных связей в Евроазиатском культурном и научно-образовательном пространстве. Поддерживаем усилия научного сообщества по утверждению и реализации концепции исторического единства народов России и Центральной Азии. Что становится особенно актуальным в наши дни, когда Западом предпринимаются попытки ослабить исторические связи России со своими союзниками и стратегическими партнерами в ареале Большого Алтая.

Уверен, что Форум придаст новый импульс развитию межкультурного, научно-образовательного и экономического взаимопроникновения между государствами макрорегиона — России, Казахстана, Китая, Монголии.

Желаю участникам Форума плодотворной работы, новых профессиональных достижений и всего самого наилучшего.

Приветствие заместителя министра науки и высшего образования РФ Дмитрия Владимировича Афанасьева

Уважаемые коллеги!

От имени Министерства науки и высшего образования Российской Федерации приветствую участников, гостей и организаторов II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Форум организован в рамках комплексного проекта, получившего поддержку Минобрнауки России, и является значимой международной коммуникационной площадкой научно-образовательного и экспертного сообщества стран Большого Алтая и Центральной Азии.

На Форуме будет обсуждаться широкий круг вопросов в области комплексных междисциплинарных исследований Большого Алтая — уникального макрорегиона на стыке границ России, Казахстана, Китая и Монголии, имеющего особое историко-культурное и геостратегическое значение как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Высокий научный и экспертный уровень участников и широкое представительство ведущих научно-образовательных центров в области тюркологии, алтаистики, монголоведения, изучения историко-культурного наследия народов Большого Алтая вселяют уверенность в успехе Форума и достижении прогресса в решении ключевой его задачи — создания эффективной интеграционной платформы международного взаимодействия, катализатора развития исследовательских, экспертно-аналитических и образовательных проектов, укреплению межрегионального и международного гуманитарного сотрудничества в трансграничном пространстве Большого Алтая и стран Центральной Азии на основе общих ценностей мира и развития.

Желаю участникам Форума эффективной и плодотворной работы, творческого вдохновения и больших успехов на этом пути!

Приветствие министра образования и науки Республики Таджикистан Мухаммадусуфа Сайдали Имомзоды

Уважаемые коллеги!

Разрешите от имени Министерства образования и науки Республики Таджикистан поприветствовать участников II Международного алтаистического форума.

Наши общие усилия направлены на формирование единого научно-образовательного пространства Большого Алтая и Центральной Азии, способствующего взаимному усилению наших стран, повышению их конкурентоспособности, созданию условий для созидательного сотрудничества. Интеграционные процессы, происходящие в регионе, показывают свою эффективность. Сообща мы можем отстаивать интересы академического и научного сообщества, а также развивать качественное образование и науку, отвечающую потребностям нашего общества. Уверен, что активная деятельность Форума как ведущей экспертной и научной площадки позволит расширить границы сотрудничества, придать новый импульс укреплению существующих связей.

Я поздравляю всех собравшихся и желаю Форуму творческой атмосферы и продуктивной работы!

Приветствие министра образования и науки Кыргызской Республики Болотбека Душековича Купешева

Уважаемые участники II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»!

Тюркская проблематика сегодня является крайне актуальной как на международной мировой, так и региональной повестке. В условиях глобализации и усиления конкуренции во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к укреплению региональных связей государств евразийского пространства, в основе которых находится представление об историко-цивилизационном и культурно-языковом единстве.

Несомненно, что в данных условиях объективным является интерес научного сообщества к вопросам историко-культурного наследия народов тюркского мира, популяризации традиционной культуры и искусства современных народов Евразии, поддержания их национальной культурной идентичности и создания благоприятного фона для развития научно-образовательного и межкультурного взаимодействия государств и народов Евразии.

Особенно хочется отметить Алтайский государственный университет, который вносит огромный вклад в развитие и укрепление диалога в тюркском мире. По инициативе АлтГУ сегодня реализуется масштабный международный проект, связанный с изучением и сохранением историко-культурного наследия тюркских народов, расширением научно-образовательного сотрудничества государств Центральной Азии в данной области. Благодаря этому проекту в сентябре 2021 г. в Кыргызской Республике состоялась Первая международная этнографическая экспедиция, а сегодня проходит II Международный алтаистический форум.

Высокий интерес к Форуму демонстрирует важность и востребованность этого мероприятия. И несмотря на то, что мероприятие проводится в условиях пандемии, современные технологии позволяют сегодня его участникам присоединиться к работе в формате онлайн. Желаем всем участникам плодотворной работы, творческой результативной дискуссии, активности, оптимизма и укрепления научных контактов!

**Приветствие академика РАН, научного руководителя Института археологии и этнографии СО РАН, председателя Международного экспертного совета
НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»**

Анатолия Пантелеевича Деревянко

Дорогие друзья, уважаемые коллеги, организаторы и участники Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»!

Разрешите поприветствовать вас и отметить, что традиция проведения Форума была заложена в 2019 г., когда Алтайский государственный университет впервые принял на своей площадке ученых, занимающихся исследованием истории, археологии, культуры, этнографии тюркских и монгольских народов Большого Алтая. Цель нашего научного мероприятия — это обмен новейшими достижениями в данной области, внедрение инновационных методик сохранения историко-культурного наследия тюрко-монгольских народов, экспертная оценка направлений и перспектив развития тюрко-монгольского мира на современном этапе.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что научный вектор, заданный Первым алтаистическим форумом, достиг желаемого результата. Его дискуссионная площадка расширяет свои географические границы, а научная проблематика открывает путь к новому осмыслению историко-цивилизационного наследия тюрко-монгольских народов, расширению научно-образовательного и экспертного сотрудничества государств Большого Алтая. Отрадно отметить, что в рамках работы Форума огромное значение организаторы придают участию молодых ученых-тюркологов и монголоведов, которые в будущем возглавят данное научное направление.

Разрешите пожелать плодотворных дискуссий, укрепления научных контактов, благополучия и здоровья!

Приветствие ректора Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Ерлана Батташевича Сыдыкова

Уважаемые участники II Международного алтаистического форума!

Уважаемые коллеги, друзья, партнеры!

Замечательная идея и прекрасный научно-образовательный проект стали центром евразийской интеграции. Тюрки, Тюркский мир стали центром притяжения научной мысли.

Алтаистический форум запустил интеграционные процессы в евразийском пространстве.

Несомненно, в условиях последних событий в Южной Азии проведение Форума имеет особую значимость. Очень важно сохранить социально-экономическую стабильность и миграционную безопасность в Евразийском пространстве, в том числе в Центральной Азии. Об актуальности Форума свидетельствует число его участников. Их стало в три раза больше.

Участие в Форуме — это новые научно-исследовательские коммуникации, это фундамент доверия и ориентиры взаимовыгодного сотрудничества. Проект направлен на исследование и сохранение тюрко-монгольского мира.

Тюркская культура и ее наследие — это не только богатейший вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Это новые научные открытия. Главная задача Форума — интеллектуальный взрыв, интеллектуальная революция.

Наш университет, безусловно, является одним из ключевых игроков в образовательном пространстве Казахстана и за его пределами. Символично, что проект нацелен на достижение программных положений «Модернизации общественного сознания». В настоящее время в Казахстане идут процессы трансформации науки и образования, ориентированные на вхождение в мировое научно-образовательное пространство.

Проект закладывает основы новых совместных образовательных программ. Открывает возможности научных стажировок, летних школ, ориентированных на иностранных обучающихся. Запускает программы повышения квалификации преподавателей.

С удовольствием презентую наш журнал по направлению «Исторические науки». Третий номер — это результат проекта, совместное тематическое издание.

Приятно осознавать, что идея проекта соответствует духу Евразийской идеи, заложенной великим евразийцем Львом Гумилевым, имя которого носит наш университет.

Особую благодарность выражаем руководителю Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», президенту Алтайского государственного университета Сергею Валентиновичу Землюкову за реализацию масштабного проекта в деле сохранения и приумножения культурного достояния народов тюркско-монгольского мира.

Желаю всем участникам Форума плодотворной результативной работы, участникам проекта — успехов в достижении цели!

Приветствие ректора Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшата Рафкатовича Гафурова

Добрый день, уважаемые коллеги!

От имени Казанского федерального университета рад приветствовать вас на открытии II Международного алтаистического форума. Сегодня Казанский федеральный и Алтайский государственный университеты связывают давние дружеские и профессиональные связи, особенно они окрепли в последние годы. Наиболее активно идет развитие взаимоотношений в сфере изучения алтаистики и тюрко-татарской истории. Историко-археологические изыскания, проводимые учеными КФО и Алтайского университета на протяжении многих лет, включая комплексные междисциплинарные исследования, позволили собрать богатый археологический материал по истории и культуре тюркских народов, в том числе накопленные данные по вопросам письменного историко-культурного наследия нашего татарского народа. Кроме того, Казанский университет является членом Ассоциации азиатских вузов, формирующий единое образовательное пространство в Азиатском регионе.

Наш университет заинтересован в тесных интеграционных процессах в сфере высшего образования, расширении академической мобильности и культурных связей.

Казанский университет обладает уникальным опытом создания специализированных научно-образовательных центров в сфере археологических и историко-культурных исследований. Например, созданная нами и эффективно работающая международная полевая археологическая школа в г. Болгаре, в которой участвуют представители более 26 стран, может служить площадкой для расширения научных и образовательных связей между нашими организациями. В рамках международной школы молодых ученых возможна также организация тематического курса «Золото Алтая» по проблемам алтаистики и тюрко-татарской истории. Алтаистика — активно развивающаяся научная дисциплина, обращенная не только в прошлое, но и в будущее. Сегодня в нашем Казанском университете активно работает кафедра алтаистики и китаеведения, которая включает секции китайского и турецкого языков, Институт Конфуция, корейский центр, ассоциированный с Международной академией корееведения, и Центр японоведения. Раз в два года у нас проходит Международная научная конференция «Ковалевские чтения». В рамках Международной конференции «Россия — Китай» и форума «Актуальные вопросы преподавания китайского и восточных языков в XXI веке» выступали известные специалисты-алтаисты. Уверен, что такое сотрудничество имеет очень хорошие, блестящие, я бы сказал, перспективы. Желаю всем участникам Форума крепкого здоровья, продуктивной дискуссии, успехов в работе и всегда ждем вас, уважаемые коллеги, в Казани, в Казанском федеральном университете!

Приветствие ректора Российского университета дружбы народов Олега Александровича Ястребова

Приветствую участников II Международного алтаистического форума!

Важно создавать площадки, на которых можно объединить голос молодежи и взгляд экспертов, обсудить междисциплинарные вопросы от национальных традиций до проблем экологии, оперативно договориться о совместных проектах в области образования, науки, культуры. Алтаистический форум — как раз такая площадка. Именно здесь представители тюркских народов, всего Большого Алтая и Центральной Азии могут стать частью экспертного полилога и быть услышанными, понятыми. Объединение идей и опыта представителей разных национальностей близко миссии Российского университета дружбы народов.

Уверен, что на Форуме откроются важные ценности, которыми дорожит тюрко-монгольский мир!

Приветствие генерального секретаря Постоянной Международной Алтаистической конференции — РIAK Барбары Келлнер-Хайнкелле

Уважаемые ректоры Алтайского государственного университета
и Горно-Алтайского государственного университета!

Доброе утро, уважаемые коллеги, доброе утро, уважаемые студенты! Для меня особая честь — иметь возможность поприветствовать вас на торжественной церемонии открытия II алтаистического форума в Барнауле и Горно-Алтайске. Во время пандемии подготовка и проведение такой итоговой конференции с более чем двумястами участниками — это особо значимое достижение. Я думаю, что все уважаемые коллеги очень рады лично собраться в большом зале Алтайского государственного университета и представить свои доклады академическому сообществу. Обмениваясь результатами своих исследований при личном общении, вы противостояте всем тяготам пандемии COVID-19, которая длится уже очень долго, вы показываете, что академическая жизнь, научные исследования продолжаются и укрепляются, а все наши профессиональные научные устремления будут процветать, если мы все будем беречь свое здоровье и здоровье наших сограждан. Мы должны быть упорными в своей научной и академической деятельности. Этот форум проходит в центре региона, который дал название этим исследованиям — алтаистические исследования, или алтаистика. Я очень рада видеть, что Алтайский государственный университет и Горно-Алтайский государственный университет строят новый дом для алтаистических исследований или алтаистики, они демонстрируют это намерение, организуя II алтаистический форум. Алтаистика родилась из лингвистики, но с годами приобрела гораздо больше, гораздо более широкий спектр дисциплинарных подходов, и они практикуются во всем мире. И это очень хорошо. Наша практика успешна, алтаистические исследования расширяются благодаря такой академической реализации.

Позвольте пожелать всем вам успешной и плодотворной работы на конференции в рамках Второго алтаистического форума, приятного личного общения. Привезите домой ту интеллектуальную энергию, которую вы получите здесь.

Всего наилучшего, берегите себя! Спасибо!

**Приветствие генерального секретаря Ассамблеи народов Евразии
Андрея Юрьевича Бельянинова**

Уважаемые друзья!

От имени Ассамблеи народов Евразии я хочу поприветствовать всех участников этого Форума и пожелать вам успехов в этой работе. Ту тему, которая сегодня затрагивается на Форуме, очень трудно переоценить. Значению Алтая, алтайской культуры — очага нескольких цивилизаций в истории человечества, конечно, надо дать очень достойную оценку. И мне кажется, что мы еще до конца даже не понимаем, что это значит для всего человечества, для истории нашей планеты, нашей Земли. Такое количество народов вышло с Алтая, такое количество культуры вышло с этой территории и распространилось по всему миру, что необходимо по крупицам собирать знания об этих процессах. Я думаю, что это также может явиться задачами вашего Форума. У вас очень благородная задача. Я уверен, что Форум пройдет благополучно.

От всей души еще раз поздравляю вас! Желаю всего самого доброго. Ассамблея народов Евразии всегда с вами и всегда вместе во всех ваших проектах! Спасибо вам!

РАЗДЕЛ II. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Модераторы: **Бочаров Сергей Николаевич**, ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, профессор
Землюков Сергей Валентинович, президент Алтайского государственного университета, руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», доктор юридических наук, профессор

ПРОЕКТ «ТЮРКСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ»: НОВЫЙ ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

С.В. Землюков, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье представлены основные итоги работы Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» за 2020–2021 гг. Анализируются образовательная и научно-исследовательская работа сотрудников Центра, деятельность в сфере расширения взаимодействия научно-экспертного сообщества, создания медиаплатформы «Большой Алтай», развития научных коммуникаций в среде молодежного тюркологического сообщества.

THE PROJECT "THE TURKIC WORLD OF THE GREATER ALTAI: UNITY AND DIVERSITY IN HISTORY AND MODERNITY": A NEW FORMAT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COOPERATION

S.V. Zemlyukov, S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article presents the main results of the work of the Scientific and Educational Center of Altaic Studies and Turkology "Greater Altai" for 2020-2021. The article analyzes the educational and research work of the Center's staff, activities in the field of expanding the interaction of the scientific and expert community, the creation of the media platform "Greater Altai", the development of scientific communications among the youth Turkological community.

Народы алтайской языковой семьи занимают огромную территорию Евразии от Ближнего Востока и Восточной Европы до Северо-Востока Сибири и Китая, наиболее плотно они проживают в Центрально-Азиатском регионе. Особенность данных народов заключается в сохранении и воспроизводстве традиционной культуры, образа жизни, социально-правовых отношений, что является предметом изучения в рамках таких научных направлений, как тюркология и алтаистика. В последнее десятилетие эти направления вызывают особый научный интерес в силу их неисчерпаемости и актуальности и для анализа прошлого, настоящего, и прогнозирования будущего.

Большой Алтай — трансграничный макрорегион на стыке границ России, Казахстана, Китая и Монголии — играет особую историческую и культурно-цивилизационную роль в центральноазиатском пространстве как колыбель народов алтайской языковой семьи, исторический центр тюрко-монгольского мира, прародина тюркских народов. Современные социально-экономические и политические процессы, протекающие в странах Центральной Азии, уходят корнями в историческое прошлое, без научного изучения которого любые попытки понять их обречены на провал.

В период обретения суверенитета, в 90-х гг. XX в. — начала 2000-х, каждое центральноазиатское государство сосредоточилось на решении внутренних социально-экономических проблем, схожие тенденции наблюдались и в исторической науке, которая стала «замыкаться» в рамках государственных границ. Сегодня приходит осознание необходимости объединения и кооперации в науке. Безусловным объединяющим фактором выступает общее историко-культурное наследие народов

Большого Алтая. Важность объединения научного сообщества обусловлена самой логикой развития исторической науки, развитием информационных технологий. Только совместными усилиями ученых стран Центральной Азии возможно прийти к построению адекватной концепции исторического развития тюркских народов. В мировой науке сложились научные центры по изучению тюркологии и алтаистики, которые функционируют в рамках академической и вузовской науки в странах Северной Америки, Европы, Азии и даже Австралии. На постоянной основе проводятся международные форумы со штаб-квартирами в Германии, США, Японии, Турции и других странах. В этом отношении Алтайский государственный университет — идеальная площадка для такой кооперации, притягательный центр координации совместной деятельности. Учеными АлтГУ был накоплен большой опыт по изучению различных аспектов археологии и истории тюркских народов. Кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского университета и Институтом археологии и этнографии СО РАН был реализован большой мегапроект по изучению древней и средневековой истории Алтая и Западной Сибири. Написаны и изданы десятки научных книг и сотни статей. С некоторыми из них участники могли познакомиться на выставке нашего Форума в фойе. Неслучайно, что именно на базе нашего университета в конце 2020 г. был создан Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай».

Основная цель деятельности Центра — разработка и реализация международных комплексных научно-исследовательских программ в области тюркологии и алтаистики в границах Большого Алтая, объединении ученых разных стран для совместных исследований, публикаций, монографий и экспедиций.

В настоящее время выстраиваются три основных направления деятельности Центра: научный, образовательный и информационный.

В рамках НОЦа собран международный эффективный научный коллектив, состоящий из 58 ученых, в том числе ведущих тюркологов из 22 российских и 13 зарубежных университетов и академических центров, представляющих пять стран Центрально-Азиатского региона: России, Монголии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Китая.

В настоящее время научно-исследовательская работа организована в рамках шести проектных групп, во главе которых стоят ведущие специалисты-эксперты в области тюркологии и алтаистики:

1. Проектная группа «Комплексные историко-археологические исследования процессов формирования и эволюции общности тюрко-монгольских народов Большого Алтая», рук. д.и.н., доцент *Николай Николаевич Серегин*.

2. Проектная группа «Тюрко-монгольский мир: этнополитические, межгосударственные и межнациональные процессы в исторической динамике и на современном этапе», рук. д.и.н., проф. *Юлия Александровна Лысенко*, ректор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек) *К.Ж. Садыков*.

3. Проектная группа «Комплексные этнографические и этнокультурологические исследования общности тюрко-монгольских народов Большого Алтая», рук. проф. *Лариса Ивановна Нехвядович*, д.и.н., профессор Кыргызского государственного университета имени Арабаева *Жанерке Наурызбаевна Шайгозова*.

4. Проектная группа «Комплексный анализ политико-правовых систем и этнополитических процессов в тюрко-монгольском мире Большого Алтая в исторической ретроспективе и на современном этапе», рук. д.ю.н., проф. *Антон Александрович Васильев*, д.ю.н., проф. ЕНУ *Жамаладен Ибрагимович Ибрагимов*.

5. Проектная группа «Пространственный анализ и моделирование природных и социально-экономических процессов устойчивого развития регионов Большого Алтая», рук. д.г.н., проф. *Александр Николаевич Дунец*, PhD, ведущий научный сотрудник лаборатории цифровых технологий и моделирования Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова *Алия Багдатовна Нугуманова*.

6. Проектная группа «Тюрко-монгольский мир в медиaprостранстве Большого Алтая», рук. *А.В. Ковалева*, д.и.н., проф. КРСУ *Джунушалиева Гульмира Дженишевна*.

Научными коллективами за неполный отчетный год была проделана большая работа по систематизации, анализу и обобщению имеющихся археологических и исторических источников по различным этапам истории тюркских народов. Хронологические рамки исследований охватили период от ранней истории и начальной эволюции общности тюрков в 1 тыс. н.э. до формирования современных тюркских народов. Исследования охватывают такие отрасли научного знания, как археология, этнография, музеология, история, география, право, *межконфессиональные отношения, современное медиaprостранство Большого Алтая*.

Отдельные положения концепции и научные разработки уже нашли отражение в научных статьях ученых НОЦа. В рамках проекта уже опубликовано 30 статей, в том числе 7 — в высокорейтинговых журналах. Проведено 4 международных экспертно-аналитических сессии и семинара, а также одна международная конференция. Итогом совместной научной деятельности ученых разных стран в рамках проекта станет многотомное издание «Историческая летопись «тюркского мира» «Большого Алтая». В настоящее время идет подготовка 1 тома «Тюркский мир в период средневековья: исторические, политико-правовые, этнокультурные и социальные процессы» VI–XII вв.». Авторами тома выступают ученые из стран Центральной Азии, в нем найдут отражения такие темы, как природно-географическая характеристика Большого Алтая и историография тюркского этноса; проблема происхождения тюркского этноса и его культуры; история Тюркских каганатов; социальная структура, государство и право тюркских государств в эпоху Тюркских каганатов; тюркский этнос в этнополитических образованиях после распада каганатов.

Необходимо осуществить реконструкцию процессов этно- и культурогенеза кочевых социумов Алтая и сопредельных регионов в предтюркский, тюркский и монгольский периоды, а также в Новое время. Для реализации данной задачи предполагается осуществление комплексных полевых исследований на ряде базовых археологических памятников Алтая и сопредельных территорий для получения новых материалов и их анализа современными естественно-научными методами; проведение этнографических экспедиций в районы проживания современных народов тюрко-монгольской группы; изучение и обобщение уже введенных в научный оборот исторических источников (археологических, письменных, изобразительных и др.).

Важными направлениями является изучение основных миграционных потоков и результатов взаимодействия народов, механизмов адаптации этнических групп в изменявшихся природно-климатических условиях средневекового периода евразийских степных пространств. Для реализации данной задачи будут применяться методы радиоуглеродного датирования серии археологических образцов; палеогенетические исследования; археозоологический, изотопный и другие анализы костей животных; рентгенофлюоресцентный анализ средневековых изделий из цветных металлов и др.

Для определения роли межэтнических процессов в этно- и культурогенезе тюрко-монгольских народов в Средневековье и Новое время предполагается использование археологических данных, а также письменных источников — сибирских летописей, архивных материалов, отложившихся в Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном государственном архиве Республики Казахстан и др.

Актуальная задача современных научных исследований — выявление тенденций и особенностей эволюции религиозного сознания народов тюрко-монгольского мира. Эта задача потребует привлечения материалов этнографических экспедиций, а также источников эпистолярного наследия — дневников разных путешественников XIV–XIX вв., чиновников Российской империи, исследователей степной зоны Евразии.

Несомненно актуальным направлением является анализ межнациональных отношений и интеграционных процессов в тюрко-монгольском мире на современном этапе. Реализация исследовательской задачи потребует мониторинга СМИ, интернет-ресурсов функционирующих на современном этапе тюркологических и монголоведческих научно-исследовательских и образовательных центров, общественных организаций в России и за рубежом.

Ведется работа по созданию баз данных по ведущим современным тюркологическим центрам и персоналиям ученых-тюркологов мира. В настоящее время база исследователей и научных центров по тюркологии включает в себя свыше 180 исследователей и 100 научных центров со всего мира. В ней представлены ученые и научные центры из 24 стран мира. В базе содержится информация об аффилиации, круге интересов, основных публикациях и контактных данных исследователей, взятая из открытых источников.

Еще одним важным направлением научной деятельности Центра стала подготовка и проведение международных научных экспедиций. Буквально пару дней назад закончила свою работу уникальная в современной истории науки международная этнографическая экспедиция «Большой Алтай», о кратких итогах работы которой будет отдельный доклад на Форуме. В нашем докладе отметим только, что в экспедиции приняли участие 20 сотрудников, из которых 5 докторов наук, 13 кандидатов из 14 ведущих университетов и научных институтов стран Центральной Азии. Участниками этнографической экспедиции по итогам работ будет подготовлена коллективная монографическая работа «Кыргызско-алтайские этногенетические и этнокультурные связи».

Коллектив НОЦа продолжит проведение полевых комплексных научных экспедиций. В следующем году планируется организация Международной археологической экспедиции, программа которой разрабатывается в настоящее время.

С целью актуализации научных исследований, популяризации культурного наследия, создания доступной для широкой научной аудитории среды в рамках НОЦа реализуется крупный проект по созданию виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков». Этой теме будет посвящен отдельный доклад на Форуме. Основной раздел виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков» объединит визуальные образы в виде 3D-моделей ключевых музейных экспонатов искусства и материальной культуры, а также памятники предтюркского и тюркского времени из музеев стран Большого Алтая.

Научная тематика НОЦа неразрывно связана с генеральной целью нашей деятельности — создание концепции историко-культурной общности славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии. Основным фундаментом концепции должны стать следующие положения:

- формирование целостного представления об историко-культурном взаимодействии славянских и тюркских народов России и государств Большого Алтая;
- особая историческая и культурно-цивилизационная роль славянских и тюркских народов в Евразийском пространстве Большого Алтая как исторический центр тюрко-славянского мира;
- фактор общей исторической судьбы славянских и тюркских народов России и стран «Большого Алтая» является значимым ресурсом сближения и интеграции в стратегически важном трансграничном регионе Центральной Азии и усиления роли России как центрального звена данной интеграции.

Концепция призвана противостоять общим угрозам, связанным с распространением религиозного и национального экстремизма, идеологии пантюркизма и панмонголоизма, политически ангажированных и искаженных трактовок событий общей истории. Концепция является важным условием развития двустороннего и многостороннего международного сотрудничества, взаимовыгодно, равноправного и уважительного партнерства.

Центр уделяет большое внимание подготовке молодых специалистов-тюркологов.

На I Международном научном молодежном форуме «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая», который собрал 70 молодых ученых из 11 вузов России, Казахстана и Кыргызской Республики, было принято важное решение о создании постоянно действующей площадки — Международной Школы молодых ученых — тюркологов, алтаистов и монголоведов.

Заявки на участие в первой сессии Школы молодых тюркологов и алтаистов подали около 100 магистрантов, аспирантов и молодых ученых-тюркологов, представляющих учебные заведения и учреждения России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Венгрии.

Вторая научно-образовательная сессия Международной школы молодых ученых-тюркологов и алтаистов 18–19 марта 2021 г. собрала 65 участников. Программа научно-образовательной сессии включает в себя 9 лекций ведущих экспертов-ученых России, Казахстана и Киргизии, посвященных актуальным вопросам развития тюрко-монгольского мира, археологии тюркского периода, этнографии и истории тюркских народов.

9–13 августа 2021 г. проведена Международная летняя школа молодых ученых «Экология, история и туризм Большого Алтая». Участниками стали более 50 студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых из России, Кыргызской Республики и Республики Казахстан. В течение пяти дней участники слушают лекции известных ученых, общаются и обмениваются опытом.

Общие вызовы развития образовательного пространства требуют более активной интеграции образовательных проектов университетов наших стран, именно поэтому образовательная часть проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» стала актуальной и востребованной вузами России, Казахстана и Кыргызстана.

В рамках Кейса образовательного блока:

- совместно разработанные и реализуемые с 2021 г. 5 международных междисциплинарных магистерских программ, созданные по направлениям и результатам научной деятельности НОЦа;
- программы ДПО с использованием материалов научной части проекта;
- методические, в том числе онлайн-рекомендации учителям школ стран Большого Алтая по дисциплинам регионоведческой направленности в рамках довузовской подготовки школьников для развития национальных культур и национальных традиций народов Большого Алтая.

Дальнейшее свое развитие университет видит как международный образовательный центр БА и ЦА, формирующий интеллектуальный потенциал трансграничного региона за счет подготовки по междисциплинарным образовательным программам с широким спектром исследовательских

и цифровых компетенций, расширения образования и научно-образовательных проектов на основе сетевого взаимодействия с вузами стран Большого Алтая.

Деятельность по медийному сопровождению проекта осуществляет информационный центр НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» в тесном взаимодействии с вузами-участниками проекта из России, Казахстана, Кыргызстана. Цель информационного сопровождения проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» — продвижение в медиапространство стран Большого Алтая идеи интеграции и сохранения богатейшего историко-культурного наследия народов Большого Алтая, развития международных научных, образовательных и культурных связей.

Деятельность по проекту «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая» освещают не только вузы-участники проекта, но и официальные порталы государственных, муниципальных органов власти и учреждений; зарубежные информационно-аналитические сайты (Портал «Полит-Азия» — Казахстан); российские аналитические и специализированные сайты (Центр геополитических исследований «Берлек-Единство», сайт Большая Азия и др.), сайты ведущих научных учреждений, социальные сети.

Интерес к данной тематике приводит к расширению географии и количества участников информационного партнерства, усилению репутационного капитала партнеров. Формируется международная информационная сеть, перспективные задачи которой определяются следующим образом: разработка единой методики исследования медиапространства, оперативный обмен новостными поводами по тематике алтаистики и тюркологии; совместное освещение мероприятий научно-образовательного, культурного и просветительского характера; обсуждение и обмен мнениями относительно ключевых событий, происходящих в странах Большого Алтая, популяризация результатов исследований в области алтаистики и тюркологии среди широких слоев населения стран Большого Алтая.

Таким образом, Научно-образовательный центр за неполный год своего существования продемонстрировал свою эффективность, превратился в сплоченный коллектив единомышленников, профессионалов своего дела. Достигнутые научные результаты позволяют нам с оптимизмом смотреть в будущее.

Приглашаем всех ученых-коллег, занимающихся исследованиям в области тюркологии и алтаистики к сотрудничеству. Коллектив Центра желает коллегам плодотворной и успешной работы на площадках II Международного форума. Благодарим за внимание!

Сведения об авторах:

Землюков Сергей Валентинович, доктор юридических наук, профессор, руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», президент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rector@asu.ru

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: gsp142@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО МИРА

В.В. Трепавлов

Институт российской истории РАН, г. Москва (Россия)

Смена большинства известных кочевых империй происходила в условиях, когда этнический состав и культурный облик кочевого населения принципиально не менялся. Представляется, что за последние две тысячи лет радикальные изменения в степном мире Евразии происходили лишь считанное количество раз. В политическом развитии евразийских степей, похоже, действовала некая матрица, маятниковое движение от разрозненных кочевых общин к трансконтинентальным империям и обратно. Периодически возникала тенденция к объединению кочевого мира. Монгольская империя завершила историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения кочевников, который периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Во всех этих исторических коллизиях были задействованы народы, населяющие Алтай, который занимал видное место в сакральной географии кочевников Евразии.

FEATURES OF THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE TURKIC-MONGOLIAN WORLD

V.V. Trepavlov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

The alternation of most famous nomadic empires took place in conditions when the ethnic composition and cultural appearance of the nomadic population did not fundamentally change. It seems that over the past two thousand

years, radical changes in the steppe world of Eurasia have occurred only a few times. In the political development of the Eurasian steppes, probably, there was a certain matrix, a pendulum movement from disparate nomadic communities to transcontinental empires and vice versa. There was a periodic tendency to unite the nomadic world. The Mongol Empire completed the history of the great nomadic powers, perfected the mechanism of unification of nomads, which was periodically launched for a millennium and a half. In all these historical twists and turns, the peoples inhabiting Altai were involved. The Altai region occupied a prominent place in the sacred geography of the nomads of Eurasia.

Степной пояс Евразии — это особая страна со специфической природой, с особенностями климата, растительности и животного мира. Она издавна была освоена кочевыми скотоводами. Племена и народы кочевников сменяли друг друга на протяжении столетий. Некоторые из них обосновывались здесь надолго и образовывали политические объединения (каганыты). Другие проходили сквозь степные пространства в поисках лучших пастбищ или жертв для набегов. Чаще всего массовые миграции кочевников происходили с востока на запад. Периодически десятки и сотни всадников в сопровождении огромных стад, отар, табунов, кибиток с семьями, караванов вьючных верблюдов устремлялись из глубин Центральной Азии в Восточную Европу, переправлялись через Иртыш, Урал, Волгу, Дон... То и дело с востока накатывалась очередная лавина всадников. На протяжении двух с половиной тысячелетий через так называемые Ворота народов (пространство между Каспием и южными отрогами Уральских гор) прошли сарматы, гунны, болгары, авары, древние тюрки, печенеги, кипчаки, монголы, калмыки.

Со страхом и подозрением окрестные народы следили за такими передвижениями, справедливо опасаясь появления новых противников на своих границах. Кочевники интересовали наблюдателей из соседних государств, прежде всего, как опасная военная сила, которую, впрочем, при умелой дипломатии можно было обратить себе на пользу. Страна, которую населяли эти беспокойные соседи, в географических описаниях и исторических хрониках зачастую получала название по самому сильному или самому известному народу. В разное время евразийские степи именовались, например, у мусульманских писателей Мафазат ал-гузз (араб. «Пустыня огузов») и Дешт-и Хазар (перс. «Хазарская степь»). В XI в. на страницах трактатов и путеводителей появляется обозначение Дешт-и Кипчак («Кипчакская степь»).

В науке твердо установилось деление исторического развития кочевников Восточной Евразии на периоды кочевых империй. Во многом здесь сказалась особенность источников. Исследователи раннего Средневековья опираются по большей части на китайские династийные хроники. А в них история традиционно делится на эпохи царств и династий (по аналогии с самим Китаем). Мы не можем отрицать познавательную ценность этих текстов. Однако при подобной жесткой градации непрерывность исторического развития ускользает от научного наблюдения и анализа.

Очевидно, что смена большинства известных кочевых империй — от Хуннской до Монгольской — происходила в условиях, когда этнический состав и культурный облик кочевого населения принципиально не менялся. Просто китайские и мусульманские наблюдатели давали этому населению названия по имени самого могущественного, господствующего в данный момент народа. На самом деле представляется, что за последние две тысячи лет радикальные изменения в степном мире Евразии происходили лишь считаное количество раз: уход с исторической арены древнего ираноязычного населения и тюркизация Степи в эпоху Великого переселения народов; монгольские завоевания; поглощение большей части Степи Российским государством.

В политическом развитии евразийских степей, похоже, действовала некая матрица, маятниковое движение от разрозненных кочевых общин к трансконтинентальным империям и обратно. Периодически возникала тенденция к объединению кочевого мира. Она парадоксально сочеталась с неизбежностью института атомизированных мелких кочевых коллективов, которые вели автономное скотоводческое хозяйство.

Мы можем видеть однотипные примеры вырастания кочевых улусов в могущественные степные державы, которые впоследствии распались и возвращались к исходной стадии кочевого улуса. В критические моменты своего исторического развития кочевники возвращались к тем нормам общественной и хозяйственной жизни, которые составляли своего рода матрицу их общественного бытия, т.е. были привычны, традиционны и освящены опытом предыдущих поколений. Можно догадываться, что в организации степного улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий.

Монгольская империя завершила историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения кочевников, который периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Наиболее ярко эта политика проявилась на начальном этапе существования Еке Монгол Улуса, когда реализовывался выдвинутый Чингисханом лозунг объединения «народов, жи-

вущих за войлочными стенами» [3, с. 168; 5, с. 70-90]. Процесс их «собираения» в империи был гораздо сложнее, чем просто завоевание, т.е. насильственное принуждение к покорности.

Тенденция к объединению Степи после Монгольской империи угасла вместе с уходом кочевничества с мировой исторической арены. Как и после Тюркского каганата, на месте империи образовалось несколько наследных государств. Но в целом произошла явная деградация государственных структур, «мятник» вновь пошел в сторону стадии разрозненных кочевых общин.

Правда, некоторое подобие интеграции намечилось в XVII в. Ойраты вышли за пределы своего исторического ареала и предприняли далекие миграции, сопровождая их завоевательными кампаниями против казахов, узбеков и ногаев. Но эти предприятия не имели целью создание очередного евразийского «Вечного эля» или «Великого улуса». Да это было уже и невозможно. В ситуации, когда восточным ойратам (джунгарам) пришлось отбиваться от Цинов, а западным ойратам (калмыкам) — налаживать отношения с Московским государством, да еще при постоянных конфликтах среди ойратской знати и при отсутствии общепризнанного харизматического лидера, эта последняя вспышка объединительной тенденции не смогла обрести законченную форму.

Во всех этих исторических коллизиях были задействованы народы, населяющие Алтай. Этот регион не просто являлся одной из провинций в составе чередовавшихся кочевых империй. В истории наблюдается стабильный набор сакральных локусов среди разноплеменного населения. Для кочевого мира Евразии особое значение имели долина реки Орхон в Монголии, Семиречье в современном Южном Казахстане и берега Нижней Волги. Кроме того, кочевники испытывали особый пиетет перед «Щедрым пастбищем» *Сыр бойы* — местностью вдоль Сырдарьи. В том регионе находились, в частности, города Туркестан (мусульманская святыня) и Сыгнак («гавань Кипчакской степи», по выражению А.Ю. Якубовского [7, с. 135]). Приблизительный перечень средневековых сакральных центров степного пояса Евразии пока выстраивается такой: берега Ана-Идель (Матери-Волги) с ключевыми локусами — Булгаром на севере и Сарайской агломерацией в низовьях; яицкий курук (священный заповедник); улутауский курук; реки Яик и Сырдарья [4, с. 171-180].

К этому же ряду вполне можно отнести и Большой Алтай. В свое время племена Алтайской горной страны составили ядро первого Тюркского каганата. Именно алтайские тюрки в середине VI в. вышли из горных долин и степных предгорий и разгромом жужаней положили начало державе рода Ашина. Именно эта местность считалась личными, заповедными землями, священной прародительной тюркской правящей династии. Оккупацию Алтая, кочевий телесов и найманов, войсками Чингисхана в самом начале строительства Монгольской империи возможно трактовать как занятие традиционного каганского домена. При этом данный регион не воспринимался монголами как чуждые, завоеванные земли. Он имел в империи статус «внутренней территории» (официальный термин из той эпохи). Хотя доменом «золотого рода» Чингисидов оставалась, конечно, Монголия.

Дальнейшая судьба Алтая подтверждается его особым положением. Если старшие царевичи Джучи и Чагатай получили от отца громадные уделы с обширными пастбищами, богатыми городами, оживленной торговлей, а младший, Толуй, унаследовал родные монгольские степи, то наследнику престола Угедэю Чингисхан выделил сравнительно небольшой и бедный Алтайский регион. А ведь Угедэй как сын от главной ханши мог бы рассчитывать на большую долю. Полагаю, что отдача Алтая в управление будущему всемонгольскому императору-каану может трактоваться как символическая демонстрация восприятия Чингисханом древнетюркского наследия. Ведь, как передает византийский хронист Феофилакт Симокатта, и «у тюрков был закон предоставлять Золотую гору (т.е. Алтай. — В.Т.) в распоряжение главного кагана» [6, с. 161]. Как только Угедэй вступил в 1229 г. на престол, его удел автоматически вошел в Коренной юрт империи, где и превратился во «внутреннюю территорию», домен [1, с. 200]. Современники заметили особое значение Алтая для правящего рода империи. Марко Поло писал о захоронениях Чингисхана и других монгольских императоров «в большой горе Алтай» [2, с. 87, 88, 274]. Хоронили их все же, надо полагать, на родине, в Монголии, но здесь важно впечатление о символическом статусе Алтайского региона, вынесенное итальянским автором.

Кстати, со времени Марко Поло Алтай занял заметное место в европейской географии и до конца XVII в. часто отмечался на картах именно как легендарное место императорского некрополя монголов («тартар»).

Подобная «геополитическая» репутация Алтая соседствует с его локальной сакрализацией местным коренным населением, которая фиксируется в фольклоре вплоть до так называемой этнографической современности («родной Алтай», «богатый Алтай», «свой Алтай» и т.п.). Вообще алтайский героический эпос является ценным источником для выяснения закономерностей политогенеза и ранней государственности в кочевом мире. Многие основополагающие моменты в сфере социальной регуляции сходны или близки в эпическом образе алтайского улуса и в политических образова-

ниях, зафиксированных в истории. Все это позволяет видеть в Алтае знаковое явление в тысячелетней истории Евразии, необходимый компонент культуры и мировоззрения тюркских и монгольских народов.

В 1730 г. Ф. Страленберг ввел в науку понятие «алтайская языковая семья». Выбор Алтая в качестве обозначения для огромного сообщества родственных народов был символическим. Едва ли сам шведский ученый знал и задумывался об этом, но присутствие Большого Алтая в истории Евразии действительно очень заметно и символично, а для некоторых народов, в том числе для создателей империй, он был сакральным средоточием благотворных божественных сил и символом древних традиций мироустройства, завещанных предками.

Литература

1. Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Т. 3. — Новосибирск, 1975. — С. 196-202.
2. Книга Марко Поло. — М., 1955.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М.; Л., 1941.
4. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. — Казань, 2011.
5. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. — М., 2015.
6. Феофилакт Симокатта. История. — М., 1957.
7. Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. — Т. II. — Л., 1929.

Сведения об авторе:

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Россия). E-mail: trepavlov@yandex.ru

ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Ю.С. Худяков^{1,2}, А.Ю. Борисенко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

²Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В данной статье представлены материалы, относящиеся к периоду существования Западного Тюркского каганата. К этому времени относится большая часть памятников древнетюркской культуры, обнаруженных на территории Кыргызстана, Казахстана и Восточного Туркестана. Рассматриваются основные события истории западных тюрков от возникновения каганата до образования государства тюркшей, т.е. с VI до начала VIII в. н.э. Привлечены сведения письменных исторических источников по истории западно-тюркской государственности. Кратко охарактеризованы особенности культуры западных тюрков. Проанализированы особенности погребальной обрядности, включая обряд захоронения в сопровождении верхового коня, и поминальная традиция сооружения каменных оградок и установки изваяний, передающих внешний облик и характерные детали традиционного костюма, как мужчин, так и женщин. На территории Западного Тюркского каганата не встречаются поминальные комплексы древнетюркской знати. Это является одной из особенностей поминальной обрядности культуры западных тюрков.

WESTERN TURKIC KHAGANATE: HISTORY AND PROBLEMS OF STUDYING Yu.S. Khudjakov^{1,2}, A.Yu. Borisenko²

¹Institute archaeology and ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

²Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

It is represented in an article the materials, related to period of existence of Western Turkic Khaganate. Most of monuments of the Old Turkic culture, discovered in the territory of Kyrgyzstan, Kazakhstan and Eastern Turkestan, are referred to that period. It is considered the primary events of Western Turks history from occurrence of the Khaganate to formation of the Türgesh state, i.e. from the 6th century till the beginning of the 8th century A.D. It is involved the data of written historical sources on history of Western Turkic statehood. It is briefly characterized the peculiarities of the Western Turkic culture. It is analyzed the specificities of funerary ritualism, including the burial rite accompanied by supreme courser, and memorial tradition of constructing of stone fences and installation of statues, transmitting appearance and characteristic elements of traditional costume either male, or female one. It is not occurred the memorial

complexes of the Old Turkic nobility in the territory of Western Turkic Khaganate. It is one of the peculiarities of memorial ritualism of the Old Turkic culture.

После разделения единой тюркской государственности на территории его западных и южных районов, входивших ранее в состав западного крыла Первого Тюркского каганата, образовалось самостоятельное кочевое государство — Западный Тюркский каганат, которое называлось Он Ок Эли — «государство десяти стрел». Все взрослое, мужское, кочевое население этого государства составляло — Он Ок Будун — «народ десяти стрел» [3, с. 226]. Территория Западного Тюркского каганата включала земли, входившие ранее в состав западного крыла Первого Тюркского каганата. Это кочевое государство также подразделялась на два крыла: дулу и нушиби, каждое из которых формировало и включало по пять десятитысячных отрядов воинов. Подразделение дулу представляло собой восточное крыло, а нушиби — западное крыло кочевого войска, сформированного на основе «народа десяти стрел». Каждая «стрела» представляла собой военно-административное подразделение, насчитывающее десять тысяч конных воинов. Власть Западного Тюркского кагана распространялась на некоторые телесские кочевые племена, обитавшие на территории западных районов Центрально-Азиатского региона [8, с. 36]. Правители западных тюрков распространяли свою власть и на оседлое городское и земледельческое, преимущественно, согдийское население оазисов Средней Азии.

В сводке сведений о западных тюрках из китайских источников, переведенных Н.Я. Бичуриным, утверждается, что первым каганом западных тюрков был Або-хан «Далобянь, сын Мугань-ханов», который «поссорился с Шаболио и поэтому разделились на два Дома» [1, с. 284]. Если принять такое определение, то получится, что раздел единого Первого Тюркского каганата произошел еще на рубеже VI в. н.э. Однако поскольку в последующий период древними тюрками неоднократно предпринимались попытки восстановления единой тюркской государственности, большая часть современных исследователей считают, что первым правителем, который отделил Западный Тюркский каганат в самостоятельное государственное образование, был Нигю Чуло-хан Дамань [1, с. 284]. Он не имел «постоянного местопребывания», а жил на земле, на которой раньше, в прошлом, проживали усунь. Мать этого кагана, «природная китаянка» Сян-шы, после смерти своего сына вернулась в Китай. Каган Чуло-хан вел войну с телесцами, которые нанесли ему поражение. Он согласился признать себя вассалом Китая [1, с. 285–286]. В своем государстве каган Чуло-хан «поставил двух малых ханов и дал им в управление части своего ханства. Один из них жил в Шиго на севере и управлял всеми тюркскими княжествами; другой жил от Кучи на севере». Из чиновников в Западном Тюркском каганате были выделены администраторы с титулами «Сыфаян и Хунда», которые «управляли государственными делами». Остальные администраторы были «те же, что и в восточных владениях» бывшего Первого Тюркского каганата [1, с. 285]. Вероятно, это было традиционное разделение каганата на два крыла — западное и восточное. Вполне вероятно, что особые чиновники потребовались в Западном Тюркском каганате для того, чтобы управлять оседлым земледельческим и городским населением, которое проживало в оазисах Средней Азии и на территории современного Синьцзяна.

В дальнейшем, к власти в Западном Тюркском каганате пришли Шегуй-хан и затем после него его младший брат Тун Шеху-хан, который, по сведениям источников, отличался храбростью и сообразительностью. По свидетельству китайских современников, он создал довольно боеспособную и многочисленную армию, насчитывающую несколько сот тысяч воинов. В результате успешных военных действий ему удалось подчинить некоторые телесские кочевые племена, в результате чего он распространил свою власть на «весь западный край» [1, с. 289]. В противостоянии с восточными тюрками Тун Шеху-хан готов был заключить союз с Китайской империей, для чего он отправил в Китай одного из своих приближенных с богатыми дарами, включая драгоценный «венец, осыпанный дорогими камнями, золотой пояс и 5000 лошадей» [1, с. 289]. По свидетельству китайских источников, некоторые владения Западного крыла подчинились Тун Шеху-хану и в «каждое он отправил своего дутуня наблюдать за управлением, взимать подати» [6, с. 191]. Однако заключить брачный союз с китайской принцессой ему не удалось. Многие западные тюрки были недовольны политикой своего западного тюркского кагана, поэтому они от него «отложились». В окружении кагана созрел заговор, и его родственник Мохэду убил западного тюркского кагана и сам захватил власть в Западном Тюркском каганате [1, с. 289–290].

В качестве основных направлений внешней политики правителей Западного Тюркского каганата было противоборство с правителями Восточного Тюркского каганата и установление дипломатических с китайской империей. Несмотря на все сложности, периоды правления каганов Шегуй-хана и сменившего его Тун Шеху-хана в Западном Тюркском каганате, С.Г. Кляшторный считает време-

нем расцвета Западного Тюркского каганата. По свидетельству источников, «никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [5, с. 22]. Во время правления Тун Шеху-хана некоторые тюркские правители воцарились в качестве правящих в ряде областей Средней Азии и Тохаристана. Среди некоторой части представителей местной согдийской знати получила известное распространение мода на тюркские обычаи, одежду и прически [3, с. 227]. По мнению Л.Н. Гумилева, Тун Шеху-хан во главе своих войск совершал военные походы в Закавказье. Он удерживал под своим контролем кочевников, населявших степи Восточной Европы [2, с. 159]. Наиболее значительное влияние со стороны древних тюрков отмечено на согдийцев в области развития вооружения и воинского снаряжения [7, с. 103–109]. Однако частые войны и постоянные налоговые поборы способствовали росту недовольства среди подданных Тун Шеху-хана. Этот правитель, «полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились» [1, с. 290]. В результате, воспользовавшись недовольством широких групп населения, один из родственников кагана Кюйли Сыби-хан Мохэду убил правителя и захватил каганский престол.

В результате острого противоборства различных группировок тюркской знати Западный Тюркский каганат «пришел в великое бессилие». Захвативший престол Мохэду «бежал к Алтайским горам», где был убит [1, с. 290]. Ожесточенная борьба за власть между разными группировками правящей элиты продолжилась, что привело к значительному ослаблению государственности у западных тюрков.

Главная ставка Западного Тюркского каганата в период правления Тон ябгу-кагана находилась в «урочище Цянь-цюань», что означает «Тысяча ключей» [6, с. 191]. Это урочище находится на территории Синцзяна. По мнению С.Г. Кляшторного, у Тун Шеху-хана зимняя ставка находилась в г. Суяб в долине р. Чу в Семиречье, а его летняя ставка располагалась в Минг-Булаке, поблизости от г. Испиджаба [5, с. 22].

Прежде, когда к власти в Западном Тюркском каганате при поддержке китайцев пришел Шегуй-хан, он «взял земли» от Алтая на востоке до моря на западе и тем самым «сравнился» с «северными» тюрками [6, с. 191]. Вероятно, в данном случае правитель Западного Тюркского каганата смог подчинить себе кочевое население, обитавшее в пределах бывшего западного крыла Первого Тюркского каганата. Периоды правления Шегуя и Тун Шеху-хана некоторые исследователи связывали со временем расцвета государственности западных тюрков [5, с. 22]. В течение времени своего правления Тун Шеху-хан пытался найти внешнюю поддержку и заключить династийный союз с правителем Китая, во главе которого была могущественная династия Тан.

Согласно трактовке С.Г. Кляшторного, в начале 630-х гг. Западный Тюркский каганат утратил свои владения в Средней Азии, находившиеся на землях, расположенных западнее от р. Сырдарьи, и оказался в затажном внутривосточном кризисе.

Ослабление западных тюрков совпало с развитием экспансии китайской империи Тан в Центральную Азию. В 640 г. китайцы подчинили своей власти владение Гаочан, или Турфан, создав на территории современного Синцзяна свое китайское наместничество Аньси [3, с. 236]. В 656 г. в регион Притяньшанья совершила свой поход армия империи Тан. В сражении на р. Или, несмотря на свое значительное численное превосходство, войско западных тюрков потерпело поражение [1, с. 297]. Захваченный в плен западный тюркский каган Ашина Хэлу был отправлен в Китай. Там он был прощен императором, однако при этом лишен каганского достоинства. На землях каганата были созданы танские наместничества, во главе которых были поставлены тюркские князья, перешедшие на службу к китайскому императору. Они постоянно интриговали друг против друга в надежде подчинить себе все десять племен западных тюрков [8, с. 40]. Однако все последующие попытки восстановления Западного тюркского каганата не удались.

В течение исторического периода существования Западного Тюркского каганата произошла определенная консолидация тюркских кочевых племен, населявших районы Тянь-Шаня и Семиречья.

Ко времени существования Западного тюркского каганата относится большая часть археологических памятников древнетюркской культуры, обнаруженных и изученных на территориях современных государств этого региона. Они изучены в Кыргызстане, Казахстане, Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Погребальные и поминальные комплексы западных тюрков имеют определенные отличия от подобных археологических памятников восточных тюрков.

Существенным фактором, значительно повлиявшим на этнокультурогенез западных тюркских кочевников, явились их регулярные этнические и культурные контакты с местным оседлым иранским, а также с тохарским населением, проживавшими на территории Средней Азии и Синцзяна в течение эпохи раннего Средневековья. Они во многом способствовали формированию своеобразного тюрко-согдийского культурного симбиоза [4, с. 78–136].

В период существования Западного Тюркского каганата тюркоязычные кочевые племена, входившие в состав «народа десяти стрел», постепенно обособились от восточных тюрков в культурном и этническом отношении.

Длительный внутривластный кризис, междоусобные военные столкновения и вторжения вражеских войск способствовали ослаблению политического авторитета правящего аристократического рода Ашина среди западных тюрков. Зависимость некоторых западных тюркских каганов от правителей империи Тан и Тибета существенно дискредитировала их в глазах тюркской правящей элиты и рядовых кочевников. В начале VIII в. последний каган западных тюрков Ашина Синь был убит вождем тюргешей Мохэ Даганем Учжилэ, который провозгласил самого себя каганом [3, с. 238].

В течение эпохи существования Западного Тюркского каганата в районах расселения западных тюрков на Тянь-Шане и в Семиречье, в Синьцзяне, восточных и центральных районах современного Казахстана сформировался свой вариант древнетюркской культуры, характерный для объединения Он Ок Будун. Несмотря на то, что основные компоненты древнетюркского культурного комплекса, в том числе погребение с конем, поминальные оградки с изваяниями, набор предметов вооружения воинского и конского снаряжения, некоторые женские украшения, предметы вооружения, воинского и конского снаряжения, гравированные рисунки на петроглифах, тамговые знаки и рунические надписи, у каждой из этих групп кочевников были свои культурные особенности.

Погребальные памятники западных тюрков, исследованные в разное время на Тянь-Шане, представляют собой курганы с каменными и земляными насыпями, которые перекрывали могильные ямы с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении верхового коня. Реже встречаются могилы с погребениями в сопровождении барана. Встречаются одиночные захоронения взрослых людей и детей по обряду ингумации и захоронения лошадей. В ходе раскопок средневековых городищ в Чуйской долине отдельные древнетюркские захоронения с лошадьми были обнаружены и исследованы на площади городских кладбищ [8, с. 51–52]. Среди исследованных захоронений с лошадьми в количественном соотношении преобладают погребения с разнонаправленным положением человека и коня. Такие захоронения исследованы на памятниках Ала-Мышик, Айгыр-Жол и др. [8, с. 54]. Курганы западных тюрков были округлые в плане, сферической или уплощенной кольцевой формы с пологой западиной в центре. Большая часть из них сооружена из камней и обложена по периметру камнями. В могилах обнаружены погребения по обряду ингумации со взнузданными и оседланными лошадьми. Тушу коня обычно укладывали на живот с подогнутыми ногами или на боку параллельно с человеком. Взрослых мужчин западные тюрки, как правило, хоронили с оружием и воинским снаряжением, женщин погребали с украшениями.

В районах расселения западных тюрков исследовано значительное количество поминальных оградок, подле которых устанавливали каменные изваяния мужчин и женщин. Как правило, поминальники были сооружены в той же местности, что и погребальные комплексы. Наличие поминальников в составе одних и тех же комплексов с курганами с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении верховых коней может быть важным свидетельством в пользу их принадлежности к одной древнетюркской культуре. На территории расселения западных тюрков не обнаружено поминальных комплексов древнетюркской знати с валами и рвами, изваяниями людей и животных, стелами с надписями, подобных тем, что были обнаружены в Монголии и Саяно-Алтае. Однако в Семиречье найдена одна каменная скульптура черепахи с пазом на панцире, в который могла устанавливаться стела с надписью. Подобные памятники были характерны для китайской культурной традиции, из которой были заимствованы тюрками еще в период существования Первого тюркского каганата, а в дальнейшем воспринята восточными тюрками.

Исследованные материалы демонстрируют характерные отличия погребальной и поминальной обрядности между культурами западных и восточных тюрков. К ним можно отнести наличие женских и детских каменных изваяний, отсутствие памятников древнетюркской знати и другие особенности.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы: ООО «Жалын баспасы», 1998. — Т. I. — 390 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Клышников-Комаров и К, 1993. — 526 с.
3. История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. — Т. I. — 798 с.
4. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 215 с.
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб.: Фарн, 1994. — 165 с.

6. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. — 392 с.
7. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Сибири. — Л.: Наука, 1980. — 140 с.
8. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

Сведения об авторах:

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: khudjakov@mail.ru

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия). E-mail: aborisenko2@mail.ru

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Евразийская концепция как теоретическое обобщение опыта изучения длительных и разновременных контактов тюркских и русской (славянской) общностей в Северной Евразии позволяет делать вывод о том, что в результате взаимодействий произошло не только накопление общих этнокультурных элементов, но и осознание некой цельности тюркского и русского миров, к пониманию их цивилизационных отличий. Однако этнокультурная граница между ними была размытой и во многом поддерживалась за счет конфессиональных различий, что в совокупности с административными и социально-политическими факторами стимулировало разнонаправленные этнические процессы, приведшие как к формированию современных тюркоязычных народов, так и к включению их части в состав русских сибиряков.

THE SIBERIAN TURKIC-SPEAKING PEOPLE IN CONTEXT OF THE EURASIANISM CONCEPT

L.I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

The Eurasianism concept is a theoretical generalization of long and diachronous contacts of Turkic-speaking peoples and Russians (Slavs) in northern Eurasia. A conclusion may be done that the result of such interaction was not only the accumulation of common ethnic cultural elements, but also the understanding of integrity of Turkic and Russian worlds along with the differences between them. The ethno cultural border between the communities was diffused and was supported often by the confessional differences only. In conjunction with the administrative and sociopolitical factors it stimulated multidirectional ethnic processes. The processes resulted in both formation of modern Turkic peoples and inclusion of some of them into Russian Siberians

Осмысление исторического развития человечества и отдельных народов с библейских времен и античности является краеугольным камнем человеческого познания, ориентиром определения его целей и нравственных начал. Особую актуальность эта проблема приобретает в ходе разрушения прежних и становления новых цивилизаций, распыления и сложения новых народов, гибели и формирования государств. Естественной является попытка каждого народа представить собственную версию своего исторического пути, порой навязывая ее другим сообществам. Понятно, что все современные теории исторического развития не могут дать исчерпывающий ответ, объясняющий ход мировой истории, в лучшем случае они более-менее достоверно описывают этапы развития собственного народа и государства. Такие теории вряд ли без существенной корректировки могут использоваться для понимания исторических процессов в других регионах мира, применительно к иным народам и цивилизациям. Придание им универсального характера вводит в заблуждение исследователей и не позволяет делать теоретические обобщения собственных материалов, а попытки под их влиянием «подкорректировать» естественный исторический процесс создают новые проблемы, а порой и тупики в собственном историческом развитии.

Между тем еще в конце XIX в. с идеей о «культурно-исторических типах» выступил Н.Я. Данилевский. Он считал, что, развиваясь, любой народ «развертывает в себе присущую только ему самобытную идею» и формирует оригинальный, только ей присущий «культурно-исторический тип».

В этой стадии идеи «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [2, с. 77–95]. Выделив культурно-исторические типы, Н.Я. Данилевский поставил проблему взаимодействия разных типов культур и цивилизаций.

Теория Н.Я. Данилевского не стала трендом отечественной историографии, но на ее основе концепцию евразийства сформулировали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский. Она послужила основой для оригинального взгляда на отношения между «степью и лесом», русскими и тюркско-монгольскими народами Евразии русскими в трудах Л.Н. Гумилева. Следует также заметить, что концепция Н.Я. Данилевского в своей сути — аналог «цивилизационного подхода» в изучении прошлого, предложенного гораздо позже А. Тойнби. Это была попытка, сохранив идею единства человечества, представить многовариантность его развития, отказавшись от вульгарного эволюционизма с его идеей «цивилизованных и примитивных народов», о культуртрегерской роли первых в историческом прогрессе.

Евразийская концепция предполагает рассмотрение этнокультурных и социально-политических процессов в Северной Евразии как результата длительных и разновременных контактов тюркских и русской (славянской) общностей, как синтез культурных явлений и социально-политических элементов как европейского, так и азиатского происхождения, которые определялись широтными миграциями населения и с Востока на Запад, и с Запада на Восток. Вместе с населением переносились и культурные явления, и социально-политические институты. В результате их синтеза шло формирование общего этнокультурного наследия, в той или иной степени присущее всем современным народам Северной Евразии.

Евразийская концепция позволяет адекватно представить процесс формирования полиэтничного Российского государства, его трансформацию в империю, раскрывает специфику межэтнических коммуникаций, вскрывает механизмы расширения территории на восток, за Урал. Служилым людям, пришедшим в Сибирь, не нужно было заниматься организацией податных институтов — они уже существовали как местные административно-фискальные единицы — улусы, юрты, наслеги, роды, в основе организации которых был не размер территории, а определенное количество людей, само их наличие. Существовавшие кочевые империи Центральной Азии от гуннов до монголов в условиях политической нестабильности и подвижного образа жизни населения выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип самого наличия зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понималась не столько территория как таковая, сколько «владение, народ, данный в феодалное держание» [3, с. 118]. Центральноазиатский улус — это административное образование, в котором присутствует правящая элита, как правило, возвысившаяся семья, род, этническая группа и зависимое от нее население, также в форме семьи, рода, этнической группы. Поэтому для такого типа социально-политической организации естественно, что улус не мог представлять собой однородное в культурном плане образование, важно было и то, что этническая принадлежность элиты, как правило, была иной, чем большинства населения улуса.

Сибирские материалы показывают, что русские служилые люди верно понимали суть социально-фискальной организации аборигенных обществ, поэтому русские ясачные волости XVII в. образовывались по традиционному для Сибири принципу — они определялись не территорией, которую к тому же было сложно контролировать, а припиской к городу или острогу определенного количества плательщиков ясака. Сибирские материалы показывают механизм «прикрепления» людей: сначала к определенному виду тягла какой-либо группы населения, и только со временем — к территории.

Именно этим обстоятельством объясняется сохранение дорусской этнонимической карты Сибири вплоть до административно-аграрной реформы П.А. Столыпина в начале XX в., когда были ликвидированы инородные управы, а их население вошло в состав крестьянских волостей. При прерывистой традиции письменности, политической нестабильности такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, вергеж (тюргеш), сеяньто (сяянцы), кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы) сохранились в Сибири с древнетюркского времени до прихода русских и дали названия ясачным волостям и «землицам», а позже — инородным управам.

С другой стороны, именно стремление «рассеять», «распылить» непокорные народы, разослать их в разные концы улусов правителей привело к тому, что со временем эти осколки некогда крупных этнических общностей становились «строительным материалом» для новых этнических образований, сохраняя при этом свой общий этноним. Так средневековые кипчаки вошли в состав современных

алтайцев, киргизов и казахов, иркиты встречаются у алтайцев, тувинцев, монголов, маймана (найманы) — у алтайцев и казахов и т.д.

Этнонимы, как отражение целостности коллективов, играли важнейшую роль в структурировании тюркоязычных социумов, что отражается в сохранении средневековых этнонимов в качестве уже «родовых» названий в составе современных народов Южной Сибири и Средней Азии. Она помогала сохранить как его внутреннюю целостность, так и способность коллективного встраивания в разнообразные социально-политические системы от Древнетюркских каганатов до Российской империи. Включение фрагментов предыдущих этносов в форме «родов» в разноэтничные новообразования позволяло «родовой» организации быть не столько «пережитком» прошлого, сколько отражением динамичного этноисторического развития тюркоязычных народов. Именно этим объясняется наличие одноименных «родов в составе шорцев и хакасов (карга, шор), шорцев и кумандинцев (чедыбер, челей, тон), алтайцев, теленгитов и телеутов», что было следствием миграций и административных размежеваний в XVII–XIX вв.

Между тем для того чтобы русская власть восприняла такую форму организации общества, было необходимо ее понимание или наличие каких-то аналогичных элементов в устройстве собственно общества. Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монгольская административная система, как отмечал Г.В. Вернадский, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных — прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин — «ревизских душ» в Российской империи [1, с. 74]. Важным фактором закрепления такой системы стала перепись населения, которую ввели ордынцы.

Второй принцип, который был использован Москвой в отношениях с местным населением, заключался в минимальном вмешательстве русской власти во внутренние дела аборигенного общества, в его социальную структуру, образ жизни. Истоки такой политики кроются также в использовании ордынского опыта. Русское государство, как Китайская империя или Древнетюркские каганаты и империя Чингисхана, формировались как централизованные, но полиэтничные образования. Наряду с основным этносом, который выступал в качестве государствообразующего, проживали и другие народы на землях, которые также были их этнической территорией. В таких аморфных, полиэтничных государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этноса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Принцип «невмешательства» нашел свое яркое воплощение в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), согласно которому аборигены имели свои административно-фискальные образования — управы, думы; свое самоуправление, права на земли, «ими обитаемые», запрет на поселения на землях аборигенов без их согласия, у них сохранялись обычное право и свобода вероисповедания.

Кроме того, между инородцами и другими сословиями не существует непреодолимых барьеров: в §13 сказано, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». В §57 разрешалось инородцам «по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободой от рекрутства». Таким образом, «Устав» сохранил прежние условия для перманентного этнического подпитывания русского этноса Сибири: переход «инородцев» в «русские» сословия должен был сопровождаться изменениями образа жизни, а значит и всего этнокультурного комплекса, даже если не приводило к биологической ассимиляции.

Сословная структура Московского царства, а затем и Российской империи существенно облегчала формирование полиэтничного сибирского социума, так как в одном сословии сосредотачивались представители разных этнических групп, что облегчало межкультурный диалог и способствовало формированию общего культурного пласта. Показательно формирование служилого сословия Сибири, непременным компонентом которого в XVI в. были представители местной элиты — мурзы, беки Сибирского ханства, чаты, эуштинские татары, телеуты и др., в связи с формированием в XVIII в. сибирского казачества в его состав влились казахи, калмыки, буряты, тунгусы.

Если в XVII в. характер русско-аборигенных отношений определялся ассимиляцией, так как ранняя русская колонизация Сибири имела «мужской» характер и рост числа новых подданных Москвы шел за счет потомков смешанных браков, то с середины XVIII в. в связи с разворачивающейся

ся земледельческой колонизацией степной зоны от Урала до Енисея и ростом числа переселенцев усиливаются русско-аборигенные коммуникации. В начале XX в. целые инородные управы — Быстрянская, Сарасинская, Уймонская Бийского округа, Кумышская Барнаульского округа, Кумышская, Камларская, Шуйская, Боянская Кузнецкого округа, Кумышская, Шуйская, Темерчинская Томского округа в Томской губернии; Мелеская Ачинского округа в Енисейской губернии — к концу XIX в. почти полностью русифицировались. Их население говорило только по-русски, придерживалось русского обихода, исповедовало русское «народное» православие. После упразднения «неприкосновенности» инородческой сословной принадлежности оно целиком, быстро и безболезненно, перетекло в русский этнос.

Однако государственная политика, подкрепленная «Уставом об управлении инородцев», способствовала и обозначению новых очагов конкретных этногенезов сибирских тюрков. В ряде случаев русское административное деление прямо предопределило их этнические территории. Тюркоязычные этносы Сибири начала XX в. не были идентичны тем, с которыми первые русские встретились в начале XVII в. Изменились субстраты и их соотношения; формирование этнических новообразований происходило либо на другой территории, либо на традиционной, но сильно уменьшившейся. Так, заметно «сжалась» в размерах «ойкумена» алтай-кижи — потомков бывших подданных Джунгарского ханства: из нее выпали Рудный и Монгольский Алтай, предгорья. Этнической территорией бачатских телеутов стало не Верхнее Приобье и даже не окрестности Кузнецка, а северо-западные отроги Салаира по рекам Большой и Малый Бачат. Будущие хакасы, потомки кыштымов, занимавших окраины кыргызских княжеств, после увода кыргызов в начале XVIII в. заполнили их опустевшие земли — бассейны Июсов и Абакана с притоками от Кузнецкого Алатау до Саян. Их потенциальная этническая территория не только изменила местоположение, но и заметно расширилась.

Действие крестьянской бытовой культуры, распространение христианства оказались столь мощными, что некоторые формирующиеся тюркские этносы Южной Сибири оперлись на конфессиональный фактор, чтобы упрочить свою слабовыраженную этничность. У барабинских и томских татар ислам подтолкнул этноконсолидационные процессы, противопоставив их на конфессиональном уровне православному массиву. Тесное взаимодействие этнического и конфессионального начал определило этноконфессиональную окраску их складывающегося национального самосознания, а ислам стал ими восприниматься как главный этнический признак. Именно тогда произошло переосмысление термина «татары», который русские, восприняв ордынскую традицию обозначения тюркоязычных подданных, перенесли его на часть сибирских аборигенов (кузнецкие татары, черневые татары, каинские татары, абаканские татары, минусинские татары и т.д.). В начале XX в. татарами стали обозначать только тюркоязычных мусульман. В связи с этим встал вопрос об этнонимике других тюркоязычных народов. Опираясь на лингвистические исследования В. Радлова, уже в советский период национального строительства стали укрепляться такие этнонимы, как шорцы, кумандинцы, тубалары. У сложившегося в начале XX в. этноса алтай-кижи этническое (этноконфессиональное) самосознание оформилось под влиянием эндогенной национальной религии — бурханизма, которая окончательно выделила их из родственного по прочим параметрам теленгитского окружения и жестко противопоставила всем иноэтничным и иноконфессиональным соседям.

После Февральской революции четко обозначился национальный вопрос, решение которого во многом опиралось на предыдущий опыт взаимодействия власти и коренных народов. Постепенно происходит переосмысление сословных прав инородцев, закрепленных в «Уставе об управлении инородцев», в требование национального самоопределения. Не случайно в бурятской, алтайской, хакасской, якутской программах национального строительства содержались многие переосмысленные в новых политических условиях его положения: инородческое (национальное) самоуправление, этническая обособленность населенных пунктов, неотъемлемое право на свои земли и т.д. Следует заметить, что такие требования выдвигались теми тюркоязычными народами Сибири, у которых уже в составе Российского государства завершались процессы этнической консолидации и у которых сформировалась национальная элита, способная выразить национальные запросы своих народов. Но и она была подготовлена в ходе развития миссионерского дела и образования, а ее мировоззрение складывалось под влиянием русской интеллигенции Сибири.

Можно констатировать, что положение тюркоязычных народов Сибири в составе Российского государства, их статус, их этническое и политическое развитие во многом определялось общим культурным и социально-политическим наследием древних и средневековых народов Северной Евразии, наследниками которых были не только они, но и русские служилые люди, промышленники, крестьяне. Дальнейшее их развитие протекало в рамках российской государственности. Поэтому в Сибири

не существовало объективных условий для жесткой этнокультурной оппозиции, а наличие мощного русифицированного массива от Урала до Енисея размывало границы тюркского и русского мира.

Литература

1. Вернадский Г.В. Русская история. — М., 1997. — 544 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — СПб., 1996. — 389 с.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — 270 с.

Сведения об авторе:

Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Д.А. Функ^{1,2}

¹Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

EPIC TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE GREAT ALTAI: IN SEARCH OF NEW APPROACHES TO THE STUDY OF CULTURAL RELATIONSHIPS

D.A. Funk^{1,2}

¹Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow (Russia)

²Altai State University, Barnaul (Russia)

При обсуждении феномена культурных взаимосвязей (при всех сомнениях в отношении операциональности термина «культура») тюркских и монгольских народов обращение к их эпическим традициям происходит не столь часто, а если и происходит такое, то это, к сожалению, делается по большей части без претензий на массовость и представительность материала. Мне уже приходилось подробно оговаривать это ранее [1].

В значительном числе случаев такое положение объясняется тем, что для целого ряда этнических групп, если не сказать, что для всех, в распоряжении исследователей имеются лишь единичные публикации текстов героического эпоса, так сказать, «лучших образцов». Даже если число их приближается к нескольким десяткам, как в случае, скажем, с алтайским эпосом, этого все равно чрезвычайно мало для полноценного анализа. Есть основания полагать, что в эпических текстах, равно как и в манере их исполнения, прослеживались этническая, региональная, а в ряде случаев клановая или даже семейная специфика. Но как часто мы можем говорить о том, что в нашем распоряжении есть практически весь репертуар того или иного сказителя или той или иной сказительской школы? Почти в 100% случаев перед нами лишь крохи того богатства, которое мы теряли и продолжаем терять буквально на глазах. Это один-два текста в записи от одного сказителя из такого-то района, еще пара записей — из другого, и редко когда чуть больше. Исключений — единицы, да и этот материал по большей части не опубликован и является достоянием государственных и частных архивов.

Так о каком же изучении культурных взаимосвязей можно говорить, если у нас нет полной картины того феномена, о котором мы хотим рассуждать?

Попытку изменить ситуацию в отношении пока лишь одной эпической традиции, а именно шорской (шорцы — один из малочисленных тюркских народов на юге Западной Сибири), мы с коллегами предприняли на базе Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН. Это проект «Корпусы ИЭА РАН» (<https://corpora.iea.ras.ru/corpora/>), инициированный мной ровно 10 лет тому назад. Проект создания корпуса текстов на языках малочисленных народов Сибири реализуется с 2011 г. В 2011–2014 гг. он выполнялся в рамках программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика» сотрудниками и аспирантами отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. С 2017 г. реализация его продолжалась в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», выполнявшегося на базе Томского государственного университета (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

Основной целью проекта является создание общедоступного электронного корпуса фольклорных материалов с возможностью:

1) одновременного хранения как исходного (сохраняющего особенности фиксации), включая рукописи, аудио- и видеозаписи, так и нормализованного варианта записи текстов;

2) поисковой работы с корпусом текстов, позволяющей осуществлять выборку важнейших сопряженностей для каждого слова, левых и правых соседей каждого слова (с дополнительным представлением в виде графов), сбор статистики употребления лексем/словоформ, анализ контекста словоупотребления в заданном тексте и во всем корпусе, сравнение списков словоформ из всех представленных в корпусе текстов с заданным ограничением поиска — по текстам, сказителям или на языке лингвистики, по говорам, диалектам и языкам (более подробно см. [2]).

В итоге в этом корпусе (содержащем также телеутские, эвенкийские и ненецкие фольклорные материалы) оказались полсотни эпических текстов на шорском языке, причем в двух (я бы сказал — пока в двух) случаях мы получили возможность говорить не о единичных текстах того или иного сказителя, а сразу о многих записях. В случае с уникальным по богатству репертуара сказителем Владимиром Егоровичем Таннагашевым (1932–2007) — о 26 сказаниях, часть из которых включена в Корпус даже в разных вариантах.

Корпус, что очень важно, — не склад забытых вещей, поскольку в нем наличествует звук, есть сканы самозаписей, есть оригинальные расшифровки текстов и есть их нормализованные варианты, есть возможность поиска слов и фраз, собственно лингвистического анализа текстов, составления словаря языка сказителя или говора/диалекта и многое другое, но есть одна уникальная функция, о которой есть смысл сказать подробнее в контексте размышлений о поиске новых подходов к изучению культурных взаимосвязей. Речь о функции поиска пар похожих предложений.

Эта функция реализуется путем попарного сравнения предложений из двух текстов: каждое предложение из первого текста сравнивается с каждым предложением из второго. Необходимо иметь в виду, что из-за особенностей алгоритма (он называется алгоритм нечеткого поиска) полностью совпадающими будут считаться не только дословно одинаковые, но и, как это можно видеть в целом ряде приведенных ниже примеров из эпических сказаний «Ай қараттыг Қара-Қан» и «Алып-Қусқун» (самозаписи В.Е. Таннагашева 2006 и 2004 гг.), которые машина показывает как полное или почти полное сходство (от 0,9 до 1).

S	Ай қараттыг Қара-Қан (2006)	Алып-Қусқун (2004)
1,000	Пура тартып, арғалыг сынға пастыр шықты.	Пура тартып, арғалыг сынға пастыр шықты.
1,000	«Чат кел, адың сийдир кел, узу, палам», — тедир.	«Чат кел, — палам, — адың сийдир кел, узу!» — тедир.
1,000	«Ат полза ат ползун, ат полбаза чел қақсын!»	«Ат полза, ат ползун, ат полбаза чел қақсын!»
1,000	Эжик ажып, эзенин перча, позаға алтап, менчизин перча.	Эжик ажып, эзенин перча, позаға алтап, менчизин перча.
1,000	Четти кулақтыг чес қазанны четти чайзаң эбире чөр, эттерди пыжыр, пөктерги таг шени ұпчалар.	Четти кулақтыг чес қазанны четти чайзаң, эбире чөр, эттерди пөктерги таг шени пыжыр ұпчалар.
1,000	Узун, теп, узарбадым, қысқа, теп, қызарбадым.	Узун теп узарбадым, қысқа теп қызарбадым.
1,000	Анаң туғуп алғаны, қартығадыг қарақтыг, қан чапшырған наақтыг, оолағаш туғуп алды.	Анаң туғуп алғаны, қартығадыг қарақтыг, қан чапшырған наақтыг оолағаш туғуп алды.
0,953	Тоғус кўнге шығара тобрақ қаразы пилбес, четти кўнге шығара чер қаразы пилбес улуг тойға кирчалар.	Четти кўнге шығара чер қаразын пилбес улуг тойға кирчалар, тоғус кўнге шығара тобрақ қаразын пилбес улуг тойға кирчалар.
0,949	Келе-келе, оолақтың алынға пас келип, эрбектепча.	Оолақтың алынға пас келип, эрбектепча:
0,940	Тоғус кўнге шығара қыс тойы чазап келип, ижип чипчалар.	Тоғус кўнге шығара қыс тойы чазап кел, ижип чипчалар.
0,927	Қырық кулақтыг кўлер қазанны қырық чайзаң эбире чөр, эттер пыжырчалар, пөктерги таг шени ұпчалар.	Қырық кулақтыг кўлер қазанны қырық чайзаң, эбире чөр, эттерди пөктерги таг шени пыжыр ұпчалар.
0,927	Амдығы төлдің алында полча, пурунғу	Амдығы төлдің алында полча, пурунғу төлдің

	тӧлдиң соонда полча.	соонда полча.
0,919	«Адым адачаң кижги алымға келзин, адым адабас кижги чағын паспазын!», — теп кыйғылапча.	«Адым адачаң кижги алыма келзин, адым адабас кижги чағын паспазын!» — теп, кыйғылапча.
0,910	Тоғус кўнге шығара тобрақ қаразы пилбес, четти кўнге шығара чер қаразы пилбес улуг тойға кирчалар.	Четти кўнге шығара чер қаразын пилбес, тоғус кўнге шығара тобрақ қаразын пилбес улуг тойға кел кирчалар.

Именно эта особенность алгоритма позволяет выявлять то, что при обычном чтении текстов вполне могут остаться незаметными для человеческого взгляда, скажем, те фразы, в которых первая и вторая части идут в разном порядке, как мы видим это в примере:

0,910	Тоғус кўнге шығара тобрақ қаразы пилбес, четти кўнге шығара чер қаразы пилбес улуг тойға кирчалар.	Четти кўнге шығара чер қаразын пилбес, тоғус кўнге шығара тобрақ қаразын пилбес улуг тойға кел кирчалар.
-------	--	--

Ровно та же процедура (причем с любым заданной пользователем мерой сходства от 0 до 1) может быть использована для сравнения текстов разных исполнителей, а в идеале и текстов на разных языках, во всяком случае, если речь идет о языках одной языковой подгруппы.

Таким образом, в распоряжении исследователей есть не просто сайт, на котором выложено нечто значимое и полезное (так сказать, «склад полезных вещей»), но и инструмент для анализа как текстов по отдельности, так и в их совокупности, и главное — для сравнения, которое и может рассказать нам в деталях о том, насколько сильны и значимы (или же, наоборот, незначительны) были взаимосвязи между людьми. А уже на этом материале мы можем обоснованно строить свои выводы о культурных взаимосвязях.

Будучи рассчитанным на специалистов, этот ресурс не столь хорошо применим в учебном процессе в школах, в отличие от вузов, где его вполне можно использовать для написания курсовых работ и даже бакалаврских и магистерских выпускных исследований. Именно поэтому с целью большей адаптации созданных нами корпусов к потребностям школьников (но также и шире — любого пользователя, нуждающегося в переводе с шорского на русский), в этом году на базе этого электронного ресурса был инициирован еще один проект, реализуемый при поддержке Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации — создание наиболее полного на сегодняшний день интерактивного шорско-русского словаря (<http://sostyk.iea.ras.ru/sostyk/>; ресурс откроется в декабре 2021 г.). Сейчас словарь включает более 5200 слов, к каждому из которых приводятся варианты перевода на русский, встречающиеся в разных источниках, парадигмы, синонимы, а также примеры словоупотребления с отсылкой к созданному нами корпусу текстов на шорском языке.

Приведенный пример («Корпусы ИЭА РАН») является в настоящее время наиболее полной, профессиональной и вместе с тем наиболее user friendly полнофункциональной базой, которая может быть использована как образец для показа того, каким образом мы можем сохранять уникальное наследие народов Большого Алтая, как мы можем работать с ним и как мы можем двигаться к лучшему пониманию того, а как же именно развивались взаимосвязи соцветия культур этого огромного региона.

Идея оцифровки и максимально полного и открытого представления фольклорных материалов, а если смотреть шире, то в целом всех архивных и музейных собраний в сети Интернет достойна не только обсуждения, но и реализации. Чем быстрее мы сможем ее реализовать, тем быстрее мы не просто обеспечим сохранность уникального культурного наследия народов Большого Алтая для будущих поколений, но и — не побоюсь этого слова — прорыв в собственно исследовании, иначе говоря — в понимании чрезвычайно сложных феноменов культуры со всеми их границами и взаимосвязями.

Литература

1. Funk D. Type Scenes in the Heroic Epics of Siberian Peoples // *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. — 2009. — Vol. 43. — Pp. 169–176.
2. Funk D. On the Principles of a Digital Text Corpus: New Opportunities in Working on Heroic Epics of the Shors // *Oral Tradition*. — 2013. — 28/2. — Pp. 193–204.

Сведения об авторе:

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И КЫРГЫЗОВ

А.А. Асанканов

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Дзамгерчинова НАН РК, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Народы, живущие на Саяно-Алтае, и кыргызы имеют общие этногенетические и этнокультурные связи, о чем свидетельствуют археологические памятники, топонимика, гидронимика, устное народное творчество, пища и т.д. В современных условиях эти общности могут стать основанием для углубления научного и культурного обмена, укрепления экономических отношений, способствуя интеграции народов, имеющих общие историко-культурные корни.

ETHNOGENETIC AND ETHNOCULTURAL COMMUNITY OF THE PEOPLES OF SAYANO-ALTAI AND KYRGYZ PEOPLE

A.A. Asankanov

Institute of History, Archeology and Ethnology named after B. Dzhamgerchinova, Bishkek (Kyrgyzstan)

The people living in the Sayano-Altai and Kyrgyz have common ethnogenetic and ethnocultural connections, as evidenced by archaeological monuments, toponymic, hydronymic, oral folk creativity, food, etc. In modern condition these communities can be the basis for the deepening of scientific and cultural exchange, strengthening economic relations, contributing to the integration of people with common historical and cultural roots.

Центральная Азия и Саяно-Алтайские горы и представляют собой специфическую историко-культурную область центральноазиатского очага кочевой цивилизации, наряду с другими географическими и историко-культурными субрегионами.

История народов, населяющих этот регион, и ряда других народов, занимающих сегодня обширные территории по всему Евразийскому континенту, требует переосмысления на основе результатов последних научных экспедиций и новых методологических подходов. Рассмотрение истории этого региона в новом ракурсе дает возможность изменить существующие подходы и использовать историко-культурные связи народов Южной и Восточной Сибири, Урала, Поволжья и Центральной Азии в целях укрепления культурной и экономической интеграции в новых геополитических реалиях.

Методологический подход к версии о единой колыбели кочевых цивилизаций Евразии находится на стыке теорий локальных цивилизаций А. Тойнби, географического детерминизма Д. Малиновского, концепции Л. Гумилева, согласно которым ландшафт и основанная на нем экосистема формируют способ хозяйствования, особый тип культуры, мировоззрение и систему управления, а также психологический и этнический характер. Схожесть ландшафта (лесистые горы) Саяно-Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая обусловили возникновение единой цивилизации.

Историко-культурная общность народов, живших ранее и проживающих ныне в данном регионе, подтверждена археологическими, этнографическими, ономастическими, фольклорными и письменными источниками.

Начиная с бронзового века, археологические памятники свидетельствуют об общности хозяйственно-культурного уклада и антропологическом сходстве жителей Южно-Сибирского и Тянь-Шаньского региона. Найденные в Сибири памятники, относящиеся к андроновской, карасукской, тагарской, таштыкской культурам, датируемые начиная со II тысячелетия до н.э. до 1-й половины I тысячелетия н.э. свидетельствуют о том, что для всех этих культур характерен пастушеско-земледельческий полукочевой тип хозяйства.

Начало таштыкской культуры по времени совпадает с первым упоминанием этнонима «кыргызы» в китайских письменных источниках, а ее конец — с возникновением Кыргызского каганата.

Наскальные рисунки, каменные изваяния, могильники и остатки жилищ, рудники, оросительные каналы, руины крепостей Сибири и Тянь-Шаня свидетельствуют о едином хозяйственно-культурном укладе населения. В это время повсеместно распространяются почти одинаковые погребальные сооружения в виде курганов с погребальными камерами в виде грунтовых могил или деревянных сооружений в виде срубов. На территории современного Кыргызстана курганы саков также встречаются повсеместно. В 1950-1980-х гг. курганы сакского времени изучались археологом И. Кожомбердиевым на территории Кетмень-Тюбинской долины, Д. Винником, В. Мокрыниным в Чуйской до-

лине, а в наше время ряд ученых-археологов (К. Ташбаева, К.Ш. Табалдиев и др.) изучают их в разных областях Кыргызстана.

Бесспорным подтверждением существования тесных контактов ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня с населением этого периода Южной Сибири, Алтая и Монголии является удивительный комплекс огромных курганов в местности Жапырык. Этот комплекс был в свое время обнаружен и обследован нашим археологом К. Ташбаевой, которая утверждает, что он находит точные аналогии в керексурах Горного Алтая, но особенно Монголии, где имеются курганы с абсолютно идентичными конструкциями наземных частей погребальных сооружений.

В конце I тысячелетия до нашей эры и начале I тысячелетия нашей эры из-за очередного повышения засушливости степных просторов огромные массивы кочевых племен начали движение с Востока на Запад. Это движение было начато племенами гуннов, проживавшими на территории Монголии и Северного Китая. Постепенно на всей этой огромной территории распространились культуры, для которых были характерны одинаковые погребальные сооружения в подбоях и катакомбах и близкие по обряду захоронения. Общность их культуры проявляется не только в конструкциях погребальных сооружений, но и в покрое одежды, предметах быта (бронзовые котлы, деревянные столики, глиняные и деревянные сосуды), в вооружении, в ювелирных изделиях так называемого полихромного стиля. Сходство культуры на огромном пространстве степей и прилегающих горных областей было вызвано конкретно-историческими связями названных районов, мощью и активностью гуннского племенного союза и активным кочеванием огромных масс населения.

На территории Кыргызстана были распространены две культуры этого времени: кенкольская и карабулакская, распространенные в разных частях страны. Удивительные памятники этого времени были исследованы А.Н. Бернштамом, И. Кожомбердиевым, Ю.Д. Баруздиным, К. Ташбаевой, давшими яркие материалы, характеризующие разные стороны быта и хозяйствования кочевых племен первой половины I тыс. н.э. и являющиеся основным экспозиционным фондом в наших музеях.

Начиная с VI в. н.э. наступает важнейшая веха в истории Центральной Азии, связанная также с новой волной кочевников-тюрков и началом процесса тюркизации на всей этой огромной территории. Поэтому на обширных просторах Центральной Азии, как и в предшествующее гуннское время, распространяется почти одинаковый обряд захоронения под невысокой каменной насыпью, часто и с каменными изваяниями или стелами. Нередко погребения тюркского времени сопровождаются захоронением жены и коней.

На территории Кыргызстана погребения тюркского времени распространены главным образом в северной части, во Внутреннем Тянь-Шане, на Иссык-Куле, в Чуйской и Таласской долинах, то есть в районах расселения кочевников-тюрков. Наибольшие исследования памятников этого времени проведены К. Табалдиевым в Ат-Башинском и Кочкорском районах Внутреннего Тянь-Шаня.

Процесс тюркизации Центральной Азии отличается еще и появлением древнетюркской письменности, образцы которой также найдены в разных регионах Саяно-Алтая и Центральной Азии. На территории Кыргызстана тюркские рунические надписи впервые были обнаружены в Таласской долине еще в XIX в. И сто лет спустя, в 1998 и 2006 гг., камни с руническими надписями были обнаружены в Кочкорском районе Внутреннего Тянь-Шаня кыргызскими археологами К. Табалдиевым и О. Солтобаевым. Интересно отметить, что эти письмена сопровождаются изображениями тамг и всадников с птицей на руке. Тюркские рунические надписи Кыргызстана датируются V–XI вв.

На пространстве от Енисея и Минусинской котловины до Тянь-Шаня известны сотни гранитных и песчаниковых изваяний. Они выполнены в виде плоских стел или горельефов, достигают в высоту 2,5 и 4 м. На ряд из них нанесены надписи с использованием орхоно-енисейской письменности.

Известно много памятников орхоно-енисейской письменности. Самый первый из них описан в дневнике Д.Г. Мессершмидта: «Киргизская надгробная мужская статуя, держащая в руках урну, с руническими письменами». Много памятников с руноподобными надписями с эпохи Кыргызского каганата в настоящее время хранятся в Минусинском музее.

В 1974–1978 гг. в дельте реки Уйбат на Енисее российские археологи раскопали остатки замка, стоявшего в центре поселения IX–XIII вв. Есть предположение, что построенная из кирпича-сырца цитадель являлась резиденцией верховного правителя Кыргызского каганата на Енисее, страны, которую средневековые мусульманские авторы называли «Страной Хирхиз».

В Минусинской котловине на скалах вдоль русла Енисея обнаружены сотни наскальных рисунков разных эпох. Это изображения реальных и фантастических животных, соляные знаки, человеческие фигуры в высоких шапках и с птичьими клювами. Многие из этих изображений встречаются на петроглифах Кыргызстана в Саймалы-Таше, Суук-Добо, Сулайман-Тоо, Кызыл-Беле, Чолпон-Ате, Ноокате. Многие названия рек и озер (гидронимика) в Южной Сибири, Западной Монголии и Тянь-

Шане схожи. Например: озеро Байкал (кырг.: «Бай Кёл» — богатое озеро), Алтын Кёл («Золотое озеро» в Хакасии), Кыргыз Нур («Кыргызское озеро» на северо-западе Монголии); река Енисей («Энесай» — Мать-река), Кем (в Кыргызстане есть долина под названием Кемин, тувинцы сохранили гидронимы Улуг-Хем, Бий-Хем, Каа-Хем), Чу (одноименные реки на Алтае и в Кыргызстане).

Ряд современных историков считают, что древние кыргызы обитали в районе реки Манас на Алтае. Название реки прочно связано с сюжетом эпоса «Манас». Есть сходство и в названиях гор (хоронимы). В Горной Шории есть Кузнецкий Алатау (Темирчи Ала-Тоо), есть Ала-Тоо в Кыргызстане. Топоним «Алтай» одинаков в России, Казахстане, Монголии и Синьцзяно-Уйгурском автономном районе КНР. Алтай — название местности, где родился Манас. Другие топонимы также представляют собой богатый материал для подтверждения этой концепции: Сибирь (Шибер — большое пространство, на котором растет сочная, зеленая трава), Красноярск (Кызыл Жар) и т.д.

Вопрос о классификации алтайской языковой семьи чрезвычайно сложен. В семью входит 5 подгрупп: тюркская, финно-угорская, монголо-маньчжурская, корейская, японская.

Из них самой крупной является тюркская языковая группа, которая делится на восточную и западную ветви. Большинство ученых объединяют в одну киргизско-кыпчакскую подгруппу кыргызский и алтайские языки (алтайский, телеутский, теленгитский диалекты). Сходство современного кыргызского языка с алтайскими языками несомненно.

Современные кыргызы могут без переводчиков общаться с каракалпаками, казахами, узбеками, балкарами, ногайцами, башкирами, татарами, карачаевцами, азербайджанцами, крымскими татарами. Современный кыргызский язык уникален тем, что в отличие от других языков тюркской группы, он меньше заимствовал иностранных слов арабского и персидского происхождения, содержит больше слов, которые имеются в словарном запасе хакасов, тувинцев, шорцев и алтайцев.

Данные языкознания подтверждаются исследованиями фольклора. Сходство эпического наследия кыргызов Саяно-Алтая и Тянь-Шаня отмечали многие исследователи, в их числе В. Радлов и Л. Гумилев. Последний отмечал, что этносы на мемориальной фазе сохраняют культурную традицию прошлого в форме богатого былинного эпоса. В качестве примеров таких этносов он приводит этносы Алтая, в частности, телесы (тёёлёс), теленгиты, телеуты и кыргызы Тянь-Шаня.

Главный герой кыргызского эпоса «Манас» родился на Алтае. Объединив племена, он приходит на историческую родину — Тянь-Шань и встречается здесь со своими сородичами. То есть основной сюжет эпоса подтверждает идею историко-культурного единства народов Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.

Изучение саяно-алтайского фольклора, а также якутского эпоса «Олонхо», их сравнительный анализ с кыргызским фольклором является перспективным направлением исследований. О единих корнях всех эпосов так называемых тюркоязычных народов свидетельствуют исследования В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, С.С. Суразакова и современных исследователей героических эпосов Н. Тадиной, А. Гуринова-Арчылана.

Названия племен и родов в составе кыргызского этноса являются источником информации о многовековой истории взаимоотношений кыргызов и других народов, ассимилированных кыргызами, и, наоборот, ассимилировавших ряд кыргызских племен.

Так, среди кыргызских этнонимов и генонимов мы находим азык (от аз или адыг), багыш (еще ак-багыш, сары-багыш, кара-багыш), бугу, джабагы (йабаку), джедигер (йигдер), кангды (канглы), карлык (карлук), катаган, кыпчак, кытай (от кара-китаев, т.е. западных киданей), монолдор (от монгол), мундуз, мунгуш (монгуш), найман, ногой, ёзюбек (от узбек), сайак (у хакасов имеется род сагай), сарт, сарт-калмак, саруу (от сарыг), тёёлёс (от телес), тюркмён, уйгур, юйсюн (усунь), чалаказак, эштек (истяк у башкир) и другие, встречающиеся в этническом составе ряда других этносов.

Ярким свидетельством того, как фольклор может хранить и ретранслировать историческую память, является турецкий фольклор. У современных турков и азербайджанцев распространена легенда, повествующая о том, что предки огузов вышли из легендарной долины в Центральной Азии «Эргекон». У турков есть предание о том, что группа кыргызских воинов доблестно сражалась на стороне Сельджуков близ города Бурса в XI веке. Материальным свидетельством, подтверждающим эту легенду, является мавзолей «Кыргыз тюрбеси» («Мавзолей кыргызов»), который сохранился у города Изник на западе современной Турции.

Первое упоминание о кыргызах имеется в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня в 201 г. до н.э. О кыргызах упоминает древнекитайский историк Бань Гу в своей хронике «История Старшей династии Хань» («Хоу Ханьшу»), где написано, что кыргызы обитали к востоку от государства Усунь. В 56-м г. до н.э. кыргызы временно восстановили свое государство. Затем владение древ-

них кыргызов на востоке Тянь-Шаня было завоевано хуннским правителем Чжичжи и использовано в качестве плацдарма для дальнейшего похода в западную часть Тянь-Шаня.

История Кыргызских каганатов более полно освещена в письменных источниках. Источники VII-VIII вв. свидетельствуют об активной внешнеполитической деятельности Кыргызского каганата на Енисее. Кыргызские дипломаты побывали в Танском Китае в VII-IX вв.

Считается, что именно эпоха династии Тан была периодом наивысшего могущества страны. Между Танским Китаем и Кыргызским каганатом всегда были трансграничные государства (Великий Тюркский каганат, Восточный Тюркский каганат, Второй Восточно-Тюркский каганат и Уйгурский каганат (до разгрома кыргызами в 840-м г.).

Имеются сведения рунических надписей, китайских хроник, тибетских и мусульманских источников о дипломатических связях кыргызов с тибетцами, Тюркешским каганатом, карлуками в VII-IX вв. Караваны из Арабского халифата и других регионов часто ездили в Кыргызский каганат на Енисее, поэтому появилась особая Кыргызская ветвь Великого шелкового пути. Среди экзотичных вещей в Арабском халифате упоминается «кыргызский мускус», возможно, знахарское вещество из рогов горно-таежной дичи.

Великий Кыргызский каганат (около 840-925) — это эпоха, когда кыргызы завоевали обширные территории Евразии. Эту эпоху академик В.В. Бартольд назвал «Кыргызским великодержавием».

Известна Суджинская надпись, оставленная кыргызским военным предводителем на земле Суджийн-Даван (на территории Монголии) во время похода на земли Уйгурского кагана.

Как свидетельствуют арабские источники, «Страна Хирхиз» накануне монгольского завоевания включала в себя Минусинскую котловину, обширные территории Саяно-Алтайского нагорья, Тувы, прилегающих земель Южной Сибири вплоть до озера Байкал и северо-западной части Монголии. «Все города страны кыргызов, — писал ал-Идриси, арабский географ середины XII века, — расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями, обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами».

Тянь-шаньские кыргызы постепенно оказались в орбите мусульманского ренессанса. Это произошло после объявления ислама государственной религией Караханидского каганата в 960 г. и в результате постоянных путешествий мыслителей-суфиев. Так, мусульманский ученый Шараф Заман Тахир Марвази (из г. Мерв) писал в своем труде (ок. 1120 г.), что часть кыргызов благодаря тому, что стали соседями мусульман, перестали сжигать тела умерших и стали их хоронить. Новый обычай захоронения был результатом смены традиционной культуры в течение жизни нескольких поколений. Великий ученый эпохи Караханидов, Махмуд Кашгари-Барскани, в своем труде «Дивану лугати ат-тюрк» («Словарь тюркских языков», 1072-1077) писал, что язык кыргызов является чистым тюркским языком. Сочинение «Мажджу ат-таварих» Сайфаддина Аксыкенти (XVI в.) содержит информацию о том, что часть кыргызов обитает в горах Ходжента (в Фергане) и были мусульманами еще в эпоху султана Санджара (XII в.).

С начала XIII в. владения кыргызов стали частью империи Чингисхана и его потомков. Известны освободительные восстания кыргызов. Так, они восстали в 1218 г. и их вновь завоевал Джучи, старший сын Чингисхана. В 1860-90-х гг. кыргызы оказались в лагере противников верховного монгольского хана Хубилая.

В 1293 г. по приказу Хубилая монгольские войска вторглись в Минусинскую котловину. Правящая элита кыргызов влилась в состав монгольского войска, двинувшегося на Запад. А часть плененных кыргызов была уведена в Северный Китай.

Последующая история кыргызов Тянь-Шаня и Сибири, как свидетельствуют источники, развиваются параллельно. Так, кыргызы Енисея создавали Кыргызские улусы, которые время от времени становились подвластными монгольским алтан-ханам и Джунгарскому ханству ойратов — западных монголов. Кыргызские беки также боролись против русских казаков, которые постепенно продвигались в Сибирь и Дальний Восток через земли кыргызских улусов. Угон знати кыргызских улусов ойратами в центр Джунгарии в 1707 г. стал последней страницей политической истории сибирских кыргызов, которые затем вошли в состав современных хакасов, шорцев, тувинцев, алтайцев, частично саха, бурятов, и халха-монголов.

История кыргызов Тянь-Шаня XIV и последующих веков известна по арабским, тюркским, персидским, русским, китайским, монгольским и другим источникам, а также по сведениям кыргызских генеалогий («санджыра»), исторических поэм (дастанов), иных фольклорных источников и письменных трудов. В них красной нитью проходит идея о родстве тянь-шаньских кыргызов с народами Алтая, Орхона и Енисея.

Как известно, традиционная пища почти всех этнических общностей является консервативной частью их материальной культуры. Глубокое изучение состава, приготовления, традиции подачи и приема пищи служат прекрасным материалом познания взаимоотношений этнических общностей в их историко-культурном процессе. Изучение процесса традиционной подачи приготовленной к употреблению в качестве пищи вареной туши барана у тувинцев и алтайцев гостям выявило много общего с кыргызскими традициями приемов пищи Тянь-Шаня, что свидетельствует об их этногенетической и этнокультурной связи.

В современных условиях это может стать основанием для углубления научного и культурного обмена, укрепления экономических отношений, способствуя интеграции народов, имеющих общие историко-культурные корни.

Литература

1. Кыргызы. Научно-популярное издание. — М., 2016.
2. Буганаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. — Абакан, 2000.
3. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994.
4. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойротами в XIII-XV вв. — Фрунзе, 1961.
5. Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. — Бишкек, 1996.
6. Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. — Бишкек, 1996.
7. Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н.э.). — Бишкек, 2011.
8. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. — Бишкек, 2010.
9. Асанканов А. Кыргызы Синьцзяна (КНР). — Бишкек, 2010.
10. Древний и средневековый Кыргызстан. — Бишкек, 1996.
11. Гумилев Л.Н. Хунну. — СПб., 1993.
12. Полевые тетради автора. Археолого-этнологическая экспедиция в Хакасию, Туву и Горный Алтай. — Сентябрь-октябрь 2002 г.

Сведения об авторе:

Асанканов Акылабек Асанканович, доктор исторических наук, академик НАН Кыргызской Республики, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: abylabek.asankanov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР: УГРОЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Текущая ситуация геополитического ландшафта Центральной Азии и ее последующая трансформация зависит от обстановки в Южной Азии. Автор вывел прямые и косвенные последствия провозглашения Исламского государства под эгидой Талибана для Евразийского пространства. Особое внимание обращено на вероятные угрозы и социальные риски, связанные с деструктивными религиозными течениями.

THE RELIGIOUS FACTOR: THREATS AND SOCIAL RISKS OF CENTRAL ASIA

A.S. Zhanbosinova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

The current situation of the geopolitical landscape of Central Asia and its subsequent transformation depends on the situation in South Asia. The author deduced the direct and indirect consequences of the proclamation of an Islamic state under the auspices of the Taliban for the Eurasian space. Special attention is paid to the possible threats and social risks associated with destructive religious movements.

В юбилейный год независимости республик Центральной Азии обновилось внешнее и внутреннее содержание геополитического ландшафта. С одной стороны, в отдельных государствах произошли внутренние передвижки во власти, с другой — появились новые акторы в системе внешнеполитических координат и стратегические приоритеты.

В течение трех месяцев текущего летнего периода произошли глобальные политические изменения в Южной Азии. Уход США, возвращение Талибов и формирование исламского государства уже оказывают прямые и косвенные последствия для Евразийского пространства в целом, и для стран Центральной Азии в частности. Возможно, события в Афганистане повлияют на баланс сил в Евразии, вероятно, «дуга нестабильности будет прорвана» [1].

Вместе с тем в заявленных ранее долгосрочных экономических проектах Китая, стратегических интересах Евразийского союза, новых политических приоритетах России, потенциальных возможностях Ирана, Турции, Индии, Пакистана заложены риски и межгосударственные противоречия. Вполне логично началась конкуренция потенциальных игроков и борьба за лидерство. Однако не столь важны политические амбиции и результаты лидерского финиша, сколь внушает опасения пример поражения государственной коррупции радикальному политическому исламу. Серьезную озабоченность вызывают социальная ситуация в Центральной Азии и религиозный фактор.

К великому сожалению, ислам приобрел политическое лицо, а лозунги, используемые его приверженцами, стали средством для достижения вполне определенных политических целей. Этот факт, подмеченный еще в 1914 г., стал обыденным явлением современности [2]. Из трех мировых религий ислам — самая молодая и политизированная, возможность разнообразного толкования Корана обусловила множественность его течений от лояльного до радикального, последнее в свою очередь вызвало исламофобию в мире. Все чаще зеленое знамя ислама, а в текущей ситуации белое знамя Талибана, воспринимается как угроза глобальной безопасности, а «международный терроризм», не имеющий границ и половозрастных ограничений, стал ассоциироваться с понятиями «радикальный ислам» и «исламский терроризм». Талибан, захвативший власть в Афганистане, следует рассматривать как политический исламский институт, в переплетении радикальных террористических течений.

Отметим, что оппозиционные движения Центрально-Азиатского региона и Ближнего Востока используют ислам, прикрываются его лозунгами для борьбы с правящим режимом, финансовая поддержка противников режима извне обуславливает их политический рост и одновременно детерминирует многополярность политических целеполаганий, устремлений. Учитывая активизацию тренда социальной справедливости, психологическую усталость от несправедливости, члены религиозных группировок вполне могут воспринять победу Талибана как опыт политической борьбы ислама.

Новое исламское государство, формируемое под эгидой Талибана, в составе которого вольготно чувствуют себя представители радикального ислама, вызывает определенные опасения у государств Центральной Азии возможностью вторжения, что вполне естественно. Вне фокуса остается социальная проблема, коррупционный дискурс Афганистана.

С момента суверенизации каждое государство Центральной Азии формировало конфессиональную политику. И. Каримов один из первых в Центральной Азии начал борьбу с радикальным исламом в Узбекистане [3]. Жесткие кардинальные меры, принятые И. Каримовым в отношении религиозных экстремистов, обусловили появление оппозиционных сил в обличье мусульманских партий радикального толка. Значимым авторитетом обладала радикально-оппозиционная партия Исламского движения Узбекистана (ИДУ), вокруг нее и вместе с ней действовали региональные исламские организации, такие как «Акромиды», «Таблих», «Узун сокол», «Адолат» и др. Немаловажную роль в активном распространении ислама радикального толка в Узбекистане способствовало пограничное состояние с Афганистаном, гражданская война в Таджикистане, контрабанда оружия из Кыргызстана. Отметим, что узбекские радикалы в отличие от своих соседей активно контактировали с Аль-Каидой, Талибаном, участвовали в военных действиях на территории Афганистана.

В Казахстане популярностью пользуется течение «салафия», их приверженцев называют салафитами. Характерной особенностью салафитов является склонность к активной агрессии, в том числе силовой, борьбе за достижение приоритетной цели – главенство религиозной догматики над государством. Запрещенной организацией является «Таблиги Джамаат» («Сообщество проповедников ислама»), «Аюбовский жамагат» (приверженцы ваххабитского течения такфир), адепты которого являются сторонниками религиозной общины богослова Аюба из Дагестана и религиозной экстремистской организации «Al-Takfir wa l-Hijra» («Аль-Такфир уа аль-Хиджра»). Члены жамагата отличаются радикальностью в суждениях и поведении, являются фанатичными верующими, всех остальных, кроме единоверцев, причисляют к неверным, так называемым «кафирам», ведут обособленный образ жизни, не посещают мечети и т.д. От адептов требуется точное и неукоснительное соблюдение требований канонов Ислама. Сторонники чистого ислама исповедуют принцип «такфир», обвинение в неверии и свою миссию они видят в установлении подлинного ислама. Представителями радикального ислама в Казахстане в промежуток с 2011 по 2016 г. было совершено восемь террористических актов и три контртеррористические операции.

Кыргызстан с политикой транспарентности, либеральным отношением к исламу и его радикальным течениям дал некую свободу «Таблиги Джамаат» (кыргызский вариант «Даватчики»), «Йа-кын Инкар», связал политику с религией «Балыкчы Ынтымагы» и других аналогичных организаций. Демократия в Кыргызстане в совокупности с религиозной безграмотностью молодежи, социальной безответственностью и низким уровнем образования может привести к пагубным последствиям. Однако в самом Кыргызстане полагают, что радикальный ислам к ним приходит извне, в частности из Казахстана, Узбекистана, России [4].

В Таджикистане жесткие репрессии против радикальных исламистов вынудили последних уйти в подполье, включая одну из крупных религиозно-оппозиционную «Партию исламского возрождения Таджикистана» (ПИВТ).

Самая закрытая страна Центральной Азии — Туркмения рассматривает мусульманскую религию как политическое инакомыслие.

В отличие от своих центральноазиатских соседей, власти Таджикистана, Туркмении применили крайне жестокие меры к визуальному отражению радикального ислама, т.е. к использованию внешней религиозной атрибутики.

Результаты конфессиональной политики стран Центральной Азии демонстрируют отсутствие активности радикального ислама. Ранее негативную оценку и страх за внутреннюю безопасность у общественности вызвала спецоперация «Жусан» по возвращению граждан Казахстана из зоны боевых действий.

Вместе с тем одной из причин пополнения численности организаций радикального ислама, исповедующих нетрадиционные вероучения, является недостаточная пропагандистская работа среди молодежи администрацией системы образования. Отсутствие надлежащего контроля за поведением учащихся в учебных заведениях и вне учебного процесса, в совокупности с их равнодушным отношением к данной проблеме, недопонимания всей степени опасности, в конечном итоге приводит к увеличению сторонников из числа молодежи, вовлечению их к противоправной деятельности радикально настроенными религиозными группами.

Немаловажным обстоятельством является факт отсутствия у представителей местного духовенства должного авторитета среди верующих. Нет профессиональных специалистов-теологов, способных разъяснить сущность и опасность распространения идей нетрадиционных вероучений. Официальное духовенство, не имея глубинных теологических познаний, как правило, не может оказать необходимое воздействие на лиц, придерживающихся нетрадиционных религиозных взглядов.

Немалую роль играет отсутствие системно-правовых норм со стороны государства в отношении обучения в иностранных теологических заведениях, где велика вероятность их попадания под влияние религиозно-экстремистских и террористических организаций. Как показывает практика, идеологическая обработка граждан за рубежом происходит в подпольных заведениях, так называемых «худжрах», «марказях», дислоцирующихся, как правило, в окружении мечетей и центров по изучению арабского языка.

Неразрешимые социальные проблемы на фоне углубляющейся коррупции, резкого расслоения общества, отсутствие образования, работы, веры в будущее вполне могут стать трамплином для молодого поколения в светлое «будущее ислама». О вероятности таких поведенческих реакций свидетельствует вербовочная практика деструктивных сил молодежи в псевдорелигиозные организации экстремистского толка. Подтверждение тому — факты задержания экстремистов, подозреваемых в признаках преступления, предусмотренного ст. 256 ч. 2 УК РК «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, а равно изготовление, хранение материалов указанного содержания...» [5]. Политический ислам не имеет национальных, половых и возрастных ограничений, среди задержанных есть лица и славянской национальности, женского пола. Спецслужбой была задержана девушка в рамках досудебного расследования по уголовному делу по признакам преступлений, предусмотренных ст. 256 ч. 1, ст. 28 ч. 4, ст. 257 ч. 2 УК РК. Поводом для досудебного расследования послужила причастность задержанной к пропаганде терроризма и религиозного экстремизма, а также вербовке людей с последующей целью вывода их за рубеж для участия в боевых действиях на стороне международных террористических организаций. В ходе обыска обнаружены литература, аудио- и видеоматериалы, пропагандирующие религиозную нетерпимость [6].

Методы борьбы с представителями радикальных течений, что в Центральной Азии, что в Афганистане, одинаковы — тюремное заключение. Талибы, захватывая новые губернии, первым делом выпускали из тюрем всех заключенных «террористов».

Пенитенциарная система стран Центральной Азии сращивает радикальный ислам с криминалом, расширяя ряды приверженцев нетрадиционных религиозных течений. «С появлением ислами-

стов в тюрьмах резко увеличилось количество заключенных, совершающих регулярные молитвы. Были случаи, когда исламистам понадобилось не более двух месяцев, чтобы вся колония начала регулярно исполнять молитвенные обряды». Численность криминального джамаата растет, с одной стороны, за счет увеличения осужденных за религиозный экстремизм на длительные сроки, с другой — за счет распространения идеологии радикального ислама в пенитенциарной системе. Назрела необходимость иметь в каждой тюрьме профессионального имама или религиоведа, способных противостоять философии джихада, и при возможности создать отдельные лагерные зоны для указанной категории [7].

Рядовой состав джихадистов, не осознавая этого, оказался заложником геополитических устремлений мировых держав, что наглядно показывают события в Афганистане. Ведущие державы Россия и Китай позиционируют внешнеполитический вектор в рамках своих конъюнктурных стратегий. Геополитическая и геоэкономическая реальность обуславливает кардинальную перезагрузку внутренней политики государств Центральной Азии. Учитывая 30-летний рубеж суверенного развития, достижения и просчеты, политическим лидерам следует обратить внимание на социально уязвимые слои населения, на проблемы простого народа.

Пандемия обнажила повседневные проблемы общества, показав уровень государственного менеджмента, продемонстрировав низкий уровень образования, падение качественных показателей медицинских услуг, ухудшение благосостояния, рост безработицы, внутренней и внешней миграции, недоверие к власти и рост протестных настроений. Кризис показал, что народ уже не может жить, как раньше, он стал больше протестовать.

Ислам, с одной стороны, может стать путеводной звездой к благополучному будущему, примером тому могут быть мусульманские страны с высоким социальным уровнем жизни. С другой стороны, учитывая, что за тридцать лет выросло совершенно новое суверенное поколение, для которых целеустремленность Талибана в изгнании чужеродного элемента является патриотическим актом, может стать основой этнических конфликтов, способствовать росту религиозного экстремизма.

Таким образом, основным трендом происходящих политических процессов в мировом пространстве являются события, прямо или косвенно связанные с религией, и в большей степени с исламом. Конечно, внешнеполитическая ситуация за пределами пограничного пространства Центральной Азии, особенно где есть территориальные точки соприкосновения, как, например Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, может стать точкой невозврата. Нужны действенные меры, общий алгоритм внешнеполитических ориентиров стран Центральной Азии. К последним можно отнести образование и культуру, стабильность и высокий уровень жизни, ценностные ориентиры и ясное понимание будущего своей родины – стратегические приоритеты взаимодействия государств Центральной Азии.

Литература

1. Бордачев Т. Дуга нестабильности. [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/1216028/timofei-bordachev/duga-nestabilnosti> (дата обращения: 05.09.2021).
2. Бартольд В. Панисламизм. Сочинения. — Т. VI. — М., 1966. — 402 с.
3. Тодуа Зураб. Радикальный ислам в Узбекистане: этапы становления и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. — 2005. — № 1 (37). — С. 41–48.
4. Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. — Бишкек, 2014. — 65 с.
5. Михеев С. О религиозной ситуации в ВКО. 9 июля 2015. [Электронный ресурс]. — URL: <http://flashpress.kz/blog/flash/112479.html>
6. Занималась запретным. [Электронный ресурс]. — URL: <http://yk.kz/news/show/28219>. (дата обращения: 28 июля 2015).
7. Алтынбаев Г. Тюремная среда в Казахстане начинает штамповать сторонников исламского радикализма. [Электронный ресурс]. — URL: http://rus.azattyq.org/content/kazakhstan_islamists_in_prisons/1938410.html (дата обращения: 29.10.2013).

Сведения об авторе:

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, главный научный сотрудник НИЦ «Ел тарихы» (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: sovetuk@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-МОКНСМ по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002)

В статье освещены основные результаты изучения религиозных процессов в Западной Сибири и сопредельных регионах Монголии и Казахстана в исторической ретроспективе в контексте государственно-конфессиональной политики. Исследование, в котором принимают ученые из разных научно-образовательных организаций России, Монголии и Казахстана, базируется на комплексном междисциплинарном подходе к анализу широкого круга археологических, этнографических, архивных источников, нормативно-правовых документов и результатов социологических исследований.

RELIGIOUS PROCESSES IN WESTERN SIBERIA AND ADJACENT REGIONS OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF STATE-CONFESSIONAL POLICY: INTERDISCIPLINARY RESEARCH EXPERIENCE

P.K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article highlights the main results of the study of religious processes in Western Siberia and the adjacent regions of Mongolia and Kazakhstan in historical retrospect in the context of state-confessional policy. The research, which involves scientists from various scientific and educational organizations in Russia, Mongolia and Kazakhstan, is based on a comprehensive interdisciplinary approach to the analysis of a wide range of archaeological, ethnographic, archival sources, regulatory documents and the results of sociological research.

Изучение религиозных процессов в Западной Сибири и сопредельных регионах Центральной Азии в контексте государственно-конфессиональной политики является одной из центральных тем алтайского религиоведческого центра, который представлен кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений и лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований АлтГУ. Разработка данной темы происходит в рамках рассмотрения широкого круга археологических, этнографических, архивных источников, нормативно-правовых документов, а также результатов социологических исследований. Исследования проводятся в рамках взаимодействия более 20 научно-образовательных организаций России, Монголии и Казахстана при координации автора публикации. Данная проблематика разрабатывается по четырем тематическим направлениям, выделенным по проблемно-хронологическому принципу. Результаты изучения обозначенной темы отражены в многочисленных статьях и серии монографий, а также кратко отражены в данной работе.

Первое направление связано с изучением влияния прозелитарных религий (буддизм, манихейство, несторианство, а позднее и ислам) на традиционное мировоззрение тюркоязычных кочевников в эпоху Средневековья. Важную роль в истории тюркоязычных кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи Средневековья играли религиозные процессы. Активное функционирование в эпоху Средневековья Великого шелкового пути способствовало укреплению международных связей, развитию торгово-экономических отношений, проникновению разных технологий производства, а также позитивно сказывалось на распространении различных прозелитарных религий — буддизма, манихейства, несторианства и ислама. Тюркоязычные кочевые народы Центрально-Азиатского региона находились в определенной степени в орбите функционирования этого культурно-исторического коридора. В этой связи не случайно военно-политическая элита номадов обращала пристальное внимание на распространение новых идеологических систем. Как показали наши исследования, это было обусловлено стремлением элиты кочевых империй создать новую единую идеологическую основу для полиэтничных государств, которая должна была прийти на смену традиционной религиозной системе, во многом базировавшейся на шаманском комплексе верований и обрядов. В результате кочевая элита проводила определенную религиозную политику, затрагивающую как традиционную религиозную систему, так и направления деятельности различных миссионеров [2, 1, 11].

В отдельных случаях миссионерам прозелитарных религий оказывалась серьезная поддержка со стороны каганов и военно-политического окружения вплоть до придания статуса государственной религии, как например, манихейству в Уйгурском каганате. Кроме того, религиозный фактор стал активно использоваться военно-политической элитой для решения не только внутренних, но и внешних проблем. Однако в силу особенностей культурно-исторических процессов и недолговечности полиэтничных империй тюркоязычных кочевников эпохи раннего Средневековья ни одна из мировых религий так и не смогла окончательно занять прочные позиции в их мировоззрении. В этой связи даже официальное провозглашение религии государственной в большинстве случаев не означало глубокого проникновения новых идей в традиционное мировоззрение кочевников.

Важным направлением исследований стало изучение погребальных памятников тюркской, кыргызской и сроткинской культур на могильниках Чинета-II и Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай). Полученные материалы наряду с письменными источниками и другими археологическими данными позволили рассматривать особенности религиозных процессов в тюркоязычных каганатах Южной Сибири и Центральной Азии эпохи [3, 4].

Главным индикатором смены религиозного мировоззрения являлась трансформация погребального обряда, который у тюркоязычных кочевников не претерпел существенных изменений, несмотря на активную деятельность различных миссионеров, а зафиксированные отличия носили преимущественно этнохронологический характер. При этом распространение прозелитарных религий привело к формированию определенных синкретичных религиозных представлений, обрядов, а также появлению новых образов и орнаментальных мотивов в искусстве. Несмотря на влияние манихейства и буддизма, которые были более склонны к синкретизму и легче других религий приспособивались к культурно-исторической ситуации и образу жизни кочевников, тем не менее иноэтническая иконография часто являлась только инструментом для воплощения элементов традиционного мировоззрения, что нашло широкое отражение в предметах тюркской культуры кочевников [2, 7]. В то же время следует подчеркнуть, что международное сотрудничество, торгово-экономические отношения, функционирование в тюркоязычных каганатах миссионеров различных конфессий закладывало основы межкультурного взаимодействия и взаимного уважения к этнической и религиозной идентичности различных народов.

Второе направление исследований посвящено рассмотрению положения религиозных общин Западной Сибири и приграничных районов Казахстана в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи. Следует отметить, что в имперский период основные этнические группы, проживающие в указанном регионе (русские, алтайцы, казахи, сибирские татары), вступили в новую фазу межкультурного взаимодействия, что закономерно сказывалось на динамике религиозной ситуации и необходимости государственного регулирования взаимоотношений с религиозными общинами. Геополитическое расположение рассматриваемого региона и его особое место в системе административно-территориального управления объяснялось целым рядом обстоятельств: значительной удаленностью от имперского центра, слабой заселенностью в определенные периоды «русским элементом», господством в общественно-политической и социально-бытовой сфере позиции тенгрианства, ислама, буддизма. Это во многом определило специфику правительственного курса начиная с XIX в. в отношении данного этноконфессионального региона. Его целью провозглашалась широкоформатная интеграция сибирских национальных окраин в политико-правовое, экономическое и социокультурное общероссийское пространство [7].

Российская империя выработала особую систему государственно-конфессиональных отношений. Сама система включала в себя четыре иерархических уровня. Высший уровень конфессиональной структуры занимала Русская православная церковь. На второй ступени располагались так называемые «признанные терпимые» — католики, протестанты, мусульмане, буддисты и иудеи. Следующее звено составляли «терпимые непризнанные», представленные преимущественно старообрядцами. Наконец, на низшей ступени располагались «непризнанные нетерпимые», к которым относились, например, такие группы, как хлысты, скопцы. Исходя из соответствующего расположения религиозной организации или группы в данной иерархии, с ней выстраивались особые отношения со стороны государственной власти и Русской православной церкви. Общероссийские тенденции имперской государственно-конфессиональной политики, как показали наши исследования, хорошо прослеживаются в религиозных процессах, протекавших в Западной Сибири и Казахстане в XIX — начале XX в. [7, 10]. При этом особо следует подчеркнуть, что Российская империя на протяжении всей своей истории имела повышенный интерес к мусульманским народам в регионах. В целом, политика государства в отношении исламских общин Западной Сибири и сопредельных районов Казахстана в XIX в. прошла несколько этапов, начиная от либеральных реформ, к политике скрытого преследования ислама и в итоге к активной позиции самого инородческого населения в начале XX в. [6].

В начале XX в. на закате Российской империи наметились серьезные преобразования в религиозной политике. Недовольство национальных окраин имперской политикой России, в том числе

в отношении привилегированного положения Русской православной церкви, рост самосознания и культурное развитие все острее поднимали вопрос о положении различных народов так называемых инородцев и конфессий в государстве. Революционные потрясения начала XX в. в России вместе с политическими требованиями обозначили вопрос и о религиозной свободе. Неслучайно правительственный акт «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., утвержденный Николаем II, разрешал свободно переходить из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания. Правда, вопросы взаимоотношения между государством и религиозными общинами фактически остались неизменными [10].

Третье направление научных исследований связано с изучением положения религиозных общин Сибири и сопредельных районов Казахстана в контексте советской государственно-конфессиональной политики. Следует отметить, что руководство страны в разные моменты советской истории при сохранении генеральной идеологической линии то ужесточало, то делало относительно либеральной религиозную политику. Наиболее драматичные и сложные годы приходится на первые десятилетия советской власти, которые сопровождались изъятием религиозных ценностей и недвижимого имущества, репрессиями священнослужителей, а сами религиозные общины лишались статуса юридического лица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общесоюзные тенденции государственно-конфессиональной политики хорошо прослежены на региональном материале Западной Сибири и сопредельных районов Казахстана [8, 12].

На протяжении 1920-х — 1930-х гг. советской властью были приняты решения, которые направлены на усиление репрессивных мер в отношении всех религиозных конфессий, действующих на территории рассматриваемого региона. В то же время поддержка большинства религиозных общин советской власти и Красной армии в годы Великой Отечественной войны была принята во внимание И. Сталиным, что в определенной степени улучшило государственно-конфессиональные отношения. Причем важно отметить, что в этом принимали участие разные религиозные объединения, в том числе и мусульманские общины Западной Сибири, о чем свидетельствуют архивные материалы. В то же время в послевоенные годы и последующий период государство ни на мгновение не выпускало из виду религиозный вопрос [5].

Кардинальный пересмотр государственно-конфессиональных отношений обозначился к концу периода существования СССР. Во многом импульсом к такому процессу послужила так называемая «перестройка» М.С. Горбачева, сопровождаемая принципами гласности и демократии. Наконец, 1 октября 1990 г. был принят Верховным Советом СССР Закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года Верховный Совет РСФСР утвердил Закон «О свободе вероисповеданий». Данные законы фактически заложили демократические принципы свободы совести и вероисповедания, которые, правда, не успели в полной мере реализоваться, так как в 1991 г. СССР распался. С середины 1980-х гг. начинается процесс легализации деятельности различных религиозных общин и в целом наметилась тенденция на возрождение религиозной жизни как в стране в целом, так и в Западной Сибири и Казахстане [8].

Четвертое направление исследований относится к анализу современных религиозных процессов в Западной Сибири и сопредельных регионах Казахстана и Монголии. Реализация этого направления связана как с изучением нормативно-правовых и архивных документов, так и с проведением этносоциологических исследований в Сибири и сопредельных регионах Казахстана и Монголии. Следует отметить, что в 1990-е гг. в Российской Федерации происходит формирование новых принципов государственно-конфессиональных отношений. Важным является принятая в декабре 1993 г. Конституция РФ, которая, с одной стороны, формально закрепляла принцип равенства всех религий перед законом, а с другой — не решала все вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций. Одной из важных задач новой российской власти в данный период стало преодоление негативных последствий советской модели конфессиональной политики и определение нового курса взаимодействия государственных и религиозных институтов. В постсоветский период произошло масштабное «возрождение» религиозной жизни, как в Западной Сибири, так и на сопредельных территориях суверенного государства Республики Казахстан. Следует особо отметить заметное увеличение количества различных религиозных общин в регионах, в том числе мусульманских. Начался постепенный процесс возвращения культовых зданий, а также активное строительство новых конфессиональных объектов. Исполнительные органы власти в Западной Сибири совместно с администрациями городов и районов осуществляли деятельность по налаживанию диалога верующих и неверующих, устанавливали отношения между государственными, национальными, общественными и религиозными организациями [12, 10].

Новый этап развития религиозных процессов в трансграничном пространстве Западной Сибири и Центральной Азии в конце XX — начале XXI в. обусловлено целым спектром факторов. К числу основополагающих можно отнести такие, как распад СССР и изменение геополитической ситуации

в Центрально-Азиатском регионе; всплеск национализма и новый импульс религиозности на постсоветском пространстве; миграционные процессы; разработка новой государственно-конфессиональной и национальной политики как в Российской Федерации, так и в сопредельных центральноазиатских государствах. При этом отмеченный регион в силу исторических особенностей развития по-прежнему сохраняет свою полиэтничность и поликонфессиональность [9].

Таким образом, краткий обзор проведенного междисциплинарного изучения религиозных процессов в Западной Сибири и сопредельных регионах Центральной Азии позволил сделать следующий вывод. Во-первых, уже в эпоху Средневековья в кочевых империях действовали миссионеры разных прозелитарных религий в рамках определенной государственной политики, которая в большинстве случаев способствовала межкультурному диалогу. В период существования Российской империи постепенно была выработана государственно-конфессиональная система, которая наряду с признанием государственной религии православия учитывала в определенной мере интересы так называемого инородческого населения региона, исповедующего ислам и буддизм. В результате, в частности в отношении тюркоязычных народов, проводилась политика аккультурации. В советский период, несмотря на всю сложность социально-политических процессов, многие религиозные общины смогли сохранить свою идентичность. Наконец, в постсоветский период удалось реализовать те тенденции, которые были заложены в период «перестройки» в СССР, направленные на реализацию принципов свободы совести, толерантности и конструктивного диалога между органами государственной власти и религиозными институтами. При этом особо остро обозначились проблемы, связанные с распространением экстремисткой идеологии и терроризма, противодействие которым во многом связано со взвешенной этноконфессиональной политикой России и стран Центральной Азии.

Литература

1. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. — 400 с.
2. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. — 244 с.
3. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов Центральной Азии. — Барнаул: Азбука, 2015. — 224 с.
4. Дашковский П.К. Отечественная историческая наука о религиях и государственной религиозной политике у кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных регионов. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. — 246 с.
5. Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 140 с.
6. Дашковский П.К., Шершнёва Е.А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX вв. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 162 с.
7. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. — Барнаул, 2014. — Т. I: Поздняя древность — начало XX в. — 214 с.
8. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. — Барнаул, 2015. — Т. II: XX в. — 194 с.
9. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. — Барнаул, 2017. — Т. III: Конец XX в. — начало XXI в. — 190 с.
10. Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных регионах Казахстана в XIX–XX вв.: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 331 с.
11. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. — 330 с.
12. Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX — начале XXI: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019.

Сведения об авторе:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

СОВМЕСТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО МИРА

Е.А. Жданова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье анализируются итоги реализации совместных образовательных программ Алтайского государственного университета с вузами-партнерами, созданных в рамках проекта «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS AS AN INTEGRATION FACTOR OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE TURKIC-MONGOLIAN WORLD'S COUNTRIES

E.A. Zhdanova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article analyzes the results of the implementation of joint educational programs of Altai State University with partner universities created within the framework of the project «The Turkic World of the Greater Altai: unity and diversity in history and modernity».

Алтайский государственный университет последовательно и динамично реализует свою стратегию опережающего развития международного интеграционного центра образования, науки, академических обменов и межкультурного взаимодействия со странами Большого Алтая и Центральной Азии, одним из важнейших направлений при создании нашей программы в рамках проекта «Приоритет 2030» мы выбрали повышение конкурентоспособности университета через расширение экспорта образования и научно-образовательных проектов на основе сетевого взаимодействия с вузами стран Большого Алтая и Центральной Азии.

В настоящее время в университете обучаются 2776 иностранных студентов из 25 стран мира, реализуется 43 международных совместных двудипломных образовательных программы разной направленности и уровней обучения. Из них 23 программы — с вузами-партнерами стран тюрко-монгольского мира и 5 международных междисциплинарных совместных двудипломных программ в рамках НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай».

Всего по программам двойных дипломов из вузов стран Большого Алтая в университете обучаются более 100 студентов. На регулярной основе происходит обмен студентами: входящая и исходящая академическая мобильность, обменные стажировки НПП, чтение авторских курсов профессором. Многолетний диалог с вузами-партнерами стран тюрко-монгольского мира позволил создать стабильный пул вузов, с которыми АлтГУ реализует программы двойных дипломов.

Высокую оценку со стороны федеральных органов исполнительной власти РФ, Министерства науки и высшего образования получила предложенная нами модель разработки междисциплинарных магистерских программ, ведущих к получению двух дипломов, а именно Кейса образовательного блока проекта «Тюркский мир Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности». Для реализации новой модели:

* Было создано 5 международных проектных групп ведущих специалистов в области изучения алтаистики, тюркологии, монголоведения из вузов-экспертов и вузов-партнеров стран России, Казахстана и Кыргызстана; проведены экспертные обсуждения образовательного проекта и скоординированы основные аспекты формирования образовательного Кейса.

* Сформирован пул заказчиков магистерских программ, куда вошли:

- представители Национально-культурных автономных центров и общественных организаций стран БА и ЦА;
- российско-азиатских совместных предприятий;
- органы государственной власти России и ЦА;

- учреждения профессионального образования России и ЦА;
- ассоциации азиатских университетов.

* Определены базовые сквозные и специализированные профессиональные компетенции, связанные с этнокультурными и этносоциальными аспектами развития стран БА и профильная направленность магистерских программ в соответствии с потребностями рынка труда, запросами на компетенции и фундаментальные научные исследования в рамках научно-образовательного проекта.

* Международными проектными группами определены технологии разработки и создания ОП, методики преподавания, интегрированные с запросами потребителей этих стран и научными исследованиями: в структуру и содержание ОП включены модули, направленные на подготовку высококвалифицированных кадров, ориентированных на осознание и воплощение в профессиональной деятельности идей общих исторических корней, культурных и цивилизационных ценностей, хозяйственно-экономических связей, цифровой культуры, а также предупреждение общих угроз безопасности (распространение религиозного и национального экстремизма, идеологии пантюркизма, искаженных трактовок событий нашей общей истории).

* Были проведены онлайн- и офлайн-встречи, результатом которых стали магистерские двудипломные программы, обеспечивающие острую необходимость в специалистах нового формата, ориентированные на мировую конкуренцию выпускников, основа программ — индивидуализация и проектное обучение, а также постоянная включенность студентов в решение научных задач в области мультидисциплинарных алтаистических исследований в интересах регионов БА.

Получение образования по такой модели имеет очевидные преимущества: обучение у лучших специалистов — преподавателей двух стран, возможность обменных академических стажировок студентов в научных центрах обоих вузов; прохождение практики на базе представителей заказчиков; получение двух дипломов за один период обучения, имеющих законный статус в двух государствах и гарантированное трудоустройство.

Результатом профессиональной работы экспертов, руководителей программ со стороны АлтГУ и вузов-партнеров, российских и зарубежных заказчиков явились 5 междисциплинарных программ магистратуры по трем направлениям: социально-экономическому, гуманитарному и естественно-научному. Созданные программы в большей степени ориентированы на иностранных граждан, но на 1 курс в этом году поступили и выпускники российских университетов.

Особенностью Кейса является его целостность: новые магистерские программы полностью соответствуют научным направлениям, представленным в проекте. У магистрантов есть возможность погрузиться в деятельность представленных научных школ и продолжить обучение в аспирантуре вузов-партнеров.

Помимо инновационных ОП магистратуры в Кейс образовательного блока вошли: создание платформы «цифровой БА» для интеграции научного, образовательного и просветительского контента, включающая онлайн-курсы для программ магистратуры, в том числе отдельные модули на английском языке; программы ДПО для сети базовых школ, колледжей и учреждений ДПО в странах тюрко-монгольского мира, в содержание обучения которых интегрируется образовательный контент научного проекта «Тюркский мир «Большого Алтая» и разработка методических рекомендаций в помощь преподавателям для реализации дисциплин регионоведческой направленности.

Вместе с тем есть актуальные проблемы взаимодействия наших высших школ, которые мы вместе с коллегами преодолеваем:

* Законодательные нормы в сфере образования в странах тюрко-монгольского мира по некоторым пунктам расходятся достаточно существенно, порой нелегко находить возможности для согласования и реализации двудипломных образовательных программ, оставаясь в правовом поле обеих стран.

* Образовательные стандарты наших стран обладают своей национальной ориентированностью, но тем не менее процессы глобализации подвигают нас находить общие точки соприкосновения в разнице подходов к формированию программ.

Проблемы:

✓ разные сроки проведения приемной кампании в странах-партнерах, зачисления, выдачи документов об образовании, различие в подходах выделения бюджетных мест;

- ✓ различные сроки обучения;
- ✓ различие в названии укрупненных групп направлений/специальностей и их обязательных составных частей;
- ✓ длительное совместное согласование учебных планов;
- ✓ односторонняя мобильность студентов;
- ✓ различия в статистической отчетности университетов наших стран.

Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 882/391 от 05.08.20 «Об организации и осуществлении образования при сетевой форме реализации образовательных программ» стал первым документом, в котором закреплено понятие «сетевая образовательная программа», разъяснены моменты ее организации, но, безусловно, требуется еще доработка процедур для совместной реализации программ с зарубежными вузами. В настоящее время в условиях взаимодействия СНГ и ШОС рассматриваются возможности унификации национальных классификаторов и перечней специальностей, разрабатываются механизмы сближения присваиваемых квалификаций.

Пока эти задачи не решены, нам необходимо усилить администрирование собственных процессов организации сетевого взаимодействия и создания локальных нормативных актов для их регулирования; улучшать процессы маркетинга и набора для привлечения абитуриентов на программы двойных дипломов.

Межгосударственное сотрудничество в сфере образования и стремление вузов-партнеров к взаимодействию будет взаимовыгодным лишь при условии гарантии качества образования, нам вместе нужно решать задачи по повышению квалификации преподавательского и управленческого состава наших вузов, постоянно внедрять новые формы образовательных технологий, сохраняя собственные традиции университетов наших стран.

Наше совместное будущее видится, прежде всего, в расширении спектра уникальных междисциплинарных образовательных программ двойных дипломов, направленных на сквозную проектную работу непосредственно в профессиональных и научных областях, обеспечивающих индивидуализацию и практикоориентированность образования за счет использования высокотехнологичного оборудования и кадровых ресурсов наших университетов.

Сведения об авторе:

Жданова Евгения Анатольевна, кандидат технических наук, доцент, первый проректор по учебной работе, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: gdanova@mail.asu.ru

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТОВ НОЦ АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ», РЕАЛИЗОВАННЫХ В 2021 ГОДУ

ПЕРВЫЙ ЭТАП РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ „БОЛЬШОЙ АЛТАЙ — ПРАРОДИНА ТЮРКОВ“»

Я.В. Фролов, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В 2021 г. начаты работы над проектом «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“». Проект рассматривается как площадка, объединяющая цифровые материалы из музейных собраний тюркского времени Большого Алтая. Проект предусматривает публикацию 3D-моделей важнейших музейных экспонатов искусства и материальной культуры предтюркского и тюркского времени. Проводятся работы по созданию 3D-моделей археологических памятников. К проекту присоединились несколько музеев из России и Республики Казахстан.

THE FIRST STAGE OF WORK ON THE PROJECT: VIRTUAL MUSEUM «GREAT ALTAI — THE ANCESTRAL HOME OF THE TURKI»

Y.V. Frolov, S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul (Russia)

In 2021, work began on the Virtual Museum project «Great Altai — the ancestral home of the Turki». The project is viewed as a platform that combines digital materials from museum collections of the Turkic time of the Greater Altai. The project provides for the publication of 3D models of the most important museum exhibits of art and material culture of the pre-Turkic and Turkic times. Work is underway to create 3D models of archaeological sites. Several museums from Russia and the Republic of Kazakhstan have joined the project.

В рамках НОЦ «Большой Алтай» в 2021 г. создается проект «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“». Территория Большого Алтая является зоной, где происходил процесс этногенеза тюркских народов. В этом регионе сконцентрированы сотни памятников тюркского времени. Учеными-тюркологами с XIX в. на протяжении более 100 лет исследований накоплены значительные коллекции, которые сосредоточены в собраниях нескольких десятков музеев различных государств.

Если история и археология тюрков хорошо представлена в научных публикациях, то культуру и искусство древних тюрков можно увидеть, прежде всего, в музейных собраниях. На сегодняшний день нет музея или крупной экспозиции, в комплексе раскрывающих развитие древней истории и культуры тюркских народов единого региона Большой Алтай. Поэтому существуют значительные трудности при воссоздании целостной картины культурного развития этого региона в тюркское время.

Создание виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков» как площадки, объединяющей информационные ресурсы многих организаций, занимающихся сохранением и репрезентацией материалов тюркского времени Большого Алтая, позволит сформировать целостную картину истории культуры тюрков эпохи средневековья.

Основной раздел виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков» объединяет визуальные образы ключевых музейных экспонатов искусства и материальной культуры предтюркского и тюркского времени. В нем будут собраны 3D-модели наиболее ярких и значимых предметов, позволяющие представить культуру средневековых тюрков. Это каменные изваяния, предметы торевтики, вооружение, детали костюма, украшения, конская упряжь и другие изделия.

Имеющиеся публикации предметов тюркского искусства и даже отдельные экспозиции музеев не позволяют рассмотреть многие высокохудожественные изделия в полном объеме. В научных изданиях на графических иллюстрациях или фотографиях нет возможности передать полностью особенности многих объемных художественных объектов, например, таких как каменные изваяния или предметы торевтики. Это затрудняет их изучение и использование в научных и образовательных ра-

ботах. Поэтому при осуществлении проекта «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“» сделан основной упор на создание 3D-моделей объемных сложных объектов, имеющих художественную значимость. Используемая технология позволит рассмотреть предметы с разных ракурсов и представит возможность провести исследования специалистам (сделать необходимые измерения, рассмотреть мелкие детали и т.д.).

Современные технологии 3D-моделирования — метод фотограмметрии, использование различных 3D-сканеров в настоящее время становятся широкодоступны и уже давно достаточно активно используются для презентации музейных коллекций, в том числе и археологических собраний [1, с. 21-37]. Например, только в Сибирском регионе запущено несколько проектов, представляющих 3D-модели археологических экспонатов [1, с. 21-37; 2, с. 9-21; 3, с. 177-180]. В большинстве из них представлено немного моделей или нет их комплексного тематического представления.

В виртуальном музее «Большой Алтай — прародина тюрков» кроме основного раздела «Артефакты», представляющего 3D-модели экспонатов музеев, реализованы блоки, где будет представлена информация об археологических памятниках тюркского времени Большого Алтая, а также рассмотрены этапы формирования групп населения предтюркского и тюркского периодов. Все разделы виртуального музея снабжены перекрестными ссылками, внутри них предусмотрена возможность сортировки объектов по темам и хронологическим периодам. Все это позволит представить информацию о культуре средневековых тюрков в комплексе.

В ходе работы над созданием 3D-моделей в музеях было отснято более 80 предметов. Это каменные изваяния, предметы декоративно-прикладного искусства и достаточно сложные в цифровой обработке комплексы предметов — такие как парные застёжки, наборные пояса, мечи с деталями ножен.

В настоящее время основной сайт виртуального музея находится в стадии подготовки. На временной странице сайта для предварительного просмотра представлены 3D-модели 10 предметов из Алтайского государственного краеведческого музея и Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Это позволит ознакомиться с возможностями программных продуктов, с помощью которых реализован просмотр 3D-моделей. В их интерфейсе предусмотрен ряд инструментов, которые позволяют рассмотреть ряд деталей при регулировании интенсивности и угла освещенности 3D-модели, произвести замеры отдельных деталей, рассмотреть предметы в разрезе, сделать скриншот.

При подготовке 3D-моделей разработчикам пришлось решать ряд прикладных задач. В частности, по оптимальному представлению моделей в сети Интернет и использованию разных программных продуктов, позволяющих создать качественный и удобный просмотр экспонатов 3D-коллекции. Выяснилось, что существуют проблемы при просмотре 3D-моделей на разных устройствах, как устаревших моделей, так и, наоборот, использующих новейшее программное обеспечение. Поэтому в конечной версии виртуального музея пользователю будут предложены на выбор две версии программных продуктов, позволяющих просматривать 3D-модели 3DНОР и Verge3D.

Кроме оцифровки музейных экспонатов проведены работы по созданию 3D-моделей археологических памятников. В частности, сделана модель археологического комплекса «Царский курган» в долине р. Сентелек (Алтайский край). При подготовке материалов для создания этой 3D-модели использовались как данные, полученные с квадрокоптера, так и детальная съемка с помощью фотоаппарата отдельных объектов на площади памятника для создания с помощью метода фотограмметрии их 3D-моделей с последующей интеграцией всех объектов в единую систему.

В настоящее время к проекту «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“» присоединились пять музеев:

- Музей Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск;
- Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск;
- Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул;
- Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, г. Бийск;
- Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

В ближайшее время планируются работы в музеях Республики Казахстан: Музее археологии и культурного наследия Алтая Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова и Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее.

Создание площадки «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“», интегрирующей ресурсы разных музеев, позволит интенсифицировать процессы обмена данными между музеями, вузами и научными организациями на репрезентативной научной базе.

В планах дальнейшего развития проекта — привлечение большего числа музеев-партнеров из регионов России и других государств.

Литература

1. Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 4. — С. 21-37.
2. Лбова Л.В., Женест Ж.-М. Трехмерная визуализация в археологии как научно-образовательный ресурс в Новосибирском государственном университете: возможности и ограничения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2017. Т. 16, № 5: Археология и этнография. — С. 9–21.
3. Панкина А.И., Казаков В.В., Лбова Л.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.В., Ростяженко Т.Е. Музейные коллекции в 3D: опыт Новосибирского государственного университета // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2019. — № 3 (35). — С. 177-180.

Сведения об авторах:

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: gsp142@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: frolov_jar@mail.ru

ОБ ИТОГАХ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ: РОССИЯ — КЫРГЫЗСТАН, 2021»

А.А. Асанканов¹, И.В. Октябрская², И.И. Назаров³

¹Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН РК, г. Бишкек (Кыргызстан)

²Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

³Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В публикации приводятся основные сведения о работе Международной этнографической экспедиции в Кыргызской Республике в сентябре 2021 г. Экспедиция объединила российских и кыргызстанских ученых — этнологов и этносоциологов, которые обследовали населенные пункты Иссык-Кульской и Нарынской областей для изучения современного состояния кочевого хозяйства кыргызов. Отмечается высокая степень сохранности системы традиционного скотоводческого хозяйства, а также сопряженных с ним ремесел и явлений материальной культуры. На основе собранных материалов выявляется тесная этногенетическая связь кыргызов со скотоводческими народами Южной Сибири.

ON THE RESULTS OF THE FIRST INTERNATIONAL ETHNOGRAPHIC EXPEDITION «GREAT ALTAI: RUSSIA — KYRGYZSTAN, 2021»

A.A. Asankanov¹, I.V. Oktyabrskaya², I.I. Nazarov³

¹Institute of History, Archeology and Ethnology named after B. Dzhamgerchinova, Bishkek (Kyrgyzstan)

²Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)

³Altai State University, Barnaul (Russia)

The publication provides basic information about the work of the International Ethnographic Expedition in the Kyrgyz Republic in September 2021. The expedition brought together Russian and Kyrgyz scientists — ethnologists and ethnosociologists, who surveyed the settlements of the Issyk-Kul and Narynsk regions to study the current state of the Kyrgyz nomadic economy. A high degree of preservation of the system of traditional cattle-breeding economy, as well as associated crafts and phenomena of material culture, is noted. On the basis of the collected materials, a close ethnogenetic relationship of the Kyrgyz with the pastoralists of southern Siberia is revealed.

Первая международная этнографическая экспедиция «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан, 2021» была организована и проведена в рамках реализации Алтайским государственным университетом госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности». Со-организаторами экспедиции выступили Кыргызский национальный университет им Ж. Баласагына, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Наци-

ональной академии наук Кыргызской Республики при поддержке Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук и Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. Экспедиция проходила под руководством к.и.н., директора Института истории и международных отношений АГУ И.И. Назарова. Научным консультантом экспедиции выступил академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, директор Института истории, археологии и этнографии им. Б. Джамгерчинова А.А. Асанканов.

Экспедиция осуществляла работу в рамках двух отрядов: Нарынского и Иссык-Кульского, в состав которых вошли 20 сотрудников российских и кыргызстанских академических, университетских и музейных центров. Маршрут экспедиции проходил по селам Иссык-Кульской и Нарынской областей Кыргызстана. Ее участники преодолели по маршруту более 3 тыс. км, посетили 16 населенных пунктов и несколько скотоводческих стоянок.

Международная этнографическая экспедиция «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан, 2021» возобновила практики сотрудничества гуманитариев двух стран. Основы такого взаимодействия были заложены в ходе фундаментальной программы Академии наук СССР по изучению народов Средней Азии и Казахстана в 1962-1963 гг. и получили развитие при подготовке и издании в 2016 г. тома «Кыргызы» в рамках академической серии «Народы и культуры», курируемой Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Экспедиция была направлена на восстановление научных связей российской и кыргызстанской этнографии/этнологии. Она была призвана обозначить наиболее важные темы, в равной степени актуальные для академической науки России и Кыргызстана. Ее главной целью стало выявление алтайско-кыргызских этнокультурных параллелей, которые являются отражением этногенетических и этнокультурных связей тюркских народов Большого Алтая и Центральной Азии. Это были первые за последние 70 лет совместные полевые исследования ученых двух стран.

В фокусе полевых исследований участников описываемой экспедиции находились: традиционные технологии кочевания и жизнедеятельности, а также современные формы организации сельской экономики и предпринимательства (А. Жапаров, И. Назаров); традиционное кыргызское жилище (А. Мамытова, Н. Султаналиева); кыргызская одежда (Н. Момунбаева); пищевые традиции (Т. Айтбаев); традиционные ремесла и декоративно-прикладное искусство (Ч. Бексултанова, Ч. Сатыбалдыева, И. Октябрьская); народные знания (Н. Тентигул-кызы, А. Абдиева); устное народное творчество и доисламские верования (С. Дюшенбиев, Т. Бакчиев); родоплеменная структура, этническая идентичность и языковые стратегии кыргызов (А. Бикбулатова, Ж. Омурзакова, Р. Жолдошев, Ж. Токтобаева, С. Алымкулова); практики сохранения историко-культурного наследия в музейной деятельности (А. Алымова, Б. Бообек Уулу).

Полевые исследования показали высокую степень сохранности традиционной культуры кыргызов. Известно, что еще с конца 1990-х гг. Всемирная организация ЮНЕСКО развернула работу в странах Центральной Азии по выявлению природных и рукотворных культурных объектов, представляющих ценность для всего человечества. Первым в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 2009 г. в Кыргызстане был внесен историко-археологический музейный комплекс «Сулайман-Тоо» и священная гора, которая до XVI в. называлась Бара-Кух, а позже — Тахт-и-Сулейман. В 2012 г. в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО были внесены традиционные кыргызские узорные войлочные ковры — шырдак и ала-кииз; в 2013 г. — эпическая трилогия «Манас» — «Семетей» — «Сейтек» и культура ее исполнения. В 2014 г. войлочная юрта на каркасной основе была признана достоянием всего человечества. В 2015 г. в список шедевров вошло искусство поэтической импровизации и состязание акынов — айтыш; в 2016 г. его пополнил праздник Наурыз и традиции приготовления лепешки каттама. В 2017 г. в список ЮНЕСКО была включена национальная конная игра — коок-бору, во время которой всадники борются за тушу козла; в 2019 г. — ак калпак — способ изготовления и ношения традиционного мужского головного убора из войлока. В 2020 г. список объектов нематериального культурного наследия в Кыргызстане пополнила народная интеллектуальная игра тогуз коргоол. В настоящее время Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО также включает объекты Великого шелкового пути.

Традиции в Кыргызстане продолжают воспроизводиться на уровне повседневной жизнедеятельности и оцениваются как важные ресурсы национального развития. Сегодня в республике действует программа «Одно село — один продукт», которая способствует активизации некоторых отраслей промышленности, обеспечивает местное население рабочими местами, привела к определенному развитию экономики.

По инициативе производителей Иссык-Кульской области для продвижения программы «Одно село — один продукт» была создана соответствующая Ассоциация, офис которой находится в г. Ка-

раколе. В настоящее время в Ассоциации насчитывается более 2000 человек. Особенностью работы ее участников является использование местных натуральных ресурсов и традиционных технологий в разработке оригинальных продуктов и услуг. С опорой на местное сырье и с использованием этнических традиций в Кыргызстане активно развивается туристическая индустрия.

Участники экспедиции имели возможность познакомиться с работой ремесленников, местных отельеров, хозяев гостевых домов и организаторов экскурсионных туров, которые объединились в коллаборацию с целью эффективного развития турбизнеса, а также ради защиты экологии и культуры прибрежной зоны Иссык-Куля. Единство человека, культуры и природы определяет содержание деятельностных стратегий современных предпринимателей в сфере этнотуризма. И этот принцип они считают общим в рамках кочевой цивилизации Большого Алтая.

Представление об уникальности и значимости кочевых культур в мировой ойкумене становится элементом массового сознания в Кыргызстане. Этот концепт отрабатывается в туристическом маркетинге, в масс-медиа Кыргызстана, в музейных и выставочных экспозициях. Он определяет пространство исторической памяти кыргызского этноса. Всю ее многогранность представляют музеи Иссык-Кульской и Нарынской областей, с экспозициями и фондами которых работали участники международной экспедиции.

Особое место среди музейных комплексов Иссык-Кульской области занимает «Центр кочевой цивилизации» имени Курманджан Датки в с. Чон-Сары-Ой. Его открытие состоялось в 2017 г. На церемонии открытия присутствовали представители 20 народов из 12 стран, связанных происхождением с территорией Большого Алтая. Отражение кочевых традиций в пространстве названного музея соотносится с сохранением исторической памяти кыргызов — с событиями XIX в., в которых в сложном переплетении политических явлений при участии России, Кокандского ханства и Бухарского эмирата решалась судьба алайских кыргызов, предводительницей которых и была К. Датка.

В ходе экспедиционной работы отмечено, что в современном Кыргызстане имена героев прошлого активно возвращаются в историко-культурное пространство страны. В городах, селах, урочищах возводятся памятники глав родовых объединений и управителей волостей. Комеморативные практики соединяются с практиками сохранения историко-культурного наследия. Полевые исследования позволили установить, что история и традиции в настоящее время являются важными факторами структурирования самосознания кыргызов. Оно имеет многоуровневый характер; в нем соединяются уровни родовой, этнолокальной, национальной и цивилизационной идентичностей. Опора на историю, этнические традиции и ценности рассматривается как условие развития нации в целом и этнолокальных групп в частности.

Во многих селах Кыргызстана существуют мастерские, ориентированные на сохранение и развитие традиционных ремесел и художественных промыслов. Так, в Тонском районе Иссык-Кульской области на южном берегу оз. Иссык-Куль расположено с. Кызыл-Туу. В нем проживает около 1800 человек, большинство из которых занимается изготовлением традиционных кыргызских юрт. Мастера при этом работают на основе кооперации. За два-три дня они способны собрать и укомплектовать юрту по заказу покупателя. В силу своей специализации с. Кызыл-Туу является популярным местом среди путешественников. Ежегодно здесь проходит фестиваль традиций и обычаев «Кийиз Дуйно», куда приезжают тысячи людей.

Несколько семейных мастерских, где юрты делают полностью от остова до узорного оформления внутреннего пространства, существуют и в г. Караколе, а также в его пригороде. Юрты иссык-кульских мастеров побеждают на многочисленных республиканских и международных выставках и фестивалях, аккумулирующих опыт и творческий потенциал кочевых народов Евразии.

В Кыргызской Республике гордятся юртой как национальным достоянием. Это престижный символ государственных праздников. В то же время юрта сохраняет свое значение в хозяйственной деятельности, традиционных семейных ритуальных (свадебных и погребальных) практиках кыргызов. Она остается основным жилищем пастухов, кочующих по высокогорным долинам Кыргызстана. Погружение в жизнь и быт скотоводов Нарынской области стало частью исследований участников экспедиции «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан, 2021». Отмечена высокая сохранность явлений традиционной скотоводческой культуры. Разведение различных пород скота во многих местностях и сейчас является главным занятием сельского кыргызского населения. На высокогорных летних пастбищах — *джайлоо*, таких, например, как на озере Сон-Кол, и сегодня можно наблюдать традиционные способы природопользования и технологии кочевания, а также сопутствующие скотоводческому укладу явления культуры жизнеобеспечения: переносное жилище юрта (*боз уй*), высококалорийная мясо-молочного направления пища и т.д.

Большие стада мелкого рогатого скота, которые разводят кыргызы, позволяют получать значительные объемы шерсти — основы войлочного производства. Современные кыргызские мастерицы не только воспроизводят традиционные виды войлочных и шерстяных изделий, но и создают новые образцы декоративных изделий, например, дамские сумочки, различные женские украшения, футляры для телефонов, куклы и т.д., которые идут на продажу.

В ходе полевых работ этнографы России и Кыргызстана могли наблюдать, как в повседневный обиход и обрядовую сферу кыргызов по-прежнему включено производство узорных войлоков. Работая в селах и на пастушеских стоянках, участники экспедиции имели возможность убедиться, что наряду с сохранением традиционного домашнего производства в различных районах страны организуется сеть ремесленных мастерских. Например, была изучена деятельность цехов по производству натуральных войлочных изделий в с. Кара-Шаар Тонского р-на Иссык-Кульской области и Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области. В рамках проекта «Одно село — один продукт» цех из с. Кара-Шаар объединяет около 30 мастериц и выпускает изделия под маркой «Иссык-Куль Бренд».

Одним из известных в республике центров по производству художественных войлоков является мастерская-галерея «Алтын-оймок», объединяющая 12 мастериц с. Боконбаево. Имея сертификат ЮНЕСКО, они строго следят за качеством сырья, за соблюдением традиционных технологий, за точностью узоров. Неукоснительное следование канону определяет высокохудожественный уровень их узорных войлоков. Сегодня изделия «Алтын-оймок» известны во всем мире. Ежегодно мастерская производит около 60 ковров, отправляя их во Францию, Японию, Швейцарию и другие страны.

Кыргызские мастерицы делятся своими навыками с ремесленниками регионов Большого Алтая. Их творчество представлено на республиканском фестивале «Оймок», на многочисленных фестивалях и выставках традиционных ремесел кочевников в Корее, Германии, Канаде и многих других странах.

Участники экспедиции стали свидетелями одной из творческих школ, которая проходила в мастерской-галерее «Алтын-оймок». Она объединила экологов и прикладников Кыргызстана. По мнению участников семинара, опора на традицию и экофильные стратегии обеспечивает актуализацию творческого потенциала местных сообществ, является основанием для стабильного развития и противостояния рискам глобализации.

В представлении жителей прибрежной части Иссык-Куля существует неразрывная связь между культурой и природной средой. Воплощением этой связи являются священные места. Только в Иссык-Кульской области насчитывается 120 таких мест. Это родники и деревья, кумбёзы — мавзолеи известных людей и другие объекты. В их почитании соединяются древние представления о духах-хозяевах местностей с элементами ислама. С каждым таким сакральным объектом связан уникальный мифоритуальный комплекс. Одна из кыргызских пословиц гласит: «Если спросишь ребенка — иди на Манжылы-Ата, если спросишь богатства — иди на Чолпон-Ата, если спросишь власти — иди на Кочкор-Ата, если спросишь здоровья — иди на Иссык-Ата».

Работы на одном из самых известных святилищ Иссык-Кульской области — Манжылы-Ата — вошли в программу экспедиционных российско-кыргызстанских исследований 2021 г. Это святое место расположено недалеко от сел Бокомбаево и Каджи-Сай, рядом с действующим некрополем. Оно представляет собой сеть неглубоких ущелий между степными холмами, где бьют множество родников. Название урочища произошло от имени проповедника, который распространял суфизм среди местного населения. На одном из холмов здесь стоит посвященный ему мазар. С легендой о чудотворце переплетаются предание о матери-прородительнице оленихе (Бугу-Эне), духах места и исторические предания кыргызов Иссык-Кульской долины. Целебными считаются 12 основных и 5 дополнительных источников в окружении священных ив. Каждый родник имеет свое название и предназначение. Наиболее известны Манжылы-Ата, Бала, Бугу Энэ, Илим, Азиз Булагы, Майтик Дубана. Их посещение сопровождается принесением традиционной для мусульман жертвы, произнесением молитв, исполнением других ритуалов. Почитание родников Манжылы-Ата имеет этнокультурную специфику; но при всех различиях, в целом, в традиции почитания святых мест проявились общие для тюрков-кочевников Центральной Азии представления о единстве человека и его природного окружения.

Предметом исследования в ходе экспедиции стало изучение традиционной картины мира кыргызов, большое место в которой отводилось взаимодействию человека, его предков и природного окружения. Эти древние мифоэкологические воззрения являются общими для всех тюркских народов Большого Алтая. С ориентацией на общетюркские основы в рамках описываемой экспедиции происходила работа со знатоками традиции, хранителями народных знаний, смотрителями священных мест

и целителями. Феномен обретения дара и откровений, полученных от предков и эпических героев, изучался на примере современных манасчи — сказителей, исполнителей эпоса Манас.

Известно, что в 2003 г. ООН (по заявке Китая) признала Манас и сказительское искусство кыргызов КНР образцом устного творчества и духовного наследия человечества. В 2006 г. во всех вузах Кыргызстана в качестве обязательного был введен предмет «Манасоведение», который (в числе других дисциплин гуманитарного цикла) был направлен на формирование национальной и гражданской идентичности. В 2011 г. в Кыргызстане был принят закон «Об эпосе Манас», который регулировал вопросы, связанные с сохранением, развитием и популяризацией эпоса как интеллектуального наследия кыргызского народа. В 2013 г. Кыргызская Республика подала заявку на включение искусства и культуры исполнения манасчи в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В 2014 г. была завершена монументальная работа над 9-томником эпоса «Манас» в академическом издании варианта выдающегося манасчи — Сагымбая Орозбакова. Издание было опубликовано Национальной академией наук Кыргызской Республики. В 2015 г. постановлением Правительства Республики, по инициативе Министерства культуры, информации и туризма Кыргызстана и по рекомендации Парламента в стране был учрежден День эпоса «Манас». С тех пор он отмечается ежегодно 4 декабря как большой государственный праздник. В современном Кыргызстане существует Национальная академия «Манас» им. Чингиза Айтматова (с 2019 г.) и Театр «Манас» (с 2021 г.). Этот эпический цикл оценивается современными кыргызами как энциклопедия традиций и своеобразный нравственный кодекс нации. Обращение к эпическим ценностям, общим для всего тюрко-монгольского мира, воспринимают как путь духовного обновления и единения.

Выражением этих тенденций является Фестиваль эпосов народов мира. В сентябре 2021 г. он проводился в шестой раз на самых престижных площадках г. Бишкека. Свидетелями и участниками этого фестиваля стали члены одного из отрядов этнографической экспедиции. Во время открытия VI Фестиваля эпосов народов мира в центре столицы Кыргызстана в его пространстве, обозначенном традиционными юртами из разных областей республики, прозвучали величественные слова зачина эпоса Манас и была поставлена юрта мира, объединившая всех гостей фестиваля — всей страны.

Следует отметить, что во многих населенных пунктах, где осуществляла свою работу международная этнографическая экспедиция, были встречены исполнители Манаса — манасчи, которыми сегодня являются не только мужчины в зрелом возрасте, но и молодые парни.

Во время экспедиции удалось собрать новые сведения о современной родовой структуре кыргызов, отраженные в семейных родословиях (*санжыра*). В процессе сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено, что более половины названий кыргызских родов встречается и у современных алтайцев, что подтверждает этногенетические связи кыргызов с алтайцами.

Кроме того, членами Нарынского экспедиционного отряда было предпринято этносоциологическое исследование. Во всех населенных пунктах работы отряда проводилось анкетирование, нацеленное на выявление особенностей этнической идентичности сельского и городского населения; соотношения владения кыргызским и русским языками; роли религии в современной жизни кыргызов.

Материалы этнографической экспедиции (фото-, аудио- и видеоматериалы, полевые дневники, отчеты исследователей) поступили на хранение в научный архив Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. Они станут основой научных исследований единства и многообразия тюрко-монгольского мира в регионах Большого Алтая.

Сведения об авторах:

Асанканов Акылабек Асанканович, доктор исторических наук, академик НАН Кыргызской Республики, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: abylabek.asankanov@mail.ru

Октябрьская Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, профессор Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Назаров Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, директор Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: nazarov@mail.asu.ru

РАЗДЕЛ III. РЕЗОЛЮЦИЯ II МЕЖДУНАРОДНОГО АЛТАИСТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Принята 1 октября 2021 года.

30 сентября — 3 октября 2021 г. Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета при участии Горно-Алтайского государственного университета провел II Международный алтаистический форум «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Поддержку в организации II Форума оказали Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство иностранных дел РФ, губернатор и Правительство Алтайского края, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»). В работе II Международного алтаистического форума приняли участие более 300 ученых, экспертов и молодых исследователей 89 университетов и научных учреждений, в том числе 45 университетов и научных учреждений Российской Федерации и 44 университета и научных учреждения 9 государств зарубежья — Казахстана, Узбекистана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Монголии, Венгрии, Германии, Дании, Финляндии; всего с докладами в онлайн- и офлайн-формате выступили более 300 участников.

Информационную поддержку II Международному алтаистическому форуму оказывали «Социальный навигатор «МИА Россия Сегодня», Международное информационное агентство «Sputnik», Краевой информационный телеканал «Катунь 24».

С приветствиями в адрес участников Форума выступили: губернатор Алтайского края, председатель Правительства Алтайского края **В.П. Томенко**, главный федеральный инспектор по Алтайскому краю Аппарата полномочного представителя Президента РФ в СФО **Ю.С. Земский**, статс-секретарь, заместитель министра иностранных дел РФ **Е.С. Иванов**, заместитель министра науки и высшего образования РФ **Д.В. Афанасьев**, министр образования и науки Кыргызской Республики **Б.Д. Купешев**, министр образования и науки Республики Таджикистан **М.С. Имомзода**, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, председатель Международного экспертного совета НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» академик РАН **А.П. Деревянко**, ректор Казанского федерального университета **И.Р. Гафуров**, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева **Е.Б. Сыдыков**, генеральный секретарь Ассамблеи народов Евразии **А.Ю. Бельянинов**, генеральный секретарь Постоянной Международной Алтаистической конференции РИАС **Барбара Келлнер-Хайнkelле** и другие.

Целью II Международного алтаистического форума являлась консолидация ведущих научных школ и экспертов России, стран Большого Алтая и Центральной Азии в области изучения алтаистики и тюркологии; обсуждение научно-экспертным сообществом историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов, выработка позиций и предложений его продвижения и использования в качестве ресурса сохранения социальной стабильности в макрорегионе Большой Алтай. Основное содержание II форума составлял широкий круг вопросов по археологии, этнографии, религии, этнополитической истории народов тюрко-монгольского мира, филологии и литературе, современным тенденциям социального развития, безопасности и миграций в трансграничном пространстве Большого Алтая и сопредельных территориях, устойчивому развитию территорий Большого Алтая.

Работа II Форума была организована в формате пленарного заседания, научной конференции, секционных заседаний, выездной экскурсионной программы.

На пленарном заседании II форума выступили в количестве 21 человек ведущие ученые, эксперты с анализом исторических, политико-правовых, культурологических, этнографических аспектов развития тюрко-монгольского мира Большого Алтая в Средневековый период и Новое время. В выступлении **С.В. Землюкова**, д.ю.н., профессора, руководителя НОЦ «Алтаистики и тюркологии Большой Алтай», президента Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), были представлены результаты проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообра-

зие в истории и современности», реализуемого АлтГУ второй год. Сформированный в рамках проекта консорциум вузов, академических и научных организаций России и стран Большого Алтая состоит из 80 ученых 5 стран, благодаря чему стало возможным проведение комплексных междисциплинарных исследований в области историко-цивилизационного наследия народов Большого Алтая, обобщение полученного материала и его использование для продвижения идеи историко-культурного единства народов Большого Алтая. **В.В. Трепавлов**, д.и.н., профессор, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН (Москва, Россия), отмечал в своем выступлении своеобразие развития тюрко-монгольского мира, его цивилизационные признаки: единство мировоззрения, территории, этногенеза, образа жизни, культуры и искусства. **Л.И. Шерстова**, д.и.н., профессор Томского государственного университета (Томск, Россия), в своем выступлении продолжила тему цивилизационного развития славяно-тюрко-монгольского мира, отмечая, что евразийство — это мощная теоретическая концепция, которая помогает осознать сущность российской цивилизации, имеющей культурные корни как на Западе, так и на Востоке. Большое внимание Л.И. Шерстовой уделено историческим основаниям того сложного комплекса, каким является евразийская цивилизация. Соединение мощных славянского и тюркского элементов в единую цивилизацию обусловило гармоничное сосуществование носителей разных религий. **А.А. Асанканов**, академик НАН Кыргызской Республики, д.и.н., директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан), остановился в своем выступлении на кыргызско-алтайских этногенетических и этнокультурных связях. Ученый подчеркивал, что проблема существования традиций в современности, их соотношение с новациями превратилась также в одну из наиболее актуальных прикладных и фундаментальных для современных общественных и гуманитарных наук. Поэтому в рамках деятельности НОЦ «Алтаистики и тюркологии Большой Алтай» крайне важно проведение этнографических экспедиций, который могут зафиксировать роль традиции в жизни современных тюрко-монгольских народов. Не менее значимые аспекты историко-цивилизационного развития Большого Алтая прозвучали в выступлениях других ученых и экспертов.

На второй части Форума были заслушаны доклады ведущих экспертов и аналитиков России и стран Большого Алтая, отражающие современное развитие тюрко-монгольского мира. **А.А. Казанцев**, д.полит.н., профессор Высшей школы экономики, главный научный сотрудник Института международных отношений МГИМО (Москва, Россия), посвятил свое выступление политике «Великих держав» в Большой Центральной Азии и сценариям эволюции ситуации вокруг Афганистана. **В.А. Аватков**, к.полит.н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова, доцент Дипломатической академии МИД России, председатель комиссии по тюркским и финно-угорским народам Федерального агентства по делам национальностей (Москва, Россия), продолжил тему и остановился на приоритетах политики Турции в Центральной Азии. В выступлениях экспертов также прозвучали сюжеты, связанные с анализом религиозной ситуации в регионах Большого Алтая, динамикой социальных, демографических, миграционных процессов.

На пленарном заседании были презентованы проекты НОЦ алтаистики и тюркологии Большой Алтай — «Виртуальный музей „Большой Алтай — прародина тюрков“» и «Международная этнографическая экспедиция «Большой Алтай. Россия — Кыргызстан 2021», которая состоялась в сентябре 2021 г. в Кыргызстане.

В целом, пленарные доклады вызвали оживленную дискуссию, которая была перенесена на секционные заседания. В обсуждениях отмечалась актуальность заявленной цели и задач проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», реализуемого НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай».

Из общего количества поступивших на Форум заявок, общей численностью более 300, была составлена программа 14 секционных заседаний: «Историко-археологические исследования процессов формирования и эволюции общности тюркских народов Большого Алтая», «Этнополитические и этносоциальные процессы в тюркском мире в Средневековье и Новое время», «Религиозные процессы в тюрко-монгольском мире», «Этнографические и этнокультурологические исследования общности тюркских народов Большого Алтая», «Эпические традиции народов Большого Алтая: в поисках новых подходов к изучению культурных взаимосвязей», «Языки народов Большого Алтая и Центральной Азии», «Литература и фольклор народов Большого Алтая и Центральной Азии», «Культурное наследие Большого Алтая», «Этнополитические и этносоциальные процессы на евразийском пространстве в Новейшее время», «Политико-правовые системы в тюркском мире Большого Алтая», «Сетевые образовательные проекты университетов стран Большого Алтая и Центральной Азии», «Устойчивое развитие регионов Большого Алтая. Пространственный анализ и моделирование экологических и социально-экономических процессов», «Медиапространство науки и образования Боль-

шого Алтая и Центральной Азии», «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи стран Большого Алтая», «Информационная деятельность Российской Федерации на пространстве Большого Алтая, гуманитарные и обменные проекты со странами региона».

Доклады Форума опубликованы в итоговом сборнике.

Более подробная информация о работе Форума представлена на сайте НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»: <https://bolshoy-altay.asu.ru/>

События II Международного алтаистического форума и его итоги работы привлекли внимание и большой интерес СМИ. По данным на 15.10.2021 г. информация о II Форуме, общим количеством 289 сообщений, размещена на порталах регионального уровня (140 сообщений), федерального уровня (102 сообщения) и зарубежного уровня (47 сообщений). География выхода публикаций в СМИ: Россия — 242 сообщения, Кыргызстан — 22 сообщения, Казахстан — 19 сообщений, Украина — 3 сообщения, Азербайджан — 2 сообщения, Туркменистан — 1 сообщение.

Общий файл с мониторингом с дайжестом сообщений в СМИ и ссылками на все материалы можно посмотреть по ссылке: <https://docs.google.com/document/d/11wTi3Eg0a7AGvV9v2cMJNEQOHY7CeJ2FbEdEfOB0rg/edit?usp=sharing>

По результатам обсуждения на пленарном и секционном заседаниях участники II Международного алтаистического форума выразили свое консолидированное мнение по целому ряду аспектов общего историко-цивилизационного наследия славяно-тюркских народов, на основе которых была сформирована итоговая резолюция:

– К моменту проведения II Международного алтаистического Форума выполнено большинство решений итоговой резолюции I Алтаистического форума (сентябрь 2019 г. АлтГУ), направленных на консолидацию усилий научно-образовательного сообщества с целью изучения историко-цивилизационного единства славяно-тюркских народов. Сегодня НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», созданный в АлтГУ, — это международный постоянно действующий интеграционный, научно-образовательный, экспертно-дискуссионный консорциум вузов и ученых, имеющий широкие географические границы и объединяющий около 80 ведущих исследователей и экспертов из 5 стран в области изучения истории, археологии, культуры, этнографии тюркских и монгольских народов Большого Алтая, историко-культурных и современных интеграционных процессов в славяно-тюрко-монгольском мире.

– При поддержке Министерства науки и высшего образования РФ консолидация усилий международного тюркологического сообщества в формате работы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» привела к возможности проведения в 2020–2021 гг. серии экспертных сессий, международных конференций, организации Первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан 2021», виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков», созданию и реализации международных сетевых образовательных программ, Школы молодых исследователей-тюркологов. Важным аспектом деятельности научных сотрудников Центра сегодня является проведение комплексных междисциплинарных исследований в области алтаистики и тюркологии. Все это позволило приступить в подготовке коллективной монографии «Летопись тюркской цивилизации» и Концепции историко-культурного единства народов Большого Алтая.

– Консолидация усилий международного тюркологического сообщества в формате работы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» открывает путь к новому осмыслению истории славянских и тюрко-монгольских народов, в основе которого, как отмечали участники в своих докладах, должна находиться идея общего историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов России и государств Большого Алтая. Данное представление необходимо заложить в основу Концепции историко-цивилизационного единства славянских и тюрко-монгольских народов Большого Алтая.

– В основе общего историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов заложены единые духовные и культурные ценности. Историко-культурное развитие тюрко-монгольских народов неизменно связано с поэтапным расширением его взаимодействия со славянским народом. Все политические образования на евразийском пространстве являлись полиэтничными и поликонфессиональными по своему составу. Это закладывало традиции веротерпимости и толерантности политических элит в вопросах государственно-конфессиональной политики, способствовало формированию вековых традиций добрососедства при сохранении языкового и этнокультурного многообразия народов. На протяжении истории органическое ненасильственное слияние разных племен и народов приводило к взаимному культурному обогащению, появлению своеобразного, цельного национально-цивилизационного типа. Нынешний пестрый в религиозном и национальном планах евразийский мир продолжает демонстрировать свою цельность и стабильность.

– Общее историческое прошлое славянских и тюрко-монгольских народов Большого Алтая связано с их многовековым совместным проживанием на огромном евразийском пространстве,

которое подкреплялось мощными межэтническими контактами в быту и повседневной жизни славянского оседло-земледельческого и тюрко-монгольского кочевого обществ. Устойчивые хозяйственно-экономические связи и отношения между местными сообществами, заложенные в средневековый период и Новое время, обеспечивали стабильность экономических процессов в последующие исторические периоды и выступают мощным интеграционным фактором на современном этапе.

– Многовековые традиции совместного проживания славянских и тюрко-монгольских народов обеспечивали устойчивость и стабильность евразийских политических объединений. На смену краткосрочным периодам распада и дезинтеграции низменно приходили долговременные периоды евразийского единства, которым были присущи государственное могущество, устойчивые экономики, расцвет культуры (эпоха Тюркских каганатов, Золотая Орда, Московское царство, Российская империя, СССР, СНГ). Таким образом, для евразийской цивилизации на всех этапах ее развития — от Тюркских каганатов до СНГ — определяющими являлись тенденции к объединению, коллективизму, межэтническому диалогу, культурно-цивилизационному единству.

– Фактор общей исторической судьбы славянских и тюрко-монгольских народов России и стран Большого Алтая является значимым ресурсом сближения и интеграции в стратегически важном трансграничном регионе Центральной Азии; он призван противостоять общим угрозам стабильности и устойчивому развитию в регионе, связанным с распространением религиозного и национального экстремизма, идеологии пантюркизма, политически ангажированных и искаженных трактовок событий общей истории.

– Формат взаимодействия международной научной коллаборации в формате деятельности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» участники Форума рекомендуют признать в качестве положительного опыта международного взаимодействия в области изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия народов Большого Алтая, рекомендовать его руководству продолжать расширение географии, состава его участников и междисциплинарных исследований.

– Продолжить работу по созданию международных сетевых образовательных программ изучения историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов. Содействовать подготовке нового поколения профессиональных исследователей в области историко-культурного наследия народов Большого Алтая. Признать эффективность постоянно действующей Школы молодых тюркологов, созданной на базе НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и объединившей молодых исследователей России и стран Центральной Азии, расширять формат ее работы и количество слушателей. Развивать многостороннюю систему поддержки академической мобильности на пространстве Большого Алтая, внедрять международные образовательные форматы для взаимного признания дипломов.

– Продолжить крупные совместные международные исследовательские проекты в области археологии, этнографии, религиозного мировоззрения, этнической и этнополитической истории и т.д. в рамках НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», доказавшие свою эффективность в развитии межкультурного диалога. Усилить взаимодействие международной коллаборации ученых-тюркологов с целью подготовки совместных научных публикаций в высокорейтинговых журналах, коллективных монографий, обосновывающих общее историко-цивилизационное наследие народов Большого Алтая.

– Резолюцию II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» направить в профильные министерства и ведомства, руководителям научно-образовательных учреждений Российской Федерации и стран Большого Алтая. В сопроводительных письмах предложено отметить перспективность и важность проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» для социальной стабильности в Большом Алтае, укрепления международного сотрудничества в области изучения, сохранения и популяризации историко-цивилизационного наследия славяно-тюркских народов. В связи с этим необходимо обратиться с ходатайством в Министерство науки и высшего образования РФ о дальнейшей поддержке проекта.

* * *

Участники II Международного алтаистического форума выразили признательность за высокий уровень организации мероприятия, содержательную и насыщенную повестку обсуждений и дискуссий, культурную программу, внимание и гостеприимство. Высказаны слова признательности и благодарности Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, Правительству Алтайского края, Алтайскому государственному университету за организацию II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность».

РАЗДЕЛ IV. СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩНОСТИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Модераторы: Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

К.Н. Солодовников¹, М. Эрдэнэ²

¹Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень (Россия)

²Монгольской национальный университет, г. Улан-Батор (Монголия)

Исследуются краниологические материалы эпохи бронзы с территории Монгольского Алтая. Выявлена неоднородность древних популяций этой территории по отношению к основным антропологическим стволам Евразии. Популяции афанасьевской культуры ранней бронзы характеризуются европеоидными особенностями. Группы населения чемурчекской культуры ранней бронзы Монгольского Алтая в антропологическом отношении относятся к расогенетическому пласту местных популяций глубинных районов Азии. Исследованные материалы из могильников сагсайского типа поздней бронзы Монгольского Алтая проявляют специфический комплекс признаков, впервые выявленный на черепаках из «безвещевых» погребений Центральной Азии. Его морфологические особенности характеризуют антропологический облик популяции центральных регионов Евразии в синхронное и последующее время.

ANTHROPOLOGY OF THE BRONZE AGE POPULATIONS FROM THE MONGOLIAN ALTAI

K.N. Solodovnikov¹, M. Erdene²

¹Tyumen Research Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen (Russia)

²National University of Mongolia, Ulaanbaatar (Mongolia)

The Bronze Age craniological materials from the territory of the Mongolian Altai are investigated in this paper. The heterogeneity of the ancient populations from this territory in relation to the main anthropological stem of Eurasia was revealed. The populations of the Afanas'ev culture from the Early Bronze Age are characterized by Caucasoid features. The groups of the Chemurchek culture population from the Early Bronze Age from the Mongolian Altai are anthropologically related to the racial-genetic layer of the local populations from the deeper regions of Asia. The materials from the burial grounds of the Sagsai type of the Late Bronze Age in the Mongolian Altai exhibit a specific complex of characters, which was first identified on the crania from the "burials without artefacts" of Central Asia. Its morphological features characterize the anthropological type of the population from the central regions of Eurasia at the synchronous and later time periods.

Отечественными и монгольскими исследователями в работах XX в. была определена антропологическая неоднородность населения Монголии эпохи бронзы, связанная с преобладанием во внешнем облике морфологических черт двух основных расовых стволов человечества — западного (европеоидного) и восточного (монголоидного). Эти выводы базировались на численно очень незначительных материалах. Так, были изучены два мужских черепа из курганов афанасьевской культуры энеолита-ранней бронзы Шатар-Чулу в Центральной Монголии. Результаты исследования [1, 2] позволили отнести их к ярко выраженному европеоидному долихокранному типу,

близкому протоевропеоидному антропологическому типу афанасьевского населения Южной Сибири. Три мужских черепа из «безвещевых погребений» в каменных курганах и керексуре периода поздней бронзы в Западной Монголии из раскопок В.П. Волкова в 1960-е гг. были исследованы В.П. Алексеевым [3], определившим их принадлежность к брахикранному европеоидному типу с уплощенным в горизонтальной плоскости лицом и сильно выступающим носом. Наконец, один мужской череп периода поздней бронзы из керексура на могильнике Худжирт в Центральной Монголии был исследован И.И. Гохманом и Э.Э. Влчек, которые отнесли его к своеобразному европеоидному брахикранному типу с монголоидным компонентом, сходным с выявленным В.П. Алексеевым на черепаках из «безвещевых» погребений Западной Монголии и Тувы [4]. Явная недостаточность антропологических данных для суждения о происхождении древнего населения столь продолжительного исторического периода, как эпоха бронзы, обуславливает важность введения в научный оборот новых краниологических данных с территории Монголии, и в частности, Монгольского Алтая.

Антропологический состав населения ранних этапов бронзового века Монгольского Алтая отличается неоднородностью. Череп взрослого мужчины из кург. 1, погр. 1 могильника Кургак гови (Хуурай говь) в Баян-Ульгийском аймаке характеризуется определенным морфологическим своеобразием на фоне всех исследованных афанасьевских краниологических материалов Южной Сибири и Центральной Азии – брахикранная и низкая черепная коробка и совершенно не характерные для древних европеоидов размеры и пропорции орбит. Фиксирующаяся также на краниуме ребенка, захороненного в одном погребении вместе с мужчиной из кургана 1 могильника Кургак гови, средняя горизонтальная уплощенность лица дает определенные основания предполагать влияние местного населения с неевропеоидными морфологическими особенностями [5], что находит полные соответствия в новейших палеогенетических данных [6]. Тем не менее афанасьевская группа из данных трансграничных высокогорных районов Алтая в среднем характеризуется протоевропеоидным комплексом признаков восточноевропейского происхождения [5]. Среди всех единокультурных групп она наиболее сходна по краниометрическим и остеологическим характеристикам с единокультурной серией из могильника Шатар-Чулу в Центральной Монголии, а обе они выделяются массивностью черепа и максимальными продольными размерами посткраниального скелета на фоне всех древних популяций Евразии [5, 7].

Небольшая краниологическая серия из курганов ранней бронзы, связываемых с чемурчекским культурным феноменом в Монгольском Алтае [8; 9], напротив, характеризуется монголоидными особенностями и, соответственно, обнаруживает очень большие морфологические различия с популяциями предшествующей афанасьевской культуры. Судя по имеющимся материалам, население чемурчекской культуры морфологически наиболее сходно с популяциями позднего неолита и ранней бронзы Прибайкалья, Забайкалья и Северной Монголии, а также многими группами до- и постафанасьевского времени Южной Сибири, и характеризуется антропологическими особенностями местного азиатского населения [8, 9].

Новые краниологические материалы ранней бронзы происходят из исследованных Ц. Турбатом с европейскими коллегами погребений энеолита-ранней бронзы в Баян-Ульгийском аймаке. Краниум женщины из ограды 1 могильника Алтан толгой-2 характеризуется выраженными монголоидными чертами и, в целом, морфологически очень сходен с ранее исследованными черепами чемурчекской культуры Монгольского Алтая, например с женским из кург. 2 могильника Кургак гови. Мужской череп из погребения ранней бронзы ограды 31 могильника Тахилгат удзуур-5 характеризуется европеоидной комбинацией признаков — сильной горизонтальной профилировкой лицевого скелета, очень высоким переносом и носовыми костями в месте наибольшего сужения и сильно выступающим носом. В сочетании с крайне длинной и высокой массивной долихокранной мозговой коробкой, широким и относительно низким лицом, очень широкими и очень низкими резко хамеконхными орбитами это характеризует череп из Тахилгат удзуур-5 как протоевропеоидный [10]. Многомерный статистический анализ главных компонент подтверждает сходство краниума из Алтан толгой-2 с черепами из чемурчекских курганов Монгольского Алтая, а из ограды 31 Тахилгат удзуур-5 – с черепами афанасьевской культуры и связанных с ней культурных типов из южноалтайских курганов плато Укок, долин Нарыма и Чульшмана.

Впервые исследованы антропологические материалы периода поздней бронзы из погребений сагсайского типа (монгун-тайгинской культуры по терминологии российских археологов) могильников Цагаан Асга I и II, Тахилгат Узуур-5 в Баян-Ульгийском аймаке. По средним данным краниологическая серия сагсайского типа Монгольского Алтая проявляет комбинацию признаков, которая впервые была описана В.П. Алексеевым [3] на черепаках из «безвещевых» погребений Западной Мон-

голии и Тувы — брахикранная невысокая черепная коробка со среднешироким и довольно наклонным лбом, широкое, относительно средневысокое и среднеуплощенное по горизонтали лицо, средневыступающий нос с относительно высоким переносьем и носовыми костями. Данному краниологическому типу придавалось особое значение как представляющему самостоятельный очаг расогенеза в пределах европеоидной расы [3; 11; 12]. В дальнейшем он широко распространен на обширных пространствах Евразии в периоды поздней бронзы и раннего железа [11; 12]. В частности, с этим специфическим краниологическим типом в значительной мере связан антропологический облик населения поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины и многих культур поздней бронзы срединных степных и лесостепных областей Евразии.

Таким образом, результаты исследования краниологических материалов из раскопок прежних десятилетий и поступивших в последние годы демонстрируют антропологическую неоднородность древнего населения на территории Монгольского Алтая. В различные периоды наблюдаются изменения антропологических характеристик населения, часто очень контрастных в отношении физических черт облика. Это свидетельствует о смене населения вместе со сменой культурных комплексов в результате миграций. Однако в отдельные исторические периоды прослеживается и антропологическая преемственность населения Монгольского Алтая по отношению к популяциям обширных регионов Центральной Азии и Южной Сибири.

Литература

1. Тумэн Д. Палеоантропологическая находка у горы Шатар-Чулу // *Studia Archeologica*. — Т. VII. — F. 10-18. — Улаанбаатар, 1978. — С. 23-31.
2. Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по антропологическим данным // *Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР*. — Л., 1980. — С. 60-74 (СМАЭ. Т. XXXVI).
3. Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // *Бронзовый и железный век Сибири*. — Новосибирск, 1974. — С. 370-390.
4. Гохман И.И., Влчек Е.Е. Древнее погребение из Худжирта (Центральная Монголия) // *Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии*. — СПб., 1991. — С. 48-54. — (Сб. МАЭ. Вып. 44.)
5. Эрдэнэ М., Солодовников К.Н., Тумэн Д. Баруун ба Төв Монголын хүрэл зэвсгийн эхэн үеийн краниологийн судалгаа // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. — 2020. — Vol. 10. — № 1 (533). — P. 106-112.
6. Wang C.C., Yeh H.Y., Popov A.N., et al. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // *Nature*. — 2021. — Vol. 591. — P. 413-419.
7. Солодовников К.Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие? // *Stratum Plus.*, в печати.
8. Солодовников К.Н., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры Западной Монголии // *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)*. — Т. II. — СПб., 2019. — С. 79-81.
9. Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В. Палеоантропологическое изучение черепа, погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2020. — № 1 (48). — С. 78-95.
10. Солодовников К.Н., Турбат Ц. Находка краниума человека европеоидного типа из погребения ранней бронзы в высокогорье Монгольского Алтая // *Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований*. — СПб., 2021. — С. 145-148.
11. Алексеев В.П., Гохман И.И. *Антропология азиатской части СССР*. — М., 1984. — 208 с.
12. Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. *Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа)* // *Археология, этнография и антропология Монголии*. — Новосибирск, 1987. — С. 208-240.

Сведения об авторах:

Солодовников Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: solodk@list.ru

Эрдэнэ Мягмар, PhD, профессор, Монгольский национальный университет (Улан-Батор, Монголия). E-mail: merdene@num.edu.mn

ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул (Россия)

В статье дается краткая характеристика этнокультурной ситуации на территории лесостепного Алтая во второй половине IV — первой половине V в. На основе анализа материальных комплексов ряда погребений дана их интерпретация как принадлежащих представителям гуннской конфедерации. Высказана гипотеза о взаимоотношениях пришельцев и местного населения. Выделены культурные новации, повлиявшие на процесс трансформации фоминского этапа кулайской культуры в сошниковский этап одинцовской культуры, которые послужили основой для последующей тюркизации этой территории. Сделаны выводы о включенности лесостепного Алтая в глобальные исторические процессы, происходящие на территории Евразии в эпоху Великого переселения народов.

FOREST-STEPPE ALTAI IN THE EPOCH THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Barnaul (Russia)

The article gives a brief description of the ethnocultural situation in the territory of the forest-steppe Altai in the second half of the IVth — first half of the Vth centuries. Based on the analysis of the material complexes of a number of burials, they are interpreted as belonging to the representatives of the Hunnic confederation. A hypothesis about relationships between the newly arrived and local population has been developed. The article highlights cultural innovations that influenced the process of transforming the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture into the Soshnikovskii stage of the Odintsovskaya culture, which served as the basis for the subsequent turkization of the territory. It has been concluded that the forest-steppe Altai was included in the global historical processes taking place in Eurasia in the era of the Great Migration of Peoples.

Значение событий эпохи Великого переселения народов в мировой истории трудно переоценить. Актуальность изучения этой проблемы обоснована и признана огромным количеством исследователей, как зарубежных [24, 25, 26, 27, 28, 29 и др.], так и отечественных [1, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 16, 21, 22, 23 и др.]. Отметим, что события этого периода отразились на ходе истории всего Евразийского континента. Лесостепной Алтай не остался в стороне от этих эпохальных событий и был втянут в орбиту мировой истории. Главными акторами всех событий этого периода были гунны. Несмотря на то, что изучением гуннов ученые всего мира занимаются уже более полутора столетий, а древние авторы оставили их достаточно подробное описание [18, с. 538–540], до сих пор не решены основные вопросы их истории. Кто они, откуда появились, на каком языке разговаривали — ничего этого достоверно неизвестно. Наиболее емко степень изученности гуннов охарактеризована И.Л. Кызласовым: «В истории вряд ли найдется народ загадочнее гуннов. Как азиатских, так и европейских. Наука, увлеченная событиями их бурной истории, поныне ничего не знает наверняка ни о происхождении гуннов, ни об их языке, ни о прямых потомках. Гипотез гораздо больше, чем добротного материала, пригодного для изучения».

До последнего времени о пребывании гуннов на территории лесостепного Алтая говорилось крайне мало и уклончиво. Памятники, связанные с материальной культурой гуннов и не вписывающиеся в рамки культуuroобразующих признаков археологических культур лесостепного Алтая, характеризовали эпохальным термином – памятники эпохи Великого переселения народов. Лишь немногие достаточно осторожно связывали их именно с гуннами, отмечая единичные проникновения представителей этого образования на территорию лесостепного Алтая. И это неслучайно. Ведь на территории Алтайского края и всей Западной Сибири до недавнего времени был известен только один памятник, исследованный в 1959 г. Алексеем Павловичем Уманским, из которого происходят материалы, вычлняющиеся из существующей культурно-хронологической схемы развития региона и соотносимые с эпохой Великого переселения народов, позволившие А.П. Уманскому достаточно осторожно заявить, что реконструкция внешнего облика, захороненного в этом погребении, выполненная Михаилом Михайловичем Герасимовым, «...обнаруживает большую близость физического типа тугозвоновского «князя» и так называемого «гунна из Кенкола». Материалы этого погребения были опубликованы только в 1978 г. и связывались с сармато-аланским миром [21, с. 162-163]. К сожалению, несмотря на достаточно полную и подробную публикацию материалов Алексеем Павловичем,

цветных фотографий великолепных изделий полихромного стиля из тугозвонского погребения до сих пор не опубликовано ни одной.

После А.П. Уманского этой проблемой практически никто из исследователей серьезно не занимался. Существуют отдельные работы, указывающие на проникновение кенкольских традиций на территорию лесостепного Алтая, которые сыграли значительную роль в трансформации фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую и работы, публикующие изделия этого времени, связываемые с древнеримским импортом. За последующие после публикации А.П. Уманского более полувека накопился достаточно большой корпус источников, насчитывающий более десятка памятников, достаточно уверенно соотносимых с гуннами, введенных в научный оборот в различных публикациях, но пока слабо обобщенных [11, 15, 13, 19, 5, 4, 20, 17 и др.]. Это объясняется достаточно большой сложностью гуннской проблемы. До настоящего времени не удалось выявить определенной категории инвентаря, которая маркирует принадлежность комплексов материальной культуры к гуннской культурной среде.

Пока с большой долей уверенности к таким категориям можно относить изделия полихромного стиля, бронзовые тюльпановидные котлы с грибовидными ручками, так называемые котлы гуннского типа. Еще одним маркером, не относящимся к инвентарному комплексу, но связанному с определенными традициями, является одна из разновидностей деформации черепа (кольцевая, лобно-затылочная). Следует отметить, что сами по себе, отдельно от других признаков, эти маркеры не несут в себе культуродиагностирующей нагрузки, позволяющей отнести тот или иной комплекс к гуннам. Эту функцию они выполняют только в случае их встречаемости при определенных особенностях инвентарного комплекса, о которых речь пойдет ниже. Уникальность инвентаря тугозвонского погребения позволила А.П. Уманскому наметить восточную границу распространения изделий полихромного стиля гуннского типа, однако та же уникальность подобного комплекса порождала серьезные сомнения во включенности юга Западной Сибири в сферу влияния культур гуннского круга. Существовала возможность и случайного проникновения этих предметов столь далеко на восток.

Достаточно большое количество памятников как на территории Западной Сибири, так и Алтайского края, в которых мы можем наблюдать наличие маркеров, позволяющих говорить о их принадлежности к гуннам, либо о прямом гуннском присутствии на этой территории, позволяет в настоящее время включить территорию лесостепного Алтая в круг регионов прямого гуннского влияния. Проблема взаимоотношений гуннов с местным населением до сих пор практически не поднималась. Вероятнее всего, люди, представлявшие гуннскую конфедерацию, среди аборигенного населения имели особый, очень высокий статус и принадлежали даже не к элите местного общества, а к элите общества, занимающего вышестоящее, управляющее положение по отношению к местному. Вероятнее всего — это послы, представители управляющей верхушки гуннского сообщества, объединившего в своем составе многие территории, в том числе и лесостепного Алтая, Новосибирского и Томского Приобья. Многие исследователи считают, что гунны стояли на пороге возникновения раннеклассового потестарного образования, называемого «варварским королевством» [2, с. 258].

Вероятнее всего, именно они были призваны ориентировать находящиеся под их влиянием социокультурные образования на достижение общих для всего гуннского объединения целей, а само понятие «гунн» обозначало не представителя конкретной этнокультурной группы, а именно представителя, призванного координировать усилия различных этнокультурных образований в составе огромного гуннского союза, варварского королевства. Отсюда и возникают непреодолимые до сих пор трудности в этнической, культурной, языковой и территориальной идентификации гуннов.

Понимая, насколько подвержены критике подобные гипотезы, позволю себе их опубликовать, надеясь, что это даст повод развитию познавательной активности, способствующей решению вопросов социальной реконструкции обществ в интереснейший период истории — период «великого переселения народов», заложивший основы многих этнических групп современности. Понятно, что появление на территории не только лесостепного Алтая, но и Новосибирского Приобья представителей столь могущественного образования не могло не повлиять на культурогенетические процессы в этих регионах.

Анализируя основные культуuroобразующие признаки (керамический комплекс, домостроительные традиции, погребальный обряд), можно выявить основные культурные элементы, привнесенные гуннами на территорию лесостепного Алтая и запустившие культурогенетические процессы, приведшие к трансформации проживающего на этой территории к моменту появления гуннов населения, относящегося к фоминскому этапу кулайской культуры.

Посмотрим на керамические комплексы фоминского этапа кулайской культуры, которые дали нам исследования последних лет и керамические комплексы переходного этапа, который является первым этапом формирующейся одинцовской культуры. Действительно, мы видим некоторые изменения, которые явно не бросаются в глаза и которые можно уловить только при достаточно детальном анализе как морфологических, так и орнаментальных признаков. При сохранении круглодонности эти трансформации керамического комплекса в морфологическом плане можно наблюдать в изменении пропорций сосудов. Если у фоминских сосудов формы приземистые (диаметр устья равен или больше высоты сосуда), то у сосудов сошниковского этапа одинцовской культуры мы наблюдаем более вытянутые пропорции (диаметр устья меньше высоты сосуда). Кроме того, если сосуды фоминского этапа баночной формы, то сосуды сошниковского этапа уже имеют признаки горшковидности, т.е. мы можем наблюдать если не явно выраженную шейку, то наметившуюся профилировку. В орнаментации мы наблюдаем полное отсутствие фигурного штампа (так называемой уточки), широко распространенного элемента на фоминской керамике, и усложнение орнаментальной композиции (появление фестонов, вертикальных мотивов), которые на фоминской керамике не встречаются.

Таким образом, можно говорить о преемственности в развитии керамического комплекса фоминского этапа, в котором появляются некоторые новации, позволяющие достаточно надежно эти керамические комплексы разделять. Подобная преемственность является аргументом в пользу гипотезы о фоминском этапе кулайской культуры как базисе, на основе которого формируется культура одинцовская, который развивался эволюционно и не испытал серьезного стороннего влияния. В домостроительных традициях мы можем наблюдать такую же ярко выраженную преемственность. Наиболее радикальные изменения, которые позволяют говорить о формировании новой, одинцовской культуры, являются изменения в погребально-поминальной обрядности.

Для выявления отличительных черт гуннской погребальной традиции, которые могли повлиять на эту трансформацию, был проведен анализ погребально-поминальных комплексов, в инвентаре которых присутствуют изделия полихромного стиля. Этот анализ позволил разделить погребения на две группы. Первую составляют погребения, в которых изделия полихромного стиля органически вписываются в комплекс инвентаря, представлены комплексно, в составе законченного набора, а не единичными экземплярами. Эти изделия не имеют признаков вторичного использования, переделки и приспособления для их крепления не в составе целого комплексного набора и используются по прямому назначению. Кроме того, эти погребально-поминальные комплексы по своему обряду отличаются от массового, типичного для конкретной археологической культуры региона, обряда захоронения, вычлняясь из него по ряду признаков. В то же время они объединяются рядом схожих признаков погребального обряда. К этим погребально-поминальным комплексам относятся Тугозвоново, Ераська, Сопка-2, Аржан-Бугузун и Бома.

Их объединяет ориентация преимущественно в восточном направлении, одиночная ингумация, бескурганное захоронение в грунтовых ямах, захоронения вне могильного поля (одиночные), богатство инвентаря, глубокие могильные ямы, отсутствие в погребениях и рядом с ними керамических сосудов. Это позволяет соотнести их с собственно гуннами. Об этом свидетельствует и антропологический тип погребенных (возможность его определения существовала только в 2 случаях), который отличается от антропологического типа местного населения, и наличие кольцевой, лобно-затылочной деформации на черепках, неизвестной на этой территории до появления гуннских захоронений, и сопроводительные захоронения коня, которых также до появления гуннов в среде фоминского населения не было известно.

Вторую группу составляют погребения, совершенные по типичному для региона погребальному обряду. Изделия полихромного стиля представлены в них единичными экземплярами. Ряд изделий имеют признаки их переделки для вторичного использования. Это Ивановка-6, курган 35 Тимирязевского курганного могильника-1, курган 6 курганного могильника Крохалевка 23 и курган 1 курганного могильника Крохалевка-16. Эту группу погребений следует отнести к типичным погребениям культур региона, подвергшихся гуннскому влиянию.

Вторичное использование полихромных изделий в этих погребениях, изъятие их из единого комплекса не позволяет рассматривать эти находки как четкий хронологический или культуродиагностирующий маркер. Материалы, соотносимые с гуннами, достаточно надежно маркируют время их появления серединой IV в. Именно в это время запускаются механизмы трансформации фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую, о чем свидетельствуют памятники сошниковского этапа одинцовской культуры. Если мы говорим об эволюции и незначительных новациях в керамическом комплексе и домостроительных традициях, то погребальная обрядность значительно измени-

лась. Обряд кремации был замещен обрядом одиночной ингумации. Погребенные ориентированы в восточном направлении (преимущественно на северо-восток). Мы наблюдаем распространение кольцевой лобно-затылочной деформации черепов. Кроме того, мы встречаем и захоронения с конем. Присутствуют все признаки погребально-поминальной обрядности, характерные для гуннских захоронений. Более того, мы можем наблюдать и распространение традиций на другие сферы культуры — та же кольцевая лобно-затылочная деформация — явление прижизненное, которое возможно начиная только с самого раннего детства.

Более конкретную этнокультурную привязку азиатских гуннов находим в работе С.Г. Боталова. По его мнению, это хиониты и эфталиты, а в последующем — эфталиты [8, с. 59–60]. Еще более точную археологическую привязку части азиатских гуннов, мигрировавших на территорию лесостепного Алтая, называют А.А. Тишкин и В.В. Горбунов. Они считают, что мы имеем дело с носителями кенкольской археологической культуры [23, с. 72]. В.В. Горбунов в своей последующей работе уточняет культурные новации, привнесенные кенкольским компонентом [10, с. 94]. Очень интересно, что, по мнению С.Г. Боталова, этот регион позиционируется как территория раннетюркского культурогенеза [8, с. 61; 64]. Именно это обстоятельство послужило крайне интересному явлению — азиатские гунны, будучи сами в культурном отношении немного тюрками (пратюрками? прототюрками? предтюрками?), подготовили благоприятную почву для последующей тюркизации региона, о чем автором уже писалось ранее.

Таким образом, говоря о культурогенетических процессах на территории лесостепного Алтая в это время, можно наблюдать включение этой территории в сферу влияния гуннского образования. Об этом свидетельствует появление собственно гуннских погребально-поминальных комплексов и широкое распространение привнесенных традиций в местной культурной среде, что привело к трансформации фоминского этапа кулайской культуры в сошниковский этап одинцовской.

Литература

1. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–7 вв. — М.: Наука, 1989. — 134 с.
2. Акимов Д.В. Социальная и этническая структура населения Верхнего Подонья в гуннское время [последняя треть IV–V в.] // Труды IV [XX] Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. — Казань: Отечество, 2014. — С. 258–261.
3. Бажан И.А., Шукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник / под ред. Б.Б. Пиотровского. Ленинград: Искусство. 1990. № 30. С. 83–96.
4. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в 5–8 вв. н.э. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. — 245 с.
5. Бородовский А.П. Украшение полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. — Т. V. — С. 283–287.
6. Боталов С.Г. Гуннское и раннетюркское переселения и геокультурные изменения в Восточной Европе // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. — Ижевск, 2006. — С. 33–51.
7. Боталов С.Г. Гунны и тюрки [историко-археологическая реконструкция]. Челябинск: Рифей, 2009. — 672 с.
8. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск: Издат. центр ЮурГУ, 2013. — С. 32–88.
9. Голдина Р.Д. О моделях взаимодействия различных этносов эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. — Ижевск, 2006. — С. 281–304.
10. Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 92–95.
11. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 77–80.
12. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху [конец 4–5 вв.]. — СПб., 1994. — 224 с.
13. Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. — Барнаул, 2016. — 500 с.

14. Казаков А.А. О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху великого переселения народов по археологическим источникам // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018а. — № 55. — С. 120–130.
15. Казаков А.А., Фролов Я.В. Находка изделия полихромного стиля в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 64. — С. 168–177.
16. Крадин Н.Н., Кан Ин УК. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск: Издат. центр ЮурГУ, 2013. — 639 с.
17. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун [Юго-Восточный Алтай] // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. — Барнаул: Азбука, 2010. — С. 27–31.
18. Марцеллин Аммиан. Римская история. — М.: Ладомир, 2005. — 631 с.
19. Молодин В.А., Чижишева Т.А. Погребение воина 4-5 вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 161–179.
20. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 152 с.
21. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 129–163.
22. Уманский А.П. Памятники эпохи «великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 55–63.
23. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. — 2002. — № 9.
24. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // Acta Archaeologica Hungaricae. — Budapest, 1932. — Bd. IX. — 120 p.
25. Bóna I. Das Hunnen-reich. — Budapest: Corvina, 1991. — 294 p.
26. Bona I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IV–Ve siècles. — Paris, 2002.
27. Fettich N. La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyseksos // АН. — 32. — Budapest, 1953.
28. Kim Hyun Jin. The Huns First published 2016 by Routledge 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, Oxon OX14 4RN.
29. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. — München. 1956. В. Tafelteil, Taf. 72, K. 8.

Сведения об авторе:

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, Барнаульский юридический институт (Барнаул, Россия). E-mail: kaa-2862@mail.ru

**ПЛАНИГРАФИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА
ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА РАННЕЙ
ТЮРКИЗАЦИИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

В работе проведен анализ планиграфических особенностей раннесредневековых погребений на могильнике Чумыш-Перекаат, осуществлена корреляция выделенных планиграфических групп с особенностями погребального обряда и вещевого комплекса. Выделенные три планиграфические группы погребений демонстрируют специфику погребального обряда и вещевого комплекса, что позволяет судить о многокомпонентном этнокультурном характере средневекового некрополя. Одним из его компонентов является южный, отражающий процесс ранней тюркизации на юге Западной Сибири.

**PLANOGRAPHY OF THE EARLY MEDIEVAL COMPLEX OF THE CHUMYSH-
PEREKAT BURIAL GROUND IN THE CONTEXT OF STUDYING THE PROCESS
OF EARLY TURKIZATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA**

S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul (Russia)

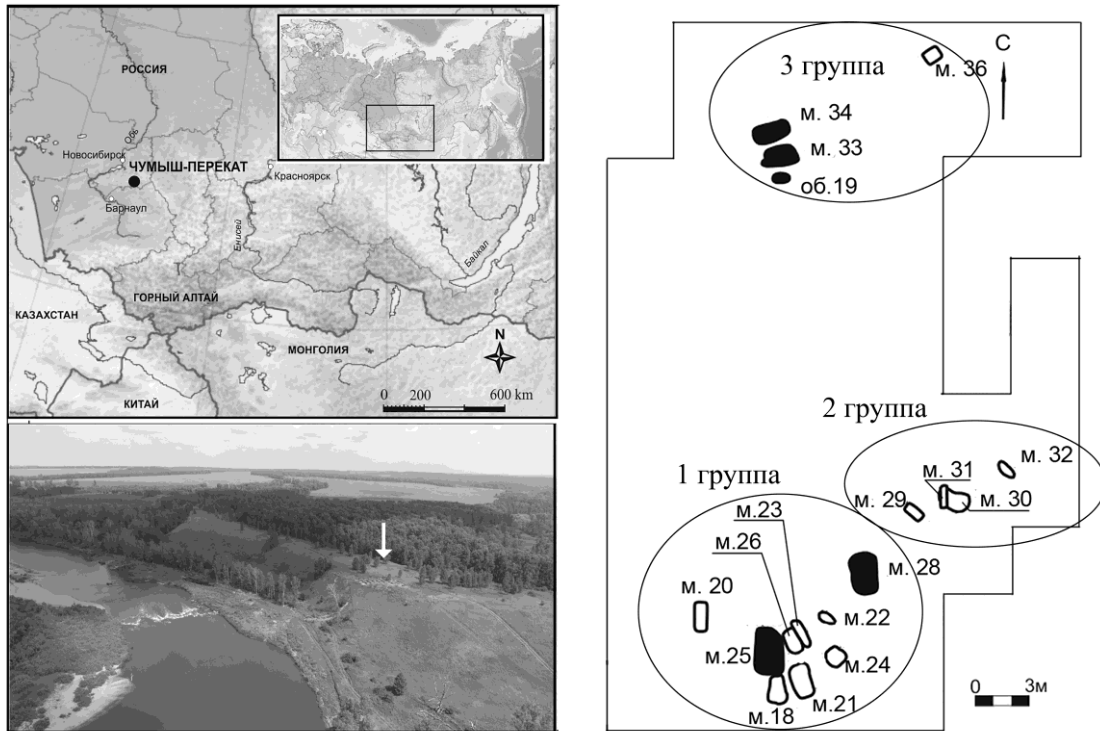
The paper analyzes the planographic features of early medieval burials at the Chumysh-Perkat burial ground, correlates the selected planographic groups with the features of the funeral rite and the clothing complex. The identified three planographic groups of burials demonstrate the specifics of the funeral rite and the clothing complex, which al-

allows us to judge the multicomponent ethno-cultural character of the medieval complex. One of which is the southern component, reflecting the process of early Turkization in the south of Western Siberia.

Одной из актуальных проблем в изучении раннего средневековья на территории юга Западной Сибири является процесс распространения южного «тюркского» культурного компонента. Археологические источники помогают раскрыть особенности этого процесса. Хронологические рамки рассматриваемого явления определяются 2 пол. I тыс. н.э. Наиболее дискуссионным и сложным является вопрос о начальном этапе проникновения тюркских элементов на север, которое приходится на VI-VIII вв. н.э. Это связано с образованием в Центральной и Средней Азии первых государств тюркоязычных народов — I и II Тюркских, Уйгурского и Кыргызского каганатов, что оказало огромное влияние на население Западной Сибири. Перемещение на север тюркского населения привело к частичной смене угорских и самодийских этносов тюркскими или к смешению их с постепенной тюркизацией. Исследователи отмечают, что проникновение проходило с территории Северного Алтая и, безусловно, в этот процесс было включено и население Верхнего Приобья. Особое значение в рассмотрении данной проблемы отводится такому вопросу, как тюркские этнокультурные элементы. С археологической точки зрения основным источником выявления южного компонента в культурогенезе населения Западной Сибири являются особенности погребального обряда и, главным образом, достаточно многочисленные находки предметов вооружения, конского снаряжения и поясной гарнитуры южного происхождения в материалах западносибирских археологических культур [1].

Одним из памятников, в котором зафиксированы такие культурные элементы, является могильник Чумыш-Пережат, исследованный совместной экспедицией Алтайского и Кемеровского университетов в 2012–2019 гг. [2; 3]. Раннесредневековые материалы этого памятника уже рассматривались в ряде публикаций в контексте выявления южных, «тюркских» элементов [4]. В данной работе предпринят анализ планиграфических особенностей раннесредневековых погребений на могильнике Чумыш-Пережат, осуществлена корреляция выделенных планиграфических групп с особенностями погребального обряда и вещевого комплекса.

Грунтовый могильник Чумыш-Пережат расположен в Западном Присалаирье, на северо-востоке Алтайского края, на правом берегу р. Чумыш. К периоду раннего средневековья относится 17 захоронений одинцовской культуры (16 — ингумация, 1 — кремация), в четырех из них присутствовали останки лошадей. Анализ планиграфии показывает, что раннесредневековые погребения образуют на площадке могильника три компактные группы (рис. 1). Первая включает центральное погребение мужчины с конем (могила № 25), могилы женщин и детей, примыкающие к нему с востока (№ 18, 21–24, 26) и еще два мужских погребения (могилы № 20 и 28), расположенные на некотором отдалении к СВ и СЗ. Все мужские погребения ориентированы длинной осью по линии С-Ю, при этом ориентация умерших отличается (в могиле 25 — южная, в могилах 20, 28 — северная). Вторая группа состоит из 4 погребений (могилы № 29–32), которые образуют ряд, вытянутый в направлении ЮЗ-СВ. В этой группе представлены только женщины и дети. Третья группа (могилы № 33, 34) образована двумя мужскими погребениями в сопровождении лошадей, расположенными параллельно друг другу (условный ряд по линии СЗ-ЮВ). Кроме того, на могильнике исследовано два обособленных погребения. На погребении № 15 на расстоянии 30 м от основного массива к югу располагалось мужское одиночное, с ориентировкой ямы по линии С-Ю и южной ориентировкой умершего. И погребение 36 планиграфически близко к группе 2 (в 8 м к СВ от м 34), но отличалось по обряду (кремация) с остатками навеса.

Местоположение могильника Чумыш-Перекаат и планиграфические группы раннесредневековых погребений (могилы с лошадьми отмечены черным цветом)

Выделенные планиграфические группы отличаются между собой по особенностям погребального обряда и сопроводительному инвентарю. Некоторые признаки погребального обряда и отдельные категории сопроводительного инвентаря, которые можно связать с влиянием кочевнической, лесостепной и таежной зонами, распределены в выделенных группах неравномерно. Особенностью погребального обряда в рассматриваемых могилах является наличие в них сопроводительных захоронений коней. По всей видимости, их присутствие может быть связано с влиянием южных (тюркских) погребальных традиций. Тем не менее все четыре погребения значительно отличаются от классических канонов погребальной обрядности, принятых в кочевнической среде (захоронение с конем или шкурой коня). Так, в могиле № 25 конь был уложен рядом с погребенным в нетипичной позе; в могилах № 28 и 34 расчлененные части туши животного были помещены рядом с человеком; в могиле № 33 кости коня были компактно уложены в прямоугольную яму рядом с погребением. Особенно странно выглядят приемы разделки туши коня в могиле № 28, включавшие расчленение передних автоподий, особенно фаланг, и вырубание эпифизов крупных трубчатых костей изнутри. Интересно, что во всех четырех погребениях в сопровождении коня нет керамических сосудов, хотя в остальных мужских, женских и детских могилах они присутствовали [4]. К южному, «тюркскому компоненту» также относится набор конской упряжи. Он включает железные стремена, удила, роговые псалии, подпружные пряжки, блоки для чумбура, кочедыки, некоторые типы украшений и элементы поясной гарнитуры.

Второй культурный компонент могильника Чумыш-Перекаат связан с местным лесостепным населением. К нему можно отнести керамику, представленную разнотипными круглодонными сосудами, украшенными оттисками мелкозубой гребенки и жемчужником. В целом, она вписывается в стандарты верхнеобской и одинцовской посуды, хотя и обладает значительным своеобразием [5]. Керамические сосуды присутствуют практически во всех женских и детских погребениях, а также в могилах, принадлежащих «пешим мужчинам-воинам». Кроме того, большое количество аналогичной керамики найдено в слое над погребениями первой группы. Вместе с тем в четырех мужских погребениях в сопровождении лошадей сосуды отсутствовали.

Третий культурный компонент связан с погребениями второй планиграфической группы, представленной захоронениями женщин и детей. Центральным захоронением этой группы является погребение пожилой женщины № 30. В этом погребении найдены массивные бронзовые височные подвески, подвески-«ворворки», а также прямоугольная бронзовая бляха с изображением «трех мед-

ведей в сакральной позе». Подобные бляхи широко распространены в лесных и лесостепных районах Евразии от Прикамья до Красноярского края [6]. Предмет с Чумыша — вероятно, одна из самых южных находок такого рода на юге Западной Сибири, ближайшие аналогии происходят из могильника Красный Яр в Новосибирском Приобье [7], серия подобных блях происходит с комплекса Черемза 1 в Кузбассе [8].

Анализ представленных материалов позволяет высказать некоторые соображения об основных особенностях раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекаат и возможных этнокультурных процессах, происходивших на территории Северного Алтая в эпоху Тюркских каганатов. Судя по всему, могильник Чумыш-Перекаат был оставлен небольшой по численности, но сложной по составу группой. В погребальном обряде и предметном комплексе наряду с местным (самодийским) присутствуют южный (тюркский) и северный (угорский) компоненты. Таким образом, состав группы, оставившей могильник Чумыш-Перекаат, вероятно, был многокомпонентным. Основа этого комплекса, безусловно, является местной, однако какая-то часть элитного мужского населения, по всей видимости, подверглась определенному тюркскому влиянию, что выразилось в опыте поверхностного знакомства с канонами тюркской погребальной обрядности (по-своему интерпретированной) и появлении вещей кочевнического облика.

Механизмы распространения тюркских культурных традиций могли быть различны. Местное население одинцовской культуры испытало очень сильное тюркское влияние «или инкорпорировавшим в свой состав пришлые группы алтае-телеских тюрков, продвинувшихся сюда в период распада Первого Тюркского каганата» [9, с. 177]. Другой вариант — не проникновение отдельных тюркских групп на территорию Северного Алтая, а вовлечение какой-то части мужского населения лесостепи в орбиту военно-политических событий на северной периферии Первого Тюркского каганата в период его упадка и распада [4]. Вопросы хронологии рассматриваемых погребений являются дискуссионными. Предметный комплекс позволяет датировать могилы с сопроводительными захоронениями коней, а также раннесредневековый комплекс некрополя Чумыш-Перекаат в целом второй половиной VII — началом VIII в.

Литература

1. Савинов Д.Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 4 (42). — С. 27–31.
2. Fribus A.V., Grushin S.P., Onishchenko S.S., Vasyutin S.A. Horses from Atypical Turkic Period Burials in Southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. — 2019. — Т. 29. — № 5. — Р. 860–867.
3. Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекаат (Верхнее Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 67. — С. 128–136
4. Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекаат) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. — СПб.: ИИМК РАН, 2021. — С. 339–354.
5. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. 152 с.
6. Чемякин Ю.П. Возможные истоки и время бытования металлопластики с изображением медведя «в жертвенной позе» // Тверской археологический сборник. — Тверь, 2009. — Вып. 7. — С. 428–440.
7. Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». — Барнаул: АлтГУ, 1995. — С. 97–107.
8. Ширин Ю.В. Черемза 1 — необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. — СПб.: ИИМК РАН, 2021. — С. 355–370.
9. Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2000. — С. 170–177.

Сведения об авторе:

Грушин Сергей Петрович, Алтайский государственный университет, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии (Барнаул, Россия). E-mail: gsp142@mail.ru

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ I ТЫС. Н.Э. В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЕ

В.О. Сайберт

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

В работе обозначены итоги и перспективы комплексного изучения городищ I тыс. н.э. Лесостепного Алтая с помощью привлечения естественно-научных методов исследования. Обработка и анализ новых археологических материалов из раскопок городищ, проведение палеопочвенных и радиоуглеродных анализов, использование геофизических исследований позволили получить новые данные для реконструкции культурно-хозяйственной деятельности населения, а также характеристики жилищных, хозяйственных и фортификационных сооружений.

RESULTS AND PROSPECTS FOR RESEARCHING FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE 1ST MILLENNIUM AD IN THE FOREST-STEPPE ALTAI

V.O. Saybert

Altai State University, Barnaul (Russia)

The paper outlines the results and prospects of a comprehensive study of the settlements of the 1st millennium AD. Forest-steppe Altai, using natural scientific research methods. Processing and analysis of new archaeological materials from the excavations of fortified settlements, carrying out paleosoil and radiocarbon analyzes, the use of geophysical research, made it possible to obtain new data for the reconstruction of the cultural and economic activities of the population, as well as the characteristics of housing, economic and fortifications.

На территории Лесостепного Алтая известно около 50 городищ I тыс. н.э. Все они приурочены к краю обской террасы, расположены над малыми реками, старицами и протоками, находящимися в пойме или у устья небольшой реки близ впадения в Обь. Форма городищ зачастую зависела от рельефа местности, поэтому все объекты такого типа находились на возвышенности (холм, грива, мыс). Благодаря подобному расположению они окружались рвом и валом с трех (одна сторона — край террасы), а иногда и с четырех сторон [4, с. 130-132]. В культурном отношении среди них присутствуют объекты фоминского этапа кулайской культуры, одицовской и майминской культур. В основном на памятниках проводились разведочные работы, снимались глазомерные планы, описания и фотофиксация. Раскопками исследована лишь небольшая часть известных городищ. Эти работы позволили приступить к выявлению закономерностей расположения и планиграфии объектов.

Анализ планиграфических особенностей городищ выявил некоторые закономерности. Так, для мысовидных городищ наиболее характерна замкнутая система фортификации. Также эти городища отличаются небольшой площадью укрепленной площадки. Для террасных городищ преобладающей является незамкнутая система оборонительной линии, а также городища отличаются разнообразием форм (овальные, подпрямоугольные, округлые).

К террасным относятся 27 объектов (ГМИ-5,6; Городище 9; Бийские городища-2-7; МГК-2/3, 2/4, 2/6, 2/11; Кокуйское 1/5, 1/6; Акутиха 1 (Городище); Усть-Лосиха 1,2, Усть-Чумыш I-V).

К мысовидным относятся 12 объектов (Сошниково 1-3; ГМИ-3,4; Городище 1-3; 17 участок 2 (Городище 10); Усть-Иша 2; Усть-Чемровка 3; Бехтимир).

Для описания памятников по географическому признаку выделено три основных группы: Барнаульская, Бийская и Иткульская. За основу для выделения этих групп взяты основные точки скопления памятников. Для Барнаульской группы это окрестности и ближайшие районы к г. Барнаулу, для Бийской группы — это районы, расположенные по руслу р. Бия (Бийский, Быстроистокский). Иткульская группа включает в себя объекты, расположенные на берегах озер Большой и Малый Иткуль и на берегах рек, впадающих в озера.

В *Барнаульскую* группу городищ входят: МГК-2/3, 2/4, 2/6-2, 2/6-3, 2/6-4, 2/6-5, 2/11; Кокуйское 1/5, 1/6; Усть-Лосиха 1,2; Усть-Чумыш I-V; Утопша-1. Эта группа представлена 17 городищами, одно из них (МГК-2/6-2) полностью раскопано, еще на одном (МГК-2/6-3) ведутся археологические работы автором диссертации.

В *Иткульскую* группу городищ входят: Городище Малый Иткуль-3-6; Городище 9; Сошниково 1-3; Городище 1-3; 17 участок 2 (Городище 10). В этой группе 14 городищ, одно из них раскопано полностью (Сошниково-1), на трех (Городище Малый Иткуль-5-6, Городище 2) были проведены ис-

следования со вскрытием небольших площадей, в основном это раскопки одного жилища или жилища с небольшой частью рва и вала.

В *Бийскую* группу входят: Бийские городища-2-7; Акутиха 1 (Городище); Одинцовское, Усть-Чемровка-3, Бехтимир. Археологически исследованы только городища Бехтимир и Акутиха 1, на них вскрыты небольшие участки площади, которые дали керамический материал.

Характеристика городищ по хронологическому признаку.

В соответствии с общепринятой хронологией для памятников I тыс. н.э. на территории Лесостепного Алтая, все известные городища можно распределить по хронологическим этапам кулайской и одинцовской культур, разработанных А.А. Казаковым [2].

К фоминскому этапу кулайской культуры (II–первая половина IV вв. н.э.) относятся: Бийские городища-2,6; ГМИ-3,4; Городище-1,3,9; 17 участок 2 (Городище 10).

К сошниковскому этапу одинцовской культуры (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.) относятся: Бехтимир; Сошниково-1,3; ГМИ-5,6; Городище-2.

К одинцовскому этапу одинцовской культуры (вторая половина V–VI в. н.э.) относятся: МГК-2/3, 2/4, 2/6-2, 2/6-3, 2/6-4, 2/6-5, 2/11; Кокуйское 1/5, 1/6; Усть-Лосиха 1,2; Бийские городища-3-5, 7; Одинцовское; Усть-Чемровка-3; Усть-Иша-2.

К акутихинскому этапу одинцовской культуры (VII–VIII в. н.э.) относится: Акутиха 1.

Такое распределение городищ по хронологическим этапам позволяет соотнести эти данные с предыдущими характеристиками, а именно проследить географию расположения и топографию памятников для каждого этапа. В ходе анализа данных было выявлено несколько закономерностей. Так, зафиксировано, что на территории, на которой была выделена Барнаульская группа городищ, отсутствуют городища сошниковского этапа одинцовской культуры, а также на этой территории всего один памятник фоминского этапа кулайской культуры. В свою очередь, памятники Иткульской группы не обнаружены для одинцовского этапа одинцовской культуры. Акутихинскому этапу одинцовской культуры принадлежит только один памятник с одноименным названием. Также необходимо отметить, что большинство известных городищ (17 объектов) Лесостепного Алтая относятся к одинцовскому этапу одинцовской культуры.

Так как основным материалом, обнаруженным на городищах, является керамика, то была проведена статистическая обработка имеющегося керамического комплекса, хранящегося в музеях Алтайского края. В ходе исследования обработан материал с 20 памятников, который включал фрагменты не менее чем от 300 сосудов. Выделены основные орнаментальные композиции и проведена их сравнительная характеристика не только в рамках рассматриваемых памятников, но и с материалами, зафиксированными на сопредельных территориях.

Введение в научный оборот материалов всегда предоставляет возможность получить новую информацию для разработки проблем, связанных с изучением как социально-экономических отношений населения рассматриваемых территорий, так и общекультурных и исторических процессов. Поэтому начата обработка археологических материалов из масштабных раскопок на городище Малый Гоньбинский Кордон-2/6-2 (МГК), проводимых в 1993 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Казакова. Раскопанная площадь городища составила 3368 кв.м., на ней обнаружено 30 конструкций. Эти материалы дают возможность значительно пополнить сведения о конструктивных особенностях построек как жилищного, так и хозяйственного назначения, а также фортификационных систем, которые на сегодняшний день являются предметом дискуссий. Результаты проведенной работы частично опубликованы [7, с. 102-107].

В рамках исследования были продолжены полевые работы на памятниках I тыс. н.э. с целью выявления новых объектов и получения данных для проведения естественно-научных определений. В 2019 г. осуществлены раскопки на участке городища МГК-2/6-3. Работы выявили новые конструктивные элементы городищ, ранее не известные, так, были зафиксированы остатки деревянных конструкций и котлованов на оконечностях рва, примыкающих к краю террасы, характер таких элементов пока не ясен [6, с. 131-134]. Раскопки 2020 г. также позволили получить новые материалы по конструктивным особенностям жилищ, а также керамический комплекс и комплекс костяных изделий [5, с. 283-287].

Осуществленные работы на памятнике МГК-2/6-3 позволили взять различные виды проб почв для проведения почвенно-археологического, палинологического, микробиоморфного и фитолитного анализов для реконструкции растительного покрова и климатических особенностей в рассматриваемый период времени. В результате было зафиксировано, что городище МГК 2/6-3 сформировалась ранее городища МГК 2/11. До формирования памятника МГК 2/6-3 развивались аридные маревые

степи, а во время его функционирования развивались лесолуговые сообщества и сообщества остепненных лугов. Синхронная городищу МГК 2/11 растительность представлена березовыми разнотравными лесами, а после завершения функционирования памятника развивались сосновые зеленомошные леса, в понижениях образовывались торфяники [1, с. 127-132].

Также была создана 3D-визуализация форм поверхности отложений, перекрывающих культурный слой памятников МГК-2. Применение геоинформационных технологий позволило построить 3D-модели рельефа, схему миграции поверхностных вод, установить принадлежность разных типов растительности к определенным элементам рельефа и построить карту современных ландшафтов. Это повысило объективность реконструкции природной обстановки времени существования городищ МГК-2.

Благодаря проведенным исследованиям было выявлено, что русло Оби представляло собой промышленное угодье и надежную водную преграду на пути неприятеля. Рвы, окружающие жилую площадку, кроме фортификации могли выполнять роль дренажных канав, созданных для отвода талых и дождевых вод. Функционирование городища сопровождалось вырубками леса и деградацией травяного покрова в результате пастбищной дегрессии. Это воздействие определялось особенностями хозяйственной деятельности населения, основу которой составляло присваивающее комплексное хозяйство, с небольшой ролью скотоводства. Сосновые леса, развивающиеся в настоящее время на первой надпойменной террасе, являются относительно молодыми образованиями, сменившими березовые сообщества уже после исчезновения поселения одинцовской культуры предположительно в малый ледниковый период [3, с. 229-233].

Из остатков деревянных конструкций были взяты пробы для радиоуглеродного анализа. Полученные предварительные результаты позволяют датировать городище МГК-2/6-3 в рамках I-IV вв. н.э. Стоит отметить, что полученные даты не совсем соотносятся с ранее предложенными А.А. Казаковым хронологическими рамками V-VI вв. н.э., которые были сделаны на основе анализа подъемного керамического материала [2, с. 22]. В связи с этим разработка этого вопроса требует дальнейшего рассмотрения.

Одной из задач исследования является проведение топографической съемки городищ и составления их инструментальных планов, что ранее не осуществлялось. Для проведения этих работы были выбраны наименее изученные объекты — Акутиха-1, Малый Гоньбинский Кордон-2/3, 2/4, 2/11, Усть-Лосиха-1,2. Работы проведены совместно со специалистами ООО «Агростройинвест». Впервые получены точные инструментальные планы памятников, которые позволили выявить пространственные закономерности зафиксированных объектов, ландшафтные особенности городищ. Так, на городище Акутиха-1 зафиксированы «хозяйственные» объекты, сопровождающие каждую жилую постройку.

Таким образом, на основе комплексного изучения городищ I тыс. н.э. лесостепного Алтая с привлечением традиционных и естественно-научных методов исследования проведена хозяйственно-культурная характеристика рассматриваемых объектов. Пополнена источниковая база для разработки многих проблем, связанных с анализом социально-экономических отношений, а также общего культурологического и исторического характера. В результате проведенного исследования станет возможным определение места и значения археологических материалов в контексте общеисторических процессов.

Литература

1. Барышникова О.Н., Грушин С.П., Михаревич М.В., Сайберт В.О. Диагностика экологических условий долины Верхней Оби в IV–VIII вв. н. э. (по результатам палинологического анализа городища МГК-2) // Историческая география России: концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов. — СПб., 2020. — С. 127–132.
2. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. — Барнаул, 2014. — 152 с.
3. Сайберт В.О., Барышникова О.Н., Грушин С.П., Мартынова Я.В. Геоинформационное моделирование ландшафтной структуры территории городища Малый Гоньбинский кордон IV–VIII вв. н.э. в Верхнем Приобье // Историческая география России: концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов. — СПб., 2020. — С. 229–233.
4. Сайберт В.О. Особенности домостроительства одинцовской культуры эпохи раннего средневековья в Верхнем Приобье // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень, 2016. — Вып. 5. — С. 130–132.
5. Сайберт В.О., Грушин С.П. Предварительные итоги охранных работ на памятнике МГК-2/6-3 в 2019 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2021. — № 27. — С. 283–287.

6. Сайберт В.О., Грушин С.П., Вальков И.А. Охранные работы на памятнике МГК-2/6-3 в 2018 г. (предварительные результаты) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2020. — Вып. XXVI. — С. 131–134.

7. Сайберт В.О., Казаков А.А., Грушин С.П. Жилища единичной культуры второй половины V-VI вв. (по материалам городища Малый Гоньбинский кордон-2/6-2) // Известия Алтайского государственного университета. — 2019. — № 2 (106). — С. 102–107.

Сведения об авторе:

Сайберт Виолетта Олеговна, преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: vita77792@mail.ru

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОЛЧАН ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧУЛЫМ-2

С.А. Пилипенко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск (Россия)

В работе освещаются результаты исследования, проведенного в 2021 г., деталей берестяного колчана из могильника Чулым-2. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблему использования и распространения берестяных колчанов в раннем средневековье. Изучение конструктивных особенностей берестяных колчанов на юге Западной Сибири позволяет нам проследить эволюцию их развития в нашем регионе. Актуальность исследования заключается в том, что берестяные колчаны плохо сохраняются в Новосибирской области, и каждая новая или найденная ранее находка представляет большой интерес.

THE EARLY MEDIEVAL QUIVER OF THE BURIAL GROUND CHULYM-2

S.A. Pilipenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk (Russia)

The paper highlights the results of a study conducted in 2021 of the details of a birch bark quiver from the Chulym-2 burial ground. The results obtained allow us to take a fresh look at the problem of the use and distribution of birch bark quivers in the early Middle Ages on the territory of the NSO. Studying the design features of birch bark quivers in the south of Western Siberia allows us to trace the evolution of their development in our region. The relevance of the study lies in the fact that birch bark quivers are poorly preserved in the Novosibirsk region and each new find or previously found is of great interest.

Роли лука и стрел в ежедневном обиходе средневековых жителей Юга Западной Сибири написано значительное количество работ [1, с. 45; 2, с. 42]. Не в меньшей степени специалисты освещают вопрос использования аксессуаров для хранения стрел — колчанов. На юге Западной Сибири в основном эти работы охватывают два региона — Алтай (Горный и Алтайский край) [1, с. 45] и Кемеровскую область [3, рис. 38-25; 4, с. 295]. Пристальный интерес к колчанам вызван хорошей степенью сохранности органических частей из бересты на территории Горного Алтая с раннего железного века (1-й Башадарский курган) [5, с. 136], гуннского периода (Степушка-1, Белый Бом-2) [6, с. 71], (Дялян) [7, с. 120] и эпохи средневековья, от тюркского до монгольского периодов [1, с. 46]. В Кемеровской области с раннего железного века (кург. 2 пог. 2 Шестаковских курганов) [8, рис. 96] и эпохи раннего средневековья до предмонгольского периода [4, с. 296].

Из общего фона находок немного выпадает территория Новосибирской области, где число находок берестяных колчанов и их деталей весьма незначительно.

И если о монгольском периоде использования колчанов мы можем судить по двум, практически идентичным по традиции колчанам из бересты из курганных могильников Сопка-2 п. 668 [9, рис. 10; 10, с. 42-43] и Кротово 15 [2, с. 42-43], которые хорошо вписываются в общий фон Евразии от Монголии до Дуная, то раннесредневековый период бытования колчанов в Новосибирской области практически не освещен. Это связано с вопросами сохранности артефактов в грунтах Новосибирского Приобья и музейных фондах.

Так, в 2021 г. при изучении коллекции курганного могильника Чулым-2, исследованного в 1975-1976 гг. археологической экспедицией НГПИ (НГПУ) под руководством В.И. Соболева и Е.А. Сидорова, среди материалов кургана пог. 10 кург. 22-23 нами были выявлены остатки берестяного изделия, описанные автором раскопок как «обрывки колчана» [11, с. 37].

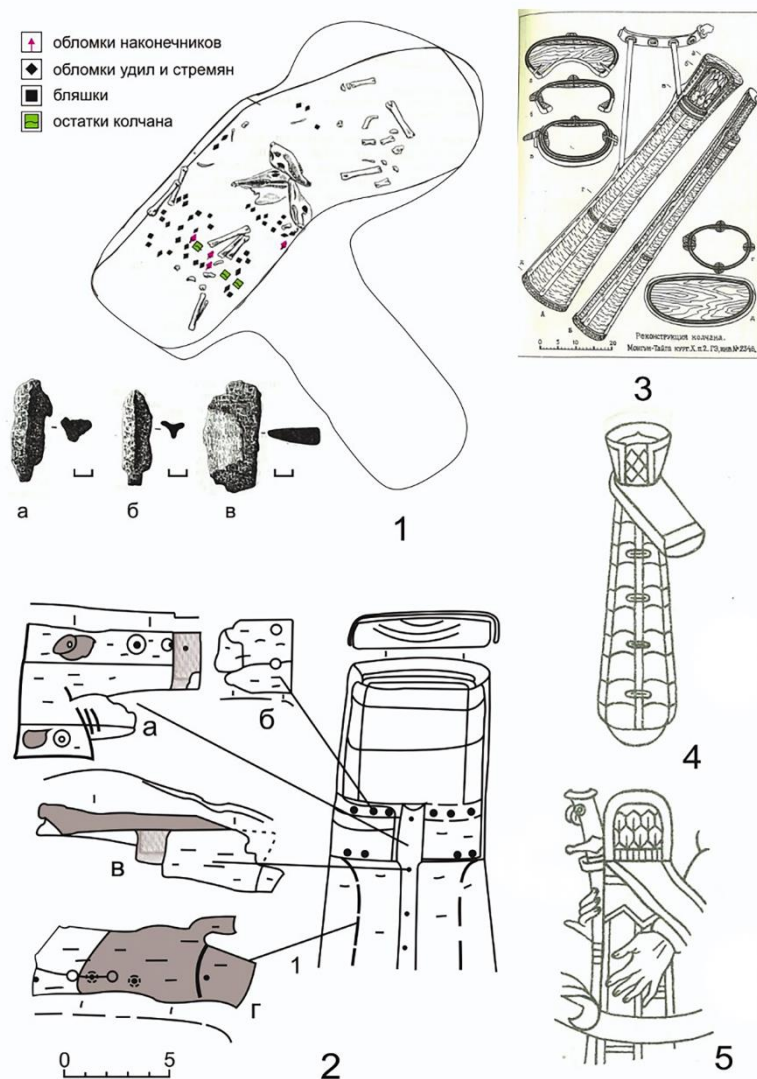

Рис. 1. Новосибирская область. 1 — план погр. 10 кург. 22-23 мог. Чулым-2; а-б наконечники стрел; в — фрагмент сабли; 2-1 — реконструкция верхней части берестяного колчана из погр. 10 кург. 22-23 (реконструкция Пилипенко С.А.), а-г фрагменты горловины берестяного колчана; 3 — реконструкция колчана из Монгун-Тайга; 4,5 — изображения колчанов из Турфана

В аналитической части, в разделе «предметы вооружения» в подразделе «колчан» автор пишет: «К сожалению, единственный колчан из могильника (кург. № 22-23, погр. № 10) не позволяет отнести его к определенному типу изделия подобного рода. Он представлен двумя обрывками кусков бересты, сшитых между собой. Вполне определенно можно говорить, что берестяные колчаны широко использовались населением Барабы, но не дошли до нас» [11, с. 62-63]. Таким образом, автор исследования посчитал найденные фрагменты берестяного колчана бесперспективными или малоинформативными. Прежде чем перейти к рассмотрению деталей колчана, мы считаем необходимым еще раз рассмотреть описание погребения 10 из кург. 22-23 кург. мог. Чулым-2. На эту необходимость нас натолкнули некоторые несостыковки в описании погребения данные в публикации и фактического состава предметного комплекса, хранящегося в фондах Новосибирского областного краеведческого музея.

Погребение 10. Могильное пятно неправильной формы (рис. 1,1), нарушено грабительской траншеей. Размеры 4,3x1,6 м. Погребение разграблено. В могильной яме находились два разрушенных погребения, получившие обозначение 10а (восточное) и 10б (западное). Над могилой 10б найден железный наконечник стрелы (рис. 1, 1а), метоподии лошадей и серебряные бляшки, возможно, от конской упряжи. Восточнее их были найдены четыре конских черепа, возле которых были найдены

обрывки берестяного колчана (рис. 1, 2-1), вместе с еще одним наконечником стрелы (рис. 1, 1б). Для наглядности размещения материала в погребении мы обозначили наконечники стрел красным цветом, а детали колчана — зеленым цветом. Цветовое деление находок позволяет нам сделать вывод о том, что несмотря на разграбление погребения, наконечники стрел в основном сконцентрированы рядом с обрывками берестяного колчана, что позволяет нам предполагать его первоначальное размещение колчана именно в этом месте. В погребении также зафиксирован обломок сабли (?) (рис. 1-1в). При работе с коллекцией нами были выявлены большие сильно корродированного пластинчатого панциря, описание которого вообще отсутствует в публикации. Также некоторые из блях и бусин были отнесены сотрудниками музея к золотым и серебряным, что также не отражено в публикации. Таким образом, наличие обломка сабли, панциря, деталей украшения сбруи и, возможно, одежды из серебра и золота, при наличии нескольких коней в погребении (более двух), позволяет нам выделить это погребение из общей массы погребенных на могильнике Чулым-2 и отнести его к рангу богатых или по меньшей мере зажиточных представителей сообщества местной Барабинской раннетюркской знати. Возможно, это погребение можно соотнести с погребением из кург. 29 мог. Юстыд XII [12, табл. 29] и кург. 9 мог. Джолин I [12, табл. 59] и подобным им по количеству коней.

Перейдем к описанию выявленных деталей колчана. Всего сохранилось четыре разноразмерных фрагмента бересты, снятых пластовым методом в весенне-летний период. В настоящее время все они расслаиваются на 5-6 микрослоев в горизонтальной проекции. Береста сильно пересушена и требует реставрации. Этот факт в начале затруднил идентификацию деталей берестяного корпуса колчана. Три из четырех фрагментов имеют следы пробивки круглым шилом или чем-то наподобие пробойника (рис. 1,2-1а-б,г). Три фрагмента несут следы прорезки внешнего (для лицевой стороны колчана) фона колчана для более плотного прилегания деревянных планок колчана (рис. 1,2-1а-в,г). Один фрагмент имеет следы теснения (рис. 1,2-1а). Размеры самих фрагментов не превышают 8,8х7 см. Выявленные технологические особенности позволяют нам с большой долей вероятности отнести четыре фрагмента к горловине колчана тюркского типа. Особенно хорошо соотносятся фрагменты (рис. 1,2-1а,в) с отпечатком центральной планки внешнего каркаса, отличающей раннетюркские колчаны от более поздних образцов. Аналогичную планку мы можем видеть на колчане из пог. 2 кург. 10 мог. Монгун-Тайга (рис. 1,3) [13, с. 81], части горловины колчана из кург. 12 Юстыд XII (рис. 2,3) [12, табл. 22-1] и на росписях из Турфана (рис. 1,4-5) [14, с. 85-86]. Таким образом, мы предлагаем следующую реконструкцию внешнего вида колчана (рис. 1,2-1). Колчан состоял из двух слоев бересты, расположенных поперек ширины листа со смещением при сшивании. По аналогии с аналогичными колчанами вертикальные швы располагались с тыльной стороны и прикрывались деревянной плахой каркасом идущего от дна колчана до его верхней точки, оборотной стороны кармана-приемника, как мы это видим у аналогичного колчана с территории Горного Алтая из кург. 29 мог. Юстыд XII (рис. 2,2в) [12, рис. 26].

На фрагменте горловины колчана (рис. 1,2-1а) на вертикальной прорезной линии нами зафиксированы следы древесного тлена и остатки окислов железа вокруг одного из отверстий. Это позволяет нам предполагать наличие железных гвоздиков, скреплявших планки внешнего каркаса с берестой и, возможно, параллельными внутренними планками (рис. 2-2г). Выявленный случай теснения мог носить как разметочно-технологический характер (рис. 1,2-1г), так и художественно-графический, как мы это видим, например, на уже упомянутом колчане из кург. 29 мог. Юстыд XII (рис. 2,4) [12, табл. 33-15].

Горизонтальные круглые отверстия образуют два ряда, пробитые крупным шилом, и соответствуют круглым бронзовым бляшкам, найденным в этом же погребении. Такое размещение отверстий с отделкой бронзовыми (серебряными (?)) бляшками позволяет предполагать наличие тканого свисающего затвора кармана — приемника колчана, как мы это видим на все тех же турфанских рисунках колчанов (рис. 1, 4-5).

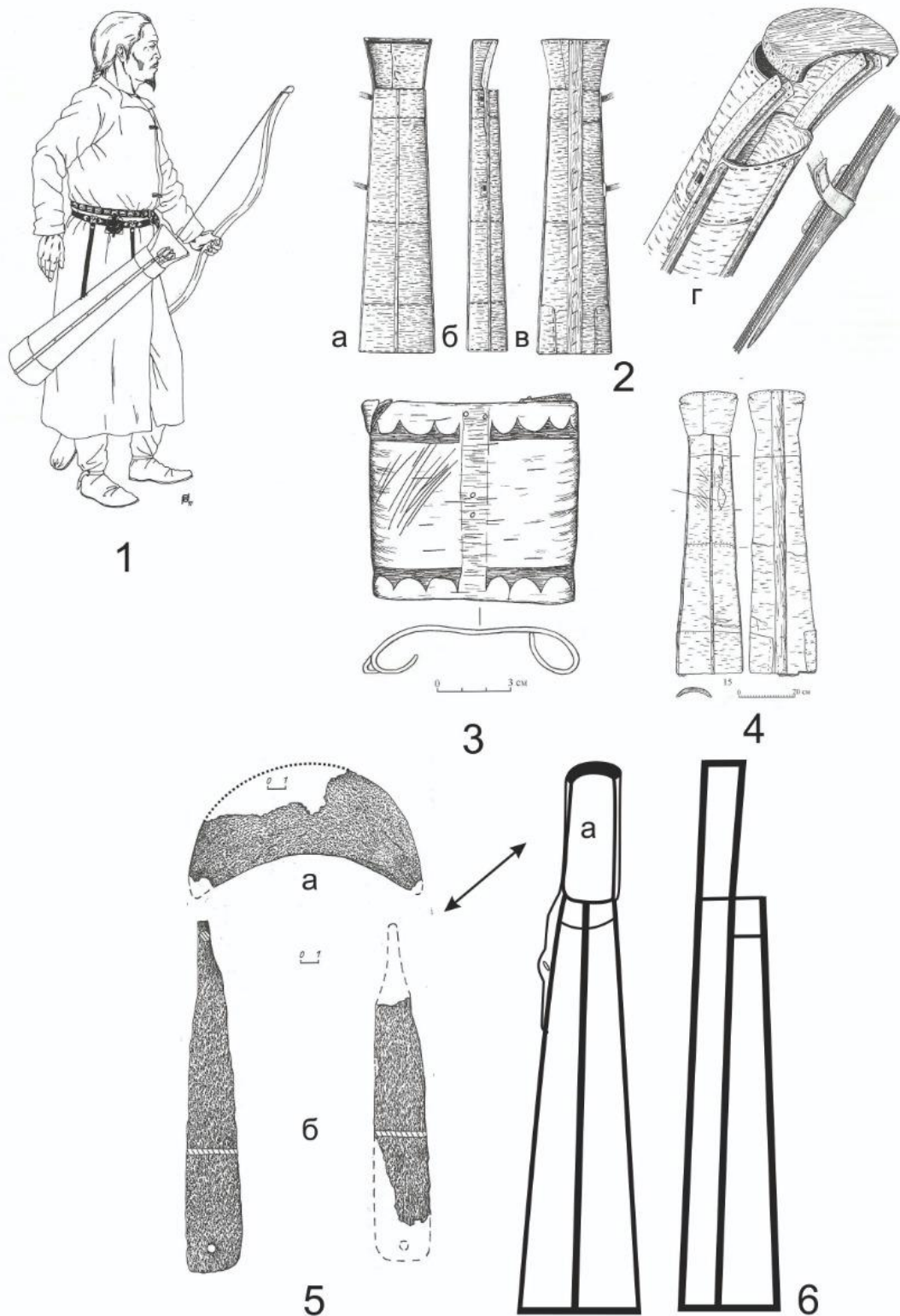

Рис. 2. Берестяные колчаны юга Западной Сибири VIII-IX вв. н.э. 1 — реконструкция способа привешивания колчанов к стрелковому поясу у древних; 2 а-в — реконструкция колчана из кург. 29 мог. Юстыд XII; 2г — конструктивные особенности кург. 29 мог. Юстыд XII; 3 — орнаментированная горловина колчана из кург. 12 мог. Юстыд XII; 4 — колчан из пог. 29 мог. Юстыд XII с граффити; 5 а-б — костяные (роговые) детали оформления колчана из пог. 1 кург. 15 мог. Красный Яр-1; 6 — гипотетическая реконструкция внешнего вида колчана из пог. 1 кург. 15 мог. Красный Яр-1

В конечном виде колчан из пог. 10 кург. 22-23 мог в подвешенном виде выглядеть аналогично колчану с реконструкции Позднякова Д. В. (рис. 2,1) [12, рис. 29]. Могильник Чулым-2 датируется VIII-X вв. н.э. и отражает ситуацию с особенностями ношения берестяных колчанов. В раннесредневековый период зону Новосибирского Приобья занимала угро-самодийская, верхнеобская археологическая культура. Она была представлена своим завершающим юрт-акбалыкским этапом существования VIII-IX вв. н.э. Среди многочисленных исследованных погребальных комплексов, отнесенных к этой культуре, детали колчана были встречены всего один раз. Это три костяные (роговые) детали приемника колчана из пог. 1 кург. 15 мог. Красный Яр-1 (Кольванский район Новосибирской области), относящегося к юрт-акбалыкскому этапу [15, с. 42].

По мнению авторов, мы имеем дело с сохранившейся в погребении *in situ* верхней частью колчана, карманом приемника (рис. 2,5), обложенного тремя костяными пластинами. «Реконструкция по трем пластинам может быть лишь предположительной и осуществлена только в самом общем виде. Судя по размерам пластин, он представлял собой футляр сложной формы. Ширина устья 3 см (установлено по максимальной верхней ширине вертикальных боковых пластин) (рис. 2,5а) длина устья 13 см (установлена по расстоянию между параллельными вертикальными пластинами и расстоянием между точками углов нижней пластины — укрепителя дна). Длина вертикальных пластин 20 см (рис. 2,5б). Вероятно, эту цифру можно принять за длину кармана приемника, хотя общая длина колчана могла быть и больше...» [15, с. 42]. Но в отличие от авторов, предполагавших размещение полукруглой пластины на дне колчана, мы предполагаем, ее крепление к верхней части крышки приемника колчана. И учитывая явное сходство с раннетюркскими колчанами, мы предлагаем следующий графический вариант реконструкции колчана (рис. 2,6). Конечно, мы понимаем, что длина колчана устанавливается нами произвольно, по средней длине колчанов тюркского типа, в пределах 70-80 см. Материал исполнения корпуса мог состоять из бересты или другого эластичного материала.

Колчан из Красного Яра-1 отличается по конструкции от более ранних колчанов угро-самодийских народов юга Западной Сибири второй половины I тыс. н.э. [16, с. 1-4]. В совокупности с колчаном из раннетюркского могильника Чулым-2 показывают одну культурную традицию, возможно, свидетельствующую о тюркском влиянии на вооружение носителей верхнеобской культуры Новосибирского Приобья и смену культурной традиции в этом вопросе с угро-самодийской на тюркскую.

Дальнейшие исследования раннесредневековых памятников Новосибирской области подтвердят или опровергнут нашу версию. В ходе проведенного исследования мы достигли следующих результатов:

1. Выявили, атрибутировали и реконструировали раннесредневековый колчан с территории Новосибирского Приобья из мог. Чулым-2.
2. Выявили и соотнесли между собой немногочисленные детали колчанов VIII-IX вв. н.э. с территории Новосибирской области.
3. Сравнительный анализ конструктивных элементов колчанов из мог. Чулым-1 и Красный Яр-1 позволили заполнить лакуну по теме использования местным населением берестяных колчанов между основными регионами с массовым количеством находок колчанов (Кузбасс, Горный и Степной Алтай), показав, что даже при незначительных материалах возможно подтвердить общие тенденции развития колчанов на юге Западной Сибири.
4. Возможно, выявить смену традиции использования угро-самодийским населением Новосибирского Приобья берестяных колчанов, в сторону отказа от старых форм в пользу использования колчанов новых форм тюркского типа.
5. Исследование также показало, насколько могут быть информативными, казалось бы, незначительные обрывки берестяных изделий.

Литература

1. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). — Барнаул, 2006. — 232 с.
2. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. — Тобольск; Омск, 2000. — 256 с.
3. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. — Кемерово, 2010. — 276 с.
4. Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Костяные накладки на колчан из средневековых захоронений кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — 2021. — Вып. XXVII. — С. 295-303.

5. Пилипенко С.А. Применение бересты носителями пазырыкской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. — 2007. — С. 133-136.
6. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сянбийско-жужунское время (по материалам памятника Степушка). — Барнаул, 2018. — 368 с.
7. Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А. Берестяные изделия хунно-сарматской эпохи могильника Делян (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. № 7. Археология и этнография. — С. 117-124.
8. Мартынов А.И., Мартынова Г.С. Кулемзин А.М. Шестаковские курганы (спецкурс). — Кемерово, 1971. — 249 с.
9. Молодин В.И., Соловьев А.И. Погребение поздне-тюркского воина в Барабе // Средневековые древности Западной Сибири. — Омск, 1995. — С. 65-101.
10. Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. — Новосибирск, 2004. — 184 с.
11. Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. — Новосибирск, 1988. — 176 с.
12. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск, 2005. — 400 с.
13. Савин А.М., Семенов А.И. Колчан древнетюркского времени из Монгн- Тайги (МТ-1958-Х-2) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 81-96.
14. Худяков Ю.С. Вооружение турфанских уйгуров // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 83-91.
15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1998. — 152 с.
16. Кузнецов Н. А. Колчаны из курганов с погребениями по обряду сожжения в Кузнецкой котловине // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005. — С. 73-75.

Сведения об авторе: Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель кафедры философии и гуманитарных наук, факультет базовой подготовки, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: Pilipenkosergej@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ЮЖНОСИБИРСКИХ КОЧЕВНИКОВ IX-X ВВ.

Т.К. Арзыбаев

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР,
г. Бишкек, Чуй (Кыргызстан)

В истории народов Южной Сибири параллели в культурах эпохи бронзы вызваны не столько контактами с классовыми обществами, сколько пришлым характером самих этих культур. Контакты, если они и имели место, были опосредованными; влияние — односторонним, главным образом, затрагивало сферу хозяйственной деятельности и, судя по памятникам изобразительного искусства, некоторые стороны духовной культуры.

ETHNOCULTURAL RELATIONS OF THE YENISEI KYRGYZ AND SOUTH SIBERIAN NOMADS IX-X KK.

T.K. Arzybaev

Institute of History, Archeology and Ethnology them. B. Dzhamgerchinova National Academy of Sciences
Kyrgyz Republic, Bishkek, Chui (Kyrgyzstan)

Thus, in the history of the peoples of Southern Siberia, the parallels in cultures of the Bronze Age are caused not so much by contacts with class societies as by the newcomer character of these cultures themselves. Contacts, if any, were mediated; influence is one-sided. It mainly affected the sphere of economic activity and, judging by the monuments of fine art, some of the spiritual culture.

Восточнотюркский каганат пал, главным образом, благодаря политике «разделяй и властвуй», активно проводившейся правительством Танского Китая. В 682 г. в Монголии возродился Второй тюркский каганат. В 745 г. власть в Центральной Азии перешла к наиболее сильному из телесских племен — уйгурам. На севере уйгуры подчинили себе местные

племена Тувы и вошли в непосредственное соприкосновение с государством енисейских кыргызов на Среднем Енисее, в 840 г. енисейские кыргызы победили уйгуров, перевалили через Западные Саяны и вышли на просторы Центральной Азии. В это время на Иртыше начинает складываться государство кимаков, в основе которого лежало тюркоязычное племя яньмо, ранее входившее в западно-тюркский каганат. На севере кимакам были подчинены кыпчаки. После 840 г. часть племен, подчиненных прежде уйгурам, вошла в состав объединения кимаков. Государство кимаков существовало до конца X в. и после отпадения кыпчаков распалось [9, с. 37]. В это же время енисейские кыргызы покидают Центральную Азию и возвращаются на Средний Енисей. На освобожденные территории приходят новые, главным образом, монголоязычные племена, начинающие постепенно строить здание будущей монгольской империи.

Раннеклассовые государственные образования в рассматриваемом регионе обычно складывались как полиэтнические объединения, получавшие название по имени ведущего этноса. О теле в китайских источниках говорится: «Они рассеянно обитали по северную сторону великой песчаной степи. Первоначально они не имели старейшин... считались подданными тукюеского дома. Тукюесцы их силами геройствовали в пустынях севера» [5, с. 301]. Очевидно, уровень этнической консолидации у теле был значительно ниже, чем у тюрков-тугю, которым они были подчинены и которые использовали их как военную силу, расширяя границы своей северной периферии. Вхождение в состав государства древних тюрков, несомненно, стимулировало развитие социальных отношений у телеских племен и появление у них зачатков государственности — сначала в виде непрочного объединения сеянто, а затем в виде мощного Уйгурского каганата. Таким же образом были устроены государства енисейских кыргызов и кимаков. Кыргызы, «когда набирают и отправляют войско, то выступает весь народ и все вассальные поколения» [1, с. 60].

К этим вассальным поколениям относились «лыжные тукюе», скорее всего, население Восточных Саян. Об одном из этих народов (дубо) говорится, что «хягасы ловят их и употребляют в работу» [5, с. 354]. В зависимом положении от кимаков находились кыпчаки. По сведениям анонимного автора «Худуд-ал-алам», кыпчаки «более дикие, чем кимаки. Их царь назначается кимаками».

Более ощутимо прослеживается здесь влияние Сасанидского Ирана. Известно, что подавляющее количество находок восточного серебра, часть которого относится к сасанидскому времени, сделано в Приуралье и Прикамье. Причина такой концентрации сасанидского импорта в этих районах не совсем ясна. А.А. Иессен писал по этому поводу, что «необходимо считаться с конкретной исторической обстановкой каждого периода, обусловившей, например, наличие иранского влияния в ахеменидскую эпоху как на Урале, так и на Алтае, тогда как в сасанидское время на Урале сношения с Ираном резко усилились, а на Алтае, по-видимому, совершенно прервались» [12, с. 230]. Очевидно, они не прервались, а приобрели другую форму. Объяснение этому явлению следует искать в возросшей роли государств; в Средней Азии, культура которой развивалась в тесном взаимодействии с иранской. Уже через среднеазиатскую среду иранское влияние передавалось дальше на восток.

Отношения с Китаем у древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов и других народов Южной Сибири в древнетюркское время строились в духе старых традиций хунну. Характер и степень интенсивности этих отношений зависели от конкретной исторической ситуации в тот или иной период. В погребениях Южной Сибири, синхронных первому тюркскому каганату, находки предметов китайского импорта немногочисленны, что вполне объяснимо с исторической точки зрения. Основные интересы каганата в это время были сосредоточены на Западе. В погребениях VIII–IX вв. их уже значительно больше. В Монголии, на Алтае, в Туве часто находят китайский шелк, монеты, танские зеркала. В Минусинской котловине своего рода индикатором интенсивности контактов енисейских кыргызов с Китаем в различные периоды их истории являются китайские монеты. По подсчетам С.В. Киселева и Е.И. Лубо-Лесниченко, к периоду до 840 г. относится 64 монеты (по С.В. Киселеву), а после 840 г. — 237. Такое резкое увеличение количества китайских монет находится в полном соответствии с характером отношений между енисейскими кыргызами и танским двором в середине IX в., когда Китай надеялся с помощью кыргызов полностью уничтожить уйгуров, сильно беспокоивших северные районы империи. Но политическая обстановка в регионе изменилась: енисейские кыргызы ушли на запад, а уйгуры перестали быть врагами Китая, и к X в. в Южной Сибири относится только 4 монеты (по С.В. Киселеву), а по Е.И. Лубо-Лесниченко, для всего предмонгольского времени (X — начало XIII в.) — 30 монет [10, с. 94–96; 13, с. 156–169].

На юге ведущую роль в установлении контактов между классовыми обществами, а также с их северной периферией продолжал играть Согд. В древнетюркское время согдийская колонизация достигала Монголии и Ордоса. В согдийских колониях, расположенных вдоль всего Великого шелково-

го пути, жило как местное, так и согдийское население, главным образом, ремесленники. Многие элементы древнетюркской культуры в своем происхождении связаны с Согдом. Так, влияние согдийского изобразительного искусства чувствуется в иконографии и стилистике некоторых древнетюркских каменных изваяний, особенно в пределах Западно-тюркского каганата. Древнетюркская руническая письменность, принятая у древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов, очевидно, возникла на базе согдийского алфавита.

Формально входя в состав Первого тюркского каганата, согдийцы фактически сосредоточили в своих руках всю международную торговлю по Великому шелковому пути. И, хотя «торговля шелком приносила огромные доходы согдийским купцам, свою долю в виде налогов получали их тюркские сюзерены» [6, с. 103–104]. Южная Сибирь находилась в стороне от Великого шелкового пути, но была связана с ним разветвленной сетью караванных путей. Караванные пути Южной Сибири обеспечивали экономические и культурные контакты государств Центральной и Средней Азии с их северной периферией. Отсюда, из Южной Сибири и более северных районов, на международный рынок поступали полученные в результате военных захватов, обмена и главным образом дани продукты местного промысла — пушнина, мускус, мамонтовая кость («рог хуту») и пр.

Контакты с Китаем, Передней и Средней Азией не только касались торговли, но затрагивали и сферу духовной культуры обществ-реципиентов. Веротерпимость народов Южной Сибири, придерживавшихся шаманизма, была благодатной почвой для проникновения сюда различного рода религиозных течений и сект. В конце VI в. из Китая в степи Центральной Азии проник буддизм. В дальнейшем идеи буддизма восприняли в разной степени уйгуры, кыргызы, кимаки. Одновременно из Средней Азии через Согд проникают идеи манихейского и несторианского толка. В 70-х гг. VIII в. манихейство становится государственной религией уйгуров. От уйгуров, возможно, манихейство воспринимают енисейские кыргызы и кимаки. С.Г. Кляшторный пришел к выводу о том, что, возможно, «к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии получил известное распространение несторианский толк христианства», однако «религиозный синкретизм, наблюдаемый в манихействе и отчасти в центральноазиатском христианстве, делает затруднительным более точное отнесение языкового и иконографического материала к тому или иному культу» [7, с. 165–166]. В целом распространение больших религий среди народов Южной Сибири имело поверхностный характер и не затронуло основ шаманистского мировоззрения, за исключением Уйгурского каганата, где манихейство стало государственной религией.

Контакты населения Южной Сибири с классовыми обществами не были односторонними. Несомненно, имело место и обратное влияние, которое выразилось прежде всего в широком распространении определенного комплекса предметов убранства верхового коня и вооружения, сложившегося в древнетюркской среде. В первую очередь это касается седла с жесткой основой. Вместе с седлом древнетюркского типа широкое распространение получают металлические стремена. В Китае, Восточном Туркестане, Иране стали активно использоваться и другие элементы тюркского убранства верхового коня — бубенчики, султаны, сердцевидные подвески (решмы). К этому же кругу явлений относится, очевидно, и обычай постригать гриву лошади зубцами, завязывать хвосты узлом и т.д.

Эволюция предметов снаряжения верхового коня вызвала появление новых типов вооружения, в частности сабли. В древнетюркских погребениях VII–VIII вв. сабли пока не найдены, но в целом «алтайская» (в широком понимании термина средне-центральноазиатская) прародина сабли представляется наиболее убедительной. Уже в середине IX в. у тюрков существовала разработанная технология изготовления сабель, подробное описание которой сохранилось в письменных источниках [2, с. 241]. В этом же ареале происходило и формирование сложного лука тюркского типа. Ранние находки костяных накладок лука в Забайкалье, Внутренней Монголии и Восточном Туркестане говорят о глубокой традиции их изготовления в Центральной Азии. Допуская возможность конвергентного развития гуннских луков от луков «скифского типа», а тюркских — от гуннских по всей территории евразийских степей, следует все же отметить, что Сибирь «сыграла в этом процессе выдающуюся роль, что у гуннов сложные луки с костяными накладками — дальнейшее развитие скифского лука — появились раньше, чем у других народов, и оказали определенное влияние на появление у них подобных же луков» [7, с. 35–36]. Отсюда они проникают в Китай, Среднюю Азию и Иран. Эта же тенденция сохраняется и в древнетюркское время. Несимметричные луки с одной парой концевых накладок, известные по изображениям на памятниках сасанидского искусства, раньше появляются на Алтае [9, с. 87]. Сокращение числа накладок на южносибирском луке в VIII–IX вв. вызвало аналогичные изменения конструкции лука и на других территориях.

Литература

1. Акеров Т. Древние Кыргызы и великая степь (по следам древнекыргызских цивилизаций). — Бишкек: Бийиктик, 2005.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. Т. I. — М., Л., 1950–1953.
3. Винстедт Р. Путешествие через полмиллиона страниц. — М., 1966.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967.
5. Деопик Д.В. Ранние вьетские государства: автореф. ... канд. ист. наук. — М., 1961.
6. Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. — Вып. 2. — Алматы; М., 1998.
7. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // СНВ. — Вып. X. — М.: Наука, 1971. — С. 130.
8. Chavannes E. Documents sur les Toukiues (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. — СПб., 1903.
9. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М.: Вост. лит-ра, 1997.
10. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
11. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. — Новосибирск: Наука, 1974.
12. Народы Юго-Восточной Азии. — М., 1967.
13. Mori M. Historical Studies of the Ancient Turkic Peoples. — Tokyo, 1967.

Сведения об авторе:

Арзыбаев Тыныстан Кадырович, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Республики Кыргызстан (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: arsybaevt@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ НА ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ АКБАУЫР В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Г.Г. Петенева

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

В тезисах показаны основные результаты археологических исследований памятников на историко-археологическом комплексе Акбауыр и обозначены основные проблемы, связанные с их музеефикацией. Рассматривается возможность возведения большепролетных конструкций над отдельными объектами, строительства здания музея, изготовления виртуальных копий — симулякров древней наскальной живописи.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AND PROBLEMS OF MUSEIFICATION OF MONUMENTS AT THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AKBAUYR IN EAST KAZAKHSTAN

G.G. Peteneva

East-Kazakhstan regional architectural-ethnographic and natural-landscape museum-reserve,
Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

The theses show the main results of archaeological research of monuments at the historical and archaeological complex Akbauyr and outline the main problems associated with their museification. The possibility of erecting large-span structures over individual objects, constructing a museum building, making virtual copies - simulacra of ancient rock art is being considered.

Среди многообразия памятников археологии Восточного Казахстана особое место занимает комплекс Акбауыр, который находится в 35–38 км от г. Усть-Каменогорска в Уланском районе Восточно-Казахстанской области. На этой сравнительно небольшой территории, в пределах окрестностей сопки Коржинбай и Сорокиной горы в радиусе 10–15 км, расположены самые разнообразные типы археологических памятников, относящиеся к разным хронологическим периодам: поселения и могильники эпохи бронзы; курганы раннего железного века, включающие редкие археологические объекты — курганы «с усам»; захоронения, датированные эпохой Средневековья. Многочисленные наскальные рисунки располагаются на небольших сопках и кряжах

и образуют локальные группы. Наиболее интересным является грот с наскальными рисунками, выполненными красной охрой (III тыс. до н.э.). Комплекс многочисленных археологических памятников формируют историко-культурную среду района.

Отдельные типы памятников в разное время были исследованы археологами. В 1970-е гг. изучением наскальных рисунков занимался З.С. Самашев. Неоднократно проводились раскопки на могильнике Кызылтас, расположенном у северного склона Сорокиной горы, который входит в зону комплекса: Ф.Х. Арслановой (1972 г.), Г.А. Куц и Г.И. Суворовой (1990 г.), А.А. Ткачевым (1992 г.). Полученные в ходе раскопок материалы хранятся в областном историко-краеведческом музее (г. Усть-Каменогорск).

Археологические памятники на Акбауыре гармонично сочетаются с окружающей природной средой. Высотными точками в пространственной организации являются гора Коржинбай (801 м) и Сорокина гора (840 м), входящие в систему Калбинского нагорья. Ландшафтная зона определяется обширными степными пространствами с малыми речками, ручьями, родниками, расположенными в небольших урочищах с равнинно-горным рельефом. Здесь преобладает степная растительность в сочетании с березово-осиновыми лесами, сосновыми борами и кустарниками. Чуть выше расположена зона субальпийских лугов, богатых разнотравьем. Нужно отметить, что на Калбе встречается немало рефугиумов и эндемичных видов, занесенных в Красную книгу Казахстана. В животном мире преобладают виды, как хорошо приспособленные к степным условиям обитания, так и характерные для боров и смешанных березово-сосновых лесов.

Территорию, на которой расположен Акбауыр, вполне можно отнести к естественно развившемуся типу культурных ландшафтов, позволяющему сохранить и экспонировать объекты наследия в аутентичной исторической, этнокультурной и природной среде. Оптимальным способом сохранения и использования памятников историко-культурного наследия на Акбауыре является их музеефикация.

Для обеспечения контроля за посещением туристами и с целью сохранения и археологических памятников, и природной среды в 2012 г. музею-заповеднику были отведены два участка земли — у горы Коржинбай (62,95 га) и у Сорокиной горы (18,86 га), на которых расположены наиболее интересные и значимые археологические объекты. Участок земли у западного склона горы Коржинбай (62,95 га) был огорожен, оборудована входная группа, установлены скамейки, беседки, урны, вагончик для охраны и обслуживающего персонала, произведены электромонтажные работы, произведено подключение к ЛЭП, пробурена скважина для обеспечения водой. Разработан маршрут и подготовлены экскурсии по данному участку комплекса. Для демонстрации выделено четыре основных объекта: грот с рисунками охрой; «ритуальная», или «визирная» площадка; останец с петроглифами; останец с чашевидными углублениями. Фактически для демонстрации из археологических памятников предлагались только наскальные рисунки. Естественные природные особенности и состояние других археологических объектов даже для простого визуального обнаружения и восприятия посетителями были достаточно сложными.

С 2019 г. на комплексе Акбауыр начаты археологические раскопки по «Программе развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в ВКО на 2019–2021 годы» по теме: «Алтай-Тарбагатай от эпохи бронзы до средневековья» акимата Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (руководитель программы — Д.К. Ахметов, аким ВКО; руководитель темы — З.С. Самашев, д.и.н.).

Третий год ведутся раскопки на месте, которое ранее определялось как «ритуальная», или «визирная» площадка. Именно здесь находилась «каменная стенка» из мегалитических плит и изображения горных козлов на скальной поверхности гранитного останца. На этом объекте (площадь раскопа 672 м²) изучены два культурных горизонта на глубину 20,0-50,0 см. Археологами выявлены каменные конструкции от построек и порядка 12 очагов. Получено большое количество орудий труда из камня: зернотерки с курантами, мотыги, песты, шары, диски, оселки, пряслица, молотки, отбойники и др. Особенно многочисленны фрагменты керамики — порядка 3,5 тыс. Фаунистический комплекс представлен костными останками домашних и диких животных. Среди костяных орудий труда часто встречаются ложила для керамического производства, различного рода проколки, острия, предметы для обработки шерсти, кожи и текстиля. По результатам исследований сделан вывод о том, что в пределах «культовой площадки» в древности находилось поселение и связано оно с начальным периодом становления раннесакского культурного комплекса (X–VIII вв. до н.э.). Поселение получило свое название — Акбауыр I [6].

В 2021 г. начаты раскопки еще двух поселений Акбауыр II с площадью раскопа 240 м² и Акбауыр III площадью 300 м² у западного склона горы Коржинбай. В ходе археологических раскопок бы-

ли найдены каменные орудия труда — мотыжки, а также обломки керамической посуды и кости животных. Рядом с местом, где были обнаружены поселения, расположены объекты с наскальными рисунками. У поселения Акбауыр II на склоне горы находится огромный валун с изображениями лошадей. Граница поселения Акбауыр III непосредственно примыкает к каменному останцу с рисунками оленей, хищных животных, человека и лошади [5]. В сезоне 2021 г. раскопана ограда овальной формы, размером 12,2х16,8 м, сложенная массивными кварцевыми глыбами. Внутри ограды археологи обнаружили четыре захоронения в цистах, закрытых сверху гранитными плитами. Погребения оказались ограбленными, только в одном из них была оставлена заупокойная пища в богато орнаментированных глиняных горшках. Находки позволили датировать данный объект периодом поздней бронзы XII (X)—VIII вв. до н.э. [5].

На могильнике Кызылтас в течение двух сезонов велись исследования кургана с «усами». Центральное сооружение кургана с «усами» представляет собой округлой формы выкладку из камней диаметром 10,5 м, высотой 0,30-0,40 м, от которой к юго-востоку и к северо-востоку отходят два «уса», сложенные из камней. Длина «усов» — 110,0-140,0 м, ширина — от 1,5 до 4,0 м. К настоящему времени курган «с усам» представляет собой достаточно величественное сооружение, которое после надлежащей консервации вполне можно включать в качестве самостоятельного объекта для демонстрации туристам [4]. На могильнике Кызылтас в 1970-е гг. археологом Ф.Х. Арслановой были раскопаны еще два кургана с «усами» [1].

Некоторые из объектов по окончании исследований необходимо будет музеефицировать и включить в экскурсионный маршрут. Археологические исследования на Акбауыре будут продолжаться. По предварительным данным, здесь могут находиться мастерские по производству керамики, орудий труда из камня и кости, а также металлургии. Интерес представляют погребальные конструкции разных хронологических периодов.

В связи с этим остро встала проблема консервации и сохранения раскопанных объектов. Принимая во внимание тот факт, что на Акбауыре памятники археологии расположены очень близко друг к другу и занимают значительные площади, строительство каких-то капитальных зданий и сооружений здесь в принципе невозможно. В качестве решения было предложено возведение над отдельными объектами большепролетных конструкций, которые имеют существенные преимущества. Они обладают высокими техническими показателями: сопротивление нагрузкам, упругость, прочность и пластичность. Благодаря всем этим свойствам удастся достигать невероятной устойчивости материала к негативным воздействиям погодных условий и механическим повреждениям. Сами конструктивные формы имеют большой диапазон разных моделей, детали и элементы каркаса монтируются в заводских условиях, а потом доставляются на место монтажа. При этом тяжелая спецтехника не используется. Такая конструкция способна не только защитить объект от воздействия природных факторов, ее можно использовать в качестве выставочного павильона для размещения экспозиции с другими, дополнительными археологическими материалами и информацией.

В современном музее проектирование археологической экспозиции представляет определенную проблему. В большинстве музеев традиционным остается показ археологических предметов по археологическим культурам или всякого рода коллекциям. Вещи и артефакты демонстрируются извлеченными из контекста археологического объекта и дают далеко не полное представление о бытовании предмета в определенной социокультурной среде. В результате культурная значимость археологических коллекций значительно снижается.

Все большее развитие получает еще одно направление демонстрации и пропаганды археологического наследия, которое связано непосредственно с музеефикацией археологического памятника или артефакта, когда происходит преобразование историко-культурного или природного объекта в музейный объект с целью максимального сохранения его историко-культурной и научной ценности. В таком музее под открытым небом вполне возможна демонстрация непосредственно уже исследованных объектов и артефактов; созданных на их основе историко-археологических реконструкций и моделей различного рода построек, ремесленных мастерских, орудий труда, керамики, одежды, оружия и т.д., а также использование процесса археологических раскопок в качестве самостоятельного объекта музейного показа. Также успешно может развиваться экспериментальная археология, когда посетители могут принять непосредственное участие в плавке металла в древней печи, лепить и обжигать посуду, строить жилище и т.п.

Одно из условий музеефикации — сделать объекты более доступными для посетителей, а это в свою очередь влечет за собой нарушение аутентичности. Значительно увеличиваются по площади рекреационные зоны. К объекту подводят электричество, выкладывают современными материалами

(тротуарной плиткой), а иногда и асфальтируют дорожки, ставят информационные щиты и ограждения, сооружают смотровые площадки из современных материалов и т.д. Недостатками музеефикации становится экологическая угроза для исторических объектов и окружающей среды, создаваемая большими потоками посетителей.

На Акбауыре не только возможно, но даже необходимо наряду с музеефикацией объектов строительство здания музея, поскольку это позволит решить многие другие проблемы, связанные с использованием данного комплекса. Прежде всего, получаемые в ходе раскопок артефакты будут сосредоточены в фондах одного музея. Это будет способствовать как эффективному их изучению, так и более мобильному использованию в экспозициях и выставках. Сегодня часть коллекции хранится в фондах музея-заповедника, часть материалов — в областном историко-краеведческом музее. Наряду с артефактами в фондах также будет сосредоточена вся накапливаемая информация по другим объектам комплекса, в том числе фото-, видеоматериал, чертежно-графические схемы и копии, даже в случае разрушения или утраты того или иного объекта, данные о них послужат основой, которая обеспечит дальнейшее их изучение.

Нельзя обходить вниманием и тот факт, что уже долгое время часть специалистов считает Акбауыр по своему функциональному назначению древним святилищем, где не только проводились магические обряды и ритуалы, но также велись наблюдения за астрономическими объектами [3]. Именно музейная экспозиция более полно и наглядно может раскрыть данное направление.

Одной из проблем на Акбауыре является сохранение и демонстрация рисунков, выполненных охрой. Ее решение возможно путем музеефикации, которая предполагает обязательное проведение инженерно-геологической оценки состояния сохранности, как окружающей среды, так и самих рисунков. Проблему составляет непосредственно сама методика музеефикации этой категории памятников. Посещение грота, расположенного пусть даже на незначительной высоте (3,0-4,0 м), ограничивает его доступность для лиц преклонного возраста и с ограниченными возможностями здоровья.

Одним из решений может быть создание и демонстрация в экспозиции музея симулякра — условной цифровой копии, археологической репродукции грота с помощью стереофотограмметрии, лазерного сканирования и фотограмметрии, которая заменит оригинал и может стать даже более функциональной, чем артефакт. В мастерской Arc&Os (Монтиньяк, Франция, руководитель — Alain Dalis) успешно разрабатывают, совершенствуют и применяют такие методики [2]. Однако необходимо отметить, что современные технологии очень затратны и требуют специальных инструментов, приборов, моделируемых материалов, уникального программного обеспечения и высококлассных специалистов. Преимуществами реконструкций является их доступность и зрелищность, которую можно повысить за счет использования мультимедийных средств.

Проблематичным остается вовлечение в экскурсионные маршруты других памятников древнего наскального искусства. На Акбауыре известно около 10 местонахождений петроглифов. Друг от друга они могут быть расположены от нескольких сот метров до 5-7 км. Протяженность одного местонахождения также может быть до 3 км. Часть рисунков располагается на горизонтальных плоскостях и, как правило, на очень хрупкой сланцевой породе. Для того чтобы сделать петроглифы объектами показа, необходима инженерно-геологическая оценка состояния их сохранности, повторное описание, создание единой схемы расположения местонахождений петроглифов и схем по каждому отдельному местонахождению. Также не исключается вариант по созданию отдельного зала для виртуальных экспозиций и экскурсий по наскальным рисункам Акбауыра.

В 2011 г. музеем-заповедником совместно с группой архитекторов КазГАСА и Союза дизайнеров Казахстана — Э.М. Байтеновым, докт. архитект., Г.А. Исабаевым, канд. архитект., А. Ордабаевым, докт. архитект., был спроектирован макет здания музея площадью 686 м² для историко-археологического комплекса Акбауыр — «Ландшафтный» с уникальной формой здания, повторяющей скальные выходы, характерные для местного рельефа. Световые щели в параллельных арках, напоминающие гранитные пласты, обеспечивают фиксацию моментов солнечного цикла, летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия. В архитектурном решении световые эффекты гармонично сочетаются с насыщенным внутренним пространством здания в виде тематических экспозиций, оснащенных современным мультимедийным оборудованием, видеозалом, кабинетами для сотрудников, помещениями для размещения фондов. Для строительства музея дополнительно был выделен участок земли 2,4 га в месте, свободном от археологических памятников. Проект прошел госэкспертизу, но музей так и не был построен.

На сегодняшний день Акбауыр является достаточно известным в области историческим памятником, который посещают многочисленные туристы. То состояние, в котором комплекс находится

сегодня, уже не отвечает современным требованиям. Музеефикация объектов археологии, создание экспозиции под открытым небом, строительство музея и оснащение его современным оборудованием — весьма затратные мероприятия. Однако принимая во внимание значимость памятников, исследуемых на Акбауыре, перспективу их долгосрочного исследования, объем получаемого материала, необходимо отдельное финансирование, направленное на создание музея под открытым небом. Желательно, чтобы выделение средств было постоянным, так как без постоянной финансовой поддержки музеефицированные памятники частично или полностью будут разрушаться.

Литература

1. Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. — Алма-Ата, 1975. — С. 116-129.
2. Далис А. Репродукция археологических предметов // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика: материалы III Международного научного симпозиума. — Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2018. — С. 4-24.
3. Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. — СПб., 2000.
4. Отчет по теме: «Алтай-Тарбагатай от эпохи бронзы до раннего средневековья» в рамках «Программы развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в ВКО на 2019-2021 годы». — Усть-Каменогорск, 2020. (Самашев З.С.)
5. Предварительный отчет по теме: «Алтай-Тарбагатай от эпохи бронзы до раннего средневековья» в рамках «Программы развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в ВКО на 2019-2021 годы». — Усть-Каменогорск, 2021. (Самашев З.С.)
6. Самашев З.С. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. — Кемерово, 2020. — Вып. 28. — С. 103-118.

Сведения об авторе:

Петенева Галина Геннадьевна, заведующий научно-исследовательским отделом археологии Акбауыр, Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: peteneva63@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ШИЛКА)

С.В. Алкин¹, Р.В. Смоляков²

¹ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

²Читинский техникум железнодорожного транспорта ИрГУПС, г. Чита (Россия)

В докладе представлены основные объекты археологического наследия в юго-восточной части Забайкальского края. Это археологические памятники разных типов (поселения, укрепленные поселения, отдельные погребения и могильники). Хронологический диапазон — от верхнего палеолита до Средневековья. Освещаются проблемные ситуации в методике изучения археологических памятников региона, а также вопросы сохранения древнего культурного наследия и перспективы включения его в туристические программы.

ACTUAL PROBLEMS OF PRESERVATION THE CULTURAL HERITAGE IN THE SOUTH-EAST OF THE TRANSBAIKAL REGION (ON THE EXAMPLE OF ARCHEOLOGICAL SITES IN THE LOWER SHILKA RIVER)

S.V. Alkin¹, R.V. Smolyakov²

¹IAET SB RAS, Novosibirsk (Russia)

²Chitinsky Railway College, Chita (Russia)

The report explains the main objects of the archaeological heritage in the southeastern part of the Transbaikal region. These are archaeological sites of various types (settlements, fortresses, individual burials and burial grounds). Chronological range — from the Upper Paleolithic to the Middle Ages. The problematic situations in the method of studying the archaeological sites of the region are highlighted, as well as the issues of preservation of ancient cultural heritage and the prospects for its inclusion in tourist infrastructure.

Первые известия о группе древних «городков» на р. Шилка от устья р. Кара до устья р. Горбица содержались в небольшой статье забайкальских краеведов А.Н. Банщикова и П.П. Орлова, которая была опубликована более столетия назад [1]. В середине 1950-х гг., с началом систематического изучения Приамурья, включая его западную часть (верхнюю часть в пределах Забайкалья), Дальневосточная археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова провела обследование с речным сплавом вниз по р. Шилка от Сретенска и далее до р. Амур. Помимо открытия большого числа новых археологических объектов разных эпох была осуществлена первая научная фиксация нескольких городищ: у с. Усть-Черная, на сопке Витчиха напротив с. Верхние Куларки и городище Чудейский утес на г. Широкая, недалеко от устья р. Черная [2]. Ныне коллекция находок с этих памятников хранится в фондах ИАЭТ СО РАН. Результаты экспедиции стали доступны широкому кругу читателей [3].

В дальнейшем ограниченные по масштабам рекогносцировочные работы в среднем течении р. Шилка и на ее притоках проводились археологами Читы и Сретенска. В середине 2000-х гг. нами начато планомерное изучение группы раннесредневековых укрепленных поселений на участке среднего течения р. Шилка. Одновременно проводится поиск новых объектов археологического наследия и мониторинг состояния зафиксированных ранее. В том числе на участке реки от с. Усть-Карск (Сретенский р-н края) до местности Часовинка (Могочинский р-н) были выявлены места нахождения древних и средневековых археологических памятников, впервые открытых экспедицией 1954 г., а также открыты новые памятники разных типов (включая петроглифы, поселенческие и погребальные памятники широкого хронологического диапазона от верхнего палеолита до Средневековья).

За полтора десятилетия полевых исследований Шилкинский экспедиционный отряд ИАЭТ СО РАН в сотрудничестве с Забайкальским краевым краеведческим музеем и с 2011 г. при активном участии студентов-участников туристическо-краеведческого клуба «Бурундуки» Читинского техникума железнодорожного транспорта смог обеспечить существенное приращение источников для изучения древних и средневековых культур археологического микрорайона в среднем течении р. Шилка [4–6]. На базе отряда проводилась полевая практика студентов третьего года обучения археологической специализации НГУ. Разведывательные экспедиционные маршруты разворачивались в направлении места слияния Шилки и Аргуни и далее на Амур. Со временем это позволит закрыть «белое пятно» на археологической карте региона. Важность работ определяет необходимость получения новых данных в развитие гипотезы о вхождении этой территории в зону распространения мохэской археологической культуры, носители которой в конце I — начале II тысячелетия новой эры осуществили миграционное движение из района Среднего Амура [7]. Если наша гипотеза верна, то мохэская миграция ознаменовала появление первых групп тунгусоязычного населения в Забайкалье. Многообещающим в этом плане стало обнаружение летом 2020 г. первого поселения с признаками остатков жилищных конструкций мохэского типа на берегу р. Амур в Сковородинском р-не Амурской области.

Отдаленность и труднодоступность изучаемой территории способствует сохранности объектов археологического наследия. Сюда редко добираются так называемые «черные археологи». Однако крупные наводнения, которые случаются все чаще (2013, 2019–2021 гг.), могут приводить к разрушению и даже утрате памятников, находящихся вблизи береговой линии. Не стоит также преуменьшать воздействие лесных пожаров. В ходе одной из разведок был обнаружен уникальный этнографический объект — вырезанное на стволе лиственницы изображение лика духа местности, обозначающее культовое место охотников-орочонов. В случае лесного пожара этот объект будет уничтожен. Под воздействием выветривания и других природных факторов разрушаются уникальные для Забайкалья петроглифические комплексы, которых на сегодня известно пять (см. [8]).

Актуальна проблема вскрышных работ, проводимых золотодобывающими компаниями. Под серьезной угрозой находится недавно выявленный неолитический комплекс в устье реки Желтуга. Свою лепту вносят лесодобывающие компании, разрушая археологические объекты карьерами и дорогами.

Большую тревогу вызывает состояние исторических объектов с. Горбица Сретенского р-на — например, деревянной церкви Прокопия Устюжского 1887 г., сочетающая стили барокко и классицизма. Надеемся, что навсегда похоронен проект середины прошлого века по строительству Шилкинской ГЭС, при осуществлении которого под воду уйдут десятки, если не сотни объектов культур-

ного наследия. К сожалению, следует признать, что грубые нарушения методики раскопок археологических комплексов, предоставление неполных и некачественных отчетов по результатам выполненных работ, другие нарушения — все это также ведет к утрате значительной части важной информации.

В то же время изучаемый нами регион — Юго-Восточное Забайкалье — имеет огромный рекреационный потенциал. Привлекательными для включения в туристические маршруты могут стать не только великолепные природные объекты, но также археологические памятники и объекты наследия, связанные с освоением этой территории русскими.

По р. Шилка шло заселение Дальнего Востока. Здесь проводились изыскания мест для строительства Амурской железной дороги. В этих местах происходили сражения Гражданской войны; из партизанских отрядов формировался Амурский фронт Народной освободительной армии Дальневосточной Республики.

В настоящее время разработан первый туристический маршрут от устья р. Черная до с. Горбица в Сретенском р-не. Данный маршрут является одним из самых изученных и безопасных в Забайкалье. Привлечение сюда туристов может способствовать возрождению местных сел, а также помочь охране, изучению и реконструкции памятников природы, истории и культуры.

Литература

1. З.Н. Древние «городки» // Вестник Азии. — № 35–36. — Харбин, 1915. — С. 89–91.
2. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура Востока Азии. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. — С. 4–29.
3. Рижский М.И. Из глубины веков. — Иркутск: Вост.-Сибирское кн. изд-во, 1965. — 172 с.
4. Колосов В.К., Нестеренко В.В., Алкин С.В., Васильев С.Г. Новые данные по археологии Сретенского района // Сретенский район: история и современность. — Чита: Экспресс-издательство, 2008. — С. 53–56.
5. Алкин С.В. Шилкинская система городищ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. — Новосибирск: Наука, 2011. — С. 349–351.
6. Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — Т. XXIII. — С. 26–30.
7. Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф.: в 2 т. — Вып. 3. — Т. 2. — Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. — С. 499–504.
8. Пахунов А.С., Алкин С.В., Илюшечкин В.С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2019 г. — Том XXV. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2019. — С. 549–555.

Сведения об авторах:

Алкин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: alkin-s@yandex.ru

Смоляков Роман Викторович, преподаватель Читинского техникума железнодорожного транспорта (ЧТЖТ ЗаБИЖТ ИрГУПС) (Чита, Россия). E-mail: amasarez@mail.ru

СЕКЦИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКОМ МИРЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ»

Модераторы: **Тынчтыкбек Кадырмамбетович Чороев**, доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)
Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

РОЛЬ КАРЛУКСКИХ ПЛЕМЕН В ТАЛАССКОЙ БИТВЕ

Р.И. Сафаров

Таджикский национальный университет, г. Душанбе (Таджикистан)

В статье отмечается, что Таласская битва входит в категорию великих битв и сражений, изменивших вектор и ход истории региона. Ожесточенная битва между войсками Аббасидского халифата и армией танского Китая за контроль над Средней Азией, которая произошла в 751 г. в центре Евразии, стала фактически столкновением цивилизаций. А также автор особо отмечает, что Карлуки, поддерживая баланс военных сил в регионе, играли особую роль в этой исторической битве 751 г. Благодаря их вкладу и мощи конной армии, решившим судьбу не только сражения, но и региона в целом, разгромлена Танская армия. Как в статье характеризуется, после этой битвы тюркские народы Семиречья и сопредельные с ним некоторые области Центральной Азии окончательно стали тяготеть к «про-мусульманскому миру». Таласская битва, одержанная благодаря карлукской мобильной кавалерии, стала символом и последующих побед, одержанных впредь тюркской военно-политической мощью.

TALAS BATTLE: THE STRUGGLE OF CIVILIZATIONS WITH THE DECISIVE CONTRIBUTION OF THE KARLUK PEOPLE

R.I. Safarov

Tajik National University, Dushanbe (Tajikistan)

The article notes that the Talas battle is included in the category of great battles and battles that changed the vector and course of the history of the region. The fierce battle between the troops of the Abbasid Caliphate and the army of Tang China for control over Central Asia, which took place in 751 in the center of Eurasia, became in fact a clash of civilizations. And also the author emphasizes that the Karluks, maintaining the balance of military forces in the region, played a special role in this historic battle of 751. Thanks to their decisive contribution and the power of the cavalry army, which decided the fate of not only the battle, but the region as a whole, the Tang army was defeated. As the article characterizes, after this battle, the Turkic peoples of the Jetai-su and some adjacent regions of Central Asia finally began to gravitate towards the «pro-Muslim world». The battle of Talas, won thanks to the Karluk mobile cavalry, became a symbol of the subsequent victories won by the Turkic military-political power.

В общественно-политической жизни каждого народа имеются ряд судьбоносных событий, запечатленных не только в его исторической памяти, но и близлежащих народов. Одним из важных моментов в жизни карлуков и переломным в истории Центральной Азии середины VIII в. является вопрос политической ориентации центральноазиатских тюрков в их международной политике.

В середине VIII в. большая часть карлуков, переселившихся в Семиречье, стали со временем оседать в нем. В 751 г. карлуки усилили давление на тюркшей и стали переселяться на богатые пастбищами районы Семиречья [12, с. 14–16]. Для карлуков этого периода характерен не только переход к оседлости и смешение с автохтонным населением, но и включение важнейших происходящих в нем военно-политических процессов.

Крупное сражение между арабо-среднеазиатскими и китайскими (танскими) войсками, определившее ход истории, в ходе которой решающую роль играли карлуки, знаменито в истории как Таласская, или Атлахская битва. Это грандиозное сражение, произошедшее в долине р. Талас (граница

современных Казахстана и Кыргызстана) вблизи древнего города Атлах, занимает особое историческое место в истории Северной Евразии.

Таласская битва, безусловно, входит в десятку важнейших событий в мировой истории. И не менее парадоксально то, что она остается малоизученной и одной из самых малоизвестных широкому кругу людей, где окончательный вердикт в этой судьбоносной битве поставили карлуки.

В начале VIII в. арабы, завоевавшие обширные территории, вторглись в Хорасан и Мавераннахр. В 50-х гг. VIII в. арабы установили полный контроль над Средней Азией. В это время на южных границах Карлукского каганата те войска, которые Абу Муслим (наместник Хорасана. — *С.Р.*) собрал в восточных провинциях халифата в основном из населения Средней Азии и из арабов, недоброжелательных политикой Омейядов, разбили в 750 г. военные силы последнего представителя омейядской династии [3, с. 33].

С другой стороны, в это же время Танская империя свела на нет все успехи тюрков в Согде. Но деятельность Тибета сковала китайскую активность в Западном крае, где также карлуки сковали армию Кюль-Тегина. Выиграли при этом арабы, успевшие закончить покорение Западного Согда и Тохаристана [4, с. 302]. Карлуки находились тогда между молотом и наковальней.

Важную роль играл Абу Муслим в борьбе с китайским императором, который, воспользовавшись смутами и внутренними войнами в арабском халифате, решил установить свое господство в Средней Азии [3, с. 34]. Так, одним из важнейших событий, происшедших на востоке халифата в правление первого представителя Аббасидов, было вторжение китайских войск.

В первой половине VIII в. Танская империя медленно распространяет свое влияние на запад по Великому шелковому пути. Присоединяя оазисы Кашгар, Хотан и Куча, заставила местные княжества признать свою власть. Разгромлен также могучий тюркский каганат. Китайцы проникают в Ферганскую долину, которую арабы уже считают своей.

Направив в Семиречье большие силы, победоносный китайский полководец Гао Сяньчжи (военачальник корейского происхождения), в 748 г. захватил город Суйаб (центр Тюркского каганата, находившийся в Семиречье на караванной дороге, ведущей в Китай), а в 749 г. казнил правителя Чача. Здесь повсеместно жили небольшие группы карлуков, остатки которых до сих пор составляют основной костяк городов и поселений областей Илак и Чача — ныне Ташкента и Ташкентской области Узбекистана.

Арабы усмотрели в этих походах большую опасность для халифата, что привело к неизбежному столкновению двух противоборствующих сил. В результате произошло уникальное историческое событие — арабская и китайская армии, взявшие в тиски область тюрков с запада и востока, встретились на поле боя, которое произошло в 751 г. на реке Талас, недалеко от города Тараз [13], нынешней территории области Джамбул Казахстана.

Арабское войско возглавил Зияд ибн-Салих с двадцатитысячным корпусом. Увидев грозную и закаленную в походах профессиональную китайскую армию, послал гонца к Абу Муслиму с просьбой о дополнительных силах. В ответ Хорасанский наместник отправил 20-тысячный отряд ополченцев, собранный из согдийцев, тюрков и других союзных им племен из Мавераннахра.

Его противник Гао Сяньчжи, по некоторым данным, имел в распоряжении около тридцати тысяч солдат и ожидал подкрепления от своего союзника карлуков с двадцатитысячным войском, которое со стороны Ферганской долины в двухстах километрах от него двигалось под предводительством ябгу Тонг-Бильге.

В тридцатый день месяца зу-л-хиджа по мусульманскому летоисчислению (июль 751 г.) близ местечка Атлах у реки Талас — на стыке современных границ Казахстана и Кыргызстана — объединенная армия Аббасидского халифата и тюркской коалиции дала решительный бой армии Танского Китая.

Заметим, что «две мощные силы, преимущественно хорасанская армия (Абу Муслима), усиленная тюркской кавалерией, под предводительством арабского полководца Зияд б. Салиха и танская (китайская) армия под командованием корейца (по национальности) Гао Сяньчжи встретились в 751 году в Таласской долине. < ... >. ... китайцы были разгромлены, в основном, благодаря упорству воинов Абу Муслима и решение кочевого племени карлуков, перейти в лагерь мусульман» [13].

В разгар битвы карлуки, «позабыв о внутренних противоречиях с тюргешами, вступили в бой против древнего врага степняков». В этой знаменитой Таласской битве между Арабским халифатом и Танской империей, продолжавшейся 5 дней, в решающий момент в тыл имперской армии ударили карлуки. Китайцы были разбиты наголову [9, с. 344]. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил полководцу дорогу среди охваченных паникой воинов.

Это было грандиозное сражение на стыке мусульманского мира и «неверных» — китайцев. Потери были огромные. Ибн ал-Асир сообщает, что китайцев погибло пятьдесят тысяч, а еще двадцать тысяч попало в плен. Среди пленных китайцев оказались специалисты по производству бумаги и шелка, их доставили в Самарканд. До этого времени китайцы в глубочайшей тайне хранили секреты этого уникального производства.

Таласская битва имела большое историческое значение и в судьбах народов региона. От столкновения и результатов битвы двух основных армий Востока зависела дальнейшая судьба не только народов Центральной Азии, но и всего Среднего Востока, откуда «позже исламская цивилизация мобилизовала огромные людские и духовные ресурсы».

Враждебность кочевых ханств — уйгурского и карлукского — была непреодолима. Военная мощь Танской империи терпела в 751 г. удары всюду: кидани разбили имперцев на востоке, тибетцы и вновь возникшее государство Наньчжао — на юге, а внутренние противоречия вскоре повели к катаклизмам, заставившим Китай замкнуться в своих границах. Таласская битва была лишь одним звеном длинной цепи событий [8, с. 302–368].

В итоге этой исторической победы над китайцами арабы, выигравшие сражение исключительно благодаря решающему вкладу карлукской мобильной кавалерии, приостановили китайскую агрессию, направленную в земли Туркестана, заодно укрепили ислам и мусульманскую культуру в регионе. Уйгуры восстановили самостоятельность в Восточном Туркестане. Карлуки образовали Карлукский каганат, поглотивший Тюргешский, и двести лет сдерживали экспансию ислама, который стал распространяться среди них только с 960 года. А китайская армия забыла дорогу в этот регион вплоть до XVIII в. [13].

Судя по заключениям историков, вне зависимости от оценки значения Таласской битвы, геополитические перемены на западе Средней Азии были вызваны упадком династии Тан, который стал следствием ряда внутренних экономических и социальных причин, включая грандиозный мятеж Ань Лушаня. Таким образом, роль карлуков в этой битве имеет поистине всемирно-историческое и цивилизационное значение.

Битва положила конец продвижению на запад границ Танской империи. В то же время китайским военачальникам удалось нанести значительный ущерб арабским силам, что приостановило их продвижение на восток, в Семиречье, на земли, занимаемые карлуками. Разразившееся через несколько лет после битвы восстание Ань Лушаня подорвало мощь Танского Китая и заставило императора отозвать свои пограничные гарнизоны на восток. Арабы тоже не смогли удержаться в Таласской долине и отступили обратно.

Из всего сказанного вытекает следующий вывод: столкновение двух культур оказало влияние не только на регион Средней Азии, эта битва остановила экспансию Танского Китая на Запад. Битва между войсками Аббасидского халифата и Тюргешского каганата с одной стороны и армией танского Китая с другой за контроль над Средней Азией стала фактически столкновением цивилизаций.

Из этих событий следует, что Таласская битва и «восточная политика» Абу Муслима вошли в историю как решающий фактор в исламизации политической элиты Средней Азии. Победа арабов оказала сильное воздействие на распространение мусульманской культуры среди населения городов степи, что свидетельствуют об их увеличении.

Так, судя по древним архивным данным, в предгорной полосе Таласского Алатау появились города Джумушлагу и Манкент; на Средней Арыси сформировался округ Кенджида с центром в Усбаникете; в Отрарском оазисе — города Кедер, Весидж и Бурук, в округе Шавгар — Йасы, Шагильджан, Карнак, Карачук, Сауран; в низовьях Сырдарьи — Сыгнак, Дженд, Асанас, Барчкент; на северных склонах Каратау — Баладж и Берукет.

Другим последствием Таласской битвы, важным для промышленного развития нашего региона, можно считать начало производства бумаги в городе Самарканде. Секрет «бумажного мастерства» привезли китайские мастера, захваченные в плен под Таласом. В числе последствий битвы называют следующие:

- был положен предел продвижению арабов на восток;
- ислам начал распространяться среди тюркских народов;
- карлуки создали независимое государство;
- технология производства бумаги через китайских военнопленных проникла на запад;
- уйгуры восстановили свое государство в Восточном Туркестане;
- Танская империя начала приходить в упадок и китайское распространение на запад было остановлено почти на 1000 лет.

Таласская битва входит в категории великих битв и сражений, изменивших вектор и ход истории. Вслед за В.В. Бартольдом советские и среднеазиатские ученые настаивают на всемирно-историческом значении Таласского сражения как грандиозного столкновения цивилизаций. Это было поистине столкновение цивилизаций.

После этой битвы тюркские народы Семиречья и соприкасающиеся с ним некоторые области Центральной Азии окончательно стали тяготеть к «промусульманскому миру». Таласская битва и победа была звездным часом карлуков, в результате чего у них было превосходство среди других тюркских племен и карлуки стали гегемоном в Семиречье и Притяньшанье.

Итак, в 751 г. армия Гао Саньчжи потерпела сокрушительное поражение на р. Талас от арабских войск, которым помогли карлуки и другие местные племена. Это было последнее агрессивное поползновение танских войск, и уже до падения династии такие попытки не возобновились. Только через тысячу лет объединенные маньчжуро-китайские войска, разгромив Ойратское ханство и уничтожив почти все его население, вторглись в Джунгарию [10, с. 14].

Карлуки своим стратегическим мышлением поддержали баланс сил в огромном регионе. Немаловажно, что, воспользовавшись ослаблением сил китайцев и тюркшей, карлуки выступили на политическую арену в Семиречье. Постепенно вытеснив других, в 756 г. вождь карлуков «нечувствительно усилился и вступил в состязание с хойху. Он овладел бывшими землями хана Десяти родов и взял города Хынлос и Суйечен» [4, с. 347].

По справедливому заключению В. Бартольда, «Семиречье и после падения тюркской империи осталось в руках тюркских народов и не было завоевано ни арабами, ни китайцами. Вмешательство Китайцев в дела Западного Туркестана прекратилось после поражения, нанесенного им в 751 г. арабским полководцем Зиядом ас Салихом. Арабы ограничились тем, что в конце VIII в. вытеснили карлуков из Ферганы; на северо-востоке мусульманские завоеватели, насколько известно, никогда не заходили дальше Таласа» [1, с. 20].

Вместе с тем было бы неверно недооценивать положительные результаты включения территории Траноксианы (Мавераннахра) и Хорасана в состав Арабского халифата. Большое значение имело взаимодействие различных народов Ближнего и Среднего Востока, объединившихся в рамках халифата. Это общение привело к расцвету положительных знаний, науки и литературы, творцами которых выступали представители разных народов, и расцвету культуры, получившей в науке общее название «арабской» [6, с. 53].

Примером уравниловки является Абунасер ал-Фараби (870–950 гг.), достойный сын легендарного карлукского народа, выступивший продолжателем научного наследия Аристотеля. Будучи великим философом, сочинил свои трактаты он на господствовавшем тогда арабском и таджикском языках. И если бы он не добавил себе псевдоним ат-Турки, то все считали бы его средневековым арабским мыслителем.

Рожденный в городке Весидж вблизи г. Фараб неподалеку от Отрара Исфиджабской области, отвернувшись от военного дела, учился в Бухаре, «в поисках достойных наставников, совершил поездку в Дамаск и Багдад». «Этот титан мысли Великой степи, рожденный в тюркской семье (карлукского наместника. — С.Р.), воспитанного в высококультурной таджикской (согдийской) среде и творивший на арабском языке, был не только продолжателем идей Аристотеля, а поднялся на этот уровень полета мыслей, не ниже этого известного древнегреческого мыслителя» [11, с. 185].

Весьма немаловажно с точки зрения исторической перспективы присутствие арабов в регионе и «включение Средней Азии в халифат способствовало, в конечном счете, ускорению развития феодализма, консолидации среднеазиатских народностей, ослаблению раздробленности и созданию централизованного государства, на базе и по типу, которого в дальнейшем сложились местные среднеазиатские и иранские государства» [7, с. 30].

«Притесняя и частично ассимилируя местных тюрков, карлуки, во второй половине VIII — начале IX вв., постепенно обрели главенствующее положение в Семиречье и Центральном Тянь-Шане. Образовавшееся к 766 г. государство карлуков было новым этапом дальнейшего развития процесса тюркизации западных окраин Центральной Азии, вплоть до Приферганья и Южного (Афганского) Туркестана» [14].

Полвека после политического восхождения карлуков этническая ситуация меняется и в Мавераннахре. В 819 г. таджики брали бразды правления, постепенно вытеснив арабов. Позже ими образовано государство Саманидов (874–999), объединявшее земель древних Согда, Хорезма, Бактрии. «В центре этого государства были расположены территории, издавна заселенные восточными, среднеазиатскими иранцами, предками таджиков» [6, с. 52].

После падения государства Саманидов и образования государства Караханидов турки начали селиться в крае в большом количестве чем прежде; «Мавераннахр» арабов постепенно сделался «Туркестаном»: появились тюркские географические названия; тюрк-карлукский язык постепенно стал преобладать в регионе.

Завоевание мусульман и тюрков-карлуков имело прогрессивное значение: «оно способствовало в дальнейшем широчайшему развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел величественный культурный синтез в Средней Азии и на Ближнем Востоке IX–XI вв.» [7, с. 30].

С этого времени начинается победоносное шествие тюркских народов и племен по обширной Евразии, как на юго-восток, так и особенно на юго-запад, не только создавая десятки государственных образований, но и высоко поднимая достижения мусульманской цивилизации. Таласская битва, одержанная благодаря карлукской кавалерии, стала символом и последующих побед, одержанных тюркской военно-политической мощью.

Литература

1. Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья. — Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. — С. 20.
2. Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. Очерки истории Семиречья. — М.: Восточная литература, 1963. — Т. II/1. — С. 35–40.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. — М., 1963. — Т. I. — 761 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. I. — М.; Л., 1950. — 347 с.
5. Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г) // Страны и народы Востока. — М., 1980. — Вып. XXII. — С. 132–135.
6. Гафуров Б.Г. О причинах возвышения и падения государства Саманидов // Советское востоковедение. — 1958. — № 1. — С. 51–55.
7. Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. — Душанбе: Ирфон, 1989. — Ч. I. — 384 с.
8. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967. — 504 с.
9. Ибн ал-Асир. Ал-Комил фи-т-таърих. Т. I–XIII. Бейрут, «Дар содир», 1979–1982. — Т. V. — 344 с.
10. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). — Новосибирск: Наука, 1981. — 337 с.
11. Мамадазимов А. Открытый мир таджиков: Стратегия Саманидов. — Кн. 1. — Душанбе: Илм, 2021. — 368 с.
12. Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). — Ташкент: Фан, 1964. — 195 с.
13. [Электронный ресурс]. — URL: WWW.eair.kz
14. Чоротегин Т.К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: по мусульманским источникам IX–XIII вв. [Электронный ресурс]. — URL: www.bizdin.kg 11.

Сведения об авторе:

Сафаров Рахмоил Исмоилович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, преподаватель кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан). E-mail: rahmoil@mail.ru; tajikconsult@mail.ru

ИСТОРИЯ КАРАХАНИДОВ В ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

А.М. Кылычев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Рубеж X–XII вв. в истории Центральной Азии ознаменовался важнейшим для исторических судеб региона событием исламизации тюркских этносов, падением династии Саманидов и воцарением династии Караханидов. Письменные памятники средневекового Востока дают для исследователя немаловажные сведения об эпохе правителей Караханидского государства. В рамках данной статьи делается попытка раскрыть суть появления ислама в Кашгаре и выяснить роль представителей династии Караханидов в распространении новой религии путем сравнительного анализа информации, содержащейся в таких ценных произведениях, как «Газкира-йи Бугра-хан» неизвестного автора, «ал-Мулхакат би-с-Сурах» Джамаля ал-Карши, «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари, «Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир» Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмада ал-Бируни, «ал-Камил фи-т-таърих» Изз ад-дин Абу Хасана Али ибн Мухаммада ибн ал-Асира, «Таърих-и Амнийя» Муллы Мусы Сайрами, «Таърих ал-Йамини» Абу Наср Мухаммада ибн Абд ал-Джаббара ал-Утби и другие.

HISTORY OF THE KARAKHANIDS IN EASTERN SOURCES

A.M. Kylychev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The turn of the X-XII centuries. in the history of Central Asia was marked by the most important event for the historical destinies of the region, the Islamization of the Turkic ethnic groups, the fall of the Samanid dynasty and the accession of the Karakhanid dynasty. Written monuments of the medieval East provide a researcher with important information about the era of the rulers of the Karakhanid state. Within the framework of this article, an attempt is made to reveal the essence of the emergence of Islam in Kashgar and to find out the role of representatives of the Karakhanid dynasty in the spread of the new religion through a comparative analysis of information contained in such valuable works as «Tazkira-yi Bugra-khan» by an unknown author, «al-Mulhakat bi -s-Surah «by Jamal al-Karshi,» Divan lugat at-turk «by Mahmud al-Kashgari,» Kitab al-Jamahir fi marifat al-Javahir «Abu Raikhan Muhammad ibn Ahmada al-Biruni,» al-Kamil fi-t- ta'rih «Izz ad-din Abu Hasan Ali ibn Muhammad ibn al-Athir,» Ta'rikh-i Amniyah «by Mulla Musa Sairami,» Ta'rih al-Yamini «by Abu Nasr Muhammad ibn Abd al-Jabbar al-Utbi and other.

Как известно, государство Караханидов считалось «Золотым мостом» между Западом и Востоком. Через Великий шелковый путь, который проходил по территории Караханидской империи, распространялись разные религии, в том числе и ислам. История исламизации тюркских народов Восточного Туркестана начинается с момента прибытия в г. Кашгар наставника Караханидского правителя Султана Сатук Бугра-хана гази — саманидского принца Хв аджи Абу Насра Самани. С его именем связано начало конфликта между мусульманами и буддистами. Сведения о нем можно встретить в сочинении Муллы Мусы Сайрами. Согласно «Та'рих-и Амнийя», он прибыл в Кашгар в 332/943- 944 г., где правителем был Базир Арслан-хан. В то время султану было 13 лет [1, с. 13]. Однако В.В. Бартольд отмечает, что после смерти правителя Нуха в 954 г. в стране Саманидов началась борьба за трон между наследниками. Потерпев поражение, Наср (Абу Наср Самани) был вынужден бежать к тюркам (первая пол. X в.). На престол Саманидского государства вступил Абд ал-Малик ибн Нух [2, с. 309]. В «ал-Мулахакат би-с-Сурах» Джамалия ал-Карши прибытие Абу Насра Самани описывается следующим образом: «Угулчак Кадыр-хан, брат Базир Арслан-хана, перестал прислушиваться к указаниям посланников ислама (т.е. правителей Саманидской династии), пока не прибыл в Кашгар, убегая от своего брата, Наср ибн Мансур. Угулчак встретил его, как подобает принимать гостей, а Наср ибн Мансур сказал ему: «Я занял место в твоём царстве и согласился править твоими подданными и буду верен тебе, если брат будет с тобою грубо обращаться». И он назначил его (Насра ибн Мансура) правителем области Артуджа». По мнению автора, Султану Сатук Бугра- хану в то время было 12 лет [3, с. 102, 104].

Согласно «Тазкирайи Бугра-хан», Хваджа Абу Наср Самани был избран Аллахом стать наставником Султана Сатук Бугра-хана гази. Он, торгуя, путешествовал по разным городам. Перед отправлением в путешествие он совершал благотворительный акт, раздавая хлеб и еду. Однажды он собрался в очередное путешествие и в ночь перед отъездом увидел сон, где получил весть повременить с поездкой [4, л. 306-31а; 5, л. 61а]. Шесть лет спустя Абу Насру Самани приснился сон, где он получил весть от пророка Мухаммада, что настало время отправиться в Туркестан и найти караханидского принца. Целью поездки стало то, что Абу Наср Самани должен был обучить султана Кур'ану. Таким образом, Султану Сатук Бугра-хану предначертано было принять «ислам и сделать тюркский народ мусульманами» [4, л. 306 — 31а; 5, л. 32а; 6, л. 406]. По данным «Тазкира-йи Абу Наср Самани» Хваджа родился в 270/883-884 г. и умер в 350/961-962 г. в возрасте 80 лет. Он был похоронен около селения Артудж в местности Машхад [7, с. 71–72]. Всю свою жизнь он был верным Всевышнему Аллаху. Хваджа получил воспитание у своих наставников — товарища в пути, имама шайха Шакука Кат-тала и Абу Бакра Садика и стал увайсом [4, л. 33а; 5, л. 336; 6, л. 416].

Ф. Гренар выдвигает гипотезу о том, что Султан Сатук Бугра-хан гази родился в 900–910 г., а в 333/944–945 г. стал правителем Караханидского государства [8, с. 45]. В труде исследователя сообщается, что он рос и воспитывался среди «неверных». Когда Султану Сатук Бугра-хану исполнилось 7 лет, в 302/914 г. в г. Баласагун, который находился в Семиречье, умирает правитель Караханидов — Базир Арслан-хан. Этим моментом пользуются карлуки и нападают на правителя города, выходца из племени ягма, чтобы вернуть себе былую власть.

Старший сын Базир Арслан-хана погибает от рук карлуков. Авторами коллективной монографии «Шинжандики миллэтлэр тарихи» указывается труднопроизносимое имя старшего сына. Возможно, поэтому его имя в некоторых источниках не упоминается. Младший сын — Султан Сатук Текин (Салур Текин), спасаясь от врагов, вместе с другими чиновниками из племени ягма переезжает в г. Кашгар. Младший брат Базир Арслан-хана Угулчак Кадыр-хан женился на овдовевшей матери

султана. В течение пяти лет Султан Сатук Бугра-хан воспитывался у дяди [9, с. 647]. Согласно сведениям, приводимым Джа-малем ал-Карши, Султан Сатук Бугра-хан выучил наизусть Книгу Аллаха и стал обучать тому, что занимало его, до тех пор, пока не достиг 25-летнего возраста [3, с. 104]. В легенде, рассказанной Ибн ал-Асиром о принятии ислама, повествуется, что Султану Сатук Бугра-хану во сне спустился с неба человек и сказал ему на тюркском языке: «Прими ислам для своего спасения в этом и в будущем мире» [10, с. 41]. В «Тазкира-йи Бугра-хан» повествуется, что Султан Сатук Бугра-хан газии тайно принимает ислам, побуждаемый ему явлением пророка Хидра и проповедью мусульманского старца Хвад-жи Абу Насра Самани. К нему примкнули приближенные. С принятием ислама султану было присвоено арабское имя 'Абд ал-Карим. Султан Сатук Бугра-хан газии является первым увайсом на территории Восточного Туркестана [4, л. 44а; 5, л. 45б; 6, л. 47б].

В 320/932 г. султан Сатук Бугра-хан газии со своей свитой численностью 40 человек прибыл в Кашгар и напал на Угулчак Ка-дырхана [3, с. 104; 10, с. 649]. Захватив трон, Султан направился в Баласагун. После покорения города он возвращается в Кашгар. В 331/942-943 г., продолжая исламизацию, караханидский правитель с сыном своего наставника Абу Насра Самани Абу-л-Фаттахом газии, возглавив сильное караханидское войско, прошел через перевал Торгат и захватил территорию южной части р. Нарын, затем внезапно напал на Баласагун [9, с. 650]. На захваченной территории хан распространил ислам и объявил его государственной религией. В 338/949-950 г., продолжая борьбу за веру, был совершен поход на восток под командованием Абу-л-Фаттаха газии. По дороге Тохсун караханидское войско во главе со старшим сыном Султана Сатук Бугра-хана газии Мусой Текином (Бай-Таш) направилось к г. Бешбалык, которая была расположена в северной части Тенритага (Тенир-Тоо. — *А.К.*). Тем временем хотанское войско прибыло в города Бешбалык и Карагуча, где силы двух сторон оказались равными. В ходе борьбы обе стороны понесли большие потери. Караханиды были вынуждены отступить в г. Кенгит. Согласно «Тазкира-йи Султан Сатук Бугра-хан», Султан Сатук Бугра-хан газии этот город сделал восточной границей своего государства [9, с. 650–651]. Как отмечал В.В. Радлов, принятие ислама во второй половине X в. позволило достичь больших успехов тем из уйгурских князьков, которые приняли эту веру, возвысились до правителя государства, где господствующей религией был ислам [11, с. 120]. В 343/954-955 г. Султана Сатук Бугра-хана газии настигла тяжелая болезнь. Ввиду болезни отца Муса Текин сразу же вернулся в Кашгар. Правитель Уйгурского (Турфанского) государства, решив воспользоваться этим случаем, отправил войско для освобождения своих земель. Идикутское войско, разгромив войско Караханидов, вернуло себе земли до западной части г. Куча [9, с. 653].

После смерти Султана Сатук Бугра-хана газии, по обычаю Караханидов, его старший сын Муса Текин занял трон и стал именоваться Муса Бугра Кара-ханом. В период правления Муса Бугра-хана газии страна значительно укрепилась. После расширения территории он установил систему государственного управления в своем ханстве и им был создан совет «визирей», который назывался «тайангу» [9, с. 670]. В это время активизируется внутренняя и внешняя политика государства. Муса Бугра-хан газии провозгласил своего младшего брата Сулайман Текина Арслан-ханом. Он правил второй столицей г. Баласагуном. По сведениям «Тазкира-йи Султан Сатук Бугра-хан», свой поход Муса Бугра-хан газии начал с востока. В 350/961–962 г. караханидское войско направилось против Уйгурского государства двумя путями. Поход по южной дороге возглавил сам хан. Быстрыми темпами он перешел р. Аксу и захватил такие города, как Аксу, Куча, Бугур, Корла, Кара, Тохсун. Вторая часть караханидского войска во главе с Сулайман Арслан-ханом газии и Абу-л-Фаттахом газии из Баласагуна направилась в поход вдоль р. Или. Ими был захвачен г. Бешбалык. В борьбе с идикутскими уйгурами погибает Абу-л-Фаттах газии [6, л. 5а]. Муса Бугра-хан газии обложил налогом покоренных [9, с. 656–657].

В 971 г. правитель Хотана Йаглакалку с целью вернуть свои земли напал на Караханидское государство во главе мощного войска. Он захватил такие города, как Кагилик, Йакан и Йенисар (Йени-Хисар). В этой битве караханидская армия понесла сильный ущерб и была вынуждена отступить в Кашгар. Для подкрепления Муса Бугра-хан газии отправил войско. Однако Караханиды вновь терпят поражение. Кашгар оказывается в окружении врагов. После этой битвы Йаглакалку отправил группу, посланную из буддийских монахов и государственных чиновников в государство Сун и объявил о своей победе над Кашгаром. В 981–984 гг. государство Сун также отправило свое посольство к уйгурскому государю Бешбалыка и Турфана. Об этом посол сунского императора Ван Яньдэ, посетивший страну с официальной миссией писал следующее: «В это время территория Идикутского ханства была присоединена к территории Караханидского государства, вошла даже территория снежных гор Памир» [9, с. 601, 657–658; 12, с. 87–91].

Согласно «Тазкира-йи Бугра-хан», преемником Султана Сатук Бугра-хана газии был его старший сын Хасан Бугра-хан газии. Сведения о Мусе Бугра-хане и его брате, к сожалению, отсутствуют.

Хасан Бугра-хан, изменив план своего дяди Мусы Бугра-хана гази, который планировал подчинить Хотан, решил совершить военный поход к Саманидам. И только после продолжить поход к западным соседям. Причиной послужил захват Хасан Бугра-ханом гази г. Исфиджаб, входящего в состав Саманидского государства. До приезда караханидского хана правители города добровольно открыли двери и встретили его с многочисленными дорогими подарками. По Ибн ал-Асиру, властитель Хорасана предложил ему отнять у Саманидов Бухару, и он действительно покорил весь Мавараннахр и взял Бухару, но затем заболел и на обратном пути умер в 383 или 384 г. (993–994 или 994–995 г.). Однако по сведениям Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ах-мад ал-Бируни, это событие произошло в 384–385/994–995 г.

На рубеже X–XI вв. в Мавараннахре окончательно утвердилась власть Караханидов [13, с. 273, 279]. В период правления Хасан Бугра-хана гази происходит значительное расширение территории Караханидского государства в результате регулярных походов мусульман против «неверных», утверждение политической власти Караханидов на землях к востоку. Для легитимизации политической власти караханидским ханам был необходим новый великий «мусульманский предок», каким стал Афрасийаб — великий завоеватель мира, распространивший веру пророка Мухаммада до самых его пределов. По имени мифического туранского царя Караханиды стали называть себя «домом Афрасийаба», несмотря на совершенно нетюркский звуковой состав этого имени [14, с. 79]. Опираясь именно на такой идеал «правителя», представители династии Караханидов надеялись на историческое подтверждение, при помощи которого они могли управлять не только Восточным Туркестаном, но и Мавараннахром. Принадлежность к этому роду давала правителям этой династии законное право на верховную власть на территории Центральной Азии. «Ильханские цари» или «Туркестанские князья из рода Афрасий-аба» носили титул малик ал-машрик ва-ссин, что означало правители «Чина и Мачина». Об этом свидетельствуют монеты 459/1066–1067 года [11, с. 120, 125]. Как отмечает А.А. Кононов, у Кара-хана был сын по имени Бугра. После смерти Кара-хана весь народ провозгласил Бугра правителем. Он превзошел всех своих предков. Он завоевал Бухару и Самарканд. Однако по причине того, что его братья возмутились в его юрте, он не мог оставаться и вернулся. После этого он пошел и завоевал страну Хорезм и много лет царствовал там [15, с. 62]. Хасан Бугра-хан, носивший титул «света державы и опоры призыва к вере» (Шихаб аддавла ва захир да'ва) не встретил в Мавараннахре почти никакого сопротивления. Абу 'Али заключил с ним тайный договор о разделении владений Саманидов, в котором Хасан Бугра-хану предоставлялось занять Мавараннахр, а области к югу от Аму-Дарьи должны были остаться во власти Абу 'Али; кроме того, Бугра-хана приглашали дихкани, которые играли в государстве значительную роль, но были недовольны правительством.

Как относилось духовенство к первому завоевателю Мавараннахра, мы не знаем, но исторические сведения о благочестии Бугра-хана и его главных сторонников, Абу 'Али и Фаика, заставляют полагать, что он благожелательно был встречен духовенством [2, с. 318–319]. Согласно Абу Райхан ал-Бируни и Ибн ал-Асиру, у Хасан Бугра-хана был лакаб «Шихаб ад-даула» [16, с. 154]. По данным В.В. Радлова, он является преемником Мусы Бугра-хан ибн Сатука, которого называют «Шихаб ад-даулат Гарун (Харун — А.К.) ибн Сулайман», государем Кашгара и Баласагу-на, государство которого распространялась до границ Китая [11, с. 122]. Как отмечает Б. Кочнев, дирхам Ферганы 381/991–992 г. открывает прочую его титулатуру: малик ал-Машрик Шихаб ад-даула ва захир ад-да'ва Абу Муса Турк-хакан [17, с. 134]. Согласно «Тазкира-йи Бугра-хан», в период правления Хасан Бугра-хана гази, правителя Кашгара, в стране Халхал Мачин правили братья Чукти ришид и Нукти ришид. По некоторым сведениям, «Гохар земин — Хотан», эти братья правили великим государством. Самыми важными событиями в истории двух государств были 9 походов [18, с. 179]. В одном из этих походов в борьбе с «неверными» Хотана умирает караханидский принц Султан Саййид 'Али Арслан-хан гази. Согласно «Тазкира-йи Саййид 'Али Арслан-хан гази», в это время ему было 28 лет. По приведенным сведениям рассказчиков, он погиб в 489/1095–1096 г. 10 дня месяца 'ушур во время нападения врагов на караханидское войско [7, с. 154]. Однако по сведениям Джамала ал-Карши, 'Али Арслан-хан аш-Шахид Абу-л-Хасан ибн БайТаш Арслан-хан ибн Сатук Бугра-хан принял мученическую смерть в последних числах мухаррама 388/января 998 года [3, с. 104]. Согласно «Тазкира-йи Бугра-хан», Хасан Бугра-хан гази отправил своего сына Йусуф Кадыр-хана гази в г. Мадайн за военной помощью. Сам хан прибыл к Кашгару с 70-тысячным войском и осадил город. Вернувшись Кашгар, караханидский хан в течение трех дней собрал войско и отправился в поход в г. Йенисар. Распространяя ислам, Хасан Бугра-хан гази дошел до местностей Алтунлук и Озтан. Очередное жестокое сражение с «неверными» произошло в местности Кулкуйар, где погибают Хасан Бугра-хан гази и Асан Бугра-хан гази [4, л. 116а]. Однако, по сведениям «Та'рих ал-Йамини» Абу Наср Мухаммад

ибн Абд ал-Джаббар ал-Утби, Хасан Бугра-хана гази был измучен климатом Бухары. Его постигло несчастье из-за мятежа, бунта, бедствий, причиненных им династии Саманидов. Им овладел тяжкий недуг. Он считал, что сможет выздороветь лишь благодаря воздуху Туркестана. Однако по пути в Кашгар он умирает [19, с. 26–27].

Сведениям о смерти Хасан Бугра-хана гази изучаемого нами сочинения противоречат также данные В.В. Бартольда. В раби' I 382/7 мая — 5 июня 992 г. Караханидский правитель смог вступить в Бухару, однако вскоре после этого из-за неумеренного употребления фруктов тяжело заболел и вынужден был оставить завоеванную страну. Он умер по дороге в Кашгар в местности Кочкар-баши. Как отмечает В.В. Бартольд, эта местность находилась недалеко от истока Чу, так называемого Кочкаром [16, с. 506–507]. В «Тазкира-йи Бугра-хан» повествуется о том, что Йусуф Кадыр-хана гази получил военную помощь в г. Мадайн от имамов Наср аддина, Каввам ад-дина, Му'ин ад-дина и Зухур ад-дина. Имам Наср ад-дин приказал собрать сорокатысячное войско и дать его в распоряжение Йусуф Кадыр-хану гази. Согласно «Тазкира-йи имам захиб», Йусуф Кадыр-хан гази покорил хотанских буддистов и в 1006 г. исламизировал население [20, с. 30]. Победив врагов, из Хотана он возвращается в Йарканд. Народ встречает победителя весело и преподносит ему много подарков. Через несколько дней караханидский хан, благословив население, отправляется в Кашгар. Утби в рассказе о войне 398/1007-08 г. между правителями Западного Караханидского государства и Махмуда Газнави называет Йусуф Кадыр-хана владетелем Хотана, где учение Будды процветало уже много веков [2, с. 342; 21, с. 80]. Владения великого хана в год его смерти охватывали, кроме Восточного Туркестана, Семиречье и восточную часть Сырдарьинской области. Из данных нумизматики становится известно, что в 404/1013-14 г. Йусуф Кадыр-хан правил в Йарканде, в 405/1014–15 г. — в Кашгаре [2, с. 343]. Как отмечает Б.Д. Кочнев, большинство элементов титулатуры Йусуф Кадыр-хана гази обнаруживается на монетах: дирхам Кашгара 400/1009–1010 г. — Насир ад-давла Кадыр-хан; дирхам Кашгара 409/1018–1019 г. — Насир аддин Кадыр-хан малик ал-Машрик Йусуф; дирхам Узгенда 407/1016–1017 г. — Насир ал-хакк ва-д-дин малик ал-Машрик ва-с-Син [17, 31, с. 135]. Согласно «Тазкира-йи Бугра-хан» караханидское войско дошло до горы Эльборз (назв. горы в Персии, Куу ал-Бурз пайдар). Исламизация «неверных» расширилась от реки 'Уммана (Индийский океан) до реки Кулзум (город на берегу Красного моря, близ Суэца) [6, л. 89б]. Согласно сведениям Джамала ал-Карши, Йусуф Кадыр-хан ал-Кабир ибн Харун Бугра-хан ибн Муса Тунка Илик ибн Сатук умер 1 мухаррама 424/7 декабря 1032 года, погребен в Курхане хаканов в Кашгаре на берегу Туман (ныне р. Тарым) [3, с. 104].

В заключение хотелось бы отметить, что исторические сочинения имеют исключительное значение в изучении истории Караханидской империи. Письменные памятники, дошедшие до наших дней, предоставляют в распоряжение исследователей новые фактические данные о политической жизни государства, высвечивают многие вопросы политической борьбы.

Литература

1. Мулла Муса Сайрами. Тарих-и Амнийэ. — Үрүмчи: Шинжаң хэлқ нәшрияти, 1989. — 436 б.
2. Бартольд В.В. Туркистан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения Т. 1. — М.: Восточная литература, 1963. — 761 с.
3. История Казахстана в персидских источниках. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — Т. 1. — 416 с.
4. Рукопись ИВ АН РУз под инв. № 5531.
5. Рукопись ИВ АН РУз под инв. № 1818.
6. Рукопись ИВ АН РУз под инв. № 862.
7. Мугинов А.М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. — М.: Восточная литература, 1962. — 207 с.
8. Grenard M.F. La légenda de Satok Boghra Khân et l'histoire // Journal Asiatique. — 1900. — Serie 9, № 15. — Pp. 5-79.
9. Байтур Ә., Сидик Х. Шинжаңдики милләтләрниц тарихи. — Үрүмчи: Милләтләр нәшрияти, 1991. — 1317 б.
10. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 2, ч. 1. — М.: Восточная литература, 1963. — 1024 с.
11. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-билик. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук. — № 2. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. — С. 1–130.
12. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — 210 с.
13. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата: Рауан, 1992. — 376 с.
14. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 5. — М.: Наука, 1968. — 759 с.

15. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 288 с.
16. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 2, ч. 2. — М.: Наука, 1964. — 659 с.
17. Кочнев Б. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209). — М.: София, 2006. — 344 с.
18. Уйгур хэлк ривайэтлири (шэхслэр, вәкәләр һәққидики ривайәтләр). — Үрүмчи: Шинжаң яшларәсмүрләр нәшрияти, 1998, 3 һилд. — 312 б.
19. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: ФАН УзССР, 1988. 414 с.
20. Давут Р. Уйгур мазарлири. — Үрүмчи: Шинджаң халк наһрияти, 2001. — 265 б.
21. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 7. — М.: Наука. ГРВЛ, 1971. — 664 с.

Сведения об авторе:

Кылычев Акылбек Мукаевич, доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан). E-mail: a_kylychev@mail.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТЕНГИР-ТОО
(ПРИТЯНЬШАНЬЕ) И ЕГО ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
В X-XII ВВ. В ПЕРИОД КАРАХАНИДОВ**

З.Т. Садырова

Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта, г. Бишкек (Кыргызстан)

Крупные этнические процессы, политические, культурные, хозяйственные, торговые и религиозные связи между народами, населявшими территорию Тенгир-Тоо в VI-XII вв. Процессы, обеспечившие культурный синтез между тюркоязычными народами, проживавшими в Центральной Азии.

**ETHNOCULTURAL RELATIONSHIP IN TENGIR-TOO (PRYYANSHANE)
AND ITS BORDER TERRITORIES IN X-XII CENTURIES
IN THE PERIOD OF THE KARAKHANID**

Z.T. Sadyrova

Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports, Bishkek (Kyrgyzstan)

Major ethnic processes, political, cultural, economic, trade and religious ties between the peoples inhabiting the territory of Tengir-Too in the VI-XII centuries. The processes that ensured a cultural synthesis between the Turkic-speaking peoples living in Central Asia.

Исследование этнического, политического, культурного и исторического развития народов, населявших в VI-XII вв. Центрально-Азиатский регион, включает в себя очень сложные, спорные проблемы. В этот период на широких территориях Центральной Азии и Внутренней Азии (Южная Сибирь, Монголия, Западный Китай, Тибет, Восточный Тенгир-Тоо (Притяньшанье), постсоветская Центральная Азия, Северный Афганистан) этническая и культурная ситуации постоянно менялись, формировались новые этапы строя этнической общности тюркоязычных и других народов. Эта историческая эпоха приходится на периоды, когда господствовали древние Тюркские каганаты (Великий Тюркский каганат, Западный и Восточный Тюркский каганаты, второй Восточный каганат, Тюркешский каганат, Карлукское джабгу и др.), Енисейский Кыргызский каганат, Уйгурский каганат на Орхоне, мусульманский Караханидский каганат. В итоге отмечено, что основание государства кара-китаев (часть киданей, переместившихся на запад) — Западное Ляо и передвижение найманов на запад Центральной Азии через современную Монголию, Алтай привели к серьезным этнокультурным изменениям в районе Тенгир-Тоо.

Вынужденное перемещение тюркских этносов в другие регионы во время переселения кыргызов в период Великого Кыргызского каганата с Енисея через Внутреннюю Азию до Тенгир-Тоо стали причиной возникновения новой этнополитической ситуации в Тенгир-Тоо. В исследованиях отмечено, что эта гипотеза станет серьезным заключением для кыргызоведения. Необоснованные предположения некоторых историков о том, что кыргызы только в XVI в. переселились с Алтая на Тенгир-Тоо, опровергнуто историческими сведениями.

Выявление места и роли народов Средней Азии в истории Средневековья является одним из важнейших вопросов в отечественной истории. С расширением масштабов историко-культурных

исследований углубленное изучение истории региона становится наиболее актуальным на сегодняшний день [7].

В начале X в. в Тенгир-Тоо завершился процесс формирования новой этнической общности. К юго-востоку от гор Восточного Тянь-Шаня в местности Турфан установили свою власть уйгурские идикуты (титул уйгурских правителей до середины IX в.), не принявшие ислам. Власть идикутов просуществовала в регионе до 1250 г. Турфанское идикутство помимо уйгуров населяли и отдельные группы тюркских народов — кыргызы, ягма, басмылы и др.

В X в. кыргызы, проживающие в Тенгир-Тоо, по численности были намного меньше, чем народы других тюркских народов Тенгир-Тоо (чигиль, карлук, ягма, тухси и др.) и кыргызов Южной Сибири, Алтая и Монголии. Однако такие источники, как персидский «Худуд аль-Аалам» (X век) и китайский путешественник Ван Янде, подтверждают, что они были известны под своим этническим именем из-за своей компактности.

В 40-х гг. X в. на политической карте Тенгир-Тоо появилось новое государство кочевых тюркских народов. Из-за широко распространенного титула каганов, правивших этим государством, его условно называли «державой Караханидов» [4]. Данное название введено в науку русским востоковедом В.В. Григорьевым в XIX в. Это было связано с тем, что в этот период слово «черный» часто употреблялось в названиях ряда титулов каганов. Каракаганы же понимали свое государство только как «тюркское государство», или «государство хаканских тюрков» [11, с. 45]. О.К. Караев, проанализировав труды мусульманских авторов и научные взгляды востоковедов, пришел к выводу, что правившая этим государством династия принадлежала вождям кочевого чигилского народа Тенгир-Тоо, говорившим на тюркском языке [4]. Турецкий исследователь профессор Решат Генч и другие предположили, что династия Караханидов произошла от кочевых ягм Тянь-Шаня [9]. Чигилы, известные со времен тюркских каганатов, позже участвовали как этнокомпонент в формировании современных тюркских народов Средней Азии, таких как казахи, кыргызы, узбеки, уйгуры, каракалпаки.

Таким образом, чигилы, признанные доминирующим этносом в Караханидском каганате, кочевые и оседлые этносы Центрального Тянь-Шаня того времени являются общими предками упомянутых современных тюркских народов.

Сатук Буура-хан, основатель государства Караханидов, стремился политически объединить все тюркские народы Тенгир-Тоо. Он умер в 955 г. После его смерти власть перешла к его сыну Байташу. Этот каган, названный мусульманским именем Муса, в 960 г. объявил ислам государственной религией своей державы.

Владения бывшего Карлукского каганата и некоторых независимых тюрок, а также владения Саманидов в Мавереннахре в середине X — начале XI в. были объединены в единую Караханидскую державу. Это было время процветания государств Средней Азии того периода. Создание единого государства способствовало экономическому и культурному росту и увеличению числа городов и поселков Центральной Азии, в том числе Мавереннахра, Восточного Тянь-Шаня и Тарима, которые долгое время поддерживали всесторонние отношения [5, с. 5–13]. В то же время в Центральном Тенгир-Тоо, в районе Семиречья, произошли значительные изменения, развились производительные силы. Ускорился процесс оседания кочевых народов. Были широко распространены ремесла, этнокультура, внутренние и внешние торговые связи. Процветали многие большие и малые города [1, с. 99–161].

Все это создавало внутренние социально-экономические благоприятные условия для развития науки, промышленности и культуры в государстве Караханидов. Превращение ислама в государственную религию [13, с. 28–44] принесло не только возможности развитию идеологических интересов местных лидеров, но и культурно значимые достижения.

Тюркоязычные народы Тенгир-Тоо в X–XI вв. также внесли свой вклад в процесс научного и культурного развития региона, что условно называют «мусульманским возрождением» [8, с. 9–14].

Помимо бывших саманидских городов Бухары и Самарканда в Туркестанском регионе есть известные научные и культурные центры, такие как Кашгар, Баласагын, Шаш (Ташкент), Фараб, Узген, Ош, Тараз, Барскан, Кочкор-Баши, Ат-Баши и другие города, ставшие центром тюркской культуры [10]. Во многих городах наряду с мечетями открывались религиозные университеты — медресе, где помимо религиоведения преподавались такие науки, как этика, логика, право, философия и литература, не менее, чем средневековое европейское образование.

XI век совпал с периодом расцвета медресе на Среднем Востоке и в Западной Центральной Азии. В этот период известные ученые и священнослужители с запада прибыли в государство Караханидов. В свою очередь, образованные люди государства Караханидов ездили на Ближний Восток не только для изучения религии, но и других наук. Такие научные исследования и международные поездки стали обычным явлением среди тюрок [12, с. 48].

В этот период всеобщего развития мусульманской культуры была написана поэма «Кудатгу билиг» («Благодатное знание») — жемчужина тюркской поэзии Юсуфа Баласагына. Баласагын завершил работу в 1069-1070 гг. и подарил ее хану при дворе Караханидов в Кашгаре. За эту работу Хан присвоил ему высокое звание Хасс Хаджип — «самый уважаемый человек при дворе хана» [8].

Значительный военный успех тюркской армии приходится на период сельджуков. С середины XI в. и до конца столетия вожди сельджукских племен огузов захватили большую территорию на востоке — долины Амударьи, на западе — Малую Азию, на юго-западе — Ирак, на севере — Грузию. По сути, сельджукские султаны установили политическое превосходство над самим аббасидским халифом, который правил большей частью мусульманских земель в качестве религиозного лидера.

Эта политическая ситуация, конечно, оказала непосредственное влияние на научные, дипломатические и этнокультурные отношения того времени. С XI в. растет интерес к истории, языку, обычаям и культуре тюркских народов на обширном пространстве от Среднего Востока до Тенгир-Тоо. Именно в этом историческом контексте в XI в. представители тюркских народов, проживающих в мусульманских регионах, будь то в державе Караханидов на востоке или в Малой Азии, делились своими духовными достижениями в общих культурных и научных центрах мусульманских народов на арабском, персидском и других языках.

Гуманизм научного наследия центрально-азиатских мудрецов Абу Хусейна ибн 'Абдаллаха ибн Сины (980–1037) и Абу Райхана Беруни (973–1048), живших и творивших в X — и в первой половине XI в., вышел за рамки национальных и региональных границ и оказал глубокое влияние на мировоззрение ученых того времени. Например, труд Беруни, написанный в 1000 г. «Аль-Асару ль-баакия ан-иль-курууни ль-хаалийя» (Памятники прошлых веков) [2], содержит огромное количество информации о до арабской культуре нескольких восточных народов.

В XI в. в долинах Чуй и Талас жили согдийцы («согдаки») иранского происхождения, которые мигрировали из Самарканда в середине первого тысячелетия и говорили на двуязычном тюркском языке. Их письменная культура также служила мостом к согдийско-тюркским этнокультурным связям [6, с. 215–273].

В этот период тюркские народы Караханидского каганата, принимая исламскую религию, начали использовать общий арабский алфавит. Таким образом, тюрки Тенгир-Тоо не только овладели арабской, уйгурской, сирийской и согдийской письменностью в соответствии со своей религиозной, культурной и образовательной ориентацией, но и создали произведения на этих языках. Коренные народы Тенгир-Тоо издавна проживали вдоль Великого шелкового пути. Их географические представления, как и у всех народов Востока, были на высоком уровне и обогащались влиянием международной торговли и посольских отношений.

В самых восточных районах Караханидского каганата (включая современный Кыргызстан и другие части соседнего Семиречья, Кашгара, Хотана) в XI в. в целом социально-экономическое развитие городов сопровождалось увеличением количества и качества как культурного и образовательного центра. Различные религиозные движения в регионе (в которых преобладает суннитское ханафитское течение) продолжали жить в относительной терпимости. Многоязычие способствовало укреплению межэтнического сближения тюркских народов и их культурных, научных, торговых и других связей с западным исламским регионом, которое в свое время привело к небывалому развитию отношений. Продолжение торговых отношений с Китаем, Южной Азией и Сибирью, постепенное вовлечение тюрк-караханидов в движение «шу'убийа» на Ближнем Востоке [11, с. 47–59], а также желание местных тюркских ученых передать их культурное наследие для жителей западных мусульманских регионов характеризует многогранность той эпохи.

Необходимо отметить, кыргызы Тенгир-Тоо, входящие в состав тюркоязычных государств Средней Азии, составили важную этническую часть этого фактора. Дело в том, что кыргызы Енисея и Тенгир-Тоо одного происхождения и были объединены в одну этническую группу взаимодействовали между собой в X–XI вв. Несмотря на отсутствие четкой информации, важно отметить, что такие авторы, как Худуд аль-Аалам, Махмуд Кашгари (Барскани) и Шараф Заман Тахир Марвази, рассматривали кыргызов, проживающих в двух разных регионах, как один народ.

В целом, восточные (Енисей, Монголия) и западные кыргызы (Тенгир-Тоо, Памир, Фергана) испокон веков сохранили такие важные составляющие, как язык, культура, этническое самосознание. Поэтому следует отметить, что их самобытная культура выросла из ядра Енисейского Кыргызского каганата в VI–IX вв.

Это связано, во-первых, с тем, что кыргызы сохранили традиции своих предков, а во-вторых, в исторической памяти енисейских (энесайских) и кыргызов Тенгир-Тоо сохранились общие исторические и этнические ценности.

Великие переселения кыргызов в IX–XI вв. косвенно повлияли не только на другие тюркские и монголоязычные народы Евразии, но и на другие этнические группы, такие как венгры. Пришло время отметить роль образования и распада Великого Кыргызского каганата в изменении миграционной и этнической ситуации в Центральной и Средней Азии. Конечно, нельзя отрицать, что такие отношения имели место в разных исторических контекстах. Неслучайно появился такой великий народный эпос как «Манас», в котором подробно описаны события и исторические причины таких событий.

Кыргызовед, археолог и тюрколог А.Н. Бернштам высоко оценил и отметил: «Тенгир-Тоо — плацдарм евразийского этапа переселения народов, база Караханидской всесреднеазиатской династии XI–XII вв.». Действительно, этот регион был родиной взаимных интеграций этносов, взаимовлияний разных исторических письменностей, дружественного сосуществования разных религиозных групп, симбиоза и взаимосвязи кочевых и оседлых народов.

В эпоху Великого Кыргызского каганата кыргызы владели широкой территорией Центральной Азии, находились в этнокультурных взаимоотношениях со всеми племенами, этническими группами, населявшими данную территорию. От соседних народов они переняли все виды культурных элементов, например, часть кыргызов от уйгуров заимствовала манихейство, от тибетцев познакомились с текстами религии бон.

Таким образом, для этносов, населявших Тенгир-Тоо (Притяньшанье), Центральную Азию, влияние культурных взаимоотношений с тюркоязычными и ираноязычными народами очень большое. Эти тюрко-согдийские связи VI–XII вв. оставили глубокий отпечаток на культурно-социальной жизни других этносов, появившихся позже на данной территории. Процесс тюркизации, относящийся к обоим, был не специальной целенаправленной политикой государства, а являлся исторической необходимостью в сложившейся ситуации данного периода.

Литература

1. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. — Алматы: Гылым, 1998. — 216 с.
2. Беруни (Бируни) Абу Райхан. Избранные произведения. — Ташкент: Изд. АН УзССР, 1965. — Т. 1. — 230 с.
3. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. — Т. 1. — 800 с.
4. Караев О.К. История Караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). — Фрунзе: Илим, 1983. — 302 с.
5. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Восточная литература, 1961. — Ч. 1. — С. 3–12.
6. Лившиц В.А. Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). — Бишкек: Илим, 1996. — С. 215–273.
7. Маанаев Э.Ж. Этническая история кыргызского народа. — Бишкек, 2008. — 212 с.
8. Мец А. Мусульманский ренессанс. — 2-е изд. / пер. с нем., предисл. и примеч. Д.Е. Бертельса. — М.: ВиМ, 1996. — 473 с.
9. Решат Генч. Карахандар мезгилиндеги түрк элдеринин социалдык жана маданий абалы. — Бишкек, 2004. — 240 б.
10. Художественная культура Средней Азии IX — нач. XIII вв.: сборник ст. / под ред. Л.И. Ремпеля. — Ташкент, 1983. — 207 с.
11. Чоротегин Т.К. Махмуд Кашгари Барсканинин «Дивану лугати т-түрк» эмгеги түрк элдеринин тарыхы боюнча көөнөргүс булак. — Бишкек: «Турар» басмасы, 2017. — 376 б.
12. Чороев Т.К. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари жана анын «Түркий тилдер сөз жыйнагы». — Фрунзе: Кыргызстан, 1990. — 87 с.
13. Чороев Т.К., Урстанбеков Б.У. Основные этапы распространения ислама в Киргизстане в VII–XIV вв. // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана: сборник науч. ст. — Фрунзе: Кир. гос. ун-т, 1987. — С. 28–44.

Сведения об авторе:

Садырова Замира Тентиевна, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: sadyrova-zamira@mail.ru

АЛ-МАРВАЗИ И ОПИСАНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ДЕШТ-И КЫПЧАКА В «ТАБА'И' АЛ-ХАЙЙАВАН»

Д.М. Тимохин

Институт востоковедения РАН, г. Москва (Россия)

В рамках данного доклада хотелось бы обратить внимание научной общественности к хорошо известному, но, тем не менее, все еще требующему пристального внимания специалистов по истории кочевых тюркских племен средневековому мусульманскому сочинению, а именно к «Таба'и' ал-хаййаван» («О природе животных») Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази. В этом сочинении нас в большей степени будут интересовать особенности описания кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака, их названия и локализация. Мы также постараемся продемонстрировать связи между текстом ал-Марвази и более ранними мусульманскими историческими и географическими сочинениями, подчеркнем, откуда автор мог взять те или иные факты, если это удастся установить.

AL-MARWAZI AND THE DESCRIPTION OF THE TURKIC TRIBES OF DESHT-I KIPCHAK IN «TAB'I' AL-HAYYAWAN»

D.M. Timokhin

Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow (Russia)

Within the framework of this report, I would like to draw the attention of the scientific community to a well-known, but, nevertheless, still requiring the close attention of specialists in the history of nomadic Turkic tribes, a medieval Muslim work, namely, «Taba'i' al-hayyawan» («On the nature of animals») by Sharaf al-Zaman Tahir al-Marwazi. In this essay, we will be more interested in the features of the description of the nomadic Turkic tribes of Desht-i Kipchak, their names and localization. We will also try to demonstrate the connections between the text of al-Marwazi and earlier Muslim historical and geographical writings, we will emphasize where the author could have taken certain facts, if it can be established.

Сведения о кочевых тюркских племенах восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманской историографии продолжают оставаться предметом пристального внимания исследователей. Подобное следует объяснять, в первую очередь, попытками реконструкции этноплеменного состава кочевников, населявших этот регион, а также анализом особенностей их взаимодействия с оседлыми народами. Впрочем, сами по себе особенности описания тюркских племен мусульманскими авторами нередко становились частью различных исследовательских практик. Данный доклад не является исключением из этого правила и посвящен анализу описания тюркских племен Дешт-и Кыпчака в достаточно известном средневековом сочинении «Таба'и' ал-хаййаван» («О природе животных») Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази. Нами уже предпринимались попытки специального изучения этого памятника, которые, впрочем, не всегда касались описания этих племен, которые есть в тексте ал-Марвази. Тем не менее с учетом достаточно пространного описания биографии этого автора, равно как и самого источника, его содержания и структуры, которое приводит уже В.В. Минорский [7, р. 1-5], в этом докладе мы остановимся лишь на нескольких значимых моментах, а потом перейдем непосредственно к описанию тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в «Таба'и' ал-хаййаван».

Прежде всего, отметим тот факт, что сам по себе текст «Таба'и' ал-хаййаван», вплоть до частичной публикации его перевода, сделанного В.В. Минорским, считался утерянным, что было отмечено уже В.В. Бартольдом [1, с. 81]. Впрочем, обнаружение и публикация этого источника вовсе не означает, что весь его информационный потенциал оказался востребован исследователями: пожалуй, именно к разделу, посвященному тюркским племенам, и к разделу о Китае в большей степени было привлечено внимание ученых. Говоря об источниках ал-Марвази, стоит отметить, что здесь обычно указывается связь «Таба'и' ал-хаййаван» и не дошедшего до нас сочинения «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей и государств») Абу Абдуллаха Мухаммада Ибн Ахмада Джайхани [7, р. 6–8; См.: 3, с. 33–45; 4, с. 209], однако не стоит забывать и о связи между «Таба'и' ал-хаййаван» и сочинением Абу Саида ал-Гардизи «Зайн ал-Ахбар» («Украшение известий»). О последнем нами было неоднократно указано в нескольких работах, которые должны будут выйти в ближайшее время: очевидно просматривается эта связь при описании дипломатических отношений между уйгурами, киданями и державой Махмуда Газневи. Впрочем, продолжает оставаться весьма актуальной проблемой определения иных источников сочинения ал-Марвази, поскольку далеко не все они обозначены исследователями.

Переходя непосредственно к сообщениям из «Таба'и' ал-хаййаван» о тюркских племенах восточного Дешт-и Кыпчака, отметим, что помимо рассказа о них в специальном разделе источника можно отметить отдельные упоминания о них в разделе о Китае. Тут, в частности, есть указания на то, что земли тюркских племен относятся одновременно к шестому и седьмому климату [7, р. 6–8], а также следующее любопытное замечание. «Китайцы не смешиваются с Тюрками, от которых они отличаются во многом, в том числе и потому, что последние носят jubbas и тюрбаны, а не qabās и шляпы. (Наоборот) Хитаи и Уйгуры смешиваются с турками и имеют с ними отношения. У них есть связи и переписка с королями Мавераннахра, в то время как Китайцы — другие и не позволяют чужакам въезжать в их страну и оставаться среди них» [7, р. 15]. Здесь следует отметить, что ал-Марвази подчеркивает связи между кочевыми тюркскими племенами и уйгурами, а также киданями — последнее прекрасно соотносится и с тем, как этот автор определяет такой регион, как «Китай». Собственно, в «Таба'и' ал-хаййаван» подчеркивается разделение его на три части, две из них связаны с уйгурами и киданями, которые, как и было отмечено, имеют постоянные контакты с кочевыми тюркскими племенами. «Их (то есть обитателей Китая. — *Д.Т.*) земли разделены на три категории, называемые Шин, Китаи (Кутай), называемый простыми людьми Хитаи, и Йугур, из которых величайшим регионом и государством является Шин» [7, р. 14]. Последнее является в «Таба'и' ал-хаййаван» собственно Китаем, в то время как под Хитаем понимается империя Ляо, то есть государства киданей. Также в этом разделе при описании соседних с Китаем территорий упоминаются племена Карлуков и Токузогузов, например: «Территории Китая лежат между океаном, землями Токузогузов, Тибетом и Персидским заливом» [7, р. 28].

Собственно, глава «О Тюрках» в «Таба'и' ал-хаййаван» начинается с общей характеристики, пусть и достаточно краткой, всех кочевых тюркских племен. «Тюрки — великий народ и состоят из множества видов и разновидностей, многих племен и объединений. Некоторые из них живут в городах и селениях, другие живут в степях и пустынях» [7, р. 29; См.: 4, с. 211]. Далее ал-Марвази дает характеристику крупным племенным союзам и объединениям Дешт-и Кыпчака, в том числе гуззам: «Среди их великих племен есть Гуззы, которые включают в себя двенадцать племен, и некоторые из них называются Тогузогузами, некоторые Ю-гурами, и некоторые Уч-гурами» [6, р. 29]. Здесь автор подчеркивает связь гуззов и Хорезма, что соответствует данным из анонимного географического сочинения «Худуд ал-'Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Границы мира с востока на запад») [5, р. 80–81], а также упомянутому выше памятнику, написанному Гардизи [6, р. 151]. Впрочем, определенную связь с Хорезмом можно найти и в описании племени Кунов, «из числа которых был Икинчи ибн Кочкар, Хорезмшах» [7, р. 30], который хорошо известен исследователям ранней истории Хорезма в годы правления династии Ануштегинидов [2, с. 536]. Стоит также отметить, что в тексте ал-Марвази можно встретить указания соседей того или иного тюркского племени, что делает его «Таба'и' ал-хаййаван» еще более ценным источником. «К ним [тюркам] относятся киргизы. Это многочисленный народ. Их жилища [расположены] между северо-востоком и севером. Кимаки [живут] севернее их. Ягма и карлуки — западнее. Каджа и арак — между юго-западом и югом» [4, с. 212].

Стоит также отметить, что помимо описания особенностей того или иного тюркского племени, рассказов об их соседях и прочем, у ал-Марвази присутствуют легенды, связанные тем или иным племенем или их землями. «В земле киргизов четыре потока, которые текут и сливаются в одну большую реку, проходящую среди гор и мрачных ущелий. Рассказывают, что какой-то человек из киргизов сел на лодку и направил ее по этой реке. [Лодка] везла его три дня во мраке. В течение этих дней он не видел ни солнца, ни звезд, ни света. Затем он попал на свет и на открытое пространство. Он вышел из лодки и услышал топот копыт лошадей. Он залез на дерево и стал выжидать. И вот перед ним три высоких всадника. Ростом каждый из них с длинное копье. Вместе с ними собаки, размером с быка. Когда они приблизились к нему и увидели его, они сжалились над ним. Один из них снял его, взял на свою лошадь и спрятал его от собак, боясь, что они растерзают его. Они привезли его к месту их жилищ и бросили поверх шатра. Они дали отведать ему своей пищи и начали удивляться, как будто они не видели подобных ему. Затем один из них взял его и доставил к месту, близкому от его места. Он же указал ему дорогу, так что тот вернулся к своему месту. Никто не знает, кто эти люди и к какому роду людей они относятся» [4, с. 213]. Наконец, стоит отметить, что в рамках этой же главы можно найти весьма любопытные сведения о хазарах и русах, которые следует соотносить с данными ранних географических и исторических мусульманских текстов для того, чтобы выяснить, откуда эти данные были взяты самим ал-Марвази [7, с. 33–36].

Как видно из этого краткого описания информационного потенциала сочинения ал-Марвази «Таба'и' ал-хаййаван», в отношении кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака становится понятно, что этот памятник требует исключительного внимания со стороны исследователей.

Несмотря на относительную его известность и наличие переводов на европейские языки, определенные сюжеты из этого текста требуют дополнительного анализа, а отдельные проблемы — специально-го изучения. Надеемся, что наш доклад способствует привлечению внимания специалистов к сведениям о тюркских племенах в этом тексте, а также — в целом к такому ценному источнику, каковым является «Таба'и' ал-хаййаван».

Литература

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. — С. 19–195.
2. Бартольд В.В. Хорезмшах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1964. — С. 534–537.
3. Мишин Д.Е. Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток. — 2009. — № 1. — С. 33–45.
4. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках (перевод В. Храковского) // Труды сектора востоковедения. — Т. 1. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. — С. 208–218.
5. Hudud al-'Alam, The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D., Translated and explained by V. Minorsky. — London: E.J.W. Gibb Memorial, 1970.
6. Martinez A.R. Gardizi's two chapter on the Turks, Archivum Eurasiae Medii Aevi. Tome II. — Wiesbaden, 1983. — Pp. 109-219.
7. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi. On China, the Turcs and India, Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky. — London: The Royal Asiatic Society, 1942.

Сведения об авторе:

Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

ТЮРКСКИЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ: КИМАКИ, КИПЧАКИ, ПОЛОВЦЫ

Манаш Талгатбек

Сегедский университет, г. Сегед (Венгрия)

В данной статье автор дает анализ вклада ученых в развитие кипчаковедения. Кипчакская проблематика и в настоящее время остается актуальной для современной науки.

TURKIC NOMADS OF EURASIA: KIMAKI, KIPCHAKI, POLOVETS

Manash Talgatbek

Szeged University, Szeged (Hungary)

In this article, the author analyzes the contribution of scientists to the development of Kipchak studies. The Kipchak problem still remains relevant for modern science.

Изучение исторических процессов, протекавших на территории степной полосы Евразии в эпоху поздней Древности и Средневековье, демонстрирует сложность общественной и политической организации кочевых народов. В последние годы появляются публикации, в которых все острее встает вопрос о необходимости и возможности изучения истории и культуры средневековых народов степной Евразии.

В связи расселением кипчакских племен на огромной территории и влияние на большое число народов и племен в прошлом, изучение кипчакской проблематики разрабатываются во множестве стран. В числе наиболее заинтересованных стран можно назвать Венгрию, Россию, Казахстан, Украину и Болгарию. В меньшей степени кипчаковедческие исследования проводились в Польше, Египте, Турции, в том числе в Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Грузии и Армении.

26 декабря 1991 г. с распадом СССР обрели государственную самостоятельность 15 бывших союзных республик. С обретением суверенитета началась процесс переосмысления ключевых вопросов национальной истории. Среди них особо можно отметить Азербайджан, Казахстан и Киргизстан. Это дало новый толчок в изучении тюркологии. Одним из самых важных является вопрос складывания этноса и государственности. Его решение зависит от объективных и всесторонних исследований всех этнических формирований, среди которых особое место занимают кипчаки.

Следует подчеркнуть, что кипчаки сыграли значительную роль не только в Казахстане, но и в степях Восточной Европы. На этом огромном пространстве они доминировали длительное время

со второй четверти XI — первой четверти XIII в. Этот период является именно важнейшей «серединой» в этнической истории тюрко-монгольских народов, когда происходил процесс самой активной экспансии кипчаков (1030 г.) и в Азии, и в Европе. Все это засвидетельствовано в многочисленных арабо-персидских, западноевропейских и древнерусских источниках. Они объединяли в этнические общности, известных как кипчаки, куманы, половцы. Так, если в раннесредневековых писаниях использовался этногеографический термин «Туркестан» или «Страна тюрков», то позднее более широкое применение получает название «Дешт-и-Кипчак». В переводе с персидского оно означает «пустыня Кипчаков», или «степь Кипчаков». О важности кипчаков также свидетельствует факт длительного использования данного этногеографического названия, до XV в. Кипчакские ханы находились в тесных взаимосвязях и взаимоотношениях с сопредельными странами Восточной Европы. Правители Болгарии, Венгрии, Византии часто прибегали к помощи кипчаков для защиты своей страны, совершения походов и в ходе внутренней борьбы за престол. Кипчаки сыграли судьбоносную роль в спасении Византийской империи от печенегов, в утверждении Болгарской династии и укреплении власти венгерских королей. Отдельные группировки кипчаков вместе с ханами оставались в этих странах, на отведенных им для поселений землях.

На наш взгляд, в условиях современной глобализации расширяются возможности совместных проектов и исследований, которые позволят получить целостное представление по всем аспектам кипчаковедения. Для исследователей открываются фонды многих архивов разных стран, устанавливаются близкие взаимовыгодные отношения. Опираясь на это, можно провести качественный сравнительный анализ на более высокий уровень.

Наиболее плодотворным направлением сотрудничества является казахстанско-венгерское. В рамках двустороннего сотрудничества проведено множество диалоговых площадок. Например, Международная научная конференция «Кипчаки Евразии», посвященная 1100-летию Кимекского государства, которая прошла в 2013 г. в г. Астане. В 2020 г. на базе Международной Тюркской академии была проведена международная онлайн-конференция «Венгерская тюркология», посвященная 130-летию со дня рождения известного тюрколога Дьюлы Немета.

Сегодня совершенно очевидно, что всестороннее изучение исторического процесса невозможно без результативных работ компаративистских межгосударственных исследований. По мере поступательного развития научного знания такого направления интерес к ним только усиливается, а труды ученых играют все большую роль в изучении прошлого.

Половцы (кипчаки, куманы) — средневековые кочевые тюркоязычные племена — оставили заметный след не только в истории евразийских степей, но также оказали большое влияние на развитие многих раннефеодальных государств Старого Света. Арабо- и персоязычным авторам, армянским и грузинским средневековым историкам они известны как кипчаки, русские летописцы их называли половцами, а в византийских и венгерских источниках они фигурируют под именем команов, куманов и кунов. Летописи и хроники разных стран пестрят свидетельствами об их опустошительных набегах на своих соседей, об участии этих номадов в качестве наемников в междоусобных распрях князей и королей, о династических браках политических лидеров Хорезма, Грузии, Древней Руси, Венгрии с половецкими ханами.

История кипчаков изучена неравномерно. Однако благодаря трудам многих отечественных и зарубежных исследователей (историков, археологов, лингвистов, этнографов) на сегодняшний день многие вопросы их истории получили объяснение в научной литературе.

Анализируя труды кипчаковедов, можно выделить в них публикации описательного (первичная публикация материалов) и интерпретационного характера. Первый тип статей содержит описание эмпирических данных, полученных в ходе полевых исследований. Второй — представляет собой изучение определенной проблемы и связанного с ней исторического и археологического материала с целью формулирования концептуальной интерпретации автора. К этому типу относятся теоретические работы, посвященные общим вопросам науки; аналитические статьи, обобщающие многолетние изыскания исследователей.

Подлинное научное изучение кипчакских племен в российской исторической науке начинается с трудов академика В.В. Бартольда [1]. Ему принадлежит заслуга в проведении основательной источниковедческой и историографической интерпретации мусульманских письменных памятников. С легкой руки В.В. Бартольда в русском, а затем в советском востоковедении утвердились положения о тюркоязычности кипчакских племен, о едином этническом происхождении кипчаков, кимеков, куманов и половцев, а также о том, что кипчаки составили важный этнический компонент в образовании современных тюркоязычных народов, прежде всего говорящих на языках кипчакской группы.

В.В. Бартольд писал о том, что арабо-персидские историко-географические сочинения представляют «не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников». Отметив компилятивность большинства дошедших до нас историко-географических сочинений арабо-персидских историков, опиравшихся на труды более ранних авторов, в то же время следует сказать и о том, что они пытались добросовестно передать дошедшие сведения [1, с. 49].

Если мы будем затрагивать теоретическую часть истории кочевников, то можно отметить следующие особенности. В советской исторической науке еще в 1930-х годах было разработано понятие кочевого феодализма. Работы С.П. Толстова [2] и других ученых поставили вопрос о существовании особого варианта феодального строя у кочевников. Кочевой феодализм сейчас определяется большинством исследователей как зависимость непосредственных производителей от богачей феодалов, осуществляемая при помощи вхождения кочевников-скотоводов в союзы, коллективы, сохраняющие видимость родовых союзов. Эти группы кочевников вместе с закрепленными за ними пастбищами и своим скотом управлялись и эксплуатировались ханами и беками — кочевой феодальной знатью, которая осуществляла таким путем свое право собственности на скот и на землю. Кочевые группы в условиях кочевого феодализма очень долго сохраняют видимость родовых групп, но на самом деле являются объединением, аналогичным сельской территориальной общине в оседлых землях. После дискуссии 1955 г. о кочевом феодализме был принят термин «патриархально-феодальные отношения», которым подчеркивалось длительное сохранение кочевой общины в условиях кочевого феодализма.

Особое значение имеют труды Д.А. Расовского [3, с. 74–76; 81–87], специально посвященные проблемам кипчаковедения. Ученый одним из первых стал рассматривать половцев как самостоятельное объединение кочевников с уникальной культурой, а не периферию крупных соседних государств. По мнению исследователя, куманы (кипчаки), занимая территорию между Киевской Русью, Венгерским королевством, Византийской империей и государствами Северного Кавказа, сыграли большую роль в межкультурном обмене в качестве крупного военного союзника, с одной стороны, или же соперника — с другой, а то и равноценного партнера в международной политике. Степень анализа сведений источников Расовским для того времени была исключительно высокой. Многие из его выводов остались принятыми в исторической науке и сегодня. И даже те из них, которые, казалось бы, были уже отвергнуты, частично реабилитируются. Например, гипотеза И. Маркварта о «монгольском происхождении» кипчаков-половцев, которую Расовский активно поддержал и развил. Хотя в целом гипотеза Маркварта была отвергнута, сейчас идет возвращение к его идеям — но только в части того, что кипчаки теперь не рассматриваются как монолитный этнос, но понимаются как образование из многих этнических элементов, различного (в том числе и монгольского) происхождения. Новые разыскания в области китайских источников подтверждают монгольское происхождение ряда влиятельных кипчакских родов (часть этих родов занимала даже положение гегемона в племенных союзах половцев). Взгляд на них с точки зрения европейских источников, используемых и вводимых Расовским, дал дополнительный импульс к дальнейшим исследованиям в этом направлении.

Ученый тюрколог-лингвист Н.А. Баскаков в своих трудах разработал вопросы теории и истории тюркских языков: каракалпакского, ногайского, алтайского, хакасского и др. В том числе исследователь в работе «К вопросу о классификации тюркских языков» [4, с. 122–134] разделил кипчакскую группу языков на несколько подгрупп: кыпчакско-булгарская подгруппа, кыпчакско-огузо или узо-половецкая подгруппа, кыпчакско-ногайская подгруппа.

В исследовательской работе Г.А. Фёдоров-Давыдов «Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках» [5, с. 56, 83–89] представил внутреннюю историю средневекового кочевнического общества на территории восточно-европейских стран. Ученый затрагивал только частично вопросы этногенеза, который протекал главным образом в степях Азии, и антропологии печенегов, торков и половцев, а также хорошо разработанные вопросы взаимоотношения кочевников с Русью, Венгрией, Болгарией и Византией, он посвятил свою работу истории материальной культуры, религии, хозяйства и быта этих племен, истории их расселения и передвижений на обширных равнинных степях Юго-Восточной Европы. Археологом Г.А. Фёдоровым-Давыдовым фактически была дана и первая этнокультурная интерпретация кочевнических памятников Заволжья и Южного Приуралья XII–XIV вв. Следуя за материалом, автор концентрирует своё внимание на характеристике и этнической интерпретации курганов южнорусских степей и в частности, погребения XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (область Саксин) он вполне определенно связывает с половцами-команами.

Кипчаковед Б.Е. Кумеков [6, с. 132–146] на основе тщательного источниковедческого анализа историко-географических сведений, содержащихся в средневековых арабских и персидских сочинениях IX–XI вв., исследует историю кимаков. Это племя на определенном историческом отрезке вре-

мени имело теснейшие связи с кипчакскими племенами, они были настолько близки, что многие исследователи считали их одним и тем же этническим коллективом. Автор реконструировал основные этапы сложения и развития кимацкого союза племен с середины IX до середины XI в., по-новому представляет социально-экономический строй кимацкого общества, этногеографию кимацкого объединения. Интересная работа академика Булата Кумекова, фундированная ценным материалом, является как бы основой для продолжения изучения кимако-кипчакской истории и в последующие века, а именно в XI–XIII вв.

Венгерские ученые достигли больших результатов в разработке данного направления. Такие исследователи как Д. Немет, Л. Рошњи, К. Цегледи, Л. Селмеци, К. Мандоки, И. Зимони внесли свой неопределимый вклад [7, 8, 9, 10, 11, 12].

Еще одним центром изучения кипчаков считается Украина. Причиной тому были и этнокультурные связи кипчаков-половцев с населением Украины, в чьих сказаниях и песнях отложились имена ряда деятельных кипчакских ханов Боняка, Тугар-хана и др. В огромном количестве великолепные кипчакские каменные статуи оставались в степях Украины вплоть до XVII в. Особо тесные связи кипчакских племен были с княжествами на Руси. Эти взаимоотношения основывались на экономических, военных, политических, культурных, языковых контактах.

Несомненно, одним из самых крупных центров по кипчаковедению является Россия. Поэтому изучение трудов российских ученых, которые внесли неопределимый вклад в изучение кипчакских племен, является обязательным требованием для всех, кто занимается этим историческим направлением.

Литература

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. — М., 1968. — Т. V. — 595 с.
2. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 103. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 396 с.
3. Расовский Д.А. Половцы / *Seminarium Kondakovianum*. — Прага, 1937. — Т. 7. — 262 с.; Половцы, торки, печенеги, берендей. — М.: Ломоносовъ, 2016. — 190 с.
4. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI. — Вып. 2. — М., 1952. — С. 121–134.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 276 с.
6. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
7. Nemeth G. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren Hungary. — Budapest, 1966.
8. Rasonyi L. Les noms toponymiques comans du Kiskunsag // *Acta Linguistica*. — ASN 7 (1957). — Pp. 73–146.
9. Czegledy K. A kunok eredeterol // *MNy*. — 1949. — № 45. — Pp. 43–50; Czegledy 1985. — Pp. 217–224.
10. Selmeczi L. Adatok es szempontok a kunok regeszeti kutatasahez Szolnok megyeben // *Szolnok Megyei Muzeumi Evkonyv*. 1973. — Szolnok, 1973. — Pp. 105–115.
11. Mandoky Kongur I. A kun nyelv magyarorszagi emlekei. Keleti Oroksegunk. — Karcag, 1993. — Karcag Varos Onkormanyzata.
12. Зимони И., Кузембаев Н. Монгольское завоевание Дешт-и-Кипчака: монография. — Павлодар, 2014. — 119 с.

Сведения об авторе:

Манаш Талгатбек, PhD докторант, Сегедский университет (Сегед, Венгрия).
E-mail: manash.talгатбек@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КЫРГЫЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Г.Ж. Чодолдоева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассматривается социально-экономическое и политическое положение кыргызов Центрального Тянь-Шаня до присоединения к России. В XVIII–XIX вв. кыргызы стали объектом экономических интересов трех держав: Кокандского ханства, России и Цинского Китая. В этот период в общественной жизни кыргызов

Центрального Тянь-Шаня, как и у других кочевых соседей, господствовали патриархально-племенные отношения. Социальное расслоение кыргызов зависело от их места в обществе, богатства, которым они владели, и особенностями их земель. Во второй половине XVIII в. кыргызская общественность переживала время сложных перемен. В соответствии с условиями той поры кыргызские племена были вынуждены существовать под влиянием нескольких внешних политических сил.

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL SITUATION OF THE KYRGYZ OF THE CENTRAL TIEN SHAN BEFORE JOINING RUSSIA

G.Zh. Chodoldoeva

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article examines the socio-economic and political situation of the Kyrgyz of the Central Tien Shan before joining Russia. In the XVIII-XIX centuries, the Kyrgyz became the object of economic interests of three powers: the Kokand Khanate, Russia and Qing China. During this period, patriarchal-tribal relations dominated in the public life of the Kyrgyz of the Central Tien Shan, as well as among other nomadic neighbors. The social stratification of the Kyrgyz depended on their place in society, the wealth they owned, and the characteristics of their lands. In the second half of the 18th century, the Kyrgyz public was going through a time of difficult changes. In accordance with the conditions of that time, the Kyrgyz tribes were forced to exist under the influence of several external political forces.

Целью статьи является исследование социально-экономического и политического положения кыргызов Центрального Тянь-Шаня до присоединения к России. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XVIII в. — 60-е гг. XIX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методологическую основу составили принципы историзма и научного объективизма.

Значительную часть территории Кыргызской Республики занимают горные полосы (системы) Тянь-Шаня. Если разяснить эту систему, Тянь-Шаньский регион в географическом понятии занимает огромное пространство: от Восточного Туркестана (в составе КНР) на восточной части, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан на юго-восточной части горной системы. Во второй половине XVIII в. — 60-х гг. XIX в. на этом огромном регионе расселились и проживали кыргызские племена сарыбагыш, бугу, саяк, черик, монолдор, басыз и другие [1, с. 1]. В изучаемом нами периоде кыргызские племена от Тянь-Шаня до Таласа, включая Ат-Башы, Нарын, Ак-Талаа, Тогуз-Торо, Суусамыр, а также Чуйской и Иссык-Кульской долины, около века вели постоянную освободительную борьбу против иноземных нашествий врагов.

В XVIII–XIX вв. кыргызы стали объектом экономических интересов трех держав: Кокандского ханства, России и Цинского Китая. Не скрывала свои интересы к овладению краем и Великобритания. Одним из ключевых геополитических проблем для России и Китая был Тянь-Шань. Если Цинская империя стремилась к завоеванию приграничного Восточного Туркестана, то Россия ставила такую же цель для открытия прямого торгового пути с Кашгаром.

Во внешней политике Кокандского ханства при Мадали хане на первом плане стояла завоевание территории Ферганы, где проживали кыргызы и таджики. С завершением данного процесса в последней четверти XIX в. Кокандское ханство обратило свой взор на Тянь-Шань. Данная территория имела большое политико-экономическое значение для Кокандского ханства. Для установления власти и овладения землей ханство избрало жесткую форму правления, опирающегося на военную силу. Со временем возраставшие налоги, безответственность и зверства местных правителей стали причиной роста народных выступлений против ханства [4, с. 65].

В этот период в общественной жизни кыргызов Центрального Тянь-Шаня, как и у других кочевых соседей, господствовали патриархально-племенные отношения.

Крупные родовые объединения кыргызов обычно занимали один большой район. Подобное историко-географическое положение способствовало углублению их хозяйственных, этнокультурных и этнополитических взаимосвязей. У каждого сформировавшегося рода были свои интересы, обычаи и традиции. Кроме того, каждый род имел свою символику — воинские знамена, эн тамга, характерные только для них боевые кличи [10, с. 79].

Землей и особенно пастбищами, которые всегда считались основой производства для членов кыргызского общества, распоряжались баи и манапы. Социальное расслоение кыргызов зависело от их места в обществе, богатства, которым они владели, и особенностями их земель.

Кокандские ханы, конечно, всячески поддерживали власть манапов, поскольку понимали, что только с их помощью могут достичь своих целей. Еще к одной значимой социальной категории можно отнести аксакалов и баатыров.

В середине XIX в. основная часть всех пригодных для жизни территорий Кыргызстана использовалась в качестве пастбищ, понятно, что главную сферу хозяйствования составляло животноводство. В соответствии с климатическими условиями Тянь-Шаня население содержало лошадей, коров, овец и коз, а атбашинцы на джайлоо Аксай и Арпа содержали и яков.

До времени обретения независимости в кыргызской историографии многие специалисты придерживались мнения о том, что кыргызы вели кочевой и полукочевой образ жизни. Однако с древности кыргызы, соседствуя с оседлыми народами Средней Азии и Восточного Туркестана, овладели земледелием и различными видами ирригации.

Как было отмечено выше, уже в 40-е гг. XIX в. манап сарыбагышей Ормон Ниязбек уулу (1774–1854 гг.) попытался объединить под централизованной властью кыргызские племена, жившие феодально-разрозненными островками. Кокандская власть дала ему звание парваначы. Это звание давало право Ормону собирать налоги. У него был свой стяг, многотысячные стада живности. Все это позволило ему наречь себя ханом. В конце 1840 г. на месте, где ныне плещется Орто-Токойское водохранилище (неподалеку от города Балыкчи), под предводительством Ормона был проведен совет предводителей кыргызских родов сарыбагыш, бугу, саяк, солто, саруу, кушчу, черик. По древнему обычаю кочевников представители родов подняли Ормона на белом войлоке, надели на него красный тебетей, объявив его ханом. Признание Ормона крупными кыргызскими племенами ханом стало положительным явлением в истории народа, прогрессивным поворотным моментом [11, с. 30].

В настоящее время в новой историографии в ряде научных взглядов пересматриваются вопросы, связанные с историей Кокандского ханства.

Несмотря на то, что Кокандское ханство было многонациональным, до сих пор возникают вопросы: «Что это узбекское государство?» или «объединенное государство узбекского, кыргызского, таджикского народов». Точно установленный научный критерий до сих пор не определен.

В современной кыргызской историографии появились исследования, официально вносившие в историческую науку взгляд о том, что «Кокандское ханство это многонациональное государство и в его становлении вместе с узбекским этносом участвовали кыргызы и таджики, следовательно, оно является проявлением и кыргызской государственности», отличавшиеся от вышеуказанных взглядов. Данная позиция уже включена в учебные программы и учебники. В этом направлении следует отметить работы Т. Кененсариева, К. Молдокасымова, Ж. Алымбаева и др. [2, 6, 7, 12].

Считаем, что история Кокандского ханства является значительной частью истории Кыргызстана, так как в XVIII–XIX вв., т.е. около 150 лет кыргызы имели прямое отношение к истории ханства. Во второй половине XVIII в. кыргызская общественность переживала время сложных перемен. В соответствии с условиями той поры кыргызские племена были вынуждены существовать под влиянием нескольких внешних политических сил. В этот период несколько южных кыргызских племен, проживавших в Ферганской долине, вошли в состав Кокандского ханства.

В 1818–1819 гг. Омор-хан подчинил Коканду значительную территорию южных казахов, а на севере — города Туркестан, Чимкент, Сайрам, Олуя-Ата. К этому времени относится и начало завоевания Кокандским ханством севера Кыргызстана [5, с. 7].

В этот период Север Кыргызстана жил под властью своих родовых предводителей. Если опираться на источники, то в Таласе проживали роды кушчу, саруу, кытай, мундуз; в Чуе и Суусамыре — солто, саяки, в восточной части Чуйской долины, в Кочкоре и Джумгале — сарыбагыши, саяки; на западе и северо-западе Иссык-Куля — сарыбагыши, на северном, южном и восточном берегу, в предгорьях — бугу и саяки; в Нарыне, Тогуз-Торо, Кетмень-Тюбе — сарыбагыши, саяки, черики, карабагыши и другие племена.

Первые волнения против власти Коканда начались в северной части Кыргызстана. В 1821 г. таласские кыргызы вместе с казахскими племенами под предводительством Тентек-Торе подняли восстание и захватили Чимкент и Сайрам, но в результате пассивных действий предводителя эта борьба завершилась победой кокандцев. По сведениям Б. Солтоноева, в 1824–1825 гг. большое количество представителей родов солто и саруу, потерпевших поражение от сарбазов Кокандского хана уже в самом начале походов Коканда, под предводительством бия солто Каная откочевали на восточный берег Балхаша и на берега Волги. Вскользь упоминается, что в этой откочевке участвовали от сарыбагышей Төрөгелди, от саяков — Атантай и Тайлак. Эти события, происходившие в середине 20-х гг. XIX столетия в Северном Кыргызстане, — свидетельство завоевательной политики Кокандского ханства [3, с. 15].

Одним из активно участвовавших в политической жизни той поры был сын Ырыскул бия Тайлак баатыр. Молодые лидеры своих родов Атантай, Тайлак и другие не согласные с грабительской политикой Кокандского ханства кыргызские джигиты начинают освободительную борьбу. К примеру, Тайлак баатыр начал успешную борьбу против Кокандского ханства в 1832 г. и до 1838 г. не подчинялся ханству [3, с. 18].

В первой половине XIX столетия судьба всего кыргызского народа и среди них кыргызов Тянь-Шаня претерпела значительные изменения, произошло много событий. В 50-х гг. XIX в. во времена правления Кудаяр-хана значительно выросли налоговые поборы, что привело к еще более сильному обнищанию кыргызов и вызвало протесты и волнения, быстро перерастающие в освободительную борьбу.

Между тем Цинская империя в приграничных районах Тянь-Шаня, Джунгарии и Кашгарии начала ставить пограничные посты. Таким образом, фактически началось определение границ между Цинской империей и казакско-кыргызскими племенами. В китайских источниках отмечается, что «Новая граница» (Синцзянь) с севера и запада соседствует с казахами, а с запада и юга — бурутами» (кыргызами). После 50–60-х гг. XVIII в. цинский правитель Богдыхан проводил «инспекционные» поездки на кыргызские пастбища, хотя она официально не была объявлена территорией Китая, требовал от народа овец и других животных за то, что вроде бы кыргызы проживают на территории империи [8, с. 32]. В длительной борьбе по уточнению границ между Китаем и Кокандским ханством больше права имели те, кто был сильнее. Их вообще не интересовали судьба и положение коренных народов, живущих в приграничных районах.

После подавления восстания Джангир ходжи цинские власти провели жесткую политику по отношению к уйгурам и кыргызам, обвиняя их в участии в антицинском движении. Цинские войска одновременно продолжали нашествие к пограничным кыргызским аилам в Кашгаре. Политика цинских властей по отношению к кыргызам Теңир-Тоо имела отрицательное влияние на китайско-кокандские взаимоотношения. Китай запретил дальнейшее развитие кашкаро-кокандской торговли, где были интересы хана. В письменных источниках имеются сведения, что Китай развивал торговлю с городами Кулжа и Чугучак, а также с кокандцами и кыргызами. Надо учитывать и тот факт, что Богдыхан называл Мадалы хана беком, не считая его рангом ниже. В свою очередь, это вызывало отрицательную, раздражительную реакцию со стороны Кокандского хана. Цинские власти выдворили многих кокандских торговцев из своего государства. С осени 1829 г. было запрещен завоз в Коканда чая и ышкын (со стороны Китая), а также завоз в Кашгар различных кокандских товаров. Несмотря на то, что кыргызы активно поддерживали Джангир ходжа, Цинская империя, учитывая потребность в натуральном обмене (скот-товар), отнеслась к коренным жителям Тенир-Тоо более прагматично [9, с. 85].

Жестокий налоговый гнет, их насилие и произвол по отношению к кыргызам в период правления Кудаяр хана привели к социальным взрывам в 50–60-е гг. XIX в.

Первая половина XIX в. была ознаменована обострением межродовых отношений, а также частыми битвами с соседями, в частности, с казахами Старшего жуза [4, с. 77]. Эти события привели некоторые роды к предельному численному сокращению и обнищанию, они были вынуждены искать помощи и опоры у сильных соседей, которые, конечно, пытались использовать ситуацию для своих агрессивных целей. Локальные и более крупные сражения были частым явлением в первой половине XIX в. Так, перманентная война родов сарыбагыш и бугу прекратилась только после того, как они вошли в состав царской России. Подобные межродовые столкновения имели разные цели и характер. Они сопровождалась угоном скота, барымтой, пленением противников и т.д. Позже эти явления уступили место отнятию территорий, захвату пастбищ. Вместе с тем имели место и попытки представителей знати расширить и укрепить свою политическую гегемонию. В качестве примера можно вспомнить действия манапа рода сарыбагыш Ормона по объединению северных кыргызов и обретению звания хана. Стремление манапа Ормона к централизации политического управления, с одной стороны, привело к столкновениям родов бугу и саяков между собой, с другой, — к попыткам Коканда и Китая помешать процессу централизации власти. В первой половине XIX в. столкновения родов сарыбагыш, бугу, саяк усиливались изо дня в день. В этот период реальной угрозой стала возможность оказаться под полным игом Коканда или Китая, поэтому в 1824 г. манапы рода бугу были вынуждены обратиться с просьбой о присоединении к западно-сибирскому генерал-губернатору [4, с. 77–79]. Выше мы отмечали, что в образе жизни кыргызов той поры и особенно кыргызов Тянь-Шаня господствовали феодально-племенные отношения. Установление власти Кокандского ханства не смогло остановить межродовую вражду.

Ормон хану пришлось проводить внешнюю политику в весьма сложных условиях. Могучие соседи — Китай и ханства Центральной Азии — всегда вели захватническую политику в отношении кыргызов.

Хотя Ормон хан и не хотел подчиняться Коканду, но не проводил против него решительную борьбу. В то же время он стремился получить защиту и поддержку Российской империи, но не хотел подчиняться ей. Только в последние годы жизни Ормон хан стал реально оценивать соотношение сил, начал действовать по пути сближения с русской администрацией Западной Сибири и решительно заявил о своем стремлении присоединиться к России. В этот период не было соответствующих внешних и внутренних политических условий для объединения кыргызов в самостоятельное государственное объединение. Продолжались внутренние межродовые распри, вместе с тем Коканд считал кыргызов народом, полностью находившимся под его властью. Архивные материалы свидетельствуют, что вражда между родами бугу и сарыбагыш продолжалась и после смерти Ормон хана. Как и прежде, существовала опасность китайской экспансии, да и казахские султаны продолжали с воодушевлением поглядывать на слабеющих в распрях соседей.

Обострение отношений между кыргызским и казахским народами пришлось на время, когда с джунгарским владычеством было покончено и воины вернулись в свои стойбища. Материалы санжыра свидетельствуют, что территориальные споры между кыргызами и казахами в период кокандской власти всегда происходили при ее непосредственном участии. Такие действия кокандцев по отношению к кыргызско-казахским пограничным проблемам относятся к 20-м гг. XIX в. и связаны с их походами по завоеванию Чуйской долины. В 1822 г. ими была построена крепость Олуя-Ата, что свидетельствовало о том, что их действия направлены на подчинение себе Северного Кыргызстана [4, с. 85].

Казахско-кыргызские отношения в этот период не были спокойными. Развитие этих отношений во многом зависело, с одной стороны, от экспансии Кокандского ханства, с другой, — от начала перехода казахов под российское подданство. Но стоит отметить и тот факт, что повышение политического положения северных кыргызских родов во главе с Ормон ханом привело к появлению нового этапа в кыргызско-казахских отношениях.

Борьба Кенесары Касымова против русских не привела к успехам в центральных районах Казахстана, потерпевший поражение султан Кенесары был вынужден отступить на территорию Жети-Суу (Семиречье), где проживали казахи Старшего жуза и кыргызы, с тем чтобы подчинить их и направить против русских. Это мы можем видеть по тому, как султан Кенесары в 1845–1847 гг. напал на кыргызов.

Обобщая, можно сказать, что сражения между войсками Кенесары и Ормон хана в 40-е гг. XIX в. есть одно из проявлений борьбы кыргызов за свою свободу, проводившейся «варварскими методами против варварского строя».

После окончания этих трагических событий 22 августа 1847 г. предводители казахских и кыргызских родов собрались в Капале, где провели переговоры и подписали соглашение. С кыргызской стороны в подписании приняли участие Уметалы, сын Ормон хана, сын Карабека Жантай и др.; с казахской стороны — Али, сын Адила, Акыш, сын Абилая и др. В Соглашении были пункты о сохранении дружеских отношений между братскими соседями, о недопустимости в дальнейшем грабительских набегов и убийств. При невыполнении этих пунктов Соглашения предусматривалось наказание по законам Российской империи. Из этого следует, что кыргызы дали достойный отпор агрессивным устремлениям Кенесары. Эти события привели к значительному росту политической роли северных кыргызов в регионе.

Литература

1. Алымбеков Т. Кокон хандыгына чейинки кыргыздын турмушу жөнүндө // КРнын УИАнын кжф. — Инвентар. № 1454.
2. Алымбаев Ж.Б. Общественно-политическая жизнь кыргызов в российской историографии второй половины XVIII — начала XX вв. — Бишкек, 2009. — 288 с.
3. Аттокуров С.А. Тайлак баатыр: Окуу куралы. — Бишкек, 1994. 94 б.
4. Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии XIX века. (Первая половина). — Фрунзе: Илим, 1966. — 189 с.
5. Джамгерчинов Б.Д. Важный этап из истории киргизского народа. — Фрунзе: Киргосиздат, 1957. — 93 с.
6. Кенесариев Т. Кыргыздар жана Кокон хандыгы. — Ош: Ош МУ, 1997. — 64 б.
7. Кенесариев Т. Менин мамлекетим = Моя страна = Mai state: Илимий-популярдуу китепче. — Бишкек, 2009. — 66 б.

8. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск: Наука, 1983. — 184 с.
9. Куропаткин А.Н. Кашгария. Страна, ее военные силы. Промышленность и торговля: Историко-географический очерк. — СПб., 1879. — 435 с.
10. Омурбеков Т.Н. Атаке баатыр. — Бишкек: Бийиктик, 2005. — 160 б.
11. Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век — до присоединения Киргизии к России). — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1961. — 165 с.
12. Молдокасымов К. XIX кылымдын 2 — жарымы XX кылымдын башындагы кыргыз-өзбек элдеринин тарыхый байланышынын өнүгүшү: тарых илим. канд. окумуштуулук даражасын изден. алуу үчүн жазылган дисс. — Бишкек, 1994. — 188 б.

Сведения об авторе:

Чодолдоева Гулзат Жусуповна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Азии и Африки, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: jusupovna7878@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА В КОНЦЕ XIX ВЕКА
(ПО ДАННЫМ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)**

Т.Т. Сырдыбаев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассматривается становление полиэтнического населения Кыргызстана, переселенческая политика Царской России. Изучены исследования и труды русских ученых Н. Северцева, А.А. Кауфмана, Н.Н. Белявского и др.

**FORMATION OF THE POLYETHNIC POPULATION
OF NORTHERN KYRGYZSTAN AT THE END OF THE XIX CENTURY
(ACCORDING TO THE DATA OF RUSSIAN RESEARCHERS)**

T.T. Syrdybaev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article considers the formation of the multi-ethnic population of Kyrgyzstan. The resettlement policy of Tsarist Russia. Research and works of Russian scientists N. Severtsev, A.A. Kaufman, N.N. Belyavsky, etc.

С вхождением Кыргызстана в состав Российской империи начинается водворение европейской цивилизации на просторах Азии. Естественно, первоначально русская колонизация проходила путем военной колонизации края.

Расселяясь на новых землях, считая их собственностью Российского государства, русские переселенцы обретали здесь и новую родину. Живя в новых местах в течение длительного времени, русские поселенцы не только приживались, но и постепенно становились частью населения здешнего края. При этом они не утрачивали своей этногенетической и культурно-языковой общности с основным ядром русского народа, выступая его территориальными частями, которые неизбежно в течение ряда поколений приобретали здесь некоторые особенности образа жизни, быта, обычаев, традиций, даже менталитета.

В первую очередь, для освоения русскими северной части Кыргызстана, в особенности географически плодородная Иссык-Кульская котловина играла большую роль. Вот как описывают русские ученые-исследователи края в середине XIX в.: «Семиреченские казаки весьма хвалят Иссык-Куль, как привольную местность, и говоря об этом приволье, особенно распространяются об обилии дичи, зверья и рыбы; ценят и обилие леса; у восточной половины Иссык-Куля находятся самая лесистая часть Тянь-Шанских хребтов, все ельники; лиственного леса немного, в нижних частях ущелий, более осокорь; кое-где в ельниках береза и рябина, но много кустарника. Пастбища обильны: и на Джиргаланской равнине, и в расширениях ущелий, и по травянистым склонам хребтов, а всего более на смежном Кегенском плоскогорье; в расширениях ущелий и в мелкосопочнике Тянь-Шанских предгорий довольно и сенокосов. Низовья рек вообще удобны для орошения полей; а у Джиргалана, где хребет Кызыл-Кия приближается к южной окраине большого Нарынского сырта (плоскогорья), земледельцы возможно и без орошения, при летних дождях, также и у устья Туба (Түп); только

эти площадки, удобные для русского земледелия, довольно ограничены: джиргаланская, впрочем, верст 30 в длину и 3-7 в вершину, тубская (түпская) гораздо меньше» [6, с. 154]. Именно от этих мест начинается европейская колонизация края.

В сердце Тянь-Шаня центром русской цивилизации является городок Каракол, лежащий верстах в пятнадцати от залива Кара-Су, у восточной оконечности озера Иссык-Куль. Бывшее казачье поселение, Каракол получил ныне важное и постоянное возрастающее значение, как станция торговых караванов, ходящих между двумя склонами Небесных гор [7, с. 420].

«Невыносимые во многих случаях отношения, установившиеся между киргизами и переселенцами в первое время по водворении последних, действительно заменяются, мало-помалу, более мирными и дружественными соседскими отношениями», — пишет А.А. Кауфман [1, с. 32].

Есть еще, впрочем, промысел, вполне возможный на Иссык-Куле и гораздо более привлекательный для казаков, нежели земледелие, потому что требует меньшего труда: это пчеловодство, обеспеченное хорошим сбытом меда сартам в Ташкент, Коканд и Кашгар [6, с. 154].

Вообще казаков тянут на Иссык-Куль удобства не земледелия, а скотоводства, пчеловодства, рыбной ловли и охоты: но земледелие без орошения, при прочих только что указанных удобствах, может быть драгоценным привольем для русских крестьянских поселений. А относительно охоты не только Иссык-Куль, но весь Семиреченской край может считаться охотничьим раем по обилию всякой дичи, от тигра и марала до перепелок. Для любителей штуцерной охоты тут есть тигр, барс, медведь, аркар, марал, кабан, дикая коза; для ружейной — бесчисленные фазаны, улары, зайцы и, всего больше, чилики и кеклики; на пролете тоже водяная и болотная дичь и поля возможны баснословные, сотенная; дичи так много, что педантическому или самолюбивому охотнику это обилие дичи может и надоесть — нет случая пощеголять ни своим охотничьим умением, ни поиском отличного сеттера: успевай заряжать и бить, поле всегда будет, были бы заряды. На штуцернику, без особого умения, дадутся разве кабаны: а тигр, медведь, марал, аркар требуют уже хорошего охотника [6, с. 154].

Каждая русская деревня была местом пьянства и разгула. Вместо того чтобы возделывать свои сады, казаки опустошали чужие поля, срубали яблони для топки печей. Они не только не оказывали цивилизующего влияния на калмыков, но напротив, сами в конце концов становились похожими на туземцев не по честности, но по дикости нравов. Чтобы придать себе важный вид, они говорили между собой по-татарски, как будто их славянское происхождение было признаком низшей расы [7, с. 420]. «...Русские переселенцы... страдают, вследствие неудовлетворенности своим положением, особым пристрастием к вину. С этим недостатком они не могут быть успешными колонизаторами края, населенного туземным трудолюбивым населением, часто с презрением относящимся к обессилившему от пьянства русскому населению» [8, с. 86].

С самого Оренбурга, на длинном пути через новую линию, Омск, Семипалатинск, Копал, Верное, я все встречал только казаков, татар и киргизов, и не видал ни единого настоящего мужика, а тут нашлся, да еще самый коренной, великорусский [6, с. 164].

Он был послан своим обществом землю высматривать для переселения, походил по Семиречью и добрался до Иссык-Куля, где жил уже второй год, наживая деньгу на обратный путь: и наживал успешно. Пришел он без гроша, поистратившись дорогой, нанялся работать при постройке аксуйского поста, а там присоседился к заукинским кара-киргизам, устроил мельницу, купил лошадей, собрал телегу, стал промышлять извозом, возить хлеб и ставить муку на аксуйский пост и заукинский пикет, а в 1867 г. нанял уже и засеял киргизские поля, с платой за орошение из урожая; лучший доход давала ему мельница; мука, получаемая в плату за помол, имела хороший сбыт в иссык-кульский отряд, и он уже закупал киргизский хлеб зерном, а продавал мукой, пользуясь полным доверием и казаков, и киргизов, что ему давало возможность покупать в кредит. У самого заукинского поста был у него свой хуторок; тут же и небольшая водяная мельница, на быстро бегущем арыке [6, с. 165].

После одинокого мужика, пришедшего на Иссык-Куль в конце 1865 или начале 1866 года, уже в 1867 году, осенью, встретили генерал-адъютанта Кауфмана в Верном уже сотня-другая просящихся селиться к югу от Или, и преимущественно на Иссык-Куле; а в следующий год их уже было несколько сот, и заводились поселения [6, с. 167].

Заселение русских крестьян началось с 1866 г. С 1868 г. на берегах Иссык-Куля было уже несколько сотен. С этого времени появляются русские поселения на берегах Иссык-Куля. Об этом свидетельствует Б. Джамгерчинов, ссылаясь на источники Н. Северцова [2, с. 325]. К 1871 г. было зачислено крестьянских поселений на следующих территориях Иссык-кульского уезда: на озеро Иссык-Куль (Преображенское) — 88 семей, р. Джаргалан — 21, Кызыл-Су (деревня Сливкина) — 31, Кунгей Ак-Су — 15. Во втором поселении на северном берегу Иссык-Куля — 22, итого — 177 семей [4, с. 190].

Прилив переселенцев в Семиреченской области можно считать значительным. В 1854 г. началось переселение казаков; первоначально для этого назначено было 6 сотен Сибирского войска. Признавая, что только оседлое русское население может упрочить наше владычество в крае и дать военной основе в нем желаемую степень силы и безопасности, в 1857 г. разрешено было переселить еще 300 семействам сибирских крестьян и в том числе, на первое время 100 семейств ссыльных переселенцев. С того времени началось свободное и быстрое увеличение русского земледельческого населения, число которого в настоящее время в области простирается до 62 000 душ, что дает почти 3 00 душ на один год, считая период 1854 до 1884 г. [3, с. 62].

По данным переписи 1920 г., в Туркестане наибольшее число русских и украинских переселенцев проживало в Семиреченской области. Здесь было 32 крупных крестьянских поселка (116400 чел.) и 14 казачьих. В Сырдарьинской области в 263 поселках проживало 96754 человека, в Закаспийской области имелось 46 поселков (29954 человека), расположенных вдоль линии Среднеазиатской железной дороги, в Ферганской области — 91 поселок (12597 человек), в Самаркандской — 9 поселков (3708 чел.) [9, с. 663].

Добровольное переселение русских крестьян совершенно изменило характер колонизации, и земледелие с той поры сделало быстрые успехи, русский сельский мир проник в эти прекрасные долины Семиречья, где русская цивилизация постепенно сменяет монгольскую культуру [7, с. 420].

В книге «История глазами очевидцев» П. Кокайсла и А. Усманова есть информация о селении Тамги: «Русские основали деревню Самодоровку и жили в ней до 1916 года, — до киргизского антирусского восстания. Русские сбежали, а на их место пришли татары, а так же с гор — киргизы. Еще в 50-е годы XX-го столетия соотношение татар и киргизов в Тамге было почти одинаковым, сейчас киргизов стало намного больше. Татары были родом из Поволжья, и пришли в Тюп через г. Верный (Алма-Ата)» [5, с. 29]. По нашим данным проведенной историко-этнографической экспедиции 2015 г. на южном берегу Иссык-Куля, выявлено, что село изначально так и называлось — Тамга, а Самодоровкой называли только улицу (центральная улица, на которой расположена мечеть), где жили русские вместе с татарами.

Литература

1. Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. — СПб., 1903.
2. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. — М., 1959. — 325 с.
3. Белявский Н.Н. Материалы по Туркестану. — СПб., 1984. — 62 с.
4. Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник / под ред. Н.А. Маева. — Вып. 1. — Ч. 3. — СПб., 1872. — 190 с.
5. Кокайсл П., Усманов А. История глазами очевидцев (начало XX века). — Бишкек, 2012. — С. 49.
6. Северцов Н. Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня. — СПб., 1873. — 154 с.
7. Рекля Э. Россия Европейская и Азиатская. — Т. 2. — СПб., 1884. — С. 420.
8. Журнал Совета Туркестанского генерал-губернатора. 13.01.1911. № 1; ЦГА Узбекистана. — Ф. 717. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 86.
9. Народы Средней Азии и Казахстана: в 2 т. / под ред. С.П. Толстова и др. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962–1963. — Т. II. — 663 с.

Сведения об авторе:

Сырдыбаев Туратбек Токтобекович, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: turatbek_77@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Д.В. Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва (Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого

Рассматривая влияние русских на культурную повседневность казахов в имперский период, следует обращать внимание сразу на несколько направлений (организация поселений, жилище, быт, хозяйство и инвентарь, язык, костюм, музыка, поэзия и пр.). В докладе предпринята попытка проанализировать степень русского культурного влияния на население Казахской степи в XIX — начале XX в.

TRANSFORMATION OF KAZAKH DAILY LIFE IN THE IMPERIAL PERIOD

D.V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow (Russia)

Considering the influence of Russians on the cultural everyday life of Kazakhs in the imperial period attention should be paid to several lines at once (organization of settlements, dwelling, household activities, farm and inventory, language, costume, music, poetry, etc.). The report attempts to analyze the degree of Russian cultural influence on the population of the Kazakh steppe in the 19th — early 20th centuries.

Рассуждая о влиянии чужеродной культуры (в нашем случае — российской) на какой-либо социум (казахский), следует, прежде всего, определить время, когда это влияние было наиболее существенным. Очевидно, что в имперский период это были конец XIX и начало XX в., когда экономическое развитие и активизация переселенческой политики все более вдвигали русских в казахскую повседневность. И если мы будем искать последствия культурного влияния русских, то они должны обозначиться именно в это время. Далее, не следует упускать из вида, что культурное воздействие это, как минимум, двулинейный процесс. Обмен культурными элементами может иметь не только прямой, но и обратный характер — характер взаимовлияния.

Степень культурного влияния, хотя и довольно условно, можно определить по трансформации повседневности объекта, весьма чувствительной сферой которой является быт. Казахский аул являлся своего рода сценой, на которой разворачивалась история казахской повседневности. А потому можно предположить появление именно здесь каких-то чужеродных элементов, если они в повседневности начинали играть заметную роль.

Казахский аул не имел определенного состава и размера, которые в XIX в. зависели от имущественного положения его жителей. Тем не менее в это время отмечалось заметное сокращение его размера по сравнению с более ранним временем. Не было потребности отвечать на набеги противника, сократившийся размер стада соответствовал сокращавшейся кормовой базе. И если в середине XIX в. нормой были 50–80 юрт, то к концу столетия большая часть аулов не превышала 10 юрт [1, с. 24].

Традиционно юрты в ауле располагались по кругу дверьми к центру, который выполнял функции загона для скота на ночь. С конца XIX в. этот порядок стал меняться. В сократившихся аулах юрты начали ставить друг к другу (или полукругом) входом на подветренную сторону. В новых условиях решала уже не вековая привычка, а рельеф местности [1, с. 25].

Ближе к началу XX в. у казахов фиксировалось появление нового для них типа селения — деревни. Б.М. Юзefович свидетельствовал: «Лишь только Нурфаис Байгарин начал свои постройки, к нему стали присоединяться другие киргизы. Из них четверо построили себе кирпичные дома, а шестеро — деревянные усадьбы; кроме того, двадцать два семейства поселились около него в землянках. Число таких семейств увеличилось бы еще значительно, если бы местность, на которой расположена эта деревня, не была стеснена сенокосными участками» [9, с. 881]. Безусловно, следует иметь в виду, что речь идет о близком к Оренбургу и давно освоенном русскими Илецком уезде. Но сам факт столь решительного оседания на землю свидетельствует о серьезном культурном влиянии северных соседей.

Отдельно стоит отметить вклад хана Внутренней орды Жангира в развитие казахской оседлости [3, с. 109]. Уникальным примером казахского поселения городского типа был административный центр орды — Ханская Ставка. Уместно привести ее описание: «Здания в ней (в Ханской Ставке. — Д.В.), не исключая дворца, все деревянные и красуются правильностью; есть жилья в два этажа. Лавки, базар и площадь наполнены ежедневно перекупщиками. Кроме природных обитателей живут здесь по несколько десятков лет русские купцы, обзаведшие своими домами и производящие торг весьма выгодно. Один из таковых торговцев приобрел капитал более нежели в полмиллиона рублей. Торговля производится не только простыми, необходимыми для общежития товарами, но красными и даже предметами прихоти... — конфетами и вареньями. У каждого купца непременно под домом лавка, у иного до пяти, которые заменяют гостинный двор. Жителей полагают до 280 душ мужского пола, в том числе 180 киргиз-кайсаков, 50 русских и 30 армян. Русские имеют молитвенный дом в здании казачьего кордона. Хан очень желал, чтобы они выстроили церковь, поэтому собраны уже деньги. Из зданий примечательные суть: училище, дома султанов, ханский дворец и мечеть... Проходя по улицам, приятно всматриваться в пестроту азиатской одежды, наблюдать повсюду движение, видеть верблюдов, послушно несущих на своих хребтах по несколько десятков пудов сена, дров, выюки товаров, хозяйственную посуду, дев и детей, покрикивающих от удовольствия» [7, с. 167–168].

Однако наличие у казахов капитальных строений не исключало наличия в домохозяйствах юрты. Она до сих пор остается неотъемлемой частью комплекса самоидентификации казахов.

В XIX в. развитие товарного скотоводства, имущественное и социальное расслоение отразилось на бытовых условиях казахов — юрты богатых кочевников стали сильно контрастировать с жилищем бедных. При этом юрты бедняков отличались лишь скудностью утвари и убранства, но никак не уровнем чистоты и порядка.

С 1830-х гг. букеевские казахи переходят к активному сооружению оседлых жилищ на зимовках. А со второй половины XIX в. этот процесс стал системным и сопровождал переход кочевников к полуоседлости. В 1862 г. вдоль Иртыша было выстроено более 300 стационарных казахских домов. Число оседлых жилищ в Акмолинской области возросло с 4797 в 1859 г. до 9656 в 1863 г. В это время две трети хозяйств Внутренней орды имели постоянные постройки на зимовках [1, с. 39–40].

Конечно, возведение стационарных жилищ определялось распространением среди казахов земледелия и укреплением отношений с оседлыми соседями, первые дома на зимовьях возводились с учетом традиции. Это были жилища юртообразного сооружения (шошала, жер-кепе) и землянки. Поэтому заявление о серьезном внешнем влиянии в этой части было бы преждевременным.

По-иному складывалась ситуация с деревянным строительством в местностях, где казахи уже продолжительное время взаимодействовали с русскими. В Кокчетавском, Атбасарском, Акмолинском, Баянаульском и Каркаралинском округах в 1862 г. насчитывалось 1672 деревянных дома, а в 1863 г. — 2016. К 1880 г. в безлесом Тургайском уезде казахи выстроили 230 срубов. В 1900 г. в Усть-Каменогорском уезде был 4091 деревянный дом, в Семипалатинском — 6775, в Зайсанском — 1608 [1, с. 51]. Вполне естественно, что хозяевами этих срубов были состоятельные казахи, а возводили их приглашенные русские и татарские мастера.

Современники отмечали, что казахи, проживавшие вблизи городов, постепенно стали менять юрту на стационарное жилище в условиях зимнего времени. Б. Юзефович в 1880 г. сообщает: «В Илецком уезде нет ни одного киргиза, зимующего в кибитке. Громадное большинство их зимует в землянках. Некоторые же строят себе деревянные дома, заключающие в себе уже кое-какой комфорт. Мне случилось видеть несколько киргизских усадеб в Илецком уезде, напоминающих собою усадьбы мелких помещиков. Подобных крупных деревянных усадеб в Илецком уезде сорок пять. Маленьких деревянных усадеб в Илецком уезде до двухсот. В деревянных постройках преимущественно селятся жители приуральских волостей, по случаю близости леса, следовательно, недостаток леса представляет почти исключительное условие недостатка более долговечных и удобных построек у киргизов Илецкого уезда» [9, с. 810]. Автор не только отмечает значительное распространение русской оседлой культуры на кочевников, но и подчеркивает, что это влияние было бы более мощным, если бы не сдерживалось недостатком природных ресурсов.

Стремясь облегчить свои бытовые условия зимой, казахи вовсе не желали отказываться от юрты, сопровождавшей их в другое время. Землянки и даже более или менее комфортабельные дома не могли полностью вытеснить из народного обихода юрту, бывшую своего рода этническим идентификатором казахского общества. То же применимо и к казахской домашней утвари.

Расширенное проникновение русской бытовой культуры, обусловленное в том числе развитием товарности казахского хозяйства, привело к распространению в кочевой среде русской посуды (фаянса и фарфора, самоваров, сковород), зеркал, сундуков, предметов мебели. Кровати, комоды, шкафы, столы, стулья, тарелки, ложки и вилки можно было встретить в богатых семьях, тесно связанных с городской жизнью. Керосиновые лампы постепенно заменяли жировые светильники. Об употреблении вилок для потчевания европейских гостей говорит Б. Юзефович. Он же сообщает о том, что казахи Илецкого и Николаевского уездов вполне переняли у русских обычай чаепития со сладостями (сахаром), без чего уже и не представляли своей повседневной жизни [9, с. 821, 823].

Однако в казахской повседневности европейские манеры и предметы обихода широкого распространения не имели. Тот же Б.М. Юзефович отмечал, что только «...богатые киргизы нередко делают вам любезность, предлагая стул, которые они держат, очевидно, для посетителей европейцев» [9, с. 820]. Какие бы предметы ни входили в казахский обиход, как бы ни трансформировалось жилище кочевников, основные предметы убранства в стационарные дома переходили из юрты. «Порядок их расположения несколько изменился, причем, очевидно, еще не сложился в прочную традицию, но в отличие от юрты строгого расположения вещей не соблюдалось» [1, с. 64].

Сведения, собранные Н.А. Томиловым, подтверждают, что русский язык более быстрыми темпами распространялся там, где казахи оказывались на собственно российской территории, то есть в сфере устойчивого функционирования имперской административной системы и более развитых экономических отношений. «По данным 1897 г. среди казахов Тобольской губернии 7309 чел. род-

ным назвали казахский, 206 — татарский и 31 чел. — русский язык. И хотя последняя цифра кажется незначительной, она свидетельствует, что наибольшие этноязыковые ассимиляционные процессы у казахов со стороны русских все же имели место» [8, с. 298–299]. Отмечая, что после принятия казахами российского подданства начались процессы их хозяйственно-культурного и бытового сближения, автор обращает внимание на постепенное распространение в казахской среде земледелия. Так, чуть более чем за 10 лет с 1897 до 1908 г., количество казахских хозяйств, занимавшихся земледелием в Омском уезде Акмолинской области, возросло с 3,3 до 27%, что сопровождалось появлением и новых сельскохозяйственных орудий. А в прочно освоенных русскими Ишимском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии на рубеже веков подавляющее большинство казахов называли земледелие своим основным занятием [8, с. 299].

Среди казахских нагрудных ювелирных украшений конца XIX — начала XX в., представленных в Государственном музее искусств Казахстана имени А. Кастеева (г. Алма-Ата), находятся предметы, в которых в качестве звеньев цепи и подвесок использованы российские серебряные монеты имперского периода. Эти мотивы можно встретить и в коллекции Государственного музея Востока в Москве — казахские нагрудные украшения конца XIX — начала XX в. (27947 КП; 27979 КП) [6, с. 130–133]. Аналогичные казахские подвески хранятся и в коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (2342-18/1, 2342-18/2). Там же можно найти киргизскую женскую серьгу, выполненную из 50-копеечной монеты периода правления Николая II (7561-1/1), казахскую амулетницу тумар с подвесками из трехкопеечных царских монет (2342-15), буквально усыпанное серебряными монетами оригинальное украшение для женской косы (2342-3), датированные все тем же периодом. В качестве декоративных элементов серебряные монеты царской чеканки использовались в отделке казахского головного убора саукеле, подвесок шлопылар и наконечников украшений из собраний Российского этнографического музея, Центрального Государственного музея Республики Казахстан, Музея археологии Национальной академии наук Республики Казахстан [4, с. 136, 182, 183].

Несмотря на кажущееся обилие примеров, их нельзя считать репрезентативными, ибо, во-первых, их число незначительно в сравнении с подобными предметами, выполненными без использования российских монет, а во-вторых, монеты царской чеканки лишь замещают чеканные жетоны и иные региональные монеты, традиционно использовавшиеся в качестве вставок и подвесок. Более того, присутствие российских монет никоим образом не влияет ни на конструкцию, ни на художественные особенности ювелирных изделий. Прочее же присутствие российского элемента в ювелирном искусстве казахов имперского периода установить не удалось. Таким образом, можно утверждать, что в этом направлении русское культурное влияние было весьма ограничено.

Здесь уместно заметить, что среди нескольких десятков казахских игрушек рубежа XIX и XX столетий, копирующих одежду, юрту, ее убранство и предметы народного обихода, лишь одна игрушка начала XX в. из коллекции Музея антропологии и этнографии — игрушечный диван (1287-75) — имеет инокультурное происхождение.

Что касается других видов народного творчества, исследователи отмечают, что различие в музыкальной трактовке радостных и трагических сюжетов между казахской и русской музыкой стирается лишь во второй половине XX в. [2, с. 89–90]. И хотя в тексты народных песен XIX столетия все же проникают новые персонажи (например, волостной управитель, жестокий русский владелец) [2, с. 131, 133], российское влияние на ту же казахскую песенную традицию, как представляется, не выходило за рамки отдельных сюжетов.

Проведенный обзор научных исследований и этнографических артефактов убеждает в том, что российское культурное влияние на повседневность казахов в имперский период было минимальным. Исследователи отмечают, что российское влияние на традиционное искусство народов региона сводилось к проникновению новых технологий и материалов, практически ничего не менявшему в содержании местных произведений [5, с. 188]. Лишь применительно ко второй четверти XX в. можно говорить о начале заметного влияния инновационных элементов на жизнь большей части населения Центральной Азии. А со второй половины столетия пошел процесс превращения новаций в культуре коренного населения региона «...сначала в инновационные явления, а затем при функционировании инновационных явлений на протяжении нескольких поколений в традиционные явления культуры» [8, с. 383]. Иными словами, применительно к периоду Российской империи у нас нет оснований говорить о сколько-нибудь существенном культурном влиянии пришлого населения (россиян) на повседневность казахов, проживавших вне городов и не вовлекавшихся активно в российские торгово-экономические отношения. Лишь представители коренного населения, проживавшие в крупных населенных пунктах, где дислоцировались российские военные части или располагалась импер-

ская администрация, местные торговцы и лица, состоявшие на государственной службе и общественных должностях, более активно вовлекались в инокультурные процессы и в большей степени подвергались российскому культурному воздействию. Но часто это был выбор самих реципиентов.

Литература

1. Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. — Алма-Ата: Наука, 1989. — 179 с.
2. Ерзакович Б.Г. Песенная культура казахского народа: Музыкально-историческое исследование. — Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1966. — 401 с.
3. Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда // Букеевской орде 200 лет. — Кн. 4. — Алматы: Өлке, 2001. — С. 90–146.
4. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. — Т. 1. Алма-Ата: Өнер, 1986. — 251 с.
5. Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. — М.: Искусство, 1967. — 327 с.
6. Сычева Н.С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX в.: Из собрания Государственного музея искусств народов Востока. — М.: Советский художник, 1984. 179 с.
7. Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Букеевской орде 200 лет. Кн. 4. — Алматы: Өлке, 2001. — С. 155–198.
8. Томилов Н.А., Ахметова Ш.К. Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. — Омск: Наука, 2013. — С. 298–299.
9. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. — 1880. — № 4. — С. 799–832.

Сведения об авторе:

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОСЕДЛОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Ю.А. Лысенко

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье на основе разноплановых исторических источников рассматривается модель налогообложения русских крестьян Степного края и Туркестана в пореформенный период. Отмечается, что на формирование данной системы существенное влияние оказывала позиция центральных органов власти, нацеленная, с одной стороны, на увеличение темпов крестьянской колонизации региона, с другой — на повышение его рентабельности.

TAXATION OF THE SETTLED AGRICULTURAL POPULATION OF THE CENTRAL ASIAN SUBURBS OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES)

Yu.A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article considers the model of taxation of Russian migrant peasants of the Steppe region and Turkestan in the post-reform period on the basis of diverse historical sources. It is noted that the formation of this system was significantly influenced by the position of the central authorities, aimed on the one hand at increasing the pace of peasant colonization of the region, on the other — at hanging its profitability.

Как известно, заселение и земледельческое освоение Степного края и Туркестана во второй половине XIX — начале XX в. было связано, в первую очередь, с крестьянским переселением. Процесс колонизации региона сопровождался постепенным формированием основ и принципов переселенческой политики, основанных на понимании властями имперской ситуации и учета текущих возможностей. До 1890-х гг. казахская степь выступала в основном в качестве резерва для осуществления будущих аграрных преобразований. Общая направленность деятель-

ности местных органов государственной власти ввиду отсутствия общего переселенческого плана сводилась к вопросам поземельного устройства мигрантов, разрешения земельных конфликтов с казахским населением, организации изыскательских работ по размежеванию земельных участков [6, с. 3; 7, с. 8].

Данными обстоятельствами объясняется и налоговая политика государства в отношении переселенцев. На основании закона 13 июля 1889 г. «О переселении на казенные земли» переселенцы не облагались подушной податью и освобождались от выплаты всех сборов и арендных платежей за отведенные земли в областях Степного края на 5 лет; в последующие затем три года переселившиеся облагались сборами и платежами в половинном размере [4, с. 61–68].

Со строительством Транссибирской магистрали и завершением формирования административных учреждений Степного генерал-губернаторства Казахская степь превратилась в основной переселенческий район Западной Сибири. Это в условиях дальнейшего структурирования переселенческого и аграрного законодательства открывало широкие возможности для роста численности податного населения и повышения налоговых поступлений и рентабельности региона.

В связи с этим в ст. 324–342 Степного положения 1891 г. в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях устанавливался временный оклад оброчной подати 30 коп. с десятины удобной земли на три года — 1892–1895 гг. Однако отсутствие данных о качестве и количестве земельных ресурсов привело к тому, что размер данного временного оклада приобрел статус постоянного и не изменялся фактически до 1904 г. [3, л. 27].

Данная ситуация не устраивала фискальные органы, которые были крайне заинтересованы в росте рентабельности региона. На рубеже XIX–XX вв. Министерством финансов было принято решение изменить порядок определения оброчной подати — она становилась раскладной. Суть реформы заключалась в том, что для каждой области Степного края устанавливались средние оклады оброчной подати, общая ее сумма спускалась на область и затем распределялась внутри нее путем раскладки. Средний размер оброчной подати составил 30 коп. с десятины удобной земли и изменялся в зависимости от разных условий при разверстке подати как между уездами, так и внутри них. Новый механизм раскладки оброчной подати был юридически закреплен на основании специальной Инструкции о порядке раскладки оброчной подати, которая постепенно была введена в регионе, начиная с 1906, заканчивая 1908 г. [3, л. 27об.].

Следует отметить, что в условиях набиравшей ход миграции крестьян-переселенцев в Степной край в первые годы столыпинской аграрной реформы государство сохраняло для них налоговые льготы. Так, согласно Правилам о переселении на казенные земли 1906 г., переселенцы Степного края освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов на 5 лет, а в последующий затем пятилетний срок облагались сборами в половинном размере. В Закаспийской области переселенцы освобождались от казенных и земских сборов на 10 лет [4, с. 10–38].

Бесперебойному поступлению оброчной подати в Степном крае часто мешали неурожаи и плохой сбыт скота. Начиная с 1900-х гг. несвоевременное поступление оброчной подати и рост недоимок стали обыденным явлением в Степном крае. Главными причинами недоимок, по мнению податных инспекторов Степного края, выступали: неурожаи, неадаптированность крестьянских хозяйств к местным почвенно-климатическим условиям, отсутствие у крестьян умений и навыков работы в условиях засушливости и резкой континентальности, «совершенная индифферентность властей и сельских обществ к делу взимания окладных сборов» и непринятие региональной администрацией действенных мер к улучшению ситуации в сфере сбора налогов, «непорядки в области счетоводства и отчетности по окладным сборам в селениях и волостях» [5, с. 209]. Следует отметить, что в сложившихся условиях принудительных мер взыскания оброчной подати сельскими обществами не проводилось.

В Туркестанском генерал-губернаторстве крестьяне-переселенцы оброчную подать не выплачивали. По Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. уволенные в запас нижние чины войск Туркестанского военного округа освобождались от оброчной подати на 10 лет, водворенные в крае переселенцы — на 5 лет. По истечении этого срока в течение последующих 5 лет налог выплачивался в половинном размере. Региональные власти в лице туркестанских генерал-губернаторов считали, что и этих льгот для русских переселенцев недостаточно, их налоговый статус должен был подчеркивать их социальное превосходство над оседлым и кочевым коренным населением Туркестана [3, л. 14–14об.].

Однако общий правительственный курс на повышение рентабельности центральноазиатских окраин России требовал принятия иных решений. Вопрос об обложении крестьян-переселенцев Туркестана поземельным налогом был возбужден вновь в 1901 г. в связи с обсуждением Министерством

финансов и Военным министерством новой редакции Правил 1889 г. о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. Туркестан готовили к открытию для переселения. Петербургские чиновники считали «ненормальным» дальнейшее освобождение переселенцев от обложения в пользу казны». Учитывая отсутствие данных о доходности отведенных земель, в 1902 г. в отношении русских переселенцев региона была введена временная оброчная подать, размером 30 коп. с десятины, по аналогии с размером оброчной подати в Степном крае [3, л. 14–14об.].

В начале XX в. была сформулирована задача экономического освоения, эксплуатации ресурсов и геополитического закрепления Центральной Азии — ее колонизации путем планомерного и регулируемого законами заселения переселенцами из центра России, которые бы стали движущей силой экономического развития региона. С целью увеличения численности крестьянского населения в Туркестане в условиях нехватки земель на высшем уровне было принято решение о введении в сельскохозяйственный оборот новых земель путем их орошения. Составленные к началу Первой мировой войны проекты орошения предполагали охват 940 тыс. десятин, их реализация требовала колоссальных финансовых вложений [1, с. 30, 35].

Утвержденный Советом министров новый проект о переселении в Туркестан на орошаемые земли 1913 г. был рассчитан на то, государственные вливания в орошение региона окупятся за счет гибкой системы налогообложения крестьян. Так, на основании закона предлагалось раздавать земли в подворно-наследственное пользование и отбирать у тех, кто не приступил к их обработке в течение трех лет. Законом предусматривалось сокращение льготного периода налогообложения по казенным, земским и мирским сборам с 10 до 2 лет. В последующие два года их планировалось взимать в половинном размере [2, с. 1267].

Общая оценка затрат на орошение к тому времени повысилась до 8 млн 851 тыс. руб., в итоге расходы на орошение одной десятины земли были оценены в 155 руб. Указывалось, что ежегодная плата переселенцев должна была носить характер платы не за землю, а за орошение. Срок возмещения затрат казны на орошение не должен был быть слишком значительным — его установили в 20 лет по водворении поселенцев, чтобы в первые годы платежи были ниже, чем в последующие: в первые шесть лет — по 5 руб. с орошенной десятины, следующие пять лет — по 10 руб., и в последние пять лет — по 15 руб. Помимо этого, переселенцы, согласно проекту, должны были с первого же года после заселения платить сбор в 3 руб. с десятины в возмещение расходов по содержанию и ремонту оросительных систем и гидротехнических сооружений, а также оброчную подать в 30 коп. с десятины. По расчетам ведомства, при доходности с десятины в 65 руб. спустя четыре года казенные сборы в 8,3 руб. не могли считаться чрезмерными [2, с. 1268].

В 1913 г. Государственная дума одобрила законопроект, но начавшаяся Первая мировая война значительно сдерживала темпы его реализации. Таким образом, можно констатировать, что повысить финансовую доходность Туркестана за счет увеличения налогообложения крестьян-переселенцев в регионе не удалось.

Литература

1. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. — СПб., 1912.
2. Мамаев А. Имперский проект заселения Голодной степи // *Quaestio Rossica*. — Т. 7. — 2019. — № 4. — С. 1261–1273.
3. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 425.
4. Сибирские переселения. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов. — Новосибирск, 2006.
5. Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сборник документов. — Новосибирск, 2010.
6. Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику кочевого аула Степного края второй половины XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2009.
7. Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX — начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. — 2015. № 1 (33). — С. 3–14.

Сведения об авторе:

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: iulia_199674@mail.ru

**АНАЛИЗ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН
РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ ОБЛАСТЕЙ**

М.В. Рыгалова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180)

Формирование и развитие системы образования, включенность в нее коренного населения центрально-азиатских окраин Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. является одним из ключевых показателей комплексной социально-экономической оценки региона, готовности и включенности его в процесс модернизации. Основным источником исследования являются обзоры девяти областей, включенных в состав региона (как самостоятельный источник и как приложение к отчетам губернаторов). Результаты исследования (формирование сети школ для коренного населения и рост количества учащихся) позволяют заключить, что государственная политика в области образования отличалась отсутствием жесткой ломки традиционных устоев, однако продуманной, направленной на сближение его с русским населением с целью дальнейшего включения во все процессы общественного развития.

**ANALYSIS OF THE PRIMARY EDUCATION SYSTEM OF THE INDIGENOUS
POPULATION OF THE CENTRAL ASIAN REGIONS OF RUSSIA
IN THE SECOND HALF XIX-BEGINNING XX CENTURY
ON THE MATERIALS OF REVIEWS OF THE REGIONS**

M.V. Rygalova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Formation and development of the education system, the inclusion in it of the indigenous population of the Central Asian outskirts of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries. is one of the key indicators of a comprehensive socio-economic assessment of the region, its readiness and involvement in the modernization process. The main source of the study is the reviews of the nine regions included in the region (as an independent source and as an appendix to the reports of the governors). The results of the study (the formation of a network of schools for the indigenous population and an increase in the number of students) allow us to conclude that the state policy in the field of education was distinguished by the absence of a rigid breakdown of traditional foundations. But at the same time it was thought out, aimed at bringing it closer to the Russian population with the aim of further inclusion in all processes of social development.

Территория центральноазиатских окраин России представляет интерес для исследователей в связи с особенностями формирования и трансформациями различных сфер общественного, политического, экономического, культурного развития в составе Российской империи. Формирование системы образования является одним из ключевых направлений развития этих территорий во второй половине XIX — начале XX в., поскольку непосредственно затрагивает различные аспекты (язык, культуру, традиции, уровень образованности населения и проч.).

В историческом контексте Центрально-Азиатский регион Российской империи имеет особенности. Они связаны, прежде всего, с тем, что на территории Туркестана и Степного края во второй половине XIX — начале XX в. проживала большая доля коренного населения, что существенно сказывалось на развитии региона. Этот факт во многом определял государственную политику в отношении территорий, связанную с русификацией, христианизацией населения. На окраинных территориях не сложилось местной интеллигенции, которая была способна участвовать в управлении. Низкая грамотность среди инородцев затрудняла успешную деятельность администрации. Показательны следующие данные по уровню грамотности, отражающие ситуацию с образованностью коренного населения: из 35 письмоводителей при волостном управлении в Тургайской области в 1870-е гг. не было ни одного казаха, из 645 должностных лиц общественного киргизского управления лишь 18 владели русским языком, из 74530 человек Иргизского уезда лишь 11 знали русский язык [20, с. 25–26].

В 1860-е гг. государство начинает выстраивать систему образования окраинных территорий империи. Некоторые инородцы понимали, что знание русского языка открывает доступ к выгодным должностям, следовательно, стремились к обучению [20, с. 17]. Образ жизни инородцев был связан с постоянными перекочевками, в этой связи необходимо было найти подходящую модель образова-

ния. Вместе с тем процессы модернизации способствовали постепенной трансформации традиционных форм кочевого образа жизни [5, с. 228].

Понимание необходимости скорейшей интеграции инородцев в общероссийскую среду способствовало созданию сети, включающей русско-казахские школы (русско-туземные, русско-киргизские) в городах и крупных населенных пунктах и аульные школы на отдаленных территориях, вблизи кочевков инородческого населения. Они создавались как альтернатива мусульманским медресе и мектебе, в которых обучение было построено по принципу механического заучивания богослужебных текстов на арабском языке. В некоторых мектебе ученики по несколько лет не могли научиться писать. Система была выстроена таким образом, что до тех пор, пока все ученики не усвоят материал, обучение не продолжалось. Поэтому курс мог длиться 6-8 лет, причем без особых успехов [23, с. 105–106; 26, с. 68]. На рубеже XIX–XX вв. мусульманские школы по уровню образования уже отставали от развития экономики и общества в целом. Знаний, полученных в школах, было недостаточно для жизни, их невозможно было использовать в повседневной практике.

Идея организации школ совместного обучения русских и инородцев возникла из необходимости обучения последних русскому языку с целью усвоения школьной программы и возможности получения дальнейшего образования. В обзорах областей часто встречаются сведения о трудностях в обучении, связанных с языковым барьером: учителя не знают язык инородцев, ученики, в свою очередь, не владеют русским языком. Иногда в школах работал переводчик, потому что учитель не знал языка, но такие случаи были, конечно, единичными [15]. Однако главным и системным решением проблемы стало совместное обучение инородцев и русских детей путем создания русско-казахских (русско-киргизских, русско-туземных) школ.

Первоначально такие школы открывались с пансионатами (интернатами) при них с целью проживания на период обучения казахов, оторванных от родного дома. Предполагалось, что интернаты будут способствовать приучению инородцев к оседлому образу жизни. Однако они показали свою неэффективность и непопулярность и уже в 1880-е гг. преобразованы в сельскохозяйственные школы. Женские интернаты были закрыты в связи с тем, что не пользовались спросом у казахов, в учреждении женских интернатов традиционному обществу виделась ломка семейных устоев [25, с. 406–409].

При анализе количества казахских детей, обучавшихся в русско-киргизских и русско-аульных школах Степного края, в Акмолинской области в период 1895–1914 гг. отмечено увеличение учащихся почти в девять раз (со 180 до 1552 человек), [6, с. 121–122; 7, с. 144–150] в Тургайской в 1891–1907 — в пять раз [21, с. 27–28; 22, с. 39]. Стремительный рост в начале XX в. наблюдается среди учащихся аульных школ Семипалатинской области (с 1902 г. по 1911 г. количество учащихся увеличилось с 132 до 744, т.е. более чем в пять раз [12, с. 134–135; 14, с. 113].

Незначительные успехи в образовании инородцев вынуждали власть искать новые формы учебных заведений, так для распространения образования среди казахского населения на отдаленных территориях создаются аульные школы, соответствующие программе сельских училищ. На аульные школы возлагались задачи «сближения с русским народом на почве любви к общему отечеству» [3, с. 19]. Массовое открытие начальных инородческих школ происходит после 1907 г., когда вышел проект о введении всеобщего образования в Российской империи, затронул он и окраины страны. Это видно из статистических данных по областям: в Акмолинской области в 1902 г. работали 6 школ (122 учащихся), в 1912 г. общее число школ составило уже 53 (870 учащихся). В 1914 г. в одной только Омской волости работало 8 аульных школ [27, с. 125–126].

Проследить количество учащихся в аульных школах по источникам не удастся, поскольку часто сведения даны обрывочно, отсутствуют или даны в интервалы, не позволяющие сравнивать информацию. Однако отметим значительную разницу в количестве аульных школ на территории Степного края (в Тургайской области), где число школ более 100 и в Туркестане (Сыр-Дарьинская область), где общее количество аульных школ составляло лишь несколько десятков. При этом население Сыр-Дарьинской области по Переписи 1897 г. было значительно больше, чем в Тургайской [1, с. 6–8].

Для подготовки кадров для русско-казахских и аульных школ в семинариях выделялись места для коренного населения областей. В Омской семинарии ежегодно обучались несколько казахов за счет стипендии Степного губернатора или стипендии казахских обществ. Здесь организованы занятия ручного труда, потому что они были востребованы в русско-казахских и аульных школах [2, с. 155]. Казахи жили в пансионате при семинарии. Их успеваемость была крайне низкой, часто они бросали обучение. Это было связано, по утверждению современников, в том числе с необходимостью выполнения обязательного условия: после окончания обучения отработать 4 года в начальном училище по месту назначения, условия труда и проживания в которых были крайне неудовлетворительными [24, с. 119]. Также по данным на 1887 г. 29 из 53 стипендиатов местного общества Тургайской области обучались в учительской школе [20, с. 25–26]. Недостаточное количество выпускников учитель-

ских семинарий привело к тому, что с 1901 г. стали открывать новый тип профессиональных учебных заведений — педагогические классы, курс обучения в которых составлял 2 года, в них принимались выпускники 2-классных училищ. Однако выпускники педагогического класса также обязаны были отслужить в аульных школах 4 года. Такие меры частично позволили решить проблему нехватки учительских кадров в сфере инородческого образования. Однако неоднократно поднимался вопрос открытия учительских семинарий в областях региона. В результате в начале XX в. учебные заведения открыты в Семипалатинске (1903 г.), в Акмолинске (1916 г.). Также открываются педагогические курсы при городских училищах (в 1904 г. при Верненском городском училище [18, с. 112], в 1910 г. при Атбасарском двухклассном русско-казахском училище). На курсы принимались инородцы и русские, знающие казахский язык. В результате деятельности всех типов педагогических учебных заведений проблему подготовки учителей для инородческих школ региона удалось если не решить полностью, то значительно смягчить [27, с. 126–127].

Несмотря на выстраивание системы образования властями, в источниках описаны примеры неудовлетворительного обучения. Так, в Наманганской русско-туземной школе, открытой в 1886 г., первый выпуск состоялся лишь в 1908 г., спустя 21 год ее окончили 10 человек. В Скобелевской за 10 лет полный курс прошли 5 человек. В двух Кокандских школах с 1895 по 1910 г. из двух школ выпустилось 112 человек. Часто инородцы посещали школы не более 1 года, а получив элементарные навыки письма и счета, уходили в связи с необходимостью работы, из-за нехватки средств на обучение, из-за отсутствия понимания необходимости в образовании [17, с. 43–50]. Неграмотных среди туземцев Закаспийской области по данным на 1913 год было 88,6% [11, с. 121–122].

Неблагоприятными условиями для развития школ стали отсутствие помещений, проблемы с отоплением, непонимание населением необходимости в обучении, недоверие к русской школе [13, с. 113].

Несмотря на неоднозначные оценки со стороны традиционного казахского общества, в ряде областей к русско-туземному и аульному образованию увеличивается интерес именно со стороны самого коренного населения окраин преимущественно на тех территориях, через которые проходила торговля и развивалась промышленность, например, в Сыр-Дарьинской, Закаспийской областях. Местные общества понимали, что для занятия торговлей, промышленностью, для поступления на государственную службу нужно знание русского языка. Согласно государственной регламентации, после окончания обучения инородцы могли поступать на государственную службу в первую очередь, однако на практике это положение редко соблюдалось [8, с. 182; 19, с. 174; 22, с. 114–116].

Однако аналитические данные источников весьма противоречивы. В Обзоре Закаспийской области за 1904 г. имеются сведения о том, что туземцы относятся к школам, как к отбыванию повинности, учатся с неохотой [11, с. 186; 12, с. 132]. В то же время местная интеллигенция выступала с инициативой открытия школ и распространения образования. Например, в 1896 г. волостные киргизские общества Пишпекского уезда постановили основать несколько школ для обучения детей [19, с. 64]. В Мервском уезде Закаспийской области в 1905 г. на общественные средства в размере более 12 тыс. руб. построена русско-туземная школа [10, с. 138]. Одной из важных причин, сдерживающих распространение русского языка через систему начального школьного образования среди населения и обучения в целом, исследователи называют большую доступность мусульманской школы [4].

Вместе с тем анализ обзоров областей Степного края и Туркестана позволяет установить факт складывания системы образования, целенаправленно ориентированной на коренное население, особенности его быта, а также развитие сети образовательных учреждений. Статистические данные показывают, что к началу XX в. коренное население школьного возраста начинает включаться в образовательную деятельность как под влиянием планомерной государственной политики, так и под воздействием социально-экономических изменений, вызванных процессами модернизации в Российской империи.

Литература

1. Города и поселения в уездах, имеющих 2000 и более жителей. — СПб.: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. — 108 с.
2. Извлечение из отчетов попечителя Западно-Сибирского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887 год. — Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1889. — 213 с.
3. Инородческая школа: сборник статей. — Петроград: Типография Н.П. Карбасникова, 1916. — 264 с.
4. Лысенко Ю.А., Рыгалова М.В., Егоренкова Е.В. Русский язык как механизм интеграции Степного генерал-губернаторства России в общеимперское пространство (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2021. — № 1. — С. 154–163.

5. Лысенко Ю.А., Тарасова Е.В., Анисимова И.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XVIII — начало XX в.). — Барнаул, 2014. — 272 с.
6. Обзор Акмолинской области за 1895 год. — Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1897. — 136 с.
7. Обзор Акмолинской области за 1914 год. — Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1915. — 152 с.
8. Обзор Закаспийской области за 1903 год. — Асхабад: Закаспийский областной статистический кабинет, 1904. — 298 с.
9. Обзор Закаспийской области за 1904 год. — Асхабад: Закаспийский областной статистический кабинет, 1905. — 321 с.
10. Обзор Закаспийской области за 1905 год. — Асхабад: Закаспийский областной статистический кабинет, 1907. 555 с.
11. Обзор Закаспийской области за 1912–1914 гг. — Асхабад: Закаспийский областной статистический кабинет, 1916. — 543 с.
12. Обзор Семипалатинской области за 1902 год. — Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1903. — 144 с.
13. Обзор Семипалатинской области за 1907 год. — Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1908. — 130 с.
14. Обзор Семипалатинской области за 1911 год. — Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1913. — 124 с.
15. Обзор Семиреченской области за 1883. — Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1884. — 116 с.
16. Обзор Семиреченской области за 1898 год. — Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1899. — 192 с.
17. Обзор Семиреченской области за 1903 год. — Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1899. — 203 с.
18. Обзор Семиреченской области за 1906 год. — Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1907. — 175 с.
19. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 год. — Ташкент: Тип. при канцелярии Туркест. Генерал-губернатора, 1913. — 329 с.
20. Обзор Тургайской области за 1887 год. — Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1888. — 30 с.
21. Обзор Тургайской области за 1891 год. — Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1892. — 84 с.
22. Обзор Тургайской области за 1908 год. — Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1909. — 367 с.
23. Обзор Ферганской области за 1904 год. — Новый Маргелан: Тип. Ферган. обл. правления. 171 с.
24. Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. — Омск, 2007. — 204 с.
25. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XVIII — начало XX в.): сборник документов и материалов / сост. Ю.А. Лысенко, Е.В. Тарасова, И.В. Анисимова, М.В. Стурова. — Барнаул, 2014. — 582 с.
26. Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. — Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1908. — 93 с.
27. Чуркина Н.И. Иностранное образование в Омском Прииртышье в контексте задач имперской политики второй половины XI — начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — № 4 (20). — С. 125–126.

Сведения об авторе:

Рыгалова Мария Владимировна, кандидат исторических наук, лаборант-исследователь отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

РУССКО-ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

А.А. Джумагулова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья посвящена исследованию актуальной темы, периода начала распространения русско-туземных школ на территории нынешнего Кыргызстана. Цель открытия туземных школ, их значение для местного населения. «Юрточные школы», русско-туземные школы, медресе — отличие в направленности обучения, уровень знаний, получаемых в этих школах. Русско-туземные школы — первый этап процесса русификации населения Туркестана. Выпускники русско-туземных, как первая кыргызская интеллигенция, последующая деятельность которых дала возможность народным массам интегрироваться в мировую культуру.

RUSSIAN-NATIVE SCHOOLS IN KYRGYZSTAN

A.A. Dzhumagulova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article is devoted to the study of an actual topic, the period of the beginning of the spread of Russian-native on the territory of present-day Kyrgyzstan. The purpose of the opening of native schools, their importance for the local population. «Yurt schools», Russian-native schools, madrassas — the difference in the direction of education, the level of knowledge obtained in these schools. Russian-native schools are the first stage in the process of Russification of the

population of Turkestan. Graduates of the Russian-native, as the first Kyrgyz intelligentsia, whose subsequent activities made it possible for the masses to integrate into world culture.

Население Кыргызстана, находившегося под российской колонизацией, в конце XIX — начале XX в. переживало культурный поворот. В связи с территориально-административным устройством администрация Российской империи сочла необходимым создание начальных школ, где могло бы обучаться и местное население.

В 1870-х гг. была создана специальная комиссия, которая разработала основы просвещения в Туркестане, а 29 мая 1875 г. было утверждено Положение. В 1878 г. в Азиатском регионе был создан единый руководящий орган для управления государственным образованием. Основной целью школ было обучение местного населения русскому языку, распространение русской культуры в регионе, подготовка переводчиков и почтальонов, необходимых для русской администрации [1].

Большинство дореволюционных мусульманских школ на территории Кыргызстана были преимущественно исламскими. Несмотря на различные мнения, религиозное образование в «Юрточной школе» прививало нравственность через изучение Корана, шариата, различных легенд и историй о пророках и святых, изучение арабского алфавита, письма, элементарной грамотности стало прорывом в преодолении невежества кыргызского народа. Можно сказать, что в нашем кочевом обществе существовала хотя бы небольшая практика преподавания. С. Байгазиев описал сцену с английским путешественником Д. Вудом, который приехал в Туркестан в 1930-е гг. из киргизской школы: «Когда мы вошли в юрту, старый мулла учил детей. Некоторые дети учатся писать на доске. В то же время другие жужжат, как пчелы, их покрывала смазаны маслом, и они заучивают тексты из разорванного Корана» [2]. «Юрточные школы», в которых обучают «азбуке» мусульманской грамотности, можно охарактеризовать как первый шаг к просвещению в Кыргызстане.

Наряду с этим религиозным направлением просвещения в Ала-Тоо в конце XIX и начале XX в. возникло второе новое направление образования, которое постепенно начало пользоваться своими правами. Мы можем рассматривать это новое направление и его практику как второй шаг в нашем национальном просвещении.

Вторая половина XIX в. была периодом активизации процесса завоевания территории Кыргызстана Российской империей. На кочевых киргизов большое впечатление произвела конфронтация Кыргызстана с Россией и противостояние с другими цивилизациями, сосуществование с ними как государства, их школа, методы управления, управления и другие подобные изменения в обществе.

Язык является важной частью национального самосознания любого народа. Поэтому во все времена страны-завоеватели пытались насаждать в первую очередь свой язык и свою культуру. Появление русско-туземных школ несло для местного населения не только возможность приобщения к знаниям, но и опасность утери значимости своего языка и культурных традиций.

Ведущие кыргызские деятели начали задумываться о преимуществах научной школы перед школой религии. Конечно, отчасти это было связано с открытием русских, русскоязычных школ для детей русских и украинских иммигрантов на киргизских землях в 1870-х гг. и татарских школ в Ала-Тоо в 1880-х гг.

Исторические свидетельства подтверждают полную аннексию Кыргызстана Российской империей и склонность киргизов учить детей русскому языку в то время, когда они жили бок о бок с русским населением как граждане одной страны.

Киргизы считали русский язык необходимостью интеграции в новый порядок времени. Однако колониальное правительство в своих подпольных принципах по отношению к местному населению не намеревалось выполнять желания местных жителей, открывать им дверь к знаниям.

Однако реализация этих принципов преследовала следующие цели: первой большой целью была русификация и ассимиляция местного населения. Как доказательство, в официальных распоряжениях царского министра просвещения России Д.А. Толстого в конце XIX в. говорилось: «Бесспорно, что конечной целью образования народов других рас и национальностей, проживающих на нашей родине, должна быть их русификация и ассимиляция» [3].

Сам процесс внедрения языка доминирующей страны на территории завоеванных стран, каковым является Кыргызстан, ученые называют «русификацией», «обрусением», «американизацией», «обританизацией» и т.п., поскольку колонизация и использование языка как средства постепенной ассимиляции колонизированных народов широко практиковались всеми странами.

Вторая цель заключалась в обучении переводчиков, клерков, мелких чиновников и других необходимых государственных служащих, обслуживающего персонала и чиновников для промышленных, экономических и административных интересов колониальной власти.

Согласно некоторым источникам, безразличие киргизов к пантюркистским и панисламским движениям других тюрко-мусульманских регионов, почти полное отсутствие религиозных школ в киргизском регионе и отсутствие глубоко укоренившихся исламских традиций — все это вносит свой вклад к быстрой русификации и ассимиляции.

Словом, до Октябрьской революции с такими намерениями открылось около 20 русскоязычных школ на севере и юге киргизской территории, в городах и районах. Особенность русскоязычных начальных школ в том, что они открыты для детей местного населения и помимо европейского образования на русском языке изучают учение ислама.

Ученики одной школы переходили из русского класса в мусульманский, и из мусульманского в русский, обучаясь то у муллы, то у русского учителя. Русский язык был обязательным предметом.

Первая русскоязычная школа была открыта в 1884 г. в селе Караконуз Токмоцкого района, где учились 20 дунганских детей и 3 киргизских ребенка. Второй раз она была организована 15 января 1887 г. в Оше. Таким образом, одна за другой на поле в далекой Ат-Башинской долине наконец построили школы в русском стиле.

Следует отметить, что с открытием школ возникают сложности в учебной программе. В этих школах киргизские дети смешивались с детьми узбеков, уйгуров, татар, дунган и других национальностей, а иногда и с русскими детьми. В зависимости от условий русскоязычные школы посещали и дети из бедных русских. По данным А.Э. Измайлова, только в Пишпекском и Пржевальском районах на 1 января 1916 г. в русскоязычных школах обучалось 570 учеников, из них 528 детей местного населения [4].

Финансирование этих школ является обязанностью местного населения. Колониальная администрация не думала о том, чтобы дать детям мусульманского населения лучшее образование. Напротив, они всегда боялись повышения культурного уровня туземцев. Колонизаторы считали, что киргизам достаточно получить базовое образование на начальном уровне.

Эти недостатки указывают на необходимость иного подхода к обучению и разработке учебников для школьных инспекций, создана специальная комиссия под руководством директора государственных школ Сыр-Дарьинской области. Эта комиссия разработала единую учебную программу, новую модель учебной программы. Учебный план новой программы рассчитан на 4 года. Здесь преподавали географию, общественные науки, историю, арифметику и другие предметы.

Таким образом, новая учебная программа была намного более обширной и была более эффективной, чем исходная учебная программа. Однако русские школы сыграли прогрессивную роль в судьбе киргизов, внося ценный вклад в раннее просвещение в Кыргызстане.

Впервые, помимо религии, преподавали такие предметы, как арифметика, география, история, русский язык, рисунок и естественные науки.

Известно, что с 1860-х гг. началась миграция русских и украинцев из европейской части России и Сибири на киргизскую родину, которая постепенно увеличивалась. Так, согласно исследованиям историка Г.К. Кронгардта, к 1914 г. на территории Киргизии появилось 110 русских деревень, количество проживающих в них иностранцев составляло около 122 тысяч человек. Обучать этих иностранцев было долгом правительства.

В 1879 г. Министерство просвещения Российской империи направило генерал-губернатору Туркестана специальный проспект об обязательном обучении детей русского населения в Туркестанской области. Ранее первая приходская русская школа была открыта в 1870 г. в Токмаке местной колониальной администрацией [2].

До Октябрьской революции в каждом селе были приходские и церковно-приходские школы, 1–2-классные и 3–4-классные школы. В городах Пишпек и Пржевальском были русские сельскохозяйственные школы, гимназии и школы для мальчиков и девочек со средним образованием. Гимназии в уездных городах посещали в основном дети российских чиновников и купцов.

В 1898 г. из 58 учеников русской церковно-приходской школы в Сокулук было 15 киргизских детей. По состоянию на 1 января 1899 г. в документе говорится, что 22 местных ребенка учились в двухклассной школе в Пишпек и девять киргизов — в двухклассной школе в Пржевальском [5].

Следует отметить, что с открытием туземных школ широкие народные массы окраин Российской империи получили не только возможность обучения и иным наукам, но и постепенно с новометодными школами стали проникать идеи джадидизма.

Достижения в образовании позволили кыргызским учащимся русскоязычных школ познакомиться с мировой культурой через русский язык. Большинство выпускников работали переводчиками в большевистских учреждениях.

Таким образом, кыргызский народ в последней четверти XIX в. добился больших изменений в народном образовании. Однако следует отметить, что распространение русской литературы через систему образования в Средней Азии (включая Кыргызстан) следует рассматривать как этап историко-культурного развития.

XIX в. стал поворотным для кыргызов. Между тем несмотря на завоевание Кокандским ханством и Российской империи прогресс в цивилизационном смысле был достигнут. Несмотря на то, что только небольшая часть населения начала учиться читать и писать, этот небольшой прорыв «стал маяком света в мире тьмы».

Литература

1. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. 2. — Ч. 1. — М., 1963. — 298 с.
2. Байгазиев С. Алатоодогу агартуучулук тарыхынын кыскача тарыхынын очерки (XVII кылымдан 1917 — жылга чейин). — Бишкек, 2005. — 7 с.
3. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. — Алма-Ата, 1967. — 63 с.
4. Измайлов А.Э. Очерки по истории советской школы за 40 лет. — Фрунзе, 1957. — 283 с.
5. Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. — Фрунзе, 1963. — 64 с.

Сведения об авторе:

Джумагулова Акылай Анаркуловна, старший преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения факультета истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: akylai.zhumagulova@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

И.Б. Бочкарева, О.И. Чекрыжова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00180)

С начала 1890-х гг. государство начинает играть роль основного актора железнодорожного строительства в Российской империи. Особенностью политики государства по развитию железных дорог было преобладание стратегических факторов над экономическими, однако железные дороги сыграли первостепенную роль в ускорении процесса модернизации империи и отдельных регионов. Появление железнодорожного сообщения между Туркестаном и европейской частью России запустило целый комплекс системных изменений в экономике региона: рост товарности, оформление рыночной специализации хозяйства. региона, интеграция в общееимперское пространство.

RAILWAYS AS A FACTOR OF TURKESTAN'S ECONOMIC MODERNIZATION (LATE XIX-EARLY XX CENTURIES)

I.B. Bochkareva, O.I. Chekryzhova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Since the beginning of the 1890s, the state has been playing the role of the main actor of railway construction in the Russian Empire. The peculiarity of the state's policy on the development of railways was the predominance of strategic factors over economic ones, but railways played a primary role in accelerating the process of modernization of the empire and separate regions. The appearance of a railway connection between Turkestan and the European part of Russia launched a whole complex of systemic changes in the region's economy: the growth of marketability, the formation of market specialization of the region's economy, integration into the general imperial space.

В начале XX в. в регионе действовали две железные дороги, построенные на средства казны: Среднеазиатская, шедшая от Красноводска на Каспийском море до Ташкента с ответвлениями, и Ташкентская — от Оренбурга до Ташкента. Анализ финансовых показателей работы двух дорог дает возможность оценить не только состояние железных дорог как экономического института, но и изменения в экономике Центрально-Азиатского региона, вызванные его подключением к общероссийскому рынку. Источниковую базу исследования составили статистиче-

ские данные работы железных дорог, представленные в Ежегоднике министерства финансов за 1902–1914 гг. [3]. Значительный фактологический материал для оценки состояния железных дорог в регионе представлен в материалах ревизии Туркестанского края сенатором К. Паленом в 1908–1909 гг. [7, 8].

Строительство современных средств связи и транспорта являлось условием и в то же время стимулом развития рынка, ускорения процесса специализации и товарности сельского хозяйства региона. Анализ статистических показателей работы Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог с 1899 г. по 1913 г. показывает, что дороги выполняли свою историческую задачу: подключение региона к процессу модернизации. Так, данные перевозки грузов по железным дорогам Туркестанского края показывают положительную прогрессию, а с 1905 г. постоянный поступательный рост объемов грузоперевозки, который составлял в среднем 18,7% по Среднеазиатской железной дороге и 21,7% — по Ташкентской.

Номенклатура товаров, вывозимых по железным дорогам в европейскую часть России, имела аграрно-сырьевой характер. Основными статьями экспорта являлись хлопок, пшеница, шерсть, свежие фрукты, сухофрукты, рыба. В 1900 г. из Ферганской области, основного поставщика хлопка, со станций Среднеазиатской железной дороги было вывезено 2 млн 990 тыс. пудов хлопка, в 1910 г. 5 млн 617 тыс. пудов, шерсти за эти же годы — 18 тыс. и 35 тыс. пудов соответственно [5, с. 64; 10, Приложение 12]. Импорт ожидаемо состоял преимущественно из изделий обрабатывающей промышленности: мануфактура (в основном из Московского мануфактурного района), изделия из железа, строевой лес, сахар, керосин [7, л. 20]. Все отрасли сельского хозяйства Туркестана приобрели товарно-денежную направленность и стали составлять хозяйственную специализацию экономики региона только с появлением железных дорог. Железные дороги играют роль своего рода «осей роста», обеспечивая концентрацию факторов производства в тех населенных пунктах, через которые проходят, либо выступают условием создания новых. Так, рядом со станцией «Аральское море» Ташкентской ж.д. уже в 1907 г. образовался рабочий поселок на 1500 чел., специализирующийся на ловле рыбы [7, л. 21], а сама станция стала основным транзитным пунктом вывоза рыбы из региона в Россию. В 1909 г. через нее было вывезено 1 млн 930 тыс. пудов рыбы [6, с. 112]. Стоит отметить, что номенклатура грузооборота Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог за 1910 г. подтверждает постепенную реализацию стратегической установки российского правительства относительно экономического развития Туркестана и объективные законы рынка. Речь идет о том, что Ферганская область должна была специализироваться на выращивании хлопка для российской текстильной промышленности, а зерновые в область должны были ввозиться из Европейской России, Сибири, Степного края. По данным за 1910 г. по Среднеазиатской дороге из области пшеница не вывозилась, а ввезено было 9 млн 320 тыс. пудов [3, Вып. 1914 г., с. 561].

Железные дороги стали фактором повышения мобильности населения, что также является индикатором модернизации общества. Среднеазиатская ж.д. перевезла в 1899 г. 1 млн 19 тыс. пассажиров, в 1904 г. — 1 млн 113 тыс., 1911 г. — 3 млн 933 тыс. [3]. За данный период пассажирооборот на дороге увеличился почти в 4 раза. Поскольку области, через которые проходила Среднеазиатская дорога, не являлись приоритетными в процессе русского переселения в Туркестанский край, то есть основания полагать, что основную долю пассажиропотока составляло коренное население. Коренное население региона, в первую очередь городское, довольно быстро освоило новый вид транспорта. Согласно отчетам по пассажироперевозкам, местное население ездило в основном вагонами III–IV классов, а они были постоянно переполнены. Нагрузка на дорогу возрастала в периоды проведения паломничества к святым местам. Руководству дороги в процессе организации перевозки приходилось учитывать культурные, бытовые нормы местного населения, налагаемые исламом. Оценивая состояние станций и вокзалов Среднеазиатской дороги в 1899 г. в связи с ее передачей в управление Министерства путей сообщения, Комиссия отметила, что российский политический агент в Бухаре настоятельно советует сделать в помещении вокзала станции Бухара отдельную комнату для бухарских женщин в зале для пассажиров II класса [4, с. 70]. В свою очередь, Ташкентская дорога стала каналом проникновения русских крестьян-переселенцев в Туркестанский край, а территория вдоль железной дороги — ареалом концентрации русского населения. 87% переселенцев жили в 116 населенных пунктах, созданных вдоль железных дорог [11]. Рядом со станциями возникали поселки, где также преобладало русское население.

Вместе с тем при росте спроса на железнодорожные перевозки со стороны населения и коммерческих кругов и росте валового дохода прямо пропорционального росту перевозок, как коммерческий институт железные дороги в Туркестане были убыточны. Если посмотреть соотношение валового дохода и валового расхода по эксплуатации двух железных дорог за те годы, по которым мы рас-

полагаем финансовыми показателями их работы, то большую часть периода с 1898 г. по 1913 г. оно было положительным, показывало прибыль по итогам работы. С 1898 по 1906 г., когда Среднеазиатская дорога была монополистом в железнодорожных перевозках в регионе, в среднем ее прибыль составляла 2,6 млн руб. [8, л. 8]. Средний процент прироста валового дохода Среднеазиатской железной дороги составлял 5,82% за весь расчетный период, по Ташкентской этот же показатель составлял 20,34%. На протяжении всего времени прирост дохода Ташкентской железной дороги был положительным, рекордный показатель — свыше 30% годового прироста наблюдался в 1910 г. Рост доходности Среднеазиатской железной дороги в отдельные годы демонстрирует отрицательную динамику, наиболее существенно доход снижался по отношению к предыдущему году в 1900 и 1905 гг. на 21 и 20% соответственно. На валовой доход железных дорог влияла не только экономическая конъюнктура, но и политическая ситуация в стране. Так, в 1905 г. на фоне событий Русско-Японской войны и первой русской революции общий доход от всех казенных железных дорог в этом году так же упал, как на Среднеазиатской железной дороге. Но с 1909 г. прибыль по Ташкентской железной дороге составила 1 млн 746 тыс. [9, таб. 9.], а с 1910 г. обе дороги стали показывать прибыль благодаря росту грузоперевозок.

Возникает вопрос — почему железные дороги в итоге оказывались в убытке? Дело в том, что постройка железных дорог велась как за счет средств государственного казначейства, так и за счет займов, специально заключавшихся для покрытия расходов по этому предмету [1, с. 81]. Когда из суммы прибыли вычитались проценты по кредитам и платежи по капитальным сооружениям, которые шли отдельной статьей расходов, то по показателю чистой прибыли Среднеазиатская дорога уходила в убыток весь период своей эксплуатации, Ташкентская только с 1911 г. начала показывать доход. Например, по данным Министерства финансов за 1910 г., Среднеазиатская и Ташкентская дороги показали чистый доход в 1 млн 828 тыс. и 6 млн 536 тыс. соответственно. Но за вычетом платежей по кредитам финансовые показатели обеих дорог продемонстрировали отрицательный баланс в 4,7 млн и 1 млн соответственно [3, Вып. 1913 г., с. 499]. Проблема низкой рентабельности железных дорог имела системный характер для всей железнодорожной сети, которая с 1900 г. была дефицитной [2, с. 12]. Все железные дороги Азиатской части России, включая Сибирскую дорогу, были хронически убыточны. Но если платежи по железнодорожным займам и кредитам государство не могло игнорировать или варьировать, то снижение расходов по эксплуатации дорог путем оптимизации их работы было возможно. Ревизии Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог, проведенные в 1899 и 1908 гг., как раз выявили ряд таких проблем в их работе.

К числу факторов, снижающих эффективность работы железных дорог в Туркестане, можно отнести высокие затраты на капитальное строительство, низкий уровень сервиса, нехватку квалифицированных кадров. Так, по мнению генерала Г.Г. Милейнта, одним из факторов, повышающих расходы на содержание Ташкентской дороги, являлось ее техническое состояние. Сразу после сдачи в эксплуатацию возникла необходимость усовершенствования инфраструктуры дороги: строительство подъездных путей, складов для грузов, платформ и вокзалов для пассажиров. Комиссия, которая принимала южный участок Ташкентской дороги, выявила недоделок на 2 млн 407 тыс. руб. [7, л. 17].

Но если расходы на модернизацию дороги составляли необходимую и даже планируемую статью бюджета, то недополучение казной прибыли в связи с плохим качеством оказываемых дорогой услуг говорило уже о проблемах в организации ее работы. «Слабым местом» была хозяйственная инфраструктура железных дорог. На станциях не хватало крытых складов, платформ, весов, низшего обслуживающего персонала, что в совокупности становилось причиной порчи или потери грузов, путанице в сопровождающей документации. В отчетах ревизии Палена приводится информация, что на железнодорожных станциях, в частности на станции Ташкент, из-за недостаточного количества точных весов обычно завешивалась только часть груза (1-2 кипы хлопка), на основании чего выставлялся общий вес в документах. По получении грузополучатель требовал полного перевеса, и здесь часто обнаруживалась недостача товара по сравнению с суммой, проставленной в документе, что давало основание для составления претензий к дороге [7]. В 1905 г. управлению Среднеазиатской дороги было предъявлено претензий за недостачу и порчу груза на 283 тыс., и дорога компенсировала 165 тыс. руб., в 1907 г. сумма претензий по этой же статье составила 1 млн 583 тыс., из этого выплачено в качестве компенсаций 300 тыс. [8, л. 15]. Ревизии железных дорог показали, что на дорогах имели место нехватка служащих, рабочих мастерских и высокая текучка кадрового состава. В 1898 г. из 4337 вольнонаемных служащих Среднеазиатской дороги уволилось 2755 человек, или 63%. Из числа уволившихся 53% пришлось на службу пути, то есть машинистов и помощников машинистов [4, с. 13]. Со временем ситуация с кадровой обеспеченностью дороги кардинально не измени-

лась. Непривычный для русских жаркий климат, плохие социально-бытовые условия проживания, дороговизна квартир тормозили процесс оседания русских служащих на дороге.

Таким образом, по ряду показателей (грузоперевозка, перевозка пассажиров, валовой доход) железные дороги Туркестана демонстрировали положительную динамику своей работы, что свидетельствует о росте спроса на железнодорожные перевозки на региональном рынке. В этом отношении появление железнодорожного сообщения между Туркестаном и европейской частью России запустило целый комплекс системных изменений в экономике региона: рост товарности, оформление рыночной специализации хозяйства региона, интеграция в общеимперское пространство, доступность, помимо желания властей, для русского крестьянского переселения. С другой стороны, расходы государства на содержание двух дорог и выплаты по кредитам превосходили доходы, и дороги были убыточны для казны. Согласно материалам ревизий Управлениям дорог предстояло решать целый комплекс проблем для обеспечения эффективного функционирования дорог и, в конечном итоге, повышения их коммерческой рентабельности. Однако модернизация инфраструктуры дорог требовала дополнительных расходов, что не отвечало курсу профильных министерств на всемерную экономию расходов. Тем не менее высокие расходы на строительство и эксплуатацию Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог не привели к отказу государства от дальнейшего развития железнодорожной сети в регионе, которая была принципиально важна для реализации экономических интересов империи. В связи с этим акцент был перенесен на привлечение частных инвесторов к строительству железных дорог.

Литература

1. Вестник путей сообщения. — 1907. — № 14. — С. 81–83.
2. Витте С.Ю. Некоторые соображения о причинах дефицитности русской железнодорожной сети. — СПб., 1910.
3. Ежегодник Министерства финансов. — Вып. 1902-1914 гг. — СПб., 1902–1914.
4. Записка о состоянии Закаспийской железной дороги и о главнейших потребностях ее улучшения. Составлена на основании данных, собранных в 1899 году Комиссией по приему дороги в ведение Министерства Путей Сообщения. — СПб., 1899.
5. Обзор Ферганской области за 1900 г. — Новый Маргелан, 1901.
6. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 г. — Ташкент, 1911.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 216.
8. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 221.
9. Статистический сборник Министерства путей сообщения. — Вып. 113. — Ч. 2. — СПб., 1912.
10. Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. — Скобелев, 1912. — Приложение 12.
11. Тогаева А.З. Дорога Ташкент — Оренбург и ее место в социально-экономической жизни Туркестана: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010. [Электронный ресурс]. — URL: <http://netess.ru/3istoriya/269295-1-6251-575-09-togaeva-anoroy-zayniddinovna-zheleznaya-doroga-tashkent-orenburg-mesto-socialno-ekonomicheskoy-zhizni-tur.php>

Сведения об авторах:

Бочкарева Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Институт истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: portnygina@yandex.ru

Чекрыжова Оксана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Институт истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: niigi@yandex.ru

СЕКЦИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ»

Модераторы: **Жанбосинова Альбина Советовна**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ел-Тарихы» Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

А.А. Насонов

Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово (Россия)

К рубежу XX–XXI вв. отечественная историческая наука накопила обширный эмпирический материал и сформировала ряд традиций в изучении проблем межконфессионального взаимодействия, среди них — применение историко-генетической и историко-типологической методологии. Современными исследователями предлагается использование структурно-функционального метода, особый акцент делается на реализации междисциплинарных проектов. В качестве сочетающей исследовательские традиции и современные подходы модели может быть предложена концепция «механизма распространения религии».

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING INTERFAITH INTERACTION: RESEARCH TRADITIONS AND MODERN APPROACHES

A.A. Nasonov

Kemerovo State University of Culture, Kemerovo (Russia)

By the turn of the XX and XXI centuries, Russian historical science had accumulated vast empirical material and formed several traditions in the study of the problems of interfaith interaction, among them the use of historical-genetic and historical-typological methodology. Modern researchers propose the use of the structural-functional method, with particular emphasis on the implementation of interdisciplinary projects. As a model combining research traditions and modern approaches, the concept of the “mechanism of the spread of religion” can be proposed.

Межконфессиональное взаимодействие имеет давние традиции научного рассмотрения в отечественной исторической науке. Интерес к этой проблематике в разные периоды, несмотря на смену идеологических парадигм и научных подходов, продиктован спецификой развития российского общества и государства в целом, Сибирского региона в частности. Многонациональность и культурное разнообразие, в особенности на окраинах Российского государства, определили необходимость изучения истоков, форм и результатов религиозных контактов. На сегодняшний день, когда накоплен эмпирический материал и исследовательский опыт, остается актуальным поиск оптимальных методологических приемов для раскрытия исторических взаимосвязей и малоизученных аспектов межконфессионального взаимодействия.

Традиционным для российских религиоведческих исследований стал историко-генетический метод. К определению исторических корней, наиболее характерных черт формирования и направлений развития как наиболее распространенному и научно оправданному способу раскрытия сущности религиозных явлений обращались разные поколения ученых. Данный метод активно используется и сегодня.

Доминирование линейно-стадиального (формационного) подхода в советский период определило развитие исследований, основанных на применении историко-типологического метода. Данный прием был характерен для выявления локальных примеров универсального перехода от ранних форм религиозного сознания к шаманизму, а затем к национальным и мировым религиям, а также соответ-

ствия этих стадий религиозной трансформации этапам развития общественных структур и государственных образований. Так, Н.Л. Жуковская в своих трудах выявила типологически близкие явления, которые наблюдались в буддизме и шаманских представлениях Центральной Азии [3].

В целом исторические изыскания комбинировали историко-генетическую и историко-типологическую методологию. Примером такого сочетания в изучении религиозной проблематики стали труды советских этнографов С.А. Токарева [9] и Л.П. Потапова [7].

К концу XX в. стало очевидно, что для расширения возможностей отечественной исторической науки применения указанных методов недостаточно. В контексте проблематики межконфессионального взаимодействия, движущей силой которого является пересечение и наложение разных по динамике, территории происхождения и направления распространения процессов, потребовалось обращение к новым методологическим подходам и соответствующим им методам. Среди методов в научном сообществе востребованным стал структурно-функциональный метод, обладающий обширным потенциалом для раскрытия специфики межконфессионального взаимодействия. Данный метод начали активно применять как с целью изучения религиозных аспектов сложных процессов этногенеза в Центральной Азии и Южной Сибири, так и для определения взаимосвязей глобальных духовных тенденций и локальных религиозных ситуаций.

Л.И. Шерстовой была предложена концепция формирования этноконфессиональной общности для выявления особенностей консолидационных процессов среди коренного наследия Алтая, активизировавшихся под влиянием внутренних и общероссийских тенденций XIX — начала XX в. [10]. А.Н. Садовой во взаимосвязи с другими факторами исследовал межконфессиональное взаимодействие в структуре функционирования государственного патернализма в имперской политике в отношении народов Южной Сибири [8].

На рубеже XX–XXI вв. еще одной тенденцией развития исследований межконфессионального взаимодействия стало использование междисциплинарного подхода. Накопленный к этому времени эмпирический материал рассматривался в значительной степени в строгих дисциплинарных рамках даже в границах одной научной отрасли. В частности, такая ситуация наблюдалась в исторических науках, где достижения этнографических и конкретно исторических исследований фактически не соотносились между собой, отражая разные ракурсы проблем. Однако в последние годы в научном сообществе это обстоятельство стало осознаваться. Так, активизировалось внимание специалистов к вопросам религиозного синкретизма как важного результата межконфессионального взаимодействия с точки зрения использования музейных этнографических собраний для расширения источниковой базы исследований [4, с. 136, 138–142]. Важным направлением для достижения междисциплинарных результатов стало объединение усилий исследователей различных гуманитарных специальностей с целью изучения разнообразного религиозного ландшафта Большого Алтая [2]. Исследователями, специализирующимися на изучении этноконтактных процессов южных окраин Российской империи, был обоснован аккультурационный подход [5]. Вместе с тем, если задачи междисциплинарных исследований в рамках отдельных научных отраслей на сегодняшний день решаются, межотраслевые проекты находятся на стадии проектирования или только начинают реализовываться. Соответственно, построение методологических моделей стоит на повестке дня, но уже рассматривается в научных публикациях [1].

В качестве модели изучения различных аспектов межконфессионального взаимодействия может быть предложена концепция «механизма распространения религии» [6, с. 234], сочетающая в себе исследовательские традиции использования историко-генетической и историко-типологической методологии и предоставляющая возможности учета структурно-функциональных аспектов и междисциплинарных особенностей. Механизм распространения религии, раскрываемый применительно к конкретному вероучению, предполагает фиксацию характерных приемов распространения постулатов и культовых действий, а также изучение их трансформации под влиянием локальных условий территории внедрения. Кроме содержания самих приемов распространения важным является интенсивность распространения и возможность усиления динамики духовной экспансии, эти аспекты зависят от наличия и специфики институциональной основы вероучения. Данная концепция также предполагает исследование результатов межконфессионального взаимодействия, которые, как правило, являются продуктом процессов инкорпорации, синкретизации, стереотипитизации и т.д. Интерпретация конкретной религиозной ситуации в рамках концепции ориентирована на учет факторов, под воздействием которых происходит распространение и взаимодействие вероучений. Основными факторами выступают внутренние этнические тенденции и государственный вероисповедный курс.

Таким образом, в изучении различных аспектов межконфессионального взаимодействия можно проследить определенную преемственность в применении историко-генетической и историко-типо-

логической методологии. Вместе с тем современный научный поиск основан на применении иных методов, в частности подразумевающих структурно-функциональные приемы. На сегодняшний день стоящие перед научным сообществом задачи получения междисциплинарных результатов определяют необходимость взаимодействия и тесного сотрудничества.

Литература

1. Аликберов А.К. Современные теории религии в призме системно-коммуникационного подхода // *Minbar. Islamic Studies*. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 15–23.
2. Дашковский П.К. Основные направления изучения религиозного ландшафта Большого Алтая в Алтайском государственном университете // *Материалы Первого Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»*. — Барнаул, 2019. — С. 107–110.
3. Жуковская Н.Л. К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме // *Советская этнография*. — 1970. — № 6. — С. 36–46.
4. Кимеева Т.И., Насонов А.А., Глушкова П.В. Религиозный синкретизм в верованиях коренных малочисленных народов Притомья в контексте междисциплинарного подхода // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. — 2019. — № 1 (23). — С. 136–145.
5. Ковальская С.И., Любичанковский С.В. Религиозная политика Российской империи в казахской степи в период XVIII–XIX вв. // *Университетский научный журнал*. — 2017. — № 33. — С. 18–32.
6. Насонов А.А. Миссионерские стратегии православных и буддийских адептов на юге Западной Сибири (рубеж XIX–XX вв.) и особенности межконфессионального взаимодействия // *Научный диалог*. — 2016. № 3 (51). — С. 233–244.
7. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991. — 320 с.
8. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2000. 48 с.
9. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. — М., 1964. — 398 с.
10. Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX — начале XX в. (История формирования этноконфессиональной общности): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — 17 с.

Сведения об авторе:

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, факультет социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия). E-mail: nas.kemgik@gmail.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

О.К. Каратаев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Древние и средневековые кыргызы поклонялись Көк Тенгри, Умай эне (культ матери Умай), Йер-Суб (земля-вода). Кыргызы на протяжении средних веков в целом оставались шаманистами, культы которых возникли в условиях родового уклада задолго до образования их государства. Кроме того, в философско-религиозной среде кыргызского общества присутствовали элементы и других мировых религий: буддизм, зороастризм, манихейзм, восточная христианство (несторианство). В кыргызском обществе служителей культов назывались «кам» (кит. гянь), в арабиграфических источниках «фагинун» («fahginun»), бөгү («böğü»).

RELIGIOUS LEADERS OF THE YENISEI KYRGYZ

O.K. Karataev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

Ancient and medieval Kyrgyz people worshiped Kok Tegur, Umai Ene (cult of the mother Umai), Yer-Sub (Earth-Water). During the Middle Ages, the Kyrgyz in general remained shamanists, whose cults arose in the conditions of the clan structure long before the formation of their state. In addition, elements of other world religions were present in the philosophical and religious environment of the Kyrgyz society: Buddhism, Zoroastrianism, Manicheism, Eastern Christianity (Nestorianism). Each Kyrgyz clan also worshiped certain types of trees, which were considered the guardians of ancestral souls. In the Kyrgyz society, clergymen were called “kam”, in Arabic sources “faginun” (“fahginun”), bögy (“böğü”).

Шаманисты-кыргызы поклонялись Көк Тенгиру (Kök Tengri), Йер-Суб (земля-вода), культ матери Умай (Umai). К VII–X вв. в государстве енисейских кыргызов и в целом в Южной Сибири складывалась особая этноконфессиональная ситуация. Кроме

тенгрианства в кыргызском обществе параллельно присутствовали элементы других мировых религий и религиозных течений: буддизм, зороастризм, манихейзм, восточное христианство (несторианство). Кыргызская элита, учитывая военно-политическую и идеологическую ситуацию в обществе, в отношении к различным религиозным учениям выступали в целом толерантно, ибо религиозные противоречия в кыргызском государстве в письменных источниках нами не были замечены. Основными служителями культа в Кыргызском государстве на Енисее были «камы» (kam) и «бөгү» (böğü). Известно, что главным идеологом или шаманом государства вступал сам каган — глава государства. Каган носил важный дополнительный титул-эпитет — «бөгү». В этой статье мы попытаемся раскрыть и проанализировать функции служителей культов у кыргызов, их этимологическое значение и смысл данных онимов.

Böğü. Каган (шаньюй) у хунну (сюнну), жужань, кыргыз, кок тюрков, древних уйгуров был главным служителем культа. Кыргызский каган носил дополнительный титул-эпитет — «böğü», о чем свидетельствуют рунические памятники бассейна реки Енисей. По определению некоторых ученых, термин «böğü» использовалась еще при хунну (сюнну) [17, с. 86]. В письменных источниках присутствует разные грамматические формы титула: böğü, böğö, bögü, bükü. Böğü I. мудрый; мудрец. Böğü bilga. парн. мудрый, мудрец [39, с. 228]; Böğü II: Böğü kagan имя собственности (Тоньюкук, 34, 50), Böğü qan. имя собств. [7, с. 116]. Титул правителя II Восточно-тюркского каганата Капаган-кагана (Böğü Çor) в памятнике, посвященном Тоньюкуку, написано в форме «böğü» (böğ <ü> k(a)g(a)n). Государственный титул в енисейских памятниках фиксируется в форме «Bөгү» (Bөгü). (E-10, Елегест I, Тува; E-52, Елегест II, Тува; E-108, Уюк-Ооржак, Тува). Турецкий исследователь Е. Айдын полагает, что встречающийся термин «böğü» в енисейских надписях означал титул правителя государства — кагана [27, с. 12]. В источниках явно указано, именно каган вел тюркскую знать на моление, а это может служить косвенным доказательством того, что каган сам совершал его, т.е. не исключено, что каган сам был шаманом. Масао Мори полагал, что власть кагана носила во многом волшебнo-колдовской характер. Он считал, что церемония интронизации кагана была похожа на обряд посвящения в шаманы. Поэтому он, возможно, был верховным шаманом [19, с. 1]. Некоторые исследователи дают определение как «волшебник», «кам» («шаман») [35, с. 933]. Дж. Клоссон титульному термину дает такое определение: «мудрец», «волшебник» [37, с. 324]. Махмуд Кашгарский в «Словаре» использовал парное слово «bükü bilge» [13, с. 78]. В IV в. до жуаньжуаней и тюрков титул в форме «bokug/bukuk» использовали хунну (сюнну), о чем писал Л. Базен [28, с. 3–4].

У правителя II Восточно-тюркского каганата Капагана (правил в 693–716 гг.) тронное имя было Böğü [27, с. 12]. Титул в китайских источниках упоминается в форме Mochuo, т.е. beg çor [44, с. 206; 44, с. 152; 29, с. 111, 117; 45, с. 207]. К. Беквит считает вторым именем Капаган-кагана был Bük-Çor [29, с. 58], В. Рыбатски имя уйгурского кагана читает в форме «bögü» [50, с. 223], М. Добровиц предлагает читать в форме «böğü» [33, с. 180]. Дж. Клоссон считает, что первоначальной формой титула «böğü» была форма «böğö» [36, с. 324–325], и поддерживает тех монголистов, считающих, что слово bö'e /böge обозначает смысл «шаман». Турецкий лингвист О.-Ф. Серткая читает это слово как böğö и считает, что термин «böğü» использовался (кит. Мо — chuo; Mo) как прилагательное к титулу каган [51, с. 8, 105]. Например, Х. Хауссиг, опираясь на консультацию авторитетного тюрколога А.-М. Габэн, на этом основании относит наиболее ранее упоминание о шамане под названием «böğü» к VIII в. [43, с. 360]. Происхождение названия «böğü» связывает с древнетюркским словом böğün, означающим «познавать», «постигать», и устанавливают за ним значение не только «шаман», но и «мудрец» [34, с. 333]. У тенгиртоуских кыргызов в составе племени найман (группа племен Ичкилики — внутреннее, центр) есть крупный род под названием «бөө найман», т.е. «шаман-найман» [11, с. 24]. Иногда у кыргызов маленьких детей пугали со словами «бөө келе жатат», т.е. «придет шаман, пугало».

Kam (qam) — служитель культа у енисейских кыргызов, кок тюрков, половцев (кипчаков). Китайские хронисты династии Тан при описании страны «Хягас» (Кыргыз) отмечали: «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношения нет определенного времени. Шаманов называют гань (кам)» [1, с. 353]. Название «кам» (на современном хакасском языке — «хам») для служителей шаманских культов до сих пор сохранилось у тюрков Саяно-Алтая. Камы привлекались для участия в совершении ритуалов как жизненного цикла, связанного с беременностью женщин, рождением детей и смертью человека, так и общественных молений. «...При похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач» [10, с. 7]. Qam — шаман (с различными оттенками, значениями: врачеватель, исцелитель; прорицатель, предсказатель; заклинатель, кудесник, чародей, маг, волшебник; колдун) [7, с. 413]. В XI в. Махмуд Кашгари упоминал о камах: Qam ukladı — «шаман предсказал судьбу» [13, с. 443]. Тюрки называют своих шаманов qam, монголы bö'e

(bö); qam «шаман» < кит. кам «шаман» [52, с. 71]. Не исключено, что последнее слово происходит из тюркского böğü «мудрец», «волшебник» [36, с. 324], и средневековые авторы, христиане и мусульмане, применяли тюркское слово qam к монгольским шаманам [31, с. 177]. По Г. Дёрферу, «qam» — «шаман», «кам», «вольшебник», «священник» [32, с. 402–406]. Дж. Клоссон предлагает такой перевод слова: ka:m «physician, healer, sage, wise man» — «врачеватель», «целитель», «мудрый» [36, с. 625].

Их камы, как и хуннские шаманы, тоже насылали на неприятеля дурную погоду, болезни и т.д. [21, с. 116]. Сюжеты о людях, которые могли насылать дурную погоду, болезни и прочее, широко отражены в кыргызских героических эпосах, сказках. Например, один из соратников (чоро) богатыря Манаса по имени Кыргыл насылал против неприятеля дурную погоду. Вероятно, Кыргыл был штатным камом (шаманом) в войске богатыря Манаса. О шаманах (в кыргызских эпосах — бакшы), умеющих насылать дурную погоду неприятелям, упоминается и в других героических эпосах, например «Жаныш-Байыш», «Курманбек» и др. Махмуд Кашгарский, составивший во 2-й пол. XI в. тюркско-арабский словарь, дает в качестве арабского эквивалента слова qam слово kāhin, которое довольно точно отражает это значение [13, с. 625; 30, с. 177]. «Камы» участвовали в управлении государством [49, с. 51]. Кроме присутствия в некоторых ранних тюркских текстах [37, с. 625, 628], самое раннее появление слова кам зарегистрировано в китайской летописи династии Тан (618–906 гг.), где сказано, что кыргызы называют своих шаманов (в китайском wu) кам (так в древности прозвонился китайский иероглиф, который теперь читается в форме «кан») [1, с. 353; 31, с. 179].

Какими бы скудными и отрывочными ни были эти сведения, они приобретают большую убедительность в сочетании в археологическими данными, вследствие чего факт существования шаманов в древнетюркское время предстает не как эпизод, а как явление, имеющее свои исторические корни. К таким свидетельствам относятся прежде всего китайские летописные известия о сюнну (хуннах), сообщающие, что у них в конце I тысячелетия до н.э. были шаманы, которые в «Суй-шу» именуется китайским термином wu. Современные ученые уверенно переводят его словом шаман [1, с. 231; 18, с. 22, 120]. Сообщается, что именно шаманы у сюнну приносили жертву духу Земли. Отсюда можно предполагать, что и у древних тюрков, устраивавших моления духу Земли, их проводили тоже шаманы. Говорится и о помощи шаманов своим войскам магическими средствами. «Сюнну (хунну) велели шаманам на всех дорогах, по которым они (китайские войска) могли следовать, а также в местах около воды (видимо, переправ. — Л.П.) закопать в землю овец и быков и просить духов ниспослать на ханьские войска погибель» [18, с. 120; 21, с. 119].

Есть интересные факты о шаманах у юэбань. Как полагают исследователи, находясь в области современного Тарбагатай, юэбани имели одиноковый язык и обычаи с тюркоязычными гаогюйцами [2, с. 259, 260; 21, с. 119]. О них говорится под 449 г. в связи с войной с хуннами, во время которой именно шаманы вызывали дожди, снег с ветром и наводнения, наносившие урон неприятелю. Есть сведения о шаманах у гаогюйцев — предков племен теле, в частности уйгуров. В истории Вэйской династии есть упоминание о шаманке, читающей молитвы на месте громового удара, где зарывали барана [2, с. 215, 216; 21, с. 119]. Имеется сообщение о молодой шаманке у жужаней, жившей при ставке правителя, она «лечила и волховала, т.е. шаманила силой духов» [2, с. 197, 215].

Византийский историк Менандр Протектор рассказывает [26, с. 12], что Земарх Киликийский, посланник императора Юстина II (565–578 гг.) к Истеми Ябгу-кагану, правителю западных тюрков, был встречен на границе владений последнего, вероятно, где-то к западу от современного Казахстана, людьми, которые объявили себя «чародеями, удаляющими плохие предзнаменования» [21, с. 120]. Эти заклинатели — и здесь мы встречаемся с первым описанием шаманских действий в западной литературе — взяли «вещи, которые римляне взяли с собой, склади их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они прогоняли злых духов. Им приписывали силу отгонять их и освободить людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя, и этим, казалось, они сами себя очищали» [31, с. 183; 21, с. 120; 26, с. 12–15]. По утверждению византийского хрониста Феофилакта Симокатты (VI–VII вв.), «скифы (т.е. тюрки) своими жрецами ставят тех, которые по их мнению, могут дать им предсказание будущего». Л.П. Потапов пишет: «К числу наиболее существенных доказательств, подтверждающих наличие у древних тюрков специалистов-шаманов, я отношу и известное сообщение китайской летописи о том, что мать знаменитого Ань Лушаня, восстание которого едва не привело к гибели Танскую империю (в середине 50-х гг. VIII в.), была шаманкой» [21, с. 121–122].

Дж. Бойл приводит пример о камах (шаманах) у кыргызов средневековья: «В действительности, танская хроника не оставляет сомнений в том, что в X в. н.э. кыргызы были тюркоязычными; и если,

как принято считать, они идентичны с гэгунь, одним из племен, побежденных хунну в начале III в. до н.э., то это, возможно, один из самых ранних тюркоговорящих народов, которых мы знаем [31, с. 181]. И Гардизи, и немного более поздний автор Марвази снабжают нас интересными деталями относительно кыргызских камов, которых они называют *faghīnūn*, искаженным согдийским словом, означавшим «пророка Бога». «Среди кыргызов есть человек незнатного происхождения, именуемый *faghīnūn*, которого они вызывают в установленный день каждый год; для него там собирают певцов и игроков и т.д., и они начинают пить и веселиться. Когда празднество в самом разгаре, этот человек теряет сознание и падает как будто в припадке; его спрашивают относительно всех событий, которые случатся в наступающем году, и он говорит, будет ли (урожай) обильным или скудным, будет ли погода дождливая или засушливая и т.д., и они полагают, что все изрекаемое им истинно» [40, с. 181].

Древнетюркское происхождение слова «кам» доказано лингвистами. Наиболее ранее упоминание его в значении «шаман» относится к середине V в. Оно обнаружено в сообщениях историка Приска, жившего некоторое время у европейских гуннов при дворе Аттилы. По материалам Приска, слова «кам» входило в некоторые титулы гуннской правящей верхушки. Один из них — *ata kam* (букв. «шаман отец») — носил верховный шаман, в функции которого среди прочих входило определение, «какие месяцы и годы будут благоприятными для народа». В «Словаре» М. Кашгарского [13, с. 81] слово «кам» упоминается несколько раз: «*Kam irkladı*» — «кам предсказал судьбу»; «*kam arvaş arvadı*» — «кам принес заклинание»; «*kamlar kamuz arvaşdı*» — «шаманы бормотали (все вместе) заклинание».

В целом, подчеркивание генетической и ритуальной связи шаманов и кузнецов вполне оправдано, если учитывать еще и выдающееся место кузнечества в хозяйственной жизни древних тюрков, о чем сообщают источники и археологические материалы погребения древних тюрков, ибо профессия кузнеца у многих народов, в том числе тюркских, считается священной, с постоянным общением огнем — этим с глубокой древности почитаемым божеством. Реликты ритуальной связи шаманов (бакшы) и кузнецов устойчиво сохранились у кыргызов, они отражены в героических эпосах, легендах и т.д.

Литература

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 380 с.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. II. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 334 с.
3. Бутанаев В.Я. История Хакасии: курс лекций. — Абакан: КГАУ, 2009. — 181 с.
4. Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала XII вв.: дисс. ... д.и.н. — Кемерово, 2016. — 758 с.
5. Дашковский П.К. О служителях культа у кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов. — Барнаул, 2008. — С. 27–30.
6. Дашковский П.К. Религиозная политика и служители культа в Кыргызском каганате // Вестник НГУ. Серия: Философия и история. — 2009. — Т. 8. — Вып. 5. Археология и этнография. — С. 199–208.
7. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А. Щербак. — М.; Л.: Наука, 1969. — 677 с.
8. Дьяконова В.П. Культурные сооружения у тувинцев // Полевые исследования Института этнографии, 1974. — М.: Наука, 1975. — С. 34–45.
9. Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе: Илим, 1968. — 103 с.
10. Караев О.К. Восточные авторы о кыргызах. — Бишкек: Илим, 1994. — 96 с.
11. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынан. — Бишкек, 2003. — 167 с. (на кыргызском языке).
12. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Наука, 2005. — 346 с.
13. Кошгарий Махмуд. Девону лугат ит-тюрк. Индекс-словарь. — Ташкент: Наука, 1967. — 456 с.
14. Крадин Н.Н. Империя Хунну. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2001. — 312 с.
15. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Наука, 1961. — 392 с.
16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л.: Наука, 1959. — 174 с.
17. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1 / пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. — 177 с.
18. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / пер. и примеч. В.С. Таскина. — М.: Наука, 1973. — 171 с.

19. Мори М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // XIX Международн. конгр. ист. наук. — М., 1970.
20. Орхон-Енисей текстери. — Фрунзе: Наука, 1982. — 250 с.
21. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — М.: Наука, 1991. — 320 с.
22. Симокатта Ф. История. — М.: Наука, 1957. — 187 с. (на кыргызском языке).
23. Тишин В.В. К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: историографический аспект // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 4. — С. 93–107.
24. Тукешова Н.М. Эволюция представлений о верховной власти в обществах тюркского периода (VI–XII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Уральск, 2007. — 32 с.
25. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. — Изд. 3-е, доп. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
26. Ahmedbeyoglu A. Bizans Tarihçisi Menandros'un Türkler (Gök Türkler) hakkında verdiği bilgiler // Tarih Degisi. Sayı 50 (2009/2). — İstanbul, 2010. — S. 11–25 (на турецком языке).
27. Aydın E. Yenisey Yazıtlarında Geçen Ünvan ve Ünvan Niteleyicileri. TDAY — Belleten (2011-2), 5-26. — Ankara, 2011 (на турецком языке).
28. Bazin L. Un Texte Proto-Turc du IVe Siècle: Le Distique Hiong-nou du "Tsin-Chou. Oriens. — Vol. 1. — No. 2. — 1948. — S. 3-11 (на французском языке).
29. Beckwith C. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. — Princeton: Princeton University Press, 1987. — 269 p. (на английском языке).
30. Bombacı A. The Husbands of princess Hsien-li Bilgä. L. Ligeti (Ed.), Studia Turcica. — Budapest, 1971. — Pp. 103-123 (на английском языке).
31. Boyle J.A. Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages // Folklore. — 1972. — Vol. 83. — No. 3. — Autumn. — Pp. 177-193 (на английском языке).
32. Doerfer G. (1963-1975), Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, Band I-IV, Wiesbaden, Franz Steiner (на немецком языке).
33. Dobrovits M. The Great Western Campaign of the Eastern Türks (711-714). Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 58/2, 2005, 179-185 (на английском языке).
34. Gabain A.-M. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Anthropos. — 1953. — Bd. 48 (на немецком языке).
35. Gömeç S. Kök Türkçe Yazılı Belgelerde Yer alan Ünvanlar // Erdem. — 2000. — Gilt. 12. — Sayı. 36. — S. 929-945 (на турецком языке).
36. Clauson G. Eski Türkçe Üzerine Üç Not. Türkçeye çev.: A. Levendoğlu, Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1966. — S. 19-37 (на английском языке).
37. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century. — Oxford, 1972 (на английском языке).
38. Nemet J. Über der Ursprung des Wortes Saman // Keleti Szemle. — Budapest, 1913-1914. — Bd 14 (на венгерском языке).
39. Kaşkarlı Mahmûd, Divânü lugâti't-Türk, (Çev. ve Haz. Seçkin Erdi, Serap T. Yurtsever), Kabakçı Yaşünevi, İstanbul, 2005. — S. 254 (на турецком языке).
40. Saraf al-Zaman Tahir Marvazi. Vladivir Minorski. The Royal Asiatic Society. — 1942 (на английском языке).
41. Laufer B. Origin of the world shaman//Amer.Anthropologist. — 1917. — T. 19. — N 3 (на английском языке).
42. Han-Woo Choi. Eski Korece'de Türkçe Ödünç Kelimeler // Bilig, Yaz. — 2004. — sayı 30: 85-93 (на турецком языке).
43. Haussing H.W.Theophilakts Ehkurs über die skuthischen Völker // Byzantion. — Bruhells, 1954. — Vol. 23 (1953) (на немецком языке).
44. Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale. — T'oung pao 26, 1929a, 201-265 (на французском языке).
45. Pelliot P. L'édition collective des ceuves de wang Kuo-wei. — T'oung pao 26, 1929b, 113-182 (на французском языке).
46. Pritsak O. Old Turkic Regnal Names in the Chinese Sources // Journal of Turkish Studies 9. — 1985. — Pp. 205-211 (на английском языке).
47. Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology. — Helsinki, 1935 (на английском языке).
48. Ramstedt D.J. Studies in Korean Etymology. Memoires de la Société Finno-Ougrienne, XCV. — Helsinki, 1949 (на английском языке).
49. Ramstedt D.J. Alte türkische und mongolische Titel. Journal de la Société Finno-Ougrienne. — Helsinki, 1951. — Vol. 55 (на немецком языке).
50. Rybatski V. Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions. — Central Asiatic Journal 44/2, 2000. — Pp. 205-292 (на английском языке).
51. Sertkaya O. F. Göktürk Tarihinin Meseleleri, Ankara, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. — İstanbul, 1995 (на турецком языке).

52. Zeren E.M. Eski Türkçe böğü/büğü ve bokuk/bokug/bukuk/bukug Sözlüklerinin Kullanım ve Anlamı Hakkında // SUTAD, Güz 2018; (44): 77-91 (на турецком языке).

Сведения об авторе:

Каратаев Олжобай Кубатбекович, доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: okaratayev@gmail.com

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АЛТАЙЦЕВ И ТУВИНЦЕВ

А.В. Торбоков

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

Религиозные взаимоотношения между алтайцами и тувинцами на протяжении истории никогда не прерывались, несмотря на то, что они практически не жили в одном государстве вплоть до 1944 г. Их религиозные связи строились на основе сибирского шаманизма и тибетского буддизма школы Гелуг.

BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF RELIGIOUS RELATIONSHIP OF ALTAI AND TUVINIANS

A.V. Torbokov

Institute of Altaic them. S.S. Surazakova, Gorno-Altai (Russia)

Religious relations between altai and tuvinians throughout history have never stopped despite the fact that they practically did not live in the same state until 1944. Their religious ties were built on the basis of siberian shamanism and tibetan buddhism of the Gelug school.

Республика Алтай граничит на востоке с Республикой Тывой, на юге — с округом Алтай Китайской Народной Республики и аймаком Баян-Улгий Монголии, где компактно проживают зарубежные тувинцы. Алтайцы и тувинцы являются близкородственными тюркоязычными народами, живущими в едином этнокультурном пространстве Саяно-Алтая.

Фактически разделение предков алтайцев и тувинцев на два народа произошло в середине XVIII в., когда одна часть вошла в состав Российской империи, а вторая — Маньчжурской империи Цин. Несмотря на разделение границей, два народа продолжали торговые, культурные и религиозные связи, что также выражалось в заключении межнациональных браков. В генеалогических преданиях содержатся сведения о процессах этногенеза, о происхождении родов. Согласно легендам, алтайский род сойон по своему происхождению восходит к переселенцам из Тувы, в свою очередь тувинский род делег образовался от субэтнической группы алтайцев — теленит.

В топонимике Горного Алтая много исконно тувинских названий, образовавшихся от слова хем, что значит «река». Например, Ак-Кем, Сайлу-Кем, Кара-Кем, Улу-Кем. Это говорит о том, что фактически до середины XX в. не было четкой границы, разделяющей алтайцев и тувинцев. Их семьи кочевали почти на всей территории Большого Алтая, в связи с чем часть тувинского этноса оказалась за пределами России. Несмотря на то, что с XVIII в. до XX в. предки алтайцев и тувинцев жили в составе двух разных империй, а в последствии были разделены границами трех государств они никогда не прекращали религиозные взаимоотношения, которые сохранили до настоящего времени.

Во второй половине XVIII в. одним из центров сибирского шаманизма являлся бассейн р. Хемчик Тувы, уроженцы которого оказали сильное влияние на религиозное пространство Алтая и способствовали возрождению шаманизма среди алтайцев.

В 1770–1780 гг. из местности Хемчик в Горный Алтай переселилась тувинская шаманка Канаа, чей супруг алтаец Кёкён вел торговые дела в Западной Туве, где и познакомился со своей второй женой. Согласно Л.П. Потапову, до появления Канаа алтайские шаманы не имели шаманское одеяние — маңжак, которое впоследствии стали шить по образцу тувинских шаманов [5, с. 208]. В это же время у алтайских шаманов появляется разновидность шаманских бубнов — кемчик чалу, которая была свойственна для тех, кто имел в своей родословной шаманов из Тувы. Данную религиозную атрибутику из Хемчика носили потомственные алтайские шаманы Моткочак, Сапыр, Чортон, Курагач, Адула, Көзөрөк и др. Переселение тувинских шаманов отразилось и на топонимике региона, местность Кемчик (образовано от тувинского Хемчик) находится на территории вблизи с. Элекмонар Чемальского района Республики Алтай.

Стоит отметить, что Канаа среди алтайцев относилась к самой высшей категории шаманов — таркан кам, т.е. наименование первопредка шамана, в прошлом самого сильного шамана определенной местности. Таркан кам буквально с алтайского языка означает «шаман-кузнец», поскольку в древности кузнецы считались обладателями сверхъестественных способностей, управляющими стихиями. Алтайцы к этой категории относили всего трех шаманов: Казыр-кама, Тöstөгöша и тувинскую шаманку Канаа.

Этнограф Г.Н. Потанин в своей книге «Очерки Северо-Западной Монголии» алтайским таркан камам посвятил целый раздел под названием «Тархан бо» (искажение монгольского дархан бөө, что означает буквально «шаман-кузнец»). Согласно легендам, записанным им от алтайцев Чуйской степи Казыр-кам, покончил жизнь самоубийством, бросившись со скалы Кызыл-Кайа (современная территория с. Кызыл-Хая Республики Тывы). Тöstөгöш сбежал с дочерью хана, за это его казнили, а голову привезли в Кобдо (современный г. Ховд Западной Монголии) [4, с. 290–293]. И только тувинская шаманка Канаа осталась жива, чьи два сына, рожденных от Көкөна, продолжили дело матери, став шаманами. Стоит отметить, что в первой половине XX в. ее самыми знаменитыми потомками являлись шаман Моткочак и зайсан Тобоков.

Два соседних народа помимо шаманизма поддерживали религиозные контакты на основе тибетского буддизма школы Гелуг, поскольку их предки входили в состав государств Алтын-ханов и Ойротского (Джунгарского) ханства, где данная ветвь буддизма являлась официальной религией. В связи с чем Л.П. Потапов писал: «Ламаизм стал проникать к южным тувинцам с начала XVII в., и только спустя более чем столетие в Южной Туве появляются ламаистские монастыри. Частично ламаизм стал проникать и к южным алтайцам, но уже в XIX в.» [5, с. 101–102].

В XIX в. на территории Республики Алтай находилось два стационарных буддийских храма «Көк Öргө» и «Байзын», а также несколько специализированных войлочных юрт в качестве дацанов, в силу кочевого образа жизни местного населения. Они являлись не только местом для проведения религиозных служб, но и местом торговли между алтайцами, тувинцами и дербетами.

Следует отметить, что в конце данного столетия одним из самых больших дацанов на территории Большого Алтая являлся дацан в урочище Көк-Дугай Китайского Алтая, штат которого состоял из 100 лам [8, 273–274]. Алтайское название данной местности — Буруул-Токой, ныне территория современного уезда Фухай округа Алтай Китайской Народной Республики. Согласно историческим документам и народным преданиям, на этих землях предки алтайцев проживали в XVII — первой половине XVIII вв., т.е. до разгрома Маньчжурской империей Цин Ойротского (Джунгарского) ханства.

В настоящее время это место компактного проживания китайских тувинцев, среди которых имеются потомки алтайцев, бежавших в первой половине XX в. от советской власти из Российского Алтая в Китайский Алтай. Их потомки не знают алтайского языка, считают себя тувинцами, хотя помнят, что их предки пришли с Алтая. Согласно историческим преданиям, по настоянию тувинской знати они вошли в состав тувинских родов хөйук и соян, во избежание межродовых столкновений [9, с. 28].

В конце XIX — начале XX в. начинается паломничество алтайского населения в Западную Туву. Возможно, это объясняется тем, что на территории Горного Алтая перестают действовать буддийские центры и усиливается роль Алтайской духовной миссии при поддержке властей Российской империи.

Одним из самых знаменитых религиозных деятелей среди алтайцев, посетивших тувинцев Тувы и Монгольского Алтая, является Жалбак Тогочой-уулы. Странствуя у тувинцев, он выучил их язык и написал стих на алтайском языке, который сохранился до наших дней:

Алтын-Тайга ажала,	Перейдя Алтын-Тайгу,
Алаш-Кемјик суу кечкем.	Переправился через реку Алаш-Хемчик.
Мөнүн-Тайга ажала,	Перейдя Монгун-Тайгу,
Мөгөн-Бүренге мен јүргем.	Я пребывал в Моген-Бурене.
Барлык-Бажын ажала,	Перейдя Барлык-Бажы,
Бакшыларга туштагам.	Встречался с духовными учителями.
Кемјик сууны кечеле,	Переправившись через реку Хемчик,
Кегеелерге јольккам [1, с. 326].	Встречался с буддийскими святыми

[Перевод — А.Т.]

По воспоминаниям Марии Антоновны Челчушевой (1902 г.р.), ее мать из с. Язула Улаганского района Республики Алтай в 1926 г. уехала в Тыву, где на протяжении 6 лет получала буддийское ре-

лигиозное образование. Вернувшись на родину, она привезла с собой сутру и стала заниматься лечебной и гадательной практиками [6, с. 163–164].

Посещали Южную Тыву не только алтайцы, но и ламы из Монголии. Так, в 1945 г. будущий народный сказитель Республики Алтай А.Г. Калкин в Горном Алтае встретился с монгольским ламой, который рассказал ему 20 пророчеств о грядущем будущем. Через несколько лет лама из Монголии умер и его тело в сидячей позе захоронили в расщелине скал в Мёнгүн-Тайге (ныне Монгун-Тайгинский кожуун Республики Тывы) [1, с. 337].

Таким образом, алтайцы стали посещать Западную Тыву для получения религиозного образования по специализации эмчи (буддийский лама, специализирующийся на восточной медицине, где лечение основывается на диагностике пульса, состоянии кожи и глаз) и јуркайчи (буддийский лама, специализирующийся на буддийской астрологии — јуракай).

Кроме того, ламы из Тывы стали часто посещать алтайские стойбища, что объясняется географической близостью и схожестью быта и культуры двух народов. В том числе у тувинских лам не возникало сильного языкового барьера с алтайцами, как в общении с соседними монголоязычными народами. Так, в Российском Алтае появляется еще одна религиозная категория буддийского духовенства чодчи/јодчи — буддийских лам, специализирующихся на эзотерической практике призвания божеств, демонов и духов местности в период ночи в уединенных специфических местах (в горных вершинах, на кладбищах, на распутье трех дорог, возле заброшенных населенных пунктов).

Восточные алтайцы именовали их курум или курумчи, которые состояли как из алтайцев, так из кочующих тувинских лам. После смерти их тело сжигали, из пепла делали человекообразную фигурку небольшого размера, которое помещали в специальный футляр (ящик) и скрытно захоронивали в расщелине скал [3, с. 157].

Начало XX в. характеризуется сложной политической обстановкой в России, в связи с чем часть населения Саяно-Алтая переселяется в Монгольский Алтай и Китайский Алтай. Некоторые алтайцы, пользуясь тем, что Тувинская Народная Республика являлась суверенным государством, переселяются туда и принимают ее подданство. С 1921 по 1925 гг. в Туве живет вместе с сыном общественно-политический деятель, профессиональный художник Г.И. Чорос-Гуркин, где по заказу Правительства Тувинской Народной Республики напишет более ста рисунков для иллюстрированного первого букваря тувинского народа. В том числе сделает зарисовки портретов тувинских лам и шаманов, а также их ритуальной атрибутики. Он планировал принять подданство Тувинской Народной Республики, как это сделал его земляк Р.Т. Бузыкаев, но в последний момент советская власть в Горном Алтае пошла ему на уступки и вернула его семье конфискованное имущество, художественную мастерскую, пасеку и дала обещания, что если он вернется, в отношении его прекратятся преследования по политическим мотивам.

В силу доминирования в СССР и Тувинской Народной Республике атеистической идеологии и активной пропаганды среди населения начинаются гонения на представителей религии. Алтайские и тувинские шаманы и ламы начинают переселяться на территорию Монгольского Алтая, а оттуда уже в Китайский Алтай.

По словам тувинских информантов из сумона Цэнгэл Баян-Улгий аймака Монголии, в 1920–1930-х гг. небольшая группа алтайцев переселилась в сумон Цэнгэл. Родоплеменная группа алтайцев называлась чагат, которая делилась на кара чагат и ак чагат. Некоторые информанты не утратили свои родственные связи и подтвердили, что у них до сих пор имеются родственники в Горном Алтае [2, с. 428–430].

Осенью 1935 г. на территорию Китая в район Синьцзяна под псевдонимом Чойган проник сотрудник секретной службы Комитета госбезопасности Тувинской Народной Республики с целью сбора информации о тувинских ламах, оказавшихся там в результате бегства от репрессий в отношении буддийского духовенства. В местности Шара Сүме в Китайском Алтае он обнаружил тувинского ламу Идама Сюрюна, который по-прежнему продолжал носить монашеское одеяние. Он имел при себе несколько буддийских трактатов и изображения божеств, которые вывез из Тывы. Идам Сюрюн был женат на овдовевшей алтайке, у которой от прежнего брака остался сын [7, с. 111].

Новый этап религиозных взаимоотношений между алтайцами и тувинцами начинается после распада СССР в конце XX в. и образованием Республик Алтай и Тыва. Вновь алтайский шаманизм возрождается при помощи тувинских шаманов. На данный период одним из самых сильных шаманов Алтая считается Аржан Козереков (Көзөрөков), чья родословная по материнской линии восходит к тувинскому шаману по имени Шабыктай, чья родная сестра вышла замуж за алтайца. В последствии его шаманский дар перешел к алтайскому племяннику по имени Адыдай, чей сын Чаганак, внук Саксай, правнук Көзөрөк являлись шаманами [5, с. 223].

До настоящего времени уроженцы Алтая ездят в соседнюю республику, а также к монгольским тувинцам для того, чтобы пройти обряд инициации в шаманы и приобрести религиозную атрибутику (маңжак, шаманский головной убор — кушкаш бөрүк, шаманский бубен — тунур, шаманский жезл, который используют шаманы во время ударов по бубну — орбо/тайак). К таким шаманам относятся и Вячеслав Челтуев, который приобрел часть своей религиозной атрибутики у тувинцев сумона Цэнгэл Монголии. Алтайцы считают, что среди тувинских шаманов уроженцы монгольского сумона являются самыми сильными.

Есть среди современных алтайских шаманов потомственные шаманы, в роду у которых имеются как алтайские, так и тувинские шаманы. Среди них стоит выделить Алексея Ерленбаева, который во время камлания разговаривает на алтайском и тувинском языках. По его словам, во время транса ему помогают духи предков шаманов как с алтайской, так и с тувинской стороны.

В 2013 г. Глава буддистов (Хамбо-лама) Республики Алтай Мерген Шагаев посетил Республику Тыву, объехав весь регион с тувинскими ламами, с которыми вместе учился в дацане «Гунзэчойнэй» г. Санкт-Петербурга, в Иволгинском и Верхне-Березовском дацанах Республики Бурятия. В последующем алтайские ламы стали участвовать в интронизации Камбы-лам Республики Тыва.

Таким образом, связи на основе религии между соседними народами показали свою устойчивость на протяжении нескольких веков. В советское время совместное проведение молебнов происходило тайно. С конца XX в. по настоящее время контакты между алтайцами и тувинцами выходят на новый уровень, видимо, в будущем это приведет к осуществлению официальных массовых молебнов и традиционных праздников на межрегиональном уровне. Этому способствует начавшееся строительство в 2021 г. автомобильной дороги между с. Кызыл-Хая Монгун-Тайгинского кожууна Республики Тыва и с. Көкөрү Кош-Агаш аймака Республики Алтай.

Литература

1. Алтай соојындар ла кеп-куучындар: Алтай албатынын оос јайааны. — Горно-Алтайск, 1994. — 416 с. (на алтайском языке).
2. Бавуу-Сюрюн М.В. Алтайские элементы в диалектах тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. — Вып. № 6 (49). — Барнаул, 2014. — С. 428–430.
3. Дьяконова В.П. Алтайцы. — Горно-Алтайск, 2001. — 221 с.
4. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — Горно-Алтайск, 2005. — Вып. 4. — 1026 с.
5. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991. — 320 с.
6. Тобоева Е.Н. Учение из глубины веков. — Горно-Алтайск, 2014. — 226 с.
7. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI конец XX в.). — Новосибирск, 2001. — 200 с.
8. Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. — Осака, 2010. — 358 с.
9. Юша Ж.М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. — Новосибирск, 2018. — 400 с.

Сведения об авторе:

Торбоков Арчын Владимирович, научный сотрудник, научно-исследовательский отдел истории и этнографии (этнологии), Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: archyn88@mail.ru

О БОЖЕСТВЕ ЮЧ КУРБУСТАН В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.М. Садалова

Национальный комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай, г. Горно-Алтайск (Россия)

В статье речь идет об одном из божеств в алтайской обрядовой культуре — Юч Курбустан. Рассматривается история происхождения данного образа и формы его адаптации в пантеоне божеств и в жанрах алтайского фольклора. Кроме этого, прослеживается связь Юч Курбустана с более древними божествами и наложение особым функциональным содержанием.

ABOUT THE DEITY YUCH KURBUSTAN IN THE SYSTEM OF ALTAI TRADITIONAL CULTURE

T.M. Sadalova

National Committee for UNESCO in the Altai Republic, Gorno-Altai (Russia)

The article deals with one of the deities in the Altai ritual culture — Yuch Kurbustan. It examines the history of the origin of this image and the form of its adaptation in the pantheon of deities and in the genres of Altai folklore. In addition, the connection of Yuch Kurbustan with more ancient deities and the imposition of a special functional content are considered.

Алтай является одной из территорий, в истории которой были смена культур и влияния многих религиозных течений. Жизнь и бытие народа с древнейших времен имеют свою определенную нишу в окружающей среде, являясь составной частью единого целого. В свою очередь, сам народ по своему представлению знает свое место в мироздании и соотносит его не только с устройством окружающей природной среды, но и со всем ходом своего исторического развития. Поэтому оставаясь приверженцами древней тенгрианской мировоззренческой системы, предки алтайцев наполняли свой пантеон божеств новыми именами.

Действительно, при этом в традиционной культуре современных алтайцев в полной мере сохранены общие мотивы обрядовой системы древних тюрков: обожествление неба, солнца, луны, Мать-Умай, земли и воды. В связи с этим в современной духовно-обрядовой культуре алтайцев можно реконструировать первичный пласт религиозных представлений, который был у наших предков. Конечно же, в первую очередь, это касается верховного божества древних — Тенгри (Тенери). Внутреннее содержание культа Тенери сегодня почти не изменилось, хотя длительный период влияния разных историко-религиозных культур наложил свой отпечаток. Имя божества Тенери, Тенери-Каана часто упоминается наряду с именами других божеств в молитвенных призываниях алтайцев: Кёк-Тенери (Синее Небо) с синонимичными ему божествами: Ульген (Ўлген), Юч Курбустан — Курбустан Тенери (Ўч Курбустан).

Исследователи считают образ Ульгена привнесенным из шаманистского пантеона, иногда относят его к родовым божественным покровителям, но отмечают и изменения и его статуса, так как он упоминается, как Ульген (Улу Ўлген — Великий Ульген; Ўлген Бырхан — Ульген Буркан), таким образом обретает функции божества Верхнего мира, творца, наравне с Тенери [6, с. 528].

Происхождение персонажа Юч Курбустан считается иным, его возводят к манихейской, позже буддийской религиозным эпохам, так как предки алтайцев с манихейством и буддизмом соприкоснулись еще в древнетюркский и уйгурские периоды во время их проникновения через Ближний Восток, Среднюю Азию в Центральную Азию. В «Мифологическом словаре» образ Хормуста возводится к согдийскому Хурмазта, который при принятии согдийцами буддизма был отождествлен с Шакрой (Индра), возглавляющим сонм 33 небесных богов. В мифологии монгольских народов он считается верховным небесным божеством, пребывающим на вершине мировой горы Сумеру (Меру). Он покровительствует земле и всем живым существам, в средневековье он соединился в единое божество — Вечным небом» [5, с. 594]. Американский буддолог Александр Берзин пишет, что именно уйгуры привнесли учение буддизма из Индии в Тибет [2, с. 15]. В этногенезе древних уйгур большую роль сыграли теле — телесские племена, также составившие этническую основу современных алтайцев [4, с. 214]. Активное влияние буддизма на территорию Центральной Азии, духовным центром которого стал Тибет, наблюдалось и в XIII в. во времена хана Хубилая [4, с. 228].

В алтайском культурном наследии более специфичен культурологический пласт, связанный с ойротским историческим периодом, когда буддизм в Центральной Азии и в Джунгарском ханстве получил статус официальной религии в конце XVI в. В Джунгарское ханство с XVII в. Саяно-Алтай вошел в качестве конфедеративных союзников ойротов. Буддизм в Джунгарском ханстве сосуществовал с местными традиционными религиозными верованиями, в том числе культом природы, тенгрианством, шаманизмом [4, с. 214]. С падением Джунгарского ханства централизованная роль буддизма ослабла, на Алтае в религиозной системе приоритетные позиции снова заняли местные традиционные религиозные верования. Но в начале XX в. на Алтае сформировалось религиозное движение акжан — бурханизм, и в новой религиозной системе стала активно оформляться новая религиозная идеология, опиравшаяся на буддизм в его синкретизированной форме с местными традиционными верованиями. Основной лейтмотив призывов бурханизма был связан с ожиданием скорого прихода мессии в лице Ойрот-хана, как посланника Юч Курбустана (Ак Буркана).

Четырехлетний конь
Не скажите, что не доедет,
Дербен Ойрот царь наш
Не скажите, что не придет!
Двухлетний конь
Не скажите, что не доедет,
От Курбустана царя нашего —
Что никто не придет — не скажите! [3, с. 72].

В связи с этим Юч Курбустана считают верховным богом мифологии алтайцев, который занимает центральное место в бурханизме [6, с. 523]. В алтайском бурханизме прослеживается попытка выстроить теоцентрическую систему. Так, местный дух Алтая (Алтай ээзи) получил статус высшего божества и стал называться Алтай-Кудай, который несет в себе и функции других божеств, так как наряду с ним в благопожеланиях и обрядовых песнях продолжают призывать: Тенери, Юч Курбустана, Ак Быркана.

Так, окончательно оформившийся образ Алтай-Кудая вобрал в себя функции всех предыдущих божеств, которым поклонялись предки алтайцев, в том числе и черты хозяев местностей — *жер ээзи*, священных гор *ыйык туу* и небесного божества Тенери — верховного божества древних тюрков, и Юч Курбустана, привнесенного в период манихейства и ранней формы буддизма, Ак Быркана из пост-ойротского времени.

Если обратиться к алтайскому фольклору, то в нем найдем достаточно много аспектов отражения бурханистских мотивов, начиная с персонажей под именем быркан-божеств небесного ранга и духов земли, воды, иногда родовых покровителей. В алтайских мифах, сказках, сказаниях и песнях-благопожеланиях бырканами называют божеств и духов, покровительствующих героям: Солнце-Быркан, Месяц-Быркан, Земля-Быркан. Одним из часто встречающихся персонажей из пантеона божеств не только в обрядовом фольклоре, но и в других жанрах, является Юч-Курбустан.

О смене божественных покровителей героев и установление более стройной трехмерной мировоззренческой системы С.С. Суразаков связывает с тем, что «...в какое-то время в религиозном мировоззрении племен Алтая произошел коренной переворот, отразившийся в эпическом творчестве» [7, с. 47]. С.С. Суразаков, обозначив ключевые персонажи в каждой из этих сфер, затрагивает вопрос об их происхождении, например, выясняет, из-за влияния какой религиозной системы появился тот или иной персонаж, апеллируя к мнениям В. Радлова, А. Шифнера, А. Анохина, которые, например, образы Юч Курбустана, Эрлика связывали также с древним зороастризмом или трансформацией буддийского религиозного пантеона божеств. Исследователь подробно описывает функции Курбустана, Эрлика и подчеркивает взаимное исключение всех трех миров друг друга, хотя в алтайском эпосе отражается совместная борьба небесного и земного миров с подземным. Богатыри рождены небом для борьбы со своим антиподом — подземным миром. При помощи чудесно рожденного героя — богатыря небо борется не только с подземным миром, но и со злыми силами на земле, хотя сам по себе небесный мир в отличие от подземного более пассивен, от его имени борьбу ведут богатыри. Но бывает и так, что богатырей и их коней сотворили земные добрые духи, тогда герои самостоятельно борются с подземным миром, защищая свой народ от зла и страданий [7, с. 49].

В алтайских героических сказаниях Юч-Курбустан дарит родителям душу ребенка, который становится богатырем, богатырю дарит коня, иногда богатыри сватают и женятся на его дочерях. По толкованию С.С. Суразакова, в алтайском фольклоре Юч Курбустан выступает эпизодическим персонажем и его функции состоят: 1) в ниспослании зародыша ребенка (*кут*) престаралым бездетным супругам; 2) в ниспослании богатырского коня [7, с. 48]. Но следует не согласиться с этим выводом, так как во многих крупных алтайских эпических произведениях Юч Курбустан выступает главным божеством, во имя которого и идет война с нижним миром, в эпосе почти отсутствуют божественные персонажи из прежнего пантеона, кроме сюжетных эпизодов сватовства героя к дочерям: Ай-Каана (Месяц-Хан), Кюн-Каана (Солнце-Хан). Видимо, в этих текстах отразился период главенствующей роли Юч Курбустана в божественном пантеоне мировоззренческой системы предков алтайцев. Например, в сказании «Кан-Алтын», записанном от Т.А. Чачиякова, Юч Курбустан является небесным покровителем самого богатыря и его коня. Герой женат на предназначенной ему невесте — дочери Ульгения, который считается божеством шаманистского пантеона, но в этом сказании он получает новый статус, как сын Боодо-Бурхана (местный вариант имени Будды), что как раз свидетельствует о синтезе двух религиозных систем. Улген богатырь Кан-Алтыну дарит чудодейственный золотой шоор (музыкальный инструмент), при помощи которого он одерживает победу над нижним миром [1, с. 296–563].

Исследователи этот образ воспринимают как соединяющий в себе представления о трех божествах-братьях: например, в одном из сюжетов алтайских мифов речь идет о четырех братьях-первотворцах, один из которых (Эрлик) ушел править подземным миром, трое остались в верхнем мире [7, с. 79]. Есть расшифровка Юч Курбустана как трехликого божества Верхнего мира [5, с. 594]. В алтайской фольклористике есть утверждение и о том, что имя верховного божества восходит к древнетюркскому слову: *uc* (конец чего-то (верхнего, нижнего, дальнего), вершина). Не исключено, что Юч-Курбустан относится к этому ряду слов и первоначально, возможно, имело форму Уч-Курбустан — букв. «на самом верху Неба Курбустан» (в алтайских мифах говорится о божестве, до которого не могут долететь шаманы). Общеизвестно, что Хормуст (Курбустан) назван главой 33 небожителей-тенгриев. Видимо, форма Юч (три) — Курбустан явилась следствием такого переосмысления [1, с. 618].

Таким образом, алтайцы до сих пор почитают древнейшие анимистические образы: духов — хозяев местностей, гор, рек, перевалов, духов-предков, хозяина огня и других. Такая модель мира существования выражена в традиционной обрядово-религиозной практике алтайского народа. Ее ценность как части духовной цивилизации состоит в том, что алтайский обрядово-мировоззренческий институт трансформировал в себе духовные и религиозные достижения цивилизаций с древнейших эпох (скифов — пазырыкцев, хуннов, тюрков, тюрко-монголов, ойротов) и сумел выработать уникальную модель своего мира, сохранив в ней древние религиозные отголоски. Поэтому традиционное мировоззрение, составной частью которого является культово-религиозное действие или определенный обряд, не остается в изначальной форме, а является развивающимся явлением. Так, древнейшее божество Тенери, особенно популярное в тюркский и монгольские периоды, со временем заменялось или совмещалось новыми божественными персонажами (Улген, Юч Курбустан, Ак Быркан), привнесенными в разные периоды с новыми религиозными течениями. При этом новые божества со временем адаптировались и находили собственную нишу и роль в функциональной системе обрядовой культуры.

Литература

1. Алтайские героические сказания / сост., перевод: З.С. Казагачева; вступ. ст. С.М. Каташев. — Т. 15. — Новосибирск: Наука, 1997. — 454 с.
2. Берзин А. Тибетский буддизм: история и перспективы развития. — М., 1992. — 31 с.
3. Данилин А.Г. Бурханизм: Из истории национально-освободительного движения. — Горно-Алтайск: Изд-во Ак-Чечек, 1993. — 208 с.
4. История Республики Алтай. — Т. 1. — Горно-Алтайск, 2002. — 359 с.
5. Мифологический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 1992. — 736 с.
6. Несказочная проза алтайцев / сост., перевод: Н.Р. Ойроткиновой, И.Б. Шинжина, К.В. Ядановой, Е.Е. Ямаевой; вступ. ст. Н.Р. Ойроткиновой, Е.Е. Ямаевой. — Т. 30. — Новосибирск: Наука, 2011. — 566 с.
7. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1985. — 255 с.

Сведения об авторе:

Садалова Тамара Михайловна, ответственный секретарь, Национальный комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: sadalova-t@mail.ru

САКРАЛЬНОСТЬ ДВЕРЕЙ И ПОРОГА У ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

Н.О. Тадышева

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

В религиозно-мифологической традиции тюрков Саяно-Алтая айыл — жилище является сакральным, это освоенное пространство, в котором человек находится под защитой семейных божеств, охраняющих семью. Пространство айыл'а закодировано символами, и сегодня исследовательский интерес направлен на сакральное значение дверей, порога айыл'а. Через фольклорные материалы и обрядовую практику предпринимается попытка рассмотрения ритуальной семантики дверей, порога.

SACRAL DOORS, DOORWAYS BY THE TURKS OF SAYANO-ALTAI

N.O. Tadysheva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

In the religious and mythological traditions of the Turks of Sayano-Altai, ayil is a sacred home place where human beings and their families are protected by family gods. The ayil's place is encoded with symbols and that's why,

nowadays researchers' interest is focused on a sacred meaning of a door and doorway. Based on folklore materials and ritual studies they have been attempting to study the ritual semantic of doors and doorways.

Алтайские фольклорные материалы иллюстрируют тесную связь между родом, семьей, айыл'ом и дверьми. Так, в алтайских пословицах говорится: «Эзириктин эжиги тежик, / Аракычынын айылы јут». — «У нетрезвого дверь дырявая, / У пьяницы в юрте грязно» [2, с. 83]. «Энези јаманнын балазын алба, / Эжиги јаманнын торине отурба». — «Ребенка плохой матери не бери, / В передний угол [юрты] с плохой дверью не садись» [2, с. 164–165]. Современные полевые материалы свидетельствуют о том, что алтайцы, сватая для сына девушку, заранее узнают о членах ее семьи и родственниках, о ее роде — сөөк: «уважаемый род» — «сөөк-тайакту, угу-төстү», «род с просторной, мягкой дверью» — «јайым, јымжак эжиктү јурт». Сохраняются представления о сакральной связи рода, семьи и дверей, порога.

Двери, порог делят пространство на свое, освоенное и чужое, неосвоенное, это граница между миром «своих» и «чужих». «Переступить порог» означает приобщиться к новому миру, выйти из-под защиты родовых божеств, которые защищают тебя в «своем» айыл'е. В алтайском героическом эпосе «Кан-Сулутай» отец напутствует дочь, обращая внимание, что вне айыл'а пространство опасное, чужое [8, с. 266–267].

В алтайских загадках двери, порог представлены, как живые: «Јадып алып, јус кижинин будын сакыйт». — «Лежит и ждет прохода [через себя] ста человеческих ног» (Порог двери). Или: «Экузи турат, экузи јадат, Бирузи кожондойт» — «Двое стоят, двое лежат, один песню поет» (Косяки, порог, дверь) [1, с. 90].

По отношению к двери айыл'а и в настоящее время алтайцы придерживаются особых правил поведения в виде запретов о них: дверь обязательно должна открываться на восток; двери айыл'а нельзя оставлять настежь открытыми, дверьми сильно хлопать нельзя, нельзя играть, висеть, втыкать острые предметы, нельзя садиться на порог, нельзя разговаривать, стоять на пороге [11, 13].

По представлениям хакасов порог вызывал чувство почтения, смешанное со страхом. Люди никогда не здоровались через порог, если при входе человек запнулся об порог, то нужно вернуться и перешагнуть заново. Дверью нельзя сильно хлопать, считается, что жизнь будет нелегкой. Ее нельзя открывать ударом ноги — будешь злоязыким. Нельзя наступать на порог, тем более сидеть на нем. Если человек будет стоять в дверном проеме, то порог проклянет, и беды коснутся его семьи. Ребенок, сидящий на пороге, не вырастет, а у взрослого заболит спина [5, с. 86, 119].

У тувинцев юрту ставили дверью на юг или на восток. Придерживались определенного порядка входа в юрту: дверь нужно открывать с четной стороны (от почетного места юрты — напротив входа, по ходу солнца до дверей) левой рукой и переступить порог сначала левой ногой. Не положено входить в юрту, открывая ее дверь с обратной, т.е. противоположной стороны: считается, что там ждут черти, которые могут отнять жизнь человека, нарушившего правило. Хозяин и хозяйка, и их дети также должны соблюдать это правило, иначе их покинет счастье. Запрещалось сидеть и стоять на пороге юрты [9, с. 37].

Особое значение дверей в тувинской культуре отражено в обрядовой поэзии:

Эжик-дөжекти өршээнер!	Дверь-постель помилуйте!
Эжик-дөжектиң угулзазын	Двери-кровати узоры
Доңнай баглааш,	Сложным узлом связав,
Адаа-үстүн өршээнер!	Низ и верх помилуйте! [63].
Или:	
Үнер-кирерин	Вход-выход
Айтып берип турар эжикти,	Обозначающую дверь,
Хой дугу-биле ээрээш,	Овечьей шерстью скручивая,
Хураган дүгү-биле чурагайлаан	Шерстью ягненка украшенную,
Дээвиирни мыйлаанар!	[Войлочную] кровлю [юрты] окуривайте!

[19, с. 64].

Считается, что дух-хозяин порога не пускает в айыл злых духов. По представлениям алтайцев ночью за дверями жилища человека поджидали духи Нижнего мира. «Есть кёрмёс дверного порога с коваными железными щеками, с чёрным-пречёрным каменным сердцем, весь из железа. Страшный, с острым носом, [души] забирает. Люди его боятся. Поэтому люди, шаманы молоком, аракой [порог] окропляют. Чтобы кёрмёс их не трогал, окропляют. Этот рассказ прежде боявшихся их [духов] людей. Их видит шаман, шаманит. Деньги давали, пищу им подбрасывали, много-много чего делали [эти люди]» [14, с. 233].

Материалы А.В. Анохина объясняют, что нечистая сила в айыл алтайца просто так не войдет, ведь «Эрлик-Бий у дверей поставил своих охранников эжик сақычы охранники порога. Для поддержания порядка между злыми духами в их внутренней жизни и охранения человека от произвола их, Эрлик посылает на землю своих сыновей-богатырей. Они, в качестве грозной стражи кату куйак, охраняют дверь айыл'а от входа всего злого, худого — эжигине кату жаман келзе, куйактап јат, за что называются «броня двери» эжиктин куйагы» [3, с. 7].

Алтайцы внутри айыл'а около дверей устанавливали особое место для духа-посредника в шаманизме, а в бурханизме — семейного божества «сары јайык», который охраняет семью от злых сил [18, с. 169]. Обряды, совершаемые на самом пороге, описываются как промежуточные обряды перехода [6, с. 24]. В алтайских сказаниях прослеживается идея о том, что в традиционном представлении дорога — сфера небытия, там поведение людей нерегулируемо и непредсказуемо и никакая социальность невозможна. В фольклорных материалах отражены определенные ритуалы, которые совершаются при выходе из своего пространства, со своей территории. В сказаниях подробно описывается выход из айыл'а при отправлении в путь в чужое неизвестное, неосвоенное пространство [10, с. 285; 4, с. 407, 409; 16, с. 322–325].

Сакральное значение двери и порога находит свое отражение и в современных семейных обрядах: если после посещения посторонними людьми дома с малышом ребенок становится беспокойным, мать, набрав воды в рот, встав на пороге, обрызгивает его водой [17, с. 100–101].

В алтайской свадебной традиции, когда девушка после ритуального умыкания переступает порог дома жениха, то мать парня встречает ее пиалой с молоком, надевает ей платок на голову. Девушка обязана выпить молоко. Здесь хотелось бы обратить внимание на ритуальное действие, совершенное при входе в айыл, которое отражено в алтайском эпосе:

Уулынын тапкан көөркийин	Сыном взятую [в жёны] милую [девушку]
Уткып, эмди эзендешти.	Встретив, поздоровалась.
Ак сүтле күндүлөп,	Белым молоком угостив,
Ак ширдекке отургусты,	На белый ширдек усадила.
Аш јакшызын кайнадып,	Лучшую из еды приготовив,
Албаты-јонын күндүлөди.	Народ-племя свое угощала [7, с. 820–821].

Как считают исследователи, войдя в айыл, невеста келин, чужеродная, начинает приобщаться к новому дому, роду, семье, и молоко может символизировать обряд очищения, который проводят для того, чтобы обезвредить опасность, которая вместе с невестой может прийти из чужого пространства [20, с. 187].

Интересный обряд зафиксирован в с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай, после свадьбы на следующий день проводится обряд — «бозоо канаар» (букв. окровлять порог, здесь жертвоприношения порогу). Суть данного обряда заключается в том, что жених сам закалывает овцу, около дверей, порога дома молодых, после варит мясо, невеста готовит чай, они приглашают родственников и их угощают. Как объяснила информант, значение обряда — всегда жить в достатке [12].

Также при проведении алтайского обряда «башпаады» (букв. голова пошла, здесь предоставляется слово, когда во время свадебной церемонии дается право говорить благопожелания алкыш молодым) произносятся алкыш молодым:

Төр бажында эки мылтык турзын,	В переднем углу два ружья пусть стоят,
Акалу-ийиндү адып турзын.	Старший брат с младшим братом
пусть стреляют.	
Эжик јанында эки аркыт турзын,	У дверей два кожаных мешка пусть стоят,
Эјелү-сыйынду быжып турзын.	Старшая сестра с младшей сестрой пусть зреют

[15, с. 495].

Или:

Эргезине ийт эчизин,	У порога айыл'а [его] пусть собака следом ходит,
Уулазына уй эчизин.	У основания айыл'а [его] корова пусть следом ходит [15, с. 495].

Здесь прослеживается представление, что достаток, счастливая жизнь молодой семьи зависит от домашней утвари и домашнего скота у дверей и порога айыл'а.

В похоронно-поминальной обрядности у алтайцев после проведения похорон, поминальных дней в доме умершего на двери устанавливается веточка с колючками, чтобы злые силы не могли «проникнуть» в дом. И слова, произносимые при прощании с умершим, устанавливают границы для него:

Тожӱгин јымжак болзын,
Јастанган јастыгын
кӱбӱндӱ болзын.
Айлынды айланба,
Эжинди эжиктебе.

Постель твоя мягкой пусть будет,
Подложенная подушка твоя
хлопковой пусть будет.
У дома своего не крутись,
Дверь, порог свой не обивай [15, с. 534].

У хакасов во время поминок ночью брызгали три раза хмельным напитком по порог юрты, причем умершему мужчине правой рукой, а женщине — левой [5, с. 149].

Фольклорные материалы, героические сказания, пословицы, загадки, благопожелания отражают сакральное значение дверей, порога в пространственной ориентации традиционной картины мира. Прослеживается влияние оппозиции «свое» — «чужое», символическая связь рода, семьи с дверьми айыл'а, порогом. Сохранение ритуальной семантики дверей, порога представлено и в современной семейной обрядности тюрков Саяно-Алтая.

Литература

1. Алтайские загадки. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. изд-ва, 1981. — 176 с.
2. Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сӱстӱр) / сост. Н.Р. Ойноткинова. — Новосибирск, 2010. — 268 с.
3. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Репринтное издание. — Горно-Алтайск: АкЧечек, 1994. — 152 с.
4. Баадай-Кара // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том IV серии «Памятники эпического наследия Алтая». — Горно-Алтайск, 2018. — С. 378-473.
5. Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. — Астана: Кантана Пресс, 2011. — 440 с.
6. Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — М.: Вост. лит. РАН, 1999. — 198 с.
7. Ёскюс Уул. // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. III. Серии «Памятники эпического наследия Алтая». — Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им С.С. Суразакова», 2018. — С. 750-821.
8. Кан-Сулутай // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. III. Серии «Памятники эпического наследия Алтая». — Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им С.С. Суразакова», 2018. — С. 218-345.
9. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. — 232 с.
10. Кускунак-Мерген // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том IV серии «Памятники эпического наследия Алтая». — Горно-Алтайск, 2018. — С. 252-321.
11. НА НИИА. МНЭ. Дело № 119 аудиозапись 2017 г. Тадышевой Н.О., информант Кокшинова (Арбакова) Галина Тыпыровна, 1947 г.р., соок кобок, место рождения и проживания с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай, аудиозапись 2017 г.; перевод Тадышевой Н.О.
12. НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, дневниковая запись 2017 г. Тадышевой Н.О., информант Майхиева (Чичинова) Лилия Мамыевна, 1969 г.р., соок сагал, место рождения и проживания с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай, дневниковая запись 2017 г.; перевод Тадышевой Н.О.
13. НА НИИА. ФМ. Дело № 274, дневниковая запись 1975 г. Дедина И.П. в Усть-Канском районе; перевод Тадышевой Н.О.
14. Несказочная проза алтайцев / сост. Н.Р. Ойноткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30). — Новосибирск: Наука, 2011. — 576 с.
15. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. — Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019. — 704 с.
16. Сары-Салам // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том IV серии «Памятники эпического наследия Алтая». — Горно-Алтайск, 2018. — С. 322-377.
17. Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2011. — 176 с.
18. Тадышева Н.О. Культ јайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. — История № 3 (23) (Июнь / 2013). — С. 169-171.
19. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. д. иск. З.К. Кыргыз. МНЦ «Хоомей». — Новосибирск: Сибирская горница, 2015. — 432 с.
20. Шерстова Л.И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX вв.). — Новосибирск, 2008. — С. 186-246.

Сведения об авторе:

Тадышева Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: tadisheva@mail.ru

РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ДУХОВНОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ)

Е.А. Шершнева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований № 21-011-44027 и № 20-59-44004

Статья посвящена роли благотворительности в удовлетворении духовно-просветительских потребностей мусульманских общин Западной и Южной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. В рассматриваемый период с в российском обществе возрастает роль меценатства, и мусульманское купечество не смогло остаться в стороне от общероссийских тенденций. К тому же благотворительность является неотъемлемой составляющей мусульманского вероучения и требует от мусульманина деятельного участия в филантропической деятельности. Отсутствие государственной поддержки мусульманского образования и помощи мусульманским приходам потребовало от состоятельных представителей уммы более деятельного участия с помощью финансовой поддержки мечетей и учебных заведений. Однако отсутствие государственного признания традиционных форм мусульманской благотворительности потребовало от меценатов развития новых форм благотворительности, а именно создания благотворительных обществ и фондов.

THE ROLE OF MUSLIM CHARITY IN THE SPIRITUAL AND EDUCATIONAL LIFE OF THE COMMUNITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF WESTERN AND SOUTH SIBERIA)

E.A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article is devoted to the role of charity in meeting the spiritual and educational needs of the Muslim communities of Western and Southern Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. In the period under review, the role of patronage in Russian society is increasing, and the Muslim merchants could not stay away from the all-Russian trends. In addition, charity is an integral part of the Muslim faith, and requires a Muslim to actively participate in philanthropic activities. The lack of state support for Muslim education and assistance to Muslim parishes has required the well-to-do representatives of the Ummah to participate more actively through financial support for mosques and educational institutions. However, the lack of state recognition of traditional forms of Muslim charity required patrons to develop new forms of charity, namely the creation of charitable societies and foundations.

Начиная со второй половины XIX в. в российском обществе широкое развитие приобретает благотворительная деятельность. В данный период благодаря изменениям в экономической жизни страны особое место в деле меценатства отводится купцам и фабрикантам. Мусульманское население страны также не осталось в стороне от данного явления, тем более акт пожертвования в исламе рассматривается не только как моральная обязанность, но и как религиозный акт, приближающий человека к Богу.

Начиная со второй половины XIX в. мусульмане стремились активно участвовать в улучшении жизни махали, тем самым помогая как конкретным единоверцам, так и участвуя в содержании мусульманских приходов и учебных заведений [1, с. 184–186; 2, с. 72]. Однако отсутствие организующего и контролирующего центра по распределению пожертвований привело к нерациональному использованию собираемых средств. В связи с этим появляется потребность в передаче пожертвований не частным лицам, а благотворительным организациям, либо мечетям и медресе [3, с. 31–32].

В конце XIX в. мусульманским населением страны поднимается вопрос об открытии различного рода мусульманских благотворительных организаций и фондов. В результате мусульманская благотворительность постепенно приобретает организованную форму [1, с. 187–188]. Наряду с появлением благотворительных организаций мусульманами поднимается вопрос перед государством о возрождении традиционных форм благотворительности, в частности, восстановления вакуфного института. Вакуф — особая форма пожертвования, предназначенная только для благотворительных целей, при этом данный вид пожертвования не может быть потрачен ни на какие другие нужды мусульманской общины или духовенства [1, с. 203–204].

Несмотря на отсутствие законного закрепления данной формы пожертвований, мусульмане оказывали помощь мечетям и учебным заведениям в форме вакуфа. Эти данные подтверждаются сообщением Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 1867 г. о факте внесения в казну вакуфа купцом г. Тары Тобольской губернии [4]. Следует отметить, что данный факт вакуфной благо-

творительности был не единичным явлением на территории Сибири. Так, в 1892 г. от имама мечети г. Петропавловска поступил рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание, в котором сообщалось, что 26 марта 1889 г. купцом Бичуриным было составлено духовное завещание. Согласно завещанию, купец жертвовал в пользу мечети 4000 рублей [5]. В 1898 г. бухарцем юрт Ембаевских Тобольской губернии было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание о ходатайстве перед Министерством внутренних дел о принятии его пожертвования в сумме 19000 рублей в пользу мечети на вечное пользование [6]. Важно подчеркнуть, что пожертвования в пользу мечети делались мусульманами не только в виде денежных сумм или недвижимости. Так, в 1861 г. ахунот г. Петропавловска сообщалось о сделанном пожертвовании 12 священных книг [7, Л. 2–4].

Отсутствие законодательного закрепления вопроса принятия и управления вакуфного имущества не способствовало тому, чтобы вакф выполнял возложенные на него функции. К тому же вмешательство государства в дарственные дела мусульман мешало четкому распределению пожертвованных средств, вынуждая оформлять принимаемые средства от мусульман на условиях завещания [8, Л. 1–7об.].

Следует обратить внимание, что не все ходатайства о пожертвованиях принимались и утверждались губернскими властями. Так, в 1903 г. Оренбургское магометанское духовное собрание просило Полицейское управление уведомить поверенного тюменского бухарца, проживающего в г. Семипалатинске, о том, что Министром внутренних дел отказано в принятии земельного участка в качестве пожертвования на нужды мусульманского прихода. Данный запрет был обоснован Степным генерал-губернатором на основании ст. 100 Степного положения, запрещающего вакф в крае [9, Л. 4–4об.].

Большое значение для мусульман имело образование, которое также никак не поддерживалось государством, поэтому содержание учебных заведений полностью осуществлялось самой общиной. В результате состоятельные представители уммы видели своей задачей поддержание системы школьного мусульманского образования. Благодаря финансовой поддержке мусульманского купечества открывались школы как для мальчиков, так и для девочек, выплачивалось содержание учителям и оказывалась адресная финансовая помощь самим ученикам [10, с. 65–66]. Многие представители предпринимательства, исповедующие ислам, не забывали о социально-экономических и духовных потребностях своей религиозной общины. Добившись материального благополучия, зажиточные мусульмане обращали внимание на развитие и популяризацию образования и науки среди своих единоверцев [11, с. 182].

Рост благосостояния мусульманского купечества в конце XIX в. позволил усилить процесс благотворительности и увеличить суммы на содержание богоугодных заведений [12, с. 192]. Сложившаяся ситуация касалась и Сибири, где мусульманское купечество в середине XIX в. стало занимать достаточно сильные позиции в рамках данного сословия региона. Особую роль в благотворительности, получившей распространение в стране в рассматриваемый период, стали играть всероссийские ярмарки. В частности, Нижегородская и Ирбистская ярмарки стали центрами совершения благотворительных акций. На ярмарках регулярно собирались пожертвования на строительство мечетей и профессиональных учебных заведений [13, с. 98].

На рубеже XIX–XX вв. мусульманская умма стала адаптироваться к новым условиям жизни и формировать иные формы благотворительной деятельности, поскольку в рамках российского законодательства было проблематично использовать более традиционные формы благотворительной деятельности. Община по-прежнему занималась организацией школьного образования, помощью нуждающимся. Однако наряду с этим прогрессивная мусульманская общественность стала открывать благотворительные и культурно-просветительские общества. Создание данного рода обществ способствовало более институализированной и адресной работе в социальной сфере [14, с. 196–198]. В мусульманской среде Российской империи в благотворительности принимали участие все социальные группы. Подобного рода всеобщая включенность мусульманского населения в такую социально ориентированную деятельность способствовала созданию благотворительных обществ.

Процесс сплочения мусульманских общин через благотворительную деятельность шел и в Сибири. В данный период отмечался прирост мусульманского населения в сибирских городах. Ярким представителем жертвователей стал томский купец К. Хамитов, благодаря которому была построена мечеть, открыта русско-татарская школа и частная женская школа. В 1909 г. томские мусульмане подали прошение о разрешении открытия общества по развитию образования. В результате было зарегистрировано «Томское общество мусульман прогрессивистов» [1, с. 196–198; 15].

Одной из задач, которую планировали решать благотворительные общества, являлась просветительская деятельность. В этой связи в рассматриваемый период активно стали организовываться библиотеки. При этом количество литературы религиозного характера в данных библиотеках было незначительно. Такие библиотеки служили в начале XX в. не только способом повышения общекуль-

турного уровня, но и способствовали консолидации мусульманского населения [16, с. 100–101]. Накануне Первой мировой войны в Тюменском уезде Тобольской губернии происходила активизация деятельности мусульман по созданию неполитического общественного объединения, которое бы защищало интересы мусульман в рамках губернии и приняло бы на себя заботы о развитии народного образования в татарской среде. Учредители мусульманского благотворительного и просветительного Общества юрт Ямбаевских Бухарской волости Тюменского уезда ходатайствовали перед Министерством внутренних дел об утверждении Проекта устава Общества [17]. В 1910 г. Енисейскому губернатору было направлено прошение учредителей мусульманского общества попечения о мечетно-мектебных нуждах мусульман г. Минусинска. В прошение учредители указывали, что данное общество необходимо для поддержания нужд мечети и мектебе, а также бедных учеников [18].

В то же время нужно отметить, что власти были озабочены возросшей ролью благотворительных обществ, которые оказывали влияние на мусульманское население страны и способствовали формированию активной политической позиции в обществе. В связи с этим в начале XX в. в ряде регионов было отказано в открытии библиотек и читален для мусульманского населения. Со стороны государства в рамках борьбы с панисламистскими идеями 20 января 1910 г. было издано Циркулярное распоряжение министра внутренних дел П.А. Столыпина, согласно которому губернаторам и градоначальникам следовало более пристально знакомиться с деятельностью мусульманских обществ с целью прекращения их функционирования [14, с. 199–200]. В результате в 1912 г. Томскому мусульманскому благотворительному обществу было отказано в открытии библиотеки и организации вечеров чтения, так как данные пункты не были прописаны в уставе общества. Аналогичная ситуация сложилась в г. Павлодаре в 1914 г. Данный запрет был объяснен отсутствием возможности организации контроля за деятельностью данного учреждения [16, с. 102].

Таким образом, во второй половине XIX в. с ростом материального благосостояния мусульманского купечества активное развитие получает благотворительная деятельность на территории Сибири. Мусульманская благотворительность в данный период начинает приобретать новые формы, узаконенные государством. Мусульманское население стремится легализовать свою филантропическую деятельность путем создания благотворительных обществ и фондов, деятельность которых была бы направлена на поддержание системы мусульманского образования и удовлетворение духовных потребностей общины.

Литература

1. Габадуллин М.З. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. — Казань, 2016. — 252 с.
2. Кузнецова И.Б. Формирование социального капитала мусульман: роль благотворительности // Россия и мусульманский мир. — 2012. № 8. — С. 64–77.
3. Миннуллин З.С. Благотворительные общества и проблемы закята у татар (конец XIX нач. XX вв.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы научно-практической конференции. — Казань, 2006. — С. 30–41.
4. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). — Ф. 295. — Оп. 3. — Д. 6707.
5. ЦГИА РБ. — Ф. 295. — Оп. 3. — Д. 13232.
6. ЦГИА РБ. — Ф. 295. — Оп. 11. — Д. 689.
7. ЦГИА РБ. — Ф. 295. — Оп. 3. — Д. 3703.
8. ЦГИА РБ. — Ф. 295. — Оп. 6. — Д. 4043.
9. ЦГИА РБ. — Ф. 295. — Оп. 8. — Д. 1085.
10. Махмутов З.А. Благотворительная деятельность татарской общины Акмолинской области Республики Казахстан в начале XX века // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. — Вып. 6. — С. 65–68.
11. Артамонычева А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт // Российское предпринимательство. — 2012. — № 10 (208). — С. 178–182.
12. Павленко Е.А. Нотариальное завещание как способ осуществления благотворительной деятельности в конце XIX — начале XX века (на примере Симбирской, Самарской и Саратовской губерний) // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2012. — № 2 (22). — С. 189–193.
13. Таиров Н.И. Татарские предприниматели на всероссийских ярмарках (вторая половина XIX — начало XX веков) // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2008. — Т. 150. — Кн. 1. — С. 92–99.
14. Амелин В.В., Денисов Д.Н., Маргунов К.А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. — Оренбург, 2014. — 304 с.
15. Государственный архив Томской области. — Ф. 126. — Оп. 2. — Д. 2508.
16. Миннуллин З.С. Библиотеки татарских общественных организаций в национальной информационной сети (нач. XX в.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 3 (2). — С. 100–103.

17. Сулимов В.С., Валитов А.А., Федотова Д.Ю. О роли духовенства и общественных объединений мусульман Тюмени и Тобольска в развитии образования в начале XX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13317> (дата обращения: 29.10.2019).

18. Государственный архив Красноярского края. — Ф. 595. — Оп. 35. — Д. 728.

Сведения об авторе:

Шершневa Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: D2703@yandex.ru

**К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
В СЕРЕДИНЕ 1970-х — НАЧАЛЕ 1980-х ГГ.**

Н.С. Гончарова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

*Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований
№ 21-011-44027 и № 20-59-44004*

В статье на основе материалов Национального архива Республики Хакасия рассматривается деятельность комиссий содействия исполкомам по контролю соблюдения законодательства о религиозных культах в середине 1970 — начале 1980 гг. Члены комиссий изучали религиозную ситуацию на местах, беседовали с верующими на собраниях религиозных общин, по месту их работы и жительства. Комиссии действовали в соответствии с официальной политикой государства в отношении религии. Благодаря их работе религиозные общины, которые действовали нелегально, соглашались на регистрацию. При этом уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР считал работу членов комиссий недостаточно эффективной и давал рекомендации по ее совершенствованию.

**ACTIVITIES OF THE COMMISSIONS FOR PROMOTING COMPLIANCE
WITH THE LEGISLATION ON RELIGIOUS CULTS
IN THE MID-1970s — EARLY 1980s IN KHAKASIA (SOUTH SIBERIA)**

N.S. Goncharova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article, based on the materials of the National Archives of the Republic of Khakassia, examines the activities of the commissions to assist the executive committees to monitor compliance with legislation on religious cults in the mid-1970s and early 1980s. Members of the commissions studied the religious situation on the ground, talked with believers at meetings of religious communities, at their place of work and residence. The commissions acted in accordance with the official state policy on religion. Thanks to their work, religious communities that operated illegally agreed to register. At the same time, the plenipotentiary of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR considered the work of the members of the commissions insufficiently effective and made recommendations for its improvement.

В отечественной историографии политика Л.И. Брежнева характеризуется относительной либерализацией в сфере государственно-конфессиональных отношений [2, с. 43; 19, с. 16]. Причиной смягчения антирелигиозной политики СССР в середине 1970-х гг. в определенной степени стало подписание в 1975 г. Хельсинкских соглашений. На международной арене это событие знаменовало мирное регулирование вопросов между Западом и Востоком, «разрядку» в отношениях СССР и США. Соглашение, прежде всего, было направлено на решение ряда вопросов безопасности. Одним из них стал вопрос политических обязательств по правам и свободам человека, в том числе права на свободу совести [20]. В соответствии с международными стандартами советское государство стало создавать условия для реализации этого права через изменения в законодательстве. Однако в действительности создавалась видимость благоприятной обстановки для реализации свободы совести [10, с. 14]. В 1975 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, который внес изменения в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», что уточнило процедуру регистрации религиозных общин. Для регистрации верующие должны были пройти длинный список инстанций, которые рассматривали документы неограниченное количество времени. Окончательное решение о возможности регистрации оставалось за Советом

по делам религий при Совете министров СССР. В новой Конституции СССР 1977 г. провозглашалась свобода совести [7], но на практике это право для верующих было номинальным.

После внесения изменений в законодательство в СССР стала более активно проходить регистрация религиозных объединений, в том числе тех, которые назывались в то время «сектантскими». На территории Сибири это были группы евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, лютеран [2, с. 43]. Еще одним направлением государственно-конфессиональной политики как в стране в целом, так и в регионах стал контроль деятельности незарегистрированных религиозных общин. В регионах, в том числе в Сибири, при этом нередко прослеживалась тенденция формального отслеживания религиозной ситуации [11, с. 153; 3, с. 106]. В то же время следует обратить внимание на то, что в стороне от научного изучения тенденций государственной религиозной политики оказалась Хакасия, входившая в 1934–1990 гг. в состав Красноярского края в статусе Хакасской автономной области. Учет специфики взаимоотношений власти и религиозных организаций этого региона позволит получить наиболее полную картину истории государственно-конфессиональных отношений в Сибири в советское время.

Сведения о религиозной обстановке в Хакасской автономной области Совет по делам религий при Совете Министров СССР получал от уполномоченного Совета по делам религий по Красноярскому краю, который опирался во многом на материалы исполкомов области, городов и районов. В 1966 г. по всей стране при городских и районных советах были созданы комиссии содействия исполкомам советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах. Комиссии содействия исполкомам создавались на общественных началах и действовали по всему Советскому Союзу, к примеру, в Мордовской АССР [6, с. 146], Татарской АССР [8, с. 75], в Кемеровской области [18, с. 230], в Алтайском крае [4] и других регионах. Во всех административно-территориальных субъектах эти комиссии имели одинаковые функции. Члены комиссий должны были постоянно наблюдать за деятельностью религиозных объединений, духовенством и контролировать, насколько они соблюдают законодательство [5, с. 88]. От комиссий зависели условия существования групп верующих, определенные рамки свободы действий для незарегистрированных религиозных объединений [8, с. 76].

После предыдущего периода антирелигиозной кампании с жесткими мерами часть общин, действовавших нелегально (евангельские христиане-баптисты, пятидесятники), не доверяла государству [15, с. 216]. Кроме того, еще во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в Хакасию были переселены протестанты из присоединенных республик СССР, что не могло не отложить негативный отпечаток на взаимоотношения верующих и государственных институтов [8, с. 37]. Следует отметить и тот факт, что со второй половины 1960-х гг. пятидесятники вели оппозиционную деятельность, основным направлением которой стала борьба за эмиграцию в США [9, с. 130]. В Хакасской автономной области постоянно усиливались эмиграционные настроения среди незарегистрированных групп пятидесятников [14, Л. 87]. В такой сложной религиозной обстановке были скоординированы действия общественных, административных и других органов. Большим вкладом комиссии содействия в сложившейся ситуации стала индивидуальная работа с проповедниками. В индивидуальных беседах и на собраниях рабочих коллективов проводилось разъяснение о правилах выезда за границу и о капиталистическом строе жизни [14, Л. 88–89].

Одной из мер работы комиссии по пресечению деятельности незарегистрированных групп пятидесятников было составление актов на незаконные проведения собраний. Такие акты служили основаниями для административных наказаний. Так, в 1978 г. Р.Г. Рода был оштрафован 6 раз за нарушение законодательства о культах. Кроме того, верующих из групп пятидесятников привлекали к уголовной ответственности за отказ от службы в армии [14, Л. 91]. Несмотря на то, что еще в 1920-е гг. религиозные лидеры протестантских направлений признали важность службы в армии с оружием, несогласные с этим оставались [16, с. 97].

Помимо содействия исполкомам в борьбе с эмиграционными настроениями в задачи рассматриваемых комиссий входило не допустить влияния религиозных объединений на население, особенно на молодежь и детей. Важно отметить, что система школьного и высшего образования являлись существенными каналами распространения атеистического мировоззрения [17, с. 3]. В этой связи проводилась активная работа со школьниками с помощью классных руководителей, а за каждой семьей верующих были закреплены агитаторы-атеисты [13, Л. 2].

Одной из первостепенных задач для членов комиссий содействия исполкомам было распространение правовых знаний и разъяснение законодательства о религиозных культах среди верующих. Так, только за 1977 г. в Орджоникидзевском районе Хакасской автономной области было прочитано 120 лекций по этой теме [13, Л. 2]. При этом отмечалось, что в Копьевском районе комиссия содействия исполкомам слабо участвовала в работе по разъяснению советского законодательства о культах, поэтому в 1977 г. там прочитано всего 3 лекции [12, Л. 59]. В связи со значительными нарушениями

ями законодательства о культах со стороны Свидетелей Иеговы областной Совет народных депутатов Хакасской автономной области в 1978 г. составил список мероприятий, который включал в себя, в том числе изменения в работе комиссий содействия исполкомам [14, Л. 9]. Важно отметить, что качество работы рассматриваемых комиссий существенно улучшило бы повышение уровня знаний ее состава. Зачастую члены комиссии не имели специального образования, самостоятельно не просвещались, в текущую религиозную ситуацию не всегда вникали, а также редко посещали собрания верующих [13, Л. 2]. Отмеченная ситуация свидетельствовала о нехватке профессиональных кадров, которые имели бы фундаментальные знания в области научного атеизма.

Еще одной обязанностью комиссий содействия исполкомам было посещение молитвенных собраний с целью изучения характера проповедей. Однако по факту такая работа сводилась только к их фиксации. Областной исполнительный комитет в 1978 г. отметил неудовлетворительное изучение проповеднической деятельности, а также случаи нарушения законодательства о культах в православных общинах, явления так называемой экстремистской деятельности в зарегистрированных и незарегистрированных обществах протестантского направления, бесконтрольную деятельность последователей Свидетелей Иеговы [14, Л. 5]. Уполномоченный Совета по делам религии при СМ СССР по Красноярскому краю В.И. Броневиц из-за активности в общинах пятидесятников, СЦЕХБ, Свидетелей Иеговы также критиковал работу членов комиссий [14, Л. 1–2].

В своей работе комиссии содействия исполкомам действовали совместно с уполномоченным Совета по делам религий СМ СССР и согласовывали с ним свою работу. В этой связи они учли его критические замечания и стали более тщательно планировать свою деятельность. Например, комиссия содействия исполкому в г. Черногорске включила в свой план работы изучение внутренних процессов в религиозных общинах, проповеднической деятельности, влияния на окружающих [14, Л. 104–106].

Еще одним направлением работы комиссий содействия исполкомам была проверка жалоб и заявлений по вопросам нарушения законодательства. Чаще всего в отчетах указывалось на отсутствие жалоб со стороны верующих [14, Л. 56]. Однако, скорее всего, такая ситуация являлась попыткой скрыть реальные масштабы недовольства верующих, особенно пятидесятников из-за того, что им не удавалось эмигрировать.

В задачи членов комиссий содействия исполкомам также входило изучение религиозной обстановки в регионе. Так, Абаканский исполком горсовета через комиссию по соблюдению законодательства о религиозных культах осуществлял постоянный контроль деятельности религиозных организаций. С руководителями и активными членами общин проводились беседы по легализации групп. Члены комиссии регулярно посещали собрания верующих [14, Л. 43]. Таким образом, религиозные общины в присутствии членов комиссий собирались именно для богослужений и не обсуждали ничего, что могло бы быть расценено представителем комиссии как нарушение законодательства.

Таким образом, на протяжении ряда лет комиссии содействия контролю соблюдения законодательства о культах в Хакасской автономной области постоянно усиливали контроль деятельности религиозных общин. Члены комиссий выполняли основную работу по сбору любой информации о религиозных объединениях. В своей работе комиссии опирались на официальные установки в отношении религии. Деятельность комиссий в Хакасской автономной области в середине 1970 — начале 1980 гг. не всегда была организована должным образом и своевременно, часто активизировалась за счет директив. При этом она находилась в русле общесоюзных тенденций определенного смягчения государственно-религиозных отношений, которые на практике характеризовались отказом от репрессивных мер в сторону тотального контроля деятельности религиозных объединений. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР отслеживал деятельность членов комиссий, давал рекомендации по улучшению их работы. В дальнейшем применение этих рекомендаций способствовало дифференциации функций комиссий содействия контролю исполнения законодательства о культах, росту профессиональных компетенций и более качественной работе ее состава.

Литература

1. Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. — Новосибирск, 2006. — 168 с.
2. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е 1960-е гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — Кемерово, 2009. — 51 с.
3. Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х — начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Народы и религии Евразии. — 2017. — № 3–4 (12–13). — С. 99–110.
4. Дворянчикова Н.С. Деятельность общества «Знание» и комиссии содействия в антирелигиозной пропаганде в середине 1960 начале 1970 гг. (на примере Алтайского края) // Этнокультурные и этносоциальные

процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. — Барнаул, 2016. — С. 325–330.

5. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов / под ред. В.А. Куродова, А.С. Панкратова. — М., 1981. — 335 с.

6. Занкина А.С. Влияние Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах на татарскую умму Лямбирского района Мордовской АССР // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — № 3. — С. 146–149.

7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). — М., 1977. — 127 с.

8. Ибрагимов Р.Р. Роль и место исполкомов районных и городских советов депутатов трудящихся в реализации политики советского государства в отношении религии (по материалам Татарской АССР за 1940–1980-е годы) // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. — 2008. — № 3 (12). — С. 74–76.

9. Королев А.А., Королева Л.А., Молькин А.Н. Движение пятидесятников в СССР в 1950–1980 гг. // Genesis: исторические исследования. — 2013. — № 6. — С. 125–131.

10. Молодов О.Б. Советское государство и Русская православная церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Архангельск, 2006. — 23 с.

11. Набиев Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в России. — Казань, 2013. — 216 с.

12. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 2. — Оп. 14. — Д. 51.

13. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 8. — Оп. 49. — Д. 32.

14. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. Р-39. — Оп. 1. — Д. 1914.

15. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. — СПб., 2009. — 356 с.

16. Никольская Т.К. Русские протестанты: отношение к политике (Советский период) // Богословские размышления. Спецвыпуск «Реформация 500». — 2015. — С. 93–104.

17. Савинова И.Д. Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть 1917–1991 г. — В. Новгород, 1998. — 110 с.

18. Серова Е.А. Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах (на примере общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции. — Новосибирск, 2010. — С. 228–230.

19. Стамболиди А.В. Государственно-конфессиональные отношения в СССР в середине 60-х — начале 80-х годов XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2009. 23 с.

20. Чебанян Р.А. Хельсинкский заключительный акт 1975 года: причины подписания и последствия // Исторические науки и археология. — 2017. — Т. 9. — № 3/2. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/helsinkiy-zaklyuchitelnyy-akt-1975-goda-prichiny-podpisaniya-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 04.04.2021).

Сведения об авторе:

Гончарова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: znsngns_p@mail.ru

АТЕИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ХАКАСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х ГГ.

Н.С. Гончарова, Н.С. Дворянчикова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований № 21-011-44027 и № 20-39-70010

В статье рассматриваются атеистическая работа в Хакасской автономной области во второй половине 1970-х гг. Важную роль в этот период играло проведение пропагандистских мероприятий и научная аргументация в пользу материалистического мировоззрения. В Хакасии атеистическую работу проводили члены комиссий содействия законодательству о культах и лекторы общества «Знание». Для распространения атеизма организовывались тематические беседы и лекции, агитпоезда. Активно работали в этом направлении библиотеки и СМИ. Важным направлением атеистической работы стало внедрение в жизнь населения социалистической общности. Сделан вывод о том, что в отличие от других регионов Сибири, атеистическая пропаганда продолжала проводиться не менее динамично, чем в предыдущий период.

ATHEISTIC WORK IN THE KHAKASSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1970s

N.S. Goncharova, N.S. Dvoryanchikova
Altai State University, Barnaul (Russia)

The article deals with the atheistic work in the Khakass Autonomous Region in the second half of the 1970s. An important role in this period was played by conducting propaganda events and scientific arguments in favor of a materialistic worldview. In Khakassia, atheistic work was carried out by members of the commissions for promoting legislation on cults and lecturers of the society «Knowledge». Thematic talks and lectures, propaganda trains were organized to spread atheism. Libraries and mass media actively worked in this direction. An important area of atheistic work was the introduction of socialist rituals into the life of the population. It is concluded that, unlike other regions of Siberia, atheistic propaganda continued to be carried out no less dynamically than in the previous period.

Официальный атеизм в СССР являлся важнейшей частью марксистско-ленинской идеологии и был призван сформировать новую ментальность [1, с. 375]. Важно отметить, что уже с середины 1960-х — начала 1970-х гг. атеистическая пропаганда в стране претерпевает определенные изменения. Прямое давление на религиозные организации уменьшается и увеличивается проведение пропагандистских мероприятий [9, с. 22]. В период 60–70-х г. развивался научный атеизм, в области социологии религии проводились научные изыскания в контексте атеистической пропаганды [8, с. 86].

В Хакасской автономной области меры по совершенствованию атеистического воспитания трудящихся и преодолению религиозных взглядов и представлений принимали общество «Знание» и комиссии содействия исполкомам по соблюдению законодательства о культах. Для этого привлекались депутаты, общественные организации, СМИ, проходило внедрение новых обрядов, была организована индивидуальная и групповая работа [2, Л. 57]. С 1975 г. появляется новая форма работы — атеистические агитпоезда. Так, в 1977 г. было организовано три выезда агитпоезда в один из наиболее сложных по религиозной обстановке районов — Орджоникидзевский [3, Л. 63].

Атеистическая пропаганда в Хакасии велась посредством ряда мероприятий. Так, при исполкоме Богградского райкома за 1979 г. прочитано 388 лекций на естественнонаучные и научно-атеистические темы, работал атеистический лекторий, проводил атеистическую работу факультет медицинских знаний при народном университете. В этом же районе прошли читательские конференции «У жилища злых духов», устные журналы «Религия и современность», «Религия перед судом сатиры», лекции в ДК «Духовный мир человека и путь его совершенствования», «Религия. Верующие, жизнь», вечер «Верующие в цепях тьмы» и др. [2, Л. 9]. Следует отметить, что в других регионах Сибири, например, в Алтайском крае большинство читаемых лекций и проводимых бесед по атеистической пропаганде также освещали вопросы истории религии, возникновение религиозных праздников, описание религиозных обрядов [7, с. 47].

Существенную роль в распространении атеизма в Хакасии играли СМИ. Большой масштаб имела атеистическая пропаганда в Орджоникидзевском районе: имелось 5320 радиоточек, 3687 телевизоров. Население выписывало 27 тыс. газет и журналов [3, Л. 57]. В газете «Черногорский рабочий» были опубликованы статьи: «Никто не свернет нас с пути», «Узкий путь Петра Ващенко» [2, Л. 89–90]. Кроме того, проводились беседы за круглым столом в редакции городской газеты, а также ответы на письма верующих граждан через газету и другие мероприятия [5, Л. 32].

Распространением атеистического мировоззрения активно занимались библиотеки Хакасии. В 1978 г. библиотеками районов были организованы выставки книг, вечера «Как возникли суеверия», «Наука и суеверия», устные журналы «Через костры инквизиции», «Медицина, религия, знахарство», беседы по книгам, оформлены рекомендательные списки в помощь пропагандистам, уголки атеиста [4, Л. 51]. За 1980 г. было проведено 37 выставок атеистической литературы, выдано 3532 экземпляра литературы по атеизму [2, Л. 57].

Следует отметить, что атеистическая работа не всегда велась успешно. Например, в местной газете Орджоникидзевского района было недостаточно материалов атеистического характера [6, Л. 2], а журнала «Наука и религия» было выписано на 23% меньше. Кроме того, слабо использовались средства кино, художественных фильмов атеистического содержания, не везде были организованы тематические показы, научно-атеистические лекции. Например, в п. Июс, где находились объединения Свидетелей Иеговы, евангельских христиан-баптистов, лютеран, в 1977 г. художественные фильмы не демонстрировались [3, Л. 59].

Одной из важных форм атеистической работы в Хакасии было внедрение социалистических праздников и обрядов. Еще в 1964 г. ЦК КПСС принял постановление «О внедрении в быт советских людей гражданских обрядов». Такая практика была призвана заменить религиозные аналоги и спо-

собствовать принятию социализма [1, с. 376]. Так, в Усть-Абаканском районе в 1978 г. проведено большое количество новых гражданских обрядов, а именно — торжественных регистраций новорожденных — 90 человек, торжественных регистраций бракосочетания — 318 пар [4, Л. 71].

Большое внимание атеистической пропаганде уделялось в г. Черногорске. Дело в том, что общины пятидесятников в этом городе вели активную деятельность и имели ряд трудностей во взаимоотношениях с властью. В целях снижения уровня религиозности населения в Черногорске активно внедрялись гражданские праздники и обряды. Так, в 1977 г. в торжественной обстановке было зарегистрировано 705 пар, 902 новорожденных. В 1977–1979 гг. были проведены праздники «Слава труду», «Проводы в Армию», «Народ и Армия едины», «Проводы зимы», «День памяти погибших черногорцев в Великой Отечественной войне и умерших тружеников города», праздники вручения советского паспорта [5, Л. 32]. Часто для таких новых праздников базой становились дома культуры.

Кроме того, в домах культуры организовывались кинолектории атеистических знаний. Так, в ДК «Юбилейный» были прочитаны лекции: «Наука против религии» с показом фильма «Дом на окраине», «Приметы и их научное истолкование» — фильм «Марийкина судьба» и др. Кинолектории разделялись по разным аудиториям. Так, был проведен праздник женщин «Ты хозяйка семьи, завода, огромной страны». Для молодежи проводили балы: «Осенние листья», «Новогодний», декады художественных фильмов в сопровождении выступлений киноактеров и артистов областного драматического театра [5, Л. 38].

Массовая атеистическая пропаганда, внедрение в быт трудящихся новых советских и безрелигиозных праздников, обрядов, ритуалов активно велись также в общежитиях. Проводились вечера встреч молодежи с ветеранами войны, труда, передовиками производства, ветеранами партии и комсомола, чествование передовиков производства, вручение правительственных наград и проводы на пенсию, посвящение в рабочий класс, конкурсы «А, ну-ка, девушки», «А, ну-ка, парни». В 1977 г. в торжественной обстановке на заслуженный отдых были отправлены верующие из отделочного и из ткацкого производства [5, Л. 37].

Следует заключить, что в атеистической работе в Хакасии во второй половине 1970-х гг., как и по всей стране, стала использоваться научная аргументация. При этом в области в рассматриваемый период не наблюдался спад атеистической работы, что было связано с попыткой снизить высокий уровень религиозности среди верующих групп населения, настроенных негативно к религиозной политике государства.

Литература

1. Агаджанян А.С. Конференция «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 1 (30). — С. 357–377.
2. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. Р-39. — Оп. 1. — Д. 1914.
3. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 2. — Оп. 14. — Д. 51.
4. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 3. — Оп. 57. — Д. 39.
5. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 4. — Оп. 59. — Д. 24.
6. Национальный архив Республики Хакасия. — Ф. 8. — Оп. 49. — Д. 32.
7. Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Атеистическая пропаганда на Алтае как элемент государственно-конфессиональной политики в 1964–1982 гг. // Религиоведение. — 2019. — № 2. — С. 47–55.
8. Климова С.М., Молостова Е.С. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60–80-е гг. XX века) // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 16 (159). — С. 86–96.
9. Чаусов А.И. Эволюция советской атеистической пропаганды с середины 50-х по начало 80-х гг. XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Великий Новгород, 2010. — 26 с.

Сведения об авторах:

Гончарова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: znsngns_p@mail.ru

Дворянчикова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х — НАЧАЛЕ 1980-х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Н.С. Дворянчикова, Н.С. Гончарова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

*Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований
№ 21-011-44027 и № 20-59-44004*

В статье проанализирована государственно-конфессиональная политика советской власти в отношении религиозных общин Новосибирской области во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. В исследуемый период происходит изменение государственно-конфессиональных отношений как в СССР в целом, так и в Новосибирской области в частности. Для данного периода характерно возобновление регистрации организаций Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, меннонитских и лютеранских общин. Кроме того, власти старались контролировать общины христиан веры евангельской, Совета церквей евангельских христиан-баптистов, которые выступали против официальной регистрации. В статье показаны особенности положения православных, мусульманских, протестантских и ряда других религиозных общин. Отдельное внимание уделено процессу регистрации, социально-экономическим, демографическим изменениям внутри общин. Стоит также отметить, что роль уполномоченного по делам религий в исследуемый период свелась преимущественно к написанию отчетов об увеличении количества верующих, обрядов.

**THE SOVIET STATE AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS
IN THE SECOND HALF OF THE 1970s — EARLY 1980s
(BASED ON THE MATERIALS OF THE NOVOSIBIRSK REGION)**

N.S. Dvoryanchikova, N.S. Goncharova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article analyzes the state-confessional policy of the Soviet government in relation to the religious communities of the Novosibirsk region in the second half of the 1970s — early 1980s. During the study period, there is a change in state-confessional relations, both in the USSR as a whole, and in the Novosibirsk region in particular. This period is characterized by the resumption of registration of organizations of the All-Union Council of Evangelical-Christian Baptists, Mennonite and Lutheran communities. In addition, the authorities tried to control the communities of Christians of the Evangelical faith, the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists, who opposed official registration. The article shows the peculiarities of the situation of Orthodox, Muslim, Protestant and a number of other religious communities. Special attention is paid to the registration process, socio-economic and demographic changes within the communities. It is also worth noting that the role of the Commissioner for Religious Affairs in the study period was mainly reduced to writing reports on the increase in the number of believers and rites.

История государственно-конфессиональных отношений в СССР является на сегодняшний день одной из актуальных тем в отечественной исторической науке. Исследование и анализ взаимоотношений советского государства и религиозных объединений поможет в будущем миновать проблемы в государственно-конфессиональной политике, а также будет содействовать формированию целостной модели взаимодействия между различными конфессиями и государством. В связи с этим важно рассмотреть изменения, которые произошли в государственно-конфессиональной политике во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. в Западной Сибири на примере анализа обозначенных процессов в Новосибирской области, которая отличалась поликонфессиональным составом населения. Важно отметить, что положение религиозных организаций в советский период в стране достаточно хорошо освещено в современной исторической науке в трудах О.В. Васильевой, М.И. Одинцова, Т.К. Никольской. Однако ученые рассматривали преимущественно общесоюзные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях. При этом региональная проблематика взаимоотношений государственных институтов власти и религиозных общин, в том числе в Новосибирской области, изучена недостаточно полно. В частности, недостаточно уделено внимания положению мусульманских, протестантских религиозных организаций в Новосибирской области.

Наиболее объективно проанализировать положение религиозных общин в контексте государственно-конфессиональной политики СССР во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. позволяют архивные материалы и правовые документы. Архивные источники представлены деловыми переписками уполномоченного Совета по делам религий по Новосибирской области с Советами, райкомами, горкомами и религиозными объединениями; статистическими данными; распоряжи-

тельными материалами; законодательными нормативно-правовыми актами государственных и партийных органов.

Следует отметить, что подписание Советским Союзом Хельсинкского акта 1975 г. включало в себя и реализацию прав свободы совести. Подписание данного акта повлияло в том числе и на положения готовившегося проекта новой Конституции СССР. «В отличие от Конституции 1936 г., — подчеркивали разработчики, — проект впервые закрепляет общий принцип равенства граждан перед законом как общую норму», а «равноправие ... рассматривается в качестве предпосылки всех прав и обязанностей граждан» [15, с. 149]. Таким образом, определенные изменения в государственно-конфессиональных отношениях в СССР наметились с середины 1970-х гг. Подтверждением служит, например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. [17], в котором были внесены изменения в советское законодательство о религиозных культах. В результате были расширены возможности религиозных общин в отпращивании культов. В то же время данное постановление носило «номинальный характер».

В 1977 г. определенные надежды для верующей части населения страны на исправление ситуации давал факт разработки новой Конституции СССР. Ее проект был обнародован для всенародного обсуждения в начале 1977 г. [16, с. 417]. С принятием новой Конституции СССР произошло некое смягчение отношения в стране к религиозным организациям [14]. Однако после ее принятия ситуация в государственно-конфессиональных отношениях была неоднозначной [13, с. 38].

Подписание соглашений, а также Конституция 1977 г. оказали влияние на деятельность религиозных общин на территории СССР, в том числе и на развитие религиозной ситуации в Новосибирской области. Так, на 1976 г. на территории Новосибирской области действовали лишь три православные церкви. В 1977 г. в данном регионе произошло увеличение численности духовенства. К 1977 г. насчитывалось уже 20 официально действующих священнослужителей [4, Л. 8]. Необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период в Новосибирской области происходило увеличение уровня образования священнослужителей.

Стоит отметить, что в 1978 г. работа Уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР на юге Западной Сибири строилась с учетом требований новой Конституции СССР о свободе совести. После открытой публикации законов в области религии и церкви верующие ряда населенных пунктов стали более настойчиво ставить вопросы о регистрации религиозных объединений на юге Западной Сибири. Так, в 1978-1979 гг. православные верующие г. Барабинска отправляли в Совет по делам религий ходатайства о регистрации. Однако их заявления не получили сразу положительной резолюции [6, Л. 8]. Община была зарегистрирована только в конце 1980 г. Кроме того, в 1978 г. поступило заявление от православных верующих о регистрации и предоставлении в их пользование здания бывшей церкви в г. Куйбышеве Новосибирской области. Куйбышевский горисполком проинформировал, что не возражал против аренды помещения для проведения богослужения, но выделить здание за счет государственного фонда не мог [5, Л. 55]. Стоит отметить, что отказы в регистрации православным общинам присутствовали и в других регионах. Так, православные верующие Камчатки с 1974 по 1983 г. более десяти раз подавали ходатайства о регистрации общины, однако местные власти находили разнообразные причины отказов [12, с. 125].

В исследуемый период в Новосибирской области возрастают доходы и православной церкви, а также сама численность верующих. К 1979 г. насчитывалось 1495 православных верующих, а уже на следующий 1980 г. — 2286 человек, в 1981 г. — 2339 человек [11, Л. 23]. Примечательными являются данные о количестве верующих в дни религиозных праздников. Так, в 1978 г. в день Пасхи 4 зарегистрированные православные церкви Новосибирской области посетили 61685 человек. Причем в Вознесенский собор г. Новосибирска пришло 60 тысяч верующих [8, Л. 12].

В отличие от общин русской православной церкви в старообрядческих объединениях в исследуемый период отмечается снижение количества религиозных обрядов. Так, в старообрядческой общине (г. Новосибирск) в 1979 г. произошло сокращение численности крещений. Всего было крещено лишь 7 человек. Кроме того, было совершено 123 молебна, 464 обедни, 9 венчаний, 12 очных погребений, 124 заочных, 63 панихиды [9, Л. 5].

В исследуемый период на территории Новосибирской области официально действовала одна мусульманская община. Отдельные группы верующих располагались в селах Юрт-Ора, Казанке, Юрт-Ақбалыке и др. [11, Л. 16]. В мусульманской общине легально действовал один мулла со средним духовным образованием. По национальности верующие-мусульмане были преимущественно татарами и лишь небольшое количество их них являлись этническими казахами. Посещали мечеть в основном люди преклонного возраста. При этом в дни религиозных праздников мечеть посещало и несколько молодых людей, в среднем 5-7 человек [7, Л. 4].

В 1970–1980-х гг. в Новосибирске произошла активизация деятельности католической общины. Верующие г. Новосибирска неоднократно писали прошения о регистрации, однако большинство активистов сменили место жительства, поэтому данная община не была зарегистрирована [9, Л. 37]. В 1978 г. местные власти взяли на учет группу верующих католиков г. Новосибирска, состоявшую из 16 человек, однако долгожданную регистрацию община получила лишь в 1982 г. [1, Л. 11]. К 1983 г. количество членов общины значительно возросло, и ее численность составила 240 человек. В течение года в общине, по официальным данным, было совершено 30 крещений и 16 венчаний.

Кроме вышеуказанных религиозных объединений в рассматриваемый период в г. Новосибирске продолжала действовать иудейская община. В основном общину посещали евреи преклонного возраста в количестве 15–17 человек. Уполномоченный Совета по делам религий отмечал, что нарушений законодательства со стороны общины не было зафиксировано.

Баптистские общины в Новосибирской области были представлены Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов, а также Советом церквей евангельских христиан-баптистов. К 1978 г. в Новосибирской области было учтено 8 легально действующих общин ВСЕХБ, состоящих из немцев. Самая крупная община располагалась в г. Новосибирске, в которой состояло 1117 верующих, в том числе 200 немцев. Зарегистрированная община с. Орловка Купинского района и община с. Кузнецовка Баганского района Новосибирской области, состояли полностью из немцев. Однако они были немногочисленны и суммарно в двух общинах состояло всего 43 человека. Остальные зарегистрированные общины ВСЕХБ в Новосибирской области располагались в г. Купино (50 чел.), п. Сибирь Купинского района (31 чел.); с. Неудачино Татарского района (32 чел.); с. Ордынское (27), г. Карасук (32).

В 1981 г. произошла активизация деятельности Совета церквей в Новосибирской области. В исследуемый период численность общины г. Новосибирска составляла 190 человек [2, Л. 19–20]. Важно упомянуть, что общины последователей СЦЕХБ активно взаимодействовали с верующими из других регионов. Так, в 1981 г. в Семипалатинской области на железной дороге были задержаны члены Новосибирской общины сторонников Совета церквей, которые везли в Новосибирск из Казахской ССР значительное количество литературы. Затем происходил обыск у сторонников Совета церквей евангельских христиан-баптистов г. Новосибирска и было обнаружено 1,5 тонны книг. По предварительным данным, литература была завезена из Казахской ССР. Однако Новосибирск являлся перевалочной базой по распространению литературы в общинах Сибири и Дальнего Востока [2, Л. 21].

В 1978 г. в Новосибирской области действовала одна зарегистрированная община лютеран, в которой насчитывалось 210 человек (мужчин — 16%, женщин — 84%). Стоит отметить, что в Новосибирской области также действовали три общины адвентистов седьмого дня (в 1977 г. община г. Бердска получила официальную регистрацию) [5, Л. 8], а также легально действовали три общины меннонитов.

Последователей другого протестантского направления — ХВЕ (или пятидесятников) в Новосибирской области насчитывалось три общины. Все общины действовали нелегально. Община Новосибирска была самая многочисленная, а молитвенный дом посещали 60–70 человек [9, Л. 16].

Свидетели Иеговы в Новосибирской области в основном действовали в Красноозерском и Чулымском районах, а также отдельные верующие проживали в самом г. Новосибирске [3, Л. 42]. Последователи указанного религиозного направления тщательно конспирировали молитвенные собрания, а от регистрации категорически отказывались.

Таким образом, с принятием новой Конституции СССР начинают происходить изменения в государственно-конфессиональной политике, как в СССР в целом, так и в Новосибирской области. С 1977 г. начинается процесс легализации деятельности общин. В период со второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. произошло увеличение доходов ряда религиозных объединений Новосибирской области (православных, старообрядческих, мусульманской общин). В исследуемый период в Новосибирской области легально начинают действовать католическая община, лютеранские, меннонитские общины, а также последователи адвентистов седьмого дня. Однако были и религиозные общины, которые находились на отрицательной позиции, касаясь регистрации — общины Совета церквей ЕХБ, христиане веры евангельской.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 223.
2. ГАО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 242.
3. ГАО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 154.
4. ГАО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 213.
5. ГАО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 218.
6. ГАО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 221.

7. ГАНО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 222.
8. ГАНО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 227.
9. ГАНО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 228.
10. ГАНО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 230.
11. ГАНО. — Ф. 1418. — Оп. 1. — Д. 252.
12. Дударенок С.М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций // Россия и АТР. — 2005. — № 2. — С. 123–135.
13. Клименко Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дисс. ... канд. юр. наук. — М., 2007. — 220 с.
14. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). — 356 с.
15. Медушевский А.Н. Основной закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «Развитого социализма» // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2014. — № 3 (74). — С. 149–168.
16. Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой...». История Пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. — СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2012. — 504 с.
17. Указ Президиума ВС РСФСР от 23.06.1975 «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» // Консультант Плюс: [сайт]. [1997–2021]. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22615#024006540420579325> (дата обращения: 29.11.2019).

Сведения об авторах:

Дворянчикова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

Гончарова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: znsngns_p@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В СЕРЕДИНЕ 1960-х — СЕРЕДИНЕ 1980-х ГГ.

Н.С. Дворянчикова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023)

В статье исследовано положение религиозных общин Омской области в контексте государственно-конфессиональной политики советской власти в середине 1960-х — середине 1980-х гг. В исследуемый период происходит изменение религиозной политики, как в СССР в целом, так и на территории Омской области в частности. Данный период характеризуется возобновлением регистрации организаций Всесоюзного совета евангельских-христиан баптистов, меннонитских и лютеранских общин. Кроме того, контролировались общины христиан веры евангельской, Совета церквей евангельских христиан-баптистов, которые выступали против официальной регистрации. Существенное внимание уделено процессу легализации деятельности общин, функционированию нелегальных объединений, их территориальному размещению, количественному составу.

SOME ASPECTS OF STUDYING THE SITUATION OF RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE OMSK REGION IN THE CONTEXT OF THE RELIGIOUS POLICY USSR IN THE MID-1960s — MID-1980s

N.S. Dvoryanchikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article examines the position of religious communities in the Omsk region in the context of the state-confessional policy of the Soviet regime in the mid-1960s — mid-1980s. During the period under study, there is a change in religious policy, both in USSR in general, and in the territory of the Omsk region in particular. This period is characterized by the renewal of registration of organizations of the All-Union Council of Evangelical Christians Baptists, Mennonite and Lutheran communities. In addition, the communities of Christians of the Evangelical faith, the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists, which opposed official registration, were controlled. Much attention is paid to the process of legalizing the activities of communities, the functioning of illegal associations, their territorial distribution, and their quantitative composition.

С избрания первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1964 г. отношение к религиозным общинам страны стало несколько более благоприятным, чем в предшествующий период. Однако деятельность ряда протестантских общин, а также так называемых «сектантских» объединений продолжало быть затруднительным. Однако стоит упомянуть, что правительством были приняты некие послабления. Так, 30 сентября 1965 г. Президиум ВС СССР принял Указ «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект «Свидетели Иеговы», «Истинно-православные христиане», «иннокентьевцы», «адвентисты-реформисты» и членов их семей». Согласно этому секретному указу, «свидетели Иеговы», как и члены других «антисоветских сект», освобождались от административного надзора и могли покинуть место спецпоселения [12, с. 30–31].

Важным фактором в изменениях религиозной политики СССР данного периода является принятие новой Конституции СССР в 1977 г., а в 1979 г. — Конституция РСФСР. Отмечалось, что в стране было построено «развитое социалистическое общество». Статья 52 Конституции 1977 г. закрепляла права верующих на свободу вероисповедания [9, с. 333]. Провозглашенная в Конституции СССР свобода совести на практике в полном объеме не реализовывалась, поэтому государственно-конфессиональная политика в рассматриваемый период носила неоднозначный характер [11, с. 67].

Важным аспектом в изучении деятельности религиозных общин является процедура регистрации. Поскольку только легализованные общины могли приступить к функционированию, отправлять богослужения, использовать культовые здания и т.д. Кроме того, регистрация обязывала членов религиозных объединений действовать в рамках действующего законодательства. Полномочия о принятии решения на регистрацию или снятия с регистрации религиозных общин принадлежали Совету по делам религий при Совете Министров. Регистрацию религиозных объединений советское государство рассматривало как признание правового положения верующих и как гарантию удовлетворения их религиозных потребностей [10, с. 80]. Но нельзя не заметить того обстоятельства, что для власти процесс регистрации также являлся возможностью контроля деятельности религиозных общин. Так, на 1965 г. на территории Омской области официально действовало лишь восемь зарегистрированных религиозных общин. Большинство общин принадлежало РПЦ: две общины располагались в г. Омске численностью 7 тысяч человек, в с. Воскресенка Калачинского района — 500 человек, г. Исилькуль — 1000 человек и г. Тюкалинске — 800 человек. По одному легально действующему объединению принадлежало мусульманской, иудейской общине, а также ВСЕХБ. Кроме того, действовало более 80 незарегистрированных общин [5, Л. 1].

В 1971 г. на территории Омской области действовало уже 12 легализованных религиозных объединений. Из них 5 общин принадлежали РПЦ, 3 — ВСЕХБ, кроме того, одна община была мусульманская, одна — иудейская, одна — меннонитская и одна — община молокан. Из этих 12 официально зарегистрированных объединений деятельность трех документально была оформлена в 1971 г. Так, в исполкоме областного Совета депутатов трудящихся были зарегистрированы община духовных христиан-молокан в г. Омске (количество последователей 81 человек), братские меннониты в с. Солнцевка Исилькульского района (количество последователей 111 человек) и ВСЕХБ в с. Лубянское Полтавского района (количество последователей 72 человека) [6, Л. 2–3]. Стоит отметить, что общины меннонитов в СССР в середине 1960-х гг. хотя были и немногочисленны, но не принадлежали к числу религиозных общин, находящихся на грани исчезновения. Этому способствовало начавшееся осенью 1963 г. объединение меннонитов с баптистами. Крупные меннонитские общины действовали в Оренбургской, Омской, Новосибирской областях, в Алтайском крае, в Павлодарской и Карагандинской областях КазССР [14, с. 387]. В 1971 г. количество незарегистрированных общин возросло до 100 в связи с выявлением ранее неучтенных групп верующих [7, Л. 1].

Важно отметить, что в православных общинах религиозные службы проводились не только в дни религиозных праздников, но также и в будние дни. Так, в г. Омске в церковные праздники собиралось до 3–4 тыс. человек. По данным уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Омской области, проводимые во время религиозных праздников обряды привлекали внимание не только верующих, но и просто любопытствующих людей. Особое любопытство вызывали пасхальные службы, во время которых храмы были переполнены людьми. При этом следует отметить, что местные власти были обеспокоены тем, что службы активно посещала молодежь [8, Л. 1–2].

В Омской области также действовали мусульманская и иудейская общины. Мусульманская община в 1967 г. насчитывала 1400 человек, а иудейская — 400 верующих людей. Религиозные службы в мечети проводились ежедневно. В дни религиозных праздников в мечети собиралось около 1200 человек. Важно подчеркнуть, что с 1964–1967 гг. произошло снижение количества исполняемых в мечети обрядов с 88 до 69. В том числе сократилось количество религиозных браков с 12 до 7, религиозных похорон — с 74 до 62. Кроме того, никто из мусульман Омской области по официальным

данным в этот период не проводил обряд наречения имени. Несмотря на снижение количества религиозной обрядности, об устойчивой деятельности общины свидетельствовало ее финансовое состояние. Так, за 1969 г. ее доход составил свыше 16 тыс. рублей, в то время как в 1962 г. всего 10,5 тыс. рублей. Основным источником дохода мусульманской общины, как и других объединений верующих, являлось добровольное пожертвование [2, Л. 8].

Стоит отметить, что в синагоге службы проходили также ежедневно. При этом больше всего верующих насчитывалось по понятным причинам в субботу — до 30 человек. В дни религиозных праздников численность посещающих синагогу доходила 400 человек. В 1969 г. в иудейской общине состояло 250–300 человек. При этом подавляющее большинство верующих были люди преклонного возраста — 70 лет и старше. Как отмечал уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР в конце 1960-х г. по Омской области, иудейская община находилась накануне распада и прекращения деятельности [8, Л. 9]. Однако к началу 1980-х гг. иудейская община г. Омска продолжала функционировать, хотя была заметна тенденция к ослаблению ее деятельности [3, Л. 17].

Официально действующей являлась также одна община верующих духовных молокан в г. Омске численностью около 90 человек [2, Л. 13]. Община была лояльна к советскому законодательству о культах, ни детей, ни молодежь к себе не привлекала. По своему возрастному составу верующие были достаточно пожилого возраста [2, Л. 13]. В 1980-х гг. община молокан продолжала свою деятельность. Денежные пожертвования составляли ежегодно по 1,1–1,2 тыс. рублей. При этом религиозной обрядности, кроме похорон, не проводилось. В общине насчитывалось три служителя культа, а также был избран исполнительный орган и ревизионная комиссия [3, Л. 18].

Из протестантских религиозных общин в 1967 г. в Омской области официально действовали только три объединения евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), расположенные в г. Омске, в г. Исилькуле и в с. Лубянское Полтавского района Омской области. Кроме того, четыре общины действовали без регистрации, но под контролем и с разрешения органов власти. В легально функционирующих общинах состояло более 1100 человек, а в действующих с разрешения органов власти, но без регистрации — около 230 человек. Деятельность данных общин характеризовалась органами власти, как устойчивая. Молитвенные собрания проводили три раза в неделю и в праздники [6, Л. 14].

Нужно отметить, что процесс регистрации религиозных общин шел поступательно. В 1975 г. в Омской области уже действовало 18 религиозных объединений: 5 — РПЦ, 4 — лютеранских, одна — мусульманская, одна — иудейская, пять — ЕХБ, 2 — меннониты [4, Л. 71].

В процессе разработки и после принятия в 1977 г. в СССР новой Конституции процесс регистрации религиозных общин в определенной степени легитимизировался. Так, на 1977 г. в Омской области уже действовали 22 религиозные зарегистрированные общины. Из них 5 общин были представлены последователями Русской православной церкви, 5 — лютеранства, одна — ислама, одна — иудаизма. Кроме того, было зарегистрировано 6 общин ВСЕХБ и 4 меннонитов. Кроме официально зарегистрированных общин в Омской области в 1977 г. функционировало и 74 незарегистрированных групп верующих [4, Л. 49]. Из приведенных данных можно сделать вывод о количественном преобладании зарегистрированных протестантских общин. Данную тенденцию можно объяснить политикой советской власти в отношении протестантских объединений. Так, органы власти способствовали созданию контролируемых и регулируемых протестантских общин, которые находились на позиции «лояльности» по отношению к советской власти. Аналогичные статистические данные можно встретить и в других регионах РСФСР. Например, на российском Дальнем Востоке в 1970 г. на территории региона действовала 101 протестантская община, в то время как объединений РПЦ — всего 18; а в 1980 г. — 125 и 18 соответственно [1, с. 126].

Стоит отметить, что в 1980 г. были внесены изменения в Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР. Таким образом, председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов, выступая с докладом, отметил ряд изменений в религиозной обстановке и поставил вопросы, требующие особенного внимания. В частности, он констатировал увеличение числа заявлений граждан о регистрации религиозных объединений [14, с. 61]. Так, в 1980-х гг. в Омской области начинают действовать две католические общины: в г. Омске и с. Маргинау Исилькульского района, зарегистрированные в установленном законом порядке лишь в 1983 г. Обе общины были немногочисленные, о чем свидетельствуют данные о посещении богослужений [3, Л. 10].

Кроме того, в начале 1980-х г. начинают легально действовать многие протестантские общины. Например, к началу 1980-х г. в Омской области уже действовало 19 лютеранских общин, зарегистрированных в установленном законом порядке, которые лояльно относились к советской власти и соблюдали законодательство о культах [3, Л. 7]. Кроме лютеранских общин официально начинают действовать на территории Омской области меннонитские объединения. Меннониты в Омской области были представлены двумя направлениями: братские меннониты — 2 общины, церковные меннониты —

4 общины. В данных общинах были зарегистрированы 9 служителей культа и 13 проповедников. Всего на начало 1980-х гг. насчитывалось шесть зарегистрированных меннонитских общин в Омской области [3, Л. 14]. Кроме того, официально были зарегистрированы 2 общины лютеран. Стоит отметить, что к середине 1980-х гг. в Омской области начинают легально действовать уже 56 общин [3, Л. 15].

Таким образом, с принятием в 1977 г. в СССР новой Конституции характер государственно-конфессиональных отношений стал постепенно изменяться. С 1977 г. начинается поступательный процесс легализации деятельности общин Омской области. Данные регистрации были первыми после массового перевода «сектантских» религиозных общин по всему СССР на нелегальное положение. Кроме того, в исследуемый период происходит рост зарегистрированных общин, увеличение доходов православных, мусульманской, иудейской, лютеранских общин. С середины 1970-х гг. началась легализация деятельности общин различных вероисповеданий. Со второй половины 1980-х гг. в СССР начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и религией. Постепенно снимаются ограничения на функционирование конфессиональных объединений, действовавших на протяжении многих лет нелегально.

Литература

1. Дударенок С.М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций 1960–1980-е годы // Россия и АТР. — 2005. — № 2. — С. 123–135.
2. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 71.
3. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 123.
4. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 120.
5. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 46.
6. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 84.
7. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 80.
8. Исторический архив Омской области. — Ф.2603. — Оп. 1. — Д. 59.
9. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). — М., 1977. — 333 с.
10. Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР: к вопросу о взаимоотношениях государства и Русской православной церкви (1965–1991 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. — 2011. — С. 78–105.
11. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. — М., 1989. — С. 29–71.
12. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. — М., 2002. — 310 с.
13. Редькина О.Ю. Меннониты в социально-экономическом и культурном развитии Причерноморья: монография. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. — 536 с.
14. Садченков С.Ю. Реализация принципов свободы совести и вероисповедания в Волгоградской области в 1980-х годах // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. — 2011. — С. 60–77.

Сведения об авторе:

Дворянчикова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСТВА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

П.К. Дашковский¹, А.С. Жанбосинова²

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье представлены результаты социологического изучения религиозной идентичности студенчества Восточно-Казахстанской области. С целью подтверждения или опровержения гипотезы о том, что на процессы формирования религиозной идентичности в Казахстане оказывает влияние фактор постоянного места проживания и места первичной социализации, авторами проведено пилотажное исследование. Участниками его стали три группы студентов, обучающиеся в вузах Восточно-Казахстанской области. В статье представлены результаты первого этапа авторского исследования на предмет выявления сходств и различий религиозной идентич-

ности студенческой молодежи Восточного и Южного регионов Казахстана. Исследование показало, что одним из факторов, влияющих на религиозную идентичность молодежи, возможно, являются региональные различия, которые носят социально-экономический и культурно-исторический характер.

FORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY AMONG STUDENTS OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION: TO THE PROBLEM STATEMENT

P.K. Dashkovskiy¹, A.S. Zhanbosinova²

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

The article presents the results of a sociological study of the religious identity of students of the East Kazakhstan region. In order to confirm or refute the hypothesis that the processes of religious identity formation in Kazakhstan are influenced by the factor of permanent residence and the place of primary socialization, the authors conducted a pilot study. It was attended by three groups of students studying at universities in the East Kazakhstan region. The article presents the results of the first stage of the author's research to identify similarities and differences in the religious identity of students in the Eastern and Southern regions of Kazakhstan. The study showed that one of the factors influencing the religious identity of young people may be regional differences, which are socio-economic and cultural-historical in nature.

Проблема идентичности стала предметом целенаправленных исследований во второй половине XX в. К ней обращались такие выдающиеся ученые, как Э. Эриксон, П. Бурдьё, З. Бауман и другие [9, 10, 11]. В российской науке интерес к различным аспектам идентичности, в том числе этнической и религиозной, появились у психологов и социологов еще в начале 1980-х гг., хотя концептуальные исследования стали проводиться преимущественно с 2000-х гг., что нашло отражение в работах В.В. Лапкина, И.С. Семененко, В.А. Тишкова, Л.Н. Дробижевой, Л.А. Фадеевой и др. [1, 2, 4 и др.]. В результате сегодня признается множественность моделей идентичности и многоуровневость ее проявления, а также актуальным становится выявление особенностей дискурсивных практик обладателей различных моделей идентичности.

Последние десятилетия проблема религиозной идентичности исследуется особенно активно как в российской, так и в казахстанской науке. Это связано как с активизацией межкультурных контактов в условиях глобализации (что можно оценивать как позитивную тенденцию), так и с ростом религиозного радикализма и экстремизма. Дефиниция «идентичность» имеет множество интерпретаций, по мнению исследователей, разрабатывающих указанное понятие, идентичность формируется и поддерживается в процессе его жизнедеятельности [3, с. 45].

Вопросы религиозной идентичности активно исследуются в междисциплинарном взаимодействии социологии, истории, этнологии и религиоведения. Дискуссионность проблемы видится в соотношении понятий «религиозная идентичность» и «религиозность», когда респонденты определяют себя с двух позиций — «верующий» и «принадлежность к конфессии» [8, с. 168–169]. Отдельные авторы рассматривают религиозную идентичность как социальное различие наряду с гендерными, социальными классами и этнической принадлежностью [7].

Для постсоветского пространства эти процессы приобретают дополнительную актуальность. Во-первых, в 90-е гг. XX в. практически повсеместно наблюдается резкий рост общественного интереса к вопросам религии как реакция на крушение коммунистической идеологии. К этому необходимо добавить распространение новых, не традиционных для этих территорий, религиозных течений. Наблюдается политизация этноконфессионального пространства, что представляет собой угрозу общественной консолидации, вместе с тем религиозные убеждения получают право на существование наравне со светскими [6]. Тренд современной ситуации в том, что молодежь уже прошла первичную социализацию в условиях, когда религиозность стала неотъемлемой частью социальной реальности. Во-вторых, что характерно для Центрально-Азиатского региона, с 2000-х гг. фиксируется значительный рост рождаемости, а значит, новое поколение количественно занимает все более значительное место в социуме. Названные выше факторы имеют самое непосредственное отношение к современному Казахстану в целом и Восточно-Казахстанской области в частности.

Своеобразием Казахстана являются региональные различия, сложившиеся в ходе предшествующего исторического процесса. Ярким примером может служить современная Восточно-Казахстанская область. Целью исследования стало подтверждение или опровержение гипотезы о том, что протекание процессов формирования религиозной идентичности у казахстанской молодежи, помимо прочих факторов, детерминирована и региональной принадлежностью.

Участники проведенного в 2018 г. опроса представлены тремя группами, основное объективное различие между которыми — место постоянного проживания. Первая группа — студенты, проживающие в Усть-Каменогорске (областной и промышленный центр ВКО) и прилегающих районах. Вторая группа — студенты, проживающие в городе Семей (второй по величине город области) и прилегающих районах. Как уже отмечалось выше, Усть-Каменогорск и Семей всегда обладали значительными различиями, как в экономическом, так и в социально-культурном аспектах. Третья группа — студенты, обучающиеся в Усть-Каменогорске по программе Серпын, постоянное место проживания — южные области Казахстана. Образовательная программа Серпын призвана компенсировать большую разницу в плотности населения южного и восточного регионов Казахстана, перераспределить студенческую молодежь между перегруженными вуза юга и вузами востока, испытывающими проблемы с набором в связи со спецификой демографического и географического положения: «старая» возрастная структура и учебная миграция за пределы Казахстана (Восточно-Казахстанская область граничит с РФ).

Первая группа (Усть-Каменогорск) — 58 человек, из них 45 человек (77,6%) — казахи. Вторая группа (Семей) — 50 человек, из них 38 человек (76,0%) — казахи. Третья группа (Серпын) — 61 человек, из них 59 человек (96,7%) — казахи. Всего опрошено 169 респондентов, из них 84,0% — казахи. Основное внимание в анализе будет уделено представителям казахского этноса, как подавляющему большинству населения в целом, и молодежи в частности. Именно сопоставление результатов, полученных от этнически однородных, но различных по социально-культурным и социально-экономическим условиям формирования личности, групп, позволяет поставить вопрос о значимости регионального фактора в процессах формирования религиозной идентичности современной казахстанской молодежи. Таким образом, в исследовании приняли участие три разных по культурным традициям и жизненному опыту группы студенческой молодежи, достаточно равновесные по числу участников. Этот подход был использован с целью определить степень однородности протекания процессов формирования религиозной идентичности в студенческой среде.

Следует отметить, что по содержанию процесс формирования религиозной идентичности у молодежи имеет ряд значимых отличий от представителей других возрастных групп. С одной стороны, молодежь более восприимчива, обладает подвижным мышлением, но значительно меньшим жизненным опытом. С другой стороны, активное существование в современном информационном пространстве; сознание, более открытое глобальным стандартам и образцам поведения — вносит свои коррективы в религиозную идентичность молодежи в целом, студенческой молодежи в частности. В Казахстане в силу его регионального социокультурного и экономического разнообразия фактор постоянного места проживания и места первичной социализации оказывают значительное влияние на процессы формирования религиозной идентичности.

Довольно часто в массовом сознании понятия «вера» и «религия» воспринимаются как тождественные. Это смешение может порождать как проблемы с собственной религиозной идентичностью, так и конфликты или непонимание в сфере социальных отношений. При этом можно сказать, что вера — это сфера нравственности и носит сугубо индивидуальный характер, а религиозность — это сфера морали с четко выраженными общественными характеристиками. Безусловно, вера и религиозность могут сочетаться в конкретном человеке, но это не является обязательным правилом или условием.

Сравнение данных, полученных в ходе исследования от студентов различной региональной принадлежности, выявляет значительные расхождения в ответах на вопрос: «Как вы считаете, религиозный и верующий человек — это одно и то же?». Количество студентов, различающих понятия веры и религиозности, значительно выше в Усть-Каменогорске, чем в других регионах. Так, 81% респондентов из г. Усть-Каменогорска ответили, что это разные понятия, в то время как в г. Семей такое различие усматривают 56%, а в г. Серпын — около 61%. Обращает на себя внимание тот факт, что в городе Семей число затруднившихся с ответом в два раза больше, чем в других группах респондентов. То, что выявленные отличия носят не случайный характер, подтверждают ответы на следующий вопрос. Количество тех, кто определил себя как верующие, но не религиозные на 15% выше в Усть-Каменогорске, чем у студентов города Семей и южных областей Казахстана.

Верующими и религиозными одновременно себя считает значительное число студентов города Семей и Южно-Казахстанского региона, принявших участие в опросе (более 40%), в Усть-Каменогорске этот показатель ниже более чем в два раза. Насколько это утверждение соотносится с поведением в социуме, показывают следующие данные.

Есть возможность сравнить число тех, кто определил себя как религиозных и верующих людей и тех, для кого религия полностью определяет образ жизни: первая группа (Усть-Каменогорск) —

17,2 и 7,0%, вторая группа (Семей) — 44,0 и 26,0%, третья группа (студенты программы Серпын) — 43,4 и 31,0% соответственно. Нетрудно заметить значительные расхождения. Чаще всего респонденты во всех трех группах ведут обычную жизнь, лишь отмечая религиозные праздники — незначительные колебания от 37,9 до 40,4%. Мы видим противоречие: понятие религиозности часто не соотносится с ведением строго определенного образа жизни.

Можно было бы предположить, что такое нестрогое следование каноническому образу жизни является следствием поликонфессионального близкого окружения, то есть связано с необходимостью адаптироваться к социальной среде. В некоторой степени это предположение подтверждается для первой и второй группы — почти около половины респондентов (53,4 и 44,9% соответственно) указали, что их окружают люди, чьи взгляды на религию отличны. Но этот фактор не может считаться определяющим для респондентов третьей группы, две трети которой указали, что в их близком окружении нет людей с отличными от них религиозными воззрениями.

Более чем в половине случаев родители респондентов придерживаются тех же религиозных взглядов: от 57,9% (Усть-Каменогорск) до 62,7% (студенты программы Серпын). Это закономерно, ведь именно родители являются основными агентами социализации и оказывают наибольшее влияние на процессы формирования идентичности, в том числе и религиозной. Удивляет тот факт, что значительное число участников опроса указали на различия в религиозных взглядах их самих и их родителей. Особенно это важно для третьей группы (Серпын) — 37,3%, так как для южных областей Казахстана в большей степени характерно почтительное отношение к старшим вообще и к родителям в частности. В этих условиях пойти своим путем в выборе религиозных предпочтений — значительный личностный шаг, если не вызов. Возможно, здесь мы видим разрыв между «советским» и «постсоветским» поколениями.

В то же время при анализе ответов на вопрос: «Считаете ли вы, что выбор религии должен определяться семьей и национальностью: если родился казахом, то должен быть мусульманином, если родился русским — то православным и т.д.?», мы установили, что подавляющее число респондентов в первой (Усть-Каменогорск) и третьей (Серпын) группах и более половины во второй группе (Семей) убеждены, что семья и национальность не должны предопределять религиозные предпочтения. Но по факту именно национальная принадлежность респондентов практически полностью обуславливает их выбор религии. Таким образом, существует некое противоречие: студенты считают, что так не должно быть, но, в том, что касается их самих, — так есть.

Возраст, в который, по мнению респондентов, произошло их религиозное самоопределение, также указывает на значительное влияние семьи. Большая часть респондентов указали, что определились с религиозными взглядами в детстве или в подростковом возрасте под влиянием семейных традиций. Среди респондентов третьей группы (Серпын) минимально число тех, кто определился лишь недавно или не определился до сих пор — по 1,6% соответственно. В первой группе (Усть-Каменогорск) количество не определивших своего отношения к религии к настоящему моменту составляет уже 8,6%, во второй группе (Семей) — 24,5%, то есть каждый четвертый.

Однако не только семья (родители) сыграли важную роль в процессе формирования религиозной идентичности. Некоторую подсказку о других условиях можно обнаружить при анализе ответов на вопрос о факторах, оказавших наибольшее влияние на отношение респондентов к религии: 26% второй группы (Семей) назвали жизненный опыт (трагические или кризисные ситуации), в первой группе этот показатель составил 24,1%, в третьей еще меньше — 16,7%. Интересно, что семью в качестве основного фактора влияния чаще других называли респонденты первой группы (Усть-Каменогорск), а не третьей (Серпын), как можно было бы ожидать.

Казахстанский социум объективно является полиэтничным и поликонфессиональным. Насколько молодежь различных регионов страны окажется способной к конструктивному и цивилизованному взаимодействию с представителями иных культур и религий, покажут ближайшие годы. Однако уже сегодня можно предположить, что именно религиозные воззрения (даже проявляемые лишь внешне, формально) являются для многих из них определяющими в оценках другого человека. В ходе исследования установлено, что респонденты второй и третьей группы указали религию на первых позициях качеств, важных для них в других людях. При этом респонденты первой группы отнесли религию только на девятое место из одиннадцати. Контраст тем более разителен, что весь опрос был сфокусирован на вопросах веры и религиозности. То есть такой результат нельзя считать случайностью. Несмотря на это, во всех трех группах личные качества другого человека были указаны как основные, а национальная принадлежность, опять же, во всех трех группах, оказалась в середине списка. Таким образом, для респондентов второй (Семей) и третьей группы (Серпын) религиоз-

ные воззрения другого человека важнее, чем его национальность, а для респондентов первой (Усть-Каменогорск) группы — наоборот.

Литература

1. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. — М., 2012. 263 с.
2. Вера, этнос, нация. Религиозный компонент этнического сознания. — М.: Культурная революция, 2009. — 400 с.
3. Гальчук Д.С. Понятие «Идентичность личности» // Вестник Бурятского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 44–51.
4. Гражданская, этническая и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробужева. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. — 485 с.
5. Лаумулин М. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2012. — № 15 (1). — С. 60–79.
6. Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. — 2015. — № 10. — С. 136–144.
7. Солеймани С. Концепция религиозной идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. — 2017. — № 4. — С. 30–32.
8. Федорова М.В. Религиозная идентичность в концептуальном пространстве наук о религии // Манускрипт. — 2016. — № 4-2 (66). — С. 168–171.
9. Bauman Z. The Individualized Society. — Wiley, 2001.
10. Bourdieu P. Outline of a theory of practice. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
11. Erikson E. Identity, youth and crisis. — New-York: W.W. Norton Company, 1968.

Сведения об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ведущий научный сотрудник НИЦ «Ел тарихы» (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: sovetuk@rambler.ru

ТАТАРЫ КЫРГЫЗСТАНА: ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

А.Р. Бикбулатова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Этнорелигиозная идентичность татар Кыргызстана в современный период — сложный, многоуровневый процесс. Данному процессу предшествует поиск исторических, генетических, духовных корней, на которых основывается в дальнейшем самоидентификация народа. В процессе исследования выявлены основные, значимые компоненты идентичности татар страны, которыми являются язык, культура, генеалогические корни, исламская религия.

TATARS OF KYRGYZSTAN: ETHNO-RELIGIOUS IDENTITY IN THE MODERN PERIOD

A.R. Bikbulatova

Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

Ethno-religious identity of the Tatars of Kyrgyzstan in the modern period is a complex, multi-level process. This process is preceded by search for genetic, historical, spiritual roots on which further self-identification of the people is based. In the course of the study, the main, significant components of the identity of the Tatars of the country were identified. They are the language, culture, genealogical roots, Islamic religion.

Сохранение и развитие этнического самосознания является основным условием продолжительности жизни этноса, важнейшим фактором сохранения и функционирования этнической культуры, определения своеобразия и статуса этнической группы в многонациональной среде.

Политические, социально-экономические, межнациональные и межрелигиозные проблемы последних лет напрямую повлияли на самоидентификацию татар Кыргызстана.

Во-первых, к числу политических проблем можно отнести изменения, произошедшие в процессе распада СССР и несостоятельностью коммунистической идеологии, определившей природу кризиса идентичности и нахождения «своего места» в «новом мире».

Во-вторых, самоидентификация татар Кыргызстана отражает общемировые тенденции последнего времени, глобализация и национальное возрождение, модернизация и традиционализм, либерализация жизненных стандартов и усиление этнической традиции. Все эти тенденции, взаимодействуя и конкурируя на этнокультурном пространстве, влияют на формирование этнокультурных границ, а они в свою очередь — на процессы этнической идентификации.

В-третьих, проявлением вышеуказанных тенденций является рост потребности в групповой идентификации, прослеживается усиление не только этнического самосознания, суверенизация национальных интересов — стремление очертить и оградить свои традиции, язык, культурные особенности не только в бытовой сфере, но и на общественно-политическом уровне [3, с. 228].

Процессу формирования этнической идентичности всегда предшествует поиск исторических, генетических, духовных корней народа, на которых основывается в дальнейшем самоидентификация индивида. Поэтому для татар, живущих на территории Кыргызстана, историческая память является одним из первых и важных этапов, обуславливающих процесс формирования идентичности. Поэтому одной из задач наших исследований заключалась в выяснении исторической памяти татар, живущих в Кыргызстане.

Историческая память существует в различных видах и на различных уровнях. По данным проведенных нами этносоциологических исследований, 22% не знают, когда переехали их предки в Кыргызстан. Около 6% опрошенных знают о том, что их предки поселились на эту землю еще до Октябрьской революции, начиная с XVII до конца XIX в., и столько же в первые два десятилетия XX в. В ходе полевых исследований было установлено, что абсолютное большинство помнят, из какой местности их предки. Они не только из Татарстана, но и других регионов России, где массово проживали татары.

Четверть опрошенных отметили, что их родители и прародители мигрировали на территорию Кыргызстана с 1920 по 1940 гг. В годы Великой Отечественной войны прибыли предки 10% респондентов. В основном это были эвакуированные вместе с промышленными предприятиями и научными учреждениями татары. Бурный поток миграции наблюдается в послевоенный период, с 1946 по 1970 гг., когда прибыли родители около четверти опрошенных. Из числа опрошенных респондентов 87% не знали причину переселения их предков на территорию Кыргызстана. Около 5% отметили, что переселение было связано с трудоустройством. 2,7% респондентов назвали основной причиной переселения процесс раскулачивания, проводимый советским государством, 3,5% назвали причиной массовые репрессии. Нами была предпринята попытка выяснить род занятий этих переселенцев.

По данным наших исследований, большое количество (42,4%) переселившихся татар на территорию Кыргызстана имели рабочие специальности. В послевоенные годы, когда не хватало квалифицированных рабочих, татары внесли большой вклад в становление промышленности страны. На втором месте — учителя (17%). В основном это были переселенцы, прибывшие на эту территорию еще до Октябрьской революции, которые ввиду своей образованности занимались обучением местного населения в мактабах и медресе.

Татары по своей внутренней структуре подразделяются на различные субэтнические, территориальные, конфессиональные группы. Как показали исследования, большинство татар помнят, к какой группе они относятся, т.е. мы можем констатировать усиление не только этнической самоидентификации в последние годы, но и усиление субэтническое и территориальное. Данная тенденция наблюдается и среди татар, живущих в Российской Федерации [2, с. 517]. Хотя интеграционные этнические процессы доминируют, особенно среди молодежи, большая часть из них не знают, к какой субэтнической группе относятся. Об этом подтверждают наши исследования, из опрошенных 19% не знают, к какой группе они относятся, более 20% не относят себя к какой-либо группе, отвечая «мы татары». В то же время 34% татар считают себя казанскими, 9% — уфимскими татарами. Около 5% респондентов соотносят себя к татарам-мишарям. Касимовскими и волго-уральскими считают себя по 3% респондентов. Среди опрошенных астраханских было 1,5% и столько же сибирских татар. Необходимо отметить, что в республике еще остаются потомки крымских татар (4,2%). Но в годы Великой Отечественной войны не было прямой депортации крымских татар на территорию Кыргызстана. Они прибыли в нашу страну из соседних республик — Узбекистана, Казахстана в 1960–1970-е гг., когда им разрешили менять место жительства.

Таким образом, несмотря на то что татары внутри имеют субэтнические, территориальные, конфессиональные различия, есть признаки, по которым они идентифицируют себя единым татарским этносом.

Для выяснения внутреннего самоощущения принадлежности к этносу, среди татар задавался вопрос: «Кем Вы себя ощущаете?».

Данные ответы показали сложность и различные «исторические» пласты этнической самоидентификации татар. Около 70% татар ощущали себя татарин(ой), татаркой. Ощущающих себя русским было 10–12%, кыргызом — 3–7%, узбеком — 1–3%.

Известно, что в определенный исторический период в связи с различными историческими событиями в жизни татар они идентифицировали себя «мусульманами». Об этом известный этнограф Д.М. Исхаков пишет следующее: «Есть все основания полагать, что политика властвующей элиты Российской империи в первой половине XVIII в. по обращению татар в православие, подтолкнула их к внутренней консолидации и в результате, в империи возникло новое общественное явление — «мусульманская» нация [3, с. 88].

Как показали наши исследования, более 10% татар республики идентифицируют себя мусульманами. Данное самоощущение татар послужило в руках религиозных деятелей призывом реанимировать данную самоидентификацию татар, которые стали призывать к консолидации под лозунгом «мы — мусульмане».

Нас интересовала категория лиц, ощущающих себя русскими, кыргызами и узбеками.

Мы попросили респондентов объяснить причину этого. Более 90% из лиц, ощущающих себя русскими, отметили, что выросли в окружении русской культуры, не владеют татарским языком. Многие отметили, что «ничто, кроме генетической связи, их не связывает с татарским этносом». Большинство из них более 80% являлись жителями городов, где преобладающей нацией являлись кыргызы и русские. Также необходимо отметить, что в основном это были представители молодежи, представители третьего, четвертого поколения татар. Среди них более 90% родились в смешанном браке с русскими.

При анализе респондентов, ощущающих себя кыргызами, было обнаружено следующее. В-первых, в основном это были жители сел республики. Как уже не раз отмечалось выше, татары республики в сельской местности расселены дисперсно. Они живут в мононациональных населенных пунктах Таласской, Нарынской областей среди кыргызов, ими утрачены язык, традиции и обычаи татарского народа, но они местами сохранили татарскую идентичность в виде «я — татарин». Также при исследовании было выяснено, что в зависимости от ситуации, эти респонденты себя также называли «я — кыргыз». Таким образом, из вышесказанного следует, в период трансформации этнического самосознания свойственно раздвоение идентичности, которая может занимать в жизни человека несколько десятков лет, а иногда всю жизнь. Однако данное самоощущение не может длиться бесконечно. Уже следующее поколение однозначно выберет из этих двух идентичностей ту, которая больше соответствует комфортному состоянию души.

Вышеуказанные респонденты живут в этих населенных пунктах в третьем, четвертом поколении. Большинство из них выросли в смешанных семьях с кыргызами с доминированием кыргызского окружения. Таким образом, в местах дисперсного расселения, сельской местности можно заметить процесс трансформации этнического самосознания, которая проявляется в ее двойственности с постепенным переходом в большей степени в сторону кыргызской идентичности. В итоге, мы можем признать присутствие процесса ассимиляции татар кыргызским этносом. Если среди татар, ощущающих себя кыргызами, было больше в северных районах республики, то ощущающих себя узбеками доминировали в южных областях республики. В основном среди ощущающих себя узбеками более половины составляют молодежь в возрасте до 20 лет.

Для выяснения компонентов, составляющих самоидентификацию татар, задавался вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Татары Кыргызской Республики первым по значимости компонентом этнической идентификации, главным признаком этноса считают родной язык.

Языковое поведение татар республики находится в прямой зависимости от этнического состава населения того или иного региона, от компактности проживания татар, возраста, образования, урбанизированности, от долготы проживания на территории страны и т.д. Язык — практически основной этнический индикатор. Результаты социологических опросов показали, что язык занимает первое место среди факторов, которые респонденты называют, когда относят себя к тому или иному народу. Поэтому вполне естественно, что подъем этнического самосознания сопровождается повышенным интересом к проблемам национальной культуры и языка [1, с. 110].

На момент опроса 71% татар своим родным языком считали татарский, 28% — русский, 6% — кыргызский, и около 3% из опрошенных родным языком назвали узбекский язык.

Вторым по значимости компонентом этнической идентификации является культура. Уровень ориентации на собственную национальную культуру — один из важнейших показателей этнокультурной и этнической устойчивости. Большинство татар страны соблюдают татарские обычаи и традиции, обязательным для татар при вступлении в брак считается проведение обряда «никах», при рождении ребенка имянаречение — «исем кушу» и т.д. Эти обряды соблюдаются повсеместно и у представителей кыргызского, узбекского, казахского населения, что является причиной устойчивого сохранения данных обрядов у татар.

По данным наших исследований, в полиэтнической среде мы можем констатировать унификацию элементов культуры в виде обычаев и традиций, происходящих повсеместно, в том числе и среди татар.

Религия как компонент этнического сознания была названа только у 7% респондентов в городах и около 15% сельских жителей, хотя у татар, живущих в республике, наблюдается высокий уровень религиозного сознания. Из всех опрошенных респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», были получены следующие результаты: верующие составляют 78%, не верующих — 10% и 12% — это колеблющиеся между верой и отсутствием веры. Можно констатировать существенное увеличение количества верующих по республике в постсоветский период. Тем не менее столь резкое увеличение числа людей, признающих себя верующими, нельзя однозначно интерпретировать как стремительный подъем религиозности, как показатель глубоких изменений в мировоззрении современных татар. В значительной степени это реакция на изменение с середины 90-х гг. XX в. государственной идеологии, когда жесткий идеологический контроль сменился ориентацией на демократические нормы, в том числе и в вопросах вероисповедания. Другим фактором, определившим изменение отношения к религии в массовом сознании, является специфика переходного периода, переживаемого обществом. В условиях социальной и экономической нестабильности, неуверенности в будущем, разочарованности в прежних идеалах, засилья массовой культуры люди пытаются найти в религии моральную опору и надежду на улучшение жизни, духовно-нравственное совершенствование.

Как показали наши исследования, татары свою принадлежность к данному этносу чувствуют благодаря языку, на втором месте объединяющим компонентом является культура, значительное количество татар в этом видят роль религии.

Сегодня в Кыргызстане в период решения важной задачи современности — формирования правового государства и гражданского общества жизненно важным является изучение гражданской идентичности иноэтнических групп, проживающих в стране, одними из которых являются татары. Для выявления гражданской идентичности татар республики был задан вопрос: «Представителем какой общности Вы себя считаете?».

Татары в большей степени (60%) чувствуют себя кыргызстанцами. Наряду с этим четверть опрошенных продолжают идентифицировать себя с советским человеком, в основном это представители старшего поколения. Они с ностальгией вспоминают это государство, гордятся мощью Советского Союза. Более 10% респондентов ассоциируют себя татарстанцами и 5% россиянами. При рассмотрении данной проблемы в возрастном разрезе было выявлено, что более трети (32%) молодежи в возрасте от 16 до 20 лет чувствуют себя россиянами. В данном случае мы можем констатировать, что молодежь вышеуказанного возраста ориентирована на Россию и свое будущее связывает с этой страной.

Таким образом, подводя итоги исследования этнической идентичности татар республики, мы можем констатировать следующее: основными значимыми компонентами идентичности для них являются язык, культура, генеалогические корни, исламская религия.

Литература

1. Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980-х-1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). — Казань, 1998. — 110 с.
2. Татары. — М.: Наука, 2001. — 517 с.
3. Уразаев Ф.Я. Механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа (конец XX — начало XXI вв.). — Казань: ЯЗ, 2012. — 228 с.

Сведения об авторе:

Бикбулатова Аниса Рифовна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: tataroved.anisa@yandex.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.К. Дашковский¹, А.В. Монгуш², Магсаржав Гантуяа³

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл (Россия)

³Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор (Монголия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-МОНКС по теме «Влияние этнокультурных и политических процессов на религиозную ситуацию в Сибири и сопредельных регионах Монголии в XIX — начале XXI вв.» (проект № 20-59-44004)

Данная публикация посвящена постановке проблемы изучения религиозных процессов в Туве через обращение к статистическим данным, архивным и нормативно-правовым документам в постсоветский период. В процессе исследования установлено, что постоянный рост буддийских и шаманских религиозных объединений в Туве объясняется тем, что коренное население республики, прежде всего, являются приверженцами буддизма и шаманизма. На рубеже 2000-х гг. на территории Тувы активное развитие получили протестантские религиозные направления. Рост количества православных религиозных организаций связан с учреждением в 2011 г. в Республике Тыва Кызыльской епархии Русской православной церкви Московского патриархата.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF RELIGIOUS PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TYVA AT THE PRESENT STAGE

P.K. Dashkovsky¹, A.V. Mongush², Magsarzhav Gantuya³

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Tuva Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl (Russia)

³Mongolian State University, Ulaanbaatar (Mongolia)

This publication is devoted to the problem of studying religious processes in Tuva, through reference to statistical data, archival and regulatory documents in the post-Soviet period. The study found that the constant growth of Buddhist and shamanic religious associations in Tuva is due to the fact that the indigenous population of the republic, first of all, are adherents of Buddhism and Shamanism. At the turn of the 2000s, Protestant religious movements were actively developing on the territory of Tuva. The growth in the number of Orthodox religious organizations is associated with the establishment of the Kyzyl Diocese of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate in the Republic of Tyva in 2011.

В последние годы одним из актуальных направлений научных исследований становится изучение религиозных процессов в отдельных субъектах Российской Федерации. При этом особую значимость приобретают такие исследования в регионах, в которых достаточно представительный процент занимает местное, так называемое автохтонное население. Одним из таких субъектов Российской Федерации является Республика Тыва, в котором доля автохтонного населения составляет более 80% [3]. Республика Тыва представляет собой уникальный регион, формирование религиозного ландшафта которого обусловлено различными историческими, социально-политическими, культурными, этническими процессами.

Следует отметить, что в развитии религиозного ландшафта Тувы можно выделить несколько этапов, которые предстоит более основательно изучить в перспективе. В данном случае важно подчеркнуть, что важным импульсом в формирование современной религиозной ситуации в Республике Тыва послужил новый политический курс руководства СССР с середины 1980-х гг., который получил емкое обозначение термином «перестройка». Именно с этого периода с СССР, в том числе в Туве, наметилась тенденция на возрождение религиозной жизни. В постсоветский период наметившиеся тенденции на возрождение духовной культуры и религиозности еще более усилились [2, с. 284–285].

Демократические преобразования начала 1990-х гг., несмотря на тяжелый социально-экономический и политический кризис в Российской Федерации, в целом способствовали и возрождению существовавших ранее в Туве духовных институтов. Еще 25 января 1990 г. в Совете Министров СССР в г. Москве официальной регистрации добилось Тувинское буддийское общество [13, Л. 4]. В том же году был создан Союз буддистов Тувы «Алдын Богда», работу которого возглавил первый Камбы-лама Республики Тыва нового времени Сандак Казак. Усилиями депутатов Верховного Совета Тувинской АССР приняты Законы о государственных праздниках — Дня Республики и Шагаа, с внесением соответствующих поправок в Конституцию Тувинской АССР.

В 1991–1992 гг. только что возобновившие свою деятельность буддийские организации активно начали сотрудничать с представителями власти. Об этом свидетельствует переписка руководителей религиозных общин с различными структурами исполнительной власти республики [2, с. 277]. В первой половине 1990-х гг. начинается строительство новых зданий и помещений для последователей буддизма [10, с. 122]. В 1991 г. Тувинское общество буддистов добивается выделения земельного участка под строительство храма на месте слияния двух рек — Малого и Большого Енисея. На этом участке вначале были размещены юрты, «в которых жили ламы, для отправления несложных обрядов, небольших пудж» и приема верующих граждан [10, с. 122]. Для совершения буддийских обрядов были приглашены представители из разных районов Тувы, в той или иной степени обладавшие знаниями буддийской практики. Это были первые попытки консолидации и централизации буддийского духовенства Тувы. Весной 1992 г. усилиями руководства и членов Тувинского буддийского общества рядом с молевыми юртами началось строительство первого в республике отдельного буддийского дугана. К лету 1992 г. его строительство было завершено [10, с. 124]. К этому времени пришло известие, что Далай-Лама дает свое согласие на посещение Тувы в сентябре того года. Кульминацией новых государственно-конфессиональных отношений в Туве явилось историческое событие, состоявшееся 19–22 сентября 1992 г. За 200-летний период истории распространения и развития буддизма в Туве впервые ее посетил лидер всех буддистов — Его Святейшество Далай-Лама XIV. Тувинцы оказались свидетелями начала новой эпохи развития буддизма в своей республике.

В сентябре 1997 г. состоялся учредительный съезд буддистов Республики Тыва с участием всех духовных лиц. Фактически он явился вторым форумом, состоявшимся через 69 лет после первого Великого Хурала (Всебуддийского съезда) лам в 1928 г. По мнению исследователей, центральной темой, обсуждаемой на нем, был вопрос об избрании впервые Камбы-Ламы Республики Тыва и его заместителей, которые впоследствии образуют Управление Камбы-Ламы Республики Тыва (УКЛРТ) [10, с. 133]. С этого периода тувинский буддизм отделяется от Санхги Бурятии и становится самостоятельным.

Демократические преобразования в России в 1990-х гг., а именно провозглашение свободы совести и вероисповедания, способствовали возрождению в Туве буддийских и православных институтов, а также шаманских организаций. Новый курс в религиозной политике послужил благоприятным условием для появления и не совсем традиционных для региона религиозных течений протестантской направленности [11, с. 59].

Постоянный рост буддийских и шаманских религиозных объединений объясняется тем, что коренное население республики, прежде всего, являются приверженцами буддизма и шаманизма. В 1995 г. буддийских организаций было 9, шаманских — 0; в 1999 г. буддийских — 15, шаманских — 5; в 2003 г. буддийских — 18, шаманских — 6; в 2012 г. буддийских — 20, шаманских — 8; в 2019 г. буддийских — 24, шаманских — 10. Из имеющихся источников виден резкий подъем и спад показателей у протестантских деноминаций в указанный период. Это объясняется тем, что на рубеже 2000-х гг. на территории Тувы активное развитие получили протестантские религиозные направления, деятельность которых достаточно хорошо изучена многими исследователями [11, 12]. Количество протестантских организаций в 1995 г. составляло 4, в 1999 г. — 10, в 2003 г. — 17, в 2012 г. — 10, в 2019 г. — 9. При этом следует отметить, что на сегодняшний день в некоторых городских и сельских поселениях функционируют их незарегистрированные приходы-филиалы. Поэтому проведение специального исследования по данной теме актуально и востребовано для республиканских и муниципальных органов власти. Примечательно, что рост популярности протестантских направлений в конце XX — начале XXI в. зафиксирован и в других регионах Южной Сибири, а также в соседней Монголии и Казахстане [1, 6; 9, с. 223].

Рост количества православных религиозных организаций связан с учреждением в октябре 2011 г. в Республике Тыва Кызыльской епархии Русской православной церкви Московского патриархата. Примечательно, что с началом ее деятельности в центральных и восточных районах республики, где проживает русскоязычное население, открываются новые православные приходы и строятся православные храмы. На момент создания епархии в апреле 2012 г. действовало 4 прихода, в 2019 г. их количество достигло 18. За 8 лет государственную регистрацию прошли 14 православных приходов [15, с. 179]. При Воскресенском кафедральном соборе в г. Кызыле была создана тувинская православная община. Для удовлетворения духовных потребностей тувиноязычных членов общины с 2019 г. еженедельно по субботам проводятся богослужения на тувинском языке, что явилось совершенно новым подходом в работе православной миссии в Туве. В том числе на тувинский язык переведена Библия — Ыдыктыг Библия, Библия в рассказах для детей «Библиядан чуруктарлыг чугаалар», брошюра с огласительными беседами «Ыдыктыг Крещение хулээр бертинде беседалар» и др. Возможно, доступность основной православной религиозной литературы на родном языке наряду с другими факторами влияет на незначительный, но все же рост числа тувинцев в православной об-

щине. Интересным фактом является то, что в православие в основном переходят тувинцы, ранее относившие себя к протестантским религиозным направлениям. Помимо вышеперечисленных религиозных направлений, в г. Кызыле в микрорайоне «Ближний Каа-Хем» функционирует одна официально зарегистрированная старообрядческая община белокриницкого согласия.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по состоянию на 30 декабря 2019 г. в Туве государственную регистрацию получили 62 религиозные организации: 24 буддийских, 10 шаманских, 18 православных, одна старообрядческая, 9 протестантских [8]. Из имеющихся статистических данных следует, что религиозные организации в основном сконцентрированы в столице Республики Тыва — г. Кызыле. Из 33 религиозных объединений 10 — буддийские, 9 — шаманские, 9 — протестантские, 4 — православные, одна — старообрядческая. В западных и южных кожуунах Тувы, где в основном проживает коренное население, функционируют буддийские религиозные организации, за исключением городов Ак-Довурак и Чадан. Из 12 религиозных объединений 10 — буддийские, 2 — православные. В центральных и восточных районах республики, где население смешанное, преобладают религиозные организации христианского направления. Из 17 религиозных объединений буддийских — 4, шаманских — одна, православных — 12 [8].

Таким образом, вышеперечисленные сведения позволяют наглядно увидеть религиозные процессы, происходящие в Туве в постсоветский период. Дальнейшие исследования будут направлены, с одной стороны, на изучение положения различных религиозных объединений в регионе и их взаимоотношения с институтами государственной власти. С другой стороны, достаточно перспективным представляется социологическое изучение этнорелигиозных процессов в регионе. В определенной степени такие исследования уже начаты коллективом кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, сотрудниками группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, а также коллегами из Монгольского национального университета. Реализация обозначенных научных направлений проводится в рамках международного гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии по теме «Влияние этнокультурных и политических процессов на религиозную ситуацию в Сибири и сопредельных регионах Монголии в XIX — начале XXI вв.» (проект № 20-59-44004).

Литература

1. Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. — Новосибирск, 2006. — 168 с.
2. Бичелдей У.П. Вклад национальной интеллигенции в возрождение буддийской традиции в Туве (1987–2000 гг.) // Ученые записки. — 2019. — Вып. XXV. — С. 269–287.
3. Всероссийская перепись населения, 2010 // Красноярскстат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102?print=1> (дата обращения: 06.11.2020).
4. Государственно-церковные отношения в России: опыт прошлого и современное состояние. — М.: Изд-во РАГС, 1996. — 252 с.
5. Дашковский П.К., Жанбосинова А.С., Шершнева Е.А. Современные этноконфессиональные процессы в Восточном Казахстане // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. III: Конец XX — начало XXI в. — Барнаул, 2007. — С. 147–163.
6. Дашковский П.К., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. III: Конец XX — начало XXI в. — Барнаул, 2007. — С. 122–135.
7. Доржу З.Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новейшие исследования Тувы. — 2019. — № 1. — С. 144–156.
8. Информация о зарегистрированных религиозных организациях в Республике Тыва по состоянию на 30.12.2019 г. // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 30.12.2019).
9. Кушнерик Р.А. О роли религиозного фактора в приграничных регионах (по материалам полевых исследований на территории Горного Алтая в 2004–2007 гг.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии. — 2007. — № 1. — С. 220–225.
10. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). — Новосибирск: Наука, 2001. — 200 с.
11. Монгуш М.В. Деятельность нетрадиционных конфессий в Туве: 1990–2010 гг. // Новые исследования Тувы. — 2012. — № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/353/706> (дата обращения: 03.04.2020).
12. Мышляцев Б.А., Юша Ж.М. Протестантизм и его влияние на этнические процессы в современной Туве // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 2002. — С. 96–104.
13. Научный архив Национального музея Республики Тыва. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 165-12.

14. Хомушку О.М. К характеристике религиозной ситуации в Республике Тыва // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информационно-аналитический бюллетень. — 2000. — № 3. — С. 27–35.

15. Чалбак А.В. Православная миссия в Республике Тыва на современном этапе // Материалы Первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. — С. 176–181.

Сведения об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

Монгуш Айлаана Витальевна, сотрудник научно-исследовательской группы религиоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия). E-mail: orei-ool@yandex.ru

Гантуяа Магсаржав, доктор PhD, научный сотрудник, отдел религиоведения, Институт философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ О РОЛИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

П.К. Дашковский¹, У.П. Бичилдей², Идрэ Бүрэнөлзий³

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл (Россия)

³Ховдский государственный университет, г. Ховд (Монголия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-МОКНКСМ по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002)

В статье представлены предварительные результаты социологического исследования религиозных процессов в Республике Тува. В рамках исследования было опрошено 334 человека разного возраста пола, этнической принадлежности, сферы деятельности. 89% респондентов в этническом отношении — тувинцы. В процессе проведенного исследования было установлено, что тувинцы, несмотря на пристальное внимание к проблеме сохранения национальной культуры и традиций, испытывают потребность в поддержании конституционных норм свободы совести и вероисповедания. Население Тувы испытывает потребность в получении обширной и достоверной информации о религиозной ситуации в регионе через СМИ. Установлено, что, по мнению большинства респондентов, религиозные общины должны играть важную роль именно в социальной жизни региона.

OPINION OF THE POPULATION OF TUVA ON THE ROLE OF RELIGION IN MODERN SOCIETY (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)

P.K. Dashkovsky¹, U.P. Bichildey², Idre Buranolziy³

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Tuva Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl (Russia)

³Khovd State University, Khovd (Mongolia)

The article presents the preliminary results of a sociological study of religious processes in the Republic of Tuva. Within the framework of the study, 334 people of different ages, gender, ethnicity, and field of activity were interviewed. 89% of respondents are ethnically Tuvans. In the course of the study, it was found that Tuvans, despite the close attention to the problem of preserving national culture and traditions, feel the need to maintain the constitutional norms of freedom of conscience and religion. The population of Tuva needs to receive extensive and reliable information about the religious situation in the region through the media. It is established that according to the majority of respondents, religious communities should play an important role in the social life of the region.

Важным направлением современного религиоведения является проведение социологических исследований, направленных на оценку этноконфессиональной ситуации в регионах. При этом особое внимание уделяется изучению религиозных процессов в субъектах Российской Федерации, которые расположены в приграничной зоне и обладают определенной степенью автономии. Одним из таких субъектов Российской Федерации является Республика Тыва.

Социологическое исследование проводилось коллективом кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета и сотрудниками группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва в рамках реализации международного гранта РФФИ-МОКНСМ по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002). Целью социологического исследования являлось изучение мнения респондентов относительно оценки различных аспектов этнической и религиозной ситуации в Туве. Данная публикация посвящена краткому освещению мнения респондентов относительно роли религии в современном обществе и степени участия государства в религиозных процессах в стране и регионе. Кроме того, отдельное внимание уделено установлению степени удовлетворенности респондентов СМИ в освещении религиозных вопросов.

Численность постоянного населения Республики Тыва на 1 января 2020 г. составила 327383 человека, в том числе 177765 человек (54,3%) проживало в городской местности, 149618 человек (45,7%) — в сельской местности. По сравнению с 1 января 2019 г. численность населения увеличилась на 2960 человек (или на 0,9%), в том числе за счет естественного прироста — на 3342 человека [10]. В процентном соотношении численность коренного населения в регионе продолжает преобладать — тувинцы составляют 82%, соответственно, русские — 16,3%, представители других национальностей — 1,7% [3].

Этнический состав населения Республики Тыва также оказывает влияние на религиозное мировоззрение в регионе и сохранение религиозных традиций. В то же время одна из особенностей данного субъекта Российской Федерации в том, что в нем очень высокий процент так называемого автохтонного населения — тувинцев. Необходимо отметить, что у тувинцев выстроилась особая религиозно-синкретическая система, включающая в себя элементы местных верований и буддийского верования [13]. Кроме того, с появлением в Урянхайском крае (Туве) первых русских переселенцев стали постепенно распространяться такие религиозные направления, как православие, старообрядчество и баптизм. На развитие религиозного ландшафта в Туве в XX — начале XXI вв. большое влияние оказали социально-политические трансформации, в которые было вовлечено население Тувы [1; 4, с. 19–21; 5, с. 159–160; 10, с. 15–16; 11, с. 15, 45; 12, с. 101].

Учитывая численность населения Республики Тыва, в рамках данного исследования опросом были охвачены 334 человека разного возраста и пола, этнической принадлежности, сферы деятельности. Самых респондентов опрашивали по разработанной анкете в городе Кызыле. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу из разных районов республики. Полученная выборка носит репрезентативный характер. В данном случае выборка стратифицированная, территориальная, случайная.

В рамках социологического исследования респондентам было предложено ответить на поставленные в анкетах вопросы о роли религии в жизни населения Республики Тыва на современном этапе. Из 334 респондентов (100%), опрошенных на территории Республики Тыва, 70% (231 человек) считают, что человеку необходимо быть верующим. Среди опрошенных респондентов 89% (296 человек) респондентов определяют свою этническую принадлежность как тувинец. Только 17% респондентов не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека. 13% респондентов затруднились определить роль религии в жизни человека. При этом подавляющая часть населения республики уделяет важное место религии в жизни человека. Более 50% опрошенных в каждой возрастной группе считают, что религия — это неотъемлемая сторона человеческой жизни.

Распределение населения по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе исходя из результатов социологического опроса выглядит следующим образом: 56% респондентов указали, что исповедуют буддизм, 2% — протестантизм, 1% — ислам, 5% — шаманизм, 7% — православие, 2% — тенгрианство. Следует отметить, что преобладающей конфессией на территории Республики Тыва является буддизм. Однако достаточно большой процент респондентов (16%) придерживаются религиозного синкретизма. Так, наиболее привлекательным для жителей республики является исповедание буддизма при сохранении шаманских традиций. Самый высокий процент синкретичного мировоззрения следует отметить у опрошенных в возрасте от 46 до 60 лет. В данной возрастной группе 12 человек из 51 опрошенных считают себя буддистами, но при этом указывают, что отправляют и шаманские обряды.

Следует подчеркнуть, что в последние годы возрастает значение и распространение буддизма не только на территории Тувы, но и во всем мире. В России, по данным Росстата, число зарегистрированных буддийских организаций с 208 в 2010 г. возросло до 269 в 2018 г. Ряд исследователей также обращают внимание на активное возрождение и распространение буддизма [9]. При этом отмечается и тот факт, что буддизм перестает быть религией конкретных этнических групп, тем самым усиливая

свое влияние в мировом религиозном пространстве [7]. Буддизм позволяет сохранить традиционные ценности в рамках процесса глобализации в современном мире [2, с. 37]. Однако в рамках проведенного авторами социологического исследования было отмечено, что достаточно большой процент опрошенных придерживается религиозного синкретизма, сочетая буддийскую традицию с традиционными верованиями тувинцев. Система религиозного синкретизма сложилась в Туве при сохранении внутренней целостности традиционного шаманского мировоззрения под воздействием влияния распространившегося на данную территорию буддизма. При этом при слиянии двух мировоззрений формируется единый комплекс религиозных взглядов, традиций, культов и институтов [13]. Начиная с 1990-х гг., можно говорить о возрождении именно традиционной духовности среди тувинского народа.

Респондентам было предложено дать общую оценку религиозной ситуации в Туве на современном этапе. В целом 81% опрошенных людей оценивают ее как стабильную и спокойную. 12% респондентов указали на конфликтность и определенную нестабильность религиозной ситуации, а 7% затруднились ответить на этот вопрос.

Особое внимание респондентов было уделено вопросу взаимодействия религии и государственной власти. В этой связи им был задан вопрос, должны ли религиозные деятели вмешиваться в дела политики. На данный вопрос 60% (198 человек) ответили, что они против вмешательства религиозных лидеров в дела государства. При этом, несмотря на стабильность религиозной ситуации в Республике Тыва, респондентам было предложено ответить на вопрос, какие конфессии имеют большое влияние на население.

Так, 96% (319 человек) респондентов считают, что в Туве именно буддизм оказывает существенное влияние на жизнь населения. Подобного рода ответ объясняется и тем, что на протяжении достаточно продолжительного исторического периода именно буддизм являлся доминирующей, а на определенном этапе фактически и государственной конфессией Тувы. К тому же даже на начальном этапе советского периода истории Тувы именно эта конфессия продолжала играть важнейшую роль в жизни общества в данном регионе. При этом 15% опрошенных наряду с буддизмом указали еще и на православие как конфессию, влияющую на население региона. Действительно, за последние годы позиции Русской православной церкви московского патриархата существенно укрепились в Республике Тыва [6].

Несмотря на то, что, по мнению респондентов, в России и на территории Республики Тыва соблюдается конституционный принцип отделения церкви от государства, 70% (234 человека) опрошенных считают, что знакомство с религиями народов мира должно осуществляться еще в школе. 61% (203 человека) респондентов подчеркнули, что в школе должна преподаваться дисциплина «Основы мировых религий», и лишь 11% респондентов предпочли бы изучение «Светской этики». Достаточно большое количество опрошенных (21%) указали на необходимость изучения истории отдельных религий на выбор школьника и родителей, при этом указав приоритетным изучение буддизма.

Особую роль в жизни современного общества играют СМИ, и то насколько они полно и честно освещают многие вопросы, в том числе и вопросы религии. На основании социологического исследования можно сделать вывод, что позиция населения Тувы в этом вопросе неоднозначна. Так, 38% опрошенных считают, что СМИ на территории Тувы недостаточно внимания уделяют религиозной ситуации. При этом 37% респондентов удовлетворены тем объемом информации, который они получают через СМИ о деятельности религиозных общин. 25% затруднились оценить удовлетворенность объемом получаемой информации. Недостаток информации, связанной с освещением религиозных вопросов, больше всего испытывают респонденты в возрасте от 22 до 35 лет. 46% опрошенных в данной возрастной группе считают, что СМИ недостаточно освещают вопросы религии. Респонденты более старшего возраста, особенно в возрастной группе от 46 до 60 лет (59%), оценили удовлетворенность объемом информации о религии в СМИ. При этом насколько вопросы религии освещаются достоверно, также нет единого положительного мнения. Позиция респондентов по этому вопросу разделилась следующим образом: 48% опрошенных считают, что освещение религиозных процессов в регионе в целом идет вполне объективно, а 24% считают, что нет. При этом 27% затруднились ответить на этот вопрос, что тоже свидетельствует о не совсем полном и достоверном информационном фоне по этой проблематике.

Чуть более половины респондентов — 51% (172 человека) получают информацию о религиозной ситуации, а также о деятельности самих конфессий в регионе через телевидение. При этом для респондентов в возрасте от 22 до 35 лет еще одним значимым источником наряду с телевидением являются социальные сети. Именно на социальные сети как источник информации указали 40% респондентов (49 человек).

Важное внимание на современном этапе уделяется оценке участия религиозных организаций в социальной деятельности в стране. Основная доля респондентов — 233 человека (70%) считают, что религиозные организации должны участвовать в оказании социальной помощи населению. При этом социальная помощь религиозными организациями должна осуществляться, по мнению опро-

шенных, по разным направлениям: помощь наркозависимым, алкоголезависимым, бездомным, материальная помощь нуждающимся и др.

Из полученных данных следуют, что достаточно большой процент — 46% (152 человека) опрошенных рассматривают религиозные организации как центры психологической помощи для населения. При этом нужно подчеркнуть, что большинство респондентов при ответе на данный вопрос не ограничивались только одним видом помощи со стороны религиозных организаций. Из этого можно сделать вывод, что помощь со стороны религиозных организаций, по мнению опрошенных, должна носить всесторонний характер. Кроме того, отметим, что среди религиозных направлений, наиболее активно ведущих социальную работу, респонденты назвали буддизм (41%), православие (30%) и протестантизм (12%).

Несмотря на конституционные принципы, религиозный институт играет важную роль в социально-экономической и внутривластной жизни региона. Религиозный институт сохраняет и формирует этические и нравственные принципы в обществе. В связи с этим участие религиозных организаций в социальной жизни общества и вовлечение в нее достаточно большого количества населения региона позволит сформировать положительную межконфессиональную обстановку.

Таким образом, в рамках исследования было установлено, что тувинцы, несмотря на пристальное внимание к проблеме сохранения национальной культуры и традиций, испытывают потребность в поддержании конституционных норм свободы совести и вероисповедания. Несмотря на то, что религиозный институт является неотъемлемой частью культуры народа, вмешательство религиозных лидеров в политическую жизнь рассматривается больше частью опрошенных жителей региона как негативное явление. К тому же тувинцы испытывают потребность в получении обширной и достоверной информации о религиозной ситуации в регионе через СМИ. По мнению большинства респондентов, религиозные общины должны играть важную роль именно в социальной жизни региона.

Литература

1. Абаев Н.В., Хомушку О.М. Духовно-культурные традиции в геополитическом и цивилизационном пространстве Центральной Азии и Саяно-Алтая. — Кызыл, 2011. — 283 с.
2. Бадмаев В.Н., Уланов М.С., Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Антонов В.И., Очирова О.А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1. — С. 35-49.
3. Всероссийская перепись населения, 2010 // Красноярскстат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102?print=1> (дата обращения: 06.11.2020).
4. Моллеров Н.М. Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926–1932 гг.) // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 1.
5. Монгуш М.В. Христианские общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. — № 8. — С. 159–175.
6. Монгуш А.В. Православие в Республике Тыва на современном этапе // Народы и религии Евразии. 2021. — № 1. — С. 140–159.
7. Островская Е.А. Социологическое изучение религиозных неправительственных гражданских организаций Российской Федерации и Республики Корея // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. СПб., 2012. — С. 144–159.
8. О демографической ситуации в Республике Тыва в 2019 году // Красноярскстат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://krasstat.gks.ru/search?q=О+демографической+ситуации+в+Республике+Тыва+в+2019+году> (дата обращения: 06.11.2020).
9. Слободникова В.С. Конфессиональный портрет современной России // Известия Саратовского университета. — 2007. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 69–74.
10. Стороженко А.А. Старообрядчество Тувы во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Кызыл, 2004. — 23 с.
11. Татаринова М.П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 2006. — 216 с.
12. Хомушку О.М. Религии в истории культуры тувинцев. — М., 1998. — 177 с.
13. Хомушку О.М. Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. — М., 2006. — 52 с.

Сведения об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph.D), руководитель научно-исследовательской группы религиоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия). E-mail: opei-ool@yandex.ru

Бүрэнэлзий Идрээ, кандидат философских наук, доцент, Ховдский государственного университета (Ховд, Монголия)

СЕКЦИЯ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩНОСТИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Модераторы: **Асанканов Акылабек Асанканович**, академик НАН Кыргызской Республики, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

Назаров Иван Иванович, кандидат исторических наук, директор Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ С НАРОДАМИ САЯНО-АЛТАЯ

Б.С. Жалиева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье исследованы историко-культурные связи кыргызов и тюркоязычных народов Саяно-Алтая — алтайцев, тувинцев и хакасов. Также рассмотрены общие черты в хозяйственно-культурной деятельности, бытовых и семейных отношениях кыргызов и указанных народов.

HISTORICAL AND CULTURAL LINKS OF KYRGYZ WITH THE PEOPLES OF SAYANO-ALTAY

B.S. Zhalieva

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article examines the historical and cultural ties of the Kyrgyz and Turkic-speaking peoples of the Sayan-Altai — Altai, Tuvans and Khakass. And also considered common features in economic and cultural activities, household and family relations of the Kyrgyz and these peoples.

Этническая история кыргызов тесно связана с этническими процессами, происходившими на степных просторах современного Казахстана, Центральной Азии и Саяно-Алтая. То, что носители этнонима «кыргыз» в одно и то же время проживали в Южной Сибири, Восточном Туркестане, Тянь-Шане, Памиро-Алае и казахских степях, на сегодня доказано современной этнографической наукой. Поэтому регион Саяно-Алтая имеет особое значение в исследовании основных этапов этногенеза и этнокультурной истории кыргызов.

Обширные территории Саяно-Алтая, по мнению историков и востоковедов, входят в единый историко-культурный регион с Центральной Азией и составляют ядро центральноазиатской цивилизации. Тюрко- и монголоязычные племена этого региона издревле жили в общем историко-культурном ландшафте. Характерные культурные особенности тюркоязычных народов Саяно-Алтая (алтайцев, тувинцев, хакасов) и современных кыргызов с полным правом доказывают то, что они являются наследниками единой степной культуры.

В своем развитии эти народы долгое время проживали в едином массиве тюркоязычных народов и имели широкие экономические, политические и культурные связи. В исследовании истории, традиционного образа жизни и культуры тюркских народов Саяно-Алтая и кыргызов наряду с различиями и особенностями встречаются ряд общих этнографических признаков. По мнению исследователей-археологов, археологические памятники Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана наглядно подтверждают то, что, несмотря на некоторые этнические и культурные особенности, народы этих регионов в процессе своего этногенеза участвовали в общих историко-культурных процессах [1, с. 96].

Исследование исторических судеб, этногенеза, традиционной культуры наряду с изучением исторических, этногенетических, этнокультурных связей с другими родственными народами является актуальной задачей современного кыргызоведения.

С VI в. территория современного Алтая входила в состав Тюркского каганата. По мнению исследователей, этнические, историко-культурные взаимоотношения предков кыргызов и алтайцев усилились именно с VI в., особенно с выходом на политическую арену Кыргызского каганата [2, с. 169].

Вхождение Саяно-Алтая, а вместе с ним Горного Алтая в регион, где происходил процесс становления кыргызского народа, в исторической науке обосновано. Проживание кыргызов на Алтае подтверждают и сведения рунических надписей. Параллели в памятниках материальной и духовной культуры, племенных тамгах, этнических названиях кыргызов и алтайцев, народные легенды, сведения родословной, название местностей и другие аналогии свидетельствуют о древней историко-культурной общности кыргызов и алтайцев [3, с. 82]. В великом кыргызском эпосе «Манас» повествуется об Алтае как месте проживания отца Манаса — Жакыпа, где он остановился с сорока семьями кыргызов, пройдя земли калмаков, о рождении и детстве Манаса [4, с. 147-162].

Подтверждением кыргызско-алтайских историко-культурных связей является наличие этнонима «кыргыз» в составе алтайцев. Встречающие и у кыргызов, и у алтайцев этнонимы «кыргыз», «кыпчак», «мундуз», «дөөлөс» (төөлөс) и другие этнические параллели двух народов, общие аналогии в племенных тамгах рассматривались отдельными учеными в своих исследованиях [5, с. 39-40].

Поклонение «Умай эне» («Матери Умай»), «Теъиру» и другим природным явлениям, «шаманизм» подтверждает общность религиозных верований двух народов. В каменных орхоно-енисейских надписях можно часто встретить основных божеств шаманизма — «Кёк теъир» («Теъир — небо»), «йер-су (суб)» («земля и вода»), «Умай» (покровительница детей и богиня плодородия) [6, с. 18-27]. Шаманизм Северного Кыргызстана имеет ряд общностей с верованиями народов Южной Сибири и вместе с тем Алтая. Наряду с этим известно, что большинство кыргызских шаманов, так же как телеуты и кумандинцы, своим покровителем считают «белого верблюжонка» [7, с. 73].

Сравнивая терминологию родственных связей кыргызов и алтайцев, можно найти ряд общностей в исторической лексике двух народов. В родственной системе кыргызов и алтайцев и других тюркоязычных племен сохранились классификаторская система [8, с. 95]. Родственные, хозяйственные и другие термины имеют консервативный характер, что доказывает продолжительные историко-этнические контакты этих народов.

Как показывают исследования, кыргызы и южные алтайцы сохранили древние формы кочевой, промыслово-охотничьей жизни. Для алтайцев, как и для кыргызов, характерно разделение скота по возрасту [9, с. 66]. Основные методы ведения хозяйства, большинство терминов, касающихся скотоводства, состав стад и у кыргызов и у алтайцев практически не отличаются.

В настоящее время тувинцы называют себя «тыва» или «тыва кижы». Первые сведения о тувинском народе встречаются в летописях китайских династий Суй и Тан, где упоминаются в форме «дубо», «тубо», «тупо», проживавших в верхнем течении Енисея [10, с. 3].

Современный район Тувы входил в регион становления кыргызской народности. Поэтому исследование кыргызско-тувинских исторических и культурных связей является одной из основных задач кыргызоведения. После разгрома в IX в. кыргызами Уйгурского каганата районы современной Тувы входили в состав Кыргызского каганата. Кыргызы оказали большое влияние на материальную и духовную культуру племен, проживающих в районах Тувы. Исторические, этнокультурные общности кыргызского и тувинского народов установились в эпоху Великодержавия кыргызов. По мнению С.И. Вайнштейна, после падения кыргызского государства часть кыргызов после захвата Тувы осела в этом районе и приняла участие в этногенезе тувинского народа [11, с. 13]. Также распространение среди тувинцев многочисленных племен и родов с названием «кыргыз» подтверждают политическую власть кыргызов на протяжении многих веков. О длительности пребывания кыргызов в районах Тувы свидетельствуют эпиграфические находки, знаки, система орошения и многое другое. Кыргызские памятники IX-X вв. в основном сосредоточены в районах Тувы, большинство древнекыргызских письменных памятников находят именно здесь. Кыргызы оказали огромное влияние на развитие скотоводства, земледелия, металлургии в регионе Тувы. На высоком уровне развивалось производство золота, серебра, свинца, изготовление вооружения поднялось на новую ступень [12, с. 121].

Наряду с этим вызывает интерес терминологическое сходство в названиях системы родства кыргызов и тувинцев. Системе родства тувинцев характерна передача нескольким родственникам одного и того же термина, что присуще и другим тюркоязычным народам Южной Сибири. Кыргызский и тувинский народы (в частности, в Западной Туве) вели схожий кочевой и полукочевой образ

жизни, что во многом обусловлено схожими природными условиями, а также тем, что они являлись наследниками древних кочевников, вследствие чего они сохранили схожую хозяйственную систему кочевых скотоводов. Входящее в эту систему разделение домашних животных по возрасту сохранилось и у тувинских кочевых скотоводов [13, с. 318-319].

Кыргызско-тувинские этнические параллели, терминологические общности в системе родства, ведение скотоводческого хозяйства и связанные с ним терминологические параллели подтверждают глубокие этногенетические отношения между этими двумя народами.

Начиная с XIX в. хакасы подразделяются на 4 этнические группы: качины (хаам, хаас), сагай, кызыл (хызыл), койбал (хойбал). Термин «хакас» был введен в период советской власти для обозначения местного населения Хакасско-Минусинской котловины. Это название взято из китайских источников, так как в IX-X вв. народ, проживающий в районе Среднего Енисея (современный регион Хакасия), упоминается как «хягасы» [14, с. 134-141]. Так, до сегодняшнего дня название народа «хакас» является официальным.

Енисейские кыргызы в Среднеенисейской долине в раннее средневековье образовали свое государство и вплоть до начала XVIII вв., до насильственного переселения в Джунгарию, являлись доминирующим этносом в регионе. С нашествием монголов на Саяно-Алтай кыргызы подверглись жестокому разгрому. Завоевание кыргызов монголами длилось два года, и только в 1209 г. кыргызы полностью были побеждены. В дальнейшем районы Хакасии входят в состав монгольского государства отдельным туменом. После свержения монгольской власти в 1368 г. кыргызы предпринимают попытки образования собственного государства. В XV-XVI вв. в Хакасско-Минусинской котловине различные племенные группы во главе с кыргызами образовали этнополитическое объединение под названием «Хонгор», или «Хонгорай» [15, с. 154-160]. В 1727 г. после Кяхтинского мирного соглашения Хонгорай входит в состав России, чем заканчивается многовековое господство кыргызов. Историческое самоназвание енисейских кыргызов «хонгорай» было заменено экзоэтнонимом «тадар», и в последующем уже в составе Российской империи они получили название «минусинские татары».

Этнополитическое объединение кыргызов «Хонгорай» имело большое значение, о чем свидетельствуют русские документы XVII в., в которых Хакасско-Минусинский регион называется «кыргызской землицей» [16, с. 33].

Племена «Хыргыс» в составе хакасов были самыми влиятельными, эти этнонимы встречаются во многих хакасских родах [17, с. 41]. Кроме этого, кыргызско-хакасские общности родства наблюдаются в лексикологических параллелях. Например, в кыргызско-хакасских терминологиях родства можно встретить ряд общностей и параллелей.

Аналогичность характера ведения хозяйства (скотоводства) кыргызов и народов Саяно-Алтая, семейных отношений, историко-культурные связи, этнические общности, параллели в терминологии и системе родства ярко свидетельствует об этногенетических и историко-культурных связях данных народов.

Литература

1. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. — М.: Наука, 1980.
2. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. — Бишкек, 2003.
3. Савинов Д.Г. Археологические данные о связи енисейских и тьянь-шаньских кыгыздов в конце I — начале II тысячелетия н.э. // Вопросы этнической истории киргизского народа. — Фрунзе, 1989.
4. Манас: эпос / Сагынбай Орозбак уулунун варианты боюнча. — Фрунзе: Кыргызстан, 1980. II китеп. 12-30.
5. Абрамзон С.М. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. — Б., 1999.
6. Аманалиев Б. Доисламские верования киргизов // Религия, свободомыслие, атеизм. — Фрунзе: Илим, 1967.
7. Баялиева Т.Д. Пережитки шаманства у киргизов // Научные чтения, посвященные памяти академика АН Киргизской ССР С.И. Ильясова. — Фрунзе, 1989.
8. Тадина Н.А. Свадебная обрядность как источник по этнокультурным связям киргизов и алтайцев // Кыргыз: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. — Бишкек: Кыргызстан, 1996.
9. Руденко С.И. Алтайская экспедиция. — Л., 1925.
10. Маннай-оол М.Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. — Новосибирск, 2004.
11. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972.
12. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — нач. XX в.). — М., 1956.
13. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. — М.: Наука, 1969.
14. Кыргыз мамлекетгьльгь жьньндь байыркы Кытай тарыхый булактары (б.з.ч. III к. — б.з. IX к.).
15. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Эне-сай кыргыздары: фольклор жана тарых. — Бишкек, 2002.

16. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгоря. — Абакан, 2004.
17. Молдобаев И.Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье. — Бишкек, 2003.

Сведения об авторе:

Жалиева Бегайым Самидиновна, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: bjalieva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАШКИР И ХАКАСОВ В АСПЕКТЕ ИСПОЛЗУЕМЫХ ТЕМ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Ё.Ю. Перска, Г.Р. Абдуллина

Башкирский государственный университет, г. Уфа (Россия)

Музыкальная культура башкир уходит своими корнями в глубокую древность. Данные этнической истории башкир, а также материалы, содержащиеся в самом фольклоре, дают основание считать, что складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую и стилевую систему происходило одновременно с формированием из различных племенных групп единой башкирской народности. Известно, что, постоянно развиваясь и изменяясь, музыкальный фольклор, тем не менее, сохраняет на протяжении веков такие первичные элементы, как интонации, полевки, ладовые и ритмические образования, а в ряде случаев отдельные сюжеты и образы. Музыкальная культура хакасов имеет древнее происхождение. Развитие инструментального исполнительства на современном этапе способствует сохранению и популяризации музыкального наследия предшествующих поколений.

FEATURES OF BASHKIR AND KHAKAS MUSICAL CULTURE IN THE ASPECT OF THEY USED THEMES AND MUSICAL INSTRUMENTS

E. Perska, G.R. Abdullina

Bashkir State University, Ufa (Russia)

The musical culture of the Bashkirs is very ancient. The data of the ethnic history of the Bashkirs, as well as the materials contained in the folklore itself, give reason to believe that the folding of Bashkir folk music into a single figurative-semantic and stylistic system occurred simultaneously with the formation of a single Bashkir nationality from various tribal groups. It is known that, while constantly evolving and changing, musical folklore, nevertheless, retains over the centuries such primary elements as intonation, voles, modal and rhythmic formations, and in some cases, individual plots and images. The musical culture of the Khakas has an ancient origin. The development of instrumental performance at the present stage contributes to the preservation and popularization of the musical heritage of previous generations.

Музыкальная культура башкир отличается глубокой древностью. Данные этнической истории башкир, а также материалы, содержащиеся в самом фольклоре, дают основание считать, что складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую и стилевую систему происходило одновременно с формированием из различных племенных групп единой башкирской народности. Известно, что, постоянно развиваясь и изменяясь, музыкальный фольклор, тем не менее, сохраняет на протяжении веков такие первичные элементы, как интонации, полевки, ладовые и ритмические образования, а в ряде случаев отдельные сюжеты и образы. Музыкальная культура хакасов имеет древнее происхождение. Развитие инструментального исполнительства на современном этапе способствует сохранению и популяризации музыкального наследия предшествующих поколений.

Песенно-поэтический фольклор башкир, сохранившийся с древнейших времен, при всем своем разнообразии жанров и форм образует две большие группы, имеющие между собой много общего. К одной из них можно отнести произведения народного творчества с преобладанием в них текстового, поэтического начала. Музыкальная сторона если и присутствует в них, играет более или менее подчиненную роль. К этой группе относятся древние сказания «Кузый Курпэс и Маян Хылу», «Алпамыша и Барсын Хылу», «Акбузат» и другие, бытовавшие в форме иртэков и кубаиров.

Позже байтом стали называть поэтическое произведение устной традиции, в основу которого положен значительный, чаще всего драматического характера, сюжет, повествующий об историческом или бытовом событии, о ярких, героических личностях.

Богаты песнями и бытовые обряды башкир. Наиболее развитым, красочным издавна был свадебный обряд. Он отличается большим своеобразием, и многие черты его напоминают о глубокой древности. Этнографы относят к периоду разложения родового строя такие элементы башкирской

свадьбы, как выплата калыма, тайное посещение невесты женихом, выборы для невесты киэмэтлек эсэй, киэмэтлек атай (нареченных мать и отца из родни жениха), бросание молодой парой наутро после свадьбы в ручей серебряной монеты и т.д. Песни являются составной частью башкирской свадьбы. К свадебным песенным жанрам относятся: сенляу (сенләу — причитание, плач), теляк (телэк — пожелание молодым всяческого благополучия), хамак (һамак — свадебный речитатив), праздничные, застольные песни, исполняемые на свадебном пиру (туй йыры, мәжлес йыры).

Термином «кыска кюй» (кыска кей), т.е. короткая песня, определяется очень широкий пласт народно-песенного искусства, вокальные мелодии и инструментальные напевы в жанре кыска кюй обычно связаны с бытовыми и лирическими темами, но встречаются кыска кюй и на исторические темы. Так же, как песни типа узун кюй, песни в стиле кыска кюй имеют свои характерные особенности, которые, вероятно, складывались на протяжении очень длительного периода. Понятие кыска кюй, так же, как и узун кюй, включает в себя определенные стилевые черты напева и характера его исполнения. По своему содержанию и жанровым признакам напевы кыска кюй можно подразделить на несколько групп. Ряд песен в стиле кыска кюй называют в народе «һалмак кей», то есть спокойная песня. Они исполняются в умеренном темпе, имеют лирико-созерцательный характер, чаще всего в них воспеваются образы природы. Можно привести, например, песни «Тюляяс», «Круглое озеро», «Степной Еркей».

При исполнении народного эпоса улавливаются некоторые музыкально-поэтические закономерности. Ритмика короткой, речитативного склада мелодии кубаиров подчинена метрике семисложного «кубаирского стиха». Более поздним эпико-поэтическим жанром стал байт (бәйт). Первоначально так называли стихи книжного происхождения, осевшие в памяти народа и передаваемые из уст в уста.

В отличие от жанров иртэка и кубаира, которые в современных условиях не развиваются (не зафиксировано ни одного иртэка и кубаира на современную тему), байт — живая жизнеспособная форма эпоса, которая активно развивается. Можно сказать, что он, по существу, вобрал в себя функции иртэка и кубаира, стал живой современной формой народного эпоса. Фольклорные экспедиции ежегодно записывают все новые и новые байты на тему гражданской войны, партизанского движения, Отечественной войны. Байты, так же как кубаиры, исполняются речитативом нараспев, но напевы более разнообразны и индивидуализированы, имеют в основе своей определенную мелодическую ячейку.

Основным народным музыкальным инструментом башкир является курай (башк. курай) — башкирский национальный духовой музыкальный инструмент, разновидность открытой продольной тростниковой флейты. Относится к классу аэрофонов. Обладает своеобразным сипловатым тембром. Традиционно изготавливается из срезанных и высушенных стеблей уральского плодника. Курай несколько отличается от схожих музыкальных инструментов у соседних тюркских народов, например, от казахского сыбызгы. Следует отличать курай от татарского народного инструмента с таким же названием, но по сути являющимся свистковой флейтой. Курай используется как сольный и ансамблевый инструмент.

Думбыра — башкирский струнный щипковый музыкальный инструмент. Близкородственные инструменты распространены также у казахов (домбра), киргизов (комуз), узбеков, других тюркских народов, а также у таджиков. От казахской домбры отличается более коротким грифом, а также количеством струн (традиционно три). Думбыра — традиционный инструмент сээнов — башкирских сказителей. Под ее аккомпанемент исполнялись эпические сказания и кубаиры, а также песни. Думбыра имела длину около 800 мм, три жильных струны, корпус выполнялся из долбленого дерева.

Кубыз — разновидность варгана. Кубыз является язычково-щипковым инструментом. В нем соединены отдельные признаки языковых, щипковых и духовых инструментов. Ранее кубыз относили к самозвучающим щипковым инструментам (по классификации Э. Хорнбостеля и К. Закса), однако исследование акустических и конструктивных свойств кубыза, а также способов звукоизвлечения показывает, что этот инструмент выходит за рамки подобной классификации. Без усилий исполнителя кубыз не звучит.

Таким образом, башкирское народное музыкальное творчество богато и разнообразно как по содержанию, так и в жанровом отношении. Оно находится в постоянном развитии, и его специфические черты оказывают сильнейшее воздействие на современную башкирскую музыкальную культуру, а также на музыкальную культуру других соседних народов страны.

Перейдем к хакасской музыкальной культуре. На Алтае тип песни обычно называется кожон, а кожон делится на ко: кожон, имеющий длинное и тяжелое произношение, и кыска кожон, которое

является коротким и живым. Племена куманди и баят, входящие в состав алтайских племен, называли ко: кожон как табыр и кыска кожон как тахпах.

Хау/кау — техника пения, в которой голос воспроизводится иначе, чем горловой, довольно распространена у тюркских народов Южной Сибири и монголов. В тувинской музыкальной традиции этот стиль пения, который обычно называют хоемеу, имеет различные базовые стили, такие как сыгыт, каркыра, эзенгилер, борбанадыр, хоемеу.

Тахпах в хакасской устной литературе и на хакасском языке означает «короткая лирическая песня, состоявшаяся обычно из 8 строк».

Особенность песен тахпах заключается в том, что они могут касаться любого события в жизни, часто упоминаются, особенно на свадебных церемониях и праздниках. При соревнованиях исполнителей песен тахпах исполнители общаются друг с другом через песни в стиле тахпах. Основные характеристики жанра тахпах можно перечислить следующим образом:

1. Состоит из четверостиший: тахпахи поются в четверостишиях. Он состоит из одного или двух четверостиший. Особенность древнетюркской поэзии заключается в том, что рифмованные стихи образуют внутри себя единство, что характерно для данного вида песен.

2. Двоичная форма выражения: тахпах состоит из двух частей. Одна и та же идея по-разному выражена в первой и второй частях. Например, если тах состоит из одной строфы, первые две строки и последние две строки мысленно идентичны. Или мысль развивается в первой строфе, а предмет подкрепляется в сознании слушателя во второй строфе.

Чарых кименен кискенсе	Вместо того, чтобы пересечь реку на лодке с щелью,
Чар хастап чёрбес пе	Разве по побережью нельзя пройти?
Чабал олларга парганса	Вместо того, чтобы выйти за плохим парнем,
Чалхыс пос чёрбес пе	Разве нельзя гулять одной?
Хомай кименен кискенсе	Вместо того, чтобы пересечь с плохой лодкой,
Хыр хастап чёргени чахсы	Перейти склон лучше пешком.
Хомай олларга парганса	Вместо того, чтобы выйти за плохим человеком,
Хара чалхыс чёргени чахсы	Лучше гулять одной.

Здесь в обоих катренах в первую очередь высказывается суждение о природе. Это суждение о том, что плохо построенная или затопленная лодка не может безопасно доставить людей в желаемое место, и было бы разумнее идти пешком, даже если это сложнее, чем на лодке. В последних двух строках обоих катренов выражен факт человеческой жизни. Дело в том, что лучше быть одному, чем быть несчастным на всю жизнь, выбрав не того партнера. В обеих строфах одна и та же идея выражена несколько по-разному.

Тахпахи по своей тематике очень разнообразны. Такие предметы, как социальные отношения, образ жизни, классовые различия, взгляды мужчин на женщин, место женщин в семье могут быть включены в тему этого жанра. Опять же, жизнь и обычаи людей могут быть выражены в них. Любовь хакасов к природе, своему народу, своей Родине, их чувства к любимому мужчине или женщине также выражаются в этих песнях. Лирический герой Тахрах — это обычно бедный крестьянин, охотник, фермер или работник, работающий на богатых.

Тахпахчик — это человек, который исполняет данный жанр песен. Тахпахчиком может быть мужчина или женщина. Он может объявить свой собственный импровизированный тахпах, а также может исполнять песни других известных тахпахчиков. Тахпахчики всегда пользовались большим уважением в народе. Они умеют выражать самые истинные идеи, чувства и мысли людей. Тахпахчик должен быть открытым, смелым, морально высоким и заслуживающим доверия человеком.

Наиболее часто освещаемые темы в тахпах следующие:

1. Работа, труд, мастерство. Мастер хвалит свою работу в песнях тахпах. Это мог быть охотник, рыбак или коневод. Раньше сагайцы и качлары в основном зарабатывали на жизнь животноводством и сельским хозяйством, в то время как кызылцы и шорцы — охотой и рыбалкой. Это также видно из песен в стиле тахпах у этих народов.

2. Бунт против бедности и несправедливости. Восстание против бедности и эксплуатации богатых хозяев также является одной из тем, обсуждаемых в песнях тахпах.

3. Родина. Родина и ее природные красоты — одна из самых обсуждаемых тем. Тем более тема тоски по Родине трактуется с грустным выражением лица исполнителя.

4. Традиции. У хакасов много песен в стиле тахпах, особенно на тему брачных традиций. Поскольку у хакасов люди одной родственной линии считаются братьями и сестрами, браки по родственной линии не разрешаются. С этой традицией связано много песен. Кроме того, приданое, назы-

ваемое халын, который трудно оплачивать, и традиция похищения девочек также подлежали этому стилю песен.

5. Семейная жизнь. Выбор супруга, поведение супругов по отношению друг к другу, основы, на которых должна содержаться семья, часто отражаются в этих песнях тахпах.

6. Любовь. Это одна из самых обсуждаемых тем в тахпах. В нем выражается то, что нужно терпеть всевозможные трудности ради любви и желания встретить возлюбленного.

7. Мастерство исполнителя песен в стиле тахпах часто проявляется особенно в спелах, воспеваемых во время соревнований исполнителей этих песен.

В народной песне «Хан хызы махтанча», когда молодой человек постоянно просит у девушки показать рост, девушка почему-то отказывается от всех этих просьб:

Оул: Сыхтах сыхтах, хан хызы.	Выходи, выходи, ханская девушка
Сынын хёрим, хан хызы.	Дай мне посмотреть твой рост, ханская девушка
Хыс: Сыным кёрип, хайди поларга?	А зачем тебе мой рост?
Син сыргай кёрбеезин ми?...	Разве ни разу не видел саженца?

Уверенная в собственной красоте, девушка постоянно рисует автопортрет, сравнивая свой рост с аккуратным деревцем, лицо — с аккуратным зеркалом, а волосы — с шелковыми кистями. Песня состоит из просьб и ответов:

Хыс: Кем хазында одыргабин,	Сижу на берегу Кеми,
Кизек сырайлы хыс полжанмын;	Я девушка с худым лицом.
Кизек сырайыма кёёленебизип,	Влюбившись в мое лицо,
Кизек малдан ас халарсин.	Ты можешь лишиться своей собственности.
Оул: Кизек малдан ас таа халсам	Если я лишусь собственного богатства,
Кистимде сыххан кёп полжан...	Позже я стану богаче.

В этой песне, в отличие от тахпах, нет параллелизма и мысль выражена свободно. Однако следует обратить внимание на рифму стиха. Важную часть хакасского музыкального фольклора составляют музыкальные инструменты:

Хомыс — хакасский двух-, реже трехструнный щипковый инструмент, тип лютни. Его резонаторный корпус, шейка, головка — цельные, выдалбливаются из куска древесины. Существуют две основные разновидности инструмента: с круглым и овальным корпусом — резонатором.

Пыргы (хак. пыргы) — духовой инструмент хакасов с широкой мензурой, длиной 50-70 см. До половины длины конический, далее цилиндрический. Делается из сосны или кедра. Заготовка раскалывается вдоль на две половины, наружной стороне придается соответствующая форма, внутренняя полость выдалбливается. Затем обе половины складываются вместе, обтягиваются животной кишкой и скрепляются деревянными обручами (иногда берестяными поясками). В узком конце инструмента вырезается небольшое овальное отверстие, в которое иногда вставляется маленькая берестяная трубочка.

Топшуур — это двухструнный щипковый музыкальный инструмент, на котором играет сказитель во время исполнения эпоса. Он имеет долбленный кузов овальной формы, закрытый сверху кожей или деревянной декой, длинную шейку без ладов, две волосяные струны, настроенные на кварту. Общая длина — около 75-77 см. В алтайской мифологии подчеркивается магическое свойство музыкального инструмента — он связан и «живым деревом», с вечнозеленым кедром, «растущим корнями вниз, а верхушкой — вверх», а также с «живым конем» — из волос гривы которого изготавливают струны.

Чатхан — многострунный щипковый музыкальный инструмент хакасов, типа цитры. Корпус-резонатор в форме продолговатого ящика, чаще без дна, с прикрепленными вдоль струнами. В прошлом инструмент выдалбливался из цельного куска кедрового или соснового дерева. Позднее стали сколачивать, склеивать из отдельных дощатых частей.

Бых — хакасский народный струнный смычковый музыкальный инструмент. Традиционно он имеет две струны из некрученых конских волос, при игре музыкант использует дугообразный смычок — чаах. Он используется для сопровождения народного эпоса, как аккомпанемент традиционных песен, как сакральный инструмент. Считается, что это один из древнейших струнных инструментов, сохранившихся до наших дней в быту коренных народов.

Хобырах — хакасский народный духовой музыкальный инструмент, представляющий собой продольную флейту.

Хобырах с хакасского означает «полая трубка». И не случайно, ведь традиционно этот инструмент изготавливается из зонтичных растений, которые имеют ствол в виде полой трубки (дягиль, борщевик, пучок).

Металлический (железный) тимир хомыс можно встретить у многих тюркскоязычных народов. Язычок инструмента является звучащим телом, палец исполнителя — организатором звука. Резонатором выступает голосовой аппарат музыканта: полость рта, губы, зубы, язык, дыхательные пути, гортанная и надгортанная области, диафрагма и черепная коробка.

Таким образом, музыкальное наследие тюркских народов, указанных в статье, хранит в себе большое количество самобытного искусства, разновидностей жанров и способов исполнения. Каждому народу присущи свои особенности, однако все вместе они создают общий тюркский фольклор. Также одним из самых главных факторов сохранения культурных особенностей тюркских народов остается их преданность многовековым традициям, переплетающихся с современными жанрами и методами исполнения.

Литература

1. Арыкоглу Экрем. Антология турецких литератур за пределами Турции от начала до наших дней. — Анкара: Хакасская литература, Министерство культуры и туризма, 2003. — С. 25.
2. Бенин В.Л. Очерки по культуре народов Башкортостана. — Уфа: Китап, 1994. — 160 с.
3. Боратав Пертев Наили. Турецкая народная литература в 100 вопросах. — Стамбул: Real, 1999.
4. Килли Гюльсюм. «Тахпах» в хакасской устной литературе. Национальный фольклор. — Анкара. С. 48, 72-83.
5. Суразаков С.С. Алтайский фольклор. — Горно-Алтайск, 1975.
6. Унгвицкая М.А., В.Е. Майногешева. Хакасское народное поэтическое творчество. — Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издания, 1972.

Сведения об авторах:

Перска Ёзджан Юнусович, магистрант, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия). E-mail: operska@yandex.ru

Абдуллина Гульфира Рифовна, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия). E-mail: abguri@yandex.ru

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ТРАДИЦИОННЫХ ВОРСОВЫХ КОВРОВ И КОВРОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ЮЖНЫХ КЫРГЫЗОВ

Ч.Т. Сатыбалдиева

Ошский государственный университет, г. Ош (Кыргызстан)

Традиционное ковроделие — одно из ценных этнографических наследий кыргызского народа — имеет свои глубокие национальные традиции. К условиям кочевой и полукочевой жизни народные мастера приспособили и ворсовые ковровые изделия. Наряду с большими коврами изготавливались небольшие коврики и другие изделия. Ткали в основном ковры (килем) — большие ворсовые ковры, которые на юге Кыргызстана их называют: чон килем, туктуу килем.

ORNAMENTAL MOTIVES OF TRADITIONAL PILE CARPETS AND CARPETS OF SOUTH KYRGYZ

Ch.T. Satybaldieva

Osh State University, Osh (Kyrgyzstan)

Traditional carpet weaving, one of the valuable ethnographic heritage of the Kyrgyz people, has its own deep national traditions. Folk craftsmen also adapted pile carpets to the conditions of nomadic and semi-nomadic life. Along with large carpets, small rugs and other products were made. Weaved mainly carpets (keel) - large pile carpets, which in the south of Kyrgyzstan they are called: chon keel, tuktuu keel.

Весь процесс производства ворсовых изделий у кыргызов был основан на ручном женском труде и довольно примитивной традиционной технике.

Обработка материала для производства ковров — мытье, сушка, прядение и окраска шерсти производились женщинами вручную. Вначале пользовались растительными красками, и только в конце XIX в. в Среднюю Азию, как известно, проникают анилиновые краски. В противоположность прочным и глубоким тонам растительных искусственные краски чрезмерно яркие, легко выцветают и изменяются со временем в оттенке. Для выделки ковров готовили пряжу из овечьей шерсти, но для прочности нитей основы применяли также козью или верблюжью шерсть.

Узоры кыргызских ворсовых ковров отличаются простотой, четкостью и лаконичностью решения. Орнамент состоит из геометрических, растительных и животных форм. Мастерицы утверждают, что орнамент, исполняемый ими на коврах, передан им матерями или заимствован со старых ковров, а иногда и тканей. Цветовое решение кыргызских ковров состоит из небольшого количества тонов, причем красный и синий играют ведущую роль. Остальные цвета участвуют в общем колорите как дополнительные. Важную роль в декоративном убранстве играют цветные обводки, которые способствуют четкому выявлению орнамента ковра [10, с. 9].

В кыргызских, так же как и в других среднеазиатских коврах, разворачиваются сложные повествования, каждый элемент орнамента имеет свое значение, идущее от реалистического отображения объектов окружающей человека действительности. Геометрический рисунок отнюдь не является отвлекающим узором, в его основе — смысловое содержание [4, с. 43].

По поводу узорных композиций С. Дудин особо заметил: «Употребляя и любя в обиходе ворсовые ковры, киргизы их делают не все, а только те из них, которые обитают в Ферганской области и в Западной части Западного Туркестана. Ковры эти по технике не разнятся от узбекских и даже уступают им в средних образцах, но по орнаменту отличаются от них и его элементами, и влияние, ограничивающееся, впрочем, только рисунком; что же касается тональности, то она остается неизменно киргизской» [5, с. 169].

В орнаментации ковровых изделий немаловажную роль играет колористика. Так, орнаментация ковровых изделий, как правило, имеет узкую окантовку (в один узел) контрастного цвета или другого тона. Подчеркивая форму узора, цвет окантовки приглушается общим тоном ковра. Орнамент красного цвета обычно окантовывается тем же цветом, но наиболее яркой расцветки или коричневым. Коричневый узор окантовывается синим цветом, синий — коричневым. В кыргызских коврах выявляются типичные приемы кыргызского декоративного искусства, выражающиеся в чередовании цветов фона и узора (узор с красным фоном окружен узором с синим фоном и наоборот), а также в равенстве, во взаимопроникновении основных цветов — синего и красного. Одновременно с этим в кыргызских изделиях доминирует, создает общее впечатление красный спокойный приглушенный цвет.

Характерно для кыргызских ковров наличие каймовой рамки (раакы) и центрального поля (килем талаа). Кайма с боковых и долевых сторон имеет одинаковый узор и расположение. Лишь в конфигурации узора на узкой и широкой сторонах изделия имеется разница, вызванная техникой тканья. Обычно рамку каймы составляют две-три полосы разной ширины, заполненные разными узорами. Узор каймы резко отличен от узора на центральном поле. Кайма выразительна, но в то же время она не довлеет и внимание привлекает в основном центральное поле ковра. Отмечается при этом два варианта: а) цвет фона полос чередуется и узоры соответственно меняют окраску; б) чередуется цвет окраски только узоров, фон остается единым [1, с. 82].

В свое время интересные моменты в узоротворчестве ковровых полос в композиции отмечает В.Г. Мошкова. Она предполагает, что более древней формой ковра являются сшитые в несколько рядов ковровые дорожки, сотканые на узкошовном станке. Орнаменты различны, чаще — это округленные розетки, ромбы с ответвлениями [7, с. 256]. У кыргызов относящиеся группы ичкилик излюбленными считались изображения цветка и ветка с листьями. Ковры с такими орнаментами имели распространение преимущественно в западной части Ошской области, и мастерицы называли такого рода композиции «калкан». Центральное поле по горизонтальной оси содержит два-три крупных медальона в виде ступенчатого многоугольника или квадрата, ромба, вытянутого прямоугольника. Свободные места заняты повторяющимся мотивом орнамента «каракалпак кочот». Такую композицию кыргызские мастерицы называют ашкана гилем. Отмечается она в коврах, выделяемых преимущественно в Баткенском, а также в Ляйлякском районах.

В настоящее время ковры такого типа кыргызские женщины мастера-гилемчи готовят для продажи, и он становится типичным для указанной территории. К этому типу мы относим ковры, центральное поле которых занято своеобразными узорами, разработанными мастерицами на основе орнамента узбекских кустарных шелковых тканей. Подобное новотворчество в коврах наблюдается в западных районах области. Как отмечалось выше, аналогичные мотивы разрабатывались также и на циновках из чья. Надо полагать, что появление этих узоров на коврах и циновках одновременно.

А. Фелькерзам отмечает семь типов восточнотуркестанских ковров. Два из них находят аналогии в кыргызских изделиях: это ковры с «решетчатым» орнаментом и с кафельным расположением узора. Ковры с «решетчатым» орнаментом отнесены нами ко второму типу. Узор этот стал очень популярен у всех южных кыргызов, в том числе и памирских. Ковры с кафельным расположением, по нашей типологии, относятся к пятому типу. Что касается остальных пяти типов восточнотуркестанских ковров, о которых пишет А. Фелькерзам, то они не свойственны кыргызам. Однако многие ор-

наментальные мотивы (меандр, подобие дерева) они, по всей вероятности, отсюда перенесли на свой ковер [11, с. 123].

Мелкие ковровые изделия сохранили наиболее старинные приемы декорирования. Расположение узоров на мелких ковровых изделиях и на «тегирич» имеет свои особенности, каждое из них весьма своеобразно. Особо выделяется расположение узоров на ковровых полосах «тегирич». Наиболее часто встречаемая композиция — непрерывная цепь все новых и новых узоров, следующих один за другим и отделенных друг от друга узкими полосками или другим цветом фона.

У южных кыргызов чаще использовался в быту ковровый мешок «чавадан», который имеет сложное композиционное решение, и у него есть следующие варианты: вся полоса делится на 3-4 квадрата, отделенных поперечными полосами и содержащих однородный узор. Расположение каймы на «чавадане» обычно двух вариантов: или лишь вдоль узких его сторон, или со всех четырех.

Характерной чертой ковровых мешков, как и ковровых сумок, является непременно заполнение уголков узорами в виде треугольников или острозубчатых выступов. Это напоминает восточно-туркестанские ковры, где при определенной композиции нее углы заполняются меандровым узором. Прием этот имеет место и в старинных туркменских коврах. Ковровые сумки и подвесные полки («аяк койчу», «кош джабык», «баштык») также имеют определенные композиции. Всегда в этих изделиях есть два-три ряда каймы, одна из которых шире остальных. В изделиях последних лет кайма оформляется чаще в один ряд.

В более старинных ковровых сумках дополнительно ткали треугольный клапан и таким образом воспроизводили войлочную сумку, напоминающую конверт. Позднее принято было ткать мнимый клапан. Старинные сумки отличались наличием ковровой ткани с обеих сторон. Позднее тыльную часть сумки стали делать из простой ткани домашнего производства. Примерно так же, как сумка и подвесная полка, оформлялись такие ковровые изделия, как «копчук», а также «курджун».

Опубликованная М.С. Андреевым ковровая занавесь на дверь юрты у кыргызов Памира повторяет узор на чиевой циновке, обнаруженной во Фрунзенском районе у кыргызов группы жоокесек. Узор скопирован, по всей вероятности, с узбекского шелка кустарного производства, так как здесь отмечается, что на ворсовой ткани нанесены узоры, олицетворяющие горные растения [2, с. 21].

Орнамент кыргызских ковров весьма разнообразен и имеет подчас сложные формы, происхождение которых остается еще малоизученным. В целом на ворсовом материале у южных кыргызов всегда преобладали довольно сложные мотивы — различные круги, восьмиугольники, крупные кресты, ромбы простые и ступенчатые рисунки. В основном геометрические мотивы изображений являются общечеловеческими космогоническими символами, характерные для древних и земледельцев, и кочевников.

Не всегда по внешнему виду орнаментальных мотивов можно судить об их происхождении и символике. Символы обладают огромной силой обобщения действительности. Отражая предмет образно, чувственно, наглядно, он в то же время является выражением обобщенной человеческой практики. В мировой культуре используется огромное количество символических образов для отражения и обозначения действительности.

Надо отметить гибкость семантизации, у одних и тех же орнаментальных мотивов она расплывчата. Иногда встречаются неточные названия мотивов, бытующие в народе, так как они в большей части представляют собой позднейшее переосмысление узоров.

К примеру, некоторые названия взяты из растительного мира (гул — цветок). Другие (как, например, ай — луна) отражают, вероятно, древнекосмогонические представления кыргызов. В прикладном искусстве кыргызов, причем во всех его видах, наиболее разнообразным представляется орнаментальное воплощение солнца, поскольку само изображение животворящего светила в восприятии кыргызов распространяло вокруг свою очищающую, охранную силу, то есть апотропейную роль. Функцию оберега выполняли изображения солнца, огня, луны и звезд.

В представлении кыргызов до восхода и во время захода солнца исполнение определенного ритуально-магического действия, так называемого «учуктоо» или «тепкиль» с вербальным сопровождением способствовало исчезновению болезни. Таким образом выгоняют болезнь из организма. Воспроизведение солнца породило богатейшие орнаментальные вариации, в которых художественное восприятие мира гармонировало с элементами рационального познания.

Самое обычное изображение солнца — круг — осмысливалось у кыргызов и многих народов как магический оберег. Круги в традиционном ковре располагаются на центральной части основного узора.

Позже с изобретением колеса появляется солярный знак в виде окружности с шестью радиусами, что передает эффект кругового движения. Другой простейший вариант воспроизведения солн-

ца — окружность с цветочным изображением. Иногда учеными это изображение солярных знаков — колеса и солнца отводятся к древней индоиранской арийской мифологии [3, с. 45].

Более сложным представляется воспроизведение солнечной энергии в виде вертуна или креста [6, с. 123]. Обычно этот мотив встречается на различных видах одежды и выступает в виде апотропейных символов.

В существующих народных предписаниях в отношении солнца и луны прослеживаются отголоски культа почитания этих небесных светил. Увидев луну, каждый кыргыз делает ей бату — молитвенное благопожелание, как мужчина, так и женщина [8, с. 32].

Звезды в традиционном сознании кыргызов, как и у многих других народов, идентифицированы с человеческими душами. По народным поверьям, если человек умрет, то его звезда тоже погаснет [9, с. 57].

Мотивы рога полагаются в четырех секторах круглой розетки, завершают удлиненные или крест на разные фигуры между розетками образуют узор в полосе каймы. Также стилизованные мотивы рога (кочкор муйуз) встречаются в узорах ковров и кошмы и на других изделиях. Еще можно отметить узор «кочкорок» или «кайкалак» — это рогообразные узоры зооморфного типа.

Мотив тумар, или тумарча, представляет собой треугольник. Прежде он осмыслялся как амулет. Этот мотив, включенный в орнамент бытовой вещи, служил как бы заменой самого амулета, так как у кыргызов защитной силой наделяется любой треугольный лоскуток ткани с природным веществом охранного значения. Заполнение внутреннего пространства поля ковров треугольниками, то есть тумарами, видимо, сводилось к обеспечению благополучия, охраны и долголетия членов семьи. Мотив треугольника различно используются в орнаменте: в кайме на круглой розетке и отдельно среди других мотивов, по всей длине центрального поля проходит цепь ромбов с красными роговидными завитками, с белыми и желтыми деталями. Между ромбами в кайме повторяется мотив парных рогов. Такой орнамент и расцветка близки узорам на кошмах, циновках и коврах кыргызов [9, с. 120-121].

Итак, можно сделать вывод о том, орнаментальные мотивы кыргызского ковра имеют большое сходство с узорами изделий ряда народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Синьцзяна и говорят о глубоких общих истоках. Некоторые ковровые узоры, которыми пользуются кыргызы, очень выразительны. По всей вероятности, они образно отражали какие-то конкретные предметы, лежавшие в основе древнего орнамента. Бесчисленные вариации, неизбежные в индивидуальном творчестве, со временем внесли большие изменения в формы орнамента. В итоге можно сделать следующие выводы: анализ фактического материала показывает, что древней семантикой не исчерпывалось смысловое содержание кыргызской ковроделии конца второй половины XIX — начала XX в. Переосмысление давних мотивов и внесение новых черт, переход от условных форм геометрических узоров к реалистическим мотивам вызвало к жизни новые образы и композиции, обогащало семантику ковровых узопов, наполняя ее другим содержанием.

Литература

1. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных кыргызов. — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962.
2. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. — Ташкент, 1928. — С. 278.
3. Асанканов А.А., Малтаев К.Ж., Толобаев П. Новые находки оригинальных археологических памятников из Южного Кыргызстана // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Кыргызстане с древнейших времен до наших дней. — Бишкек, 2007. — С. 369.
4. Гогель Ф. В. Ковры. — М.: Гос. Изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. — С. 210.
5. Дудин С. Киргизский орнамент // Сб. Восток. — Л., 1925. — Кн. 5.
6. Малтаев К.Ж. Сулайман-Тоо — древнейший поднебесный храм в Центральной Азии. — Ош, 2000. — С. 11-12.
7. Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии. — Ташкент: ФАН. Узб. ССР, 1970.
8. Поярков Ф. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка и адрес календарь. Семиреченская обл. на 1900 г. — Верный, 1900. — С. 32.
9. Сатыбалдиева Ч.Т. Традиционное вышивание кыргызов. — Ош, 2009. — С. 200.
10. Уметалиева Д.Т. Особенности формирования киргизской художественной школы. — Фрунзе: Кыргызстан, 1987.
11. Фелькерзам А.А. Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. — 1915.

Сведения об авторе:

Сатыбалдиева Чыныхан Топчубаевна, кандидат исторических наук, доцент, Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан). E-mail: chynyhan@bk.ru

ВОЙЛОКОВАЛЯНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Ч.Д. Бексултанова

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Дзамгерчинова НАН КР, г. Бишкек (Кыргызстан)

В данной статье раскрывается роль и место традиционного ремесленничества на примере войлоковаляния в системе этнокультурного наследия кыргызского народа. Отражена связь ремесленничества с традиционным кочевым и полукочевым хозяйством кыргызов. Раскрыты особенности шерсти как основного животноводческого сырья для изготовления войлока, даны ее характеристики. По результатам проведенных этнографических полевых исследований кратко описаны традиционные технологии изготовления войлока и их определенные изменения в современный период. В рамках Государственной программы по возрождению и развитию традиционной культуры отмечены меры по сохранению элементов этнокультурного наследия как на уровне государства, так и по инициативе местных сообществ Кыргызстана.

FELTING AS AN ELEMENT OF ETHNOCULTURAL HERITAGE OF THE KYRGYZ PEOPLE

C.D. Beksultanova

Institute of History, Archeology and Ethnology named after B. Dzhamgerchinova NAS KR,
Bishkek (Kyrgyzstan)

This article reveals the role and place of traditional handicrafts using the example of felting in the system of ethnocultural heritage of the Kyrgyz people. The connection between handicrafts and traditional nomadic and semi-nomadic economy of the Kyrgyz is reflected. The features of wool as the main livestock raw material for the manufacture of felt are disclosed, its characteristics are given. Based on the results of ethnographic field research, traditional technologies for making felt and their certain changes in the modern period are briefly described. Within the framework of the State program for the revival and development of traditional culture, measures were noted to preserve elements of the ethnocultural heritage both at the state level and at the initiative of local communities of Kyrgyzstan.

Этнокультурное наследие каждого этноса — понятие глубоко историческое. Оно охватывает все то, что создано и оставлено нашими предками своим потомкам, за все время своего существования, независимо от всевозможных исторических поворотов и потрясений. Это наследие, которое помогло каждому этносу сохранить свою культурную идентичность.

Сегодня в общественной жизни значение традиционной народной культуры неизменно возрастает, так как она становится единственным средством сохранения языка и уникальных, самобытных традиций, знаний, умений и навыков. Проблема возрождения и сохранения накопленного столетиями этнокультурного наследия и их эффективного использования в развитии национальной культуры приобретает особую актуальность.

Ремесленное мастерство кыргызов обусловлено характером традиционного хозяйства, основанного на кочевом и полукочевом образе жизни [1, с. 19]. В изготовлении предметов быта использовали животноводческое сырье — шерсть и кожу различных видов скота, а также природный материал — дерево. В ремесленном производстве преобладал женский труд, требующий больших умений и навыков, терпения [2, с. 25]. Женщины обладали умениями изготовления предметов внутреннего убранства юрты, выделывания войлока, кожи, тканых ковров и циновок.

Умения и навыки рукоделия передавались по наследству, от матери к дочери, однако редко, но все же известные в округе мастерицы передавали свои знания другим ученицам, желающим обучиться мастерству рукоделия, так как всегда существовали определенные особенности [3, с. 28.]

Чтобы изготовить войлок («кийиз», «ала кийиз»), широко использовался «ашар», известный обычай коллективной помощи. По этому обычаю — кийиз ашар, в день изготовления войлока мастерице в помощь приходят родственницы или соседки.

Ткачество, плетение, вышивка, ювелирные украшения, изделия из кожи и дерева, созданные кыргызскими мастерами, отличались высоким художественным оформлением, поэтому большое значение имел орнамент [4, с. 12.] Сочетание различных оттенков цвета, размещение узоров на войлоке, выбор заполненности фона и края войлочного изделия никогда не повторялись в точности, являлись отражением мировоззрения мастерицы. Особо отметим, что изготовленные в домашнем производстве предметы хозяйственного быта всегда объединяли в себе эстетическую и практическую функции.

Применение войлочных изделий в кыргызских семьях имеет большое значение и до настоящего времени. Войлок всегда был незаменим в быту, так как защищает человека от холода, дождя, вет-

ра, солнца, войлоком покрывалось и жилище кочевника, веками выращивавшего лошадей, овец, верблюдов, яков и других домашних животных.

Основным животноводческим сырьем в кочевом хозяйстве кыргызов являлась овечья шерсть. Благодаря ланолину в составе шерсти она не аллергенная. Ланолин растворяется при температуре 35–37 градусов, благодаря ячеистой структуре, она самоочищается, так как волокна, по-особенному взаимодействуя, отталкивают загрязнения. Также у шерсти высокая гигроскопичность и термостатический эффект. Слой волокон удерживает большие объемы воздуха внутри. Пряжа с ячеистой структурой вбирает в себя много влаги, а также успешно выводит ее. Даже будучи влажным, материал греет, так как воздух свободно циркулирует между волокон, обеспечивается поглощение и выведение влаги. В такой одежде человеку тепло в холода и комфортно в жару. Прочный и легкий шерстяной материал настолько эластичен, что может сильно растягиваться и сразу принимать прежнюю форму.

Обрабатывая шерсть, кыргызы издревле изготавливали войлок — уникальный материал, один из особенностей кочевой цивилизации. Войлок (от тюркского «ojluk» — покрывало) служил опорой в приспособлении кочевников к окружающему миру, помог преодолеть сложности резко континентального климата, характерного для Центральной Азии. Благодаря раскопкам курганов «Пазырык», мы имеем сведения о наличии войлочных изделий, датируемых серединой I тыс. до н.э. [5, с. 28]. Процесс производства войлока подсказан самой природой. Войлок обладает хорошими звукоизоляционными свойствами, является лучшим уплотнительным и прокладочным материалом.

Процесс валяния войлока называется войлоковалением. Валяние — это технологическая последовательность получения войлока за счет скрепления и переплетения волокон под действием пара или горячей воды. В данном процессе войлок уменьшается в размерах, т.е. усаживается, соответственно, растет плотность и прочность материала. Усадка войлока варьируется от 30 до 80%, плотность имеет около 0,55 г/см³.

Для изготовления войлока обязательно приглашают искусных мастериц оймочу, которые продумывают орнамент, выбирают цвета композиции, наносят узоры на кошму, раскладывают шерсть.

Изготовление войлока состоит из нескольких этапов: шерсть мыли, высушивали, взбивали прутьями (сабоо), раскладывали в два или три слоя на циновке из чия, сбрызгивали горячей водой, сворачивали в рулон, перевязывали крепкой веревкой (аркан) и долго его перекачивали и прессовали с помощью ног и локтей [6, с. 31]. В процессе валяния рулон несколько раз обрызгивали горячей водой.

Самые узнаваемые элементы этнокультурного наследия кыргызского народа — это войлочные ковры — ала кийизы, шырдаки, а также различные предметы из войлока для повседневного быта — покровы традиционного жилища — үзук-туурдук, чехлы и навесные полки для складывания вещей — аяк кап, одежда из войлока — кийим-кече и мн. др.

Орнаментированный войлок ала кийиз изготавливают способом вваливания цветного узора из окрашенной шерсти, или выкладыванием цветного шнура. Для окрашивания использовали красители растительного происхождения: корни, стебли, плоды. Их высушивали, толкли и использовали в виде порошков. Так, зеленый цвет получали, вываривая листья ореха, коричневый — из отвара ореховой скорлупы, красные оттенки придавали цветки дикого мака и веточки синей сливы, а желтый — из отвара луковой шелухи. Самыми распространенными цветами у кыргызов были синий (кок), красный (кызыл), желтый (сары). Отметим, что к концу XIX в. растительные краски были вытеснены искусственными промышленными красителями, что ухудшило качество изделий.

Ала кийиз, изготовленный способом вваливания узора, достигает размеров от одного метра в ширину на полтора метра в длину, или же от трех метров в ширину на пять метров в длину. Основой служили два слоя шерсти, причем первый слой состоял из шерсти осенней стрижки, второй — из весенней и осенней шерсти. На эту основу выкладывается узор из окрашенной в два-три цвета шерсти, после вваливания узор получался немного расплывчатым. Мотивами орнамента были разновариантные завитки, волнистые и геометрические линии.

Шырдак (шырдамал) — тонкий и плотный войлок, размерами от полтора метра в ширину на два метра в длину или от двух метров в ширину на четыре метра в длину, изготавливался способом мозаичной техники, простегивания, аппликации цветным шнуром [7, с. 29]. Техника мозаики предопределяет одновременное сшивание между собой краев двух войлочных, контрастно окрашенных и вырезанных острым ножом или ножницами деталей орнамента. Шов поверху маскируется пришиванием пестрого шнура («ала жээк»), изготавливаемого из шерсти розового, оранжевого, красного или белого оттенков путем скручивания в противоположные стороны двух нитей разных цветов. Изделие, состоящее из двух одинаковых по орнаменту и контрастных по цвету деталей, характеризуется соответствием площади фона и узора, четким и аккуратным контуром рисунка. Основным узором является «завиток» («кочкор муйуз»), переводится как «бараний рог», может быть представлен в различных вариантах, скомпонованных в прямоугольник, треугольник, ромб [8, с. 37.] Орнаментирован-

ная кайма по краям ширдака выполнялась в форме ритмично повторяющихся узоров «кыял», «карга тырмак», «куш канат», «кочкорок».

До настоящего времени изготовление и применение войлочных изделий «ала кийиз», «ширдак» распространены по всей территории Кыргызстана, особенно в сельской местности. Современный интерьер обусловил появление ширдаков в виде длинных дорожек, овальных ала кийизов.

Все разнообразие видов ширдаков по композиционному решению можно условно разделить на 15 видов. Название видов дается самими ремесленниками в зависимости от узора или технологических приемов. Так, известны такие виды ширдаков как Сулп оюу (ширдак с цельным узором), Ыскыт ширдак (ширдак с узором, выложенным шнуром), Салбай оюу (ширдак с узором Салбая), Маңдай-тескей оюу (зеркальный узор), Табак оюу (ширдак с узором «блюдо»), Чарчы оюу (ширдак с узором «квадрат»), Түр оюу (ширдак с разноцветным узором), Булут оюу (ширдак с узором «облако»), Курак ширдак (лоскутный ширдак), Элес оюу (ширдак с различным сюжетным узором) и др. [9, с. 23]. Отметим, что такое деление является условным, так как в одном ширдаке можно встретить множество сочетаний разных типов узоров и технологических приемов, присущих кочевой культуре кыргызов.

Помимо постилочных ковров кыргызы делали из орнаментированного войлока также подвесные сумки, декорированные только с лицевой стороны (аяк кап, кашык кап, табак кап); футляры для хранения и перевозки пиал (чыны кап); мешки для хранения домашних вещей (чавадан); отдельные принадлежности сбруи, декоративные полосы для внутреннего оформления юрты (жабык баш) и другие предметы.

Проведенные полевые исследования в Иссык-Кульской, Нарынской областях выявили новые тенденции в ремесленном секторе [10, с. 17]. Так, вместо богатой ручной вышивки туш-кийизов, требующих интенсивного труда и времени, появились «новоделы» — туш-кийизы в технике «курак» с использованием клеящихся и блестящих китайских материалов. Имеют место и так называемые «китаизированные» ширдаки. Так, в нескольких домах одного из северных районов, граничащих с Китаем, на традиционном кыргызском войлочном ширдаке были использованы узоры с китайских подносов. Объясняется это тем, что старшее поколение кыргызских мастеров уходит, а вместе с ними и традиционные умения изготовления войлочных изделий. У молодежи отсутствуют образцы, учебные и методические пособия по традиционному войлочному орнаментальному искусству.

Другим важным моментом является то, что современные творческие группы, ремесленные центры, НПО и др. специализируются на выпуске войлочных сувениров, ширдаков, дорожек, ориентированных для туристов, что является вкладом ремесленничества в устойчивое развитие села. Однако, к сожалению, эти группы выпускают одинаковые, облегченные, с ограниченным цветовым выбором изделия, требующие для изготовления минимального количества времени и быстрореализуемые. Таким образом, современные художественные прикладные изделия обедняются, коммерциализируются, отходят от традиционных принципов и разнообразия, характерных для кыргызского этноса.

В результате экспедиции были выработаны рекомендации о необходимости публикации методических пособий об основах кыргызского орнаментального искусства, технологиях изготовления, внедрении обучающих программ в учебный процесс средних специальных, профессионально-технических лицеев и училищ.

В целях сохранения и преемственности традиционных знаний и технологий общественным объединением женщин «Кыргызское наследие» (рук. А. Мамбетова) рекомендовано объявление некоторых регионов и сел национальными зонами с особым статусом и поддержкой со стороны государства с целью возрождения различных видов вышивки, тканых изделий, а также изделий из чия и войлока.

Положительными моментами в сохранении культурного наследия стали мероприятия, проводимые по инициативе самих носителей традиционных знаний, местных сообществ. Так, с 2006 г. в Кыргызстане введена традиция проведения международного фестиваля «Оймо». Многие туристические компании Центральной Азии вносят его в календарь региональных мероприятий, что привлекает в Кыргызскую Республику дополнительный поток туристов. Фестивалю оказывают техническую и финансовую поддержку различные международные и местные организации. Для приглашенных дизайнеров и ремесленников из стран Центральной Азии фестиваль «Оймо» является хорошим рынком сбыта, а Кыргызстан ассоциируется с гостеприимным и радушным домом. Более 100 мастеров ежегодно выставляют свою продукцию на прилавках ремесленной ярмарки, которая раскидывает свои шатры в продолжение традиций Великого шелкового пути. Деятели культуры и искусства, а также самодетельные коллективы Ассамблеи народа Кыргызстана получают возможность в течение фестивальных дней выступать и представлять свою этническую культуру. Поскольку туризм является одним из приоритетных направлений экономики Кыргызстана, в рамках фестиваля преду-

смаатриваются встречи представителей культурной и ремесленной сфер с кыргызскими и зарубежными туроператорами.

Другим важным событием стал фестиваль «Кийиз дуйнө» — «Мир войлока». В программе фестиваля проходят выставки войлочных изделий и мастер-классы, проведенные в селе Кызыл-Туу, Тонского района Иссык-Кульской области [11, с. 13].

Изучение и сохранение ремесленничества, в том числе навыков и умений войлоковаления, обеспечение условий, способствующих духовному развитию всех этносов Кыргызской Республики, бережное отношение к наследию предков, сохранение самобытности и самоидентификации национальных традиций стали ключевыми задачами государственной культурной политики нашей страны. [12, с. 2.]

Литература

1. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л., 1971. 478 с.
2. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962. 290 с.
3. Антипина К.И., Махова Е.И. Безворсовое узорное ткачество // Труды КАЭЭ. Т. 5. — М., 1968. — С. 28.
4. Иванов С.В., Махова Е.И. Декоративно-прикладное искусство киргизского народа // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. — М., 1960. — С.12.
5. Радлов В.В. Сибирские древности: из путевых заметок по Сибири // Зап. Рус. археол. об-ва. Нов. сер. — СПб., 1895. — Т. 7. — Вып. 3/4. — С. 28.
6. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962. — С. 31.
7. Махова Е.И., Черкасова Н.В. Орнаментированные изделия из войлока // Труды института этнографии. — Нов. сер. — Т. 37. — М., 1958. — С. 29.
8. Мальчик А.Ю. История кыргызского народного прикладного искусства: эволюция кыргызского орнамента с древнейших времен до XX века. — Бишкек, 2005. — 138 с.
9. Кыргыз шырдагы. Шырдак — кыргызский войлочный ковер. — Бишкек, 2016. — 354 с.
10. Тетради полевых исследований: Иссык-Кульская, Нарынская области. — 2012-2014. — 38 с.
11. Тетради полевых исследований: Баткенская область. — 2015-2016. — 26 с.
12. Закон «О нематериальном культурном наследии Кыргызской Республики». — Бишкек, 2012. — С. 2.

Сведения об авторе:

Бексултанова Чинара Дамировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, Национальная академия наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: chinabeks7@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЛИЩА КОЧЕВНИКОВ

А.Б. Мамытова, Н.И. Султаналиева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Хозяйственно-культурный тип — особенности хозяйства и культуры, исторически сложившиеся у различных народов, близких по уровню социально-экономического развития и обитавших в сходных естественно-географических условиях, повлияло на появление юрты. До революции юрта была основным видом жилища у некоторых народов Центральной Азии и является частью материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем.

HISTORICAL BACKGROUND OF THE FORMATION OF A NOMADIC HOUSING

A.B. Mamytova, N.I. Sultanalieva

Kyrgyz National University named by J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The economic and cultural type — the features of the economy and culture, historically formed among different peoples, close in terms of socio-economic development and living in similar natural and geographical conditions, influenced the appearance of the yurt. Before the revolution, the yurt was the main type of dwelling among some peoples of Central Asia and is part of the material and spiritual culture, created by past generations, which has stood the test of time.

Значимость жилища в народном наследии несомненна, так как в нем полностью отражается духовное и культурное состояние общества. В народном жилище на века остаются запечатленными основные особенности ушедших эпох, эстетические идеалы, духовные стремления и традиции — в них также можно прочесть национальные, политические и даже экономические вехи истории общества в целом. Они олицетворяют нашу историю и самобытность, они наше прошлое, настоящее и будущее.

Этот памятник старины сегодня приобретает особое значение, несет в себе многовековые духовные ценности, которые обеспечивают связь поколений. Поэтому вопрос их сохранения важен.

При этом каждый из этих народов внес свой собственный оригинальный вклад в общую сокровищницу мировой культуры.

Жилище тесно связано с образом жизни обитателей и является одним из важных элементов при определении хозяйственно-культурных типов. Характер господствовавшего хозяйственного уклада — кочевое скотоводство и патриархально-родовой быт оставили глубокий отпечаток на культуре народов. Высокоразвитое скотоводство обусловило их этническое лицо, образ жизни, материальную и духовную культуру, мировоззрение в целом. Оно давало основные продукты питания, материал для изготовления одежды, жилища, домашней утвари, транспортные средства и т.п. и всецело определялись необходимостью частых передвижений на большие расстояния, отсутствием прочной оседлости, сезонным характером хозяйственной деятельности.

Скот обычно круглый год находился на подножном корме. Системы кочевания были различны в зависимости от ландшафтных и климатических особенностей территорий расселения этих народов.

Нужно отметить, что ландшафтно-климатические условия оказывали существенное влияние на формирование типов жилища не только в отношении его конструктивных особенностей, но и в плане тех строительных материалов, которые применялись в этом регионе. Особенно наглядно это прослеживается в юрте, которая полностью делается из дерева.

В степной и полупустынной зоне у скотоводческих народов Азии ветровые заслоны и шалаши преобразовались в переносные жилища двух видов: шатер на стойках с натянутыми на них шкурами животных, полотнищами из шерстяной или бумажной ткани (у кочевых групп тибетцев, иранцев, арабов и др.) и юрту (у монгольских народов, у казахов, кыргызов, туркмен и др. тюркских народов). У некоторых древних кочевников (например, у скифов) были распространены также передвижные жилища на колесах типа кибитки.

Постепенно усложнялась и его планировка: выделились помещения, имевшие специальное бытовое назначение (спальни, кухни, мужские и женские части жилища и др.). В период распада родового строя и возникновения классового общества формы жилища видоизменялись: жилища вождей и родовой аристократии стали выделяться большими размерами, лучшими качествами строительных материалов, пышным убранством.

На протяжении многих веков юрта была основным видом жилища кыргызов, казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен, башкир, хакасов, алтайцев, тувинцев и др.

Одним из показателей этой общности и является широкое бытование переносного разборного жилища — юрты, характерного в прошлом как для кочевников и полукочевников, так и для полукочевнического населения почти всей территории Средней Азии и Казахстана. Юрта сохранилась у значительной части населения и в настоящее время в качестве летнего и сезонного жилища.

Устойчивое сохранение такого вида жилища на протяжении столетий на территории Евразийского континента на обширных степных, предгорных и горных территориях и незначительные конструктивные различия его у разных народов региона связано с культурным взаимодействием, благодаря историческим и этническим процессам, имевшим много общего в культуре, быте, традициях, что объясняется этническим родством и исторической общностью.

Кочевой уклад определил особый строй, обусловил тип замкнутого сферического сооружения из решетчатого каркаса и войлочного покрытия, складывающегося и перевозимого на вьючных животных. Конструкция и размеры, планировка интерьера и его художественное оформление, рациональное использование традиционных материалов синтезированы в юрте.

Именно кочевой образ жизни способствовал созданию переносного жилища, а в условиях евразийских степей — его развитию от простых форм (шалаша) до совершенной его конструкции (юрты).

Переносное жилище имело различные названия у народов Центральной Азии: «боз уй» — у кыргызов, «ой» и «гара ой» — у туркмен, «кийиз уй» — у казахов, «иб» — хакасов, «кийис айыл», или «кереге айыл» — у алтайцев, «тирмэ» — у башкир, «уй» — у кипчаков Узбекистана и т.д. При всем различии терминов в обозначении переносного жилища в конструкции этих юрт и в вой-

лочном покрытии прослеживается общее, если не считать отдельных несущественных различий. Кроме того, термины отдельных элементов деревянного каркаса и войлочного покрытия, применяемые у центральноазиатских народов, сходны, а иногда тождественны. Это в равной степени относится и к предметам внутреннего убранства.

В степи существовали сборно-разборные юрты различных назначений и вместимости — от небольших жилых до огромных кочевых храмов и юрт-дворцов. В зависимости от географических условий, главным образом от количества осадков, изменялся и внешний вид юрты. Жилище могло иметь сферическую или коническую форму.

Таким образом, можно выделить два типа юрты — монгольский и тюркский. Разница между ними заключается в том, что у первого крыша имеет форму низкого конуса, у второго купола. Отличием этих двух типов юрт является купольная жердь — уук, которая образует купол юрты. В тюркской юрте уук имеет изгиб, вес купола благодаря изгибу уука переносится на стенку юрты, которое тоже имеет изгиб, что усиливает ребро жесткости. Благодаря изогнутости жердей кровли в тюркской юрте получается купольный свод, что позволяет не ставить опорные столбы и освободить внутреннее пространство.

В монгольской юрте нет изгиба, поэтому основная нагрузка приходится на центр юрты и поэтому в центре юрты ставятся столбы, на которых опирается светодымовой обруч, поддерживаемый прямыми жердями. Монгольская юрта проста в обращении, за счет столбов конструкция ставится легче, хотя тяжело в перевозке. Кроме этого отличия существует и ряд других отличий и особенностей, как между этими типами, так и внутри них. Тюркский тип юрты используется кыргызами, казахами и туркменами, а монгольский тип используют практически все остальные кочевые народы, это монголы, буряты, калмыки и тувинцы.

Таким образом, юрта и ее убранство в материальной культуре народов Центральной Азии имеют единый генетический корень, и лишь особенности исторического развития каждого народа внесли некоторые различия в их жилище и убранство.

Многовековая эволюция кочевого жилища привела к выработке четких пропорций и правил установки и разборки юрт. Но, несмотря на отсутствие концептуального новаторства, если рассмотреть его тщательнее, то можно увидеть несколько различий в убранстве и в куполе. Юрта состоит из деревянного решетчатого каркаса и войлочной покрышки. Если раньше работа по изготовлению деревянного остова носила сезонный характер, то сейчас его изготавливают круглый год. Размеры юрты соответствуют масштабу человека, внутренняя планировка учитывает интересы и вкусы ее обитателей, обеспечивает хозяйственно-бытовую деятельность. Практическая необходимость и художественная целесообразность заставили кочевников подчинить все размеры единому модулю и унифицировать все детали. Каждая решетка, составляющая общую стенку, состоит из плоских реек, наложенных друг на друга крестом и скрепленных волосяными веревками. Благодаря тому, что эта конструкция сжимается или растягивается гармошкой, можно было уменьшать или увеличивать до необходимой высоты юрту или складывать ее во время перекочевков. Шарнирная конструкция решеток стен обеспечивала также немаловажное свойство юрты — сейсмоустойчивость.

Таким образом, круглая юрта — оригинальный исторически сложившийся образец жилища, идеально приспособленный для кочевого образа жизни. Транспортабельная (небольшой вес), мобильная (быстро собирается и разбирается), универсальная (в ней жили круглый год), достаточно устойчивая против ветров за счет полусферической формы и небольшой высоты, сейсмобезопасная — за счет подвижной конструкции стен, имеет возможность варьировать площадь, доступность материала, всегда чистый воздух — эти и многие другие свойства складывались в течение многих лет.

Достоинством юрты как организованного пространства является легкость ее изготовления (может быть построена одним человеком), доступность материалов изготовления, устойчивость (благодаря стыкам стен в «полуласточкин хвост»), относительная долговечность (срок активного использования — примерно до 60 лет), экономичная форма (в основе — круг и пирамида). Последний признак делает юрту теплосберегающим жилищем (для поддержания оптимальной температуры внутри жилища расходуется меньше топлива), в котором отсутствует неиспользуемое пространство (как, например, в современном жилище, где наряду с полезным пространством, отапливаются и верхние углы).

Юрта как кочевое жилище освещено в ряде работ, написанных русскими учеными в XIX–XX вв. Авторами их были дореволюционные ученые, путешественники, представители царской российской бюрократии: дипломаты военные, чиновники. Ученых интересовало своеобразное устрой-

ство юрты, ее происхождение, ее культурно-бытовое и утилитарное значение в жизни тюрко-монгольских народов.

Вопросы происхождения и генезиса юрты занимали особое место в творчестве многих поколений этнографов, занимавшихся вопросами временных жилищ скотоводов. Известны в этой области работы исследователей прошлого столетия А.И. Левшина, М.С. Муканова, изучавших этнографию казахского народа, А.А. Попова, посвятившего свои труды жилищам сибирских народов, Б.Х. Кармышевой, писавшей о жилищах узбеков-карлуков, Э.Г. Гафферберга, изучавшего юрты хазарейцев. Наиболее полно представления о временных жилищах скотоводов изложены в работах С.И. Вайнштейна, посвященных этнографии тувинского народа, и работах Н.Н. Харузина, в которых рассматриваются вопросы происхождения и эволюции юрты во времени и пространстве. Среди исследователей-башкироведов можно выделить труды таких известных этнологов, как С.И. Руденко, С.Н. Шитовой, Н.В. Бикбулатова и др.

В жилище Анфестерия нет решетчатого каркаса, жердей купола и самого купола, и жилище квадратной или в прямоугольной форме [8, с. 23]. В.Н. Башилов, опираясь на петроглифы Боярской писаницы и основываясь на мнения специалистов, пишет, что время появления юрты относится к татарской культуре, то есть к VIII-II вв. до н.э. [2, с. 52]. Петроглифы Боярской писаницы, Большой и Малой, были открыты и исследованы А.В. Адриановым в 1904 г. [1, с. 54]. В шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия М.А. Дэвлет заново обследовала эту писаницу и опубликовала книгу «Большая Боярская писаница» [6, с. 4]. Опираясь на иллюстрации М.А. Дэвлет, сюжеты данных изображений можно сказать, что самые многочисленные изображения — жилища. Их можно разделить на рубленые дома и юрты [1, с. 55]. Юрты в контексте этой композиции, по мнению М.А. Дэвлет, можно рассматривать как традиционные жилища кочевников Южной Сибири и «гэр» степняков Монголии, а рубленые дома — как обычные для тайги бревенчатые избы. С этим трудно согласиться, поскольку принципиальные отличия юрты от избы заключаются в отсутствии потолка и наличии сферической или конической конструкции крыши. На плоскости же изображены, несомненно, деревянные юрты, выполненные в той технике, которая характерна и для современных кыргызов.

Первое и единственное дошедшее до наших дней сравнительное исследование юрты разных народов до революции и в послереволюционные годы, сделанное по материалам собственных наблюдений автора и известным в то время литературным данным, принадлежит Н.Н. Харузину. В труде автор прослеживает постепенный путь развития юрты у разных тюркоязычных и монгольских народов и говоря о генезисе юрты, Н.Н. Харузин, например, писал, что благодаря многим трансформациям юрта могла возникнуть из различных деревянных конструкций шалашей или чумов конического типа. Эволюция юрты происходила постепенно от простого к сложному. Ему же принадлежит деление всех юрт кочевых и полукочевых народов на два типа — монгольский и тюркский, различающиеся по форме купола. Это различие основывается на том, что жерди монгольских юрт прямые, а тюркских — выгнутые. Отсюда Н.Н. Харузин делает вывод: монгольский тип — более древний [13, с. 19].

Следующей значительной работой теоретического характера, рассматривающей генезис и историю развития юрты, принадлежит видному российскому этнографу С.И. Вайнштейну, который справедливо полагает, что «вопрос о генезисе юрты представляет не только самостоятельный интерес, но и тесно связан с общей проблемой истории культуры кочевников». По мнению исследователя, скифам, сарматам, усуням, гуннам и др. ранним кочевникам степей Евразии юртовые конструкции с решетчатыми стенами не были известны. По его же мнению, скифы и другие кочевники-скотоводы рубежа н.э. могли пользоваться либо разборными жилищами — шалашами с коническим или пирамидально-усеченным из жердей остовом, укрытыми снаружи войлочными полстями, либо неразборными передвижными жилищами на колесных арбах, которые назывались кибитками. В отличие от Н.Н. Харузина прототипом юрты С.И. Вайнштейн считает куполообразный шалаш, сплетенный из гибких ивовых прутьев с высокой шейкой-дымоходом в центре, — так называемый «шалаш хуннского типа», а изобретение юрты и ее распространение, по его мнению, относится к середине I тыс. н.э. и принадлежит древним тюркам. Уже в то время, считает он, юрта бытовала у кочевников степей от Восточной Азии до Восточной Европы и на юге — до границы «Великого пояса степей». С тюрками новый тип жилища проник и в Китай [10, с. 4].

Другие авторы, наоборот, выводят конструкцию юрты в ее неизменном виде из эпохи раннего железа, т.е. скифо-сарматского времени, ссылаясь на археологические находки, письменные источники Геродота, Страбона и других античных авторов.

Е.Е. Кузьмина и В.А. Лившиц высказывают мнение, что прототипом юрты должен считаться скифский шатер, ибо он, как и юрта, — двухчастное жилище, имеющее стены, состоящие из вертикальных жердей и усеченно-конического (или пирамидального) перекрытия, опирающегося на верхнюю обвязку стен. «Конструкция, эволюционизировавшая в южнорусских степях с эпохи энеолита, в раннежелезном веке вместе со скифской триадой, вероятно, достигла Центральной Азии и была усвоена местными тюркоязычными племенами». И далее: «...возможно, не только тюркоязычные, но и ираноязычные народы участвовали в создании типа юрты» [10, с. 5; 11, с. 5].

Говоря о древности происхождения юртообразных жилищ, будет небезынтересно привести выдержки из знаменитого труда Геродота «История», где он дает жизнеописание и быт древних племен скифского мира, и там же содержатся упоминания о шатероподобных или шалашеобразных конструкциях древних скифов и аргипшеев, которые переведены Г.А. Стратоновским как «юрты». Геродот пишет о них так: после похорон скифы очищали себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову. Тело очищают паровой баней, поступая так: устанавливали три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивали их затем шерстяным войлоком, потом стягивали войлок как можно плотнее и бросали в чан, поставленный среди юрты, раскаленные докрасна камни. В скифской земле произрастала конопля. Взяв это конопляное семя, скифы подлезали под войлочную юрту и затем бросали его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопили от удовольствия. Это парение им служило вместо бани, так как водой они вовсе не мылись. Каждый аргиппей жил под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывали плотным белым войлоком, а летом оставляли без крыши. По этому описанию трудно говорить о сложных конструктивных особенностях жилищ скифов. Ясно одно, что Геродот дал описание одного или двух вариантов конической формы шалашеобразных жилищ, крытых войлоком. Возможно, у скифов были и другие формы временных жилищ. О некоторых из них дают представление археологические данные [3, с. 7; 15, с. 7].

Изображения кибиток в виде глиняных игрушек нередки в археологических находках эпохи раннего железа. Судя по этим моделям, у ранних кочевников Евразийских степей, в частности в Южной Сибири и Центральной Азии, во второй половине I тыс. до н.э. наряду с коническими шалашами-чумами шестовой конструкции были распространены и полусферические шалашы из согнутых в дугу жердей. Рисунок такого жилища полусферической формы был найден С.И. Вайнштейном в 1954 г. при раскопках курганов культуры скифского времени в Республике Тыва [4, с. 49].

М.В. Крюков и В.П. Курылев, анализируя и опираясь на китайские письменные источники и археологические данные из японского музея Тэнри, — терракотовые фигуры, изображающие верблюдов с навьюченными на них деревянными деталями юрты, поддерживают предположение С.И. Вайнштейна о том, что юрта была известна евразийским кочевникам уже к концу I тыс. н.э., в древнетюркской среде, однако не согласны с ним о эволюции формы купола юрты [10, с. 23].

Значительный вклад в плане систематизации и первых попыток выделения типов юрт по их конструктивным особенностям внесла Г.П. Васильева. Опираясь на исследования дореволюционных, советских авторов и собственные полевые материалы по изучению туркменского жилища, она рассматривает тюркскую юрту и делит ее на два подтипа: с полусферическим верхом и конусообразным [10, с. 25].

М.С. Муқанов в своих трудах, посвященных юрте, описывает конструкцию, порядок установки, технологию изготовления и историю юрты. Он в основном изучает юрту с полусферическим куполом, которая распространена среди большинства казахов.

Б.Х. Кармышева в исследованиях, посвященных переносному жилищу узбеков-карлуков, затрагивала вопросы выяснения истории развития форм юрты [10, с. 23; 12, с. 14].

В конце I тыс. до н.э. в степях Центральной Азии в хуннской среде получает широкое распространение неразборный куполообразный шалаш, который можно было перевозить на телегах. Остов этого жилища полусферической формы сплетали из гибких ивовых прутьев, который, заживаясь, переходил в невысокую шейку дымосветового отверстия. В непогоду такая кибитка накрывалась снаружи большими кусками войлока. Это транспортабельное жилище, как прообраз будущей юрты, С.И. Вайнштейн назвал шалашом хуннского типа. Изображения таких жилищ можно обнаружить среди петроглифов знаменитой Боярской писаницы в Минусинской котловине, датируемой рубежом нашей эры. Эти небольшие неразборные жилища были удобны тем, что их можно было устанавливать на ровное место на летовках, а при перекочевках они легко перевозились на колесном транспорте. Правда, эти повозки были очень громоздкими. В настоящее время юртообразные жилища с плетеным остовом нередки в быту народов Средней Азии, кумыков на Кавказе и в других регионах.

Изобретение юрты с разборным решетчатым остовом стен, прямыми или изогнутыми жердями-стропилинами купола, на которых крепился деревянный двусоставный обруч светодымового отверстия, было одним из величайших открытий во всем кочевом мире. Это можно сравнить только с изобретением стремян, что произвело настоящую революцию в коневодстве и позволило в кратчайшие сроки освоить огромные просторы степей Евразии от Алтая до Дуная благодаря устойчивой посадке в седле.

По мнению исследователей, изобретение юрты произошло в древнетюркской среде не позже середины V в. н.э. Преимущества разборной юрты с решетчатым остовом были налицо. Она буквально в течение 30-40 минут собиралась и разбиралась, а самое главное — была очень удобна при транспортировке в форме вьюков на лошадях и верблюдах. Навьюченные частями юрты лошади могли легко и беспрепятственно осваивать как степные, так и труднодоступные горные пастбища. Подобные жилища, в отличие от примитивных шалашей хуннского типа, С.И. Вайнштейн предлагает называть юртами древнетюркского типа. По мере их распространения в степях Евразии они получили название «тюркская юрта», что хорошо явствует из средневековых тюркских и арабских источников. В средневековых источниках, в частности в записках Ибн-Фадлана о путешествии к Волжским булгарам, дается описание «тюркских куполообразных домов», название которых А.П. Ковалевский перевел как «юрта» [9, с. 21]. Необходимо отметить, что юрта в ее классической решетчато-купольной конструкции встречается только на всем пространстве Великого пояса степей исключительно среди тюрко-монгольских народов. С.И. Вайнштейн отмечает, что к югу от степей Дешт-и-Кипчак юрта не получила распространения, здесь преобладали временные жилища шатровой и палаточной конструкции, как, например, в Иране, Афганистане. В то же время живущие здесь тюркоязычные узбеки, туркмены, хазары, джемшиды, но иранизированные в иноэтничной среде, продолжают повсеместно использовать для жилья не шатры и палатки, а традиционные «тюркские» юрты с решетчатой основой.

О единых корнях происхождения юрты из древнетюркской среды говорит и сходство названий юрты в тюркских языках. Например, у узбеков, турков, туркмен она называется ой, у казахов киргизов — уй, сагайцев — уг, тувинцев — өг. У монголов юрта называлась гэр, у ираноязычных хазарейцев — ханай хырга [5, с. 61; 15, с. 11].

С.И. Вайнштейн приводит и другие названия временных жилищ. У тангутов юрта называется терме кер. Терме в современном монгольском языке означает «решетка». Тогда «терме кер» будет означать «решетчатый дом», что как раз и соответствует характерной конструктивной особенности решетчатой юрты. Понятие «решетка» в древней форме «тереме теребе» сохранилось у тувинцев, алтайцев, туркмен (терим). В то же время у башкир под словом «тирме» понимается общее название юрты, а решетка называется «канат». По нашему мнению, понятие «юрта» как временное жилище вошло в русский язык от названий сезонных стоянок башкир-скотоводов, на которых ставились решетчатые куполообразные жилища: весенняя стоянка (язгы йорт), летовка (йэйге йорт), осенняя стоянка (көзгө йорт) [5, с. 61].

Как и в древности, юрты удобно было транспортировать на волах, верблюдах, мулах и лошадях. На статуэтках, извлеченных при раскопках памятников VI в. на севере Китая, изображены верблюды со сложенными для перевозки решетками остова юрты, светодымовым обручем, войлочными полстями. По мнению С.И. Вайнштейна, все конструктивные особенности юрты древнетюркского типа окончательно оформились уже к VII в. В более позднее огузское, кимакско-кипчакское время юрты древнетюркского типа продолжают свое развитие практически в неизменном виде. Однако сложность и дороговизна изготовления решетчатой основы юрты вынуждала бедные слои населения заменять их на круговую плетень, кольцевую и дощатую конструкции, многоугольные низкие срубы [14, с. 133]. Рассматривая все эти вариации юртоподобных жилищ, С.И. Вайнштейн еще раз подчеркивает, что наиболее ранним прототипом современных тюркских юрт мог быть только полусферический шалаш хуннского типа с плетеным из ивняка остовом.

На территории Башкирии в конце XIX в. куполообразные юрты тюркского типа получили широкое распространение в юго-восточных, южных степных и лесостепных районах, а также в степных районах Оренбуржья. По данным С.Н. Шитовой, в начале XX в. в аулах юго-восточных районов Башкирии были специалисты-мастера по изготовлению юрт и отдельных ее частей [4, с. 61].

В русле исследований генезиса юрты кочевников-скотоводов необходимо сказать, что разборная решетчатая юрта к началу XIII в. была уже известна монголам и, скорее всего, была заимствована ими у тюрков. В XIII в. монголы и их ханы продолжали еще пользоваться юртами древнетюркского типа с характерным заострением в верхней части купола, названным в «Сокровенном сказании» чорган кер (островерхой юртой). Путешественники XIII в. оставили свои описания и впечатления от жилищ тюрко-монгольских кочевников. Марко Поло, в частности, писал: «Татары нигде не остаются

жить постоянно... их шалаши или шатры состоят из жердей, которые они покрывают войлоком. Они совсем круглые, и сделаны так искусно, что их складывают в связку и легко могут перевозить с собой, а именно — на специальной повозке с четырьмя колесами. Когда они при удобном случае вновь ставят свои шатры, то всегда обращают входную сторону на юг». Тюрки, как известно, как и гунны, обращали вход юрты на восток. До XIII в. монголы не умели делать решетчатые юрты. Китайский путешественник Сюй Тин писал о монголах: «В тех (шатрах), которые изготавливаются в степи, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. (Они) не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках» [15, с. 12].

В XIII в. и позднее, во время походов Чингизидов, решетчатые юрты как монгольского (конические), так и тюркского (купольные) типов повсеместно использовались монголами во время стоянок, отдыха и охоты. Кроме обыкновенных и решетчатых юрт монгольского типа, крытых темным войлоком, у степной аристократии были конструктивные особенности юрт на ханских ставках. Для ханов возводили специальные трехъярусные юрты с решетчатым остовом и купольным верхом по «тюркскому» типу. Над этим куполом возводили еще один высокий сферический купол меньшего диаметра. Светодымовое отверстие в этом верхнем куполе делалось не в середине, а в боковой ее части. Решетки юрты изнутри покрывались циновками, сверху — декоративной разноцветной тканью, в зимнее время — войлоком. Над входной частью сооружали высокий парадный паланкин с опорными столбами и веревочными растяжками по углам. Этот «аристократический» тип юрты С.И. Вайнштейн назвал позднемонгольским, который получил широкое распространение среди кочевой аристократии в эпоху Золотой Орды, у которой были особые «ханские» юрты. Таковыми были «Золотая юрта» Чингисхана, роскошные юрты Тимура и других представителей тюрко-монгольской элиты. После распада Золотой Орды основная масса населения степей Дешт-и-Кипчака вновь вернулась в свои испытанные временем и перекочевками решетчатые юрты тюркского (куполообразные) и монгольского (с коническим верхом) типов. Основные части юрты, ее конструкция практически не изменились до сегодняшнего дня, если не учитывать того, что светодымовой деревянный обруч стал не цельным, а был разделен на две части. Двусоставный круглый обруч диаметром 1,5 м значительно облегчал его изготовление.

Таким образом, эволюционное развитие решетчатой юрты шло в направлении от разборных куполообразных шалашей к неразборным шалашам хуннского типа с плетеным остовом из ивовых прутьев и укрытых снаружи войлоком. Далее в V–VI вв. н.э. появились разборные юрты с решетчатым остовом древнетюркского типа. С этого времени вот уже более 1,5 тыс. лет куполообразные и конические решетчатые юрты согревали и давали уют сотням поколениям скотоводов на всем огромном пространстве от Алтая до Волго-Уральского региона. По наблюдениям ряда исследователей быта народов Востока, юрта является наивысшим типом, до которого развилось жилище кочевника.

Несмотря на уровень культурного развития, которого мы достигли сегодня, мы все бережнее относимся к ценностям, которые нам оставили наши предки, понимаем важность и с должным вниманием и интересом оцениваем опыт народной культуры. Она поражает наших современников гениальной простотой и естественностью в решении функциональных задач, идеальной согласованностью с условиями горного Кыргызстана. Пробудившийся интерес к уходящему «народному зодчеству» привел к активной организации музеев, мемориальных комплексов и выставок народного творчества, посвященных возрождающемуся мастерству народных мастеров-зодчих.

Все эти достоинства переносного жилища натолкнули на мысль использовать их в качестве передвижных библиотек, клубов, медпунктов, кемпингов. Мотивы жилищ присутствует в современных архитектурных сооружениях, а также в изделиях прикладного искусства — сувенирах.

Юрта сохранила все следы жизнедеятельности прошлых поколений. Это часть нашей культуры, часть национального наследия, достояние из прошлого. Сегодня мы оберегаем его и должны донести этот пример до будущих поколений.

Литература

1. Адрианов А.В. Писаница Боярская // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — № 6. — СПб., 1906.
2. Басилов В.Н. К истории юрты // Тезисы докл. Межд. конф. «Культура кочевников на рубежах веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации». — Алма-Ата, 1995.
3. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. — Уфа, 2004.
4. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. — М., 1972.
5. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. — М., 1961.

6. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. — М., 1976.
7. Еремин Л. Современная хакасская юрта. — Абакан, 2008.
8. Казахская юрта. — Атырау-Лондон, 2005.
9. Ковалевский А.Н. Книга Ахмеда-ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. — Харьков, 1956.
10. Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. — М., 2000.
11. Левшин А.М. Из истории киргиз-кайсацких орд и степей. — Алма-Ата, 1997.
12. Муканов М.С. Казахская юрта. — Алма-Ата, 1981.
13. Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у восточных финнов — М., 1895.
14. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. — М., 1984.
15. Юсупов Р.М., Султангареева Р.А., Шитова С.Н. Башкирская юрта. — Уфа, 2010.

Сведения об авторе:

Мамытова Алтынай Билаловна, старший преподаватель кафедры истории Кыргызстана, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан).
E-mail: mamytova-altynai@yandex.ru

Султаналиева Назира Ишенбековна, доцент кафедры истории Кыргызстана, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан).

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА КЫРГЫЗОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.С. Кочкунов¹, Н.С. Момунбаева²

¹Академия государственного управления при Президенте КР, г. Бишкек (Кыргызстан)

²Национальный исторический музей КР, г. Бишкек (Кыргызстан)

У народов, живущих в разных частях света, есть присущая только им одежда. С течением времени рост социально-экономического, культурного развития, влияние других народов дали толчок к изменению многих аспектов, связанных с одеждой. Традиционную одежду кыргызов следует тесно связывать с этнической историей народа. Становление, развитие, покрой одежды зависели от особенностей хозяйства, природно-климатических условий. Также заметно влияние этнокультурных связей живущих по соседству казахов, узбеков и таджиков.

TRADITIONAL KYRGYZ CLOTHING AT THE END XIX — EARLY XX CENTURIES

A.S. Kochkunov¹, N.S. Momunbaeva¹

¹Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyzstan)

²National Historical Museum of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyzstan)

The peoples living in different parts of the world have their own clothing. Over time, the growth of socio-economic, cultural development, the influence of other peoples, gave impetus to a change in many aspects associated with clothing. Traditional kyrgyz clothing should be closely related to the ethnic history of the people. Formation, development, cut of clothes depended on the characteristics of the economy, natural and climatic conditions. Also noticeable is the influence of ethnic and cultural ties living in the neighborhood of kazakhs, uzbeks and tajiks.

Традиционная одежда занимала основное место в материальной и духовной культуре кыргызов, она формировалась и развивалась в течение длительного времени. Кыргызские женщины создали неповторимые виды одежды, намного отличавшиеся от одежды других народов. Одежда является одним из доказательств прекрасного освоения кыргызским народом ручного ремесла. Для ее изготовления использовали образцы украшений соседних народов, но при этом не потеряли присущие кыргызскому народу особенности. На виды одежды имели прямое влияние климат, жизненные условия, особенности хозяйства.

Все виды женского головного убора изготавливались соответственно возрасту, имели региональные особенности. К видам головных уборов относятся *шөкүлө*, *чач кеп*, *элчек*, *дурия жоолук*, *топу*, *бөртмө жоолук*, *тебетей*. Старинный головной убор *шөкүлө* шили обычно из красного сукна, бархата в виде конической шапочки с пришитыми прямоугольными наушниками и треугольной лопастью, спускающейся сзади. Шапочка тщательно простегивалась с подкладкой мелкой частой строчкой, создавая впечатление рубчатой ткани. Вверх шапочки обильно украшали перьями журавля-красавки или цапли, драгоценностями, жемчугом, перламутром, парчой, серебряными и позолоченными фигурными пластинками, вышивкой. Примерно со второй половины XIX в. *шөкүлө* становится обрядовым свадебным убором. К нему спереди на уровне лба прикрепляли большую серебряную или позолоченную бляху — *калкан*. Его надевала невеста, отправляясь в дом жениха, носила в течение

некоторого времени, после чего совершался обряд переодевания в тюрбан — элечек, илеки, калак — сложный чалмообразный головной убор замужней женщины. У различных групп кыргызов он имел разные варианты.

Тюрбан по своему устройству чрезвычайно многообразен. Но есть одна деталь, различающая их. Большинство южных тюрбанов не имело подбородочной повязки, столь типичной для северного тюрбана и племени найман, кочевавшего на Памире. Богатые женщины делали тюрбан из 30-50 метров белой тонкой ткани или кисеи, и он был иногда очень больших размеров. На севере в зависимости от возраста женщин существовали в основном три манеры ношения тюрбана: женщины до 20 лет носили тюрбан с тремя-четырьмя волнообразными выступами спереди, подбородочной повязкой, прикрепленной к боковой или задней части султанами из перьев журавля или филина, украшая тюрбан серебром — кыргак, кораллами или вышитой повязкой.

Женщины за 30 лет носили тюрбан с ровными выступами, украшениями, но с хвостовой частью. Женщины 50 лет и старше носили тюрбан с подбородочной повязкой, с хвостовой частью, но сверху набрасывали платок, который спускался назад. Женщины-вдовы носили тюрбан без украшений, верхнюю часть тюрбана после наматывания слегка сваливали на левую сторону или носили тюрбан с низким верхом.

Под тюрбан надевали шлемовидную шапочку — кеп такыя или чач кеп, которая плотно охватывала голову и закрывала волосы. Шили ее из белой кустарной материи, с прямой линией у лба, с боков спускались наушники, к нижнему углу каждого наушника прикрепляли коралловые длинные подвески — сагак. В затылочной части пришивались расшитые полосы, ложившиеся поверх спущенных по спине волос. Наушные и накосные части вышивали старинными швами терскайык и туура сайма. У края, обрамляющего лицо, пришивали жемчуг, кораллы, перламутровые и серебряные шаровидные бубенцы.

В начале XX в. тюрбан стал вытесняться платком. Заметной популярностью, как и во всей Средней Азии, стали пользоваться большие шерстяные и шелковые фабричные платки, гладкой и пестрой расцветки с кистями. Нарядной принадлежностью головного убора у кыргызов южной части остался большой платок — дурийа, угол которого художественно расшивался шелковыми нитями. Его надевали женщины сверх тюрбана вышивкой вверх. Примерно в это же время в состав женского головного убора входили обычный платок разных расцветок.

Девичий головной убор состоял из шапочки — тебетей, опушенной широкой полосой меха. Тулия ее имела разные формы: шилась из четырех клиньев, сшитых конусообразно, имела плоский круглый верх. Старинные тебетей имели высокий верх. Часто на макушке таких шапок прикрепляли несколько перьев филина — үкү тебетей. Носили так же топу — тубетейки, верх которых никогда украшался вышивкой, перламутром и т.д. По отороченному меху они назывались көрпө тебетей (мерлушковая), кундуз тебетей (выдровая), суусар тебетей (кунья опушка), түлкү тебетей (листья), сүлөөсүн тебетей (рысья).

Очень высоко ценилась ткань, изготовленная в домашних условиях из шерсти белого верблюжонка. Для пошива одежды покупали ткани, произведенные в Кашгаре, Хотане и Турпане. Из Кашгара в основном привозили серые, желтые, черные, коричневые ткани. Начали широко бытовать хлопковые и шелковые ткани, привезенные из Восточного Туркестана и Китая и произведенные на российских фабриках ткани тимпа в синюю полоску, барангы (толстая хлопчатобумажная ткань). Из Кашгара кроме полосатых тканей также много привозили ткани в мелкий цветочек. *Кроме кашгарских, среднеазиатских тканей в их одежде были известны и русские ткани:* бархат, бумезея, вельвет, сатин, кисея, кумач, миткаль, манчестер, полотно, плюш, ситец, сукно.

В женскую верхнюю одежду входили *көйнөк, белдемчи, беренже, кемсел, ичик, дамбал, ыла-азым*. Изготовление платья, подбор ткани производили соответственно возрасту женщины. Красные, желтые платья носили девушки и молодые женщины. Платья имели региональные особенности и назывались *узун жака (длинный ворот), туура жака, ит жака*.

Белдемчи по методу изготовления делилась на два вида, отличаясь по ткани и выкройке, а также имела региональные особенности. Как отметила К.А. Антипина, женщины начинали носить белдемчи после рождения первого ребенка [1]. Вышитая из черного бархата методом илме, состоящая из трех или четырех лоскутков, относилась к первому виду. Белдемчи второго вида из ткани бейкасам (полупелюшковая ткань в мелкую полоску) в несобранном виде закрепляется к главному баш белдемчи.

Все виды чапана были одного кроя. Сюда входят *беренже, желек, келтече, кемсел, кемзир*. Перечисленная одежда отличалась друг от друга длиной рукава и подола. Одежду ыштан носили женщины всех возрастов. Простую сшитую одежду носили в повседневной жизни, сшитую из хорошей ткани и расшитую вышивкой по краям — носили в праздники. Кроме кыргызов ыштан носили казахи, узбеки, таджики. По исследованиям А.С. Морозовой, ыштаны такого вида туркмены называли

балак [2]. Носили обувь, сшитую из кожи, выделанной в домашнем хозяйстве, и обувь, купленную у торговцев. Они широко распространены под названием булгаары өтүк (юфть), бөдөнө өтүк (узорные ичиги), маасы (ичиги с мягкой подошвой), кепич (кожаные галоши). Имеющие более высокий статус надевали узбекские, таджикские кожаные сапоги. Для изготовления обуви использовали кожу животных. Обработка кожи являлась одним из видов ручного ремесла. Обработанная кожа делилась на два вида, об этом пишет в своем труде А.С. Акматалиев [3]. Для обработки кожи использовали методы «жыдытуу» (отпаривание), «ийлөө» (дубление), «жибитүү» (размягчение), «түс берүү» (окрашивание). Кыргызские женщины все виды сырья изготавливали сами в домашних условиях.

В состав головного убора мужчин входят: *күлла, аракчын, калпак, тебетей, телпек, малакай* и они имели широкое распространение. Күлла, аракчын носили в основном пожилые мужчины. *Калпак* считался у кыргызов сокровенным традиционным головным убором еще с древнейших времен, который сохранился до наших дней. *Калпак*, изготовленный из войлока, бережет голову от лучей солнца, являющихся вредными для здоровья человека. Кыргызы по методу изготовления калпака подразделяли «*туяк калпак*», «*айры калпак*», «*тилик калпак*», «*Хан калпак*», «*Бакай калпак*», «*киши калпак*». Все виды головного убора *тебетей* кроится по одной форме. На верхнюю часть выбирают плотную ткань, прилаживают, чтобы хорошо выделялись края (границы). О.А. Сухарева, В.В. Востров в своих трудах отмечают, что сделанные таким образом головные уборы надевают узбеки и казахи [4, 5]. Если головной убор шили для молодых, то наружную ткань выбирали красноватого, зеленого, синего, для пожилых людей использовали черный, коричневые цвета.

Телпек и *малакай* был повседневным головным убором животноводов. В состав традиционной мужской одежды входят свободного кроя *көйнөк, кементай, чепкен, чапан, тон, ыштан*. Одежду шили из различной кожи ручной выделки, дерюги, сотканной из шерсти ткани. Шитый свободного кроя мужской *көйнөк* (рубашка) называли *жегде* и надевали его круглый год. Шили в основном из белого ситца. Сшитая из такого цвета рубашка предназначалась для ношения всем мужчинам. У всех рубах грудь была открытая, с горизонтальным или вертикальным воротником. Р.Я. Рассудова в своем труде отмечает, что сшитые таким образом рубашки кроме кыргызов носили и узбеки под названием мусульман *көйнөк* [6].

Кементай широко известен среди кыргызов. Она шьется для холодного времени года. Бывает двух видов, используется как праздничная и повседневная одежда. Кроме этого, шили из тканей *нооту, баркыт, тукаба* с отложным воротником. *Чепкен* — широко распространенная традиционная одежда. По технологии изготовления делится на *төө чепкен, тепме чепкен, таар чепкен*. Сделанная из верблюжьей шерсти, она очень ценилась, считалась почетной одеждой и называлась *төө чепкен*. *Кымкап чапан* особо ценилась, надевали ее люди, имевшие высокий статус, такие как датка, бек, бий, болуш, богатые люди.

Тон (тулуп) носили в зимнее время года. Его красили в белый и желтый цвета. Крашенные тулупы надевали во время праздников, а простые носили каждый день. Штаны по изготовлению назывались *кебез шым, тери шым, теке шым, пийазы шым, таар шым*. *Теке шым* шили из хорошо дубленной кожи, окрашенной в желтый цвет. Таким образом сделанная одежда была мягкой и высоко ценилась. Служила как праздничная одежда. По бокам брючин вшивали жырмач и украшали разноцветной вышивкой. Гашник (ычкыр) в поясе штанов заплетается из цветных ниток. В традиционном обществе кыргызов такие штаны носили во время свадьбы, состязаниях *көк бөрү*, во время охоты. Носили обувь под названием *чарык, пайчеки, булгаары өтүк, кавыш*. Среди кыргызов было мало людей, шивших сапоги, поэтому хорошие сапоги покупали на базарах у торговцев.

Е.И. Махова в своем труде отмечает, что существует схожесть в пошиве среднеазиатской обуви [7]. При ее шитье использовали кожу крупного рогатого скота. На повседневную носку изготавливали из коровьей кожи. *Чарык, пайчеки* (обувь из сыромятной кожи с толстой подошвой, короткими голенищами и со слегка загнутыми кверху носками) носили пастухи и табунщики. Юфтевые сапоги носили состоятельные люди. *Кавыш* делают в основном из выдолбленного дерева. Carus Guillaume про такую обувь пишет: «Кавыш надевали поверх юфтевого сапога и снимали перед входом в мечеть» [8]. В то время такую обувь носили только верующие, и она не имела широкого распространения.

Во время охоты мужчины надевали специальную одежду и обувь. Их называли *тай туяк, темир туяк, жабкак*. *Тай туяк* носили во время охоты на кийиков. На подошву обуви забивали специальное шероховатое плоское железо. Когда взбирались на скалы, оно предохраняло от скольжения. Такое приспособление охотники носили с собой, надевали только по надобности и как профессиональную обувь.

Темир туяк изготавливали только те, кто обрабатывал железо. Железную пластину для подошвы раскаляют на огне, приплюсывают, для легкости используют самую тонкую. На обеих подошвах переднюю и задние части заостряют и заворачивают вниз. Заостренные таким образом, они были

удобны для хождения по льду. *Жапкак* использовали во всех регионах, где жили кыргызы. Эту профессиональную обувь делали для ношения по равнине, по глубокому снегу.

Одежда защищала тело человека и показывала его социальное положение. Издревле наш народ определил, какая одежда полезна для здоровья, и носили определенный вид одежды, соответственно сезону. Оставшуюся одежду от усопших родителей дети и родственники сохраняли и почитали. Их хранение и передача из поколения в поколение воспринималась как традиция поклонения духам предков. Одежда играла большую роль при сватовстве. Кыргызы рассматривали подношение одежды как один из видов показателя уважения, почести. Социальное положение сватов влияло на разнообразие, ценность подносимой одежды. Для подношения использовали одежду из дорогих, ценных материалов. Из числа традиционной одежды встречались и такие виды, надевавшиеся раз в жизни и передающиеся по наследству. Изготовление, виды, ношение одежды были обусловлены возрастными особенностями. Кыргызский народ гласил: «Если презираешь головной убор, то пропадет твоя голова», — об этом постоянно напоминали молодежи, поэтому традиция почитания головного убора была очень сильна.

Правильный отбор кожи, шерсти при изготовлении одежды повышал ее качество. Кыргызские женщины использовали различные методы по окрашиванию, украшению шерсти, в свое время передавали свои навыки дочерям, ученицам (подмастерьям). Вследствие постепенного развития общества на высокий уровень поднялись качество и ценность традиционной одежды.

Литература

1. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. — С. 288.
2. Морозова А.С. Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии. — Л.: Наука, 1971. — С. 284.
3. Акматалиев А.С. Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү. — Бишкек: Шам, 2000. — 345 б.
4. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. — Вып. I. — М., 1954. — С. 286.
5. Востров В.В. К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. — Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 272.
6. Рассудова Р.Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX-XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1989. — С. 254.
7. Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. — Т. III. — С. 258.
8. Capus G. Voyage dans la Sibirie occidentale, le Turkestan, la Boukharie, aux bords de L'Oust-Ourt. — Paris: 1892. — 434 p.

Сведения об авторах:

Кочунов Айдарбек Сулайманкулович, доктор исторических наук, профессор, Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

Момунбаева Назира Соорбековна, ведущий научный сотрудник, Государственный исторический музей Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

ПРАКТИКИ ОБМЕНА ДАРАМИ В РИТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКОВ: ВЕКТОРЫ И МОТИВЫ

Г.Ш. Зунунова

Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент (Узбекистан)

В статье в контексте антропологической парадигмы рассматриваются различные модели дарообменных взаимоотношений в обрядовой жизни узбеков, связанные с трапезой. Обращается внимание на векторы и мотивы обмена печеным и мясными блюдами в ходе церемоний. Показаны два направления дарообмена — горизонтальное, которое характеризуется семейно-родственными связями, и вертикальное, являющееся статусным и характеризующее территориальные взаимоотношения семьи с обществом. Основываясь на полевых материалах, автор отмечает, что оба вектора базируются на традициях, обычаях, обрядах, а также имеют социальный характер, охватывая межродственные, межсоседские и межтерриториальные сети общения, существующие в узбекской махалле (соседская община). Наоборот, они укрепляются именно в сетях дарообмена. Анализируя мотивы дарообмена узбеков, отмечается, что они опираются на концепцию взаимного альтруизма Р. Триверса.

THE PRACTICES OF GIFT EXCHANGE IN THE RITUAL CULTURE OF THE UZBEKS: VECTORS AND MOTIVES

G.Sh. Zununova

National Center of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent (Uzbekistan)

In the context of an anthropological paradigm, the article examines various models of gift-exchange relationships in the ritual life of the Uzbeks, associated with the meal. Attention is paid to the vectors and motives of exchange of baked and meat dishes in the course of ceremonies. Two directions of gift exchange are shown - horizontal, which is characterized by family and kinship ties, and vertical, which is status and characterizes territorial relations of a family with the society. Based on the field materials, the author notes that both vectors are based on traditions, customs, ceremonies and also have a social character, covering the inter-related, inter-neighborhood and inter-territorial communication networks existing in the Uzbek mahalla (neighborhood community). The author, referring to the collected field material, refutes the thesis that family and neighborhood ties undergo corrosion under the influence of urbanization, globalization and other modern processes. On the contrary, they are being strengthened in the networks of gift exchange. Analyzing the motives of gift exchange among the Uzbeks, it is noted that they are based on the concept of mutual altruism by R. Trivers.

Исследование дарообменных отношений в обрядовой культуре узбеков представляет собой одно из важных направлений в современной узбекистанской этнологии, так как позволяет понять истоки традиционных ценностей и обратить внимание на социальную составляющую моделей церемониального обмена узбеков, отражающие рациональные и альтруистические мотивы поведения. Наиболее ярко дарообмен проявляется в обрядовых традициях, связанных с пищей, которые в сравнении с другими компонентами этнической культуры считаются наиболее устойчивыми. В статье предпринята попытка проследить горизонтальные и вертикальные векторы взаимодарения в узбекском социуме на примере полевых материалов автора, собранных в махаллях (соседская община) Ташкента и селе Миндон Ферганской области Узбекистана, векторы и мотивы дарообмена узбеков (дар как депозит и дар как альтруизм). Концепция дарообмена представляет собой пласт многообразных научных воззрений, характеризующихся незавершенностью. Это позволяет исследователям вновь и вновь обращаться к этой теме. Институт дарообмена впервые был рассмотрен М. Моссом [7]. После появления этой работы тема взаимодарения стала постоянно привлекать внимание антропологов и появляется большой пласт работ по теории дара [3, 4, 10-12]. В узбекистанской этнологии проблема ритуального обмена специально не осмысливается, есть лишь описание ритуальной пищи и одежды [8, 13]. Из зарубежных публикаций можно назвать статью С.Н. Абашина, в которой автор, раскрывая социальную суть обряда суннат-туй, отмечает, что ритуальный обмен является своеобразной формой кредитования [1, с. 217-234]. Вместе с тем локальные практики дарообмена узбеков в ключе осмысления векторов и мотивов ритуального обмена в рамках пищевой культуры узбеков в комплексе антропологами, занимающимися этнологией узбеков, пока не предпринимались. Представляется, что статья сможет восполнить пробел в знаниях о трансформации традиций дарообмена узбеков в наше время. Дарообменные взаимоотношения в статье рассматриваются в ключе концепций дара антропологов М. Мосса [7] и Ю.И. Семенова [12].

Примером дарообменных отношений вертикальной структуры может служить статусное поведение между людьми, стоящими на низкой и высокой ступенях общественного положения, между состоятельными и малообеспеченными слоями. Например, человек, имеющий за плечами высокий статус и состояние, дарит малообеспеченным людям подарок, не ожидая ничего взамен, а лишь утверждает свой статус. Примером такого механизма дарообмена служит циркуляция мяса в дни праздников Рамазан Хаит и Курбан Хаит. При забое скота узбеки по обычаю часть мяса используют для приготовления обрядовых блюд, а часть раздают нуждающимся, не ожидая взамен ничего, кроме благословения, которое подарит благополучие. Но есть и другие формы дарообменных взаимоотношений, которые можно назвать патрон-клиентскими, отражающими внешне добровольные отношения людей, принадлежащих к разным уровням служебной лестницы. Такой дарообмен можно определить как рациональный, или имеющий форму кредитования.

Как показывают материалы, в дарообменном круге обрядовой системы узбеков принимали участие несколько сетей: междоудельные, межсоседские и межтерриториальные. Классическая социальная теория, по М. Моссу [7] и др., позволила сделать анализ того, как система обмена дарами выстраивает инструмент развития социальной солидарности [6, с. 172-237], сетей родства и соседства. В рамках таких сетей происходит не только обрядовый дарообмен, но и отслеживается репутация семей, осуществляется обмен информацией и контроль. Как отмечает Н.Х. Азимова, «вся жизнь общи-

ны в той или иной степени направлена на обеспечение сохранения определенной стабильности этой закрытой системы и ее членов. Община выступает в роли своего рода «страхового полиса» [2, с. 77-84]. Наблюдаемая активность этих сетей говорит о том, что житель общины узбекской махалли может опираться не только на семейно-родственные связи, но и на соседские. Полевые материалы опровергают тезис о том, что семейные и соседские узы под воздействием урбанизации, глобализации и других процессов современности претерпевают коррозию. Наоборот, они укрепляются именно в сетях дарообмена. Рассмотренные модели дарообмена показывают, что они были как прагматическими, так и альтруистическими. Здесь важно подчеркнуть, хотя в большинстве своем под альтруизмом подразумевается благодеяние, не подразумевающее ответа, тем не менее исследователи приходят к равновесной модели определения альтруизма, которая выразилась в теории взаимного альтруизма Р. Триверса [15, с. 35-57], до сих пор имеющей популярность и применяемой как в биологических, так и в гуманитарных науках. Действительно, полевые материалы показывают, что мотив дарообмена почти никогда не исключает двойственности — рациональность и альтруизм.

Существование у узбеков временной вертикали между бытием и инобытием свидетельствует о выделении традиционным сознанием духов предков в особый возрастной класс социума, следовательно, мир живых и мир мертвых составляли, по всей видимости, части всеобъемлющего иерархизированного универсума [5, с. 93]. Такая форма отношений имеет вертикальный характер. Примером движения пищи между разными локациями можно считать ритуальный обмен между живым и потусторонним миром. Так, по узбекскому обычаю в день похорон обязательно готовился халваитар (кашеобразное блюдо, представляющее собой муку, жареную в масле с добавлением воды), что считалось савоби ўликка тегади (помощь умершему в освобождении от грехов). Чтобы еда «долетела» до умершего, ее варили в полной тишине. Запахом жареной пищи, а также специальными ритуальными действиями с ней, в поминальные дни проводится как бы «задабривание» умершего и просьба, чтобы духи предков взамен подарили благополучие живым. В контексте дара и отдара между земным и потусторонним миром можно трактовать связь покойника со съедобными семенами или зернами. Указывая на это, М. Элиаде отмечал, что семена и покойники попадают в «подземное» измерение [14]. Семена и зерна, закапываемые у могилы, призваны были задобрить покойника, для того чтобы он охранял урожай, и являлись своеобразным жертвоприношением сверхъестественным силам. Так, узбеки села Миндон в саван с целью очищения мертвого от грехов посыпают семенами черного тмина (седана). В процессе обмывания умершего на приготовленную горсть кукурузных зерен читают молитву по умершему (тахлил) и отдают эту горсть в большинстве случаев сыну умершего, для того чтобы он их закопал у изголовья могилы [8, с. 209]. В контексте дара духам умерших можно интерпретировать представления узбеков о том, что душа после смерти первые сорок дней витает рядом с домом и садится на ветку плодового дерева, которую ставят в комнате в воду во время поминальных обрядов. Считается, что душа, сев на ветку, пьет воду [9]. Все эти поверья и манипуляции с пищей могут также трактоваться как вертикальный дарообмен, цель которого — получить благополучную жизнь.

Таким образом, мотивом дарообменных отношений является взаимный альтруизм, который ярко выражается в традициях взаимопомощи, страхующих в экстремальных ситуациях, и является одновременно депозитом на будущее. Дарообмен в обрядовой практике узбеков имел два вектора: горизонтальный и вертикальный, которые включали в себя родственные, соседские и территориальные сети.

Литература

1. Абашин С.Н. 2003. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о рациональности и иррациональности) ритуальных расходов в Средней Азии // Евразия. Люди и миф. — М.: Наталис, 2003. — С. 217-234.
2. Азимова Н.Х. Обрядовая жизнь женщин и механизм ее регуляции (по материалам кишлака Миндон, Ферганской области) // Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве: сборник научных статей памяти профессора Сергея Петровича Полякова. — М., 2014. — С. 77-84.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 512 с.
4. Годелье М. Загадка дара. — М.: Восточная литература, 2007. — 295 с.
5. Гуревич А.А. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 93.
6. Ибраева Г. Изучение межпоколенной динамики матримониальных стратегий женщин и мужчин в Кыргызстане советского и постсоветского периодов // Гендерные исследования: международная программа «Развитие гендерного образования в странах СНГ» (2003-2006 гг.): региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. — М.: Вариант, 2006. — С. 172-237. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.google.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).
7. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Восточная литература. — 1996. — С. 85-111. [Электронный ресурс]. — URL: <https://royallib.com>

/book/moss_marsel/ocherk_o_dare_forma_i_osnovanie_obmena_v_arhaicheskikh_obshchestvah.html (дата обращения: 08.09.2020).

8. Пайзиева М.Х. Традиционные и современные похоронно-поминальные обычаи узбеков. — Ташкент, Yangi nashr, 2014. — С. 209 (на узбекском языке).

9. ПМА 2. Полевые материалы автора. Махалли Ташкента. 2000-2005, 2007-2009, 2011-2014.

10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. — 312 с.

11. Салинз М. Экономика каменного века. — М.: ОГИ, 1999. — 296 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://royallib.com/read/salinz_marshal/ekonomika_kamennogo_veka.html#0 (дата обращения: 08.09.2020).

12. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. II. История первобытного общества: учебное пособие. — М., 1998. — 192 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://scepsis.net/library/id_1151.html // (дата обращения: 30.10.2020).

13. Файзуллаева М. Обычаи, связанные с пищей. — Ташкент: Yangi nashr, 2010. — 210 с. (на узбекском языке).

14. Элиаде М. Семена и их связь с умершими // очерки сравнительного религиоведения. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comparative_bogoslov/eliade/09.php (дата обращения: 08.08.2021).

15. Trivers R. The evolution of reciprocal altruism // The Quarterly Review of Biology. — 1971. — № 46 (1) Pp. 35-57. [Электронный ресурс]. — URL: <https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Trivers-Evolution-Reciprocal-Altruism.pdf>

Сведения об авторе:

Зунунова Гулчехра Шавкатовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Междисциплинарных исследований, Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан). E-mail: zunnunova@yahoo.com

АЛТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА КҮРЕШ (ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н.Н. Тыдыкова

НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

В статье описывается алтайская национальная борьба кӯреш, ее виды и приемы, объясняются их алтайские названия. Характеристика дается в этнолингвокультурологическом аспекте. В тюркских языках слово күреş ‘борьба’ означает чаще всего физическую борьбу. В возникновении и развитии борьбы кӯреш отражена история и культура народа, менталитет этноса.

ALTAIAN NATIONAL WRESTLING KÜRESH (ETHNOLINGUOCULTURAL ASPECT)

N.N. Tydykova

Scientific-Research Institute of Altaistic named S.S. Surazakov, Gorno-Altai (Russia)

The article describes the Altai national wrestling kÿresh, its types and techniques, their Altai names are explained. The characteristic is given in the ethnolinguocultural aspect. In Turkic languages, the word күреş ‘wrestling’ means most often a physical struggle. The emergence and development of the күреş reflects the history and culture of the people, the mentality of the ethnos.

Как и у многих тюркских народов, одним из традиционных видов спорта у алтайцев является национальная борьба кӯреш.

История развития борьбы кӯреш уходит далеко в глубину веков. Из алтайского героического эпоса мы узнаем, что во время проведения каких-либо крупных общественных мероприятий, будь то традиционные праздники, свадьбы, обряды, либо просто состязания в силе и ловкости, алтайцы из всех видов состязаний в первую очередь устраивали борьбу кӯреш:

Жиит улус жарыш, кӯреш,	Молодые люди в беге, в борьбе
Јүзүн маргаан эткен јүрет.	Разные состязания устраивают
Тебек тееп ойноолойт,	Пиная тебек, играют
Тегин отырганы кӯрүнбейт.	Не видно праздно сидящих

[АБ, т. XI, отрывок из сказания «Алтын-Саадак», с. 247]

(здесь и далее перевод наш)

Аттар чыйрагы жарышта,
Алыптар бөкбэзи күрежет.
Лииттер чыйрагы болгожын
Жойу жүгүрүп жарыжат.

[АБ, т. XIII, отрывок из сказания «Көгүлдей-Баатыр», с. 341]

В сказаниях указываются способности богатыря сражаться не только с противником, но и с разными животными: с конем противника, с медведем или с каким-либо чудовищем:

Очы-Бала оны көрүп,...

Эмдик атла күрешкедий,

Эр-алыпла согушкадый,

Эди-каны изип ле чыкты

[АБ, т. IX, отрывок из сказания «Очы-Бала», с. 38]

Эрлү бүткен кезер-баатыр...

Өгүс кара төнөн айунын

Эки кулагынан кезе тутты,

Эге базып, былчий берди,

Жаан бажын көнкөрө басты,

Жер кыртыжына сүстүре салды.

Жети күнге эм күрешти,

Жендеп турды кезер-баатыр.

Арт-учында айу аным

Айдары жок огура берди...

[АБ, т. IX, отрывок из сказания «Солотой-Мерген», с. 142]

Быстрые из коней в скачках

Сильные из борцов в борьбе

А ловкие из молодых

Соревнуются в беге

Очы-Бала, увидев это,...

Способное с дикой лошастью бороться,

С мужественным богатырём биться,

Разгорячилось её тело

Родившийся мужчиной силач-богатырь...

Четырехлетнего черного медведя-самца

Схватил за оба уха,

Стал давить, придавив коленом,

Большую голову его вниз лицом ткнув,

Воткнул рогами в землю.

Борется вот уже семь дней,

Стал побеждать силач-богатырь.

В конце концов, бедняга медведь

Несказанно заревел...

В большинстве тюркских языков слово *küreş* 'борьба' означает чаще всего физическую борьбу. Оно образовано от глагола *küreş* = 'бороться, вести борьбу; сражаться'. Следует отметить, что данное слово было отмечено еще в словаре Махмуда Кашгарского и в «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского: *Qiz birlä küräşmä, qisrak birlä yarışma* 'С девицей не борись, с кобылицей не состязайся' [20, с. 474]; *Jaraşu jaraşi bar ęrsä, jaraş, joq ęrsä, — jarıylan, kel, alşir küräş* 'Если есть возможность ладить, ладь, если нет, облачайся в кольчугу, иди и сражайся (вступай в схватку)' [3, с. 88].

Слово *күреш* в значении 'борьба' встречается в тюркских языках в разных фонетических вариантах: *кюреш* в кабардино-балкарском языке [7, с. 365], *güreş* в турецком [15, с. 368], *күреш* в киргизском [8, с. 471], *гөреш* в туркменском [16, с. 201], *көреш* в татарском [14, с. 271] и башкирском языках [1, с. 697], *күрес* в казахском [19, с. 132] и *күрес* в хакасском языке [17, с. 218], *gölęş* в азербайджанском языке [18, с. 311], *күрәс* в значении 'состязание; спор' в якутском языке [4, с. 102].

Еще В.В. Радловым было отмечено слово *күрәш* 'борьба' в теленгитском, а также в близких к нему наречиях (в лебединском, шорском, чулымском и качинском), а глагол *күрәш* = переведен как 'бороться, сражаться' [11, с. 1453]. В. Вербицким отмечена в алтайском языке форма *күреш*, а также фонетическая форма *күрес* = у абазинцев и фонетическая форма *күрөс* =, *күреш* = у верх-бийских тюрков в значении 'бороться' [5, с. 195]. В современном алтайском языке слово *күреш* имеет одно значение — 'борьба' [2, с. 422], оно отмечено также Н.А. Баскаковым в его «Ойротско-русском словаре» [10, с. 100].

Современные исследователи связывают слово *күреш* со словом *кур* 'пояс', утверждая, что пояс является основным атрибутом в борьбе *күреш* [9, с. 68]. Оно образовано путем присоединения к основе *кур-* / *күр-* аффикса *-ш* со значением названия процесса. Вероятность этой версии допускает и точка зрения, что слово *гүреш* / *күреш* является именем действия от глагола *күр* =, который можно видеть в уйгурском *гүрә* < *гүр-ә* 'борьба поясным охватом' [12, с. 80]. Недаром на международной арене этот вид борьбы часто называют просто «поясной борьбой».

Следует отметить, что наиболее известными традиционными видами *күреш* у алтайцев были:

- *курлу күреш* 'поясная борьба, борьба на поясах'. Название состоит из сочетания прил. *курлу* 'поясной, с поясом' (образовано от сущ. *кур* 'пояс' + афф. обладания *-лу*) и сущ. *күреш* 'борьба; схватка'. Борцы борются на поясах, правой рукой борец держит пояс на спине противника, а левой рукой — держит пояс спереди. Разрешены броски через бедро, подножки. Конечная цель — положить соперника на лопатки.

- *баш ажыра ташташ* 'бросок через голову'. Название состоит из сочетания сущ. *баш* «голова», послелога *ажыра* 'через' и имени действия *ташташ* 'бросок' (образовано от гл. *ташта* = 'бросать' + афф. *-ш*). Этот вид называется еще *ачый*. Борцы боролись на поясах. Основным приемом яв-

ляется бросок соперника назад через себя с помощью ног, при этом сам борец падает на спину. Разрешены подножки;

- кучак кўреш 'борьба в обхват'. Название образовано по типу изафета I, состоит из сочетания существительных кучак 'обхват, охапка; объятия' и кўреш 'борьба; схватка'. Данный вид борьбы называют также кезе тудуш 'резкая схватка'. Это название образовано сочетанием слова кезе 'резкий; резко' и действия тудуш 'схватка' (образовано от гл. тут= 'хватать' + афф. -уш). Борцы борются на поясах. Берутся обеими руками за пояс на спине соперника, как бы обхватив его. Борец резко притягивает соперника к себе, стараясь сильно стянуть поясом поясицу соперника, будто хочет сломать его. Одновременно обездвиживая соперника, борец поднимает его за пояс, резко бросает на землю, стараясь уложить на лопатки;

- колдомдош кўреш 'борьба с захватами руками'. Название образовано по типу изафета I, состоит из сочетания имени действия колдомдош 'схватка, борьба, возня' (образовано от гл. колдомдо= 'бороться, возиться; схватываться') и сущ. кўреш 'борьба; схватка'. Борцы борются без поясов, берут друг друга за грудки, ставят друг другу подножки, раскачиваясь, стараются резким движением уложить соперника на лопатки.

В алтайском героическом эпосе описание этого вида борьбы встречается наиболее часто:

Кўчине мынын кўч кожудды,	Силам его силы прибавились,
Чагына мынын чак кожудды.	Мощи его мощь прибавилась.
Колтыгынан келип тудуп,	Взяв его за подмышки,
Колдомдожо бербей кайтгы.	Стали бороться, хватая друг друга.

[АБ, т. XI, отрывок из сказания «Алмыс-Каан», с. 59].

Встречаются и другие виды борьбы:

Je, эку кўрежип баштадылар.	Вот, начали вдвоем бороться.
Жаказынан тудуштылар,	Схватились за воротники
Жардынан тартыштылар,	Потянули друг друга за плечи
Мекелу теге салгылады,	Обманные подножки ставили
Мерген тудуп кодўрижет.	Ловко подхватив, поднимали друг друга
Ага-бого согужып,	Стукаясь то там, то здесь
Албан-кўчле тартыжат...	Из-за всех сил сражаются...

[АБ, т. VIII, отрывок из сказания «Кан-Капчыкай», с. 32]

На самом деле традиционных видов и подвидов алтайской борьбы кўреш было намного больше. В традиционной борьбе раньше никаких весовых разграничений не было.

Борцы состязались в специальных местах на кошме, но чаще всего — на траве, а зимой — на снегу. Интересен случай в героическом эпосе, когда местом борьбы богатырей явилось железное гумно на небе:

Кынару айдат:	Кынару говорит:
«Озодо јаан баатырлар кўрежетен	«Раньше, чтобы большие богатыри боролись,
Тенеринин ўстинде	На небе
Темир идирген бар.	Было железное гумно
Бис ого чыгып,	Мы, поднявшись туда,
Кўрежетен турубыс».	Значит, будем с тобой бороться»

[АБ, т. VIII, отрывок из сказания «Кан-Капчыкай», с. 32]

Современный алтайский общенациональный вид борьбы кўреш был разработан в 70-х гг. XX в. на основе синтеза всех традиционных видов алтайской борьбы, с привнесением некоторых приемов из других видов борьбы (греко-римской, вольной и самбо). Разработчиком этого нового вида стал Мадий Каланакович Каланаков — борец, ставший в 1972 г. первым в Горно-Алтайской автономной области мастером спорта СССР по классической (греко-римской) борьбе, а затем, в 1986 г. — заслуженным тренером РСФСР. В 1980 г. он написал первое пособие по алтайской национальной борьбе «Кўреш [Борьба]» [6]. В основу этой книги были положены материалы, собранные в течение многих лет им самим и его учениками, которые ездили по алтайским селам, записывали рассказы стариков о ритуалах, приемах и правилах алтайской борьбы. По правилам, представленным в этом пособии, начали проводиться различные турниры и чемпионаты.

Среди работ, посвященных спортивным играм алтайцев, следует отметить книгу А.А. Сельбикова, изданную на алтайском и русском языках, в ней дана краткая история развития национальных видов спорта Республики Алтай, организация, судейство и правила соревнований [13].

В настоящее время у алтайцев известны следующие национальные виды борьбы кўреш: 1) мужская борьба кўреш; 2) женская борьба кўреш; 3) теленгит кўреш — борьба всадников на чуба-рых жеребцах без стремян и сёдел.

1. Мужская национальная борьба кўреш — синтез традиционных видов алтайской борьбы с привнесением, как уже было отмечено, отдельных приемов из других видов борьбы.

Сегодня алтайский вид борьбы кўреш представляет собой единоборство с обоюдным захватом за пояса в стойке, где допускается воздействие ногами на ноги соперника. Основными и наиболее популярными приемами современной борьбы кўреш являются следующие: бросок через бедро, с подъемом и без подъема ноги, бросок обвивом, бросок прогибом, бросок подсечкой с прогибом назад, бросок через плечо, сбивание, сваливание, захваты ниже пояса, применение подножки изнутри и снаружи одноименной и разноименной ноги, подсечки и зацепы ногой, переводы нырком под руку, рывком за руки, поднятие соперника и т.д.

Многие из этих видов борьбы также описаны в алтайском эпосе:

Кичинек Кёк-Өгүс келип,	Младший Кёк-Ёгюс, придя,
Катан-Коо — кудай уулын	Божьего сына — Катан-Коо
Кармай албай эм канайтты.	Хватает теперь, что поделать.
Яны кўреш бу башталып,	Новая схватка начинается вот,
Јети јылга там улалып,	Длится она семь еще лет
Јерге неме тўжўрбей турат.	На землю ничего не роняют
Торсыктажып, тегележип,	Хватаясь за ноги, ставя подножки,
Тогус јылга тартышкылап,	Сражаются девять лет,
Тобракка неме тўжўрбей турат.	На землю ничего не роняют.
Эки Өгүсле экчежип,	Раскачиваясь с двумя Ёгюсами,
Эрлү бўткен Катан-Коо	Родившийся мужчиной Катан-Коо
Учы-учында бу арыды...	В конце концов вот устал...

[АБ, т. XI, отрывок из «Кўн кылгалу кўрен атту кудай уулы Катан-Коо», с. 148]

В борьбе кўреш запрещены удары, удушения и заломы.

Победа присуждается при четком касании земли любой частью тела, либо когда один из борцов поднял своего соперника выше пояса.

Участники соревнований разделяются на весовые категории (52 кг, 58 кг, 66 кг, 74 кг, 82 кг, 90 кг, 100 кг, 100+ кг).

Абсолютное первенство проводится без учета весовых категорий и с выбыванием после первого поражения по принципу «три точки касания».

Одежда борца состоит из борцовских трико (это могут быть спортивные брюки или плотные одноцветные шорты), красного или синего цвета пояса (кушака) и национальной безрукавки. При выходе на ковер после приветствия с противником национальную безрукавку борец может снять. Обуваясь борцы в специальную национальную кожаную обувь — алтай катту өдүк или современную спортивную (борцовскую) обувь на мягкой подошве.

Алтайская борьба кўреш длится пять минут в соревнованиях по весовым категориям и шесть минут в абсолютном первенстве. Если в течение этого времени не будет выявлен победитель, то они борются в обоюдном захвате в поясах в течение трех минут. Причем ни один борец не должен отпускать захват. Борец, отпустивший захват, считается проигравшим. Если за три минуты схватки не выявится победитель, то победа присуждается борцу с меньшим весом.

Во всех видах борьбы присваиваются звания. В Республике Алтай победителю традиционного национального праздника «Эл-Ойын» присваивается звание «Мастер по национальным видам спорта Республики Алтай» («Алтай Республиканын алыбы»).

Многочисленным победителям этого праздника присваиваются звания «Алып», «Баатыр».

2. Известно, что на различных региональных и мировых чемпионатах по поясной борьбе борются также женщины. Они борются в вольном стиле, для них установлены три весовые категории: до 58 кг, до 66 кг и выше 66 кг. В Республике Алтай в настоящее время борьба кўреш также становится женской борьбой, в частности, женщины уже участвовали в этом виде спорта на традиционном празднике Чага-Байрам в Чемальском районе. Правда, следует отметить, что проведение данного состязания было экспериментальным и проводилось оно в шуточной форме. Тем не менее есть надежда, что в будущем женская борьба кўреш в Республике Алтай будет набирать популярность вполне официально.

Ведь недаром в алтайских героических сказаниях говорится о сражениях женщин с врагами своего народа. Так, широко известны алтайские героические сказания, где алтайские женщины оди-

наково сражаются с мужчинами и могут даже побороть их в тяжелой схватке. Например, в сказании Ф.Н. Челухоева «Ўч кулакту ай-кара ат», когда у богатыря Кара-Тас в схватке со своими врагами Алтын-Чарка и Күмүш-Чарка иссякли силы, в борьбу вступает его жена, Алтын-Сабар:

Айдарда,	Таким образом,
Алтын-Сабар, алган кижизи,	Алтын-Сабар, его жена
Ўй кебин чечип ийди,	Одежды женские сняла с себя
Алып јакшы болуп кийин алды.	Облачилась в одежды богатырские.
Кара-Тасты айрып алып,	Освободив Кара-Таса,
Сол јанына ийде сал койып,	Оттолкнув в левую сторону от себя,
Алтын-Чарка, Күмүш-Чарка	С Алтын-Чарка, Күмүш-Чарка
Алыптарла	Богатырями
Бойы күреже берди	Сама начала бороться.

[АБ, т. VIII, с. 142]

А в известном сказании А.Г. Калкина «Очы-Бала» главная героиня Очы-Бала представлена не только красавицей, но и крепкой и сильной девушкой, богатыршей и смелой воительницей, охотницей, настоящей алтайской амазонкой:

Очы-Бала деген сыйыны	Сестра ее Очы-Бала
От-јалбыштый бойлу болды.	Была горяча как огонь.
Көргөн көзи чокту онын,	Глаза ее лучисто-пламенны,
Көбөркий бойы күчтү бүткен.	Родилась она сильной.
Кезер келзе, кезе тудар,	Если явится силач, сломает его,
Алып келзе, аймай тудар,	Если явится богатырь, схватит его,
Јаактуга айттырбас күүндү,	Языкастому в обиду себя не даст,
Јарындуга јайдырбас күчтү...	Плечистому не даст побороть себя...

[АБ, т. IX, с. 6]

3. С 2018 г. теленгиты Улаганского района Республики Алтай возрождают уникальный вид национальной борьбы – теленгит-күреш ‘теленгитская борьба’. Слово теленгит-күреш образовано из сочетания этнонима ‘теленгит’ и сущ. күреш ‘борьба; схватка’. Этот вид спорта дебютировал на национальном празднике Эл-Ойын в с. Улаган. Теленгит-күреш представляет собой борьбу всадников на чубарых жеребцах. По-алтайски этих лошадей называют чоокыр аттар ‘чубарые лошади’. На лошадях нет привычных стремян и седел, есть только ловкость и мастерство всадника, помноженная на выносливость лошади чубарой породы, именно лошади только чубарой породы.

Лошадей чубарой масти, напоминающих окрасом далматинцев, вновь стали возрождать фермеры Улаганского района Республики Алтай. В советское время численность этих лошадей достигала 15 тысяч голов. Этим занимались серьезно и планомерно, как и разведением и поддержанием элитного поголовья овец. Но в период перестройки финансовая поддержка всех колхозов была брошена и все хозяйства пришли в упадок. Сейчас происходит активное возрождение данной породы лошадей.

Согласно древней легенде, лошадей чубарой породы боялась нечистая сила. Богатыри верили, что эти скакуны помогали отгонять злых духов, одерживать победы и творить добро.

В соревнованиях могут участвовать мужчины старше 18 лет, увлекающиеся не только конными скачками, но и борьбой. Здесь они могут показать свою силу, ловкость, выносливость.

Борьба, проводится по правилам плей-офф: проиграл — выбыл, победил — проходишь дальше. Победителем остается в конце один наездник-борец. По правилам можно перепрыгнуть через лошадь противника, не касаясь земли, и попытаться свалить соперника. Побеждает тот, кто остается на лошади. В ход идет весь имеющийся арсенал: руки, ноги и тактическая хитрость.

Опасная, дерзкая и по-своему прекрасная борьба теленгит-күреш начала свое возрождение на Алтае. Представляется, что развитие данного вида борьбы на лошади весьма перспективно.

Таким образом, мы рассмотрели традиционный вид борьбы у алтайцев — күреш, описали существование различных ее видов и форм, провели лингвистический анализ данного понятия, рассмотрели этнографические и культурологические его особенности. Можно сделать выводы, что в традиционной борьбе күреш, ее возникновении и развитии отражена вся история и культура народа, менталитет этноса.

Литература

1. Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. — Т. IV (Й-К) / под ред. д-ра филол. наук, проф. Ф.Г. Хисамитдиновой. — Уфа, 2012. — 943 с.

2. Алтайско-русский словарь / редкол.: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиантинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е.В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2018. — 936 с.
3. Баласагунский Юсуф. Кудатку Билиг. Факсимиле уйгурской рукописи... изд. В.В. Радловым. — СПб., 1890.
4. Большой толковый словарь якутского языка. — Т. V / под общ. ред. акад. АН РС(Я) П.А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2008.
5. Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Изд. 2-е. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. — 504 с.
6. Каланаков М.К. Куреш. Алтайская национальная борьба. — Горно-Алтайск, 1980.
7. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. чл.-корр. АН СССР Э.Р. Тенишева и канд. филол. наук Х.И. Суюнчева. — М.: Русский язык, 1989. — 832 с.
8. Киргизско-русский словарь: в 2 книгах. — Кн. I (А-К) / сост. К.К. Юдахин. — Фрунзе: Гл. ред-ция Киргизской советской энциклопедии, 1985. — 504 с.
9. Краткий словарь понятий и терминов по культурологии, фольклору и этнографии / сост. В.П. Ойношев, С.Е. Урбанова. — Горно-Алтайск: БУ РА «Республиканский центр народного творчества», 2019. — 180 с.
10. Ойротско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков и Т.М. Тошакова; под общ. ред. Н.А. Баскакова. — М.: ОГИЗ, Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1947. — 312 с.
11. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. II, ч. 2. — СПб.: Типография Императорская Академия наук, 1899.
12. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». — М.: Наука, 1980. — 392 с.
13. Сельбиков А.А. Алтай Республикада спорттын национальный бұдүмдери. Национальные виды спорта Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 1996. — 88 с.
14. Толковый словарь татарского языка: в 3 томах. — Т. II (К-С). — Казань: Тат. кн. изд-во, 1979. — 726 с.
15. Турецко-русский словарь. АН СССР, Институт востоковедения. — М.: Русский язык, 1977 — 966 с.
16. Туркменско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — 832 с.
17. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстик / под общ. ред. О.В. Субраковой. — Новосибирск: Наука, 2006. — 1114 с.
18. Azərbaycanca-rusca lügət. Dört cilddə. II cild (E-K). — Bakı: Sərq-Qərb, 2006. — 848 səh.
19. Бектұров Ш., Бектұрова А. Қазақша-орысша сөздік: Мектеп оқушыларына және қазақ тілін үйренушілерге ариялған. — Астана: Фолиант, 2001. — 316 бет.
20. Mahmud al-Kaşgari. Divanü lügat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Cc. I-III. — Ankara, 1939-1941.

Список сокращений

1. АБ, т. VIII — Алтай баатырлар. Алтайский героический эпос. Т. VIII / сост. С.С. Суразаков; редкол.: С.С. Суразаков, С.С. Каташ, В.О. Адаров; худ. И.И. Ортоңулов. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1974.
2. АБ, т. IX — Алтай баатырлар. Алтайский героический эпос. Т. IX / сост. С.С. Суразаков. Редколл.: С.С. Суразаков, С.С. Каташ, В.О. Адаров; худ. И.И. Ортоңулов. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1977.
3. АБ, т. XI — Алтай баатырлар: Алтайский героический эпос. Т. XI / сост. И.Б. Шинжин; худ. И.И. Ортоңулов. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1983. — 272 с.
4. АБ, т. XIII — Алтай баатырлар: Алтайский героический эпос. Т. XIII. — Горно-Алтайск: Горно-Алт., 2004.

Сведения об авторе:

Тыдыкова Надежда Николаевна, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: ntydykova@mail.ru

ФЕНОМЕН МНОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

Статья посвящена рассмотрению специфики этнической идентичности современных алтайцев. На основе материалов всероссийских переписей населения и этносоциологических исследований обосновывается позиция о ее множественности. Большое внимание в работе уделено основным подходам к классификации этнической структуры коренного населения Алтая.

PHENOMENON OF MULTIPLE ETHNIC IDENTITIES IN MODERN ALTAIANS

A.P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)

In the following article, we analyze the nuances of ethnic identities of modern Altaians. Using the materials of the All-Russian Census and ethnosociological studies, we show that they appear to possess multiple identities. We also pay special attention to the classification of the ethnic structure of the indigenous Altai population.

Научный концепт этнической идентичности в самом общем понимании означает осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу. Это осознание базируется на представлениях о своем народе, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к этим представлениям и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений. Этническая идентичность репрезентируется многими учеными как конструируемая субъективная реальность, которая функционирует благодаря существованию в обществе этнических категорий и классификаций.

Этнографическое описание и практика классифицирования этнической структуры коренного населения Алтая имеет богатую историю, как в Российской империи, так и в советское, и в постсоветское время. К настоящему времени исследователями разработано несколько концепций классификации этнической структуры алтайцев. Они получили отражение в трудах таких исследователей, как В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, Н.А. Баскаков, Л.П. Потапов, П.Е. Тадыев, Г.П. Самаев, Л.И. Шерстова. Основные различия между отдельными концепциями в основном состоят в особенностях интерпретации авторами состава алтайских субэтнических групп, критериев их выделения и времени их консолидации. При этом следует отметить, что эти концепции при всем их различии дополняют друг друга в некоторых аспектах. Рассмотрим наиболее фундаментальные концепции.

Одной из первых классификаций этнической структуры коренного населения Алтая, сложившейся еще в дореволюционный период нашей истории, является концепция разделения алтайцев на две группы — «северных алтайцев» и «южных алтайцев». Впервые разделение алтайцев по географическому признаку было предложено миссионером В.И. Вербицким. Вербицкий выделил три «племени» (термин В.И. Вербицкого) южных алтайцев: алтайские калмыки (современные алтайкижи. — *А. Ч.*), калмыки-двоеданцы (уряняхай) (современные теленгиты. — *А. Ч.*), телеуты. К северным алтайцам В.И. Вербицкий отнес все коренное население северной части Алтая под общим именем «черневых татар» [3, с. 19–21]. Ученый обращал внимание на различия в формах хозяйствования северных и южных алтайцев: южные были скотоводами и охотниками, а северные преимущественно занимались охотой, рыболовством, пчеловодством, земледелием. Язык алтайцев В.И. Вербицкий отнес к тюркскому языку, но выделил в нем северное и южное наречия.

С классификацией В.И. Вербицкого во многом перекликается и подход выдающегося ученого-востоковеда В.В. Радлова. Он также подразделил коренное население Алтая с учетом географических условий на «татар Северного Алтая» и «собственно алтайских татар». В отличие от В.И. Вербицкого В.В. Радлов выделил среди жителей Северного Алтая четыре группы — кумандинцы, лебединские татары (современные челканцы. — *А. Ч.*), черневые татары (современные тубалары. — *А. Ч.*), шорцы. Под «собственно алтайскими татарами» В.В. Радлов объединил алтайцев и телеутов (теленгетов). Среди алтайцев В.В. Радлов выделил две группы: 1) «алтай кижы» (люди с Алтая), именовавшейся русскими «алтайскими горными калмыками»; 2) «чу кижы» (люди с Чуи), именовавшейся русскими «двоеданцами». При этом В.В. Радлов отмечал, что двоеданцы, живущие на р. Чуе, называют себя «теленгит», на р. Башкаусе — «улан», на р. Чолышмане — «тёлёс» [8, с. 92–95]. В то же время Радлов указывал, что «по языку алтайцев и двоеданцев видно, что это племя [Volksstamm], должно быть, уже давно составляет компактное целое» [8, с. 95] и их разделение на «алтай кижы» и двоеданцев «произошло очень поздно в результате исторических событий прошлого столетия» [8, с. 123].

Обратим внимание, что и В.И. Вербицкий [3, с. 19], и В.В. Радлов отмечали, что коренное население Алтая до обретения российского подданства в 1756 г. входило в состав Джунгарии, государства западных монголов — ойратов. Радлов писал: «И алтайцы, и двоеданцы сохранили еще память о своей принадлежности к калмыцкому государству, а поэтому часть их называет себя калмак или ойрот, хотя за последнее время это племенное название все больше забывается. Настоящее название этого народа — теленгиты, или теленгеты, но сохраняется оно лишь в сознании двоеданцев. ... когда-то алтайские горные калмыки составляли вместе с телеутами обширный тюркоязычный народ» [8, с. 123].

В советскую эпоху классификация этнической структуры коренного населения Алтая несколько видоизменилась, но продолжила основываться на предложенной В.И. Вербицким концепции разделения алтайцев на две группы — «северных алтайцев» и «южных алтайцев». Тюрколог Н.А. Баскаков, исходя из лингвистического разделения алтайского языка на северный (с преобладанием уйгуро-огузских языковых компонентов) и южный (с преобладанием киргизско-кыпчакских языковых компонентов) диалекты, обосновал деление алтайцев на северных в составе кумандинцев, тубаларов, челканцев и южных — алтай-кижи, теленгитов и телеутов [1, с. 29].

Советский этнограф Л.П. Потапов выдвинул теорию этнической многокомпонентности структуры алтайского народа. Рассматривая этнический состав коренного населения Алтая, Потапов пришел к выводу, что до Октябрьской революции алтайцы не составляли единой народности и не имели общего самоназвания. По его мнению, лишь в советский период под влиянием новых общественно-экономических процессов алтайцы консолидировались в единый народ и у них появилось общее и единое национальное самосознание [7, с. 14]. Л.П. Потапов выделил среди северных алтайцев четыре «родо-племенные группы» (термин Л.П. Потапова): тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы. Среди южных алтайцев ученый выделил также четыре группы: теленгиты (включая «чу-кижи»), алтай-кижи (включая «майма-кижи»), телёсы (включая «улаан-кижи»), телеуты [7, с. 21–22].

В классификацию Л.П. Потапова чуть позже были внесены некоторые коррективы историком П.Е. Тадыевым. Тадыев оспорил обоснованность выделения телёсов в отдельную группу и включение шорцев в состав алтайцев [11, с. 3–4]. В итоге в советской этнографии в отношении коренного населения Алтая утвердилась классификация, изложенная Н.А. Баскаковым.

Теория Л.П. Потапова об этнической консолидации алтайского народа оставалась ведущей вплоть до начала перестройки. В этой связи в ходе советских Всесоюзных переписей населения этнические группы северных и южных алтайцев не выделялись. Исключение составляет только перепись 1926 г., которая еще дифференцировала коренное население Горного Алтая. Перепись 1926 г. зафиксировала в качестве самостоятельных категорий учета алтайцев, калмыков, кумандинцев, ойратов, теленгитов, телеутов и черневых татар (тубаларов). В ходе всех последующих советских переписей коренное население региона признавалось этнически консолидированным целым и включалось в единую переписную категорию: вначале — как «ойроты» (1939 г.), позже — как «алтайцы» (1959, 1970, 1979, 1989 гг.).

В 1990-е гг. теория Л.П. Потапова была подвергнута научной критике и переоценке в некоторых новых научных исследованиях, прежде всего, в исследованиях историка Г.П. Самаева. Самаев пришел к выводу о несостоятельности представлений о разделении южных алтайцев в XVII–XIX вв. на множество разрозненных этнических групп (телеутов, тау-телеутов, алтай-кижи, теленгитов, телёсов) [9, с. 23]. Г.П. Самаев утверждает, что южные алтайцы в прошлом составляли единую народность с самоназванием «теленгит». При этом теленгиты подразделялись на три основные части. Центральная группа называлась алтай-теленгитами, или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов (бывшие двоеданцы. — *А.Ч.*). За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название «телеуты». Сами они называли себя теленгитами, или ак-теленгитами. Малочисленные потомки ак-теленгитов сохранились ныне на западе Кемеровской области [10, с. 5]. Относительно северных алтайцев Г.П. Самаев убежден, что они были близки к теленгитам по языку и происхождению, но не составляли единой общности и состояли из трех близкородственных малочисленных этнических групп: тубаларов, кумандинцев и челканцев [9, с. 23].

Как видно, в концепции Г.П. Самаева нашли отражение выводы В.В. Радлова об этническом единстве южных алтайцев и существовании у них в прошлом единого самоназвания «теленгиты». Изыскания Г.П. Самаева также частично совпадают с результатами исследований этнографа Л.И. Шерстовой. По данным Шерстовой, до Джунгаро-Китайской войны (1755–1759 гг.) обитатели Юго-Восточного Алтая составляли этнически целостное образование с жителями западной и центральной его частей, следствием чего являлось употребление теми и другими самоназвания «теленгит». Однако по мнению Л.И. Шерстовой, к середине XIX в. в Южном Алтае обозначились два местных очага и направления этногенеза: Катунский левобережный и Юго-Восточный (Чуйский). Чуйцы в конце концов удержали за собой былой общий этноним «теленгит», а западные алтайцы закрепили за своей общностью новый этноним «алтай-кижи» и в начале XX в. для этнической самоидентификации они уже повсеместно пользовались только им [15, с. 203]. Впоследствии, по мнению Л.И. Шерстовой, алтай-кижи, будучи этнически более монолитными, «притянули» к себе теленгитов и аморфные общности Северного Алтая [15, с. 269].

В 1990-е гг. параллельно научному осмыслению и пересмотру устоявшихся концепций структуры алтайского этноса в самом алтайском сообществе происходил рост этнического самосознания субэтнических групп и их мобилизация вокруг идеи национально-культурного возрождения. Итогом этих процессов стало включение кумандинцев, тубаларов, челканцев, телеутов и теленгитов в 2000 г. в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Признание алтайских этнических групп коренными малочисленными народами привело к их рассмотрению в некоторых научных трудах как самостоятельных народов [2, 4, 12, 13 и др.]. Однако в общественном дискурсе Республики Алтай вопрос, кем отныне являются кумандинцы, тубалары, челканцы, телеуты и теленгиты — частью алтайского этноса или отдельными народами — все еще остается открытым и в сочетании с вопросом о будущем всего алтайского этноса провоцирует взаимоисключающие мнения.

Изучение современного состояния этнической идентичности коренного населения Алтая возможно произвести путем анализа итогов всероссийских переписей населения (2002, 2010 гг.) и этносоциологических исследований. Отметим, что в переписях постсоветского времени коренное население Алтая вновь было дифференцировано на несколько этнических групп. В 2002 г. в качестве отдельных народов были учтены алтайцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы. Это обстоятельство поставило часть представителей алтайских этнических групп, обладавших двойственной этнической идентичностью, в жесткие рамки выбора — определять себя только алтайцами или только представителями того или иного малочисленного народа. Указанный список этнических категорий был употреблен и в ходе переписи 2010 г., однако с той разницей, что руководство республики добилось включения теленгитов, тубаларов и челканцев в состав алтайцев по принципу «группа — подгруппа», и тем самым сумело снять проблему с однозначной этнической идентификацией. Кумандинцы и телеуты были учтены как отдельные народы.

Рассмотрение результатов переписей населения показывает, что в 2002 г. 8,3% (5662 чел.), а в 2010 г. — 11,0% (7714 чел.) представителей алтайского населения отнесли себя к коренным малочисленным народам. Из материалов переписей видно, что этот рост происходил, прежде всего, за счет северных алтайцев. Основная масса теленгитов, численность которых оценивается в 16 тыс. человек, предпочла в ходе переписей идентифицировать себя с алтайским этносом (теленгитами в 2002 г. записались 2368 чел., в 2010 г. — 3648 чел.) [5, 6].

Этносоциологические исследования, проведенные автором в Республике Алтай, позволяют более подробно описать этническую идентичность современных алтайцев. В ходе этих исследований ставилась задача выяснить, какой тип самосознания преобладает у коренного населения: «этнический» или «субэтнический». По итогам опроса, проводившегося в 2004 г. в сельской местности, было выявлено, что 65,9% респондентов считают северных и южных алтайцев одним народом, с ними не согласились 27,6% опрошенных [14, с. 185]. По итогам опроса, проводившегося в 2016 г. в городской местности, было выявлено, что считают северных и южных алтайцев одним народом 51,5% респондентов, а разными народами — 42% опрошенных. Как видно, общеалтайская идентичность в постсоветское время стала ослабевать, но, тем не менее, еще сохраняется. Многие представители алтайских субэтнических групп обладают двумя этническими идентичностями одновременно и склонны рассматривать этнические группы алтайцев как части единого этноса. Добавим, что при проведении опросов выявлялись представления респондентов об этноконсолидирующих признаках. Наиболее значимыми для людей признаками оказались язык, общая культура, обычаи и традиции, родная земля.

Обсуждение этнической идентичности современных алтайцев не будет полным, если не затронуть вопрос возрождения в регионе ойротской идентичности. Самоназвание ойрот, описанное в XIX в. В.В. Радловым, как уже забывающееся, оказалось востребованным в начале XXI в. Процесс конструирования ойротской идентичности в республике носит динамичный характер. Общественные активисты, сосредоточившиеся на задаче восстановления в регионе этнонима «ойрот» как исторического самоназвания коренного населения, транслируют свое мнение путем публичных обсуждений в печатных изданиях, интернет-форумах и через личное общение. Важную роль в осознании людьми ойротской идентичности призвана сыграть и созданная в 2019 г. общественная организация «Алтай-Ойрот».

Оценивая результаты исследования современного состояния этнической идентичности коренного населения Алтая, следует признать, что его множественная идентичность имеет историческую традицию. Структура этнической идентичности алтайцев отличается подвижностью и постоянно испытывает на себе влияние целого ряда политических, экономических и социальных факторов, вследствие которого могут возникать новые основания и критерии этнической самоидентификации. Тем не менее у современных алтайцев продолжает сохраняться коллективная память и ощущение принадлежности к одному народу, высоки показатели потребности в этнической консолидации.

Литература

1. Баскаков Н.А. Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 115 с.
2. Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX — начале XXI века. — М.: Наука, 2007. — 395 с.
3. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1993. — 270 с.
4. Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2013. — 192 с.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. — Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2013. — Т. 4. — 419 с.
6. Национальный состав населения по Республике Алтай. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2005. — Т. 2. — 110 с.
7. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. — Л.: Наука, 1969. — 196 с.
8. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. — М.: Наука, 1989. — 749 с.
9. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1991. — 256 с.
10. Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1996. — 120 с.
11. Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. — 1964. — № 6. — С. 3–16.
12. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. — М.: Наука, 2006. — 678 с.
13. Челканцы в исследованиях и материалах XX века / отв. ред. Д.А. Функ. — М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. — 155 с.
14. Чемчиева А.П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. — 254 с.
15. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 312 с.

Сведения об авторах:

Чемчиева Аржана Петровна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: chemchieva@gmail.com

УРБАНИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

Данное исследование посвящено урбанизации алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев. Всесоюзные и Всероссийские переписи населения составили источниковую базу исследования. В течение XVIII–XIX вв. формировалась сеть городов. Практики администрирования и прозелитизма Русской православной церкви закладывали предпосылки урбанизации коренных народов Южной Сибири. Основным фактором урбанизации стало промышленное освоение региона и образовательные стратегии. Урбанизация коренных народов происходила асинхронно, сравнительно поздно и в пределах региона проживания. Она не завершилась как по количественным, так и качественным параметрам. Шорцы и кумандинцы — наиболее урбанизированные народы.

URBANIZATION OF THE INDIGENOUS TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)

This study is devoted to the urbanization of Altaians, Kumandins, Telengits, Teleuts, Tubalars, Tuvans, Tuvans-Todzhins, Khakass, Chelkans, Shors. The All-Union and All-Russian population censuses formed the source base of the study. During the 18th and 19th centuries, a network of cities was formed. The practices of administration and proselytism of the Russian Orthodox Church laid the prerequisites for the urbanization of the indigenous peoples of Southern Siberia. The main factor of urbanization was the industrial development of the region and educational strategies. The urbanization of indigenous peoples occurred asynchronously, relatively late and within the region of residence. It has not been completed both in quantitative and qualitative parameters. The Shors and Kumandins are the most urbanized peoples.

Тема урбанизации коренных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев) слабо разработана в отечественной этнографии, демографической и исторической науках. Этнографические исследования традиционно ориентировались на описание сельских сообществ. Сравнительная малочисленность коренного населения обуславливает их игнорирование в демографических и исторических работах.

«Город и городское население в целом были включены в сферу этнографических исследований в основном со второй половины 1960-х годов. Одним из интересных аспектов городской этнографии продолжает оставаться изучение особенностей формирования городского населения» [4, с. 26, 30]. Работы, освещающие урбанизацию коренных народов Южной Сибири, немногочисленны [3, 5, 11, 12]. Исследователей в основном интересует современное положение дел.

Целью настоящего исследования стала характеристика урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в течение XX — начала XXI в., а также причин и последствий их миграции в город. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002 и 2010 гг.) переписей населения.

Исторические исследования урбанизации Сибири и Дальнего Востока, опирающиеся на археологические и архивные данные, позволяют говорить о том, что распространение власти Российского государства на Восток прервало наметившееся формирование сравнительно крупных стационарных поселений как на юге (Южная Сибирь, бассейн р. Амур), так и на севере (бассейн р. Оби), которые в перспективе могли эволюционировать в города. Ни один современный сибирский город не восходит к позднесредневековому городищу, основанному коренным населением Сибири и Дальнего Востока¹.

Российское государство было заинтересовано лишь в постоянном и своевременном поступлении ясака. Появление русских крепостей и крестьянская колонизация приводили к изменению расселения коренного населения. Большая часть коренных жителей устремлялась в труднодоступные места (тайгу, тундру и т.д.), другие, напротив, концентрировались вокруг русских поселений и крепостей. Дисперсность — важнейшая характеристика традиционного расселения коренного населения Сибири и Дальнего Востока, нивелированная в XX в., в ходе промышленного освоения региона. На протяжении XVIII–XIX вв. формировались предпосылки урбанизации народов Южной Сибири, чему способствовали практики администрирования и прозелитизма Русской православной церкви. В частности, создание церковной школьной сети [1, с. 151; 6, с. 216].

На протяжении первой половины XX в. численность горожан из числа коренного населения росла постепенно. В 1926 г., когда была проведена Всесоюзная перепись населения, в городах проживало алтайцев 1089 чел. (2,7% от общей численности), кумандинцев — 8 чел. (0,1%), телеутов — 7 чел. (0,4%), хакасов — 492 чел. (1,1%), шорцев — 83 чел. (0,7%). Теленгиты, тубалары и челканцы проживали только в селах. К следующей переписи 1939 г. численность горожан выросла в несколько раз: алтайцы — 4244 чел. (8,9%), хакасы — 6669 чел. (12,6%), шорцы — 1813 чел. (11,2%). Остальные народы учитывались в составе алтайцев до 2002 г.

На этом этапе темпы урбанизации были незначительны. Рост числа горожан определялся изменением статуса поселений в ходе образования национальных административных единиц: Ойратской АО в 1922 г. (с 1948 г. — Горно-Алтайская АО), Горно-Шорского национального района в 1926 г., Хакасской АО в 1930 г. Их столицы получали статус города: Усть-Абаканское (совр. Абакан) в 1931 г., Улала (совр. Горно-Алтайск) в 1928 г. Политика «коренизации» управленческого аппарата, формирование национальных кадров в культурно-просветительской и образовательных сферах способствовало притяжению в города учащейся молодежи.

Уже в 1930-е гг. наметился новый фактор, влияющий на урбанизацию коренных народов, — индустриальное развитие восточных регионов страны. В первую очередь индустриализация затронула территорию современной Кемеровской области (выделена из Новосибирской области в 1943 г.), где традиционно проживали телеуты и шорцы.

¹ «Большинство старых сибирских городов возникли из укрепленных военных станов, которые преследовали стратегические задачи, строились наспех и бросались по миновании надобности. Большая часть городов Восточной Сибири выросла из ясачных зимовий. Лишь некоторые из городов возникли на месте становищ промышленников. Эти военные крепости лишь медленно обрастали посадками с торгово-промышленным населением. Состав посада образуется, во-первых, из ссыльных, далее из обрусевших туземцев, но главную массу составляют осевшие в сибирских городах случайные «гулящие люди». По мере развития торговых отношений с Средней Азией, особенно с Китаем, торговое значение сибирских городов сильно возрастает. Развитие капитализма в XIX в. и связанное с ним улучшение путей сообщения способствовали дальнейшему росту сибирских городов. Таким образом, история сибирских городов сводится к постепенной эволюции военного поселения в поселение торгово-промышленное» [9, с. 702-703].

Масштабный характер индустриализация в Сибири приобрела в послевоенные годы. Учитывая, что численность коренного населения была «совершенно недостаточной» для решения задач индустриального развития восточных регионов, было принято решение о «принудительном переселении и “укрупнении”» в совхозы [10, с. 383, 385]. Основные мероприятия были проведены в 1950-1960-е гг., когда происходило преобразование колхозов в совхозы, население перемещалось уже из «неперспективных» деревень в крупные села, происходил упадок традиционного хозяйства вследствие промышленного освоения.

В Южной Сибири возведение промышленных объектов и разработка месторождений природных ископаемых происходила активно в Кемеровской области, где сформировалась плотная сеть городов. Новые города поглощали близлежащие шорские улусы; их жители автоматически становились горожанами. Дальнейшее промышленное освоение региона привлекало сельских жителей в крупные населенные пункты. Относительно активно развивалась промышленность в Алтайском крае, в частности, в г. Бийске, притягивавшим кумандинцев, и позднее в г. Заринске, поглотившем телеутскую д. Крутая.

В этот период в целом в стране была широко распространена практика искусственного, сугубо административного градообразования, когда статус поселка городского типа (пгт) присваивался всем крупным сельским райцентрам [8, с. 217]. В частности, в Хакасской АО в 1930-1970-е гг. появилось более двух десятков пгт, а в Горно-Алтайской АО — Акташ, Сейка и Чемал получили статус пгт, большая часть которых в последующем была преобразована обратно в сельские поселения. В 1944 г. в состав СССР была включена Тува, а уже в 1945 г. Чадан получил статус города, а Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми — поселка городского типа.

Благодаря развитию транспортной инфраструктуры и изменению статуса поселений города стали «ближе», предлагая качественно иной уровень жизни, как в социально-экономическом, так и в культурно-бытовом плане. Одновременно происходило улучшение бытовых условий на селе, способствуя адаптации аборигенов к новым социально-экономическим реалиям. Так, информированность сельских хакасов о городе, по данным на начало XXI в., формировалась как за счет собственного опыта проживания в городе в период получения образования или работы, так и из общения с близкими родственниками [5, с. 22].

Как следствие происходивших преобразований, особенно заметно выросла численность горожан среди шорцев: в 1959 г. — 6455 чел. (42,3%), в 1970 г. — 8430 чел. (51,1%), в 1979 г. — 10626 чел. (66,3%), в 1989 г. — 12293 чел. (73,8%). Часть телеутов, проживающих в Кемеровской области, скорее всего, так же как и шорцы, интенсивно урбанизировались. В 1960–1970-е гг. значительная часть кумандинцев переехала в город [7, с. 151]. Перемещение алтайцев, тувинцев и хакасов в город было менее активным: 1959 г. — 4805, 8988 и 10738 чел. (10,6; 9,0 и 19,0%), в 1970 г. — 8229, 23879 и 17142 чел. (14,7; 17,1 и 25,7%), в 1979 г. — 10928, 37327 и 24850 чел. (18,2; 22,5 и 35,1%), в 1989 г. — 13630, 65983 и 34736 чел. (19,3; 31,9 и 43,2%). Рабочая и учебная миграция во второй половине XX в. были ведущими факторами урбанизации.

Следующий этап урбанизации был сопряжен с комплексом этнокультурных и социально-экономических процессов 1990-х гг. Прописанные в законодательстве преференции для коренных малочисленных народов привели к динамичным изменениям их численности в последние десятилетия. Как следствие, этническая идентичность в этот период отличалась подвижностью, обусловленной этническим фактором, а не естественным и механическим движением населения [2].

Данные по городскому населению были особенно динамичны. В городах ассимиляционные процессы в предшествующие десятилетия протекали более интенсивно, чем в сельской местности; межэтнические браки были широко распространены. Если в предшествующие годы коренное население мигрировало в основном в близлежащий город, то на данном этапе происходит более широкое расселение в первую очередь тех, кто родился в городе и был более интегрирован в российское общество.

На этническую динамику наложились реформа системы местного самоуправления, начавшаяся в 2003 г., которая привела к реорганизации сельских и городских поселений, изменению их статуса, появлению городских округов. В совокупности указанные факторы обусловили нестабильность статистических данных о коренных народах Южной Сибири.

По итогам переписи 2002 г. урбанизационный переход совершили не только шорцы (9939 чел. или 71,1%), но и кумандинцы (1704 чел., или 54,7%). В 2010 г. численность горожан среди кумандинцев заметно сократилась до 1400 чел. (48,4%) во многом вследствие муниципальных изменений; колебались и показатели у шорцев — 9353 чел., или 72,6%. В 1990-2000-е гг. абсолютные и относительные показатели незначительно менялись у алтайцев, тувинцев и хакасов: в 2002 г. — 13897,

107850 и 32743 чел. (20,7; 44,3 и 43,3%), в 2010 г. — 16027, 129035 и 31572 чел. (23,8; 48,9 и 43,3%). Незначительный прирост количества горожан среди телеутов (с 1142 чел. в 2002 г. до 1198 чел. в 2010 г.) и относительно высокие показатели урбанизации (43,1% в 2002 г. и 45,3% в 2010 г.) указывают на то, что интенсивная миграция в города была в прошлые десятилетия.

Теленгиты, тубалары и челканцы только вступили на путь урбанизации: в 2002 г. — 115 (4,8%), 150 (9,6%) и 135 чел. (15,8%), в 2010 г. — 300 (8,1%), 357 (18,2%) и 231 чел. (19,6%) соответственно проживало в городах. Самым слабоурбанизированным коренным народом не только Южной Сибири, но и в целом Сибири и Дальнего Востока являются тувинцы-тоджинцы: в 2002 г. 7 чел. (0,2%), а в 2010 г. 4 чел. (0,2%) являлось горожанами. Столь позднее включение этих народов в процесс урбанизации связан как с неразвитостью городской сети в Республике Алтай, так и со слабой индустриализацией региона.

Оценить промежуточные итоги урбанизации позволяют данные переписи 2010 г., содержащие сведения об уровне образования и источников средств к существованию. Подавляющее большинство коренного населения имеет среднее или высшее образование. Получение образования, в частности, высшего не всегда является фактором, способствующим оседанию в городе. Так, в городах проживает большая часть шорцев и кумандинцев с высшим образованием: 10,9 и 15,8% от общей численности имеют высшее образование, а в городах проживают 9,5 и 10,1% соответственно. Сравнительно высок данный показатель у телеутов, тувинцев и хакасов, уровень урбанизации которых выше 40%: из 15,7, 18,1 и 20,0% лиц с высшим образованием в городах проживает 8,6; 12,0 и 11,1% соответственно. У остальных народов большинство получивших высшее образование возвращаются в сельскую местность, что указывает на трудности интеграции к новым реалиям.

Анализ источников средств к существованию позволил выделить три равнозначные группы: трудовая деятельность, государственная помощь и иждивение (в основном дети). Большинство лиц трудоспособного возраста работают: 50,0% тувинцев-тоджинцев, 39,0% хакасов, 38,1% теленгитов, 37,9% телеутов, 36,2% шорцев, 36,0% тубаларов, 34,4% кумандинцев, 32,8% челканцев, 29,4% алтайцев, 22,3% тувинцев. Заметная часть этнофоров не смогла интегрироваться в городское пространство, и ориентирована на помощь государства или родственников: 34,1 и 36,0% тувинцев, 32,1 и 33,4% алтайцев, 28,9 и 29,2% челканцев, 30,7 и 25,7% шорцев, 35,7 и 20,3% кумандинцев, 27,9 и 26,5% хакасов, 27,8 и 26,3% тубаларов, 26,9 и 25,8% телеутов, 51,0 и 0% теленгитов, 0 и 50,0% тувинцев-тоджинцев соответственно. Большое влияние оказывает традиция государственного патернализма, реализованная в том числе в преференциях для коренных малочисленных народов. Значительную долю получающих государственную помощь составляют студенты. В частности, 51,0% теленгитов живет за счет государственной поддержки; треть из них студенты.

Таким образом, в силу относительной замкнутости аборигенных сообществ, обусловленной слабым знанием русского языка и низким уровнем образования, отмечается более позднее их вовлечение в миграционный поток «село-город». Основным фактором урбанизации стало промышленное освоение Южной Сибири; в аграрных регионах большое значение имели практики формирования национальных кадров и образовательные стратегии коренных жителей. Коренное население из сел перемещалось в основном в близлежащие города. Некоторые населенные пункты меняли статус с сельского на городской или поглощались в ходе расширения городских границ.

Урбанизация коренного населения Южной Сибири характеризуется асинхронностью, а также незавершенностью, как по количественным, так и качественным параметрам. За исключением шорцев и кумандинцев (по данным на 2002 г.), остальные коренные народы региона остаются слабо- и среднеурбанизированными. Тувинцы-тоджинцы фактически еще не вовлечены в урбанизационные процессы. Среди горожан преобладают мигранты в первом и втором поколении; им еще предстоит освоить городскую культуру, а городам — улучшить качество среды проживания.

Литература

1. Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке — 1861 г. (до образования Енисейской епархии). — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. — 248 с.
2. Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. — 2012. — № 531–532. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Бреславский А.С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. — 2019. — № 1. — С. 58–67.
4. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. — 1977. — № 6. — С. 23–34.
5. Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. — 249 с.

6. Николаев В.В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. — 2009. — № 3. — С. 213–223.
7. Николаев В.В., Назаров И.И. Урбанизация коренного населения Алтая в XX — начале XXI века (на примере кумандинцев города Бийска) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — Т. 20. — № 3. — С. 149–162.
8. Попов Р.А. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. — М.: ОГИ, 2005. — С. 215–244.
9. Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. — Т. I. — 988 с.
10. Слезкин Ю. Арктические зеркала России и малые народы Севера. — М.: Новое лит. обозр., 2008. — 512 с.
11. Тиникова Е.Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. — 2018. — № 4. — С. 235–257.
12. Тиникова Е.Е. Миграция хакасов в городские поселения Республики Хакасия в постсоветский период: причины, динамика, последствия // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): материалы Сибирского исторического форума. — 2019. — С. 353–356.

Сведения об авторе:

Николаев Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КУМАНДИНЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

И.И. Назаров^{1,2}, В.В. Николаев³

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Научно-образовательный центр «Большой Алтай», г. Барнаул (Россия)

³Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА000002)

Публикация посвящена анализу современных этнокультурных процессов у кумандинцев. В течение XX в. происходило нивелирование этнической культуры, языка и идентичности кумандинцев. К середине XX в. прекратилось проведение праздников, отправление обрядов. Причиной данного процесса были этнополитические и социально-экономические преобразования. Возрождение началось с появлением интереса к собственной культуре и образования общественных организаций. При этом конструирование праздничной культуры стало главным содержанием процесса возрождения.

ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE KUMANDINS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

I.I. Nazarov^{1,2}, V.V. Nikolaev³

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Scientific and Educational Center «Big Altai», Barnaul (Russia)

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

The publication is devoted to the analysis of modern ethnocultural processes among the Kumandins. During the twentieth century, the leveling of the ethnic culture, language and identity of the Kumandins took place. By the middle of the twentieth century, ceased holding holidays, the administration of rituals. The reason for this process was ethno-political and socio-economic transformations. The revival began with the emergence of interest in their own culture and the formation of public organizations. At the same time, the construction of a festive culture became the main content of the revival process.

Начало XXI в. в жизни коренных народов Сибири зачастую связываются с процессами этнокультурного возрождения. Содержательная составляющая данного процесса, начавшегося еще в конце 1980-х гг., включала возрождение родного языка, традиционного хозяйства и культуры, в той или иной степени утраченных в предшествующие годы строительства единой советской общности.

Проблемы этнокультурного возрождения кумандинцев на современном этапе поднимались в работах Д.А. Аткуновой, А.М. Веденина, В.В. Поддубикова, И.И. Назарова, В.В. Николаева и Е.В. Самушкиной, А.В. Торбокова, А.П. Чемчиевой и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6].

В работах большинства исследователей акцентировалось внимание на возрождении традиционных элементов культуры. Одно из главных мест в этом возрождении занимает праздничная обрядность начала XXI в. Наиболее ярко эти процессы отражены в исследованиях по возрождению традиционных праздников коренных малочисленных народов Республики Алтай [1, с. 70; 6, с. 196].

Исследователями А.М. Ведениным и В.В. Поддубиковым отмечалось, что «национальные праздники в основном утратили свое социокультурное значение и в настоящее время являются по большей части этноисторическими реконструкциями с элементами национального фольклора и традиционной обрядности» [2, с. 105].

К середине XX в. традиционная кумандинская культура как целостное явление перестала существовать, что проявилось в прекращении проведения праздников [6, с. 196], отправления обрядов [8, с. 90], в стремительной трансформации материальной и духовной культуры. На этом фоне сохранились лишь отдельные элементы традиционной кумандинской культуры.

Отправной точкой в возрождении и становлении современной кумандинской культуры является обращение людей к истокам своей культуры, к артефактам, сохранившимся в музейных коллекциях. Кумандинское наследие отложилось в центральных и региональных музеях России.

Этнокультурное возрождение у кумандинцев началось с возникновением интереса к собственной культуре. Это подталкивалось нарастанием ассимиляционных процессов, особенно заметных в городах, где и появились первые общественные организации кумандинцев.

Возрожденная кумандинская праздничная культура в начале XXI в. включает в себя несколько мероприятий: фестиваль «Байрам», приуроченный к всемирному дню коренных малочисленных народов, «Коча-кан» — праздник плодородия, обряд «Шолак-колак» — «Журчание и гудение рек во время Великого Потопа», «Жилгаяк» — день весеннего равноденствия, «Тюрюк байрам», или Праздник кедр, проводимый в Турочакском районе Республики Алтай. Формирование программы, подготовка, организация и проведение праздников — во многом заслуга тех кумандинцев, которые в начале XXI в. возглавили национально-культурное движение.

Праздничная программа варьируется, но обычно включает в себя спортивные состязания, угощение традиционными кумандинскими блюдами, исполнение песен и т.д.

Объединяющим моментом современных кумандинских праздников является регулярность их проведения, обусловленная реализацией консолидирующей функции.

Отличительной особенностью современных праздников кумандинцев является их десакрализация и массовость. Сохраняющаяся демонстративная сакральность (например, использование образа шамана, отражающего отличность кумандинцев от окружающих православных) современных этнонациональных собраний выполняет задачу связующей нити между прошлым и настоящим.

Содержательная часть праздников наполнена сохранившимися в основном на семейном уровне элементами культуры: дегустацией национальных блюд, проведением национальных игр, выставок мастеров и выступлением фольклорных коллективов, презентацию воссозданных традиционных нарядов.

Этнокультурное возрождение — явление широко распространенное, включающее «рост интереса к древним традициям и эксперименты на актуальные темы; попытки воссоздания аутентичной этники и стилизация, нивелирующая локальные различия; сакрализация культурного наследия и его активная интеграция в рекреационные и коммерческие региональные схемы. Повсеместно реальностью и результатом этнического ренессанса стали театрализованные праздники и фестивали, центры ремесел, фольклорное движение, эко-стоянки, эко- и этномузеи» [13].

Отличительной особенностью современной кумандинской культуры является конструирование новой обрядности, наряду с возрождением утраченной. После длительного этнокультурного «перерыва», растянувшегося на два поколения и изначально во многом обусловленного внешними факторами, кумандинцы обратились к прошлому своего народа.

На рубеже XX–XXI вв. на волне возрождения кумандинская интеллигенция оказалась в ситуации, когда здесь и сейчас было необходимо продемонстрировать особость своего народа, его этнокультурную специфику. Запрос шел как со стороны разных целевых групп, как самих кумандинцев, ощутивших интерес к своему прошлому, так и от административных структур, предоставлявших различные предпочтения коренным малочисленным народам.

Отсутствие значимого объема сохранившихся образцов кумандинской культуры, фрагментарность культурной памяти, во многом опирающейся на детские воспоминания старшего поколения кумандинцев, обусловило широкие рамки творчества, вылившиеся в конструирование совершенно новых по форме и содержанию обрядов, названием и условным исполнением ритуала отсылающих к этнокультурному прошлому. В конечном итоге, творческие поиски привели к конструированию

праздничной культуры, отвечающей современным задачам кумандинского народа: презентации особенности этнического сообщества и его сплочения. Открытие Красногорского и Бийского этноцентров, деятельность которых напрямую сопряжена с проведением праздников (подготовка фольклорных коллективов, демонстрация изделий декоративно-прикладного творчества и т.д.), позволило перейти к решению насущных проблем: сохранению и межпоколенческой трансмиссии кумандинской культуры. За три десятилетия национально-культурного возрождения оформился ряд этноспецифических маркеров, транслируемых собственному молодому поколению: фольклор и язык, костюм, кухня, декоративно-прикладное искусство в разной степени соответствующих традиции.

Литература

1. Аткунова Д.А. Этнокультурная адаптация коренных народов Северного Алтая в условиях национального возрождения (конец XIX — начало XXI в.). — Горно-Алтайск, 2019. [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/club15326062?w=wall-15326062_4968%2Fall (дата обращения: 21.06.2020).
2. Веденин А.М., Поддубиков В.В. О состоянии уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов (на примере челканцев и кумандинцев) // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 4–2.
3. Назаров И.И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 2. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-39-49.
4. Николаев В.В., Самушкина Е.В. Этнополитические процессы у кумандинцев Алтайского края (на рубеже XX–XXI веков) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск, 2015. — Т. 21.
5. Торбоков А.В. Традиционные праздники Республики Алтай // Исторический вестник. — 2015. — Вып. 9.
6. Чемчиева А.П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12-3.
7. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. — М., 1989.
8. Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX — начало XXI века). — Новосибирск, 2012.
9. Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. — Барнаул, 2013.
10. Саглаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). — Горно-Алтайск, 1974.
11. Уртегешев Н.С. Социолого-лингвистическая ситуация у кумандинцев // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. — 2005. — № 5.
12. Асямов В. Мы выросли в эту землю // Восход. Наши корни. — 2005. — № 82.
13. Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2016. — № 4. DOI: 10.17223/19988613/42/13.

Сведения об авторах:

Назаров Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, директор Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: nazarov@mail.asu.ru

Николаев Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

САКСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАУРЕНА КАСТЕЕВА

Л.И. Нехвядович¹, Г. Фрадкина²

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Государственное учреждение «Комплекс «Музыкальный колледж — музыкальная школа-интернат для одаренных детей», г. Павлодар (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье рассматривается творчество казахстанского художника начала XXI в. Даурена Кастеева. Анализируются сакские мотивы в его сюжетно-тематических произведениях. В своем творчестве художник активно популяризирует, сохраняет и возрождает национальную идентичность, сакские мотивы в традициях казахского народа.

SAKIAN MOTIVES IN THE WORKS OF THE DAUREN CASTEEV

L.I. Nekhvyadovich¹, G. Fradkina¹

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²State Institution «Complex «Music college — music-boarding school for gifted children», Pavlodar (Kazakhstan)

The article deals with the work of the Kazakhstan artist Dauren Kasteev. This is the beginning of the XXI century. Saki motives are analyzed in its plot-thematic works. The artist actively popularizes, retains and revives national identity, Sakian motives in the traditions of the Kazakh people.

Фактически современное искусство Казахстана развивается на основе духовной культуры исторического прошлого народа. Исторические корни охватывают все сферы жизнедеятельности человека. В судьбе каждого народа трагические и героические события оставляют сильный отпечаток в памяти глубоко и надолго. В творчестве казахстанского художника Даурена Кастеева (1979) эти события нашли отражение в сюжетно-тематических произведениях. В своем творчестве художник активно популяризирует, возрождает национальные истоки в сакских мотивах, выраженных в традициях культурного наследия казахского народа.

Анализ литературы. Творчество Д. Кастеева унаследовало семейные традиции возрождения самобытности казахского изобразительного искусства казахской национальной школы [1, с. 135]. Анализируются традиции и новаторство в современной казахстанской живописи [2, с. 67]. Публикации, выставки и галереи отражают весь спектр многогранности работ [3].

Цель статьи — проанализировать сакские мотивы в сюжетно-тематических произведениях казахского живописца Д. Кастеева.

Изложение основного материала. Даурен Кастеев, 1979 г.р., член союза художников Республики Казахстан и общественный деятель. Обучался в городе Алматы в 1993-1997 гг. в республиканском художественном колледже по специальности «Живопись и графика». В 2001 г. окончил Государственную художественную академию искусств им. Т. Жургенова по специальности «Монументальная живопись».

Творчество Даурена Кастеева многогранно. На жанровый выбор художника повлияло творчество прославленного деда Абылхана Кастеева. Он участник республиканских и международных выставок. Его картины, такие как «Аныракайская битва», удостоены диплома в Республиканском выставочном конкурсе «Казахский народный эпос». Сейчас работа выставлена в музее им. А. Кастеева (2012 г.). В 2016 г. заняла 1 место в выставке-конкурсе «Независимость, завещанная предками» к 25-летию Независимости Республики Казахстан — «Бабалараңсаған Тәуелсіздік». Произведение приобретено в ГМИ РК им. А. Кастеева в городе Алматы — триптих «Ақтабан шұбырынды». Работы автора широко представлены в республике и за рубежом. Даурен Кастеев никогда не скрывал свое отношение к знаменитой фамилии деда. Наоборот, гордился им, потому что сохранил первые сильные впечатления из детства. Художник говорил, что графические работы художника Агимсала Дузельханова (мужа тети Гульназы, дочери Абылхана Кастеева) на сакские темы положили начало исследования и творческих поисков молодого художника.

В годы независимости тема национальной самоидентификации и самосознания в 1990-е гг. были в «зародышевом» состоянии. Исторические темы героизма и трагедии казахского народа всегда волновали художника Д. Кастеева. Его интересуют узловые моменты в истории казахского народа, знаковые факты.

С 2010 г. Даурен Кастеев начинает серию работ «Под знаком волка — тюркская рапсодия». Образ волка в одной из картин «Утро перед боем» собирательный, так как сам по себе включает все: любовь, месть, страсть и ярость, огонь и тьму, жизнь и смерть, — все это стало воплощением ядра казахского фольклора в легенде «волк-сырттанах», выступающем в качестве оружия «исполнитель фатальности судьбы, предначертания» [4, с. 99]. Бело-голубой фон пейзажа и образ волка, восстающий из туманной дымки, объясняет значимость своего появления, одухотворения из небытия в бытие. Как пишут М.С. Султанов и Н.А. Михайлова в статье «Волк в шаманской натурфилософии кочевников Центральной Азии», «как бы не сопротивлялся человек, волк все равно исполнит предначертанное, проявив в полной мере все свои звериные повадки: хитрость, ум, умение выждать и беспощадность» [5, с. 28].

Так, символ волка выступает как прародитель рода Чингиса. Об этом упоминает Х. Короглы в одной из своих работ «Огузкий героический эпос». Автор подчеркивает, что сам Чингис был «рожденным от луча Солнца и серого волка» [6, с. 76].

Мотив волка персонифицирует собой синее небо «Көк Тэнгри», отсюда само название «небесные». В образе волка сама природа «оберегает тюрков» и определяет феномен тенгрианства. Г. Аюпов тем самым маркирует северо-восточный концепт натурфилософии номадности, как одного из важных направлений [7, с. 121]. В 2012 г. на художественном конкурсе «Эпос Казахстана» отмечена дипломом работа «Анракайская битва». В 2016 г. автор создает сюжетно-тематическое полотно триптих «Ақтабан шұбырынды» (в переводе с казахского языка «Годы великого бедствия»). Это многофигурное монументальное полотно с обзорной панорамой, ярким эмоциональным накалом, кульминационным преломлением и «противостоянием» в трех частях. Первая часть — «Молитва», вторая часть «Плач народа», третья часть «Первое ополчение». В первой части «Дуа» изображена девочка, которая просит о защите. Женское начало чистоты в центре полотна. На фоне разрухи и боевых сражений художник акцентирует ее безмятежный вид. Вся динамика сосредоточена на переднем плане. В центре композиции сидящая девочка со сложенными руками на груди. Все говорит о безысходности, трагедии. Ее окружает разруха, разбитые колеса, скирды, обрывки одежды. В рассеивающемся туманно-сером тумане на заднем плане бродящие по степи кони, люди, всадники,двигающиеся в хаотичном направлении. Уставшие и обреченные изможденные «объекты» создают общую атмосферу расветной тишины, умиротворения. Художнику удалось создать собирательный образ трагического и одновременно героического мотива, духа казахского народа, независимого и сильного. Вторая часть триптиха, «Плач народа», в центральной части раскрывает весь замысел полотна, композиционно точно объясняет идею замысла, народной трагедии, замыкает череду события. Джунгары многочисленны: калмыки, ойраты, эдюты, западные монгольские племена, народы Алтая. При поддержке тибетских лам они создали в начале 17 века Джунгарское ханство. Как пишет Ш. Уалиханов, «джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили казахов, сгоняли скот, уводили в плен целые семейства...». По историческим сведениям, отмечает Ш. Кудабердиев, бедствие сравнимо с нашествием «Золотой Орды Чингисхана», так как погибло почти две трети казахов. Разрушение и голод, странствие по степи, лишение крова, привычного образа жизни и страдания привели к «Годам великого бедствия». В третьей части «Первое ополчение» показан образ последнего хана Тауке, победителя, вождя, народного «мстителя», знаменующего скорую победу. Триптих объединяет синевато-дымчатая палитра, тем самым обобщая дух времени «Тенгри».

В картинах Д. Кастеева преобладают белые и голубые тона. Север всегда вносит в мир кочевников ассоциацию с духом предков. Неслучайно тон триптиха в белом тоне. Восток всегда у тюрков олицетворял ветер и воздух. Особую значимость для кочевников имеют персонажи орел, медведь, волк, создающие «мир темной обители» [8, с. 127].

Сюжетная тематика полотен раскрывает трагические и героические времена для казахского народа. Отличительная черта всех полотен художника состоит в том, что они представляют собой монументальные произведения широкоформатной обзорной панорамой. Многофигурные композиции с образами героев из народа, полководцами, ханами, батырами, крупными общественно-политическими деятелями, изменившими ход истории [9, с. 121]. Крупный план событий, мельчайшая детализация событий, обобщенный проспект заднего фонового плана — все это создает динамику полотен. Пейзаж играет важную доминантную функцию в работах, показывая время года и суток, досказывает мотивацию героя, оправдывает поступки и действия. Художник на преломлении золотого сечения перспектив дает освещение цветовой и световой гаммы, что вносит полемику в сюжет в тематическом тексте картины. Даурен Кастеев кропотливо прорисовывает костюмы, доспехи, орнаментику, положение, экипировку, украшенную серебрением, чеканкой, литьем с отделкой драгоценными камнями. Одежда простого люда описана реалистично, без украшений и излишней помпезности, «натурально», создает впечатления дополнительных страданий от ветхости в ее состоянии. Важную роль играют небо, облака в туманно-сумрачных тонах. Залитые золотом лазурные доспехи в пик сражения оправдывают цели и стремления героя в критической ситуации оправдать свои действия. Так эмоционально-чувственное начало трансформируется в повествование и составляет красочную мозаику документальных кадров [10, с. 596].

Выводы. Без всяких сомнений, Даурен Кастеев — один из самых перспективных казахстанских художников, внесший огромный вклад в развитие национального казахского искусства в сюжетно-тематических произведениях. Особенность творческого метода Д. Кастеева заключается в ряде элементов, складывающихся из сопоставления исторических исследований и воспроизведения документальности событий через личное переживание и индивидуальное видение национальных истоков; анализа тенденций натурфилософии в понимании зооморфизма, отчасти пантеизма применительно к произведениям; обобщения тенгрианства, как «исконно традиционной» религии коллективного духа тюркского народа; в создании образов, апеллирующих не только к эпическим и фольклорным сю-

жетам, мистике, легендам, но и выражающих исторически-событийные факты, включая народных героев, ханов, великих полководцев казахского войска; в переплетении временных, пространственных категории объектов, предметов, в выражении Человека как части природы, наделенного любовью к бесконечному познанию, в силу разума в безграничной возвышенной народной мудрости; что прослеживается во всех работах взаимодействия этнокультуры и природной среды. Н.Г. Гердер отмечает, что «культура народа — это цвет его бытия. Традиции — вот мать языка и начала культуры». Исследовав историю саков, художник обогатил свои полотна новыми сюжетами и образами. Таким образом, в творчестве художник сумел продолжить традиции, начатые классиками казахской живописи в возрождении и активной популяризации национальных истоков в преломлении сакских мотивов как одной из важных составляющих традиций казахского народа в целостной концепции самосознания культуры и ее идентичности.

Литература

1. Нехвядович Л.И., Мелехова К., Ибрагимов А., Фрадкина Г.Б. Methodological traditions of art criticism in the development of pedagogy of art // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Scientific and Practical Conference on Education, Health and Human Wellbeing*. — Barnaul, 2019. — Pp. 19-23. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iceder-19/articles> (дата обращения: 20.09.2020).
2. Султанова М.Э., Михайлова Н.А. Волк в шаманской натурфилософии кочевников Центральной Азии // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. — 2013. — № 3. — С. 135-143.
3. Бисенбаев А. К. Мифы древних тюрков. — Алматы: Ан-Арыс, 2008.
4. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tengrinews.kz/fotoarchive/kak-v-skazke-739/>
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: ККИК, 1993.
6. Гумбатова Р.Р. Лексико-семантическое поле зоонима «волк» в русском и тюркских языках // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2017. — № 3-4. — С. 28-31.
7. Короглы Х. Огузский героический эпос. — М., 1976. — С. 76.
8. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение: монография. — Алматы: КазНПУ им. Абая; КИЕ, 2012. — 256 с.
9. Асылбеков М.Х., Алдажуманов К.С. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. — Алматы: Атамура, 2000. — 3 т. — С. 121-147.
10. Фрадкина Г.Б., Нехвядович Л.И. Специфика сюжетно-тематической картины в творчестве казахстанских художников начала XXI века // *Theory and practice of science: key aspects: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference*. — Rome, Italy, 2021. — Pp. 596-607. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interconf.top/documents/2021.02.19-20.pdf>. DOI: 10.51582/interconf.19-20.02.2021.060.

Сведения об авторах:

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, ассоциированный профессор, директор Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: lar.nex@yandex.ru

Фрадкина Гелла, аспирант, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), преподаватель, заведующая отделением «Теория музыки» ГУ Комплекса «Музыкальный колледж — музыкальная школа-интернат для одаренных детей» (Павлодар, Казахстан). E-mail: gella_pavlodar@mail.ru

«ХОТЬ НАРОД НАШ РАЗОБЩЕН, НО ВСЕ УЗБЕКИ ДЕВЯНОСТО ДВУХ ПЛЕМЕН...» ТУРДЫ ФАРАГИ — ПЕРВЫЙ УЗБЕКСКИЙ КОНСТРУКТИВИСТ?

Э. Асанов

Национальный центр археологии АНРУЗ, Ташкент (Узбекистан)

XVII век характеризуется масштабным сдвигом в этнической и хозяйственной структуре в центральных областях Маверауннахра. Стремительным ходом шел процесс оседания узбекских кочевых племен, начавшийся еще в XVI в. Однако переход к оседлой жизни сопровождался конфликтами этнического и социального характера. Этот сложный период в истории узбекского народа был описан малоизвестным поэтом Турды Фараги — очевидцем и непосредственным участником бурных политических событий. В его работах отражен своеобразный «национализм до наций» — попытка представить единое узбекское политическое объединение. Ниже мы постараемся понять причины возникновения взглядов Фараги в контексте политической обстановки XVII в.

“AT LEAST OUR PEOPLE ARE DISCOVERED, BUT ALL THE UZBEKS OF NINE AND TWO TRIBES ...” FARAGI TURDS ARE THE FIRST UZBEK CONSTRUCTIVIST?

E. Asanov

National Center for Archeology ANRUZ, Tashkent (Uzbekistan)

The 17th century is characterized by a large-scale shift in ethnic and economic structure in the central regions of Maverannahr. The process of settling of the Uzbek nomadic tribes, which began in the 16th century, proceeded at a rapid pace. However, the transition to a settled life was accompanied by conflicts of an ethnic and social nature. This difficult period in the history of the Uzbek people was described by the little-known poet Turdy Faragi — eyewitnesses and a direct participant in turbulent political events. His works reflect a kind of «nationalism before nations» — an attempt to present a single Uzbek political association. Below we will try to understand the reasons for the emergence of Faragi's views in the context of the political situation in the 17th century.

Всякий любитель классической тюркской поэзии на чагатайском (и не только) языке знает, что она насквозь пропитана лиризмом. Любовная тематика, вне зависимости от ее интерпретации различными литературоведческими школами, занимает центральное место в поэтическом наследии тюркских языков: диваны и беязы (различные форматы сборников классической поэзии) изобилуют газелями, мухаммасами, описывающими переживания влюбленного лирического героя, сюжеты классических поэм также построены на популярных восточных любовных историях Лейли и Меджнуна, Бахрама и Гюлендама, Хосрова и Ширина и пр.

Разумеется, некоторые авторы старались выходить за рамки заданных традицией тем и форм. Тем не менее даже в таких случаях большинство авторов и не думали об использовании своего таланта для описания политических и общественных реалий, ограничиваясь сетованиями на беспощадность судьбы, старческие невзгоды и несправедливость правителя.

Удивительным исключением является творчество бухарского поэта XVII в. Турды Фараги. В своей поэзии он часто обращается не только к общественно-политической, но подчас «национальной» (если это определение можно использовать применительно к тому времени) риторике.

Даже поэты середины XIX в. не обращали никакого внимания на этническую или политическую идентичность, лишь иногда затрагивая религиозное самосознание. Если они и упоминают какие-нибудь идентичности, то устаревшие и исключительно в рамках устоявшихся поэтических образов («чин кўзлу» — «с китайскими (раскосыми) глазами», «мушки тотор» — «татарский мускус», «канди мисрий» — «египетский сахар» и пр.).

А Турды Фараги задолго до них описывает концепцию единого узбекского народа, которая позднее — в конце XIX в. и начале XX в. вновь проявится в деятельности среднеазиатских модернистов — джадидов. Его популярный бейт (двустихье), ныне известный каждому узбекскому школьнику, звучит как будто из сегодняшнего дня, а не из глубины позднего средневековья:

Тор кўнгулук беклар, манман деманг, кенглик қилинг,
Тўқсон икки бовли ўзбек юртидур, тенглик қилинг.

Перевод:

Тщедушные беки, не будьте заносчивы, будьте великодушны,

Это страна узбекская, (состоящая) из девяносто двух колен, будьте равны со всеми.

Для понимания взглядов Турды необходимо обратиться непосредственно к эпохе, когда они возникли. Но перед этим я бы хотел остановиться на истории изучения творчества Турды Фараги и проанализировать современные интерпретации его поэзии.

Вхождение в пантеон. Турды, по всей видимости, не был известным поэтом ни при жизни, ни после. Его имя не упоминается в тазкирах (антологиях), стихотворения не встречаются в сборниках; поздние поэты не знали его, не слагали тазмины и мухаммасы (подражания) на его газели. Литературный вкус, конечно, всегда относителен, однако даже профессиональные литературоведы признают в частных беседах, что он его произведения не отличаются особым литературным талантом (писать об этом считается моветоном). Возможно, мы никогда не узнали бы о нем, если бы не сборник его стихотворений, обнаруженный в фонде рукописей Института востоковедения имени Бируни Академии наук Узбекистана.

Сборник включает всего 432 миср (поэтических строк), или 17 стихотворений, 15 из которых — на чагатайском языке, 2 — на фарси [1, с. 48; 3, с. 179].

Отдельные произведения из этого сборника были включены в третий том антологии узбекской литературы, опубликованный в 1959 г. [5, с. 282]. По всей видимости, внимание составителей при-

влек остросоциальный характер поэзии Турды: в своих стихах он резко критикует аштарханидского хана Субханкулихана, узбекскую племенную знать, смело пишет о социальных, политических событиях своего времени. Марксистская парадигма гуманитарной мысли предполагала, что история, в том числе история культуры состоит из классовых борьбы; советские литературоведы любили диахронно/ретроспективно искать классовые конфликты и пролетарскую риторику в классической поэзии. Турды Фараги в этом смысле был настоящей находкой для узбекской классической литературы.

Позднее, в 1967 г. был опубликован другой фундаментальный труд под авторством знаменитого узбекского советского филолога Вахида Абдуллаева — вторая книга «Истории узбекской литературы». Турды Фараги был включен в данную работу наряду с такими классиками поэзии узбекских ханств, как Бабарахим Машраб, Мевляна Вафа Хорезми, Мухаммад-Нияз Нишати, Шер-Мухаммад Мунис, Надира, Увайси, Агахи. Звездный час безвестного и малопродуктивного средневекового поэта родом из окрестностей Самарканда предопределил его судьбу в качестве символического капитала — он был признан именитым узбекским поэтом, которого отныне молодые узбеки узнали из школьных учебников по литературе.

Удивительно постфактумно-современные интерпретации и оценки получило его творчество. Вот как характеризует суть поэзии Турды вышеупомянутый Вахид Абдуллаев в названном труде [1, с. 48]: «Турды (псевдоним — Фараги) является одним из крупнейших представителей демократической литературы. Турды, прошедший сложный жизненный и творческий путь, своими лучшими произведениями внес важный вклад в рост гражданских мотивов в социальной сатире в истории узбекской литературы».

Другой именитый узбекский филолог — Натан Маллаев в своей «Истории узбекской литературы» для учеников высших классов, опубликованной в 1990 г., дает очень схожую оценку творчеству Фараги [3, с. 179]: «Талантливый поэт Турды стал литератором, усилившим юмор и критику в узбекской демократической литературе».

Банально будет сказать, что Турды был бы удивлен, узнай, что его считают демократическим поэтом. Также никакого представления о гражданских мотивах он, разумеется, не имел. По крупицам биографии, собранным из его же произведений, вырисовывается отчетливый образ обедневшего представителя племенной знати, получившего хорошее образование, в совершенстве владеющего чагатайским и персидским языками, некоторое время служившего при дворе, позднее попавшего в немилость и примкнувшего к оппозиционно настроенной аристократии.

Для понимания сути этого противостояния между племенной аристократией и ханской властью вкратце пройдемся по истории возникновения оазиса узбекской оседлости — Мианкаля. Именно эта область стал центром бурных политических событий, в которых принимал участие наш герой.

Узбекский опыт урбанизации. В центральной части долины Зеравшана, в дельте этой реки, где она делится на два русла — Кара-Дарью и Ак-Дарью, находится обширная область под названием Мианкаль. Эта территория была облюбована еще Шейбани-ханом, по чьему приказу в 1502 г. была построена плотина, разделившая Зеравшан на Ак-Дарью и Кара-Дарью. Однако завоевательная деятельность не позволила основателю нового узбекского государства сконцентрироваться на политике переселения узбекских племен на новые территории.

В 1510–1529 гг., в эпоху следующего узбекского хана — Кучкунджи-хана правителем Мианкаля был назначен Шибанид Джани-бек Султан, внук основателя Узбекского ханства Абулхайр-хана. Его правление ознаменовалось интенсивным переселением узбеков в Мианкаль. В 1503–1509 гг. Джани-бек Султан правил Ферганской областью, где он познакомился с духовным лидером Махдуми Аазам Касани (1461–1542). По приглашению Джани-бек Султана он переселился в Мианкаль. В дальнейшем он и его сподвижники приняли активнейшее участие в деле распространения среди узбеков основ ислама. Параллельно с исламизацией происходил переход к оседлой жизни. Заселению захваченных территорий придавалось огромное значение. Однако ввиду ограниченности пастбищ узбекской элите приходилось искать баланс между кочевым хозяйством и оседанием кочевников, прибывающих из Дешти-Кыпчака.

В XVII в. данный процесс усилился. Постепенный экономический и политический спад узбекской государственности при династии Джанидов, вызванный войнами с Сефевидами и междоусобной борьбой, разруха и междоусобицы привели к тому, что военное сословие более не могло промышлять лишь набегами в соседние страны и служением ханам. Эти обстоятельства создали неблагоприятные условия для дальнейшего развития кочевого вида хозяйствования. Все возрастающее кочевое и полукочевое народонаселение нуждалось в постоянном источнике пропитания. Процесс оседания узбекских племен Зеравшанской долины приобрел новые масштабы, однако вызвал новые экономические

проблемы, которые послужили причиной серии восстаний между 1680–1820 гг. Наиболее масштабным событием был бунт китай-кыпчаков в 1821–1825 гг. [2, с. 11].

Восстание племенной аристократии Зеравшана 1680-х гг. является первой вехой будущих политических потрясений.

Восстание юзов Мианкаля. В 1681 г. пятый хан из династии Джанидов — Абдулазиз-хан отказался от престола в пользу своего брата, наместника Балха Субханкули-хана. Последний прибыл в столицу в начале сего года, 2 февраля была прочитана хутба с его именем.

Начало ханской карьеры Субханкули-хана была ознаменована масштабными репрессиями в отношении племенной знати, занимавшей влиятельные чины при Абдулазиз-хане. Среди попавших в немилость нового хана были и аксакалы племени юз, одним из которых являлся наш герой — Турды Фараги.

От того, каким авторитетом в ханском дворе пользуются аксакалы, зависела судьба их племени: наиболее влиятельные старейшины добивались лучших земель, налоговых льгот для своих соплеменников. Удаление от престола старейшин юзов означало, что они проиграли племенную конкуренцию.

В 1685 г. значительная масса узбеков, ведомая племенными лидерами, собралась у мечети Намазгах в Бухаре. Субханкули-хан приказал войскам атаковать инсургентов. Плохо вооруженное племенное ополчение быстро потерпело поражение и отступило в Зияуддин.

Преследование восставших продолжалось до Мианкаля. К ним примыкали большие массы узбеков, недольные политикой перехода к оседлости. Несмотря на то, что в 1686 г. восстание приобрело широкий размах, оно было подавлено. Лидеры восстания были вынуждены бежать в периферийные районы Бухары, слабо подчиняющиеся центру, а также в полунезависимые владения. Турды Фараги попал в Ходжент, о чем мы узнаем из его обращения к правителю Ходжента и Ура-Тюбе Окбутабию.

Национализм до наций. События, вкратце описанные выше, послужили причиной идеологического озарения Турды Фараги. Борьба между племенными лидерами, дворцовые интриги, за которыми ему приходилось наблюдать, привели его к идее о единстве всех узбекских племен. В своих газетях, написанных в этот период жизни, он призывает узбекские роды к объединению:

Хоть народ наш разобщен, но ведь это все узбеки девяносто двух племен.

Называемся мы разное, — кровь у всех одна — мы один народ, и должен быть у нас один закон.

Он упоминает конкретные племена, которые считает частью единого узбекского народа:

Внемлите беки! О других хоть раз подумать вы должны,

Народ узбекский разобщен — друг другу роды не равны.

Один зовется кипчаком, другой — уйгур, а третий — юз,

Мы неделимая семья, с душой единой рождены.

По следующим стихам можно предположить, он быстро разочаровался в попытке объединить узбеков в единое целое. Он утверждает, что узбеки не являются мусульманами:

Мусулмон билма асло ҳеч мазҳаб йўлида ўзбек,

Буларнинг куфрига бил-иттифоқи жумла йўқдур шак.

Перевод:

Отнюдь не считай, что узбек является мусульманином,

Нет никакого сомнения в его неверности.

В некоторых моментах он противопоставляет узбека сарту:

Ўзбек ўғли ўқуса тафсир ила мишкатни,

Рўз савму шаб қиём афзун этиб тоатни,

Етса тарожи ҳаводис, жамъ ўлуб авбоша дер:

«Саҳмгин солиб сурон ур, молин олғил сартни».

Турды является первым местным автором, использующим термин «Узбекистан», правда, не в благоприятном контексте:

Дур ахду танг чашму бесару яъжужвазь,

Мухталиф мазҳаб, гурухи Ўзбекистондур бу мулк.

Данную форму примитивного конструктивизма Валерий Тишков называл «национализмом до наций» [4, с. 78]. Эти взгляды Турды не получили популярности в свое время — они оказались слишком прогрессивными и опередили время. Через 200 лет его идеи получают развитие в деятельности джадидов.

Литература

1. Абдуллаев В.А. Ўзбек адабиёти тарихи. Иккинчи китоб. — Ташкент: Ўқитувчи, 1967.
2. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. 1821–1825 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
3. Маллаев Н.М., Каримов Ф.К., Исмаилов С.И. Ўзбек адабиёти тарихи. 9-синф учун. — Ташкент: Ўқитувчи, 1990.
4. Тишков А.В. Российский народ. — М.: Просвещение, 2010.
5. Ўзбек адабиёти. Учинчи том. — Ташкент: ЎзССР давлат бадиий адабиёт нашриёти, 1959.

Сведения об авторе:

Асанов Эльдар, Национальный центр археологии АНРУЗ (Ташкент, Узбекистан). E-mail: eldarassanov88@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В.Г. Кокоулин^{1,2}

¹Научно-исторический журнал «Сибирский Архив», г. Новосибирск (Россия)

²Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск (Россия)

В докладе сделан обзор основных исследователей и их проблематики по темам Большого Алтая в современной Турции. Отмечается, что основными проблемами являются этнографические, фольклорные и лингвистические исследования. Публикации на археологические и исторические темы представлены незначительно и носят вторичный характер.

STUDY OF HISTORY, ETHNOGRAPHY AND LANGUAGES OF THE GREAT ALTAI IN MODERN TURKEY

V.G. Kokoulin^{1,2}

¹Scientific and historical journal “Siberian Archive”, Novosibirsk (Russia)

²Siberian University of consumer cooperation, Novosibirsk (Russia)

The report provides an overview of the main researchers and their problems on the topics of the Great Altai in modern Turkey. It is noted that the main problems are ethnographic, folklore and linguistic studies. Publications on archaeological and historical topics are represented only slightly and are of a secondary nature.

Интерес к истории и языкам Большого Алтая в современной Турции связан с тремя основными факторами: здесь находилась предполагаемая прародина тюркских народов, часть языков Большого Алтая относится к тюркской группе и очевидны этнографические параллели между народами, проживающими на этой территории, и тюрками-османами, проживающими в Турции.

Под Большим Алтаем в современной Турции имеют в виду территорию не только Горного Алтая в РФ, но и часть Казахстана, Киргизии, Монголии и Китая. То есть это историко-географический регион, не совпадающий с современными политическими границами.

Однако следует отметить и ограниченность исследовательской проблематики относительно Большого Алтая в современной Турции. Подавляющее большинство работ на эту тему связано с изучением алтайского, киргизского, казахского и уйгурского языков, а также с фольклором и этнографией народов Большого Алтая, как правило, в сравнении с турецкими сюжетами и героями. Самостоятельных археологических исследований на этой территории современные турецкие исследователи не проводят, а результаты исследований российских или казахстанских ученых в научный оборот в Турции не введены, поскольку подавляющее большинство публикаций сделано не на английском (и тем более не на турецком) языке. Аналогичная ситуация с историческими исследованиями — отдельные публикации на эту тему выполнены, как правило, по вторичным источникам, по имеющимся переводам на турецкий или английский язык работ классиков, часть которых к настоящему времени или устарела, или нуждается в серьезных уточнениях.

Институционально исследования на эту тему в современной Турции сосредоточены в университетах, преподаватели которых работают по той или иной теме. В Турции также имеется Академия наук, но в отличие от РФ, Академия наук в Турции основана сравнительно недавно — в 1993 г. и занимается она определением приоритетных научных направлений и подготовкой предложений для

изменения законодательства, а также в ее функции входит присвоение ученых степеней и званий. Собственно академических институтов, которые занимаются тюркологическими исследованиями, в Турции нет. Поэтому научно-исследовательская работа сосредоточена в университетах. Следует отметить, что турецкий университет имеет в своем составе различные факультеты — инженерный, медицинский, педагогический, сельскохозяйственный и т.д., в том числе и факультет — *Fen-Edebiyat fakültesi*, название которого можно перевести как «факультет наук и искусств». В составе таких факультетов есть отделения истории, а также турецкого языка и литературы. Преподаватели этих отделений и занимаются в основном историко-культурологическими и лингвистическими исследованиями, связанными с Большим Алтаем.

Какой-либо закономерности в распределении алтаеведческих исследований по турецким университетам нет, поскольку это связано не с институциями, а с конкретными исследователями, которые занимаются данной проблематикой, а они работают в разных университетах.

Например, известный турецкий лингвист д-р Четин Пекаджар работал сначала в университете Гази в Анкаре (это один из ведущих турецких университетов, в котором учится примерно 36 тысяч студентов, в том числе 1,5 тысячи из тюркоязычных стран Средней Азии), в настоящее время работает в университете Хаджи Байрама Вели (основан в 2018 г. из выделившихся из университета Гази факультетов гуманитарного и социально-экономического профиля). Д-р Четин Пекаджар занимается исследованиями кумыкского языка и фольклора, но в своих работах он затрагивает проблемы киргизского и алтайского языков [14].

В этом же университете работает д-р Ибрагим Дилек (также ранее работавший в университете Гази), специализирующийся в области мифологии и фольклора тюркских народов Сибири. Среди его исследований есть публикации, посвященные алтайским праздникам Алтай кёдюрдени (букв. «Восхваление Алтаю»), «Чага байрам» и празднику «Жылгаяк» [4].

Д-р Хюлья Касапоглу Ченгель, также работающая в университете Хаджи Байрама Вели, специализируется в области кыпчакских языков. Среди ее работ есть публикации, посвященные языку киргизского эпоса «Манас» [3].

Если говорить об исследователях на темы Большого Алтая из Анкары, то следует назвать еще одного лингвиста, Эйюпа Баджанлы, который работал в Экономическом и технологическом университете в Анкаре. Среди его работ есть несколько статей, посвященных особенностям алтайского языка [1, 2].

В университете Анкары работает крупнейший турецкий лингвист Тунджер Гюленсой, написавший несколько монографий, посвященных истории турецкого языка. При изучении турецкого языка и его диалектов он обращается не только к другим тюркским языкам, но и к монгольскому языку, разрабатывая проблемы алтайской семьи языков [9].

В Эгейском университете в Измире в Институте исследования тюркского мира преподает д-р Ферхат Тюрклер, основные труды которого посвящены мифологии тюркских народов. Среди его исследований есть публикация, посвященная мифологическим персонажам алтайского фольклора [15].

В Университете 9 сентября в Измире в Центре исследования археологии Кавказа и Средней Азии работает д-р Семих Гюнери. Основная тема его исследований — происхождение тюрков. Для обоснования алтайской прародины тюрков он привлекает результаты археологических исследований, сделанных на территории Большого Алтая [10]. К сожалению, многие работы, хорошо известные в России, уважаемому профессору оказались недоступными из-за того, что они написаны на русском языке и не имеют английского перевода.

Крупный специалист по фольклору тюркских народов д-р Абдуллах Элджан преподает в университете в Мерсине. Его основные работы — словари и энциклопедии, посвященные тем или иным темам. Так, им собраны и переведены на турецкий язык алтайские загадки, термины, относящиеся к пище и лошади у алтайцев и т.д. [5, 6, 7, 8].

В Университете Мустафы Кемала в Антакье преподает крупный специалист по истории турецкого языка д-р Ахмет Хашими. Он анализирует язык классических текстов на тюркских языках и развивает теорию алтайских языков. Одна из его работ посвящена изучению языка «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского [11, 12].

Профессор Фатих Юналь работает в университете в городе Орду. Основная тема его исследований — деятельность путешественников, миссионеров и посланников и их заметки о тюркских народах. Одна из статей Фатиха Юналя посвящена освещению истории алтайцев в сочинениях члена Алтайской духовной миссии, этнографа и лингвиста Василия Ивановича Вербицкого [16].

В университете в Кырыккале преподает д-р Сема Ёналь. Основная тема ее исследований — философские проблемы классических авторов. С этих позиций она рассматривает и фольклорные про-

изведения, в том числе и «Кутудгу Билиг» Юсуфа Баласагунского и «народную мудрость» в эпических текстах алтайцев [13].

Исследователи проблем Большого Алтая в Турции взаимодействуют не на институциональном уровне, а на личных контактах и общении, выступая с докладами на конференциях и публикуясь в сборниках статей, посвященных алтаистике.

Одна из таких постоянных конференций «Алтайское сообщество» ('Altay toplukları') организуется при активном участии такой организации в Турции, как İSTESOB (İstanbul Esnaf ve Sanatkarlar Odaları Birliği) — стамбульское общество ремесленников и мастеров народного творчества, которое является одним из главных спонсоров издания тематических сборников данных конференций. В настоящее время уже прошли конференции, посвященные миграциям, алтайским языкам, религиозным верованиям и семейным ценностям, а также сборник статей тюркологов, алтаистов и монголоведов, посвященный профессору Кыргызского государственного университета и ректору Кыргызско-Турецкого университета «Манас» Карыбеку Молдобаеву. Особенности этих сборников является то, что статьи в нем публикуются не только на турецком и английском языках, но и на казахском и киргизском, что, конечно, затрудняет их введение в научный оборот в России.

В ближайшее время не приходится ожидать каких-либо существенных изменений в организации и тематике научных исследований по темам Большого Алтая в современной Республике Турция. Однако устойчивый научный интерес к этой проблематике сохраняется и развитие научного сотрудничества представляется перспективным.

Литература

1. Bacanlı, Eyüp. Altay Türkçesinde Şimdiki Zamanın Ek Fiili ve İsim Cümlelerinde Şahıs Bildirimi // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. 2007 Eylül. Cilt 4. — Sayı 3. — Ss. 52–67.
2. Bacanlı, Eyüp. Altay Türkçesindeki -atan Ekının Görünüş-Zamansal ve Kiplik Anlamları // Türkbilgi. Güz 2010. — Sayı 55: 71–92.
3. Çengel, Hülya Kasapoğlu. Manas Destanında Heyecan ve Coşku Cümleleri // Yüzüncü Yıl Üniversitesi Manas Bilgi Şöleni Bildirileri 12–13 Ekim 1995. — Van, s. 50–65.
4. Dilek, İbrahim. Altay Bayramları // Türk Dünyasında Nevruz ikinci bilgi şöleni bildirileri. — Ankara, 19–21 Mart 1996. — Ss. 331–336.
5. Elcan, Abdullah. Vocabulary about Horse in Altay Turkish. — İstanbul, 2017. — 699 s.
6. Elcan, Abdullah. Vocabulary about Utensils in Altay Turkish. — İstanbul, 2017. — 281 s.
7. Elcan, Abdullah. Altay bilmeceleri // Türk Dünyası bilmeceleri. İstanbul, 2021. — 4. Cilt. — Ss. 1645–1727.
8. Elcan, Abdullah. Altay Kahramanlık destanı Ak-Konır üzerine bir inceleme // 15. Uluslararası Türk dünyası sosyal-bilimler Kongresi. Komrat-Gagavuzya, Moldova. 11–12 Eylül 2017. — İstanbul, 2017. — Ss. 541–551.
9. Gülensoy, Tuncer. Altayistic, Mongolistic and Anatolian dialekt. — Ankara, 2000.
10. Güneri, Semih. Yeni bir Türk Tarih tezi olarak Türk-Altay kuramı: ana hatlar // Cevat Başaran'a 60. yaş armağanı. — Ankara, 2019. — Ss. 693–748.
11. Haşimi, Ahmet. Kutadgu Bilig'de pekiştirme amacıyla kullanılan sesbirimler, biçimbirimler, sözcükler ve sözcük grupları // Kırıkkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — Ocak 2021 Cilt: 11, Sayı: 1. — Ss. 19–33.
12. Haşimi, Ahmet. Altay dilleri teorisi ve İbni Mühenna Lügati'ndeki 'Zetaizm//Rhotasizm' örnekleri üzerine bazı değerlendirmeler // Korkut Ata Türkiyat araştırmaları dergisi. — 2021. — 4, 93–103.
13. Önal, Sema. Altay Türklerinde Ata kültürü, aile ve tarih bilinci // Altay toplukları: Aile ve Aile değerleri. — İstanbul, 2019. — Ss. 269–278.
14. Pekacar, Çetin. Kırgız ve Altay türkçelerinde Emey kelimesi üzerine // Dil Araştırmaları, Güz 2017/21: 7–16.
15. Türkler, Ferah. Altay Türklerinin Anlatmalarında Mitik bir Varlık: Celbelgen // Milli Folklor. — 2012. — Yıl 24, Sayı 94.
16. Ünal, Fatih. Altay Misyoneri Vasili İvanoviç Verbitski: Hayatı, Misyonerlik faaliyetleri ve Altay çalışmaları // Dede Korkut uluslararası Türk dili ve edebiyat araştırmaları dergisi, 2018. — 7/17. — Ss. 197–205.

Сведения об авторе:

Кокоулин Владислав Геннадьевич, доктор исторических наук, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», профессор юридического факультета, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск, Россия). E-mail: kwladislaw@yandex.ru

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Модераторы: Сарбашева Сурна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Ооржак Байлак Чаш-Ооловна, доктор филологических наук, доцент Тувинского государственного университета (Кызыл, Россия)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ОБЩНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

К.Т. Джаманкулова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье речь идет о цивилизации народов алтайского происхождения. Подвергаются анализу взгляды ученых о цивилизации. Отмечается, что в описаниях о цивилизации XVIII-XIX вв., в концепциях локальных цивилизаций второй половины XIX — первой половины XX в. не упоминается кочевая цивилизация. В статье анализируются циклы цивилизаций (зарождение, процветание, упадок), которые пережили народы и племена, жившие когда-то на просторах Евразии, включающие в себя исторические эпохи, такие как эпоха полеометалла, эпоха ранних кочевников, эпоха древних кочевников. Исследуются кочевые цивилизации — Хунская империя, Тюркская империя и Кыргызское «великодержавие» (В. Бартольд), пережившие циклы зарождения, расцвет и распад цивилизации. В статье рассматриваются взаимосвязи и взаимодействия языков народов алтайского происхождения с периода алтайской эпохи и их дальнейшее разветвления.

CIVILIZATION OF THE PEOPLES OF ALTAI ORIGIN: COMMUNITIES AND INTERACTION OF LANGUAGES

K.T. Dzhamankulova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article deals with the civilization of the peoples of Altai origin. The views of scientists about civilization are analyzed. It is noted that in the descriptions of the civilization of the XVIII-XIX centuries, in the concepts of local civilizations of the second half of the XIX — the first half of the XX century. no nomadic civilization is mentioned. The article analyzes the cycles of civilizations that have survived the peoples and tribes that once lived in the vastness of Eurasia, including historical epochs such as the era of field metal, the era of early nomads, the era of ancient nomads. The nomadic civilizations — the Huns empire, the Türkic empire and the Kyrgyz “great power” (V. Bartold), which survived the cycles of origin, flourishing and disintegration of civilization, are being investigated. The article examines the relationship and interaction of the languages of the peoples of Altai origin from the period of the Altai era and their further ramifications.

Цивилизация. Одним из этапов развития общества является цивилизация. Процесс становления цивилизации является весьма долгим и займет не одно тысячелетие. Цивилизация является самым высшим этапом развития общества.

Понятие «цивилизация» было исследовано в трудах французских исследователей. Термин впервые был использован французским экономистом Виктором Рикети Мирабо (1715-1789) в 1757 г., а также шотландским философом А. Фергюсоном (1723-1816) в 1767 г. Тогда данный термин обозначал общий уровень культурного развития. А. Фергюсон считал, что термин «цивилизация» обозначает стадии человеческого общества. Его предложение разделить историю на мировые стадийные эпохи [19, с. 391] было принято в научной среде в конце XVIII — начале XIX в. Как отмечал французский лингвист Э. Бенвенист, А. Фергюсон противопоставлял цивилизацию против дикости и варварства [18, с. 1-47].

В литературных источниках понятие «цивилизация» охарактеризовано как процесс общества, прошедший сложный путь от дикости и варварства до эпохи расцвета цивилизации.

Философ, востоковед Б.С. Ерасов признаками цивилизаций считает земледелие, развитие ремесла, наличие классового общества, государства, городов, торговли, частной собственности и наличие денег, а также монументального строительства, достаточно «развитой» религии, письменности и т.п. [8, с. 556].

Позже среди исследователей стал популярен плюрално-циклический метод по исследованию истории развития человечества. Появились труды о восточной цивилизации, об отличии ее от западной. Постепенно понятие «цивилизация» начала подразумеваться как «локальная цивилизация».

Термин «локальная цивилизация» был упомянут в трудах французского философа Шарля Ренувье (1844), а также французского писателя и историка Жозефа Гобино (1853, 1855). Генрих Рюккерт подчеркнул, что история человечества — это сумма параллельных друг к другу процессов культурных и исторических организмов, которые невозможно расположить на одной линии [9, с. 59–84]. Русский социолог Николай Яковлевич Данилевский противопоставил устаревшую западную европейскую цивилизацию молодой, восточной европейско-славянской цивилизации [5, с. 576].

Немецкий философ и культуролог Освальд Шпенглер (1918) рассматривал цивилизацию как независимую культуру, которая как живой организм имеет такие этапы, как зарождение, становление и вымирание [22, с. 262]. Английский историк Арнольд Тойнби в 12-томном труде «Постижение истории» (1934–1961) подчеркнул, что появление, становление и упадок цивилизации характеризуются следующими факторами: как внешний Божественный толчок и энергия, вызов и ответ, уход и возвращение [17, с. 640]. Таким образом, столетиями в целом описывали возвышение и упадок цивилизации как процесс циклический или стадийный.

К сожалению, в описаниях о цивилизации XVIII–XIX вв., в концепциях о локальных цивилизациях второй половины XIX — первой половины XX вв. отсутствуют цивилизации народов алтайского происхождения. В исследованиях современных ученых, занимающихся проблемами типологии цивилизаций, также не упоминается кочевая цивилизация.

Цивилизации, составляя самые лучшие достижения человечества, имеют между собой множество общностей. Цивилизация означает различные состояния социально-культурных процессов, а также обозначает принцип «единства мира состоит из его же разновидностей». Это, с одной стороны, связь цивилизации между собой, с другой стороны — приобретение со временем множество разновидностей. Цивилизационный синтез — это рациональное использование достижений восточно-традиционной и современной западной цивилизации в условиях переходящего общества.

Народы и племена, жившие когда-то на просторах Евразии, пережили три цикла цивилизации, которая включает в себя исторические эпохи, начинающиеся от эпохи неолита.

Народы и племена, жившие на просторах Евразии. Фазы зарождения, процветания и распада цивилизации

1. Эпоха палеометалла, III–II тысячелетия до н.э.

Этап зарождения начинается с периода «степной жизни». Это процесс, включающий в себя периоды, такие как умение обрабатывать землю, одомашнивание животных, образование предметов материальной культуры, а также установка моральных правил.

Степной жизни характерно экстенсивное кочевое животноводство. В бронзовом веке, когда степная жизнь прочно обосновалась на просторах Евразии, в культурном генезисе появились масштабные общественные объединения. Эти объединения в свою очередь породили культурные стандарты и эталоны. В такой макроне были образованы культурные блоки (первая половина II тысячелетия до н.э.), являющимися самым сильным жизненным потенциалом. Военная элита была в руководящей роли. В таком обществе использовались боевые колесницы, доказательство о них остались элитные могильные сооружения. В то время животноводство уже было развито.

2. Эпоха ранней кочевой жизни. Становление основы цивилизации. Это скачок от степного общества к кочевому животноводству. В культурном генезисе началось становление эпохального типа культуры, названный Массоном «скифская» [12, с. 82]. Скифская культура — это эпохальный тип культуры, это культура кочевников, которая возникла в результате перехода от пастушеских обществ эпохи бронзы к новому виду — к культуре кочевников.

В эпоху ранней кочевой жизни накладываются основы кочевой цивилизации. Появление конников, а также новизна в материальной культуре Массон называет «скифской триадой». Это конные снаряжения, оружие, приспособленное к кочевникам, а также совершенно новое явление в изобразительной культуре — «скифо-сибирский звериный стиль».

Изменения, появившиеся в эпоху раннего кочевого периода, социологически привели это общество в ранг социополитической системы, которая в оседлой цивилизации называется «ранние государства» [12, с. 86]. В этот период были развиты металлургия и животноводство, искусство

и ремесло. В сфере кочевой жизнедеятельности появился руководящий пласт («цари»). Основы кочевой цивилизации в этом периоде были полностью установлены.

3. Эпоха древних кочевников. Этап процветания кочевой цивилизации. Была образована масштабная, сильная политическая система, обосновалась кочевая империя, являющаяся военно-политическим централизованным объединением кочевого народа, занимающегося скотоводством. В. Массон отмечает: «Социологически древние кочевые империи являются аналогом древних цивилизаций и первых государств в зоне оседлых культур» [12, с. 96–97]. Кочевые империи отличались масштабностью завоеванных территорий. Общественная структура таких империй была многослойной. Массон считает это социологическим аналогом мировой цивилизации Востока, но благодаря имеющимся различиям можно употреблять другой термин. Такая политическая система на территории Евразии называется кочевой империей.

Распад цивилизации. Распад кочевой империи. Развитие промышленности государств, а также обеспечение армии оружием ослабило силу конной армии кочевников. Со временем этот процесс стал причиной падения кочевых государств.

Кочевые цивилизации, из них — Хуннская империя, Тюркская империя и Кыргызское «великодержавие» (В. Бартольд) пережили циклы зарождения, развития и распада цивилизации.

Цивилизация кочевых народов: 1. Кочевая цивилизация хуннов и его зарождение. Хунны появились в XXIII — середине XIX вв. до н.э. (20, с. 13). Кочевые племена три-четыре века жили обособленно от Китая. Хунны начали нашествие в Китай в VI–V вв. до н.э. Вследствие постоянных вторжений хуннов началось строительство Великой китайской стены. Таким образом, завершился первый этап разделения кочевых народов и земледельцев.

В период династии Цинь (221–206) начался процесс объединения Китая. А классовое отношение кочевого народа стало причиной объединения в военно-демократическую рамку [3, с. 336]. Таким образом, образовалась кочевая держава хуннов (209 г. до н.э.). Завоеванными территориями хуннов являются современная Внутренняя и Внешняя Монголия, Жунгария и Южная Сибирь. Эпоха хуннов продолжалась с III века до н.э. до IV века н.э.

Этап процветания цивилизации кочевых хуннов. Империя Хуннов характеризуется как масштабное объединение племенных союзов и их развитие. Территория Империи Хуннов расширилась от Центральной Азии до Восточной Европы. В 174–207 гг. при Модэ Дом Хуннов возвысился, покорил все кочевые племена на севере, а на юге равнялся Китаю [4, с. 48]. До 174 г. хуннам подчинялись племена, жившие на территории от Забайкалья до Тянь-Шаня, от Сибири до границы Китая [10, с. 27]. Хунны покорили государство Гэгунь. Гэгунь — это древнее государство кыргызов.

Язык хуннов включал в себя диалекты и наречия различных племен. Словарь хуннского языка был составлен на древнем тюркском языке.

Распад кочевой цивилизации хуннов. Межплеменная война, возникшая среди хуннов в 58 г. до н.э., стала причиной победы Китая над хуннами [7, с. 105]. В 55 г. до н.э. империя хуннов разделилась на две части [3, с. 372]. С периода разделения хуннов на южных и северных началось движение хуннов на Запад.

Цивилизация кочевых народов: 2. Зарождение кочевой тюркской цивилизации (Тюркская эпоха). Племя Ашина была основана на Алтае с 439 г. До IV в. многие тюркские племена подчинялись Жужаням. В конце IV в. они встретились с алтайскими племенами, после чего они образовали военно-политическую систему племен, во главе которой стоял каган. В сражении между тюрками и жужанями жужане были полностью разгромлены (555 г.) Таким образом, началось возвышение тюрков.

Этап процветания кочевой цивилизации. В конце VI в. образовалась Тюркская держава династии Ашины. Тюрки покорили все кочевые племена. В 556 г. государство Тогон было вынуждено считаться с тюрками. В 60-х гг. война началась в Китае, две северные империи — Ци и Чжоу, были зависимыми от тюрков.

Территория завоеванных земель тюрков на востоке распространилась до Желтого моря, на западе — до Верхнего Енисея. В 563–567 гг. разгромили эфталитов и дошли до Амударьи. В 576 г. завоевали Боспор, а в 582 г. проникли в Лазику. Тюркская империя в течение 30 лет максимально смогла расширить свои территории от Желтого моря до Черного. Тюрки совершили сильную атаку на Китай, Иран и Византию [7, с. 21; 24]. В течение 30 лет тюрки смогли стать гегемоном Азии.

Распад кочевой цивилизации — распад тюркской державы. В 581 г. китайцы разрушили тюркские племена. В 582 г. (или в 583 г.) тюркский каганат разделился на два государства [15, с. 68]. В 630 г. тюрки были разгромлены.

Кыргызы в период тюркского каганата были самыми сильными врагами тюрков. Несмотря на то, что кыргызы были в составе Тюркского каганата, они сохраняли свою независимость. Вождю

кыргызского народа Барсбеку в период правления Элтериса или Капагана кагана был присвоен титул кагана. Помимо того, Барсбек каган женился на дочери Элтериса кагана [14, с. 2–3].

Зарождение локальной кыргызской цивилизации: кыргызы в истории кочевых народов. Предпосылки зарождения кыргызского этноса. Истоки зарождения племен цзянь-кунь (древние кыргызы), расположенных на территории Среднего и Верхнего Енисея, уходят в далекую древность — 2 тысячелетие до н.э. — период развития животноводства на Енисее.

Этногенез Динлин. Результат изменений этногенезиса Динлин. Культура насельников Минусинского края явилась плодом длительного развития хозяйства с середины третьего тысячелетия до н.э. и принадлежала белокурому, длинноногому типу населения, известного китайцам под именем динлин. «На базе динлинского этногенеза произойдут те изменения, которые позволят выкристаллизоваться новому этническому явлению — кыргызам» [3, с. 169].

Древние кыргызы в период Афанасьевской культуры. Самый важный факт в период Афанасьевской культуры — приручение животных, точнее, одомашнивание животных, это в литературных источниках рассматривается как генезис животноводства [16, с. 139]. Появление животноводства — начало становления патрилокального брака и патриархальной семьи.

Древние кыргызы в период Андроновской культуры. В этот период люди вели оседлый образ жизни, занимались животноводством, а также земледелием и охотой [6, с. 41–43]. Появилась патриархальная семья. Образовались первые племенные союзы. Производство оружия поспособствовало развитию металла. Использовалась бронза. В этот период на территории Энесай и Тенир-Тоо была исключительно одна раса под названием динлин [21, с. 231].

Древние кыргызы в период Карасукской культуры. В начале I тысячелетия до н.э. система патриархальной семьи была полностью упрочнена, с развитием частной собственности и развитием скотоводства начали помечать скот тамгой, которая передавалась из поколения в поколение, в IV–X вв. дало широкое распространение.

Древние кыргызы в период Тагарской культуры (VIII–III вв. до н.э.). В это время люди занимались животноводством, земледелием. Из бронзы изготавливали оружие. В этих культурных памятниках в большем количестве преобладает европейский тип костей черепа, нежели монголоидного.

На базе Афанасьевской, Андроновской и Тагарской культур древние кыргызы появились как этнические явления.

Таштыкская культура (II в. до н.э. — V в. н.э.). Памятники, принадлежащие этому периоду, характеризуют культуры кыргызов [3, с. 172]. Материальная культура кыргызов в период Чаатас распространилась на прилегающие территории.

Кыргызское государство (V–VIII вв.). В период тюркской эпохи (545–745 гг.) кыргызы были сильным Кыргызским государством. Феодальное кыргызское общество, которому был присущ патриархальный племенной элемент, включал в себя племенные союзы V–VIII вв. [2, с. 10]. Территория кыргызов равнялась с территорией восточных тюрков. На восток простиралось до Гулигани, на юг до Дубо, на юго-запад до Гэллу [1, с. 152].

Кыргызское общество в VI–X вв. Кыргызы в период VI–X вв. занимались животноводством, земледелием, охотой и рыболовством, славились высшим развитым обществом среди других кочевых народов. Ремесло и металлургия были очень развиты.

Енисейская письменность — архаичнее, чем орхонская, она относится к V в. (13, с. 74). Большинство енисейских памятников принадлежит енисейским кыргызам (Томсен, В. Радлов, С.Е. Малов и др.). Енисейская письменность по содержанию, графике, а также по времени совпадает с таласской письменностью. Орхоно-енисейская письменность использована тюркскими народами в VI–X вв.

Этап процветания. Великая кыргызская держава (840–945 гг.). Сражение 840 г. кыргызов и уйгуров завершилась победой кыргызов. Таким образом, начался «звездный час» кыргызов [21]. Около 100 лет была установлена «Великая кыргызская держава» (В.В. Бартольд). Кыргызы стали единственным правящим этносом, прибывшим из Сибири и господствовавшим на степных просторах [21, с. 23].

Этап падения. Кыргызский каганат был повержен. Но несмотря на это, кыргызы не исчезли, как другие этнические группы, а смогли сохранить свою государственность, военную систему, а также оружейное ремесло [21, с. 23].

Алтайская эпоха: общее языковое объединение народов алтайского происхождения. Началом истока тюркоязычных языков является алтайская эпоха. Алтайская эпоха включает в себя алтайское языковое объединение. Монгольский и тунгус-маньчжурские языки в алтайскую эпоху являлись общим языковым объединением. В последующие времена они разделились на тюрко-монгольский и тунгус-маньчжурские языки. Группы, составляющие древние алтайские: 1) хунны; 2) тюрки;

3) монголы; 4) тунгусы. В последующие годы древо алтайских языков разделились на шесть групп: тюркский, монгольский, тунгус — составляют внутреннюю группу; корейский, японский, рю-ку — составляют внешнюю группу [15, с. 11].

Японский и алтайский языки имеют родственное происхождение. Алтайские языки генетически связаны с языковыми группами, такие как урал, индоевропейские и дравид.

Индоевропейские и алтайские языки взаимосвязаны друг с другом. Алтайские языки генетически связаны с уральскими, дравидскими, индоевропейскими, семит-хамитскими и картвельными языками. Алтайский язык грамматически близок к палеазиатским языкам. Алтайский язык грамматически похож на язык нивх. Такая языковая схожесть характерна и для кет-алтайских языков. Лексическая и грамматическая схожесть есть и между алтайскими языками и языками индейцев Америки [15, с. 112].

Связь между алтайским языком и кыргызским. Историческим источником современного алтайского диалекта является диалект древних кыргызов, их род — современный алтай-кижи. Южно-алтайские языки, в образовании которых лежит огузский, уйгурский и древний кыргызский языки, были трансформированы благодаря кыпчакскому и кумакскому языкам, вследствие чего, с современным кыргызским языком имея общие черты, составляют кыргызско-кыпчакскую языковую группу.

Литература

1. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. — Бишкек, 2001. — 582 с.
2. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. — Ф., 1959. — 216 с.
3. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. — Т. II. — Бишкек, 1998. — 699 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. — Т. I. — 390 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991. — 576 с.
6. Грязнов М.П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. — 1933. — № 7–8. — С. 41–43.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — Т. I. — М., 1999. — 480 с.
8. Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов. — М., 1998. — 556 с.
9. Ионов И.Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм // Образы историографии. — М., 2001. — С. 59–84.
10. Кыргызы. Исторические предания и легенды. — Б., 2003.
11. Култегин, Мелиоранский. 1904.
12. Массон В.М. Древний Кыргызстан: Процессы культурогенеза и культурное наследие. — Бишкек, 2003.
13. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — 106 с.
14. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. — Т. XII. — Вып. II-III. — СПб., 1899.
15. Менгес К.Н. Түрк элдери жана алардын тилдери. — Б., 2002. — 376 с.
16. Сосновский Г.К. Истории скотоводства в Сибири // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. — Т. I. — М.-Л., 1940. — 139 с.
17. Тойнби А.Дж. Постижение истории. — М., 2001. — 724 с.
18. Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. — 2003. — № 1.
19. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества // An Essay on the Nistory of Civil Society. — М., 2000.
20. Friedrich Hirth. The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty. — New York: Columbia univ. press, 1908. — 383 p.
21. Худяков Ю.С. Енисей кыргыздарынын тарыхы // Кыргыздар. — Бишкек, 1993. — Т. I. — С. 118–241.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — М., 1993. — 262 с.

Сведения об авторе:

Джаманкулова Кульжамал Тологоновна, доктор филологических наук, профессор кафедры кыргызского языкознания, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКИ ГОРНОГО АЛТАЯ

С.Б. Сарбашева

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

Фонетические особенности языка играют важную роль при установлении этимологии географических названий, они могут быть словами одной языковой семьи или нескольких, употребляемыми одновременно или в составе словосочетаний, поэтому необходим учет фонетических и грамматических особенностей языков современных этносов и этносов-предшественников. Изучая многослойные наименования мест, можно установить границы былого проживания различных этнических групп на определенной территории, выяснить их передвижение и даже периоды примерного пребывания на данной территории, адстратные и субстратные явления в топонимии.

PHONETIC FEATURES OF THE SUBSTRATUM TOPONYMY OF GORNY ALTAI

S.B. Sarbasheva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

The phonetic features of the language play an important role in establishing the etymology of geographical names, they can be words of one language family or several, used simultaneously or as part of phrases, therefore, it is necessary to take into account the phonetic and grammatical features of the languages of modern ethnic groups and predecessor ethnic groups. Studying the multi-layered names of places, it is possible to establish the boundaries of the former residence of various ethnic groups in a certain territory to find out their movement and even periods of approximate stay in a given territory adstrate and substratum phenomena in toponymy.

Основные задачи статьи: отражение исследования отдельных наименований субстратных «многослойных» топонимов, не имеющих прозрачной этимологии, служащих косвенным источником сведений о древней истории народов, населяющих территорию Горного Алтая.

Благоприятный климат Горного Алтая привлекал внимание этносов с разными языками, культурой, хозяйственной деятельностью, которые адаптировались к территории, ассимилировались с другими народами, оставив богатейший след в языках и археологии. О формировании современного населения Западной и Южной Сибири в результате длительного процесса взаимодействия трех различных по происхождению групп популяций — древнеевропеоидных, монголоидных и уралоидных позволяют говорить результаты анализа краниометрических данных, отмечает в своей работе В. Моисеев [1, с. 108].

При анализе топонимов Горного Алтая, указанных в современных картах и зафиксированных в словарях О.Т. Молчановой, выявлено, что часть наименований являются тюркскими, объяснимыми с позиции современного алтайского языка, значение некоторых из них найдены в языках тубаларов, чалканцев, кумандинцев и монголов, но предстоит еще исследовать большой пласт топонимов, отнесенных к самодийским (кетским). При решении задачи выявить этимологию некоторых топонимов необходимо изучить историю народов, населявших данную территорию в разные периоды и их передвижения. Например, этнографические сведения о туба-кижи, населяющих Чойский, Турочакский, Майминский районы Республики Алтай, зафиксированы в различных источниках. По мнению Н. Ядринцева, черневые татары пришли с востока и идентифицируются с сойонами или койбалами [2, с. 3], Н.Ф. Катанов сообщает, что туба есть среди качинцев, так зовут телеуты черневых татар, которые сошли только с исторической сцены, слившись с другими народами и племенами [3, с. 113]. Сложное по своему этническому составу современное тубаларское население Турочакского, Чойского и Майминского районов неоднозначно и в отношении языка: как и в кумандинском и чалканском диалектах алтайского языка, в туба-диалекте сохранились многие древние элементы языка этнического субстрата, о чем отмечали в своих трудах Н.А. Баскаков [4], И.Я. Селютина [5], Н.А. Мандрова [6], Н.А. Кирсанова [7].

Исследователь топонимии Сибири А.П. Дульзон считает, что топоним можно считать принадлежащим данному народу, если основа слова и все его части полностью разъясняются из этого языка и нет оснований считать это слово переводом (калькой) термина, употреблявшегося народом-предшественником на той же территории или в местах прежнего проживания этого народа [8, с. 246–257]. Интересными являются его сведения о кетском, самодийском происхождении некоторых топонимов Сибири, которые могут помочь в поисках этимологии топонимов Горного Алтая.

Концепция В.М. Наделяева о возможности использования фонетических особенностей речи, а именно артикуляционно-акустическую базу (ААБ), как систему произносительных навыков и их акустических эффектов для реконструкции истории языков и этнических групп, являющихся характеристикой этноса, а не самого языка, которая складывается на ранней стадии формирования этнической группы и сохраняет свою специфику — в силу относительной автономности звуковых систем — до тех пор, пока данная этническая группа существует как компактная общность, а ААБ сохраняется даже в том случае, если этнос в процессе своего исторического развития переходит на другой язык в результате интенсивных контактов с другими народами, является наиболее приемлемой для исследования топонимики. Важно то, что при этом изначально свойственная данному этносу ААБ при переходе его на другой язык принципиально изменяет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для нее языка; приняв новый язык, но сохранив свою ААБ, этнос создает новый диалект этого языка с отличной от языка-источника фонетикой. Артикуляционно-акустическая база — динамический стереотип; видоизменяясь, она, тем не менее, передается из поколения в поколение в своих существенных чертах. Эта особенность ААБ позволяет использовать ее — в совокупности с данными исторических дисциплин — качестве источника при реконструкции древнейших этногенетических процессов, что особенно важно для истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников. Проживая в горах или в глухой тайге, т.е. в условиях относительной географической изоляции, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, народы Сибири сохранили в своих звуковых системах древнейшие черты, что делает их ААБ особенно надежным и информативным источником [9, с. 3–43]. Первичные наименования, измененные до неузнаваемости внешние звуковые оболочки субстратных топонимов, могут быть выявлены при более детальном изучении отраженных на картах названиях и бытующих в речи местных жителей.

Одной из важных водных артерий данной территории Горного Алтая является река Лебедь, русское название которой выбивается из общей массы наименований гидронимов тюркского и монгольского происхождения, или, по мнению О.Т. Молчановой, угро-самодийского субстрата [10]. На картах и чертежах первых путешественников-исследователей река отмечена — Lebe. Данный гидроним имеется на чертежах С.У. Ремезова, где содержится важный для топонимиста материал о названиях рек, озер и гор, законченных в конце XVII — начале XVIII вв. (район вершины Оби), а также в этнографических надписях на этих чертежах (например, Телецкое озеро имело еще такие названия на картах, как Тележское, Алтын и Теленба), «Карта и современные границы территорий Сибири, Тобольска и всех других городов, местожительств и степей» 1673 г. Поиск ответов на поставленные вопросы привел к эвенкийско-русскому словарю, где отмечено, что «леве» означает топь, трясины [11]. Действительно, территория, по которой протекает река Лебедь, большей частью состоит из болота и топи. От названия реки получили свои наименования и адаптировались фонетически к позднему тюркскому языку село Левинка, лог Элү бел, река Элү бел, река Эвий, так как в тюркских языках фонемы *b/v/m* не являются смыслоразличительными, то есть изменения, произошедшие с начальным (субстратным) *леве*, вполне объяснимы. В своей работе А.М. Щербак выделяет три типично тюркских губных согласных — *p, b, m*, и считает, что другие губные и все губно-зубные (*v, f*), встречающиеся в современных тюркских языках и отчасти в древних, появились в результате преобразования других звуков и вследствие заимствования большого количества слов из других языков [12, с. 78–79]. Звук *v* в топонимах/гидронимах Левинка, Эвий как раз сохраняет более древнее название, а в гидрониме Лебедь он адаптирован под тюркский фонетический строй.

По предположению Н.А. Баскакова, в наиболее ранний период губные согласные были представлены только одной фонемой [p] с соответствующими аллофонами, как для анлаута, так и для ауслаута, т.е. имели следующий состав аллофонов: [p (~ b ~ f / v ~ w ~ m)]; следы фонематического неразличения всех этих аллофонов, представляющих одну губную фонему в наиболее ранний период развития консонантизма тюркских языков, сохранились в современных языках и диалектах в анлауте некоторых слов в аллофонах [p] ~ [b] ~ [m]. Второй период в развитии губных согласных в анлауте и ауслауте характеризуется выделением в самостоятельные фонемы сонорных аллофонов [m], [w], что обусловило появление уже трех самостоятельных губных фонем: [p (~ b ~ v / f ~ w)]; [m]; [w], например: *taǰ* ‘жир, масло’, *paǰ* ‘богатый’, *taǰ* ‘находить’, *taw* ‘гора’, *saw* ‘дойти’, *saǰ* ‘рукоятка’. В третий период входят уже четыре фонемы: [p (~ b)]; [w (~ v)]; [m]; [v]; к четвертому и пятому периодам развития передних (губных) согласных относятся позднейшие процессы, возникшие в тюркских языках в связи с массовым заимствованием лексики из неродственных языков (арабского, персидского, русского): в эти периоды функционируют фонемы [p], [b], [v], [w], [f], [m] [13, с. 98–101].

Топонимы Горного Алтая в большей степени отражают внешние признаки объектов, указывая на величину, внешние преобладающие признаки, широко используются мотивирующие названия преобладающей растительности, отсутствуют образные наименования, подтверждая теорию о том, что такого рода топонимы более древние. Собранный и проанализированный материал показал, что на данной территории оставили след и представители тунгусо-маньчжурской языковой семьи, возможно, в период бытности единого языка алтайской языковой семьи, что могут подтвердить и лингвистические, и этнографические исследования.

Литература

1. Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. — СПб., 1999.
2. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке ... в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катунь в 1880 году // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. — Кн. 4. — 1882.
3. Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — СПб., 1893.
4. Баскаков Н.А. Диалект черневых татар/туба-кижи/. Тексты и переводы. — М., 1965.
5. Селютина И.Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование). — Якутск, 2000.
6. Мандрова Н.А. Консонантизм языка чалканцев (по экспериментальным данным) // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. — Новосибирск, 1986. — С. 72–74.
7. Кирсанова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). — Новосибирск, 2003.
8. Дульзон А.П. Топонимика Западной Сибири, как один из источников ее древней истории // Из истории Кузбасса. — Кемерово, 1964.
9. Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. — Новосибирск, 1980. — С. 3–91.
10. Молчанова О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. — Том I. — Щecin, 2018.
11. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. — М., 1958.
12. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — М., 1970.
13. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. — М., 1988.

Сведения об авторе:

Сарбашева Сурна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: surnasarbashaeva@mail.ru

КОНЦЕПТ ОТЕЦ (АТАЙ) В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

З.И. Салыхова

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак (Россия)

Статья посвящена исследованию языковой картины мира башкирского народа. Рассматривается концепт отец (атай) и его универсальные признаки. Выделены основные компоненты значения, присущие концепту отец (атай), проанализированы словосочетания, характеризующие отцовские качества.

THE CONCEPT OF THE FATHER (ATAY) IN THE BASHKIR LANGUAGE SCHOOL THE PICTURE OF THE WORLD

Z.I. Salyakhova

Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak (Russia)

The article is devoted to the study of the linguistic picture of the world of the Bashkir people. The concept of the father (atay) and its universal features are considered. The main components of the meaning inherent in the concept of father (atay) are highlighted, the phrases characterizing paternal qualities are analyzed.

Язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире. Человек отражает в процессе познавательной деятельности объективный мир и фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Картина мира получает в каждом национальном языке национальную форму выражения. Каждый язык по-своему называет предметы и явления, по-разному обозначает лексические понятия, выбирая объективные образы для объективизации этих понятий. Национальные языковые картины, число которых соответствует количеству языков, представляют собой «уникальный результат многовековой работы коллективного этнического

сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во вселенной» [4, с. 143]. Необходимость исследования картины мира, отражающей сознание определенного этноса, неизменно приводит к изучению его концептуальной системы, концептов. Проблему соотношения концепта и значения языкового знака можно рассматривать, лишь признавая то, что механизмы языка находятся в теснейшей коррелятивной связи с механизмами сознания [1, с. 121]. Концепт позволяет связывать смысл с употреблением слова, как единица процесса концептуализации, посредством которой действительность преломляется в сознании человека. Концепт значительно шире, чем значение слова, закрепленное в словаре.

Концепт отец (атай) в башкирском языке очень противоречив и сложен для описания.

В академическом словаре башкирского языка [5, с. 360] дается следующее значение слова отец (атай, ата): «мужчина, имеющий ребенка, отец»; слово-обращение ребенка к отцу; мифическое значение «Святой дух, спаситель, покровитель»; используется в переносном значении для усиления определенного качества человека: ата ялкау «главный ленивец; очень ленивый», ата карак «главный вор» [5, с. 360]. В словаре также указывается значение понятия ата (самец; мужская особь у растений) относительно животных, птиц и растений: ата мал «самец», ата бесэй «кот», ата каз «гусак», ата сәскә «мужская особь цветка».

В башкирском языке можно выделить основные компоненты значения, присущие концепту *отец (атай, ата)*:

– отец (атай) — человек мужского пола «ир енесле кеше».

– отец (атай) — слово-обращение ребенка; отец (по отношению к своим детям). Примеры. Урал: — Атай, Үлемде эзләһән, Аны табып буламы? Урал: — Отец, Если искать смерть, можно ли ее найти? (Из эпоса «Урал батыр»). Тизерәк иртә булһын ине лә, атай кайтһын ине, тип уйлайым мин кис һайын... 'Скорее бы наступило утро, и скорее бы вернулся отец, думаю я каждый вечер' (М.Кәрим). Атай шунда ук икенсе кулы менән һенлемде күтәрәп ала 'Отец тут же поднимает другой рукой и мою сестренку' (М. Кәрим).

– отец (атай) имеющий высокий статус родственных отношений, главный в семействе, отец семейства: «*ғаилә башлығы*». Примеры. Атай — ғаилә башлығы. Был ғәзәти булып иҫәпләнә. Өй эсендәге вак көндәлек эштәргә ул бик кысылып бармай, үзен зур эштәргә сарыф итә, акса таба, донья бөтәйтә. Ул үзенен барлығы менән генә лә балала ышаныс тыузыра, бер нимәнән дә шикләнмәй тормошта кәрәк буласак, тип иҫәпләгән һөнәрзәргә баланы өйрәтә 'Отец – глава семейства. Это — обычное явление. Он не вмешивается в мелкие дела семьи, решает более важные, более глобальные проблемы, он добытчик. Он даже своим присутствием в семье придает уверенность детям, обучает детей нужным ремеслам'. Булдыклы ғаилә башлығы, изге йөрәкле, хәстәрлекле атай, таянырлык туған һәм дуҫ булыуығыз күптәре һокландыра 'Многих восхищает то, что вы являетесь предприимчивым главой семьи, заботливым отцом с большим сердцем, надежным родственником и другом'.

– отец (атай) — благодетель, кормилец «мал табыусы; ғаиләне асыраусы». Примеры. Өсәй — тыузырыусы, Атай — туйзырыусы 'Мать — рождает, отец — кормит' (Башкирские народные пословицы и поговорки).

– отец (атай) имеет духовную ценность: атай һүзе «слово отца»; атай даны «слава отца»; атай йорто «дом отца: отчий дом»; атай малы «богатство отца»; атай икмәге «хлеб отца». Примеры. Атай һүзе, атай икмәге, атай йорто минә иң кәзерле киммәттәр. Ысынлап та, Атай йорто- иң нурлы, курайлы, тальян моңло ғәзиз һәм изге урын 'Слово отца, хлеб отца. дом отца для меня самая дорогая ценность. На самом деле, Дом отца — это самое светлое, самое лучистое, самое святое место, где слышны мелодия курая, мелодия тальяна'. Атай һүзе — тимерзән 'слово отца — железо' (Башкирские народные пословицы и поговорки). Атай байлығы улға йокмаҫ 'Богатство отца не делает богатым сына' (Башкирские народные пословицы и поговорки). Ата даны менән кыз үтер 'Слава отца сыграет роль при замужестве дочери' (Башкирские народные пословицы и поговорки).

Нужно отметить, что концепт отец (атай) имеет признаки, отражающие национальную специфику миропонимания, мировоззрения башкир. В паремиологическом фонде башкирского языка профессия понимается как искусство, передаваемое из поколения в поколение, и как наследство, могущее обеспечить жизнь детей. Отец передает сыну свою профессию, сын наследует мастерство отца и в этом становится таким же, как и отец: Атанан күргән ук юнған 'Увидел от отца, и делает стрелу'. Ата һөнәре балаға мираҫ 'Ремесло отца — наследство ребенку'.

Универсальным признаком концепта отец (атай) можно назвать единицы (компоненты) с общим инвариантом смысла 'непохожесть на отца'. Например: Атаң якшы, инәң якшы, һин кимгә окшап шакшы? 'отец хороший, мать хорошая, в кого же ты такой дурак'. Атанан якшы тыуһа — ятып ашар, атанан яман тыуһа — һатып ашар 'Хорошие дети делают отца визирем, а плохие будут

позорить отцов'. Однако в башкирских паремиях выражается необходимость детей зарабатывать деньги самим, а не жить за счет отца: Атанан калған мал — мал булмаҫ; Атай тапқан малдың кәзере юк 'Отцовское богатство не богатство, надо работать самому' (Башкирские народные пословицы и поговорки).

Отец в истории и менталитете башкирской семьи имел важное значение. Это напрямую связано с выполняемой им ролью отца в обществе, семье. С давних времен у башкир отец (атай) считался авторитетом, дети особо чтит отцовские слова, наветы и его воспитание. Поэтому в языке имеются множество исторически известных устойчивых словосочетаний, ключевые слова: атай хақы 'ценность отца', атаһын күргәндәй шатланды 'обрадовался как будто отца родного увидел', койоп куйған атаһы 'как две капли воды похож на отца, атаһын танытыу 'строго, агрессивно напомнить о чем-либо', атаһының балаһы 'сын отца; когда обнаруживаются походящие черты с отцом', атаһының данын таратты 'прославил имя своего отца', атаңдан калған мал түгел 'нет скота оставленный в наследство; в знач. «не остался это тебе в наследство от отца»; часто: о государственной должности', атай кәсебе 'ремесло отца', ата мираҫы 'наследство, память, оставленные от деда отцу, от отца — сыну', ата каны 'кровь отца, гены отца', ата йөрәге 'сердце отца', ата йорто 'отчий дом', ата тупһаһы 'отчее крыльцо', ата нигезе 'основание дома отца, атай һүзе 'назидательное слово отца', атай малы 'богатство отца', атай донъяһы 'хозяйство отца', атай икмәге 'хлеб отца', атайзар юлы 'дорога отцов', йәй атаһы 'разгар лета', үгәй ата 'отчим' и др. В башкирском языке имеются сложные слова, связанные с понятием отец (атай), имеющие значение собирательности: ата-әсә, ата-бабалар, ата-олатайзар, ата-инәләр, Примеры. Ата-бабалар еренә баш эйеү зә дауалай 'Поклонение земле отцов и дедов исцеляет'. Ата-инә — алтын һөйәк 'Отец с матерью — золотая кость'. Ата-инә берзәм булһа, балалары күндәм була 'Если отец с матерью дружны, то и дети воспитанны' (Башкирские народные пословицы и поговорки). Ата-әсәһен тыңлаған — эзәм булған, тыңламаған — эрәм булған 'Тот, кто слушался отца и мать — стал человеком, а тот, кто не слушался — пропал' (Башкирские народные пословицы и поговорки).

Словосочетания со словом отец (атай), характеризуют такие отцовские качества как: отеческая забота, отеческое милосердие, отеческая мудрость. Примеры. һәйбәт атайым бит һин миңең 'Мой отец очень хороший человек' (З. Биешева). Ә атайым, бахыр, миңең изге күңелле кеше ине 'Бедный мой отец, он был святым человеком' (З. Биешева). Миңең атайым матур за, көслә лә, ақыллы ла... 'Мой отец и красивый, и сильный, и умный...' (З. Биешева).

В башкирской языковой картине мира употребляются такие выражения, как ил атаһы 'отец Родины', Ер атаһы 'отец родной земли' значение которого обозначает ум, мудрость, величие отца. Примеры. Миҫал: Ил аталары! Тәкдиребез һеззән кулда! 'Отцы Родины! Наша судьба в ваших руках!' (М. Кәрим). Ер атаһы, Ер инәһе, тотқан булһан, ебәр! 'Отец земли, Мать земли, если удержишь, то отпусти' (из заговоров).

Таким образом, на протяжении веков башкирский народ воспринимает отца (атай) как доблестного, мудрого, сильного, честного, держащего слово мужчину, заслуживающего уважения. Понятие отец (атай) — это не только олицетворение мужества, строгости, силы, но и доброты, заботы, милости. В башкирской семье авторитет отца, безусловно, велик. Башкирские народные пословицы и поговорки гласят: Атай — алтын бағана 'Отец — золотой столб'. Концепт отец тесно взаимодействует с такими концептами, как ғаилә (семья), әсәй (мать), бала (ребенок), өй (дом), икмәк (хлеб), Тыуған ил (Родина) и др.

Литература

1. Зайнуллин М.В. Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи. — Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. — 456 с.
2. Кульсарина Г.Г. Национальная картина мира в текстах башкирского фольклора: монография. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. — 356 с.
3. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: монография. — Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. — 360 с.
4. Сокровенные смыслы: слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю.Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 880 с.
5. Башкорт теленең академик һүзлеге / Академический словарь башкирского языка: ун томда / Рәсәй фәндәр акад., Өфө гилми үзәге, Тарих, тел һәм әзәбиәт ин-ты; [редкол.: А. В. Дыбо и др.]. — Өфө: Китап, 2011–2018. Т. 1: А / Ф. Ф. Хисамитдинова ред. — 2011. — 431 с.

Сведения об авторе:

Саляхова Зугура Идрисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой башкирской филологии, факультет башкирской и тюркской филологии, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия). E-mail: s.zuhra@hotmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ В «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТЮРК» МАХМУДА КАШГАРИ

И. Султаналиев

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье речь идет о тематическом разнообразии Словаря, о наличии этнолексем в «Диване» и в современном кыргызском языке, их переводы и их толкование рассмотрены на примере кыргызского языка.

ETYMOLOGY ISSUES IN M. KASHGARI “DIVANU LUGATI-T TYURK”

I. Sultanaliev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The Article refers to thematic variety of dictionary, existence of etnoleksema in “Divan” and in modern Kyrgyz language, translations and interpretations thereof are considered by the example of the Kyrgyz language.

Труд Махмуда Кашгари «Дивану лугати-т тюрк» в мировой истории тюркского языка со своим богатством, энциклопедической ценностью, имеющий несравненное значение, является ценным и бессмертным наследием. В связи с этим в статье будет рассматриваться этимология языка древнетюркских слов. Для раскрытия основного содержания статьи были использованы историко-лингвистический, сравнительно-типологический и гносеологические методы и принципы.

«Дивану лугати-т тюрк» (в дальнейшем — «Диван») — имеет большое значение не только в языковой науке, но и имеет ценную информацию по общественно-политическим, социальным, философским, историческим, этнографическим, географическим и другим проблемам.

«Диван» является одним из источников информации в отношении жизни тюрков XI в., принадлежащих им материальных культур, бытовых вещей, одежды, домашних утварей, хозяйственных построек, тканей, украшений, орудий, предметов снабжения, сельскохозяйственных орудий, музыкальных инструментов, этнонимов и топонимов, племенных делений, пищи, названий напитков, домашних и диких животных, животноводческих терминов, растений, астрономических терминов, дней недели и месяца, географических названий, названий болезней и лекарств, военных, спортивных и управленческих терминологий, религиозных и этических терминологий, детских игр и др.

Народов, сохранивших письменную информацию о предках, живших тысячелетия назад, в мире немного. Поэтому «Диван лугати-т тюрк» Махмуда Кашгари является ценным достоянием тюркских народов, сохранившим из века в век.

В основном все переводчики перевели на свои языки некоторые этнолексемы. В теории и практике перевода этнографизмы не переводятся (слова, связанные с экзотизмом, реалиями, национальным колоритом — обычаями, традициями и др.). Один из этих слов — Теңир. Поэтому перевести его как Аллах, по-моему, неправильно. Кыргызский язык, сохранившись до сегодняшнего дня, широко используется, как «Теңирим жалгасын, Теңир колдосун, Кудай — Теңирин тааныбай кетти» и другие. Даже «теңирчилик» имеет гносеологическую, философскую точку зрения.

Вообще, исследование этимологии слов, которые использовали наши предки в XI в. в кыргызском языке, имеет большое значение. Потому что многие слова в современном кыргызском языке в живой речи имеют и лексическое, и фонетическое значение, а в других тюркских языках не используются в этих значениях. Например, если взять слово «богук» — «название болезней горла» в кыргызском языке — и сейчас говорят, но у З. Ауэзовой, Б. Аталай, С. Муталлибова читают «букук».

Знание типологических фонетических исторических изменений тюркских языков позволяет определить основную этимологию некоторых слов. Например: кыз — кымбат [7, № 1714]. Бу ат кыз алдым — бул атты кымбат алдым, «эту лошадь купил дорого». Первоначальная основа этого слова — кыз, с переходом з в й [7, № 8] азгыр-айгыр, казың-кайың, и др.) перешел в «кый», потом й перешел в н — кынбат, в дальнейшем переходит в м (огубление) и появляется слово — кымбат. Значит, мы думаем, что у слов кысталыш, кыйынчылык, кымбатчылык первоначальная основа одинаковая.

В исследованиях о происхождении слов кыргызского языка «Дивану лугати-т тюрк» является бесценным достоянием. Следовательно, исследование лексического состава «Дивана» выявляет этимологию многих слов тюркских языков.

Обмен звуков — слова, появляющееся, когда звук «ч» переходит в «ш». Например, в гнезде слова у М. Кашгари «шар-шар» показывает «звук, когда появляется при течении жидкости». Здесь

дано, как звук с (ч) переходит в «ш» [6, с. 327]. Также в толковании слова «ыштунланды» [7, № 1645] отметил, что «так как «ш» и «ч» похожи, при произношении брали удобный вариант для произношения» [6, с. 319]. Если так, то первоначальная основа не «ыш», а является «ич» или «ыч» и слово «тан». По нашему мнению, вторая часть парных слов является не «тан», а «тон». Следовательно, слово «ыштан» — это «ич тон», то есть «ич кийим», обозначает «одежда, одевающая изнутри».

– йугурт (йогурт) — жуурат, звук й в связи с выпадением между двумя гласными звука г появляется долгий гласный уу. Основа: йу, то есть мы думаем, что образовался кыргызское слово уйу.

– базрам — майрам, «праздник у людей, радость» Жер гүл жамынган кезде базрам йер — безенген жер, сказав так, объяснил: «Я не знаю происхождения этих слов, это слово я услышала из уст персов. Но огузы называют день радостей, веселий». Звук «з» переходит в «й». По их традициям, это прямая речь [6, с. 474]. По нашему мнению, это тоже прямая речь. Потому что вышеназванное слово кроме значения «безеди — кооздоду, саймалады, түрдөдү», «разукрасил, вышил», «веселье, шутки прибаутки» есть значение «петь, говорить прославляя». Например, в кыргызском языке говорят «жер чечегин безеген», «безенип ырдап отурса». Точнее, так пели акыны в пиршествах. Таких слов в «Диване» много, поэтому, не останавливаясь на всех словах, перечислим вкратце.

– эблен > үйлөн. Эб — үй, -ла — аффикс, образующий от существительного глагол, -ын — аффикс залога. Значит, үйлөндү — не только брак между мужчиной и женщиной, а обозначает самостоятельно устраивать очаг, иметь свой дом. А слово эпчил — человек, хорошо управляющий домашним хозяйством.

– бүк, бүгүм > муун. Звук «б» переходит в «м», выпадением между двумя гласными появляется долгий гласный. Значит слог — это «изогнутое место кости».

– бызык — мыйык [7, № 2040]. Из этого слова появилось слово мурут.

– сыгун — бугу [7, № 2311]. В диалекте кыргызского языка «сыйыр» — обозначает уй «корова», то есть, мы думаем, общее название крупно рогатого скота.

– «чап» стоит в повелительной форме глагола, образующее существительное с помощью присоединения аффикса –ынды с переходом звука «п» в звук «м» образовалось слово «чамынды». Например: казынды — казылган нерсе «то, что выкопано», тамынды — тамган нерсе «то, что капает», көмүнди — көмүлгөн нерсе «то, что закопано», кырынды — кырылган нерсе «то, что выскоблено», и др. [6, с. 442–443].

– кысгач — кычкач [7, № 2798]. Сейчас слово кычкач образовалось с помощью повелительного глагола кыс с присоединением аффикса –гач и с переходом звука «с» в звук «ч».

– йаган — пил [7, № 4874]. По нашему мнению, звук «й» переходит в звук «ж» «жаган», далее выпадением звука «г» появляется слово жаан. Значит в кыргызском языке пословица «Жамандан — жаан, жакшыдан — мөөн» обозначает: «от плохого человека рождается (иногда) как слон (большой, видный), а от хорошего человека рождается как «кишка» (мелкий, маленький)».

– тоно слово: тон — кийим, с помощью аффикса -а — образовался глагол от существительного, то есть «кийимин чечип, тартып алды» до словно «сняв, отнял одежду».

– катык — основа — кат, то есть в кыргызском языке обозначает «добавить что-нибудь на что-то». Сейчас говорят «кошуу, аралаштыруу» «прибавлять, разбавлять». После этого, мы думаем, образовались слова катышуу, катышуучу, то есть «участник, действующее, присоединяющее участвующее (на выборы, на собрании и т.д.)». А слово «катык» обозначает, прибавление к пищи (чего-либо).

– көн [7, № 1801] — баштык, идиш. Например: Көн йыпар — жыпар баштык «пахнущий мешочек». С помощью присоединения аффикса –чөк, между звуками «н» и «ч» с прибавлением звука «ө», вполне возможно, появилось слово «көнөчөк». Значит, «көнөчөк» — «маленькая посуда, сделанная из кожи (шкуры)». Кыргызы «көн» называли шкуру, а аффикс –чак обозначает уменьшение.

– бохсум — таруудан жасалган ичимдик, бозо — «напиток, сделанный из пшена» [6, с. 474]. Это слово претерпело большое фонетическое изменение. –чөб [7, № 1662] — чөкмө, обозначает «то, что осталось на дне». Из этого образовалось нынешнее слово «чөбөгө». Потому что когда кипятят сливку, «чөбөгө» остается на дне, а масло всплывает вверх.

– соку — соку [7, № 5761]. М. Кашгари писал о том, что начальная форма бакку — дөбө, как и в слове йагку — жаан появляется две «к» (сокку) в дальнейшем сокращается одна буква (соку, баку, йаку). Значит, основа слова «соку» является глагол «сок, ур, жанч», с присоединением аффикса, образующее имена «–гы, -кы» появляется: сок+ку. Тогда основа слова «баку»: бак — кара, көр «смотри»;

аффикс –гы, -ку, образуя «бакку» (типа из эпоса «Манас» «Кароол дөбө»). Тюркский язык азербайджанского народа, столица Баку тоже возможно, тоже связано с этим словом.

– ич кур [7, № 1704] — ычкыр, т.е. гащник. Звук первого слова «и» переходит в звук «ы», а звук второго слова звук «ы» перешёл в звук «у».

– кулач [7, № 1883]. Вытянув две руки в разные стороны (размах руки), между ними будет «кулач». Этимологию этого слова М. Кашгари объяснил следующим образом: «Это слово образовалось от слова кол ач — колду сун [6, с. 356].

– ык тутты — ыктыгты; ык — оору, тутты — кармады «прихватил», то есть «прихватил болезнь».

– үч ок — очок, то есть треног, очак из трех ног.

– токач, токоч — у М. Кашгари это слово образовалось с помощью ток эр.

– кой майак — кумалак. Кой майаки — койдун корголу «овечий помет».

– көнөк — териден жасалган идиш «посуда, сделанная их шкуры». Например: Жаан төп куйду, б.а жаан көнөктөн куйгандай жаады «дождь лил как из көнөк». Сейчас иногда говорят «жаан чакалап куйду» «дождь лил как из ведра».

Название местности, рек.

– Талас. Тасал — поло оюнундагы чек, метатезаланган «в игре поло, граница». Обозначает «ээн-эркин, кенен» «свободно». А Тараз — обозначает «тесное место».

– Өзгөн — Өз кенд, «өз шаар, өзүбүздүн шаар», то есть «свой город» б.а.

– Самаркан(д) — Семиз кенд — семиз шаар, бышыкчылыктуу, бай шаар «жирный город, богатый, урожайный город». И сейчас кыргызы говорят «семиз жер» «жирная земля».

– Ташкен — Ташкент [7, № 2557]. М. Кашгари говорит так: «аш — Шаштын (бөлөкчө) аталышы» «название отдельной местности». Где родился Бул Абу-Бакр ал-Каффал аш-Шаштын, родина: таш кэнд — «таш шары» «город таш» [6, с. 436].

– Тамга — дениз, көл, өзөнгө куюучу суунун тарамы «озеро, побережье речки».

– Занби — кара чегиртке «черный кузнечик» [7, № 6681]. «Занби арт — Кочкор-Башы менен Баласагындын ортосундагы тоолуу өткөөл (ашуу)» «перевал между Занби арт — Кочкор-Башы и Баласагына». По нашему мнению, это место находится в Кыргызстане на перевале Шамшы. Мы думаем, так как там много кузнечиков, поэтому так назвали.

В заключение можно сделать выводы о том, что в этимологии можно выявить «Дивану лугати-т тюрк» М. Кашгари кыргызского и тюркского языка. Все приведенные примеры имеют большое значение в историческом, этимологическом и лингвистическом контекстах.

Таким образом, этнографизмы и этимологии слов «Дивану лугати-т тюрк» М. Кашгари занимают важное место в истории кыргызского языка и кыргызского народа.

Литература

1. Бартольд В.В. Сочинения. — Том V. — М.: Наука, 1968. — 757 с.
2. Боровкова Т.А. О фонетической терминологии в словаре Махмуда Кашгарского «Дивану лугат-ит-турк» // Известия АН СССР. — Т. 25. — Вып. 6. — М., 1966. — С. 528–531.
3. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
4. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // Советская тюркология. — 1972. — № 1. — С. 18–23.
5. Кононов А.Н. Поэма Ю. Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. — М.: Наука, 1983. — С. 495–517.
6. Кашгари М. Түркий тилдер сөз жыйнагы. 1-2 т. / пер. на кыргызский язык И. Абдувалиев, Т. Ахматов, А. Оморов, И. Султаналиев, М. Толубаев. — Бишкек, 2013.
7. Кашгари М. Диван Лугат ат-турк / пер. на русский язык З.-А.М. Ауэзова. — Алматы, 2005.
8. Кошгарий М. Туркий сузлар девони / пер. на узбекский язык С. Муталлибов. — Ташкент, 1960–1961.
9. Султаналиев И. Махмуд Кашгаринин «Дивану лугати-т түркүнүн» тили: монография. — Бишкек, 2015.

Сведения об авторе:

Султаналиев Ишенбек, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: argennozbaev7@gmail.com

КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТЮРК» И СОВРЕМЕННЫЙ КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК

И. Султаналиев

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассмотрены вопросы корневых морфем (первоосновы) в «Диване», их фонетико-лексические и грамматические изменения и «удлинение» в кыргызском языке.

ROOT MORPHEME OF “DIVANU LUGATI-T TYURK” AND MODERN KYRGYZ LANGUAGE

I. Sultanaliev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The Article considers matters of root morphemes (fundamental principle) in “Divan”, their phonetic-lexical and grammatical changes and “lengthening” in the Kyrgyz language.

Язык — это историческое явление, проходящее длинный путь. В своих эволюционных этапах развития он подвергается фонетическим, лексическим и грамматическим изменениям. В качестве доказательства может выступать разница между словами «Кутадгу билиг» Ж. Баласагына, «Дивану лугати-т тюрк» М. Кашгари и современного кыргызского языка. Так как два автора являются современниками, изменение некоторых корневых морфем в современном кыргызском языке рассмотрим на основе словаря М. Кашгари.

В языкознании есть понятие «первооснова». Б.М. Юнусалиев в своем труде под названием «Киргизская лексикология» подробно остановился на вопросе «корневых морфем». Поэтому, продолжая традиционный принцип, мы решили назвать термин первоначальной основной «корневые морфемы» (унгу морфемалар). Он отмечает, что «... мертвые для современного киргизского языка формы *са-, *ба-, *жаш-, *түт и т.д. перестали функционировать только после появления новых форм слов и после некоторого периода сосуществования старых и новых форм: са- и сана, жаш- и жаша, түт- и түтө» [7, с. 13]. Уточняя, дальше говорит следующим образом: «Если исходить из реальных зафиксированных фактов, то корни состояли, в чем нетрудно убедиться, из простейших звуков и звуковых комплексов: ө- “думать”, у- “сон”, ба- “связывать”, са- “считать, мыслить”, сы- “ломать, разрушать”, кү- “охранять”, йү- “грузить” и т.д.» [7, с. 42]. Здесь ученый обратил внимание на некоторые корневые морфемы современного кыргызского языка.

Материальная основа слова — звук, из звука рождался слог (морфема), потом появляется слово. Современные многослоговые слова в древности состояли из одного или двух слогов, слова, которые «удлинились».

Определение первоначальной основы слов открыли бы много интересных фактов не только в кыргызском языке, но и во всех тюркских. К примеру, есть моменты, когда переводчики неправильно переводят значения слов в оригиналах текстов. Например: Тириг эсэн болса таң өкүш көрүр (№ 189. Нумерация по З. Ауэзовой) — Эсен-соо болсо, (адам) кызыкты (таңгаларлык нерсе, окуяларды) көп көрөр (кыргыз яз.) — Здесь первоначальная основа «таң» заменена «таң заар, аткан таң (заря)». А. Егеубай неточно перевел на казахский «Аман болса тири (жан) таңды (?) көп көрүр». Также неточен перевод выражения А.З. Ауэзова: «Живя да здравствуя, человек видит много чудес» и С. Муталлибов: «Одам эсен сог бүлса, кизик нарсаларни кўп кўради». В этом плане словарь М. Кашгари может дать разъяснения многим словам. Например:

– сыма — сындырба [2, № 2801]. Токум бузуб кудрукта бычак сыма / согум союп куймулчакта бычак сындырба — При разделе мяса не сломай нож. Сейчас эта пословица звучит «боконог бычак сындырба» — Не сломай нож на ребре. Здесь первоначальная основа, то есть основа (или корень) — сы и аффикс отрицания -ма.

– кады — калады. Например: Ол ашычка отун кады — Ал казанга отун калады. Первоначальная основа — ка [6, с. 379].

– табды — табынды [2, №3242]. Кул теңри ке табды — Кул Теңирге табынды. Изначально не использовался аффикс -ын без возвратной формы залога глагола (табды), а (табынды) появился позже. Но и сейчас встречаются выражения, где используют оба варианта. Например: Ал ага сүйлөдү — Ал ага сүйлөндү. В обоих предложениях нет существенной разницы.

– сабды — саптады [2, № 3247]. Йичи йигне сабды — Тигүүчү ийне саптады. Здесь слово «удлинится» за счет аффикса глагола -ла, который стоит между основой и аффиксом. Следует обра-

тительное внимание на первооснову «йи» обоих слов, который совпадает с современным повелительным глаголом «тик», оригинал слова «тигүүчү, тикмечи» появился позже, возможно, это слово произошло от «ийнеч». Тогда вышеуказанное предложение будет переведено как «Ийнечи ийне саптады».

Следующие слова также «удлинились» при помощи прибавления некоторых звуков и слогов:

Именные слова: ка — карын, узи — учуру, убактысы, мардак — мамалак, эмки — эмчеги, кач — канча, коч — кочкор, чыгры — чыгырык, йаш — жашылча, сүчүк — суусундук, усуз — уйку-суз, отра — ортодо, муш — мышык, кес — кесим, быргык — бышкырык и др.

Глагольные слова: курды — курады, үрсе — үйлөсө, түдеш — түстөш, түзди — түзөттү, сызды — сызгырды, чакды — чагымдады, чагым кылды; санды — саналды, тойур — тойгуз, басур — бастыр, кысур — кыскар, кысды — кыскартты, кыкыр — кыйкыр, барынды — баргансыды, саклашты — сактанышты, ба — байла, банды — байланды, са — сана, сады — санады, суды — сунду [2, № 5874], сыды — сындырды, сабды — саптады, арды — арыды, эрди — эрикти, зерикти; ай — айт, кучды — кучактады, ташды — ташыды, чакты — чагымдады, чагым кылды, бөгди — бөгөдү, йакты — жакындады, кыкрыш — кыйкырыш, кечти — кечикти, бурды — буркурады, тарды — таратты, ывды — ыпылдады (шашты) и др.

Во многих словах между первоначальной основой и аффиксом есть аффикс глагола –ла. Например:

Ол атыг бады — ал атты байлады [2, № 5870].

Ол отуң сыды — ал отун сындырды [2, № 5875].

Ол ашычка отуң кады — ал казанга отун ка-ла-ды. «Йагма тилинде — кар, камак. Калады дегени жарашыктуу» [2, № 5876].

Иногда встречаются обе формы:

1) Эр койуг сады — ал койун санады [2, № 5873].

2) Ол койун санады — ал койун санады [2, № 5982].

Иногда возможно позднее прибавление аффикса между деепричастием –а, –й и аффиксом 3 лица –т. Например:

– тарыб — таратып (тар+а+т-ып). Тутар эрдим сусин тарыб — Тутар элем колун (войско) таратып (№2246).

– Курды — кур+а-ды, түзди — түз+е+т-ти, кыкыр — кы+й-кыр, арды — ар+ы-ды, басур — бас+т-ыр, и др.

Но нужно уточнить, есть ли разница в значении между словами с первоосновой и современным кыргызским произношением. Например:

– кавал ат (кевел ат) — породистый конь, рысак — асыл тукум ат, жорго [2, № 2208]. Это слово совпадает со словом «кебелбеген, кабелтең ат» современного кыргызского языка. Действительно, кыргызы называют иноходца, который не сбивается с ровного пути и не устаёт «кебелбеген жорго». Породистый конь в кыргызском языке понимают как «кабелтең ат», а рысак — кебелбес жорго. При сравнении «Дивана» с современным кыргызским языком есть моменты, когда между основой и аффиксом прибавляется гласный звук:

– түзди — түзөдү [2, № 3276]. Между основой и аффиксом прошедшего времени прибавился звук «ө».

– ташды — ташыды [2, № 3293], прибавился звук «ы».

– бөкди — бөгөдү, тосту [2, № 3319]. Ол сувуг бөкди — Ал сууну бөгөдү.

В результате «удлинения» в современном кыргызском языке появились сложные слова и словосочетания:

бушдум [2, № 3291] — «бушайман болдум, ичим бышты» или «ичим бышып кетти». В современном кыргызском языке прибавились несколько морфем между первоосновой «буш» и аффиксом прошедшего времени –ды. К такому роду слов, которые перешли на сложную форму, приведем следующие примеры:

энат — эн салдыр, андгарди — ант бердирди, ичкер — ичке киргиз, күзерди — күз болуп калды, күчалды — күч менен алынды, чабды — чабак урду, сачгурды — чача жаздады, тушды — туш келди, тулмун — тулкусу менен, ылдурды — ылдый түшүрдү, итледи — итке тенеди, иттей кылды и т.д.

Если мы начнем глубже исследовать языковую, морфемную закономерность удлинения первоосновы, то столкнемся с интересным фактом. Например, возможно из основы «ба» появилось слово «байла», здесь основа ба, й является промежуточным звуком (интервокальным), -ла — глаголообразующий аффикс. Возможно, звук й в слове «баг-боо» является формой перехода г в й или промежуточным звуком. Потому что в «Диване» есть моменты, когда не говорится об этом.

Например: туды-тыйды; если опереться на вышеуказанные примеры, то первоосновой слов типа «тойло, ыйла, сыйла» будет то, сы, ы. В «Диване» «санады» отражен как «сады», то есть здесь первооснова — са. Тогда в современном слове «сан» —н — это аффикс, образующий из глагола существительное, а —ды является аффиксом прошедшего времени глагола. Также первоосновой в словах «жан-жашоо-жашады» будет «жа». Многие слова фонетически изменились, но первооснова одна. Например: төңүр — төркүн [2, № 6565], первооснова — тө.

При сравнении «Дивана» с современным кыргызским языком некоторые слова совпадают с первым слогом, а остальные полностью изменились. Это, конечно, спорная проблема, но лучше исследовать и предлагать гипотезу, чем просто оставить без внимания. Например:

– кәләр (келер) — кескелдирик (ящерица). Это слово на узбекском будет «колтакесек», а на казахском «кесертке». Как мы видим, в других тюркских языках первые слоги одинаковы.

– сагыр [2, № 1915] (тюрк, узбек, уйгур языках — сыгыр) — это слово совпадает с современным кыргызским «салбуурун». Первые слоги омонимичны. Слова «салбуурун» в узбекском, уйгурском и тюркских языках нет.

«Укороченные» слова.

Слова могут не только удлиняться, но и укорачиваться, то есть некоторые слоги или аффиксы, которые встречаются в «Диване», сокращены в современном кыргызском языке. Например: түвүр (ДЛТ) — түр (кырг.), кирик — кир, теркин — тез, тамурган — тамган, казыңук — казык и т.д.

Два самостоятельных слова объединяются, второе слово переходит в аффикс и сливается с основой. Например: Ол таш турур — Ал таш же ал таштыр. Ол куш турур — Ал куш же ал куштур.

По нашему мнению, эти предложения вначале были как «ал таш болуп турат», «ал куш болуп турат», потом постепенно присоединился первый слог второго компонента к основе «тур-ур», в современном кыргызском языке появился аффикс —дыр, который присоединяется к именным и глагольным основам. Например: Асандыр, апамдыр, кызылдыр, келгендир, баргандыр и т.д.

Мен саңа барыглы мен — Мен сага барамын [2, с. 519]. Мен бармас мен — Мен барбасмын. Мен барыр мен — Мен барармын. Олар бармас (о)лар — Алар барышпас. Булар бармас (бу)лар — Булар барышпас. Биз бармас миз (биз) — Биз барбаспыз [2, с. 522]. В вышеуказанных примерах в начале и в конце предложения местоимения повторяются. Такое явление встречается и в памятниках Орхон-Энесая. А в современных тюркских языках в конце предложения местоимения сливаются с основой. Это, по нашему мнению, процесс влияния устной речи. Еще следует отметить, аффикс множественного числа —лар был аффиксом 3 лица, этот аффикс был самостоятельным местоимением: о+лар, бу+лар и т.д. в таком случае говорить «мендер, сендер — сенлер, сиздер — сизлер» не соответствует правилу. Возможно, поэтому в «Диване» не использовалось нынешнее 2 лицо множественного числа «силер», у что аффикс —лар использовали в 3 лице. Также следующие слова в современном кыргызском языке сократились на один звук или слог.

казыңук — казык	тамурган — тамган
түвүр — түр	кирик — кир
теркин — тез	салынды — агынды

В результате агглютинации тюркских языков длинные слова типа «адамгерчиликсиздик, менчиктештирүү, төкөлдөштүктөрдүкүндөгүлөр» появились позже.

Литература

1. Кашгари М. Дивану лугати-т түрк / пер. на кирг. язык: И. Абдувалиев, Т. Ахматов, А. Оморов, И. Султаналиев, М. Толубаев. — Бишкек, 2013.
2. Кашгари М. Диван Лугат ат-Түрк / пер. на рус. язык З.-А.М. Ауэзова. — Алматы, 2005.
3. Кашгари М. Дивану лугат-ит түрк / пер. на турец. язык Б. Аталай. — Анкара, 1985.
4. Кашгари М. Түркий тиллер диваны / пер. на уйгур. язык Имин Турсун. — Ж.б., 2012.
5. Кошгарий М. Туркий сузлар девони / пер. на узбекск. язык С. Муталлибов. — Ташкент, 1960–1963.
6. Кашгари М. Түрк тилдеринин сөздүгү. 1–3 т. / пер. на кырг. язык: Т. Токоев, К. Кошмоков. — Бишкек, 2011–2013.
7. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Часть 1. — Фрунзе, 1959.

Сведения об авторе:

Султаналиев Ишенибек, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: argennoruzbaev7@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА КОРЁ МАР В РУССКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ КОРЕЙСКИХ СЛОВ

Е.Н. Кондратьева^{1,2}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

²Высшая школа экономики, г. Москва (Россия)

Доклад посвящен анализу традиционной записи корейских имен и названий, расходящейся с правилами русской практической транскрипции и являющейся отражением особенностей языка корейской диаспоры корё мар. Появление «искаженных» записей на ранних этапах отношений с Кореей обусловлено несколькими причинами, одной из которых является отсутствие профессиональных переводчиков и, как следствие, широкое привлечение носителей корейского языка, проживающих на территории советского Дальнего Востока и республик Средней Азии, являющихся исторически выходцами из северных районов Кореи и носителями соответствующих диалектов. Проведенное лингвистическое исследование обнаружило ряд диалектных закономерностей, оказавших доминирующее влияние на запись, в частности, корейских имен и географических названий, повсеместно используемых и в наши дни.

SPECIFIC FEATURES OF KORYO MAR IN RUSSIAN TRANSCRIPTION OF KOREAN WORDS

E.N. Kondratyeva^{1,2}

¹Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Moscow (Russia)

²Institute for Classical and Oriental Studies of Higher School of Economics, Moscow (Russia)

In this article so-called “traditional” Russian transliteration of names of the first Korean migrants in Russian Far East is explained. We found some patterns dating back to the Middle Korean language which were preserved in some dialects and implemented in these Russian spellings of Korean names.

Корё мар — язык, общий для представителей корейской диаспоры, проживающих на территории России и государств Средней Азии. Он развился на основе северного диалекта хамгён, вернее, на основе говора юкчин, который многие специалисты выделяют в отдельный диалект. Более подробно об истории этого диалекта, письменных источниках на нем, о его особенностях см. труды Н.С. Пак и Р. Кинга [1, 2, 3].

Как известно из архивных документов и письменных свидетельств, первые выходцы из северных районов Кореи начали появляться на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Поначалу они занимались на сезонные работы и по окончании летних заработков возвращались обратно в Корею, однако с 1863 г. начали прибывать семейные переселенцы, которые оседали сначала на территории Посыетского района, приграничного с Кореей, а затем с увеличением потока прибывших продвигались вглубь края. Обращаясь к документам и посемейным спискам того времени, можно заметить, что имена собственные, записанные в них, довольно сильно искажены по сравнению с ожидаемым литературным произношением. В условиях острой нехватки переводчиков и государственных служащих, знающих корейский язык, естественно, имена и прочие данные записывались исключительно на слух, отражая диалектные особенности носителей.

После японской оккупации и Второй мировой войны отношения с Кореей значительно активизировались по сравнению с периодом первых контактов. Информация об этой стране и народе из официальных документов начала проникать в прессу, СМИ, научные и художественные произведения и становиться достоянием широких общественных масс. Однако общепринятой системы для передачи корейских реалий и имен посредством русского алфавита разработано еще не было, поэтому вплоть до середины XX в. в основном прибегали к помощи советских корейцев, носителей диалекта корё мар. Это и привело к появлению так называемой традиционной записи корейских имен, которая известна и по сей день.

В настоящее время для записи корейских слов в России используются две системы транскрипции — русская практическая транскрипция Л.Р. Концевича (РПТ) и система А.А. Холодовича. В докладе мы рассмотрим примеры самых известных прецедентных записей (например, Ким Ир Сен вместо ожидаемого по РПТ Ким Ильсон, Ким Чен Ир вместо ожидаемого по РПТ Ким Джониль, Сеул и Пхеньян вместо Соуль и Пхёнъян и др.), которые закрепились у нас как традиционные и поныне используются повсеместно именно в таком «искаженном» с научной точки зрения варианте, а также попытаемся объяснить их особенности. Для анализа конкретных примеров мы обратимся к истории формирования диалекта юкчин, описанию фонетических особенностей северных диалектов, а также их среднекорейским параллелям.

Литература

1. Пак Н.С. Прародина диалекта юкчин корейского языка и первые сведения о нем // Российское корееведение. Альманах. — Вып. 4. — М., 2004. — С. 275–292.
2. King J.R.P. An introduction to Soviet Korean // Language Research. — 1987. — 23. — Pp. 233–277.
3. King J.R.P. Archaisms and innovations in Soviet Korean dialects // Language Research. — 1992. — 28. — Pp. 201–223.

Сведения об авторе:

Кондратьева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока, Институт классического Востока и античности, Высшая школа экономики (Москва, Россия). E-mail: kondratelena@yahoo.com

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Л.Н. Тыбыкова

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

В Республике Алтай остро стоит вопрос о реальных путях и возможностях расширения социальных функций алтайского языка, без чего он не может функционировать как государственный. Современная оценка языковой ситуации и анализ результатов внедрения законов в жизнь показывает, что многие статьи закона о языках в Республике Алтай не реализованы в срок по объективным причинам, которые связаны с социально-политическими и экономическими трудностями. Вызывает тревогу будущее алтайского языка, как языка национального меньшинства в Республике Алтай, который подвергается угрозе быстрой модернизации и урбанизации. Массовая миграция алтайского населения из села в город приводит к усилению языковой ассимиляции.

LANGUAGE POLICY IN THE ALTAI REPUBLIC AND THE PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE ALTAI LANGUAGE

L.N. Tybykova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

In the Altai Republic, there is an acute issue of the real ways and possibilities of expanding the social functions of the Altai language, without which it cannot function as a state language. A modern assessment of the language situation and analysis of the results of the implementation of laws in life shows that many articles of the law on languages in the Altai Republic were not implemented on time for objective reasons that are associated with socio-political and economic difficulties. The future of the Altai language as a language of a national minority in the Altai Republic, which is under the threat of rapid modernization and urbanization, is alarming. Mass migration of the Altai population from village to city leads to increased linguistic assimilation.

В первые алтайский язык, как и многие языки Российской Федерации, обрел официальный юридический статус. Закон о языках, провозгласивший на территории Республики Алтай два государственных языка — алтайский и русский, был принят в марте 1993 г. Этот законодательный акт должен гарантировать всеобъемлющую государственную поддержку в процессах сохранения и развития алтайского языка как государственного. Но функционирует ли алтайский язык как государственный на территории Республики Алтай? Надо признать, что функции государственного языка алтайский язык выполняет не в полном объеме, или выполняет формально. Это подтверждают и сами депутаты, контролирующие выполнение статей закона. Они пришли к заключению, что Республиканский закон «О языках» не в полной мере реализует предоставленные субъектам Российской Федерации права, статьи закона являются декларативными, не определяющими четкий круг полномочий органов государственной власти РА по реализации языковой политики. «Реализация только одного раздела Закона РА «О языках», регулирующего использование языков в сфере географических объектов, топографических обозначений, визуальной информации рекламного характера, требует фундаментальных мер со стороны исполнительной власти, органов местного самоуправления, ответственности [2–3].

В синхронном срезе языковая ситуация в РА характеризуется как экзоглоссная и несбалансированная [1]. Несбалансированность проявляется в количественной и качественной неравнозначности общественных функций, выполняемых русским и алтайским языками. Несмотря на то, что законодательство РА никоим образом не ограничивает сферы использования алтайского языка, в официальном общении (в сфере законодательства, в административной деятельности (в управлении, деловой

переписке), в сфере судопроизводства, в хозяйственной деятельности, в сфере обслуживания и торговли, в сфере транспорта, связи и т.д.) используется русский язык. Алтайский же язык используется номинально. Обычно в текстах документов (титульных листов, печатей, штампов, штемпелей) и вывесках наименования государственных органов, организаций, предприятий и учреждений пишутся на двух государственных языках — алтайском и русском.

В Республике Алтай усилия широкой общественности, представителей науки, образования, культуры и органов управления направлены на решение проблемы сохранения и развития алтайского языка как государственного в ее социокультурном и образовательном аспектах. Алтайский язык изучается на всех уровнях общего образования, в том числе в дошкольных учреждениях, но, к сожалению, это в большинстве своем факультативы. Регулярно публикуется художественная и учебно-методическая литература на алтайском языке. Но при этом с начала 90-х гг. количество общеобразовательных школ, в которых преподают алтайский язык и литературу как предмет, сократилось на треть. Сегодня в Республике Алтай нет ни одной школы со статусом национальной.

На региональной научно-практической конференции «О функционировании государственного алтайского языка на территории Республики Алтай», посвященной 30-летию со дня образования РА, глава региона Олег Хорохордин дал поручение разработать отдельную государственную программу на трехлетний период (2022–2024 гг.) по сохранению и развитию алтайского языка.

Приоритеты языковой политики сегодня определяются стремлением соответствовать потребностям полиэтничного населения Республики Алтай, учитывать особенности языковой, демографической и политической ситуации и сохранить стабильность межнациональных отношений. Вместе с тем языковое планирование предусматривает необходимость целенаправленного расширения алтайского коммуникативно-языкового пространства, которое стало неизбежно перекрещиваться с существовавшим русским коммуникативно-языковым пространством. Зоны перекрещивания и оказались местом особого напряжения для обоих языков.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Туденев Н.В. О языковой политике в Республике Алтай // Языки и литературы народов Горного Алтая: Международный ежегодник. — 2006. — Горно-Алтайск, 2006. — С. 6–9.
3. Чумакаев А.Э. Функционирование алтайского языка в СМИ Республики Алтай: современное состояние // Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай: сборник научных статей. — Горно-Алтайск, 2010. — С. 51–70.

Сведения об авторе:

Тыбыкова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: lar.tybykova@yandex.ru

СПОСОБЫ ОБОГАЩЕНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Ерленбаева

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

В данной работе выявлены морфологический (аффиксальный) и лексико-синтаксический способы обогащения животноводческой лексики алтайского языка, а также выделены основные типы семантической мотивированности указанной лексики.

METHODS OF ENRICHMENT ANIMAL HUSBANDRY VOCABULARY OF THE ALTAI LANGUAGE

N.V. Erlenbaeva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

In this article, morphological (affixal) and lexico-syntactic ways to enrich the livestock of the vocabulary of the Altai language, as well as the basic types of semantic motivation of the specified vocabulary.

Для многих тюркских народов скотоводство является одним из древнейших занятий. В течение многих веков и для алтайцев оно было ведущей отраслью в их трудовой деятельности. На основе данного хозяйственного уклада жизни веками формировалась и развивалась общенародная животноводческая лексика алтайцев. Развитие терминов скотоводства было обусловлено также появлением и распространением среди коренного населения жизненно необходимых ремесел, основанных на продуктах животноводства.

Животноводческая лексика алтайцев по своему грамматическому способу образования не отличается от словарного состава других отраслей, ибо они имеют единую основу развития. Термины, обозначающие животноводческую лексику алтайского языка, могут образоваться следующими способами: морфологическим (аффиксальный) и лексико-синтаксическим:

– морфологический способ словообразования представляет собой создание новых слов путем сочетания морфем по определенным правилам в словесные единства. Существуют разные типы морфологического способа словообразования, например: фонетико-морфологический, аффиксальный и смешанный. В составе животноводческой лексики алтайского языка представлен только один тип — аффиксальный, относящийся к морфологическому способу словообразования. Этот способ словообразования в алтайском языке представляет собой образование новых слов при помощи аффиксов. Например: актала=ган ‘холощенный скот’, сог=ум ‘скот предназначенный на убой’, тönö=жин ‘жеребенок (от трех до четырех лет)’ и др.

Известно, что в алтайском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует категория грамматического рода. Однако в некоторых животноводческих терминах встречаются древнейшие аффиксы выражения категории рода =жин/=жин, например: тönö=жин ‘четырёхлетняя кобыла’, куна=жин ‘трехлетняя кобыла’;

– лексико-синтаксический способ (лексикализация). В русистике под термином «лексико-синтаксическое словообразование» обычно подразумевают образование слитных сложных слов на базе непредикативных словосочетаний [1, с. 299]. В тюркологии под этим термином рассматривается лексикализация предикативных и непредикативных словосочетаний и возникновение в результате данного процесса сложносоставных и слитных сложных слов: иркек анай/улак ‘козленок-самец’, иркек бозу ‘теленки-самец’, иркек кураган/кураан ‘ягненок-самец’, көдүртке мал ‘истощенные, слабые животные’, көдүртке уй/ийнек ‘тощая малорослая корова’, көдүртке кой ‘тощая малорослая овца’, кой мал ‘овца как вид скота’, оок мал ‘мелкий скот’, темдектү мал букв.: ‘скот/скотина с отметиной’, жайдак ат ‘неоседланная лошадь’, жоон мал ‘крупнорогатый скот’, жылкы мал ‘лошадь как вид скота’, эмдик айгыр ‘необъезженный жеребец’, эмдик ат ‘необъезженная лошадь’, эржине ат/мал ‘конь особой породы’, ‘вещий конь (фольк.)’ и т.д.

Общеизвестно, что представители живой и неживой природы окружающего нас мира имеют непосредственно воздействующие на наши органы чувства признаки: цвет, вкус, размер, объем, возраст, характер, поведение, состояние и т.д. При формировании названий животных может быть положен в основу какой-либо из этих признаков, то есть мотивов. Естественно, с течением времени часть названий, в том числе и животноводческой лексики, утратили свои мотивы, то есть с современной точки зрения они стали немотивированными, например: мал ‘скот’, кой ‘овца’ и т.д. (далее в работе по отдельным лексико-семантическим группам приведены лишь наиболее прозрачные, отчетливые мотивы происхождения терминов животноводства).

У алтайцев в названиях видов домашнего скота выделяются следующие типы семантической мотивированности:

- 1) по родополовым признакам: айгыр ‘жеребец’, бее, байтал ‘кобыла’, бука ‘бык’, уй/ийнек ‘корова’, теке ‘козел’ и т.д.
- 2) по возрасту: сарбаа/сарбага ‘жеребенок (в возрасте до года), тай ‘жеребенок (от одного года до двух лет), торбок ‘бычок по второму году’ и т.д.
- 3) по времени их рождения: күски кураган/кураан ‘ягненок, родившийся летом’, жаскы бозу ‘теленки, родившийся весной’ и т.д.
- 4) связанные с плодоношением животных: кысыр/кызыр ‘яловый’, ук мал ‘фондовое животное, оставленное для воспроизводства’ и т.д.
- 5) по их предназначению в хозяйстве: саар уй/ийнек ‘дойная корова’, согум ‘скот, предназначенный на убой’ и т.д.
- 6) по занимаемому месту в стаде: куча ‘баран-самец, баран-производитель’, бука ‘бык-производитель’ и т.д.

7) по их внешним анатомо-физиологическим признакам: чунаш анай/уулак 'корноухий козленок', чолтык куйрукту 'животное с коротким, обрубленным хвостом', тоймок/товкыр 'безрогое, комолое животное' и т.д.

8) по их повадкам: сүзеген/сүзеен 'бодливый', тиштек 'имеющий привычку кусаться (о лошади)' и т.д.

9) связанные с их аллюром: јорго 'иноходец', аргымак 'рысак' и т.д.

10) связанные с основными окрасками цветового спектра: кара ам 'вороня лошадь', јеерен уй/ийнек 'рыжая корова', көк кой 'серая овца' и т.д.

Изучение мотиваций названий рассмотренной нами отрасли дает богатый материал при исследовании воззрений, психологии и духовной жизни народа. А также оно дает возможность более полно ознакомиться с их укладом жизни.

Таким образом, анализ животноводческой лексики алтайцев показывает, что она отражает материально-духовную культуру и быт народов с древнейших времен. Основная часть слов рассмотренной нами отрасли формировалась в эпоху древнетюркской языковой общности, о чем свидетельствуют широко распространенные в настоящее время во многих тюркских языках наименования: ам 'лошадь' бее 'кобыла', кулун 'жеребенок', бозу 'теленки', кой 'овца', ийнек 'корова' и т.д.

На протяжении веков животноводческая лексика обогащалась и способствовала формированию и развитию алтайского языка в целом. Алтайский язык обладает богатой животноводческой лексикой, характеризующей самые различные стороны животноводческого хозяйства. Это объясняется большим удельным весом животноводства в хозяйственно-экономической жизни алтайцев.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М., 1990.
2. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. — Уфа, Гилем, 2000.

Сведения об авторе:

Ерленбаева Надежда Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: env-1977@yandex.ru

ТЮРКИЗМЫ БОЯРИН, ЕСАУЛ, АТАМАН, БОГАТЫРЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

М.К. Шарипова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

В данной статье рассматриваются слова тюркского происхождения лексико-семантической группы «названия лиц», которые являются лингвокультурами в русской языковой картине мира. Данные тюркизмы, адаптировавшись в древнерусском языке, представляют собой константы лингвокультуры, «некий постоянный принцип культуры», которые сохранили эти признаки и в русском языке, также их называют лингвокультурами. Проводится историко-этимологический, лингвокультурологический анализы данных тюркизмов.

TÜRKISMS BOYAR, ESAUL, CHIEFTAIN, HERO AS LINGUISTIC CULTURE IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

M.K. Sharipova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

This article examines the words of Turkic origin of the lexical-semantic group «names of persons», which are linguocultures in the Russian linguistic picture of the world. These Türkisms, having adapted in the Old Russian language, represent the constants of linguoculture, «a certain constant principle of culture» which have retained these features in the Russian language, they are also called linguocultures. Historical, etymological, linguoculturological analyses of the data of Türkisms are carried out.

Тюркизмы, обозначающие «названия лиц» — богатырь, есауль, атамань, боярин и др., адаптировавшись в древнерусском языке, обозначают культурно значимые древнерусского народа явления, данные слова в заимствованном языке претерпели некоторые лексико-семантические преобразования.

Слова, обозначающие лиц, входят в семантическое поле — «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд слов, слова и выражения, в своей совокупности покрывающие определенную область значений» [12, с. 334]. Иными словами, «более или менее множество слов, точнее их значений, связанных с одним и тем же фрагментом («куском») действительности» [19, с. 118].

В древнерусском языке слово «бояринъ» имело значение «член высшего сословия в феодальном обществе» [9, с. 300–301]. В.И. Даль пишет: «Бояринъ. Встарь былъ жалованный санъ: вельможа, знатнѣйшее сословіе въ государствѣ; нынѣ баринъ» [4, с. 121].

Положение бояр на Руси И.И. Срезневский описывает следующим образом: они были «главными старшими членами княжеской дружины и члены княжеской думы, они служили князю по своей воле, свободно переходили от одного князя къ другому, получали за службу въ кормленье доходъ съ части княжескихъ владѣній, имѣли право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія во владѣніяхъ князя, подлежа по нимъ суду его и платежу дани» [14, с. 161].

Ср.: «...бояры и дворАны. придоша въ шатерь сю... Глѣбъ съ братьмъ ... начасто съечи ... а в прчихъ боярь и дворАн множество съ своими дворАны и съ Половчи» [14, с. 161–162].

При рассмотрении этимологии этого слова «бояринъ» (откуда барин [18, с. 203;]) необходимо считаться с тем фактом, что старославянское «болюринъ» представляет собой наиболее древнюю форму. М. Фасмер считает, что слово «боляринъ» произошло из дунайско-болгарского (тюркского) языка, откуда пришло в старославянский. Более удовлетворительно в фонетическом отношении объяснение Ф.Е. Корша: из кокандск., башк., татар., турец., азерб. *bajar* «хозяин, русский офицер; чиновник». Возможно, прав С.Е. Малов, указывая источник др.-тюрк. *bai* «знатный, богатый» + *ar* «человек», т.е. «знатный человек; этим словом именовали старую родовую знать в отличие от служилого дворянства (дворянин) [18, с. 203].

Тюркизм богатырь / богатырь / багадурь / баядурь / бегадурь характеризует лицо по личным качествам, благодаря которым оно «имело влияние в обществе» [17, с. 47].

В древнерусских памятниках слово богатырь было очень употребительно:

Князя Мстислава Мстиславича и сами вѣсте каковъ есть... и есть у него мужи храбры зело и велицы богатыри [14, с. 127].

В древнерусском языке это слово употреблялось в нескольких вариантах: богатырь; богатырь; Езукай Багадурь (отец Темучина); судан Баядурь (воевода у Чингисхана); бегадур [14, с. 127].

Слово «батырь», «батырь» образовано от богатырь в результате определенных фонетических изменений: богатырь > боатырь (диереза) > баатырь (стяжение звуков) > батырь. Фонетические изменения аналогичны изменениям в словах: турец. *saat*, казах. *сағат*; турец. *muallim*, казах. *муғалім*.

Слово «богатырь» заимствовано из тюркских языков: др.-тюрк. *baɣatur* (откуда и венг. *bátor* «смелый»), дунайско-болг. *baɣatur*, турец., чагат. *atur* «смелый, военачальник», шор. *paɣattyr* «герой», монг. *bagatur*, калм. *bātr* [18, с. 183].

Об этимологии этого слова О.О. Сулейменов пишет: «Неслучайно автор называет Всеволода буйтуром». Ср.: Игорь ждет Всеволода, И рече ему буйтуръ Всеволодъ (Слово о полку Игореве). Это находка для тюркологов, мечтающих понять этимологию слова «батырь» (батур, боотур, богатур, богатырь); буй-тур буквально «высокий господин», сохраняет черты волжских тюрков [16, с. 52].

Согласно сведениям древних источников, в частности, Авесты, обитали кочевые «туры с быстрыми конями». Туры в персидских источниках именуется саками, что значит «могучие мужи» [17, с. 12]. Слово «батырь» обозначало «лицо из числа профессиональных военных; храбрец». Статус батыря определялся ролью в военной жизни и близостью ко двору хана или влиятельного султана. Не каждый хан имел титул батыря, его надо было заслужить на ратном поприще [17, с. 47].

Для каждого языка, культуры характерно возникновение специфических созначений — коннотаций. Коннотативное значение обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную картину мира.

Слово «богатырь» является лингвокультуремой. Богатырь в русской культуре — это образ воина, мужчины с положительными качествами. Слово «богатырь» имеет значения «мужчина, обладающий сверхъестественной силой», «всесторонне развитый, воинственный», которые являются «смысловой опорой нескольких языковых значений более широкой предметной ориентации [3, с. 47].

Словарь С.И. Ожегова дает такое толкование значения этого слова: «герой русских былин, совершающий воинские подвиги; человек очень большой силы, стойкости, отваги» [7, с. 53]; словарь В.И. Даля: «Человек рослый, дородный, дюжий и видный, храбрый и счастливый воин, витязь» [4, с. 102].

Помимо языкового содержания («человек, в основном мужчина, наделенный мужественностью, храбростью, огромной силой, совершающий подвиги»), эта лингвокультурема имеет и внеязыковое, национально-культурное содержание.

При слове «богатырь» в древнерусских летописях обязательно используются эпитеты: храбрыя, славныя богатыри; мужи храбры зело и велицы богатыри; благородныи [14, с. 127].

Ср.: «Половцы ... многих без числа убиша и храброго Давыда Ярунович убиша тысячкого Киевского и Ивана богатыря славнаго ...; Убиша же (Половцы) тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича» [14, с. 127].

Положительная коннотация слова «богатырь» предопределила употребление этого слова не только в качестве имени лица, но и в характеризующей функции: оно выступает как предикат со значением «совокупность признаков, свойственных богатырю», напр.: «Бѣдѣи богатурь и Бурундѣи багатурь» [14, с. 127].

От слова «богатырь» в древнерусском языке образовано слово «богатырство» — «наличие качеств богатыря»: «(князь Михаилъ) уподобися древнимъ богатыремъ, якоже убо многимъ дивитися ево богатырству» [14, с. 128].

Слова в словообразовательном гнезде современного русского языка: богатырь — богатырка, богатырство, богатырский, по-богатырски, чудо-богатырь характеризуются положительной коннотацией. В русских былинах и сказках («Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаревиче», «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Добрыня и Змей» и др.) воспеваются храбрость, мужество, смекалка, благородство русских богатырей:

«Говорили мужички ему черниговски:

– Ты удаленький дородный добрый молодец,

Ай ты, славный богатырь да святорусский!..

Он спустил добра коня да й богатырского,

Он поехал-то дорожкой прямоезжею.

Его добрый конь да богатырскии

С горы на гору стал перескакивать,

С холмы на холмы стал перемахивать,

Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал» (Былина «Илья Муромец и Соловей Разбойник») [2, с. 44].

Все это позволяет определить слово «богатырь» как лингвокультурему, знак русской культуры, в которой сосредоточены не только языковые знания, но и национально-культурные коннотации.

Поскольку слова способны хранить в народной памяти «следы далеких эпох», великие события жизни народа, достижения и потери, положительный опыт и ошибки человеческого бытия, приведенные тюркизмы как раз и представляют собой ту группу слов, которая обозначает то, что значимо для истории русского народа [15, с. 40], определяющую самобытность, оригинальность, «лицо» и силу языка и культуры.

В казахском эпосе для представления джигита, всесторонне развитого, умелого в бою, любви, искусстве, труде, красноречии, используют выражение «сегіз қырлы», которое на русский язык буквально переводится «восьмиугольный» или «восьмигранный». Ср. казахские пословицы: Сегіз қырлы балықты, тоғыз қырлы жігіт алады; Жігіт сегіз қырлы, бір сырлы болсын.

В древнерусском языке слово «Осмомысль» образовано от слов осмь «восемь», мыс «угол, грань» и обозначало «восьмиугольный», «восьмигранный». В «Слове о полку Игореве» Святослав обращается к Галицкому князю «Галичкы Осмомыслъ Ярославле!». Ярослав был крупным государственным деятелем, пользовался большим авторитетом и влиянием среди русских князей, был известен своим красноречием. Обращение Святославом Ярослава Осмомысль известно только по «Слову о полку Игореве». Оно имеет различные толкования: у него восемь мыслей, т.е. у него много забот, военных и политических; он очень мудр — умен за восьмерых и др. [11, с. 212–213].

О.О. Сулейменов так определяет значение слова «Осмомысль»: «заботящийся одновременно о восьми различных делах» [16, с. 56–57]. Это значение подтверждается характеристикой Ярослава, данной в Ипатьевской летописи: «Бе же князь мудр и речен языком (красноречив), и богобоин (богобоязлив), и честен в землях и славен полкы» [11, с. 213].

Глубина представлений, связанных с лингвокультуремами, находится в прямой связи с лингвокультурологической компетенцией носителя языка. Тюркизм «богатырь» при заимствовании древнерусским языком сохранил свою семантическую структуру. В языке-источнике к качествам богатыря, кроме «безмерной силы», также относятся героизм, красноречие, честность, дружелюбие, справедливость, любовь, красота, меткость, честь, искусство пения и др.

Есауль / ясауль — «казачий чин» (первый после атамана). Заимствовано из тюркских языков: чагат., турец. *jasaul* «распорядитель, исполнитель повелений». Ср. в древнерусских памятниках письменности:

Боярам нашимъ, и околничимъ, и думнымъ діакомъ, и дворяномъ, и столникомъ, и стряпчимъ, дворяномъ изъ городовъ, и головамъ стрѣлекимъ, и жилцомъ, и дѣтемъ боярскимъ, атаманомъ, есауломъ, и казакомъ;

Приговорили атаманы и ясаулы и казаки и все войско, что имъ женъ своихъ, вѣнчалныхъ и невѣнчалныхъ съ собою не имати [14, с. 231].

Позже слово становится наименованием офицерского чина (равного капитану) в казачьих войсках и приобретает новое значение «старший распорядитель (после атамана) у разбойников» [13, с. 255].

Слово атаманъ / ватаманъ в древнерусском языке известно в активном употреблении с конца XIII в. Первоначальное значение слова было далеко от военной области применения — «вожак», «предводитель», «главный в каком-либо деле, в какой-либо группе людей»: Ходити трмъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондрей Критцкый. Именно это древнейшее значение дошло до наших дней [13, с. 255].

К XV в. слово становится обозначением предводителя казацкого войска: Отъ Геронтія Митрополита всея Руси, въ отчину господина и сына моего Великого князя..., на Вятку, воеводамъ, и ватаманомъ всемъ.

По мнению Ф.П. Сороколетова, употребление слова атаманъ в «военном» значении создано и закрепилось в казачьей среде, а затем перешло уже в общерусский язык. Видимо, казаки атаманом называли командиров всех рангов: «От васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, и мы и атамановъ болшихъ у васъ не знаемъ» [13, с. 242].

Относительно происхождения этого слова Н.К. Дмитриев пишет: «Распространенное в южно-русских степях и в Крыму слово атаман, очевидно, происходит от корня ата со значением «отец», «дед», «предок» и аффикса –ман, т.е. обозначает то же, что укр. батько (ата-ман «большой отец», «наибольший»). Это мнение может поддерживаться тем, что первоначальные употребления слова в древнерусском языке не имели отношения к военной тематике. По утверждению Н.К. Дмитриева, атаман в некоторые современные тюркские языки попало вторичным путем из русского (татарское, киргизское, казахское, азербайджанское, а также и румынское *ataman*) [5, с. 17].

М. Фасмер делает попытку возвести слово ватаманъ к тюркскому одаман — «старейшина пастухов или казачьего лагеря»: турец., крым., татар. ода «солдатская артель», «отряд», и ссылается на протетическое [в]: ватага [18, с. 95].

Ср. в древнерусских памятниках: Кончакъ стоялъ, его же ѣдуще по молонени оминуша: иные же выгаты (= вагаты) оузрѣвше удариша на них (Кончака миновали русские, а другие ватаги половцев были ими замечены).

Интересная «семантическая история» у слова бесермень — бесурманинь — бесерменинь — бесурманинь — бусурманъ — босурменинь — мусульманинь — «поклонник Магомета», ср. в древнерусских текстах:

«Засима ... отвержеса Христа и быть бесерменинь, вступивъ въ прелесть лжаго пророка Махметя... Егда людие подвизашася на бесермень тогда и того безаконнаго убиша» [14, с. 71].

Начальный звук [б] в древнерусском языке возник в результате диссимиляции. Согласно П.М. Мелиоранскому, это заимствование из кыпчакского языка, он сравнивает кирг., казах. *висигтап*, турец. *müsiğman* (фонетически видоизмененное мусульманин в значении «исповедующий ислам; в последующем развилось значение «иноверец, иноземец») [6, с. 95].

Из приведенных примеров видно, что бесермень — бесурманинь — бесерменинь — бесурманинь — бусурманъ — босурменинь — мусульманинь употребляются с прилагательными поганые татарова, поганые бусурмане, скверные бесормане, так называли тюркских воинов.

Ср. у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Бородино» бусурманы в значении «французы», «враги»:

Вот затрещали барабаны –
И отступили бусурманы.

Синонимом слова басурманъ является слово Бахмить / Бохмить ← Магомет (последователи Магомета), ср.: А наши погнаша сѣкуще поганыя Бохмити... и тако истопоша боле тысАчи ихъ [14, с. 299].

От слова «бесермень» были производные: бесерменство, бесерменский [14, с. 72].

Вне зависимости от системы у слова могут появляться вторичные, переносные значения, развиться некоторые его устойчивые коннотаты. Таким образом, попадая в ту или иную систему, слово, как правило, уже «отягощено» историческим прошлым, часто весьма сложным и длительным. Вполне понятно, что при установлении семантической значимости слова как члена определенной ЛСГ какого-либо синхронного среза немаловажное значение приобретает история его развития. Важность исторического подхода, учет истории и предыстории развития лексической единицы для уяснения ее современного состояния трудно переоценить [1, с. 19].

Изменение значения заимствованных слов бывает обусловлено и тем, что в русском языке сохраняются не все значения слова, свойственные ему в родном языке.

Литература

1. Алимбиева В.В. Семантическая значимость слова и структура ЛСГ. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 177с.
2. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. — М., 1989. — 638 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 331 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1999. — Т. 1–4.
5. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. — М., 1948. — Вып. 3. — С. 5–40.
6. Мелиоранский П.М. Заимствование восточного слова в русской письменности домонгольского времени // Известия Отдела русского языка и словесности. — 1905. — Т. X, кн. 4. — С. 109–134.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
8. Потебня А.А. Мысль и язык. — М., 1989. — 323 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН ССР Институт русского языка.; гл. ред. Р.И. Аванесов. — М.: Русский язык, 1988–1989. — Т. 1–10.
10. Современный русский литературный язык / под ред. Н.М. Шанского. — Л.: Просвещение, 1988. — 671 с.
11. Слово о полку Игореве. — М.: Худож. литер., 1987. — 222 с.
12. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.
13. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. XI–XVII вв. — Л.: Наука, 1970. — 383 с.
14. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — СПб., 1893. — Т. I: А-К; 1895. — Т. II: Л-П; 1803. — Т. III: Р-Ш и дополнения А-Я (Репринтное издание. — М.: Книга, 1989).
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
16. Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. — Алматы: Жазушы, 1975. — 303 с.
17. Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен до наших дней. — Алма-Ата, 1992.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — Т. 1–4.
19. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1990. — 415 с.

Сведения об авторе:

Шарипова Мадина Куанаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, филологический факультет, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: madina_pgu@mail.ru

КОНТЕКСТНЫЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ)

Б.Б. Саналова

НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

Значения многозначного слова соотносятся с одной и той же лексемой как единицей плана выражения, но каждое отдельное значение должно распознаваться с помощью средств плана выражения. Поэтому при выявлении значений многозначного слова внимание уделяется его лексическому окружению, его сочетаемости с другими словами.

CONTEXTUAL RELATIONS OF THE VERB AS THE IMPLEMENTATION OF ITS SEMANTIC STRUCTURE (BY THE MATERIAL OF ALTAI VERBS)

B.B. Sanalova

Institute of Altaic them. S.S. Surazakova, Gorno-Altai (Russia)

The meanings of polysemantic word show the relationship between one and the same lexeme as a unit of the expression's plan, but each meaning should be recognized with the help of the expression's plan. Therefore in detection of the meanings of polysemantic word, attention is devoted to its lexical surroundings, combinability with other words.

Согласно общепринятому определению, полисемия, или многозначность — это наличие у одного и того же слова двух или более лексико-семантических вариантов, связанных между собой наличием одинаковых смысловых компонентов.

Понятие полисемии неразрывно связано с понятием контекста. Неразрывность полисемии и контекста находим в объяснениях ученых. Согласно С.Д. Кацнельсону, «по отношению к полисемии контекст играет двойную роль — как средство отбора нужного значения и как средство актуализации отобранного значения» [4, с. 53]. По мнению С.Г. Бережана, «для правильного описания значения глаголов в толковых словарях необходимо учитывать их грамматическую природу, выявляющуюся только в контексте» [2, с. 56]. Согласно Ю.Д. Апресяну, значения многозначных глаголов выводятся из значения их синтаксического окружения [1, с. 51]. О.Ю. Кокошникова пишет, что «значение глагольной лексемы раскрывается в моделях субъектно-объектных отношений, по которым выявляются смысловые связи глагола с теми предметами, действие которых они обозначают» [5, с. 29].

Действительно, полисемантические или многозначные слова способны варьировать свое значение в зависимости от тех функций, которые они выполняют в предложении, в соответствии с окружающим их контекстом. Каждый ЛСВ, его отдельное значение, представляет собой такую единицу лексической системы, которая реализуется на уровне синтагматического функционирования слова.

Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, они семантически связаны друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.

Без участия контекста разные значения глагола не могут быть выражены, поэтому следует признать, что формой выражения этих значений является не только одна глагольная лексема, но и определенные элементы контекста, в частности грамматические и лексические показатели.

В данной статье мы попытаемся на примере алтайских многозначных глаголов показать участие контекста в формировании новых лексических значений глаголов; проанализировать функционирование этих глаголов во фразах различной семантики и определить условия реализации того или иного значения. Мы не будем охватывать семантическую структуру этих многозначных глаголов полностью; в сферу нашего рассмотрения будут входить лишь некоторые значения этих многозначных глаголов.

При изучении значений многозначного слова внимание уделяется его лексическому окружению, его сочетаемости с другими словами. Между значением слова и его сочетаемостью существует двусторонняя зависимость: семантика слова обуславливает его сочетаемостные потенции, а сочетаемость является формальным средством выражения и распознавания значения.

Полисемантический глагол САНАН- реализует значение 'мечтать' в устойчивом типовом контексте, представленном морфологическим показателем причастия =ган + лексическим маркером, словом кижы 'человек' + синтаксическим показателем деп, служащим в качестве связки в предложении. Например: Бого журт тӧзӧгӧн кижы деп сананатам (АЕ, СК, 43) 'Я мечтал о том, чтобы построить здесь село'. Это же значение глагола санан- 'думать' реализуется и в контексте представленном, морфологическим маркером, показателем условного наклонения =са, и синтаксическим показателем деп: Мындый койлор бисте болгон болзо деп сананадым (ЭП, БЖЭ, 85) 'Я мечтаю о том, чтобы были у нас такие овцы'.

ЛСВ 'иметь намерение, собираться, решить что-л. делать' глагола санан- 'думать' реализуется в конструкции =ар (пок. буд. вр.) + деп. Наличие зависимого компонента (=ар + деп) раскрывает содержание намерения, так как ситуация намерения предполагает действие. Семантика данного ЛСВ имеет модальный оттенок возможности, желательности действия, выраженного конструкцией =ар + деп. Ситуация мышления имеет своим следствием действие, практическую реализацию мыслей. На стадии же размышления, раздумья предполагается элемент желательности, некоторой ирреальности, что и обуславливает наличие модальности, сопутствующей рассматриваемому значению: Алан быжыл ла жолды жазап алар деп сананды (ЭП, БЖЭ, 39) 'Алан решил в этом году обязательно отремонтировать

дорогу»; Ол озо ло јаан от салар деп сананды (СМ, АК, 76) 'Он решил в первую очередь разжечь большой костер'.

В семантической структуре глагола СОК- 'бить, ударять' в типовом контексте со словом уйку 'сон' в позиции субъекта и некоторым лицом в позиции объекта формируется значение 'сильно хотеться спать'. Здесь слово уйку 'сон' выступает в роли субъекта — агенса, объект — пациенс, подвергающийся действию сна, оформлен родительным падежом, т.е. здесь мы имеем дело с изафетной конструкцией, когда оба компонента получают личное оформление: Баланын уйкузы согуп турган ошкош, ээстеп туру 'Кажется, ребенок хочет спать, зевает (букв. 'ребенка сон его бьет')'.

В алтайском языке широко употребляются выражения акча токпокто букв. 'колотить деньги', т.е. 'зарабатывать большие деньги'; бештер токпокто букв. 'колотить пятерки', т.е. 'учиться на круглые пятерки'. Употребление данных выражений в языке ведет к формированию новых значений в семантической структуре глагола ТОКПОКТО- 'колотить'. Здесь отмечается противопоставление значений по их семантическому контрасту. Действия, обозначенные глаголом токпокто- 'колотить', как правило, имеют деструктивный характер (ср.: Ол ат соготон камчызыла јырааларды јулдай токпоктой берди (ЛК, АК, 18) 'Он начал наповал колотить кустарники кнутом, которым бьют коня'). А в лексах акча токпокто 'колотить деньги' и бештер токпокто 'колотить пятерки' усилия направлены на создание (не разрушение) того результата, которым является объект действия. Иначе говоря, действие приобретает конструктивный характер.

Сочетание глагола со словами акча 'деньги' и бештер 'пятерки' свидетельствует о заключенной в этих выражениях мысли о том, что субъект — обладатель больших денег и пятерок становится им за счет своего труда, способностей, знаний, вкладывания силы, физической или умственной.

Менин карындажым школдо бештерди токпоктоп јат 'Мой братишка в школе учится на круглые пятерки (букв. 'колотит пятерки')'; Јаны ижинде Айдыш акчаны тын токпоктоп јат 'На своей новой работе Айдыш только так зарабатывает (букв. 'колотит деньги')'.

Многозначный глагол ТУТ- 'держаться' в своем функционировании в контексте о животных формирует значение 'охотиться, ловить, чтобы захватить в качестве добычи'. В данном значении дифференциальный семантический компонент «захватить в качестве добычи» предполагает в позиции объекта любое животное, которое может служить добычей для человека либо хищного животного: Былар экү кандый көп балык туткан (ЛК, МЈ, 21) 'Как много рыбы наловили эти двое'; Јаны туткан балыктан амтанду неме јок! (Аз. Ч1, 76) 'Нет ничего вкуснее чем свежепойманная рыба'; Алтын мүүстү сыгынды база мен туткам (Аз. Ч2, 121) 'Марала с золотыми рогами тоже я поймал'.

Многозначный глагол физического действия ТАРТ- 'тянуть' формирует значение 'убавляться, убывать, уменьшаться' в контексте о воде, молоке у коровы, кормящей матери и ЛСВ 'садиться, уменьшаться в размере' в контексте о материи, ткани. Здесь следует говорить о явлении «транссемантизации» — перехода одной семемы в другую путем изменения признаков [6, с. 7]. В данном конкретном случае речь идет о семантическом сдвиге за счет снятия семы «физическое действие» и приобретения новых семем. Семантический компонент «физическое действие» трансформируется в сему «физическое состояние». При реализации данных значений обращаем внимание на отсутствие объектного распространителя. Например: Талай тартыла бергенде, үлүш сабарыла кумакка аттары бичигилеп, соодоньп тургулаар болды (ЛК, МЈ, 76) 'Когда море уменьшилось, развлекались, мокрыми пальцами записывая на песке свои имена'; Бир күн өткөн, суу тартылбаган (Аз, Ч1, 104) 'Один день прошел, река не уменьшилась'; Јаантайын јунышка чамча тартып калган 'Из-за постоянной стирки рубашка села (уменьшилась в размере)'; Соокторло кожо уйдын сүди иле тартып калган 'Вместе с холодами молоко у коровы заметно уменьшилось'; Эмди карып сүдим тартыла берерде, ээм мени этке садарга семиреримди сакып јат (Аз. Ч2, 207) 'Теперь, когда я, состарившись, молоко [мое] уменьшилось, хозяин [мой] ждет, когда я наберу вес, чтобы продать меня на мясо'.

Далее в семантической структуре глагола тарт- 'тянуть' выделяется ЛСВ 'вить (гнездо)'. Данное значение следует рассматривать как узкое, специализированное в силу того, что его реализация ограничивается лишь сочетанием со словом уйа 'гнездо' в качестве объекта. Данный ЛСВ получает выражение в обязательных позициях субъекта и объекта. Баарчыктар уйа тартып, шакпыражып, чуркуражып турган (ЛК, МЈ, 220) 'Скворцы вьют гнезда, галдят, суетятся'; Айылдын тунүгинде уйа тартып алган карлагаштар чуркуража берерде, Каран бажын јангы ла көдүрди (ЛК, МЈ, 41) 'Когда ласточки, свившие гнезда в дымовом отверстии аила, засуетились, только тогда Каран поднял голову'.

Значение 'посчастливиться, повезти', реализуемое глаголом тарт- 'тянуть' в его сочетании со словом ырыс 'счастье' в роли субъекта действия, рассматривается как переносное метафорическое: Ырызын тартты: мен туку качаннан кунајынымды садарга санангам (Аз. Ч1, 35) 'Тебе повезло, я давно собирался продавать свою корову'; Менин ырызым тарткан, экзаменде јенил билет келишкен 'Мне посчастливилось, на экзамене достался легкий билет'.

Таким образом, роль контекста в формировании нового значения многозначного слова безусловна. В отношении многозначного слова контекст выступает как условие реализации того или иного значения многозначной лексемы. Каждый лексико-семантический вариант выступает в устойчивом типовом контексте: синтаксическом и лексическом. Различная типовая сочетаемость в пределах многозначной лексемы сигнализирует о разных значениях слова и, следовательно, может быть использована как подтверждение статуса семемы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1995.
2. Бережан С.Г. Обусловленность словарного значения глагола его грамматическими особенностями // Слово в грамматике и словаре. — М., 1984.
3. Васильев Л.М. Отношения языковых значений в границах полисемантического слова // Исследования по семантике. — Уфа, 1989.
4. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. — М.; Л.: Наука, 1965.
5. Кокошникова О.Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. — Новосибирск, 2004.
6. Степанова Г.В. Семантика многозначного слова. — Калининград, 1978.
7. Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. — М., 1987.

Обозначение текстовых источников:

- АЕ СК — А. Ередеев. Салымнын кўрмеги. — Горно-Алтайск, 1989.
Аз. Ч1 — Азия Чөрчөктөри 1-кы бичик. «Алтын Туу» деп Байсын-Журт, 2014.
Аз. Ч2 — Азия Чөрчөктөри 2-чи бичик. «Алтын Туу» деп Байсын-Журт, 2015.
ЖК КТ — Ж. Каинчин. Карган тыт. — Горно-Алтайск, 1994.
ЛК ЛП — Л. Кокышев. Јүс письмо. — Горно-Алтайск, 1990.
ЛК АК — Л. Кокышев. Алтайдын кыстары. — Горно-Алтайск, 1980.
ЛК МЖ — Л. Кокышев. Мечин жылдыс. — Горно-Алтайск, 2013.
СМ АК — С. Манитов. Аш кылгада. — Горно-Алтайск, 1982.
ТШ ЫЭИ — Т. Шинжин. Ырыс экелген ижемји. — Горно-Алтайск, 1986.
ЭП БЖЭ — Э. Палкин. Бичигенер јакшы, Эрте. — Горно-Алтайск, 1997.

Сведения об авторе:

Саналова Байару Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел языка, фольклора и литературы, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: sbayaru@mail.ru

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЗВУКАМ РОДНОГО (АЛТАЙСКОГО) ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

Ф.Л. Ередеева

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

Система упражнений при обучении звукам алтайского языка для невладеющих. Виды упражнений в методике иностранных языков. Постановка звуков алтайского языка на уроке в начальных классах. Особенности фонетики алтайского языка. Использование скороговорок для фонетической разминки на уроках.

THE SYSTEM OF EXERCISES FOR TEACHING THE SOUNDS OF THE NATIVE (ALTAI) LANGUAGE IN PRIMARY CLASSES

F.L. Eredeeva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

A system of exercises for teaching the sounds of the Altai language for non-masters. Types of exercises in the methodology of foreign languages. Setting the sounds of the Altai language in the classroom in primary classes. Features of the phonetics of the Altai language. The use of tongue twisters for phonetic warm-up in the classroom.

В условиях современной экономической и политической жизни сохранение и развитие своего родного языка, формирование билингвальной системы обучения становится острой необходимостью. Родной язык формируется в семье, где ребенок каждый день слышит произносимые окружающими его людьми разные звуки, их сочетания и слова. С колыбельной песней матери, потешками, прибаутками закладывается фонематический слух ребенка. При повторении звуков за родителями у него формируется артикуляционно-акустическая база родного языка.

В настоящее время мы видим обратный процесс, где языком общения в алтайской семье является русский. С трех лет ребенок ходит в дошкольное учреждение, где также разговаривают на русском языке. Вокруг ребенка возникает русскоязычная среда, в которой он не слышит алтайскую речь с ее специфическими звуками. Соответственно, артикуляционно-акустическая база формируется на основе русского языка. Поэтому в последующем овладении алтайским языком возникает явление интерференции, проявляющийся в трудности при произношении, когда уже автоматизированный навык произнесения отдельных звуков русского языка негативно влияет на формируемые [4, с. 67]. Наибольшее влияние она оказывает в начальных классах при обучении звукам алтайского языка. В алтайском языке есть специфические звуки, постановке и произношению которых нужно уделять особое внимание уже с первых уроков. Исследованию звукового строя алтайского языка посвящены труды В.В. Радлова, М.С. Канаева, И.А. Каспинского, Н.А. Каланаква, Т.М. Тощакковой, Н.П. Дыренковой, Н.А. Баскакова, М.Ч. Чумакаевой, С.Б. Сарбашевой и др.

В настоящее время мало изучены проблемы обучения произношению звуков алтайского языка детей дошкольного и младшего школьного возраста, возрастные особенности формирования звуковой стороны речи детей, усвоение специфических звуков алтайского языка детьми, не владеющими родным языком.

Исследованием проблем развития теории и методики алтайского языка занимались Е.П. Кандракова, Н.Н. Суразакова, М.А. Барантаева, Н.И. Когунбаева, Е. А. Мегедекова, К.К. Пиянтинова, Н.Б. Тайборина и др. Но эти работы подразумевают обучение алтайскому языку как родному. Обучение алтайскому языку как неродному имеет свою специфику. Основной целью проведения занятий является формирование первичных умений и навыков алтайской устной речи, использование диалога культур разных национальностей, как основного орудия познания мира через родной язык.

В начальных классах работа над формированием фонетических навыков занимает основное место в 1 классе. Во вводном фонетическом курсе формируется не только произношение. Объяснение, тренировка и употребление изучаемого звука во многом зависит от творческих умений учителя, его способности организовать работу над произношением. Для успешного овладения языковым материалом учителю необходимо выстроить систему упражнений. В методиках обучения иностранному языку выделяют 2 типа упражнений:

- 1) языковые (рецептивные, тренировочные, подготовительные);
- 2) речевые (продуктивные, коммуникативные).

На начальном этапе обучения в 1 классе лучше всего использовать языковые упражнения, которые постепенно с повышением языкового опыта переходят в речевые.

При обучении алтайскому языку как второму постановке произносительных навыков необходимо обращать пристальное внимание. Интерференция особенно характерна для звуков, которые имеют частично совпадающие условия или способ образования, и как результат — похожее звучание. Такими звуками в алтайском языке являются гласные [o], [y], согласные [к], [г], [б], [н]. При произнесении звука [к] в алтайском языке надо различать заднеязычковый [к] и язычковый (увулярный) [q], которые в действующем алфавите обозначаются одной буквой к: калаш — хлеб, кыр — гора, но кем — лодка, килин — бархат, кӧбӧлӧк — бабочка. Как отмечают И.Я. Селютина и А.А. Добринина: «На ребенка оказывают влияние традиции русского письма, в котором буквой к передается заднеязычный звук [к]. По аналогии с этим ученик и увулярный алтайский звук [q] будет произносить как русский заднеязычный, что противоречит артикуляторным нормам алтайского языка: по законам сингармонизма заднеязычный [к] функционирует в мягкорядных словах, а увулярный q — в твердорядных» [9, с. 54].

Для первичного введения и закрепления данных звуков алтайского языка можно использовать языковые упражнения фонемного и слогового типа:

На звук [н]

1. мы колокольчики, большие и маленькие, весело звоним. То громче, то тише, долго длится эхо — звук колокольчика (протянуть).

Вот звучат большие колокола: (Низко — клан-клон) а это весело и радостно маленькие: клин, клин (вибрация кончика языка на [и]).

2. Коровка мычит, просит сена. Дети произносят, плотно сжав зубы м-м-м. а теперь медленно открываем рот: принесли коровке сено: продолжаем произносить м-м-м, медленно открываем рот. Дети продолжают произносить м-м-м с разомкнутыми губами, получая звук [н].

На младшем этапе в начальных классах переход к произнесению новых звуков должен обеспечиваться фонетическими зарядками, которые включают не только упражнения на тренировку речи, но и на быстроту и отчетливость произнесения отдельных звуков, слов и предложений. Для этого по-

лезно применять скороговорки как родного, так и нового, иностранного языка на различных этапах обучения.

Например, на согласный звук [к]

Ак сагыш алкышту,
Кара сагыш каргышту.
На согласный звук [б]

Благословенны светлые мысли,
Плохи черные мысли

Билбес болзон — урен,
Билер болзон — урет.

Если не знаешь — учись,
Если знаешь — учи
[5, с. 281; пер. наш].

Скороговорки хороши как подготовительные артикуляционные упражнения в фонетической зарядке на младшем, среднем и старшем этапах. Они превращают заурядную, монотонную, а иногда и откровенно скучную работу над произношением в веселое и забавное занятие. Учитель может быть уверен, что введя скороговорку на уроке, да еще с шутливым заданием произнести ее с «картавым» акцентом, с придыханием, с различным логическим ударением, с различным ритмом и интонациями — жалобы, удивления, испуга, выразительности, восторга или ликования — он получает возможность обеспечить тренировку того или иного звука, интонации вне урока, потому что ученики повторяют скороговорки на родном языке с большим желанием и на переменах и дома.

Например, для тренировки произношения звука [к] можно использовать для речевой разминки скороговорку «Казан асканы керегинде» («О том, как варили казан»)

Казак кыс казан азат,
База јазап азык јазайт,
Казанды ас база јазап,
Јаза азыкты, казак кыс!

Для успешного усвоения звуков алтайского языка необходимо сочетать различные упражнения на основе имитационного, артикуляционного, сопоставительного методов. При обучении алтайскому языку как второму эффективны упражнения на идентификацию:

- соотнести транскрипционные значки с буквами и буквосочетаниями;
- прослушать и сказать, в каких словах встречались следующие звуки;
- подчеркнуть слова, где есть этот звук;
- хлопнуть в ладоши, когда услышат звук и др.

Также часто используются упражнения на дифференциацию:

- провести фонетический диктант: запись за диктором изолированных звуков, слов и небольших предложений в транскрипции, установление ударения в словах и т.д.

Очень часто ошибки при произношении слов встречаются в ударениях, так как от правильной постановки ударения, а тем самым и выделения одного из слогов, зачастую зависит понимание собеседника. Неправильность ударения создает и сильный акцент. Как отмечает А.В. Андронкина: «Ударение и его навык образуются путем интерферентного переноса из родного языка в иностранный, в этом случае может присутствовать целый ряд фонетических ошибок» [4, с. 37]. В алтайском языке ударный слог отличается от безударного большей силой, большей длительностью, четкостью. Безударный слог ослабляется, звуки в них более краткие, гласные подвергаются количественной редукции. Ударение в алтайском языке чаще всего падает на последний слог, например: эчки'. Важно обратить внимание детей на постановку ударения в алтайском языке, так как он имеет смысловозначительную функцию. Например, чайла (с ча'ем), чайла' (пей чай).

Для отработки ударения можно предложить обучающимся составить слова из предложенных частей слов и выделить в образованных словах ударные слоги. Также можно использовать аудиозаписи с чтением стихотворений на алтайском языке.

Таким образом, эффективность обучения звукам родного языка, прежде всего, зависит от самого учителя, его творческого подхода и желания заинтересовать учеников. В этом ему поможет эмоционально и интересно подобранный материал, который заинтересует учащихся. Правильно выстроенная система упражнений на уроке поможет достичь более высоких результатов.

Литература

1. Алтай тилге ас тоолу калыктардын балдарын уредерине болушту методикалык ууламјылар. — Горно-Алтайск: Министерство образования и науки РА, 2020. — 58 с.
2. Алтай тилле иштеер программалар (1-4 класстар). — Горно-Алтайск, 2012. — 154 с.

3. Алтай тилле иштеер программалар (тил билбес балдарга) 2-4 класстарга. — Горно-Алтайск, 2012. — 46 с.
4. Андронкина Н.М., Качкышев А.А. Особенности обучения произношению на уроках иностранного языка в алтайской национальной школе. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2001. — 140 с.
5. Кунеш (2 жаштан 6 жашка јетире болчомдорго кычырар хрестоматия) / сост. Е.Н. Тобоева. — Горно-Алтайск: Министерство образования и науки, 2004. — 383 с.
6. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. — М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. — 268 с.
7. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
8. Сарбашева С.Б. К проблеме разработки тубинского алфавита // Алтайская и восточная филология. — М., 2005. — С. 388–400.
9. Селютина И.Я., Добринина А.А. Особенности фонологической системы алтайского литературного языка и проблемы современной орфографии // Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. — С. 52–59.

Сведения об авторе:

Ередеева Фаина Леонидовна, ассистент кафедры алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: yustukova.faina@yandex.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РФ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

Е.М. Гостюшева

Лицей № 1 г. Горно-Алтайска, г. Горно-Алтайск (Россия)

В статье рассматриваются некоторые аспекты реализации государственной языковой политики в Республике Алтай. Прослеживается федеральное и региональное законодательство. На основе актуальных статистических данных сделаны выводы относительно текущего состояния языковой политики в регионе.

**STATE LANGUAGE POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI REPUBLIC)**

E.M. Gostyseva

Lyceum No. 1 of Gorno-Altai, Gorno-Altai (Russia)

The article considers some aspects of the implementation of the state language policy in the Altai Republic. Federal and regional legislation is traced. On the basis of relevant statistics, conclusions have been drawn on the current state of language policy in the region.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживает около 200 этносов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры.

Языковое законодательство является частью языковой политики государства. Проблема юридического закрепления статуса языков в федеральном и региональном законодательстве не является до конца решенной. В настоящее время 21 субъект федерации обладает статусом республики и все они, согласно Конституции РФ, характеризуются как государства, которые имеют в качестве своих основных законов конституции (в отличие от остальных субъектов федерации) и наделяются правом установления своих государственных языков в дополнение к русскому [1].

Республика Алтай была образована в 1922 г. как Ойротская автономная область в составе Алтайского края и переименована в 1948 г. в Горно-Алтайскую автономную область. В начале девяностых годов прошлого века был изменен сначала статус региона в сторону его повышения, а затем было модифицировано название: в 1990 г. — Горно-Алтайская АССР, в 1991 г. — Горно-Алтайская ССР, в 1992 г. — Республика Горный Алтай, с 1993 г. — Республика Алтай [2, с. 135].

Алтайское население неоднородно в своем составе и представляет южных алтайцев или собственно алтайцев, говорящих на южно-алтайском языке, телеутов (в Кемеровской области) и теленгитов (в районе и к югу от Телецкого озера). Этнографы относят южно-алтайский язык в состав кыр-

гызско-кыпчакской группы тюркских языков. Другой группой алтайцев считаются северные, говорящие на северо-алтайском языке, среди которых выделяются тубалары (левобережье реки Бии и северо-западное побережье Телецкого озера), кумандинцы, телеуты и челканцы. Этнографы относят северо-алтайский язык в состав северо-алтайской группы тюркских языков. Существовавшие резкие различия по языку, культуре, быту и антропологии между двумя алтайскими группами постепенно сгладились к середине XX в.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике проживают 202 736 человек, из них алтайцев — 34%, русских — 56%. Третья по численности группа населения республики — казахи (6%), проживающие преимущественно в Кош-Агачском районе [3, с. 14]. К коренным малочисленным народам себя отнесли 4%. Из них наиболее многочисленными являются теленгиты (1,8%) и тубалары (0,9%), челканцы и кумандинцы — по 0,5%, шорцы — 0,04% [4, с. 252].

Вопросы языковой политики в Республике Алтай кроме Конституции РФ [1] и Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» [4] регулируются Конституцией Республики Алтай и рядом других законодательных и подзаконных актов.

Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» предписывает наименование организаций, предприятий и учреждений осуществлять на государственных языках региона. Языками внутреннего делопроизводства и документации государственных органов, организаций, предприятий и учреждений, расположенных на территории Республики Алтай, являются государственные языки — русский и алтайский [5].

Конституционный закон Республики Алтай «О Государственном гимне Республики Алтай» допускает исполнение Государственного гимна Республики Алтай на алтайском и русском языках, в оркестровом, хоровом, оркестрово-хоровом либо ином вокальном и инструментальном исполнении [6].

Закон «О государственных наградах Республики Алтай» устанавливается названия наград Республики Алтай на русском и алтайском языках [7].

Обращение граждан в парламент возможно на двух государственных языках [8]. Разработана в новой редакции Инструкция по русской передаче алтайских географических названий в Республике Алтай, утвержденная распоряжением Правительства Республики Алтай, в целях усовершенствования практики русской передачи алтайских географических названий в Республике Алтай. Утвержден Перечень наименований населенных пунктов, пересекаемых рек, ручьев, расположенных на территории Республики Алтай вдоль трасс автомобильных дорог общего пользования, на алтайском языке постановлением Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай.

На основании Закона Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» постановлением Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай создана Терминологическая комиссия по алтайскому языку при Государственном Собрании — Эл Курултай Республики Алтай, которая разрабатывает основные понятия и термины алтайского языка, используемые в официальной сфере общения.

Согласно Закону «О культуре в Республике Алтай» [9], учреждения культуры республики реализуют программы государственной поддержки, сохранения и развития алтайского языка через репертуар театра, книгоиздание, проведение культурно-массовых мероприятий и др. [9].

В Законах Республики Алтай «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай», «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» регулируются отношения, возникающие в сфере выявления, возрождения, сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай, что способствует сохранению традиционной культуры, а следовательно, и алтайского языка. На объектах культурного наследия республиканского значения, включенных в Единый государственный реестр, должны быть установлены надписи и обозначения, содержащие информацию об объекте культурного наследия, выполненные на алтайском и русском языках [10].

Закон «Об эпическом наследии Республики Алтай» принят в целях сохранения, защиты и популяризации эпического наследия. Именно через такие объекты наследия, как кай черчек (кай чорчок) — алтайское героическое сказание, кай — традиция устного исполнения героического сказания о богатырях горловым пением, черчек (чорчок) — сказка, вид повествовательного прозаического фольклора, проявляется богатство алтайского языка и передача его последующим поколениям [12].

Но больший акцент в сохранении народной культуры, социальных норм поведения, духовно-нравственных ценностей; в развитии у детей интереса к народной культуре, воспитания дружеского отношения к людям разных национальностей реализуется в рамках системы образования. Закон «Об образовании в Республике Алтай» гарантирует право на сохранение родного языка, создание

условий для его изучения и развития на всех ступенях образования: дошкольном, школьном и вузовском [13]. В общеобразовательных организациях Республики Алтай учебные предметы «Алтай тил» (Родной (алтайский) язык), «Литературалык кычырыш» (Литературное чтение (на алтайском языке)), «Алтай литература» (Родная (алтайская) литература) преподаются с 1 класса по 11 класс. Согласно статистическим данным мониторинга 2020 г., алтайский язык преподается в 126 школах Республики Алтай. Всего «Алтайский язык» изучают 11326 обучающихся (31% от общего числа), из них: 6857 обучающихся изучают алтайский язык по основной программе, 4469 чел. изучают по программе «Алтайский язык как государственный язык Республики Алтай». Статистика показывает, что алтайский язык в дошкольных образовательных организациях города Горно-Алтайска в 2017 г. изучали 517 человек, в 2018 г. — 607, в 2019 г. — 601, в 2020 — 583 человека.

В заключение можно сказать, что в Конституции Республики содержатся положения о двух государственных языках: русском и языке титульной нации. В регионе принят закон о языках, в котором подтверждаются соответствующие статьи конституций и подробно регламентируется употребление языков на территории регионов. Кроме того, на территории республики «в официальных сферах общения и в местах компактного проживания его носителей» указывается третий язык — казахский. Но между тем не дается определения понятия «государственный язык» (не приводятся такие определения и в законах о языках).

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31.
2. Республика Алтай. Большое путешествие. — Барнаул, 2011.
3. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Горно-Алтайск, 2012. — Т. 2, ч. 1.
4. ФЗ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 11.06.2021) // Российская газета. — № 132. — 17.07.2021.
5. Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» от 03.03.1993 №9-6 (ред. от 27.11.2020). [Электронный ресурс]. — URL: altai-republic.ru/legal-acts/official-publication-of-nra/head-of-the-republic/
6. Конституционный закон Республики Алтай «О Государственном гимне Республики Алтай» от 11.09.2001 № 24-8 (ред. от 04.04.2016). [Электронный ресурс]. — URL: altai-republic.ru/about-the-region/gosudarstvennye-simvolyy/gosudarstvennyy-gimn-respubliki-altay.php.
7. Закон Республики Алтай «О государственных наградах Республики Алтай» от 18.10.2005 № 73-ПЗ (ред. от 24.06.2018) [Электронный ресурс]. — URL: altai-republic.ru/activity/personnel-policy/nagradnaya-politika/zakon_ra_gos_nagradi.pdf
8. Постановление Государственного Собрания Эл Курултай Республики Алтай «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай» от 03.10.2010 № 7-27 [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru/32111469/
9. Закон Республики Алтай «О культуре в Республике Алтай» от 25.06.2014 № 53-ПЗ (ред. 07.07.2015) [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru/32120962/
10. Закон Республики Алтай «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» от 16.09.2003 № 14-16 [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru
11. Закон Республики Алтай «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» от 05.12.2008 № 120-ПЗ (ред. 25.11.2016) [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru/32107720.
12. Закон Республики Алтай «Об эпическом наследии Республики Алтай» от 13.06.2018 № 23-ПЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: base.garant.ru/44362016/
13. Закон Республики Алтай «Об образовании в Республике Алтай» от 15.11.2013 № 59-ПЗ (ред. 29.03.2017) [Электронный ресурс]. — URL: pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=164022702&page=1&rdk=8#10
14. Об обеспечении изучения обучающимися по основным общеобразовательным программам родного языка. [Электронный ресурс]. — URL: altai-republic.ru/activity/president-strategic-initiatives/?ELEMENT_ID=25400

Сведения об авторе:

Гостюшева Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, учитель истории, Лицей № 1 г. Горно-Алтайска (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: altmpsi@mail.ru

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Модераторы: **Октябрьская Ирина Вячеславовна**, доктор исторических наук, профессор Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Рахматулина Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Восточно-Казахстанского архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск, Казахстан)

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

Статья посвящена рассмотрению становления концепта «нематериальное культурное наследие». На основе анализа международных документов, текстов исследователей, принимающих участие в обсуждении Конвенции об охране нематериального культурного наследия, показано изменение представлений о понятиях «традиционная/народная культура», «фольклор», «прошлое». Обозначены проблемные вопросы. Показано, что современная трактовка концепта «нематериальное культурное наследие» является результатом компромисса между режимами наследования различных стран.

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE: FORMATION OF THE CONCEPT

E. V. Samushkina

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

The article examines the emergence of the concept of «intangible cultural heritage». On the basis of an analysis of international instruments and texts by researchers involved in the negotiation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, a change in the concepts of «traditional/folk culture», «folklore», «the past» is shown. Issues of concern have been identified. It has been shown that the modern interpretation of the concept of «intangible cultural heritage» is the result of a compromise between the inheritance regimes of different countries.

В конце XX — начале XXI в. одной из дискутируемых тем стало нематериальное культурное наследие. В ходе обсуждений в рамках режима наследований различных стран были обозначены некоторые вопросы: каково соотношение Конвенции ЮНЕСКО о нематериальном наследии и аналогичных документов, разработанных на национальном уровне, какие институты легитимизируют отбор, кто играет роль эксперта при составлении списка нематериального наследия? Какие программы разрабатываются и какой идеологический взгляд на культуру раскрывают эти программы?

Современное определение понятия «наследие» было сформулировано в научных, общественных дискурсах к 1970-м гг. Как отмечают многие исследователи, происходило расширение трактовки: формулировка становилась все более неопределенной, круг объектов, рассматриваемых в качестве наследуемых, постепенно увеличивался. К 1990-м гг., в том числе в результате процессов деколонизации, демократизации и глобализации, настойчивых требований различных социальных групп, включая индигенные сообщества, было признано их право на сохранение культурной самобытности, на репрезентацию и на определение важных для сообщества элементов культуры в качестве объектов культурного наследия. Результатом этого процесса стало обсуждение на мировом и национальных уровнях, а затем принятие череды документов, посвященных нематериальному культурному наследию.

В 1989 г. была разработана «Рекомендация о сохранении фольклора». В ней было дано определение фольклора/традиционной или народной культуры, под которым понимается совокупность творений, основанных на традициях данной группы, отражающих культурную и социальную самобытность, призванных представлять чаяния сообщества. Фольклор рассматривался в качестве наследия

человечества, с одной стороны, объявлялся средством сближения различных народов и социальных групп, с другой стороны, обозначался в качестве маркера культурной специфики. Особое внимание предполагалось уделить работе с населением: вести деятельность по распространению идеи о фольклоре как об элементе культурной самобытности, широко распространять народную/традиционную культуру как часть наследия. При этом по возможности избегать искажения материала [6].

В рекомендации признавался хрупкий характер традиционной культуры в современном мире, обозначались риски ее исчезновения. В тексте документа было установлено, что фольклор должен сохраняться в интересах социальной группы, самобытность которой он выражает. Государства-участницы ООН, таким образом, должны содействовать его изучению на всех уровнях: от международного до местного. Исследователи и носители, согласно разработчикам рекомендации, должны быть допущены к архивам, для того чтобы изучить процесс изменения традиции, в случае если традиции не используются или находятся в процессе трансформации. Отмечается также, что в процессе сохранения фольклора предпочтение следует отдавать способам представления традиционных и народных культур, которые популяризируют живые или ушедшие свидетельства этих культур. При этом акцент делается на демонстрации среды существования группы, образа жизни, навыков и умений. Декларируется право каждого народа на свою культуру, особенно в ситуации индустриализации и распространения культуры через средства массовой информации. В целях сохранения и распространения народной и традиционной культуры предлагается ее изучение в учреждениях школьного и внешкольного образования. При этом программы, посвященные рассмотрению фольклора, должны содержать не только материал, описывающий фольклор сельских сообществ, но и образцы, воспроизводимые в городском пространстве, в рамках модернизированной культуры. Государствам-участницам рекомендуется содействовать лучшему пониманию культурного многообразия, различных мировоззрений; оказывать моральную и экономическую поддержку учреждениям и лицам, занимающимся популяризацией традиционной культуры, научным организациям, изучающим фольклор. Особое внимание предполагается уделить работе с населением: предлагается вести деятельность по распространению идеи о фольклоре как об элементе культурной самобытности, широко распространять народную/ традиционную культуру как часть наследия. При этом по возможности избегать искажения материала [6].

Проблема нематериального культурного наследия была продолжена в докладе, подготовленном специалистами ЮНЕСКО «Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами». Центральная тема сообщения — проблема обеспечения существования культурного разнообразия. Согласно тексту документа, существование культурного разнообразия является непреложным фактом. Авторами доклада отмечается, что оно — не застывший в неприкосновенности порядок вещей, требующий своего сохранения в веках, но ресурс, который развивается, имеет свои потенциальные преимущества [5, с. 1]. По мысли разработчиков текста, необходимо принять широкое определение культуры в духе декларации в Мехико 1982 г. Под культурой призвано понимать «совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу», включая «помимо искусства и литературы, образы жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и веры» [5, с. 4]. Важно отметить, что культура рассматривается как процесс, при помощи которого общество трансформируется характерным для данной группы образом. Авторами документа через весь текст проводится мысль о важности недопущения замкнутости группы в своей идентичности, о рассмотрении культурных различий в качестве стимула для дальнейшего развития и изменений. Таким образом, фокус внимания международных организаций смещается от сохранения и охраны объектов и практик, форм самовыражения, находящихся в опасном положении, к поддержке культурных преобразований, содействию появлению множественных форм культурной принадлежности. При этом указывается, что не стоит отождествлять многообразие культур с многообразием национальных культур. Национальная идентичность построена на конструировании образов прошлого с целью формирования чувства общности. Культурная же идентичность, о которой идет речь в документе, является процессом, который меняется под своим собственным воздействием, его следует воспринимать не с точки зрения наследия прошлого, а как проект, обращенный в будущее [5, с. 7].

В 1998 г. ЮНЕСКО была сформулирована и принята программа провозглашения шедевров устного и нематериального наследия, целью которой являлись стимулирование осознание большого значения устного и нематериального наследия, составление его реестра, поддержка стран в составлении национальных перечней и принятие мер юридического и административного характера в области сбережения этих практик, содействие участия мастеров в идентификации и восстановления знаний и умений. Согласно документу, были обозначены две категории нематериального наследия: разнооб-

разные формы традиционной культуры и культурные пространства, «места, где сконцентрирована народная и традиционная деятельность» [3].

В мае 2001 г. Коитиро Мацуура провозгласил 19 шедевров из 32 заявленных. Во время второго Провозглашения, состоявшегося в ноябре 2003 г., к списку шедевров были добавлены 28 из 56 представленных. В ноябре 2005 г. в список были внесены 43 шедевра, после чего общее их число стало равным 90. Провозглашенные формы были расположены в более чем 70 странах мира: 14 — в Африке, 8 — в арабских странах, 30 — в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 21 — в Европе и 17 — в Латинской Америке и Карибском регионе [3].

В начале 2000-х гг. была представлена программа «живые человеческие сокровища». В тексте документа подчеркивалось, что нематериальное культурное наследие обеспечивает социальным общинам, группам и отдельным личностям чувство идентичности и преемственности, а его сохранение гарантирует наличие творческого потенциала. Особое внимание предлагалось уделять людям, которые передают знания и умения. Авторами было сформулировано следующее определение: живые человеческие сокровища — это люди, обладающие на высоком уровне знаниями и умениями, необходимыми для интерпретации или воссоздания конкретных элементов нематериального культурного наследия. На национальном уровне было рекомендовано выявить граждан, обладающих компетенциями, составить списки. Каждой страной должны были быть выбраны соответствующие названия для данной категории лиц. Во Франции, Чехии, Корее и Японии такие номинации уже на тот момент существовали: Мастер искусств, Носитель народного искусства и ремесел, Живое национальное достояние, Носитель важных культурных ценностей [2].

Важно отметить, что на становление концепта «нематериальное наследие» большое влияние оказали традиции наследования, существующие в Японии и Корее. В 1993 г. Корея предложила исполнительному совету создать национальные списки лиц, «преуспевающих в традиционной и народной культуре», а также глобальный список живых человеческих сокровищ, составленный комитетом, выполняющим функции, аналогичные функциям Комитета всемирного наследия. Это предложение было направлено на то, чтобы придать «определенный престиж» мастерам и исполнителям фольклорных произведений, «подобно культурным и природным ценностям, внесенным в список всемирного наследия», и облегчить передачу их знаний молодым поколениям. Предложение Республики Корея было основано на ее собственной политике в области наследия. С 1962 г. в корейском законодательстве о наследии действует программа защиты «носителей важных нематериальных культурных ценностей» [2].

Подобно Корее, в Японии действовало законодательство по охране культурных ценностей, согласно которому под защиту попадали нематериальные культурные ценности, воплощающие образ жизни японцев. Под особую защиту попадали носители важных нематериальных ценностей, обладающие умениями, способные передать их последующим поколениям мастеров. Именно японский режим наследования, в рамках культурной истории которого сложился институт нематериального наследия, повлиял на внедрение его в международном масштабе. В свою очередь, представление о концепте наследия, сформировавшиеся в европейской традиции, через международные организации в том числе, трансформировали систему наследия в стране восходящего солнца. Шериф Хазнадар — поэт, писатель, режиссер, бывший директор Дома мировой культуры, один из «отцов-основателей» Конвенции о нематериальном культурном наследии подчеркивал, что она была принята для восстановления баланса на международной арене и явилась ответом на европоцентричный подход, воплощенный в институте Всемирного наследия; и была призвана продемонстрировать не материальные памятники, а музыку, спектакли, ритуалы [2].

Конвенция об охране нематериального культурного наследия была принята в 2003 г. В ней было сформулировано понятие «нематериальное культурное наследие», означающее обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и в некоторых случаях — отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. В документе подчеркивается, что нематериальное наследие не ограничено историческими формами его бытования, но и включает современные сельские и городские практики, представленные различными сообществами. В качестве объектов немате-

риального наследия фигурировали устные традиции и формы выражения, включая язык, исполнительское искусство; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [4].

Лурдес Ариспе, профессор Мексиканского национального университета, бывший помощник Генерального директора по вопросам культуры в ЮНЕСКО, один из авторов концепции, отмечал, что данный документ стал признанием новых взаимоотношений между несколькими акторами — национальными государствами, носителями культуры, творцами и работниками культуры. По мысли антрополога, нематериальное культурное наследие следует рассматривать как процесс, включающий умения, создание объектов, их экономическую ценность. Институты сохранения должны сосредоточиться на защите этих знаний, процессов созидания, являющихся связующим звеном прошлого сообществ с их будущим. Правовые институты сбережения были учреждены для привлечения к проблеме важности разнообразных человеческих творений для мирового сообщества, укрепления самобытности, в том числе этнической и национальной, признания на международной арене нематериального культурного наследия. Они были призваны обеспечить психологическую потребность людей чувствовать принадлежность к какой-то исторической традиции, обеспечить социальное сотрудничество в эпоху рыночной конкурентной экономики и бытования индивидуалистских ценностей. В ходе обсуждений концепта была обсуждена роль женщин в обществах, относящихся к традиционному типу. Ученые отмечали, что в противовес модернизационным парадигмам, в рамках которых женщин относили к угнетенным социальным группам и ратовали за их освобождение в ходе трансформационных социальных процессов, механизмы конвенции должны поддержать роль женщины как хранительницы традиций. Таким образом, нематериальное культурное наследие должно стать ресурсом для жизни сообществ, поэтому важное место в определении элементов, которые нужно сохранять, становятся именно люди [1].

Как отмечают исследователи, в ходе обсуждения Конвенции было несколько дискуссионных вопросов, которые остаются открытыми до сих пор. Это и вопрос трактовки понятия «аутентичность», претензии различных сообществ на одну практику, требование территориальной или культурной «привязки» происхождения той или иной традиции, возмущение групп «экспроприацией» объектов нематериального культурного наследия в ходе их распространения в мировое пространство и др. Принятый документ породил множественные дискуссии, особенно во Франции и Италии, где существует разветвленная система институтов наследования и сложившиеся академические практики его изучения. Интересным для рассмотрения становится трансформация национальных режимов, с одной стороны, выработка компромиссных к представлениям о наследии, существующих в Азии и, с другой, — привнесение европейского опыта.

Литература

1. Arizpe L. The genealogy of intangible cultural heritage // *Le patrimoine culturel immatériel au seuil des sciences sociales. Actes du colloque de Cerisy-la-Salle, septembre 2012.* — Paris, 2020.
2. Bortolotto Ch. L'Unesco comme arène de traduction. La fabrique globale du patrimoine immatériel // *Gradhiva* [En ligne], 18 | 2013, mis en ligne le 01 décembre 2016, consulté le 19 août 2021. URL: <http://journals.openedition.org/gradhiva/2708>
3. Proclamation des chefs-d'œuvre du patrimoine oral et immatériel de l'humanité (2001-2005). URL: <https://ich.unesco.org/fr/proclamation-des-chefs-d-oeuvre-00103>
4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
5. Рабочее резюме. Всемирный доклад ЮНЕСКО Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ifap.ru/pr/2009/n091020c.pdf>
6. Рекомендация о сохранении фольклора от 15 ноября 1989 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902084650>

Сведения об авторе:

Самушкина Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: khakassie@yahoo.fr

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ, ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ

А.В. Черных

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь (Россия)

В работе рассматриваются особенности выстраивания политики и работы в направлении сохранения нематериального культурного наследия в России, определяются основные особенности этнокультурного ландшафта России и ее регионов, а также такие направления работы по выявлению, сохранению и популяризации объектов нематериального культурного наследия, как изучение и документирование, а также направления работы по актуализации объектов и выстраивания подходов. Отмечается, что эффективность работы в сфере сохранения объектов нематериального культурного наследия зависит от выстраивания взаимодействия трех общественных институтов: власти, экспертного сообщества и практиков. Определяется, что работа и проекты в сфере нематериального культурного наследия должны отвечать критериям: традиционный, но современный, архаичный, но модный, содержательный, но с новыми смыслами. В настоящее время в России и в ее регионах идет активная работа по выявлению и каталогизации объектов нематериального культурного наследия, выстраивание системы работы в этом направлении и осмысление международного и российского федерального и регионального опыта.

NON-MATERIAL CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA: APPROACHES TO ITS IDENTIFICATION, STUDY AND PRESERVATION

A.V. Chernykh

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia)

The paper observes the specificity of building a policy and the work to preserve non-material cultural heritage of Russia. It also defines the main peculiarities of ethno-cultural landscape of Russia and its regions as well as such directions of work on the identification, preservation and popularization of non-material cultural heritage objects as study and documentation and the work on the objects actualization and creating approaches. It is noted that the effectiveness of work in the field of preserving non-material cultural heritage objects depends on the interaction of three social institutions: authorities, the expert community and practitioners. The conclusion follows that the work and projects in the field of non-material cultural heritage should meet the criteria of being traditional and modern, archaic and trendy, informative and having new meaning at the same time. Nowadays Russia and its regions are actively working on the identification and cataloguing of non-material cultural heritage objects, building the system of work in this direction and the conceptualization of international and Russian federal and regional experience.

В настоящее время выявление, изучение, сохранение и актуализация объектов нематериального культурного наследия становятся одними из значимых задач культурной политики, стоящих перед разными странами, в том числе и Россией.

Конвенция о нематериальном культурном наследии ЮНЕСКО была принята 17 октября 2003 г. В 2003 г. был создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия народов России. В 2008 г. была принята Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках программы реализации Концепции было решено создавать на территории Российской Федерации банк данных (каталог) объектов нематериального культурного наследия [1, с. 7-8; 4, с. 37]. В настоящее время идет работа по выявлению и документированию объектов НКН и формирование региональных и федерального каталога.

Уникальность России с ее географическим, историческим и этнокультурным ландшафтом определила несколько основных базовых характеристик нематериального культурного наследия нашей страны.

Многообразие объектов НКН определяется не только разным укладом жизни на территории страны, но и уникальным многообразием явлений в разных сферах, которые становятся объектами НКН. Предложенный рубрикатор объектов НКН уже позволяет говорить о многообразии материалов, среди которых песенные традиции сел и деревень, обрядовые традиции, технологии народных промыслов и ремесел, технологии традиционной кухни, наследие и репертуар отдельных исполнителей и мастеров народного творчества и многое другое.

Среди таких примеров, можно отметить разнообразие приемов и технологий традиционного природопользования и хозяйственной деятельности. Среди объектов, планируемых к размещению в каталоге, с традициями рыбной ловли, например, связаны: *Катешный лов* — технология ловли рыбы с помощью *катцы* у татар села Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области; *Шы-*

га-ятыу — технология ловли рыбы на живца в Абзелиловском районе Республики Башкортостан [1, с. 54-59, 316-323].

В настоящее время рубрикатор каталога включает 5 основных позиций: I. Народные знания; II. Обрядовые комплексы и праздники, III. Народное исполнительство; IV. Традиционные технологии и техники. V. Народные игры, традиционные единоборства и состязания. Основные разделы каталога включают подрубрики, отражающие все многообразие этнокультурного наследия. В то же время эксперты осознают, что все явления традиционной культуры народов России сложно вписать в единую схему, поэтому данная схема представляется рабочей, уточнение которой возможно по мере наполнения федерального каталога конкретными объектами.

Этнический состав и полиэтничность России. В стране проживают, согласно материалам переписи населения 2010 г., представители 193 народов. Языковая карта показывает еще более сложную картину, в стране представлено 277 языков и диалектов. Среди объектов НКН — все этническое многообразие народов и этнических групп нашей страны. Так, среди объектов НКН по праздничной и обрядовой культуре народного календаря, можно отметить:

- Дидойский праздник окончания зимы Игби село Шаитли Цунтинского района Республики Дагестан;
- Праздник народа удэге Сагди Дава / Большая рыба, посвященный началу путины кеты (Приморский край);
- Нивхский праздник обновления природы П'итул (Чир ань) (Сахалинская область);
- Татарский календарный обряд «Карга боткасы» / «Грачиная каша» в Кукморском районе Республики Татарстан;
- обряд проводов льда *йэ кэл'ан* и воды *ву кэл'ан* северных удмуртов (Удмуртская Республика) [1, с. 25-29, 36-43, 60-64, 65-70, 156-154] и т.д.

Локальность и вариативность. Нематериальное культурное наследие многообразно, поэтому сложно составить единую и универсальную схему. Достаточно много объектов, которые имеют межэтнический и межрегиональный характер. Одним из основных принципов работы с объектами НКН являются принципы локальности и вариативности народной культуры.

В народной хореографии танец кадриль, например, имеет широкое распространение не только среди русских, но и других народов, существует множество ее локальных вариантов. В Суксунском районе Пермского края, например, каждая деревня имела свой вариант кадрили с названием: киселевская кадриль (д. Киселево), сахаровская кадриль (д. Сахарово). В праздничной культуре Троица — праздник многих народов, но в этом праздничном цикле множество объектов разных народов и районов со своей спецификой. Этот принцип характерен для всех явлений народной культуры.

Одна из основных задач на современном этапе работы с объектами НКН — выявление, описание и презентация объектов НКН, наполнение каталогов НКН. Так как работа в данном направлении рассчитана на многие годы, важно выстраивание системы работы с объектами НКН, которая включает следующие направления деятельности:

- документирование (фиксация и сохранение в музейных и архивных собраниях);
- сохранение и развитие (создание условий для продолжения деятельности мастеров, фольклорных коллективов, проведения праздников и т.д.);
- изучение — научные исследования на основе полученных материалов;
- актуализация — использование в современных образовательных, экономических, туристических, культурных проектах и практиках.

Изучение объектов НКН. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НКН происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Главными в выявлении и изучении НКН остаются экспедиционные исследования, проводимые в селах и деревнях учеными и практиками. Другим каналом формирования реестра объектов являются описания местных организаций путем непосредственного наблюдения сохраняющихся народных промыслов и ремесел, фольклорных коллективов, праздников и других форм НКН. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления, фиксации и документирования объектов НКН. Проводится комплексная фиксация объекта, включающая не только сбор устных сведений, но и фото- и видеофиксацию.

Издательская деятельность, связанная с объектами НКН. Одной из форм документирования и популяризации объектов НКН является публикация материалов, каталогов, научных исследо-

ваний и научно-популярных изданий. Можно отметить несколько интересных региональных проектов:

каталоги объектов НКН Республики Коми [3, 7];

серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» [2];

серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющие объекты НКН Пермского края [5, 6].

Актуализация объектов НКН. НКН выступает основой для современных этнокультурных проектов в разных сферах и направлениях деятельности:

- как ресурс развития территории (брендинг, развитие экономической сферы, проекты в сфере культуры, туризм);

- как основа деятельности учреждений культуры (фестивали и праздники, методическая работа);

- основа для разных форм практической деятельности (от фольклорных ансамблей до мастер-классов народного творчества);

- как основа для научных исследований (зафиксировать наиболее полно — обработать материал — выдать научное исследование);

- материал для выставочных и других проектов в сфере культуры;

- как основа для научно-популярных материалов (кино-, видео-, интернет-ресурсы, деятельность блогеров).

Эффективность работы в сфере сохранения объектов НКН зависит от выстраивания взаимодействия трех общественных институтов: власти, экспертного сообщества и практиков. Наибольший эффект мы получаем там, где есть понимание общих задач и выстраивание партнерских отношений между различными институтами.

Самым сложным вопросом является включение объектов НКН и деятельности в современный культурный контекст. Работа с ними должна отвечать критериям: традиционный, но современный, архаичный, но модный, содержательный, но с новыми смыслами.

Объекты нематериального культурного наследия как часть этнокультурного наследия территории обладают ресурсом для современного развития региона и его брендинга. Многие объекты уже стали визитной карточкой той или иной республики, края, области, района (кубачинское серебро, дымковская игрушка, башкирский курай, скопинская керамика). В то же время следует констатировать, что значительная часть наследия остается известным преимущественно лишь узким специалистам — этнографам, фольклористам, этномузыковедам. Сам механизм функционирования народной культуры, которая представляется как система локальных традиций, создает необходимые условия для формирования «своего лица» каждой территории. Локальная традиция предполагает выделенный ареал, включающий одно или несколько поселений, объединенных общностью этнокультурных традиций, сформированных под влиянием природно-климатических, географических, исторических, конфессиональных, социальных и других факторов. В этом контексте для любой территории возможен поиск тех этнокультурных особенностей, которые присущи только данному району. Главная задача при использовании этнической культуры в качестве современного ресурса развития территории представляется в выявлении наиболее значимых и востребованных элементов этнокультурных комплексов и их актуализации.

Литература

1. Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, М.В. Русанова. — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. — 348 с.

2. Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. — Вып. 3 / сост. Е.И. Тихонова. — Йошкар-Ола, 2018. — 79 с.

3. Нэмөвöйся зарни кудйысь мольяс (Бусинки золотого короба). — Киров: Кировская областная типография, 2020. — 120 с.

4. Пуртова Т.В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура. — 2018. — № 1. — С. 37-39.

5. Русские сказки Пермского края в записях конца XX — начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков, М.Е. Суханова, О.С. Сивков, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, С.Ю. Королева (серия «Фольклорный архив. Пермский край»). — СПб.: Маматов, 2020. — 240 с.

6. Сказки Евдокии Никитичны Трящиной / В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецова, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. — 192 с.

7. Усть-Цилемская горка — жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. — 136 с.

Сведения об авторе:

Черных Александр Васильевич, доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь, Россия). E-mail: atschernych@yandex.ru

**МУЗЕОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ**

О.Н. Труевцева

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул (Россия)

В статье рассматриваются проблемы соотношения музееведческого знания с исследованиями в области культурного наследия. Данные проблемы впервые возникли в 1970-х гг. в период конституирования музеевведения как науки, однако не получили всестороннего обсуждения. Актуальность возобновления дискуссии обусловлена воздействием постмодернизма, глобализма на культурные процессы. Автор прослеживает влияние этих факторов на развитие музеев, анализирует их ответы на вызовы современности. Значительное внимание уделяется необходимости создания и углубления общей теории культурного наследия, которая должна исследовать генезис этого явления, его роль в социальном развитии, закономерности функционирования, аксиологические проблемы, связанные с ценностями различного уровня, технологии наследования. Предлагается обсудить опыт и проблемы взаимодействия основных институтов культурного наследия: музеев, архивов и библиотек.

MUSEOLOGY AND HERITAGE STUDIES: THE NEED FOR INTEGRATION

O.N. Truevtseva

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

The article deals with the problems of correlation of museological knowledge with research in the field of cultural heritage. These problems first appeared in the 1970s during the period of the constitution of museology as a science, but they did not receive a comprehensive discussion. The relevance of the resumption of the discussion is due to the impact of postmodernism, globalism on cultural processes. The author traces the influence of these factors on the development of museums, analyzes their responses to the challenges of our time. Considerable attention is paid to the need to create and deepen a general theory of cultural heritage, which should investigate the genesis of this phenomenon, its role in social development, the laws of functioning, axiological problems associated with values of various levels, inheritance technologies. It is proposed to discuss the experience and problems of interaction between the main cultural heritage institutions: museums, archives and libraries.

Музеология — достаточно молодая наука. В нашей памяти еще живы дискуссии о том, имеет ли музееведение право называться самостоятельной наукой. Старт этим обсуждениям был положен в середине 1970-х гг., а одним из знаменательных событий того времени стало создание Комитета музеевведения в структуре Международного совета музеев.

Изначально при обсуждении предмета музеевведения прозвучала мысль об имманентной связи науки о музеях с исследованиями культурного наследия. Известный хорватский ученый Т. Шола даже предложил назвать эту отрасль знания «хэритологией». Название не прижилось, но идея интеграции научных знаний, связанных с историческим культурным наследием, воплотилась автором в теорию мнемософии, по нашему мнению, недооцененную, по крайней мере практиками.

Казалось бы, в наше время, когда уже два десятилетия теории, практики, журналисты говорят о «буме наследия», «музейном буме», нет необходимости еще раз рассуждать о взаимосвязи двух явлений. Однако в большинстве краеведческих музеев фонды забиты предметами, которые «недогивают» до объектов историко-культурного наследия; статус архитектурного наследия присваивают деревянным постройкам, единственная заслуга которых заключается в том, что они простояли более пятидесяти лет; совместные выставки музеев, архивов и библиотек — скорее исключение, нежели правило; «средовые музеи» сегодня более популярны, чем традиционные историко-краеведческие.

Перечень проблем может быть продолжен. Объяснения этих явлений кроются на стыке музеевведения, мнемософии, аксеологии, психологии, менеджмента и других областей знания. Но вначале следует разобраться, почему эти проблемы актуализировались в наше время. Истоки многих из них следует искать в философии постмодернизма, его основных принципах: антропологическом пессимизме, эклектичности, деканонизации искусства и т.д. И все это опирается на концепцию хаоса

и распада. Зародившийся на Западе в последней четверти XX в., до России добравшийся в 1990-е гг., постмодернизм постепенно проникал во все сферы общественной жизни, в том числе и в музей.

Наиболее радикально апологеты постмодернизма в России представили наше будущее как преобладание интернет-музеев над музеями, обладающими и другими формами существования; а традиционные формы музеефикации стали оцениваться как отжившие формы культурной работы.

Следует отметить, что музейное сообщество достойно ответило на большинство вызовов постмодернизма, повысив при этом эффективность музеев. Так, виртуальное представление наследия не заслонило и тем более не заменило подлинный музейный предмет, а скорее, вызвало к нему больший интерес, помогло решить многие проблемы людей с ограниченными возможностями.

Музеефикация, вопреки приведенному выше прогнозу, становится в наше время одним из наиболее эффективных и востребованных методов развития музеев. По мнению известного специалиста в этой области М.Е. Каулен, музеефикация позволяет сохранить и актуализировать наиболее ценную часть наследия. «Трансформация исторической среды в музейную среду отвечает требованиям общества сохранить в целостности важные для его менталитета объекты наследия и выявить их ценность».

В ходе трансформации музеев нашли новые формы работы с посетителями, такие как, например, «музейная ночь», привлекательная для молодежи. С начала 2000-х гг., особенно после принятия ЮНЕСКО Конвенции о сохранении нематериального культурного наследия (2003 г.), повсеместное распространение получили: практики участия музеев в фестивалях традиционной культуры, проведение театрализованных демонстраций народного костюма; инсценировки этнических обрядов; выставки ремесел. Новые эмоциональные яркие формы представления культурного наследия нашли позитивный отклик у посетителей, расширили музейную аудиторию.

Разумеется, не все музеи смогли выдержать экзамен на социальную зрелость. Многие, оставшись без идеологического, методического контроля наедине с широкой свободой выбора, не избежали эклектики в формировании музейного фонда, выборе средств его экспонирования. Сказались кадровые проблемы, низкие зарплаты, отсутствие возможности повышения квалификации, получения профессиональных консультаций, стажировок.

Другим фактором, вызывающим необходимость интеграции всех институтов культурного наследия, является глобализация, которая открыла множество каналов для распространения стандартизированной массовой культуры, моды, образцов потребительского поведения, унифицированного мышления. Ускорение этих и других социокультурных процессов, обусловленное экономической интеграцией, снятием идеологических и технологических барьеров с распространения информации, развитие международного туризма приводит не только к взаимообогащению культур, но и к размытию этнических культурных ценностей, национальной самоидентификации.

По мере пресыщения потребителей модными вещами, фильмами, поп-музыкой, начинают набирать силу противоположные процессы, связанные со стремлением к традиционной культуре, ее истокам. Этот процесс хорошо иллюстрируется новыми тенденциями в туризме: переходом от групповых форм к индивидуальным, стремлением познакомиться не только с популярными достопримечательностями, но и с жизненным укладом, культурой провинции, развитием сельского туризма.

В связи с этим примечательна тенденция создания в сельских усадьбах, принимающих туристов, этнографических мини-музеев. Горожанам предлагается окунуться в сельскую жизнь, принять участие в сельхозработах, в приготовлении пищи, в посиделках с народными песнями и танцами. Эти, на первый взгляд, обыденные занятия рекреационного предназначения являются ничем иным, как проявлением глокализации — мирового тренда, противостоящего глобализации, когда происходит обогащение людей не массовыми, а локальными культурами, имеющими, как правило, традиционные этнические корни. Следует отметить, что за непритязательностью формы представления национального наследия стоит серьезный процесс формирования национального самосознания.

Воззрения постмодернистов, распространение которых существенно ускоряются глобализационными процессами, представляют большую опасность для сохранения и воспроизводства культурного наследия. Их разрыв с культурными основами традиционного общества, пересмотр ценностных установок провоцирует не только отрицание преемственности культурных традиций на вербальном или художественном уровне, но и реальный вандализм.

Это обстоятельство обуславливает необходимость усиления охраны культурного наследия по всем направлениям, включая теоретический уровень. В первую очередь, это касается создания общей теории культурного наследия, которая должна исследовать генезис этого явления, его роль в социальном развитии, закономерности функционирования, аксиологические проблемы, связанные с ценностями различного уровня, технологии наследования и многие другие вопросы.

В конце концов, когда-то надо дать внятное, операциональное определение понятию «культурное наследие». При этом дефиниция должна удовлетворить и историков, и культурологов, которые сегодня, рассматривая ее в своем предметном поле, не могут пока прийти к определению, устраивающему всех, включая практиков. Возможно, эта задача решается в социокультурной антропологии, в которой много внимания уделяется проблемам динамики культуры, но у нас эта наука пока не получила должного признания.

В любом случае, надо признать, что музеология сегодня нуждается в общей методологии, поскольку есть реальная опасность «разбредиться по музейным закоулкам» и не увидеть «за деревьями леса», углубившись в проблемы музейной техники. Существует и противоположная опасность, связанная с размыванием сущности музея, «главное таинство» которого сокрыто в музейном предмете. Это диверсификация музейной деятельности, в первую очередь, в презентации нематериального наследия, когда коммуникация ставится во главу угла в ущерб всем прочим компонентам. Здесь бы не просмотреть тонкую грань, разделяющую презентацию музейного смысла и постмодернистскую шоутизацию культуры.

У музейной диверсификации много подобных граней. Музей устремился сегодня практически ко всем видам наследия. Сложилось целостное теоретическое и практическое направление — музеефикация историко-культурного наследия. И это не дань моде, а объективно оправданная деятельность, расширяющая наше представление о месте и роли музея в обществе. Представляется полезным посвятить обсуждению этой темы специальную конференцию, уделяя особое внимание успешным практикам и технологиям музеефикации.

Специального обсуждения заслуживает опыт и проблемы взаимодействия основных институтов культурного наследия: музеев, архивов и библиотек. Проблемы открытости и электронной доступности их фондов, координации взаимодействия по изучению наследия, проведение совместных мероприятий, конференций, выставок, публикаций, информационных порталов — все это вызовет большой интерес не только у профессиональных сотрудников этих учреждений, но и у краеведческой общественности, озабоченной сохранением и популяризацией историко-культурного наследия.

Сведения об авторе:

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историко-культурного наследия и туризма, Алтайский государственный педагогический университет, вице-президент ASPAC (Committee for Museology of Asia and Pacific) (Барнаул, Россия). E-mail: truevtseva@yandex.ru

РОССИЙСКИЕ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ — НОВЫЕ ПОДХОДЫ

О.Б. Наумова

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

Крупные фотоколлекции по истории и культуре казахов хранятся в петербургских музеях МАЭ и РЭМ, а также в Институте этнологии и антропологии РАН. Большой объем материалов относится к концу XIX — первой трети XX в., когда была зафиксирована «классическая» традиционная казахская культура, впоследствии в силу исторических катаклизмов XX в. утратившая традиционный облик, что и определяет ценность собранных коллекций. Советский период в фотособраниях представлен фотографиями новостных агентств, а также материалами этнографических экспедиций в Казахстан сотрудников музеев и академических институтов. Постсоветский период практически не представлен, так как музеи не берут на хранение фотоматериалы современных этнографических экспедиций. Многие фотографии, помимо очевидной, содержат и «скрытую» информацию. Поиск таких сюжетов и их анализ с применением микроисторического подхода и методов визуальной антропологии создает для казаховедов новый источник для исследования проблем казахской этнологии.

RUSSIAN PHOTOCOLLECTIONS ON THE HISTORY AND CULTURE OF KAZAKHS: NEW DISCOVERIES — NEW APPROACHES

O.B. Naumova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The large photo collections on the history and culture of the Kazakh people are kept in the Museum of Anthropology and Ethnography and the Russian museum of Ethnography (St. Petersburg), as well as in the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. A large amount of photographic materials refers to the time from the end of the 19th century till the first third of the 20th century — the time of the “classical” traditional Ka-

zakh culture. Because of the historical cataclysms of the 20th century the Kazakh culture has lost its traditional look: that's why the above-mentioned collections are of great value. The Soviet period is presented by photos of news agencies, as well as by materials collected during the ethnographic expeditions to Kazakhstan that have been undertaken by the museums and academic institutes. Almost no photo concerns to the post-Soviet period, in as much as the museums do not keep any photo taken during the latest ethnographic expeditions. Many photos, in addition to the obvious information, also contain "hidden" one. The analysis of such "hidden" subjects using methods of visual anthropology and microhistory creates a new source for scholars to study the problems of Kazakh ethnology.

Частью культурного наследия стран Центральной Азии являются уникальные фотоколлекции. Наиболее полные фотособрания по казахской этнографии находятся в Музее антропологии и этнографии РАН (МАЭ) и Российском этнографическом музее (РЭМ) в Санкт-Петербурге. Начало формирования фотоколлекций обоих музеев относится ко второй половине XIX в. В конце XIX — начале XX в. музеи начинают планомерное формирование коллекций, организуя специальные экспедиции в Казахстан и Среднюю Азию с участием фотографов и художников. В 1920-е гг. экспедиционные поездки продолжаются. Таким образом, сложился массив фотографий, запечатлевших традиционную казахскую культуру, которая впоследствии в силу исторических обстоятельств — голода 1930-х гг., массовой откочевки казахов за пределы Казахстана, Отечественной войны 1941–1945 гг., широкого притока европейского населения в Казахстан в 1950–1960-е гг., урбанизации — претерпела существенную модернизацию, утратила целостность, приобрела «фольклорный» характер. Фиксация и сохранение в фотографиях исчезающего традиционного облика казахской культуры определяют ценность этих музейных коллекций.

Современное казахское общество в определенной степени также отражается в фотоколлекциях. В 1960–1980-е гг. в ленинградские этнографические музеи стали поступать фотографии из информационных агентств СССР — ТАСС, Агентства печати «Новости» (АПН), так и республиканских, в частности казахстанских. Они представляли собой репортажи о жизни в Казахской ССР, снимки праздников и обрядов, национальных соревнований, выступлений фольклорных ансамблей. На фотографиях был запечатлен срез времени и культуры — то, что в советской историографии называлось сочетанием «нового и традиционного в жизни советских народов». К сожалению, сегодня музеи не пополняют коллекции фотоматериалами собственных экспедиций, хотя такие экспедиции в Казахстан регулярно осуществляются. Огромный массив цифровых фотографий хранится в личных архивах исследователей.

Несомненно, наибольшую значимость фотоколлекций МАЭ и РЭМ составляют материалы именно по традиционной культуре казахов, хронологически относящиеся к концу XIX — первой трети XX в. О содержании казахских фотоколлекций МАЭ этого периода исследователи хорошо осведомлены благодаря последним публикациям В.А. Прищеповой [7, 8]. Территориально наибольшее количество иллюстративных материалов МАЭ собрано по казахам Семипалатинской области (Каркаралинского и Павлодарского уездов); меньше относится к Каспийскому побережью, Акмолинской (Атбасарский уезд), Сырдарьинской и Астраханской губерниям. Отдельные снимки представляют казахов Семиреченской области Лепсинского уезда, Джизакского уезда пустыни Кызыл-Кум, озера Искандер-Куля, полуострова Бузачи, Алайской долины, Алтая, Хивинского ханства и Ферганской области. Тематически фотоматериал охватывает все параметры этнографического описания народа, которые сложились в науке к тому времени и в своей большей части сохраняются по настоящее время: занятия и орудия труда, предметы материальной культуры, обряды, семейный и общественный быт, религиозные верования, художественная культура и т.д.

Наряду с любительскими фотографиями в собраниях МАЭ хранятся работы выдающихся фотографов, снимавших жизнь казахов — Н.В. Нехорошева, В.Ф. Козловского, Н. Ордэ, К.Н. де-Лазари, Н.К. Зейдлица, С.М. Дудина, Н.А. Ермолина, И.С. Полякова, К.В. Щенникова и др. [7, с. 24]. К наиболее ранним фотографиям (1870–1872 гг.) относятся фотографии с рисунков В.В. Верещагина и фотографии из Туркестанского альбома К.П. Кауфмана, в частности редкие снимки ритуалов казахского свадебного обряда, практически не попадавших в поле зрения фотографов. Это фотографии Н.В. Нехорошева: «Свадебный обряд. Глажение волос» (№ 1718-226), «Свадебный обряд. Старуха умерла» (№ 1718-227) и «Свадебный обряд. Осмотр жениха» (№ 1718-228). Даже если это постановочные кадры, они фиксируют реальные действия при совершении обрядов. В описании этих ритуалов без такой визуализации многое остается непонятным.

Некоторые фотографии не просто визуализируют предметы материальной культуры или иллюстрируют тот или иной ритуал, но открывают неизвестные стороны казахских традиций. Такова фотография Н. Ордэ «Шаманка» (№ 255-66). На нем танцующая женщина с бубном в традиционной казахской одежде: белом кимешеке, тюрбане, цветном халате, подпоясанном широким поясом, и в мяг-

ких кожаных сапогах. Как отмечено В.А. Прищеповой [7, с. 66–68], литературные описания XIX — начала XX в. содержат сведения только о шаманах-мужчинах. Данных о женском шаманизме у казахов до 1990-х гг. не было. Лишь усилиями В.Н. Басилова, а затем и Р.М. Мустафиной были зафиксированы сведения о существовании шаманской практики среди казахских женщин [2, с. 66; 3, с. 135 и сл.]. Этот факт был подтвержден и материалами Ф.А. Фиельструпа 1927 г. [4, с. 78]. Снимок Н. Ордэ фиксирует существование женщин-шаманок у казахов. Причем, как правило, инструментами казахских шаманов были кобызы у мужчин и посохи *аса* у женщин, но не бубен [4, с. 79, 81], что также делает этот снимок источником новых сведений по казахскому шаманизму.

Говоря о фотоколлекциях МАЭ (как, впрочем, и РЭМ) по этнографии казахов, невозможно обойти фигуру Самуила Мартыновича Дудина (1863–1929) [подробнее: 7, с. 154–164], основоположника научного этнографического фотографирования в России. С его деятельностью связана «целая эпоха в истории формирования иллюстративных коллекций МАЭ по народам бывшей Средней Азии» [7, с. 83]. Научная поездка С.М. Дудина в мае-июне 1899 г. к казахам Семипалатинской области стала одной из первых и крупнейших плановых экспедиций МАЭ. В результате работы его экспедиции музей пополнился коллекцией фотографий (около 500) из жизни кочевников-скотоводов. В этой же коллекции хранятся снимки, сделанные С.М. Дудиным во время поездки в 1892 г. в Семиреченскую область. По оценке В.А. Прищеповой, «для своего времени фотоколлекция С.М. Дудина по казахам 1899 г. была наиболее полной. По разнообразию тематики и количеству снимков ее вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта» [7, с. 87]. Из 2184 выложенных на сайте музея экспонатов по казахской этнографии 441, т.е. более 20%, принадлежит авторству С.М. Дудина. Содержательный состав его снимков отражает тематику всего блока казахской фотоколлекции МАЭ: 137 фотографий фиксируют одежду (мужскую, женскую, детскую, головные уборы, обувь), 65 — скотоводство, 60 — постройки, жилище, интерьер, 40 — ремесла и текстиль, 31 — утварь, 15 — средства передвижения, 10 — праздники жизненного цикла.

Материалы С.М. Дудина — ценный источник и для изучения народного искусства. МАЭ располагает альбомом с 60 рисунками казахского народного орнамента, собранного С.М. Дудиным в экспедициях 1892 г., и с 1899 по 1903 г. по Семиреченской, Семипалатинской, Ферганской областям и Алайской долине [7, с. 95]. Он же сфотографировал для музея 102 акварельных рисунка Антонины Александровны Ворониной-Уткиной, которые были сделаны ею в поездке 1913 г. по Каркаралинскому уезду Семипалатинской области — рисунки орнаментов, которые украшали предметы бытового назначения (сундуки, кровати, посуду, одежду, тюбетейки, музыкальные инструменты, конскую упряжь).

Немало сделал С.М. Дудин и для РЭМ. В фотоматериалах его поездок 1900–1902 гг. в Среднюю Азию, отчет о которых недавно опубликован [6], есть и снимки из жизни южных казахов, в том числе замечательного по богатству и красоте отделки свадебного головного убора саукеле.

В последнее время вводится в научный оборот коллекция известного фотографа Дмитрия Поликарповича Багаева (1884–1958) [1]. Она хранится в казахстанском Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписей (ЦГА КФДЗ), а также в основанном Багаевым Павлодарском областном историко-краеведческом музее. Есть его фотографии и в российских музеях: в 1936 г. МАЭ получил 24 его отпечатка. Некоторые краеведческие музеи сибирских городов также обладают отпечатками фотоколлекции Д.П. Багаева. Всего насчитывается более 3000 его снимков. Среди этого массива есть цикл фотографий «Жизнь и быт казахского народа в начале XX в.». Д.П. Багаев был членом-корреспондентом Западно-Сибирского отделения РГО, объездил аулы Павлодарского Прииртышья, делая документальные фотоснимки. Все фотографии этого цикла отражают жизнь прииртышских казахов. Особенно ценным представляется ряд снимков с соляных промыслов, где трудились казахи, так как визуального материала, иллюстрирующего занятия казахов на отхожих промыслах, чрезвычайно мало.

Если о коллекциях РЭМ и особенно МАЭ исследователи-казаховеды хорошо осведомлены, то материалы фотоархива Института этнологии и антропологии РАН недостаточно известны. Институт обладает фотоматериалами Ф.А. Фиельструпа 1920-х гг. и фотографиями поездок сотрудников Института в Казахстан конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Прежде всего хотелось бы остановиться на собрании фотографий Федора Артуровича Фиельструпа (1889–1933), российского советского этнографа, сотрудника КИПС и РЭМ. В архиве ИЭА РАН хранятся материалы (около 200 фотографий) его поездок в Казахстан 1926 и 1927 гг. Поездки были совершены Ф.А. Фиельструпом в рамках Казахстанской экспедиции АН СССР: в 1926 г. в Западный Казахстан (Актюбинский и Адаевский районы Актюбинской губ.) в места кочевания казахов *жетуру, тама, алимулы и адай*; в 1927 г. — в Восточный Казахстан (Семипалатинская и Джетисуи-

ская губернии), к казахам *аргын, найман, керей, жалаир*. Фотографии сделаны самим Фиельstrupом и им же очень хорошо паспортизированы. Тематика фотографий разнообразна и охватывает все стороны жизни казахов. Самые крупные тематические блоки фотографий фиксируют одежду и жилище.

Фотографии мужчин и женщин разных возрастов, молодежи и детей в их повседневной одежде, головных уборах и обуви, дополненные терминами и описаниями, данными в рукописи Ф.А. Фиельструпа, несомненно, могут служить прекрасным источником по повседневному казахскому костюму Западного и Восточного Казахстана 1920-х гг. Исключительную ценность представляет ряд фотографий, специально фиксирующих некоторые детали костюма, которые Фиельstrup считал племенными маркерами. Очень важным материалом как для историков одежды, так и для исследователей родоплеменного состава и этногенеза казахов являются женские тюрбаны, формы которых имеют выраженную родоплеменную и локальную специфику. У Фиельструпа казашки в тюрбанах — женщины разных возрастов и разных родоплеменных групп — запечатлены более чем на 20 фотографиях.

Другой крупный блок фотографий представлен снимками казахских жилищ. Многообразно представлена юрта: внешний вид, интерьеры, детали конструкции. Зафиксированы юрты зажиточных казахов и бедняков. Однако особую значимость имеют снимки походных переносных жилищ казахов, которые сооружались из отдельных частей юрты. Сведений о них в литературе немного, а изображений практически нет. На фотографиях Ф.А. Фиельструпа запечатлены разные формы походных жилищ: *итарка, жаппа, кос, жолым уй, курке*. Они сооружены из отдельных частей юрты в разных сочетаниях. Эти жилища — свидетельство рационального и изобретательного использования казахами всех возможностей, которые предоставляла сборно-разборная конструкция юрты. Составляя ее элементы в разных сочетаниях, они создавали формы жилищ для различных жизненных ситуаций и хозяйственных нужд.

Среди снимков Ф.А. Фиельструпа есть один, ставший довольно известным в современном Казахстане. Это фотография казахского поэта, писателя, музыканта, историка и философа Шакарима Кудайбердиева (1858–1931), автора философских стихов, поэм, исторических и религиозных трудов, переводов Хафиза, Пушкина, Толстого (№ 2649). Впервые эту фотографию опубликовала Б.Х. Кармышева, не упомянув имени Шакарима, так как в советское время оно было под негласным запретом. Шакарим на этой фотографии был «опознан» Маратом Абдешевым, и с тех пор ее часто публикуют на разных сайтах.

Помимо фотоколлекции Ф.А. Фиельструпа, в фотоархиве ИЭА РАН хранятся еще около 3000 фотографий по этнографии казахов. Они представляют собой фотоматериалы экспедиций 1947, 1949, 1950 и 1951 гг. в Алма-Атинскую, Галды-Курганскую, Джамбульскую, Семипалатинскую и Кокчетавскую области Казахстана, которые были предприняты Еленой Ивановной Маховой (1906–?), сотрудницей сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР и Габитом Нурушевичем Валихановым, в то время аспирантом, который собирал материал для диссертации на тему «Современный быт казахского аула (по материалам Энбекшильдерского района Кокчетавской обл. Казахской ССР)». На фотографиях запечатлены все стороны жизнедеятельности послевоенного казахского аула; этнографы обращают внимание и на сохранение традиций в быту и на современную жизнь казахов. Фиксируется все: предметы быта, интерьеры и жизнь семьи в домах, жизнь вне дома, домашние ремесла, улицы поселков и проч. (например, «Колхозники слушают патефон в обеденный перерыв». 1949 г., № 48580). Особое внимание уделялось съемке традиционных занятий, таких как резьба по дереву, изготовление седел, кошмоваляние, ткачество, вышивка — они представлены в коллекции в изобилии.

В заключение хотелось бы обратить внимание на большой еще неиспользованный потенциал казахских фотоколлекций, имеющих в российских музеях и архивах. Многие фотографии содержат «скрытые» сюжеты, анализ которых позволил бы увидеть социально значимые явления периода создания фотографии, которые, возможно, были тогда неочевидны для самого фотографа. Так, на одной из фотографий Ф.А. Фиельструпа (№ 2387) запечатлена группа пожилых казахов. На этой фотографии мы прежде всего видим мир материальных предметов. Это — кошма, ее узоры; одежда, обувь, разнообразие головных уборов мужчин практически всех возрастов; двойная *итарка* — переносное жилище. Но важно обратить внимание и на нематериальные объекты: порядок рассаживания, позы мужчин разных возрастов и даже выражение их лиц — как они смотрят на фотографа. Не менее значимо и то, чего нет на фотографии: где женщины и маленькие дети? Две женщины, которых едва можно рассмотреть, выглядывают сзади, причем обе прикрывают руками рот. Если обратиться, например, к фотографиям Ф.А. Фиельструпа казахских семей, то можно увидеть, что мужчины молодых и средних возрастов носят европейский костюм, а все женщины — только традиционную одеж-

ду. Это с очевидностью указывает на роль мужчин этой возрастной категории в поддержании контактов с внешним миром, с российскими властями, поднимает более общий вопрос о распределении социальных функций между полами, о роли женщин в сохранении традиционной культуры и т.д., и т.п. Все это лишь небольшие примеры «скрытых» сюжетов, анализ которых с применением микроисторического подхода и методов визуальной антропологии может дать много интересного исследователям проблем казахской культуры.

Литература

1. Байжанова С.Ш., Итемгенова Б.У. Лики ушедшего времени (фотоработы Д.П. Багаева) // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. — № 1–2 (82). — С. 201–204.
2. Басилов В.Н. Два варианта среднеазиатского шаманства // Советская этнография. — 1990. — № 4. — С. 64–76.
3. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX — XX в.). — Алма-Ата, 1992.
4. Наумова О.Б. Казахский баксы: история одной фотографии (публикация материалов Ф.А. Фиельструпа по казахскому шаманству) // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 6. — С. 77–85.
5. Наумова О.Б. Фотоматериалы Ф.А. Фиельструпа по этнографии казахов из архива ИЭА РАН (поездки 1926–1927 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2020. — Т. 11. — Вып. 5 (91) [Электронный ресурс]. — URL: <https://history.jes.su/s207987840010319-9-1/>.
6. Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию 1900–1902 гг. / подг. текста, вступ. статья, примеч. Т.Г. Емельяненко. — М.: Фонд Марджани, 2021.
7. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. — СПб.: Наука, 2011.
8. Прищепова В.А. Малоизвестные собиратели и их фотоиллюстративные коллекции по казахской культуре в МАЭ РАН // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции). — СПб., 2019. — С. 171–203.

Сведения об авторе:

Наумова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail.ru: olganaumova@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КЫРГЫЗСКОГО СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА

Т.А. Бакчиев¹, С.К. Алымкулова²

¹Иссык-Кульский университет им. К. Тыныстанова, г. Каракол (Кыргызстан)

²Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Авторы рассматривают проблемы, касающиеся оценки состояния современных сказителей и их вариантов. Они считают, что наука уделяет им недостаточно внимания. И как одну из актуальных проблем выносят на обсуждение вопросы, касающиеся записи вариантов эпоса из уст современных сказителей, а также исследование процесса живого исполнения эпоса.

MODERN CONDITION KYRGYZ STORYTELLING ART

T.A. Bakchiev¹, S.K. Alymkulova²

¹K. Tynystanov Issyk-Kul State University, Karakol (Kyrgyzstan)

²Kyrgyz State Arabaev University, Bishkek (Kyrgyzstan)

The author in his article examines the problems related to the level of the state of modern storytellers and their variants. He believes that modern science does not pay enough attention to the study of modern storytellers. And as one of the topical problems, he brings up for discussion the issues related to the recording of versions of the epic from the lips of modern storytellers, as well as the study of the process of the live performance of the epic.

Следует отметить, что когда мы говорим о кыргызских сказителях, то прежде всего имеем в виду сказителей эпоса «Манас» — манасчи (кырг. *манасчы*), хотя у кыргызов имеются и другие так называемые «малые эпосы» (кырг. *«кенже эпос»*). Их около сорока. К числу героических относятся: «Эр Тёштюк», «Джоодарбешим», «Курманбек», «Шырдакбек», «Сейитбек», «Джаныш, Байыш», «Тайлак», «Джаныл Мырза», «Эр Солтоной», «Балбай» и т.д. Эти

эпосы называют «малыми» лишь условно. На самом деле каждый из них нисколько не уступает другим ни по объему, ни по содержанию. Например, кыргызский эпос «Эр Тёштюк» имеет несколько вариантов — полным является текст С. Каралаева, который насчитывает 16 559 стихотворных строк. Этот эпос имеет еще и вторую часть, где повествуется о жизни и деятельности Джоодарбешима — сына Эр Тёштюка; его объем составляет более 8 тыс. стихотворных строк («Джоодарбешим»).

Сам эпос «Манас» также состоит из трех основных частей: «Манас» (сказание о Манасе), «Семетей» (сказание о сыне Манаса — Семетее), «Сейтек» (сказание о внуке Манаса — Сейтеке). Эти три части являются самыми популярными в народе. Хотя есть и другие варианты. Например, вариант С. Каралаева состоит из пяти частей: «Манас», «Семетей», «Сейтек», «Кенен» (сказание о сыне Сейтеке — Кенене), «Алымсарык, Кулансарык» (сказание о сыновьях-близнецах Кенена — Алмысарыке и Кулансарыке). Поэтому по отношению к «малым эпосам» в кыргызской фольклористике «Манас» является «великим» (кырг. «улуу»).

Другая особенность эпоса «Манас» заключается в том, что он до сих пор бытует в традиционной форме и имеет своих носителей. И на сегодняшний день есть сказители, которые имеют свои варианты текстов, свой стиль исполнения.

«Сказитель-манасчи — это творитель, хранитель и исполнитель эпоса. Каждый, кто проявляет подлинный интерес к «Манасу» и сказительству, конечно же, может стать манасчи, но не каждый манасчи может стать сказителем» [1, с. 7]. Термин «манасчи» в научный оборот вошел лишь в начале 1930-х гг., вытеснив традиционный народный термин «джомокчу» (кырг. жомокчу) — творец и сказитель эпоса. Примерно в то же время термин «эпос» вытеснил традиционный народный термин «джомок» (кырг. жомок) — былина, сказ о богатыре, о богатырском подвиге [1, с. 37-45]. В настоящее время, так же как и в научной среде, в народе «Манас» называют «эпосом», а его сказителей — «манасчи».

Следует отметить, что каждый тип манасчи имеет свои особенности. Эти особенности всегда зависели от того, как и каким путем будущий сказитель-манасчи получил сказительский дар. «В обычном понимании дар рождается вместе с будущим сказителем или же приходит к нему позже на определенном этапе жизни. Это то, что в нем проявляется, или то, что к нему приходит при определенных условиях и обстоятельствах» [1, с. 73].

Обращая внимание на традиции сказительского искусства, мы порою забываем о ныне действующих сказителях и очень редко обсуждаем вопросы, касающиеся их творческой лаборатории и жизни. К числу важных, определяющих творческий потенциал сказителей, относится проблема записи вариантов их исполнения и творческих состояний в процессе исполнения эпоса.

В настоящее время частично ведутся записи и самозаписи вариантов хакасских, якутских, алтайских, узбекских сказителей. Самозапись вариантов сказаний осуществляется и некоторыми кыргызскими сказителями. Записи осуществляются вручную и на видео. Есть случаи, когда сказители сами издают варианты тех или иных народных сказаний. Например, так сделал алтайский сказитель Эмиль Теркишев, так поступили и кыргызские сказители: Сапарбек Касмамбетов (1934-2020), Зууракан Сыдыкова (1948 г.р.), Назаркул Сейдрахманов (1951 г.р.) и Талантаалы Бакчиев (1971 г.р.).

Традиционно кыргызские сказители активно участвовали в жизни общества. «Они всегда были личностями общенационального значения. Видимо, это было связано с основной идеей героического эпоса, где главный герой стремится к единству и борется за национальные интересы своего народа. Они являлись своего рода духовными лидерами кыргызского народа» [1, с. 202-203].

Немаловажную роль в жизни кыргызского общества сказители играют и сегодня. Они принимают активное участие в политической, духовной, культурной жизни народа и страны. На сегодняшний день в Кыргызской Республике насчитывается около двадцати действующих сказителей разных возрастов. Самой старшей — Зууракан Сыдыковой (73 года), а самому младшему 17 лет — Эсенболу Бегалиеву (2004 г.р.). Среди нынешних сказителей есть потомственные манасчи — это те, кто несет традиции своих предков; остаются верными своей сказительской школе. Есть также и те, обнаружив в себе сказительский дар, строго руководствуются традиционными основами сказительского искусства. Они проходят через определенные испытания, обучаются и получают благословение у своих наставников. И те и другие являются и творцами, и носителями эпоса. Именно они при каждом своем исполнении эпоса, слагают все новые и новые варианты сказания.

«Письменная культура, пришедшая извне в культуру, к которой принадлежал сказитель, стала записывать устные тексты эпоса из уст носителя, затем эти записи переросли в большие книги, которые издавались большими тиражами. Так возникла книжная форма эпоса, которая до этого жила в памяти сказителей. Таким образом, процесс лишь одной записи из многочисленных устных вариантов творчества сказителя, становится единственным письменным вариантом эпоса. И в связи с появлением письменной формы эпоса, появился новый тип манасчи, который заучивают наизусть пись-

менный текст эпоса из книги и подражая создателю этого текста, исполняет перед публикой. Такой манасчи становится лишь исполнителем варианта текста другого сказителя» [2, с. 75].

Вот что пишет по этому поводу А. Лорд на примере югославской устной традиции: «Именно такие «сказители» выступают в национальных костюмах на праздниках народной песни и поют песни, выученные по сборнику. Любой из нас может сделать то же самое, стоит немного потренироваться и обзавестись национальным костюмом. На самом деле такие «певцы» — мошенники, маскирующиеся под сказителей! Они целиком, с первого до последнего слова, заимствуют песни настоящих сказителей, и их пение можно проверять по книге» [3, с. 153-157]. И в этом случае А. Лорд прав. Примерно такая же ситуация в настоящее время сложилась у кыргызов. И началось это с выходом книжных изданий эпоса во второй половине XX в. Это говорит о том, что книжная форма эпоса сумела повлиять на существование традиции устного народного творчества и на ее естественный ход развития.

В связи с этим следует отметить, что «с приходом письменности, кроме исполнителей, у кыргызов появился еще один тип манасчи, который усваивает технику сложения эпического текста, усваивая традиционный сюжет эпоса создает свой вариант, который записывает сам. Среди них есть те, которые ограничиваются лишь сочинением нового варианта текста, и те, которые заучивают собственный текст и исполняют перед публикой. Основной особенностью представителей этого типа является то, что они создают свои варианты текстов эпоса вне традиции устного народного творчества. Поэтому традиционными сказителями считать их нельзя» [2, с. 76].

Одним из крупнейших сказителей современности является Кубанычбек Алмабеков (1955 г.р.) — потомственный сказитель в четвертом поколении. Его репертуар состоит из трех частей эпоса Манас — «Манас», «Семетей», «Сейтек». К сожалению, записи варианта Кубанычбека Алмабекова до сих пор не осуществлены. Также не сделаны записи вариантов Назаркула Сейдрахманова, Талантаалы Бакчиева, Камила Мамадалиева (1981 г.р.). Некоторые эпизоды в исполнении этих сказителей были записаны в рамках разных проектов телевидениями, также были изданы некоторые самозаписи Назаркула Сейдрахманова и Талантаалы Бакчиева.

В последние годы большой интерес к современным кыргызским сказителям проявляют европейские исследователи. Следует отметить работы голландского ученого Н. ван дер Хейде, английского исследователя Дж. Пламтри и французского Ж. Брюле. Как специалист по социальной антропологии Н. ван дер Хейде проделала огромную работу по выявлению роли сказителя в обществе. Дж. Пламтри как литературовед, фольклорист и как специалист по текстологии обращает свое внимание на варианты текста эпоса исполненные сказителями — на плотность, частоту уникальных и повторяющихся слов в устной и письменной формах. Ж. Брюле, являясь специалистом по социальной антропологии, занимается исследованием вариативности исполнения эпоса современными сказителями. Кроме того, нельзя не отметить работы немецкого фольклориста К. Райхла, который кроме изучения проблем тюркских эпосов и сказительского искусства, занимается еще и переводом текста эпоса «Манас». И в настоящее время он уже на стадии завершения перевода полного текста варианта Жусупа Мамай (1918-2014).

Обращая внимание на вопросы, касающиеся современных сказителей и сказительского искусства, хочется сказать, что чрезвычайно важным на сегодняшний день является процесс живого исполнения эпоса. Как удастся сказителю на протяжении долгого времени сказывать огромный эпический текст и в каком состоянии находится сказитель в этот момент? Конечно, вопрос не из легких. Но современная наука и ее технические средства позволяют провести в этой области определенные исследования. Существует мнение о том, что сказитель обладает феноменальной памятью, и лишь благодаря подобной памяти он в состоянии хранить огромный эпический текст.

Литература

1. Бакчиев Т.А. Кыргызские эпические сказители. — Бишкек: Принт-Экспресс, 2015. — 256 с.
2. Бакчиев Т.А. Манасоведение: учебное пособие для вузов. — 5-е доп. изд. — Бишкек: Алтын тамга, 2019. — 176 с.
3. Лорд А.Б. Сказитель. — М.: Восточная литература РАН, 1994. — 368 с.

Сведения об авторах:

Бакчиев Талантаалы Алымбекович, манасчи, доктор филологических наук, доцент, профессор, Иссык-Кульский университет имени К. Тыныстанова, президент Международной ассоциации манасологов (Каракол, Кыргызстан)

Алымкулова Сынару Кадыровна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной антропологии, Кыргызский государственный университет им. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

**ТЮРКСКИЕ ТОМА В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ» ИЭА РАН.
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОХРАНЕНИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Л.И. Миссонова

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

*Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН*

Академическая многотомная серия «Народы и культуры» охватывает большинство народов, живущих на территории стран СНГ. Одна треть томов посвящена культуре народов тюркского мира. Коллективные монографии представляют собой всестороннее исследовательское описание этнической культуры народов в ее исторических и современных формах. Сведения о среде обитания, этнополитической истории народов, о динамике численности, развитии хозяйственной деятельности, о соционормативной и профессиональной культуре, календарных и иных жизненно важных обычаях и обрядах призваны расширить гуманитарные знания о народах и способствовать толерантному восприятию межэтнических отношений. обстоятельная концептуальная характеристика роли различных государств и этнического самоопределения в различные временные эпохи дает возможность показать самобытность (одновременно разнообразие) и историческое единство описываемых конкретных народов с окружающими их этническими общностями государств СНГ.

**TURKIC VOLUMES IN THE SERIES «PEOPLES AND CULTURES»
OF THE IEA RAS. INTERNATIONAL COOPERATION
IN THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE**

L.I. Misonova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

The academic multi-volume series “Narody i Culture” («Peoples and Cultures») covers most of the peoples living on the territory of the CIS countries. One third of the volumes are devoted to the culture of the peoples of the Turkic world. Collective monographs are a comprehensive research description of the ethnic culture of peoples in its historical and modern forms. Information about the habitat, the ethnopolitical history of peoples, the dynamics of population, the development of economic activity, socio-normative and professional culture, calendar and other vital customs and rituals are designed to expand humanitarian knowledge about peoples and promote a tolerant perception of interethnic relations. A detailed conceptual description of the role of various states and ethnic self-determination in different time epochs makes it possible to show the identity (at the same time diversity) and historical unity of the described specific peoples with the surrounding ethnic communities of the CIS states.

История издания многотомной энциклопедической серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН началась в 1989 г. Работа над ней осуществлялась ведущими научными центрами России и стран СНГ. Выпуском томов занималось академическое издательство «Наука» при финансовой поддержке российских научных фондов. С момента основания ответственными редакторами серии были ныне ушедший Ю.Б. Симченко и В.А. Тишков, ответственным секретарем серии — Л.И. Миссонова [1].

Этот труд прошел испытание временем, изменением политической и экономической жизни как России, так и стран СНГ, пережил трансформации региональных научных центров и стал одним из основополагающих научных и миротворческих проектов Российской академии наук.

Важно, что все тома — коллективные монографии серии написаны с использованием научного понятийного аппарата, при этом выдержаны в стиле, доступном для восприятия широкого круга читателей. Серия призывает к расовой, этнической и религиозной терпимости, толерантному восприятию культурного многообразия. Она опирается на данные этнографии, археологии, лингвистики, фольклористики, физической и социальной антропологии, социологии и др.; предполагает комплексное исследование этнических общностей. В основе серии лежит этнический принцип, поэтому описывается народ и его группы, независимо от того, на какой территории живет основная (по численности) его часть в конкретный исторический период времени. Каждый том включает характеристику этногенеза, духовной и материальной культуры, семейного уклада, современных этнических процессов.

Все тома серии представляют собой фундаментальные научные исследования. Они отражают современное состояние науки. При этом остановить процесс познания истории народа невозможно. Основная цель издания — отразить результаты актуальных исследований по истории и культуре народов с широким привлечением архивных документов, статистических данных, полевых этнографических материалов. В томах серии публикуются оригинальные полевые материалы и карты рассе-

ления народов в различные временные периоды: от архивных до современных, выполненных на основе данных последних переписей населения. Каждый из них представляет уникальность того или иного этнического сообщества, его характерные особенности; отражает многовековой путь развития в полиэтничном окружении.

История тюркских томов серии началась в 2001 г. с выпуска тома «Татары» — второго по численности народа РФ. Этот том стал первым сводом сведений о татарском народе, включая территориальные группы за пределами основных районов их расселения — в Западной Сибири, Астраханской области и иных местах. В 2017 г. вышло 2-е издание, дополненное и переработанное по заказу президента Республики Татарстан. В томе были отражены многие дискуссионные вопросы не только этнической, но и политической истории. Обсуждая спорные моменты, организаторы серии и ответственные редакторы тома осознавали, что дискуссионность служит неперемным условием существования науки. Научная и общественно-политическая ценность книги «Татары» намного превышала ее дискуссионность.

Следующий том — «Тюркские народы Крыма», изданный в 2003 г., был посвящен современным народам, этногенез и формирование культуры которых связаны с Крымским полуостровом: крымским татарам, крымчакам и караимам. Крым рассматривается как исторический перекресток этнических и культурных взаимовлияний. Современное население, ныне живущее на полуострове, формировалось на протяжении почти полутора тысячелетий. История многих народов чрезвычайно сложна. Уникальность Крыма, кроме прочего, проявилась в сосуществовании католической Прибрежной, православной Горной и мусульманской Степной областей. Данный том дает представление о самобытной культуре тюркских народов в контексте развития межэтнических отношений.

Следующая опубликованная в 2006 г. коллективная монография — «Тюркские народы Сибири [Сибирские татары. Чулымцы. Телеуты. Шорцы. Кумандинцы. Алтайцы. Челканцы. Тубалары. Теленгиты. Хакасы]» — впервые обобщила результаты исследований основных этапов этнической истории и наиболее значимые социокультурные характеристики тюркских народов региона. Наряду с оценкой традиционных структур и отношений в этом томе была отражена социальная ситуация начала XXI в., включающая активную деятельность ассоциаций и культурных центров за национальное возрождение. Особое внимание в монографии было уделено процессам трансформации экономики, которые привели к резкому изменению в способах и практиках социально-экономической адаптации отдельных этнических групп, прежде всего — коренных малочисленных народов.

Монография 2008 г. «Тюркские народы Восточной Сибири [Тувинцы. Тофалары. Долганы]» служит логическим продолжением публикаций о тюркских народах всего Сибирского региона. Как и в предшествующей работе, в этой книге представлены результаты многолетних исследований наиболее значимых характеристик социума и культуры тюркских народов региона. Аналогов такого рода обобщающим работам в сибиреведении также нет. В книгу вошли авторские и коллективные очерки этнической истории и культуры тувинцев (включая тувинцев-тоджинцев), тофаларов и долган. Как и в предыдущем тюркском томе, значительное внимание уделено развитию народов в XXI в.

Том «Гагаузы» был создан в 2011 г. совместно с Институтом культурного наследия Академии наук Молдовы. Он имел очень большое значение, так как последняя наиболее значимая книга о гагаузах была опубликована в 1900-1902 гг. В новом издании освещается проблема происхождения гагаузов, этапы их этнической истории. Важными были разделы по этнополитической истории, в том числе по истории утверждения на правовой основе собственной государственности в виде национально-территориальной автономии — «Гагауз Ери» («Гагаузии»). Традиционно в томе рассматривались особенности жизнедеятельности, духовной культуры, проблемы оценки пантеона и устного народного творчества. Специальное внимание уделялось динамике численности, расселению, формированию социально-профессионального состава гагаузов в XIX-XX вв.

В монографии «Узбеки» 2011 г. подробно рассматривались дискуссионные проблемы этногенеза и формирования национальной идентичности. Книгу можно считать первым монографическим изданием по этнологии узбеков в России с середины XX в. Она приводит новые факты, концепции Центрального государственном архиве Республики Узбекистан, а также на основе обширного полевого этнографического и статистического материала, собранного специалистами Узбекистана и России. В написании книги участвовал большой коллектив ученых — сотрудников Института истории, Института искусствознания, Института языка и литературы Академии науки Узбекистана, Национального университета Узбекистана, Ташкентского исламского университета, а также Института этнологии и антропологии Российской Академии наук.

В следующем томе «Якуты» 2012 г. (переиздан в 2013 г.) разноплановый материал был логично отстроен и стал основанием для реконструкции тысячелетних процессов, в ходе которых самые северные тюрки сохранили и донесли до Арктики степное скотоводческое хозяйство. Развитие олене-

водческого и коневодческого хозяйства определяло ситуацию в регионе. Скотоводческая культура, имевшая южное происхождение, была адаптирована к экстремальным условиям региона, свыше 40% площади которого находится за Полярным кругом. Особое внимание в работе было уделено роли якутского языка, в том числе как инструмента межнационального общения в пространстве Восточной Сибири. Эту роль он пронес через весь XX в. и сохранил в начале XXI в.

Коллективная монография 2014 г. «Карачаевцы. Балкарцы» объединила исследователей Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Москвы и Санкт-Петербурга. Это первый труд, в котором были освещены сложные (не решаемые однозначно) вопросы истории и культуры; дана оценка религиозных воззрений, традиционных социальных отношений и современных этнических процессов. Ценным в монографии является введение в научный оборот новых архивных и полевых этнографических материалов, содержащих сведения о социальной структуре, языке, письменной традиции карачаевского и балкарского народа. Оба народа в своей основной части живут на своих исторических землях в пределах России. Но также многочисленные группы карачаевцев и балкарцев расселены в Казахстане, Узбекистане, Турции, Египте, США, Сирии, Италии, Голландии и других странах. Они сохраняют историческую память и традиции. Эти вопросы также освещаются в монографии.

Том «Башкиры», изданный в 2015 г., посвящен четвертому по численности народу в России. Авторы — ведущие специалисты в области башкирской культуры и молодые исследователи — использовали весь накопленный на сегодняшний день этнографический, историко-культурный, социологический и другой материал. В монографии всесторонне рассматриваются проблемы этногенеза, социальной истории, духовной и материальной культуры. Социально-демографическая и языковая характеристика представлена в исторической ретроспективе.

Том «Кыргызы» 2016 г. представляет собой совместный труд кыргызских и российских ученых, который охватывает все стороны народной культуры и этнического развития за длительный период; масштабно исследуются как традиционные явления, так и современные этносоциальные и этнокультурные процессы. Такое исследование осуществлено впервые в истории науки постсоветского Кыргызстана. За сорок с лишним лет, прошедших после выхода фундаментальной работы С.М. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи», изменились не только общественно-политическая и социально-экономическая жизнь, но и сама этнологическая наука. Том представляет собой результат сотрудничества учреждений Национальной академии наук КР с Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. В создании тома также приняли участие ведущие ученые Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Кыргызского национального аграрного университета им. К. Скрябина, Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева, Ошского государственного университета. Иллюстрации представили архивы ИЭА РАН, МАЭ РАН, РЭМ, ЦГАКФ Архивного агентства при Правительстве Кыргызской Республики, КНМ изобразительных искусств им. Г. Айтиева, ГИМ Кыргызской Республики, ряда общественных фондов и личных архивов ученых и фотографов.

Коллективная монография «Туркмены» 2016 г. обобщает исторические, этнографические, демографические, антропологические материалы, собранные и опубликованные до настоящего времени по различным аспектам истории и культуры туркменского народа. В подготовке текстов рукописи принимали участие сотрудники ИЭА РАН, МАЭ РАН, Института истории АН Туркменистана, Министерства культуры Туркменистана. В книге освещаются этапы изучения туркменской этнографии, вопросы истории туркменского народа, его расселения, особенности его жизнедеятельности — основные занятия, жилище, одежда, система питания. Тематами специальных исследований являются обряды, обычаи, праздники, народное творчество.

Коллективная монография 2017 г. «Азербайджанцы» была подготовлена в Институте археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана. В написании отдельных разделов принимали участие сотрудники Института истории и исторического факультета Бакинского университета и Института этнологии и антропологии РАН. Азербайджанцы — самый крупный по численности народ Южного Кавказа — составляют подавляющее большинство населения Азербайджанской Республики (8172,8 тыс. чел. по переписи 2009 г., т.е. 91,6% населения страны). Компактными группами азербайджанцы живут в Грузии. Азербайджанская диаспора также представлена в России и Исламской Республике Иран. В книге излагаются исторические и этнокультурные сюжеты, раскрываются основные характеристики традиционной культуры, включая народные обычаи, обряды, праздники и т.д.

В книгу «Чуваши» 2017 г. были включены разделы об исторической динамике расселения чувашей, их этнографических, территориальных и конфессиональных группах; рассмотрены сюжеты

о семейном воспитании, застольном этикете, локальных особенностях календарной обрядности и современной празднично-обрядовой культуре. Отдельное внимание уделено месту чувашей в системе межэтнических отношений в России и ближнем зарубежье. Значительное внимание уделено чувашам, живущим за пределами Чувашской Республики в различных регионах России.

В 2021 г. будет издан том «Ногайцы» — первая обобщающая работа, которая даст самое полное на сегодняшний день представление об истории и культуре этого народа. В процессе работы над томом привлекались ранее неизвестные источники и значительное количество материалов полевых этнографических и фольклорных экспедиций, которые проводились авторами с 1970-х гг. в местах расселения ногайцев России: в Дагестанской, Чеченской, Карачаево-Черкесской Республиках, в Ставропольском крае, Астраханской области, а также в местах пребывания ногайцев в Молдавии и Турции.

Также на 2021 г. запланирован к выходу в свет том «Казахи». В данной коллективной монографии представлены последние достижения этнологии России и Казахстана. В подготовке тома приняли участие сотрудники Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Евразийского национального университета им. Л. Гумилева, Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Центрального государственного музея Казахстана, Института языкознания им. Байтурсына-улы МН-АН РК, Института востоковедения им. Р. Сулейменова КН МОН РК, Музея народных национальных инструментов, Национального педагогического университета, Актауского, Актюбинского и Жетысуского государственных университетов. Российские авторы представляют Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Государственный университет им. М.В. Ломоносова, РЭМ, МАЭ РАН.

В томе задействованы материалы ряда экспедиции отдела этнографии ИИАЭ АН КазССР: экспедиции 1970–1980-х гг.; фронтальное этнокультурное обследование Казахстана 1998 г.; Западно-Казахстанская этноархеологическая экспедиция 1990, 1997, 2000-х гг.; Монгольская этнографо-этноархеологическая экспедиция ИИЭ МОН РК 2001–2013 гг.; Китайская (Синьцзянская) этнографическая экспедиция ИИЭ МОН РК 2010–2014 гг.; экспедиции в российско-казахстанское пограничье ИЭА РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова 2006–2012 гг. К работе привлечены фонды архивов и музеев: Центрального государственного музея Казахстана (Алматы), РЭМ, МАЭ РАН; Архива РГО; Архива ИЭА РАН и др. На основе письменных источников, данных археологии, этнографии, лингвистики воссоздается феномен традиционной культуры казахов. На новейших данных написаны разделы по современному этнокультурному развитию и диаспоральным процессам. Представлен новый обширный материал по памятникам народного искусства и программам сохранения культурного наследия.

В целом, многотомная серия «Народы и культуры» воссоздавала очертания тюркского мира России и государств СНГ. С 1997 по 2021 г. было издано 34 тома, в том числе 13 томов были полностью посвящены тюркским народам; один содержал частичную информацию; два тома были подготовлены к изданию. Этот издательский проект был задуман, прежде всего, в гуманистической парадигме с целью распространения достоверных научных знаний по формированию уникальных этнических культур, социальной и политической истории.

О научной и общественной значимости серии «Народы и культуры» говорят повторные тиражи многих томов и государственные награды. Например, том «Татары» был удостоен Государственной премии Республики Татарстан. В 2005 и 2007 гг. на III и IV Международных книжной и полиграфической ярмарках «По Великому шелковому пути» в Республике Казахстан диплом победителя в номинации «Лучшая издательская серия. Научно-познавательная литература» был вручен «за книжную серию «Народы и культуры». В 2012 г. создатели тома «Якуты (Саха)» получили награды Президента Республики Саха (Якутии).

Литература

1. История создания серии, проведения всесоюзных совещаний, дебатов по поводу названия и содержания как всей серии, так и отдельных томов, отражена в публикациях Л.И. Миссоновой в журнале «Советская этнография»/«Этнографическое обозрение» (Всесоюзное совещание по подготовке серии «Народы Советского Союза» // Советская этнография. 1990. № 2; Второе Всесоюзное совещание по подготовке серии «Народы Советского Союза» // Советская этнография. 1991. № 2).

Сведения об авторе:

Миссонова Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, куратор многотомной серии «Народы и культуры», ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: missmila@iea.ras.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Л.И. Нехвядович

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности (проект номер — 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Статья посвящена описанию методологии в искусствоведческих исследованиях, посвященных изучению этнической специфики искусства. Фундаментальность темы определяется системой и инструментами междисциплинарного подхода, который направлен на максимальную интенсификацию исследовательского процесса и извлечение максимально объективного нового знания. Обосновывается этноискусствоведение как самостоятельное научное направление.

METHODOLOGY OF ETHNO-ART STUDIES AND THE PROBLEM OF PRESERVING CULTURAL HERITAGE

L.I. Nekhyadovich

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article is devoted to the description of methodology in art historical studies devoted to the study of the ethnic specifics of art. The fundamentality of the topic is determined by the system and tools of an interdisciplinary approach, which is aimed at maximizing the intensification of the research process and extracting the most objective new knowledge. Ethno-art is substantiated as an independent scientific direction.

Национальные программы сохранения культурного наследия актуализируют проблему национального своеобразия искусства. Она является одной из основных в гуманитарном знании и сегодня выходит на междисциплинарный уровень теоретического осмысления. В поиске истоков своеобразия современные исследователи все чаще обращаются к культурным традициям, к исторической памяти, к этнической ментальности.

В XXI в. возможности и границы научных методов искусствоведения расширяются. При этом ряд направлений академического искусствознания вытесняются из арсенала методологии науки такими течениями, как, например, география искусства, архетипическая и семиотическая школы, этнокультурология. Однако было бы неверным полагать, что идеи российских искусствоведов XX в. сегодня остаются за пределами мирового теоретического процесса. По своему содержанию исследовательская методология, сформировавшаяся в этноискусствоведении, многогранна и включает в себя процедуры, направленные на комплексное изучение проблем национальной специфики искусства.

Обзор российских искусствоведческих исследований позволяет сформулировать ряд выводов. В академических исследованиях историко-культурный фактор в описании художественных процессов является одним из ведущих при определении национального своеобразия художественных школ в искусстве. В науке представлены различные направления оценки этого явления — от методов историко-художественного описания до междисциплинарных подходов. В то же время проблема этничности для искусствоведения до сих пор остается спорной. Причины этого мы видим в особенностях понятий «этнос», «этничность», «этническая специфика», которые до сих пор не исчерпали всех возможностей понимания и приложения к конкретным явлениям искусства.

В современной литературе этноискусствознание определяется как область науки, находящаяся на стыке этнографии и искусствознания. В широком значении изучает этническую специфику художественной культуры отдельных народов, народное (традиционно-бытовое) искусство различных этносов. Выделяются методы историко-теоретического анализа, а также методы полевого исследования народного искусства.

В становлении этноискусствоведения можно отметить следующие этапы: существование в диффузном, рассеянном состоянии, затем концентрация в разных аспектах исследований природы и сущности искусства и, наконец, определение этничности как предмета изучения в искусствоведении.

Фактические данные, связанные с народным искусством, широко использовались в теоретических построениях ученых различных школ и направлений конца XIX — начала XX в. Большое внимание изучению отдельных форм художественной культуры народов мира уделял Ф. Боас, А. Крёбер. Эти исследователи одними из первых предприняли попытку связать многообразие стилей народного искусства с этничностью.

В России значительные разработки в этой сфере осуществили С.И. Вайнштейн, С.В. Иванов, Б.М. Бернштейн, А.А. Каменский, А.Я. Зись, Д.В. Сарабьянов, М.Г. Неклюдова, Е.Г. Катаева, Л.М. Немченко, С.М. Червонная. Исследуя феномен этничности, ученые утверждают идею об этнокультурной традиции как базовой категории искусствоведческого анализа. Проблема художественного своеобразия искусства рассматривается в контексте диалога культур и их взаимодействия. В научный аппарат искусствоведческих исследований вводятся понятия «этнофутуризм», «этническая идентичность», «картина мира», «этноживопись», «этнографика», «этностиль».

Опыт этноискусствоведческих исследований показал гибкую, диалектическую связь и обусловленность этноса и искусства, а также роль этничности в формировании национального своеобразия искусства. Техника этноискусствоведческого анализа обеспечивает прочтение произведения изобразительного искусства через личность автора как носителя определенной этнокультурной и национальной традиции.

В целом, на современном этапе этническая проблематика становится одной из ведущих в художественной практике. Исследования в этой сфере соотносятся с оценкой культурного наследия как важного показателя этнонациональной идентичности. Стремительный рост эмпирической информации по этноискусству и появление множества концепций, претендующих на истину, порождают неоднозначность в интерпретации современных процессов, сомнения в возможности их объективного объяснения. В конечном итоге, не всем современным авторам удастся создать оптимальную модель для изучения и описания форм проявлений этнической и национальной специфики в изобразительном искусстве.

Выходом из создавшейся ситуации может стать объединение усилий ученых этнографов, антропологов и искусствоведов для разработки методологического конструкта этноискусствоведения. Мы рассматриваем методологический аппарат как набор методов, адаптированный к специфике конкретного материала и/или решению конкретных исследовательских задач. Объединяющим для междисциплинарного подхода выступает этнометодология, которая превращает этничность в широчайшую категорию не только социологии, этнологии, но и искусствоведения.

Основатель этнометодологии Г. Гарфинкель первоначально ставил задачу исследования процесса обмена значениями, что в перспективе определило тенденцию универсализации методов антропологического изучения этнических культур. Представляется, что теоретическая основа этнометодологического анализа этничности в искусстве опирается на выявление и раскрытие оснований художественного своеобразия произведений с точки зрения феноменологии и герменевтики. В современной ситуации именно этноискусствознание дает возможность воссоздания художественной картины мира во взаимосвязи общего, особенного и частичного в описании этнического и национального своеобразия искусства России.

Литература

1. Нехвядович Л.И. Теоретические ориентиры для изучения этничности как источника художественного своеобразия искусства // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 5 (54). — С. 436-437.
2. Нехвядович Л.И. Этничность творчества: теоретические основания описания и анализа произведения искусства // Культурное наследие Сибири. — 2016. — № 2 (20). — С. 16-21.
3. Nekhyvadovich L.I., Chernyaeva I.V. Experience and perspectives of art history development in educational space of siberia at the turn of XX–XXI centuries // International Journal of Environmental and Science Education. — 2016. — Т. 11. — № 7. — С. 1501-1507.

Сведения об авторе:

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, профессор, директор Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: lar.nex@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ УЧЕНЫХ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Т. Имангалиев, З.О. Дукенбаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

Ученый-фарабиевед Акжан аль-Машани, который впервые провозгласил в Казахстане и Средней Азии имя аль-Фараби — мудрого мыслителя средневекового Востока, занимает уникальное место не только в отечественной науке, но и в мировой.

STUDY OF MEDIEVAL TURKIC SCIENTISTS IN EURASIAN SPACE

A.T. Imangaliyev, Z.O. Dukenbaeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

Farabiologist-scientist Akzan al-Mashani, who first proclaimed the name of al-Farabi the wise thinker of the East in Kazakhstan and Central Asia, occupies a unique place not only in domestic science, but also in the world.

Великие средневековые ученые Аль-Беруни и Авиценна, творившие на столетия позже Аль-Фараби, считали себя учениками своего предка. Но мы их не называем третьим, четвертым учителями мировой цивилизации. Великого предка впервые представил потомками Акжана Машани, основавший учение науки фарабиеведение: «До Фараби и после него были личности. Однако, среди них, именно как Фараби, в четырех областях науки и искусства — арифметика, геометрия, астрономия и музыка — трудно называть кого-либо из ученых, внесших такой крупный вклад в них: Платон, Аристотель и Птолемей не были исследователями музыки, написано им самим» [1, с. 6].

С 40-х гг. XX в. имя Абу Насира аль-Фараби возродилось в Казахстане и Средней Азии. Инициатором такого процесса в науке был первый исследователь имени и наследия аль-Фараби Акжан аль-Машани. По инициативе ученого наследие Фараби было возвращено в страну и была сформирована специальная группа исследований Фараби. Таким образом, в XX в. в Казахстане и Средней Азии, основанных Акжаном аль-Машани, появилась наука фарабиеведение, была сформирована школа этой науки, появился ряд новых исследований.

Ставший так называемым штурманом науки фарабиеведения Акжан Аль-Машани оставил свой след в истории Отечества и во всемирной истории и увековечил свое имя в науке тем, что стал ученым-основоположником фарабиеведения в Казахстане и Средней Азии.

В результате благодаря упорному труду в науке Акжан аль-Машани написал научные труды об личности Аль-Фараби. В частности, Акжан Жаксыбекович аль-Машани выступил в 1944 г. с научным докладом на тему «Облики природы в произведениях Абая», посвященным 100-летию со дня рождения Абая, а в 1971 г. на 13-м Конгрессе ЮНЕСКО по истории науки, проведенном в Москве, на симпозиуме, посвященном аль-Фараби, он представил свои научные выводы о Фараби [2, с. 51]. Также публикация Акжана Машанова в 1961 г. в Вестнике Национальной академии наук Республики Казахстан неопровержимых доказательств о том, что аль-Фараби является казахом, уроженцем Отрара, дала большой импульс науке (Бюллетень Академии наук Казахской ССР. 1961. № 5. С. 105–106) [3, с. 14]. Он также написал исторический роман «аль-Фараби» [4], опубликованный в 1970 г. издательством «Жазушы» и в 1994 г. научную работу «аль-Фараби и Абай» [2] о сути духовной преемственности между двумя учеными, посвященную 150-летию Абая, оставив таким образом богатое наследие для будущих поколений.

Кроме того, можно перечислить и такие научные труды и статьи исследовательского характера аль-Машани, как «аль-Фараби, Кеплер, Галилей и исламская наука» [5], «Нурнама аль-Фараби» [6], «Философия — спорная область» [7], «Ислам и наука» [8] и т.д.

Акжан Хазрет публиковал свои труды и делал научные заключения не только в рамках отечественной науки, но и на мировой арене. В 1984 г. он опубликовал статью «Светила культуры Центральной Азии» в кувейтском журнале «аль-Фараби», в которой доказал, что при написании книги Иоганна Кеплера «Небесная музыка» им были использованы произведения мыслителя аль-Фараби [9, с. 68].

С этого периода первый ученый-фарабиевед Акжан аль-Машани начал изучать имя и наследие аль-Фараби. Благодаря труду ученого-фарабиеведа в науке в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР был создан отдел «Фарабиеведение». В этом отделе ученый Акжан аль-Машани непосредственно руководил исследованиями в области фарабиеведения. Доказательством данного факта является ряд документов, хранящихся в 98-м фонде архива Национальной академии наук Республики Казахстан. Например, исторические данные в 195-м документе 98-го фонда архива Национальной Академии Наук Республики Казахстан показывают, что Акжан аль-Машани руководил исследованием наследия уникального восточного мыслителя аль-Фараби:

ПРИКАЗ
по Институту философии и права АН КазССР
№ 51

г. Алма-ата 22 апреля 1968 г.

Члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР тов. Машанова А.Ж. зачислить на должность старшего научного сотрудника по отделу, истории философии на полставки начиная с 25 апреля с.г. Член-корреспондент АН КазССР Машанов А.Ж. назначается руководителем проблемной группы по изучению наследия аль-Фараби. Установить оклад 125 руб. в месяц.

Основание: Решение Президиума АН Каз ССР от.

Директор Института

Философии и права АН КазССР

(подпись)

С.З. Зиманова

[10, с. 60].

Далее в фонде Академии наук НАН РК фонд 98, дело 200, в документах «Протоколы заседаний Ученого Совета Института за 1968 года» описывается по следующим образом:

«Тема: «Изучение творчества аль-Фараби (1968-1970)»

Руководитель — член.-корр. АН КазССР А. Машанов.

Исполнители: А. Кубесов

Ошеревич Б.Я.

Харенко Е.Д.

В отчетному году осуществлены переводы следующих трактатов мыслителя:

1. Трактат о вакууме (с арабского и европейского языка).
2. О единстве взглядов Аристотеля и Платона (с арабского и немецкого).
3. Классификация наук (с арабского).
4. Афоризмы государственного деятеля (с английского).

Проведена большая работа по научному редактированию переводов и сбору материалов для юбилейного сборника» [11, с. 24].

В результате Акжан аль-Машани опубликовал научные труды по изучению средневекового мыслителя Аль-Фараби, которое продолжается и по сей день.

Есть много чему поучиться у мыслителя и ученого Акжана Жаксыбековича аль-Машани, который оставил ценное, не теряющее актуальности наследие молодому поколению.

Литература

1. Машани А. Аль-Фараби и современная наука. — Алматы: Алатау, 2008. — 219 с.
2. Машанов А. Әл-Фараби және Абай. — Алматы: Қазақстан, 1994. — 192 б.
3. Машани А. Әл-Фараби көпірі: Мақалалар, «Әл-Фараби» романы. — Алматы: Алатау баспасы, 2005. — 352 б.
4. Машанов А. Әл-Фараби. /870-1970/ Тарихи-деректі кітап. — Алматы: Жазушы, 1970. — 245 б.
5. Машанов А.Ж. Әл-Фараби, Кеплер, Галилей және ислам ғылымы // Зерде. — 1994. — № 3. Б. 22–24.
6. Машанов А.Ж. Әл-Фарабидің нұрнамасы // Зерде. — 1994. — № 2. — Б. 22–24.
7. Машанов А.Ж. Философия таласты майдан // Зерде. — 1994. — № 5. — Б. 22.
8. Машанов А.Ж. Ислам діні және ғылым // Шалқар. — 1994. — 28 шілде.
9. Фараби ғибратты ғалым: Фарабитанушы А.Ж. әл-машаниге арналады / Құраст. Ш. Абдраман. — Алматы, 2006. — 340 б., суретті. — «Ұлы тұлғалар» ғылыми-ғұмырнамалық сериясы.
10. Архив НАН Республики Казахстан. — Ф. 98. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 197.
11. Архив НАН Республики Казахстан. — Ф. 98. — Оп. 1. — Д. 200. — Л. 324.

Сведения об авторах:

Иманғалиев Алмас Темірбекович, докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева; старший эксперт «Национального центра рукописей и редких книг» при Министерстве культуры и спорта РК (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: Imangaliyev_historian@mail.ru

Дукенбаева Задаш Оразғалиевна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; научный консультант «Национального центра рукописей и редких книг» РГУ при Министерстве культуры и спорта РК (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: dukenbaevazo@mail.ru

**ИЗ ОПЫТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
(г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК, КАЗАХСТАН)**

Е.Ю. Рахматулина^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»

В связи с возрастающей ролью музеев в современном мире в статье предпринята попытка анализа ряда аспектов музейного международного сотрудничества на примере Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника. Рассматриваются вопросы научной, межкультурной и межмузейной коммуникации, деятельность музея-заповедника в диалоге культур Евразийского континента. Представлены концептуальные основы международной деятельности, направленные на укрепление и расширение культурно-гуманитарного сотрудничества. Показано, что опорой сотрудничества выступает работа с Посольствами зарубежных стран, аккредитованных на территории Республики Казахстан. Благодаря чему были проведены десятки международных выставочных и культурно-просветительских проектов, получил дополнительное развитие процесс комплектования фондов. Работа с общественными организациями художников и ремесленников выделена как особое направление деятельности, стимулирующее трансляцию культурных достижений мастеров Восточного Казахстана в мире.

**FROM EXPERIENCE INTERNATIONAL COOPERATION
OF EASTERN KAZAKHSTAN REGIONAL MUSEUM-RESERVE
(UST-KAMENOGORSK, KAZAKHSTAN)**

E.Y. Rakhmatulina^{1,2}

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

In connection with the growing role of museums in the modern world, an attempt has been made to analyze a number of aspects of museum international cooperation, using the example of the East Kazakhstan Regional Museum-Reserve. The issues of intercultural and inter-museum communication, the activities and role of the museum-reserve in the dialogue of cultures of the Eurasian continent are considered. The conceptual foundations of the international activities of the museum-reserve, aimed at strengthening and expanding cultural and humanitarian cooperation, are presented. It is shown that the mainstay of international cooperation is work with the Embassies of foreign countries accredited on the territory of the Republic of Kazakhstan. As a result, dozens of international exhibition and cultural and educational projects were carried out, the process of fund acquisition was further developed. Work with public organizations of artists and artisans is highlighted as a special area of activity that stimulates the broadcast of the cultural achievements of masters of East Kazakhstan in the world.

Как известно, спецификой этнокультурного ландшафта Восточного Казахстана является полиэтничность, обусловленная детерминантой исторического развития и приграничным положением региона, территориально входящего в ареал Большого Алтая. Немаловажная роль в научном осмыслении богатого культурно-этнографического наследия народов региона принадлежит Восточно-Казахстанскому областному архитектурно-этнографическому и природно-ландшафтному музею, с 2005 г. приобретшему статус музея-заповедника. Современная концепция развития музея-заповедника предусматривает изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия народов Восточного Казахстана, для чего проводится активная научно-исследовательская, культурно-образовательная и экспозиционно-выставочная работа, в том числе многовекторная международная деятельность. Реализации намеченных планов способствует выстроенная музейная инфраструктура, включающая парковые зоны, корпуса постоянных экспозиций, павильоны сменных выставок, историко-археологический комплекс Акбауыр, а также Левобережный комплекс, открытый в 2010 г. и ставший визитной карточкой Усть-Каменогорска, где на территории 120 га расположены: музей под открытым небом [5, с. 17], этноусадьбы, зоопарк, центр ремесленничества «Город мастеров», сектор «Шелковый путь» и другие объекты. Данное сочетание обширного культурно-досугового, выставочного и разнообразного природно-ландшафтного компонентов является определяющей характеристикой музея-заповедника, способствуя формированию уникальной диалоговой площадки культур.

Целью доклада является освещение опыта международного сотрудничества Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника в контексте международной культурной интеграции, для чего предпринят анализ научного, экспозиционно-выставочного, собирательского и культурно-просветительского направлений деятельности музея-заповедника.

Основополагающими идеями в развитии международного партнерства музея-заповедника выступают идеи, заложенные в современном тренде международной культурной политики, для которой характерен переход от наития XX в. к теоретическому обоснованию так называемой концепции «мягкой силы». В этом плане сама культурная политика и ее разнообразные формы представления, как отмечают эксперты, выступает эффективным инструментом внешнеполитического воздействия. Следуя логике концепции, наиболее успешными являются государства, не скупящиеся на презентацию своих культурных достижений, а государства, не осуществляющие такой активной деятельности, смещаются на периферию мировой политики [4, с. 9]. Развитие идеи на национальном уровне получило воплощение в указе Президента Республики Казахстан «О Концепции культурной политики Республики Казахстан» от 2014 г., где аргументируется и актуализируется тренд на укрепление и расширение культурно-гуманитарного сотрудничества учреждений культуры республики с международными организациями культуры, разработку и проведение совместных творческих и исследовательских программ, проектов по развитию различных отраслей культуры и науки и искусства с ведущими зарубежными культурными, исследовательскими и экспертными и образовательными институтами [6]. В целом нужно признать, что данная тенденция благотворно сказывается на развитии мировой музейной отрасли, в том числе музеев Восточного Казахстана, предопределяя значение музея-заповедника как особой коммуникативной и транслирующей культурные продукты площадки.

Актуальное направление международной деятельности музея-заповедника связано с научным изучением такого археологического объекта, как Акбауыр. На территории данного комплекса расположены многочисленные археологические памятники: петроглифы; поселения и могильники эпохи бронзы; курганы раннего железного века, включающие редкие археологические объекты — курганы «с усами»; захоронения, датированные эпохой средневековья. Основная работа координируется ведущей отделом Акбауыр археологом Г.Г. Петеновой. В связи с научной значимостью комплекса исследовательскую работу на площадке Акбауыра в разные годы проводили специалисты природной территории национального парка Уч-Энмек (Онгудайский район республики Алтай), сотрудники Алтайского государственного института культуры (Барнаул), а также сотрудники Государственного института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург. Состоявшиеся международные экспедиции способствовали развитию археологического направления музея-заповедника, формированию стойкого исследовательского интереса к комплексу.

Другим немаловажным направлением международного партнерства Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника является работа с посольствами зарубежных стран, аккредитованных на территории Республики Казахстан, прежде всего, России, Индии, Кореи, Турции, Узбекистана, Кыргызстана, Германии, Швейцарии, Китая, Азербайджана, Ирана. Взаимодействие с ними привело к реализации многих успешных выставочных проектов. Перечислим некоторые: «Декоративно-прикладное искусство Швейцарии» 2002 г., «Мы ветви единого древа» — выставка из Республики Алтай 2004 г., «Дыхание Персии» 2006 г., «Встреча с Индией» 2007 г., «Живопись Рабиндраната Тагора» 2011 г., выставка работ Н.К. Рериха «Гималаи» 1997, 2007, 2012 гг. Начиная с 1997 г. в музее-заповеднике было проведено несколько десятков значимых международных выставок, вызвавших неподдельный зрительский интерес [5, с. 37]. Как можно заметить, партнерство музея-заповедника не ограничивается посольствами стран бывшего СССР, оно гораздо шире, включает ЕАЭС, страны Центрального и Ближнего Востока, а также государства Западной и Восточной Европы, Китай. Сотрудничество с дипломатическими миссиями КНР в свете развития концепции «Один пояс — один путь» в настоящее время обрел свою актуальность. К примеру, с Посольством и Генеральным консульством КНР в Алматы совместно было реализовано 4 крупных выставочных проекта, в том числе международная туристская выставка 2019 г. «Чарующий Восточный Казахстан, прекрасный Китай». Проект включал проведение церемоний открытия и закрытия выставки, конкурс туристских фоторабот, а также концертную часть, в которой приняли участие фольклорный ансамбль «Талас» из Алматы и певец из СУАР. На церемонии открытия проекта присутствовал Генеральный консул КНР в Алматы Чжан Вэй, директор Института Туризма КНР по Центральной Азии Ван Шулинь. Проект стал знаковым событием культурной жизни Восточного Казахстана [1].

Как показала практика, главными координаторами культурных проектов в стране пребывания выступают атташе по культуре и директора культурных центров при посольствах. Руководители культурных программ обладают выраженной харизмой, имеют научную степень, хорошо разбираются в культурных особенностях страны, свободно выступают перед большой аудиторией. Из большого

числа культурных центров особенно доверительные отношения сложились у руководства музея-заповедника с директором культурного центра имени Свами Вивекананды (г. Нур-Султан) при Посольстве Индии в РК с госпожой Дипали Пал, не раз принимавшей участие в совместных культурных проектах. Однако, на наш взгляд, препятствием к более успешному сотрудничеству является краткий срок дипломатической миссии атташе и консулов, завершающийся после двух сроков по два года.

Палитра взаимодействия музея-заповедника с Посольствами обогащается культурно-просветительскими мероприятиями. В течение календарного года планируются и проводятся различные фестивали, семинары, лекции, встречи, концерты. Из недавних мероприятий интересен опыт проведения совместного этнофестиваля «Счастливы вместе», состоявшегося в допандемийный период 6-7 сентября 2019 г. с участием директора индийского культурного центра им. Свами Вивекананды Санджай Гарг, а также сотрудников центра. Целью проекта являлось формирование культуры толерантности, пропаганда и поддержка традиционных семейных ценностей. Основой программы этнофестиваля стала презентация чайных церемоний стран участниц Шелкового пути. Гости праздника познакомились с индийской традицией заваривания чая «масала»; имели возможность дегустации «масала» и чая по-казахски, русского сбитня; почувствовали эстетику чайной церемонии Китая и Узбекистана. Помимо чайных церемоний в программу фестиваля был включен концерт, подготовленный этнографическими коллективами города, ярмарка-продажа изделий мастеров декоративно-прикладного искусства Восточно-Казахстанской области, выставка индийских национальных костюмов и артефактов, детских рисунков, а также уроков индийского танца и йоги. Насыщенная двухдневная программа этнофестиваля вызвала живой отклик у жителей города, получила много положительных отзывов в средствах массовой информации; мероприятие посетило около 1 500 человек [3].

При поддержке Генерального консульства России в Усть-Каменогорске, областного Дома Дружбы — центра общественного согласия Восточно-Казахстанской Области 15-16 июня 2019 г. состоялся XVII Казахстанско-Российский фестиваль русского традиционного фольклора «Беловодье». В масштабной программе фестиваля приняли участие 20 этнографических ансамблей из России и Казахстана. Были организованы концерты на нескольких сценах области, в том числе: в поселке Глубокое, в селе Украинка, на сцене Левобережного комплекса музея-заповедника. Все участники фестиваля получили дипломы и памятные сувениры [2]. Дополняет творческий арсенал музея-заповедника проведение ежегодной международной акции «Ночь в музее». Праздник проходит в этнопарке им. К. Кайсенова во второй декаде мая. Усиливает этнографический колорит праздника выступление фольклорных ансамблей, в том числе и зарубежных, проведение экскурсий по усадьбам этнодеревни, а также угощение традиционными национальными блюдами и напитками.

Отметим, что работа с посольствами зарубежных стран является важным звеном процесса комплектования фондовых коллекций музея-заповедника. Предметы, переданные в дар, пополняют коллекции, в том числе составляющие интерьеры этнографических усадеб. Посольство Грузии в Республике Казахстан откликнулось на просьбу при оформлении грузинской усадьбы в 2014 г. Оригинальная мебель, ковры, предметы домашнего обихода были доставлены из Грузии. Значительное число предметов традиционной китайской культуры — театральные костюмы героев Пекинской оперы, музыкальные инструменты, фарфор, сувенирная продукция и фотографии были любезно переданы Генеральным консульством КНР в Алматы в дар музею-заповеднику с выставки «Чарующий Восточный Казахстан, прекрасный Китай». Всего по линии посольств поступило более 500 предметов [7, с. 15].

Помимо работы с культурными центрами развитию международной интеграции способствуют общественные организации, в их числе Союз ремесленников Казахстана и Ресурсный Центр ремесленников Восточно-Казахстанской области, созданный при музее-заповеднике в 2008 г. В настоящее время 8 мастеров региона являются членами Союза ремесленников Казахстана и имеют возможность представлять свое творчество на известных ремесленных площадках мира, в том числе в Москве, Бишкеке, Ташкенте, Париже. Например, два года подряд в 2015 и 2016 гг. авторы А. Нурмухамбетов и К. Нурсадыков приняли участие в известной выставке-ярмарке в Абу-Даби (Арабские Эмираты) — 45 дней проживания и перелет были оплачены за счет принимающей стороны. В 2009 г. 10 ремесленников области принимали участие в республиканском конкурсе «Шебер». В целом, Союз ремесленников Казахстана поддерживает регионы с центрами ремесленников и совместно организует международные смотры, фестивали, конкурсы.

Международный межмузейный проект осуществляется в рамках сотрудничества с Государственным Русским музеем — в 2007 г. в музее-заповеднике был открыт его виртуальный филиал. Разработанные сотрудниками материалы по истории и культуре России участвуют в мероприятиях Русского музея: семинарах, выставках, конкурсах. О высоком уровне работы виртуального филиала свидетельствует тот факт, что в 2018 г. филиал успешно прошел очередную аккредитацию. В связи с существующими трудностями, связанными с процедурой вывоза культурных ценностей за рубеж,

менее разработано направление международных межмузейных выставок, при этом музей-заповедник открыт для взаимодействия, стремится наладить паритетные взаимоотношения с музеями стран ЕАЭС на постоянной основе.

Таким образом, международную деятельность Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника можно рассматривать как комплексную систему, направленную на расширение всестороннего культурно-гуманитарного сотрудничества. Взаимодействие осуществляется по нескольким направлениям: научное, экспозиционно-выставочное, культурно-просветительское, собирательское. Главными акторами сотрудничества выступают научные организации, посольства зарубежных стран, аккредитованные на территории республики, а также общественные объединения ремесленников и художников. В то же время следует отметить, что большой потенциал содержит развитие международной межмузейной коммуникации. Данное направление — дело будущего.

Литература

1. Антон Д. Чарующий Восточный Казахстан, прекрасный Китай [Электронный ресурс]. — URL: <https://rudnyi-altai.kz/charuyuschiy-vostochnyy-kazahstan-prekrasnyy-kitay/> (дата обращения: 21.07.2021).
2. Доценко А.Н. Вековые традиции фестиваля «Беловодье» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/novosti/2767-2019-06-17-05-42-12>
3. Доценко А.Н. Праздник дружбы и взаимопонимания [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/novosti/2855-prazdnik-druzhby-i-vzaimoponimaniya-2019> (дата обращения: 19.07.2021).
4. Козлов Л.Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2012. — № 12 (267). — С. 7–16.
5. Музей, открытый миру. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник. — Караганда: Литера, 2014. — 507 с.
6. О концепции культурной политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 4 ноября 2014 года № 939 [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939> (дата обращения: 19.07.2021).
7. Из личного архива заведующего научно-исследовательского отдела «Малых этногрупп Восточного Казахстана» ВКО музея-заповедника Б.М. Кумаровой 2018 г. — 40 с.

Сведения об авторе:

Рахматулина Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); заместитель директора по выставочной работе, ВКО архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: kalina200778@mail.ru

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

И.А. Селезнева

Сибирский филиал Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
г. Омск (Россия)

В статье анализируется вклад ученых Сибирского филиала Института наследия в популяризацию культурного наследия, рассматриваются актуальные формы научно-практической деятельности научных учреждений.

POPULAR SCIENCE EVENTS FOR THE PRESERVATION AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE: THE EXPERIENCE OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE HERITAGE INSTITUTE

I.A. Selezneva

Siberian branch of the Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev,
Omsk (Russia)

The contribution of scientists of the Siberian branch of the Heritage Institute in promoting cultural heritage is analyzed in the article, current forms of scientific-practical activities of scientific institutions are discussed.

Работа по сохранению и актуализации культурного наследия России во многом определяется деятельностью Института наследия и его Сибирского филиала в г. Омске. Одной из форм актуализации культурного наследия являются научно-практические мероприя-

тия, рассчитанные на широкую аудиторию и имеющие практическое значение. Сибирский филиал является инициатором целого ряда таких мероприятий; также принимает активное участие в партнерских проектах, особенно в сфере популяризации культуры народов Омской области и, шире, народов Сибири.

Популяризация знаний о культуре народов России способствует решению проблемы формирования историко-культурного сознания молодежи. Эта деятельность направлена на укрепление национальной идентичности граждан России.

Научно-популярные мероприятия в этнокультурной сфере являются одним из актуальных средств формирования культурной среды через сохранение, развитие и пропаганду традиционной культуры народов Омской области. Недостаточное освещение народной культуры в научно-популярных и научно-методических изданиях создает определенные сложности не только в образовательной сфере, где пристальное внимание уделяется региональному компоненту, но и в сфере культуры, затрудняя работу национально-культурных центров, центров традиционной народной культуры, детских и взрослых фольклорных коллективов и др.

Культурные и исторические особенности населения Омской области проявляются в ряде аспектов: в истории заселения; религиозной специфике; локальных вариантах традиционной народной культуры и др. Научно-популярные мероприятия являются хорошей площадкой для общения и знакомства с традициями разных народов. На таких мероприятиях, как правило, соблюдается баланс научно обоснованной информации и повседневных историй. В результате достоянием широкой общественности становится большой пласт народной культуры, дается научный анализ этнокультурных процессов, рекомендации. Проведение такого рода мероприятий, их широкое освещение способствует укреплению взаимопонимания и уважения к культурным ценностям разных этнических групп, расширению контактов и дружеских связей между народами. Активная пропаганда народных ценностей способна выстроить реальную альтернативу и противостоять наиболее агрессивным формам массовой культуры. Изучение и пропаганда местных культурных традиций становится важным фактором стабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе.

В Омском регионе накоплен богатый опыт сотрудничества между учеными, представителями органов власти и общественными организациями при реализации этнокультурных проектов. Достигнуто понимание того, что основные акценты необходимо делать на воспитании и формировании патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, сопричастности к судьбе своего отечества, уважении к этническим и религиозным корням своих соотечественников и соседей. Научно-практический формат, как один из вариантов сотрудничества, обеспечивает доступность информации, направлен на широкие слои населения, что особенно важно в современных реалиях. Перечислим лишь некоторые научно-практические мероприятия, организованные Сибирским филиалом института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева совместно с партнерами.

Это цикл региональных научно-практических семинаров, посвященных проблемам изучения и использования культурного потенциала славянского населения, кавказских, прибалтийских народов Омской области, русского населения региона.

Цель данных семинаров — показать вклад разных народов в формирование общей социокультурной среды региона. Обсуждались проблемы ценностных оснований современной культурной политики, вопросы сохранения и продвижения традиционной культуры, идентичности населения Омской области, образы современной культуры и целый ряд других проблем. В ходе научно-практического семинара «Этническая культура русских в пространстве Омского региона» особую дискуссию вызывали вопросы, связанные с традициями и новациями в русской культуре, с репрезентативностью источников и их верификацией.

С 2017 г. Сибирский филиал Института наследия принимает активное организационное участие в организации и проведении мероприятий по популяризации культурного наследия для студентов средне специальных учебных заведений региона. Областная научно-практическая конференция «Многоликое Прииртышье» стала площадкой, где студенты ссузов могут поделиться своими исследованиями по истории населенных пунктов; истории семьи и семейным традициям; культурному разнообразию региона.

Такие мероприятия стимулируют интерес учащихся к истории и культуре родного края, к занятиям краеведением, историко-культурными исследованиями, повышают уровень знаний о народах Омского Прииртышья. И, в конечном итоге, являются средством профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде.

Современная ситуация заставляет искать новые варианты реализации задуманного, новых партнеров. В результате у нас сложились довольно плодотворное сотрудничество с общественными

организациями, особенно с Омским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российский комитет защиты мира», Омским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России». Результатом такого взаимодействия стали новые научно-практические мероприятия.

Весной 2016 г. состоялся научно-популярный лекторий «Культура народов Западной Сибири: традиции и современность». Лекторами выступили ведущие ученые Сибирского филиала Института наследия, Омской лаборатории (тогда еще филиала) Института археологии и этнографии СО РАН и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Для проведения лекций были выбраны общедоступные площадки: Омский научный центр, два ведущих музея — Омский историко-краеведческий музей и Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. На открытые лекции записалось более 100 жителей города и области. Среди слушателей — студенты и преподаватели вузов, работники сферы образования, представители национально-культурных центров, члены общественных организаций и др. Лекторий привлек внимание общественности тем, что у заинтересованных в истории своего края людей появилась возможность не только послушать лекции ведущих ученых Омска, но и посетить музеи города, в том числе ведомственные, доступ в которые ограничен для широкой публики. Всего было прочитано 5 лекций, материалы лектория доступны на сайте Сибирского филиала Института наследия, где размещены дополнительные темы, которые не были представлены в лекционном формате.

Еще одно значимое мероприятие, организованное в рамках нашего сотрудничества с общественными организациями, — Всероссийская научно-практическая конференция «Мосты мира», которая состоялась 19-20 апреля 2016 г. Работа конференции проходила в формате диалоговых площадок, что подчеркивало именно практическую значимость мероприятия. Всего было организовано 5 диалоговых площадок для свободного обмена мнениями и выработки практических рекомендаций:

1. «Деятельность молодежных движений по формированию гражданского согласия в регионах».
2. «Патриотическое воспитание в образовательных учреждениях».
3. «Роль СМИ в гармонизации общества».
4. «Управление межнациональными и межконфессиональными процессами в российских регионах».
5. «Социальные инициативы как способ формирования гражданского общества».

На конференции обсуждались вопросы воспитания патриотизма, межнациональных и межконфессиональных отношений, социальных инициатив. Конференция явилась той диалоговой площадкой, на которой оказалось возможным выработать рекомендации и направления дальнейшей деятельности для органов федеральной и региональной власти в аспекте гармонизации российского общества и формирования межнационального согласия в стране.

В 2019 г. стартовал новый проект «Видеоальманах Дружбы», который еще продолжается. «Видеоальманах Дружбы» — это анимационные видеоролики об истории, культуре, традициях и обрядах этнических групп на территории Омской области. Целью проекта является укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, сохранение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика этнического экстремизма и национализма. Основная целевая группа проекта — школьники. В качестве стартовых определены пять титульных национальностей, представители которых проживают на территории Омской области: русские, казахи, украинцы, немцы, татары. Сейчас идет подготовка еще 20 роликов о культуре и традициях народов Омской области. Содержательная часть роликов основана на многолетних исследованиях омских ученых-этнографов.

Еще одним практическим результатом научной деятельности стала подготовка и издание книги «Народы Омской области» [1]. Эта книга представляет собой сводное и систематическое изложение знаний о народах, живущих на территории Омской области. В издании отражены общие вопросы этнической истории, расселения и особенности формирования этнокультурных комплексов народов и этнических групп региона. Книга была разослана во все районы области, во все региональные библиотеки, а также размещена в сети Интернет для свободного доступа всем заинтересованным.

Примером востребованности научных работ сотрудников Сибирского филиала Института наследия стало сотрудничество с Министерством культуры Омской области при реализации пилотного регионального культурного проекта «Иртышский берег». Итогом работы стало включение историко-культурных и туристических объектов территории центральной части г. Омска и парковой зоны «Зеленый остров» в единый культурно-природный ландшафт, способствующий популяризации культурного наследия, здорового образа жизни и велодвижения среди жителей и гостей Омского региона.

И еще одно мероприятие, о котором стоит сказать, — Большой этнографический диктант. Всероссийская акция «Большой этнографический диктант» проходит ежегодно, начиная с 2016 г., накануне Дня народного единства в каждом субъекте Российской Федерации. Участником диктанта может стать любой желающий, владеющий русским языком, независимо от образования, социальной принадлежности, вероисповедания и гражданства в возрасте от 15 лет. Мероприятие проводится с целью оценить уровень этнографической грамотности населения, знания о народах, проживающих в России и привлечь внимание к этнографии как науке, занимающей важное место в гармонизации межэтнических отношений.

С самого начала Сибирский филиал Института наследия является партнером по организации данной акции в Омской области, занимается подготовкой регионального блока вопросов. Практически все сотрудники Сибирского филиала Института наследия принимают участие в этом мероприятии, являясь, в первую очередь, его популяризаторами на большинстве площадок региона, рассказывая собравшимся о важности этнографических знаний и вкладе омских ученых в изучение народов Омской области.

В представленном материале отражены только самые масштабные мероприятия Сибирского филиала по популяризации и сохранению культурного наследия региона. Но работа не останавливается, практически каждый день к нам обращаются за консультациями по разным вопросам, обсуждаются новые проекты с партнерами, ведется просветительская деятельность. Таким образом, сотрудничество науки и практики ведет к появлению такого продукта, который востребован обществом, позволяет предотвращать кризисные ситуации и решать накопившиеся проблемы.

Литература

1. Народы Омской области / отв. ред. И.А. Селезнева, Т.Б. Смирнова. — Омск: Омская картографическая фабрика, 2018. — 272 с.

Сведения об авторе:

Селезнева Ирина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, директор Сибирского филиала Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск, Россия), доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: ir_selez@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ЫСЫАХ — ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Е.Н. Романова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск (Россия)

Статья подготовлена по гранту Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, № BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии»

Якутский Ысыах представляет собой одну из лучших иллюстраций календарных празднеств в этнической экспозиции народов России. Многомасштабный проект календарного коневодческого праздника охватывает культуру евразийского пространства кочевого мира и демонстрирует кумысные церемонии древних кочевников как живого наследия степного евразийского мира через оптику национального праздника. Самый массовый этнический праздник в России посвящен культу белой солнечной лошади и позволяет восстановить утраченные элементы в мировоззренческом фонде современных тюркских народов. Сохранение духовного наследия, восходящего к степной коневодческой культуре, развитие этнических обрядовых традиций как символического капитала развития северного региона — главная задача ученых и государственных органов власти. Проведение на Ысыахе Международного конкурса по изготовлению кумыса «Божественный напиток» стал импульсом для развития местного табунного коневодства и всаднической культуры. Важным показателем развития праздника Ысыах как имиджевого ресурса республики стало его признание на российском и международном уровне.

THE NATIONAL HOLIDAY YHYAKH IS A VITAL HERITAGE OF THE STEPPE CULTURE OF THE PEOPLES OF EURASIA

E.N. Romanova

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small People of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk (Russia)

Holiday of Yhyakh is one of the best illustrations of calendar festivals in the ethnic exposition of the peoples of Russia. The large-scale project of the calendar horse festival embraces the culture of the Eurasian nomadic world and demonstrates the kumis ceremonies of the ancient nomads as a living heritage of the steppe Eurasian world through the prism of the national holiday. The most mass ethnic holiday in Russia, it is dedicated to the cult of the white solar horse, and allows to restore the lost elements in the worldview of the modern Turkic peoples. The preservation of the spiritual heritage dating back to the steppe horse culture and the development of ethnic ritual traditions as a symbolic capital for the development of the northern region are the main task of scientists and state authorities. The holding of the «God's Beverage» international koumiss making contest at Yhyakh became an impulse for the development of local herd horse breeding and horsemanship.

Историческое осмысление этнокультурного наследия кумысного праздника Ысыах основано на традиционных ценностях якутов, северных всадников и скотоводов Арктики. Бескрайняя долина Лены представляла собой «северный вариант Великой степи», где нашла свое продолжение яркая культура кочевников Евразии.

Обращение к древнему ритуалу Ысыах в работах выдающегося ученого Гавриила Васильевича Ксенофонтова раскрывает исторические корни праздника северных скотоводов. «Якуты до принятия христианства в начале лета устраивали один общественный праздник поминовения богов и святых предков, который носит название «ысыах», что значит «кропление», «брызгание» кумыса. Ысыах — центральный символ веры древних религиозных воззрений якутов, унаследовавших самое последнее достижение степного номадизма» [1, с. 15].

Фонд культурных ценностей народа саха имеет древнюю историю и восходит к ранней культуре кочевников Евразии. Культ Неба и белого цвета, сакрализация вертикально установленных объектов (сэрге), ритуальное значение сосуда чорон, почитание коня, сезонные (кумысные) праздники Ысыах, воспринятые древними тюрками у их предшественников — хуннов, были в значительной степени утрачены в культуре других тюркоязычных народов, удивительным образом сохранились в культурном наследии якутов на Средней Лене [6, с. 68-81].

Народ саха внес бесценный вклад в мировую культуру, не только сохранив наследие степной культуры на вечной мерзлоте, но и развивая новые стратегии северного коневодства и скотоводства, адаптированные к экстремальным природным и климатическим условиям. Якуты в новых для себя условиях Севера сумели сохранить систему религиозных верований, отчетливо отражавших хозяйственный цикл степных кочевников. С освоением якутов бескрайних северных просторов арктическая пустыня превратилась в оазис табунного коневодства, место разведения якутской породы лошадей, и именно этот «конный» мир придает сегодня РС(Я) свою неповторимость и уникальность.

Идеология Ысыаха (современный контекст). Главной целью современного Ысыаха является формирование у жителей Якутии особого чувства сопричастности к духовному миру праздника, уважение к своим традициям и наследию. При проведении национального праздника принципиальным представляется строгое следование традиционным канонам. Центральным ритуалом праздника является обряд молитвенного обращения к небесным божествам айыы и духам предков и угощение их «поднятием чаш (чоронов) с кумысом». Примечательно, что в якутском эпосе образ родной земли (алаас) отождествлялся с развернутой шкурой белоногой лошади, что явно указывает на реплику творения: «изначальная мать земля с самого начала, словно быстрая лошадь, прославленная и возвеличенная образовалась-сотворилась». Сценарные приношения белых лошадей небесному божеству Юрюнг Айыы Тойону и солнечному господину Джэсёгей Айыы — покровителю лошадей совершались на кумысном празднике Ысыах.

Ысыах как уникальное наследие степных кочевников сегодня является живой культурной традицией, объединяющей народы Сибири и Центральной Азии. Весенние обряды, праздники первого кумыса отмечают начало календарного года. Повсеместно культ лошади отразился в оформлении сезонных обрядом тюрков, имеющих общую основу с праздником Ысыах. Календарные праздники степных кочевников выполняли культурную миссию равновесия и гармонии между природой и человеком, государством и обществом.

С 1991 г. Ысыах, благодаря якутским ученым, стал государственным праздником Республики Саха (Якутия). В контексте общетюркского мира разработанная концепция праздника Ысыах (автор

Е.Н. Романова) представляется культурологами, этнографами и антропологами России как элемент нематериального культурного наследия степных nomadов.

Фундаментальная исследовательская работа по реконструкции ритуала первотворения Ысыах стала значимым вкладом в воссоздании целостной картины мира древних кочевников Северной Азии. Традиционными ценностями Ысыаха в контексте большого тюркского мира остаются гармония и единение с Природой, социальное равенство, духовное возрождение и обновление.

Сегодня Ысыах в Якутии приобрел международное значение. Национальная музыка (хомус), коллективный обряд кумысопития, круговой танец — осуохай сделали «прорыв» в информационном мировом пространстве. С другой стороны, мировое признание усилило чувство национальной гордости и уважения к своим историческим истокам. Ысыах как масштабный проект актуализировал многие элементы народной культуры, придав импульс развитию этнического предпринимательства.

Необходимо отметить, что ученые и практики республики начали планомерную работу по продвижению кумысного праздника Ысыах в мировое пространство. Одним из мероприятий по включению Ысыаха в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО стало проведение в 2018 г. в Якутске Международной конференции «Города и люди» специального круглого стола «Пространство календарных праздников в мегаполисе», посвященной опыту проведения традиционных праздников в городской среде. В ходе конференции Ысыах в долине Туймады получил признание как один из ключевых брендов календарных праздников в России.

По результатам круглого стола был принят ряд научно-практических рекомендаций. Основным итогом стало решение о подготовке концепции представления Ысыаха как воплощения живого нематериального культурного наследия Северной Азии для включения его в Национальный список элементов нематериального культурного наследия России (категория «Обычаи, обряды, празднества») с последующим представлением в ЮНЕСКО) [3, с. 165-168].

Одной из уникальных форм этнокультурного наследия кумысного праздника Ысыах является «Белая пища богов» — священный кумыс. В якутской мифологии «белая» пища и сам акт ее приготовления манифестируют рождение самой вселенной и человека. Так, в мифах о первом ритуале Ысыах разворачиваются красочные сюжеты, связанные с пищей и культурой. Божества айыы дарили участникам Ысыаха кут (душу), воплощенную в кулинарном коде праздника — в ритуале кумысопития. Кумыс и масло выступали эквивалентом жизни. В этом контексте особое значение приобретало понятие илгэ (желтое илгэ — это масло, белое илгэ — это молоко). Представление тюрков о молоке как оместилище души — зародыше человека сохранилось в традиционном мировоззрении северных кочевников [4, с. 23].

Якуты, как всадники Северной Азии, сохранили древнюю технологию приготовления кумыса. В качестве закваски использовали сыворотку, сметану, простоквашу и сухожилия лошади. В олонхо сохранились сведения, что кумысная закваска готовилась с соблюдением магического обряда туом тардыы — из молока семи впервые ожеребившихся молодых кобылиц и молока девяти яловых кобыл [5, с. 76].

Процесс приготовления кумыса заключался в следующем: в кожаный сосуд симиир наливали кобылье молоко, разбавленное теплой кипяченой водой, добавляли закваску. Кумыс периодически взбалтывали специальной мутовкой (хамнатар), после этого из горловины сосуда убирали воронку с мутовкой и закрывали ее при помощи деревянного зажима. Наглухо закрытый сосуд ставили возле камелька. Скваживали кумыс в течение 12-24 часов. После готовый напиток сливали; на дне оставалась гуща, которая в последующем использовалась для закваски. Весной совершали ритуал оживления закваски — кейөрүү.

Приготовление кумыса имело ритуализированный характер — запрещалось громко говорить над только что сделанной, но еще не готовой кумысной закваской; запрещалось ссориться, кричать и шуметь в помещении, где готовился кумыс, так как по поверьям якутов это влекло за собой прекращение брожения кумыса, а следовательно, и «смерть закваски». Представления о «рождении» и «смерти» закваски могут быть соотнесены с символикой жизненных обрядов (кожаный сосуд — женское лоно, движения мутовки — божественный акт рождения живого).

Главным символическим действием на Ысыахе было кропление кумысом божествам айыы и духам природы. В свежий кумыс клали кусочки свежего масла в форме утиногo яйца и срезанные пучки белых конских волос — такой божественный кумыс входил в набор жертвенных подношений. Первым такой обряд провел прародитель народа саха, демиург якутской культуры Эллэй. Совершив этот обряд, он выступил медиатором между небесными божествами и людьми.

Основными компонентами ритуала кумысопития были: мех для взбивания божественного напитка — кумыса; белая лошадь как образ божеств айыы, исполнитель обряда — белый шаман, облаченный в женский наряд. Старинные мифы о первопредке якутов Элляе сохранили мотив появле-

ния на земле белых (небесных) шаманов. Подобный сюжет был записан у уйгуров С.Е. Маловым в 1912 г. Согласно легенде, главное небесное божество («Небо-Царь») сначала появилось среди тангутов. Внезапно небесное божество услышало ржание лошади и обрадовалось, что рядом есть жилье человека — хозяина лошади. Божество спустилось с гор и пришло в местность, где жила старуха, которая в это время из молока взбивала масло и там же заснула. К ней и спустилось с шумом, обратившись в шамана, небесное божество. Он выхватил мех из рук старухи и ударил им в стену дома. Так небесное божество-шаман вселилось в старуху. С этого времени появились женщины-шаманки. Позднее люди изменили этому порядку и завели шаманов-мужчин [2, с. 62]. Очевидно, что в архаичной мифологии кумысного праздника якутов сохранились «воспоминания» о небесном белом шамане в женской ипостаси, а также о лошади как образа Верхнего мира и белой пище как креационном символе. Исторические связи и активное взаимодействие алтайских народов с уйгурами в течение длительного времени стали основой формирования общего фонда религиозных представлений степных кочевников.

Коллективный ритуал кумысопития скреплял прошлое, настоящее и будущее. Современный праздничный нарратив Ысыаха не только сохранил этот центральный обряд, но и ввел новые коммуникативные формы, связанные с этим священным напитком. Так, в 2014 г. на Ысыахе был установлен мировой рекорд Гинесса по количеству участников обряда кумысопития. В обряде приняли участие одновременно 11 136 чел. В 2015 г. впервые на Ысыахе был проведен Международный фестиваль кумыса «Божественный напиток» (Айыы аһа), в котором приняли участие как местные производители, так и хозяйства Казахстана, Бурятии, Татарстана, Башкортостана, Киргизии, Монголии и Калмыкии. Организаторами фестиваля выступили окружная администрация города Якутска, Торгово-промышленная палата Республики Саха (Якутия).

Развитие коневодческой культуры, табунного коневодства, презентация священного напитка якутов как части сакрального наследия кочевников Сибири и Центральной Азии, восстановление древних рецептов изготовления кумыса у степных народов, включение национального напитка из молока якутской породы лошади в мировой контекст является основной миссией представленного на Ысыахе кулинарного фестиваля. В конкурсе могут принять участие все желающие предприятия и физические лица, занимающиеся производством кобыльего молока. Международный конкурс кумыса «Божественный напиток» актуализирует важную составляющую праздника «Ысыах» — культурную память народа саха. Он реализует два направления туристического продукта: культурное наследие и гастрономический бренд.

Концепция и сценарные планы Ысыаха, проводимые в местности Туймаады, ориентированы на сохранение уникального культурного наследия северных всадников. Потенциал традиционного праздника Ысыах все больше привлекает внимание мирового сообщества. Он оценивается как сохранившийся на Севере вдали от мировых религий оазис степной культуры. Известно, что ритуальные основания кумысного праздника якутов используются при реконструкции календарных скотоводческих праздников в Сибири. Ключевые элементы Ысыаха легли в основу концепции проведения коневодческих праздников в Республике Казахстан (Кокмайса в Центральном Казахстане — Улытауский район Карагандинской области). Культурное наследие тюркского мира обладает большим интеграционным потенциалом.

Литература

1. Ксенофонтов Г.В. Материалы по кумысному празднеству «Ысыах». — 1921. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 12 а. — 66 с.
2. Малов С.Е. Остатки шаманства у желтых уйгуров // Жив. Стар. — 1912. — Т. XXI. — Вып. 1. — СПб., 1912. — С. 61-74.
3. Октябрьская И.В., Романова Е.Н. Город, люди, традиции (по материалам Круглого стола «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе в рамках III Международной конференции «Города и люди: коммуникации и цифровизация»» // Вестник Новосибирского университета. Серия История. Филология. — 2018. — Т. 17. — № 7. — С. 65-68.
4. Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. — Новосибирск: Наука, 1994. — 158 с.
5. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). — Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. — 376 с.
6. Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник-2 к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. — СПб., 210. — С. 79, 68-81.

Сведения об авторе:

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: e_romanova@mail.ru

КУМЫСНЫЕ ПРАЗДНИКИ САРЫ-АРКИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З.К. Сураганова¹, К.К. Сарсембина²

¹Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», г. Нур-Султан (Казахстан)

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

Работа подготовлена при поддержке МКС РК (программа BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии»)

Кумысные праздники Сары-Арки выступают сегодня в качестве культуртрегеров нематериального культурного наследия казахов, способствуя популяризации степных традиций коневодства.

HOLIDAYS OF KUMYS OF THE SARY-ARKA: TRADITION AND MODERNITY

Z.K. Suraganova¹, K.K. Sarsembina²

¹State Historical and Cultural Museum-Reserve «Bozok», Nur-Sultan (Kazakhstan),

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

Kumys holidays of the Sary-Arka act today as culturaltraders of the intangible cultural heritage of the Kazakhs, contributing to the popularization of the steppe traditions of horse breeding.

В основу статьи легли наблюдения 2014-2015 гг. на территории Восточного, Центрально-го и Северного Казахстана, а также материалы, полученные в ходе полевых исследований, проведенных в июле-августе 2021 г. в Карагандинской области (Улытауский и Жанааркинский районы) в рамках реализации указанной программы.

Традиции кумысных праздников и церемоний степной Евразии замечательно представлены в исторических источниках древности, средневековья и более позднего времени. Кумыс широко использовался в ритуалах и обрядах народов тюрко-монгольского культурного круга. Это сакральный напиток степняков был неотъемлемой частью имперских ритуальных возлияний [2, 7, с. 96]. Кумысом перед битвой кропили на знамена [1, с. 74; 8, с. 33. 101], его приносили в качестве жертвы горам [2, с. 35] и т.п. На пиру у чингизидов кумыс считался почетным напитком [5, с. 164-165].

Становление технологии изготовления кумыса связано с распространением коневодства в границах Великого степного пояса Евразии, где с древности происходило формирование кочевых культур. Казахи дали этому региону название Сары-Арки. В книге «Таварих-и хамса-ий шарки» — «Очерки истории пяти восточных народов» историка и этнографа Курбангали Халиди (1848–1913) даются очертания границ Сары-Арки. По протяженности с востока на запад Арка начинается от Алтая и до Уральских гор. По ширине — от истоков Черного Иртыша до верховьев Оби на востоке и до Челябинского укрепления на западе [14, с. 175].

Традиционно среди казахов Сары-Арка славилась коневодством. Летом, как отмечал А. Букейхан, принимавший участие в составе отряда Казахской экспедиции АН СССР 1927 г., наиболее качественный кумыс готовили в степях Сары-Арки (Арал-Иртышский водораздел, Алтай, Тарбагатай, Тянь-шань) [13, с. 269].

В XX в. кумыс у казахов, согласно этнографическим наблюдениям, оценивался как почетный, престижный напиток, а его приготовление и употребление носило обрядовый, церемониальный характер [10, с. 24].

Сегодня в Казахстане кумыс по-прежнему выполняет роль престижного напитка, который присутствует не только в календарной весенне-летне-осенней обрядности, но и на пирах, сопровождающих обряды жизненного цикла. Возникший в глубокой древности производственно-обрядовый комплекс кумысных праздников рассматривается сегодня казахами как культурное наследие. Его используют в качестве символического капитала для организации и проведения различного рода мероприятий.

Традиционными у казахов остаются кумысные праздники: *бие байлау* (ритуал привязывания жеребят и первой дойки кобыл), *қымызмұрындық* (*биемұрындық* — пир по случаю угощения первым весенним кумысом), *сірге жияр* (пир по случаю угощения последним осенним кумысом). Обряд *бие байлау* традиционно отмечается угощением, ритуалом смазывания маслом колышков и привязи для жеребят, гривы кобыл и жеребца. Праздник и обряды воспроизводятся в значительной мере так, как это описано в материалах исследований Казахской экспедиции АН СССР 1927 г. [11, с. 22]. Одним из главных ингредиентов праздничного угощения остается, как и почти столетие назад, *көтен шек* — прямая кишка лошади, которую специально оставляют от зимнего забоя — *соғым*: «котен ва-

рится и съедается во время обряда первой весенней привязки жеребят. Когда желы натянута между кольев, их обливают айран, льют айран на гриву жеребенка и кобылицы (местами и жеребца). Около желы едят ырымшык с молоком» [11, с. 22-24].

В прошлом и сегодня угощение первым кумысом отмечается пиром. Сто лет назад об этом писали так: «когда заквасят кумыз и начинают его впервые пить, колют барашка и приглашают в гости всех из данного аула и т.д.» [11, с. 22-24]. Для праздничного угощения используется мясо зимнего забоя, нередко режут овцу. И, как показывают полевые материалы, *көтен шек* (прямая кишка лошади) также присутствует в угощении. Кумыс — главный напиток в праздничном застолье. Весенний праздник *қымызмұрындық* — пир по случаю приготовления первого кумыса сохраняет характер общественного мероприятия, на которое приглашаются близкие и родственники, односельчане.

Как показали исследования 2021 г., в Улытауском районе кобыл доят только весной или весной и осенью, летом не везде. Эту особенность отмечал в 1927 г. и Ф.А. Фиельструп: «В очень жарких районах кумыс бывает особенно плох в самую знойную пору лета, в то время, как ранней весной и осенью он хорош повсюду» [13, с. 270]. Перед тем как окончательно выпустить лошадей на вольный выпас в степь — *бие ағытар алдында*, кобыл доят в последний раз и устраивают *сірге жиыр* (*сірге мәдірітер*) — пир с угощением кумысом. Мероприятие устраивается в конце августа — начале сентября. Считается, что кумыс в это время не уступает по своим качествам весеннему — к концу лета, после первых заморозков степная трава набирает, по словам информаторов, особую силу — *күзде шөп құндылығы өседі*. Согласно традиции, последним кумысом угощают женщину преклонного возраста или девочку-подростка — *кәметке толмаған*. Традиция обозначается как *ырым* — и исходит из гомеопатической магии, главная цель которой получить в следующем году как можно больше приплода жеребят — женских особей [9].

Кумысные праздники по-прежнему включают церемонию угощения любимым в степи напитком: «Любовно приготовленный степной кумыс вкусен, ароматичен, приятно слегка пьянит и веселит, и обряд распивания его растягивается под разговоры на долгое время... Кроме того важного значения, которое он имеет в хозяйстве и как непременно угощение для гостя, кумыс играет главную роль при всех выдающихся событиях как семейного, так и общественного характера» [13, с. 270].

Конкретной даты проведения кумысных праздников сегодня нет. Жители сел устраивают их в удобное время. Весной, в один из апрельских или майских выходных дней, а осенью в конце августа или начале сентября. Все зависит от погоды и состояния животных.

Еще в начале прошлого века мужчины принимали участие в дойке кобылиц, его взбивании, разливании и церемонии угощения [13, с. 270]. Сегодня по-прежнему мужчины не чураются доить кобыл, разливать кумыс, но все же в приготовлении кумыса сохраняется значительная доля женского труда.

В настоящее время кумысные обряды в районных центрах и городах выступают в формате урбанистических праздников-фестивалей с соответствующим содержанием. Начиная с 1992 г. по всему Казахстану в весенне-летний период отмечают праздник первого кумыса. Первый фестиваль кумыса организован в 1992 г. в г. Целинограде (ныне г. Нур-Султан).

В г. Алматы (июнь 2009 г.) проведен «Кымызмұрындық», посвященный 6000-летию истории кумыса. В июне 2012 г. в Павлодаре состоялся кумысный праздник на уровне области. «Кымызмұрындық» в этом городе отпраздновали в мае 2017 г. вторично. В празднике приняли участие гости из России и Кыргызстана. Каждая из 14 юрт, установленная к мероприятию, приготовила по 100 литров кумыса и бесплатно раздала пришедшим на праздник гостям. В июне 2017 г. в Петропавловске провели первый фестиваль кумыса «КымызFest». В октябре 2011 г. Карагандинская область в рамках сельскохозяйственной ярмарки провела в г. Астане фестиваль кумыса и баурсаков. Через пять лет, в июле 2016 г. в северной столице — тогда г. Астане стартовал Первый международный фестиваль «Кымызмұрындық».

Учреждения культуры становятся инициаторами и площадками для возрождения традиционных календарных обрядов. Так, по инициативе Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан в 2017 г. состоялся Первый международный этнографический фестиваль «Ұлытау кымызы».

Продвижение кумысных ритуалов в мировое культурное пространство получило в течение 2018-2019 гг. развитие в виде выдвижения элемента нематериального культурного наследия и заявки на установление мирового рекорда с занесением в книгу Гиннеса.

По инициативе и при активном участии жителей села «Терисаккан» Улытауского района Карагандинской области и музея-заповедника «Улытау» традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов — *бие байлау*, *айғыр қосу*, *қымызмұрындық* — внесены сначала в Националь-

ный список нематериального культурного наследия Республики Казахстан в категории «Обычаи, обряды, празднества» (№ 47). Все три номинации имеют прямое отношение к коневодству и его производному — напитку из сквашенного кобыльего молока — кумысу. В 2018 г. элемент «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов — *бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық*» в категории «Обычаи, обряды и празднества» включен в репрезентативный список Всемирного нематериального культурного наследия [4].

В 2019 г. в ходе празднования юбилейных мероприятий, посвященных 90-летию Жанааркинского района и 125-летию казахского поэта и писателя Сакена Сейфуллина (уроженца Жанаарки), установили мировой рекорд по количеству участников ритуала взбивания кумыса. В рекорде приняли участие представители 12 сел района, где самыми активными были жительницы села Ералиева. Женщины из Ералиева подготовились к празднику основательно: сшили к нему платья в этническом стиле; посуду, в которой традиционно готовят кумыс — *күбі*, обернули белой материей с вышивкой. У каждой участницы были приготовлены 10 литров кумыса для взбивания. В целом в церемонии участвовали 1 тыс. женщин, которые взбивали 10 тыс. литров кумыса. Такая активность объясняется тем, что традиции приготовления кумыса и кумысных праздников в этом районе практически не прерывались. И уже в конце XX в. напиток из кобыльего молока, приготовленный в Жанаарке, стал брендом. Как говорят информаторы, «жанааркинский кумыс» обрел популярность из-за степной травы, которой питаются лошади и особенного рецепта приготовления (обмазывание деревянной ступы — *күбі* сметаной и последующее копчение на степной траве — *тобылғы*). Значение также имеет, впрочем, как и на всей территории Сары-Арки, свободный выпас лошадей в ночное время. К утру их пригоняют к селу, доят с подпуском жеребят в течении дня, затем вновь выпускают в степь [9].

Как показывает статистика, поголовье лошадей в Казахстане с каждым годом растет. Начиная с 1991 г. в Казахстане началась трансформация сельского хозяйства. Сокращение посевных площадей привело к появлению новых пастбищных угодий, государственная поддержка скотоводства привела к интенсификации и росту поголовья животных. Если в 1991 г. поголовье лошадей составляло 1 626,3 тыс., то в 2021 г. количество лошадей — 3 701,0 тыс. В 1991 г. в личных хозяйствах находилось всего 511,0 тыс. голов лошадей, в 2021 г. в крестьянских хозяйствах и у населения соответственно — 1 790,8 / 1 682,3 тыс. голов лошадей [3, 12].

Полевые наблюдения в Сары-Арке позволяют утверждать, что кумысные праздники и церемонии, сложившиеся в Великой степи многие столетия назад, остаются значимым символическим ресурсом казахской культуры. Обрядовые номинации *бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық, сірге жияр (сірге мөлдірітер)* и связанные с ними обряды продолжают не только бытовать в Сары-Арке, но и получают новый импульс в своем развитии. Воссоздавая праздничную обрядность, казахское население этого огромного степного пространства вносит свой вклад в культурное разнообразие и дает возможность проявиться творческому потенциалу местного сообщества, показать самобытность его культуры. Праздники Сары-Арки, в основе которых древние ритуалы коневодов, становятся основанием для развития туристских дестинаций и событийного туризма, урбанизированных форм праздничной культуры. Кумысные праздники, отмечаемые в рамках аульных сообществ, а также в формате этнографических фестивалей и праздников: «Терисакканская весна», «Қымызмұрындық», «Көкмайса», выступают в современных условиях в качестве культуртрегеров нематериального культурного наследия казахов, способствуя путем культурной экспансии в мировое пространство популяризации традиций коневодства, коневодческого обрядового комплекса.

Литература

1. Бабур-наме (Записки Бабура) / сост. С. Азимджанова, отв. ред. М. Хайрулаев; пер. М. Салье. — Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. — Кн. 2. — 256 с.
2. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. — Петербург, Москва, Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. — 176 с.
3. Животноводство Республики Казахстан. — Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. — 129 с.
4. Казахстан: Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.unesco.kz/kazakhstan-traditional-spring-festive-rites-of-the-kazakh-horse-breeders-inscribed-on-the> (дата обращения: 18.08.2021)
5. Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. — 359 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата: Рауан, 1992. — 375 с.
7. Книга Марко Поло / пер. со старофр. текста И.П. Минаева; ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. — М., 1956. — 376 с.

8. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niġuġa tobġuyan*. Юань чао би ши // Монгольский обыденный сборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А.П. Баранников; предис. Н.Н. Поппе. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. — 619 с.
9. Полевые материалы август 2021 г. Улытауский, Жанааркинский районы Карагандинской области.
10. Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев / предисл. Б. Каирского. — Горно-Алтайск: Облнциздат, 1948. — 64 с.
11. Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. — Вып. 15. — Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1930. — С. 1-72.
12. Статистика сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/7> (дата обращения: 17.08.2021).
13. Фиельструп Ф.А. Молочные продукты питания турков-кочевников // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. — Вып. 15. — Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1930. — С. 263-302.
14. Халид Қ. Тауарих хамса: (Бес тарих) / Ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. — Алматы: Қазақстан, 1992, 304 б.

Сведения об авторах:

Сураганова Зубайда Кабиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок» (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: suraganova_zk@mail.ru

Сарсембина Куралай Куандыковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: kuralai_sk@mail.ru

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ В ПОСТСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТАШКЕНТА)

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул (Россия)

В статье рассматриваются особенности государственно-религиозного регулирования православия в постсоветском Узбекистане. На основе привлечения статистического, архивного, полевого материала автором зафиксирована и проанализирована ситуация в приходах Ташкента. Выявлена связь между демографическими процессами в среде русского населения и пополнением православных приходов. Доказано положение о том, что для русских в большинстве случаев православие рассматривается как часть культуры, которая является важным фактором этнической идентичности.

ORTHODOXY AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIANS IN POST-SOVIET UZBEKISTAN (ON THE EXAMPLE OF TASHKENT)

Ju.N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

The article discusses the main features of state and religious regulation of Orthodoxy in post-Soviet Uzbekistan and the idea that religion does not occupy a significant place in the hierarchy of republican identity in secular Uzbekistan is being proved. Based on the use of statistical, archival and field material, the author fixed and analyzed the situation in Orthodox parishes in the city of Tashkent. The correlation between the demographic processes of the Russian population and the replenishment of Orthodox parishes is revealed. The author concluded that for Russians, Orthodoxy is seen as a part of the culture, which is necessary for attributing oneself to an ethnic group.

Процессы нациестроительства и формирования новых идентичностей в Центральной Азии активно обсуждаются научно-экспертным сообществом. В контексте академического дискурса Узбекистан считается одной из наиболее закрытых постсоветских республик. Тема «русских» в Узбекистане адаптирована к новой республиканской идентичности, в которой ставка делалась на «светскость» государства, пропагандирующего гармонию социальных, межнациональных и межрелигиозных отношений [1, с. 155].

В статистическом разрезе, согласно официальным данным на 1 января 2018 г., из 32 656 660 жителей Узбекистана русские составляли 739 684 чел. (2,3%) [2]. За последние 28 лет число русских

в республике снизилось более чем в 2 раза. Одновременно произошло снижение доли православного населения. Православие стало один из этнокультурных маркеров русских. Оно оценивается с позиций сохранения историко-культурного наследия.

Вопрос о развитии православия и православных приходов в постсоветском Узбекистане не являлся предметом системных антропологических исследований [3]. Сложность и многоплановость научной проблемы требует междисциплинарного подхода.

Принципы «светскости» Республики Узбекистан сочетаются с идеями гармоничного развития всех этнических групп, в том числе и различных религиозных конфессий. При этом роль религии в иерархии идентичности населения Узбекистана мала по сравнению с другими ее составляющими, хотя в 1990-е гг. в Узбекистане начался религиозный ренессанс.

Во всех городах Узбекистана появились приходы Русской православной церкви (Московский патриархат). В 2019 г. в республике насчитывалось 37 приходов, в том числе 5 приходов в Ташкенте, 3 — в Самарканде. Необходимо учитывать тот факт, что все православные приходы Узбекистана подчиняются Ташкентской и Узбекистанской епархии. Со стороны государства деятельность и инициативы Ташкентской и Узбекистанской епархии регулируются Комитетом по делам религий при Аппарате Президента Республики Узбекистан. Деятельность Русской православной церкви (далее — РПЦ. — *Ю.Ц.*) регламентируется Законом Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» в редакции от 1 мая 1998 г. Православным священнослужителям, как и представителям других конфессий, не рекомендуется заниматься миссионерской работой за пределами православных приходов и храмов. У представителей РПЦ существует возможность работать с той частью русского населения, которая в силу исторического наследия отождествляет себя с православным христианством, и приходят в храмы и молитвенные дома.

Архивные документы свидетельствуют о том, что епископ, затем митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким) еще в 2000-е гг. пересмотрел подходы к работе с молодежью и призывал священников активно заниматься привлечением и удержанием прихожан. В распоряжении митрополита Владимира от 17 мая 2002 г. всем благочинным Ташкентской и Среднеазиатской епархии даются конкретные указания: «Большая часть епархий Русской православной церкви начинает активное возвращение традиционно православных народов в лоно церкви. Плачевное состояние работы с молодежью у нас привело к тому, что позиции церкви в этом вопросе агрессивно отвоевывают всевозможные секты» [4, л. 14].

Русская православная церковь, Духовное управление мусульман и представители других религий действуют совместно с Комитетом по делам религий при Аппарате Президента Республики Узбекистан. В 2011 г. митрополитом Ташкентским и Узбекистанским был назначен владыка Викентий (Морарь). Он активизировал работу Русской православной церкви в Узбекистане по многим направлениям. Одним из них является катехизаторское направление. В Узбекистане, как и в России, РПЦ применяет опыт огласительных бесед, введенный Архиерейским собором в 2013 г. «О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной церкви». По правилам перед крещением необходимо провести 12 огласительных бесед с крещаемыми и крестными, участвующими в Таинстве. Все опрошенные автором иереи в Узбекистане считают, что практика огласительных бесед положительно сказывается на приобщении православных верующих к церкви, на обрядовой стороне православия, также огласительные беседы позволяют священнослужителям лучше узнать свою паству и сплотить православную общину. Для православных приходов в Центральной Азии — это спасительная мера, чтобы крещаемые стали истинными прихожанами. Но при этом необходимо учитывать, что степень воцерковления бывает разной. В отдельных городах Узбекистана существуют различия православного сознания верующих.

В Ташкенте — столице Республики Узбекистан проживает большая часть русского населения — на 1 января 2018 г. здесь зафиксировано 339 581 русских, 13,8% в составе населения города, или 46% от всего русского населения Узбекистана) [2]. В этом городе исторически сосредоточены крупнейшие православные храмы и соборы. Здесь находится Духовно-административный центр Ташкентской епархии, на территории которой располагается Успенский кафедральный собор, а также Ташкентская духовная семинария. Кроме этого, в Ташкенте действуют Храм святого благоверного великого князя Александра Невского, Храм священномученика Ермогена, Храм святого равноапостольного великого князя Владимира. Ташкентские приходы кроме выполнения богослужебной функции осуществляют благотворительную, социальную и гуманитарную деятельность. Самым крупным является Успенский собор, который вмещает в праздничные дни от 2000 до 5000 тыс чел. При нем и Духовно-административном центре епархии работает воскресная школа, проводятся огла-

сительные беседы, катехизаторские курсы, организуются паломнические поездки по республике, в страны ближнего и дальнего зарубежья (Россия, Израиль). В октябре 2019 г. при Духовно-административном центре Ташкентской и Узбекистанской епархии открыт Центр изучения русского языка для всех желающих.

Можно отметить, что в отчете за 2014 г. благочинных округов настоятели приходов повсеместно отмечают снижение числа прихожан и выполняемых треб, но тем не менее в Ташкентском благочинии самыми наполненными являются приходы столицы. В самом Ташкенте по количеству прихожан выделяется Успенский кафедральный собор. Настоятель старейшего в Ташкенте храма Александра Невского (Боткинское кладбище) отмечает специфику вверенного ему прихода: «*В храме крещается 170-200 человек в год, но учтите, что этот храм находится на кладбище. Суеверный ужас, который сопровождает очень многих людей, не позволяет людям пойти креститься. Если бы это был в городской черте храм, в привычной городской черте, было бы больше раза в 2–2,5*» [5]. Возрастная структура прихожан храма такова: категория людей 15-25 лет составляет 3-4%; 25-50 лет — 80%; люди пожилого возраста — около 16-17%. Православие выбирают потомки смешанных браков/союзов, а также бывают редкие случаи, когда крестятся узбеки. Местные священнослужители считают, что выходцы из смешанных браков, у которых мать придерживается православия, а отец — ислама, скорее всего, выберут религию матери. Эта категория в дальнейшем может стать прихожанами православных приходов.

Несомненно, Ташкент является центром духовной жизни республики и одним из центров православия в регионе. Соответственно, возможности для участия воцерковленных православных в жизни приходов гораздо больше и разнообразнее, чем в приходах других городов Узбекистана.

В ходе проведенных в 2012-2015 гг., в 2019 г. полевых исследований по отдельным приходам Ташкентской и Узбекистанской епархии и архивной работы можно отметить, что православие и Русская православная церковь в Узбекистане выполняет важнейшие функции: богослужебные, катехизаторские, социальные и др. Настоятели приходов сходятся во мнении, что в Узбекистане государством созданы благоприятные условия для развития православия и приходской жизни. Священство и духовенство в Узбекистане в условиях нехватки кадров и снижения количества прихожан в отдельных приходах по-прежнему несут свое служение. Демографические процессы среди русских, связанные со старением населения, оттоком молодежи и людей среднего возраста, отражаются на запрашиваемых требах.

Религия для современных русских Узбекистана этнизирована и является фактором идентификации, как показатель верности традициям и обычаям предков. Православие рассматривается как часть историко-культурного наследия. Хотя большая часть горожан нерегулярно посещает церковь, у них отсутствуют прочные знания о таинствах и канонах православия и др. С каждым годом в приходах увеличивается количество прихожан-выходцев из смешанных семей/союзов. Эксперты в среде православного священства считают, что в дальнейшем они и составят значительную часть прихожан православных приходов.

Литература

1. Даудов А., Алимжанов Б., Андреев А., Шорохов В., Янченко Д. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 5. — С. 146-161.
2. Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/4-01-19-477 от 3 мая 2019 г.
3. Стаценко С. Специфика современного конфессионального состояния православной диаспоры в Средней Азии // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: сборник материалов и статей. — Ташкент, 2010. — С. 301-328.
4. Архив Ташкентского и Среднеазиатского Епархиального Управления. — Оп. 1. — Д. 805. — Л. 14.
5. ПМА, 2019, Республика Узбекистан, Ташкент: протоиерей С., русский, 23 июля 2019 г.

Сведения об авторе:

Цыряпкина Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия). E-mail: guzvenko@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Л.В. Лбова¹, В.В. Казаков²

¹Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург (Россия)

²Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (Россия)

Представлены результаты исследования, направленного на развитие уникальных подходов для отечественной и мировой археологии к публикации научно-значимой информации об объектах археологического наследия народов Центральной Азии. На основании комплекса археологических методов в совокупности с методами исторической семантики и этнографическими данными предложены новые подходы к классификации и интерпретации мобильного искусства южно-сибирских культур каменного, бронзового и железного веков.

Современные методы обработки и представления трехмерных моделей в области петроглифоведения адаптированы для различных типов объектов древнего монументального искусства (мегалитов, плоскостей с рисунками, выполненными краской или выполненными в технике гравировки и пикетажа). Установлено, что способы электронной публикации и научного обмена такими данными на сегодняшний день слабо развиты в России и странах СНГ. В рамках проекта проведены исследования и выработаны новые концепции и технологии для оптимизации разработки трехмерных прорисовок, способов их использования, публикации в веб и научного обмена.

INTEGRATION OF THE CAPABILITIES OF IT AND POTENTIAL OF THE CULTURAL HERITAGE OF CENTRAL ASIA PEOPLES

L.V. Lbova¹, V.V. Kazakov²

¹St. Petersburg Polytechnic University Peter the Great, Saint Petersburg (Russia)

²Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

The results of a study aimed at developing unique approaches for Russian and World archaeologists to the publication of scientifically significant information about objects of the archaeological heritage of the peoples of Central Asia are presented here. On the basis of a complex of archaeological methods with the methods of historical semantics and ethnographic data, new approaches to the classification and interpretation of the Mobile Art of the South Siberian cultures of the Stone, Bronze and Iron Ages are proposed.

Modern methods of processing and presenting three-dimensional models in the field of Rock Art Research are adapted for various types of objects of archaeological art objects (megaliths, rocks with drawings made with paint or made in the technique of engraving and picketage). It has been established that the methods of electronic publication and scientific exchange of such data are currently poorly developed in Russia and the countries of Central Asia. As part of the project, research has been carried out and new concepts and technologies have been developed to optimize the development of three-dimensional sketches, how to use them, publish on the web and scientific exchange.

При разработке теории и практик сохранения объектов археологического наследия в современной науке обсуждаются трехмерные технологии, которые обеспечивают доступ к виртуальным высокоточным копиям уникальных археологических объектов/предметов для исследователей из различных организаций и стран. Кроме того, использование трехмерных моделей позволяет сохранить в той или иной степени первоначальный облик уникального археологического объекта, который, как известно, подвергается разрушению во время раскопок, разрушается при использовании и при иных методов исследования, или при «реставрационных» работах.

В рамках проекта РНФ «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными», реализованного на базе лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии НГУ (2018-2021), было предложено развитие уникальных для отечественной и мировой археологии подходов к публикации научно-значимой информации об объектах археологического наследия народов Центральной Азии. Они апробировались на объектах культурного наследия, расположенных на территории Алтая, Прибайкалья и Забайкалья, Дальнего Востока и Северного Казахстана.

Был разработан пакет Информационных систем по мобильному искусству Сибири и Дальнего Востока (mobileart.artemiris.org) [5], Наскальному искусству Сибири (rockart.artemiris.org) [2], Искус-

ству Мальты (malta.artemiris.org), как уникального монографического коллекционного собрания эпохи верхнего палеолита Южной Сибири [1].

Осуществлена серийная работа по созданию трехмерных моделей музейных предметов и плоскостей с петроглифами. В рамках проекта было создано более 300 моделей археологических объектов (см 3d.nsu.ru/category/15; 3d.nsu.ru/category/16). Хронологические рамки исследованных объектов: от эпохи неолита до эпохи этнографической современности. Документированы и представлены в ИС почти 400 плоскостей с петроглифами. Произведено 3d-моделирование, получены фотоизображения плоскостей с петроглифами. Фотографические, ортографические и трехмерные изображения плоскостей с рисунками охрой были обработаны методом DStretch для проявления выцветшей краски. Для ряда плоскостей (около 40) было выполнено построение прорисовок как на фотоматериалах, так и на трехмерных моделях [6].

Выполнена разработка новой концепции и технологии подготовки и публикации многослойно-текстурированных трехмерных моделей плоскостей с петроглифами. Концепция заключается в использовании интерактивной композиционной текстуры 3D-модели, позволяющей пользователю подсвечивать и модифицировать на основе набора масок произвольным образом отдельные элементы на модели. Таким образом, например, обеспечивается наложение на плоскость с слабовидимыми петроглифами разноцветных прорисовок произвольной степени прозрачности; реализуется возможность реконструировать первоначальный вид рисунка — придавать ему вид свежей выбивки или краски, ретушировать нежелательные элементы (лишайник, разветренность, вандальные надписи, поздние слои палимпсестов) (см. 3d.nsu.ru/ru/category/20).

Было выполнено проектирование и разработка технологии реконструкции плоскости в отношении формы объекта, плавного переключения отображения между оригинальным и реконструированным видом. Выполнена разработка авторской методики подготовки модификации модели в ПО Blender и реализация алгоритмов отображения и управления такой реконструкцией в 3D-вьюере (см. 3d.nsu.ru/ru/object/view/752).

Была выполнена разработка оригинальной технологии переноса прорисовок на основе изображений и ортоизображений, на текстуру 3D-модели на основе инъекции фотоснимков или ортоизображений с прорисовками в процесс фотограмметрии ПО Agisoft Metashape [3].

В рамках проекта было проведено исследование способов и разработка технологии подготовки трехмерных моделей разной плотности полигонов, что позволяет значительно оптимизировать трехмерные модели плоскостей с наскальными рисунками, снижая общую полигональность трехмерной модели, оставляя при этом участки с рисунками высокополигональными. В методике используются возможности ПО Blender для выделения свободной от рисунков зоны модели по маске на основе прорисовок и увеличения ячеек полигональной сетки в выделенной области.

Исследованы, систематизированы, документированы и опубликованы в Интернете более 300 объектов мобильного искусства Сибири и Дальнего Востока, включая 3D-модели. Географический охват — Минусинская котловина, Камчатка, Забайкалье. Хронологические рамки — эпоха камня — ранний железный век. Разработана и применена авторская методика регистрации пигмента на поверхности предметов мобильной пластики (бивень, камень, раковина, кость) на основе использования результатов спектрального анализа [4, 5, 6].

Разработана авторская методика регистрации пигмента на поверхности предметов мобильной пластики (бивень, камень, раковина, кость) и осуществлен пилотный проект регистрации состава красок крашенных петроглифов на основе использования результатов спектрального анализа [4]. Первый этап предполагает микроскопическое исследование поверхности готовых изделий, орудий труда. В случае выявления следов пигмента на поверхности предмет получает очередь на аналитическое исследование. Для определения элементного состава краски на поверхности изделий, выявленной при микроскопическом исследовании, использовался метод сканирующей электронной микроскопии и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии, что позволило изучить микроструктуру образцов, определить элементы, количественные показатели компонентов в составе пигмента. При этом учитывается концентрация пигмента, а также элементный состав нейтрального фона (фона поверхности без краски) предмета. Третий этап предполагает сравнительный анализ состава пигмента по химическим элементам, кластерный анализ и поиск аналогий по базе данных пигментов северной Евразии, которая находится в стадии разработки.

В результате выполнения проекта с использованием бесконтактных методов документирования и целого ряда авторских методик, разработанных в рамках проекта, исследован и опубликован в открытом доступе значительный массив данных как по памятникам наскального искусства, так и по коллекциям мобильной пластики. Комплексное документирование, включающее высокоточное трехмерное копирование плоскостей с наскальными рисунками, обеспечило сохранение в цифровом виде памятников наскального искусства, находящихся под угрозой разрушения. Впервые систематизированы коллекции мобильной пластики Сибири и Дальнего Востока и обеспечен открытый доступ к их материалам, представлены результаты технологического и трасологического анализа предметов коллекций, содержащих уникальную информацию о традициях и культурах региона Центральной и Северо-Восточной Азии.

Опыт, полученный в рамках работы лаборатории ЛМИПИЕ и указанного проекта, активно тиражируется в образовательной среде высшей школы университетов Сибири и Казахстана [7].

Литература

1. Lbova L.V., Kazakov V.V., Rostyazhenko T.E. Virtual prehistory portable art collection of Siberian Mal'ta-Buret' culture: ways of documenting, classification and representation // *Annales d'Universite 'Valahia' Targoviste, Section d'Archeologie et d'Histoire*, 2020.
2. Казаков В.В., Симухин А.И., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б., Лбова Л.В. Трехмерное моделирование петроглифов Южной Сибири // *Археология и геоинформатика: Четвертая Международная конференция: тезисы докладов*. — М.: ИА РАН, 2019. — С. 46-47.
3. Казаков В.В., Симухин А.И., Ковалев В.С., Марнуев П.Е., Намсараев Д.В., Лбова Л.В. Тамчинский олений камень: опыт документирования мегалитических объектов // *Сибирские исторические исследования*. 2019. — № 3. — С. 141–167.
4. Лбова Л. В. Колористика в сибирских культурах ледникового периода // V Северный археологический конгресс: тезисы докладов (Ханты-Мансийск, 11–14 декабря 2019). — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Универсальная типография Альфа-Принт, 2019. — С. 376-379.
5. Лбова Л.В., Казаков В.В., Жумадилов К.Б. Информационная система «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока» — новый научно-образовательный ресурс в Новосибирском государственном университете // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. — 2019. — Т. 18. — № 5: Археология и этнография. — С. 9–20. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-9-20.
6. Панкина А.И., Казаков В.В., Лбова Л.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б., Ростяженко Т.Е. Музейные коллекции в 3D: опыт Новосибирского государственного университета // *Вестник БНЦ СО РАН*. — 2019. — № 3 (35). — С. 177-180. DOI: 10.31554/2222-9175-2019-35-177-180.
7. Умиткалиев У.У., Лбова Л.В., Хабдулина М.К. Новые методы и технологии в профессиональной подготовке специалистов в сфере археологии и этнологии // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия Исторические науки*. — 2020. — № 2 (131). — С. 85-94.

Сведения об авторах:

Лбова Людмила Валентиновна, доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), профессор кафедры археологии и этнографии, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Казаков Владислав Витальевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия)

ПОДСЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА, ФОЛЬКЛОР, ЭПОС НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Модераторы: **Функ Дмитрий Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Бакчиев Талантаалы Алымбекович, доктор филологических наук, Академия Манас (Бишкек, Кыргызстан)

Чочкина Майя Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Басангова Тамара Горяевна, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

ТЕМАТИКА И ОБРАЗНЫЙ МИР БАСЕН БУУЧАЯ БУРМАЛОВА

А.В. Киндикова

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

В алтайском литературоведении одним из малоизученных жанров остается басня. Басня — это классический литературный жанр, актуальный во все времена. Басни алтайского поэта, Буучая Бурмалова, отличаются краткостью, содержат основную мысль автора — нравоучительный вывод, мораль. Басни поэта всегда насыщены большим социально-бытовым и нравственно-этическим содержанием.

THEME AND IMAGE WORLD BASEN BUUCHAYA BURMALOVA

A.V. Kindikova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

In Altai literary criticism, fable remains one of the poorly studied genres. Fable is a classic literary genre that has been relevant at all times. The fables of the Altai poet, Buuchay Burmalov, are distinguished by their brevity, contain the main idea of the author — a moralizing conclusion, morality. The poet's fables are always full of great social, everyday and moral and ethical content.

Басня в алтайской литературе остается малоисследованной, хотя некоторые вопросы освещены в работах отдельных литературоведов: С.С. Суразакова, З.С. Казагачевой, Н.М. Киндиковой, Э.П. Чининой и других. «Басня — малый повествовательный (эпический) жанр: короткий рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, сатирический по направленности, имеющий поучительный смысл. Цель басни — осмеяние человеческих пороков, общественных недостатков. Персонажами басни часто выступают животные, растения и предметы» [1, с. 100].

По мнению М.П. Гаспарова, «повествовательной частью басня сближается со сказками (особенно животными сказками), новеллами, анекдотами; моралистической частью — с пословицами и сентенциями. Часто в басне присутствует комизм, часто — мотивы социальной критики, но в целом идеология фольклорной басни консервативна» [6, с. 86].

Басня как жанр берет свое начало в Древней Греции, оно связано с именем Эзопа (VI–V вв. до н.э.). В русской литературе к жанру басни обращались Симеон Полоцкий, А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, И.И. Дмитриев, А.П. Сумароков, А.Е. Измайлов и другие.

Появление басен в алтайской литературе относят на конец XIX — начало XX в. и связывают с именем М. Чевалкова. Они написаны по образцу русской классической басни, на основе переводов басен И. Крылова. Вслед за ним на этом поприще смогли добиться успехов М.В. Мундус-Эдоков, С. Суразаков, А. Саруева, Э. Палкин, Л. Кокышев и другие.

Одним их ярких представителей современной алтайской поэзии является Алексей (Буучай) Кириллович Бурмалов. Он пришел в литературу во второй половине 70-х гг. XX в. и сразу заявил о себе как оригинальный и самобытный поэт. Его литературное творчество по своему объему хоть и небольшое, но по содержанию, жанровому и тематическому многообразию, богатому языковому стилю, приверженности национальным образам, художественным традициям отличается от многих алтайских писателей этого периода. Буучай Бурмалов — автор таких сборников, как: «Айдын ару чалузы»

(«Чистый блеск луны») (1980), «Мааным менин чанкыр тенери» («Знамя мое — голубое небо») (1986), «Энчи» («Наследие») (1995). Некоторые стихотворения поэта публиковались в сборнике «Амыр журтта агару јер» («Мира тебе, Земля») (1987). После смерти поэта вышел сборник «Ойиме айткан сөс» («Слово сказанное времени») (2019), а 2008 г. — хрестоматия по алтайской литературе для обучающихся общеобразовательных школ «Буучай Бурмаловты кычыралы» («Читаем Буучая Бурмалова»), куда вошли басни и стихотворения поэта, в том числе и неопубликованные. Буучай Бурмалов — член Союза писателей с 2001 г.

Басни Б. Бурмалова содержат жизненные сюжеты, которые раскрываются в сложных взаимоотношениях действующих лиц. Они невелики по объему, но сюжетно организованы, композиционно выдерживают важнейшие этапы развития события и связанных с ним идей.

Тематика басен Б. Бурмалова разнообразна. Сатирическое острие его басен направлено против зависти «Баканын учканы» («Полет лягушки»), хвастовства «Мактанчактын салымы» («Судьба хвастуна»), неразборчивости «Бөрүнин уйады» («Стыд волка»), злоупотреблений «Көлсайгак», «Ўч айу» («Три медведя») и другие.

Характеры разных зверей (лягушка, белка, волк, заяц, медведь, ласточка) выписаны ярко. Сентенции, вытекающие из сюжетного хода рассказа, содержат глубокие нравоучительные мысли. Басни поэта всегда насыщены большим социально-бытовым и нравственно-этическим содержанием. Он обогащал их современным содержанием, переосмысливал в соответствии с требованиями и запросами времени. К примеру, в басне «Көлсайгак» описан случай перевоплощения из обычной простой в городского жителя. Мораль басни такова: орого түшсен, чыгарга / орой болуп калбазын. (упадешь в яму, смотри, чтоб подниматься не было поздно).

Б. Бурмалов обращает внимание читателей на такие злободневные проблемы современного общества, как алкоголизм. В басне «Ўч айу» («Три медведя») чрезмерное злоупотребление алкоголем приводит к аморальному поведению героев на свадьбе. В конце басни автор помещает небольшое изречение, в котором заключена главная мысль, т.е. мораль, обращенная к читателю.

Ўч айунын түүкизин	Историю трех медведей
Ўзе кайдан билейин?	Все откуда мне знать?
Каргаалар ла айулар	Вороны и медведи
Качаннан, айса, төрөбөндөр?	Родственниками стали когда?
Санаалуны, керсүни	Умного и смышленного
Санааркаткан арајан.	Задуматься заставила водка.
Коркушту да бөкбөни	Даже самого сильного
Кородоткон коројон.	Жалким сделала водка.
Айтыру јок келеле,	Без приглашения пришедшие
Ажа конгон айулар –	Меру забыли медведи –
Органдарга он беш күн	От стыда им пятнадцать дней
Одын јарып, уйалар...	Отработать придется в органах
	[Бурмалов 2008: 143; пер. наш].

Через образы животных Б. Бурмалов обличает и осмеивает людские пороки, уродливые явления нашей жизни. Сатира Б. Бурмалова не злая. Она мягкая, тактичная, больше всего близкая юмору.

Нельзя утверждать, что все басни поэта в одинаковой мере отвечают требованиям жанра и относятся к категории басни. Некоторые из них следует отнести к просто юмористическим либо сатирическим стихотворениям, где отдельные недостатки человека и общества подвергаются осуждению. Например «Саныскан ла Түлкүнек» («Сорока и Лисица»).

Итак, басенный мир Б. Бурмалова построен на традиционном построении басен имеет сюжет, мораль, главными героями зачастую становятся животные (кенгуру, бык, медведь, волк, белка, лягушка и др.) Басни автора подчеркнута нравоучительны.

Литература

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. — СПб.: Паритет, 2006. 320 с.
2. Боконокова В. Кажы ла үлгер — менин јүрүмим // Алтайдын Чолмоны. — 2010. — 4 нояб.
3. Бурмалов Б. Айдын ару чалузы = Чистый блеск луны: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1980. — 120 с.
4. Бурмалов Б. Мааным менин чанкыр тенери = Знамя мое — голубое небо: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1986. — 120 с.
5. Бурмалов Б. Энчи = Наследие: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1995. — 120 с.
6. Гаспаров М.А. Античная литературная басня — М., 1979. — 275 с.

Сведения об авторе:

Киндикова Альбина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: akindikova@mail.ru

**СИМВОЛИКА ВЕЩЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: МЕШАЛКА И МУТОВКА**

М.П. Чочкина

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

Символика вещного мира в настоящее время — предмет большого научного интереса, поскольку является показателем основных представлений народа об окружающем мире. Изучение символики вещей в обрядах позволяет приблизиться к пониманию самобытности мировоззрения алтайцев, проследить истоки верований, культов, сохранить мифологическую и историческую память народа, его духовные ценности и национальные традиции. В традиционной культуре материальный предмет выступал как овеществленное слово, миф. Вещественными воплощениями мифа могли быть обычное жилище или древний храм, и сосуд — вместилище бытия; одежда и прочие древние предметы. Рассмотрение выбора материала, формы, места, времени, технологии и процесса изготовления вещей показывает, что в них отражены опыт устной традиционной культуры, построенный на оппозициях верха и низа, женского и мужского, черного и белого цветов и т.д. Мешалка и мутовка принадлежат к вещам, имеющим повышенный знаковый характер в мифоритуальной традиции тюрко-монгольских народов. В мифологии этих народов с помощью мешалки боги творили мир.

**THE SYMBOLISM OF THINGS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE
TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES: STIRRER AND WHORL**

M.P. Chochkina

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

The symbolism of the material world is currently the subject of great scientific interest, since it is an indicator of the basic ideas of the people about the surrounding world. The study of the symbolism of things in rituals allows us to get closer to understanding the identity of the Altaians' worldview, trace the origins of beliefs, cults, preserve the mythological and historical memory of the people, their spiritual values and national traditions. In traditional culture, a material object acted as a materialized word, a myth. Material embodiments of the myth could be an ordinary dwelling or an ancient temple, and a vessel—the receptacle of being; and clothing and other ancient objects. Consideration of the choice of material, form, place, time, technology and the process of making things shows that they reflect the experience of oral traditional culture, built on the oppositions of top and bottom, female and male, black and white, etc. The stirrer and the whorl belong to things that have an increased symbolic character in the mythological tradition of the Turkic-Mongolian peoples. In the mythology of these peoples, the gods created the world with the help of a stirrer.

В условиях возрождения традиционных народных промыслов и возрастания интереса к народной культуре вопрос изучения символики вещного мира алтайцев в сравнительно-сопоставительном плане оказывается в русле актуальной практической проблематики отношения этноса к своему наследию. Это требует методологических представлений о его генезисе, соотношения с разными областями культуры, с различными предметно-знаковыми средствами и формами народной памяти. А.К. Байбурун отмечает, что исследование семиотического статуса вещей позволяет рассматривать их «как явления, сходные с мифом (повествовательным), прежде всего в том отношении, что их общим содержанием есть одна и та же система предложений, которую они реализуют на пропорционально различных семиотических языках». И при вхождении их в ритуал они осознаются знаками, а при выпадении из этой системы — вещами [4, с. 228].

Булгууш от булга имеет значение «Ш 1. мешать, смешивать, перемешивать — кар., кум., кбал. ('... мешалкой'), каз., ног., ккал., тат. диал. ДСТ, уйг., алт. ГАЯ, алт. диал., Верб., хак., караг.-койб.; месить — алт. диал. Верб.; сгущать — алт. диал. Верб.» [10, с. 254]. Бышкыш от быш имеет значение «взбивать — кир., ккал., алт. (о масле), тув. (то же); взбалтывать алт. (о кислом молоке); мешать — Р IV алт. ГАЯ.

Производными от быш- являются следующие формы: 2) существительное с афф. -кы также в орудийном значении — бышкы алт., тув., пысхы хак. со значениями 'мешалка, которою взбалтывают кумыс' [10, с. 310].

Исследование символики бышкыш 'мешалки' и булгууш 'мутовки' основывается на материалах полевых исследований автора, собранных в местах компактного проживания алтайцев. Анализ

материала проводился также на основе археологических, фольклорных, этнографических, лингвистических данных. В.И. Вербицкий, А.В. Анохин отмечают, что алтайцы относились с особым почтением во время обрядов к мутовке (пышки), которой взбалтывали содержимое берестяного сосуда (ячменную брагу) [3, с. 31–32; 5]. При раскопке Пазырыкских курганов среди вещей были обнаружена мешалка для взбивания (мутовка), сделанная из лиственницы, зауженный конец которой был опущен в кружку. На конец этой палки был надет серповидный набалдашник, вырезанный из березы. Н. Полосьмак обращает внимание на выбор материала, формы и процессу изготовления мешалки, которая отражала опыт традиционной культуры [9, с. 197]. В сакральной практике тюрко-монгольских народов большое значение придавалось различным видам деревьев. Береза, как «белое, священное» дерево, воплощала сакральную чистоту верхнего мира. Лиственница также относится к растениям, которые создало божество верхнего мира. Она считается одним из самых прочных деревьев, из которых строят айлы, коновязи. В благопожеланиях свадебного обряда береза также выступает посредником и охранителем для новой семьи [1, с. 19].

Место и значение вещей в обряде было определено его сущностью. Оно имело ту же приоритетную функцию, что и весь обряд в целом, — оказать воздействие на окружающий мир, вызвать желательное явление, послужить охраной. Вращательное или вертикальное движение мутовки и мешалки считалось столь же действенным, как и само действие. Так как вещи были связаны с покровителями родов, божествами, они имели магическую функцию. Форма и символическое значение вещей во многом совпадают с формой и символическим значением вещей в других обрядах жизненного и календарного цикла. Каждая вещь из бытовых перерастала в вещи-обереги с высоким семиотическим статусом, олицетворяющим жизненное начало или связь с верхним миром.

В быту алтайцы до настоящего времени придерживаются некоторых запретов, касающихся мутовки и мешалки: их никогда не опускают на землю, она всегда должна после употребления и очистки лежать на верхней перекладине юрты. По поверьям, при нарушении этого запрета реки могут выйти из берегов или случиться потоп [2, с. 89]. Символический язык вещей определяет глубинные смысловые структуры обряда и мифа, связанные с универсальным представлением о происхождении мира, о рождении и смерти [7]. «Устная традиционная культура закрепляет свой опыт в общезначимых символах, которые обычно соотнесены друг с другом, образуя систему, и переданы следующим поколениям. Этот язык символов называют метаязыком, семантическим языком этнокультурной традиции или языком семантических категорий и оппозиций» [6, с. 5–6].

Исследование символики вещей в сравнительно-сопоставительном плане близкородственных народов показывает сосредоточение напластований древнейших мифоритуальных символов в обрядах и в фольклоре. Сравнительный анализ вещного мира в общем и символики мешалки и мутовки в частности тюрко-монгольских народов требует самостоятельного рассмотрения, но уже сейчас можно отметить важнейшие узлы типологического сходства, тесную связь мифоритуальных традиций. При исследовании прослеживаются факты семантического и символического сходства с родственными фольклорными традициями. Вероятно, одинаковые социально-исторические условия, хозяйственная деятельность, мифоритуальная практика порождают сходные формы и символическую основу вещного мира.

Литература

1. Алтай алкыштар / сост. К.Е. Укачина, Е.Е. Ямаева. — Горно-Алтайск: Ак чечек, 1993.
2. Алтай жан. / сост. В.А. Муйтуева, М.П. Чочкина. — Горно-Алтайск, 1996.
3. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев // СМАЭ. — Т. IV, 2. — Л., 1924. — 152 с.; Переизд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994.
4. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Л., 1981. — Т. XXXVII. — С. 215–226.
5. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — М., 1893.
6. Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. — Новосибирск: Наука, 2009. — 142 с.
7. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. — Новосибирск, 1988.
8. Львова Э.Л., Октябрьской И.В., Сагалаева А.М. Усманов М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1989.
9. Полосьмак Н. Всадники Укока. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». — М.: Наука, 1978. — 349 с.

Сведения об авторе:

Чочкина Майя Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: Chochkina@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ КИРГИЗОВ

З.С. Кудайбергенова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Фольклор — это художественное творчество, которое выражает традиции, обычаи народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и иному изобразительному искусству, как к старинному творчеству, так и к новому, созданному в новое время и творимому в наши дни. Традиция и фольклор, фольклор и традиция эти подобные проблемы сопровождали фольклористику на протяжении всей истории и развития. Это естественно, так как фольклористика, как уже говорилось, — наука одновременно филологическая и этнографическая. Являясь носителем обычаев, традиции нации, фольклор не может не составлять части целого, призванного рассматривать, определить и анализировать традиционно-бытовую культуру народов. Культура эта, можно сказать, отражается в значительной степени именно в фольклоре, предоставляя этнографии судить о целом и частном, отдельном и общем, идентичном и схожем, об этнодифференцирующем, специфическом. Можно уверенно сказать, что фольклор в основном интенсивно выражает народные функции культуры, которые особенно и специально интересуют этнографию. Очень устойчивой частью культуры, фольклора являются народные традиции, противопоставляемые новациям, но, с другой стороны, обогащенной ими. Народные старые традиции не отмирают, а постепенно видоизменяются, принимая вид новаций. Любая инновация, если она принимается коллективом, стереотипизируется и превращается в традицию.

FOLKLORE AND THE DEPICTION OF NATIONAL TRADITIONS

Z.S. Kudaibergenova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

Folklore is an artistic creation that expresses the traditions and customs of the people. It equally applies to both oral, verbal, and other visual art, both to ancient art, and to new, created in modern times and created in our days. Tradition and folklore, folklore and tradition, these similar problems have accompanied folklore throughout its history and development. This is natural, since folklore, as already mentioned, is a philological and ethnographic science.

Being the bearer of the everyday traditions of the nation, folklore cannot but form part of the whole, designed to consider, define and analyze the traditional everyday culture of the peoples. This culture, it can be said, is reflected to a large extent precisely in folklore, leaving ethnography to judge the whole and the particular, the separate and the general, identical and similar, about the ethno-differentiating, specific. We can confidently say that folklore most expresses the ethnic functions of culture, which are especially and especially interested in ethnography. A very stable part of culture and folklore are folk traditions, opposed to innovations, on the other hand, enriched by them. Old folk traditions do not die off, but gradually change, taking the form of innovations. Any innovation, if accepted by the team, is stereotyped and turns into a tradition.

Все нации нашей планеты являются создателями и носителями материальной и духовной культуры, которая, как и процесс ее возникновения, исторически привлекала к себе внимание этнографов, фольклористов. В фольклоре исторические праздники, обычаи, обряды всегда выступали как одна из этнических характеристик, воспринимаемых самим народом как специфические. Своей яркостью, специфичностью, нередко воспринимаемой как уникальность, обряды вызывали большой интерес исследователей фольклора. В.П. Аникин утверждает, что «фольклор — это традиционное художественное творчество народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и иному изобразительному искусству, как к старинному творчеству, так и к новому, созданному в новое время и творимому в наши дни» [2, с. 4]. Фольклор разных народов считается как специфическая подсистема в системе традиционной духовной культуры, всегда хранит в себе целый комплекс этнической информации. Этнография и фольклористика свои истоки берут из одного и того же исторического этапа человеческой жизни. Являясь носителем бытовой традиции, фольклор не может не составлять части целого, призванного рассматривать, изучать и анализировать традиционно-бытовую культуру народов — этносов. Национальные традиции и культурное наследие отражаются в значительной степени именно в фольклоре, предоставляя этнографии в общем и частном, от-

дельном и целом, идентичном и схожем, об этнодифференцирующем, специфическом. «Более того, можно без преувеличения сказать, что фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры, которые особенно и специально интересуют этнографию» [1, с. 9].

Фольклористам обычно приходится удовлетворяться относительной датировкой исследуемых произведений, т.е. условным отнесением их к тому или иному историческому слою, предшествовавшему другому, столь же условно реконструируемому либо следующему за ним. Особенно устойчивой частью культуры, фольклора являются народные традиции, противопоставляемые новациям, но, с другой стороны, обогащенной ими. Народные старые традиции не отмирают, а постепенно видоизменяются, принимая вид новаций. Как подчеркнул Э.С. Маркарян, «любая инновация, если она принимается коллективом, стереотипизируется и превращается в традицию» [3, с. 78]. Народная культура — продукт сложного взаимодействия среды, народного творчества, взятых в развитии. Этнический облик культуры народа формируется обычно из элементов, которые при сопоставлении их с равнофункциональными элементами культуры других народов оказываются либо глобально распространенными, либо присущими ряду народов на определенной ступени развития, либо этническими вариантами этих элементов и каких-то элементов, которые свойственны только конкретной группе народов, определенной историко-этнографической области или реже определенному народу. Именно поэтому своеобразие этнических процессов в области духовной культуры определяется, помимо иных факторов, теснейшей связью большинства форм духовной культуры (и прежде всего фольклора) с языком. Очень важно подчеркнуть, что язык принадлежит к числу наиболее устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими или политическими факторами. С другой стороны, несомненно и элементарно, что язык (и прежде всего его социальные функции и лексика и вслед за этим — фольклорные формы) отражает историю народа, характер и интенсивность его связей с соседями, степень его единства (ср. существование или отсутствие наддиалектного литературного языка, его взаимоотношение с диалектами), его социальную дифференциацию, степень его культурного развития, следовательно, этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного этноса. В прямой зависимости от того, какие именно особенности культуры оказываются в конкретной этнокультурной ситуации для представителей данного этноса особенно ценными и незаменимыми, находится способность данного этноса к усвоению «чужих» форм и культурных ценностей. Как правило, подобное условие (если только оно не связано с ассимиляцией каким-либо этносом этнической группы, способной изменить «естественное» течение процесса) осуществляется в тех случаях, когда та или иная среда исторически готова сама создать новые формы либо усвоить (переработать) уже готовые, существующие, созданные в сходной ситуации другим этносом. Мы выводим примеры из эпоса «Манас».

Эпос «Манас» является самым знаменитым образцом культуры Кыргызстана и самой длинной эпической поэмой в мире. В 20 раз длиннее Одиссеи, эта эпопея повествует о жизни воина Манаса, а также о приключениях его сына и внука. Эту историю из поколения в поколение хранили и пересказывали специальные люди, сказители эпоса — манасчи (манасчы). Эпос был записан в 1800-х гг., первую полную версию опубликовали в 1920-х гг. «Манас» был переведен на множество языков, публиковался в Советском Союзе и за рубежом. Кыргызский эпос «Манас» описывает традиции, обычаи и верования кыргызского народа на протяжении истории, отражает многие исторические события, борьбу за власть, отношения между племенами и другими народами, повествует о народных сказках и нравственных ценностях. Тесная связь явлений духовной культуры с языком обуславливает еще одну очень важную особенность — возможность возникновения при определенной ситуации культурного двуязычия или даже трехязычия, т.е. параллельного использования двух (или более) языков в различных формах духовной культуры одного народа (так называемый билингвизм). В эпосе традиции женитьбы дается таким образом:

В Талас вернулся бай Жакып,
Подробно сыну рассказал,
Как он невестку выбирал.
О том, как в Бухаре эмир
Его встречал и провожал.
О том, что Санирабига
Увидеть хочет жениха [3].

В современном обществе у кыргызов имеется определенный опыт в создании и упрочении новой обрядности. Новые традиции призваны играть существенную роль в борьбе со старой обрядности. Как отметила Л.М. Сабурова, «в настоящее время при создании новых обрядов наблюдается очень плодотворное стремление использовать современные, поликультурные традиции» [4, с. 3].

В наши дни основной мотив для вступления в брак у современных молодых людей — это любовь. Если отец Манаса искал для сына достойную девушку, то сейчас эта традиция принимается редко. Еще один очень популярный обряд называется «Рождение ребенка, пение колыбельных песен». Колыбельная песня — один из древнейших жанров фольклора. Обычно это мелодия или песня, напеваемая людьми для успокаивания и засыпания. В большинстве своем механизмы внушения при помощи убаюкивающих песен имеют установку на работу правого полушария мозга и воздействуют на эмоции, подсознание.

Возьми меня, люби меня, укрой
Той пеленой, что мы с тобой создали вдвоем
Возьми меня, люби меня, укрой
Той пеленой, что мы с тобой создали вдвоем.

В данном жанре сохранились элементы заговора — оберега. Люди верили, что человека окружают таинственные враждебные силы, и если ребенок увидит во сне что-то плохое, страшное, то наяву это уже не повторится. Вот почему в колыбельной можно найти «серенького волчка» и других пугающих персонажей. Позже колыбельные песни утрачивали магические элементы, приобретали значение доброго пожелания на будущее. Колыбельная песня — песня, с помощью которой убаюкивают ребенка. Поскольку песня сопровождалась мерным покачиванием ребенка, в ней очень важен ритм. Колыбельные песни сопровождают человека всю жизнь: сначала их поют малышу, потом он начинает их петь своим детям. Они появились давно и будут существовать вечно. Все или почти все дети слушали их от своих мам, бабушек или нянь. Под звуки колыбельной песни малыш засыпает, погружаясь в мир сновидений. Наши предки заметили, что при монотонном покачивании малыш быстро затихает, успокаивается и засыпает. Устройство колыбели для новорожденного традиционно у кыргызов обыгрывалось множеством таинств и мистических обрядов. Прежде чем впервые положить в новую колыбельку младенца, в нее обязательно сажали огненную арчу. Считалось, что арча разгоняют чертей и злых духов, поэтому коту доверяют баюкать ребеночка.

В наше время современные мамы не поют любимому малышу «чудную» песенку. А психологи говорят, что в пении колыбельных есть важный смысл — эмоциональное общение с ребенком. Фольклористы, со своей стороны, объясняют, почему сегодняшним мамам так сложно петь аутентичные народные песни. На каждом этапе развития материальной культуры, обычаев и обрядов происходили существенные изменения. Вся культура, образ жизни, идеологические представления и т.п. находились в состоянии постоянного обновления и совершенствования. Не было застывших, замкнутых систем. Наоборот, проявлялось постоянное стремление к новизне, к развитию этнокультурных достижений народов.

Литература

1. Аджиев А.М. О поздней трансформации эпического мотива мироздания // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1978.
2. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: хрестоматия. — М., 2006.
3. Байджиев М. Сказание о Манасе. — Бишкек, 2010. [Электронный ресурс]. — URL: http://eposmanas.ru/mar_badjiev/-751/-788/77207024.html
4. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. — 1981. — № 2.
5. Сабурова М.С. Об изучении народных обрядов. — М., 1974.
6. Обычаи и обряды // Welcome.kg: информ. портал. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/culture/knwe/>
7. Znanija.com [Электронный ресурс]. — URL: <https://znanija.com/task/24698953#readmore>

Сведения об авторе:

Кудайбергенова Зейнеп Совхозбаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и социально-экономического образования, педагогический факультет, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: zeinep-1975@mail.ru

РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА В КИТАЕ

Н.Ш. Турдубаева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассматривается устное народное творчество кыргызов, живущих в КНР. Известно, что в Китае живут кыргызы, у которых имеется своя письменность, литература, история и культура. Эпическая традиция кыргызов в Китае представлена фольклором, акынской поэзией и собственно профессиональной литературой. Материал данной статьи может оказать помощь в изучении фольклора китайских кыргызов, живущих в Китае.

DEVELOPMENT OF KYRGYZ FOLKLORE IN CHINA

N.Sh. Turdubaeva

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article examines the oral folk art of the Kyrgyz living in the PRC. It is known that the Kyrgyz live in China, who have their own writing, literature, history and culture. The epic tradition of the Kyrgyz in China is represented by folklore, akyn poetry and professional literature proper. The material of this article can help in the study of the folklore of the Chinese Kyrgyz living in China.

Кыргызский народ, как один из древних народов, прошел через множество исторических эпох. Они изучают свой фольклор и литературу с момента формирования нации. В то же время если мы знаем только о культуре кыргызского народа, проживающего в Кыргызстане, и не знаем о кыргызском народе, проживающем в других соседних странах, то мы не можем сказать, что имеем более глубокое понимание развития этноса. По данным переписи 2000 г. в Китайской Народной Республике, количество киргизов в Китае достигло 160 823 человека. 77,4% из них проживают в Кызыл-Суу, Киргизском автономном районе Синьцзян [1, с. 39–40]. В 2006 г. ученый Макелек Омурбай написал статью в номере газеты «Жаны Кылым» от 3 октября 2006 г. «Что вы знаете о китайских киргизах?», где отметил, что «по данным Китая на 2005 год, в Кызыл-Сууйской автономной области проживает более 171 000 кыргызов» [2, с. 7]. Кайрат Токомбай, заместитель директора Центральноазиатского института CERSUAR, сообщил в отчете за 2005 г., что количество киргизов в Синьцзяне в 2009 г. составляло более 189 309 [3, с. 65–73]. «Число киргизов, проживающих в Китае, превышает 200 000», — сообщил Адыл Джуматур, заведующий отделом изучения северной литературы Национального института литературы Китайской академии наук. Кыргызы в основном проживают в районах Акчий, Улуучат, Акто, Артыш и в городе Синьцзян. Согласно этим данным, количество китайских кыргызов меньше, чем проживающих в других соседних странах. Однако хотя количество киргизов в Китае невелико, их культура и история намного более развита. Единственная причина такого развития — социальные условия, созданные государством для местного населения. Ведь опыт социалистических республик Советского Союза на сегодня доказывает, что государство создает необходимые условия для быстрого развития любого народа, его культуры, истории, литературы и образования. Яркие примеры — Туголбай Сыдыкбеков, Алыкул Осмонов и Чынгыз Айтматов, создавшие всемирно известную художественную литературу и искусство в 50–60-е гг. XX в., народ, который до установления Советской власти вел только кочевой образ жизни. Следовательно, как отмечалось выше, социальные условия, созданные Китайской Народной Республикой в социалистической социальной системе, а во-вторых, то, что киргизы, проживавшие в КНР, с 1954 г. имеют статус Кызыл-Сууйской Кыргызской автономной области, может быть основной причиной роста. Профессор Качкынбай Артыкбаев своевременно понял культурные изменения, созданные благодаря социальным условиям, для ознакомления читателей с материалами, собранными благодаря культурным связям, существовавшим с 50-х гг. В 2002 г. он предложил ввести новый лекционный курс «Кыргызский фольклор и литература в Китае» на факультете кыргызской филологии Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. Однако некоторые члены образовательной комиссии в то время возражали, говоря: «Почему должны изучать кыргызский фольклор и литературу китайских кыргызов, а не кыргызскую литературу в Таджикистане и Узбекистане?». Профессор Качкынбай Артыкбаев ответил: «Кыргызы, живущие за границей, не смогли создать глубокий фольклор и 18 томов эпоса «Манас», как кыргызы в Китае». В конце дискуссии они поддержали идею профессора Качкынбая Артыкбаева. Для прохождения этого лекционного курса кафедре был необходим специалист, который знает китайско-кыргызский арабский шрифт. Профессор Качкынбай Артыкбаев, зная, что я хорошо владела арабской графикой, уверенно попросил составить стандартную учебную программу для этого лекционного курса. В 2003 г. под руководством и соавторством

профессора К. Артыкбаева была издана типовая учебная программа «Фольклор и литература кыргызского народа в Китае». Этот курс преподавался на факультете до 2012 г. на основе этой типовой учебной программы. Сегодня он называется «Кыргызская литература за рубежом», и большая часть этого курса посвящена фольклору и литературе китайских кыргызов. Сотрудники и студенты факультета кыргызской филологии Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына трижды (2013, 2014, 2015 гг.) побывали в Кызыл-Сууйском автономном районе Китая, чтобы познакомиться с культурой и фольклором местного населения. Во время этих визитов студенты и преподаватели двух стран провели культурные обмены и стажировки по соглашению между ректором Синьцзянского педагогического университета Китая профессором Вали Баратом и тогдашним ректором Искендером Исамидиновым. Профессор Мамбеттурду Мамбетакун, в то время директор отдела изучения «Манаса» Синьцзянского педагогического университета, был главным представителем этой творческой связи. Толкун Батаканова, в то время студентка четвертого курса, назвала эти визиты «Здравствуй, киргизская земля!» (Национальный университет, 2014, № 2 (23), сентябрь), доктор филологических наук, профессор Садык Тиллебаев — «Успешный ученый Синьцзянских кыргызов» («Айбат», 23 октября 2015 г.); Анарбек кызы Салтанат, в то время студентка третьего курса, — «Патриоты китайские кыргызы» (Кут Билим, 11 сентября 2015г; Айбат, 11 сентября 2015 г.); моя статья (Н.Т.) — «Путешествие к кыргызам Синьцзяна» (Майдан кг, 2015, № 34, 4 сентября); такие статьи, как «У китайских кыргызов есть чему поучиться» («Кыргыз Туусу», 2015, №68, 25 августа); «Данакер двух братских народов» («Кыргыз туусу», 2015 г., №75, 18 сентября) публиковались одна за другой. Азиза Турдуева, изучавшая социальное положение киргизов в Китае с 1950-х по 1990-е гг., писала: «В феврале 1949 года ЦК КПК и Комитет партии Синьцзян приняли решение организовать строительство Кыргызского автономного района Кызылсуу на северо-западе Синьцзяна, где большинство киргизов проживает в Китае. Был создан специальный комитет под руководством Жоузыхы, Со Чи другие национальности. В этом году (1954) 14 июля был образован Кызыл-Сууйский Кыргызский автономный округ, а в феврале 1955 года ему был присвоен статус области» [4, с. 186]. С тех пор в 1954 г. кыргызы в Китае получили право называть Кызыл-Суу Кыргызской автономной областью. Известный писатель Абдыкадыр Токторов создал «Кыргызский письменный проект», состоящий из 30 букв в соответствии с литературными нормами китайского кыргызского языка, на основе алфавита, составленного Ишенали Арабаем. Этот 30-буквенный алфавит на пять букв больше, чем 25, ранее составленных Ишенали Арабай, и 2 из них были реструктурированы. Он утвержден в качестве национального письма кыргызского языка на арабском языке. Сегодня киргизы в Китае открыли следующие издательства и телерадиостудии в городах Урумчи и Артыш. В конце 60-е гг. была возможность открыть школы, детские сады, учебные заведения, а самое главное — на родном кыргызском языке в арабской графикой были опубликованы газеты «Кызылсуу гезити», «Шинжан Иле», «Тарым», «Кашкар Шинжан», журналы «Шинжан кыргыз адабияты» («Шинжанская кыргызская литература»), «Тил жана котормо» («Язык и перевод»). Макелек Омурбай, ученый, много лет изучал кыргызский фольклор в Синьцзяне.

Устное народное творчество китайских кыргызов делится на лирические и эпические жанры. В лирических жанрах выделяются песни: бытовые, трудовые, обрядовые, состязания, плачи. Высоко развит эпический жанр. В Китае широко известен сказитель — манасчы Жусуп Мамай. С его именем связывают развитие кыргызской фольклористики. Благодаря сказителю Жусупу Мамаю эпос «Манас» охватил восемь поколений эпических героев: Семетей, Сейтек, Кененим, Сейит, Асылбача-Бекбача, Сомбилек, Чигитей. Сказитель Жусуп Мамай отличается от кыргызстанских сказителей Сагынбая Орозбакова и Саякбая Каралаева тем, что он изложил эпос «Манас» в объеме 18 томов. Китайский кыргыз писатель Оргалча Кыдырбай писал: «Сказитель Жүсүп Мамай отличается от других сказителей тем, что он смог сочинить 18 томов и 8 поколений батыра Манаса» [5, с. 121–131]. В Китае 1-й том эпоса «Манас» по варианту Жүсүпа Мамай опубликован в 1984 г., 2-й, 3-й, 4-й тома — в 1990 г., «Семетей», 1-й том — в 1984 г., 2-й, 3-й тома — в 1991 г., «Сейтек», 1-й, 2-й тома — в 1992 г., «Кененим» 1-й, 2-й тома — в 1993 г., «Сейит» — в 1994 г., «Асылбача-Бекбача», 1-й, 2-й тома — в 1994 г., 3-й том — в 1995 г., «Сомбилек» — в 1995 г., «Чигитей» — в 1995 г. Публикация 18 томов на кыргызском языке арабской графикой открыло широкие пути для исследования варианта Жусупа Мамай. В 1995 г. для читателей было опубликовано прозаическое изложение 18-го тома. Эпос «Манас» дан в изложении Турсуна Жумалы, «Семетей» — Толкуна Турду, «Сейтек» — Токтоनियाза Абдылды, «Кененим», «Сомбилек» — Норуза Усоналы, «Сейит» — Мамбеттурду Мамбетакуна, «Асылбача-Бекбача» — Макелека Омурбая, «Чигитей» — Токтобубу Ысак [5, с. 121–131]. Данные авторы дали изложение указанных разделов эпоса в форме прозы, чтобы читателям было удобнее воспринимать все сюжеты эпоса. Так же, как в Кыргызстане, у китайских кыргызов имеются вариан-

ты малых эпосов: «Эр Тоштук» (сказитель Жүсүп Мамай, 1983), «Курманбек» (сказитель Жүсүп Мамай, 1984), «Толтой» (сказитель Жүсүп Мамай, 1985), «Мамаке-Шопок» (сказитель Жүсүп Мамай, 1985), «Кожожаш» (сказитель Омур Молдо, 1987), «ЖанышБайыш» (сказитель Омур Мамбет, 1988), «Багыш» (сказитель Жүсүп Мамай, 1991), «Кыз Сайкал» (сказитель Оскен Чубак, 1993). Кроме публикаций больших и малых эпосов, в Китае были опубликованы сборники других жанров фольклора. Такие фундаментальные публикации заинтересовали кыргызских ученых из Кыргызстана. Литературные взаимосвязи с китайскими кыргызами начались в конце 50-х гг. Основоположниками этих взаимоотношений стали профессора Асанбек Табалдиев, Качкынбай Артыкбаев [6, с. 131–141]. Об этих теплых отношениях между китайскими кыргызами профессор Качкынбай Артыкбаев писал неоднократно в газетных изданиях Кыргызстана. Кроме того, по его инициативе в Кыргызском национальном университете им. Жусупа Баласагына на факультете кыргызской филологии читается лекционный курс «Устное народное творчество и литература кытайских кыргызов» начиная с 2002 г. Такие взаимоотношения открыли широкие дороги для исследования устного народного творчества кытайских кыргызов. Историческое и фольклорное развитие кыргызов в Китае помогает сравнительному исследованию фольклора в Кыргызстане. Если сравнить варианты эпоса «Манас» в исполнении Сагынбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Жусупа Мамай, можно определить особенности каждого из них. С целью углубленного достижения особенностей этих вариантов в Кыргызстане проводится обучение и исследование по трем направлениям:

1. Сходства и различия сюжетной линии в вариантах.
2. Сходства и различия в системе персонажей эпоса.
3. Языковые особенности каждого из вариантов эпоса.

На основе такого направления можно оценить развитие сюжетных линий в вариантах, художественные особенности сказителей, а также дать оценочную характеристику вариантам. Каждый вариант имеет свои художественные достижения. Все сказители эпоса сохранили традиционные сюжетные линии и художественные образы. Вариант «Манаса» Сагынбая состоит из 4 томов — 250000 строк, вариант «Манаса» Саякбая состоит из 2 томов — 845130 строк, «Семетей» в его варианте состоит из 2 томов — 316157 строк, а «Сейтек» составляет 1 том — 84697 строк. Вариант Жүсупа Мамай составляет 18 томов — 232918 строк. Это начальное различие между вариантами. Углубленное изучение сюжетной линии эпоса должно осуществляться параллельно с изучением других вариантов. Второе, следует кратко записывать прочитанный эпизод. После этого можно убедительно объяснять особенности вариантов каждого сказителя. Например, в эпосе есть широко известный эпизод «Поминки Кокетей». Кокетей был богатым ханом. У него был сын Бокмурун. Это не главное в эпосе. Главное, когда на поминках проводятся разные игры кыргызских кочевников. Этот сюжетный эпизод есть во всех вариантах. Но между вариантами наблюдаются некоторые различия в сюжетной линии. У Сагынбая в данном эпизоде раскрывается три времени жизни Кокетей. Первое — его сказание, второе — когда он умирает, третье — когда идут поминки. Как и Саякбай, Жусуп Мамай изображает только смерть Кокетей и поминки. На поминках проходят традиционные игры и состязания силачей-балбанов — Кошой и Жолой. В вариантах Сагынбая и Саякбая во время поминок на состязание выходят Кокетей и Жолой. Это всем читателям известно. В варианте Жусупа Мамай Кошой выходит на состязание не с Жолоем, а оронгуйским балбаном по имени Оронгу. Он является силачом из народа Оронгу. Возникает вопрос: почему Жусуп Мамай в эту сюжетную линию внес изменения? Почему балбан Кошой на состязание вышел с балбаном Оронгу? Хотя в этом варианте присутствует балбан Жолойхан. Вопрос остается без ответа [7, с. 234]. Кроме того, данный эпизод раскрывает богатый язык Сагынбая Орозбакова. Сагынбай сказочно описывает богатства Кокетей. Особенно когда он перечисляет названия материалов, шерсти или тканей. Для нас эти слова воспринимаются как архаизмы. Современные изготовители материалов или атласа знают только три наименования. Сагынбай использовал слова: бокчо — куржун для хранения ценных тканей, бөз — ткань, соолан — очень дорогая ткань и т.д. Такие названия воспринимаются нами как нечто новое, незнакомое. Возможно, наши предки обладали большими познаниями в отношении разновидностей тканей [8, с. 123]. Вариант Жусупа Мамай также отличается своими языковыми особенностями. В варианте Жусупа Мамай можно выделить кыргызские пословицы, поговорки. В каждом варианте есть особые различия. Кыргызстан оценил сказителя-манасчы Жусупа Мамай в конце 80-х гг. По приглашению писателя Чынгыза Айтматова сказитель Жусуп Мамай посетил Кыргызстан в 1987 г. В 1995 г. он участвовал в праздновании 1000-летия эпоса «Манас». Экс-президент Аскар Акаев присвоил сказителю Жусупу Мамаю звание «Народный артист Кыргызской Республики». Перед смертью манасчы получил награду от экс-президента Алмазбека Атамабаева — «Народный герой Кыргызской Республики». После смерти сказителя в Нарыне, Джалал-Абаде, Баткене, Таласе прошли научно-практические конферен-

ции, посвященные творчеству Жусупа Мамай. Были приглашены гости из Китая, дети сказителя, исследователи его варианта эпоса. Итоги конференции опубликовали в журнале, изданном в фонде «Мурас» под руководством экс-президента фонда профессора Тынчтыкбек Чоротегина [9, с. 166–169]. Такой богатый расцвет фольклористики открывает перспективы плодотворных исследований, позволяющих глубже проникнуть в творческие возможности кыргызского народа.

Литература

1. Абдалиева Г.К. Китайская кыргызская литература. — Бишкек, 2003.
2. Макелек Өмүрбай. Что вы знаете о китайских кыргызах? // Жаны кылым. — 2006. — № 69 (136). — 3 октября. — С. 7.
3. Кайрат Токомбай. Современное социально-экономическое и социальное положение китайских кыргызов // Проблемы истории Кыргызстана. — 2011. — № 3 (23).
4. Турдуева А. История китайских кыргызов // Ала-Тоо. — 1997.
5. Турдубаева Н.Ш. История записи изучения эпоса «Манас» китайских кыргызов // Вестник БГУ. — 2006. — № 1 (6). — С. 121–131.
6. Артыкбаев К. Секрет таланта: Где нет виденья, есть речь. — Бишкек, 1994.
7. Манас. Сказитель Жүсүп Мамай. — Бишкек, 2004.
8. Манас. Сказитель Сагынбай Оразбаков. — Фрунзе, 1978.
9. Турдубаева Н. Сказительство и творение манасчы Жусупа Мамай // Жусуп Мамай. Мурас фонду. — 2014. — С. 166–169.

Сведения об авторе

Турдубаева Назгуль Шаршеналиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры кыргызской литературы, факультет кыргызской филологии, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: nazgult.72@mail.ru

ЭТНОПОЭТИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ В АЛТАЙСКОЙ ЛИРИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВВ.)

М.С. Дедина^{1,2}

¹Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

²Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

В статье рассматривается преломление фольклорного и мифологического содержания через художественное осмысление в лирике алтайских поэтов второй половины XX в. Предметом исследования стало изучение функциональных особенностей этнопоэтических элементов в художественном отражении картины мира в лирике И. Шодоева и Д. Белекова, представителей разных поколений алтайских писателей, что позволяет проследить в эволюционную трансформацию средств и способов функционирования и репрезентации в тексте фольклорно-мифологической составляющей.

ETHNOPOETIC AND ARTISTIC IN ALTAI LYRICS (THE SECOND HALF OF THE XX — THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES)

M.S. Dedina^{1,2}

¹Institute of Altaic them. S.S. Surazakova, Gorno-Altai (Russia)

²Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

The article considers the refraction of folklore and mythological content through artistic interpretation in the lyrics of the Altai poets of the second half of the twentieth century. The subject of the study was the study of the functional features of ethno poetic elements in the artistic reflection of the world picture in the lyrics of I. Shodoev and D. Belevkov, representatives of different generations of Altai writers, which allows us to trace the evolutionary transformation of the means and methods of functioning and representation of the folklore and mythological component in the text.

Национальная картина мира как отражение ментального своеобразия народа, преломленного через художественное сознание автора, представляет особый интерес в словесном творчестве. Писатель, как носитель культурных традиций и представитель своего народа, через художественное осмысление действительности репрезентует национальный менталитет (систему традиционных образов). В алтайской литературе сильны фольклорно-литературные взаимосвязи, поскольку литература как средство осмысления бытия является отражением ментальности носителя определенного мировоззрения и миропонимания. А то, что в основе мировидения алтайского

народа сегодня еще живы культовые обряды, направленные, к примеру, на «задабривание» покровителей жилища, определенного места, родника и т.д., в произведениях алтайских писателей это имеет место и присутствует на ментальном уровне.

Обладая богатейшим устным народным творчеством, в первую очередь героическим эпосом, письменная литература, бытовавшая до этого времени в изустной форме, начала свое развитие в середине XIX в. в творчестве М.В. Чевалкова. Он был носителем телеутского диалекта алтайского языка, поэтому его произведения не имели широкого распространения среди простого народа вплоть до середины XX в. Причиной этому в немалой степени было и то, что в начале XX в. грамотными среди коренного населения были не более 1,5% населения.

Активное развитие литературы на алтайском языке наблюдается в годы советской власти, в 1920–1930 гг. В данный период развития фольклорное влияние на литературу было очень сильно, поскольку, во-первых, многие писатели, не имея предшествующей литературной базы на родном языке, в большинстве своем опирались на фольклорные источники. С.С. Каташ отмечал, что «фольклор был и остается для писателей творческой школой, где они учатся технике художественного изображения, образному воспроизведению действительности» [11, с. 5]. Во-вторых, произведения, имевшие острую агитационную направленность, создавались на понятном для читателя языке. Средствами художественной выразительности фольклора писатели пытались донести до адресата идеи и принципы новой власти. «Действующие лица первых письменных произведений выступали сказочными героями, язык произведений был еще насыщен устнопоэтическими стилистическими оборотами» [11, с. 6].

Во второй половине XX в. фольклорные образно-стилистические средства продолжают оказывать значительное влияние на литературное развитие. В творчестве писателей, особенно на раннем этапе, прослеживается присутствие жанровых, образных черт фольклора, а мифопоэтический контекст произведений уходит от формо и жанрообразующего уровня в глубинный смыслообразующий контекст.

Алтай для коренного населения — это священная земля. Словами Д. Белекова, «здесь соединилось ВСЁ: и Синее-синее небо — Кок-Тенгри, Ак-Сумеры вечных ледников, хрустально-чистые реки и белое дыхание озер, зеленокронные долины и целебные травы <...>. Почему Алтай называют колоколом Земли, духовным полюсом планеты, энергетическим сосудом, прародиной и истоком великого кочевья народов, колыбелью человечества?» [2, с. 59]. Алтайская литература представляет собой художественное отражение ментальной сущности народа в субъективном осмыслении писателя, поэтому одним из актуальных и перспективных направлений для ее осмысления становится изучение ее фольклорно-мифологического содержания. В данном направлении кроме исследования мифопоэтического контекста видится необходимым рассмотрение преломления этнопоэтического материала в художественном тексте. «Этнопоэтический подход исследует связь литературы с фольклором, национальным художественным мировидением, этнологическими и этнографическими традициями, национальным языком и стилевыми формами как синтез культуры этноса» [13, с. 211].

Особенно интересен в аспекте этнопоэтической составляющей фольклорно-мифологический контекст лирики И. Шодоева как представителя старшего поколения в алтайской литературе второй половины XX в. Одним из первых его произведений, опубликованных в печати, стало стихотворение «Бистин жуучыл мааныбыс» («Наше боевое знамя») (1949) [15, с. 94–95]. В 1950-е гг. на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны», литературно-художественного альманаха «Алтайдын тууларында» и в сборниках были опубликованы следующие лирические произведения писателя: «Корея женер!» («Корея победит!») (1950); «Жиит Боролдой» («Молодой Боролдой») (1953), «Партизандардын согултазы» («Удар партизан») (1957) и «Кыдат нөкөргө» («Китайскому другу») (1958). Интересно, что некоторые из своих произведений писатель публиковал под псевдонимом И. Сайламан. К примеру, первое и последние названные стихотворения подписаны именно псевдонимом, а второе — И. Шодоевым. Несколько из указанных стихотворений в числе других вошли в изданную в 1959 г. книгу писателя «Карас». Наиболее полным собранием лирики писателя следует считать изданный в 2014 г. сборник лирических, прозаических и драматических произведений И. Шодоева «Мүркүтпей».

В лирике И. Шодоевым написано немного, в основном это короткие тематические зарисовки. К примеру, в стихотворении «Жиит Боролдой» («Молодой Боролдой») центральной идеей становится воспевание человека труда.

Боочыда турган малын көрөргө
Боролдой адын мендеп ээртеди.
Кызыл-бороны казалатты
Кыр сынына чыга конды.

Чтобы посмотреть на свой скот,
пасущийся на перевале,
Боролдой спешно оседлал коня.
Красно-каурого коня вздыбил,
На хребет горы взлетел
[16, с. 5; смысл. пер. наш].

Его ранняя лирика отличается романтическим пафосом. На данном этапе в его произведениях постоянным становится описание идиллической картины: летний зеленый луг, мирно пасущиеся овцы и прекрасная молодая чабанка, поющая красивую песню. В «Молодом Боролдое» лирический герой — это идеальный образ, который усиливают такие детали, как светящиеся глаза и сияющий орден на груди. В стихотворении «Койчы кыс» («Чабанка») пасторальная картина остается прежней, но лирический герой антипод Боролдою — это бездельник и пьяница. Молодой человек, услышав песню девушки, решает открыть ей свои чувства и сделать предложение стать его женой, на что получает решительный отказ. Таким образом, если жанр первого произведения можно определить как идиллическое стихотворение с романтическим пафосом, то во втором, сохраняя прежнюю картину, писатель добавляет назидательно-саркастические ноты.

Лирический герой И. Шодоева в ранних произведениях — молодой человек, активно участвующий в общественной и политической жизни своей страны. Это стихотворения «Ўн бергени» («Как голос отдавал»), «Кыдат нөкөргө» («Китайскому другу»), «Баштапкы күнде» («В первый день»). Кроме того, интерес к историческим материалам, которые позже станут базовой составляющей его творчества, присутствует уже на данном этапе. Например, в стихотворении «Партизандардын согултазы» («Удар партизан») писатель обращается к теме Гражданской войны. Известно, что данное произведение писатель посвятил Апоятову Чилекейу, жителю Усть-Канского района, бывшему партизану, сражавшемуся за новую советскую власть, уже знакомый читателю по очерку «Челекей Апяатов» [17]. Не случайно, думается, при первой публикации стихотворения рядом с ним была опубликована фотография этого героя и краткая заметка к ней. В стихотворении описывается героический поступок Апяата, предупредившего красноармейцев о наступлении в ночи отряда белогвардейцев, и тем самым спасшего от гибели своих товарищей. В 1963 г. писателем написано стихотворение «Нөкөриме» («Другу»). На данном этапе отмечается усиление лирического начала в произведении, сходное с алтайской песенной традицией, отличающееся напевным, мелодичным ритмом. Если тематика здесь остается прежней — восхваление труда и самопожертвования, то художественный строй стихотворной строфы становится совершеннее, композиция гармонична.

Мөндүрдий ашты өскүрип,	Словно град зерно вырастив,
Мөрөйдө жөнү алалык.	Давай победим в соревновании.
Ак малысты көптөдип,	Поголовье скота увеличив,
Макка кожо кирелик.	Давай прославимся
	[1, с. 222; пер. наш].

Это произведение продолжает лейтмотивную линию создания гимна человеку труда, кроме того, здесь присутствуют признаки одического повествования.

В художественном плане лирика И. Шодоева становится более зрелой к 1980 гг. Именно в этот период им написаны произведения, посвященные родному краю, теме поэта и поэзии, философским размышлениям о времени и о судьбе. В стихотворении «Жангарым» («Моя песня») поэт вновь обращается к песенному ритму и посвящает свое произведение творческому началу в деятельности человека. Семантическое значение данного произведения можно расшифровать и как оду песне, своей судьбе и судьбе народа. В стихотворении «Ўч-Сүмер» («Белуха»), писатель воспевает свой родной край, народ, Алтай.

Образ Алтая, центральный для художественного мира алтайских писателей, становится сквозным и для лирики Димана (Ивана Итуловича) Белекова. В литературу он вошел в начале 1970-х гг. и с самого начала своей творческой деятельности позиционировал себя как поэт-песенник. Он является родоначальником бардовской (авторской) песни в Горном Алтае, преемником, как отмечали некоторые критики, Л. Кокышева, чья лирика, как известно, носила песенное начало.

Творчество Димана Белекова принято относить к лирическому направлению в алтайской поэзии. Мелодичные по своей структуре, они органично влились в лирику 1970-х гг. Первый сборник своих стихов «Көктаманду јаландар» («Поля с подснежниками») он выпустил в свет в 1974 г. В это время он был студентом третьего курса Литературного института им. М. Горького. Его лирика основывается на лучших традициях алтайской, тюркской, русской и мировой литератур.

Тем не менее основополагающим в его художественном мире становится национальный образ мира, как «Психо-космо-логос» (Г. Гачев), определяющий систему координат в мирозерцании и мироотражении поэта. Во-первых, выросший в среде, где почитание природы, соблюдение обычаев было нормой, этнокультурный контекст становится неким органичным и естественным способом восприятия окружающего мира. Во-вторых, часто фольклорные сюжеты и мотивы являются идейно-художественными предикативными доминантами, позволяющим автору выстроить философское отношение к изображаемому, являясь фундаментальной основой мировоззрения писателя. Безусловно,

национальный образ мира со всем комплексом семантико-смысловых составляющих является базовой составляющей авторской рецепции, однако присутствуют и индивидуальные черты, характерные только для лирики Д. Белекова.

Все лирические сборники поэта имеют значимое, очень символическое название. «Янарлу мӱштӱр» («Поющие кедры», 1982), «Кӱрее кожон» («Песни в кругу», 1985), «Аршанда јылдыстар» («Звезды у ручья», 1991) «Кадын — менин талайым» («Катунь — мое море», 2013) и т. д.

В центре художественного пространства лирики поэта — его малая родина, Дьайлугуш. Это долина в Онгудайском районе Республики Алтай, где находилось маленькое поселение, где родился будущий писатель, исчезнувшее вследствие укрупнения колхозов в 1950-е гг. Родина для поэта станет сквозным доминантным образом благодатной земли, где прошло детство, где живы образы матери и отца, погибшего на войне. Склонный к объединению стихотворений в тематические группы, в сборнике «Янарлу мӱштӱр» отдельный раздел посвящен этому месту, ставшему знаковым для писателя. Таким образом, в разделе «Јайлугушта эреен јай...» («Благодатное лето в Дьайлугуше...») опубликованы стихотворения, раскрывающие данный образ с самых различных ракурсов. Стихотворение «Јайлугуш» писатель посвятил своему земляку, Александру Ередееву, в качестве эпиграфа использовавший стилизованные под народную песню строки: «Јайлугуштын јаланы — / Јаба ӱскӱн јерибис. / Кадриннин каскагы — / Канчын јиит тужыбыс / [5, с. 37].

Это стихотворение является отражением восприятия лирического героя родной земли — Дьайлугуш. Перед нами предстает величественная картина просторной долины, окруженной высокими горами. Центральными образами символами становятся река и горы, окружающие долину: «Буурыл башту сӱмери / Булуттарла чек коштой. / Кадынга кирген суузы / Канат јайган ак куштый» [5, с. 37].

Эта земля становится символом всего Алтая, воплощая в себе его величие. В возвышенно-патетическом тоне лирический герой высказывается и о людях, живущих здесь, и о природе. В суетности бытия именно здесь для лирического героя останавливается время и его дорога, широкая как Катунь, находит свои истоки именно здесь, на родной земле. Все испытания народа, выпавшие на его долю, оставили след и в этой долине: «Јайлугушта качан да / Јаан согуш ӱткӱн јер... / Кыралап салган јаландый, / Аттар јолы билдирер» [5, с. 38].

Особое значение в лирике Д. Белекова принадлежит образам птиц. В стихотворении «Кас» лирический герой обращается к одинокому гусю, который становится символом одиночества: «Казым кайдаар учадын, / Канат тӱзин чыладып? / Нени санап кышкырадын, / Тӱн ортозын чочыдып» [5, с. 38].

Хронотоп ночи является постоянным в творчестве поэта. В данном стихотворении ночной полет птицы является метафорой стремлений и мыслей, а элегический тон произведения представляет собой грустное восприятие настоящего. Это хорошо чувствуется в следующих строках: «Санаага тӱштин эмеш пе, / Сан ла башка јеримде? / Јолын сенин ыраак па, / Јоболтолу јӱрӱмде?» [5, с. 44].

Стихотворение «Эртен» не только по содержанию, но и по своей форме построено на композиционной и стилистических особенностях алтайской народной песни. Здесь обнаруживаем не только образный параллелизм, но и характерную восьмисложную строфу.

Энир чолмон бозорып,	Взойдет вечерняя звезда,
Ээчий тӱнди тан адар.	После ночи наступит утро.
ӱйди тӱней ӱй солып,	Время сменит другое,
ӱй токтобой ол барар	Время без остановки пойдет
	[3, с. 3; пер. наш].

Известно, что «алтайским песням свойственно двухстрочное сравнение, причем первые две строки изображают явления природы, с которыми сравнивается жизнь человека в третьей и четвертой строках. Чтобы показать неразрывную связь этих явлений, их близость, певец рифмует вторую строку, изображающую явление из области природы, с четвертой строкой, изображающей жизнь человека» [14, с. 89]. Т.С. Тюхтенов писал, что «для алтайского песенного стиха характерна силлабическая система стихосложения, основанная на равном количестве слогов в строках. Особенностью алтайского силлабического стиха является семисложник, т.е. все стихотворные строки обычно имеют семь слогов; причем четвертый и седьмой слоги бывают ударными, на которые при исполнении одновременно падают грамматическое и музыкальное ударения». Подобное песенное начало видим и в стихотворении Д. Белекова.

Это стихотворение написано также по схематической формуле народной песни. Особенно ярко проявлен в нем образный параллелизм, который, как отмечал Т.С. Тюхтенов, возник в древности, когда жизнь людей и явления природы отождествлялись» [14, с. 79].

Көккө лө айаста тенери
Күркүрейт токтоп-токтобой.
Табышту өөн-бөкөн лө кериш
Та нени белгелейт болбогой... [3, с. 6].

Лиричность и песенность стихотворений создается при помощи излюбленного поэтического приема — повтора. «Поэтические повторы выделяют данное слово из среды других слов и тем самым подчеркивают значимость его в песне, усиливают эмоциональное воздействие на слушателя» [14, с. 86].

Усиливает песенное начало и использование поэтом начальной и конечной рифмы.

Тондолот, тайкылат базыдым
Тонгорып калган асфальта.
Тонолот салылат ончозы
Тоомјылу болгон Москвада... [3, с. 7].

Таким образом, творчество каждого национального писателя основано как на литературных традициях, так и на индивидуально-авторских средствах и способах художественного отражения базовых ценностей своего народа. Этнопоэтическое сознание национальных поэтов оказывает решающее значение для репрезентации художественной картины мира. Мифологическое мышление, являющееся базовым для философского осмысления себя в окружающем пространстве, преломленное в художественном творчестве, позволяет говорить о влиянии традиционного мировоззрения на мировосприятие писателя. Средства и способы транслирования в художественном произведении национальных традиций, ментальных базовых ценностей, в историко-культурной перспективе претерпевают эволюционное развитие, основанное как на социально-экономических, политических, так и культурно-исторических преобразованиях.

Литература

1. Алтай үлгерлик / сост. Т. Торбоков, Р. Лыкова. — Горно-Алтайск, 2006. — 904 с.
2. Белеков Д. С какого ты Алтая? — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. — 224.
3. Белеков И.И. Аршанда жылдыстар = Звезды у ручья): стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1991. — 120 с.
4. Белеков И.И. Горные вершины: стихи / пер. А. Парпары. — М.: Молодая гвардия, 1985. — 31 с.
5. Белеков И.И. Жаңгарлу мөштөр = Поющие деревья: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1982. — 88 с.
6. Белеков И.И. Кадын менин талайым = Катунь — мое вечное море: стихи, поэмы. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2013. — 348 с.
7. Белеков И.И. Көктаманду јаландар = Солнечное поле: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1974. — 48 с.
8. Белеков И.И. Күрее кожон = Песни в кругу): стихи и поэма. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1985. — 96 с.
9. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. — М., 1995. — 479 с.
10. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. — 1967. — №1. — С. 77–92.
11. Каташ С.С. Фольклор в произведениях алтайских писателей // Алтайский фольклор и литература. — Горно-Алтайск, 1982. — С. 5–14.
12. Когда цветет маральник: стихи молодых поэтов Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1985. — 160 с.
13. Кольчикова Н.Л., Прищепа В.П. Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 3. — С. 210–227.
14. Тютенев Т.С. Алтайские народные песни. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. алт. книж. изд-ва, 1972. — 100 с.
15. Шодоев И.В. Мүркүтпей. — Горно-Алтайск, 2014. — 180 с.
16. Шодоев И.В. Карас. — Горно-Алтайск, 1959.
17. Шодоев И.В. Челекей Апоятов // В горах Алтая. — 1957. — № 1. — С. 6–8.

Сведения об авторе:

Дедина Маргарита Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел языка, фольклора и литературы, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова; доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения, факультет алтаистики и тюркологии, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: dedina76@yandex.ru

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.У. УЛАГАШЕВА

А.А. Коңунов^{1,2}

¹Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

²Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

В данной работе речь идет о творчестве и эпическом репертуаре одного из выдающихся сказителей Алтая, кавалера ордена «Знак Почета» Николая Улагашевича Улагашева. Он талантливый исполнитель героических сказаний, сказок, народных песен. В 30-40-е гг. XX в. фольклор в записи от Н. Улагашева составил основной фонд изданных произведений устного народного творчества алтайцев. К великому сожалению, не все, что сказитель хранил в своей памяти, успели записать и издать. Однако и то, что опубликовано и ждет публикации, является неопределимым вкладом в духовную культуру алтайского народа. Имя Н. Улагашева продолжает оставаться самым популярным среди имен известных на Алтае сказителей — кайчы. Он по праву считается выдающимся хранителем устного народного творчества алтайского народа.

EPIC HERITAGE N.U. ULAGASHEV

A.A. Konunov^{1,2}

¹Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

²Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakova, Gorno-Altai (Russia)

This work deals with the creativity and epic repertoire of one of the outstanding storytellers of Altai, holder of the Order of the Badge of Honor, Nikolai Ulagashevich Ulagashev. He is a talented performer of heroic legends, fairy tales, folk songs. In the 30-40s. XX century folklore recorded by N. Ulagashev made up the main fund of published works of oral folk art of the Altaians. Unfortunately, not everything that the narrator kept in his memory was written down and published. However, what has been published and awaits publication is an invaluable contribution to the spiritual culture of the Altai people. The name of N. Ulagashev continues to be the most popular among the names of storytellers known in Altai - kaichy. He is rightfully considered an outstanding keeper of the oral folk art of the Altai people.

Николай (Мыклай) Улагашев родился 17 марта 1861 г. в местности Кам-Тыт урочища Сарыкокша (Сары-Көпши) Чойского района Республики Алтай в семье охотника Улагаша из рода Кузен (Күзен). Отец Н. Улагашева переехал в Чойский район из местности Баланак, который находится на слиянии рек Бия и Катунь. Мать Н. Улагашева — Паачак из рода фаврук. Она любила петь народные песни. Ее голос был звонким, красивым, и она была отличным импровизатором. В семье Н. Улагашев был первенцем. После него родились Казран, Мыкаш, Сапран и дочка Сырга. Старшего сына отец приучал к работе с семи лет. В девятилетнем возрасте вместе с отцом он стал ездить на охоту в тайгу, где впервые увидел знаменитого кайчы Кыскаша. Вечером, когда все охотники собрались у костра, кайчы Кыскаш исполнил сказание о богатыре Алтай-Куучын. Это сказание осталось в памяти молодого охотника, он запомнил не только сюжет сказания, но и целые поэтические тирады, эпические формулы. Когда подросток Улагашев исполнил это сказание, сам кайчы Кыскаш одобрительно сказал ему: «Факшы, балам, сүрекей факшы! Санаан ару, терени Алтын-Көлдий, фүрегин омок, Алтын — Туудан бийик, фааназан, фаан кайчы болорын» [3, с. 6-7] («Хорошо сынок, очень хорошо! Память у тебя чистая, глубина ее как Алтын-Көл (Телецкое озеро), сердце у тебя живое, выше, чем гора Алтын-Туу, повзрослев, станешь знаменитым кайчы»). Так кайчы Кыскаш дал благословение началу сказительской стези Н. Улагашева.

Своими учителями-наставниками он считал таких кайчы, как Сабак Бочонов, Кыдыр Отлыков, Кабак Тадыжеков, Дьайамат. От них он услышал и стал исполнять известные эпические произведения: «Тарлан-Коо», «Ак-Бий», «Алтын-Билек» (из репертуара С. Бочонова), «Кан-Сулутай», «Баадай-Кара», «Кан-Көклөн и Кан-Ўнүти» (из репертуара К. Отлыкова), «Курман-Тайчы» (из репертуара К. Тадыжекова), «Алып-Манаш», «Имей-Алтын и Шимей-Алтын» и прозаическая сказка «Сынару» (из репертуара Дьайамата).

Сабак Бочонов был его дядей. Он жил в Паспауле. Н. Улагашев уже в почтенном возрасте очень тепло отзывался о нем и говорил, что сказывать героические сказания, сопровождать на топшуре, гортанному пению он впервые научился у него. Вторым учителем был кайчы Кыдыр Отлыков из рода фүс, который жил в местности Шава (15 верст вниз от местности Кам-Тыт). Он не только сам сказывал героические сказания, но и слушал Н. Улагашева, давал советы.

Третий человек, который оказал большое влияние на сказительское творчество Н. Улагашева, был знаменитый кайчы Кабак Тадыжеков, живший в местности Сылганду. О нем люди говорили, что в черни нет лучшего кайчы, он «ээлү кайчы», т.е. «сказитель, наделенный даром ясновидения, имеющий контакт с божеством Алтай-Кудай, духами гор и местностей. По поверью, устами ээлү кайчы

сам дух сказания исполняет. Бытует поверье, что у элү кайчы топшур «говорящий». Он может продолжать звучать даже тогда, когда элү кайчы прерывает сказание, чтобы отдохнуть. Многие сказители XX в. среди своих учителей называли тех, у кого был статус элү кайчы» [4, с. 356]. В 40-х гг. Н. Улагашев признавался, что ему довелось не раз слушать сказания кайчы К. Тадыжекова, и его кай был намного лучше его.

Встреча на ярмарке в с. Елей с байатским (телеутским) сказителем Дьайамат дала очень много полезного и интересного для набирающего опыт молодого сказителя. Услышанные от него прозаическая сказка «Сынару» и героическое сказание «Алып-Манаш» на всю жизнь остались для него любимыми произведениями. Особенно интересным для него было то, что в сказании «Алып-Манаш» имелись песни, которые сказитель во время исполнения пропевал обычным голосом.

В 15 лет Н. Улагашев уже был известным сказителем с богатым репертуаром. В шестнадцать лет Н. Улагашев женился. Родители ему сосватали девушку Мамак из рода комнош. Через год, после рождения дочки Баранчук, Н. Улагашев заболел трахомой и ослеп. В эти мрачные времена большой поддержкой была его мать Паачак. Она учила его шить, делать изделия из кожи, на ощупь считать деньги, изготавливать конское снаряжение. Жена Мамак также до конца своих дней была рядом с ним. У них после Баранчука родились сыновья Чанчу и Адыфок, дочь Чомырчы.

Когда он стал уже известным сказителем, его приглашали люди из близлежащих сел. Там он оставался на несколько дней, исполнял героические сказания. Особенно часто он ездил к кумандинцам. Там он продавал вожжи, конское снаряжение, а вечером исполнял героические сказания, за что ему давали пшеницу, муку, ткань. В таких поездках Н. Улагашев встречался с другими кайчы, слушал их сказания, но часто сам исполнял эпос, и некоторые учились у него, например, жившие в Нарлыке Очубай Алексеев, в Кузе Наталья Черноева.

В эти времена с ним постоянно рядом была внучка Ёренчи. Где бы он ни был, куда бы ни поехал, она всегда сопровождала своего деда. Даже когда он поехал в Москву за получением ордена «Знак Почета», она сопровождала его, вместе с отцом известного алтайского поэта Лазаря Кокышева комсомольским работником Василием Константиновичем Кокышевым (политрук эскадрона, погиб на войне).

Для широкой общественности и для науки Н. Улагашева «открыли» П.В. Кучияк и московская фольклористка А.Л. Гарф в 1937 г. Зафиксированный эпический репертуар сказителя состоит из тридцати одного героического сказания. Из них три сказания, «Эр-Самыр», «Кара-Күрен атту Кан-Күлер» («Кан-Кюлер ездящий на коне Кара-Кюрен») и «Бойдон-Кёкшин» («Бойдон-Кёкшин») были зафиксированы повторно разными собирателями. В записи П. Кучияка было 6 сказаний (они все опубликованы). Два сказания «Малчы-Мерген» (920 ст.) и «Алып-Манаш» (1887 ст.) опубликованы в книге «Алып-Манаш», Ойрот-Тура, 1940 г. Четыре сказания «Ак-Тайчы» (2642 ст.), «Ёскюс-Уул» (2200 ст.), «Козын-Эркеш» (2000 ст.), «Кёкин-Эркей» (1000 ст.) опубликованы в книге «Чёрчөктёр», Ойрот-Тура, 1941 г.

Шесть сказаний «Малчы-Мерген» (переиздание), «Алтын-Коо» (1080 ст.), «Ак бий ле онын билези» («Ак бий и его семья») (1575 ст.), «Айтүнүке» (1485 ст.), «Алтынак-Мерген» (540 ст.), «Сай-Солон» (1090 ст.) опубликованы в книге «Малчы-Мерген» Ойрот-Тура 1945 г. В этом сборнике пять сказаний, кроме «сказания Малчы-Мерген», были записаны Апполиной Павловной Кучияк.

Оригиналы текстов, записанных П. Кучияком, вместе с подстрочными переводами были переданы новосибирским поэтам и погибли из-за пожара в издательстве. Часть подстрочных переводов сохранилась у новосибирских поэтов Е. Березницкого, А. Смердова, И. Мухачева, их поэтические переводы изданы в книге «Темир Санаа».

В архиве Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова сохранилось сказание «Малчы-Мерген» в записи П. Кучияком от Н. Улагашева. На первой странице написано: «Из архива А.Л. Коптелова. Оригинал. Н. Улагашев «Малчы-Мерген». Запись и дословный перевод П. Кучияка», рядом подпись П.В. Кучияка. На самом конце текста надпись: «Литературная обработка, запись и подстрочник — П. Кучияк. Ответственный редактор Н. Куранаков, 1939 г., Москва — Ойрот-Тура».

Объем сказания «Малчы-Мерген» 909 стихотворных строк. Под каждой строкой дан перевод на русском языке. К великому сожалению, согласно требованиям того времени (для шести этнических групп Алтая разрабатывался и шел процесс утверждения единого литературного языка), все записи подвергались так называемой литературной обработке.

Еще один фактор, который повлиял на подлинность эпического языка сказителя — это графика алфавита того времени. В конце 30-х и в начале 40-х гг. все алтайские фонемы ү, ö и др. были заменены русскими фонемами.

Таким образом, индивидуальные свойства языка Н. Улагашева и особенно диалектизмы в записях П. Кучияка не находили сколько-нибудь адекватного отражения. П.В. Кучияк — сын шамана и внук известных на Алтае сказителей Шонкора Шунекова и Баргаа Кучияковой, по существу сам был одаренным сказителем, знатоком эпической классики алтайского народа. По некоторым свидетельствам, он сначала прослушивал сказание или сказку, а затем фиксировал по памяти. Например, А.Л. Гарф писала: «"Алып-Манаша", услышанного от Н. Улагашева, Павел Васильевич смог записать только когда мы вернулись в Ойрот-Туру, теперешний Горно-Алтайск, то есть дней двадцать спустя». Далее она пишет: «Даже Улагашев, весьма придирчивый исполнитель, не прощавший ошибок, оставался доволен записями, сделанными Кучияком по памяти» [1, с. 60].

В те же годы А. Роголева записала от сказителя еще два сказания «Алтай-Буучай» (1100 ст.) и «Көзүйке» (2538 ст.), которые были опубликованы в книге «Чёрчөктөр», Ойрот-Тура, 1941 г.

Далее наиболее активную работу по записи сказаний от Н. Улагашева вела П. Маскачакова. Из 12 текстов в ее записи 9 сказаний опубликованы. Это — четыре сказания «Шиме-Судурчы» (215 ст.), «Эмелчи Мерген» (410 ст.), «Танзы-баатыр» (554 ст.), и «Бектирек» (450 ст.) под редакцией (литературной обработкой) Ч. Енчинова в книге «Шиме Судурчы», Горно-Алтайск, 1950.

С 1958 г. положено начало изданию многотомного свода «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри»). На сегодня издано XIV томов. В этой серии издано 17 героических сказаний Н. Улагашева: двенадцать сказаний во II томе (переизданы ранее опубликованные сказания в записи П.В. Кучияка, А. Роголевой и П. Маскачаковой), два сказания «Эр-Самыр» и «Бойдон-Көкшин» в III томе, одно сказание «Боо-Черү аказы, Боодой-Коо сыйнызы» («Брат Боо-Черу, младшая сестра Боодой-Коо») в VII томе, сказание «Кара-Күрен атту Кан-Күлер» («Кан-Кюлер ездящий на коне Кара-Кюрен») в IX томе и сказание «Кан-Тутай» в XIII томе.

По справедливому замечанию З.С. Казагачевой в издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри»), «впервые сделана попытка представить в единой серии весь алтайский героический эпос, обозначив в нем имена сказителей и собирателей. В нем представлен весь накопленный эпический материал, собиравшийся на протяжении длительного времени собирателями с разным уровнем подготовки к такой работе и с разной технической оснащённостью, и это не могло не отразиться на качестве записей» [2, с. 34].

Составитель и главный редактор I-IX томов этой многотомной серии — С.С. Суразаков. Составители X тома — С.С. Суразаков и И.Б. Шинжин, XI-XIII — томов И.Б. Шинжин, XIV тома — З.С. Казагачева и М.А. Демчинова.

По поводу опубликованных в этой серии сказаний Н. Улагашева можно сказать, что в ряде случаев улавливается литературная обработка, которая делалась по требованиям того времени.

Не опубликованы три сказания «Байбалчыкай», «Эрелчикей», «Кан-Буркан», которые хранятся в архиве НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова вместе с еще пятью рукописями, записанными П. Маскачаковой в 1943-1944 гг.

Записи велись сплошной строкой светло-черными и химическими чернилами и в основном — из-за отсутствия бумаги — между строк журнала «Большевик», а некоторые тексты — «Кан-Тутай», «Эрелчикей», «Кан-Кюлер ездящий на коне Кара-Кюрен» — на полосах серой газетной бумаги длиной в 40-50 см (см. прил.). Текст сказания «Эр-Самыр» с черновой записи переписан начисто в стихотворной форме. Но важно то, что П. Маскачакова в своих записях стремилась сохранить диалектные особенности языка сказителя.

По той же причине (утверждение единого литературного языка для всех шести этнических групп Горного-Алтая) не удалось более точно зафиксировать подлинный эпический язык сказителя Н. Улагашева студентам Алтайского (в то время — Ойротского) отделения Московского педагогического института им. К. Либкнехта С. Суразакову, В. Тозыяковой, Л. Табышкиной, З. Чечегоевой под руководством известного тюрколога Н.А. Баскакова. В его книге «Диалект черневых татар (туба кижин)» опубликовано пять сказаний, записанных в 1942–1943 гг.: «Шокшыл-Мерген» (976 ст.), «Бойдон-Көкшин» («Бойдон-Кёкшин») (1326 ст.), «Кара-Күрен атту Кан-Күлер» («Кан-Кюлер ездящий на коне Кара-Кюрен») (1809 ст.), «Эрзамыр» (1970 ст.), «Барчын-Бөкө» («Барчын-Бёкё») (1739 ст.).

С именем Н. Улагашева связана также популяризация алтайского эпоса на русском языке. Так, в 1941 г. в Новосибирске была издана книга «Алтай-Буучай: Алтайский народный эпос». В 1947 г. в Ойрот-Туре (Горно-Алтайск) издан сборник героических сказаний «Малчы-Мерген: Алтайский героический эпос». В 1961 г. — «Героические сказания» (составитель и автор вступительной статьи

А. Коптелов. Переводчики И. Мухачев, А. Смердов, Е. Березницкий, Е. Стюарт, А. Коптелов. — Горно-Алтайск). Также на основе поэтического перевода Е. Березницкого издано героическое сказание «Кокин-Эркей», 1940 г. В научном переводе Н.А. Баскакова в Москве изданы пять текстов героического сказания в двуязычном научном издании «Диалекты черневых татар (туба кижй)», 1965 г.

Поэтическими переводами сказаний Н. Улагашева занимались И. Мухачев, Е. Стюарт, А. Коптелов, Е. Березницкий, А. Смердов, В. Непомнящих. Подстрочные переводы делали А. Каланаков, Н. Куранаков, П. Кучияк, А. Шабураков.

В 30-40-е гг. фольклор в записи от Н. Улагашева составил основной фонд изданных произведений устного народного творчества алтайцев. Записанные от него образцы устного народного творчества вошли в школьные и университетские учебники. Инсценировка его сказки «Ўч кыс» (Три девушки) дважды осуществлено Горно-Алтайским национальным драматическим театром (1943, 1994 гг.). Н. Улагашев оставил своему народу также советы-назидания. В годы Великой отечественной войны он писал патриотические стихи-призывы. Именем Н. Улагашева названы улицы в селениях республики. В Горно-Алтайске установлен скульптурный памятник сказителю.

К великому сожалению, не все, что сказитель хранил в своей памяти, успели записать и издать. Однако и то, что опубликовано и ждет публикации, является неоценимым вкладом в духовную культуру алтайского народа. Имя Н. Улагашева продолжает оставаться самым популярным среди имен известных на Алтае кайчы.

Он по праву считается выдающимся хранителем устного народного творчества алтайского народа.

Литература

1. Гарф А.Л. Ийт-Кулак — Собачье Ухо // Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. — С. 52-71.
2. Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. — Горно-Алтайск, 2002. — 350 с.
3. Кучияк П.В. Ойроттыг кайчызы / вст. ст. Алып-Манаш. — Ойрот-Тура, 1940. — С. 5-10.
4. Садалова Т.М. Элю кайчы // Краткая энциклопедия Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 2010. — С. 356.
5. Суразаков С.С. Кайчы Н. Улагашев. — Горно-Алтайск, 1961. — 35 с.

Сведения об авторе:

Конун Аркадий Алексеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: konun1974@mail.ru

ОБРАЗ ШАМАНА В ХАКАССКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗАНИЙ С.И. ШУЛБАЕВА)

Ю.И. Чаптыкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан (Россия)

В данной статье впервые рассматривается образ шамана в сказаниях, записанных от хакасского сказителя С.И. Шулбаева. В героическом эпосе хакасов типы женщин, сведущих во всех трех мирах, обладающих магическими знаниями, волшебными предметами, встречаются часто, сказитель обозначает их словами *пiлiгчi*, *köriгчi*. Образы женщин, умеющих предсказывать будущее, благословляющих главных героев на подвиги, давая ценные советы, есть героини сказаний, умеющих исцелять, лечить богатырей. Много в эпосе женщин, умеющих перевоплощаться в различных птиц и зверей. Богатырки, имеющие «птичье» одеяние, являются переходными, когда образ зооморфных помощников уходит, вера, связанная с тотемом-предком, потихоньку угасает, на смену приходят образы женщин-помощниц и советниц эпического богатыря. В древних хакасских сказаниях образ мужчины-шамана встречается редко. Как мы знаем, данный герой был введен намного позднее, когда помощь шамана, имеющего девять бубнов, стал необходим. В сказании «Хубан Арыг» вводится образ Толгайхама, описано подробное камлание шамана с девятью бубнами. Мы считаем, что данный эпизод более позднее привнесено в тело эпоса, тем более традиции жанра это позволяют.

IMAGE OF A SHAMAN IN KHAKASS HEROIC EPIC (ON THE EXAMPLE OF S.I. SHULBAEV'S TALES)

Y.I. Chaptykova

Khakass research institute of language, literature and history, Abakan (Russia)

For the first time, this article examines the image of a shaman in tales recorded from Khakass storyteller S.I. Shulbaev. In heroic epic of the Khakass, the types of women, who are knowledgeable in all three worlds, who have magical knowledge, magical objects, are often found. The narrator designates them with words *piligchi*, *kyorigchi*. Images of women who can predict the future, bless the main characters for feats, give valuable advice. There are heroines of tales who can heal, treat heroes. There are many women who can transform into various birds and animals. Women-heroes who have a "bird" attire are transitional, when the image of zoomorphic assistants goes away, the faith associated with an ancestor-totem slowly fades, the images of women-assistants and advisers of an epic hero come to replace them. In ancient Khakass tales, the image of a man-shaman is rare. As we know, this hero was introduced much later, when the help of a shaman with nine tambourines became necessary. In tale "Khuban Aryg" the image of Tolgai-Kham is introduced, a shaman's *kamlanie* with nine tambourines is described in detail. We believe that this episode was later introduced into the body of epic, especially since the traditions of the genre allow it.

Алыптыг нымах — один из наиболее объемных жанров хакасского фольклора, который отражает представления народа о мироздании и имеет огромную культурную и эстетическую значимость. Хакасский героический эпос является одним из самых древнейших, о чем свидетельствует наличие в нем культурных героев, умеющих исцелять людей целебными травами и «живой» водой; женщины или седые старцы, мудрость которых позволяла вести за собой род.

Непосредственные контакты между алтайцами, хакасами, тувинцами и шорцами никогда не прерывались, их исторические судьбы, несмотря на разбросанность по огромной территории Алтая и Саян и удаленность друг от друга, тесно переплетались в течение веков. Поэтому в их фольклоре, в частности в героическом эпосе, есть много общего. Буряты также не теряли своей связи с племенами восточных тюрков, особенно с предками современных хакасов и тувинцев (а через них и с племенами Алтая).

С указанными народами якуты поддерживали связь в глубокой древности, когда находились на «южной» родине — в Прибайкалье, в Приангарье. Переместившись на свою нынешнюю родину (средняя Лена), они потеряли связи со своими былыми соседями — тюрко-монгольскими народами [2, с. 85]. Шаманизм как форма религии присутствовал у всех вышеперечисленных народов.

В хакасском языке человека с особым складом нервной системы и психики, который позволяет ему вступать в прямое взаимодействие с миром духов, обладающего специальными знаниями, называли хам «шаман» [3, с. 795]. Также людей со способностью предвидения, способных общаться с духами, называли *пiligчи* «знахарь, экстрасенс, предсказатель» [3, с. 336]; третье значение слова *korigchi* «знахарь, сведующий» [3, с. 206]. Шаманы могли следить за событиями, которые происходили за многие километры от них, а также за тем, что творилось в ином мире.

В героическом эпосе хакасов образы таких женщин, сведущих во всех трех мирах, обладающих магическими знаниями, волшебными предметами, встречаются часто, сказитель обозначает их словами *пiligchi*, *korigchi*. В древних хакасских сказаниях образ мужчины-шамана встречается редко. Как мы знаем, данный герой был введен намного позднее, когда помощь шамана, имеющего девять бубнов, стал необходим.

В данной статье, прежде чем рассмотрим образ шамана, подвергнем анализу тип женщин в хакасском героическом эпосе, которые выступают помощницами и советчицами богатыря. Часто встречаются образы женщин, умеющих предсказывать будущее, благословляющих главных героев на подвиги, давая ценные советы. Есть героини *алыптыг нымахов*, умеющие исцелять, лечить богатырей. В отличие от якутского и бурятского эпоса, где такой тип женщин определяется как удаганки (шаманки), в хакасских героических сказаниях данные героини называются *пiligchi* (знахарка, экстрасенс, предсказательница). Образ подобных женщин в хакасской фольклористике специально не рассматривался.

В *алыптыг нымах* встречается много героинь, умеющих перевоплощаться в различных птиц и зверей. Богатырки, имеющие «птичье» одеяние, являются переходными, когда образ зооморфных помощников уходит, вера, связанная с тотемом-предком, потихоньку угасает, на смену приходят образы женщин-помощниц и советниц эпического богатыря. В героическом сказании «Хан Орба» встречается интересный образ Алтын Харлых, являющаяся родословницей рода Хан Орба, которая в течение жизни трех поколений защищает, оберегает родственников. Она владеет «птичьей» одеждой, обладает магическими знаниями, знаниями о будущем. Кроме того, она сильна, мужественна,

в силе не уступает мужчинам богатырям. В нужный момент может добавить силу богатырю, бросив в рот яйцо либо масло. Так, в сказании «Хан Орба» Алтын Харлых в момент борьбы Хан Миргена с Хара Мартхой, когда он проигрывает, закидывает в рот брата мягкое вещество в виде масла. Благодаря своевременной помощи Хан Мирген одержал победу над соперницей и остался жив. Данный вид помощи женщин-целительниц часто встречается в хакасском героическом эпосе.

Обычно женщины — защитницы рода, девы-воительницы, такие как в сказаниях С.И. Шулбаева Хан Орба, Алтын Харлых, Хубан Арыҕ, и общеизвестные Алтын Арыҕ и Ай Хуучин не имеют семьи, они волею божеств обречены на одиночество. Им предписано защищать родовые владения, помогать в бою с врагами богатырям, заступаться и помогать вернуть владения, народ богатырям, не жаждущим наживы. В якутском эпосоведении А.Н. Данилова в сопоставительном плане рассмотрела образ женщины-богатырки с девами-воительницами эпических сказаний бурят, башкир, хакасов и алтайцев [1].

Хан Орба является сильнейшей богатыркой среднего мира, ее вызывают на бой с сильнейшей богатыркой нижнего мира Хазыр Ноҕас, представители двух миров наблюдают за сражением сильных. Богатырка Хан Орба победила соперницу в тяжелейшей борьбе. В героическом эпосе светлые силы всегда одерживают победу над темными.

Введенный сказителем образ богатырки Алтын Чачах поражает, героиня кажется сильнее главной героини, она насквозь видит людей, будто сканируя, характеризует богатырей:

Алып Алтын Чачах хыс	Дева-богатырка Алтын Чачах
Хан Орбаны сынап көргөн:	Пригляделась к Хан Орба:
Сынып парчаң сөбгү чох,	Без костей, что могли сломаться,
Хызарып ахчаң ханы чох	Без крови, что могла, краснея, течь,
Хыс пала төреен полтыр.	Оказывается, девочка родилась.
Хан Миргенни сынап көргөн:	Присмотрелась к Хан Миргену:
Күзү илбек, туюх пастыҕ,	Полный сил, умом невелик,
Күлүк кизи полган полтыр.	Могучим человеком оказался.
Хацан туста Хан Мирген	Во время, когда узнала, что Хан Мирген
Ах сарааттыҕ Ай Арыҕ хысты	На деве Ай Арыҕ на соловом коне
Алып хонарын піл салган.	Будет жениться.
Ай Арыҕ хысты сынап көргенде,	К деве Ай Арыҕ пригляделась,
Артых полтыр Хан Миргеннен,	Лучше Хан Миргена оказалась,
Арыҕ сағыстыҕ, көп пілігчи,	С чистыми помыслами, большими знаниями
Чалгыс кизи чаҕбан паарлыҕ,	Одинокий человек с доброй душой,
Өкіс кизи нымзах чүректіҕ,	Сирота — с добрым сердцем,
Аннаңар Алтын Чачах хысха,	Поэтому к деве Алтын Чачах
Киліп, полыс ит парча. [4, с. 91]	Приезжает помочь.

Интересен образ Хара Мартхи из сказания «Хубан Арыҕ», дочери брата главного героя, которая имеет двойственную природу: месяц со светлыми мыслями, месяц — с бесовскими. Такие богатыри обычно рождаются, если один из родителей происходит из нижнего мира. Примечательно, что Хара Мартха также владеет магическими предметами и использует для благих дел волшебный белый платок. Расстелив на золотом столе белый шелковый платок, они с Хара Ханом увидели, что творится в нижнем мире, что «живая» стрела уничтожает все на своем пути, остановить ее пытается белая священная собака и девочка в красном шелковом платье. Главный герой Хара Хан, не зная времени превращения Хара Мартхи в богатырку с темными мыслями, чуть не погиб от ее рук. В изучении особенностей восприятия мира героями хакасского эпоса важно учитывать и такой принцип их анализа, как биполярность. Так, в вышеуказанном сказании в образе богатырки, месяц бывшей «светлой», а следующий — «темной», с очевидностью проявляется наличие бинарной оппозиции светлое — темное. Таким образом, уже на одном этом примере можно утверждать, что и в мифологии хакасов отражен закон бинарных оппозиций. Образ женщин, имеющих магическое в сказаниях, записанных от С.И. Шулбаева, много, каждая имеет свое предназначение, но необходимо показать и образ шамана, которого подробно описал талантливый сказитель.

В сказании «Хубан Арыҕ» вводится образ шамана Толҕай-хама, имеющего девять бубнов. Впервые о существовании шамана Хара Хан, главный герой сказания, узнает от пестрого быка, он советует прислушаться к словам всеведущего Толҕай-хама, который пошаманив, даст дельный совет. Он живет внутри девятигранной черной скалы на границе среднего и нижнего миров. Хара Хан обратился к нему с просьбой предсказать исход поездки в нижний мир. Интересно описание камлания Толҕай-хама, который использует все девять бубнов, чтобы ответить на вопрос богатыря:

Орбазын хаап, оң холына тутхан.
Пастағы түүрін сол холға тудып,
Ахсын азынып, изеп алған.
Ала хараан ай чілі чарыда көрген,
Ах чалын от көйгіскен.
Ікі хараан күн чілі палыңнада көрген,

Көк чалын от көйгіскен
Хартыға чілі хазайта көрген,
Ўгү чілі үлейте ол көрген.
Түүрін саап, хамнап сыххан,
Улуғ күгүрт хан тигірге,
Улуғ нызырт
Хырых там чир алтына истіл турған.
Пастағы түүрі
Пір нима сизинмеен,
Пір нима чоохтабаан.
Читі түүрге чигіре хамнаан,
Пір чоох чоохтабаан,
Пір сөс сөлебин салған.
Тоғыс түүрліг Толғай хам, тарынып,

Уламох харағын улуғ көрген,
Уламох тың хамнап сыххан.
Чир чалбахтың үстүнде
Улуғ күгүрт, улуғ нызырт полып тур.
Улуғ тағлар күүлес тур,

Улуғ суғлар соолап тур.
Сигізігчі түүрін хаап,
Хазыр хамнап сыххан. [5, с. 34]

Схватив колотушку, взял в правую руку.
Первый бубен, взяв в левую руку,
Открыв рот, позевал.
Светлыми глазами, как месяц, посмотрел,
Белое пламя огня зажег.
Двумя глазами, как солнцем сверкая,
взглянул,
Синее пламя огня зажег.
Взглянул острым взглядом, как ястреб,
Как сова, зорко посмотрел.
Стуча в бубен, камлать начал,
Сильным громом на небе,
Сильным грохотом
Слышался под сорока слоями земли.
С первым бубном
Ничего не заметил,
Ничего не сказал.
До семи бубнов шаманил,
Ничего не промолвил,
Ни одного слова не сказал.
Толғай хам с девятью бубнами,
рассердившись,
Еще глаза шире раскрыл,
Еще сильнее камлать начал.
На поверхности земли
Сильно загремело, сильно загрохотало.
Высокие горы загудели,

Большие реки зашумели.
Восьмой бубен схватив,
Грозно стал камлать.

Даже в этой части мы видим, как природа помогает в камлании шаману, далее сказитель подробно рассказывает про действия Толғай-хама при использовании восьмого и девятого бубнов. Описывает места, действия, которые будут происходить в преисподней. Что необходимо предпринять, чтоб вернуться живым и невредимым, дает советы богатырю, как преодолеть препятствия, одолеть противника.

Таким образом, сказание «Хубан Арығ» уникально тем, что в нем наряду с образом шамана существуют и образы зооморфных помощников: белой священной собаки и пестрого быка, женщин-защитниц, предсказательниц. Мы считаем, что образ шамана в данном сказании привнесен позднее, тем более традиции жанра это позволяют. Героический эпос разнообразен по стадияльно-типологическим признакам, предоставляет широкие возможности для исследования сложных вопросов формирования и развития его основных категорий.

Литература

1. Данилова А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2008. — 21 с.
2. Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) / АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. Якутск, 2003. — С. 84-141.
3. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. — Новосибирск: Наука, 2006. — 1114 с.
4. Хан Орба: Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева / подг. к изд. А.К. Майтаковой. — Абакан: Хакас. изд-во, 1989. — 208 с.
5. Хубан Арығ. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева / литобраб. А.К. Майтаковой. — Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1995. — 192 с.

Сведения об авторе:

Чаптыкова Юлия Иннокентьевна, кандидат филологических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, старший научный сотрудник (Абакан, Россия)

СЕКЦИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

Модераторы: **Бармин Валерий Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)
Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Н.А. Васильева¹, З.З. Бахтуридзе², С.Н. Погодин²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург (Россия)

Статья посвящена осмыслению евразийских интеграционных процессов и анализу значения Алтая в контексте происходящих изменений. Авторы отмечают значимость региона Большого Алтая для укрепления позиций России и развития связей в азиатском направлении. В качестве выводов отмечается, что Большой Алтай может сыграть важную роль в качестве площадки для отработки методов и проектных идей становления динамичной Большой Евразии.

GEOPOLITICAL SIGNIFICANCE OF GREAT ALTAI IN THE INTEGRATION PROCESSES OF GREATER EURASIA

N.A. Vasilyeva¹, Z.Z. Bakhturidze², S.N. Pogodin²

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

²Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg (Russia)

The article is devoted to the comprehension of the Eurasian integration processes and the analysis of the significance of Altai in the context of the ongoing changes. The authors note the importance of the Greater Altai region for strengthening Russia's position and developing ties in the Asian direction. As a conclusion, it is noted that the Greater Altai can play an important role as a platform for developing methods and project ideas for the formation of a dynamic Greater Eurasia.

Актуальность данной темы определяется возросшим значением восточно-евразийского вектора во внешней и внутренней политике России. Это нашло отражение в становлении концепции «Большая Евразия». Как отмечает С.А. Караганов, впервые этот термин был озвучен руководителем Сингапура Ли Кван Ю на одном из заседаний консорциума институтов и университетов из России, Китая, Сингапура, Японии, Республики Корея, Норвегии по международной научной поддержке развития Россией Сибири и Дальнего Востока (2013–2017 гг.). В проходивших научных дискуссиях постепенно складывалась общая позиция по вопросу о формировании в перспективе нового экономического, политического и культурного пространства — Большой Евразии — от Владивостока (Шанхая) до Лиссабона [6, с. 9]. Как результат, эта концептуальная идея получила развитие во внешнеполитической линии российского руководства, что было сформулировано в Послании Президента Федеральному Собранию (2015) в форме «инициативы о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые присоединятся к ШОС» [8, с. 61].

Научная дискуссия о становлении «большого евразийского партнерства», «общего евразийского экономического пространства» [4, с. 34–35; 11, 12] проходит на различных научных конференциях и форумах, как в России, так и в академических кругах евразийских государств. В частности, по мнению российских авторов, формирование регионального международного сообщества «Большая Евра-

зия» «является объективной реальностью и одной из важнейших составляющих развития международных отношений первой половины XXI в. Кроме того, оно служит одним из самых важных, если не центральным, приоритетом внешней политики России и будет оставаться таковым в перспективе как минимум нескольких десятилетий. Появление этого сообщества — рубежный сдвиг развития и России, и ее места в мире, и мира в целом» [10, с. 17]. При этом важно подчеркнуть, что в последнее время в этих дискуссиях определенное важное место занимает проблематика возрождения цивилизационных связей Востока и Запада Евразии, которые находят свое отражение в проектах сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс — один путь». В этом интеграционном варианте сотрудничества в рамках Большой Евразии особое место занимает Большой Алтай, который исторически был важным экономико-культурным перекрестком Великого шелкового пути. Важно подчеркнуть, что понятие «Большой Алтай» имеет не только географическую составляющую, но и историко-этнографическую, поскольку этим понятием обозначается место культурно-цивилизационной интеграции народов Большой Евразии. Как отмечает Е.А. Мушникова, «пространственно-географически Алтай — это место, где сходятся границы четырех стран: России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана (Восточный Казахстан), Монголии (Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки) и Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Этот обширный приграничный регион часто называют «Большой Алтай». Понятие «Большой Алтай» закрепилось и за проектом сотрудничества приграничных регионов России, Монголии, Китая и Казахстана» [7, с. 100]. Исследовательская тема «Большой Алтай» также является частью общей научной дискуссии о воссоздании после многовекового провала пространства цивилизационного сотрудничества Большой Евразии [3, с. 32].

Интеграционную значимость региона Большой Алтай можно рассмотреть в широком (геополитическом) и узком (региональном) понимании. Следует отметить, что в научно-практическое поле понятие «Большой Алтай» было введено в 2000 г. в ходе конференции «Сибирь в структуре трансасиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия» [2, с. 31].

Анализируя геополитическое значение региона, необходимо отметить, что Большой Алтай с древнейших времен играл особую роль в развитии Евразии, а «основное содержание данной роли — генерирование импульсов, оказывающих мощное воздействие на развитие народов, проживающих на территории континента» [2, с. 31]. Также в геополитическом формате Большой Алтай важен своим срединным географическим положением, что дает возможность России развивать интенсивные связи с азиатским глобальным регионом путем вовлечения центральноазиатских государств в евразийское партнерство путем создания системы экономических связей в рамках ЕАЭС.

В региональном плане Большой Алтай создает важные предпосылки для интенсификации приграничных связей. Еще в 1998 г. со стороны Китая поступило предложение о создании Восточно-Среднеазиатской зоны. Предполагалось, что объединение потенциала всех территорий Алтайского региона интенсифицирует развитие в социально-экономической области. В 2003 г. было подписано Соглашение о создании Международного координационного Совета «Наш общий дом — Алтай». Эта инициатива объединила шесть приграничных регионов — Алтайский край и Республика Алтай, Восточно-Казахстанская область, Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки Монголии, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

Международный координационный совет (МКС) «Наш — общий дом Алтай» реализовал ряд международных проектов, такие как «Международная летняя Школа студентов Алтайского региона», Детская общественная экологическая экспедиция «Начни с дома своего», Совет ректоров вузов Большого Алтая, Международный туристско-спортивный фестиваль «Большой Алтай», кольцевой туристический маршрут «Золотое кольцо Алтая», информация об этих достижениях размещена на официальном сайте совета¹. Несомненно, проекты способствовали как обмену опытом в различных сферах (экология, туризм, охрана природы), так и выстраиванию научных связей.

Таким образом, деятельность Международного координационного Совета принесла плоды: возросла интенсивность академических контактов между вузами региона, уже реализовано несколько фундаментальных трансграничных исследований Алтая при поддержке международных научных Фондов и правительств четырех стран, а также можно говорить об усилении контактов между предпринимательскими кругами и активном развитии трансграничного туризма и контактов на уровне простых межличностных отношений [1, с. 48].

В целом, в интеграционных проектах «Большого Алтая» обозначились два основных направления: «сторонники первой заявили о необходимости превратить алтайскую горную систему в своего

¹ Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай». [Электронный ресурс]. — URL: <http://altainter.alreg.ru/union-projects>

рода «зону покоя», приостановить на ее территории крупномасштабные хозяйственные проекты, а интеграционные усилия направить в первую очередь на создание трансграничной сети заповедников и на туризм», а второе направление предполагало экономическое сотрудничество по все стороны границы и приоритетное развитие инфраструктуры [9, с. 36].

Таким образом, сложно не согласиться с тем, что развитие территории Большого Алтая позволяет «говорить о его значительном потенциале и о том, что этот потенциал до настоящего времени используется далеко не в полной степени» [9, с. 36].

Вместе с тем необходимо понимать, что перед Алтаем, с одной стороны, несомненно, открыты широкие возможности для развития, но с другой стороны — они же и несут определенные риски, которые можно считать достаточно существенными. Вполне вероятным сценарием может стать обострение конкурентной борьбы между государствами и цивилизациями, рост миграционных потоков, а вслед за ним — усиление конфликтности. Ко всему прочему, «ситуацию усугубляет традиционное стремление Запада помешать объединению евразийских цивилизаций», что «несет угрозу целенаправленной организации конфликтов и точек напряжения» [5, с. 23].

Выводы по рассмотренной теме можно сформулировать следующим образом. Во-первых, Россия занимает центр и север Большой Евразии, что для ее политико-экономического развития является важным объективным условием роста ее значимости как связующим транспортным и экономическим звеном Большой Евразии. Во-вторых, исторически сложившиеся цивилизационные связи России с Западом и Востоком нуждаются в современном интеграционном использовании. В-третьих, регион Большого Алтая может стать важной площадкой для отработки методов и проектных идей становления динамичной Большой Евразии, где могут найти свою реализацию концептуальные идеи «Большая Евразия, как геоэкономическая общность», «Азия для Азии» и пр. Однако реализация проектов в регионе требует полного осознания ответственности, а значит — постоянного контроля процессов и тенденций, управляемого развития в контексте формирования новых структур миропорядка и с целью поддержания мира и благополучия в регионе.

Литература

1. Алтайский вектор евразийской интеграции: материалы «круглого стола». — М.: Издание Государственной Думы, 2020. — 112 с.
2. Бойко В.С., Кожирова С.Б. Большой Алтай: межрегиональное сотрудничество в контексте интеграционных процессов в Центральной и Южной Азии // Большой Алтай — перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. — С. 30–38.
3. Большой Алтай — перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. — 157 с.
4. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. — 2018. — Т. 13. — № 3. — С. 33–51.
5. Вакаев В.А. Алтай как «сердце Евразии»: геополитический аспект // Социокультурный потенциал и перспективы развития Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии: материалы Международной научно-практической конференции. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2019. — С. 19–23.
6. Караганов С.А. Россия — возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. — 2019. — № 148. — С. 9–15.
7. Мушникова Е.А. Межкультурный диалог в регионе Большой Алтай // Grand Altai Research & Education / Nauka i obrazovanie Bol'sogo Altaia: сетевое издание». 2018, выпуск 2 (9). [Электронный ресурс]. — URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2018/2/articles/5_5.pdf С. 100–104 (дата обращения: 12.08.2021).
8. Российско-китайский диалог: модель 2017. Доклад Российского совета по международным делам № 33/2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
9. Старцев А.В. Проект «большой Алтай»: историческая ретроспектива и современное состояние // Развитие территорий. — 2016. — № 1 (4). — С. 29–37.
10. Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. — 2019. — № 148. — С. 16–53.
11. Цветов А. Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. 17 октября 2017. Московский центр Карнеги. [Электронный ресурс]. — URL: <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>
12. The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.chathamhouse.org/event/eurasia-rising-new-world-order> (дата обращения: 09.08.2021).

Сведения об авторах:

Васильева Наталия Алексеевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Мировая политика», Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n52basil@gmail.com

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, доктор политических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: zeinabb1000@list.ru

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pogodin56@mail.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗА РАБИС (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСКОЙ АССР 1919–1929-х гг.)

Е.Ю. Рахматулина^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»

В статье рассмотрены этап становления и первые годы деятельности профсоюза работников искусств (Рабис) на территории Казахской АССР в 1919–1929-е гг. Посредством анализа организационных, структурных, нормативно-правовых основ деятельности профсоюзных организаций Оренбургской, Уральской и Семипалатинской губерний КАСР показаны особенности формирования общереспубликанского Рабис. Определяющими факторами процесса формирования Рабис в этнорегионе выступили: крайняя малочисленность сложившихся профессиональных творческих коллективов и отсутствие разветвленной художественной инфраструктуры дореволюционного периода. Данные факторы предопределили незначительность социальной базы республиканского профсоюза, вызвали трудности организационного, кадрового и методического характера этапа становления. Вместе с тем исследование показало тесную связь республиканского и общероссийского профсоюзного движения, модернизационный характер Рабис, его практическую и социальную направленность деятельности.

HISTORY OF CREATION AND THE FIRST YEARS OF ACTIVITY RABIS TRADE UNION (BASED ON THE MATERIALS OF THE KAZAKH ASSR OF THE 1919–1929-ies.)

E.Y. Rakhmatulina^{1,2}

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

The article considers the stage of formation and the first years of activity of the trade union of art workers (Rabis) in the territory of the Kazakh ASSR in the 1919-1929-ies. By analyzing the organizational, structural, regulatory and legal bases of the activities of trade union organizations of the Orenburg, Ural and Semipalatinsk provinces of the KASSR, the features of the formation of the all-Republican Rabis are shown. The determining factors of the process of forming Rabis in the ethnoregion were: the extreme small number of established professional creative collectives and the lack of an extensive artistic infrastructure of the pre-revolutionary period. These factors determined the insignificance of the social base of the republican trade union, caused difficulties of the organizational, personnel and methodological nature of the formation stage. At the same time, the study showed a close connection between the republican and all-Russian trade union movement, the modernizing nature of Rabis, its practical and social orientation.

Как известно, профсоюзная организация работников искусств Республики Казахстан насчитывает богатую историю развития, связанную с социально-политическими изменениями послереволюционной эпохи. Несмотря на данное положение в советской и современной казахстанской историографии проблематика формирования республиканского профсоюза Рабис, специфика процесса разработаны слабо, упор сделан на изучение истории профсоюзов отраслей тяжелой промышленности, железной дороги, медицины и т.д. В этой связи мы попытались проанализировать особенности становления профсоюза Рабис в этнорегионе, сопряженные с основными

организационными, структурными и профессиональными аспектами деятельности организации в период 1919–1929 гг.

Первые организации профсоюзов работников культуры Киргизского (Казахского) края возникли в период Гражданской войны в конце 1919 — начала 1920-х гг. в крупных административных центрах и районах к ним тяготевшим: в Оренбурге (столице автономии до 1925 г.), Уральске и Семипалатинске. На базе оренбургского отдела Рабиса в течение 1919, 1920 гг. неоднократно созывались первые конференции работников искусств, на которых присутствовали представители Актюбинска, Кустаная, Акмолинска и других районов. Союз Рабис в г. Оренбурге с вхождением в Общероссийское объединение был образован 2 сентября 1919 г., куда вошли 134 человека различных отраслей производства. В Уральске Союз Рабис был основан на базе Союза Арт-Фото-Кино и профессионального Союза музыкантов в 1919 г., параллельно появлялись уездные отделения в Гурьеве, Илеке, Калмыкове. В Семипалатинской губернии на базе русской драматической труппы, украинской труппы, коллективов хора и кинотеатра 16 февраля 1920 г. был основан Семипалатинский губернский Союз искусств, за которым последовала организация уездных отделений в Усть-Каменогорске, Павлодаре и Бухтарме [12, с. 121–132].

По замечаниям современников, начальный этап для региональных профсоюзов проходил в тяжелейших условиях лишений и нехватки самых необходимых материалов. Так, с трудностями столкнулся Семипалатинский губернский Союз искусств, что было определено отсутствием методической помощи из ЦК Всерабиса, закрепленного административного помещения и фактического противодействия в работе со стороны местного комитета Народного образования. Слабая связь центра с уездными отделениями вследствие расстояний в 250–500 верст, а также конфликты с Губернским отделом народного образования, плохой транспорт и отсутствие профессионалов в уездных отделах, кроме Гурьевского, были характерными явлениями для Уральской губернии [12, с. 127–132].

25 января 1921 г. состоялось первое совещание профсоюзов Казахстана при поддержке Оренбургского губпрофсовета. Совещание наметило конкретные меры улучшения работы, определило состав Киргизского (Казахского) Бюро Всероссийского Центрального совета профессиональных Союзов (ВЦСПС), членами которого были избраны Заромский, Журевский, Глуховский и Маркович [13]. 18 октября 1921 г. в Оренбурге прошла первая краевая конференция профсоюзов Казахстана, где особое внимание было уделено организационному укреплению объединений. Делегатами конференции был избран новый руководящий состав Киргизского (Казахского) бюро ВЦСПС. По существу, конференция стала отправной точкой к формированию единой сети профсоюзов республики.

Отрицательными последствиями для профсоюзных организаций центра и этнорегиона обернулось слияние Всерабиса и Всероссийского профсоюза работников просвещения (Всеработпроса), инициированное в январе 1921 г. Президиумом ВЦСПС [14, с. 20]. В результате чего произошло падение общей численности членов Рабис на местах, ухудшилось регулирование отрасли. После проведения анализа и учета негативных итогов шестимесячной работы в общем Союзе, 13 мая 1922 г. Президиумом ВЦСПС была подписана резолюция о восстановлении статуса Всерабиса и Всеработпроса как отдельных организаций. Как следствие, в регионах были осуществлены повторная регистрация членов организаций и перевыборы Правлений. Воссозданные профсоюзные организации работников искусств объединили представителей театров, оркестров, кинотеатров, художественных студий. По профессиональным группам численно преобладали театральные актеры и работники кинотеатров. В структуре Союза выделялись местные комитеты, уездные и губернские отделения.

Общее количество членов профсоюзной организации в начале 1920-х гг. достигало нескольких сот человек, однако их распределение по губерниям было неоднородным. Наибольшей численностью отличалась Оренбургская губерния — 444 человека, в Семипалатинской зарегистрировано — 169, в Уральской губернии — 112 [5, с. 98; 16, с. 106; 4, с. 280]. Значительная численность по Оренбургской губернии объяснялась сформированностью региональной художественной инфраструктуры, наличием широкого спектра отраслевых бюро. Так, в составе губернского профсоюза выделялись бюро театральных работников, оркестрантов, музыкантов, присутствовали Народные артисты КАССР и Герои труда [12, с. 122]. В то же время вовлеченность в профсоюзное движение коренного населения автономии была крайне незначительной, например, в Семипалатинской губернии за период 1924–1926 гг. не было зарегистрировано ни одного представителя коренного этноса [4, с. 280].

К 1925 г. проблема вовлечения коренных национальностей в профсоюзное движение была обозначена и на Всесоюзном уровне. Действительно, вовлеченность казахского населения в общее профсоюзное движение республики была незначительна. На 1 января 1923 г. во всех профсоюзах республики насчитывалось 3 181 чел., или 5,8% всех членов-казахов. К 1929 г. в результате различных ме-

роприятий (проведения разъяснительных собраний, направления специалистов на обучение в центральную Россию) численность участия коренного населения в профсоюзном движении увеличилась, составляя в совокупности 25%. Незначительно выросла численность республиканского Рабис, профсоюз постепенно приобретал черты многонационального. Хотя в составе по-прежнему заметно преобладали русские 80,59%, доля казахского этноса составила 3,93%, общая численность членов организации достигла 917 человек [7, с. 173].

Отметим, что одним из первых нормативных документов, призванных регламентировать трудовую деятельность и упорядочить систему поощрения работников культуры, был принятый в сентябре 1920 г. ВЦК Всерабиса документ «Положение о премировании работников художественного труда работников искусств» [10, с. 38–39]. Положение детально регламентировало основания и процедуру премирования работников искусств, определяло формулы расчета премии, а также штрафные санкции за нарушение трудовой дисциплины. Несмотря на небольшой срок действия по 31 декабря 1920 г. его введение явилось определяющим фактором трудовой жизни интеллигенции, призванным унифицировать трудовые требования по всем губернским и уездным учреждениям, мобилизовать работников в тяжелый период Гражданской войны.

С завершением Гражданской войны в республике были созданы условия для распространения коллективных договоров [9, с. 43]. Вводимая практика отразила важный модернизационный аспект становления системы социальной защиты работников культуры, принятый на государственном уровне. 16 марта 1922 г. Наркомтруд СССР объявил коллективные договоры «основным методом регулирования труда» [6, с. 126]. В том же году был введен новый Кодекс законов и труде, содержащий определение коллективного договора, под которым понималось соглашение, заключенное между профессиональным союзом как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем — с другой [6, с. 127]. К 1927 г. процент охваченных договорами по Казахстану предприятий, в том числе среди учреждений культуры, равнялся 85–90% [1, с. 8].

Острейшей проблемой профсоюза Рабис 1920-х гг. стала борьба с голодом. В задачи Центрального и местного фондов помощи безработным входила выдача денежных пособий (однократно, в размере от 2 до 5 рублей), организация медпомощи, устройство столовых и общежитий. Данными видами помощи могли пользоваться только члены профсоюзной организации [11, с. 38]. Также на местах Союз организовал помощь своим более нуждающимся членам постановкой спектаклей, добровольным перечислением процентов с заработной платы. Например, в Уральске члены профсоюза Рабис помимо агитационной и финансовой поддержки голодающим отвечали на материальные запросы рабфаков, занимались поддержкой голодающих Германии, принимали участие в организации «Дома крестьянина», вели культурно-шефскую работу над Красной Армией [12, с. 133]. Также местные профсоюзы добивались и того, чтобы всю сверхурочную работу выполняли безработные члены профсоюза работников искусств [15, л. 3–4].

На контроле профсоюзов было и решение важного тарифного вопроса. Фактически уровень заработной платы деятелей искусства региона зависел от бюджетных ресурсов, подчас очень скромных. С 1925–1926 бюджетного года начала проводиться реформа в области регулирования заработной платы в учреждениях культуры. Реформа основывалась на новом принципе, вместо определения заработной платы по коллективным договорам, устанавливались твердые должностные оклады [3, с. 222].

Большие задачи выдвигались перед профсоюзами в области культурно-просветительной работы. Распространенной формой деятельности стала шефская работа среди населения, в аулах и деревнях, культармейцы проводили среди населения беседы, читки, организовывали клубы и кружки.

В 1923 г. было образовано Центральное правление профсоюза работников искусств, что стало серьезным шагом в развитии отраслевого профсоюза [8]. В то же время в связи с изменениями территориальных границ автономии (к республике были присоединены две новые губернии — Джетысуйская, Сыр-Дарьинская и Кара-Калпакская область, к РСФСР отошла Оренбургская область) организационный период для республиканского профсоюза не был завершен. Важными вехами организационного этапа Рабис стали также решения республиканских съездов 1925–1929 гг., обсуждавшие

насуточные вопросы экономического положения, организационные задачи, культурно-просветительскую работу [2, с. 42].

Таким образом, анализ материалов показывает, что формирование профсоюза работников искусств на территории Казахской АССР в 1920-е гг. проходило в русле общероссийского профсоюзного движения и было обусловлено стремительными социальными трансформациями, вызванными революционной эпохой. При общих предпосылках процесс становления профсоюза Рабис в этнорегионе отличался рядом важных аспектов: малочисленность профессиональных творческих коллективов дореволюционного периода предопределило слабость социальной базы профсоюза в 20-е гг. XX в., вызвало значительные трудности кадрового и методического характера. Однако благодаря выстроенному комплексу мер на государственном уровне, в том числе введению основополагающих нормативно-правовых документов, масштабному проведению коренизации профсоюзного движения, а также целенаправленной организационной политике удалось скоординировать действия в профсоюзной отрасли, сформировать к концу 1920-х гг. республиканскую структуру Рабис.

Литература

1. Аселкан А.А. Профсоюзы Казахстана в период первой пятилетки: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Алма-Ата, 1968. — 19 с.
2. Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Профсоюзы советского Казахстана. Краткий исторический очерк. — М., 1961. — 176 с.
3. ВЦСПС. Профессиональные союзы СССР: Отчет ВЦСПС к VII съезду профессиональных союзов — М., 1924–1928. — 455 с.
4. Движение числа членов профсоюзов Семипалатинской губернии // Ежегодник Семипалатинской губернии. Обзор за 1925–1926 гг. — Семипалатинск, 1927. — 429 с.
5. Движение членов профсоюзов Уральской губернии с 1922 г. по 1/VII –1924 г. // Статистический справочник по Уральской губернии. Вып. 1. Казакская АССР. — Уральск, 1925. — 111 с.
6. Кулешов Г.Н. История становление институтов коллективных договоров в России // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 2. — С. 126–128.
7. Национальная политика ВКП (б) в цифрах. — М., 1930. — 328 с.
8. Общественное объединение «Казахстанский отраслевой Профессиональный Союз работников культуры, спорта, туризма и информации». [Электронный ресурс]. — URL: <https://kasiptik-odaq.kz/istoriya/> (дата обращения: 18.01.2021).
9. От союзов — к Профсоюзу. История и современный этап развития. — М., 2010. — 556 с.
10. Положение о премировании работников художественного труда работников искусств // Вестник работников искусств. —1920. — № 1. — С. 38–41.
11. Положение о центральном и местных фондах помощи безработным // Вестник работников искусств. — 1923. — № 7–8. — С. 38–39.
12. Пять лет Всерабиса: 1919–1924: исторический очерк. — М., 1924. — 148 с.
13. Селкебаева А.Т. Профсоюзы Республики Казахстан в 20–30-е гг. XX в. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusnauka.com/pdf/283462.pdf> (дата обращения 18.02.2021).
14. Сибиряков И.В. Профсоюз и искусство — совместимая несовместимость // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 3 (81). — С. 12–22.
15. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. — Ф. 112. — Оп. 1. — Д. 24.
16. Численность членов Профсоюзов по Оренбургской губернии за 1925 г. // Статистический справочник Оренбургской губернии. — Оренбург, 1926. — 149 с.

Сведения об авторе:

Рахматулина Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); заместитель директора по выставочной работе, ВКО архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: kalina200778@mail.ru

ПРОФЕССОР А. ИНАН И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Т.М. Аюпов

Алтайский государственный медицинский университет, г. Барнаул (Россия)

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»

Доклад посвящен проблеме изученности творческого наследия известного турецкого ученого башкирского происхождения Абдулкадира Инана (1889–1976) на постсоветском пространстве. В нем кратко освещается биография профессора и оценивается его вклад в популяризацию памятников древнетюркской литературы за рубежом и развитие среднеазиоведения в целом.

PROFESSOR A. INAN AND HIS CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE HISTORY AND CULTURE OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA

T.M. Aiupov

Altai State Medical University, Barnaul (Russia)

The report is devoted to the problem of the study of the scientific heritage of the famous Turkish scientist of Bashkir origin Abdulkadir Inan (1889–1976) in the post-Soviet space. It briefly highlights the biography of the professor and assesses his contribution to the popularization of monuments of ancient Turkic literature abroad and the development of Central Asian studies in general.

Абдулкадир Инан известен как выдающийся языковед, ученый-тюрколог с мировым именем, литератор, активный общественный деятель и участник национально-освободительного движения. Наиболее плодотворный период его деятельности пришелся на годы эмиграции, в Турции, где им было написано значительное количество научных трудов, в том числе по истории культуры народов Центральной Азии. Это богатое научное наследие из-за идеологических установок долгое время в СССР находилось под запретом. Но после крушения коммунистической идеологии появилась реальная возможность объективного освещения истории путем обращения к зарубежной историографии. Поэтому ранее опубликованные труды турецкого ученого вызвали большой интерес на всем постсоветском пространстве, особенно на его исторической родине — Башкортостане, а также Казахстане и Киргизии [2, 4, 6, 11]. В декабре 1990 г. в г. Уфе состоялась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.-З. Валиди, участники которой посвятили свои выступления жизни и деятельности, анализу трудов не только юбиляра, но и его ближайших соратников, вынужденных покинуть родину по политическим мотивам. По итогам работы II Всемирного курултая башкир (июнь 2002 г.) также была принята резолюция, содержащая среди прочего рекомендацию о необходимости издания научных трудов выдающихся «ученых-эмигрантов из башкир» (А.-З. Валиди, А. Инана, Г. Тагана) [5, с. 517]. В итоге за последнее время усилиями отечественных исследователей подготовлен полный библиографический список его трудов, осуществлен перевод и опубликованы некоторые из этих ценных источников на русском и башкирском языках [1, 8].

Настоящее имя ученого – Фатхелькадыр Мустафович Сулейманов. Он родился 29 ноября 1889 г. в деревне Шигаево (Сарыкульмяк) Челябинского уезда Оренбургской губернии, ныне Кунашакского района Челябинской области, в семье имама. Начальное образование получил в родной деревне, в новометодной школе, а затем в 1904–1905 гг. учился в медресе Хакима-ахуна в г. Челябинске. В 1914 г. окончил знаменитое медресе «Расулия» в г. Троицке, став по решению «Совета шариатских учреждений мусульман» мударрисом, т.е. получил право самому организовывать медресе и преподавать там.

В годы Первой мировой войны Ф. Сулейманов служил в царской армии. После Февральской революции солдаты екатеринбургского гарнизона избрали его делегатом на 2-й съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала. Весной 1918 г. в качестве делегата от Метелевской волости (по названию башкирского села *Мэтэл*) Челябинского уезда он участвовал в работе Съезда мусуль-

ман Урала, проходившего в г. Челябинске. После переезда Башкирского правительства из Оренбурга в г. Челябинск 18 июня 1918 г. Сулейманова назначили главным редактором органа Центрального башкирского шура (совета) – газеты «*Башкорт*». В 1919–1920 гг. принимал активное участие в государственном устройстве Башкирской автономии, работал в Стерлитамаке, Уфе, Москве. В качестве члена коллегии наркомата просвещения он стал одним из организаторов системы народного образования молодой республики.

В историю башкирской литературы Ф. Сулейманов вошел еще и как автор стихов и рассказов, написанных в «Свободном Башкурдистане» (1917–1920 гг.): «Тоска башкира» («*Башкорт моңо*»), «Тоскуя по кочевью» («*Йәйләүзе һағынганда*»), «Унылая ночь» («*Моңло төн*»), «Тимербай-кураист» («*Тимербай курайсы*»), «За родину» («*Ил өсөн*»), «Беглец» («*Каскын*»), «На башкирском кочевье» («*Башкорт йәйләүендә*»), «Мор» («*Улат*») [3, с. 295]. Его исторические драмы «Салават-батыр» и «Акшан-батыр» в 1919–1928 гг. ставились в Башкирском академическом театре драмы [10, с. 166]. В данных постановках дебютировали известные башкирские актеры Г.Г. Ушанов и А.К. Мубаряков, а в спектакле «Акшан батыр» в 1920 г. писатель и сам исполнил роль одного из своих героев.

Не согласившись с ограничением прав Башкирии, в июне 1920 г. Ф. Сулейманов вместе с другими соратниками А.-З. Валиди покинул республику и примкнул к басмаческому движению в Туркестане. Вообще, нужно заметить, что именно Валиди сыграл большую роль в становлении его как исследователя, формировании круга научных интересов. Кое-какими археографическими и этнографическими исследованиями он начал заниматься еще в удерживаемых басмачами районах Средней Азии. Так, по рекомендации своего товарища, после одного из сражений вблизи старого мазара (кладбища), чтобы не тратить время бездарно, он старательно переписал эпитафии — арабские надписи с надгробных плит. Однако после окончательного поражения повстанческого движения в 1923 г. вынужден был эмигрировать в Иран, а оттуда через Афганистан и Индию выехал в Европу. Некоторое время находился в Марселе, Париже, Берлине. В июле 1925 г. он прибыл в Турцию, где сменил фамилию и устроился ассистентом в Институт тюркологии в г. Стамбуле. Еще в 1908–1910 гг. в троицкой газете «Вакт» («Время») появились его первые публицистические статьи под псевдоним «Инан» («верую»).

Выходец из среды зауральских башкир, Абдулкадир Инан с детства был хорошо знаком с народным творчеством местного населения. В 1914 г. он специально выезжал на Алтай для сбора этнографических и фольклорных материалов. Таким образом, начав изучать фольклор тюркских народов еще до революции, он с удовольствием продолжил свои изыскания в Турции. В 1933 г. по приглашению ученых-лингвистов он переехал в столицу — г. Анкару. Здесь в течение 11 лет плодотворно работал в Турецком языковедческом обществе (*Türk dil kurumu*), принимая участие в реформе турецкого языка, начал глубоко изучать фольклор турецкого народа. В это время он сошелся с людьми, близкими к первому президенту государства Кемалю Ататюрку, который благосклонно и с уважением отнесся к деятельности Инана, а в 1935 г. своим указом присвоил ему ученое звание «профессора восточно-тюркских диалектов» [9, с. 29]. Правда, в 1944 г. по политическим мотивам он был лишен профессорского звания и уволен с должности, и восстановлен только спустя 10 лет. Речь шла об антисоветской деятельности Инана в прошлом, рецидив которой на фоне неизбежного поражения Германии, по мнению властей, мог привести к ухудшению отношений Турции с СССР. В 1955–1961 гг. он преподавал алтайский, тувинский, хакасский и якутский языки в Анкарском университете. В 1961–1964 гг. работал в Департаменте по делам религии, с 1964 г. до ухода на пенсию в 1971 г. — в Институте турецкой культуры. Ученый избирался действительным членом Общества тюркской культуры.

Абдулкадир Инан, родившийся близ Уральских гор, до конца жизни очень тосковал по своей родине. Профессор Х. Мазыюглу, вспоминая о нем, привел следующий эпизод: «Уважаемый учитель часто читал свои лекции, стоя у окна, повернувшись к нам спиной. Как-то мы не выдержали (считая такую манеру за неуважение) и спросили его, почему он так делает. Тогда Абдулкадир ходжа, еще раз взглянув в окно, откуда виднеются горы Хусейн Гази, ответил: “Эх, дети мои! Если бы вы знали,

как эти горы напоминают мне мой Урал!» [7]. Он умер 1 октября 1976 г. в г. Анкаре и был похоронен на кладбище «Каршияка».

За 60 с лишним лет своей научной деятельности А. Инан создал фундаментальные труды в области истории, этнологии (этнографии), фольклора, языкознания, литературоведения, философии, язычества, домусульманских верований, источниковедения, обычаев и традиций тюркских народов. Выбрав основными научными направлениями языкознание и фольклористику, а также хорошо зная турецкий, арабский, персидский, немецкий и русский языки, он широко пользовался письменными первоисточниками и архивными материалами. Он провел глубокий научный анализ важнейших древнетюркских письменных памятников: «Дивану лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгари, огузского эпоса «Китаби-деде Коркут» («Книга деда моего Коркута»), половецкого словаря «Кодикус куманикус», средневекового сочинения «Чингизнаме», дав им свою развернутую интерпретацию.

В частности, Инан был одним из крупных исследователей тюркской поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), написанной в XI в. Юсуфом Баласагуни. Он стал (наряду с А. Джафароглу, М. Кара, М. Арсал, И. Кафесоглу, К. Темирташ и др.) успешным продолжателем трудов по данной тематике таких видных турецких ученых как Р. Арат и А. Диличар. Примечательно, что исследования поэмы велись по наиболее полному и раннему из имеющихся оригинальных экземпляров — наманганскому, подаренному Академией наук СССР в 1939 г. вышеуказанному Турецкому языковедческому обществу, где работал А. Инан. Однако некоторые их выводы все-таки очень спорны. Так, утверждения о происхождении автора поэмы от предков османских турков неверны и являются искажением исторических фактов [13, с. 39]. В остальном, тем не менее, их труды остаются очень ценными. Впоследствии сочинение «Кутадгу билиг», носящее энциклопедический характер и содержащее философско-дидактические, политологические, этнографические материалы, было переведено на турецкий язык.

Инан опубликовал несколько солидных трудов по истории духовной культуры киргизов, подробно останавливаясь на вопросах их этнической близости с народами Саяно-Алтайского нагорья [14]. С его именем связано начало изучения киргизского героического эпоса «Манас» в Турции. На протяжении 1936–1968 гг. по эпосу он написал свыше десятка научных статей, часть из которых была опубликована на страницах ряда престижных турецких энциклопедий, в т.ч. «Энциклопедии ислама». В них ученый называет «Манас» уникальным эпическим памятником, дающим много бесценных сведений о языке, исторических личностях, быте, традициях, праздниках, идеологии народа и отводит ему особое место среди других тюркских эпосов [9, с. 29]. Более того, Инан даже перевел на турецкий язык одну из частей эпической трилогии «Манас», которая в 1972 г. была издана отдельной книгой. Изучая киргизский эпос, он достиг вершин его научного осмысления. Турецкий ученый Тунжер Байкара в ходе своего выступления на международном научном симпозиуме (г. Бишкек, 27–28 августа 1995 г.), посвященном 1000-летию эпоса «Манас», передал оставшиеся у него рукописи А. Инана в дар музею героического эпоса [12, с. 150].

Абдулкадир Инан изучал явление шаманизма у тюркских народов. К примеру, он дал свое определение башкирским *йола* – веками разработанным народом моделям жизневедения, обозначающим и этикет, и статус, и право, и здравоохранение, и традиции искусства, импровизации. А. Инан указывал на значение *йола* «как жертвенной крови, порядка, дыхания жизни, огня души» [8, с. 221]. В известном труде «Шаманизм в прошлом и настоящем» (Анкара, 1954) он также приводит идею о наличии своего «тенгри» (*тәңре*), как покровителя различных природных сфер и залога блага, у каждого родоплеменного союза тюрков. В то же время автор отмечал, что имена богов сфер не зафиксированы у башкир, тогда как у хакасов, алтайцев, якутов их множество устойчиво сохранены.

Большое значение в развитии тюркской филологии имела его статья «Суждения относительно истории формирования чагатайского письменного языка» и такие работы, как «Тюркская культура в Средней Азии», «Распространение ислама в Сибири». Всего он является автором около 350 научных работ. В 1968 г. вышел 1-й том его избранных работ под названием «Статьи и исследования» («*Makaleler ve incelmeler*»). Второе издание состоялось в 1987 г., а третье — в 1991 г.

Имя Абдулкадира Инана золотыми буквами вписано в историю мировой тюркологии. Его уникальное научное наследие и по сей день привлекает внимание многих исследователей. Признавая большую научную значимость для истории народов Центральной Азии, необходимо продолжить его изучение, сделав доступным для широкой общественности в нашей стране.

Литература

1. Абдулкадир Инан. Библиографический указатель / сост. А. Г. Салихов. — Уфа, 1996.
2. Аюпов Т. Кыргызы и Кыргызстан в трудах башкирских историков-эмигрантов (историографические очерки). — Ош, 2010.
3. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996.
4. Валеев Д.Ж., Мадьяри А., Ураксин З.Г., Юлдашбаев А.М. Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. — Уфа, 1995.
5. Второй Всемирный курултай башкир (14–15 июня 2002 г.): док. материалы. Стенографический отчет. — Уфа, 2002.
6. Зарубежные исследователи Средней Азии и Казахстана / авт.-сост. М.Т. Лаумулин, Т.К. Бейсембиев. — Алматы, 1994.
7. Из воспоминаний ученика всемирно известного тюрколога. URL: https://vk.com/wall-68101321_32954 (дата обращения: 11.10.2020).
8. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. Өфө, 1998 (на башк. яз.).
9. «Манас» энциклопедиясы / Башкы ред. А. Карыпкулов, башкы ред. мүчөлөрү: И. Айтматов ж.б. — Бишкек, 1995. — 2-т. (на кирг. яз.).
10. Салават Юлаев: альбом-антология. — Уфа, 2004.
11. Туркияда «Манас» тууралуу алгачкы билдирүүлөр жана илимий чыгармалар ыраматы Абдулкадыр Инанга таандык // Кыргызстан маданияты. — 1990. — 3 май (№18) (на кирг. яз.).
12. Эпос «Манас» и эпическое наследие народов мира. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас» (Бишкек, 27–28 августа 1995 г.). — Бишкек, 1995.
13. Эралиев З. Жусуп Баласагын. Окуу куралы. — Бишкек, 2000 (на кирг. яз.).
14. İnan Abdülkadir. Makaleler ve İncelmeler. T. 1-2. — Ankara, 1987 (на турец. яз.).

Сведения об авторе:

Аюпов Тимур Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры гуманитарных наук, Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России (Барнаул, Россия).
E-mail: aiuptegin@mail.ru

СИНЬЦЗЯН КАК ПЛОЩАДКА ПРОДОЛЖЕНИЯ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»: ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И АНГЛИИ В ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГГ. XX ВЕКА

В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул (Россия)

Во второй половине XIX в. в ходе колониальной экспансии в регионе Центральной Азии столкнулись интересы двух империй: Британии и России. В исторической науке это противостояние получило название «Большая игра». В процессе встречного движения соперники вступили в борьбу за установление своего политического и экономического влияния в провинции Китая — Синьцзяне. Россия к началу XX в. сумела добиться здесь явного преимущества. Однако в ходе революционных событий 1917 г. и Гражданской войны это преимущество было утрачено.

Деятельность советского государства, направленная на восстановление в провинции своих позиций, по сути, представляла новый этап «Большой игры», поскольку ее основным соперником, как и в дореволюционные годы, являлась Англия. В предлагаемой статье автор, на основе вновь выявленных архивных источников и ряда исследований, показывает формы и методы деятельности советского правительства и его дипломатов, определивших успех этой борьбы во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XX в.

XINJIANG AS A PLATFORM FOR THE CONTINUATION OF THE «GREAT GAME»: CONFRONTATION BETWEEN THE SOVIET UNION AND ENGLAND IN THE PROVINCES IN THE LATE 1920s – EARLY 1930s

V.A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

In the second half of the 19th century, during the colonial expansion in Central Asia, the interests of two empires — Britain and Russia — clashed. In historical science this confrontation is known under the term the «Great Game». In the process of counter movement the rivals entered the struggle to establish their political and economic influence in the province of China — Xinjiang. By the beginning of the 20th century Russia had managed to achieve a clear advantage in this struggle. However, during the revolutionary events of 1917 and the Civil War, this advantage was lost.

The activities of the Soviet state aimed at restoring its positions in the provinces, in fact, represented a new stage of the «Great Game», since its main rival was England, as in the pre-revolutionary years. On the basis of newly identified archival sources and a number of studies, the author shows the forms and methods of the Soviet government and its diplomats, who determined the success of this struggle in the late 1920s — early 1930s.

Завоеванный цинским Китаем в середине XVIII в. в ходе разгрома Джунгарского ханства Восточный Туркестан в 1884 г. получил статус провинции с названием Синьцзян (Новая граница). Вновь образованная провинция стала самой крупной по размерам и наиболее многонациональной по этническому составу населения. Большую сложность в вопросах административного управления новой провинцией играл фактор ее удаленности от центра. От Пекина ее отделяло три тысячи километров. При полном отсутствии дорог этот фактор исключал возможность не только оперативной связи, но даже сколько-нибудь устойчивых торгово-экономических контактов. Торговому каравану на преодоление маршрута от центра до провинции требовалось 6–8 месяцев. Это обстоятельство определяло высокий уровень самостоятельности губернатора и правительства при принятии различного рода решений. Проблемы административно-управленческих вопросов усугублялись тем, что неханьские народы, проживавшие в Синьцзяне и в значительной части исповедовавшие ислам, практически с первых дней установления китайцами своего контроля над регионом начали ожесточенную борьбу за освобождение и независимость своей Родины. Эта борьба, с большей или меньшей силой и активностью, продолжалась до середины XX в. [14].

Не менее проблемно складывалась для новой провинции и внешнеполитическая ситуация. На юге Синьцзян граничил с крупнейшей английской колонией — Индией, а на северо-западе на его границы, присоединив во второй половине XIX в. среднеазиатские территории, вышла Российская империя. При этом медленное, но успешное продвижение России на юг, начавшееся по сути еще в XVIII в., привело к столкновению интересов Англии и России, получивших в исторической науке название «Большая игра». Восточный Туркестан довольно скоро стал одним из регионов, на территории которого начал разворачиваться новый этап этой «игры».

Англия, почти полностью колонизовав к концу XVIII в. Индию и пользуясь ее выгодным географическим положением, в частности, сравнительной близостью северных районов к густонаселенной Кашгарии, начала активно проникать на синьцзянский товарный рынок. Однако в этом движении она вскоре столкнулась с серьезными проблемами, поскольку попытки англичан «... сохранить Кашгарию независимой политическими средствами и отчасти военными (поставки оружия) вызывали сильное раздражение в Цинской империи». В результате «ограничительная политика Цинов свела на нет британскую торговлю в Синьцзяне, а вместе с ней и политическое влияние Британской Индии в регионе» [8, с. 162]. Тем не менее после многократных и весьма настойчивых просьб в 1908 г. Англия добилась согласия Цинского правительства на открытие в Кашгаре своего консульства.

В свою очередь, Россия установила торговые и дипломатические контакты с этим регионом еще в период существования Джунгарского ханства. После его превращения в китайскую провинцию торговые связи между Россией и населявшими ее народами продолжали развиваться. К началу XX в. на долю России «приходилось уже более 75% внешнеторгового оборота провинции» [9, с. 23]. К этому времени она имела свои консульства в Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ. В Кашгаре российское консульство было открыто еще в 1882 г. При этом «Российские консульства заняли прочные позиции в Западном Китае» и являлись своеобразными «... опорными пунктами в ходе ведения Большой игры в Центральной Азии» [13, с. 104]. Русская торговля в Синьцзяне «набирала темпы, все более вытесняя британскую, вместе с ней росло и политическое влияние России» [8, с. 162]. Напряженность в отношениях двух великих империй на территории Синьцзяна нарастало, но военного столкновения удалось избежать, поскольку «творцы колониальной политики были вынуждены мириться

с реальностями, полагая, что война ослабит державы, что повлечет катастрофические последствия для их господства в этом политически нестабильном районе Азии» [11, с. 101].

Первая мировая война, а затем разрушительные события революций 1917 г. и Гражданской войны серьезно подорвали политические и экономические позиции России в Синьцзяне. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться ее конкуренты: Германия и прежде всего — Англия. Последняя в годы Гражданской войны не только явилась инициатором и организатором интервенции против России, в том числе и в советском Туркестане, но активно помогала здесь контрреволюционным силам, в частности, басмачеству. При этом финансовая и материальная поддержка басмаческого движения шла среди прочего и с территории Синьцзяна. Английское консульство в Кашгаре «... направляло в отряды басмачей Ферганы своих агентов, пересылало оружие и деньги. В феврале 1919 г. английский консул передал бывшему царскому консулу 100 тыс. рублей для басмаческих курбаши» [12, с. 283]. Установление своего контроля над Туркестаном в Лондоне рассматривали как этап создания так называемой Английской Ближневосточной империи «... от Средиземного моря до Памира» [10, с. 147].

Завершение Гражданской войны поставило перед советским правительством трудную задачу восстановления разрушенной экономики страны. Сырьевой рынок Синьцзяна в условиях экономической и дипломатической блокады со стороны западных стран приобрел особое значение. Но ситуация в межгосударственных отношениях Советской России с Китаем оставалась весьма сложной, поскольку последний присоединился к блокаде своего северного соседа. В то же время выстраивание взаимоотношений советского государства с провинциальным правительством Синьцзяна отличалось от того, как они развивались с Пекином. Очевидные отличительные черты и своеобразие политической и экономической ситуации в Синьцзяне в Москве осознали довольно быстро. Так, в январе 1922 г. неформальный представитель советского МИДа в Пекине А.Я. Ходоров направил наркому РСФСР по иностранным делам Г.В. Чичерину книгу «Мировой империализм», в которой подчеркнул цитату: «По условиям изолированности своей вотчины более чем по каким-либо другим причинам Янь (Ян Цзэнсинь, губернатор Синьцзяна 1911–1928 гг. — *В.Б.*) оставался и остается безразличным к борьбе политиканствующих групп в Китае» [1, л. 1]. Эта цитата являлась подтверждением того, что в отношениях с Россией руководство провинции могло принимать решения, выходящие за рамки политического курса центрального правительства. Советские дипломаты и представители торговых организаций не только осознали эту особенность, но и в полной мере воспользовались ею. К середине 20-х гг. в результате целого ряда военно-политических (военная помощь правительству провинции в разгроме вооруженной белогвардейской эмиграции) и экономических (перекрытие транзита для товаров конкурентов через территорию России) мероприятий Советский Союз занял в торгово-экономических связях Синьцзяна доминирующее положение. Среди прочих иностранных компаний, не выдержав конкуренции, вынуждены были свернуть свою деятельность в Синьцзяне и английские фирмы. Английский консул в Кашгаре К. Скрин в докладе «О торговле Китайского Туркестана за 1923 г.», напечатанном в английском ежегоднике по Китаю, писал: «Жаль, если выпавший на наше счастье неповторимый, необыкновенно выгодный на ближайшие годы благоприятный случай для захвата синьцзянского рынка был бы упущен» [2, л. 160].

На эти стенания консула уполномоченный правления Главного хлопкового комитета Наркомата внешней торговли России К. Бендюков в докладной записке своему руководству с сарказмом замечал: «Несмотря на такое «счастье», выпавшее на долю англичан, им решительно ничего не удалось сделать для завоевания кашгарского рынка» [2, л. 160].

К концу 20-х гг. Советский Союз не просто доминировал в торговых отношениях с провинцией, но сумел практически полностью переориентировать ее товарный поток на обеспечение необходимым сырьем собственной экономики. Уполномоченный НКВД в Средней Азии М. Славуцкий в письме от 22 декабря 1930 г. заместителю наркома иностранных дел СССР Л. Карахану утверждал, что «Синьцзян по торговле с нами в ряде восточных стран стоит почти на втором месте, а по качественному строению ее экспорта к нам (нужное нам сырье) — на первом» [3, л. 9]. Несколько ранее Генконсул СССР в Синьцзяне А. Быстров в докладе «Торговля в Синьцзяне с 1917-го по 1925 г. включительно», направленном в отдел Среднего Востока НКВД СССР, сообщал, что «... Никакие иностранные фирмы и капиталы с Востока не в состоянии конкурировать с Совроссией по закупкам сырья, вследствие дороговизны для них транспорта и трудности продвижения товаров. Да и не могут, например, Англия через Индию, или Япония, захватить здешнего рынка, так как их товары более дорогие, чем русские и значительно худшего качества» [2, л. 227].

В то же время борьба между Советским Союзом и Англией за политическое влияние в провинции не только не затихала, но напротив, приобретала новые формы и методы. После установления в России власти большевиков, провала интервенции и поражения контрреволюционных сил в Граж-

данской войне, советское государство превратилось для Великобритании, как прочем и для всех западных держав, в политического врага. Это обстоятельство служило дополнительным фактором обострения в борьбе, развернувшейся на территории Синьцзяна. Однако, к концу 20-х гг. становилось все более очевидным, что Англия эту борьбу проигрывает.

Успехам Москвы в деле вытеснения экономического и, как следствие, политического, влияния Англии в провинции, вольно или не вольно, способствовала позиция центрального и провинциального правительств. В своей информзаписке «Краткие замечания по политическому положению в Синьцзяне», направленной 6 июня 1928 г. Чичерину и Карахану, уполномоченный НКВД в Средней Азии А. Знаменский подчеркивал, что «к английскому поведению у власти Урумчи отношение очень сдержанное, стоящее всегда на грани подозрительности» [4, л. 50]. В свою очередь губернатор провинции Ян, Цзэнсинь, которого англичане открыто называли просоветским политиком, пытаясь сохранить внутреннюю стабильность в провинции, активно использовал в своей политике фактор противоречия держав. При этом губернатор небезосновательно рассматривал Англию как поставщика оружия и амуниции участникам постоянно вспыхивавших в провинции антикитайских восстаний. По крайней мере, когда несколькими годами позже, в 1931 г., в Синьцзяне вспыхнуло очередное антикитайское восстание мусульманских народов, американский еженедельник «Нью Рипаблик» написал о таких поставках, совершенно открыто заявив: «На основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре» [5, л. 15]. Когда же англичане отказались поставлять оружие самому провинциальному правительству, это подтолкнуло губернатора на более тесное сотрудничество с Советским Союзом.

Советское руководство предпринимало все возможные шаги для укрепления своих политических и экономических позиций в Синьцзяне. В приведенном выше письме к Карахану М. Славуцкий сформулировал эту цель вполне конкретно: «Мне незачем писать вам, сколь важно обеспечить этот участок таким образом, чтобы он нас не беспокоил, и чтобы мы себя чувствовали здесь полными хозяевами положения» [3, л. 8].

Важность фактора противостояния в провинции Англии и Советской России для будущего Китая хорошо осознавали в Пекине. Эта тема активно обсуждалась в прессе. Так, влиятельная газета «Цзин-Бао» в передовице «Значение синьцзянского вопроса» в номере от 2 ноября 1928 года писала: «... Необходимо обращать чрезвычайно важное внимание на сплетающиеся интересы Англии и России в Средней Азии, куда входит и Синьцзян». Автор передовицы в результате своих рассуждений приходит к выводу, что Синьцзян нужен Англии, как и России, но «... в результате, через 10 лет, мы опасаемся, что Россия превзойдет Англию» [6, л. 9–10]. Последний прогноз оказался достаточно реальным.

В первой половине 30-х гг. в провинции произошло мощное восстание проживавших здесь коренных народов против китайской администрации. Англия попыталась использовать движущие силы повстанческого движения в своих интересах, направив их активность против присутствия в провинции Советского Союза. Оценка этой деятельности нашла активное отражение в международной прессе. Так, турецкая газета «Вақыт», ссылаясь на сообщения американской, японской и индийской печати, указывала на интриги Японии и Англии в Синьцзяне, направленные против СССР. Газета, между прочим, отмечала, что «Англия для осуществления своих планов в Синьцзяне израсходовала полмиллиона рупий» [7, л. 2]. Однако советское руководство, поддержавшее в ходе развернувшихся событий китайскую администрацию, в результате сумело упрочить в провинции свои экономические и политические позиции и значительно ослабить прежнее влияние своего соперника в Большой игре — Англии.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 4/04 (Секретариат Чичерина). — Оп. 22. — П. 163. — Д. 15.
2. АВП РФ. — Ф. СВО — Референтура по Синьцзяну. — Оп. 6. — П. 2. — Д. 1.
3. АВП РФ. — Ф. 8/08 (Секретариат Карахана). — Оп. 14. — П. 130. — Д. 147.
4. АВП РФ. — Ф. 8/08 (Секретариат Карахана). — Оп. 11. — П. 56. — Д. 185.
5. АВП РФ. — Ф. 2. — Оп. 18. — П. 40. — Д. 32.
6. АВП РФ. — Ф. 100. — Оп. 12. — П. 17. — Д. 33.
7. АВП РФ. — Ф. 2-й ВО — Референтура по Синьцзяну. — Оп. 13. — П. 24. — Д. 39.
8. Анваров А. История изучения Восточного Туркестана английскими и индийскими путешественниками (1812-1900 гг.). — Алматы, 2013. — 189 с.
9. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918 – 1941 гг. — Барнаул, 1998. — 191 с.

10. Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. — Барнаул, 2018. — 383 с.
11. Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). — Алма-Ата, 1990. — С. 100–134.
12. Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. — Барнаул, 2017. — 366 с.
13. Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2011. — № 1(13).
14. Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. — Ташкент, 1991. — 129 с.

Сведения об авторе:

Бармин Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия). E-mail: valbarmin@mail.ru

**ИНОЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАЗАХСТАНА:
ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ И БУДУЩЕЕ**

З.О. Дукенбаева¹, Х.М. Абжанов²

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

²Центр «Рухани Жаңғыру» при Казахском национальном аграрном исследовательском университете, г. Алматы (Казахстан)

В статье рассматривается иноэтническая интеллигенция Казахстана и взгляд в историю и будущее. Интеллигенция как связующая нить мировых культур и цивилизаций и т.д.

**FOREIGN-ETHNIC INTELLIGENTSIA OF KAZAKHSTAN:
VIEW OF HISTORY AND FUTURE**

Z.O. Dukenbaeva¹, Kh.M. Abzhanov²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

²The Center «Rухани Жаңғыру» at the Kazakh National Agrarian Research University, Almaty (Kazakhstan)

The article considers the foreign-ethnic intelligentsia of Kazakhstan and a view of history and the future. Intelligentsia as a binding thread of world cultures and civilizations, etc.

Этническая история Казахстана чрезвычайно красочна, полна в содержательном аспекте гуманизма и оптимизма. На всех этапах национальной истории она была пронизана уважительным, бережным отношением коренного населения как к соседям Ближнего зрubeжья, народам сопредельных государств, так и общностям и группам иноэтнического населения, оказавшихся волею судьбы на казахской земле. Мысленно обозревая прошлое и настоящее этнических процессов, имевших место в Великой степи с древнейших времен до сегодняшнего дня, можно вывести один глобальный и всеохватный вывод: протоказахи и их законные наследники — казахи как связующая нить времен на перекрестке Европы и Азии, мировых культур и цивилизаций жили и творили вечные ценности, такие как общая история тюркского мира и Большой Евразии, их взаимодействие и взаимопонимание, защита территорий и государства. Наши предки, находясь под властью арабов, киданей и монголов, даже после Великого бедствия 1723 г., не озлобились на чужеземцев, не затаили вражду на них. Ни в одном устном и музыкальном фольклорном произведении не находим призыва к вечной смертельной схватке с иноэтническими пришельцами. Конкурентоспособность духовных устоев казахов и их человеколюбие обеспечили им роль победителя практически во всех конфликтах и столкновениях военного, межнационального и антиколониального характера.

Хотя в течение последних восьми веков, то есть с момента нашествия Чингисхана в XIII в. и до распада СССР в конце XX в. казахи не раз оказались на грани деэтнизации, даже исчезновения. Конкретными выражениями национальной трагедии являются Отрарская катастрофа, смутное время в период вооруженных столкновений между Тамерланом и Тохтамышем, столетняя война с Джунгарией, жестокое подавление национально-освободительных восстаний под руководством Махамбета, Кенесары, А. Иманова. С приходом к власти большевиков они приобрели еще более чудовищные размеры: голод 20–30-х гг. XX в., политические репрессии тоталитаризма, демографический кризис,

вызванный освоением целины [1, с. 12–13]. Последний обусловил функциональное отмирание казахского языка.

Таким образом, в потоке многовековой казахской истории происходили события, достойные и восхищения, и сожаления. В целом сложился богатый позитивный опыт общения и мирного сосуществования коренного и иноэтнического населения. Самое главное — все жители Казахстана независимо от расы и вероисповедания разделили наравне с казахами радость побед и горечь поражения. Ибо в условиях колониального и советского Казахстана нет и не было ни одного этноса, лишившегося родного языка, потерявшего национальный код по вине казахского народа, под прессом казахского национализма. Как раз по этой причине неподдельный гнев и возмущение вызвал тезис о казахском национализме, сформулированный в известном Постановлении ЦК КПСС после декабрьского выступления молодежи в 1986 г. Здесь следует подчеркнуть, что именно грубые ошибки и деформации в теории и практике московского руководства по решению национального вопроса положили начало распаду СССР.

Гуманизм и оптимизм государствообразующей нации, помноженный на открытость ее сознания и образа жизни служил важным фактором раскрепощения созидательного потенциала казахстанской диаспоры. Более того, оказавшиеся в Казахском ханстве ногайцы, киргизы, джунгары, даже потомки монголов органически вошли в родоплеменной состав казахского народа. Имена их выдающихся представителей навечно вписаны в славные страницы национальной истории. Так кто сегодня осмелится сказать, что великие правители Абулхайыр и Абылай, промелькнувший на небосклоне науки как метеорит Шокан Уалиханов, лидер движения Алаш А. Бокейханов не казахи, а только чингизиды?

Также невозможно переоценить роль и значение демократической русской, татарской, башкирской, уйгурской, украинской интеллигенции, жившей и творившей в Казахстане. В XIX в. русские друзья и наставники открыли грани таланта Абая и Шокана, А. Бокейханова и А. Байтурсынова, в XX в. — М. Ауезова и К. Сатпаева, С. Сейфуллина и А. Маргулана... Сотни казахских юношей и девушек получили образование в вузах и техникумах Москвы и Петербурга, Казани и Томска [1, с. 22]. До середины XX в., поскольку наша высшая школа продолжала оставаться карликовой и находилась на стадии становления, наиболее квалифицированная и перспективная группа национальной интеллигенции готовилась в европейской части России. Индустриализация и социалистическая модернизация Казахстана осуществлялась при ведущей роли интеллигенции иноэтнического населения. Ведь по объективным причинам — малочисленность казахской студенческой молодежи из-за отсутствия сети средних общеобразовательных школ, репрессии против специалистов, военные потери — процесс формирования казахской национальной интеллигенции шел медленно и завершился к началу 70-х гг. XX в. В этой связи мы с благодарностью назовем имена композиторов татарина по национальности Л. Хамиди, русских А. Затаевича и Е. Брусиловского, уйгура К. Кожамьярова, инженеров Гапеева, И. Перцева, Ф. Петухова, академиков В. Фесенкова, Г. Тихова, А. Самойловича, Н. Кассина и многих других. Позже эту традицию продолжили аграрники А. Бараев, Н.Н. Головацкий, медики Полосухин и Сызганов, химик Сокольский, математик Персидский и др. [2, с. 2–3]. Их вклад в наращивание интеллектуального и экономического потенциала страны поистине велик.

Следует особо подчеркнуть значение депортированной интеллигенции и ее потомков в поступательном развитии Казахстана. Достижения казахстанского сельского хозяйства в немалой степени связаны с профессионализмом немецких инженеров и механиков, корейских агрономов, северокавказских спецпереселенцев. Сын сельского фельдшера Карла Бельгера Герольд, по-казахски Гер-ага, стал настоящим полпредом казахской литературы, главным образом абаеведения в Германии. Каждому казахстанцу знакома фамилия Пя, легендарного кардиолога, обладателя высшего знака отличия «Қазақстанның еңбек ері», Л. Кесоглы, эстрадного певца, лауреата Государственной премии Казахстана, Р. Борукаев, соратника Сатпаева, лауреата Ленинской премии. Если в предвоенные и военные годы щедрая казахская земля спасла от верной смерти оставленных на произвол судьбы спецпереселенцев, то через некоторое время Казахстан обоготился бесценным капиталом — человеком, трудовым ресурсом, творцом новейшей истории страны.

Качественно новый этап истории и судеб иноэтнической интеллигенции Казахстана начался с обретением государственной независимости. В мировом научно-экспертном сообществе он известен под терминами «Казахстанский путь», «феномен Назарбаева», «модель Назарбаева». Разумеется, за этими эпитетами стоит самоотверженный труд всех казахстанцев, начиная от школьника заканчивая пенсионерами. В то же время следует особо отметить роль руководителей всех уровней и рангов. В стране, где утверждена и работает президентская форма правления, итоги и уроки любого дела зависят от компетентности руководителя.

Состав казахстанских руководителей многонационален, что отражает демократический характер кадровой и национальной политики. По данным переписи 2009 г., 430 тыс. чел. заняты в сфере государственного управления. Они составляют 6,5% всех занятых (в сельском хозяйстве — 17,9%, промышленности — 11,5%, на строительстве — 8,9%, в образовании, здравоохранении — 15,4%, на транспорте и связи — 8,1%, в финансовой деятельности — 3,1%, торговле — 12,9%, коммунальной службе — 3,8%, в других отраслях — 12,0 %) [3, с. 122].

В составе управленческой интеллигенции преобладают молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет (63%), тогда как в других отраслях их удельный вес едва превышает 50%, а по всей республике доля данной категории населения всего 33,1%. Треть молодых управленцев не достигла и 30 лет [4, с. 7]. Стало быть, к руководству пришло поколение, свободное в поведении и сознании от стереотипов классового и партийно-комсомольского воспитания.

Считаем вполне оптимальным соотношение мужчин и женщин, занятых в сфере государственного управления: 59,1 против 40,9%. Ибо, во-первых, Казахстан — восточная страна, где женщины не всегда стремятся занять государственные должности, с одной стороны, политика гендерного равенства находится на стадии становления — с другой. Во-вторых, количественное превосходство сохраняется за ними в системе образования и здравоохранения (79%), финансов (63%), торговли (67%). В-третьих, на этапе перехода от одной системы к другой госаппарат предельно загружен, работает без выходных, что затрудняет женщинам заботиться о семейном очаге и уюте. Не случайно из 176 тыс. женщин системы госуправления 18,8 тыс. (11%) были на момент переписи разведенными, 28,4% не состояли в браке, а среди мужчин этот показатель составлял всего 2,4 и 28,3%. Вообще, в Казахстане женщин больше, чем мужчин [5, с. 72].

Более 2/3 (69%) управленцев сосредоточено в городах, хотя удельный вес городского населения не превышает 56%. Если учесть, что численность аульно-сельских жителей неуклонно сокращается, то можно прогнозировать дальнейший рост городской управленческой элиты. В то же время не следует забывать, что казахстанские города в большинстве своем похожи на агрогородки, нежели на индустриальные центры. Жилищно-коммунальная необустроенность малых городов общеизвестна. Следовательно, процесс урбанизации управленческой элиты еще будет продолжаться.

Удельный вес иноэтнической интеллигенции в корпусе управленцев соответствует ее численности в Казахстане. Доля казахов, занятых в государственном управлении, превышает 70%, русских — около 20%, белорусов — 2,3%, украинцев — 1,4%, татар — 1,2%, узбеков и уйгуров — по 0,7% каждый, немцев — 0,7%, корейцев — 0,5%. Здесь мы видим также азербайджанцев, куртов, таджиков, поляков, киргизов, турков, дунган и др. При подборе и расстановке кадров приоритет отдают социально-профессиональным качествам. Этот тезис можно доказать на фактах участия казахстанских корейцев в госуправлении. Так, в современном Казахстане проживают 100 тыс. корейцев (6,5% населения Республики). Из них 44,6% занято в отраслях экономики и социальной инфраструктуры. Около 5 тыс. корейцев работает в учреждениях образования и здравоохранения. Если из всех занятых казахов 7,5% официально вовлечены в управление как государственные служащие, то в среде корейцев этот показатель составляет 5% [5, с. 101]. Отсюда и вывод: конкурентоспособность казахстанских корейцев очень высока. В разные годы представители корейского этноса занимали посты министра, избирались депутатами Парламента, академиками НАН РК.

Почти три столетия прогрессивно настроенная иноэтническая интеллигенция Казахстана оказывала реальную поддержку и внимание росту интеллектуальной конкурентоспособности казахской земли и ее людей. Государственная независимость расширила горизонты и условия для этого процесса. Стабильность межэтнических отношений, закреплённая эффективной внутренней и внешней политикой, позволила досрочно реализовать Стратегию «Казахстан–2030» [6, с. 1], в перспективе — Стратегию «Казахстан–2050» [7, с. 1]. Единство во взглядах, действиях и национальной идее, укрепляя этническое многообразие, из вчерашних диаспор создала один народ — народ Казахстана. В единстве и идентичности наша сила, будущее иноэтнической интеллигенции.

Литература

1. Дүкенбаева З.О. История творческой интеллигенций Казахстана 20-50-х годов XX века. — Алматы: Наука, 2003. — 324 с.
2. Дүкенбаева З.О. Творческая интеллигенция в годы репрессий // Казахстанская правда: республиканская газета. — Нур-Султан, 2021. — № 100 (31 мая). — С. 6.
3. Татимов М. От демографии к демократии. — Алматы: Нұрлы Пресс. KZ, 2016. — 400 б.
4. Әбжанов Х., Назарбаева Г. Қазақстан: тарих тұлға теория / Г. Назарбаева, Х. Әбжанов; Л.Н. Гумилев атындағы, Еуразия ұлттық университеті. — Алматы: Дәуір, 2004. — 340 б.

5. Тәгімов М. Дербестігіміз-демографияда: (егеменді ел — Қазақстан Республикасының дербес дара демографиялық саясатын қайта қалыптастыру және оны жаңаша жүзеге асырудың күрделі мәселелері туралы әлеуметтік-танымдық талдаулар). — Алматы : Жеті Жарғы, 1999. — 264 б.
6. Назарбаев Н.А. В потоке истории. — Алматы: Атамұра, 1999. — 296 с.
7. Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. — Алматы: Юрист, 2013. — 48 с.

Сведения об авторах:

Дукенбаева Задаш Оразгалиевна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, научный консультант «Национального центра рукописей и редких книг» РГУ при Министерстве культуры и спорта РК (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: dukenbaevazo@mail.ru

Абжанов Хангелди Махматович, академик НАН РК, Директор центра «Рухани жаңғыру» при Казахском национальном аграрном исследовательском университете (Алматы, Казахстан). E-mail: Ata53@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ГРАЖДАН В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1950-е — НАЧАЛЕ 1960-х ГГ.

Г.Б. Эшматова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (Россия)

Политические отношения пронизывают всю структурную иерархию социума, так как сущностью их являются вопросы власти определенного класса. Вся история общества свидетельствует о непримиримой антагонистической борьбе за власть, которые в отдельные моменты принимает кровопролитный характер, особенно в период революций. В нашей стране процесс реабилитации репрессированных граждан осуществляется с середины прошлого века на протяжении почти семи десятилетий. Впервые в истории общества господствующий класс — пролетариат и его коммунистическая партия осудили порочность своей тактики и приняли на XX съезде партии, программу реабилитации невинно пострадавших граждан.

POLITICAL REHABILITATION OF REPRESSED CITIZENS IN THE GORNO-ALTAI AUTONOMOUS REGION IN THE 1950s — EARLY 1960s

G.B. Eshmatova

Scientific research institute of Altaic studies, by name of Surazakov S.S., Gorno-Altai (Russia)

Political relations permeate the entire structural hierarchy of society, since their essence is the issues of power of a certain class. The entire history of society testifies to an irreconcilable antagonistic struggle for power, which at certain moments takes on a bloody character, especially during revolutions. In our country, the process of rehabilitation of repressed citizens has been carried out since the middle of the last century for almost seven decades. For the first time in the history of society, the ruling class — the proletariat and its Communist Party condemned the depravity of their tactics and adopted at the Twentieth Party Congress a program for the rehabilitation of innocent victims of citizens.

После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. новое руководство СССР развернуло кампанию критики культа личности. Одновременно подверглась осуждению практика политических репрессий, их руководители и непосредственные исполнители подверглись преследованию.

С сентября 1953 г. к пересмотру дел по ст. 58 приступили Верховные суды СССР, РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР, Военный трибунал СибВО. Из общего количества реабилитированных до 70% были осуждены решениями ОСО и «троек», около 10% по Закону от 7 августа 1932 г. Основная работа по реабилитации была проведена пленумами Верховного суда СССР, на которых в период с 1954–1956 гг. в основном пересматривались дела за 1937–1938, 1947–1951 гг. [17, с. 149; 25, с. 15].

В целом, в СССР в 1954–1960 гг. были реабилитированы 737182 чел., на территории бывшего Западно-Сибирского края сотрудниками органов госбезопасности регионов, ранее входивших в его состав: Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей и Горно-Алтайской автономной области (в рамках современного административно-территориального деления) — реабилитировано около 80 тыс. чел., в основном осужденных «тройками», Особым совещанием и другими не-судебными органами [28, с. 49].

В Горно-Алтайской автономной области в 1954–1964 гг. были реабилитированы всего 185 чел. И это несмотря на то, что только по законченным дополнительным расследованиям УКГБ по Горно-Алтайской автономной области и Прокуратурой области в 1955–1956 гг. установили 800 граждан, необоснованно репрессированных [18, с. 38–39]. Пик по реабилитации пришелся на 1958 г. (92 чел.).

В 1956 г. Верховный суд РСФСР начал пересмотр дел в отношении спецпереселенцев и завершил эту работу к 1 ноября 1957 г. Следует отметить, что 1940–1950-е гг. Горный Алтай стал местом ссылки депортированных народов: немцев, литовцев, калмыков. Решения по реабилитации в отдельных случаях принимались и в отношении представителей репрессированных народов [29, с. 210].

Основная работа по реабилитации граждан, незаконно осужденных в 1930–1940-е гг., была проведена Верховным судом РСФСР во второй половине 1956 г. — первой половине 1961 г. Так, в 1956–1960 гг. Верховным судом РСФСР по представлениям областных прокуратур реабилитировано около 6 тыс. жителей бывшего Запсибкрая [17, с. 152].

Аналогичная работа активно велась и в Горно-Алтайской автономной области. В качестве примера можно привести следующие данные из архивно-следственного дела. Президиум Верховного суда РСФСР рассмотрел протест заместителя прокурора РСФСР Узунова А.М. на приговор областного суда Горно-Алтайской автономной области от 7–8 марта 1948 г., по которому осуждены по ст. 58-10 Ч. 1 УК Сабашкин И.П. (алтайский сказитель) и его сын Сабашкин Д.И. Оба работали учителями в школе. Илларион Павлович был осужден к 8 годам лишения свободы, с поражением в правах по п.п. «а» и «б» ст. 31 УК РСФСР на 5 лет. Судом был признан виновным в том, что он якобы в 1945–1947 гг. проводил среди окружавших его лиц антисоветскую агитацию: клеветал на условия жизни трудящихся в Советском Союзе, на мероприятия, проводимые советским правительством, и социалистическую систему сельского хозяйства. Даниилу предъявлялось обвинение в том, что в 1947 г. среди своих знакомых и родственников пересказал анекдоты антисоветского содержания. Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 8 октября 1957 г. в отношении их было вынесено решение об отмене приговора облсуда и определения Верховного суда РСФСР и прекращении делопроизводства [10, Л. 3, 13, 60, 61, 215].

Значительную часть работы по реабилитации жертв репрессий на территории бывшего Запсибкрая в 1955–1958 гг. проделали военно-судебные органы. Так, Военной коллегией Верховного суда СССР от 27 октября 1956 г. был реабилитирован Тискенек В.И. — высококвалифицированный хирург-офтальмолог, возглавлявший противотрахоматозный диспансер в Ойротской автономной области. Решением Верховной коллегии он был приговорен к ВМН — расстрелу (1 июля 1938 г.) за проведение вредительства в области здравоохранения и шпионаже в пользу германской разведки [23, с. 77–78]. Определением военного трибунала Сибирского военного округа от 15 июля 1958 г. отменялось постановление тройки УНКВД по Алтайскому краю от 11 марта 1938 г. на жителя Усть-Коксинского района Казанцева Г.Д., обвинявшегося в причастности к контрреволюционной деятельности (лишение свободы сроком на 10 лет) [22, с. 253–254].

Активизация процесса реабилитации на местах началась только после создания в 1954 г. комиссий (в Сибири — областных и краевых) по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Для пересмотра дел в комиссии включались руководители органов прокуратуры, юстиции, МВД и КГБ соответствующих субъектов [26, с. 81–82].

Реабилитационный процесс привел к социальной активности советского общества. Начавшиеся в центре процессы получили мощный импульс на местах. На пленумах, партийных собраниях зазвучали обвинения в адрес ближайших соратников Сталина в соучастии преступлениях. Так, 17 июля 1953 г. были проведены пленумы совместно с партийным активом по обсуждению постановления пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» в Кош-Агачском, Майминском, Онгудайском, Турочакском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Чойском, Шебалинском и Элекмонарском райкомах КПСС и собрание Улаганского районного партийного актива [1, Л. 35–39]. Особенно часто задавались вопросы: «Кто по национальности Берия?», «Восстановлен ли в должности зав. следственным отделом Рюмин?», «Какую роль в фабриковании ложного обвинения врачей играл Берия?» и др. [2, Л. 26, 27].

Следующая попытка десталинизации была предпринята на XX съезде КПСС. Партийные собрания с обсуждением материалов съезда прошли во всех первичных организациях области и на собраниях областного партийного актива. На собраниях поднимались вопросы в контексте критики «культы личности». Однако некоторые члены партии высказали мнение, что не нужно было выносить за пределы партии этот вопрос, нужно было ограничиться обсуждением на закрытых партийных собраниях [3, Л. 39].

По обсуждению итогов работы XX съезда партии только в Горно-Алтайской городской партийной организации в 105 первичных парторганизациях были проведены партийные собрания. Работа по ознакомлению доклада «О культе личности и его последствиях» проводилась и в районных партийных организациях [3, Л. 20,39–41].

Кульминацией десталинизации стал XXII съезд КПСС (17–31 октября 1961 г.), на котором была принята новая, третья Программа партии, целью которой провозглашалось строительство коммунизма. На съезде вновь повторно раскритикованы действия, как Сталина, так и участников «антипартийной группы» [16].

Широкое обсуждение итогов съезда прошло на собрании областного партийного актива, состоявшегося 30 ноября 1961 г. В основном докладе, открывающем собрание партийного актива, отмечалось: «... Расследованием уголовных дел, возникших на территории области с 1935–1938 гг. установлены многочисленные извращения социалистической законности, фальсификация признательных показаний путем провокаций, физического воздействия... В 1935–1938 гг. руководство каждого аймака и области подвергалось репрессиям 2–4 раза». Далее в докладе перечислялись руководители области, «необоснованно подвергнутые репрессиям»: председатели Ойротского облисполкома, возглавлявшие в разные годы область: Н.Ф. Меджит-Иванов, И.С. Алагызов, секретари Ойротского обкома ВКП (б) П.С. Хабаров, М.Б. Новаковский, руководитель партизанского движения в Горном Алтае И.Я. Третьяк, государственные деятели П.А. Чагат-Строев, Сары-Сеп Канзычаков, названные как «алтайские писатели», «известный алтайский художник Чорос-Гуркин Г.И.». Завершался доклад решительным осуждением «злоупотреблений властью» и необходимостью проведения в жизнь мер, которые полностью исключили бы в будущем повторения подобных «ошибок» [4, Л. 17–20, 97–102].

16 ноября 1961 г. на заседании исполкома Горно-Алтайского городского Совета депутатов трудящихся принимается решение о переименовании проспекта имени Сталина в Коммунистический проспект (носивший его имя с 1948 г., до этого — улица Ойротская) [8, Л. 53; 7, Л. 10].

После работы съезда активизируется работа и по реабилитации. В 1962 г. в Горно-Алтайской автономной области было реабилитировано 33 человека [27, с. 97].

Содержание архивных материалов позволяет лучше понять принцип организованной работы по реабилитации. Так, если гражданин обращался с ходатайством в какую-либо инстанцию, то его обращение для проверки направлялось в тот орган, где человек был осужден. После этого дело поднималось из архива, изучалось, затем проводился передопрос заявителя и иных лиц, проходивших по этому делу в качестве обвиняемых либо свидетелей. При необходимости допрашивались и другие лица, которую могли дать информацию по существу дела. Например, в случае с священником Самошкиным А.М. по заявлению его жены Самошкиной В.Ф. в Прокуратуру РСФСР от 10 мая 1956 г. [9, Л. 173, 260–262]. Допросам подвергались бывшие следователи, которые вели дела. Они признавались, что «контрреволюционные организации» в реальности не существовали, и были искусственно созданы самими работниками. При наличии таких данных постановления внесудебных органов — «троек» подлежали отмене.

За период 1950-х — начала 1960-х гг. был пересмотрен основной массив дел по репрессиям 1937–1938 г., большая часть которых осталась без изменения приговора [20, с. 17].

По имеющимся сведениям, право на реабилитацию получили в 1956 г.: Абышкин М.М., в прошлом священник, до ареста работал в ОГИЗе, Абышкин А.М. — инструктор облоно, Ильтеев А.С. — бывший дьякон, учитель, переводчик ОГИЗа, Тюмак И.Ф. — учитель, преподаватель алтайского языка, Кузьмин А.А. — начальник Обллесуправления, Чагат-Строев П.А. — писатель, переводчик ОГИЗа, Шебалин М.В. — учитель, Манеев Г.Н. — инженер Облкомхоза. Осужденные признавались виновными в том, что они являлись участниками контрреволюционной националистической организации, проводившие работу по подготовке вооруженного восстания против Советской власти и организации на территории бывшей Ойротской автономной области самостоятельного буржуазно-демократического государства под японским протекторатом [15; 12, Л. 88, 394–396].

В этом же году Президиумом Алтайского краевого суда были реабилитированы бывшие партийные руководители Иванов Н.Ф., Алагызов И.С., Сафронов С.С., Хабаров П.С., Борисов-Кочубеев М.А., Пьянков И.В., Сары-Сеп-Канзычаков Л.А., Катенев Н.Г. и др. [11, Л. 226–231, 295–296, 311–312; 19, с. 51]. Так же Чорос-Гуркин Г.И. с сыном Геннадием, Санаа В.М. — бригадир полеводческой бригады колхоза «Пограничник» Улаганского аймака и др. [11, Л. 226–231; 22, с. 247]. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 16 июня 1956 г. реабилитирован председатель Ойротского облисполкома при ВПИК, нач. обл. УНХУ Ялбачев М.И. [13, Л. 137–138].

В 1957 г. (8 октября) посмертно реабилитирован организатор партизанского движения в Горном Алтае Третьяк И.Я. [21]. 19 декабря этого же года заключением Алтайского краевого суда реабилитирован священник Ойрот-Туринского благочиния Потанин П.В. [30, с. 101].

В 1958 г. получили реабилитацию председатель Ойротского облисполкома Сыркашев А.А., второй секретарь обкома ВЛКСМ Чесноков П.С. [14, Л. 167; 6, Л. 14].

Постановлением Президиума Алтайского края от 31 декабря 1958 г. было реабилитировано 54 человека по сфабрикованному делу № 14983 (О контрреволюционном восстании в Кош-Агаче). Все привлеченные признавались виновными в том, что они являлись участниками контрреволюционной эмиграционно-повстанческой организации, проводившие работу против мероприятий партии и советского правительства [30, с. 105].

В 1959 г. в числе реабилитированных лиц был главный бухгалтер колхоза «Борцы революции» Вязников Е.Е. (расстрелян 27 ноября 1937 г.) [24, с. 21].

В 1960-е гг. работа по реабилитации пошла на убыль. Постепенно тема репрессий отошла на второй план, уступив место новым программным установкам и целям по построению коммунизма. Новое оживление работы началось только после выхода 16 января 1989 г. Указа ПВС СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х гг. и начале 1950-х гг.».

Анализ данных о реабилитации показывает, что в период с 1954–1964 гг. на территории Горно-Алтайской автономной области было реабилитировано 185 чел., что составляет чуть более 4% от числа репрессированных в 1930–1940-е гг.

Процесс реабилитации до конца не завершен. Точное число репрессированных лиц остается неизвестным. Постоянно открываются новые имена. Работа государства в этом направлении продолжается.

Литература

1. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). ГАРА. — Ф. П–1сч. — Оп. 2а. — Д. 272.
2. ГАРА. — Ф. П–1сч. — Оп. 2а. — Д. 285.
3. ГАРА. — Ф. П–1сч. — Оп. 2а. — Д. 525.
4. ГАРА. — Ф. П–1сч. — Оп. 4. — Д. 21.
5. ГАРА. — Ф. П–1сч. — Оп. 4. — Д. 97.
6. ГАРА. — Ф. П–1. — Оп. 76. — Д. 21.
7. ГАРА. — Ф. Р–36. — Оп. 1. — Д. 494.
8. ГАРА. — Ф. Р–36. — Оп. 1. — Д. 681.
9. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 539–ПФ.
10. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 542.
11. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 611.
12. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 633. Т. 1.
13. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 1127.
14. ГАРА. — Ф. Р–37. — Оп. 1. — Д. 1291.
15. Личный архив Таушканова Ф.Л. (г. Горно-Алтайск). Копии архивных документов хранятся в научном архиве НИИА им. С.С. Суразакова. НА. НИИА. Ф. Материалы по истории. Д. 6.
16. XXII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1962 [Электронный ресурс]. — URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/s22/index.htm> (дата обращения: 26.06.2020).
17. Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е гг. и реабилитация жертв террора: дисс. ... канд. ист. н. — Томск, 1992. — 252 с.
18. М.В. Карамеев: жизнь и деятельность (документы и материалы) / сост. Н.В. Екеев, М.С. Каташев, Г.Б. Эшматова. — Горно-Алтайск, 2019. — 352 с.
19. Марачев Ф.Н. Судьба // Кан-Алтай. — 1999. — № 18. — С. 49–51.
20. Матюшин П.Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х — начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки (на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова): автореф. дисс. ... канд. ист. н. — Чебоксары, 2008.
21. На Алтае партизанский нацдив был расстрелян как японский шпион [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ap22.ru/paper/Na-Altai-partizanskiy-nachdiv-byi-rasstrelyan-kak-yaponskiy-shpion.html>. Информационный портал Алтайская правда. 2019. 17 ноября (дата обращения: 06.06.2020).
22. Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.). Сб. архивных документов и материалов / сост.: М.С. Каташев, Л.Н. Мукаева, Г.Б. Эшматова. — Горно-Алтайск, 2017. — 272 с.
23. Полтева Т.И. «Люди в белых халатах» (по материалам Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина) // История и современность Чемальского района. — Горно-Алтайск, 2008. — С. 75–85.
24. Реабилитированы посмертно // Звезда Алтая. — 2017. — 4 октября. — С. 21.
25. Сборник законодательных актов и документов. — М., 1989.
26. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993.

27. Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х — 1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 2 (18). — С. 92–99.
28. Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампании по реабилитации репрессированных: автореф. дисс. ... д. ист. н. — Томск, 2013.
29. Эшматова Г.Б. Реабилитация жертв политических репрессий // Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.). — Горно-Алтайск, 2017а. — С. 199–216.
30. Эшматова Г.Б. Репрессии в отношении духовенства // Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.). — Горно-Алтайск, 2017б. — С. 94–105.

Сведения об авторе:

Эшматова Гульнара Бахтияровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: fiordipri-mavera@mail.ru

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ТАТАР КЫРГЫЗСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

С.Р. Бикбулатова

Азиатский медицинский институт им. С. Тентишева, г. Кант (Кыргызстан)

В годы советской власти сформировалась татарская диаспора Кыргызстана. В сельской местности они расселены дисперсно, имеется различие по областям, в зависимости от урбанизированности региона. В основном татары проживают в селах Чуйской и Иссык-Кульской областях.

DYNAMICS OF THE MEMBERSHIP OF RURAL TATARS IN KYRGYZSTAN IN THE SOVIET PERIOD

S.R. Bikbulatova

Tentishev Satkynbai memorial Asian Medical Institute, Kant (Kyrgyzstan)

During the years of Soviet power, the Tatar diaspora of Kyrgyzstan was formed. In rural areas, they were dispersed. There is a difference by regions, depending on the urbanization of the region. Basically, Tatars live in the villages of the Chui and Issyk-Kul regions.

Первая перепись населения в годы советской власти была произведена в 1926 г. Материалы данной переписи свидетельствуют о том, что основной поток миграции в целом в первые годы советской власти по СССР был направлен из Европейской части страны в Азиатскую [9, с. 153]. В числе переселившихся этнических групп в Кыргызстан были и татары. По данным вышеуказанной переписи, по республике численность татар составляла 4902 человек [10]. В первые годы Советской власти среди татар, прибывших в Кыргызстан, были те, которые бежали от раскулачивания. Они таким образом стремились сохранить свое материальное состояние [3, с. 228]. В основном татары проживали в селах Чуйской долины (592 чел.), а также в селах, расположенных близ столицы страны (386 чел.). В Караколском кантоне, в селах Тамга, Ак-Суу и т.д., проживало около 200 татар. На юге страны, в селах Ошского кантона, представители татарской национальности составляли 450 человек [4]. Одной из причин, усиливших миграционный поток татар в регион, в том числе в Кыргызстан, был разразившийся в 30-е гг. XX в. голод, в таких губерниях России и Казахстана, как Оренбургская, Омская, Херсонская, Акмолинская, Кустанайская и т.д., где преобладала численность татар. В эти годы в Пишпекский уезд по этой причине прибыло более 6000 голодающих, среди которых были и татары, пополнившие численность татарского населения страны.

По данным переписи населения 1939 г., в республике численность татар достигла 20017 человек [5]. По сравнению с 1926 г. их численность выросла на 75%. Из этого общего количества 38,3% жили в сельской местности. С 1926 по 1939 г. республика характеризуется повсеместным возрастанием этнической мозаичности, сокращением удельного веса коренной национальности, увеличением доли некоренных национальностей. Также это был период значительного демографического роста (среднегодовые темпы роста населения равнялись 3,2%).

Численность татар относительно другого региона возросла на юге страны, в Ошской и Джалал-Абадской областях. Вероятно, что в регион прибывали татары, получая личную информацию, передающуюся по каналам родственного и дружественного общения о возможности миграции, т.е. в рамках неформальной коммуникации [6, с. 57]. На наличие такого рода закономерности в процессе ми-

грации указывал В.В. Покшишевский: «Всякая достаточно заметная по объему одновременная миграция приводит к неизбежному продолжению и в дальнейшем в силу, с одной стороны, лучшей информированности потенциальных мигрантов о том, что может дать им переселение, с другой — более легкого устройства на новом месте, возможности воспользоваться помощью земляков или родственников». Он также пишет, что «имея в районе вселения как бы коллектив своих земляков, мигрант не в такой мере ощущает свою оторванность от родной почвы» [6, с. 69].

После Великой Отечественной войны татары продолжали прибывать на территорию Кыргызстана. Многие эвакуированные заводы и фабрики в послевоенный период оставались на территории страны. В связи с бурным ростом промышленности республика нуждалась в квалифицированных кадрах, поэтому в страну прибывают квалифицированные рабочие специалисты, их востребованность усилила поток прибывающих татар. Следующая причина, притягивавшая татар к нашей земле, — это теплый, достаточно благоприятный климат, разнообразие садовых и бахчевых культур, гостеприимство местного населения.

Еще одним потоком, пополнившим численность татар Кыргызстана после Великой Отечественной войны, стали мигранты, прибывшие из Китайской Народной Республики. Начиная с 1950-х гг. среди татар Китая возросла тенденция к переезду в Советский Союз. В 1954 г. первая группа переселенцев прибыла в СССР, миграция продолжалась до 1962 г. Тогда коммунистическая система не дала татарам возможности обосноваться на родине своих предков — в Татарстане. Их поселили в основном в Казахстане, некоторую часть — в Кыргызстане и Узбекистане [2, с. 6].

В административно-территориальном разделении в 1959 г. территория Кыргызстана была распределена следующим образом:

- районы республиканского подчинения;
- Ошская область (г. Ош);
- Тянь-Шаньская область (г. Нарын).

Общее количество татар достигло 56266 чел. Они составляли 2,7% от всего населения республики. По сравнению с предвоенными годами (1939 г.) количество татар выросло на 36249 человек, или на 64%. Из их общего количества 13,3 тыс. человек жили в сельской местности [7].

В районах республиканского подчинения вместе с Иссык-Кульской областью численность татар достигла 11622, т.е. увеличилось между переписями всего на 1470 чел. Отличительной особенностью данного региона является преобладание сельского населения (65,7%). Татары преимущественно проживали в Кантском и Калининском районах, в южных областях — в городах.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., численность татар Кыргызстана имела динамику роста. Выросла не только численность татар, но и уровень урбанизированности. Между переписями населения 1959 и 1970 гг. их численность выросло на 15478 чел., или на 21,5%, достигнув 71744 чел. [1]. Из них 58567 чел., или 81,6% жили в городской местности, 13177 чел., или 18,3 % — в сельской. Татары составляли 2,4% населения страны. Самый высокий рост численности татар в эти годы наблюдается в столице республики г. Фрунзе.

В последующие годы численность татар имела тенденцию роста. Их количество к 1979 г. достигло в целом по республике 72018 чел. [11]. Татары составляли 2,9% от всего населения страны. Из их общего количества 58 тыс. (80,5%) являлись городскими жителями, 14018 чел. (19,5%) жили в сельской местности. В этот период советской власти численность татар достигла максимального контингента за всю историю их пребывания в этой стране.

По данным переписи населения 1989 г., количество татар в Киргизской ССР имело тенденцию к сокращению. Их численность составила 70068 чел., или уменьшилось на 1950 чел. [8]. Данная тенденция является результатом политического, экономического кризиса в Советском Союзе. После начала политики «перестройки», с 1985 г. начинается эмиграция татар из страны, которая привела к сокращению их количества.

Таким образом, основная численность татарской этнодисперсной группы Кыргызстана сформировалась в годы советской власти. За этот период (1926–1989 гг.) численность татар имела интенсивную динамику роста, их количество выросло с 4902 до 70068 чел. Татары в основном живут в городах страны. Более половины сельских татар расселены в Чуйской долине, в селах, расположенных ближе к столице, а также в Иссык-Кульской области.

Расселение сельских татар влияет на различные социально-культурные процессы, происходящие среди данного этноса. Из-за дисперсного расселения в сельской местности в третьем, четвертом поколениях, из-за усиления межэтнических браков наблюдается тенденция ассимиляции, в большей степени в пользу кыргызского этноса.

Литература

1. Демоскоп weekly. Демографический еженедельник [Электронный ресурс]. — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_70.php?reg=79; <https://ru.wikipedia.org/wiki/8C>; http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/religion_group_papers/Gilazov.pdf. — Загл. с экрана.
2. Ерзин М. Тропую предков: Документальное повествование. — Алматы: Изд. Салон Умит, 2005. — 160 с.
3. Полевая тетрадь № 3. — Джалал-Абад, Баткен. — 184 с.
4. Сведения Всесоюзной переписи населения по народности, полу, возрасту, грамотности и родному языку в КиргАССР // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 21. — Д. 33; — Д. 34; Сведения Статистического бюро Киргизской автономной области Киргизской и Казахской АССР // ЦГА КР. — Ф. 1383. — Оп. 1. — Д. № 161/а; — Д. 164; — Д. 165.
5. Сведения о распределении населения по национальности, общественным группам, занятиям по переписи населения Киргизской ССР 1939 года // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 12. — Д. 573; — Д. 567.
6. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки / отв. ред. К.В. Чистов. — Л.: Наука, 1987.
7. Итоги переписи населения в границах на 1/1 1960 года, таблица №7 — распределение населения по возрасту и уровню образования в городских поселениях и сельской местности районов РРП, в которых произошли изменения границ после переписи населения г. Фрунзе, районы: Аламединский, Кантский, Кировский, Калининский, Сокулукский, Таласский и Чуйский // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4212; — Д. 4213; Сводные итоги переписи населения 1959 года по Киргизской ССР // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4206; Сводные итоги переписи населения 1959 года по Ошской области // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4208; Сводные итоги переписи населения 1959 года по Тянь-Шаньской области // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4209; Сводные итоги переписи населения 1959 года по г. Фрунзе // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Д. 4211; Сводные итоги переписи населения 1959 года по Ошской области // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4207; Таблица 17-18 «а» — распределению населения по возрасту, уровню образования и национальности. 19 «д» — распределение населения по возрасту и источникам существования по всем городским поселениям/населением менее 20 тысяч /РРП // ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 31. — Ч. II. — Д. 4218.
8. Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. В таблицах. Кн. II. (часть первая). — Бишкек, 2000. — 70 с.
9. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. — М., 1978. — 153 с.
10. ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 12. — Д. № 572.
11. ЦГА КР. — Ф. 105. — Оп. 33. — Д. № 5528-5546.

Сведения об авторе:

Бикбулатова Сафина Рифовна, аспирант, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики (Кант, Кыргызстан). E-mail: safina-bik-77@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ж.О. Омурова, Шаршенбек кызы А.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Статья посвящена исследованию актуальной темы, затрагивающей вопрос интеграции тюркских стран на современном этапе. После распада СССР тюркские страны по инициативе Турции прилагали значительные усилия для сплочения тюркских государств в процессе интеграции. В начальном этапе интеграционное взаимодействие тюркских государств было в культурно-образовательной сфере. Второй этап — институционализация сотрудничества тюркских республик посредством таких инструментов политической интеграции, как саммиты глав тюркских республик, курултай, межпарламентские ассамблеи и т.д.

INTEGRATION OF TURKISH STATES AT THE MODERN STAGE

Zh.O. Omurova, Sharshenbek k. Ayperi

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article is devoted to the study of a topical topic affecting the integration of the Turkic countries at the present stage. After the collapse of the USSR, the Turkic countries, at the initiative of Turkey, made significant efforts to unite the Turkic states in the process of integration. At the initial stage, the integration interaction of the Turkic states was in the cultural and educational sphere. The second stage is the institutionalization of cooperation between the Turkic republics through such instruments of political integration as the summits of the heads of the Turkic republics, kurtultais, inter-parliamentary assemblies, etc.

Сегодня пандемия коронавируса показала, что большие проблемы лучше преодолевать в единой интеграции, особенно с близкими родственниками и партнерами. Точно также обстоит дело зачастую и на мировой арене, когда в трудную минуту всегда можно положиться на помощь родственных народов, стратегических партнеров. Поэтому страны и народы тюркского мира всегда будут в числе близких партнеров, союзников для народов Центральной Азии.

Государств, имеющих в своем составе тюркские меньшинства с оформленными государственными автономиями, в мире пять — Россия, Китай, Украина, Молдавия, Монголия. В составе Российской Федерации существуют республики Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), а также ряд автономных округов и краев. Общая численность тюрков в указанных государствах составляет около 23,5 млн чел. В том числе в России — 12,2 млн чел., в Китае — 10,8 млн чел., на Украине — около 400 тыс. чел., в Молдавии — около 200 тыс. чел. и в Монголии — около 150 тыс. чел. [9].

Среди тюркских народов до наших дней свою государственность сохранила только Турция. В 1991 г. из бывшего СССР выделились тюркские республики, которые стали независимыми государствами: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан [7].

Обретение независимости и интеграция в международное сообщество поставило перед молодыми государствами Центральной Азии проблему путей и форм развития государственности, выявление вклада каждого народа в мировую историю духовных и культурных ценностей. Это, в свою очередь, требует исследования глубинных корней сложения цивилизации и государственности. Не случайно в независимых государствах региона активизируется стремление определить само понятие национальной идеи, истоков возникновения, вопросов этнической истории, становления и развития национальной государственности, желание исследовать историю самих народов, создавших эти государства.

После распада СССР развитие взаимоотношений с постсоветскими тюркскими государствами на основе общности языка, истории, культуры и этнической принадлежности постоянно находилось в центре внимания Турции. Необходимо сказать, что в осуществлении первых шагов в направлении тюркской интеграции сыграла Турецкая Республика. С начала 1990-х гг. она активно налаживала и развивала отношения своей страны с молодыми независимыми тюркскими государствами, а также оказывала последовательную поддержку интеграционным инициативам стран Центральной Азии [4].

При анализе интеграции тюркских государств можно разделить на два этапа. Первым этапом стал период взаимодействия тюркских государств в культурно-образовательной сфере (1992–2009 гг.).

- На этом этапе для успешной интеграции необходимо были финансирование разработки и координация деятельности и проектов в различных областях. В этих целях в 1992 г. было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТКА). Координационные офисы программы ТКА были созданы в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане. Были реализованы многочисленные проекты в области образования, сельского хозяйства, промышленности и финансов. В эти первые годы основное внимание уделялось образовательным и социальным проектам в Центральной Азии, таким как строительство школ, университетов, библиотек и предоставление стипендий студентам и государственным должностным лицам для обучения в Турции [8]. С 2000 г. ТКА реализует проект «Тюркология» в 21 стране (куда входят Казахстан и Кыргызстан), предусматривающий создание при университетах кафедр по изучению истории и культуры Турции.

- В 1993 г. была создана Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) [2]. Она по сей день активно занимается возрождением культурно-гуманитарных связей тюркских стран и популяризацией тюркской культуры на высоком международном уровне.

- В 90-е гг. во всех странах Центральной Азии, кроме Узбекистана, создана сеть турецких лицеев — средних образовательных учреждений. В Казахстане, Кыргызстане и Туркмении действуют несколько турецких университетов.

Второй этап политической интеграции тюркских государств начинается с 2008 г. по сей день.

- В ноябре 2008 г. была учреждена Парламентская Ассамблея тюркоязычных государств (ТЮРКПА) [3]. Это стало весьма серьезным политическим шагом в направлении реального сближения родственных тюркских стран.

3 октября 2009 г. на саммите глав тюркоязычных государств в азербайджанском городе Нахичеване был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) — международная организация, которую сегодня чаще называют просто как Тюркский совет. Штаб-квартира международной организации находится в Стамбуле. Членами организации являются Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан, а Венгрия имеет статус наблюдателя [5].

В 2010 г. в столице Казахстана г. Астане была открыта Тюркская академия. В 2014 г. Тюркская академия обрела статус международной организации и с тех пор ведет активную работу, цель которой — сплочение академических сообществ тюркских стран и возрождение тюркологической науки в мировом масштабе [1].

Для укрепления единства и дружбы тюркоязычных государств с кочевым миром по инициативе Кыргызстана предложено проведение Всемирных игр кочевников. Инициатива была поддержана президентами стран-членов Совета Сотрудничества тюркоязычных государств. 2012 г. на саммите тюркоязычных стран была подписана Бишкекская декларация [6]. До сегодняшнего дня в Кыргызской Республике успешно проведены три Всемирных игры кочевников. Проводимые игры показали удивительную историю и богатую культуру тюркского мира и кочевников, также служила идеальной средой для гармонизации и укрепления культурной интеграции взаимоотношений между разными странами и народами.

Но сегодня процесс интеграции тюркских стран сталкивается с целым рядом проблем, среди которых необходимо выделить следующие: во-первых, в состав совета сотрудничества не вошел Туркменистан, а это означает, что в Тюркском совете не участвует часть тюркского населения Центральной Азии. К тому же Туркменистан обладает крупнейшими в регионе и вторыми в мире после России запасами природного газа, экспорт которого мог бы стать локомотивом экономической интеграции. Во-вторых, внутриконтинентальное расположение большинства тюркских стран и сопряженной с этим оторванности от моря и замкнутости друг на друге, необходимость совместного выхода к морю и к дополнительным транспортным маршрутам. Основной проблемой тюркского мира является и отсутствие общих границ. Если Казахстан, Кыргызстан, Туркмения и Узбекистан граничат друг с другом, то от Азербайджана их отделяет Каспийское море. Общей границы с Турцией фактически не имеет и Азербайджан. В-третьих, все участники Тюркского совета обладают разным экономическим весом. По размеру ВВП Турция примерно в три раза опережает Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан вместе взятые. В-четвертых, экономическое неравенство имеет и политические последствия. В странах несуществующих и потенциальных маршрутов движения товаров и энергоресурсов и необходимости снижения барьеров на пути движения товаров, в целях стимулирования их потоков на трансевроазиатских маршрутах. Поэтому на пути реализации принципа равноправной интеграции стоят серьезные препятствия в виде большой разности экономических потенциалов и амбиций политических элит. В-пятых, стержнем тюркской интеграции традиционно выступает культурно-гуманитарная составляющая, а политическая интеграция остается на второй план, где влияют внешние и внутренние факторы.

Сейчас перед тюркскими государствами и тюркским миром стоит задача если не создать уникальную систему интеграционных ценностей, то хотя бы формировать и расширять общетюркскую научную, духовную, культурную платформу, складывающуюся из национальных потенциалов. Такой научной и духовно-культурной платформой могут быть ученые-исследователи — историки, международники, лингвисты и другие, исследовавшие этническую историю и другие проблемы тюркских народов, певцы, поющие на нескольких тюркских языках и популярные в ряде тюркских регионов. А также необходимо продвижение научных проектов по изучению тюркологии, тюркской премии в кино, продвижение в мире тюркской борьбы, тюркских чемпионатов по видам спорта и т.п.

Безусловно, мировое сообщество, особенно крупные государства Евразии, следят за процессом «тюркской интеграции», так как на ее территории проживает большое число тюркских народов, многие из которых имеют свои национальные республики. Превращение Тюркского совета в полноценное межгосударственное объединение и его деятельность сегодня очень активно обсуждается и дается разная оценка в мировых СМИ и политических дискурсах.

На современном этапе кроме тюркской интеграции важнейшую роль для всей Евразии играет «интеграция большой Евразии». Это можно рассмотреть как в континентальном, глобальном и региональном контексте. В эту схему можно логично укладывать ЕАЭС — с Россией, СМВДА — с арабским миром, а также с ШОС и геоэкономическим мегапроектом «Один пояс — один путь», ЭПШП — с Китаем и с членами ШОС.

В заключение можно сказать, что сегодня интеграция тюркских стран вместе тюркским миром включает в себя огромную территорию, раскинувшуюся в Азии и Европе и заселенную представителями родственных тюркских народов, имеющих общие исторические корни, близких по языку и культуре. К сожалению, в данный момент тюркские государства нельзя отнести в число высокоразвитых стран. Но, несмотря на это, именно тюркские государства имеют огромный потенциал и все условия для построения стабильной интеграции в Евразии. Интеграция есть единственный путь к благополучию, поэтому сегодня необходимо разработать политику по укреплению и ускорению процесса сближения и сотрудничества тюркских народов на мировой арене в целом.

Литература

1. Академия тюркского мира открылась в столице Казахстана [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tuva.asia/news/asia/1808-kz.html> (дата обращения: 09.05.2016).

2. Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). [Электронный ресурс] Официальный сайт ТЮРКСОЙ.
3. Парламентская ассамблея тюркоязычных стран [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/1847073>
4. Парубочая Е.Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 6(68): в 2 ч. — Ч. 1. — С. 147–151.
5. Парубочая Е.Ф. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2011. — № 1 (19). — С. 113–121.
6. Подписана Бишкекская декларация II саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств [Электронный ресурс]. — URL: <https://for.kg/news-182323-ru.html> (дата обращения 23.08.2012)
7. Проблемы и перспективы интеграции тюркского мира [Электронный ресурс]. — URL: https://pikabu.ru/story/problemyi_i_perspektivy_i_integratsii_tjurkskogo_mira_6835328
8. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА) [Электронный ресурс]. — URL: <https://wiki2.org/ru>
9. Численность населения тюркских государств и народов. [Электронный ресурс]. — URL: <https://maxpark.com/community/13/content/2129128>

Сведения об авторах:

Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: jamyikat2012@gmail.com

Шаршенбек к. Айпер, преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: temirlan2409@bk.ru

РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Б.А. Балпыкбаева

Кыргызский государственный университет геологии, горного дела и освоения природных ресурсов
им. академика У. Асаналиева, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассматривается развитие кыргызско-турецких отношений в постсоветский период. Распад Советского Союза и образование в Центрально-Азиатском регионе суверенных государств явились переломным моментом в установлении и развитии межгосударственных процессов, сотрудничества между Кыргызстаном и Турцией. Во внешнеполитической концепции Турции страны Центральной Азии, в частности, Кыргызская Республика воспринимается как зона своих интересов, подкреплённых культурно-лингвистическим, религиозным родством и давними историческими связями. Турция, активно используя методы «мягкой силы» в отношении Кыргызстана, играет роль донора, оказывающего финансовую, гуманитарную, военную и иную помощь. Ещё с самого начала установления дипломатических отношений с тюркоязычными государствами Центральной Азии Турция пыталась объединить их под своим началом, используя идею тюркского единства, выделяла значительные средства для их развития. Однако этот замысел турецких политиков не оправдал себя. Хотя турецкая модель развития была и остается привлекательной для Кыргызской Республики, но в нашей стране Турция не сумела получить приоритетные позиции.

DEVELOPMENT OF KYRGYZ-TURKISH RELATIONS IN THE POST-SOVIET PERIOD

B.A. Balpykbaeva

Kyrgyz State University of Geology, Mining and Development of Natural Resources named
after academician Usengazy Asanaliyev, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article is devoted to the development of Kyrgyz-Turkish relations in the post-Soviet period. The collapse of the Soviet Union and the formation of sovereign states in the Central Asian region were a turning point in the establishment and development of interstate processes, cooperation between Kyrgyzstan and Turkey. In Turkey's foreign policy concept, the countries of Central Asia in particular, the Kyrgyz Republic is perceived as a zone of its interests, supported by cultural, linguistic, religious kinship and long-standing historical ties. Turkey, actively using the methods of «soft power» in relation to Kyrgyzstan, plays the role of a donor providing financial, humanitarian, military and other assistance. From the very beginning of the establishment of diplomatic relations with the Turkic-speaking states of Central Asia, Turkey tried to unite them under its own leadership, using the idea of Turkic unity, and allocated significant funds for their development. However, this plan of Turkish politicians did not justify itself. Although the Turkish development model has been and remains attractive for the Kyrgyz Republic, Turkey has not been able to get priority positions in our country.

Турция после распада СССР в 1991 г. стала проявлять интерес в выстраивании отношений с тюркоязычными народами Центральной Азии и Азербайджана. Дипломатические отношения между Кыргызстаном и Турцией установлены 24 декабря 1991 г. Первой иностранной страной, которая признала независимость Кыргызстана, была Турция. В этом году будет отмечаться 30-летие установлению дипломатических отношений. В апреле 1992 г. открылось Посольство Турции в Бишкеке, а в октябре 1992 г. в городе Анкаре открылось Посольство Кыргызстана. В апреле 1994 г. правительство Кыргызской Республики приняло постановление об учреждении в городе Стамбуле Генерального консульства Кыргызстана. Благодаря наличию торгово-транспортных связей с мировыми рынками, а также значительному влиянию Анкары на политический климат в Центральной Азии, сотрудничество с Турецкой Республикой стало одним из важнейших и приоритетных направлений внешней политики Бишкека [3, с. 330].

Основополагающими документами, отражающими внутреннее содержание и дух взаимоотношений двух стран, являются: Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой от 24 октября 1997 г.; Совместное заявление Глав двух государств «Кыргызстан и Турция: вместе в 21 век» от 1 июля 1999 г.; Заявление о создании Высшего совета по стратегическому сотрудничеству между Кыргызстаном и Турцией от 26 апреля 2011 г. Создание Высшего совета было значимым событием в отношениях двух стран. Первые годы президентства в Кыргызстане Атамбаева придали кыргызско-турецким отношениям характер стратегического партнерства. Во время официального визита в Турцию 13 января 2012 г. президентом Атамбаевым был отмечен стратегический характер отношений между Кыргызстаном и Турцией. По итогам двусторонних переговоров была подписана Совместная юбилейная декларация о новом историческом этапе отношений между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой. Также Турция списала Кыргызстану долг в размере 50 млн долларов [4, с. 82–90]. 10 апреля 2013 г. на пресс-конференции по итогам второго заседания Высшего совета по стратегическому сотрудничеству между Кыргызстаном и Турцией в Бишкеке президент А. Атамбаев поблагодарил Турцию за списание внешнего долга, а также за предоставление кредита в 100 млн долларов и гранта в размере 6 млн долларов. «Я верю, что наше сотрудничество и дальше будет развиваться и укрепляться. У нас есть потенциал для этого», — отметил президент Кыргызстана [7].

Одним из приоритетных направлений сотрудничества двух государств является сфера образования. В Кыргызстане открыта сеть образовательных школ «Себат», а также Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Международный университет «Ала-Тоо», международная школа «Silk Road» и три общеобразовательные школы. Сеть образовательных школ «Себат» функционирует в Кыргызстане с 1992 г. В апреле 2017 г. «Себат», которую власти Турции связывали с движением проживающего в США турецкого религиозного проповедника Фетхуллага Гюлена, была переименована из «Себата» в «Сапат», а также в состав его учредителей вошло и Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Международное образовательное учреждение «Сапат», Международный университет «Ала-Тоо Ататюрк», Международная школа «Silk Road» и Центр изучения языков и компьютерной грамотности подконтрольны Фетхуллаху Гюлену, оппоненту Эрдогана. Эти образовательные учреждения являются коммерческими. Языками обучения являются английский и турецкий. Прием в лицей осуществляется на основе конкурсного отбора. Стоимость обучения варьируется от 500 до 1500 долларов США в год в зависимости от социального статуса учащегося и географического расположения учебного заведения. Международный университет «Ала-Тоо Ататюрк» функционирует с 1996 г. и является коммерческим образовательным учреждением, которое проводит независимую от Министерства образования Турции политику. Языком обучения является английский. В университете действует широкая система скидок. Выпускники вуза показывают высокую конкурентоспособность на рынке труда, результатом которой является быстрое трудоустройство специалистов. В «Сапат» входят 16 лицеев в регионах Кыргызстана. В общем в них обучается около 11 тысяч детей. За годы работы международное образовательное учреждение «Сапат» снискало доверие и высокую оценку со стороны населения Кыргызстана. Одной из причин, по которой деятельность этих учреждений оценивается весьма позитивно, является то, что в них существует гибкая система скидок на оплату обучения. Так, 32% от общего количества учащихся имеют различные скидки на оплату образования. К данной категории учащихся относятся дети из малообеспеченных, многодетных семей и отличники учебы. Из них 100%-ную льготу имеют 279 человек, скидку 75% — 167 человек, 50% — 473, 25% — 911, 15% — 252 человека и 10% — 857 человек [4, с. 82–90].

В настоящее время около 80% вузов страны предоставляют образование на русском языке. Лишь 27% студентов обучаются на государственном кыргызском языке. Кыргызско-турецкий университет «Манас» является флагманом среди вузов республики и ярким примером для Министерства образования и науки Кыргызской Республики, которое нацелено на создание качественной образовательной системы на кыргызском языке. В кыргызской системе образования турецкие образователь-

ные учреждения занимают очень важные позиции, в частности, помогая государству в реализации программ по переводу делопроизводства и преподавания в учебных заведениях на государственный кыргызский язык [4, с. 88].

Таким образом, надо отметить, что Турция является донором Кыргызстана в сфере образования, которое позволяет турецкому государству проводить достаточно интенсивную политику «мягкой силы». Существующие в республике турецкие высшие учебные заведения заслужили высокую оценку у местного населения, доказательством чему является огромное число желающих учиться в них. Однако отношения Турции и Кыргызстана в последние годы были не самыми теплыми из-за политических позиций Эрдогана и Атамбаева. Сеть образовательных учреждений «Себат» стал причиной раздора Бишкека и Анкары. Официально Анкара предложила Бишкеку запретить образовательные учреждения «Себат», якобы имеющие отношения к Гюлену, которого власти Турции обвиняют в попытке организации военного переворота в Турции 16 июля 2016 г. [6, с. 147]. Турецкие власти после этого военного мятежа активно взялись за членов ФЕТО, идеологом которой является Фетхуллах Гюлен. С тех пор Анкара считает, что действующие в разных странах школы «Себат» (у нас их позже переименовали в «Сапат») связаны с этой организацией и турецким оппозиционером. Отдельные турецкие СМИ со ссылкой на заявления замминистра образования Турции сообщили, что кыргызстанцам, окончившим лицей «Себат», а также их близким, возможно, не будет разрешен въезд в Турцию. Министерство образования и науки Кыргызской Республики обнародовало заявление по этому вопросу, расценив такое отношение Турции, как давление на власти и общественность Кыргызстана, а также как попытку дискредитации образовательных учреждений «Себат». Кыргызстан как суверенное государство вправе самостоятельно определять свою политику. Сеть этих лицеев работает с 1992 г. и за этот период более 10 тысяч наших граждан получили достойное образование, в том числе знание турецкого языка и культуры. Они являются важным связующим звеном между народами Кыргызстана и Турции. Поэтому неприемлемо приравнивать эти школы к террористическим организациям, — говорится в заявлении Министерства образования и науки Кыргызской Республики. В свою очередь также президент Кыргызстана Атамбаев четко дал понять, что закрывать школы не планирует, но в них усилят контроль. На пресс-конференции 1 декабря 2016 г. президент Атамбаев предложил переименовать лицей «Себат» в «Сапат», поручил проработать новый устав школ и позаботиться о том, чтобы Министерство образования и науки Кыргызской Республики стало одним из главных учредителей сети этих лицеев. С этого момента отмечается охлаждение кыргызско-турецких отношений. И это в первую очередь оказывает негативное влияние на сферу предпринимательства. После того как кресло президента занял С. Жээнбеков, Турция вновь попыталась закрыть учебные заведения «Сапат» в Кыргызстане. На встрече 1 сентября 2018 г. между Жээнбековым и Эрдоганом турецкий президент вновь поднял тему о закрытии в Кыргызстане сети общеобразовательных школ «Сапат» и предостерег, что сторонники Гюлена успешно проникают в силовые, гражданские государственные структуры. Визит Жээнбекова в Турцию прошел на фоне охладевших отношений между двумя странами. Руководство Кыргызстана отказалось выполнять просьбу турецких властей.

После распада Советского Союза Турция стала проявлять интерес к тюркоязычным народам Центральной Азии и Азербайджана. В 1980-х гг. Турция совершила настолько экономический рывок, что он даже заставил мировое сообщество заговорить о «турецком чуде»; такие серьезные темпы развития и столь резкий подъем уровня жизни не могли не вызвать симпатий и интерес у центрально-азиатских государств [5, с. 48]. Турция позиционировала себя в качестве примера успешного модернизационного проекта, проведенного по западному образцу. Однако уже тогда Турция совершила крупную ошибку, в дальнейшем ставшую причиной неуспеха ее политики в Центрально-Азиатском регионе. Турция не справилась с различием тюркского и тюркоязычного. Тюркские народы являются этническими тюрками по происхождению, и в этом случае данное определение описывает их национальную принадлежность. Разговаривая на тюркских языках, являясь носителями тюркской культуры, они могут относить себя к иным национальным группам. Представители тюркоязычного населения могут и не быть тюрками по происхождению, но в результате этногенеза разговаривают на языках тюркской группы. Турция игнорировала и продолжает игнорировать эти различия, из-за чего не всегда оказывается в состоянии понять, почему тюркоязычные народы не всегда идут навстречу ее пантюркистским, туркоцентричным устремлениям. Фактически первые противоречия выявились уже в 1992 г., когда осенью в Анкаре собрались главы новообразовавшихся тюркских государств: президент Азербайджана А. Эльчибей, президент Казахстана Н. Назарбаев, президент Кыргызстана А. Акаев, президент Туркменистана С. Ниязов, президент Узбекистана И. Каримов. Тогда предложение турецкой стороны по унификации тюркского мира, а именно по созданию общего тюркского экономического пространства, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки

энергоресурсов, введению свободного передвижения граждан и капитала, а также созданию общего языка встретили крайне холодную реакцию со стороны Казахстана и Узбекистана [2, с. 210–211].

Во внешней политике Турции отмечается усиление политики «мягкой силы», задействование различных механизмов и влияния. В частности, проведение активной пропаганды турецких ценностей в рамках пантюркизма, распространение ценностей и идей через различные фонды, институты, образовательные учреждения, а также сотрудничество в рамках туркоцентричных организаций. Приоритетная сфера влияния — образовательная, базис — туркоцентричный, целеполагание связано с созданием новой подсистемы международных отношений — «туркский мир» [1, с. 37]. Механизмы «мягкой силы» Турция реализует на практике в своей внешнеполитической деятельности в Центральной Азии, Азербайджане с помощью различных организаций, относящихся к турецкому правительству. Отношения Кыргызстана и Турции выстраиваются в экономической, культурной и военной плоскостях. В военно-технической области сотрудничества Турция в одностороннем порядке оказывает помощь вооруженным силам Кыргызстана, помогая укрепить как физическую и образовательную подготовку военнослужащих, так и оснащая кыргызскую армию современным вооружением и экипировкой НАТО. Экономическое сотрудничество Турции в Кыргызстане не отличается высокой активностью, что обусловлено в первую очередь непривлекательным для Турции рынком сбыта, который характеризуется низкой платежеспособностью населения, отсутствием больших производственных предприятий и аграрным характером экономики. Также страна законодательно не защищает иностранные инвестиции, включая турецкие. В Кыргызстане экономическое преобладание российских капиталовложений и расширение китайской экономической экспансии. Страна характеризуется дороговизной логистических услуг, а также отсутствием общих границ с Турцией. Поэтому Турция не заинтересована принимать участие в более масштабных экономических проектах.

Литература

1. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: автореф. дисс. ... докт. полит. наук. — М., 2021. — 37 с.
2. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дисс. ... докт. полит. наук. — М., 2020. — С. 10–211.
3. Внешняя политика стран СНГ / под ред. Д.А.Дегтярёва, К.П. Курылева. — М.: Аспект-Пресс, 2017. — 330 с.
4. Кудаяров К.А. Политика Турции в образовательной сфере Киргизии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — М., 2015. — № 2. — С. 82–90.
5. Лебедева М.М. Мягкая сила в отношении Центральной Азии: участники и их деятельность // Вестник МГИМО Университета. — М., 2014. — № 2.
6. Рыжов И.В., Бородин М.Ю. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Россия и новые государства Евразии. — М., 2019. — № 3 (44). — С. 142–157.
7. Турция списала Кыргызстану 50 миллионов долларов долга [Электронный ресурс]. — URL: <https://knews.kg/2013/04/10/turtsiya-spisala-kyrgyzstan-50-millionov-dollarov-/dolga/> (дата обращения: 18.05.2019).

Сведения об авторе:

Балтыкбаева Бактыгул Асековна, старший преподаватель кафедры «Государственного языка и общественных наук», Кыргызский государственный университет геологии, горного дела и освоения природных ресурсов им. академика У. Асаналиева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: b.asekova@mail.ru

МОНГОЛЬСКИЙ ВЕКТОР НОВОСИБИРСКИХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д.В. Ушаков

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

В статье представлены основные вехи участия Новосибирской школы этносоциологии Института философии и права СО РАН в совместных российско-монгольских исследованиях. Представлены основные темы, проекты, направления и результаты в качестве наиболее значимых публикаций. Приводится динамика самих исследований от теоретических разработок к массовым эмпирическим обследованиям, организации научных и практических мероприятий совместно с органами управления, учебными заведениями и общественными организациями. Дается высокая оценка состоянию начала налаживания сотрудничества и трудностям его развития в условиях пандемии и закрытых границ. Делается вывод о необходимости продолжать поиск путей развития научного и образовательного сотрудничества наших стран в дальнейшем.

MONGOLIAN VECTOR OF NOVOSIBIRSK ETHNOSOCIAL STUDIES

D.V. Ushakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk (Russia)

The article presents the main milestones of the participation of the Novosibirsk School of Ethnosociology of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in joint Russian-Mongolian studies. The main topics, projects, directions, and results are presented as the most significant publications. The dynamics of the research itself from theoretical developments to mass empirical surveys, and the organization of scientific and practical events together with government bodies, educational institutions and public organizations are given. The high assessment is given to the state of the beginning of establishing cooperation and the difficulties of its development in the conditions of a pandemic and closed borders. It is concluded that it is necessary to continue searching for ways to develop scientific and educational cooperation between our countries in the future.

В 2021 г. Россия и Монголия отмечают 100-летие установления дипломатических отношений. Российский и монгольский народы имеют давние дружеские взаимоотношения, но за годы демократических и рыночных реформ многие позитивные связи были утрачены. В последние годы российско-монгольские отношения выходят на качественно новый уровень. И эти взаимоотношения необходимо исследовать и развивать. В настоящее время Монголия является не только нашим южным соседом, но и важным стратегическим партнером.

С 2007 г. Новосибирская школа этносоциологии под руководством Ю.В. Попкова в Институте философии и права СО РАН начала заниматься изучением не только регионов Сибири, но и народов Монголии. Комплекс исследований разных ученых, принадлежащих к этой школе, касался следующих тем:

1. Изучение этнического состава, исторических вех развития, национальных, культурных и цивилизационных предпочтений населения Монголии.
2. Выявление факторов, влияющих на этническое самоопределение взрослого и подрастающего поколений монгольского народа.
3. Анализ ценностных ориентаций, социокультурных констант, религиозных, экономических и политических предпочтений.
4. Определение уровня толерантности в социальных взаимодействиях, симпатий и антипатий в отношении к представителям других народов.
5. Изучение профессиональных ориентаций монгольской молодежи и желаемых приоритетов при подготовке монгольских специалистов в России.

Научные исследования проводились в 2007–2014 гг. на разных территориях с применением разных теретико-методологических подходов: системно-генетическим, цивилизационным, социокультурным, компаративистским и др. Это были различные проекты, реализуемые в разные годы.

Одним из первых был двухлетний (2007–2009 гг.) проект по гранту РГНФ «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры», работы проводились в сотрудничестве с Институтом монгольского Алтая. Руководителями проекта выступали: д-р филос. наук Ю.В. Попков, д-р физ.-мат. наук Х. Цоохуу. География исследований охватывала Улан-Батор, Центральный, Архангайский, Завханский, Ховдский, и Баян-Ульгийский аймаки. Среди многочисленных результатов проекта следует отметить коллективную монографию: *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация* / под ред. Ю.В. Попкова. — Новосибирск: Нонпарель, 2010 [1]. Опираясь на результаты конкретных этносоциологических исследований в разных регионах Южной Сибири, Казахстана, Монголии, Калмыкии, авторами были проанализированы основные социокультурные ценности, константы и проблемы самоорганизации этих сообществ с позиции возможностей евразийского единства.

Параллельно, также в 2007–2009 гг., велись работы по гранту РГНФ «Монгольский Мир: между Востоком и Западом». Руководителем выступил д-р филос. наук Ю.В. Попков, соруководителями были д-р физ.-мат. наук Х. Цоохуу и академик МАН Ж. Амарсанаа. География исследований включала в себя Улан-Батор, Селенгинский, Дархан-уульский, Орхонский, Гоби-Сумбэрский и Восточно-Гобийский аймаки. Одним из результатов явилось публикация коллективной монографии «Монгольский мир: между Востоком и Западом» / под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. — Новосибирск: Автограф, 2014 [2]. На основе обобщения обширного количества материалов массовых и экспертных опросов, проводимых в Монголии, Бурятии и Калмыкии осуществлен сравнительный анализ общего и особенного в ценностных ориентациях родственных монгольских народов. В монографии представлены общие характеристики монгольского мира в культурологическом и философско-историческом аспектах, рассмотрены традиционные и современные ценности духовной культуры монголов.

А также рассмотрены демографические, социально-экономические и политико-правовые проблемы развития современного монгольского общества.

Одновременно, в 2007–2008 гг., сотрудники Института философии и права СО РАН совместно работали с коллегами из Горно-Алтайского и Ховдского университетов по проекту РГНФ: «Роль семьи в формировании межэтнической толерантности у народов Алтае-Саянского региона (на примере Республики Алтай и Республики Монголия)». Руководителями проекта были: Ю.В. Табакаев, Ц. Базаандорж, соруководителем и исполнителем выступал канд. филос. наук Д.В. Ушаков. Этносоциологические опросы и этнографические исследования проводились в Республике Алтай (Россия), Убсунурском, Ховдском, и Баян-Ульгийском аймаках Северо-Западной Монголии. Результатами проекта стала публикация серии статей в российских и монгольских сборниках и журналах.

В 2009–2014 гг. крупные гранты РГНФ и РФФИ или РНФ в этот период исследований оказались недоступными, их частично заменили небольшие экспедиционные гранты, выделяемые Президиумом Сибирского отделения Российской академии наук. Одной из таких поддержанных тем стала «Воспроизводство этничности и установки межнациональных отношений у взрослого и подрастающего поколений современной Монголии». В 2011 г. руководителем этого проекта стал канд. филос. наук Д.В. Ушаков, соисполнителями — сотрудники Института философии и права СО РАН, Тувинского, Горно-Алтайского, Монгольского национального и Ховдского университетов. Этносоциологические опросы и социокультурные исследования проводились в разные годы в Улан-Баторе, Убсунурском, Ховдском, Убсунурском и Баян-Ульгийском аймаках Монголии. Одним из значимых результатов исследований стала публикация двухтомника, и в частности, этносоциологические результаты были опубликованы во втором томе: *Очерки Западной Монголии. Т. 2: Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и российского Саяно-Алтая: монография / В.М. Кимеев, Д.В. Ушаков, А.С. Акулова, В.И. Терентьев, Б. Лхагвасурэн. — Кемерово: Офсет, 2013 [3].* Целью этой коллективной монографии являлась характеристика современных этнокультурных взаимодействий между западными монголами и граничащими с ними казахами, тувинцами и алтайцами. В монографии рассмотрены природные условия, этнокультурное наследие приграничных Российской Федерации территорий Западной Монголии, представлены результаты изучения этнокультурных взаимодействий населения этих территорий и определена их роль в современных российско-монгольских отношениях.

В качестве одного из первых интересных результатов совместных исследований в Западной Монголии, проведенных в 2008 г., явилось значительное превалирование симпатий к русским, а также то, что симпатии были выражены к большинству из предложенного списка народов. Наибольший перевес положительных оценок у обоих поколений монголов был выражен именно в отношении к русским, позитивное отношение к которым превысило даже симпатии к собственным внутренним этническим группам и другим народам. Столь высокая оценка русских обусловлена исторической памятью о помощи в борьбе с китайской и японской интервенцией, памятью о советском периоде российско-монгольской дружбы, значительной политической и социально-экономической помощью, оказанной в те годы.

Полученные при помощи массовых социологических опросов данные неоднократно вызывали сомнения у вполне авторитетных ученых как России, так и Монголии, и были выражены в тезисах — «у Вас получается, что к русским монголы относятся слишком хорошо, тем более даже лучше, чем к своим этносам, населяющим Монголию, — так не бывает», или «только потому, что Вы русские, поэтому Вам так и ответили» (имеется в виду, что население специально отвечало так, чтобы не обидеть интервьюеров). Однако анкеты были переведены на монгольский язык, а в качестве интервьюеров опрос проводили преподаватели Тувинского и Ховдского университетов, и их студенты — все монголы, прекрасно владеющие родным языком.

При проведении подобного опроса в столице Монголии в 2011 г. были получены близкие данные. У столичных жителей оценки симпатий и антипатий выражены в наибольшей степени к халхцам, которые сами составляют большинство населения столицы, и несколько меньшие — в отношении к русским. Все же русские оказались на втором месте по превалированию симпатий, а на третьем — позитивные оценки были выражены к англичанам, на четвертом — к американцам.

Кроме этого, последующие масштабные исследования межэтнических отношений, проводившиеся в Улан-Баторе в 2014 г. и в 2015 г. в Новосибирске по схожей методике массовых опросов, подтвердили в межэтнических отношениях высокий рейтинг русских. Вновь монгольская молодежь проявила значительные симпатии в отношении и к русским, тогда как новосибирская — выражала больше симпатии к европейским и лишь к некоторым азиатским народам. К монгольскому же народу у новосибирской молодежи, хоть и незначительно, но была выражены антипатия и нейтральное отношение.

Не только экспедиции и работа по грантам велась сотрудниками Института философии и права, неоднократно они выступали на ежегодных конференциях «Природные условия, культура и история Западной Монголии и сопредельных регионов», проводимых Ховдским госуниверситетом, а в 2010 г. в Улан-Баторе Институт участвовал в Международной конференции «Социально-политические процессы в условиях глобализации» и в организации школы молодых этносоциологов. Конференция проводилась под эгидой Министерства образования, культуры и науки Монголии, Институтом философии, социологии и права Монгольской Академии наук, Институтом исследований монгольского Алтая и Институтом философии и права СО РАН.

В последние годы сотрудники Института философии и права нередко переходили от организации исследований и научных мероприятий к практике социального сотрудничества. Одним из импульсов к этому стало подписание в 2015 г. договора о побратимстве городов Новосибирска и Улан-Батора и более тесном сотрудничестве с органами муниципального управления, общественными организациями и образовательными учреждениями, работающими с представителями Монголии.

Так, благодаря плодотворным контактам и совместной работе с Сибирской ассоциацией культурного и делового сотрудничества, регионального отдела РАМС (Российской ассоциации международного сотрудничества), стало возможным участие Института в двух форумах: «Россия — Монголия» в 2016 г. в Новосибирске, и в 2017 г. — в Улан-Баторе. На обоих форумах совместно с ассоциацией сотрудники Института участвовали в организации круглых столов по науке и образованию.

Весной 2018 г. в Новосибирске создана региональная общественная организация Монгольский национально-культурный центр «Найрамдал — (Дружба)», в организации и работе которой самое деятельное участие принимали сотрудники Института философии и права. Созданный центр принял на себя функцию адаптации и вовлечения учащейся в Новосибирске и Новосибирской области монгольской молодежи в общественную жизнь принимающего сообщества.

Основными целями и направлениями деятельности НРОО «Монгольский национально-культурный центр Найрамдал (Дружба)» являются: Оказание помощи в реализации положений, изложенных в Соглашении от 15.10.2015 г. «О побратимстве городов Улан-Батора и Новосибирска. Содействие укреплению взаимопонимания, доверия, дружественных связей и всестороннего сотрудничества между населением г. Новосибирска и Новосибирской области с жителями Монголии, ознакомление общественности со сложившимися историческими, культурными и духовными ценностями и традициями наших народов. Сотрудничество с государственными и негосударственными учреждениями в области защиты прав и основных свобод представителей региона, а также монгольских граждан, постоянно или временно пребывающих на территории области, всемерного содействия консолидации общества.

В своей деятельности центр делает упор на работу со студенческой молодежью. До 2020 г. и начала периода пандемии коронавируса организовывал совместные праздники, творческие встречи, концерты, спортивные мероприятия, помогал в правовом консультировании, в решении социальных и бытовых проблем.

В 2019 г. до начала пандемии сотрудники Института и Центра «Найрамдал (Дружба)» принимали участие в организации и проведении совместно с Сибирской ассоциацией культурного и делового сотрудничества экономического форума «Азиатские встречи» в Новосибирске. Форум был посвящен образовательному сотрудничеству. Помимо других азиатских стран в нем участвовали представители администраций Ховдского и Говь-Алтайского аймаков Монголии. Делегации посетили многие учебные заведения г. Новосибирска, ими были заключены двусторонние договоры о сотрудничестве между учебными учреждениями и администрациями разных районов Монголии по подготовке специалистов.

В настоящее время живое общение и научное сотрудничество, в силу закрытости границ, осуществляется в онлайн-режиме: возможны лишь совместные публикации и заочное участие в конференциях. Большое количество студентов и аспирантов из Монголии учится в вузах г. Новосибирска, но пока дистанционно.

Анализ современных тенденций, влияющих на формирование этнического сознания, и установок межэтнических взаимодействий у представителей соседнего государства важен с точки зрения информационного обеспечения внешнеполитических решений и развития долговременного сотрудничества Монголии и России.

Коллективы наших организаций продолжают свою работу на благо России и Монголии. Дальнейшее проведение совместных исследований крайне важно для стратегического партнерства и дружеских отношений наших народов.

Литература

1. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. — Новосибирск: Nonпарель, 2010. — 449 с.
2. Монгольский мир: между Востоком и Западом» / под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. — Новосибирск: Автограф, 2014. — 354 с.
3. Очерки Западной Монголии. Т. 2: Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и российского Саяно-Алтая: монография / В.М. Кимеев, Д.В. Ушаков, А.С. Акулова, В.И. Терентьев, Б. Лхагвасурэн. — Кемерово: Офсет, 2013. — 199 с.

Сведения об авторе:

Ушаков Дмитрий Викторович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социально-правовых исследований, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: ushakovdmitrii@mail.ru

КАЗАХИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА)

А.Н. Алексеев, Ж.С. Аубакирова

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта «Оценка уровня демографической безопасности РК» (AP08856205), финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

В статье представлены мнения казахского населения г. Усть-Каменогорска по актуальным проблемам социокультурного, межэтнического развития современного Казахстана.

KAZAKHS IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF A MODERN CITY (ON THE EXAMPLE OF UST-KAMENOGORSK)

A.N. Alekseenko, Zh.S. Aubakirova

S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

The article presents the opinions of the Kazakh population of Ust-Kamenogorsk on topical issues of socio-cultural, interethnic development of modern Kazakhstan.

Одной из важных особенностей истории советского Казахстана являлась этнически дифференцированная система расселения его жителей. В городах преобладало европейское население, основная масса казахов проживала в сельской местности. Наиболее явно проблема оформилась в северо-восточном регионе республики. Одним из ярких примеров является г. Усть-Каменогорск. В постсоветский период активная миграция казахского сельского населения в русскоязычный город привела к появлению этнически выраженных «полюсов» проблем создаваемого городского пространства. Поэтому мнения политических, общественных деятелей, выражающие их суть, зачастую эмоциональны, этнически дифференцированы. Именно этнически ангажированные точки зрения чаще всего присутствуют в казахстанском информационном поле.

Но рассмотрение проблемы становления городского пространства только через этнополитическую призму не отражает сути происходящих изменений. В современном Казахстане сформировался социальный слой городских казахов, воспринимающих исторические, социокультурные и другие проблемы не только через призму этничности. Данный вывод авторы формулируют на примере Усть-Каменогорска, до настоящего времени одного из наиболее русскоязычных городов Казахстана. Значительная часть казахского населения, давно проживающего в городе, встраивалась и продолжает встраиваться в сложившуюся социокультурную среду города, частично принимает ее правила игры. Мнения городских казахов о многих проблемах современного развития далеко не всегда совпадают с преобладающими в СМИ представлениями о «досуверенном» прошлом Казахстана, межэтнических отношениях. Именно их точка зрения представлена в статье.

Предлагаемый текст основан на интервью с городскими казахами, проведенными в Усть-Каменогорске в 2020–2021 гг. Основным критерием выбора респондентов стало время проживания в городе: родившиеся в нем или проведшие большую часть жизни. Интервью/беседы проводились по наиболее острым, неоднозначным и часто поднимаемым в СМИ вопросам постсоветского разви-

тия Казахстана. Для большей объективности комментарии авторов по поводу размышлений людей о тех или иных явлениях были предельно минимизированы.

В казахстанской общественной мысли «досуверенное» прошлое оценивается неоднозначно. Нередко данный период классифицируется как «колониальный, тоталитарный режим», принесший много бед казахскому народу. При этом основой, стержнем этого режима обозначена Россия. Необходимо отметить, что в большинстве обличающих недавнее прошлое работах критике подвергаются не отдельные этносы, а политическая система. Тем не менее упоминание России как основного виновника трагедий казахского народа вольно или невольно ассоциируются с русским этносом. Является ли данная точка зрения адекватным отражением мнений казахов Усть-Каменогорска?

«Вообще советское время было хорошее. Была уверенность в завтрашнем дне, стабильность, люди были добрее. А сейчас человек человеку кто? Не знаю... Есть, конечно, положительное за последние годы... Сейчас случись с нами война, вроде той... В одиночку не одолеем. Страшно становится, когда думаешь, что ожидает моих детей, внуков... А то, что русские в Казахстане преобладали... Скажу коротко, если не было бы русских, не было бы города Усть-Каменогорска, мы бы не встретились со своей супругой, не было бы моих детей, семьи, жизнь моя сложилась бы по-другому... Не было бы страны, в том виде, в котором она сейчас есть. Не было бы Советского Союза. Не было бы победы в войне. Вот так... Одно могу сказать, русские изменили мир казахов. Что-то изменилось внутри у каждого казаха, что-то, что сидит очень глубоко, после чего развитие идет уже по-другому. И это изменение хорошее, на мой взгляд, безвозвратное. Назад пути нет. То есть русские определили наше развитие на много веков вперед, смоделировали его, сами того не подозревая. Но это только мое мнение. Я думаю, что многие казахи со мной не согласятся. Таковы уж казахи...» (Адилбек, 82 года, пенсионер).

«Советское время вспоминаю с хорошими чувствами. Ведь тогда мы были молоды, женились, дети появились. Ну как его будешь вспоминать плохо? И многие так думают. Это лучшее время. А русские сделали, конечно, больше хорошего для казахов. Если казахов оставить одних, еще неизвестно, что будет...» (Алия, 78 лет, пенсионерка).

«В пребывании казахов в составе Российской империи, СССР были как положительные, так и отрицательные моменты. Я считаю, что в целом общение русских и казахов принесло обеим сторонам больше положительного, чем отрицательного. Допустим, конкретно для казахов: повысился образовательный, культурный уровень, уровень здравоохранения. Казахи стали более урбанизированными» (Айман, 47 лет, преподаватель).

«Русские как бы внесли свой вклад в наше развитие. Это, можно сказать, сельскохозяйственная деятельность. И потом в развитии образования... Мы стали развитее. Вообще, наше мировоззрение поменяли как бы русские, но и также внесли свои недостатки. Это спиртные напитки. Вот. А так вообще мы стали образованнее, мы стали известны всему миру...И уже несколько веков мы дружим с русскими, и надеюсь, так будет всегда» (Маржан, 33 года, индивидуальный предприниматель).

«Во времена моих родителей русские не давали развиваться казахам как нации и ущемляли их права и язык. В то же время из аграрной страны Казахстан превратился в промышленную страну. Во-вторых, казахи получили возможность обучаться, получать высшее образование, заниматься научной деятельностью. В данное время ничего плохого с их стороны не вижу» (Зарина, 39 лет, экономист).

«Ну, думаю, русские внесли очень большой вклад для нашей страны... То есть, как бы, когда раньше была Великая Отечественная война, в нашем Казахстане стали строить вот эти вот промышленные заводы. Из России перевозили сюда заводы, так как была война, им пришлось перевозить. И вот сейчас это у нас осталось, и, думаю, это большой вклад в нашу экономику, потому что многие заводы до сих пор работают. И вот сейчас шахты — это тоже не казахи же строили, это с русскими все связано» (Лаура, 18 лет, студентка).

Таким образом, выше представлены мнения разных поколений. Одни прожили в советском Казахстане большую часть жизни и сформировались как личности в условиях «тоталитарного режима». Другие социализировались на стыке двух эпох, вследствие чего способны провести сравнительный анализ этнополитической, социокультурной ситуации. Третьи родились в постсоветском Казахстане и оформили точку зрения под влиянием родителей, школы, собственных размышлений. Мнения разные. Но все их объединяет некая рассудительность, способность видеть ситуацию не через эмоционально-иррациональную призму этничности.

Строительство национальных государств на полиэтничном постсоветском пространстве привело к этнически выраженным миграционным процессам. Особую актуальность проблема имела для Казахстана, так как в конце 1980-х гг. более 60% населения составляли «нетитульные» этносы [1, 7].

Вследствие этого абсолютная численность эмигрантов была одной из самых высоких на постсоветском пространстве. Только в 1990-1999 гг. из Казахстана выбыло 2872,5 тыс. человек [2, 294]. В значительной мере проблемы эмиграции освещались российскими исследователями, в основном учитывались мнения представителей выбывающей стороны. В связи с этим представляет интерес точка зрения казахов, пытающихся выявить причины смены места жительства русского населения.

«Я думаю, что часть из них мигрировала с какой-то обидой... Но ведь... у казахов проснулось национальное самосознание... Ведь Казахстан приобрел независимость, начались процессы возрождения языка, культуры, религии... всего. Я думаю, что эти обиды не совсем оправданны, потому что все эти процессы естественны для любого народа... Мигрировали не только русские, но и другие этносы. Да, обида есть, но она не совсем оправданна» (Айман).

«Ну, возможно, эти обиды есть, но в основном это то, что они не могут преодолеть свой языковой барьер. То есть Казахстан стал независимой страной, он больше склонен к нашему, казахскому, языку. Возможно, русские не то чтобы обижаются, они просто испугались, что мы не дадим им проходу... Ну, везде будет казахский язык, а русский язык будет забыт. Из-за этого они испугались. А так, какие обиды на нас?» (Маржан).

«Конечно, у русских есть обиды... Сейчас им не дают возможности работать на руководящих должностях. Потому что они не владеют государственным языком» (Зарина).

«Ну, думаю, не должно быть обид... У нас вот в Казахстане в сравнении с Кыргызстаном... Там, например, плакаты только на киргизском языке. А у нас вот на казахском и на русском языках... Думаю, у русских не должно быть никаких обид, так как где-то в восемнадцатом веке было же крепостное право?... и их специально перевозили в Казахстан, потом начали строить колхозы и совхозы... Они приехали сюда и начали хорошо жить, мне кажется. Казахам вообще выкинули со своих мест... и туда русских поселили. Было же такое, что голод был, многие померли... Ну, не знаю, не должно быть обид... Мы же с ними дружно живем. И нет такого, чтобы против них...» (Лаура).

В последние годы в Казахстане существенно возросла роль ислама, меняется социокультурное пространство, во все большей мере функционирующее на основе культуры, языка и традиций казахского этноса. Тенденция доминирует в фактически моноэтническом юго-западном Казахстане. Казахи, социализировавшиеся в полиэтничном Усть-Каменогорске, воспринимают ситуацию по-своему.

«Я уважаю традиции, религию, обычаи других народов, в том числе русских. Единственно, чтобы это не было утрировано, не выпирало, не навязывалось, не ущемляло права, культуру, традиции других народов. Каждый может разговаривать на удобном ему языке: казахском, русском, английском... Меня это не раздражает. Вообще, мне ближе человек ментально схожий, одного поля ягода со мной... Не обязательно, чтобы это был казах» (Айман).

«Я думаю, что чем больше конфессий будет, тем лучше. Религия всегда способствовала миру и покою. В церкви я не была, но мне всегда интересно посмотреть... Знаю, что у русских есть Пасха, Крещение... Думаю, что в их традициях и праздниках для казахов ничего отрицательного нет... Мне вообще без разницы, с кем общаться... Мне что русские, что казахи, они для меня равны» (Назерке, 19 лет, студентка).

«Человек советской школы, он, наверное, вообще не делит людей на национальности. Мне важно, чтобы этот человек подходил мне по менталитету. По каким-то другим еще параметрам, но национальность мне не важна. Мне важен человек и его отношение ко мне. Ну а праздники встречать русские... Почему бы и нет? С ними отпраздновать праздник... Ну, как бы присоединиться к их празднеству... Они же с нами справляют праздники» (Маржан).

«Я вообще неверующий человек, но к религии отношусь положительно, но чтобы было без фанатизма. Я ко всему отношусь положительно: и к церквям, и к синагогам, и к мечетям. У каждого должно быть право на свою веру. Человек должен разговаривать на языке, который ему больше нравится. Я уважаю в человеке индивидуальность и личность» (Айжан, 49 лет, врач).

Насколько далеко к настоящему времени зашел процесс взаимопроникновения культур? Имеется какая-либо граница, переступить которую сложно, сегодня, во всяком случае? Исходя из тенденций эволюции этнического состава населения Казахстана, по мнению Р. Кадыржанова: «Скорее всего, к концу XXI века, Республика Казахстан станет этнически однородным государством с некоторыми национальными диаспорами. Ассимиляция неказахских этносов будет мягкой, а не насильственной» [3]. Также распространено суждение, что в перспективе сложится единая казахская нация, а русские станут казахами с русскими корнями. Например: «В основе ценностей новой казахской нации будет казахская культура и казахский язык. Граждане Казахстана будут с гордостью говорить, что они казахи с русскими корнями. Новые казахи как интегрированная часть, если они по происхождению русские, будут идентифицировать себя как казахов, в отличие от русских в России» [4, 7]. Как к подобной идее относятся казахи Усть-Каменогорска?

«Вообще людей нужно делить не на казахов и русских, а на чистоплотных и нечистоплотных, гуманных и негуманных, богатых и бедных. Мысли у русских те же, что и у меня. Они переживают за себя, за свое здоровье, за своих родственников. Меня, конечно, интересует судьба моего этноса. Но мысли одинаковы, независимо от национальной принадлежности. В казахах и русских много общего. Но смотря какие казахи. Если это традиционные казахи, то все дело в этнической принадлежности. Если это казахи, подвергшиеся процессам обрусения, то, я думаю, что внешне это традиционные казахи, а внутренне они ближе к русским. Мне, например, комфортно находиться там, где говорят на русском языке. В казахской среде я больше сижу и молчу, потому что мне нечего сказать. Поэтому пусть лучше среда будет многонациональной» (Айман).

«Конечно, есть деление на русских и казахов. Общим может быть наше мировоззрение, менталитет. Какие-то все равно есть общие качества у нас. Мы уже притерлись. Не чтобы десятилетиями, мы уже веками вместе живем. А различия — это внешний вид. У них европейские черты лица, а у нас — монголоидные. Этим, наверное, и отличаемся... Мы сами не знаем, какими мы были, мы все перемешаны» (Маржан).

«Мне больше нравится общество, где много национальностей. Там, где одни казахи — неинтересно. А там, где много национальностей — интереснее... Но русский все равно не сможет стать казахом. Русский останется русским. Кровь держит. Или будет шала-казах» (Назерке).

«Могут ли русские стать казахами... А в России их так уже и называют — ой, казахи приехали! У нас знакомые, например, многие уехали в Россию и обратно приехали. Им там не понравилось. Наших там уже называют казахами. А многие мои родственники — они уже русские. Мой дядя женился на русской. Мы с ними дружно живем, и они всегда тоже помогали нам. Казахи некоторых русских заключенных спасли от голода. Русских выводили на поле, чтобы они там работали, кушать им не давали... Я читала об этом в журнале, а наши бабушки кидали в них курт. Некоторые русские так и спаслись от голода» (Лаура).

Таким образом, этнодемографические, социокультурные, социально-экономические и другие составляющие городского пространства Казахстана в постсоветский период претерпели определенные изменения. Пример Усть-Каменогорска демонстрирует вариант его формирования на северо-востоке государства. Прибывающее в город сельское казахское население было вынуждено встраиваться в русифицированную городскую структуру, привнося в нее в то же время элементы национальной культуры. С течением времени сформировался полиэтничный, поликультурный городской слой, в значительной мере определяющий вектор развития Усть-Каменогорска.

С учетом того, что численность населения Усть-Каменогорска увеличивается за счет прибывающей из села казахской молодежи, компенсирующей эмиграционные потери европейской части, его этнический состав постепенно меняется. Но, на наш взгляд, в городе уже заложен поликультурный алгоритм развития, способный определять ситуацию в перспективе.

Литература

1. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. — Алма-Ата: Информационно-издательский информационный центр, 1991. — С. 7.
2. Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. «Казахи в контексте демографической истории» в рамках программы «Рухани жаңғыру». — Нур-Султан: ТОО «Шанырақ — Медиа», 2020. — 400 с.
3. Кириница Ю. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу // Аргументы и Факты. — Казахстан. — 2011. — № 26.
4. Гали А. Национальная интеграция: за и против // Достык-Дружба (Ассамблея народов Казахстана). — 2004. — Август-сентябрь. — С. 7.

Сведения об авторах:

Алексеенко Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, главный научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: alalexeenko56@gmail.com

Аубакирова Жанна Сакеновна, кандидат исторических наук, доцент, Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова, директор НИЦ «Алтайтану» (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: aubakirova_zhanna707@inbox.ru

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В ТЮРКСКОМ МИРЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Модераторы: **Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович**, доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ЮРИДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРАВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Р.Ю. Почекаев^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург (Россия)

²НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Междисциплинарные исследования позволяют существенно расширить наши знания о различных аспектах истории Золотой Орды, в том числе и о таком специфическом, как право и правоотношения. При этом сочетании изучения юридических и неюридических источников поможет сформировать представление не только о писаном, но и о «живом» праве, т.е. реальных правоотношениях.

LEGAL ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF LAW OF THE GOLDEN HORDE

R.Yu. Pochekaev^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg (Russia)

²“The Great Altai” Scientific Educational Center of Altaistics and Turcology, Barnaul (Russia)

Interdisciplinary researches allow to wide substantially of knowledge on different aspects of the Golden Horde history including such specific as law and legal relations. Combination of study legal and non-legal sources helps get an idea not only on written but also on “living” one, i.e. real legal relations.

Введение в оборот новых исторических источников о Золотой Орде (Улусе Джучи) и других современных ей государствах Чингизидов наряду с широким использованием методов междисциплинарных исследований позволяет изучать такие аспекты истории этих государств, которые до недавнего времени оставались за пределами внимания исследователей — наука и искусство, литература, философия и идеология. Новые перспективы открываются и в отношении историко-правовых исследований. Дело в том, что до сравнительно недавнего времени изучение права Золотой Орды осуществлялось на основе ограниченного круга источников, многие из которых к тому же не имели собственно местного происхождения. Кроме того, учитывая специфику и неразработанность темы, специалисты основное внимание уделяли формированию представления о системе права Золотой Орды как о системе ее источников. Было очень важно отметить и уяснить сложность формирования правовой системы Улуса Джучи в условиях изменения границ, принятия новой официальной религии (ислама), с учетом многонационального и поликультурного населения. Соответственно, основные направления исследования права Золотой Орды концентрировались вокруг системы и статуса органов власти и управления, иерархии источников права и характеристики их отдельных, видов основных судебных институтов.

Современный уровень изученности права Золотой Орды, нашедший отражение в работах исследователей разного времени — начиная с И.Д. Беляева, И.Н. Березина, Н.И. Веселовского, Я.И. Гурлянда, В.А. Рязановского, советских авторов А.П. Григорьева, Ш.Ф. Мухамедьярова, М.А. Усманова (продолжавших изыскания и в постсоветский период) и заканчивая современными

исследователями Т.С. Жумаганбетовым, З.К. Картовой, С.А. Маловой, Р.Ю. Почкаевым, Ю.В. Соцневым [см., напр.: 11], дает возможность использовать наработки ранее проведенных исследований для дальнейшего изучения права и правовой ситуации в Улусе Джучи на основе междисциплинарного подхода и, соответственно, с привлечением дополнительных материалов. В рамках данного направления одним из наиболее перспективных видится юридико-антропологический подход.

Юридическая антропология (или антропология права) сегодня считается сравнительно новой наукой, поэтому ее предмет и метод до сих пор вызывают оживленные дискуссии. Можно выделить три основных направления юридико-антропологических исследований, которые развивались по мере формирования этой науки. Наиболее ранним (вторая половина XIX в.) было изучение древнейшего и древнего права, в рамках которого представители этого направления предпринимали попытки обнаружения общих истоков современных правовых систем, закономерностей их развития и причин несхожести права разных стран, народов и регионов мира; это направление можно условно охарактеризовать как «историческое правоведение». К числу основных специалистов в рамках данного направления можно отнести Г. Самнера-Мэна, И.Я. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Д. Фрэйзера [см., напр.: 9] и др. Второе направление, возникшее в конце XIX — начале XX в., обозначается исследователями как «юридическая этнография»: его представители, сосредоточившись на изучении современных им народов, сохранявших традиционную систему правоотношений, полагали, что изучение современных традиционно-правовых практик позволит им экстраполировать полученные знания и выявленные тенденции также на более ранние периоды истории различных народов и государств. Это направление, основателями которого можно считать Л.Г. Моргана, М.М. Ковалевского, а последующими яркими представителями — К. Леви-Стросса, Э. Гобеля и др., в современной юридической антропологии представлено такими специалистами как Н. Рулан, А.И. Ковлер, В.В. Бочаров, Н.И. Новикова, В.О. Бобровников и др. [2, с. 66–110; 5, с. 36–103; 15, с. 14–50]. Наконец, уже в конце XX — начале XXI в. сформировалось третье направление, представители которого называют его «социокультурной антропологией права» и ищут ответ на вопрос о месте человека в праве в общекультурном контексте. Это направление представлено трудами И.Л. Честнова, О.А. Пучкова, В.И. Павлова и др. [10, 16].

Разбор сильных и слабых сторон каждого из перечисленных направлений занял бы слишком много места и к тому же не является целью настоящего исследования. Для нас важно то, что методы, используемые представителями всех этих направлений, а в ряде случаев — и конкретные результаты могут оказаться весьма эффективными в рамках изысканий по истории государства и особенно права Золотой Орды. Главным преимуществом их применения является возможность сформировать представление не только о писаном праве Улуса Джучи, но и о реально складывавшихся правоотношениях в разных сферах на том или ином этапе развития этого государства.

Методология, разработанная представителями «исторического правоведения», позволяет использовать широкий круг источников, в том числе имеющих неюридическое происхождение, для реконструкции золотоордынских правовых реалий — как нам уже приходилось отмечать, именно это направление наиболее актуально для изучения государства и права тех стран и народов, от которых сохранилось немного правовых памятников [12]. Наряду с сохранившимися до нашего времени актами правоприменения джучидского происхождения — ханскими ярлыками, грамотами и письмами ордынского и пост-ордынского времени, а также восточными средневековыми летописями и хрониками, важнейшими документами для нас могут являться свидетельства современников — иностранных путешественников, лично побывавших в Золотой Орде и непосредственно столкнувшихся с реализацией правовых норм и принципов на практике. В отличие от официальных правовых актов и придворных исторических сочинений материалы таких путешественников (а это — дипломаты, миссионеры, торговцы, наемники и пр.) в гораздо меньшей степени ангажированы, поскольку их авторы стремились не отразить официальную государственную идеологию, а дать реальную картину описываемых событий.

В последнее время круг источников такого рода весьма расширился за счет введения в научный оборот значительного числа латинских и итальянских источников — записок, отчетов и трактатов миссионеров, торговцев, ученых, которые либо сами побывали в Золотой Орде и современных ей других чингизидских государствах, либо фиксировали в своих научных трудах сведения, полученные от таких путешественников [17].

Кроме того, в некоторых случаях следует уделять внимание и другим хорошо известным источникам, которые до сих пор мало исследовались с точки зрения истории государства и права Золотой Орды. В частности, нам уже приходилось отмечать важность древнерусских летописей как важ-

нейшего источника о суде золотоордынских ханов над русскими князьями в XIII–XV вв. — с учетом, конечно же, позиции русских авторов летописей и их информаторов [13, с. 50–51].

«Юридическая этнография» также может оказаться весьма востребованной в рамках дальнейшего изучения правовых реалий Золотой Орды, поскольку это государство, безусловно, не исчезло без следа, а дало начало многочисленным новым народам и государствам, правовые традиции которых, безусловно, включают и значительный пласт золотоордынского (а в ряде случаев и доордынского) времени. Соответственно, обращение к таким традициям на основе «полевых наблюдений», принятых в XVIII — начале XXI в. в отношении тюркских, монгольских, кавказских, финно-угорских народов, предки которых в свое время составляли население Золотой Орды, может дать весьма ценный материал для понимания и реконструкции правовых реалий джучидского времени.

Еще одним направлением, близким к этнографическим исследованиям, может стать изучение народного эпоса и фольклора перечисленных народов, к которому относятся героические сказания, былины, сказки, а также анекдоты, пословицы и поговорки [6, 7]. Эти тексты в значительной степени отражают «правовой менталитет» соответствующих народов, их отношение к государству, праву и суду, а также к конкретным действиям лиц, наделенных властью и уполномоченных принимать правозначимые решения. В настоящее время исследователи уже сумели оценить потенциал подобного рода источников по истории права и правосознания, дав начало даже новой специальной научной дисциплине — правовой (юридической) паремиологии [3].

Этот аспект весьма тесно связан с возможностями использования методов и наработок представителей «социокультурной антропологии права». Как представляется, это направление в большей степени относится к философским, нежели к чисто антропологическим наукам, что, впрочем, совсем не означает невозможность применения его методологии в рамках исследования права и правоотношений в Золотой Орде. Напротив, благодаря этому подходу мы можем сформировать представление об отношении самих же представителей Улуса Джучи к праву, суду, правовым реалиям, их эволюции. Как раз в настоящее время в научный оборот вводятся и активно исследуются памятники золотоордынской научной (политической, правовой, философской) мысли, а также литературы и искусства, из которых мы имеем возможность извлечь ценную информацию о политико-правовых взглядах представителей служилой и интеллектуальной элиты золотоордынского времени, их отношении к правовым реалиям, оценках эволюции правоотношений в разные периоды существования Золотой Орды.

До недавнего времени были известны лишь единичные произведения подобного рода, причем до сравнительно недавнего времени их даже не пытались соотносить с Золотой Ордой, считая произведениями средневековой тюркской научной мысли или словесности — например, «Моххабат-наме» Хорезми, некоторые трактаты по математике или астрологии. Лишь допустив возможность рассмотрения Улуса Джучи как полноценного государства и даже, более того, самобытной цивилизации, исследователи нашли возможность изучения таких сочинений именно как образцов науки и литературы Золотой Орды. Кроме того, в научный оборот введены новые произведения литературы, опубликованы антологии золотоордынской поэзии, богословско-правовой мысли, фундаментальные трактаты — в частности, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари и «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара [1, 4, 8, 14], в которых значительное место уделено вопросам права, которые в соответствии с научной традицией того времени имели тесную связь с богословием.

Конечно же, подобного рода источники являются довольно сложными для понимания, и извлечение из них информации о праве и правовой мысли Золотой Орды следует осуществлять в рамках междисциплинарного сотрудничества — специалистам по истории государства и права и представителям таких наук и дисциплин, как историческая филология, фольклористика, в ряде случаев — религиоведение (исламоведение), этнография и др. Полагаем, это обстоятельство может стать стимулом для образования временных или постоянных исследовательских коллективов, которые могли бы осуществлять изучение отдельных аспектов права, правоотношений и правовой мысли в Золотой Орде и государствах, впоследствии ставших ее преемниками, народов, чьи традиции составили комплекс правовых норм, принципов и ценностей Улуса Джучи и повлияли на последующее правовое развитие стран и регионов Евразии. Подобный междисциплинарный подход и междисциплинарное сотрудничество не будут просто данью современным тенденциям: в свое время юридическая антропология возникла и развивалась именно на стыке различных наук и дисциплин, и именно от степени конструктивности взаимодействия представителей различных отраслей научного знания во многом зависела и объективность результатов проведенных исследований, и степень их признания ученым сообществом.

Как представляется, освоение такого направления исследований по истории государства и права Золотой Орды позволит существенно расширить и дополнить имеющиеся на сегодня представле-

ния об этом аспекте истории Улуса Джучи. Главное же, подобного рода изыскания смогут «оживить» правовую действительность этого средневекового государства, показав ее не в виде абстрактных правовых предписаний и писаных памятников права, а как систему реально складывавшихся отношений между живыми людьми, имевшими собственные цели, взгляды, позиции и пр. Именно это и позволило нам охарактеризовать предлагаемый подход как юридико-антропологический, поскольку целью его применения является анализ истории правоотношений, правовых взглядов и, в широком смысле, формирование «*homojuridicus*» в Золотой Орде.

Считаем также нужным подчеркнуть, что в рамках этого направления ни в коем случае не следует рассматривать полученные сведения о юридических нормах и принципах, о правовых взглядах как универсальные, характерные для всего населения Золотой Орды на протяжении всего времени ее существования. Как уже отмечалось, Улус Джучи был весьма обширным государством, включавшим в себя многочисленные народы с разными культурами, языками, религиями, образом жизни и пр. Учитывая, что золотоордынские ханы (вслед за своими предшественниками — монархами Монгольской империи) не вмешивались в частноправовые отношения своих разнообразных подданных, можно обоснованно утверждать, что право тюркских кочевников, система мусульманского права оседлых регионов Хорезма и Поволжья, правовые обычаи народов Кавказа и т.д. — все это составляло часть правовой системы и системы правоотношений в Улусе Джучи точно так же, как Великая Яса Чингис-хана, ханские ярлыки или предписания региональных властей.

Именно поэтому благодаря сочетанию методов различных направлений юридической антропологии появляется возможность создания своего рода «правовой карты Улуса Джучи», на которой в разных регионах этого государства могли действовать различные источники права (общегосударственные, региональные, локальные), соотношение которых к тому же могло меняться в разные периоды истории.

Кроме того, не следует забывать, что именно правовое наследие Золотой Орды во многом легло в основу политико-правовой культуры народов и регионов, которые в разное время и при различных обстоятельствах входили в состав России. Соответственно, исследования с юридико-антропологической точки зрения права и правовых реалий Улуса Джучи будет способствовать лучшему пониманию закономерностей и особенностей развития правовых традиций народов и регионов России и, как следствие, может помочь налаживанию более эффективного взаимодействия с учетом их культурных, правовых и исторических особенностей — что также является одной из основных целей изысканий специалистов в области юридической антропологии.

Литература

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамси-мухаметовой; ред., предисл., коммент. И.Р. Гибадуллина. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2017. — 1044 с.
2. Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. — 2-е изд. — СПб.: Академия исследований культуры, 2013. — 328 с.
3. Гамзатов М.Г. Английская и русская правовая паремиология. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. — 217 с.
4. История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII-XVI веков / сост., пер., введ., коммент. А.К. Муминова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — 272 с.
5. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. — М.: Норма, 2002. — 480 с.
6. Кульганек И.В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 184 с.
7. Лупарев Г.П. Юридические пословицы и поговорки народов мира. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Дашков и Ко, 2014. — 664 с.
8. Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ад-Фарадис». Путь в рай / пер. И.Р. Гибадуллина, Э.Г. Сайфетдиновой, Э.Р. Галиуллиной; общ ред. И.М. Миргалеева. — М.: Исламская книга, 2019. — 319+444 с.
9. Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. — СПб., 1873. — 312 с.
10. Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 560 с.
11. Почекаев Р.Ю. Изучение собрания ханских ярлыков русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — № 8. — 2017. — С. 98–110.
12. Почекаев Р.Ю. Историческое правоведение сегодня: предмет, задачи, перспективы // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва. 27–28 марта 2015 г. / отв. ред. М.В. Немытина. — М.: РУДН, 2015. — С. 257–265.
13. Почекаев Р.Ю. Правосудие в Золотой Орде: проблемы поиска и перспективы использования источников // Проблемы изучения истории Золотой Орды: выявление и интерпретация исторических источников:

сб. материалов научно-практической конференции. — Петропавловск: Северо-Казахстанский ун-т им. М. Козыбаева, 2020. — С. 50–55.

14. Поэзия Золотой Орды / пер. Р. Бухараева. — М.: Наталис; Рипол Классик, 2005. — 175 с.

15. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / пер. с фр.; отв. ред В.С. Нерсисянц. — М.: Норма, 2000. — 310 с.

16. Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. — 840 с.

17. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. — 976 с.

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства; НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», главный научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rpochekaev@hse.ru

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.А. Зеленин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Количественный и качественный рост исследований права тюркских народов позволяет сделать вывод о давно назревшей необходимости выделения юридической тюркологии как междисциплинарной области знания на стыке юриспруденции и тюркологии.

TO THE QUESTION OF LEGAL TURKOLOGY AS A SCIENTIFIC FIELD OF RESEARCH

Yu.A. Zelenin

Altai State University, Barnaul (Russia)

The quantitative and qualitative growth of Turkic law research leads to the conclusion about the long-overdue necessity of identifying legal Turkology as an interdisciplinary field of knowledge at the juridical and Turkological interface.

Дифференциация любого научного, в том числе гуманитарного знания, — вполне объективный процесс. За последнее время появилось большое количество отраслей знания на стыке традиционных научных дисциплин. Не обошел этот процесс и юриспруденцию. В том числе в нашей стране со втор. пол. XX в. возникали и продолжают появляться такие области научного знания, как юридическая психология, юридическая социология, юридическая антропология, юридическое религиоведение и т.д.

Прежде чем непосредственно перейти к заявленной теме, необходимо выяснить, что из себя представляет сама тюркология и ее структура. Выявим сначала содержание и эволюцию данного понятия в отечественной науке.

Классическим на данный момент является определение авторитетного советского востоковеда А.Н. Кононова в БСЭ (3-е издание), который понимал под тюркологией «комплекс гуманитарных наук, изучающих языки, историю, литературу, фольклор, культуру народов, говорящих на тюркских языках» [2]. Данное определение в тех или иных вариациях дублируется в большей части научных и учебных публикаций. Так, например, в современной «реинкарнации» БСЭ — БРЭ — дается следующее определение тюркологии — «комплекс наук, изучающих языки, историю, литературу, фольклор и культуру тюрков» [3]. В свою очередь, саму тюркологию рассматривают часто как часть востоковедения.

В качестве наук (научных областей) внутри тюркологии выделяют тюркскую филологию, которая в свою очередь делится на лингвистическую тюркологию (тюркское языкознание, тюркологическая лингвистика) и тюркское литературоведение (тюркологическое литературоведение); историческую тюркологию; этнографию тюркских народов.

Несмотря на существование этого достаточно широкого определения тюркологии, данный термин до сих пор в научных исследованиях используется как синоним лингвистической тюркологии (тюркского языковедения) или филологической тюркологии [4, 7].

Несомненно, это связано с тем, что тюркология изначально формировалась главным образом в качестве как лингвистической дисциплины. Еще в сер. XX в. известный французский тюрколог Луи Базен отмечал, что «изучение тюркских языков и диалектов является основой тюркологии, не только для лингвиста и филолога, что само собой разумеется, но и для историка или этнографа» [1, с. 120-121].

Следует также обратить внимание, что в перечне объектов изучения тюркологии в вышеуказанных общих определениях данной науки отсутствуют политика, государство и право, хотя государственность и право тюркских народов и в исторической ретроспективе, и на современном этапе являются, несомненно, в сфере интересов большого числа исследователей.

Это подтверждают полностью данные, собранные сотрудниками проектной группы «Комплексный анализ политико-правовых систем и этнополитических процессов в тюрко-монгольском мире Большого Алтая в исторической ретроспективе и на современном этапе» в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая». В настоящее время база исследователей и научных центров по тюркологии включает в себя свыше 180 исследователей (политологов, правоведов, историков, философов, этнологов и др.) и 100 научных центров (в широком смысле этого слова) со всего мира. В ней представлены ученые и научные центры из таких стран, как Россия, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Грузия, Канада, Израиль, Турция, Швейцария, Германия, Великобритания, США, Польша, Венгрия, Чехия, Украина, Румыния, Болгария, Япония, Австрия и Сербия. Свой определенный вклад внесли и исследователи из Алтайского края [5, 6]. Можно сделать первоначальные выводы, что такое солидное количество научных центров и исследователей, занимающихся данной проблематикой, позволяет говорить о необходимости выделения внутри тюркологии таких достаточно самостоятельных областей научного знания, как юридическая и политическая тюркология.

Однако место и статус юридической тюркологии являются достаточно проблематичными. Решению этих проблем в свою очередь можно посвятить не одну статью. В том числе не вполне ясно ее место внутри системы юридических и востоковедческих наук. Можно ли, к примеру, считать ее относительно самостоятельной наукой или она является составной частью юридической антропологии или правоведческого востоковедения (термин, предложенный Л.Р. Сюкияйненом).

Вопрос о необходимости дифференциации правового знания в рамках востоковедения поднял один из крупнейших исследователей мусульманского права в России Л.Р. Сюкияйнен. Он правомерно отмечает, что вопросы, «связанные с правом в смысле социального регулятора, правовыми отношениями и институтами, а также с соответствующими идеями и учениями, традиционно занимали заметное место в российском востоковедении» [9, с. 136].

В данной публикации Л.Р. Сюкияйнен сделал обзор трудов российских востоковедов, посвященных проблемам права, в том числе отметил исследования правовых институтов Османской империи. В то же время он отмечает фрагментарность этого обзора. Поэтому он оговаривается, что проведенный анализ не позволяет ему «сделать окончательные выводы о месте правовых исследований в российском востоковедении, а также о том, является ли юридическая проблематика частью данного научного направления или должна относиться к юриспруденции» [9, с. 145]. Тем не менее можно полностью согласиться с его следующим утверждением: «В том же случае, когда востоковедение обращается к изучению собственно права как проявления соответствующей культуры, тогда полученные данным научным направлением результаты одновременно должны включаться в состав правовой науки. Ведь такой анализ обогащает представления о праве, открывает для юриспруденции путь к теоретическому освоению нового правового опыта... Здесь юриспруденция не может обойтись без востоковедения, а исследования восточного права становятся органичной частью обеих наук» [9, с. 146]. Неотъемлемой частью востоковедческого правоведения в этом смысле является и юридическая тюркология.

Также следует обратить внимание на успешный опыт подобной научной дифференциации внутри такой науки, как славистика. Так, А.В. Серегиним в 2013 г. было заявлено о необходимости выделения юридической славистики в качестве специальной дисциплины и отрасли теоретической юриспруденции [8].

Вскоре его идея была поддержана рядом ученых из России, Сербии и Белоруссии, которые согласились, что юридическая славистика должна изучать целый ряд органически взаимосвязанных общественных отношений в области исторического генезиса и эволюции государственности и права славянских народов, славянские юридические доктрины и отраслевое (конституционное, админи-

стративное, уголовное, гражданское, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и пр.) право современных славянских государств [10].

Таким образом, можно сделать вывод о давно назревшей необходимости выделения юридической тюркологии как междисциплинарной области знания на стыке юриспруденции и тюркологии.

Литература

1. Bazin L. Turkology: a Preliminary Report // Diogenes. — 1958. — Т. 6. — № 24. — С. 94-127.
2. Кононов А.Н. Тюркология // БСЭ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://bse.sci-lib.com/article113274.html>
3. Кононов А.Н., Кораев Т.К. Тюркология // БРЭ. [Электронный ресурс]. — URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4213442
4. Насилов Д.М. Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. — 2009. — № 1 (1). — С. 3-7.
5. Правовые обычаи Горного Алтая: монография / В.В. Сорокин и др.; под ред. В.В. Сорокина. — М.: Юрлитинформ, 2016.
6. Русанов В.В. Национальный суверенитет и процессы суверенизации Горного Алтая (в первой четверти XX века). — Барнаул, 2010.
7. Садыкова С.З. Развитие научных концепций в области общей тюркологии // Проблемы современной науки и образования. — 2016. — № 27 (69). — С. 61-64.
8. Серегин А.В. Предмет и метод юридической славистики // TerraEconomicus. — 2013. — Т. 11. — № 3-3. — С. 173-175.
9. Сюкияйнен Л.Р. Правовая проблематика в российском востоковедении // Концепции современного востоковедения. — СПб.: КАРО, 2013. — С. 136-146.
10. Черкасова М.А. Философское значение юридической славистики // Философия права. — 2019. — №1 (88). — С. 148-152.

Сведения об авторе:

Зеленин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТЮРКСКОГО МИРА: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМАТИКА

В.В. Русанов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Тюркский мир имеет как единые этнические и культурные традиции, что является объединяющим фактором, так и существенные различия в ходе исторического развития, различия в расселении, представительстве и путях национального самоопределения.

SOCIO-POLITICAL DIVERSITY OF THE TURKIC WORLD: CHALLENGES AND PROBLEMS

V.V. Rusanov

Altai State University, Barnaul (Russia)

The Turkic world has both unified ethnic and cultural traditions, which is a unifying factor. So are the significant differences in the course of historical development, differences in settlement, representation and ways of national self-determination.

Современное тюркское пространство (назовем это «тюркским миром») вдохновляет своими размерами как географически, так и ментально. Поражает своим умением сохранить традиции, несмотря на все мировые катастрофы, своим культурно-политическим колоритом.

Безусловно, на тюркский мир оказали влияние различные исторические эпохи, значительно было влияние иных культурных и языковых групп. На обширных территориях активно шли государственные и политические процессы. Тюркские народы входили в различные государственные образования или обретали собственную независимость и суверенитет. И после всех перечисленных преобразований так или иначе тюркское общество смогло сохранить свой образ, свое видение мира, ши-

рокие языковые связи, культурные обычаи и традиции. Современная геополитика всего мира, в которой ежечасно перечерчиваются границы, дает повод задуматься о настоящем и прошлом, вспомнить непреложные ценности, которые позволили тюркскому миру сохраниться, пройдя через тысячелетнюю историю и лихолетья веков [4, с. 3].

Из современных особенностей тюркского мира социально-демографический фактор является одним из самых важных. А именно присутствие русскоязычного населения во многих, относительно недавно созданных, новых тюркских государственных образованиях. Это также относится и к ряду субъектов в составе Российской Федерации. Конечно, демографический фактор во многом изменился с начала 90-х гг. XX в., во многих государственных образованиях русскоязычное население стало меньшинством и общее количество продолжает сокращаться, но тем не менее все равно оказывает влияние на политические процессы в странах тюркского мира.

Следующим принципиальным аспектом явилось наличие дисперсного проживания тюркского этноса. Это касается ряда народностей, находящихся в разных странах (к таковым можно отнести: шорцев, караимов и др.) И естественно, для части этих народностей механизм обретения разных форм автономий и процессы суверенизации протекали на сложных, зачастую драматичных путях. Более того, часть народов были фактически оторваны от своей исторической родины [5, с. 268].

Важно учитывать, что некоторые тюркские народы весьма многочисленны и имеют широкие национальные диаспоры. Здесь следует выделять два фактора. Во-первых, это касается представителей тюркского мира в составе Российской Федерации, которые имеют соплеменников за пределами субъектов своего проживания. К числу таковых следует относить башкир, татар. Плюс к общему понятию ситуации — проблема тюрков из стран СНГ, находящиеся в Российской Федерации. В первую очередь это казахи, киргизы, узбеки. С точки зрения демографии это все весьма многочисленные группы населения Российской Федерации. Второй фактор касается тюрков, находящихся в зарубежье. Крупные диаспоры тюрков представлены в странах по границе «тюркского мира» (в Китае, Монголии и Иране). Это в качестве примера, проблема уйгур в Восточном Туркестане — Синьцзяне. В настоящее время центры тюркологии активно возникают в Западной Европе, в Северной Америке. И у этой зарубежной тюркской диаспоры имеются свои лидеры, свой политический голос и, что немаловажно, — опыт взаимодействия с организациями международного характера [7, с. 73].

Другой аспект связан с экономическими процессами. Каждый экономический кризис наносил удар и по тюркскому миру. Становление рыночных механизмов сопровождалось весьма плачевными последствиями для национальных экономик, да и политическая составляющая тюркских этносов имеет различные пути реализации. На это повлиял и распад СССР, на обломках которого возникли тюркские государства, получившие международное признание. Появились и относительно «новые» образования (Республика Алтай, Республика Хакасия), пока с небольшим политическим опытом.

К великому сожалению, ряд спорных вопросов в процессе государствоведения вылился в противостояния и вооруженные конфликты. Но нужно всегда помнить и понимать, что без исторической памяти такой практический опыт был бы просто невозможен [1].

Внутреннюю политическую ситуацию также определяет наличие тех или иных политических сил (партий, движений, национальных фронтов), которые так или иначе выражают самосознание народа и его волю.

Невысокий уровень политической культуры оппонентов, отсутствие демократических традиций и по-настоящему независимых средств массовой информации — все это общие признаки проблем современного общества, которые не миновали и тюрков. Сами системы политической власти в тюркских республиках находятся еще в процессе становления и не подтверждены во многих случаях такими формами народного волеизъявления, как референдум, или действительно свободными демократическими выборами органов представительной и исполнительной власти.

Само собой разумеется, что мусульманская цивилизация пустила наиболее глубокие корни в морали, менталитете и духовной культуре большей части тюркских народов.

В особое положение ставит караимов их иудаистское вероисповедание, так или иначе связанное с хазарской традицией.

Сохранность исторической памяти и степень осознания общетюркских ценностей тоже неодинакова у разных тюркских народов.

То есть огромная протяженность современного тюркского мира отчасти преодолевается этнокультурной традицией, которая может и должна возродиться. Представляется также очень актуальным начало работы по созданию единого культурно-информационного пространства тюркских народов [2].

Сейчас культурная глобализация создает уникальные возможности для изменения, обогащения традиционных ценностей, идей, жизненных установок народов мира. Национальные культуры при этом подвергаются суровому испытанию, возникает проблема сохранения разнообразия культур. И это разнообразие сохраняется благодаря устойчивости «внутренних слоев» национальных культур.

В конце XX в. с возрастанием национального самосознания тюркских народов и образованием независимых тюркских государств идея необходимости сближения и развития сотрудничества между тюркскими народами получила новый импульс, хотя по вышеизложенным причинам и не стала массовой. Тем не менее следующие предпосылки интеграции тюркских народов делают очевидной ее необходимость и вероятным более широкое распространение этой идеи в среде тюркских народов:

- 1) необходимость совместных усилий по сохранению и развитию культурного и духовного потенциала тюркского мира;
- 2) важность консолидации потенциалов тюркских регионов в условиях регионализации всего мира;
- 3) необходимость централизованного отстаивания интересов субъектов тюркского мира, находящегося в центре Евразии на пересечении интересов наиболее мощных глобальных игроков;
- 4) общность геоэкономических интересов [3, с. 151].

Итак, с одной стороны, культура тюркских народов имеет единые архетипические, этнические, языковые корни, с другой — она мозаична, в зависимости от региона распространения в ней заметны существенные отличия, связанные с влиянием местных культур, ценностей, положений христианских, исламских, буддийских и других религий.

Развитие культуры тюркских народов сейчас невозможно рассматривать вне контекста процессов глобализации и наметившихся перспектив перехода человечества к устойчивому развитию. С другой стороны, сегодня эффективно идет процесс культурного, образовательного, языкового сближения стран тюркского сообщества.

Литература

1. Антнер П. Хузангай, О единстве и разнообразии тюркского мира // Ирекле самах — чувашская интернет-газета «Свободное слово». — 28.09.2012.
2. Мамедов Н.М.-оглы. Единство и многообразие тюркской культуры // Ньюс-новости. — 18.10.2017.
3. Мамедов Н.М.-оглы. Основания единства и многообразия тюркской культуры // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 9. — С. 148-155.
4. Русанов В.В. Кризис мультикультурности в контексте юридической антропологии // Вопросы безопасности. — 2015. — № 4. — С. 1-12.
5. Русанов В.В. Пути национального самоопределения алтайского народа в первой четверти XX века: дисс. ... канд. ист. наук. — Абакан, 2004. — 312 с.
6. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993. — 173 с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — 312 с.

Сведения об авторе:

Русанов Виталий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: radomir77@mail.ru

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В СИСТЕМЕ КАЗАХСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА

Ж.И. Ибрагимов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В работе рассматриваются особенности правового регулирования судебных споров. Автор отмечает, что все судебные споры и самые сложные конфликты считались гражданско-правовыми, влекли за собой имущественные, неимущественные, позорящие, примирительные и иные формы наказания. Истина и справедливость, стремление к их постижению были фундаментальными основами судопроизводства и выносимых судебных решений биев.

INSTITUTE OF RECONCILIATION IN THE SYSTEM OF KAZAKH USUAL LAW

Zh.I. Ibragimov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sulnan (Kazakhstan)

In work features of legal regulation of lawsuits are considered. The author notes that all lawsuits and the most difficult conflicts were considered civil, involved the property, non-property, dishonoring, conciliatory and other forms of punishment. The truth and justice, aspiration to their comprehension were fundamental bases of legal proceedings and the passed judgments.

Касательно особенностей исполнения решений суда биев, соглашения играли важную роль в регулировании общественно-правовых отношений в системе казахского обычного права.

Для эффективного решения сути споров большое значение имеют народные традиции, приближенные к правовой культуре, соответствующие общественным порядкам, возникающим в них проблемам, заложенном в правовом сознании народа. Как бы русская администрация ни вносила и совершенствовала требования своего закона, соглашения и решения, имеющие политическое значение, в традиционной общественно-правовой сфере реализовывались согласно народным традициям, в результате мудрости авторитетных личностей народа.

В соответствии с традиционным казахским правом при решении возникших споров все граждане, доверяя своим традициям, в своей ежедневной практике находили применение в суде биев, об этом в архивных данных говорится следующее: «Насколько известно, всякий киргиз без различия званий, твердо верит в свои обычаи, почему суд по народным обычаям, для киргиз есть самый подходящий, тем более, что большинство киргизских дел по своей своеобразности не всегда, применимы к правилам суда по общим законом, что вероятно имелось виду, при составлении ныне действующего временного положения и потому, никаких изъятий прав некоторых киргиз отказываться от своего народного суда не постановлено. Суд биев не есть безусловно обязательный, тяжущиеся на основании 142 и 164 параграфов положения могут по взаимному соглашению обращаться суду посредников, которых избирают по своему усмотрению и к суду русскому» [1, с. 124].

Соглашение, решение в системе казахского обычного права, несмотря на различные уровни, соответствуют общим интересам казахского общества, несмотря на любые авторитеты, казахские граждане не откажутся от соглашений, принимающихся в соответствии с народными традициями. Служащие российской администрации касательно положений о неукоснительном исполнении решений суда биев высшим органам власти докладывали следующее: «Семипалатинской области не возникших вопросов об изъятиях киргизов, имеющих чины и медали, занимающих служебные должности и принявших православие, но оставшиеся в прежнем сословии, следовательно, все подобные лица беспрекословно подчинялись своему народному суду» [1, с. 124].

Несмотря на уровни власти, главной целью является соглашение. В российских материалах часто использовалось понятие «карындас» (родственник), т.е. при решении спора все становились между собой родственниками. В часы испытания судьбы, когда казахи и калмыки оказались в безвыходном положении, в материалах о том, как Казыбек би привел к соглашению два народа, говорится следующее: «Мы казахи мирный народ пасущий скот. Мы народ готовый защищать свою землю от посягательств врагов, для того чтобы не допустить нарушение покоя и благополучия народа, мы народ не допустивший притеснения врагов, мы народ, оставляющий слово за собой. Если у отца рождается сын, то он рождается не для того, чтобы быть рабом, если у матери рождается дочь, она не рождается быть рабыней, мы народ не запирающий своих сыновей и дочерей. Если ты калмык, то мы казахи мы пришли вступить с вами в перепалку, если ты железо, то мы — уголь, пришли вас расплавить, мы пришли примирить сыновей калмыков и казахов, пришли в незнакомую страну, чтобы познакомиться, если вы не хотите знакомится, тогда будем воевать, если ты барс, то я — лев пришел сразиться, пришел вступить с тобой на соревнование как молодой недавно обученный скакун, если согласен с нами говори свое решение, если нет скажи свое намерение или укажи на место битвы» [2, с. 32].

У казахов относительно соглашения есть одно слово, которое якобы сказал Сырым батыр. В давние времена, оказывается, Сырым батыр поехал проведать хана Ургенча. Хан, хорошо знавший о храбрости, ораторском умении Сырым батыра, пригласил одного из знатных биев подвластного ему народа и организовал состязание между ними. Тогда оратор Ургенча спросил у Сырым батыра, в чем цель спора, Сырым батыр, немного подумав, ответил: цель спора — соглашение. Хан Ургенча (Хивы) остался доволен находчивостью, содержанием ответа Сырым батыра и, проявив почет и уважение, оказал гостеприимство батыру.

Казахский народ применял несколько правовых понятий относительно соглашения. Среди них часто встречающиеся: *төрелік айту* (*төресін беру*), разрешение спора, *кесім айту* (*кесім*), выносить решение, *бітім айту* (заключить соглашение) или *істі бітіру* закончить дело, *үкім шығару* (выносить приговор). Множество из них говорилось своеобразно в виде красивой пословицы, или оратор, выносящий приговор, повторял аналогичное решение (пословицу), которое было до него. Курбангали Халид об этой традиции казахов писал: «Используя правила родословной в ежедневных делах, применяя пословицы, они старались быть похожими на предков. Эти народные пословицы были опорой, поддержкой. В действительности эта опора не бесосновательная, не бессодержательная. Напротив, думаешь, что это народ, первоисточник который связан с одной книгой, происхождение зависело от одного закона, приходишь к такой мысли, что в древности они были в подчинении у справедливого хана, или получили знания у мудреца» [3, с. 304].

Примирение (примирить) — решение которое говорится после любой спорной проблемы. Корень этого слова «*біту*» означает закончить дело. Иногда говорится *даудың бітімі* «конец спора», иногда «*істің бітімі*» «конец дела». Если у стороны истца не будет доказательства, а спор решится с помощью шантажа, тогда говорят «*бітім алды*» — взял перемирие.

Ученый-юрист З. Кенжалиев об институте перемирия (соглашении) в судебном процессе казахского общества писал следующее: «Главной целью судебного процесса в казахском обществе является — перемирие». То есть примирение, соглашение сторон спора или жалобы. «Цель спора — примирение», говорят казахи. Это является одним из принципов, лежащих в основе судебного процесса кочевого казахского общества и его прозрачный и прекрасный обрамленный вариант. Однако эти слова не нужно воспринимать так просто. Проблема заключается не только в примирении двух спорящих сторон, суть данного принципа находится глубоко. Человек прежде всего должен быть чистым и невинным перед собой. Без этого невозможно жить со смыслом и в спокойствии. Поэтому он должен быть в гармонии с самим собой (со своей совестью, гордостью, внутренним миром). Согласие человека с судебным решением, таким образом, примирение со стороной истца должно быть внешним отражением установления гармонии самим собой, связанным с этим делом. То есть решение суда или приговор, во-первых, лучше всего, чтобы было твоим решением, твоим приговором. Только тогда суд исполнит свою обязанность, можно считать, что он достиг своей цели [4, с. 42].

Сторона, обвинявшая женщину, должна оплатить штраф в размере девяти голов скота начиная с верблюда. Девять голов, начиная с верблюда, привяжите у дома Тогас бия, а девять голов начиная с лошади, привяжите у дома Манас бия. А мне и Бекболату достаточно и нашей сохранный чести при окончании данного спора [5, с. 4].

В целях усовершенствования практики применения права и укрепления правового порядка Президент Республики Казахстан в Послании народу обозначил свой политико-правовой взгляд: «Укрепляя фундамент открытого демократического общества, мы должны помнить о том, что демократия и право — это параллельные понятия, они не могут существовать без друг друга. Поэтому необходима активная система, защищающая права и свободы граждан» [6, с. 12].

Наряду с этим мы знаем, что главой государства была высказана необходимость принятия закона о профилактике преступления. Все это указывает на актуальность проблемы соблюдения правового порядка, дальнейшего развития правовой системы на всех этапах, о взаимном историко-правовом продолжении.

29 апреля 2010 г. принят Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», регулирующий правовые отношения относительно профилактических мероприятий, недопущения преступности, что указывает на результативность осуществления правовых мероприятий на сегодняшний день. В этой связи мы видим историческую преемственность недопущения преступности, проблемы его предупреждения.

«— Почему наши предки не высказывали решения относительно спора, не имеющего доказательств, — спросил Казыбек у Бабы, тогда Анет баба сказал: «Путь казаха — «*канағат*» (удовлетворение), он не заблудится в пути, лекарство от сложного спора — шариат, это никто не будет оспаривать [6, с. 14].

Мы думаем, что в качестве одного из духовных приоритетов казахской традиционной правовой системы, данные правовые ценности, являющиеся основным фундаментом служебной этики государственных служащих Республики Казахстан, до сих пор имеют особое значение в правовом развитии.

Это очень важная концепция. Во-первых, четко прослеживается основная цель порядка казахского обычного права, оно напрямую связано с вышеназванными понятиями «*қарындас*», «*салауат*» и «*канағат*». Главной проблемой в казахском споре является не только взыскание, а справедливость, сохранение в народе человеческих качеств, чести и достоинства. Тут главным является вопрос чести.

А обращаться к шариату, если такой нормы нет, в казахском обычном праве — это нововведение, внесенное «Жеті жарғы».

В смутное время одним из часто встречающихся традиций было перемирие — серттесіп біту (перемирие с произнесением клятвы). Это один из способов временного прекращения скандала. Когда клятву произносили обе стороны, то они брали с собой саблю, обнимались, прикасаясь грудью друг к другу (правители рода), или ставили на голову стрелу лука или прикасались губами к лезвию кинжала и т.п. Это были лишь условия военных соглашений, способствовавших зарождению воинственных традиций. В таком случае обе стороны резали скот, обмакивали руки в кровь, однако чаще встречалось использование оружия для произнесения клятвы. Обычно в качестве молитвы произносили следующее: «Пока рожденный в этом году ребенок не станет врагом, мы не будем совершать набег». Данная молитва считалась клятвой.

Люди, имеющие отношение к таким клятвам, применяли все свои силы, чтобы не допустить повторного набега против этого народа. Если не выполняли данное обещание, то верили, что им не повезет.

Соглашения-перемирия с оседлыми народами (Россия, Китай, Персия) в основном совершались на бумаге или посредством мусульманских мулл, их подпись, печать в казахском понятии имела меньшую силу, чем обмакивание рук в крови жертвенного животного, обхватывание оружия, разрезание пестрой веревки.

В совершении перемирия и решения в казахском обществе огромную роль выполняли бии-ораторы, аксакалы.

Хранителями народных традиций в казахской степи являлись бии, аксакалы. Русские чиновники, когда собирали материалы касательно обычного права казахского общества, для того чтобы проверить их достоверность, отдавали на проверку уважаемым среди народа людям. А после того как заканчивали сбор материалов, достоверность информации старались скреплять печатью, клеймом: «Чтобы новые статьи, вошедшие в донесения к сборникам, и исправленные старые имели силу юридических фактов, нужно перевести на татарский язык и утвердить их подписями, печатями и тамгами биев, аксакалов» [7, с. 103].

В рамках традиционного казахского права казахские бии все дела рассматривали открыто, любые решения биев удовлетворяли спорящие стороны. Потому что решения, соглашения биев в казахском обществе основывались на принципе справедливости. Правила, ораторские речи казахских биев при решении конкретного дела, спора распространялись среди народа как норма, образец судебного дела, в дальнейшем применялись для решения подобных дел, споров. Принятие бием одностороннего решения указывало на несправедливое решение, что приводило к потере авторитета бия в обществе. Наряду с этим достижение хороших результатов при принятии решения тесно связано с гласным, открытым ведением дела с участием всех сторон. Системное принятие биями решений играло большую роль при решении запутанных споров между родами, при ограничении сепаратистских настроений. Казахская традиционная правовая система в течение многих веков сформировала необходимый нормативный порядок, не применяла силу и не устанавливала наказание. Напротив, выносила разумные решения и обеспечивала их исполнение. В значении управления моральная власть в традиционной общественно-правовой сфере ограничивала использование политической власти. Социальные потрясения, споры, зарождающиеся в ежедневной жизни казахского общества, решались очень удобно и эффективно на основании обычаев и традиций ранних лет.

Решения, вынесенные на основании народных традиций, имели законную силу. Результативность этих решений, соглашений тесно связана с демократическими принципами степи. Решения и соглашения, сформированные биями и аксакалами, направлялись также для прекращения кровной мести и сильной вражды между родами. Бии, аксакалы обеих сторон спора прикладывали все свои силы для недопущения несогласия в мирное время. Для примирения в таких решениях участвовало равное количество биев, аксакалов, других уважаемых людей.

А если там спор не решался, тогда обращались к бию рода. Старание обеих сторон решить спор равноправно указывало на то, что они не хотели обращаться к представителям высшей власти. Бии для того, чтобы примирить стороны, пытались поженить их детей. По согласию обеих сторон перемирие заключалось на словах, и это считалось окончанием спора, после такого решения бий не имел права рассматривать дело. Потому что в правовом сознании казахов одностороннее нарушение взаимного соглашения, нарушение данного слова, клятвы указывало на отсутствие совести и чести. Во многих случаях обе спорящие стороны стремились решить спор между собой еще до рассмотрения дела биями.

В традиционном казахском праве соглашение и решение выполняли роль регулятора споров в общественно-правовой сфере. Эти традиции выполняли большую роль в сохранении спокойствия в государстве, единства народа, в дальнейшем развитии стабильности в обществе.

Оптимальные решения, соглашения, вынесенные в интересах общества, в любое время вносят большой вклад в устойчивое осуществление правовой системы государства.

Литература

1. ЦГА РК. — Фонд 369. — 1 список. — 1 дело. — 124 с.
2. Болғанбайұлы Ә. Қара қылды қак жарған Қазыбек би // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 632 с.
3. Құрбанғали Х. Тауарих хамса: бес тарих-Алматы: Қазақстан, 1992. — 304 с.
4. Кенжалиев З.Ж. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы сот билігі // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 2. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 672 с.
5. Едігенің түйе дауын шешуі // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 632 с.
6. Н.А. Назарбаев. Новый Казахстан в новом мире: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. — Астана, 2007. — 6 с.
7. Мамашәріптегі Ә. Аталар салған даңғыл жол // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 642 с.
8. ЦГА РК. — Фонд 4. — 1 список. — 23 82 дело. — 103 с.

Сведения об авторе:

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного права, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: zhamaladen@mail.ru

«ДЛИННАЯ ВОЛЯ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТОСА НОСИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Р.В. Насыров

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Рассматривается возникновение и развитие этоса носителя государственной власти кочевых народов с точки зрения понятия «люди длинной воли». Вопрос исследован в контексте глубокого мировоззренческого и институционального кризиса современных политических элит.

«LONG WILL» AS A CHARACTERISTIC OF THIS BEARER OF STATE POWER OF NOMAD PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF MODERN POLITICAL ELITES

R.V. Nasyrov

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article examines the emergence and development of the ethos of the bearer of state power of nomadic peoples from the point of view of the concept of «people of long will». The issue is investigated in the context of a deep ideological and institutional crisis of modern political elites.

Актуальность статьи предопределена кризисным состоянием современного государства, наглядным проявлением которого выступает тревожный факт снижения качества политических элит. Исследователи констатируют деградацию элиты, когда личностное благополучие начинает доминировать над чувством социальной ответственности, личностные цели замещают собой общенациональные и даже групповые [10, с. 135]. Эта глобальная проблема резко проявилась в России накануне и после распада СССР. Но и в настоящее время острым остается вопрос о наличии собственно национальной (суверенной) политической элиты, сочетающей в себе высокие профессиональные и нравственные качества, что является условием самосохранения и позитивного развития страны.

Методологической основой статьи выступает принцип историзма с учетом того, что в современных социогуманитарных исследованиях подвергается критике линейный взгляд на развитие об-

щества. По словам А.В. Болдачева, «анализ современной научной картины мира с эволюционной точки зрения показал ее противоречивость и неоднозначность» [3, с. 39]. Стоит признать возможность не только регресса в истории общества. Становится ясно, что преодоление кризиса требует не только выработку принципиально инновационных подходов, но и возврата к отвергнутым традиционным принципам и ценностям социального бытия. А. Панарин по этому поводу писал: «Не дистанцирование от прошлого, как того требуют теории, воюющие с традиционализмом, а новое прочтение опыта наших предков, новое сближение с ними требуется для достижения аутентичности» [11, с. 9].

В истории общества необходимо различать изменения и развитие (или, напротив, деградацию) сфер культуры и цивилизации с учетом того, что культура сохраняется и воспроизводится не только благодаря достижениям цивилизации, но и вопреки им. Цивилизация характеризует внешнюю сторону бытия общества и человека (технологии, формальный порядок, уровень комфорта и т.п.); культура же — это то, что «внутри человека», сложность (многоуровневость) или, напротив, примитивность (плоскость) тех ценностей и норм, которым человек следует. Разумеется, невозможно игнорировать происходящие в обществе изменения, но они скорее имеют отношение к внешней стороне общественной и индивидуальной жизни. Проблемы же социального бытия, в том числе и связанные с вопросами соотношения добра и зла, свободы и ответственности, себялюбия и альтруизма и т.д., остаются по своей сути неизменными. Развитие цивилизации приводит к тому, что новые условия бытия человека не позволяют скопировать формы и методы решения этих проблем у наших предков, но шкала оценки поведения человека остается неизменной. Всегда существует опасность вообще утратить представление об этой шкале (иерархии) ценностей и норм. Профанация культуры делает сомнительными и непрочными достижения в сфере цивилизации. Диагноз, который ставят философы, ученые-гуманитарии и художники обществу модерна (и постмодерна), раскрывается с помощью концепта «фаустовская сделка». За несомненно позитивные и удивительные достижения в сфере цивилизации человечество платит глубоким кризисом культуры, одним проявлений которого выступает указанная деградация политических элит.

Отказ от линейного взгляда на историю означает признание существования постоянных (константных) и переменных (вариационных) аспектов функционирования и развития общества; используя категории филологии, допустимо сказать, что в истории цивилизаций воспроизводятся (разыгрываются) и реализуются общие сюжет и функции, но при этом существуют многообразные композиции и персонажи. Так, все цивилизации сталкиваются с проблемой соотношения духовной и государственной властей, но этот неизменный и постоянно воспроизводимый сюжет имеет различные композиционные решения, которые соответствуют особенностям той или иной цивилизации. Например, в Индии существовали различные по статусу сословия (варны) брахманов и кшатриев, а в Китае, как известно, не было особого сословия жречества (духовенства), функцию духовно-интеллектуальной элиты реализовывали чиновники.

В отличие от современных представлений о том, что «политика — дело грязное», в прошлом, напротив, политика воспринималась как сфера деятельности «лучших», которые несут бремя государственной власти. Если в древнеиндийской политической доктрине носителями государственной власти могли быть только кшатрии (ksatriya — «наделенный могуществом»), то обосновывалось это тем, что представители этой варны по рождению являются носителями соответствующих аристократических достоинств. С точки зрения способа формирования политической элиты правило наследования, разумеется, является ложным и нецелесообразным, но это не должно приводить к отрицанию самого принципа аристократичности государственной власти. Центральным вопросом древнекитайской политической мысли была проблема использования на службе достойных людей. Мо-цзы (V в. до н.э.) советует: «Древние совершенномудрые ваны высоко ценили почитание мудрости, назначали на должность способных, не создавали группировок из родственников, не питали благосклонности к знатным и богатым» [8, с. 182].

В прошлом цивилизации регулярно переживали кризисы, причиной которых было, как правило, состояние и поведение элиты общества. Если в европейской политической культуре этот факт констатируется в резко звучащем афоризме «Рыба гниет с головы», то в древнекитайской политической мысли та же истина выражается изящнее в словах Конфуция: «Трава [народ] наклоняется туда, куда дует ветер [элита]». То, что было написано в первой четверти XVII в. в таком памятнике русской литературы, как «Временник» Ивана Тимофеева, раскрывает основную причину кризисов в истории России — это состояние элиты российского общества: «Они украшаются одеждами, заменяя ум длинными бородами», «Как драгоценная серьга у свиньи в ноздрях, так у недостойных чины». Историк литературы О.А. Державина так комментирует эти сказанные 400 лет назад слова: «Неумелые, неопытные в делах, жадные, эти люди кажутся Тимофееву лишенными чувства собственного досто-

инства и ответственности за судьбу страны. Им важно, по его мнению, только одно, — как можно больше наполнить свои карманы; они, как свиньи, пожирают все, что им попадется, и грызутся между собою как псы из-за добычи, стараясь перехватить друг у друга «лакомый кусок» — кратковременные блага жизни» [7, с. 391]. Наконец, предостережение от измельчания представителям аристократии Чингисхан, как воин, выражал просто, но при этом точно: «Лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов».

Разумеется, речь идет об идеале политика, и история всех государств наполнена фактами недостойного поведения представителей элиты общества. Но это не является основанием для отождествления идеала с иллюзией. Давно пора понять, что идеалы и возвышенные принципы не могут стопроцентно воплотиться в жизнь, а их назначение в том, чтобы в соотношении добра и зла (порядка и хаоса, социальности и дикости и т.п.) был бы хотя бы небольшой перевес в сторону первого. По этому поводу есть глубокие суждения Л.Н. Гумилева под названием «Ложь как принцип». Особенно в сфере политики «обман входит в правила игры»; но одновременно с этим в прошлом существовал универсальный юридический институт клятвы: «Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т.е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы, призывались боги и духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника» [6, с. 500]. Речь не идет о вере или неверии в Бога, а о сложности (многомерности) или, напротив, примитивности (плоскости) сознания человека. Даже после секуляризации общественной жизни и сознания человека какой-то период (по мнению С. Переслегина, до середины XX в. [12]) еще сохранялись представления о чести, совести, достоинстве. На наших глазах в настоящее время происходит процесс окончательного «вымывания» из сознания и этих остатков традиционного мировоззрения. И в прошлом была часть населения (нищие, изгои и т.п.), произнесение клятвы которыми не имели ни нравственного, ни юридического значения. Французский философ Ж. Батай дает такой диагноз современному обществу: «Эта система неизменно вызывает ощущение нищеты — ее моральные устои и поведение свойственны нищим» [2, с. 273].

Этос воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Крайним «политэкономическим» упрощением было бы считать, что кодекс рыцарской чести лишь скрывал или приукрашивал основную цель класса феодалов — регулярно взимать с крепостных крестьян прибавочный продукт, т.е. поземельную ренту. Эта рента воспринималась не как самоцель, а как необходимое условие и предпосылка поддержания статуса аристократа, носителя военной и государственной власти. Французский придворный историк XV в. Ж. Шателлен так определял назначение и качества дворянства: «Аристократия же призвана возвеличивать добродетель и блюсти справедливость — деяниями и нравами прекраснейших лиц сего сословия являя зеркало всем прочим. Высшие задачи страны: поддержание церкви, распространение веры, защита народа от притеснения, соблюдение общего блага, борьбы с насилием и тиранией, упрочение мира... Правдивость, доблесть, нравственность, милосердие — вот ее качества» [13, с. 63].

Можно говорить об объективных предпосылках исчезновения в эпоху Возрождения и Нового времени этого средневекового рыцарского этоса, но считать ли однозначно неизбежным и позитивным утрату в процессе формирования буржуазных национальных государств представления об аристократической природе государственной власти и замену ее плоскими идеологемой «слуга народа»? Так, историки приходят к однозначному выводу, что самые масштабные и кровопролитные войны с огромными потерями среди мирного населения произошли именно в новейшей истории. У. Черчилль утверждал: «С тех пор как утвердилась демократия, у нас одна война сменяется другой», «Раньше война была жестокой и величественной. Теперь она стала жестокой и убогой». Ужасный символ Средних веков — костры инквизиции, на которых после судебного процесса в форме сложного религиозного обряда аутодафе сжигали еретиков — стоит сравнивать с печами Освенцима или с реальной угрозой сгорания всего человечества в топке ядерной войны. В комплекс условий и причин такого рода «прогресса» необходимо включить и тот факт, что войны перестали вести рыцари, джентльмены и (в соответствии с этосом воина-кочевника) «люди длинной воли».

Этос воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Речь не идет о тождестве и типологическом единстве западноевропейского феодализма и социально-политической организации кочевого общества, а о параллелях и аналогиях. Как известно, рыцарь (нем. *ritter* — наездник) — это тяжело вооруженный всадник. В комплекс условий и причин, объясняющих, почему на обширном пространстве Северной Евразии именно тюрки первыми создали в VI в. обширное кочевое государство (Великий тюркский каганат — Держава Ашина), необходимо включать и тот факт, что первоначально тюркиты стали известны как добытчики и переработчики железа, в том числе и на Алтае. Поэтому тюрки смогли создать гвардию тяжелой конницы, которая

оказалась, по словам Л.Н. Гумилева, достойной противницей не только для соседних кочевых племен, но и «для китайских пеших копейщиков, и для иранских конных стрелков» [4, с. 74, 79]. Этот военно-технический фактор соединился и с социально-политическим и идеологическим; тюрки, в отличие от мощного племенного союза телесцев и военизированной орды жужаней, смогли достичь сочетания военного и племенного строя и возвыситься до понятия «Эль», т.е. государства-державы [4, с. 71].

Важно учитывать эволюцию значения слова «орда». В переводе с тюркского это слово означает «ставка военного вождя, хана». Далее ордой стали называть непосредственное окружение хана, которое формировалось не столько по этническому, сколько военно-организационному признаку: «Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному» [4, с. 68]. Причиной того, что жужани не смогли создать эль, т.е. прочную державу, объясняется тем, что «в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса — все силы уходили на грабеж соседей» [4, с. 16], т.е. у этой орды не было «людей длинной воли», которые смогли бы преобразовать орду разбойников в государство.

Удивительно, что в ином контексте, но аналогичные процессы в это время проявились и в Западной Европе. Почему из многочисленных «варварских государств» раннего Средневековья именно государство Франков преобразовалось в империю Карла Великого, в котором, как известно, и сформировался западноевропейский феодализм? Происходившие в VI-VII вв. в государстве Франков события напоминают криминальные войны за раздел сфер влияния, когда наследники Хлодвига были еще не способны возвыситься до понятия Государства. Это состояние удивительно точно определил за тысячу лет до описываемых событий Августин Аврелий в своем знаменитом сравнении шайки разбойников и государства: «Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открытое принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность» [1, с. 165-166]. То, что произошло в правление династии Каролингов, разумеется, нельзя трактовать как процесс уничтожения прежнего состояния господства военного сословия над местным населением, а скорее, это господство было введено в определенные нормативные рамки и облагорожено под влиянием христианской церкви и германских обычаев, содержавших представления о чести и достоинстве. Для нас важен сам факт, подтверждающий, что «место красит человека» — субъект, реализующий функции, присущие государственной власти, должен становиться носителем благородных, аристократических черт.

Наглядно и ярко этот процесс превращения пассионарных разбойников и грабителей в военно-политическую аристократию Л.Н. Гумилев описывает на примере зарождения империи Чингисхана. «В конце XI и начале XII в. в родовых общинах стали все чаще появляться юноши, которых режим воинствующей посредственности тяготил настолько, что они бросали юрты своих родителей и уходили в горы и пустыни. Их называли «людьми длинной воли» или «свободного состояния» и относились к ним так, как норвежские обыватели — хевдинги — в IX в. относились к откалывающимся от своих семей юношам-викингам. То есть очень плохо» [5]. Естественно, что эти «люди длинной воли» стали объединяться и жить за счет набегов и грабежей. При этом не переставали считать себя монголами и продолжали следовать обычаям своего этноса и считали себя его частью. Важно то, что Тэмуджин стал «человеком длинной воли» в 9 лет не добровольно, а по причине несправедливости своих сородичей. Повзрослев, Тэмуджин стал известен как «человек длинной воли», обладающий не только железной волей, но и справедливостью и умением обходиться с людьми; как отмечает Л.Н. Гумилев, к нему первоначально «присоединились не племена, а богатыри» [5].

Этот процесс формирования возвышенного этоса «людей длинной воли» нашел непосредственное отражение в монгольской Ясе. В «Истории монголов инока Магакии» так лаконично сформулирован дух этого памятника права: «Яса предписывает любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих, за нарушение — смертная казнь» [14, с. 286]. В Биликах (собраниях высказываний Чингисхана) конкретно и при этом точно определяется этос носителя государственной власти: «Всякий, кто может очистить свою душу от скверны, тот сможет очистить от воров и вверенный ему округ» [14, с. 289]. Золотое правило морали отражено в высказывании: «Каким образом человек познает себя, пусть познает и других». Как-то Чингисхан перечислял достоинства воина Есуи-Баку — не знает усталости, жажды, голода и т.д.; и делает вывод: «По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соизмеряет с этим положение других» [14, с. 290-291].

Не только в общественном мнении, но и в историографии сложился плоский образ Чингисхана как безжалостного и кровожадного завоевателя. Если вспомнить, что творилось в Западной Европе в Средние века и иметь в виду, что легально колониальная система капитализма просуществовала до

второй половины XX в., то возникает вопрос — «А судьи кто?». В «Улиссе» Дж. Джойса сказано: «История... — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться». Нобелевский лауреат А. Швейцер в 1960 г. негодовал: «Двадцать лет назад в парламенте одной из стран Европейского континента было как должное воспринято выступление, в котором о массовой гибели депортированных негров от голода и эпидемий говорилось как о «падеже», словно речь шла о скоте» [15, с. 46].

Вспомним известное высказывание русского философа В.С. Соловьева о том, что назначение государства и закона не в установлении рая, а в том, чтобы предотвратить наступление ада. Положение носителя государственной власти допустимо определять как «выдвинутость во зло». В восприятии рыцарем и богатырем известия «Война!» наряду с тревогой и обоснованным страхом содержится и чувство воодушевления — появляется повод показать свои лучшие качества воина. Подобно этому и современные представители государственной элиты в идеале должны воспринимать вызовы современной эпохи, как «экстрим», как возможность проявить качества истинного аристократа — ум, волю, честность, благородство, бескорыстие, т.е. быть «людьми длинной воли». Почему же это суждение в настоящее время не воспринимается как определение идеала носителя государственной власти, а невольно звучит с явными нотками злой иронии? Об утрате идеалов в сфере политики Ф. Закария пишет так: «Мы освободили высшие классы от всякого чувства ответственности, и они с удовольствием пошли нам в этом навстречу... Когда лидеры общества жили в соответствии со своими идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власть имущих очень немногого — поэтому они нас редко разочаровывают» [9, с. 263].

Как правило, для человека более значимо отношение к нему членов той социальной группы, внутри которой он проявляет свои способности и самореализуется. Почему бы в состав корпорации, внутри которой данное лицо достигает состояния самоуважения, не включать и представителей этой «профессии» прошедших времен? В мотивах и целях деятельности современных «государственных мужей» их предшественников, прежде всего, удивило бы преобладание меркантильных начал и «вымывание» из их типичного образа даже установок на аристократические принципы чести и благородства. Во все времена деятельность «государственных мужей» сопровождалась проявлениями жестокости, злоупотреблений властью, корысти и т.д. Но если в этой мешанине различных проявлений государственной власти попытаться выделить начала благородства и бескорыстия, то в ряду типичных образов восточного чиновника, античного магистрата, средневекового феодала и кочевнического идеала «человека длинной воли» современный «государственный муж» явно предстанет в значительно менее достойном виде.

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божьем. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 165-166.
2. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. — М.: Ладомир, 2006. — С. 273.
3. Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — С. 39.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Айрис-пресс, 2013. С. 74, 79.
5. Гумилев Л.Н. Черная легенда (историко-психологический этюд). [Электронный ресурс]. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/bl02.htm> (дата обращения: 12.09.2021).
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — М.: Айрис-пресс, 2007. — С. 500.
7. Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Тимофеев И. Временник. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 391.
8. Древнекитайская философия: в 2 т. — Т. 1. — М.: ПринТ, 1994. — С. 182.
9. Закария Ф. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами. — М.: Ладомир, 2004. — С. 263.
10. Мохов В.П. Деграция элит: Проблема анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12 (50): в 3 ч. — Ч. II. — С. 135.
11. Панарин А.С. Народ без элиты. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — С. 9.
12. Переслегин С. Бог и Правда покинули мир. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=7505795232151995591> (дата обращения: 12.09.2021).
13. Хейзинга Й. Осень Средневековья. — М.: Наука, 1988.
14. Чингисхан. Сокровенное сказание. — М.: Эксмо, 2015.
15. Швейцер А. Культура и этика. — М.: Прогресс, 1973.

Сведения об авторе:

Насыров Рафаил Валейзянович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЧИНОВНИКОВ

И.В. Анисимова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 19-18-00180

Модернизация центральноазиатских окраин Российской империи представляла собой сложную систему и затрагивала все сферы общественной жизни. Важная роль отводилась реформам институтов судебной власти в Степном крае и Туркестане. Региональная администрация и представители имперского государственного аппарата признавали важность реорганизации существующей в регионе судебной системы. Однако при рассмотрении чиновниками содержания реформы развернулась широкая дискуссия. В центре обсуждения находилось две проблемы: во-первых, возможность импорта в регион в полном объеме модели имперской судебной системы, во-вторых, роль и место в судебной системе традиционного казахского суда и норм права. Представителям власти так и не удалось выработать согласованной позиции по ключевым вопросам реформы. Как результат, незавершенность преобразований, сложная конфигурация и малоэффективность судебной системы Степных областей, которая сохранялась вплоть до конца имперского периода.

THE JUDICIAL SYSTEM OF THE TRADITIONAL KAZAKH SOCIETY THROUGH THE EYES OF RUSSIAN OFFICIALS

I.V. Anisimova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The modernization of the Central Asian suburbs of the Russian Empire was a complex system and affected all spheres of public life. An important role was assigned to the reforms of judicial institutions in the Steppe Region and Turkestan. The regional administration and representatives of the imperial state apparatus recognized the importance of reorganizing the existing judicial system in the region. When officials considered the content of the reform, a broad discussion unfolded. The discussion focused on two problems: firstly, the possibility of importing the model of the imperial judicial system to the region in full, and secondly, the role and place of the traditional Kazakh court and the norms of law in the judicial system. The authorities have not managed to develop a coordinated position on the key issues of the reform. As a result, the incompleteness of transformations, the complex configuration and inefficiency of the judicial system of the Steppe regions, which persisted until the end of the imperial period.

Одним из важных направлений модернизации центральноазиатских окраин Российской империи выступало формирование судебной системы региона, основанной на принципах общеимперской юстиции. Реформа неразрывно была связана с инкорпорацией в традиционное общество новых судебных институтов, норм и правоотношений. Процесс формирования в регионе новой судебной системы охватывал, прежде всего, вторую половину XIX в. и шел неразрывно с модернизацией системы управления и социально-экономической сферы Степного края и Туркестана. Как отмечает Ю.А. Лысенко, главным актором модернизации центральноазиатских окраин Российской империи выступало государство [2, с. 40–57]. В связи с этим обращение к правительственным дискуссиям по вопросу преобразований в регионе представляет особый интерес.

В ходе проведения судебной реформы в центральноазиатских окраинах имперские власти отказались от коренного слома традиционных правоотношений, выступили за их сохранение и сочетание с общеимперскими институтами юстиции [1]. Эффективность работы созданной конфигурации судебной системы региона неоднократно становилась предметом обсуждения представителей центральных и региональных органов власти. В центре внимания чиновников находилось два существенных вопроса: 1. О степени интеграции судебной системы региона в общеимперскую систему и степени инкорпорации в регион имперского судостроительства и 2. Роль и место народного суда в судебной системе Степного края и Туркестана.

При обсуждении первого вопроса к концу XIX в. превалирующим в оценке итогов деятельности органов судебной власти в Степном крае и Туркестане стало мнение о серьезных недостатках сложившейся судебно-правовой системы. Региональные чиновники подчеркивали, что при всей важности проводимых реформ в центральноазиатских имперских окраинах, «положение судебной части в сих последних не может быть признано удовлетворительным, так как дальнейшее сохранение по делам наибольшей важности, изъятым из ведения мировых судебных установлений, дореформенных процессов, с их отяготительными, совершенно устаревшими формальностями, не только не соответ-

ствуется современным условиям края, но и препятствует в значительной степени его преуспеянию» [5, л. 2–12об.].

В 1897 г. глава Министерства юстиции Н.В. Муравьев, рассматривая вопрос об улучшении работы судебной части в Туркестанском крае и Степных областях, привел детальное обоснование необходимости модернизации последней. Министр подчеркивал, что требования реорганизации судебной системы тесно связаны с уровнем социально-экономического развития региона. Действительно, с момента введения в действие Временных положений 1867 и 1868 гг., которые легли в основу судебной реформы в регионе, характер правоотношений значительным образом изменился, как изменились и потребности в регламентации экономических отношений. В качестве примера Н.В. Муравьев указывал изменение этнической карты региона (рост численности деревень и селений с почти исключительно русским населением), рост численности городского населения, которое к концу столетия в таких городах как «Новый Ташкент, Русский Самарканда, Омск, Петропавловск и новый Маргелан достигает нескольких десятков тысяч [человек]». Большое значение, по мнению чиновника, имело развитие торговли и промышленности региона: расширение мануфактурного производства, открытие частных и общественных коммерческих предприятий, учреждение отделения и конторы Государственного Банка, строительство Закаспийской и Западно-Сибирской железных дорог. В силу возникновения в центральноазиатских окраинах новых потребностей общественного развития стало необходимым появление новых отраслей права, совершенствование системы права и модернизация региональной юстиции в целом. Учитывая данные обстоятельства, министр юстиции подчеркивал, что «введение судебной реформы в полном объеме является делом неотложной и настоятельной необходимости» [5, л. 2–12об.].

Признавая важность проведенных во второй половине XIX в. реформ судебной системы региона, министр вместе с тем отмечал, что улучшения составили «нечто среднее между старым строем и учреждениями нового суда, или точнее говоря искусственное сочетание того и другого» [9, л. 1–1об.]. В сложившейся двойственности, «в переходном, промежуточном характере всей постановки правосудия в Туркестанских и Степных областях», руководитель министерства видел весь комплекс проблем судебной системы региона, который обозначился перед имперскими властями к концу XIX в. В своем заключении министр подчеркивал, что в крае «с сильным военным и гражданским управлением, сосредоточенном в ведение высших представителей власти в лице Генерал-губернаторов и подчиненных им областных губернаторов, судебные установления, отделенные от администрации, явились небольшими, слабыми, разрозненными единицами, вовсе необъединенными между собой в главных местных центрах, без ближайшего общего руководства и бдительного надзора» [9, л. 1–1об.]. В то же время «введение судебных уставов с необходимыми изменениями в Туркестанском крае и Степных областях, независимо от огромного местного значения, составит целую эпоху в постепенном ходе нашего судебного преобразования: то будет последний крупный шаг на многолетнем и многотрудном его пути» [9, л. 5–5об.].

Региональные власти, в лице Туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского, скептически относились к результативности проведения судебной реформы в регионе в полном объеме. Вревский признавал несостоятельность сложившейся судебной системы региона, которая включала в себя до-реформенные институты и преобразования, заложенные Судебными уставами 1864 г. При этом особой критики генерал-губернатора вызвала реализация в Туркестане и Степном крае принципа разделения властей и придания судебной власти самостоятельности. «Если принцип полного отделения судебной власти от административной, являясь продуктом новейших европейских законодательств, оказался неудобоприменимым к населению России, недавно вышедшему из крепостной зависимости, — писал в 1898 г. А.Б. Вревский, — то тем более неприменим он к населению Средней Азии, позднее вышедшему из тяжелой рабской зависимости от своих деспотических правителей. Веками воспитанное в безусловном повиновении своим непосредственным начальникам — бекам, ... мусульманское население неспособно понять глубокого значения принципа разделения власти» [8, л. 9об.–13]. Безусловно, отсутствие единой позиции между региональными и центральными органами власти во многом затрудняли проведение реформы и интеграцию Степного края и Туркестана в общеимперское правовое пространство.

Широко обсуждался в правительственных кругах вопрос о роли и месте в юстиции Степного края традиционных судебных институтов и норм права. Признавая народный суд пережитком традиционного правосознания, министр юстиции Н.В. Муравьев между тем говорил о необходимости постепенного сокращения его функций и компетенций. О сохранении народного суда высказывался и Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской. Глава региона подчеркивал, что «несмотря на злоупотребления и несправедливости, допускаемые народным судом, преждевременность его со-

вершенного упразднения доказывається, помимо разности воззрений туземцев на право с русскими понятиями, еще слишком поверхностным знакомством нашим с взглядами и обычаями туземцев, и в особенности необходимостью сношения с большинством чрез переводчиков, далеко не отличающихся нравственной благонадежностью. Постепенное улучшение народного суда, без коренной его реформы, представляется поэтому лучшим исходом, и столь осторожное разрешение этого вопроса предоставит возможность, сохраняя народный суд, вводить в него, по мере надобности, изменения, направленные исключительно к его упорядочению и подчинению в будущем всех судебных дел края русскому суду» [6, л. 26–26об.]. Подобной позиции придерживались и чиновники Министерства внутренних дел, подчеркивая, что «народные суды, часто не выходя из пределов ведомства и власти, постановляют такие решения, которые противоречат основным понятиям справедливости и нравственности», а значит, важным является постепенное сокращение компетенций последних [10, л. 138].

При рассмотрении в конце XIX в. вопроса о статусе и функциях традиционного суда казахского общества в Государственном Совете, чиновники соединенных Департаментов законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел признавали необходимость реформы народного суда, которая важна «в интересах самого правосудия». Однако, подчеркивалось в документе, «было бы весьма нежелательно, не обладая всесторонними по означенному предмету сведениями, предрешать направление правительственных в этом отношении мер <...>, по своим представлением о праве и справедливости туземцы и инородцы нередко вполне еще расходятся с русскими законами. Поэтому слишком поспешное привитие им этих законов могло бы породить смуту в их умах и в сложившемся строе их жизни» [10, л. 139].

Главенство в правительственных кругах позиции о постепенном характере преобразований традиционного суда и норм права приводили лишь к формализации судебной реформы, затрудняли развитие региональной юстиции по общеимперскому типу.

Существенное значение в этой связи приобрели результаты ревизии Туркестанского края во главе с сенатором К.К. Паленом, которая была проведена в 1908–1909 гг. [3, 11]. Граф Пален придерживался четкой позиции об архаичности народного суда и необходимости его реорганизации. В своей записке о результатах ревизии сенатор Пален писал: «В господстве мертвых, по своей неподвижности, и неясных правил мусульманского права и первобытных подчас жестоких норм киргизского обычая кроется едва ли не главнейшее основание неудовлетворительности решений туземных судов по гражданским делам <...>. Но конечной целью государственной власти в крае, естественно, должно быть постепенное, по мере возрастающего в культурном отношении слияния этой окраины с Россией, распространение силы русских правовых норм» [7, л. 2–8]. При этом К.К. Пален выступил с критикой сторонников поступательного проведения реформы народного суда, подчеркивая, что приводимые последними доводы «едва ли представляются убедительными». Сенатор отмечал, что многие из традиционных норм права, семейных обычаев «уже давно отжили свой век и не могут быть терпимы в культурном государстве, а те обычаи, которые не противоречат русскому государственному строю, сохраняются и при введении мирового института для всех дел туземного населения». А наиболее важно, что «государство не может и не должно приноравливать судебное устройство к уровню понятливости населения, которое часто находится на низкой степени развития. Наоборот, создавая более совершенные формы суда, гарантирующие его справедливость и безпристрастие, государство тем самым способствует повышению в населении правовых понятий. Убеждаясь в превосходстве новых судебных органов перед отмененными, население быстро осваивается с ними, скоро научается понимать и ценить их и через них растет в своем правосознании» [4, с. 203–205].

Расхождения в оценках чиновников судебной системы Степного края затягивали процесс модернизации судебных институтов, затрудняли развитие правоотношений в соответствии с нормами общеимперского права. Конечно, в процессе обсуждения проводились исследования деятельности судебной системы, предлагались эффективные проекты преобразования региональной юстиции. Но отсутствие согласованной позиции по ключевым вопросам реформы привели к незавершенности преобразований, сложной конфигурации и малоэффективности судебной системы Степных областей, которая сохранялась вплоть до конца имперского периода.

Литература

1. Анисимова И.В. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2019. — Т. 10. — Вып. 8 (82) [Электронный ресурс]. — URL: <https://history.jes.su/s207987840006007-6-1/> (дата обращения: 01.09.2021). DOI: 10.18254/S207987840006007-6

2. Лысенко Ю.А. Акторы социально-экономической модернизации центрально-азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сборник научных трудов международного семинара. — Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. — М.: Онто-принт, 2019. — С. 40–57.
3. Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // *Метаморфозы истории*. — 2016. — № 7. — С. 134–150.
4. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. — СПб., 1909.
5. Росийский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1291. — Оп. 84. — Д. 18–1897.
6. РГИА. — Ф. 1291. — Оп. 84. — Д. 4–1901.
7. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 441.
8. РГИА. — Ф. 1396. — Оп. 1. — Д. 8.
9. РГИА. — Ф. 1405. — Оп. 539. — Д. 280.
10. Центральный государственный архив Республики Казахстан. — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 647.
11. Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // *Новый исторический вестник*. — 2012. — № 2 (32). — С. 6–20.

Сведения об авторе:

Анисимова Инна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: iva0410@mail.ru

СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ О ЗНАЧЕНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

А.В. Головинов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Автором рассмотрены взгляды идеологов сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева на роль региональной прессы для развития правовой культуры регионального сообщества. Показано, что несмотря на то, что сам термин «правовая культура» не использовался в политико-правовых взглядах сибирских регионалистов, ими акцентировалось формирование гражданского самосознания населения провинциальных территорий.

SIBERIAN REGIONALS ON THE IMPORTANCE OF THE PROVINCIAL PRESS FOR THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL CULTURE OF THE REGION

A.V. Golovinov

Altai State University, Barnaul (Russia)

The author considers the views of the ideologists of Siberian regionalism G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev for the role of the regional press for the development of the legal culture of the regional community. It is shown that despite the fact that the term “legal culture” itself was not used in the political and legal views of Siberian regionalists, they emphasized the formation of civic consciousness of the population of provincial territories.

Период литературного и политико-правового наследия основоположника сибирского областничества Н.М. Ядринцева во время его пребывания в г. Шенкурске Архангельской губернии с 1868 г. вплоть до конца 1873 г. можно считать специальной вехой в судьбе защитника интересов восточной окраины — Сибири. В этот период активизировалась его работа в газетном жанре. Он сотрудничал с такими изданиями, как «Камско-Волжская газета», «Отечественные записки», «Сибирь», «Дело», «Искра», «Женский Вестник», «Неделя» и др. В это время произошло осмысление роли региональной прессы и литературы в развитии гражданственности. Справедливости ради заметим, что гражданственность, по сути, в учении областников отождествлялась с правовой культурой, сам термин был не типичен для науки второй половины XIX в.

Успешно постигая техники газетного изложения материала, Николай Михайлович столкнулся со всеми прелестями и побочками подобного жанра. Цензурная и редакторская корректировка авторских идей зачастую печалила упорного шенкурского журналиста, но вместе с тем и оттачивалось его филигранное писательское мастерство. Случались и препятствия на данном поприще у сибирского областника. «Мои литературные неудачи, — вспоминал он, — повторяющиеся нередко, меня серьезно заставляют задумываться. Писать на заказ, подделываться к любимым темам редакторов, к их конь-

ку, брать забористые и современные темы, о которых ничего не скажешь нового, и которые трактуются на тысячу ладов мне решительно не по нутру. Вопросам тем, о которых писать хочется и некоторым взглядам, выработанным самостоятельным исследованием не предоставляют места...» [1, с. 24].

Известно, что в 1872 г., полностью отбыв каторжные работы, другой лидер областнического движения Г.Н. Потанин был переведен к месту ссылки в Вологодскую губернию г. Никольск. С этого момента начинается активнейшая переписка, обмен идеями, обсуждается колониальный вопрос. «У нас началась оживленная переписка, — вспоминал Николай Михайлович. — Хотя она была под контролем и велась через исправника, но мы не стеснялись обмениваться мыслями, предлагать темы статей и пр. Обрадовавшись возвращению друга, я ожил. Масса сибирских тем висела в голове. Я писал огромные письма, он отвечал мне» [2, с. 162].

В идейно-теоретическом плане за годы ссылки сибирский патриот получил бесценный опыт разбирать вопросы досконально, исследовать проблему всесторонне. В ходу у Н.М. Ядринцева могло быть сразу несколько разрабатываемых тем, и это, между прочим, нисколько не мешало ему подавать качественный материал. Получив от эпистолярного общения с ближайшим другом Григорием Потаниным очевидный мощный интеллектуальный импульс, Николай Михайлович приходит к проработке областнической программы. К этому же времени относится и кипучая работа «первых лиц» областнического движения в «Камско-Волжской газете».

Сотрудничеством с казанской газетой Ядринцев в хорошем смысле этого слова был обязан Потанину. Ранее Григорий Николаевич в Никольске свел знакомство с фактическим редактором «Камо-Волги» (так иногда газету называли областники. — *А.Г.*) К.В. Лаврским. На тот момент молодая основанная в 1872 г. в Казани газета быстро развивалась и позиционировала себя как печатный орган, нацеленный на судьбу и нужды провинции. К.В. Лаврский собственно и выступил с предложением освещать на страницах казанской газеты жизнь Сибири. Предложение тотчас же было принято с большим энтузиазмом. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин практически молниеносно включились в любимую работу. Действующим редактором на тот момент был Н.Я. Агафонов, которому Николай Михайлович писал на этот счет: «Близко интересуюсь судьбами провинциальной журналистики ... я готов служить ей... Я писатель по преимуществу сибирский и ежели чем могу быть полезен, это статьями о Востоке. Зная условия провинциального издания, я не требую никакого гонорара, но зато прошу высылки вашей газеты на Восток, в Сибирь» [3, с. 80].

Документально подтверждено, с 34 номера 1873 г. стартовало сотрудничество с «Камо-Волгой». «Потанин, я и Лаврский были солидарны, — вспоминал о начале работы с газетой ссыльный сибиряк. — Статьи в Камско-Волжской газете были полны оригинальности. У нас явилась смелость нападать на столичную печать и подвергать разбору провинциальные органы. Скоро газета выдвинулась, она обратила внимание на себя в столичной прессе» [2, с. 162].

Так, в 1873 г. в № 65 провинциального периодического издания была опубликована ценнейшая для постижения идейного мира Н.М. Ядринцева статья «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции». Данная публикация как бы выбивается из общей тематики газеты своей научной обоснованностью, теоретической значимостью и некоторой смелостью взглядов. Как следует из переписки лидеров движения областников, казанскую газету они расценивали как сугубо провинциальную, но в то же время менее подверженную цензурным воздействиям. «Наша здешняя интеллигенция, — замечал Ядринцев, — смотрит на сотрудничество с Камско-Волжской газетой презрительно, один только бывший казанский студент разделяет симпатии к провинциальным делам» [1, с. 205].

Неоспоримым преимуществом казанской периодики была предоставленная авторам идейная свобода. В художественном и творческом полете редакция особо не ограничивала сибирских областников. Кстати, с изумлением это отмечал Ядринцев и в своей биографии. «Мы писали с жаром, — восклицал он, — свободно, не стесняясь редакции. Это был орган, где мы были равноправны с редакторами. Даже серьезный ученый, друг мой Потанин сделался публицистом» [2, с. 162].

Как видно, сами обстоятельства благоприятствовали разработке областнических вопросов. Поэтому не случайно, что колониальный и регионалистский дискурс ядринцевской публицистики впервые стал доступен широкой общественности после выхода в свет уже упомянутой ранее статьи «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции». Генеральной линией и доктринальной основой этого материала выступает идея о том, что «без точного исследования провинциальных учреждений, провинциального склада, и первоначальных групп, из которых складывается государство, невозможно понять гений народа... История провинции есть история масс, следовательно, история народная» [4, с. 138].

Идеи децентрализации, федерализма, автономии и всестороннего развития свободной и самостоятельной провинции впоследствии детально будут проработаны Н.М. Ядринцевым до самой

кончины. В переписке с Г.Н. Потаниным мы находим, что увлечение двух близких друзей было общим. Письма времен 1872-1873 гг. — это не что иное, как дискуссионная площадка, создающая областничество как идеологию. «Как видно по вашим выпискам, — отвечал на письмо Потанина Ядринцев, — вы слишком наострили зубы на французской школе и французской политической философии. Признаюсь, хотя я почерпнул много у Пьер-Жака (Прудон. — А.Г.), но с их историческим масштабом, с их самодовольными теоретиками, мальтретирующими другие народы, презирующими англичан и американцев, я не согласен. Все эти Руссо и Вольтеры, что они сделали для самой Франции?» [1, с. 53].

В интеллектуальных размышлениях и подобных спорах рождалась истина, единая и естественная для каждого областника.

Стоит полагать, что окончательное формирование подобных идеалов как раз и пришлось на последние годы ссылки. «Провинциальные литераторы глухи, — с сожалением замечал Н.М. Ядринцев в марте 1873 г. — Провинциальный литератор любит бить с носка — иронизировал областник, — ... у него далее не выдвигается никакого идеала... Я бы, — продолжал шенкурский ссыльный, — желал создать для провинции «новый завет», я бы презрел рутину столичного журнализма и его разъединение с народом!» [1, с. 204].

Служение народу, осознание местных интересов — вот постулаты, которые стали продуктом тотального погружения Ядринцева в «кухню» провинциальной газеты. Задача провинциальной литературы, как считал Николай Михайлович, быть народной, в лучшем смысле этого слова... Народная провинциальная литература должна касаться интересов главной массы народа, а не верхушек...

Поистине плодотворное сотрудничество Ядринцева и Потанина с «Камо-Волгой» вылилось в обличение, пожалуй, всего массива сибирских вопросов. Сибирские темы в «Камско-Волжской газете», как отмечает современный автор, смотрелись естественно, наряду с поволжскими, однако их удельный вес вызывал у областников серьезные опасения, что газета обратится в дуэт Авесова и Семилужского (псевдонимы Потанина и Ядринцева. — А.Г.) [5, с. 80]. Вместе с тем редактора газеты Н.Я. Агафонова не смущало преобладание «восточного элемента». Г.Н. Потанин в письме к Николаю Михайловичу цитировал главного редактора казанской газеты в августе 1873 г. так: «Редактор, до глубины души благодарен Вам [т.е. мне] и Николаю Михайловичу, не смущается вторжению восточного элемента и если найдет это возможным, готов уделить ему особое место с особым общим названием» [6, с. 186].

Таким образом, как следует из политико-правового наследия Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, в деле развития гражданских инициатив, а следовательно, и для формирования правовой культуры региона крайне важна местная пресса и литература. Именно газеты, журналы и литературные изыскания по учению областников есть универсальное средство и канал трансляции правовой культуры гражданского типа.

Литература

1. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). — Красноярск, 1918.
2. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Рус. мысль. — 1904. — Кн. 6.
3. Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. К 10-летию со дня кончины (7.VI.1894-7.VI.1904). — СПб., 1904.
4. Ядринцев Н.М. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газ. «Камско-Волж. Слово», «Сибирь» и «Восточное Обозр.» за 1873-1884 г. — Красноярск: Типография Енисейского Губернского Союза Кооперативов, 1919.
5. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. — Томск: Изд-во Томского университета, 2004.
6. Потанин Г.Н. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Флоренсов, Ю.П. Козлов. — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987.

Сведения об авторе:

Головинов Александр Викторович, кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

СЕКЦИЯ «СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Модераторы: **Кулсариева Актолкын Турлыхановна**, доктор филологических наук, проректор по научной работе и международному сотрудничеству Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан)
Жданова Евгения Анатольевна, кандидат технических наук, доцент, первый проректор по учебной работе Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЙ

А.Л. Мазина

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург (Россия)

При усилении интернационализации высшего образования приоритетом для многих стран становится экспорт образовательных услуг, что сопровождается ростом академической мобильности и усилением конкуренции между вузами. В свою очередь, глобализация рынка труда и рост экономической активности международных компаний требует от выпускников вузов новых компетенций. Сейчас наиболее перспективными и привлекательными для абитуриентов являются международные образовательные программы, а также программы двойных дипломов, которые предоставляют выпускникам значительные конкурентные преимущества на рынке труда как в России, так и за рубежом.

Для вузов России сетевые программы двойных дипломов с ведущими университетами мира позволяют повысить спрос среди абитуриентов и конкурентоспособность в международном образовательном пространстве, внедрить инновационные методики преподавания и использовать дополнительные современные образовательные ресурсы, применять международные системы контроля качества образования.

INTERNATIONAL JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

A.L. Mazina

Peter the Great St. Petersburg polytechnic university, Saint Petersburg (Russia)

With the increasing internationalization of higher education, the priority for many countries is the export of education, which is accompanied by increasing of academic mobility competition between universities. The globalization of the labor market and the growth of economic activity of international companies require new competencies from university graduates. Now the international educational programs are the most promising and attractive for students, as well as joint and double degree programs, which provide graduates with significant competitive advantages in the labor market, both in Russia and abroad.

For Russian universities, joint and double degree programs with leading universities of the world can increase the demand among applicants and competitiveness in the international educational market, introduce innovative teaching methods and use additional up-to-date educational resources, allow to apply international quality standards in education.

Международные образовательные программы (МОП) — это образовательные программы, которые реализуются на английском языке. Программы ориентированы на абитуриентов, владеющих английским языком и планирующих будущую карьеру в высокотехнологичных компаниях с международным участием как в России, так и за рубежом.

МОП являются одним из важных инструментов интернационализации университета и повышения его конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг, поскольку обеспечивают для вуза важные преимущества и дают дополнительные возможности:

- расширение программ академической мобильности студентов с ведущими университетами мира;
- участие англоязычных приглашенных профессоров в учебном процессе;

- развитие и реализация сетевых образовательных программ совместно с ведущими вузами мира, в том числе программ двойных дипломов.

Для студентов МОП это уникальная возможность получения международного опыта с одновременным развитием профессиональных навыков. Программы пользуются высоким спросом благодаря серьезным конкурентным преимуществам:

- обучение в международных группах на английском или другом иностранном языке;
- возможность получения двойных дипломов;
- возможность обучения в иностранных вузах-партнерах;
- лекции опытных профессоров и лекторов из СПбПУ и ведущих вузов мира;
- освоение дополнительных профессиональных, языковых и межкультурных компетенций.

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) МОП существовали в еще с 1990-х гг. Первыми были программы летних школ. В начале 2000-х гг. университет запустил первую программу международной магистратуры по интеллектуальным системам, реализуемую совместно с зарубежным вузом-партнером.

МОП существенно расширили географию и контингент иностранных студентов университета, позволяя привлекать в СПбПУ не только студентов, готовых изучить русский язык или уже владеющих им, но и англоговорящих студентов, которые хотят пройти обучение в российском вузе на английском языке.

С 2012 г. разработка инновационных МОП на английском языке в СПбПУ стала важным компонентом стратегии развития университета. Инициатива Университета с 2013 г. получила поддержку в рамках Программы повышения конкурентоспособности российских вузов «5-100».

Комплексный подход к интернационализации образовательных программ в СПбПУ позволил обеспечить переход на новый качественный уровень, характеризующийся развитием и реализацией в университете современных МОП, отвечающих международным требованиям к содержанию и качеству программ. Все это, в свою очередь, работает на повышение конкурентоспособности СПбПУ на мировом рынке образовательных услуг и развитию экспорта российского образования.

В 2019 г. проект СПбПУ «Интернационализация образовательных программ СПбПУ для обеспечения конкурентоспособности вуза на международном рынке образовательных услуг» получил 1-е место в номинации «Интернационализация программ обучения» премию «Интернационализация высшего образования». Данная премия была учреждена Ассоциацией восточно-европейских университетов в 2017 г. Это ежегодный конкурс российских университетов (и вузов СНГ) в области развития интернационализации высшего образования, благодаря которому лучшие международные проекты высших учебных заведений получают признание и известность, а профессионалы — возможность обмена опытом и знакомства с лучшими практиками. Премия вручается вузам за достижения в области международной деятельности и интернационализации высшего образования.

Рис. 1. Выпускники международных образовательных программ СПбПУ

В настоящее время для СПбПУ приоритетными направлениями работы по развитию МОП являются перевод МОП в статус сетевых программ, реализуемых с ведущими университетами мира, в том числе развитие программ двойного диплома, особенно для программ международной магистратуры

туры, а также повышение качества реализуемых МОП, приведение их к европейским стандартам качества и требованиям международных аккредитационных агентств.

В Европе идеи развития программ двойных дипломов активно обсуждается с 1980-х гг. Причинами дискуссии стала необходимость взаимного признания дипломов в условиях глобализации образования и складывающегося общеевропейского рынка труда.

В конце 80-х гг. этот процесс получил серьезный импульс в связи с созданием системы ECTS (European Credit Transfer and Accumulation System — Европейская система перевода и накопления кредитов), которая позволяет признавать периоды обучения в университете другой страны. Болонский процесс и внедрение 3-уровневой системы (бакалавр-магистр-PhD) создали благоприятные условия для дальнейшего развития совместных программ и программ двойных дипломов.

Стратегия развития науки и образования РФ, закрепленная Указом Президента России № 559 и Постановлением Правительства № 211, определяет среди ключевых направлений развития российских вузов:

- развитие взаимодействия образовательных программ с зарубежной высшей школой;
- мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов, обеспечивающая возможность обучения самым прогрессивным мировым технологиям;
- привлечение специалистов из западных стран для обучения студентов и обмена опытом.

Такие задачи могут быть реализованы только при условии внедрения новых форм обучения, и в первую очередь — внедрения сетевой формы обучения с ведущими зарубежными вузами.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об образовании в Российской Федерации» «Сетевая форма реализации образовательных программ обеспечивает возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций».

Сетевые программы классифицируются по степени интеграции различных образовательных и иных организаций в реализацию программы.

Структура образовательных программ, реализуемых в сетевой форме, может быть различной по целому ряду критериев.

В первую очередь, в реализации образовательных программ в сетевой форме могут принимать участие разное количество организаций партнеров. Организации-партнеры также могут быть различными, в зависимости от потребности в дополнительных ресурсах при реализации программы. Кроме того, объемы и формы участия вузов-партнеров и/или организаций-партнеров в реализации образовательных программ в сетевой форме могут быть разными.

Программы двойных дипломов — это сетевые образовательные программы, где все организации-партнеры максимально интегрированы в образовательный процесс, разрабатываемые и реализуемые совместно двумя или более университетами-партнерами, ведущие к получению обучающимися степени каждого вуза-партнера (либо одной совместной степени) и к вручению двух дипломов (или совместного диплома).

В связи с утверждением 05.08.2020 «Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации № 882/391 у российских университетов возник ряд сложностей в дальнейшей реализации образовательных программ в сетевой форме с ведущими иностранными образовательными организациями-партнерами.

Например, в соответствии с параграфом 15 Порядка «организации-участники» не в праве взимать плату с обучающихся за реализацию части образовательной программы». При этом российская образовательная организация всегда является базовой. Таким образом, российская образовательная организация при реализации сетевых образовательных программ должна брать на себя все вопросы финансового обеспечения образовательных программ, получение средств с обучающихся и распределение финансовых потоков между всеми организациями-участниками. В случае международных сетевых программ равноправного партнерства взимание платы за всю программу только одной стороной противоречит самому принципу равноправного партнерства, а также может вступать в конфликт с образовательным и валютным законодательством других стран. Выполнение данного условия может стать неприемлемыми для иностранных партнеров, особенно для ведущих иностранных вузов.

Применение такого принципа также приведет к удорожанию стоимости образовательных услуг в связи с необходимостью конвертации валюты, сборами банков за международные денежные переводы, а возможно и выплатой партнерами дополнительных налогов. Все вышеперечисленное может сказаться на доступности международных образовательных программ для студентов российских вузов.

В связи с этим многие российские университеты — члены Ассоциации ведущих университетов в настоящее время ведут активную работу по разработке предложения по изменению или дополнению указанного выше Порядка, в частности в области расширения возможных схем финансирования международных сетевых образовательных программ.

Наиболее распространенная практика реализации сетевых образовательных программ в Европе, например, предусматривает оплату образовательных услуг обучающимся непосредственно в каждую организацию — участника реализации программы. Такая схема финансирования является наиболее распространенной в Европейском образовательном пространстве в связи с существенной разницей в стоимостях обучения в различных странах. Кроме того, такая схема позволяет реализацию программ с гибкими образовательными траекториями. Схема примера такой программы, реализуемой в СПбПУ, приведена на рисунке 2.

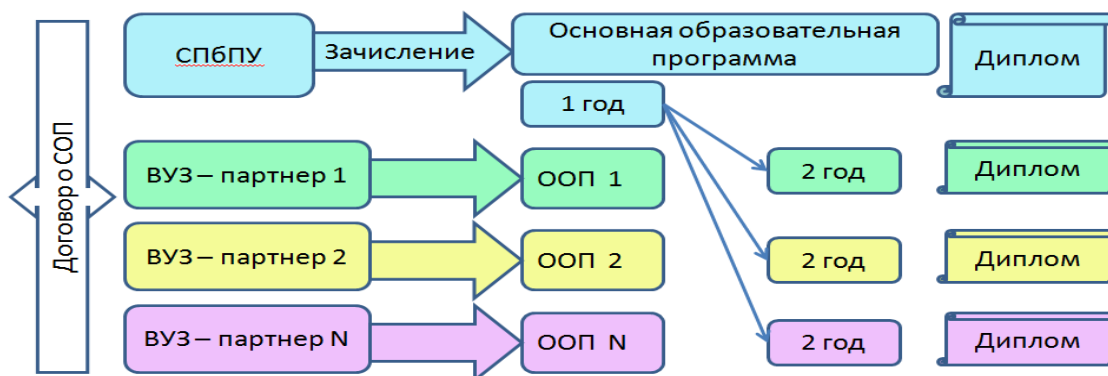

Рис. 2. Схема реализации сетевых образовательных программ

В данном примере первый год студенты обучаются в СПбПУ, а далее обучающемуся предоставляется право самостоятельно выбрать один из вузов-партнеров, участвующих в сетевой форме реализации образовательной программы, для продолжения второго года обучения в одном из вузов-партнеров. Число вузов-участников реализации такой образовательной программы может быть любым, но с каждой из организаций-партнеров должны быть заключены соответствующие договора о сетевой форме реализации совместной образовательной программы.

Данная модель широко используется ведущими европейскими вузами при создании совместных образовательных программ, например, «Европейских магистратур» или «Эразмус магистратур».

Второй распространенной схемой финансового обеспечения сетевых программ является взаимозачет образовательных услуг между вузами-участниками. Финансового обременения у сторон не возникает в связи с равноправным участием всех вузов-партнеров в реализации программ. Схема реализации программы тройных дипломов, реализуемой СПбПУ и предусматривающей взаимозачет образовательных услуг вузов-участников, приведена на рисунке 3.

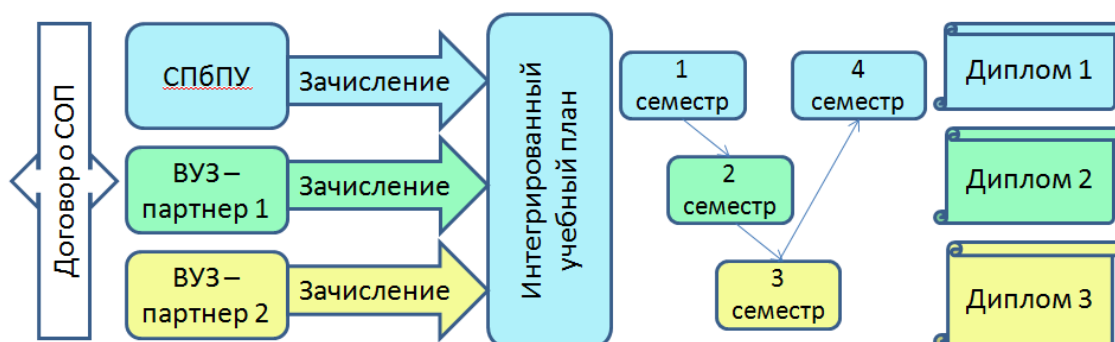

Рис. 3. Схема реализации программы тройных дипломов

В данном случае международная сетевая программа магистратуры реализуется тремя университетами-участниками. Каждый вуз реализует ровно треть образовательной программы, то есть один учебный семестр из трех и руководств дипломами трети студентов. Каждый вуз зачисляет треть студентов (каждый вуз по 5 человек из 15 обучающихся на программе), принимая полную стоимость

обучения только от 5 студентов. Такая схема позволяет избегать международных денежных переводов, потери средств на оплату комиссий банков, разниц в курсах обменов валют и т.п.

Повышение качества образовательных программ российских вузов и их международное признание способствует решению задачи, поставленной Правительством РФ в рамках приоритетного проекта развития экспортного потенциала российской системы образования, который предполагает более чем двукратное увеличение количества иностранных студентов в российских вузах по всем формам обучения к 2025 г.

Международные сетевые образовательные программы являются одним из важнейших инструментов интернационализации университета и экспорта его образовательных услуг. Они позволяют развивать как международное академическое сотрудничество и академическую мобильность, так и внутреннюю интернационализацию вуза. Кроме того, они позволяют повысить качество образования за счет привлечения дополнительных образовательных ресурсов, обеспечить признание уровня образования на международном образовательном рынке и повысить узнаваемость брендов и международную академическую репутацию российских университетов.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 № 882/391 «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ».
3. «Лучшие практики международной деятельности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого»: сборник материалов / под ред. Д.Г. Арсеньева — СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. — 100 с.
4. Никончук Е.Г. Организация сетевых форм обучения: метод. Пособие. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. — 100 с.

Сведения об авторе

Мазина Алла Лазаревна, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника Управления международного образования, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ УрФУ ПО СОЗДАНИЮ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ С УНИВЕРСИТЕТАМИ КИТАЯ

А.Л. Неволлина, Г.А. Ткачук, А.Р. Барашев, Д.М. Кузнецова
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (Россия)

Статья посвящена оценке текущего состояния российского рынка образовательных услуг и особенностям существующих экспортных моделей образовательных программ высших учебных заведений. Наиболее успешные направления академического сотрудничества с университетами Китайской Народной Республики (КНР) представлены на примере Уральского федерального университета. Цель исследования — представить положительный опыт международного академического сотрудничества на примере реализации сетевого взаимодействия между Уральским федеральным университетом и высшими учебными заведениями КНР.

NETWORK EDUCATIONAL PARTNERSHIPS IN THE EURASIAN SPACE: THE EXPERIENCE OF URFU IN CREATING JOINT EDUCATIONAL PROJECTS WITH CHINESE UNIVERSITIES

A.L. Nevolina, G.A. Tkachuk, A.R. Barashev, D.M. Kuznetsova
Ural Federal University, Yekaterinburg city (Russia)

The article is devoted to the assessment of the current state of the Russian market of educational services and the features of the existing export models of educational programs of higher educational institutions. The most successful areas of academic cooperation with universities of the People's Republic of China (PRC) are presented on the example of the Ural Federal University.

The purpose of the research is to present the positive experience of international academic cooperation on the example of the implementation of network interaction between the Ural Federal University and the higher educational institutions of the PRC.

За последние 10 лет образовательные услуги становятся одной из перспективных отраслей мировой экономики и превышает 134 млрд долл. США. Международная академическая мобильность составляет более трех с половиной миллионов человек в год. Образование зарегистрировано в списке услуг Всемирной торговой организации.

Для рынка образовательных услуг характерен ряд особенностей:

- высокий динамизм;
- территориальная сегментация и локальный характер;
- значительная скорость оборота капитала;
- большая чувствительность образовательной услуги к рыночной конъюнктуре;
- индивидуализированность производства.

Участники международного рынка образовательных услуг заключают международные договоры по предоставлению образовательных услуг. В связи с этим объектами международного рынка образовательных услуг являются:

- образовательные технологии (методики, программы, практики и др.);
- образовательные продукты (информационные ресурсы);
- образовательные бренды (торговые марки, имена и др.).

Субъектами международного рынка образовательных услуг являются государства, высшие учебные заведения, иные юридические и физические лица.

Таким образом, формируется экспорт и импорт образовательных услуг, которые имеют следующие характеристики.

Экспорт образовательных услуг — это внешнеэкономическая деятельность, направленная на вывоз образовательных объектов за определенную цену субъектами — поставщиками в целях удовлетворения тех или иных образовательных потребностей субъектов — потребителей.

Импорт образовательных услуг представляет собой внешнеэкономическую деятельность, в которой национальные субъекты образовательной деятельности осуществляют потребление образовательных услуг, произведенных и поставленных иностранными субъектами образовательной деятельности путем разработки и внедрения образовательных компонентов, а также развитие межгосударственных образовательных связей, международных студенческих обменов, создание филиалов иностранных высших учебных заведений за рубежом, дистанционного обучения.

Основной задачей стратегии развития интернационализации образования любого учебного заведения (прежде всего высшего учебного заведения) является повышение качества рекрутинга иностранных студентов, при этом качество рекрутинга необходимо определять как с количественной позиции, так и оценивать исходя из уровня входящего иностранного контингента.

Так, к числу основных моделей повышения качества экспорта образовательных ресурсов можно отнести:

- массовые открытые онлайн-курсы;
- иностранные студенты как рекрутеры;
- сетевое взаимодействие образовательных учреждений;
- совместные образовательные программы.

С принятием Федерального закона «Об образовании» в 2012 г. сетевое взаимодействие российских вузов получило большое распространение. В настоящее время российские университеты стали участниками следующих сетевых университетов: Сетевой университет СНГ, Университет Шанхайской организации сотрудничества, Сетевой университет БРИКС, Сетевой университет ЕАЭС и др.

Одним из видов сетевого взаимодействия является совместная программа двух дипломов — это единая программа двух образовательных организаций с полностью синхронизированными учебными планами и календарными учебными графиками с четко прописанной ответственностью участников за предоставляемый ресурс на каждом из этапов ее реализации.

Российские вузы в последние годы активно развивают совместные программы двух дипломов с партнерскими университетами из разных стран мира. Статистика по совместным программам ведется в рамках мониторинга системы образования, который проводится в соответствии со ст. 97 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273–ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015 г.) и Правилами проведения мониторинга, которые были утверждены Постановлением Правительства России от 05.08.2013 г. № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования» [1].

Сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой регламентируется Соглашением между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от

09.11.2006 г. В соответствии с Соглашением сотрудничество осуществляется по следующим основным направлениям:

- обмены обучающимися, студентами, аспирантами, а также научно-педагогическими работниками;
- содействие развитию прямого сотрудничества между образовательными учреждениями;
- углубление сотрудничества в организации изучения и преподавания в обоих государствах русского и китайского языков;
- участие в совместных программах и проектах, способствующих развитию гуманитарного, естественнонаучного и технического образования;
- создание информационных сетей и банков данных, обмен информацией о проводимых в государствах Сторон реформах в области образования, а также структуре и организации их образовательных систем (ст. 1).

Граждане Китая обучаются в 284 вузах, расположенных в 84 российских городах 66 российских регионов, и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, а также на Дальнем Востоке и в Сибири [2].

Именно московские, санкт-петербургские, дальневосточные и сибирские вузы были лидерами по числу обучаемых граждан КНР.

Приезжающие для обучения в Россию граждане КНР однозначно отдают предпочтение государственным вузам [3]. Больше всего их обучается в вузах Министерства науки и высшего образования РФ (68,0%, или 18 451 человек).

Самая востребованная программа у граждан Китая в российских вузах — бакалавриат. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что доля граждан КНР, обучающихся в российских вузах по программам высшей квалификации (бакалавриата и магистратуры), выше, чем в среднем среди остальных иностранных учащихся (9,2% — по программам магистратуры и 2,8% — аспирантуры).

Согласно данным [4], почти 9/10 выходцев из Китая очно учились в России на контрактной основе. В то же время по программам высшей квалификации — аспирантуры более 1/4 учащихся из КНР проходили подготовку на бюджетной основе.

Сравнительный анализ данных по статистике числа обучающихся в России китайских граждан и в других стран показывает, что в целом интерес к обучению в России невысок со стороны китайских абитуриентов и их родителей по сравнению с обучением в США, Великобритании и других европейских стран. Можно предположить, что наращивание экономического и политического сотрудничества, которое идет между Россией и Китаем, повлечет за собой увеличение потока китайских студентов в российских вузах.

Партнерство российских и китайских университетов вышло на новый уровень за прошедшее десятилетие. Это сложилось под влиянием нескольких факторов, в числе которых, стратегическое партнерство между Россией и Китаем в области экономики и инвестиций. В 2012 г. на встрече глав Правительств России и Китая был подписан Меморандум о реализации Плана действий по российско-китайскому взаимодействию в гуманитарной сфере до 2020 года.

Опыт УрФУ. Уральский федеральный университет — один из крупнейших университетов России, который объединил в себе фундаментальное образование и инновационный подход к решению проблем современного мира. На данный момент в университете обучается 36000 студентов, в их числе более 4 300 иностранных студентов и слушателей из 101 страны мира.

Уральский федеральный университет уделяет особое внимание сотрудничеству и установлению стратегических связей с партнерами из Китая. УрФУ в настоящее время имеет 45 соглашений о сотрудничестве с китайскими университетами, является членом УШОС, сетевого университета БРИКС и китайско-российской ассоциации технических университетов АТУРК. В университете обучается 1840 граждан КНР.

В 2008 г. при университете был открыт Институт Конфуция совместно с университетом Гуандун для проведения совместных исследований. В настоящий момент в Институте Конфуция обучается более 900 человек. Университет активно взаимодействует с китайскими университетами и иными образовательными организациями.

УрФУ выступает в качестве одного из главных организаторов сетевого университета БРИКС, членами которого уже стали 11 китайских университетов. В апреле 2016 г. во время открытия форума ректоров университетов-участников БРИКС, который проводился в УрФУ, был подписан «Меморандум о взаимопонимании Сетевого университета БРИКС».

Уральский федеральный университет также является головным вузом Университета Шанхайской организации сотрудничества по следующим направлениям подготовки: «Регионоведение», «Экология», «Экономика» и «Энергетика». УрФУ входит в пятерку наиболее активных вузов России по количеству обучающихся в рамках УШОС.

В 2016 г. с Северо-Китайским университетом водных ресурсов и гидроэнергетики (далее NCWU) было подписано Соглашение о создании и реализации совместной программы бакалавриата «Гражданское строительство». Министерство образования КНР одобрило данный проект и дало разрешение о реализации программы и на набор студентов (граждан КНР) по 120 человек ежегодно. В 2016 г. был организован набор студентов и началась успешная реализация совместной образовательной программы бакалавриата. В 2017 г. УрФУ совместно с NCWU подали в Министерство образования КНР проект создания совместного института (Уральский институт) при NCWU без выделения отдельного юридического лица, для реализации еще четырех совместных образовательных программ бакалавриата: «Водоснабжение и водоотведение», «Теплоэнергетика и теплотехника», «Геодезия и дистанционное зондирование», «Архитектура». В 2018 г. Министерство образования КНР одобрило образовательный проект Уральский институт и выдало лицензию на реализации программ и на набор студентов (граждан КНР) по 60 человек на программу ежегодно (всего 240 человек в год). Это первый образовательный проект, созданный на основе транснационального сотрудничества в рамках «сети университетов БРИКС». Разработанные совместно учебные планы всех совместных программ бакалавриата соответствуют образовательным стандартам Китайской Народной Республики и образовательным стандартам Российской Федерации.

Стратегия реализации проекта: все студенты на протяжении 1 и 2 курса интенсивно изучают русский язык с преподавателями РКИ, которые направляются УрФУ в NCWU. УрФУ направляет преподавателей в NCWU для чтения 1/3 дисциплин совместного учебного плана. Самые замотивированные студенты приезжают на 3-4 курс обучения в УрФУ. При успешном обучении, выполнении учебного плана и успешной защите квалификационной работы эти студенты получают два диплома обоих вузов (УрФУ и NCWU).

В 2019 г. Уральский федеральный университет проходил процедуру государственной аккредитации. Все совместные программы, на которых обучались студенты, были представлены для оценки и успешно ее прошли. Таким образом, по данным МОН РФ, Уральский федеральный университет стал первым российским вузом, успешно прошедшим государственную аккредитацию по совместным образовательным программам, реализуемым в сетевой форме с зарубежными университетами-партнерами: <https://tass.ru/obschestvo/6222909>.

В 2019 г. были начаты переговоры с Хайнаньским институтом экономики и бизнеса (ХИЭБ) по созданию и реализации четырех совместных образовательных программ бакалавриата. В 2019 г. в Министерство образования КНР был подан проект создания совместного института (Уральского института) при ХИЭБ без выделения отдельного юридического лица, для реализации четырех совместных образовательных программ бакалавриата: «Технология программного обеспечения», «Технологии интеграции электронных и механических систем», «Управление финансами», «Туристический менеджмент». В 2020 г. Министерство образования КНР одобрило образовательный проект Уральский институт и выдало лицензию на реализации программ и на набор студентов (граждан КНР) по 50 человек на программу ежегодно (всего 200 человек в год). Разработанные совместно учебные планы всех совместных программ бакалавриата соответствуют образовательным стандартам Китайской Народной Республики и образовательным стандартам Российской Федерации.

Таким образом, в данном исследовании были представлены особенности экспорта российских образовательных программ высшего образования в Китайскую Народную Республику. В результате было отмечено, что именно московские, санкт-петербургские, дальневосточные и сибирские вузы были лидерами по числу обучаемых граждан КНР. Приезжающие для обучения в Россию граждане КНР однозначно отдают предпочтение государственным вузам, а самая востребованная программа у граждан Китая в российских вузах — бакалавриат.

Раскрывая кейс реализации сетевого взаимодействия Уральского федерального университета с академическими партнерами из Китайской Народной Республики, отметим, что все образовательные программы, реализуемые в рамках проекта, имеют лицензию Правительства КНР и прошли в 2019 г. государственную аккредитацию РФ. Таким образом, по данным МОН РФ, Уральский федеральный университет стал первым российским вузом, успешно прошедшим государственную аккредитацию по совместным образовательным программам, реализуемым в сетевой форме с зарубежными университетами-партнерами.

Литература

1. Постановление Правительства России № 662 от 05.08.2013 «Об осуществлении мониторинга системы образования». [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 26.10.2021).
2. Штыхно Д.А. Экспорт образования как потенциальный фактор развития регионов Российской Федерации // Федерализм. — 2018. — № 4 (92). — С. 195-203.

3. Шукина Т.В. Экспорт российского высшего образования за рубеж: нормативно-правовое регулирование и стратегические цели развития // Вопросы экономики и права. — 2019. — № 136. — С. 23-26.
4. Ткаченко Е.Н. Экспорт образования как фактор конкурентоспособности национальной образовательной системы в современных условиях // Этносоциум и межнациональная культура. — 2020. — № 2 (140). — С. 26-31.
5. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6222909>.

Сведения об авторах:

Неволина Алена Леонидовна, кандидат технических наук, доцент кафедры метрологии, стандартизации и сертификации, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: a.l.nevolina@urfu.ru

Ткачук Галина Андреевна, старший преподаватель кафедры метрологии, стандартизации и сертификации, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: g.a.tkachuk@urfu.ru

Барашев Алексей Русланович, доцент кафедры метрологии, стандартизации и сертификации, кандидат технических наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: a.g.barashev@urfu.ru

Кузнецова Дарья Михайловна, студентка кафедры метрологии, стандартизации и сертификации, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: d.m.kuznetsova@urfu.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Е.Е. Шваков

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Особенности экономической деятельности в условиях трансграничной территории определяют отличные от прочих территорий потребности в кадрах. Требуется подготовка качественно иных специалистов, способных обеспечить выход хозяйствующих субъектов на рынки сопредельных государств. В условиях интеграции экономики России с экономикой ряда стран в рамках Евразийского экономического союза потребность в специалистах, знающих рынок стран ЕАЭС, существенно возрастает. Подготовка таких кадров возможна лишь в рамках сетевого взаимодействия вузов стран ЕАЭС, реализующих часть образовательной программы. При этом важно отметить, что такой подход к реализации образовательных программ становится фактором развития экспорта образования. В статье представлен опыт Алтайского государственного университета по разработке новой образовательной программы, отвечающей условиям развития трансграничных территорий.

NEW APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN THE CONDITIONS OF CROSS-BORDER TERRITORIES

E.E. Shvakov

Altai State University, Barnaul (Russia)

The peculiarities of economic activity in the conditions of a cross-border territory determine the personnel needs that differ from other territories. It requires the training of qualitatively different specialists capable of ensuring the access of economic entities to the markets of neighboring states. In the context of the integration of the Russian economy with the economy of a number of countries within the framework of the Eurasian Economic Union, the need for specialists who know the market of the EAEU countries is significantly increasing. The training of such personnel is possible only within the framework of the network interaction of universities of the EAEU countries implementing part of the educational program. At the same time, it is important to note that such an approach to the implementation of educational programs becomes a factor in the development of education exports. The article presents the experience of Altai State University in developing a new educational program that meets the conditions of development of cross-border territories.

В настоящее время в реестре предприятий-экспортеров Алтайского края, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, числится более 100 предприятий и организаций. При этом объемы как экспорта, так и количества участников внешнеэкономической деятельности в Алтайском крае постоянно растут. Таким образом, развитие экспорта можно считать новым направлением трансформации экономики региона, требующим подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере внешнеэкономической деятельности [4].

В соответствии с этим в Алтайском государственном университете была разработана образовательная программа магистратуры по направлению подготовки «Экономика» с профилем «Трансгра-

ничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг», обеспечивающая подготовку специалистов по внешнеэкономической деятельности и ориентированная на обучение студентов не только из Алтайского края, но и из сопредельных государств.

Целью образовательной программы магистратуры является подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для решения экономических и управленческих задач в области организации внешнеторговой деятельности на трансграничном центральноазиатском рынке и управления ею в части: продвижения товаров на рынки сопредельных государств Центральной Азии и Китая, юридического оформления внешнеторговых сделок, нивелирования рисков, сопряженных с экспортно-импортными операциями.

Для реализации программы был создан образовательный консорциум с участием предприятий-экспортеров, научных организаций, организаций, поддерживающих развитие экспорта в Алтайском крае, что позволило сформировать несколько образовательных треков образовательной программы, существенно отличающих ее от других аналогичных программ:

- научно-исследовательская — направлена на подготовку профессионалов-исследователей с привлечением ведущих ученых научной школы Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, занимающихся вопросами внешнеэкономической деятельности субъектов РФ, исследованием региональных рынков стран Центральной Азии и оценкой перспектив их развития с учетом трансграничного положения и ориентирована на обучение магистранта с целью формирования компетенций по проведению прикладных научных исследований внешнеторговой деятельности России и сопредельных государств (Монголии, Казахстана, Киргизии, Китая в условиях трансграничных территорий и интеграционных объединений ЕАЭС и ШОС);

- практико-ориентированная — обеспечивает подготовку профессионалов в соответствии с потребностями субъектов внешнеэкономической деятельности РФ и сопредельных государств (Монголии, Казахстана, Киргизии, Китая), обладающих знаниями о структуре внешнеторгового товарооборота России и стран Центральной Азии, товарных потребностях и возможностях экспортно-импортных операций субъектов внешнеэкономической деятельности данных государств, навыками продвижения товаров на иностранных рынках, в том числе с использованием возможностей цифрового маркетинга, реализации и правового оформления внешнеторговых сделок и управления ими, способных осуществлять профессиональные коммуникации в процессе совершения внешнеэкономических сделок как на русском, так и на иностранном языке (английский). Формирование профессиональных компетенций магистрантов происходит в условиях, максимально приближенных к реальным производственным, под руководством признанных специалистов-практиков (Центр поддержки экспорта Алтайского края, руководители и специалисты предприятий-экспортеров Алтайского края в страны Центральной Азии: ООО «СиСорт», ООО «Ренессанс Косметик», ООО «Алтайтара», ОАО «Алтайский маслосырзавод», ОАО «Барнаульский пивоваренный завод»). Для изучения региональных рынков сопредельных государств Центральной Азии предусматривается обучение студентов в вузах партнерах (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан) [1];

- организационно-управленческая — направлена на подготовку кадров с уникальными управленческими компетенциями в сфере управления внешнеэкономической деятельностью предприятий экспортеров и импортеров, способных:

- осуществлять переговорный процесс по осуществлению экспортно-импортных операций с иностранными партнерами на русском и иностранном (английском) языках;
- обеспечить продвижение товаров на рынках государств Центральной Азии, в том числе используя инструменты цифрового маркетинга;
- осуществить правовую поддержку и оформление экспортно-импортных операций с учетом специфики законодательства страны-партнера внешнеторговой сделки;
- обеспечить снижение и нивелирование рисков внешнеторговых сделок, используя экономические и правовые инструменты;

- междисциплинарная — ОПОП магистратуры строится на взаимодополняющем сочетании экономических и правовых дисциплин, обеспечивающих подготовку уникальных специалистов в сфере внешнеэкономической деятельности. В рамках элективного компонента ОПОП студентам предоставляется возможность существенно расширить имеющиеся знания, умения и навыки в экономической или правовой сферах внешнеэкономической деятельности, позволяя обучающимся выбирать дисциплины (модули) в зависимости от их исследовательских интересов и (или) потребностей будущей профессиональной деятельности. Для обеспечения этого ОПОП реализуется двумя институтами Алтайского государственного университета: экономическим и юридическим.

Как следствие, сложившиеся профессиональные компетенции, которые формируются у выпускников в ходе освоения образовательной программы, отвечают современному рынку труда, требующему подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере внешнеэкономической деятельности, способных выполнять разнообразные типы задач с применением современного инструментария их решения.

Еще одной особенностью реализации образовательной программы подготовки магистров по направлению «Экономика» с профилем «Трансграничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг» является модульный принцип. Формирование подобных программ не является новым явлением в российском образовании. Описываемая программа базируется на лучших практиках формирования модульных программ [2, 6]. Она реализуется на основе учебного плана, включающего коммуникативно-деятельностный (Мейджер 1), общепрофессиональный (Мейджер 2) модули, профильный модуль «Трансграничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг» (Мейджер 3) и модули по выбору: «Организация трансграничной торговли в Центральной Азии» (Майнор 1) и «Правовое регулирование трансграничной торговли в Центральной Азии» (Майнор 2), определяющие направленность программы.

Коммуникативно-деятельностный модуль (Мейджер 1) включает обязательные для изучения дисциплины «Иностранный язык в сфере делового общения», «Методология прикладного исследования», «Командообразование и лидерские навыки», «Межкультурное взаимодействие в современном мире». Данные дисциплины являются инвариантом Университетского ядра базовых дисциплин и обеспечивают формирование всей совокупности универсальных компетенция (УК) и частично общепрофессиональных компетенций (ОПК), которые должны освоить все обучающиеся независимо от направленности образовательной программы, и предполагают:

- освоение общего содержательного контента (концептуально-тематических блоков) на основе применения единых подходов к обучению, принципов построения образовательной траектории, используемых методов, инновационных образовательных технологий и типов деятельности;
- деятельностное освоение ролей (профессиональных, социальных) на основе критического и системного мышления, навыков командной работы, коммуникативных компетенций, понимания принципов и методов проектной деятельности и т.п.;
- овладение критическим мышлением и надпредметной рефлексивной деятельностью (способность работать с информацией, анализировать, ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, принимать независимые продуманные решения).

Общепрофессиональный модуль (Мейджер 2), включающий следующие дисциплины: «Научно-исследовательский семинар: методы научных исследований в экономике», «Методы принятия решений», «Эконометрика (продвинутый курс)», «Микроэкономика и макроэкономика (продвинутый уровень)», «Информационные ресурсы и технологии в экономике», «Проектная деятельность в профессиональной сфере», обеспечивает формирование общепрофессиональных компетенций. Данные дисциплины предполагают:

- формирование знаний (на продвинутом уровне) фундаментальной экономической науки при решении практических задач;
- овладение современными информационными технологиями и программными средствами при решении профессиональных задач;
- приобретение навыков применения продвинутых инструментальных методов экономического анализа при проведении прикладных исследований;
- формирование навыков принятия экономически и финансово обоснованные организационно-управленческие решения в профессиональной деятельности.

Обязательный профильный модуль «Трансграничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг» (Мейджер 3) основан на дисциплинах, обеспечивающих формирование профессиональных компетенций и углубление отдельных общепрофессиональных компетенций. С учетом требований профессионального стандарта 08.039 Специалист по внешнеэкономической деятельности, мнения работодателей и анализа рынка труда данный модуль содержит следующие дисциплины: «Теория игр (продвинутый курс)», «Международная экономика», «Финансирование внешней торговли и международные расчеты», «Интеграционные процессы и цепочки создания стоимости», «Логистика и управление цепями поставок в трансграничной торговле», «Страхование и управление рисками ВЭД», «Международная логистика», «Правовое регулирование ВЭД и международный коммерческий арбитраж», «Таможенно-тарифное регулирование ВЭД», «Цифровой маркетинг», «Управление внешнеэкономической деятельностью», «Организация и технология переговоров». Данные дисциплины обеспечивают:

- приобретение навыков исследования и проведения анализа внешних рынков и их требований к продукции;
- овладение проектным подходом к организации внешнеторговой деятельности организации с учетом фактора неопределенности;
- формирование навыков по планированию и организации внешнеторговой деятельности предприятия.

Модули по выбору обучающихся: «Организация трансграничной торговли в Центральной Азии» (Майнор 1) и «Правовое регулирование трансграничной торговли в Центральной Азии» (Майнор 2) ориентированы на углубленное формирование профильных компетенций, необходимых при организации внешнеторговой деятельности современной организации.

Таким образом, исходя из потребностей рынка труда, научно-исследовательского и материально-технического ресурса организации, образовательная программа реализуется на основе модульного принципа обучения: содержание обучения структурируется в автономные организационно-методические блоки — модули, содержание и объем которых могут варьировать в зависимости от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации обучающихся, желаний обучающихся по выбору индивидуальной траектории движения обучения. Сочетание вышеназванных модулей обеспечивает необходимую степень гибкости и свободы в отборе и комплектации требуемого конкретного учебного материала для обучения (самостоятельного изучения) определенной категории обучающихся в соответствии с выбранными в образовательной программе областями и сферами профессиональной деятельности, а также типами задач профессиональной деятельности.

Кроме этого, реализация магистерской образовательной программы по направлению подготовки «Экономика» с профилем «Трансграничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг» осуществляется с привлечением научных учреждений РФ (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН) и ведущих вузов сопредельных государств (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан), Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (Казахстан, г. Семей). Это обеспечивает высокое качество подготовки специалистов, актуальность выполняемых студентами в ходе обучения НИР и возможностью организации на этой основе международных конференций с опубликованием их результатов.

Каждый обучающийся в течение всего периода обучения обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к электронной информационно-образовательной среде из любой точки, в которой имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды могут быть созданы, в том числе, с использованием ресурсов вузов-партнеров — Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан).

Согласно разработанному графику учебного процесса, всем обучающимся предоставляется возможность обучения в вузе-партнере с освоением установленной планом части образовательной программы. Всего образовательная программа имеет объем 120 зачетных единиц (з.е.). На долю Алтайского государственного университета приходится 50% реализации образовательной программы, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева — реализации 40% программы. Оставшиеся 10% программы, которые приходятся на подготовку диссертации и ее защиту, реализуется вузами-партнерами совместно. Такой подход может стать новым направлением реализации стратегии экспорта российского образования на рынке стран Центральной Азии [3] и одновременно значимым фактором модернизации системы образования Казахстана [5].

Обеспечение образовательной программы «Экономика» с профилем «Трансграничная торговля в Центральной Азии: менеджмент и маркетинг» обеспечивается также организациями-партнерами и заключается в следующем:

- организация производственной и преддипломной практик — Управление Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры, Министерство экономического развития Алтайского края, предприятия-экспортеры Алтайского края в страны Центральной Азии: ООО «Алтайтал-Холдинг», ООО «Ренессанс Косметик», ООО «Алтайтара», ОАО «Алтайский масло-сырзавод», ОАО «Барнаульский пивоваренный завод», Некоммерческая организация «Алтайский фонд развития малого и среднего предпринимательства» (Центр поддержки экспорта Алтайского края);
- организация производственной практики (научно-исследовательская работа) — Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Что касается будущего трудоустройства выпускников, то оно не вызывает сомнения. Потребности рынка труда специалистов по внешнеэкономической деятельности только в Алтайском крае, по данным Центра поддержки экспорта Алтайского края, оценивается не менее чем в 20-25 человек ежегодно.

Трудоустройство выпускников определяется их способностью решать научно-исследовательские, проектно-экономические и организационно-управленческие задачи. В соответствии с этим местами трудоустройства выступают: научно-исследовательские учреждения, научно-исследовательские подразделения образовательных учреждений высшего профессионального образования, международные и аналитические службы предприятий различных форм собственности, занимающиеся вопросами внешнеэкономической деятельности; международные, исследовательские и аналитические подразделения учреждений государственной и муниципальной власти, консультационные фирмы, занимающиеся вопросами внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, разработанная образовательная программа является еще одним стимулом развития внешнеэкономической деятельности России со странами Центральной Азии в рамках достижения поставленных Президентом России В.В. Путиным национальных целей, фактором реализации потенциала интеграционных объединений, созданных в Центральной Азии, — ЕАЭС и ШОС.

Литература

1. Клецкова Е.В. Формирование экономической стратегии с учетом развития региона взаимодействия с граничащими государствами в рамках ЕВРАЗЭС // Экономика устойчивого развития. — 2018. — № 3 (35). — С. 48-50.
2. Чандра М.Ю. Модульная архитектура основных профессиональных образовательных программ вуза // Высшее образование сегодня. — 2019. — № 8. — С. 22-27.
3. Шваков Е.Е. Экспорт образования как направление внешнеэкономической стратегии приграничных регионов Российской Федерации // Фундаментальные исследования. — 2018. — № 11-2. — С. 302-306.
4. Шваков Е.Е., Ан Е.А. Кадровая стратегия региона в условиях структурной перестройки его экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2019. — Т. 2. — № 12. — С. 27-32.
5. Шуиншина Ш.М., Альпеисов Е.А., Ахметова Б.С., Туяков Е.А., Адамова М.Е. Некоторые вопросы модернизации системы образования Казахстана // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 2. — С. 48.
6. Parmonov A.A. Modular education in the educational system // Проблемы современной науки и образования. — 2020. — № 3 (148). — С. 67-69.

Сведения об авторе:

Шваков Евгений Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и эконометрики, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: eshvakov@yandex.ru

ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ТЮРКСКОГО МИРА: ОПЫТ АЛТГУ ПО СОЗДАНИЮ И ВНЕДРЕНИЮ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ С УЧАСТИЕМ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Л.И. Нехвядович

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности (проект номер — 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В статье представлен опыт Алтайского государственного университета по созданию и внедрению междисциплинарной магистерской программы с участием университетов стран Центральной Азии. Стратегическая доминанта новой магистерской программы «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках» — идея образовательной кооперации на основе открытой модели проектного обучения и индивидуализации образовательных траекторий для подготовки высококвалифицированных, конкурентоспособных российских и иностранных кадров в интересах социально-экономического развития регионов Большого Алтая.

ETHNOCULTUROLOGY OF THE TURKIC WORLD: ALTSU'S EXPERIENCE IN CREATING AND IMPLEMENTING AN INTERDISCIPLINARY MASTER'S PROGRAM WITH THE PARTICIPATION OF UNIVERSITIES OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

L.I. Nekhvyadovich

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article presents the experience of Altai State University in the creation and implementation of an interdisciplinary master's program with the participation of universities in Central Asia. The strategic dominant of the new mas-

ter's program «Ethnics of the Turkic-Mongolian world in modern art practices» is the idea of educational cooperation based on an open model of project training and individualization of educational trajectories for the training of highly qualified, competitive Russian and foreign personnel in the interests of socio-economic development of the regions of the Greater Altai.

Развитие глобального информационного пространства актуализирует этнические ценности, появляются новые смыслы и связи в культуре тюрко-монгольских народов Большого Алтая, что ярко проявляется в современных арт-практиках. Импульсом к развитию этой сферы становятся креативные индустрии, где объединяющей идеей всегда выступает творческий компонент, но при этом высока роль новых технологий и открытий. Решающую роль на этом этапе развития художественного рынка будут играть компетентные кадры и проектные команды, способные активно разрабатывать и реализовывать стратегии культурно-просветительской деятельности в области культурных обменов и гуманитарного взаимодействия с зарубежными странами и регионами.

Учреждения по обеспечению дипломатических, внешнеэкономических и иных контактов на территории Большого Алтая также будут заинтересованы в модернизации управления, так как государство, как инвестор, уже в ближайшем будущем будет вынуждено дифференцировать финансирование в зависимости от эффективности управления в организации проектов международного профиля. Таким образом, спрос на специалистов, знающих специфику этники тюрко-монгольского мира на территории Большого Алтая, постепенно формирующийся в настоящее время, может резко вырасти в ближайшие годы.

Обзор международного рынка магистерских программ по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение показывает, что большинство подобных программ концентрируются на социально-экономических и политических аспектах Центральной Азии. Ниша программ, построенных вокруг этники тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках, свободна.

Учитывая вышеизложенное, открытие магистерской программы 41.04.01 Зарубежное регионоведение, профиль «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках», построенной на базе углубленного изучения иностранных языков, сравнительных исследований в сфере этнологии, креативных индустрий, представляется своевременным и позволит Алтайскому государственному университету и Казахскому национальному педагогическому университету имени Абая занять одну из лидирующих позиций в этом направлении.

Цель программы — подготовка высококвалифицированных, конкурентоспособных российских и иностранных кадров по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение, профиль «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках», для разработки и осуществления планов (программ) организации культурных обменов, гуманитарного взаимодействия, связанного с межкультурной коммуникацией на территории Большого Алтая.

Область профессиональной деятельности выпускника в соответствии с образовательным стандартом 41.04.01 Зарубежное регионоведение — 04 Культура и искусство (в сфере культурно-просветительской деятельности, в области культурных обменов и гуманитарного взаимодействия с зарубежными странами и регионами). Поэтому стратегической доминантой основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) является идея образовательной кооперации на основе открытой модели проектного обучения и индивидуализации образовательных траекторий.

Модель ОПОП магистратуры:

- совместная образовательная программа высшего образования по подготовке магистров, разработанная совместно с Казахским национальным педагогическим университетом имени Абая на основе синхронизированного учебного плана, в рамках которого обучающиеся осваивают дисциплины (модули) в двух вузах-партнерах, а по результатам успешного освоения ОПОП имеют возможность получения двух дипломов;

- междисциплинарная образовательная программа является результатом участия структурных подразделений Университета, организаций-партнеров: Институт истории и международных отношений, Институт искусств и дизайна АлтГУ, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, СО РАН «Институт археологии и этнографии».

Опишем преимущества и особенности ОПОП с точки зрения позиционирования на рынке образовательных услуг.

Аудитория программы — россиянин и/или иностранный гражданин, планирующий делать карьеру на уровне сотрудников международных отделов, департаментов, зарубежных представительств компаний, органов государственной власти, занимающихся организацией проектов международного профиля в сфере культурно-просветительской деятельности, в области культурных обменов и гуманитарного взаимодействия с зарубежными странами и регионами Большого Алтая.

Отличительные особенности программы:

1. Международного уровня — программа разработана в сотрудничестве с консорциумом университетов и заказчиков и опирается на лучший международный опыт сетевого взаимодействия.
2. Современная/обновляемая — предполагается, что программа будет обновляться каждый год, чтобы быть связанной с происходящими в современных арт-практиках изменениями.
3. Экспертно-аналитическая — дисциплины программы опираются на современные исследования в зарубежном регионоведении и искусствоведении, будут преподаваться экспертами и практиками, что позволит студентам программы быть в авангарде актуальных процессов.
4. Ориентированная на генерацию идей и действия, дающая научные и образовательные продукты — программа в большей степени будет способствовать генерации новых идей, переосмыслению существующих практик и поднятию ключевых вопросов, инициированию совместных действий преподавателей, исследователей, слушателей.
5. Междисциплинарная — программа должна стать платформой для совместных разработок исследователей, экспертов и практиков различных направлений.

Конкурентоспособность программы. Программа предлагает студентам выбор различных траекторий обучения в зависимости от их интересов и предпочтений, так как в программе обучения предусмотрено использование современных методов обучения — модель ИОТ, открытого проектного обучения, digital. Наличие в процессе обучения лингвострановедческих стажировок и арт-практик в страны и регионы Большого Алтая с получением международного сертификата. Углубленное изучение иностранных языков и преподавание на иностранном языке ряда дисциплин.

В целом это бизнес-ориентированный проект, который направлен на превосходство на рынке образовательных услуг посредством создания уникальных продуктов (банка модулей, уникального кадрового потенциала, вариативной структуры ООП — курсы повышения квалификации, стажировки, МООК).

Анализ и потребности рынка труда в выпускниках образовательной программы.

Сведения о потенциальных ключевых работодателях:

- Министерство культуры Алтайского края
- Комитет по культуре г. Барнаула
- КАУ «Алтайский государственный Дом народного творчества»
- Национальный музей Республики Алтай имени Анохина
- Казахский научно-исследовательский институт культуры
- Общественный фонд «Улытагзым»

Характеристики выпускаемого специалиста:

- профессионально ориентироваться в ключевых вопросах зарубежного регионоведения с учетом специфики этнокультуры на территории Большого Алтая, ориентироваться в российских и иностранных источниках по данной тематике (с учетом их актуальности и авторитетности);
- владеть инструментарием сбора и анализа информации, разработки решений, стратегического анализа и разработки стратегий и планов в организации культурных обменов, гуманитарного взаимодействия, связанного с межкультурной коммуникацией;
- уметь анализировать взаимовлияние этнокультурных и художественных традиций тюрко-монгольского мира Большого Алтая, оценивать происходящие изменения в современных арт-практиках;
- уметь сформировать экспертную позицию этнокультурной проблематике тюрко-монгольского мира, уметь изложить ее письменно и устно, подготовить презентационные материалы;
- уметь сформировать проектное предложение — от концептуальной основы до планирования его реализации, структурированно изложить его в виде документа и презентовать потенциальным «покупателям»;
- быть профессиональным заказчиком исследований и прикладных разработок, используемых в организации выставок, презентаций, аукционов и иных мероприятий, связанных с зарубежными регионами мира.

Трудоустройство выпускников:

Специалисты, успешно освоившие данную программу, будут профессионально подготовлены к работе в качестве:

- руководителей и экспертов-аналитиков со специализацией в сфере этники тюрко-монгольского мира государственных и негосударственных организаций (в том числе международных);

- руководителей, экспертов-аналитиков и консультантов организаций, вовлеченных в развитие культурных обменов, гуманитарного взаимодействия, связанного с межкультурной коммуникацией в РФ и в странах Центральной Азии;

- руководителей образовательных программ ВО, ДПО и культурно-просветительских центров, художественных галерей, научно-исследовательских институтов, антикварных салонов;

Образовательно-профессиональная значимость ОПОП, учет требования соответствующих профессиональных стандартов: программа разработана на основе ФГОС ВО магистратура по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение (Зарегистрирован 02.08.2017 № 47642) с учетом всех требований образовательного стандарта.

Структура ОПОП, отражающая модульный принцип построения содержания, включает общие положения, характеристику профессиональной деятельности выпускника, планируемые результаты освоения ОПОП, содержание ОПОП и условия осуществления образовательной деятельности по ОПОП.

Осуществление образовательной деятельности при реализации ОПОП ВО 41.04.01 Зарубежное регионоведение, профиль «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках», реализуется на основе учебного плана 2021-2022 г. набора, включающего в обязательной части коммуникативно-деятельностный, общепрофессиональный модули, а в части, формируемой участниками образовательных отношений, — модули предпринимательства и профильные модули, определяющие направленность программы.

Исходя из потребностей рынка труда, научно-исследовательского и материально-технического ресурса организации ОПОП реализуется на основе модульного принципа обучения: содержание обучения структурируется в автономные организационно-методические блоки — модули, содержание и объем которых могут варьировать в зависимости от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации обучающихся, желаний обучающихся по выбору индивидуальной траектории движения обучения.

Учебный план ОПОП 41.04.01 Зарубежное регионоведение, профиль «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках» состоит из следующих блоков:

Блок 1 «Дисциплины (модули)» включает дисциплины (модули), относящиеся к обязательной части программы, и дисциплины (модули), относящиеся к части, формируемой участниками образовательных отношений.

Блок 2 «Практики» включает учебную и производственную практики, относящиеся к обязательной части программы и части, формируемой участниками образовательных отношений.

Блок 3 «Государственная итоговая аттестация», который в полном объеме относится к обязательной части программы и завершается присвоением квалификации, указанной в перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования, утверждаемом Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

В Блок 3 входит подготовка к сдаче и сдача государственного экзамена по направлению подготовки, выполнение и защита выпускной квалификационной работы (магистерской диссертации).

В структуре ОПОП 41.04.01 Зарубежное регионоведение, профиль «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках» предусматриваются следующие модули:

1. Обязательная часть: Коммуникативно-деятельностный модуль, включающий обязательные для изучения дисциплины «Иностранный язык в сфере делового общения», «Методология прикладного исследования», «Командообразование и лидерские навыки», «Межкультурное взаимодействие в современном мире». Данные дисциплины являются инвариантом Университетского ядра базовых дисциплин и обеспечивают формирование всей совокупности универсальных компетенция (УК) и частично общепрофессиональных компетенций (ОПК), которые должны освоить все обучающиеся независимо от направленности ОПОП, и предполагают:

1) освоение общего содержательного контента (концептуально-тематических блоков) на основе применения единых подходов к обучению, принципов построения образовательной траектории, используемых методов, инновационных образовательных технологий и типов деятельности;

2) деятельностное освоение ролей (профессиональных, социальных) на основе критического и системного мышления, навыков командной работы, коммуникативных компетенций, понимания принципов и методов проектной деятельности и т.п.;

3) овладение критическим мышлением и надпредметной рефлексивной деятельностью (способность работать с информацией, анализировать, ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, принимать независимые продуманные решения).

Универсальное ядро учебных дисциплин как средство универсализации содержания образования позволяет реализовать важнейшие требования общества к образовательной системе: сохранение

единства образовательного пространства, преемственности ступеней образовательной системы; обеспечение равенства и доступности образования при различных стартовых возможностях; достижение социальной консолидации и согласия в условиях роста социального, этнического, религиозного и культурного разнообразия нашего общества на основе формирования российской идентичности и общности всех граждан и народов России; формирование общего деятельностного базиса как системы универсальных учебных действий, определяющих способность личности учиться, познавать, сотрудничать в познании и преобразовании окружающего мира.

2. Обязательная часть, Общепрофессиональный модуль (Мейджер 1), дисциплины по близким направлениям подготовки (в рамках действующих ФГОС — это ядро дисциплин по УГСН). Осваивается всеми обучающимися в рамках УГСН по единым рабочим программам дисциплин.

3. Обязательная часть, Общепрофессиональный и профессиональный модули (основной Мейджер). Дисциплины, обеспечивающие формирование общепрофессиональных компетенций в рамках освоения УГСН, профессиональных компетенций в рамках освоения профиля основной профессиональной образовательной программы с учетом требований работодателей и/или профессиональных стандартов, анализа рынка труда.

4. Часть, формируемая участниками образовательных отношений, модули по выбору обучающихся: «Цифровые технологии в профессиональной деятельности», «Управление проектами в профессиональной деятельности». Модуль «Цифровые технологии в профессиональной деятельности» соответствует вызовам современной цифровой экономики и ориентирован на формирование специальных цифровых компетенций, ставших неотъемлемой частью профессиональных навыков как в области образования и науки, так и в промышленности. Дисциплины модуля предполагают развитие индивидуальной способности обучающегося использовать и сочетать свои знания, умения и личностное отношение, связанные с тремя смежными областями компетенций — технологией, когнитивной и социальной сферой — при использовании новых или существующих ИКТ для анализа, выбора и критической оценки информации.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что проектирование и внедрение сетевых междисциплинарных программ с участием вузов стран Центральной Азии — это ключевая инициатива и направление образовательной политики Алтайского государственного университета. Концепция магистерской программы «Этника тюрко-монгольского мира в современных арт-практиках» соответствует данному тренду и строится на принципах междисциплинарности, индивидуализации и проектного обучения.

Литература

1. Khazbulatov A., Nekhvyadovich L., Shaigozova Z. Единство и многообразие тюрко-монгольского мира: городище Культобе как перекресток религий и культур // Педагогика и психология. — 2021. — № 1 (46). — С. 186–195. DOI: 10.51889/2021-1.2077-6861.25 [Электронный ресурс]: — URL: <https://journal-redpsy.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/200> (дата обращения: 15.10.2021)

2. Нехвядович Л.И. Этнокультурная компетенция как составляющая федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Анохина. — Барнаул, 2017. — С. 6-9.

Сведения об авторе:

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, профессор, директор Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: lar.nex@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МЕДИАПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО АЛТАЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

А.В. Ковалева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Обоснована необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, способных осуществлять комплексную экспертную оценку коммуникационных продуктов; определены концептуальные основы формирования и реализации образовательной программы по направлению подготовки 42.04.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Социальная безопасность медиапространства Большого Алтая».

SOCIAL SECURITY OF THE MEDIA SPACE OF BOLSHOI ALTAI: CONCEPTUAL BASIS FOR DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE EDUCATIONAL PROGRAM

A.V. Kovaleva

Altai State University, Barnaul (Russia)

The necessity of training highly qualified specialists capable of carrying out a comprehensive expert assessment of communication products has been substantiated; the conceptual foundations of the formation and implementation of the educational program in the direction of training 42.04.01 Advertising and public relations, profile «Social security of the media space of the Greater Altai» were determined.

Актуальность разработки концепции образовательной программы по направлению подготовки 42.04.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Социальная безопасность медиапространства Большого Алтая» обусловлена возникновением ряда угроз, которые таятся в медиапространстве.

Во-первых, «приходится констатировать, что доминирует представление, согласно которому медиа есть некая искусственно созданная человеком сфера, которая в силу каких-то причин иногда выходит из-под контроля и тем самым наносит ущерб некоторым индивидам, не умеющим эффективно использовать медийные инструменты. В этом пункте медиаэкологи смыкаются со специалистами в сфере медиаобразования, которые тоже стараются обучить своих питомцев тому, как защищаться от плохих медиа» [1].

Во-вторых, во всем мире фиксируется существенное увеличение количества нарушений в медиапространстве (медиафере). Неуклонно возрастает количество медиаресурсов, распространяющих самый разнообразный контент, который не всегда соответствует требованиям существующего законодательства, социальных и культурных норм. Проблемы защиты интеллектуальной собственности, исключительных прав (авторские права, патенты, товарные знаки), ответственности за содержание в медиа, информационная безопасность и защита данных, политика конфиденциальности — далеко не полный перечень процессов, которые необходимо оценивать и контролировать. Таким образом, в современном обществе проблема обеспечения социальной безопасности личности, общества, государства в медиапространстве, в частности, при реализации коммуникационной деятельности, становится особо значимой.

Востребованность экспертной оценки качества контента коммуникационного продукта, транслируемого в медиапространство, определяется таким требованием социума, как обеспечение социальной, психологической и информационной безопасности его членов при оказании коммуникативного воздействия.

В России поиском нарушений в медиафере занимается Роскомнадзор, при этом существует острая необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, способных:

- на этапе проектирования коммуникационного продукта дать оценку его соответствия требованиям законодательных, социальных, культурных, этических норм, действующих в конкретном государстве;
- обеспечить оптимальное соответствие выбора медиаресурсов и размещаемого контента целевой аудитории;
- путем мониторинга медиапространства выявлять нарушения указанных норм в содержании опубликованного контента, в том числе и с помощью специальных программ.

Обзор международного рынка магистерских программ по направлению подготовки 42.04.01 Реклама и связи с общественностью показывает, что большинство подобных программ концентрируются на организационно-управленческих и технологических аспектах коммуникативной деятельности. Ниша программ, направленных на экспертно-аналитическую деятельность, деятельность по обеспечению социальной безопасности медиапространства Большого Алтая, свободна.

Учитывая вышеизложенное, открытие магистерской программы 42.04.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Социальная безопасность медиапространства Большого Алтая», позволяет Алтайскому государственному университету и Кыргызскому национальному университету имени Ж. Баласагына занять одну из лидирующих позиций в этом направлении.

Цель основной профессиональной образовательной программы — подготовка высококвалифицированных, конкурентоспособных российских и иностранных кадров по направлению подготовки 42.04.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Социальная безопасность медиапространства Большого Алтая», обладающих необходимыми компетенциями для успешной практической деятельности в области проектирования, управления и обеспечения социальной безопасности коммуникаци-

онных процессов в международном медиапространстве. Междисциплинарная образовательная программа является результатом участия структурных подразделений Университета, организаций-партнеров: Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии, Юридический институт АлтГУ, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына.

Область профессиональной деятельности выпускника в соответствии с образовательным стандартом 42.04.01 Реклама и связи с общественностью — 06 Связь, информационные и коммуникационные технологии (в сфере продвижения продукции средств массовой информации, включая печатные издания, телевизионные и радиопрограммы, онлайн-ресурсы) предполагает подготовку разносторонних специалистов, создавать тексты рекламы и связей с общественностью или иные коммуникационные продукты, передаваемые по различным каналам средствами массовой информации и другими медиа, адресованные разным целевым группам/группам общественности, в том числе международной общественности.

Образовательная программа реализуется по уникальному профилю, впервые представленному в образовательном пространстве России и стран Большого Алтая. Сочетание социогуманитарных, культурологических и правовых дисциплин, реализуемых в рамках образовательной программы, позволяет сформировать уникальные компетенции, востребованные на рынке труда.

Образовательные результаты выпускника, гарантирующие трудоустройство:

- знание основных теорий и исследовательских подходов в области коммуникативистики, знание качественных и количественных методов научного исследования и умение применять данные знания в области изучения медиапространства и управления коммуникационными процессами;
- знание структуры и логики функционирования современных медиа и интернет-коммуникаций, способностью руководить процессом медиапланирования и медиамаркетинга;
- квалифицированные навыки устного и письменного коммуницирования;
- знание и владение практическими навыками оценивания и анализа информации в различных медиа, включая печатные, аудиовизуальные и цифровые;
- способность демонстрировать навыки анализа и решения практических задач в сфере медиакоммуникаций, учитывая современную потребительскую культуру и структуру медиапространства стран Большого Алтая;
- способность управлять внешними и внутрикорпоративными коммуникациями на национальном и международном уровне;

Выпускники, успешно освоившие данную программу, будут профессионально подготовлены к работе в качестве:

- руководителей коммуникационных департаментов государственных, коммерческих и общественных организаций (в том числе международных);
- экспертов-аналитиков и консультантов организаций, осуществляющих информационно-издательскую, маркетинговую, рекламную и PR — деятельность в РФ и в странах Центральной Азии;
- проект-менеджеров в коммуникационных агентствах полного цикла.

Особенности организации учебного плана определяются следующим образом. ОПОП реализуется на основе модульного принципа обучения: содержание обучения структурируется в автономные организационно-методические блоки — модули, содержание и объем которых могут варьироваться в зависимости от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации обучающихся.

В структуре ОПОП 42.04.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Социальная безопасность медиапространства Большого Алтая» предусматриваются следующие модули:

1) *Коммуникативно-деятельностный модуль*, включающий обязательные для изучения дисциплины, являющиеся инвариантом Университетского ядра базовых дисциплин и обеспечивающие формирование всей совокупности универсальных компетенция (УК) и частично общепрофессиональных компетенций (ОПК), которые должны освоить все обучающиеся независимо от направления ОПОП. Универсальное ядро учебных дисциплин как средство универсализации содержания образования позволяет реализовать важнейшие требования общества к образовательной системе:

- сохранение единства образовательного пространства, преемственности ступеней образовательной системы;
- обеспечение равенства и доступности образования при различных стартовых возможностях;
- достижение социальной консолидации и согласия в условиях роста социального, этнического, религиозного и культурного разнообразия нашего общества на основе формирования российской идентичности и общности всех граждан и народов России;

- формирование общего деятельностного базиса как системы универсальных учебных действий, определяющих способность личности учиться, познавать, сотрудничать в познании и преобразовании окружающего мира.

2) *Обязательная часть, Общепрофессиональный и профессиональный модули.* Дисциплины, обеспечивающие формирование общепрофессиональных компетенций в рамках освоения УГНС, профессиональных компетенций в рамках освоения профиля основной профессиональной образовательной программы с учетом требований работодателей и/или профессиональных стандартов, анализа рынка труда.

В рамках общепрофессионального модуля реализуются дисциплины УГНС, направленные на формирование общепрофессиональных компетенций, необходимых для решения задач в выбранных типах профессиональной деятельности. Освоение дисциплин данного модуля предполагает выработку умения создавать продукт профессиональной деятельности (медиатекст, иной коммуникационный продукт) с учетом специфики медиакоммуникационных систем, особенностей правового регулирования медиарынков, критериев обеспечения социальной безопасности медиапространства стран Большого Алтая. Понимание специфики кросс-культурных коммуникаций создает возможности для профессиональной деятельности на международных рынках.

В профессиональном модуле представлены дисциплины, обеспечивающие формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций в рамках освоения профиля основной профессиональной образовательной программы с учетом требований работодателей и/или профессиональных стандартов, анализа рынка труда.

В результате освоения дисциплин модуля формируются умения и навыки:

- разработки и реализации маркетинговых стратегий продвижения продукта профессиональной деятельности (медиатекстов, рекламных и PR-продуктов);
- анализа медийной среды, результаты которого необходимы для выбора оптимальных стратегия продвижения продукта профессиональной деятельности;
- разработки критериев обеспечения социальной безопасности продукта профессиональной деятельности на основе проведения социогуманитарной и правовой экспертизы;
- определения цифровых коммуникационных инструментов, соответствующих критериям обеспечения социальной безопасности продукта профессиональной деятельности.

3) *Часть, формируемая участниками образовательных отношений.*

Модули по выбору обучающихся: «Цифровые технологии в профессиональной деятельности», «Управление проектами в профессиональной деятельности».

Модуль «Цифровые технологии в профессиональной деятельности» соответствует вызовам современной цифровой экономики и ориентирован на формирование специальных цифровых компетенций, ставших неотъемлемой частью профессиональных навыков как в области образования и науки, так и в промышленности. Дисциплины модуля предполагают развитие индивидуальной способности обучающегося использовать и сочетать свои знания, умения и личностное отношение, связанные с тремя смежными областями компетенций — технологией, когнитивной и социальной сферой — при использовании новых или существующих ИКТ для анализа, выбора и критической оценки информации.

Формирование и развитие компетентности в области управления проектами — цель модуля «Управление проектами в профессиональной деятельности». Дисциплины модуля предполагают не только наличие базовых знаний и понимание концепций проектного менеджмента, но и отработку навыков на реальных проектах.

Таким образом, в ходе освоения указанных модулей обучающиеся приобретают знания, умения и навыки, необходимые для:

- разработки и реализации следующих этапов коммуникационных проектов: аналитический; планирование; реализация, оценка эффективности;
- экспертной оценки соответствия коммуникационных продуктов/проектов требованиям обеспечения социальной безопасности.

Результат на выходе — специалист по проектному управлению, способный сразу приступить к командной работе в рамках реальных коммуникационных проектов организаций различного профиля деятельности; имеющий опыт разработки и реализации коммуникационных проектов, отвечающих требованиям социальной безопасности.

Литература

1. Дзялошинский И.М. Медиаобразование: работа с текстами или умение ориентироваться в медиапространстве? [Электронный ресурс]. — URL: <http://mim.org.ru/phocadownload/dzyaloshinsky.pdf>

Сведения об авторе:

Ковалева Алла Владимировна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиа-коммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: alla_k65@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОАЗИАТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ**

**Е.В. Понькина¹, А.А. Бондарович¹, Е.К. Ергалиев², Ж.З. Жантасова²,
М.А. Карменова², Н.М. Оскорбин¹, Л.А. Хворова¹**

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

В статье проанализированы аспекты и наблюдаемые эффекты образовательного сотрудничества в евро-азиатском пространстве, катализатором которых служит разработка и реализация совместных образовательных программ магистратуры в университете. Выводы получены на основе опыта многолетнего сотрудничества по реализации совместных образовательных программ (программ двух дипломов) между Алтайским государственным университетом (Россия) и Восточно-Казахстанским университетом им. С. Аманжолова (Республика Казахстан).

**DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL COOPERATION
IN THE EURO-ASIAN SPACE THROUGH THE IMPLEMENTATION
OF JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS**

**E.V. Ponkina¹, A.A. Bondarovich¹, E.K. Ergaliev², Zh.Z. Zhantasova²,
M.A. Karmenova², N.M. Oskorbin¹, L.A. Khvorova¹**

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²East Kazakhstan University named after S. Amanzholova, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

The article analyzes the aspects and observed effects of educational cooperation in the Eurasian space, the catalyst of which is the development and implementation of joint educational master's programs at the university. The conclusions were obtained based on the experience of many years of cooperation in the implementation of joint educational programs (double degree programs) between the Altai State University (Russia) and the East Kazakhstan University S. Amanzholova (Republic of Kazakhstan).

Развитие образовательного сотрудничества в Евроазиатском регионе для России играет важную стратегическую роль, особенно если речь идет о странах постсоветского лагеря. Реализация совместных образовательных программ является одной из форм, способствующих стимулированию международного сотрудничества не только в образовательной области, но и способствует укреплению и развитию научных связей, стимулированию академической мобильности. Межкультурная коммуникация, возникающая в процессе реализации совместных образовательных программ, способствует проникновению культурных ценностей, формированию «чувства общности» в реализации общего дела. Это особенно важно для трансграничных территорий, к которым относятся Алтайский край (Российская Федерация) и Восточно-Казахстанская область (Республика Казахстан).

В настоящее время создание совместных образовательных программ как формы образовательной коллаборации активно развивается в Российской Федерации и рассматривается в качестве важного индикатора инновационной деятельности вузов. Большая доля программ двойных дипломов приходится на международные образовательные программы магистратуры, наиболее часто партнерами российских вузов в реализации таких программ выступают вузы стран бывшего социалистического лагеря. Открытие и развитие совместных образовательных программ приносит положительные эффекты в развитии научно-образовательной среды в целом. В частности, стимулирует коллективы к совместной научной деятельности, подготовке совместных публикаций, организации международных конференций и программ повышения квалификации, реализации совместных научных проектов, обмену опытом и научно-образовательными практиками. Все эти эффекты наблюдаются как результат сотрудничества Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова и Алтайского государственного университета при открытии и реализации совместных образовательных программ магистратуры в естественно-научной области.

Образовательное сотрудничество двух вузов (ВКУ им. С. Аманжолова и АлтГУ) по естественно-научному направлению сформировалось в 2017 г., когда открылась первая совместная образовательная программа (программа двух дипломов), объединяющая образовательный процесс в магистратурах, реализуемых на кафедре теоретической кибернетики и прикладной математики института математики и информационных технологий (АлтГУ), кафедры компьютерного моделирования и информационных технологий и кафедры математики, факультета естественных наук (ВКУ им. С. Аманжолова).

С 2017 г. реализованы три совместные образовательные программы магистратуры:

- по направлению 01.03.02 «Прикладная математика и информатика», профиль «Математические методы и информационные технологии в экологии и природопользовании»;
- по направлению 01.03.02 «Прикладная математика и информатика», профиль «Биокибернетика, биоинформатика и программная инженерия»;
- по направлению 09.04.03 «Прикладная информатика», профиль «Информационные технологии в управлении социально-экономическими процессами».

Полученный опыт показал большую заинтересованность обеих сторон в поддержании сотрудничества в образовательной сфере, обмена методиками и образовательными практиками. В рамках программы академической мобильности магистранты ВКУ им. С. Аманжолова проходят индивидуальную научную стажировку в России на базе АлтГУ, знакомятся с университетом, жизнью в стране и культурой. С 2017 г. такую стажировку прошли более 20 магистрантов ВКУ им. С. Аманжолова. Ежегодно выпускники программ двойных дипломов показывают высокие результаты обучения. Так, несмотря на сложную ситуацию в связи с пандемией 2019-2021 гг., в 2021 г. успешно защитили магистерские диссертации 5 выпускников.

Динамичность современного образовательного пространства диктует необходимость регулярного обновления и модернизации действующих программ. Отчасти этот фактор привел к разработке новых совместных программ магистратуры в 2020 г. Так, в рамках реализации государственного задания по проекту «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (№ 748715Ф.99.1.ББ97АА00002) в тесном сотрудничестве с учеными ВКУ им. С. Аманжолова, факультета естественных наук разработаны две новые совместные образовательные программы магистратуры и выполнен набор слушателей на 2021/2022 учебный год:

- по направлению 09.04.03 «Прикладная информатика», профиль «Цифровые технологии анализа данных для устойчивого развития регионов Северной и Центральной Азии»;
- по направлению 09.04.03 «Прикладная информатика», профиль «Цифровые технологии в управлении социально-экономическими процессами».

В 2020/2021 г. ведется разработка еще двух новых программ магистратуры по направлению 01.04.02 «Прикладная математика и информатика», профиль «Наука о данных и компьютерные технологии в биологии и медицине» и профиль «Прикладная математика и информатика в социально-экономической сфере и образовании», планируется набор слушателей на 2022/2023 учебный год.

В качестве базовых образовательных программ магистратуры со стороны ВКУ им. С. Аманжолова выступили образовательные программы педагогической направленности (7М01503 Математика), естественно-научной области (7М05401 Математика) и области информационно-коммуникационных технологий (7М06102 Информационные системы; 7М06101 Информатика). Результаты сотрудничества положены в основу разработки новых учебных курсов с элементами проектных научных исследований.

Образовательное сотрудничество неотъемлемо связано с развитием научного сотрудничества. За последние годы учеными АлтГУ и ВКУ им. С. Аманжолова в соавторстве опубликовано более 20 совместных статей различного уровня. Ученые ВКУ им. С. Аманжолова стали регулярными участниками Всероссийской конференции с международным участием МАК — «Математики — Алтайскому краю», проводимой ежегодно на базе института математики и информационных технологий, АлтГУ (г. Барнаул), активно участвуют в стажировках и научных мероприятиях университета. Научное сотрудничество и взаимодействие неизбежно приводит к пониманию общности проблем развития науки и формированию новых идей и задач, в том числе совместных научных задач. Так, в 2020-2021 гг. в рамках научного блока задач при реализации проекта государственного задания по проекту «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (№ 748715Ф.99.1.ББ97АА00002) ведется работа по анализу и моделированию процессов трансформации социально-экономической системы регионов Большого Алтая, формируется база данных, а также ведется разработка информационно-аналитических цифровых сервисов. В 2021 г. получено финансирование по гранту МОН РК по теме «Исследование и разработка методов поддержки приня-

тия агротехнологических решений на основе технологий точного земледелия» (руководитель — Ph.D. М. Сутула). Проект запланирован на 2021-2023 гг., при общей сумме бюджета более 80 млн тенге. Цели проекта и ожидаемые результаты важны для реализации не только в Восточно-Казахстанской области, но и для Алтайского края. В рамках проекта планируется разработать научно обоснованные рекомендации параметров внедрения технологий точного земледелия для малых хозяйств, в частности, важным является обоснование методов формирования цифровых продуктов для фермеров. Немаловажна и подготовка совместных публикаций в ведущих научных журналах. Созданный задел и полученные совместные результаты позволят обеспечить возможности реализации аналогичного проекта на территории Алтайского края.

Сведения об авторах:

Понькина Елена Владимировна, кандидат технических наук, доцент, Институт математики и информационных технологий, Алтайский государственный университет. E-mail: ponkina@math.asu.ru

Бондарович Андрей Александрович, кандидат географических наук, доцент, Институт географии, Алтайский государственный университет. E-mail: andrej.bondarovich@yandex.ru

Ергалиев Ерлан Канопиянович, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой математики, факультет естественных наук и технологий, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова. E-mail: ergaliev79@mail.ru

Жантасова Женескуль Зейнешовна, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой компьютерного моделирования и информационных технологий, факультет естественных наук и технологий, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова. E-mail: zheniskul_z@mail.ru

Карменова Мархаба Ахметоллиновна, докторант, преподаватель кафедры компьютерного моделирования и информационных технологий, факультет естественных наук и технологий, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова. E-mail: mmm_0582@mail.ru

Оскорбин Николай Михайлович, доктор технических наук, профессор, Институт математики и информационных технологий, Алтайский государственный университет. E-mail: osk46@mail.ru

Хворова Любовь Анатольевна, кандидат технических наук, доцент, Институт математики и информационных технологий, Алтайский государственный университет. E-mail: khvorova@gmail.com.

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АНАЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(МЕЖДУНАРОДНАЯ СЕТЕВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА)**

О.А. Латышева, А.А. Черных

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Предпосылки создания международной, междисциплинарной сетевой образовательной программы: анализ рынка труда показал востребованность специалистов с междисциплинарными (кросс-функциональными) компетенциями. Этим обусловлено создание магистерской программы 05.04.02. География, профиль «Пространственная аналитика и управление природопользованием в Центральной Азии», главной целью которой является подготовка специалистов, обладающих совокупностью универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций и навыками их реализации в практической деятельности, готовых к профессиональной экспертно-аналитической и организационно-управленческой деятельности в соответствии с направленностью образовательной программы, востребованных на рынке труда в России и Центрально-Азиатском регионе.

**SPATIAL ANALYTICS AND ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN CENTRAL
ASIA (INTERNATIONAL NETWORK EDUCATIONAL PROGRAM)**

O.A. Latysheva, A.A. Chernykh

Altai State University, Barnaul (Russia)

Prerequisites for the creation of an international, interdisciplinary network educational program: the analysis of the labor market showed the demand for specialists with interdisciplinary (cross-functional) competencies. This is due to the creation of the master's program 05.04.02. Geography, profile «Spatial analytics and environmental management in Central Asia», the main purpose of which is to train specialists with a set of universal, general professional and professional competencies and skills for their implementation in practice, ready for professional expert-analytical and organizational-managerial activities in accordance with the orientation of the educational program, in demand on the labor market in Russia and the Central Asian region.

Сегодня на образовательном рынке нет аналогов образовательных программ, по которым ведется подготовка специалистов в области экспертно-аналитической и организационно-управленческой деятельности, умеющих находить и принимать значимые управленческие решения, обеспечивающие рациональное природопользование и устойчивое развитие как всего Центрально-Азиатского региона, так и отдельных стран и регионов Большого Алтая. В рамках проведенной форсайт-сессии, участниками которой стали представители работодателей России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии, а также органы государственной власти, академические институты и научные организации и мониторинга сервисов по поиску и предложений работы, был установлен высокий уровень потребности предприятий и организаций в специалистах с кросс-функциональными (мультидисциплинарными) компетенциями в следующих сферах:

- в сфере пространственной аналитики, управления природопользованием, охраны, оценки и прогнозирования состояния окружающей среды;
- при реализации экспертно-аналитической и организационно-управленческой деятельности в экономике и других областях.

Исходя из вышесказанного, для подготовки магистров выбрана модель, сочетающая организационно-управленческий и экспертно-аналитический типы профессиональной деятельности. Она направлена на подготовку экспертов в сфере пространственной аналитики, управления природопользованием, охраны, оценки и прогнозирования состояния окружающей среды. Программа ориентирована на обучение магистрантов и выполнение ими вышеперечисленных работ на предприятиях, специализирующихся в области пространственной аналитики, управления природопользованием, геоинформационного анализа, маркетинговой стратегии территории, оценки природно-ресурсного потенциала, устойчивого развития региона. Это органы государственной власти, научно-исследовательские институты, частные предприятия, связанные с управлением природопользованием в Центральной Азии.

Особенностями образовательной программы является подготовка высококвалифицированных специалистов в области экспертно-аналитической и организационно-управленческой деятельности, умеющих находить и принимать экологически значимые управленческие решения, обеспечивающие рациональное природопользование и долговременное устойчивое развитие Центрально-Азиатского региона.

Перечень основных объектов (или областей знания) профессиональной деятельности выпускников:

- природные, антропогенные, природно-хозяйственные, производственные, общественные территориальные системы и структуры на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях;
- государственное планирование и регулирование на разных уровнях, территориальное планирование и проектирование, комплексная географическая экспертиза форм хозяйственной деятельности;
- социально-экономический и статистический мониторинг;
- федеральные и региональные целевые программы социально-экономического развития, в том числе проекты устойчивого развития; туризм; образование.

В основу формирования образовательной программы легли следующие профессиональные стандарты:

25 — Ракетно-космическая промышленность в сфере применения геоинформационных систем для решения задач государственного и муниципального уровня и деятельности по обеспечению актуальной и достоверной информацией социально-экономического, экологического, географического характера [1].

07 — Административно-управленческая и офисная деятельность в сфере анализа, регламентирования, проектирования, оптимизации, автоматизации, внедрения и контроля процессов и административных регламентов организаций [2].

08 — Финансы и экономика в сфере определения бизнес-проблем, выяснения потребностей заинтересованных сторон, обоснования решений и обеспечения проведения изменений в организации [3].

Вышеперечисленные трудовые функции осваиваются обучающимися полностью или частично. Что касается формирования компетенций в рамках образовательной траектории вузов-партнеров, то консолидация компетенций осуществляется через дидактические единицы в рамках преподаваемых дисциплин, а также путем сопоставления всех видов нагрузок обучающегося через зачетные единицы (кредиты у вузов стран-партнеров) при возможности сохранения индивидуальной траектории обучения.

Преимуществами образовательной программы является наличие дополнительных возможностей для обучающихся, в том числе возможность построения индивидуальной траектории обучения. В рамках образовательного процесса обучающиеся могут выбирать один из модулей с учетом дальнейших профессиональных интересов:

– Модуль «Территориальная и отраслевая структура стран Центральной Азии» — рассчитан на формирование компетенций в изучении территориальной и отраслевой структуры хозяйства стран Центральной Азии, выявлении и анализе природно-хозяйственных систем и взаимосвязи в них анализа развития экономических центров и их специализации, особый акцент делается на особенности проявления глобальных проблем в странах Центральной Азии и их решение;

– Модуль «Пространственное развитие регионов» — обеспечивает формирование компетенций в области международного права, подходов к развитию международного взаимодействия, в торгово-экономической и производственной сфере. Компетенции в области геоинформационных технологий и маркетинга территории позволят обеспечить необходимую аналитику для выстраивания пространственных связей и моделирование направлений развития регионов;

– Модуль «Отраслевое управление и планирование территории» — обеспечивает формирование компетенций в области создания проектов по основным отраслям, а также аналитике взаимосвязей природно-экономического потенциала, производства и реализации товаров и услуг в странах Центральной Азии. Важнейшим аспектом является формирование компетенций в области природоохранной деятельности, управление уникальными природными территориями, в том числе горными, а также развитие рекреационной деятельности как важнейшего элемента устойчивого развития территорий в странах Центральной Азии.

С целью формирования и развития профессиональных компетенций обучающихся осуществляется широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (практические занятия в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, тренингов, групповых дискуссий, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских конференций) в сочетании с внеаудиторной работой.

Данная программа носит практикоориентированный характер, поэтому большой объем нагрузки обучающихся приходится на долю практик. Высокий уровень профессорско-преподавательского состава, взаимодействие с организациями-работодателями, участие зарубежных партнеров, а также решение реальных практических задач для социально-экономической системы не только Алтайского края, но и всего Центрально-Азиатского региона обеспечивают высокий уровень востребованности выпускников на рынке труда как России, так и в странах Центральной Азии.

Обеспечена возможность реализации образовательной программы с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, дисциплины и практики могут реализовываться с применением дистанционных форм обучения с использованием ресурсов образовательного портала Алтайского государственного университета.

Литература

1. Профессиональный стандарт 25.044 Специалист по применению геоинформационных систем и технологий для решения задач государственного и муниципального уровня (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 1 декабря 2015 г. № 921н).
2. Профессиональный стандарт 08.037 «Бизнес-аналитик» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25 сентября 2018 года № 592н (В редакции, введенной в действие с 20 января 2019 года приказом Минтруда России от 14 декабря 2018 года № 807н.).
3. Профессиональный стандарт 07.007 Специалист по процессному управлению (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 апреля 2018 года № 248н).

Сведения об авторах:

Латышева Ольга Анатольевна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: Whitemails@mail.ru

Черных Антон Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: antony.chernykh@yandex.ru

«СЕТЕВОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» — НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАЛМЫЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.Н. Бадмаев

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста (Россия)

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова уже много лет осуществляет активное сотрудничество на международном уровне. Учитывая исторически сложившиеся и культурно-обусловленные связи Калмыкии с восточным, буддийским миром; имеющуюся в Калмыцком государственном университете серьезную научно-исследовательскую базу в области востоковедения, монголоведения, буддологии, особое внимание уделяется сотрудничеству с научно-исследовательскими и образовательными центрами Востока, прежде всего Китая и Монголии.

После вхождения КалмГУ в число опорных вузов России была представлена программа развития университета как опорного регионального университета (2017-2021 гг.), где одним из важнейших направлений выступает стратегический проект «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», направленный на продвижение востоковедных исследований в КалмГУ. В рамках выполнения Стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России» в университете реализуется международный научно-образовательный проект «Сетевое востоковедение».

«NETWORK ORIENTAL STUDIES» IS A SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROJECT OF KALMYK STATE UNIVERSITY

V.N. Badmaev

Kalmyk State University, Elista (Russia)

Kalmyk State University has been actively cooperating at the international level for many years. Considering the historically formed and culturally conditioned ties of Kalmykia with the eastern, Buddhist world; the serious research base in the field of oriental studies, Mongolian studies, Buddhology, which is available at the Kalmyk State University, special attention is paid to cooperation with research and educational centers of the East, primarily China and Mongolia.

After KalmSU entered the number of flagship universities in Russia, a program for the development of the university as a flagship regional university (2017-2021) was presented, where one of the most important areas is the strategic project «Kalmykia as a cross-border region in the eastern vector of Russia» aimed at promoting oriental studies in KalmSU. As part of the implementation of the Strategic Project «Kalmykia as a Cross-Border Region in the Eastern Vector of Russia», the university is implementing an international scientific and educational project «Networked Oriental Studies».

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова уже много лет осуществляет активное сотрудничество на международном уровне.

Учитывая исторически сложившиеся и культурно-обусловленные связи Калмыкии с восточным, буддийским миром; имеющуюся в Калмыцком государственном университете серьезную научно-исследовательскую базу в области востоковедения, монголоведения, буддологии (действуют Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, Международный научный центр «Культурное наследие монгольских народов», Институт Конфуция, созданный 22 ноября 2007 г. в соответствии с «Соглашением между Калмыцким государственным университетом и Штаб-квартирой Институтов Конфуция по созданию Института Конфуция» и др.), особое внимание уделяется сотрудничеству с научно-исследовательскими и образовательными центрами Востока, прежде всего Китая и Монголии. Понимается важность использования данного этно-историко-культурного аспекта в организации международного сотрудничества, продвижении позитивного имиджа университета, экспорта российских образовательных услуг в эти зарубежные государства, расширении пространства своего «интеллектуально-инновационного присутствия» в регионе и мире. Исторически сложившаяся миссия и уникальное географическое положение Калмыкии позволяют университету служить научно-образовательным мостом, соединяя европейские и азиатские достижения и перспективы.

КалмГУ является также одним из учредителей и активных участников такой авторитетной международной организации, как Ассоциация государственных университетов Прикаспийских стран, которая включает в себя более 50 вузов и научно-исследовательских центров России, Ирана, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана.

17 апреля 2017 г. Минобрнауки РФ по результатам конкурса присвоило Калмыцкому государственному университету имени Б.Б. Городовикова статус регионального опорного университета. После вхождения КалмГУ в число опорных вузов России была подготовлена Программа развития университета как опорного регионального университета (2017-2021 гг.), где одним из важнейших

направлений выступает стратегический проект «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», направленный на продвижение востоковедных исследований в КалмГУ.

В рамках выполнения Стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России» Программы развития КалмГУ как опорного регионального университета с 2017 г. реализуется международный научно-образовательный проект «Сетевое востоковедение». На базе КалмГУ при поддержке Правительстве Республики Калмыкия был проведен ряд международных научных конференций:

- I Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура» (Элиста, 7-10 декабря 2017 г.);
- II Международный научный форум «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (Элиста, 29 ноября — 2 декабря 2018 г.);
- III международный научный форум «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве» (Элиста, 11-14 ноября 2019 г.);
- IV Международный научный форум «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 17-18 декабря 2020 г.).

В работе конференций принимали участие представители ряда российских и зарубежных университетов, академических институтов: Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Калмыцкий научный центр РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Бурятский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Чувашский государственный университет; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Тувинский государственный университет; Институт философии Академии наук Монголии, Институт литературы и языка Академии наук Монголии, Монгольский государственный университет, Университет Внутренней Монголии (г. Хух-Хото, Китай), Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, Монгольский государственный университет культуры и искусств, Монгольский государственный университет образования, Институт литературы национальных меньшинств Академии общественных наук Китая, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан и др.

Цель конференций — освещение проблем различных областей современной востоковедной науки, образования, культуры, обмен опытом для активизации научных исследований по проблемам востоковедения, расширение сети совместных востоковедных исследований и укрепление партнерства между вузами и академическими институтами.

В ходе проведенных конференций был подписан ряд Соглашений о создании творческих научных коллективов для реализации проектов в области востоковедения.

Ряд исследовательских проектов, которые были инициированы во время данных конференций, реализуются сейчас при поддержке Российского научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований.

Проект «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» получил поддержку Российского научного фонда (2019-2021). В составе научного коллектива — профессора Калмыцкого государственного университета, Российского университета дружбы народов, Тувинского государственного университета, а также магистранты и аспиранты КалмГУ.

Актуальность темы исследования обусловлена поиском общероссийской идентичности, потребностью в глубоком изучении истоков собственной евразийской культуры, в сохранении и использовании всего лучшего, что было создано за многовековую историю российской цивилизации. Особого внимания в этой связи заслуживает анализ буддийской культуры России, ее ценностей в определении евразийской идентичности многонационального российского государства, где своеобразный «исход к Востоку», буддолого-востоковедческие традиции имеют глубокие исторические корни.

Народы России (калмыки, буряты, тувинцы, часть алтайцев), традиционно исповедующие буддизм, являются своеобразным связующим звеном между Россией и буддийским миром, имея двойственную цивилизационную идентичность. Буддизм является неотъемлемой составной частью российской государственности, истории и культуры.

Проблематика проекта предполагает особый исследовательский ракурс — сквозь призму взаимоотношений России и буддийского мира обратиться к мироощущению, самоидентификации России. Можно отметить, что российское общество находило и находит в востоковедном знании важный

компонент своего социального и культурного бытования, уравновешивавший вектор проевропейского развития страны. Постановка и исследование избранной проблемы позволит расширить проблемное и предметное пространство философского востоковедения, сформировать новые научные направления философской компаративистики, опираясь на богатейший эмпирический материал из истории взаимоотношений России и буддийского мира. Проект ставит задачей философско-культурологический анализ взаимодействия России и буддийского мира, места и роли буддийского фактора в формировании и развитии евразийской цивилизации России. Работа ведется по следующим научным направлениям:

- комплексный философско-культурологический анализ истории взаимодействия России и буддийского мира;
- философско-культурологический анализ места и роли буддизма в цивилизационном пространстве России;
- исследование образа буддийского Востока и буддистов в представлениях россиян;
- рассмотрение образа буддийского Востока в русской культуре и менталитете;
- исследование образа России в представлениях буддистов;
- исследование буддийской культурной традиции в России;
- исследование культурно-конфессиональной идентичности буддистов России;
- рассмотрение общих интересов России и буддийского мира (политических, экономических, культурных);
- исследование буддийского фактора в геополитике Российского государства;
- исследование проблем и перспектив сотрудничества России и буддийского мира.

Особое внимание в работе над данным проектом уделяется разработке новых образовательных курсов и учебных пособий в рамках реализации магистерской программы «Философия и культура буддизма» в Калмыцком государственном университете, направленной на подготовку философов-востоковедов.

Проект «Философия монгольских этносов» получил поддержку Российского фонда фундаментальных исследований. Проект объединяет российских (Калмыцкий государственный университет, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления) и монгольских (Институт философии Академии наук Монголии) исследователей. Цель проекта — анализ философских традиций монгольских этносов России, Монголии и Китая.

Задачи проекта:

- анализ философских представлений как системной составляющей духовной культуры и идентичности монгольских этносов;
- определение глубинных, философских оснований бытия монгольских этносов мира (общее и особенное);
- исследование этнических картин (образов) мира монгольских народов;
- исследование современного состояния мировоззрения монгольских народов мира;
- раскрытие конструктивного потенциала философии монгольских этносов.

Как известно, монголоязычные народы России (калмыков, бурят) и монголов (Монголии, Китая) связывают общие историко-культурные корни, культурно-генетические связи, принадлежность к единой языковой общности. Исследование их взаимосвязей имеет большое значение в контексте поиска новых моделей межгосударственного культурного сотрудничества в контексте трансграничья.

Следует отметить и такой момент, актуализирующий проблематику проекта: процессы глобализации поставили новые вызовы перед монгольскими народами мира, связанные с осознанием их идентичности, уровне сплоченности многочисленных, цивилизационно близких по языку, религии, истории, культуре, системе ценностных ориентаций народов монгольского мира.

Реализация международного научно-образовательного проекта «Сетевое востоковедение» служит продвижению востоковедных исследований не только в Калмыцком государственном университете, но и созданию профильных научных коллабораций, сети совместных исследований, укреплению партнерства между вузами и академическими институтами мира.

Сведения об авторе:

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Россия). E-mail: badmav07@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВОГО ДИЗАЙНА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

О.С. Комарова, О.А. Шелюгина

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Современные возможности построения профессиональной коммуникации средствами онлайн-инструментов становятся важным средством развития образовательного контекста программ высшего образования. Авторами раскрывается опыт проведения серии онлайн-мероприятий в области информационных технологий и цифрового дизайна, объединивших студентов и специалистов в области информационных технологий, цифрового дизайна из России и стран Центральной Азии. Межкультурный и междисциплинарный характер этой коммуникации направлен на формирование у студентов востребованных профессиональных компетенций и гибких навыков.

INTERACTION WITH THE PROFESSIONAL COMMUNITY OF CENTRAL ASIA IN IT AND DIGITAL DESIGN AS A MEANS OF DEVELOPING THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF STUDENTS

O.S. Komarova, O.A. Shelyugina

Altai State University, Barnaul (Russia)

Modern opportunities for building professional communication using online tools become an important means of developing the educational context of higher education programs. The authors show the experience of organizing a series of online events in information technology and digital design, which brought together students and specialists in information technology, digital design from Russia and the countries of Central Asia. The intercultural and interdisciplinary nature of this communication is aimed at developing the demanded professional competencies and soft skills among students.

Сотрудничество Алтайского государственного университета с вузами Центральной Азии является важным стратегическим вектором университета: накоплен опыт совместных научных и образовательных проектов, сложились формы взаимодействия, намечены перспективы их развития. Стратегические задачи находят отражение в реализации конкретных образовательных программ. В 2021 г. преподавателями и студентами института искусств и дизайна АлтГУ был реализован онлайн-проект «Цифровая суббота» — серия встреч со специалистами в области информационных технологий и дизайна. Формат вебинара позволил преодолеть разобщенность образовательного контекста и некоторые проблемы вынужденного удаленного обучения для студентов из разных стран и городов, а также пригласить на встречу спикеров из разных профессиональных областей. Основная цель онлайн-проекта — расширить представление студентов и начинающих специалистов о том, что происходит в индустрии цифрового дизайна, определить, какие компетенции важны для профессионального успеха в данной области. Мероприятие приобрело международный статус благодаря сотрудничеству с вузами Казахстана и Киргизии. Аудитория включала студентов Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, а также Казахской головной архитектурно-строительной академии. Специальным гостем стал декан факультета архитектуры, дизайна и строительства КРСУ им. Б.Н. Ельцина доктор архитектуры, профессор, заслуженный работник образования Кыргызской Республики Равиль Мунирович Муксинов.

Спикерами первого «цифрового субботника» выступили генеральный директор компании «Асистем ОсОО Хай Джи» Асылбек Айтматов (Бишкек) и специалист по клауд-инжинирингу ТОО «Интернет-компания PS» Михаил Охрименко (Алматы). Основными темами онлайн-встречи стали вопросы профессиональных компетенций и рынка труда в области UI-дизайна, автоматизация дизайн-процессов, востребованность гибких навыков, облачные решения для IT-инфраструктуры, особенности рынка облачных технологий и вопросы кибербезопасности. Аудитория мероприятия включала студентов Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, а также Казахской головной архитектурно-строительной академии. Вторая онлайн-встреча, подготовленная магистрантами направления «прикладная информатика» (профиль «Цифровой дизайн»), включала интервью с Жылдыз Бековой — талантливой художницей, иллюстратором из Бишкека. Творчество Жылдыз многообразно, она работает в стиле аниме и выполняет иллюстрации в жанре сюрреализма, киберпанка, психоделики, арт-хауса. В равной степени Жылдыз хорошо владеет карандашом, акварелью, маслом, но в своем творчестве любит использовать смешанные техники. Работа в цифровом формате расширила творческие горизонты Жылдыз и позволила ей поделиться своим видением мира. В начале 2021 г. цифровые произведения художницы опубликовали в популярном журнале для циф-

ровых художников ImagineFX. Именно эта часть творчества Жылдыз стала темой второй онлайн-встречи «Цифровая суббота». Спикер рассказала о специфике использования цифровых технологий, особенностях разных графических редакторов, о необходимых навыках при работе в цифровом формате. Жылдыз продемонстрировала возможности, которые дают цифровые технологии художнику и иллюстратору. Еще одним спикером выступил Максим Денисов (Алматы), специалист в области информационной безопасности в банковской сфере. В его выступлении были представлены общие технологические тренды, особенности развития цифрового бизнеса в условиях пандемии, студенты смогли уточнить необходимые компетенции, востребованные в деятельности сотрудников ИТ-отделов банков. Спикерами третьей встречи стали Николай Краюшкин, кандидат технических наук, руководитель специализированного VR/AR/MR-магазина «Виртуальные очки» (Москва), Умида Сарманова, преподаватель Школы искусств и дизайна им. А. Кастеева, магистрант МОК, факультет дизайна Казахской головной архитектурно-строительной академии (Алматы), а также Мурат Дильманов, художник-иллюстратор (Алматы).

Междисциплинарный и межкультурный контекст, формируемый на онлайн-встречах, дает возможность студенческой аудитории не только развивать профессиональную эрудированность, но и уточнить личные профессиональные намерения, определить круг востребованных инструментов, приемов и методов, задать вопросы и получить советы от практикующих специалистов. Большой потенциал развития креативных индустрий в странах Центральной Азии, а также потребность в экспертах высокой квалификации, отмеченные в ряде публикаций [1, 2], нашли подтверждение в выступлениях спикеров «Цифровых суббот». Общие задачи, проблемы и отраслевые тренды, наблюдаемые в сфере цифрового дизайна разных стран, продемонстрировали универсальность профессиональных компетенций. Вместе с тем особую ценность имеет опыт использования национальных мотивов и образов в проектах цифрового дизайна, в компьютерной графике, в анимационных проектах.

«Цифровые субботы» обеспечили возможность обмена профессиональным опытом, налаживания межкультурных связей, а также развития гибких навыков — приобретения опыта организации встреч на международном уровне. Студенты-магистранты под началом руководителя ознакомительной практики определяли ключевые аспекты развития информационных технологий и цифрового дизайна России и Центральной Азии, устанавливали профессиональные контакты со специалистами отрасли и приглашали их к участию в онлайн-встречах, готовили сопровождающие материалы, постеры и анонсы для социальных платформ, публиковали их, разрабатывали сценарии бесед, генерировали вопросы для спикеров, активно участвовали в проведении мероприятий, в создании обобщающих и отчетных материалов по результатам online-встреч, готовили видеозаписи к публикации, писали тексты для социальных платформ. Таким образом, «Цифровые субботы» позволили сформировать профессиональные, коммуникативные и организаторские навыки, необходимые для дальнейшего профессионального совершенствования студентов-магистрантов программы «Цифровой дизайн». Участие в профессиональной коммуникации на международном уровне позволило обогатить собственные представления студентов-магистрантов о профессиональной сфере, расширить кругозор, познакомиться с опытом специалистов нескольких направлений в сфере ИТ и одновременно — с представителями разных профессиональных культур. Умение выявлять ведущих экспертов в избранной профессиональной области, коммуницировать с ними, проектировать сценарий беседы, задавать вопросы, подводить итоги встреч и проходить через рефлексивный этап, осмысляя результаты, дает возможность профессионального роста и профессионального позиционирования студентов-магистрантов программы «Цифровой дизайн».

Проект «Цифровые субботы» будет продолжен, в его реализации будут участвовать студенты уровня бакалавриата и магистратуры следующих курсов, среди ближайших задач — приглашение новых спикеров из России, Казахстана, Киргизии, других государств, использование разнообразных форматов, направленных на большую вовлеченность студентов и развитие партнерских проектов между ИТ-сообществом России и стран Центральной Азии.

Литература

1. Королева А.А., Черен Я.А. История становления креативной экономики в Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. — 2021. — Т. 5. — № 1. — С. 57–66.
2. Отчет «Креативная Центральная Азия» [Электронный ресурс]. — URL: https://kazakhstan.britishcouncil.org/sites/default/files/report_2018_rus_digital.pdf.

Сведения об авторах:

Комарова Ольга Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: olgaart2001@mail.ru

Шелюгина Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: soa@edu.asu.ru

СЕКЦИЯ «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ»

Модераторы: **Ергалиев Ерлан Канопиянович**, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой математики Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Понькина Елена Владимировна, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической кибернетики и прикладной математики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Латышева Ольга Анатольевна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ТРЕНДЫ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

И.Ю. Рябов¹, Е.В. Понькина¹, М.А. Карменова²

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Восточно-Казахстанский университет, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Земельные ресурсы, землепользование и земельные отношения имеют большое значение в социально-экономическом развитии общества. Изменение землепользования затрагивает практически все сферы деятельности человека. Состояние современного сельскохозяйственного землепользования измеряется множеством различных индикаторов. В статье рассматриваются основные тренды развития сельскохозяйственного землепользования на территории стран Большого Алтая и анализируются выявленные связи между ключевыми социально-экономическими индикаторами.

TRENDS OF AGRICULTURAL LANDUSE IN THE COUNTRIES IN GREATER ALTAI DURING POST-SOVIET TIME

I.Yu. Ryabov¹, E.V. Ponkina¹, M.A. Karmenova²

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²East-Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

Land, land use and land relations have an impact for social and economic development of society. Landuse change affects practically all spheres of human activity. Modern agricultural landuse can be measured according to different indicators. The report considers the main trends of agricultural landuse change in the Greater Altai countries and analyses the identified linkages between the key socio-economic indicators.

Земельные ресурсы являются одним из величайших национальных богатств. Землю используют в самых различных отраслях человеческой деятельности, однако в большей степени ее роль одинакова — она служит как средство производства, как важнейшая часть материально-технической базы сельского хозяйства. Земельные ресурсы — это универсальный вид природных ресурсов, необходимый практически для всех видов деятельности.

Резкое снижение (увеличение) площадей, используемых в сельскохозяйственном землепользовании, зачастую связано с изменением формы землепользования. Так, развал Советского Союза привел массовому выводу земель сельхозназначения из оборота, смены формы собственности и форм землепользования [2]. Эти изменения существенно повлияли на объемы производимой сельскохозяйственной продукции. Только в 1990-1995 гг. площадь сельскохозяйственных земель в России сократилась на 34 млн га [5]. Подобная ситуация проявляется и в странах постсоветского пространства, например, за последние 30 лет в Республике Казахстан площадь сельскохозяйственных земель сократилась на 12,6 млн га, в Киргизской Республике — почти на 0,1 млн га. В Монголии к 1989-1990 гг.

было распахано около 1,15 млн га, из них площади, занятые под посевы сельскохозяйственных культур, составляли около 840 тыс. га, а ближе к 2004 г. — всего лишь 200 тыс. га, при этом ситуация начала меняться только ближе к 2007 г. В 2007 г. в Монголии была объявлена Правительственная программа по поддержке сельхозпроизводителей «Целина 3», направленная на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, что способствовало увеличению обрабатываемых площадей. К 2014 г. в Монголии площадь под сельскохозяйственными культурами достигла 444 тыс. га [1].

Изменения в структуре аграрного землепользования связаны с другими социально-экономическими процессами и в том числе с климатическими изменениями. Так, используемая площадь земель сельхозназначения зависит от поголовья скота в регионе, численности населения и, соответственно, обеспеченности кадрами. Также немаловажным фактором является и развитие сельской инфраструктуры. В постсоветский период произошли значительные изменения в социально-экономической среде сельских территорий. В России за последние 30 лет количество крупнорогатого скота сократилось с 57 до 18 млн голов. Поголовье свиней, лошадей, коз и овец также имеет убывающую тенденцию. Аналогичная ситуация наблюдается и в странах Большого Алтая в период 1990-2000 гг. В Республике Казахстан в период 1990-2000 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 9,7 до 4 млн голов, в Киргизской Республике — с 1,2 млн до 930 тыс. голов. Однако следует отметить, что в большинстве стран постсоветского периода после 2000 г. наблюдается перелом тенденции от убывающей к возрастающей. Например, в Казахстане поголовье крупнорогатого скота к 2020 г. выросло до 7,9 млн голов, в Киргизской Республике — до 1,7 млн голов, а в Монголии поголовье скота увеличилось по сравнению с 1990 г. более чем в 2,5 раза. Следует отметить, что в России, несмотря на реализацию множества программ развития животноводства, тренд поголовья скота остается убывающим.

Изменение коснулось и численности населения стран в России в постсоветский период, вплоть до 2008-2010 гг., наблюдалась убывающая тенденция, численность постоянного населения снизилась более чем на 5 млн чел. После 2010 гг. численность населения постепенно начала увеличиваться благодаря внедрению различных программ государственной поддержки семей, однако в настоящее время вновь пошла на убыль. В странах постсоветского пространства — Казахстане, Монголии и Киргизской Республике — убыли населения не наблюдается, наоборот, тренды носят возрастающий характер. Однако есть и общие тенденции для России, Монголии и Киргизской Республики — снижение числа жителей в сельской местности. Например, в конце прошлого столетия в Монголии началась масштабная миграция сельского населения (особенно из западной части страны), главным образом в г. Улан-Батор, в другие промышленные центры и к местам разработки крупных месторождений полезных ископаемых. Общая численность городского населения увеличилась с 1990 г. по 2017 г. на 75% (с 1266,5 до 2146,7 тыс. человек) [8]. В Республике Казахстан, напротив, сохраняется слабо возрастающая тенденция.

Анализ систем землепользования России и стран постсоветского пространства принято производить начиная с 1990 г., по причине изменения форм собственности и изменения аграрной политики [3]. Нашей задачей является прослеживание связей между ключевыми индикаторами сельскохозяйственного землепользования, а также построение общей модели структуры динамики аграрного землепользования в странах Большого Алтая в постсоветский период. Выявленная структурная модель может использоваться для выявления различий и общностей в развитии стран, а также для сценарного моделирования и анализа сложившихся трендов развития социально-экономической ситуации в регионах Большого Алтая.

Анализ процессов изменения структуры землепользования в динамике и их последствий, учитывающий основные движущие факторы (драйверы) позволяет проанализировать сложившиеся связи в социально-экономической системе. Углубленный анализ структурных связей в системе землепользования позволит выявить общие долгосрочные изменения в структуре аграрного землепользования и смоделировать ожидаемые последствия на ближайшую перспективу для трансграничных регионов Российской Федерации.

Анализ социально-экономических драйверов изменения аграрного землепользования проводится по следующим этапам:

- 1) сбор данных по регионам территории Большого Алтая;
- 2) корреляционный анализ связей между временной динамикой основных социально-экономических процессов;
- 3) причинный качественный и количественный анализ изменений социально-экономического состояния системы и реакции общества на изменение площадей обрабатываемой земли и поголовья животных;
- 4) разработка структурной модели динамики аграрного землепользования;
- 5) анализ значимости факторов и их ранжирование по уровню воздействия на происходящие социально-экономические изменения, сценарный анализ и моделирование.

Для построения модели были использованы основные индикаторы социально-экономического развития регионов, группированных по блокам:

- 1) *сельскохозяйственное землепользование* (посевные площади, площади кормовых угодий, поголовье скота);
- 2) *продуктивность сельхозугодий и животных* (урожайность культур, надой молока);
- 3) *технологии производства* (наличие сельскохозяйственной техники, внесение удобрений);
- 4) *население* (общая численность населения, численность сельского населения, численность трудоспособного населения, а также населения моложе и старше трудоспособного возраста);
- 5) *социальное благополучие населения* (заболеваемость, коэффициент смертности, коэффициент рождаемости, число зарегистрированных преступлений, коэффициент миграционного прироста, доля безработных);
- 6) *социальная инфраструктура* (число образовательных учреждений, число учреждений досугового типа, число больничных коек);
- 7) *климат* (среднегодовая температура воздуха, средняя температура воздуха за вегетационный период, годовая сумма осадков, сумма осадков по вегетации, гидротермический коэффициент Селянинова и др.).

Анализ систем землепользования был произведен на основе данных РОССТАТ [6].

При анализе корреляционных связей между основными индикаторами системы землепользования было выявлено наличие статистически значимых связей между следующими блоками:

- «сельскохозяйственное землепользование» — «продуктивность сельхозугодий»;
- «технологии производства» — «продуктивность сельхозугодий»;
- «климат» — «продуктивность сельхозугодий»;
- «сельскохозяйственное землепользование» — «население»;
- «население» — «социальное благополучие»;
- «население» — «социальная инфраструктура».

Остальные связи требуют уточнения, так как характеризуются недостаточной значимостью для их учета в структуре модели. Анализ направленности и устойчивости выявленных связей, а именно причинного действия факторов во времени позволит выявить структуру социально-экономической системы для ее моделирования и прогнозирования процессов на перспективу. Тестирование причинных связей опирается на применение теста Вальда [7] к оценке причинности по Грейнджеру [4].

Анализ основных трендов изменения социально-экономической ситуации в странах Большого Алтая позволяет сделать следующие прогнозные оценки на 2030 г., при сохранении трендов, сложившихся в последние 10 лет:

– По разным подсчетам, площади используемых земель России увеличатся в период 2020-2030 гг. до 82-84 млн га, что на 2-4 млн больше, чем в текущий период. Однако сейчас разрабатывается множество проектов по вовлечению сельхозземель в оборот. Одним из таких проектов является проект госпрограммы Министерства сельского хозяйства по вовлечению земель в оборот и развитию мелиорации на 2021-2030 гг. Программа проекта предполагает вовлечение в оборот сельхозземель к концу 2030 г. не менее 12 млн га. В Казахстане ожидается увеличение с 22,5 млн до 23,5-24 млн га используемых земель, в Киргизской Республике, как и в Монголии, значительных изменений по показателям тренда не ожидается.

– Изменение поголовья скота рассмотрим на примере КРС. В России на ближайшие 10 лет ожидается уменьшение поголовья крупнорогатого скота с 18 млн до примерно 15 млн голов, в Республике Казахстан, наоборот, ожидается увеличение поголовья с 8 млн до 9,5 млн гол., в Киргизской Республике также произойдет прирост с 1,7 до 2,1 млн голов. Несмотря на уменьшение поголовья скота в России, динамика объемов импорта мяса также имеет убывающий характер, при этом по данным федерального центра «Агроэкспорт» при Минсельхозе РФ, экспорт мяса и мясной продукции из России в 2020 г. увеличился на 55% по сравнению с 2019 г. и превысил 500 тыс. тонн.

– Численность постоянного населения России продолжит увеличиваться и достигнет примерно 148-149 млн человек, что на 2 млн больше текущих показателей. В Казахстане, Киргизской Республике, Монголии прогнозируется схожая тенденция. В Республике Казахстан ожидается рост населения до 20-21 млн человек (вырастет примерно на 2 млн по сравнению с текущим годом). В Киргизской Республике ожидается рост до 7,5-8 млн человек (прирост на 1-1,5 млн человек), в Монголии — 4-4,5 млн человек, что почти на 1 млн больше текущего населения). Сельское население продолжит убывать в связи с оттоком молодого населения из сел и деревень в более перспективные районы, города и другие центры промышленности. По прогнозам Росстата, расчет перспективной численности населения России осуществляется в трех вариантах — низкий, средний и высокий прогнозы — на основе различных гипотез относительно будущих тенденций рождаемости, смертности и миграции. Высокий вариант прогноза ориентируется на положительные изменения в миграци-

онном и естественном движении населения за счет увеличения суммарного коэффициента рождаемости и роста ожидаемой продолжительности жизни. Предполагается, что общая численность населения в начале 2020 г. составит 146,798 млн человек и к началу 2036 г. увеличится до 150,126 млн человек. Средний вариант прогноза предполагает, что общая численность населения составит в начале 2020 г. 146,741 млн человек и снизится к началу 2036 г. до 142,993 млн человек. Низкий вариант прогноза рассчитан при условии, что рождаемость будет падать, темпы роста ожидаемой продолжительности жизни замедлятся, а миграционный приток будет уменьшаться. В этом случае общая численность населения снизится со 146,706 млн человек в начале 2020 г. до 134,277 млн человек к началу 2036 г.

Анализ данных был произведен на национальном уровне, в том числе на уровне отдельных регионов России — трансграничных территорий. Для детального изучения вопроса в будущем планируется более тщательный анализ на региональном и районном уровнях. Это позволит более точно определить складывающуюся ситуацию, в том числе и на национальном уровне, позволит отследить устойчивые связи между индикаторами сельскохозяйственного землепользования, выявить закономерности и зависимости, а также построить качественную модель развития современного землепользования на территории Большого Алтая.

Литература

1. Бажа С.Н., Андреев А.В., Данжалова Е.В., Дорофеев Н.И., Дробышев Ю.И., Петухов И.А., Саандарь М., Дугаржав Ч., Адъяа Я., Хадбаатар С. Динамика наземных природных экосистем Монголии за 1989-2017 гг. // Экосистемы: экология и динамика. — 2020. — № 4 (3). — С. 193-231. DOI: 10.24411/2542-2006-2020-10069
2. Вожаева Н.Г. Вывод из оборота земель сельскохозяйственного назначения — невосполнимые потери для сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. — 2011. — № 1 (4 (5)). — С. 39-47.
3. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. — 2019. — № 15 (4). — С. 36-56.
4. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. — М.: Дело, 2004. — 576 с.
5. Узун В.Я. Белые пятна и сельскохозяйственная перепись. Что показала сельскохозяйственная перепись 2016 года // Мониторинг экономической ситуации. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. — 2017. — № 21 (59). [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/2017_21-59_December.pdf
6. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>
7. Greene W.H. Econometric analysis. — New York: Pearson Education, Inc., 2003. — 1026 с.
8. Atlas. M. Ecosystems of Mongolia. 2019. Ulaanbaatar: Admon Press. — 262 p.

Сведения об авторах:

Рябов Иван Юрьевич, аспирант, Институт математики и информационных технологий, кафедра теоретической кибернетики и прикладной математики, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ivan.gyabov.y@mail.ru

Понькина Елена Владимировна, кандидат технических наук, заведующий кафедрой теоретической кибернетики и прикладной математики, Институт математики и информационных технологий, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ponkina@math.asu.ru

Карменова Мархаба Ахметоллиновна, преподаватель кафедры компьютерного моделирования и информационных технологий, Восточно-Казахстанский университет С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

РАЗРАБОТКА ЦИФРОВОГО СЕРВИСА ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТОЧНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. Маулит¹, А.Б. Нугуманова¹, Е.В. Понькина², А.А. Бондарович², Д. Алимбаев³

¹Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

³Индустриальный партнер Крестьянское хозяйство «Даулет», г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Работа поддержана грантом Комитета науки МОН РК AP09259379 «Исследование и разработка методов поддержки принятия агротехнологических решений на основе технологий точного земледелия»

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В докладе рассматривается концепция разработки цифрового сервиса по разработке карт почвенного плодородия и их применения в системе технологий точного земледелия. Оценка почвенного плодородия осуществляется по набору данных NDVI, измеренных по вегетационному периоду.

DEVELOPING A DIGITAL SERVICE FOR SUPPORTING DECISION-MAKING REGARDING CROP GROWING WITHIN PRECISION AGRICULTURE TECHNOLOGIES IN THE KAZAKHSTAN REPUBLIC

A. Maulit¹, A.B. Nugumanova¹, E.V. Ponkina², A.A. Bondarovich², D. Alimbaev³

¹East-Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

²State University, Barnaul (Russia)

³Peasant farm "Daulet", Ust-Kamenogorsk, (Kazakhstan)

The report presents a digital service conception for general soil fertility mapping used in precision farming technologies. The generalized map of soil fertility is estimated based on NDVI trends measured over the growing season.

Основная идея точного земледелия заключается в управлении продуктивностью посевов с учетом неоднородности и вариабельности среды их произрастания [1]. Цель управления состоит в максимизации качества и количества производимой продукции за счет подбора оптимальных параметров агротехнологических операций в зависимости от изменяющихся в пространстве и времени показателей среды. Другими словами, в точном земледелии решение о проведении агротехнологических операций принимается с привязкой к конкретному месту и времени и основывается на тщательном и всестороннем сборе, накоплении и анализе данных [2].

В текущем году в Восточно-Казахстанском университете имени С. Аманжолова стартовал трехлетний проект по исследованию и разработке методов поддержки принятия агротехнологических решений на основе технологий точного земледелия, финансируемый Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Проект представляет собой международную коллаборацию, поскольку в нем также участвуют российские ученые из Алтайского государственного университета. Целью проекта является повышение эффективности агротехнологических решений и распространение передового агрономического опыта среди малобюджетных крестьянских хозяйств за счет разработки технологической платформы поддержки точного земледелия. Для достижения цели проекта планируется разработать стек технологий точного земледелия, доступных для использования малобюджетными крестьянскими хозяйствами и охватывающих все этапы деятельности, начиная со сбора данных и заканчивая принятием решений.

Данный проект призван обеспечить шесть факторов позитивного влияния на развитие науки и технологий, на социальное и экономическое благосостояние Восточно-Казахстанского региона. Во-первых, это технологические факторы, связанные с развитием отрасли точного земледелия и импульсом к появлению новых научных школ в регионе. Во-вторых, это экономические факторы долгосрочного характера, обеспечивающие задел для повышения эффективности сельского хозяйства. В-третьих, это социальные факторы, наиболее значимые для данного проекта, поскольку он преследует цель по распространению знаний в области точного земледелия среди малых крестьянских хозяйств и агропредприятий.

Ожидаемые эффекты от реализации проекта включают достижение технологического эффекта (прямой эффект — развитие отраслей точного земледелия, программной инженерии в этой области, косвенный эффект — импульс к появлению новых научных школ и стейкхолдеров, а также индустриальных партнеров в этой области), экономического эффекта (прямой эффект — повышение эффективности сельского хозяйства, развитие инфраструктуры и мощности аналитических и прогнозных сервисов как на национальном, так и региональном уровнях), социального эффекта (прямой эффект — возникновение новых высокотехнологических рабочих мест, улучшение экологической обстановки, создание возможностей агроэкологического мониторинга, косвенный эффект — повышение благосостояния населения страны).

В рамках данного проекта на опытных полях частных партнеров запланированы полевые эксперименты трех видов:

- 1) эксперименты по сравнению унифицированного и дифференцированного подходов к посеву зерновых и зернобобовых культур: пшеницы, ячменя и сои;
- 2) эксперименты по сравнению унифицированного и дифференцированного подходов к внесению минеральных удобрений: азота, фосфора и калия;
- 3) эксперименты по сравнению унифицированного и дифференцированного подходов к внесению гербицидов общего назначения: глифосата.

В текущем сезоне для исследований было выделено опытное поле крестьянского хозяйства «Даулет», расположенного в Восточно-Казахстанской области вблизи от Каменского водохранилища. Общий размер опытного поля составляет 180x604 м, что соответствует площади 10,8 га. Опытное поле разделено на 27 делянок размером 10x300 м. На этом опытном участке в текущем сезоне в соответствии с запланированными экспериментами засеяны три популярных в Республике Казахстан

сельскохозяйственных культур: пшеница, ячмень, соя. Количество опытных делянок для каждой культуры: пшеница, ячмень — 10 делянок на каждую культуру, общая площадь делянок каждой культуры — 3 га. Для сои было выделено 7 делянок с общей площадью 2,1 га. Для возделывания почвы использовалась технология Mini-Till, закрытие влаги производилось игольчатой бороной БИГ-3А, культивация культиватором КПС-4, перед посевом семена были обработаны по программе «Максимум» от компаний Bionovatic [3]. Посев производился сеялкой культиватором СКП — 2/1 — Д 01. Нормы высева культур: пшеница — 150 кг/га, ячмень — 150 кг/га, соя — 100 кг/га, глубина посева 6-7 см.

Далее планируется ежемесячная мультиспектральная съемка посевов как наземным, так и дистанционным способом. Для наземной съемки используется беспилотный летательный аппарат DJI Phantom 4 Multispectral. БПЛА данной модели предназначен для съемки и обработки данных с помощью 6 разных датчиков, чтобы определить состояние сельскохозяйственных культур в разных масштабах — от отдельных растений до целых угодий. Такая съемка позволяет провести анализ ситуации на предмет засоренности поля сорняками, наличия насекомых, а также отследить состояние почвы [4]. Дистанционное зондирование будет проводиться посредством обработки и анализа снимков от спутника Sentinel-2, полученных из открытого источника Copernicus [5].

Все полученные материалы будут использованы для расчета вегетационных индексов и сравнения технологических параметров съемок. Как отмечено в [6], «в настоящее время существует большое количество типов вегетационных индексов, характеризующих состояние биомассы, включающее в себя наличие, степень угнетенности и видовое многообразие», и «в зависимости от рассматриваемой задачи, приоритет в выборе конкретных вегетационных индексов может быть неоднозначным». Соответственно, для корректного описания состояния посевов необходимо произвести обработку большого массива данных, полученных как от БПЛА, так и со спутника, и за счет сопоставления данных из двух источников определить оптимальный набор вегетационных индексов для конкретных видов сельскохозяйственных культур и для конкретной местности [6-7].

В настоящее время в рамках реализации проекта уже создано веб-приложение, обеспечивающее автоматическое получение спутниковых снимков поля, отмеченного пользователем, за указанный период и передачу этих снимков в модуль расчета вегетационных индексов. В дальнейшем в это же приложение будет подключен сервис получения снимков от БПЛА и модуль сопоставления расчетов вегетационных индексов на основе дистанционной и наземной съемки.

Литература

1. Cultural Systems, Proceedings of the 2nd International Conference on Precision Agriculture, 1994, Madison, WI. ASA/CSSA/SSSA.
2. Vasisht D. et al. FarmBeats: An IoT Platform for Data-Driven Agriculture // NSDI. — 2017. — С. 515-529.
3. Программа «Максимум». Компания bionovatic. [Электронный ресурс]. — URL: <http://bionovatic.ru/catalog/otkrytyy-grunt/maksimum/>
4. Квадрокоптер Дрон DJI Phantom 4 Multispectral. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.drone.com.kz/products/drony/dji_phantom_4_multispectral/
5. Портал открытых данных дистанционного зондирования. [Электронный ресурс]. — URL: <https://scihub.copernicus.eu/>
6. Жарикова Е.П., Григорьев Я.Ю., Григорьева А.Л. Модели компьютерного зрения в задачах дистанционного зондирования // Постулат. — 2018. — № 4.
7. Терехин Э.А. Информативность спектральных вегетационных индексов для дешифрирования сельскохозяйственной растительности // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. — 2012. — Т. 9. — № 4. — С. 243-248.

Сведения об авторах:

Маулит Алмасбек, старший научный сотрудник лаборатории цифровых технологий и моделирования, Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: maulit.almas@yandex.ru

Нугуманова Алия Багдатовна, Ph.D., ведущий научный сотрудник лаборатории цифровых технологий и моделирования, Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: yalisha@yandex.kz

Понькина Елена Владимировна, кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической кибернетики и прикладной математики, институт математики и информационных технологий, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ponkina@math.asu.ru

Бондарович Андрей Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, Институт географии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: andrej.bondarovich@yandex.ru

Алимбаев Даулет, глава крестьянско-фермерского хозяйства «Даулет» (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

С.Н. Соколов

Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск (Россия)

В настоящее время разработка математико-географического аппарата оценки экономико-географического положения (ЭГП) практически отсутствует, в связи с чем автор предлагает использовать методику расчета оценки интеграционного потенциала ЭГП. Данная методика выявляет индивидуальные черты и свойства любой территории, ей присущ потенциальный (вероятностный) характер. Наибольшие показатели интеграционного потенциала в Большом Алтае характерны для Чарышского, Солонешенского, Усть-Калманского районов Алтайского края, Усть-Канского района Республики Алтай и Алтайского района Восточно-Казахстанской области. Наименьшими величинами такого потенциала характеризуются города Яровое и Заринск Алтайского края, сомоны Цэцэг, Алтай и Жаргалант аймака Ховд Монголии. ЭГП регионов неоднозначно и различается от очень удобного до очень неудобного. Территории, имеющие более благоприятное ЭГП, развиваются качественнее и быстрее. ЭГП территории Большого Алтая позволяет говорить о его значительном интеграционном потенциале и о том, что этот потенциал используется далеко не в полной мере.

INTEGRATION POTENTIAL OF THE ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL POSITION OF THE REGIONS OF THE GREATER ALTAI

S.N. Sokolov

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia)

Currently, the development of the mathematical and geographical apparatus for assessing the economic and geographical position (EGP) is practically absent, and therefore the author offer methodology for calculating the assessment of the integration potential of the EGP. EGP objectively reveals the individual features and properties of any territory, it has a potential (probabilistic) character. The highest indicators of integration potential in the Greater Altai region are typical for the Charysh, Soloneshensky, Ust-Kalmansky districts of the Altai Territory, the Ust-Kansky district of the Altai Republic and the Altai District of the East Kazakhstan Region. The cities of Yarovoye and Zarinsk of the Altai Territory, the sums of Tsetseg, Altai and Jargalant of the Khovd Aimag of Mongolia are characterized by the lowest values of such potential. The EGP of the regions is ambiguous and varies from very convenient to very inconvenient. Territories with a more favorable EGP develop better and faster. The EGP of the territory of the Greater Altai allows us to speak about its significant integration potential and that this potential is far from being fully used.

В Большой Алтай входят 6 административно-территориальных единиц регионального уровня четырех государств: Алтайский край и Республика Алтай Российской Федерации, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан, округ Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, Баян-Улэгэйский и Ховдский аймаки Монголии [16].

С точки зрения административно-территориального устройства каждый из таких регионов делится на более мелкие составные части. Так, Алтайский край включает в свой состав 58 муниципальных районов, 1 муниципальный округ, 9 городских округов. Республика Алтай делится на 10 районов (аймаков) и 1 город республиканского значения. В состав Восточно-Казахстанской области входят 15 районов и 4 города областного подчинения (городские администрации). В административно-территориальном отношении Баян-Улэгэйский аймак (аймак Баян-Улгий) разделен на 13 сомонов, а Ховдский аймак (аймак Ховд) — на 17 сомонов. Алтайский округ Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района делится на 6 уездов и 1 городской уезд. Современные реалии стран Большого Алтая характеризуются активизацией процессов интеграции политических и экономических связей между его регионами [10].

Исследования региональных социально-экономических проблем находятся в центре внимания как российских, так и зарубежных ученых, в то же время разработка математико-географического аппарата оценки экономико-географического положения (ЭГП) практически отсутствует [18]. Оно определяет многие наиболее важные особенности страны, района, города, высвечивает свойства их индивидуальности и неповторимости. А.Г. Дружинин утверждает, что в рамках позиционирования возможно изменение ЭГП, в том числе его совершенствование [7]. С точки зрения М.М. Голубчика, через систему множества отношений данного объекта с другими объектами ЭГП предметно выявляет индивидуальные черты и свойства любой территории, ему присущ потенциальный характер [5]. П.Я. Бакланов показывает, что ЭГП — очень динамичная категория [1]. Любой географический объект отличают его границы и положение в географическом пространстве, вне которого оно немислимо. Е.Е. Лейзерович считает, что богатство содержания понятия ЭГП является определенным препятствием для его количественной оценки [11]. Л.А. Безруков указывает, что в целом при характе-

ристике ЭГП обычно преобладают качественные, а не количественные оценки [3]. ЭГП — один из факторов изменения функций, экономической и территориальной организации регионов, причем, как отмечает А.И. Трейвиш [19], эти объекты, развиваясь, сами начинают влиять на ЭГП.

ЭГП относится к ключевым и одним из самых развитых собственных понятий в современной российской социально-экономической географии [8]. Л.В. Смирнягин считает, что в современном мире, как и в географии, все большую роль играет характеристика самого места по сравнению с его местоположением [15]. С.П. Москальков подчеркивает, что в настоящее время важность изучения процессов формирования, утверждения и трансформации производственно-территориальных систем в их пространственно-временном бытии, одной из форм проявления которых является ЭГП, связана с тем, что они все более развиваются и трансформируются под воздействием объективно неизбежных тенденций глобализации экономики [13]. При этом при формировании принципов позиционирования, важно основываться на ЭГП территориального объекта и стратегических приоритетах развития. Целесообразно учитывать те характерные для ЭГП общие особенности, на которые указывали еще основоположники теории экономико-географического положения — Н.Н. Баранский и И.М. Маергойз [2, 12]. Речь идет о вероятностном (потенциальном) характере самого воздействия ЭГП и о необходимости изучения ЭГП как категории исторической. Те или иные благоприятные его стороны реализуются далеко не во всех случаях. Лишь при сочетании соответствующих факторов исторического и социально-экономического развития данной территории страны эти благоприятные стороны воплощаются в жизнь [6].

По нашему мнению, для оценки ЭГП нужен такой показатель, как интеграционный потенциал соседского положения регионов. Наличие структур транснациональной интеграции позволяет Большому Алтаю выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего определенной легитимностью, способных самостоятельно находить источники для финансирования своей деятельности [9].

Под интеграционным потенциалом В.И. Блануца понимает возможность объекта объединяться с соседями в структуры тесного социально-экономического взаимодействия [4]. Чем больше у региона соседей, тем больше различных вариантов кооперации с ними и, следовательно, тем выше интеграционным потенциал. Если один регион граничит сразу со всеми остальными регионами, он имеет максимально возможную величину данного потенциала. Чтобы учесть возможное затухание интенсивности взаимодействия по мере удаления от региона, автор предложил шкалу поправочных коэффициентов.

Рассчитаем интеграционный потенциал соседского положения по следующей формуле:

$$T = \sum N_i \cdot 0,5^{i-1}$$

где i — порядок, N_i — количество соседей i -го порядка.

Местоположение любого региона можно представить на карте, где отражаются соседние регионы разных порядков [17]. Наибольшие показатели интеграционного потенциала ЭГП для регионов Большого Алтая характерны для Чарышского, Солонешенского, Усть-Калманского районов Алтайского края, Усть-Канского района Республики Алтай и Алтайского района Восточно-Казахстанской области. С другой стороны, наименьшими величинами такого потенциала характеризуются города Яровое и Заринск Алтайского края, сомоны Цэцэг, Алтай и Жаргалант аймака Ховд.

Большой Алтай может стать одной из «интеграционных зон» в силу приграничных связей, традиционных торговых маршрутов, путей миграции населения и других благоприятных условий, сложившихся под влиянием естественных географических факторов [14]. Таким образом, ЭГП регионов неоднозначно и различается от очень удобного до очень неудобного. Территории, имеющие более благоприятное ЭГП, развиваются качественнее и быстрее. ЭГП территории Большого Алтая позволяет говорить о его значительном интеграционном потенциале и о том, что этот потенциал используется далеко не в полной степени.

Литература

1. Бакланов П.Я. Романов М.Г. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. — Владивосток: Дальнаука, 2009. — 167 с.
2. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. — М.: Мысль, 1980. — С. 128-159.
3. Безруков Л.А. Транспортно-географическая континентальность России: транспортное хозяйство и адаптивные следствия // Известия РАН. Серия географическая. — 2005. — № 3. — С. 48-55.
4. Блануца В.И. Развертывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на примере становления сетевой структуры сибирской почты). — М.: ИНФРА-М, 2016. — 246 с.

5. Голубчик М.М. Экономико-географическое положение г. Саранска: характерные черты и проблемы использования потенциала // Региональные исследования. — 2004. — № 2 (4). — С. 99-102.
6. Донскова Л.И., Соколов С.Н. Оценка экономико-географического положения Нижневартковского региона // В мире научных открытий. — 2014. — № 12.2 (60). — С. 586-600.
7. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. — Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2009. — 288 с.
8. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. — 2016. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 117-138.
9. Коршунов Л.А., Никонов Н.М. Интеграционные процессы на территории Большого Алтая // Наука и образование Большого Алтая. — 2016. — Вып. 1. — С. 1-16.
10. Красноярова Б.А. Большой Алтай: процессы интеграции и дезинтеграции // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ): сборник докладов XXV сессии МАРС. — М.: Институт географии РАН, 2008. — С. 242-252.
11. Лейзерович Е.Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов. Теория и социальные функции географии // Известия РАН. Сер. географическая. — 2006. — № 1. — С. 9-14.
12. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. — 303 с.
13. Москальков С.П. Пространственные и временные аспекты экономико-географического положения производственных территориальных систем // Региональные исследования. — 2004. — № 2 (4). — С. 90-98.
14. Ротанова И.Н., Иванов А.В., Журавлёва С.М., Ефремов Г.А. Большой Алтай: биосферно-культурная уникальность как потенциал межгосударственного сотрудничества // Развитие территорий. — 2016. — № 1 (4). — С. 93-105.
15. Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. — М.: МОНФ, 1998. — 72 с.
16. Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая / ред. Ю.И. Виокуров. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. — 246 с.
17. Соколов С.Н. Картографический анализ интеграционного потенциала экономико-географического положения // Бюллетень науки и практики. — 2017. — № 4 (17). — С. 149-161.
18. Соколов С.Н. Экономико-географическое положение как социально-экономический ресурс регионов Российской Федерации // В мире научных открытий. — 2015. № 9.4 (69). — С. 1528-1538
19. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.

Сведения об авторе:

Соколов Сергей Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Нижневартковский государственный университет (Нижневартовск, Россия). E-mail: snsokolov1@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ**

Н.Н. Праздникова, Н.Г. Прудникова, С.А. Суркова
Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Республика Алтай обладает уникальным культурным и историческим наследием, которое выражено, прежде всего, этнокультурными ресурсами народов, проживающих на территории Республики и археологическими памятниками. Комплексное развитие различных направлений туризма на территории Республики Алтай, в том числе культурно-познавательного туризма, позволит привлечь новые категории туристов и повысить конкурентоспособность региона на рынке внутреннего и въездного туризма. В статье рассмотрены основные направления и проблемы развития культурно-познавательного туризма в Республике Алтай.

**MAIN DIRECTIONS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF CULTURAL
AND COGNITIVE TOURISM IN THE REPUBLIC OF ALTAI**

N.N. Prazdnikova, N.G. Prudnikova, S.A. Surkova
Altai State University, Barnaul (Russia)

The Altai Republic possesses a unique cultural and historical heritage, which is expressed, first, by the ethnocultural resources of the peoples living on the territory of the Republic and by archaeological monuments. The comprehensive development of various directions of tourism on the territory of the Altai Republic, including cultural and educational tourism, will attract new categories of tourists and increase the region's competitiveness in the domestic and inbound tourism market. The article discusses the main directions and problems of the development of cultural and educational tourism in the Altai Republic.

Республика Алтай является одним из лидеров на национальном туристском рынке, ежегодный турпоток в Республику Алтай составляет от 1,8 млн до 2,2 млн туристов. Республика Алтай — центр активного отдыха, поэтому объекты культурного-познавательного туризма, такие как музеи, археологические памятники, этнографические ресурсы, включаются турфирмами в активные маршруты — многодневные пешие, автобусные, обзорные туры. В настоящее время в официальном туристском реестре Республики Алтай числится 23 туроператора, 73 турагентства [2]. Преобладающими видами туризма на территории Республики являются активные туры (трекинг, конный туризм), водные виды туризма (рафтинг-туры).

Исходя из структуры ресурсов в Республике Алтай, можно выделить такие направления формирования культурно-познавательного туризма:

- культурно-археологический;
- культурно-экологический;
- культурно-этнический и сакральный туризм;
- культурно-событийный.

В Республике Алтай самую большую группу ресурсов составляют объекты культурно-исторического наследия, представленные в основном памятниками археологии. В реестре числится 1738 объектов, имеющих статус культурного наследия, и 323 священных культовых объекта. В долине Юстыд находятся пять тысяч памятников, в Каракольской долине — более трех тысяч культовых объектов [1]. Это культурно-исторические памятники: Елангаш и Калбак-Таш — петроглифические комплексы, курганы — Пазырыкские и принцессы Укок, которые являются основными при походах на турмаршрутах.

Алтай также позиционирует себя и как «сакральный уголок Земли». Сакральное место — это территория проведения ритуалов и обрядов коренного населения. В настоящее время у этнического туризма имеются хорошие перспективы для развития, поскольку сейчас спрос на необычные места отдыха только растет. Число туристов, желающих погрузиться в какую-либо историческую эпоху и почувствовать жизнь глубинки, увеличивается. Этнический туризм — основное направление культурно-познавательного туризма, таким образом, он позволяет объединить образование и отдых. Проникая и погружаясь в культуру этноса алтайского народа, можно испытать и понять, как происходило историческое развитие на территории; алтайские народы сохраняют воспроизводство своего этнического идентитета, характерных этнических особенностей, в связи с чем ассимиляция в течение довольно длительного времени им не угрожает.

Востребованы экскурсии и погружение в фольклорных этнических деревнях, где экскурсантам интересно будет узнать, как устроена культура этноса, его устои и быт. Этнические экспедиции к малочисленным тюркоязычным народам, объединенным под общим названием «алтайцы», пользуются спросом среди исследователей, фольклористов и других путешественников. Непознанное и таинственное притягивает туристов. Так, в республике даже было принято постановление «О сохранении и развитии сакральных мест Республики Алтай» от 20 июня 2012 г. № 161 и приказ Министерства культуры Республики Алтай № 265 от 24 августа 2012 г. «Об утверждении методических рекомендаций по паспортизации и картированию сакральных мест Республики Алтай». В источниках дается методика их картирования и паспортизации, категории сакральных мест, объяснены принципы историко-культурных групп, оформления учетной документации, значения сакрального места. Сейчас эти положения утратили силу, но интерес к сакральным территориям у туристов не исчезает.

Туроператоры РФ предлагают маршруты «По сакральным местам Республики Алтай». Так, у национального туроператора Алеан представлен 13-дневный тур «По сакральным местам Алтая», также подобный тур есть у алтайского оператора — Альтаир-тур [4]. Однако данное направление еще не до конца систематизировано и содержание таких туров незначительно отличается от обычных активных маршрутов.

Этнический туризм в Республике Алтай представлен в виде событийных мероприятий. Так, сформирован календарь национальных праздников, среди которых наиболее крупными являются: «Эй Ойын», фестиваль «Родники Алтая», национальные праздники «Чага-Байрам» и «Наурыз».

Также этнический туризм развивается и на базе музеев: Этнографический музей, Дом-усадьба династии Тозыяковых, Музей казахов Алтая, Историко-этнографический музей теленгитов, Музей алтайского сказителя Н.У. Улагашева [3].

Особенностью организации культурно-познавательного туризма на исследуемой территории является неразрывная связь историко-культурного и природного наследия. Археологические комплексы включены в природный ландшафт, а области с наибольшей концентрацией археологического

наследия совпадают с территориями ООПТ. Выгодный симбиоз развития охраняемых территорий и музейного туризма возможно увидеть на территории природного парка «Уч Энемек», единственного в регионе комплекса, основанного в форме ООПТ, который является одним из интересных объектов в туризме и сочетающий в себе культурно-исторические, сакральные и природные объекты наследия республики.

В парке создана экотропа, позволяющая создать целостную картину об Алтае и показывающая все объекты наследия парка, богатство истории и культуры, сакральность. На тропе есть все необходимые информационные щиты, повествующие о видовом составе флоры и фауны на данной территории [6, с. 53].

Тем не менее, несмотря на большое количество ресурсов, культурно-познавательный туризм как самостоятельный вид туризма развит недостаточно.

Первая проблема развития туризма на территории — потенциал объектов историко-культурного наследия используется недостаточно. По данным А.Е. Тандьянова, в Республике Алтай нет ни одного полностью музеефицированного памятника историко-культурного значения. Среди музеефицированных памятников археологии в Республике можно отметить петроглифический комплекс Калбак-Таш, на котором предоставляется профессиональный экскурсовод; данное место считается популярным в музейном туризме и включен во многие маршруты туристских групп [5, с. 124]. Музеефикация также способствует сохранению культурно-исторического наследия территории, а сохранение уникального наследия территории республики имеет большое значение для дальнейшего развития туризма. К примеру, объект мирового наследия, охраняемый ЮНЕСКО, Курган принцессы Укока абсолютно не обустроен для туристического показа [5, с. 125].

Вторая проблема развития культурно-познавательного туризма — недостаточное продвижение Алтая как территории культурно-познавательного туризма. Так, Горный Алтай, прежде всего, ассоциируется у туристов с активным отдыхом, а на туристском рынке представлено большое количество рафтинг-туров, трекингов, конных, джип-туров. В то же время практически не представлены туры по направлению культурно-познавательного туризма. Таким образом, можно также обозначить проблему однообразия предложений на туристском рынке. Такие туры, как «Алтайская кругосветка», «Выходные по-алтайски», «Цветение маральника» представлены почти у каждого туроператора, отличие между такими турами составляет длительность тура, качество предоставляемых услуг и количество посещенных объектов.

Таким образом, изучение ресурсной базы для развития культурно-познавательного туризма на территории Республики Алтай, рассмотрение структуры туристских ресурсов и выявление доминирующих групп ресурсов позволяет определить возможные направления развития культурно-познавательного туризма на территории. Также анализ предложения турфирм по направлению Республики Алтай позволяет определить современное состояние культурно-познавательного туризма, выявить объекты, пользующиеся наибольшим спросом среди туристов.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- в структуре ресурсов культурно-познавательного туризма доминирующую роль играют археологические памятники;
- природные объекты играют важную роль в развитии культурно-познавательного туризма на территории Республики Алтай;
- культурно-познавательный туризм как самостоятельный вид туризма слабо развит в Республике Алтай, а культурное наследие территории в основном включено в структуру активных маршрутов.

Также были выявлены следующие проблемы:

- недостаточный уровень развития музейного комплекса на территории Республики Алтай, отсутствие активного включения музеев в маршруты туров;
- немусеефицированность археологических памятников;
- практически полное отсутствие тематических культурно-познавательных туров, однообразии предложения.

Республика Алтай даже при современном уровне развития туризма на ее территории имеет большой потенциал для дальнейшего развития. Перспективы развития культурно-познавательного туризма связаны прежде всего с информационным продвижением территории Республики Алтай как мультикультурного региона, продвижение археологического наследия и его музеефикация, а также разработка предложений туров, маршрутов, связанных с этнокультурным и археологическим наследием.

Литература

1. Государственный реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай // Информационно-правовая система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73667377/>. — Загл. с экрана.
2. Информация о развитии туристической отрасли Республики Алтай официальный сайт Республики Алтай. [Электронный ресурс]. — URL: <https://altai-republic.ru/tourism/development/>. — Загл. с экрана.
3. Музеи: информационный портал проекта «Алтай туристский». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/bogatstva-altaya/muzei>. — Загл. с экрана.
4. По сакральным местам Алтая: сайт туроператора АLEAN. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.alean.ru/rossiya/respublika_altay/gornyyu_altay/puteshestvie_po_sakralnym_mestam_altaya_ekskursii_akti_v_13_dney/. — Загл. с экрана
5. Тандьянова А.Е. Развитие музейного туризма в Республике Алтай // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2019. — № 1 (38). — С. 124–128.
6. Тандьянова А.Е. Туристские бренды Республики Алтай и роль музеев в их развитии // Вестник культуры и искусств. — 2019. — № 3 (59). — С. 46–54.

Сведения об авторах:

Праздникова Надежда Николаевна, кандидат географических наук, доцент, кафедра рекреационной географии сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: Prazdnikovann@rambler.ru

Прудникова Наталья Геннадьевна, кандидат географических наук, доцент, кафедра рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: belukha@mail.ru

Суркова Светлана Андреевна, студент, Институт географии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ssweta1999@mail.ru

ЭКОНОМИКА ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КАЗАХСТАНА

Ж.Б. Болатова¹, С. Енгиндениз², Г.А. Сеитова¹, Е. Білісбекқызы¹, Д.А. Солтанова¹

¹Жетысуский университет им. И. Жансугурова, г. Талдыкорган (Казахстан)

²Эгейский университет, г. Измир (Турецкая Республика)

Экономика изменения климата — инновационное направление экономики, возникшее на стыке экологии и экономики, обусловленных глобальными экологическими требованиями. Сельское хозяйство, которое является одним из основных источников выбросов парниковых газов, может сыграть важную роль в смягчении последствий изменения климата. Принципы экономики изменения климата направлены на решение двух ключевых задач: достижение «улучшенного роста» и достижение «улучшения климата». Задачи статьи: проанализировать глобальные процессы изменения климата; изучить экономические последствия изменения климата для сельского хозяйства Казахстана; рассмотреть систему мер по предотвращению глобального изменения климата в контексте изменения климата экономики.

THE ECONOMICS OF CLIMATE CHANGE IN AGRICULTURE OF KAZAKHSTAN

Zh.B. Bolatova¹, S. Engindeniz², G.A. Seitova¹, E. Bilisbekkyzy¹, D.A. Soltanova¹

¹Zhetysu University named after I. Zhansugurova (Taldykorgan, Republic of Kazakhstan)

²Ege University (Izmir, Turkey)

The climate change economy is an innovative economy direction that emerged at the junction of ecology and economy and global environmental requirements are conditioned. The agriculture one of the major sources of greenhouse gas emissions, can play an important role in mitigating the effects of climate change. The principles of the economy of climate change are aimed at solving two key issues: achieving «improved growth» and achieving an «improved climate». Objectives of the review: to analyze the global processes of climate change; to study the economic impacts of climate change on agriculture in Kazakhstan; consider a system of measures to prevent global climate change in the context of the climate change economy.

Введение. Климат Земли меняется все время и в определенные периоды истории ее развития имеет естественные причины. Эти изменения, которые раньше считались нормальными, теперь рассматриваются как пагубный результат человеческой деятельности, а сегодня глобальное изменение климата стало источником угрозы для всего мира. Изменение клима-

та — это однозначная глобальная проблема, которая имеет множество негативных последствий и может стать доминирующей прямой причиной утраты биоразнообразия, а экономика изменения климата — это исследование экономических издержек и выгод от изменения климата, а также экономических последствий действий, направленных на ограничение его последствий. Количество углекислого газа и других парниковых газов все больше и больше накапливается в атмосфере из-за потребления ископаемого топлива, производства энергии, вырубки лесов, индустриализации и других антропогенных причин.

За последние 20 лет глобальное изменение климата, узкоспециализированная проблема естествознания, превратилось в одну из самых острых проблем мировой экономики и политики, важным элементом этой новой реальности является тот факт, что страны и люди должны корректировать свои экономические действия. Изменение климата тесно связано с глобальными экономическими процессами. Антропогенное воздействие на климатическую систему очевидно и усиливается, причем воздействия наблюдаются на всех континентах. В 2010 г. стоимость гидрометеорологических стихийных бедствий составила 78 млрд долларов (WB and UN, 2012; Straub, 2018) [1, с. 38]. Очевидно, что изменение климата повлияет на сельскохозяйственное производство и его производительность во всем мире. Если мы хотим обеспечить глобальную продовольственную безопасность, сельскохозяйственный сектор должен адаптироваться к изменению климата. Многие ученые работали над влиянием изменения климата на производство и экономику разных стран (Olesen и др., 2011; Uleberg и др., 2014; Olesen, и др., 2002; Rotter и др., 2012; ВБ, 2009) [7, с. 45].

Казахстан — девятая по величине страна в мире и имеет 5 степных экологических зон: лесостепь, луговая степь, сухая степь, пустынная степь и степная полупустыня. Эти 5 степных зон покрывают 160 млн га, или около 59% территории страны, и включают около 123 млн га оставшихся естественных местообитаний. Казахстан отражает значительное влияние изменения климата на разнообразие региональных, экономических и сельскохозяйственных ресурсов. Это одна из аграрных стран мира. Основными среди этих проблем являются экономический рост, продовольственная безопасность, рост производительности сельского хозяйства и улучшение качества воздуха. Согласно статистическим данным о производстве кукурузы в Казахстане, высокие урожаи были получены в 2004-2005 и 2012-2013 гг., но урожайность была низкой с 2006 по 2011 г. В период с 2006 по 2011 г. в Казахстане была засуха, и урожай был ниже в полевых культурах. Кукуруза не переносит засухи, потому что требует большого количества воды и урожайность в эти годы была низкой [6, с. 258].

Цели нашей статьи — анализ глобальных процессов изменения климата; изучение экономических последствий изменения климата сельского хозяйства в Казахстане; рассмотрение системы мер по предотвращению глобального изменения климата в контексте изменения климата экономики. В этом обзоре использовались некоторые литературы, таких как МГЭИК, ВМО, ВТО, ФАО, ООН, РКИК ООН, ПРООН, МВФ, ВБ, ОЭСР, Казгидромет, МНИИР, доклады Статистического Комитета Казахстана.

Изменения климата в мире и в Казахстане. Согласно отчету МГЭИК (2013), с начала XX в. средняя температура поверхности Земли значительно выросла. Глобальные температуры повышаются в масштабах и темпах, которые во многом зависят от нашей способности предотвращать выбросы парниковых газов, которые являются основной причиной глобального потепления. Экстремальные погодные условия стали более частым явлением. Повышение температуры влияет на повышение уровня моря, закисление океана и на экономику каждой страны. Связь между антропогенной деятельностью и погодными условиями также может быть проблематичной, поскольку население приспособляется к изменениям климатических условий. Страны могут проиграть в рыночной экономике, поскольку повышение на 1° С средней годовой температуры в 22° С снизил рост в 2006 г. на 0,9%. Для развивающейся страны с низкими доходами и средней годовой температурой 25° С эффект повышения температуры на 1° С еще больше: рост падает на 1,2% [2, с. 58].

Влияние изменения климата на сельское хозяйство Казахстана. Исследования показали, что сельское хозяйство напрямую зависит от климата, а также косвенно влияет на глобальные сельскохозяйственные рынки, поскольку влияние климата на урожайность сельскохозяйственных культур и продукты влияет на рыночные цены. Если первичным сектором является сельское хозяйство, это может в значительной степени повлиять на экономику (ВВП), поскольку производство зерна в развивающихся странах сокращается. Согласно научным исследованиям, сельскохозяйственный сектор является ключевым источником глобальных выбросов парниковых газов (14%, или 6,8 Гт уравнения CO₂), но с высоким техническим потенциалом смягчения (5,5-6 Гт уравнения CO₂ в год к 2030 г.). В развивающихся странах 74% выбросов — от сельского хозяйства [3, с. 26]. Социальная и экономическая структура ухудшилась из-за обострения продовольственного кризиса, безопасности пищевых

продуктов и численности населения, что повлияло на экономическое развитие. В мире население увеличивается с каждым годом, и исследователи ищут новые способы поиска питательных веществ и новые способы экономии продуктов питания из-за воздействия изменения климата на общество и здоровье. Дестабилизация сельскохозяйственного производства зависит от изменения климата, которое влияет на сельское хозяйство и может повлиять на благосостояние — это все между собой взаимосвязано. Последствия изменения климата не будут равномерно распределены по всей Земле, и, как обычно, будут победители и проигравшие. Повышение температуры в Казахстане может вызвать снижение урожайности сельскохозяйственных культур и недостаточное производство продуктов питания для внутреннего потребления, в то время как их основной экспорт, вероятно, упадет в натуральном выражении [4, с. 145].

В Казахстане доля сельского хозяйства в ВВП в 2013 г. составила 4,5%. Сельское хозяйство является крупнейшим сектором с точки зрения занятости, на него приходится 25% от общего числа занятых. Сельское хозяйство зависит от климатических факторов и, таким образом, климат влияет на уровни использования ресурсов производителями. Согласно статистическим данным Минсельхоза, в 2009 г. снизилась урожайность ячменя (7,5%), кукурузы (8,7%), овса (47,8%) и гречихи (41,9%). По этой причине с 2013 г. правительство продвигает проекты и создает кооперативы по замене пшеницы кукурузой. Основными производителями кукурузы в Казахстане являются Алматинская и Жамбылская области. Урожайность низкая, поскольку засуха поражает 66% земель Казахстана (например, урожай пшеницы и кукурузы), а в южных регионах наблюдается критическая нехватка воды. Урожайность кукурузы также снизилась из-за засухи в стране в 2006-2007 гг. (Syzykov, 2015). Влияние изменения климата на экономический рост может быть отрицательным (Stern, 2016). Изменения климата влияют на финансовую, политическую и экономическую интеграцию мировых экономик. При этом повышение мировых цен на продукты питания может снизить доходы потребителей [5, с. 256].

Казахстан — макроклиматический регион мира, имеет сложные топографические особенности, характеризуется близостью к воде и является переходной зоной для различных систем давления и воздушных масс, происходящих из полярных и тропических зон. Среднегодовое количество осадков в Казахстане составляет 581 мм, из них 60% — зимой и весной. Последствия изменения климата начали наблюдаться в стране в виде изменения температуры, количества осадков, количества морозных дней и повторяемости климатических экстремумов. Влияние изменения климата на сельскохозяйственное производство в стране является значительным, поскольку сельскохозяйственное производство существенно зависит от климата. Большая часть сельскохозяйственного производства приходится на богарные земли, что делает производство нестабильным к изменениям количества осадков. Кроме того, доля добавленной стоимости сельского хозяйства в ВВП за последние годы снизилась до 10%, но доля в занятости все еще значительна. Таким образом, сельское хозяйство остается самым важным источником дохода сельского населения. Сельское хозяйство является первым и наиболее уязвимым сектором для засухи, особенно в богарных условиях. В нем занято 27% рабочей силы страны и производится 9% ВВП. В 2007-2008 гг. ущерб сельскохозяйственному сектору из-за засухи составил около 2 млн долларов, при этом 435 000 фермеров серьезно пострадали с большими потерями в производстве зерновых и чечевицы (ФАО, 2017с).

Сельское хозяйство и водные ресурсы взаимозависимы друг от друга, более 90% воды направляется на орошаемое земледелие, которое производит около 30% регионального ВВП и обеспечивает занятость более 60% населения. По оценкам, в Казахстане 70% потенциального ущерба от неблагоприятных погодных и климатических условий сказываются на сельском хозяйстве. Помимо трансграничных проблем от водораспределения, есть такие тенденции, как рост внутреннего спроса на водные ресурсы из-за роста населения и экономического развития (Аральское море). В сельскохозяйственном секторе Казахстана стратегически важные культуры полностью зависят от ирригационных систем, которые приходили в упадок из-за плохого управления водными ресурсами и неподходящих методов ведения сельского хозяйства (ВБ, 2005). В Казахстане есть стратегические планы по адаптации и смягчению последствий, и каждый год для этого есть много источников финансирования. Например, Казахстан в 2013-2014 гг. потратил 727 млн грн. В 2013 г. на смягчение последствий потрачено 396 млн долларов США, а перекрытие составило 26 млн долларов США. Это количество уменьшилось в 2014 г., но в среднем за адаптацию было 33 млн долларов. Общие финансовые потоки в области развития, связанные с климатом, распределены по видам деятельности. Финансовые потоки в целях развития, связанные с климатом, по секторам, как смягчение последствий и адаптация (OECD, 2016) [8, с. 89].

В результате инвентаризации парниковых газов в Казахстане в 2004 г. общие выбросы газа с прямым парниковым эффектом составили 172,2 млн тонн эквивалента CO₂ от энергетической дея-

тельности, 16,6 млн тонн эквивалента CO₂ от промышленных процессов, 19,7 млн тонн эквивалента CO₂ от сельского хозяйства и отходов, 8 млн тонн эквивалента CO₂. Основным источником выбросов парниковых газов в Казахстане является энергетическая деятельность с долей около 80% и сельское хозяйство на 9%. Казахстанские компании получают средства от торговли выбросами. Это доход, полученный от продажи неиспользованной квоты национальным правительством для реинвестирования в режим, или компания может участвовать в международной квоте, может принимать форму прямого дохода. Страновым условием доступа компаний к механизмам передачи квот на выбросы является инвентаризация антропогенных выбросов и выбросов парниковых газов, соответствующая международным правилам. Однако экономические выгоды дает совместная реализация проектов по сокращению выбросов и торговых выбросов. Это не должно затмевать основную цель международных и национальных правовых действий: стабилизацию их концентраций, сокращение выбросов антропогенных парниковых газов и уменьшение глобального изменения климата.

Изменение климата наносит ущерб каждому сектору нашего мира, и мы должны подготовить устойчивое управление орошаемым и богарным земледелием, разнообразить и повысить устойчивость пастбищ, методов возделывания, адаптировать прибрежные районы Средиземного, Каспийского и Аральского морей для сельского хозяйства, а также необходимость разработки адаптационных мер в производстве зерна.

Закключение. Казахстан испытывает проблемы в связи с изменением климата, такие как засуха или наводнение, а также влияние повышения или понижения температуры на урожай и производство сельскохозяйственных культур, а именно производство пшеницы и зерновых (снижение до 10%). Во время засух производства теряют много зерновых, овощной продукции и это влияет на внутреннюю экономику страны. Весь ущерб от изменения климата влияет на макро- и микроэкономику. Изменение климата от прошлого опыта и неустойчивого управления природными ресурсами отразило влияние сельского хозяйства на ВВП, ВВП — на занятость и бедность в сельской местности. Ущерб, нанесенный на аграрный сектор в течение 2007-2008 гг., составил 2,5 млрд долларов США, включая крупные потери в производстве зерновых и чечевицы. Потери производства в стране оцениваются в 90% по пшенице и другим зерновым культурам и 60% по красной чечевице. Некоторые предложения были также представлены в этом исследовании, а именно: 1) Казахстану следует разработать новую политику в отношении изменения климата, то есть обеспечить страхование фермеров и адаптировать все сельскохозяйственные сорта к стрессам и связать сельскохозяйственный сектор с водным сектором для смягчения последствий; 2) диверсификация и повышение устойчивости пастбищ, методов возделывания, устойчивого управления орошаемым и богарным земледелием; 3) Казахстану следует подготовить соглашение по трансграничным водным ресурсам; 4) необходимость разработки адаптационных мер в зерновом и животноводческом производстве; 5) Казахстану следует подготовить курсы об изменении климата, страховании и новых технологиях в сельском хозяйстве; 6) системы субсидии сельского хозяйства должны быть преобразованы в систему поддержки, основанную на климатических условиях, а не на основе продукции; 7) Казахстан должен принять меры по загрязнению воды и почвы; 8) политика и институциональные механизмы управления водными ресурсами должны обеспечивать уязвимость сектора к неблагоприятным воздействиям изменения климата; 9) объем сельскохозяйственного страхования должен быть расширен и включать влияние засухи или изменения климата.

Литература

1. Straub S. Hurricanes cause record losses in 2017. The losses quoted by Munich Re include both insured and non-insured losses but may calculate indirect economic losses (e.g. business interruption) in a different way than some other sources. — Munich Re, Munich, Germany, 2018.
2. Stern N. What is the Economics of Climate Change? // World Economics. — 2006. — Vol. 7, No. 2.
3. Министерство экологии РК. Отчет-Оценка технологических потребностей для адаптации к изменению климата, адаптация Казахстана. 2013.
4. Ministry of Environmental Protection of the Republic of Kazakhstan, Republican State Enterprise “KAZHYDROMET” (КАЗГИДРОМЕТ). (2013), Annual bulletin of climate change monitoring in Kazakhstan: 2012, Astana.
5. Olesen J.E., Trnka M., Kersebaum K.C., Skjelvag A.O., Seguin B., Peltonen-Sainio P., Rossi F., Kozyra J., Micale F. Impacts and adaptation of European crop production systems to climate change // Europe Journal Agronomy. — 2011. — № 34. — Pp. 96–112.
6. Uleberg E., Hanssen-Bauer I., Oort V.B., Dalmannsdottir S. Impact of climate change on agriculture in Northern Norway and potential strategies for adaptation // Climatic Change. — 2014. — № 122. — Pp. 27–39. DOI: 10.1007/s10584-013-0983-1.

7. Olesen J.E., Bindi M. Consequences of climate change for European agricultural productivity, land use and policy // *European Journal of Agronomy*. — 2002. — № 16. — Pp. 239–262.
8. Rotter R.P., Palosuo T., Kersebaum K.C., Angulo C., Bindi M., Ewert F. Simulation of spring barley yield in different climatic zones of Northern and Central Europe. A comparison of nine crop models // *Field Crops Research*. — 2012. — 133. — Pp. 23–36.

Сведения об авторах:

Ж.Б. Болатова, С. Енгиндениз, Г.А. Сеитова, Е. Білісбекқызы, Д.А. Солтанова

**МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФИЛЬТРАЦИИ
В СИЛЬНОПОРИСТЫХ ТРЕЩИНОВАТЫХ СРЕДАХ
С ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИЕЙ ТРЕЩИН**

Н.Б. Алимбекова, Д.Р. Байгереев, Е.К. Ергалиев

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

*Работа выполнена при поддержке грантового финансирования научно-технических программ и проектов
Министерства науки и образования Республики Казахстан, ИРН АР08053189, 2020-2022 гг.*

Статья посвящена исследованию способа описания процесса фильтрации в сильнопористых трещиноватых средах с фрактальной геометрией трещин с помощью дробного исчисления. Фильтрация описывается с помощью нелинейного дробно-дифференциального уравнения аномальной диффузии, в котором присутствует пористость и плотность, зависящие не только от давления, но и от ее дробной производной, а также дробный закон Дарси с пространственной памятью. Задача относится к классу «неклассических» задач математической физики, созданию и исследованию методов решения для которой посвящено мало работ. Предлагаются две гибридные конечно-элементные по пространству и конечно-разностные по времени схемы для численной реализации модели. В работе исследовано влияние трещин на процесс фильтрации в рамках данной модели и предлагаемых численных методов.

**MATHEMATICAL MODELING OF THE PROCESS OF FLUID FLOW IN HIGHLY
POROUS FRACTURED MEDIA WITH FRACTAL FRACTURE GEOMETRY**

D.R. Baigereyev, N.B. Alimbekova, Ye.K. Yergaliyev

S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, (Kazakhstan)

The article is devoted to the study of a method for describing the filtration process in highly porous fractured media with fractal fractures geometry using fractional calculus. Filtration is described using a nonlinear fractional differential equation of anomalous diffusion, in which there is a porosity and density that depend not only on pressure, but also on its fractional derivative, as well as a fractional Darcy law with spatial memory. The problem belongs to the class of «non-classical» problems of mathematical physics, and few works are devoted to the creation and research of solution methods. Two hybrid finite element in space and finite difference in time schemes for the numerical implementation of the model are proposed. The paper studies the effect of fractures on the filtration process within the framework of this model and the proposed numerical methods.

В последние десятилетия исследования процессов фильтрации в сильнопористых трещиноватых средах с фрактальной геометрией трещин и их математическое моделирование стали актуальными в связи с тем, что более 20% разведанных мировых запасов нефти находятся в таких месторождениях. В связи с этим во всем мире прослеживается тенденция разработки запасов нефти в сложнопостроенных коллекторах. При разработке таких месторождений необходимо реалистичное описание поведения жидкости в пласте.

Уравнения классической теории фильтрации достаточно хорошо описывают процессы фильтрации в однородных высокопроницаемых породах. Однако во многих месторождениях нефти горная порода является неоднородной, изменяющейся разрывным образом от высокой проницаемости до низкой, так как имеет иерархическую систему трещин, блоков и каналов, со сложной геометрической структурой [1].

Существуют несколько концептуальных подходов моделирования потоков в трещиноватых средах, включающих в себя модели двойной пористости или двойной проницаемости, одинарной пористости, модели дискретной сети трещин [2-4].

Отправной точкой к получению модели фильтрации в трещиноватой пористой среде являются классические уравнения фильтрации, включающие в себя уравнения неразрывности и линейного за-

кона Дарси. Так как пористость и проницаемость часто зависят от давления и насыщения жидкости, были предложены различные модели на основе методов дробного исчисления, учитывающие эффекты памяти и пространственные корреляции в пористых средах [5-7]. При этом порядок дробной производной определяет степень влияния памяти на течение жидкости через пористую среду [8].

Один из подходов моделирования фильтрации в трещиноватой пористой среде состоит в замене указанной среды некоторой модельной однородной пористой средой со степенной памятью. В связи с тем, что пористость зависит от давления жидкости и от напряженно-деформированного состояния среды, проявляющей вязкоупругие свойства, можно сделать вывод, что пористость является функцией не только давления, но также ее дробной производной или дробного интеграла [6].

Для учета влияния трещин на процесс фильтрации известны несколько обобщений линейного закона Дарси. Например, в [9] закон движения обобщен в предположении, что проницаемость уменьшается со временем и поэтому влияние давления жидкости на течение в пористой среде на границе замедляется, и течение происходит так, как если бы среда имела память. С другой стороны, в [10] предложен дробный закон Дарси с пространственной памятью, основанный на дробной производной Римана-Лиувилля. В настоящей работе выбран субдиффузионный закон движения, который может быть использован для моделирования фильтрации в естественных трещиновато-пористых средах, в которых трещины распределены в среднем равномерно по объему.

В данной работе предлагаются две численные схемы реализации начально-краевой задачи для одномерного уравнения, содержащего несколько слагаемых с дробными производными по времени в смысле Капуто порядка $\alpha, \beta, \gamma \in (0, 2)$. Аппроксимация дробных производных осуществлена L1-методом. Постановка полностью дискретной схемы основана на применении конечно-разностной аппроксимации для целых и дробных временных производных и конечно-элементного метода по пространственному направлению. Проведен теоретический анализ построенных численных методов и проанализированы результаты вычислительных экспериментов. Оба вычислительных метода, построенных для решения задачи в двух случаях, позволяют получить приближенное решение со вторым порядком точности по пространственному направлению и порядком $2 - \nu$ относительно временной переменной, где ν — наибольший из порядков дробной производной. Результаты теоретического анализа подтверждаются рядом численных экспериментов, проведенных для модельных задач. В частности, эксперименты, проведенные в рамках исследуемой модели, показали, что процесс течения жидкости в трещиноватой пористой среде протекает медленнее, чем в сплошной среде.

Выводы, полученные в этом исследовании, могут быть использованы при решении других классов дробных дифференциальных уравнений. Результаты представленной работы также войдут в основу дальнейших исследований в этом направлении.

Литература

1. Медведский Р.И. Строительство и эксплуатация скважин на нефть и газ в вечномёрзлых породах. — М., 1987. 230 с.
2. Lee J., Choi S.-U., Cho W. A comparative study of dual-porosity model and discrete fracture network model. // Water Engineering, 1999 — Vol. 3. — Pp. 171-180.
3. Moifar A., Narr W., Hui M.-H., Mallison B., Lee S. H. Comparison of Discrete-Fracture and Dual-Permeability Models for Multiphase Flow in Naturally Fractured Reservoirs. // SPE Reservoir Simulation Symposium, 2011. — № SPE 142295 — Pp. 1-17.
4. Torres F., Xavier M., Ailin J., Wei Yu., Yunsheng W., Junlei W., Xie H., Li N., Miao J. Comparison of Dual Porosity Dual Permeability with Embedded Discrete Fracture Model for Simulation Fluid Flow in Naturally Fractured Reservoirs. // 54th U.S. Rock Mechanics/Geomechanics Symposium, 2020 — № ARMA-2020-1462.
5. Caffarelli L., Vazquez J.L., Nonlinear porous medium flow with fractional potential pressure // Archive for Rational Mechanics and Analysis, 2011 — Vol. 202, №. 2 — Pp. 537–565.
6. Газизов Р.К., Лукашук С. Ю. Дробно-дифференциальный подход к моделированию процессов фильтрации в сложных неоднородных пористых средах. // Вестник УГАТУ, 2017 — Т. 21, № 4. — С. 104–112.
7. Meilanov R.R., Akhmedov E.N., Beybalaev V.D., Magomedov R.A., Ragimkhanov G.B., Aliverdiev A.A. To the theory of non-local non-isothermal filtration in porous medium. // IOP Conf. Series: Journal of Physics: Conf. Series, 2018 — Pp. 1–8.
8. Hashan M., Zaman T.U., Jahan L.N., Elhaj M., Imtiaz S. Application of Memory Formalism and Fractional Derivative in Reservoir Simulation. // SPE Trinidad and Tobago Section Energy Resources Conference, 2018 — № SPE-191213-MS — Pp. 1-11.
9. Caputo M. Models of flux in porous media with memory // Water Resources Research, 2000 — Vol. 36, №. 3 — Pp. 693–705.
10. He J.H. Approximate analytical solution for seepage flow with fractional derivatives in porous media. // Computer Methods in Applied Mechanics and Engineering, 1998 — Vol. 167, № 1 — Pp. 57–88.

Сведения об авторах:

Алимбекова Нурлана Бауржановна, сеньор-лектор, кафедра математики, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: nurlana1101@gmail.com

Байгереев Досан Рахимгалиевич, PhD, ассоциированный профессор, кафедра математики, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: dbaigerreyev@gmail.com

Ергалиев Ерлан Кананиянович, кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой математики, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: ergaliev79@mail.ru

АНАЛИЗ РАЗМЕРОВ ЧАСТИЦ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЕТРОВОЙ ЭРОЗИИ В КАЗАХСТАНЕ

А. Бондарович¹, К. Акшалов², М. Коза³, Ю. Полнитц³, Г. Шмидт³, К. Конрад³

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Отдел управления почвами и культурами, Научно-производственный центр зернового хозяйства им. Бараева, п. Шортанды (Казахстан)

³Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг, г. Галле (Залле) (Германия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Авторы выявили следующие особенности: химическая предварительная обработка с HCl в результате дает неполную дисперсию или агрегацию. Окисление органического связующего материала с помощью H₂O₂ вызывает полное диспергирование образца. Предварительная обработка гранулометрического состава (англ. particle size distribution, далее сокр. — PSD) не повлияла на класс текстуры. Педотрансферные функции на основе PSD методом лазерной дифракции нуждаются в дальнейшем исследовании. Оценки потерь почвы не показали изменений на основе полученных данных PSD.

PARTICLE SIZE ANALYSIS FOR WIND EROSION MODELLING IN KAZAKHSTAN

A. Bondarovich¹, K. Akshalov², M. Koza³, J. Pohlitz³, G. Schmidt³, Chr. Conrad³

¹Department of Economic Geography and Cartography, Institute of Geography, Altai State University, Barnaul, Russia

²Department of Soil and Crop Management, Barayev Research and Production Center for Grain Farming, Shortandy, Kazakhstan

³Department of Geocology, Institute of Geosciences and Geography, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany

Chemical pretreatment with HCl resulted in incomplete dispersion or aggregation. Oxidisation of organic binding material with H₂O₂ caused complete sample dispersion. Pretreatments for particle size distribution (PSD) did not affect texture class. Pedotransfer functions based on PSD by laser diffraction need further investigation. Soil loss estimates showed no variation based on obtained PSD data.

Казахстан — один из крупнейших мировых экспортеров зерна [8]. Так, в 2009 г. он продемонстрировал свой потенциал урожайности с 2,5% мирового производства пшеницы (*Triticum L*) [7], (Sommer et al., 2013). Будучи крупнейшей страной в Центральной Азии, он является самым важным экспортером зерна с потенциально до 84,5 млн га сельскохозяйственных земель [1]. Вместе с тем Казахстан, вероятно, станет одной из «горячих точек» теплового стресса для пшеницы в сценарии будущих изменений климата A1B (2071–2100 гг.) [21]. Нехватка воды и ветровая эрозия влияют на продуктивность сельского хозяйства в Казахстане уже примерно на 25,5 млн га [1]. Противодействие этим изменениям требует надежных инструментов и методов для количественной оценки риска эрозии почвы в текущих и будущих климатических условиях. Текстура почвы является ключевым компонентом любого набора данных, используемых для внедрения устойчивых методов ведения сельского хозяйства [14]. Она является одним из основных свойств почвы, влияющих на подверженность почвы водной и ветровой эрозии [4, 22]. Оценка потери почвы в результате водной эрозии с помощью пересмотренного универсального уравнения потери почвы (RUSL) требует информации о текстуре почвы и содержании органического вещества, чтобы вывести коэффициент эродуемости почвы (К-фактор). В моделях ветровой эрозии процентное содержание ила, песка

и глины является критическим компонентом, не зависящим от сложности или возможностей моделей [13]. Они необходимы для оценки потерь почвы с помощью системы прогнозирования ветровой эрозии (WEPS) или для расчета эродируемой фракции для применения пересмотренного уравнения ветровой эрозии (RWEQ). Анализ размера частиц для присвоения классов текстуры требует рассеивания почвенных агрегатов и удаления связующих веществ: оксида железа, карбонатов и органических веществ [9]. Покрытия из оксида железа обычно не обсуждаются для верхнего слоя почвы в сухих степных биомах. Они лишь слегка выветриваются и не указывают на кислотность менее шести значений pH. Карбонаты могут быть удалены с помощью соляной кислоты (HCl). Однако декальцинация не является стандартизированной процедурой, и эту трудоемкую предварительную обработку часто опускают в PSD [12, 19]. Для удаления органических веществ перекись водорода (H₂O₂) была рекомендована в качестве стандартного окислителя для большинства почв [9, 15]. Однако все химические предварительные обработки могут привести к непредсказуемым последствиям для распределения частиц по размерам (PSD). Например, HCl удаляет не только карбонаты, но и небольшие количества органического вещества [2], а также может растворять плохо упорядоченные оксиды металлов [6]. Обработка H₂O₂ может привести к дезинтеграции слоистых силикатов и в применении к известковым почвам — к осаждению оксалата кальция [16]. В настоящее время существует неопределенность относительно последствий различных предварительных обработок почвы для анализа PSD и последующего варьирования оценок эрозии почвы.

Поэтому мы сравнили данные PSD почвы без предварительной обработки, почвы после двух различных предварительных обработок HCl, после предварительной обработки H₂O₂ и после последовательной предварительной обработки H₂O₂ и HCl. После каждой предварительной обработки PSD измеряли методом лазерного дифракционного анализа (LDA). Этот метод получил широкое распространение и признание в почвоведении. Лазерная дифракция хорошо согласуется с независимыми оптическими методами [3] и в прошлом применялась для моделирования ветровой эрозии [17]. Для нашего эксперимента мы использовали черноземы и каштановые почвы сухой степи Казахстана. Они содержат большое количество органического вещества и вторичных карбонатов [6] в качестве связующих веществ и также благоприятны для сельского хозяйства. Однако их материнский материал состоит из эоловых отложений и наиболее уязвим для ветровой эрозии в засушливых районах [18].

Основываясь на различных текстурных данных, смоделировали потенциальные потери почвы от ветровой эрозии для пахотного поля в сухой степи Казахстана с помощью программы оценки ветровой эрозии (SWEEP). Эта субмодель системы прогнозирования ветровой эрозии, современной системы исследований и поддержки принятия решений для прогнозирования ветровой эрозии во всем мире оценивает потери почвы для однодневного штормового события под влиянием конкретных исходных данных [10, 20]. Помимо текстуры важными входными данными для SWEEP являются свойства, основанные на текстуре, такие как средний геометрический диаметр (GMD) и другие. В случае когда доступен только минимум измеренных параметров, эти свойства на основе текстуры могут быть получены из PSD с помощью функций педотрансфера.

Работа комплексная и охватывает весь существующий инструментарий современных исследований в геоэкологии и географии: дистанционное зондирование, полевые исследования — отбор почвенных проб в поле, проведение эксперимента по ветровой эрозии с применением уникальных установок, лабораторными работами — различные варианты пробоподготовки почв, определение гранулометрического состава методом лазерной дифракции и затем использование этих вводных для моделирования. Уникальность проведенного исследования заключается не только в том, что она носит методический характер, который связан с различными вариантами подготовки почвенных проб для определения гранулометрического состава, но и прикладных результатов — выявление критических параметров для возникновения эрозионных процессов. Кроме того, найдены подходы к определению стабильности почвенных агрегатов и установлены критические границы, когда возникает ветровая эрозия, и какие частицы наиболее задействованы в этом процессе для распространенных в Казахстане и России каштановых почв и черноземов в различных вариантах использования: пастбища, пашня, а также различных вариантах обработки почв: глубокая обработка и No-Till.

Литература

1. Almaganbetov N., Grigoruk V Degradation of Soil in Kazakhstan: Problems and Challenges L. Simeonov, V. Sargsyan (Eds.) Soil Chemical Pollution, Risk Assessment, Remediation and Security, Springer, Netherlands, Dordrecht. — 2008. — Pp. 309-320. 10.1007/978-1-4020-8257-3_27
2. Bisutti I., Hilke I., Raessler M. Determination of total organic carbon — an overview of current methods.

3. Bittelli M., Andrenelli M.C., Simonetti G., Pellegrini S., Artioli G., Piccoli I., Morari F. Shall we abandon sedimentation methods for particle size analysis in soils? // Soil Tillage Res. — 2019. — № 185. — Pp. 36-46. 10.1016/j.still.2018.08.018
4. Bowker M.A., J. Belnap, V. Bala Chaudhary, N.C. Johnson Revisiting classic water erosion models in drylands: The strong impact of biological soil crusts Soil Biol // Biochem. — 2008.— 40. — Pp. 2309-2316. 10.1016/j.soilbio.2008.05.008
5. Carroll D., H.C. Starkey Reactivity of Clay Minerals with Acids and Alkalies Clays Clay Miner. — 1971. — № 19 — Pp. 321-333. 10.1346/CCMN.1971.0190508 CATENA, 187 (2020), Article 104388.10.1016/j.catena.2019.104388
6. Eckmeier E., Gerlach R., Gehrt E., M.W.I. Schmidt Pedogenesis of Chernozems in Central Europe // A review Geoderma. — 2007. — 139. — Pp. 288-299. <https://doi.org/10.1016/j.geoderma.2007.01.009>
7. FAO, 2012. AQUASTAT Country profile — Kazakhstan. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), Rome. Available from: <http://www.fao.org/3/ca0366en/CA0366EN.pdf>
8. FAO, 2017. Kazakhstan — Country fact sheet on food and agriculture policy trends — Kazakhstan. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), Rome. Available from: <http://www.fao.org/3/a-i7676e.pdf>
9. Gee G.W., D. Or 2.4 Particle-Size Analysis J.H. Dane, C.G. Topp (Eds.), SSSA Book Series, Soil Science Society of America, 2002. 10.2136/sssabookser5.4.c12
10. Hagen L.J. A wind erosion prediction system to meet user needs J. Soil Water Conserv. — 1991. — № 46. — Pp. 106-111.
11. Influence of HCl pretreatment and organo-mineral complexes on laser diffraction measurement of loess-paleosol-sequences CATENA. — 2016. — № 137. — Pp. 392-405. 10.1016/j.catena.2015.10.015
12. ISO 11277, 2002. Soil quality — Determination of particle size distribution in mineral soil and material — Method by sieving and sedimentation. International Organization for Standardization (ISO), Geneva.
13. Jarrah M., Mayel S., Tatarko J., Funk R., Kuka K. A review of wind erosion models: Data requirements, processes, and validity.
14. Kettler T.A., J.W. Doran, T.L. Gilbert Simplified Method for Soil Particle-Size Determination to Accompany Soil-Quality Analyses Soil Sci. Soc. Am. J. — 2001. — № 65. — P. 849. 10.2136/sssaj2001.653849x
15. Kroetsch D., C. Wang Particle Size Distribution M. Carter, E. Gregorich (Eds.), Soil Sampling and Methods of Analysis, Second Edition. CRC Press. — 2007. 10.1201/9781420005271
16. Mikutta R., Kleber M., Kaiser K., Jahn R. Review: Organic matter removal from soils using hydrogen peroxide, sodium hypochlorite, and disodium peroxodisulfate Soil Sci. Soc. Am. J. — 2005. № 69. — P. 120. 10.2136/sssaj2005.0120
17. Pi H., Sharratt B., Feng G., Lei J., Li X., Zheng Z. Validation of SWEEP for creep, saltation, and suspension in a desert-oasis ecotone Aeolian Res. — 2016. — № 20. — Pp. 157-168. 10.1016/j.aeolia.2016.01.006
18. Schmidt G., Illiger P., Kudryavtsev A.E., Bischoff N., Bondarovich A.A., Koshanov N.A., Rudev N.V.
19. Schulte P., Lehmkuhl F., Steininger F., Loibl D., Lockot G., Protze J., Fischer P., Stauch G.
20. Tatarko J., Wagner L., Fox F. The Wind Erosion Prediction System and its Use in Conservation Planning.
21. Teixeira E.I., Fischer G., H. van Velthuizen, Walter C., Ewert F. Global hot-spots of heat stress on agricultural crops due to climate change Agric. For. Meteorol. — 2013. — 170. — Pp. 206-215. 10.1016/j.agrformet.2011.09.002
22. Zobeck T.M., Van R.S. Pelt Wind Erosion J.L. Hatfield, T.J. Sauer (Eds.), Soil Management: Building a Stable Base for Agriculture, Soil Science Society of America, Madison, WI, USA. — 2015. — Pp. 209-227. 10.2136/2011.soilmanagement.c14

Сведения об авторах:

Бондарович Андрей, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, Институт географии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: andrej.bondarovich@yandex.ru

Акшалов Канат, отдел управления почвами и культурами, Научно-производственный центр зернового хозяйства им. Бараева (Шортанды, Казахстан)

Коза Моритц, кафедра геоэкологии, институт геонаук и географии, Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг (Галле (Заале), Германия)

Полниц Юлия, кафедра геоэкологии, институт геонаук и географии, Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг (Галле (Заале), Германия)

Шмидт Герд, Ph.D., кафедра геоэкологии, институт геонаук и географии, Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг (Галле (Заале), Германия). E-mail: gerd.schmidt@geo.uni-halle.de

Конрад Кристофер, Ph.D., профессор, кафедра геоэкологии, институт геонаук и географии, Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг (Галле (Заале), Германия)

СЕКЦИЯ «МЕДИАПРОСТРАНСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Модераторы: **Ефимов Евгений Сергеевич**, руководитель группы инициации проектов Управления проектами в области образования и социальной сфере МИА «Россия сегодня» (Москва, Россия)

Джунушалиева Гульмира Дженишевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета им Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЮРКОЛОГИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

А.В. Ковалева^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

²Научно-образовательный центр «Большой Алтай», г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Определена актуальность исследования проблематики тюркологии в медиапространстве Большого Алтая, дана количественная и качественная оценка основных параметров медиапространства Большого Алтая, составлен рейтинг инфоповодов, характеризующих ключевые проблемы исследуемой проблематики.

REFLECTION OF THE PROBLEMS OF TURKOLOGY IN THE MEDIA SPACE OF THE GREATER ALTAI

A.V. Kovaleva^{1,2}

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Scientific and Educational Center "Big Altai", Barnaul (Russia)

The relevance of the study of the problems of Turkology in the media space of the Greater Altai is determined, a quantitative and qualitative assessment of the main parameters of the media space of the Greater Altai is given, a rating of information guides describing the key problems of the studied issues is compiled.

Актуальность исследования отражения проблематики тюркологии в медиапространстве Большого Алтая обусловлена следующими обстоятельствами:

- происходит усиление интеграционных процессов регионов, охватывающих с российской стороны Алтайский край и Республику Алтай, и стран Центральной Азии (согласно позиции Института исследований Центральной Азии, данный регион включает в себя такие независимые государства, как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан). Интеграционные процессы нарастают в экономической, социокультурной сфере, сфере туризма и образования;

- Алтайским государственным университетом инициирован и реализуется исследовательский проект «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», в рамках которого в исторической ретроспективе анализируется как богатейшее историко-культурное наследие тюркских народов, так и современное состояние этносов и социумов. Проблемы межнациональных отношений, миграционных процессов, культурного обмена, социальной безопасности в контексте развития международного сотрудничества, изучения обычаев и традиций тюркских народов всегда находят отражение в СМИ и киберпространстве.

Методология исследования медиапространства Большого Алтая опирается на следующие научные положения:

- «1) Ядром медиапространства признаются средства массовой коммуникации, которые являются активным актором формирования других видов пространств: социального, культурного, образовательного, религиозного и т.д. 2) Изменения в медиапространстве непосредственно связаны

с трансформационными процессами в обществе, что позволяет изучить его развитие в контексте происходящих преобразований. 3) Медиапространство представляет собой сложную систему, обладающую определенным набором структурных элементов, которые взаимосвязаны и подчиняются общим закономерностям развития целого» [1, с. 36].

- «Медиапространство представляется в виде самоорганизующейся сложной системы с сильным механизмом саморегуляции информационных потоков, исходящих от каналов воспроизводства событийного контента. Основу медиапространства составляют «средства массового производства и распространения информации, а также сама массовая информация» [2, с. 22].

- Согласно мнению Е.Г. Ним, «довольно часто понятие медиапространства используется как самоочевидное, не требующее четких определений и развернутых интерпретаций. В различных дисциплинарных и теоретических контекстах актуализируются те или иные смысловые грани этого феномена. Среди таких подходов к пониманию медиапространства можно выделить: а) текстоцентричный подход — медиапространство рассматривается как совокупность всех медийных текстов, «дискурсивное» пространство; б) структурный подход — медиапространство понимается как институциональная сфера, социальное поле, система средств массовой коммуникации; в) территориальный подход («рыночный») — медиапространство характеризуется как медийный рынок или информационное пространство региона (города, страны); г) технологический подход — медиапространство наделяется особым статусом «виртуальной» реальности, поддерживаемой с помощью материальных технологий; д) экологический подход — медиапространство мыслится как глобальная среда обитания, пронизывающая все сферы человеческой деятельности» [3].

Мониторинг медиапространства позволяет всегда держать руку на пульсе информационного пространства, а применение дополнительных инструментов оценки помогает видеть полную картину присутствия интересующего объекта — в данном случае тематики тюркологии, тюркского мира — в информационном поле стран Большого Алтая и Центральной Азии. Для того чтобы выстраивать коммуникацию со своими целевыми аудиториями, необходимо понимание следующих факторов: 1) того, что происходит на том участке информационного поля, где планируется размещение интересующего нас контента; 2) каких целей и результатов необходимо достичь (в данном случае — осуществление влияния на процессы); 3) что представляют из себя целевые аудитории, где они находятся и что их интересует; 4) как можно действовать в той или иной ситуации.

Первый фактор «Что происходит» определяется через оценку таких параметров медиапространства, как:

- количество публикаций, их динамика, доля оригинальных/перепечаток;
- информационные поводы;
- объекты, их параметры;
- активность СМИ по количеству;
- медиаиндекс СМИ;
- СМИ по уровням, по категориям, отраслям;
- СМИ по регионам, странам;
- СМИ по жанрам, рубрикам;
- СМИ по авторам, словам.

Исходя из полученных данных, определяются и дальнейшие коммуникационные стратегии.

Аналитические материалы, характеризующие структуру и основные характеристики медиапространства Большого Алтая в контексте проблематики алтаистики и тюркологии, получены при помощи сервиса «Медialogия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ). Данные собирались на основе автоматической обработки более 500 тыс. сообщений в 59 тыс. СМИ ежедневно. В мониторинг включались федеральные, региональные (85 регионов) и зарубежные (169 стран) средства массовой информации, в том числе закрытые источники по подписке. В анализ включались газеты, журналы, ТВ и радио федерального уровня, интернет-СМИ, региональные и отраслевые СМИ. Анализ осуществлялся по ключевым словам «тюркология», «алтаистика» и «Большой Алтай» (во всех словоформах на русском, киргизском и казахском языках) в период с 01.01.2021 по 07.04.2021 в средствах массовой информации России, Казахстана, Киргизии и Монголии.

В соответствии с поставленными в программе исследования задачами получены следующие результаты, характеризующие медиапространство Большого Алтая:

1. Общее количество публикаций. Тюркология или тюркский мир — 3305, из них: оригинальных сообщений — 1463 (доля составляет 56%); перепечаток — 1842. Больше всего оригинальных сообщений было зафиксировано 29.03.2021, что было связано с сообщением из источника ИА Kazinform (inform.kz) «Президент РК: Сформировать общее культурно-просветительское пространство можно через создание фонда Великие тюрки». Наибольшее количество перепечаток было зафик-

сировано 29.03.2021, это было связано с сообщением из источника Korrespondent.az «Украине нужно развивать отношения с тюркским миром».

2. **Информационные поводы.** Самым заметным инфоповодом за отчетный период стала новость «В МИД подвели итоги неформального саммита ССТГ» (источник — ТАСС, количество сообщений — 278, заметность события — 58, 63). На второй позиции — новость на сайте Tengrinews.kz «Президент принял участие в саммите Организации экономического сотрудничества» от 04 марта 2021 года (источник — Tengrinews.kz, количество сообщений — 39, заметность события — 19,62). Третья позиция — новость «Город Шуша предложили объявить культурной столицей тюркского мира» (источник — РИА Новости, количество сообщений — 79, заметность события — 13,42).

3. **Наиболее активные СМИ по количеству сообщений.** На первом месте ТОП-20 наиболее активных СМИ Seldon.News (news.myseldon.com) — 95 сообщений; на втором — ИА Kazinform (inform.kz) — 81 сообщение; на третьем и четвертом месте — News-Life (news-life.pro) — 56 сообщений и Haberler (ru.haberler.com — 42 сообщения.

4. **Наиболее влиятельные СМИ по МедиаИндексу.** Наиболее влиятельным СМИ по МедиаИндексу за отчетный период стал ресурс ИА Kazinform (inform.kz) (значение — 124,1); на второй позиции ресурс Tengrinews.kz (значение — 24,28); на третьей позиции — Казахстанский юридический портал zakon.kz (значение 21.39).

5. **СМИ по уровням, по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам.** Наибольшее количество сообщений размещено:

- в СМИ зарубежного уровня — 1857 сообщений;
- в категории «Интернет-СМИ» — 2794 сообщения;
- в отрасли «Бизнес и общество» — 1869 сообщений;
- в рубрике СМИ «Власть» — 1963 сообщения;
- в жанре «Новости» — 1837 сообщений.

6. **СМИ по словам.** Наиболее часто встречаются слова:
тюркский — 1699 сообщений;
Турция — 661 сообщение;
Тюркоязычный — 645 сообщений.

7. **СМИ по авторам.** Гасымов Рустам (Новая эпоха (yenicag.ru) — автор наибольшего количества статей — 36 публикаций. На второй позиции — Красная ИА (ИА Красная весна (rossarprimavera.ru) — 20 публикаций, на третьем — Asiakhan (Asiais.ru) — 10 сообщений.

Таким образом, полученные аналитические данные характеризуют структуру медиапространства Большого Алтая, его основные параметры, что позволяет выявить основные медиатренды по отражению проблематики тюркологии в СМИ. Следует отметить, что на основе полученных данных возможно построение оптимальной коммуникационной стратегии для организаций, исследующих проблематику тюркологии и тюркского мира.

Литература

1. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 312 с.
2. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. — М., 2012.
3. Ним Е.Г. Медиапространство: основные направления исследований. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2013--14/83292427.html>

Сведения об авторе:

Ковалева Алла Владимировна, доктор социологических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: alla_k65@mail.ru

МЕДИАСРЕДА УЗБЕКИСТАНА: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СТРУКТУРЫ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Я.М. Мамадова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент (Узбекистан)

Реализация масштабного проекта «Новый Узбекистан» стала возможной благодаря либерализации национального законодательства о СМИ, обеспечению открытости деятельности органов государственной власти и управления, установлению открытого и прямого диалога с народом. Ранее запретные темы ныне широко освещаются на страницах газетно-журнальной периодики, в эфире государственных и негосударственных теле-радиоканалов, в блогосфере, которая стремительно расширяется за счет высокой активности гражданских журналистов. Наряду с тенденциями роста количества СМИ, усиления конкуренции между ними, стремительного роста популярности интернет-СМИ и гражданских журналистов, повышения рейтинга СМИ негосударственно-

го сектора на повестке дня остро стоят вопросы повышения качества журналистской работы, подготовки журналистских кадров, укрепления статуса журналистики как общественно-политического института.

MEDIA ENVIRONMENT OF UZBEKISTAN: FORMATION OF A NEW STRUCTURE, MAIN TRENDS AND OPERATING PROBLEMS

Ya.M. Mamatova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent (Uzbekistan)

The implementation of the large-scale project «New Uzbekistan» became possible thanks to the liberalization of national legislation on the media, ensuring the openness of an activity of public authorities and administration, and the establishing of an open and direct dialogue with the people. Previously forbidden topics are now widely covered on the pages of newspaper and magazine periodicals, on the ether of state and non-state television and radio channels, in the blogosphere, which is rapidly expanding due to the high activity of citizen journalists. Along with the tendencies of an increasing of the number of massmedia, of an increasing of competition between them, a rapid growth of the popularity of online media and citizen journalists, of an increasing of the rating of media in the non-state sector, on the agenda are urgent issues of improving the quality of journalistic work, training journalistic personnel, strengthening the status of journalism as a social-political institution.

Одним из значимых промежуточных результатов реализации проекта «Новый Узбекистан», инициированного лидером страны Шавкатом Мирзиёевым, стало обеспечение открытости деятельности органов государственной власти и управления, установление посредством традиционных и новых медиа открытого и прямого диалога с народом. Тому способствовали как совершенствование законодательства о СМИ, так и политическая воля руководства страны, направленная на достижение реальной свободы выражения мнений посредством всемерной поддержки традиционных и интернет-СМИ, блогерского движения, совершенствования деятельности информационных служб — как государственных, так и негосударственных организаций. «Важным шагом в обеспечении свободы слова стало исключение человеческого фактора из процесса регистрации средств массовой информации, который теперь осуществляется в электронном виде» [1]. В этом смысле в последние 4 года было принято 12 нормативно-правовых документов, способствовавшие кардинальному обновлению деятельности СМИ и медиасферы в целом.

Вопросы противодействия коррупции, торговле людьми, наркотрафику, преступлениям в эшелонах власти, вопросы национальной и экологической безопасности, обеспечения гендерного баланса в обществе — все это ныне широко освещается на страницах газетно-журнальной периодики, в эфире государственных и негосударственных телерадиоканалов, в блогосфере, стремительно расширяющейся за счет высокой активности гражданских журналистов.

Вторая важная тенденция обновления национальной медиасреды — это быстрое увеличение количества СМИ и СМК. На середину 2021 г. в Узбекистане функционировало 1893 канала СМИ: 642 газеты, 482 журнала, 17 информационных бюллетеней, 72 телеканала и 37 радиоканалов, 5 информационных агентств и 638 интернет-СМИ [1]. В текущем году к ним присоединились новые телеканалы «Ақлвой» (Знайка), «Dasturxon TV» (аналогично российскому телеканалу «Кухня ТВ»), журналы «Bright Uzbekistan», «Bor ekan, zo'r ekan», «Novda», «Dynamic Uzbekistan».

Так, на рынке газетно-журнальной периодики представлена богатая палитра типологических направлений. Среди них довольно динамично развиваются специализированная правовая, финансово-экономическая периодика, отраслевые (медицинские, аграрные), партийные, общественно-политические, массовые информационно-познавательные и информационно-развлекательные, женские, детские и мужские издания. К примеру, сегмент правовой и женской периодики расширился за счет организации и функционирования печатных СМИ данных типов в регионах.

Динамика становления и развития типологических видов СМИ, в целом, соответствует моделям функционирования прессы, действующим в мире. При этом основными видообразующими факторами, влияющими на содержательное наполнение и концепцию СМИ, остаются «три: охват аудитории по региону распространения, предметно-тематический контент издания, ... и, наконец, целевое назначение, задающее направление воздействия на аудиторию» [2].

Третья тенденция проявляется в том, что государственно субсидируемым телеканалам жесткую конкуренцию составляют негосударственные, предлагающие аудитории «горячие» новости, местные сенсации, прямые эфиры с места события. Лидирующие позиции в национальном рейтинге стабильно удерживают негосударственные телеканалы Milliу («Национальный»), MY5 (Mening yurtim 5 — «Мой край 5»), Sevimli TV («Любимый»), Zo'r TV («Мощный»), вещающие на всю территорию страны, а также телеканалы областного звена Ruxsor TV («Взгляд ТВ» — Ферганский вилоят), «Taraqiyot

TV» («Прогресс ТВ» — Андижанский вилоят), СТВ (Самаркандское ТВ). Помимо информационно-новостных программ, данные телеканалы представляют аудитории различные викторины, реалити-шоу, интеллектуальные игры, музыкальные конкурсы и сериалы, количество которых также резко возросло в последние три года. К примеру, реалити-шоу «Зирапча» («Заноза») телеканала «Sevimli TV» (2018–2019 гг.) было посвящено процессу реабилитации и социальной адаптации девушек, по воле судьбы оказавшихся в местах исполнения наказания. Реалити-шоу вызвало самые неоднозначные, порой взаимоисключающие оценки и отношения. И тем не менее популярность телепроекта объясняется тем, что в ходе каждого эфира перед публикой представлялась трагическая судьба каждой из 12 участниц.

В структуре государственной телерадиосети, представленной Национальной телерадиокомпанией (НТРК) и ее филиалами в регионах, также идет борьба за высокие рейтинги. В этом секторе лидирует молодежный телеканал «Yoshlar», который непрерывно экспериментирует с различными форматами вещания. «Лицо» телеканала представляют молодые ведущие. А информационная программа «Davr» в эфир выходит с двумя ведущими. Успех телеканалу обеспечивает и то, что авторы программ и передач в режиме «24/7» стремятся комментировать или готовить аналитические сюжеты по сообщениям интернет-СМИ либо известных блогеров. В текущем году НТРК отмечает свой 65-летний юбилей. Весомым к юбилею подарком стал запуск новой «платформы «Over-the-top», объединившей 26 теле- и 16 радиоканалов с круглосуточным вещанием. Она теперь позволяет центральным телеканалам транслировать передачи по всей стране и в более чем ста государствах мира, активно действовать в социальных сетях» [1].

Журналисты онлайн-изданий и блогеры породили эффект «информационного взрыва», освещая такую актуальную социальную проблематику, как сруб деревьев, снос жилья, очаги экобедствий, обеспечение населения питьевой водой, электричеством, газом и др. Большой популярностью пользуются блогеры Хушнудбек Худойбердиев, Кобил Хидиров, Даврон Файзиев, Хайрулла Хамидов, Диёр Имомходжаев, Никита Макаренко, Кирилл Альтман, Мухрим Агзамходжаев, Умид Гафуров [3] и многие др.

Нельзя при этом не отметить тенденцию активного освещения в социальных сетях гендерно маркированных вопросов и, прежде всего, вопросов насилия над женщинами и детьми. Так, в 2019 г. в социальных сетях бурно обсуждалось поведение представителя правоохранительных органов Самаркандского вилоята, который унизил честь и достоинство гражданки, задержанной по факту совершения правонарушения. Телефонная видеозапись недостойного поведения представителя правоохранительных органов попала в социальные сети, что вызвало бурю негодования и послужило основанием для возбуждения уголовного дела против него. В 2020 г. в разгар пандемии COVID-19 социальные сети «взорвала» история Мустахам, которая стала жертвой домашнего насилия. Эти и многие другие факты подтолкнули гражданских активистов на создание телеграм-каналов «Aqida xonim», «He molchi. uz», «Qalb nuri» («Свет души»), «Biz kuchlimiz!» («Мы — сильные!»), которые превратились в площадки публичных дебатов, правовой, социально-психологической, медицинской и иной помощи жертвам домашнего насилия.

Активно продвигают себя в социальных сетях и радиостанции, деятельность которых трудно сегодня представить «без видеотрансляции передач на сайтах..., продвижения их на YouTube-каналах, использования подкастинговых платформ, без личных аккаунтов ведущих эфиров» [4]. YouTube как эффективная онлайн-площадка для привлечения молодых и слушателей позволил радиостанциям «Yoshlar», «Гранд», «Oriyat-FM», «Oriyat-Dono» успешно применять технологии визуализации прямого эфира. «Слушатели вживую могут просмотреть эфир передач «Халфана» с Баходиром Магдиевым, «Futbol plus» с Бобуром Акмалевым, утренние шоу с Игорем Ганкиным» [4]. Продвижение авторских радиопрограмм через личные аккаунты радиоведущего также влияет на повышение рейтинговых показателей.

Эпохальным событием в информационной среде страны стала организация Виртуальной приемной Президента Узбекистана. Запущенная осенью 2016 г. Виртуальная приемная в дальнейшем послужила платформой для принятия Государственных социальных программ. Виртуальная приемная оказала практическую помощь тысячам людей из социально уязвимых слоев населения в получении доступного жилья, гражданства, в трудоустройстве. Обращения граждан касались и благоустройства территорий, обеспечения питьевой водой, газоснабжением отдаленных, труднодоступных кишлаков и районов. Эта инициатива послужила серьезным толчком для улучшения деятельности информационных служб министерств, ведомств, государственных и неправительственных организаций. «Если в 2019 году информационные службы государственных и негосударственных организаций имели 559 своих официальных сайтов, каналов в социальных сетях, то в 2021 году — уже 2410» [5].

Все эти усилия, безусловно, полностью изменили облик и содержание СМИ Узбекистана, способствовали их интеграции в мировое информационное пространство, формированию нового и позитивного имиджа страны. Однако нельзя утверждать, что процессы обновления медиасреды идут гладко и ровно. Существует ряд серьезных проблем, тормозящих работу массмедиа как социально-политического института.

Во-первых, при всем типологическом многообразии СМИ пока еще не сформирован тип «качественной» журналистики. Государственно субсидируемые издания «Янги Узбекистон» («Новый Узбекистан» — тираж — порядка 78,8 тыс. экземпляров) и телеканалы «O'zbekiston 24» и «O'zbekiston 1», освещая ход реализации проекта «Новый Узбекистан», реализуют, прежде всего, идеологические функции.

Во-вторых, печатная периодика переживает период сильнейшего «спада». Тиражи «старейших» общественно-политических и партийных изданий снизились до непростительно низких показателей. Так, печатные органы парламента и Кабинета Министров — газета «Халқ сўзи» выходит тиражом 24 969, а «Народное слово» — 5,5 тыс. экземпляров. Тираж «Правды Востока» составляет 2 128 экземпляров. Правда, издание сумело привлечь на свой веб-сайт достаточно большое количество узбекоговорящих пользователей. Ежедневное посещение сайта газеты колеблется в пределах 4,5–7 тысяч.

Тиражи газет национальных меньшинств «Нурли жол» («Светлый путь» на казахском языке), «Овози тожик» («Голос таджиков» на таджикском языке) не дотягивают и до 1 тыс., партийных «XXI asr» (органа Либерально-демократической партии), «Adolat» («Справедливость» — органа Социал-демократической партии), «Ozbekiston ovozi» — «Голос Узбекистана» (органов Народно-демократической партии), «Milliy Tiklanish» («Национальное возрождение» — печатного органа одноименной партии) колеблются в пределах 1,7–3,5 тыс. экземпляров. В плачевном положении находятся печатные органы хокимиятов (муниципалитетов) районного и городского уровня, которые стали нерентабельными вследствие слабого материально-технического оснащения, а также отсутствия в штате редакций профессиональных журналистов. В этом смысле в течение первых шести месяцев текущего года на аукцион выставлены были порядка 15 нерентабельных СМИ.

Имеются творческие и технологические сложности при наполнении контента электронных версий традиционных СМИ. Наблюдается глубокий «цифровой разрыв» между молодыми журналистами и профессионалами старшего поколения. Данное обстоятельство во многом объясняет и медленное становление такого перспективного направления, как журналистика данных.

В-третьих, приоритетное развитие информационно-новостных блоков и программ, стремление к высокой оперативности привело к тому, что снизилось качество журналистской аналитики в СМИ — и в традиционных, и в новых. В силу этого очень часто в публикациях «ломается» логика повествования, даются поверхностные оценки, размывается авторская позиция, не говоря уже о том, что в них встречаются смысловые, грамматические, стилистические ошибки. Журналистов и блогеров очень часто обвиняют в нарушении норм профессиональной этики, что негативно сказывается на общем уровне их профессиональной и, соответственно, на их статусе в обществе. Кроме того, на местах, в особенности на периферии, за критические выступления они подвергаются угрозам и преследованиям. Все это вместе взятое определяет низкую действенность и эффективность СМИ.

В-четвертых, необходимо поставить на системную основу решение вопроса повышения квалификации и переподготовки журналистов. В данном сегменте активность проявляют больше ННО, представительства международных и зарубежных организаций. Это — Центр переподготовки журналистов, ННО «Институт демократии и прав человека», Представительства ЮНЕСКО, Фонда имени Конрада Аденауэра, DVV International в Узбекистане. Семинары и тренинги указанных организаций по известным обстоятельствам не могут охватить весь журналистский корпус.

В-пятых, реформа информационной сферы диктует необходимость перестройки и системы подготовки кадров высшей квалификации. Еще до 2018 г. подготовка специалистов для СМИ осуществлялась в трех вузах: в Национальном университете Узбекистана, Узбекском госуниверситете мировых языков и Каракалпакском госуниверситете. Ныне журналистов и специалистов в области PR готовят в семи вузах, в том числе и в Университете журналистики и массовых коммуникаций, организованном в 2018 г.

Между тем есть трудности с трудоустройством выпускников журфаков. Большинство работодателей указывают на их слабые навыки творческой подготовки, редактирования и монтажа медиатекстов. Не все факультеты и отделения журналистики вузов оснащены современным аудиовизуальным и фотооборудованием, на котором студенты могли бы осваивать навыки использования цифровых технологий. Не до конца решен вопрос прохождения учебной практики студентов в профессиональных СМИ. Опыт редакций газет «Мазрифат» — «Учитель Узбекистана», «Правда Востока», «За-

рафшон», в которых налажено наставничество опытных журналистов, лишь капля в море. С учетом того, что специализация в журналистской профессии осуществляется все же на производстве, актуальным остается вопрос укрепления сотрудничества вузов и работодателей, привлечения практиков в учебный процесс для проведения мастер-классов, спецкурсов и практических занятий. А самое главное, актуальным остается вопрос мировоззренческой подготовки журналистов, способных не только оперативно откликаться на вызовы профессии, но и быть личностями с активной жизненной позицией.

Литература

1. Работникам печати и средств массовой информации [Электронный ресурс]. — URL: www.iiv.uz
2. Марчан К.В. Женская пресса современной России // Вестник Воронежского университета. Серия Филология. Журналистика. 2019. № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2019/03/2019-03-27.pdf>
3. Forbes uz причислил Саиду Мирзиёеву к самым популярным блогерам Узбекистана [Электронный ресурс]. — URL: www.ozodlik.org.
4. Исмаилова К. Продвижение радиовещания в сети интернет в аспекте медиаконвергенции // Медиакommunikация ва PR: янги технологиялар ва замонавий ёндашувлар: сборник материалов научно-практической конференции, 17 мая 2021 года. — Ташкент: УзГУМЯ, 2021. — С. 19.
5. Президент предложил наказывать чиновников за цензуру, давление и вмешательство в работу СМИ [Электронный ресурс]. — URL: Gazeta.uz.

Сведения об авторе:

Маматова Якутхон Мухамаджоновна, доктор филологических наук, доцент, и.о. профессора, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: ya_mamatova@mail.ru

РЕКЛАМА В СФЕРЕ ЭТНОТУРИЗМА КЫРГЫЗСТАНА

Р.М. Токсоналиева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызская Республика)

В статье рассматривается роль рекламы в развитии этнотуризма в Кыргызстане. В глобальном интернет-пространстве активизировалось рекламирование этнотуров. Туроператоры, организация в регионах различных этнофестивалей и этноярмарки, мнение туристов и комментарии тревел-блогеров в социальных медиа — эффективная реклама в сфере этнотуризма.

ADVERTISING IN THE SPHERE OF ETHNO-TOURISM IN KYRGYZSTAN

R.M. Toktsonalieva

Kyrgyz National University, Bishkek (Kyrgyz Republic)

The article examines the role of advertising in the development of ethno-tourism in Kyrgyzstan. Advertising of ethnic tours has become more active in the global Internet space. Tour operators, the organization of various ethnic festivals and ethno fairs in the regions, the opinions of tourists and comments from travel bloggers in social media are effective advertising in the field of ethno tourism.

В данное время в Кыргызстане с актуализацией рекламы в интернет-пространстве этнотуризм набирает популярность и становится одним из самых быстрорастущих видов туризма. Современного туриста интересует подлинная жизнь народов, их национальные традиции, обряды, культура, творчество в сочетании с уникальной природой. Кыргызстан — идеальное место для туристов, чтобы быть наедине с природой и соприкоснуться с богатым наследием кочевников. Вся территория страны разделена на туристические зоны, каждая из которых содержит уникальные природные и этнокультурные достопримечательности.

Ситуация с пандемией коронавируса показала, что для развития внутреннего туризма, в частности этнотуризма, нет никаких препятствий, в финансовом плане это не требует больших затрат. Изучить, ознакомиться и почувствовать историю родной страны, быть участником традиционных национальных игр и праздников, ознакомиться с собственной культурой, приблизиться к природе, разместиться в юрточных лагерях и попробовать национальные блюда — всегда интересно. Этнотуризм быстрыми темпами развивается в регионах, где сохранилось чувство этники и соответствующие местности для его развития. Этнотуризм помогает ознакомиться с этнокультурными, социально-психологическими, национальными и духовными ценностями, повседневной жизнью кыргызского народа. В то же время этнотуризм становится двигателем социального развития общества, эффектив-

ным инструментом воздействия на улучшение экономики, развивая в начале на местном и региональном уровнях, а затем на национальном. Это, в свою очередь, стимулирует местных жителей сохранять и бережно относиться к окружающей среде и культурным достопримечательностям, развивать национальную культуру, традиции и обычаи, а также обеспечивает занятость и доходы местного населения. В Программе Правительства КР по развитию сферы туризма до 2020 г. отмечалось, что «туристическая отрасль страны должна вносить общественно значимый вклад в диверсификацию экономики республики через модернизацию туристических услуг и их продвижение на экспорт, в активное привлечение прямых инвестиций и усиление ее инновационного воздействия на развитие других отраслей экономики, в динамичное повышение уровня занятости населения и существенное увеличение доходов от туризма» [3].

В данное время государство делает ставку на развитие этнотуризма и его поддерживает. Департамент туризма в плане действий по реализации Концепции развития зимнего туризма в Кыргызстане на период 2021–2025 гг. отмечает, что в каждой областной программе социально-экономического развития должно быть разработано не менее одной задачи по развитию этнокультурного туризма [4]. На развитие этнотуризма оказывает влияние реклама. Современный туризм невозможно представить без рекламы, которая стремится довести информацию до целевой аудитории, привлечь ее внимание и модифицировать поведение. Реклама удовлетворяет познавательный интерес туриста, воспринять то, куда он направляется.

В условиях современного экономического рынка, цифровизации общества, с активным выходом на рынок глобальных сетей, этнотуризм должен быть обеспечен рекламно-информационной кампанией для повышения его узнаваемости и формирования позитивного образа страны. В развитии рынка туристической рекламы необходимо участие государства, так как государство создает законодательные, экономические условия для развития туризма, вырабатывает нормы и правила добросовестной рекламной деятельности, формирует эффективный механизм его регулирования. Со стороны госструктур для продвижения туризма были приглашены представители популярных туристических передач — «Орел и решка» и «Поедем поедим».

Во время пандемии коронавируса приобретает актуальность реклама в глобальной сети Интернет. Онлайн-реклама охватывает большую часть целевой аудитории и доступна в любое время суток. Многие рекламные материалы были мобилизованы и распространены на веб-сайтах и в социальных сетях. В Интернете активизировалась реклама этнокомплексов. Если зайти в поисковые системы в Интернете, то можно найти тысячи страниц, фотографий и видео. К такой информации относятся статьи туристических агентств, рекламные материалы, материалы, опубликованные в газетах и журналах, а также фото и видео, подготовленные туристами. Глобализация информационных сетей открывает для рекламы возможности дойти до целевой аудитории. В данной статье обратим внимание на туристическую рекламу в интернет-пространстве.

Департаментом туризма разработана 3D-панорамная карта достопримечательностей Кыргызстана, которая размещена на сайте данной организации. Виртуальный тур охватывает основные достопримечательности, в том числе и этногородки всех регионов страны. Каждый объект описывается на кыргызском, русском и английском языках. 3D-панорамная карта потенциальному туристу поможет заранее получить необходимую информацию и увидеть планируемое место путешествия.

Поскольку Интернет является наиболее удобным инструментом и платформой для выбора туристами места отдыха, жилья и туристических агентств, реклама в этой сфере — более удобный и эффективный способ, чем реклама в газетах и журналах, наружная и телевизионная реклама. Это потому, что туристам очень удобно находить интересные места в Интернете. В данное время практически все туристические агентства, туроператоры в Кыргызстане и государств СНГ предпринимают различные шаги по рекламированию этнотуризма среди местного населения и иностранцев. В этой связи обратим внимание на сайты турфирм по рекламе этнотуризма в Кыргызстане. Среди туристических агентств — АКС «Кыргыз Концепт», «Ак-Сай Трэвел», «С.А.Т. Корпорация», «Байбол Трэвел», «Главтур», «Макмал Тур» и другие. Они характеризуются широким спектром рекламы этнотуризма. Ими разработаны различные этнотуры по всем регионам, которые предлагают путешественникам познакомиться с обычаями и традициями кочевой культуры, поучаствовать в мастер-классах по конным играм, охоте с орлами и птицами, по изготовлению юрт, научиться ремеслам и изготовить сувениры, а также отведать национальную еду и участвовать в ее приготовлении. В частности, компания «Байбол Трэвел» продвигает этнотуризм, предоставляя этнокомплекс, этноресторан, экотуры и другие качественные услуги под названием «Кыргызстан — излюбленное место кочевников». Туристическое агентство «Саякат Туризм» также активно работает над продвижением этнотуризма. Этнотуры организованы по трем направлениям: этнотур на Иссык-Куль, этнотур по На-

рынской области и этнотур по Северу Кыргызстана, где туристам предлагают кочевой образ жизни XIX в., национальные напитки и кухню, а также национальную игру кок-бору.

Российские туркомпании также на своих сайтах рекламируют этнотуры в Кыргызстан. В частности, на своем веб-сайте Trip.com Group предлагает ряд туров, которые позволяют туристам, интересующимся кочевым образом жизни, познакомиться с ним поближе, принять участие в них: «Удивительная страна кочевников», «Кочевой Кыргызстан», «Увлекательный тур по Кыргызстану» и т.п. Туристическое агентство Advantour на своем сайте отмечает, что каждый тур в Кыргызстан — это уникальное путешествие, которое запомнится на всю жизнь. Здесь туристы могут посмотреть и поучаствовать в национальных играх «Улак Тартыш», «Аркан Тартыш». Живя в настоящей кыргызской юрте, каждый турист может проводить время с полукочевыми кыргызскими семьями, переночевать в юртах. В юрточных лагерях женщины могут научиться готовить кумыс или научиться лепить из теста вкусные круглые буханки, посетив организованные мастер-классы.

Следует отметить, что сегодня пользователи Интернета чаще оставляют свои комментарии. На основании отзывов, оставленных в Интернете, туристы могут предсказать, насколько интересным или неинтересным, красивым или простым будет это место. Это тоже часть рекламы. Основываясь на мнениях читателей и тревел-блогеров, ведущее британское издание The Guardian опубликовало список 12 рекомендуемых стран, которых можно посетить в 2021 г., если ситуация улучшится после пандемии. Возглавил этот список Кыргызстан. Авторы рейтинга назвали Кыргызстан «идеальной страной» и отметили, что это — одна из самых красивых стран в мире с вкусной местной кухней, кочевыми народами, живущими в традиционном сельском стиле, и прекрасным местом для туристов с нетронутой природой [1]. Кыргызстан также вошел в список лучших мест для туристов в 2021 г., составленный известным американским изданием The New York Times [2]. Ежегодно газета выбирает лучшее направление для путешествий в мире.

Продвижение Всемирных игр кочевников на Кырчынском джайлоо также сыграло важную роль в рекламировании этнотуризма не только в Иссык-Кульской области, но и в целом в Кыргызстане. Благодаря журналистам всемирно известных СМИ и туристам о Всемирных играх кочевников узнало мировое сообщество, это тоже послужило хорошей рекламой для развития этнотуризма.

Организация различных фестивалей, ярмарок и выставок является эффективным средством популяризации этнотуризма. Ежегодно во всех регионах страны проводятся этнофестивали, этноярмарки. В частности, этнотуризм — основной вид туризма Тонского района Иссык-Кульской области. Здесь ежегодно проводится ярмарка этнотуризма Кыргызстана, работает этнокультурная туристическая дестинация «Тескей Жээк».

В целях изучения состояния и перспективы развития этнотуризма в Кыргызстане, определения уровня осведомленности местного населения в сфере этнотуризма проведен анонимный онлайн-опрос (приняли участие 112 респондента). Для разработки опроса был проведен вычислительный анализ, состоящий из следующих этапов:

- подготовительные работы (организация обследования);
- сбор данных;
- обработка данных (расчеты, схемы и таблицы).

Анализ результатов опроса показывает, что большинство респондентов составили женщины — 58% (42% мужчин). Среди респондентов больше тех, кто путешествует раз в год — 45%. Относительно меньше тех, кто выезжает два (31%) и три (14%) раз в год. По данным опроса, 45% респондентов знакомы с понятием «этнотуризм», 33% из них слышали это слово, но не понимают его значения, а 22% вообще не знакомы с этим термином. При этом 35% респондентов подтвердили свою готовность поехать в этнотуры, потратив на это от 11 до 15 тысяч сомов.

По результатам опроса можем сказать, что 60% местного населения интересуются этнотуризмом, который длится от 3 до 7 дней, но опрос показал, что такую поездку удобнее планировать на летний сезон (60%) по маршруту, подготовленному туроператорами. При выборе этнотура респонденты опираются на мнения и предложения родственников или знакомых (42%). Следует отметить, что респонденты редко обращаются к источникам рекламы или информации. Это говорит об отсутствии соответствующей информации и об уровне рекламной кампании в сфере этнотуризма.

Таким образом, в Кыргызстане есть природные, исторические, культурные и социально-экономические условия для развития этнотуризма на высоком уровне. Однако из-за недостатка рекламной информации развитие этнотуризма идет медленно. Для популяризации этнотуризма необходимо создание единой рекламной-информационной кампании на внутреннем и внешнем рынках туризма. Поскольку отечественные и иностранные туристы мало знают об этнотурах, необходимо проводить рекламные кампании, информационные туры с привлечением профессионалов туризма, преподавателей и студентов профильных вузов. Рекламную продукцию можно эффективно распростра-

нять через посольства, консульства, торговые представительства, стойки туристической информации на таможне и за рубежом, а также с помощью туроператоров. В развитии этнотуризма в регионах важно привлекать местное население к участию в тематических конференциях, семинарах и конкурсах. С учетом глобализации мирового сообщества эффективно вести рекламировать этнотуризм в социальных медиа, так как сегодня люди делятся своими мыслями и впечатлениями в социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах.

Литература

1. КР возглавила список стран для путешествий в 2021 году — рейтинг The Guardian. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20210105/1050996047/>
2. New York Times назвала Кыргызстан одним из лучших мест для путешествия в 2021-м. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20210111/1051070429/>
3. «О Программе Правительства КР по развитию сферы туризма до 2020 года». Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 11 апреля 2016 года № 192. [Электронный ресурс]. — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98431>
4. План предлагаемых мероприятий для развития зимнего туризма Кыргызстана на 2021-2025 годы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/242752879>

Сведения об авторе:

Токсоналиева Роза Мусурапишаевна, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: rurt@mail.ru

ПРОДВИЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО МИРА

Г.Д. Джунушалиева

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек (Кыргызстан)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

С распадом СССР на постсоветском пространстве началась реализация нескольких геополитических проектов, которые имеют разные форматы, целевые установки и перспективы будущего для государств славяно-тюркского мира. Успешность в продвижении данных проектов во многом зависит от выбранных стратегий и целевых групп, которые были выбраны в качестве объектов влияния. Однако уже сегодня проявилась особенность текущего геополитического момента — ни один глобальный и региональный актор не может претендовать на абсолютное лидерство. Данная специфика обусловлена многовекторной политикой, проводимой постсоветскими государствами.

PROMOTION OF GEOPOLITICAL PROJECTS IN THE MEDIA SPACE OF THE SLAVIC-TURK WORLD

G.Dzh. Dzhunushaliev

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek (Kyrgyzstan)

With the collapse of the USSR in the post-Soviet space, the implementation of several geopolitical projects began, which have different formats, targets and future prospects for the states of the Slavic-Turkic world. The success in promoting these projects largely depends on the chosen strategies and target groups that have been selected as objects of influence. However, the peculiarity of the current geopolitical moment has already appeared - not a single global and regional actor can claim absolute leadership. This specificity is due to the multi-vector policy pursued by the post-Soviet states.

На протяжении трех десятилетий постсоветское пространство является площадкой реализации нескольких геополитических проектов. Данные проекты неравнозначны для будущего центрально-азиатских государств, имеют разные форматы и целевые установки. Но все они направлены на защиту своих национальных интересов и попыток найти наиболее выгодные конфигурации участия в проектах. Условно я выделяю проекты, касающиеся:

- интеграционных процессов, основанных на восстановлении экономического сотрудничества постсоветских республик (СНГ) [1], расширения единого экономического пространства (ЕАЭС) [2, 3];
- проекты с достаточно проблемной целью стать равноправной интегрированной частью западного атлантического мира (тесное сотрудничество, в том числе и военное, с ЕС и США), с этой

целью предлагаются такие проекты, как «Восточное партнерство» [4, 5] (Молдова, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, Беларусь), «Новый Шелковый путь», который так и не получил финансовой, политической и институциональной конкретики;

- проекты по развитию и углублению регионального сотрудничества, развития транспортной инфраструктуры и диверсификации рынка: обеспечение региональной безопасности (ОДКБ) [6], экономическое сотрудничество (ШОС). Проект «Экономический пояс на Шелковом пути», состоящий из двух проектов, которые должны создать транспортные коридоры на море и на континенте. Европа также ищет альтернативные пути получения углеводородов, как и Китай, потому предлагает свой проект — ТРАСЕКА, транспортный коридор, связывающий Европу, Кавказ и Азию;

- совершенно обособленно в этом ряду стоят проекты, в основу которых положены принципы языковой и религиозной идентичности — объединение тюркоязычных или исламских государств, которое включает или исключает целый ряд стран [7, 8, 9]. Это влечет за собой и различия в проектах будущности стран славяно-тюркского мира. И те, и другие чреватые значительными социально-политическими издержками для постсоветских республик (мобилизация в ряды боевиков ИГ (запрещенная на территории РФ организация) граждан центральноазиатских республик, события Нагорного Карабаха, обращение президента Кыргызстана к Р. Эрдогану об оказании военно-технической помощи в Баткенском конфликте с Таджикистаном), поскольку за 30 лет эффективных механизмов против распространения религиозного экстремизма они не выработали.

Интеграционные проекты постсоветских республик в рамках СНГ и ЕАЭС активно дискредитируются в глазах общественности активным дискурсом в медийном пространстве о попытках ресоветизации России [10]. Позиционирование России в тюрко-славянском мире осложняется и тем, что политическая элита и молодежь, которая выросла в республиках за последние 30 лет, любые действия Москвы воспринимают через фильтры недоверия.

Активное продвижение западных либерально-демократических ценностей США и ЕС сопровождается выделением грантовых средств. Однако в качестве ответных действий глобальные лидеры требуют глубоких политических и экономических реформ. Первые привели к серии цветных революций, вторые разрушили промышленный сектор центральноазиатских стран. НПО и ангажированные Западом медиаканалы обеспечивают вбросы в информационное пространство информации негативного характера с неугодными политическими режимами. Столь неустойчивая политическая обстановка заставляет политическую элиту республик дистанцироваться от западных центров силы.

Китай продвигает в Центрально-Азиатском регионе различные проекты по развитию транспортной инфраструктуры с целью получения доступа к углеводородным ресурсам республик Центральной Азии, Кавказа и России. Кредиты и инвестиции, предоставляемые под строительство и модернизацию транспортных артерий, осуществляются под государственные гарантии. Это обеспечивает возврат денег Китаю, а в случае невозможности вернуть открывает доступ к природным ресурсам государства (Таджикистан, Туркменистан). Молодой исследователь И.Н. Сабов охарактеризовал такую политико-экономическую практику как «долговые ловушки», когда гранты и инвестиции приводят не к развитию получателя, стране-кредитору. По условиям заключаемых соглашений, на эти средства приобретаются техника и рабочая сила в КНР. На постсоветском пространстве у общественности возрождаются разного рода фобии о китайской угрозе, что не способствует укреплению позиций Китая.

Самые сложные, неоднозначные геополитические проекты продвигаются региональными политическими центрами силы: Турцией и арабскими странами. В основе их притязаний лежат идеи этногенетического, религиозного и языкового родства в первом случае. И религиозной идентичности — во втором. В отличие от глобальных акторов, которые сделали ставку на политические режимы и элиты, региональные лидеры отдали предпочтение работе с общественностью: образование (формирование лояльности у молодежи), формирование «правильного» религиозного сознания, которое вытесняет этнокультурные традиции, создание различных религиозных центров по оказанию помощи уязвимым социальным группам. Поэтому попытки ужесточения контроля над исламскими группами со стороны государства вызывают в обществе недовольство и вызывают симпатии к «истинно верующим» радикалам. Турция, которая отошла от своего имиджа светского государства с мусульманским большинством населения, сегодня строит свое позиционирование на идее неоосманизма с ведущей ролью ислама. Арабские страны в большей степени ориентированы на региональное соперничество между собой, но идеи радикализма и экстремизма находят сочувствующих в мусульманских государствах постсоветского пространства.

Продвижение этих проектов всегда превращается в активный политический дискурс в медийном пространстве, который отражает конкуренцию между центральноазиатскими странами, региональными и глобальными политическими лидерами, представленными в славяно-тюркском регионе. Можно предположить, что создание в 2020 г. крупнейшей в мире азиатской зоны свободной торгов-

ли, в которую вошли 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона (в том числе и азиатские тигры) не снижает актуальность континентальных проектов Китая. Пандемия заставила медиасферу сосредоточиться на внутригосударственных проблемах и наиболее значимых внешнеполитических событиях, которые могут повлиять на международный политический климат или безопасность (встреча Путина и Байдена, события вокруг «Северного потока-2»). Поэтому выход стран региона из кризиса, вызванного пандемией, даст толчок к дальнейшей активизации действий по продвижению геополитических проектов, обеспечению лояльности со стороны национальных элит и дальнейших расчетов выгоды от участия в них.

Литература

1. Степаненко А.В. Политические аспекты интеграционных процессов на постсоветском пространстве: дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2015. — 162 с.
2. Валова М.Д. ЕАЭС как глобальный интеграционный проект: не только об экономике // Международная торговля и торговая политика. — 2018. — № 4. — С. 31–39.
3. Кефели И.Ф., Шамахов В.А. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2019. — № 4. — С.17–25.
4. Борко Ю.А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее. — М., 2018. — 70 с.
5. Гуцин А., Левченков А. Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия // Современная Европа. — 2019. — № 7. — С. 105–114.
6. Евразийская сеть региональных инициатив и организаций: элементы взаимосвязанности Международный круглый стол / Редактор-составитель Р. Турарбекова, Октябрь 2020. [Электронный ресурс]. — URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/17062.pdf>
7. Геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете внешнего воздействия на мусульманскую общину страны. — Бишкек, 2020. — 468 с.
8. Воробьев П.С. Процессы политизации ислама в Центральной Азии (правовые аспекты противодействия) // Материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения»: «Актуальные проблемы современного международного права» (ч. 3). — М.; РУДН, 2019. — С. 348–355.
9. Воробьев П.С. Специфика политизации и радикализации ислама в государствах Центральной Азии // Вестник КРСУ. — Бишкек, 2020. — № 11.
10. Сабов И.Н. Имиджевое геополитическое позиционирование глобальных и региональных акторов в центральной Азии: дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2021. — 204 с.

Сведения об авторе:

Джунушалиева Гульмира Дженишевна, доктор исторических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: dzun_gulmera@mail.ru

МЕДИАПРОСТРАНСТВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ КЫРГЫЗСТАНА

Б.Б. МаксUTOва

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В данной работе рассматривается роль медиапространства в профессиональном образовании на примере деятельности вузов Кыргызстана.

MEDIA SPACE AND PROFESSIONAL EDUCATION IN UNIVERSITIES OF KYRGYZSTAN

B.B. Maksutova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

This paper examines the role of the media space in vocational education on the example of the activities of universities in Kyrgyzstan.

Медиапространство является важным условием для развития системы современного образования. В данной работе мы попытаемся рассмотреть роль медиасреды в профессиональном образовании на примере деятельности вузов Кыргызстана.

Концепции медиаобразования нашли отражение в трудах российских исследователей, таких как Л.С. Зазнобина, Г.К. Селевко, А.В. Федоров, А.В. Шариков, И.В. Чельшева, С.Н. Пензин. В научных трудах западных ученых отмечалась роль медиапространства в современной педагогике (Л. Мастерман, Ж. Гонне, Ж. Пьетт, Р. Харрис, Э. Дайсон).

Структурно медиапространство представлено ТВ, радио и печатными изданиями, а в настоящее время большую долю в медиа занимает интернет-пространство. Роль Интернета в образовательном процессе несомненна, он предоставляет большие возможности для развития образования (дистантное обучение, доступ к большому количеству информации, коммуникационные возможности и т.д.). Преимущество использования Интернета в образовательной сфере бесспорно, к примеру, это доступ к информации без ограничения по времени и количеству.

Информационные ресурсы в образовании представлены образовательными платформами и каналами, сайтами, страницами в социальных сетях, также блогами и т.д. В КНУ им. Ж. Баласагына используется автоматизированная система управления учебным процессом (AVN — образовательный портал КНУ, avn.knu.kg), пользователями которого являются преподаватели, студенты и специалисты по учебно-методической работе. Система AVN предоставляет возможность не только получить информацию по учебному процессу (успеваемость, рейтинг, наличие академической задолженности и др.), но и обеспечивает коммуникацию между всеми участниками учебного процесса. В данной системе размещены, к примеру, личный кабинет студента, преподавателя, менеджеров. На базе этой системы предоставляется возможность пользоваться электронной библиотекой, загруженной преподавателями учебно-методической литературой по дисциплине и т.д.

Каждое образовательное учреждение представлено в Интернете, в глобальной сети организация позиционирует себя. Веб-сайт учебного заведения предназначен для всестороннего информирования о деятельности вуза, кафедры, размещается справочная информация, информация о контактных данных всех структурных подразделений, что позволяет обеспечить обратную коммуникацию. Сайт также способствует формированию нового набора в вузы, содействует научно-образовательной деятельности обучающихся и др.

Социальные сети образовательных учреждений — это еще одна форма взаимодействия с ответственностью. Наиболее востребованными платформами, используемых вузами Кыргызстана, являются Facebook, Instagram, реже используются другие соцсети. Социальные сети позволяют быстро распространить информацию, так как количество пользователей соцсетей быстро увеличивается, активность пользователей позволяет доносить нужную информацию до общественности.

Медиапространство позволяет на основе информационной системы также сформировать у обучающихся профессиональные компетенции, использовать современные методики и технологии преподавания. Роль преподавателя в этих условиях возрастает, так как это требует овладения новыми знаниями, умениями и навыками использования новых технологий.

Пандемия COVID-19 обнажила не только проблемы, но и сформировала новые требования и вызовы в сфере образования Кыргызстана. Этот период можно назвать переломным не только в Кыргызстане, но и во всем мире. Весь образовательный процесс перешел на новый формат онлайн-обучения.

Роль медиапространства в период пандемии COVID-19 актуализировалась, все образовательные учреждения страны вынуждены использовать дистантные формы обучения.

Таким образом, в Кыргызстане система образования в условиях пандемии COVID-19 претерпевает существенные изменения: весь процесс обучения переходит в онлайн-формат. Переход к новым условиям в системе образования был непростым, выявлен ряд проблем в процессе обучения как в школах, так и в колледжах и вузах. Тем не менее в «Глобальном информационном бюллетене по образованию во время COVID-19» отмечают, что в Кыргызстане добились «прогресса в доступе к дистанционному обучению». В Кыргызстане во время пандемии COVID-19 дистанционное обучение осуществлялось через онлайн-платформы (Zoom, Google Classroom, Telegram и WhatsApp), была предоставлена для обучающихся бесплатная мобильная связь от операторов, национальный телеканал транслировал видеуроки для учащихся средних школ.

По данным проведенного исследования «Школы данных» и «Городских инициатив», кыргызстанцы назвали следующие проблемы в онлайн-обучении: «неподготовленность учителей, нехватка гаджетов у школьников, плохая связь или ее отсутствие, непонимание видеоматериала. Все это стало большой преградой к получению качественного и полноценного образования, в особенности в регионах и отдаленных уголках страны» [4].

К примеру, понимая роль медиа в современном обществе, в особенности в подготовке будущих журналистов, PR-специалистов, чья деятельность связана с медиа, в вузах Кыргызстана разработаны учебные планы по «основам медиаграмотности» и дисциплина читается на факультетах журналистики.

В период пандемии в вузах проводились семинары, курсы повышения квалификации преподавателей, мастер-классы, научные конференции, открытые лекции проводились онлайн, что активизировало коммуникационную деятельность в образовательном процессе, укрепились межвузовские связи.

Отметим, что приоритетным направлением в образовании Кыргызской Республики является предоставление качественного образования, что соотносится со стратегическими задачами государ-

ства в целом. В Программе развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2040 гг. обозначены следующие тенденции: глобализация образования, развитие технологий — цифровизация [2].

Как отмечается в Программе развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2040 гг., система образования должна быть ориентирована на подготовку специалистов не только на отечественном, но и на глобальном рынке труда. В связи с чем будут возрастать требования к качеству образования в целях повышения конкурентоспособности системы образования в мировом образовательном пространстве; развитие новых технологий потребует освоения новых технологий, обучения цифровым навыкам. В системе образования возрастет необходимость повышения компьютерной грамотности среди преподавателей и учащихся, улучшения образовательной инфраструктуры с учетом цифровых технологий, усиления дистанционных и других форм предоставления образования через различные технологические среды [2].

Важным шагом в реализации поставленных задач является разработка портала единой электронной системы управления образованием (ЕЭСУО) Кыргызской Республики EDU24. ЕЭСУО — это информационная система «с круглосуточным режимом функционирования, предназначенная для получения, хранения, обработки и отображения информации обо всех процессах жизнедеятельности высших учебных заведений Кыргызской Республики и организации мероприятий в виртуальном пространстве, направленных на соблюдение законодательства в сфере образования и улучшение качества планирования и подготовки специалистов по отраслям» [5].

Таким образом, в Кыргызской Республике создаются все предпосылки для развития профессионального образования, и роль медиапространства в этом процессе несомненна. Современный вуз характеризуется активным внедрением в образовательный процесс различных информационно-коммуникационных технологий. Образовательная медиасреда вузов представлена электронными информационными и образовательными ресурсами.

Согласно требованиям Государственного образовательного стандарта ВПО КР по различным направлениям и уровням подготовки, к примеру, библиотечный фонд должен быть укомплектован печатными и/или электронными изданиями основной учебной литературы по дисциплинам базовой части всех циклов. Таким образом, в профессиональной подготовке информационное обеспечение электронными изданиями играет важную роль. Все дисциплины учебного плана должны быть обеспечены учебными программами, методическими разработками по всем видам занятий (в том числе практикумам, лабораторно-практическим занятиям, творческим студиям, работе над курсовыми, выпускными работами), а также аудио-, видео- и мультимедийными материалами.

На примере ГОСТ ВПО КР по подготовке бакалавров направления «Реклама и связи с общественностью» (530700) рассмотрим требования для обучающихся — должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам Google, Yahoo, Altavista, Yandex, Rambler, порталом научных исследований и методик журналистского образования «Медиаскоп», базами сайтов профессиональных объединений.

Модель медиапространства в высшем профессиональном образовании должна соответствовать требованиям обучающихся студентов, преподавателей, образовательной организации и других стейкхолдеров (родители, работодатели).

Таким образом, в формировании профессиональных компетенций роль медиапространства, в частности, информационно-коммуникативных средств, важна.

Литература

1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tartip.kg/ru/3/project.html>
2. Программа развития образования в Кыргызской Республике на 2021-2040 годы. [Электронный ресурс]. — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/158227>
3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/>
4. [Электронный ресурс]. — URL: https://opendatacovid.kg/learningonline?fbclid=IwAR2uJdidRCPiKol3EuoNXJP1LJClj39yl-9i-z_ohFOkT_kiknlvePmPSg
5. [Электронный ресурс]. — URL: http://ya.kg/int_izdania/974-edu24-edinaja-sistema-upravlenija-obrazovaniem.html

Сведения об авторе:

Максимова Бегайм Борукуловна, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: begaiymma@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ КАК ОСНОВЫ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

Е.А. Чижова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск (Россия)

Медиакоммуникации в образовании разворачиваются как на уровне коммуникационно-информационных проектов, так и на уровне реализации национальных идей. Независимо от уровня и типа общения медиапространство сферы образования нуждается в профессиональном управлении коммуникациями. Эффективные коммуникации строятся на понимании целевой аудитории, поэтому ядром стратегического коммуникационного управления являются ценности, интересы, потребности и стремления целевых социальных групп. Одной из ключевых ценностей в юношеском возрасте является концепция «малой родины» и связанные с ней ассоциации и чувства. В результате исследования, проведенного в рамках исследовательского проекта «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы», поддержанного РФФИ, выявлено, что в самосознании молодых сибиряков малая родина — это место, где человек родился, это природа, к которой привык и полюбил с детства, это люди, среди которых он рос.

SELF-CONSCIOUSNESS STUDYING OF YENISEI SIBERIA YOUNG PEOPLE AS A BASIS OF MEDIA COMMUNICATIONS IN EDUCATION

E.A. Chizhova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk (Russia)

Media communications in education are developed both at the level of communication and information projects and at the level of implementation of national ideas. Regardless of the level and type of communication, the educational media space needs professional communication management. Effective communications are based on understanding the target audience, therefore the core of strategic communication management is the values, interests, needs and aspirations of target social groups. One of the key values in adolescence is the concept of a “small homeland” and associated associations and feelings. As a result of the research carried out within the framework of the research project “Study of the self-awareness of the inhabitants of the territory in self-descriptions and reactions to verbal stimuli”, supported by the RFBR, it was revealed that in the self-awareness of young Siberians, a small homeland is the place where a person was born, this is the nature to which he is accustomed and loved from childhood, these are the people among whom he grew up.

Медиапространство сферы образования как результат взаимодействия электронных средств массовой коммуникации и аудитории учитывает не только особенности, свойственные образовательному процессу, но и потребности субъектов общения — педагогов, учащихся, родителей, образовательных партнеров [3, с. 81]. В данной схеме медиакоммуникаций часто упускаются профессиональные коммуникаторы (специалисты по связям с общественностью, по продвижению и распространению продукции средств массовой информации, социальные психологи, социологи, специалисты по информационным ресурсам), основной задачей которых является управление коммуникационной средой.

Управленческое воздействие на медиапространство сферы образования осуществляется частично, в основном через планирование и реализацию коммуникационно-информационных кампаний. Решение более сложных социальных задач по управлению медиапространством, таких как продвижение социально значимых идей (выявление, поддержка и развитие способностей и талантов детей и молодежи, воспитание патриотизма и других национальных проектов «Образование» [7], возможно только на профессиональном уровне с привлечением специалистов различных областей.

Сложности, возникающие при реализации коммуникационного проекта, могут быть связаны с техническими недостатками реализации проекта, низкой информированностью целевой аудитории или несовпадением ключевых смысловых категорий у субъектов коммуникации [2, с. 69]. Например, демократия, по мнению педагога, — это активное участие школьников в жизни школы, тогда как, по мнению самих школьников, демократия — это когда учителя и родители учитывают их мнение и действуют в совещательном, а не в приказном порядке [1, с. 30].

Коммуникативное пространство в любой, в том числе педагогической сфере, представлено обыденной и профессиональной сферами (формальное и неформальное общение), каждой присущи особенные дискурсивные практики и жанровые формы их реализации. Неформальное общение личностно ориентировано, строится на ценностях, интересах, потребностях и мотивах социальных групп. Особенность сферы образования в том, что и профессиональные коммуникации используют ценностные категории [4, с. 25].

Необходимо отметить, что те же ценностные категории, на основе которых формируются профессиональные коммуникации в сфере образования, активно участвуют в становлении самосознания личности в подростковом и юношеском возрасте. В юности, когда человек впервые сталкивается с проблемой сознательного выбора жизненного пути, потребность в смысле жизни, в том, чтобы осознать свою жизнь не как серию случайных, разрозненных событий, а как цельный процесс, имеющий определенное направление, преемственность и смысл, переживается особенно остро [5, с. 124]. Поэтому важно изучать в самосознании молодежи понятие «малой родины» и связанные с ним категории, ассоциации и чувства.

В данной работе приводятся результаты исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-012-00492А) «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы» (А.В. Михайлов).

В рамках исследовательского проекта анализ актуального состояния самосознания жителей территории Енисейской Сибири в отношении собственных перспектив для проживания на ней и проектирования личного и коллективного будущего осуществлялся с помощью комплексного, имеющего междисциплинарный характер, исследовательского метода: полуформализованное интервью с включением проективного метода словесных ассоциаций и качественной методики биографического исследования [6, с. 77-78]. Характер исследовательского метода опосредован содержанием общественного самосознания, в котором отражается социальный опыт людей, живущих на одной территории, но в разных условиях и обладающих дифференцированными знаниями, привычками, стремлениями. Эмоционально-рациональные элементы самосознания могут проявляться как в нерасчлененном психологическом фоне (в виде эмоциональных оценок), так и в конкретных идентифицированных событиях. Для изучения иррациональных составляющих самосознания жителей территории Енисейской Сибири использовался проективный метод словесных ассоциаций. В работе используются данные, полученные этим методом.

Выборка исследования: случайная выборка в объеме 120 респондентов. Генеральная совокупность представлена жителями следующих населенных пунктов: Туруханск, Старо-Туруханск, Иланское. Число респондентов младше 30 лет — 40 человек.

Опросный лист включал следующие пункты: биографические данные (ФИО, место рождения, учебы, семейное положение, интересы, занятия и т.д.), образы, связанные с местом жительства, (особенности, мероприятия, примечательные личности, поверья и легенды). Отдельно отмечались эндемичные слова и выражения. Для выявления ассоциаций, связанных с местом проживания, были заданы вопросы: «Что Для Вас Туруханск?», «Какие образы вызывает у Вас Ваш поселок?». Следует отметить, что один респондент мог назвать несколько ассоциаций.

В результате систематизации ассоциаций, связанных с местом проживания респондентов, были выявлены следующие группы образов:

- Родина — («Родина / я родилась здесь», «здесь родился», «родная», «родное тут», «семья», «детство / родители», «поселок родной», «история»);
- Чувства привязанности — («любовь», «нравится мне здесь», «мне комфортно», «нет суеты», «спокойно», «Никуда не хочу уезжать. Как я могу без Горошихи?! У нас тут все хорошее. Горошиха — незаменимая»);
- Красота природы — («прекрасный воздух», «места красивые», «природа красивая», «воздух чистый», «любимые виды, пляжи», «красота, природа», «свобода для детей / приволье»);
- Хорошая экология — («виды — пожалуйста, гляньте», «тихий», «спокойный, чистый», «много снега», «река», «земля богатая», «рыба / птицы / зверь», «чистый воздух / слияние двух рек / много рыбы», «можно при желании все вырастить»);
- Хорошие люди — («доверие к людям», «доброжелательные люди», «добрее люди», «хороших людей / умных людей»);
- Отрицательные ассоциации — («комары», «асфальта нет // грязь // цены выше // безработица», «уехать из дома / познать новое / работы меньше», «был богатейший / интересный / плодотворный / развивающийся // сейчас не нужен никому / неперспективный»);
- Привычки, работа, хобби — («привык», «живем и живем», «все нормально», «разделяем работу и отдых», «охота / рыбалка»);
- Возможность контролировать ситуацию — («это мое всё», «свой дом», «ощущение дома», «ни один враг не дойдет»).

Анализ полученных групп ассоциаций показывает, что группа «Чувства привязанности» близка к группе «Родина», так как объединяют впечатления, полученные в раннем детстве, напрямую связа-

ны с семьей (родительской или настоящей). Также с семьей связана группа ассоциаций «возможность контролировать ситуацию». Эта группа самая часто упоминаемая.

Таким образом, в самосознании молодых сибиряков малая родина — это место, где человек родился, это природа, к которой привык и полюбил в раннем детстве, это люди, среди которых он рос. Респонденты напрямую связывают социальные процессы региона с личными перспективами и оценками. В медиапространстве сферы образования смысловое содержание понятия «малая родина» может конкретизировать более абстрактные идеи: патриотизма, социальной ответственности, партнерства.

Литература

1. Белкина В.В. Воспитание демократической культуры школьников в учебном процессе // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 5. — С. 29–34.
2. Бузин В.Н. Управленческие воздействия на медиапространство // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 3. — С. 68–72.
3. Вахнеева А.А., Давыдова-Мартынова Е.И., Зюзюкова М.О. Медиапространство современной Школы // Открытое образование. — 2017. — № 6. — С. 81–91.
4. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медиакommunikация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления // Медиалингвистика. — 2021. — № 8 (1) — С. 23–34.
5. Калянов А.В. Теоретические основы исследования самосознания учащейся молодежи // Вестник МГУКИ. — 2011. — № 6. — С. 124–131.
6. Михайлов А.В., Михайлова Т.В. и др. Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка. — Красноярск, 2020. — 120 с.
7. Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России. Официальный интернет-ресурс. — 2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 15.07.2021).

Сведения об авторе:

Чижова Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (Красноярск, Россия). E-mail: chizovaeva@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КАРЛУКОВ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТАДЖИКИСТАНА

С.Ш. Олимиён

Таджикский национальный университет, г. Душанбе (Таджикистан)

Статья посвящена вопросу способов освещения культурной, социальной жизни национальных меньшинств в таджикской периодической печати на примере карлуков Таджикистана. Автор обращает особое внимание на профессиональное мастерство журналистов, освещающих национальные особенности и социальную жизнь карлуков, проживающих в Таджикистане. При этом рассматриваются роль журналистского материала в межкультурной коммуникации.

REFLECION OF THE SOCIAL LIFE OF KARLUKS IN THE PERIODICALS OF TAJIKISTAN

S.Sh. Olimiyon

Tajik National University, Dushanbe (Tajikistan)

The article is devoted to the issue of ways of covering the cultural, social life of national minorities in the Tajik periodicals on the example of the Karluks of Tajikistan. The author pays special attention to the professional skills of journalists covering the national characteristics and social life of Karlugs who are spending time in Tajikistan. At the same time, the role of journalistic material and smogy periodicals in intercultural communication is considered.

Культура национальных меньшинств является частью их этнических ценностей. Этнос означает «народ, нация». «Однако этническими или национальными меньшинствами называют представителей этнических групп, проживающих в пределах какой-либо страны, которые являются ее гражданами, но не относятся к местному национальному народу» [11]. Существуют много комментариев и мнений разных исследователей по этому вопросу в «Википедии». Но мы не будем уделять этому большое внимание, потому что нашей целью является отражение

журналистами национальных меньшинств, их образа жизни, их проблем и достижений, а также то, в каком стиле и форме представлена эта информация.

Данный вопрос, то есть рассмотрение проблем национальных меньшинств в СМИ Таджикистана, поднимается не впервые. Этот вопрос рассматривался специалистами много раз. В 2008 г. Дубовицкая Ирина Михайловна, эксперт Информационно-аналитического центра, опубликовала результаты своего исследования под названием «Проблема национальных меньшинств в русскоязычных СМИ Таджикистана» [4].

Оливер Феррандо в своей статье, рассматривая национальные меньшинства и СМИ на примере Ферганской долины на территории Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана, на основе деятельности периодики меньшинств анализирует ситуацию в регионе [9, с. 154-155].

Галина Дзугцева в статье, рассматривая обучение таджикоязычных и других национальных меньшинств, дискутирует о соотношении носителей языка и их обучения [3].

Также таджикский исследователь И. Рачабов защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Политология» на тему «Национальное большинство и национальное меньшинство: место и их роль в государственном устройстве современного Таджикистана» [9], в которой особое внимание уделяет проблеме положения национальных меньшинств в Таджикистане. Авторы книги «Проблемы этнических меньшинств в Таджикистане» [2] опубликовали результаты социологического исследования, отражающее национальные отношения в Таджикистане. Р. Косимова в двух своих книгах «Некоторые вопросы развития национальных меньшинств в Республике Таджикистан» [7] и «Глобальные проблемы и перспективы национальных меньшинств в Республике Таджикистан» [6] рассматривает проблемы национальных отношений и сосуществование наций в Таджикистане.

Из указанных исследований некоторые имеют сугубо научно-политические, философские, социологические особенности, а некоторые считаются журналистскими и социологическими исследованиями, однако с точки зрения журналистской науки данная проблема не изучена должным образом. Целью нашего исследования является анализ и рассмотрение журналистского материала по проблемам культуры этнических групп и рассмотрение вопроса о социальной ответственности журналистов.

Конечно, журналист должен служить всем людям, всем социальным группам в одинаковой степени без предвзятости, одинаково учитывать актуальные интересы всех наций, не деля их на своих и чужих.

Для отражения культуры таджикского народа, национальных меньшинств Таджикистана, специальных социальных групп страны проведены научные исследования. В том числе можно особенно упомянуть исследование профессора М. Абдуллоева «Таджикская публицистика и национальная идентичность» [1], К. Мухтори «Освещение особенностей таджикской культуры и быта в русскоязычных СМИ Таджикистана (на примере газеты «Азия-плюс»)» [8].

Необходимо упомянуть, что законы Таджикистана как правового государства уважают национальные и культурные ценности всех народностей и национальностей, проживающих в этой стране: «Национальные меньшинства свободны в проведении своих исторических традиций, праздников и обрядов в рамках настоящего закона» [5].

На страницах еженедельной газеты «Чавонони Тоҷикистон» печатаются материалы по различным социальным, политическим, экономическим, культурным вопросам, больше относящиеся жизни молодежи. Тема национальных, культурных ценностей является одной из центральных тем еженедельника. В том числе культура и ценности малых народностей и национальностей, проживающих в Таджикистане, не стоят в стороне от внимания средств массовой информации.

По выбранной нами теме в четырех номерах еженедельника «Чавонони Тоҷикистон» напечатаны подряд следующие материалы: (17.02.11, №7 (9173)), (24.02.11, №8 (9174)), (03.03.11, №9 (9175)), (10.03.11, №10 (9176)) под заголовком «Народность на периферии истории». «Карлуки: вчера, сегодня, завтра», подготовленные Рахмоилом Сафаровым, аспирантом ТНУ и журналистом «Чавонони Тоҷикистон» М. Нуралиевым.

Историко-этнографическую жизнь карлуков часто освещал Р. Сафаров на страницах газет «Азия плюс», «Бизнес и политика», «Народная газета», «Карлукнама». Публицистические материалы на подобную тему печатали известный журналист Карахан Турсунов, Исмоил Куканов и Хаджи Закир Бобояров в газетах «Халк овози» (Голос народа), «Замондош», «Дустлик», «Элчи».

Нам известно, что после распада Советского Союза входящие в его состав республики выбрали самостоятельное развитие, однако много народностей, которые проживали в этих республиках, признали их своей родиной и приняли их гражданство.

Одной из таких народностей национальных меньшинств Таджикистана являются карлуки, которых принимают как узбекский народ и в паспортах их язык указан узбекским. Во всех странах су-

существует программа переписи населения, и в Таджикистане действует это правило. Однако в данных материалах говорится, что не все переписи проходили прозрачно, и некоторые народности попали под влияние других народов. В том числе карлукская нация указана как узбекскоязычная народность. Наряду с тем, что после проведения переписи было записано много новых названий народов и национальностей, карлукская народность осталась в записях как узбекская.

Авторы упоминают: имя карлуков как народность в «Составе национальностей Республики Таджикистан согласно общенародной переписи населения 2000 года», изданной Государственным комитетом по статистике республики в 2003 г., отсутствует.

В изданном материале авторы больше уделяют внимание истории появления карлуков, ассимиляции карлукских слов с таджикским языком, названиям селений Таджикистана на этом языке. А на их коренную культуру не обращено должного внимания. Во всех четырех изданных материалах приведены исторические сведения по прошлому этого народа, поэтому мы посчитали проанализировать эти материалы в целом. Авторы смогли раскрыть тему с исторической стороны, но по культуре, обычаям и ритуалам не приведено достаточно материалов, поскольку в публицистическом материале для читателя интересно отражение современного состояния, нежели прошлого.

Журнал «Дружба» — издание Общества дружбы и культурных связей Таджикистана с зарубежными странами. Общество было создано в 1958 г. во всех союзных республиках и их объединял ССОД. Журнал издается с 2003 г. Журнал имеет статус международного значения, сотрудничает со всеми посольствами Таджикистана за рубежом, а также посольствами других стран в Таджикистане, всесторонне освещает развитие международных отношений Таджикистана с зарубежными странами, способствует развитию народной дипломатии. Журнал с самого начала основания служит трибуной национальных меньшинств, проживающих в Таджикистане, освещает жизнь и деятельность национальных общин и их культурные центры, вклад представителей национальных меньшинств в развитие таджикского народа. Со дня основания журнала главным редактором является Мушаррафа Шарипова, а редактором — Мавлуда Шарипова (Шарифзода).

В освещении культуры и повседневной жизни национальных меньшинств Таджикистана, в том числе карлуков, заметную роль играют периодические издания.

Журнал «Дружба» существует в медиапространстве Таджикистана уже много лет. Хотя центральной темой журнала является отражение культурных достижений таджиков мира, но, по нашим наблюдениям, также напечатаны содержательные материалы о карлуках. Например, в первом номере журнала от 2016 г. вышла аналитическая статья под названием «Многоцветье Дангаринской степи» о традициях празднования Навруза у карлуков. Автор статьи показывает, что в этом году празднование Навруза у карлуков Дангары был не обычным праздником, а является праздником, который проходит в атмосфере дружбы народов, спокойствия и мире, возобновив свои древние традиции. В этом году (2016) они смогли пригласить на свой праздник представителей различных наций и местностей и показать им свои обычаи и традиции празднования Навруза.

Автор статьи не ограничился написанием текста, а привел серию фотографий о ходе праздника. В цветных фотографиях читатель может оценить и насладиться разнообразием цветов одежды карлуков, которые сегодня являются, с одной стороны, частью общенациональной культуры таджикстанцев, а с другой стороны, отражают национальную самобытность карлуков.

В 3 и 4 номерах журнала 2017 г. также есть интересный материал о жизни карлуков Таджикистана. Хотя этот материал и носит информационный характер и сообщает о ходе научной конференции, он четко отражает, что карлуки являются неотъемлемой частью политической жизни Таджикистана, играют заметную роль в социальной жизни, а также гордятся государственными достижениями и вносят вклад в развитие этой многонациональной страны.

Вообще, первую информацию на страницах этого журнала мы наблюдаем в 2015 г., где была напечатана маленькая заметка под названием «Общественная жизнь карлуков», которая рассказывала об обществе карлуков Таджикистана.

Таким образом, жизнь карлуков регулярно отражается в периодической печати Таджикистана. Одной из основных причин такого явления, как мы видим из проанализированного материала, — то, что они сами считают себя частью общества Таджикистана и активно участвуют в культурной, социальной и политической жизни страны.

Литература

1. Абдуллоев М. Таджикская публицистика и национальная идентичность. — Душанбе, 2014. — 309 с.
2. Бозрикова Т.Н. Проблемы этнических меньшинств в Таджикистане. — Душанбе, 2003. — 107 с.
3. Дзутцева Г. В Таджикистане как всегда // Вечёрка. — 02.11.2013.

4. Дубовицкая И. Проблема национальных меньшинств в русскоязычных СМИ Таджикистана. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/problema-natsionalnykh-menshinstv-v-russkoyazychnykh-smi-tadzhikistana/>.
5. Закон Республики Таджикистан «О регулировании традиций и праздников в Республике Таджикистан». — Глава 1. — Статья 1.
6. Қосимова Р. Основные проблемы и перспективы национальных меньшинств в Республике Таджикистан // Таджикистан. — 2005. — № 1–3.
7. Қосимова Р. Некоторые вопросы развития национальных меньшинств в Республике Таджикистан. — Душанбе, 2004.
8. Мухтори К. Освещение особенностей таджикской культуры и быта в русскоязычных СМИ Таджикистана (на примере газеты «Азия-плюс») / К. Мухтори // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). — 2015. — № 4/5 (176). — С. 268–271.
9. Раджабов И. Национальное большинство и национальное меньшинство: место и их роль в государственном устройстве современного Таджикистана. — Душанбе, 2010.
10. Феррандо О. Центральная Азия и Кавказ. — 2011. — Вып. 4. — Том 14. — С. 154–155.
11. Википедия. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Сведения об авторе:

Олимиён Сабрина Шамсулло, аспирант, кафедра печати, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан). E-mail: journalist2020@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

Т.Э. Кулиш

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек (Кыргызстан)

Развитие информационных технологий, расширение медиасреды, переход обучения на онлайн-режим явились переломным моментом в развитии образования и модернизации его методов на всех уровнях.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN MEDIA EDUCATION

T.E. Kulish

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek (Kyrgyzstan)

The development of information technologies, the expansion of the media environment, the transition of learning to online mode, were the turning points in the development of education and the modernization of its methods at all levels.

В настоящее время при формировании в процессе образовательного процесса достойного и востребованного на рынке труда специалиста стала актуальной разработка и внедрение авторских программ на основе инновационных технологий из-за частичного или полного перехода обучения на онлайн-режим.

Важным фактором, определяющим изменения современного образования, является развитие информационных технологий и растущее влияние внешней медиасреды, одним из следствий которого становится необходимость расширения области знаний обучаемого. Из-за развития информационных технологий, порождающих интерес и легкость восприятия информации, одним из значимых составляемых информационной среды образования сегодня является медиакommunikация (массовая печать; радио; кинематограф, телевидение, видео; компьютерные мультимедиа-технологии).

В процессе образования необходимо использовать развивающую, формирующую и создающую интерес функции медиаобразования. Оно есть одновременно и средство для постижения предмета, и средство для формирования информационной культуры ученика — критического мышления, умения работать с информацией. Технологии медиаобразования, с одной стороны, являются прикладными, с другой стороны — помогают синхронно проводить изучение предметов и отдельных учебных курсов и формировать общие информационные умения, культуру работы с информацией, этики и эстетики общения в мире массовых коммуникаций.

Специфика медиаобразования, с моей точки зрения, заключается в следующем:

1. Выработка методов, стимулирующих у студентов (обучаемых) интереса к преподаванию плановых дисциплин, анализу полученной информации и дальнейшему более глубокому ее самостоятельному изучению.

2. Должен быть разработан оптимальный уровень детализации, при расчете которой должны опускаться моменты, стимулирующие интерес у учащихся и затягивающие их, как в жизненном процессе, в воронку знаний.

3. Должен соблюдаться баланс «преподаватель-студент», при котором вырабатывается стиль здраво обдуманного допустимого равенства и компаньонства между преподавателем и обучаемым, то есть объединенного стремления дать знания, с одной стороны, и получить их — с другой. В своем подходе к преподаванию я стремлюсь выразить уважение к студенту, обратным эффектом которого является благодарность в виде тяги к знаниям с его стороны и стремление его к саморазвитию.

Медиаобразование рассматривается в жизни современного обучаемого не только как источник информации, имеющей образовательное значение, но и как повод для формирования системы взглядов на мир. Это происходит не только при пассивном восприятии различных медиафайлов, но в первую очередь при попытке создать собственные тексты, используя язык массовой коммуникации.

Медиа технологии прочно внедрились во все сферы нашей жизни, поэтому медиаобразование — это гибкий и универсальный процесс, дающий широкие возможности для развития критического мышления и реализации творческого потенциала личности. Однако следует учесть, что содержание педагогической деятельности при этом существенно отличается от традиционного образовательного процесса. Во-первых, значительно усложняется деятельность преподавателя. Он должен не только иметь специальную подготовку в области освоения мультимедийных технологий, но и активно применять те приемы педагогики, которые связаны с культурой использования технических средств обучения, со стимулированием самостоятельного творчества учащихся. Во-вторых, часть процесса обучения и воспитания переносится на самих учащихся, зависит напрямую от их активности, что способствует формированию индивидуальных образовательных траекторий. В этих условиях объяснение учебного материала требует гораздо более активных и интенсивных взаимодействий между учителем и учеником. Значительно усложняется и сама технология проведения занятий — преподаватель должен одновременно излагать материал, контролировать применение мультимедийных средств обучения и чутко реагировать на любое изменение состояния аудитории для организации эффективной обратной связи.

Например, для стимуляции интереса к фиксации усвоения ошибок при разборе результатов контрольной работы я разрабатываю сценарий на тему «Мы поссорились с этой задачей на недавней контрольной работе», используя следующие моменты:

1. Простота и четкость изложения изучаемого материала.
2. Использование жизненных аналогов.
3. Выработка характера компаньонства с обучаемым.
4. Применение игровых образов.
5. С уважением уделяю внимание собственному мнению обучаемого.
6. Развитие умения работы с информацией и проведение ее анализа.
7. Учю сопоставлять, анализировать, отбрасывать несущественное и концентрироваться на

необходимом, убедительно аргументировать свою точку зрения и понимать, что могут существовать несколько правомерных позиций по одной и той же проблеме, что помогает как социальной адаптации старшеклассников, так и их профессиональной ориентации.

Перечисленное выше доказывает, что медиаобразование усиливает образовательный процесс, но и требует немалых дополнительных затрат: труда, времени, сил, соответствия материально-технической базы поставленным задачам. Причем больше времени уходит и у педагога, и у ученика. Требуется точность постановки образовательных и воспитательных целей.

Одним из наиболее перспективных путей освоения медиаобразовательных технологий, помимо интеграции медиаобразования в учебные предметы, становится разработка и постановка системы подготовки и защиты творческих проектов, что немаловажно для освоения практических навыков будущей профессии.

Идеалом для выполнения такого проекта является реализация принципа межпредметной интеграции на новом уровне, когда изучаемые технологии неразрывно связаны с освоением комплекса традиционных общеобразовательных предметов.

В медиаобразовательных технологиях необходимо выработать индивидуальные учебные направления, осуществлять дифференцированный подход к учащимся, осваивать современные информационные технологии, формировать гармоничный баланс в эмоциональном и интеллектуальном сопоставлении окружающего мира изучаемому предмету, развитию художественно-творческого потенциала обучаемых, переход от теоретических знаний и практическим.

Это дает основания для вывода: роль медиаобразовательных технологий в учебном процессе возрастает, и только от преподавателя будет зависеть, насколько будут реализованы предоставляемые

новые конкретные возможности совершенствования методик обучения. Это ставит роль преподавателя на более высокую ступень. В свою очередь поднимается его ответственность при проведении процесса образования.

В заключение я хочу сказать, что процесс перехода к медиаобразованию требует от преподавателя духовных сил и всестороннего интеллектуального развития.

Литература

1. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. — М.: Аспект-пресс, 2005. — 176 с.
2. Баранов О.А. Медиаобразование в школе и вузе. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2002. — 87 с.
3. Бондаренко Е.А. Творческая реабилитация средствами медиакультуры. — Омск, 2001.
4. Вершинская О.Н. Информационно-коммуникационные технологии. — М.: Наука, 2007. — 203 с.
5. Гура В.В. Теория и практика педагогического проектирования электронных образовательных ресурсов. — Таганрог: Изд-во Кучма, 2006. — 74 с.
6. Данильчук Е.В. Теоретико-методологические основы формирования информационной культуры будущего педагога. — Ростов: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 2002.
7. Луман Н. Медиакоммуникации. — М.: Логос, 2005. — 280 с.
8. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. — М., 2003.
9. Основы информационной культуры: учеб.-метод. пособие / сост. В.И. Золотарева и др. — М.: Моск. инженер.-физ. ин-т, 2005.
10. Проблемы образования студентов гуманитарных вузов в свете развития современных информационных технологий / отв. ред. А.К. Юров. — Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2001. — 98 с.
11. Федоров А.В. Медиаобразование в зарубежных странах. — Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. — 238 с.
12. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность: учеб. пособие для вузов. — Таганрог: Кучма, 2004.

Сведения об авторе:

Кулиш Татьяна Эдуардовна, старший преподаватель, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: tkulish@mail.ru.

РОЛЬ ДИГИТАЛ-ТЕХНОЛОГИЙ В РЕКЛАМНОЙ ИНДУСТРИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

Р.Ш. Зайнулин

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек (Кыргызстан)

В данной статье рассматриваются возможности дигитал-маркетинга в решении конкретных маркетинговых задач. Описываются digital-технологии. Анализируется маркетинг в поисковых системах и социальных сетях.

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ADVERTISING INDUSTRY IN THE MEDIA SPACE OF KYRGYZSTAN

R.Sh. Zaynulin

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek (Kyrgyzstan)

This article discusses the possibilities of digital marketing in solving specific problems. Digital technologies are described. Analyzes marketing in SEO and social networks.

Развитие средств массовой информации Кыргызстана во многом зависит от его источников финансирования, и не секрет, что основным источником является реклама. В свою очередь, рекламные бюджеты предприятий зависят от состояния национальной экономики, а также уровня потребительского спроса.

Digital-технологии в рекламе — это передовой способ увеличения продаж. Благодаря приемам визуализации и модификации ведущие компании имеют возможность расширить сферу своего влияния на рынке и привлекают внимание потенциальных клиентов.

В последние годы в связи с бурным развитием информационных технологий структура рынка рекламы также значительно изменилась. Появились новые форматы и концепции продвижения товаров и услуг. Ярким примером на рынке Кыргызстана является диджитализация рекламы, а именно формат digital Indoor-рекламы.

Сегодня digital indoor-реклама — это в первую очередь цифровые устройства внутри помещений: ЖК-мониторы в офисах и кафе, реклама на экранах платежных терминалов и банкоматов. Среди преимуществ цифрового индора — динамичность, возможность использовать для интерактивов и оперативно менять сюжет. Важна и стоимость — мониторы дешевеют с каждым годом, а из-за уменьшения SOV (Share Of Voice — доля рекламного воздействия) реклама на цифровом носителе дешевле, чем на статичном.

Недавнее исследование компании «Nielsen» [11] свидетельствует, что цифровые носители эффективно рассказывают о продукте потребителям, вовлекают и побуждают их к действию. Согласно исследованию, около 70% потребителей, которые обратили внимание на навигационные сюжеты в DOOH-рекламе, посетят рекламируемое место или компанию, а более 80% из посетивших совершат покупку. Одна из новых особенностей digital Indoor — это возможность реагирования на внешние условия. Компания может, запустив рекламу, оперативно изменить креатив в зависимости от погоды, концентрации пыльцы в воздухе или, например, количества наблюдателей.

«Future view» — новая цифровая рекламная сеть, осуществляющая трансляции на территории большинства АЗС и сети супермаркетов Бишкека. Вещание ведется на коммерческих бизнес-панелях, установленных внутри маркетов.

Отдельно стоит выделить преимущества такой рекламы:

- охват аудитории — от 500 до 6000 транзакций в день на каждой локации (определенно платежеспособная аудитория);
- показы — частота показа рекламного предложения — 723 в сутки при полной загрузке ротации;
- геотаргетинг — четкость выбора расположения ключевой аудитории (престижные районы города, центр, микрорайоны).

Еще одним интересным примером digital-indoor рекламы на рынке Кыргызстана является компания Gramor Project и их кейс с размещением рекламы в муниципальном транспорте г. Бишкека.

Продвижение коммерческих сообщений осуществляется посредством специальных экранов и лайтбоксов.

Экраны в транспорте, интегрированные в единую сеть, по сути, являют собой информационный канал, который напрямую связывает производителей товаров и услуг с конечным потребителем.

В отличие от статичной и «молчаливой» наружной рекламы, digital indoor-реклама в автотранспорте предлагает воздействие на аудиторию с помощью озвученного динамического видеоряда. То есть реклама воздействует сразу на два канала восприятия. Это гарантирует более глубокое воздействие на сознание реципиента и позволяет за время рекламного контакта передать большое количество информации.

Одним из главных символов digital-indoor рекламы в Кыргызстане являются большие LED-экраны на фасаде торгово-развлекательного центра ЦУМ «Айчурек». Помимо больших экранов ЦУМ также активно использует формат digital-рекламы на разных форматах. Один из таких — POS-реклама. POS-реклама — это реклама на местах продаж, более известная как POS-материалы. POS-реклама довольно многообразна и включает в себя множество форм.

Кейс ЦУМа включает в себя некий концепт digital indoor-рекламы в обертке POS-стендов. Это реализуется посредством установки различных LED-конструкций с динамическим и объемным форматом изображения. Примерами такого формата в ЦУМе являются четырехгранная объемная стойка ресепшн, 30-метровый экран в центре атриума.

Анализируя кейс digital indoor-рекламы ЦУМа, можно прийти к выводу, что сфера дигитал-технологий в рекламе на рынке Кыргызстана набирает большие обороты. Крупные игроки сферы продвижения услуг переходят на формат digital-рекламы. В городе наблюдается тенденция установки LED-экранов, панелей и т.д. Различные торговые центры, такие как Vefa, «Детский Мир», «Азия Мол», устанавливают свои рекламные digital indoor-конструкции.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что дигитал-маркетинг с каждым годом становится все популярнее. Традиционный маркетинг постепенно уходит на второй план. Владельцы бизнесов и маркетологи в большей степени отдают предпочтение именно цифровым технологиям в маркетинге. На наш взгляд, в будущем маркетинг и дигитал-технологии будут неразрывно связаны между собой.

Литература

1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://webcom-academy.by/news/novosti-akademii-webcom/>
2. [Электронный ресурс]. — URL: <http://all-rss.ru/>
3. Павлюк Ю.А. Digital всемогущий. 101 инструмент для повышения продаж с помощью цифровых технологий. — М.: Эксмо, 2021.
4. Дэвид Огилви. Огилви о рекламе «Ogilvy on Advertising». — М.: Эксмо, 2009.

5. [Электронный ресурс]. — URL: <https://marketingplatform.google.com/about/enterprise/>
6. «Сущность, принципы и функции маркетинга». [Электронный ресурс]. — URL: <https://lectmania.ru/1xea44.html>
7. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ppc.world/adv/>
8. Маркетинг в поисковых системах (Search engine marketing).
9. [Электронный ресурс]. — URL: <https://netrocket.com.ua/blog/chto-takoe-digital-pr/>
10. Гуров Ф. Продвижение бизнеса в Интернет: все о PR и рекламе в сети. — М.: Вершина, 2008.
11. [Электронный ресурс]. — URL: <https://vc.ru/marketing/169280-indor-reklama-didzhitalizaciya-target-i-drugie-trendy>

Сведения об авторе:

Зайнулин Рашид Шамильевич, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: reklama.krsu@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Г.С. Федянина

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек (Кыргызстан)

Медиаобразование — это важный компонент учебного процесса, мощный фактор применения новых форм и методов обучения, главной задачей его является подготовка современной молодежи к жизни в новых информационных условиях.

THE PLACE AND ROLE OF MEDIA EDUCATION IN THE MODERN WORLD

G.S. Fedyanina

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Media education is an important component of the educational process, a powerful factor in the application of new forms and methods of teaching, its main task is to prepare modern youth for life in new information conditions.

Человек и его профессиональная деятельность в современном мире в дальнейшем все в большей степени будет зависеть от информационных умений. Поэтому следует учитывать развитие информационных потоков, методов и средств их обработки. Медиаобразование предусматривает использование современных технических средств обучения. С точки зрения мирового сообщества важным требованием к подготовке специалистов является организация учебного процесса в условиях информационного общества в течение жизни, медиаобразование способствует повышению интеллектуального, культурного, духовного, нравственного уровня человека.

В последние годы медиаобразование является объектом научных исследований. Анализ научных источников показал, что современная организация обучения находится под влиянием основных мировых тенденций, таких как информатизация и глобализация процессов жизнедеятельности человека, стремительное развитие новейших информационно-коммуникационных технологий. Значительный вклад в этом направлении сделали ведущие российские и зарубежные ученые: П.В. Закляков, С.Д. Симонженков, А.С. Грошев, В.А. Далингер, В.П. Поляков и др.

Роль медиаобразования в обществе растет чрезвычайно высокими темпами, является комплексным средством освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах. Значительное количество зарубежных и отечественных ученых рассматривает медиаобразование как особо важный компонент учебного процесса, как явление цивилизационного масштаба, как глобальный феномен мировой истории. Уровень развития современных средств массовой коммуникации и специфика их всестороннего воздействия на личность доказывают, что медиа — один из мощных факторов применения новых форм и методов обучения, по существу, они влияют на качество современного образования [1, с. 88].

Медиа (лат. media — средства) — это объекты или системы особого происхождения, с помощью которых передается информация. Медиа выступает посредником в коммуникации информации от адресанта к адресату. В педагогической литературе понятие «медиа» употребляется применительно к вспомогательным научным и техническим средствам, используемым в обучении.

Слово «медиа» часто употребляется как глобальное понятие, охватывающее как научную поддержку, дидактические средства, так и средства массовой информации. Итак, медиа — это предметы, оборудования и материалы, передающие определенную информацию (коммуникаты) слова, изображения и звуки, позволяют им выполнять определенные действия интеллектуального и мануального характера, а также сочетают различные средства передачи информации (текста, звука, графики, подвижных и неподвижных изображений) с помощью компьютера или другого аудиовизуального

устройства (телевизора, проигрывателя компакт-дисков, видеомагнитофона, электронных музыкальных инструментов и т.д.).

Использование звука и изображения (с возможностью остановки, повторения фрагментов) позволяет формировать умение без вмешательства преподавателя. Компьютерная программа выбирает соответствующий уровень и способ обучения в зависимости от уровня знаний, учитывает не только возрастные, но и индивидуально-субъективные свойства, возможность реализовать принцип индивидуализации [5, с. 11].

Целевое применение компьютеров в образовании стало возможным с появлением и развитием новых технологий: компьютерной графики, виртуальной реальности и возможностью доступа к глобальным информационным сетям. Возможность работы с графикой, видео и звуком обеспечило создание учебных программ и тренажеров нового поколения, что воспроизводят реальные устройства и объекты. Процесс обучения, насыщенный новыми и традиционными дидактическими средствами, приобретает форму медийного обучения [5, с. 29].

Современные медиаобразовательные технологии поднимают учебный процесс на качественно новый уровень, что позволяет готовить будущих специалистов, готовых влиться в современное информатизированное общество. Результаты исследований показывают, что лучший эффект дает комплексное интегрированное применение медиатеchnологий. Таким образом, подтверждается один из существенных тезисов современной педагогической технологии о том, что обучение дает тем лучшие результаты, чем шире многоканальный спектр обмена информации между отдельными элементами коммуникации в процессе обучения [6, с. 20].

Педагогическая практика утверждает, что при использовании медийных технологий уровень усвоения знаний студентами гораздо выше. Такие занятия не только облегчают усвоение знаний, расширяют кругозор, но и надолго остаются в памяти, вызывают заинтересованность и восхищение. Важно, что студенты могут самостоятельно изучать новый материал, решать задачи, контролировать уровень знаний без помощи преподавателя, во внеурочное время, а также дома. Поэтому можно отметить, что медиаобразование предоставляет информации привлекательную форму и делает разнообразными занятия [6, с. 14].

«Основной задачей медиаобразования является подготовка нового поколения к жизни в современных информационных условиях, к восприятию и пониманию различной информации, осознание ее влияния» [3, с. 203].

Медиатеоретик В. Поттер (W. Potter) считает человека медиаграмотным, если он имеет знания о медиа и обладает умением отбирать информацию, понимать суть сообщения и интерпретировать его. Ученый построил авторскую модель медиаобразования на сочетании культурологической, эстетической, этической и практической теорий медиаобразования [9, с. 51].

Стратегия современного медиаобразования заключается в применении связанных между собой элементов и отраслей медиа таким образом, чтобы постоянно совершенствовать и увеличивать объем информации, к которой имеют доступ пользователи [8, с. 42]. С помощью медиаобразования, интерес к которому в последнее время значительно увеличился, личность приобретает информационную свободу — право получать информацию, необходимую для жизни, развитие и профессиональную деятельность, возможность выражать свои взгляды по поводу тех или иных явлений и событий, передавать информацию, и, что самое важное, передавать знания другим людям.

Современная медийная педагогика развита во многих странах мира. Особенно возрастает значение международного сотрудничества по вопросам образования, творческого использования передового зарубежного опыта, развития педагогического мастерства преподавателей в условиях усиления глобализационных и интеграционных процессов.

На современном этапе трудно выделить любой единственный эффект от глобализационных процессов — они имеют разную степень проявления в каждой сфере человеческого бытия в современном мире. Анализируя сущность и закономерности функционирования глобального общества, большинство ученых выходят из понимания смысла глобализации как «объективного, естественного процесса интеграции человечества в единое целое, фиксирует современную стадию интеграции мира, который становится все более взаимосвязанным, взаимозависимым и все более универсальным» [4, с. 4].

Анализ научных источников (А.А. Вербицкий, В.И. Барсуков) показал, что пока нет единодушия относительно определения термина «глобализация», отсутствует четкая дефиниция этого понятия. Но глобализация не является чисто экономическим явлением, поскольку она влияет на все сферы общественной жизни — экономику, финансы, трудовые, информационные, интеллектуальные ресурсы, сферы образования, науки, искусства [7, с. 56].

В современном информационном обществе видное место занимают знания и информация. Информация и глобализация — главные факторы, которые кардинально влияют на развитие системы образования. Новые информационно-коммуникационные технологии, возможности Интернета обуславливают рост значения образования, с одной стороны; а с другой — вызывают ситуацию, когда

знания катастрофически устаревают. Система образования как никогда ранее отстает от технических возможностей передачи знаний [9, с. 56].

Поэтому можно отметить, что образовательные учреждения в современную эпоху глобализации и информатизации постепенно трансформируются в глобальные рынки образовательных услуг. Изменение концепции знаний требует и изменения педагогических способов их передачи. Системе образования необходимо приспособиться к новым условиям [2]. Глобализация означает рост взаимозависимости стран во всем мире, создание единого образовательного пространства. Итак, современное образование должно давать знания не только своей культуры, но и привлекать будущих специалистов к достижениям и проблемам современной цивилизации в целом, учить толерантности и восприятию всего нового. Поэтому развитие отечественного образования осмысливается как совершенствование его содержания, модернизации учебно-воспитательных технологий, приведение их в соответствие с требованиями современной жизни и возможностей интеграции в мировое сообщество.

В период вхождения общества в постиндустриальный этап своего развития и формирование единого глобализирующегося мирового пространства — все это так или иначе влияет на развитие и реструктуризацию одного из важнейших социальных институтов общества — системы образования, роль и значение которой возрастает. В современных исследованиях, касающихся глобализации образовательных процессов, образование рассматривается как институт, который не только пассивно испытывает воздействие глобализации, но и сам способен вызывать ее будущее направление. Поэтому анализ исследований глобализации в образовании среди отечественных и зарубежных исследователей (В. Андрущенко, И. Кононов, П. Скотт, Т. Фридмен, Д. Хелд и др.) становится все более важным.

Современные изменения в обществе, глобализация и развитие новых технологий ставят новые задачи перед высшей школой. Все большее значение приобретает использование Интернета и новых технологий. Информационно-коммуникационные технологии все активнее применяются в научно-образовательной деятельности и других сферах общественной жизни, видоизменяя их и предоставляя социальному и человеческому развитию новые качества, смыслы и измерения.

Использование современных методов обучения дает возможность сделать вывод, что медиаобразование занимает значительное место в учебном процессе вуза, оно служит повышению эффективности образования, помогает экономить время для приобретения профессионального опыта, дает возможность моделировать самостоятельную профессиональную деятельность, развивать творческий потенциал.

Учитывая тенденции глобальной целостности процессов информатизации, надо отметить, что медиаобразование является интегрированным направлением образования, нацеленным на овладение современными информационно-коммуникационными технологиями.

Основное содержание медиаобразования как области знаний и деятельности человека составляют интеллектуальные и технологические умения информационного взаимодействия. Современные образовательные учреждения трансформируются в рынки глобальных образовательных услуг.

Итак, XXI век будет веком образования, а сам институт образования превратится в определяющий социальный институт. Наука и образование — это новая ось, вокруг которой структурируется современное общество. Приоритетное значение медиаобразования обусловлено обеспечением гармоничного взаимодействия будущего специалиста по глобализованному информационному обществу.

Литература

1. Бондаренко Е.А. Состояние медиаобразования в мире // Педагогика. — 2019. — № 3. — С. 88–98.
2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. — М.: Высш. шк., 2020.
3. Грошев А.С., Закляков П.В. Информатика: учебник. — М.: ДМК Пресс, 2019. — 674 с.
4. Данилов А.П. Медиаобразование в семье и школе: опыт и проблемы. — М.: Норма, 2019. — 81 с.
5. Набиуллина С.Н. Информатика и ИКТ: курс лекций. — М.: Лань, 2019. — 72 с.
6. Новожилов О.П. Информатика: учебник. — М.: Юрайт, 2014. — 620 с.
7. Софронова Н.В., Бельчусов А.А. Теория и методика обучения информатике: учебное пособие. — М.: Юрайт, 2020. — 402 с.
8. Трофимов В. В. Информатика: учебник для академического бакалавриата. В 2 томах. Том 2. — М.: Юрайт, 2019. — 406 с.
9. Филимонова Е. В. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности: учебник. — М.: Юстиция, 2019. — 216 с.

Сведения об авторе:

Федянина Г.С., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: fedyaninag@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Л.М. Комиссарова, К.А. Янчевская

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Понятие идентичности как компонент медиапространства Большого Алтая, трактовки понятия, его характеристики. Идентичность в отношении коммуникации: коммуникативная и коммуникационная идентичность, технологии формирования территориальной идентичности Большого Алтая, точки формирования смыслового поля, ступени формирования вовлеченности адресата.

TECHNOLOGIES AND TOOLS OF THE BIG ALTAI COMMUNICATION IDENTITY DEVELOPMENT

L.M. Komissarova, K.A. Yanchevskaya

Altai State University, Barnaul (Russia)

The notion of identity as a structural element of the Big Altai communication, the notion treatment, and its characteristics. The identity relating to communication: communicative and communicatory identity, the Big Altai territory identity forming, semantic field formation points, recipient engagement formation steps.

В современном коммуникативном процессе, для которого характерны потоковость пространства информации и перенасыщенность медиаплощадками и сообщениями, формирование единого медиапространства Большого Алтая является задачей достаточно сложной.

Для того чтобы в информационной повестке стран Большого Алтая и отдельных регионов контент Большого Алтая был заметным и воспринимался массовой аудиторией как актуальный, нужны несколько условий. Одни из них связаны с адресантами, например, присутствие в повестке в достаточном объеме и с определенной регулярностью, использование популярных среди различных стейкхолдеров информационных ресурсов, заметность и привлекательность этой информации для аудитории. Другие — с получателями информации, среди этих условий выделим готовность аудитории вычленять эту информацию из потока и впустить ее в личное коммуникативное пространство.

Задача формирования единого медиапространства Большого Алтая и выполнения указанных выше условий осложнена рядом факторов — геополитическими процессами, разными языками, на которых транслируется информация, различиями в принципах восприятия и интерпретации этой информации среди жителей и социальных групп стран, входящих в регион Большого Алтая.

На наш взгляд, одним из базовых условий формирования единого медиапространства Большого Алтая является формирование идентичности коммуникантов Большого Алтая.

Идентичность как явление философского, психологического, социального порядка стала объектом активных исследований во второй половине XX в., и интерес к ней растет [4]. В настоящее время понятие «идентичность» используется в следующих основных значениях: постоянство во времени, самобытность, «самость» как подлинность индивида, психофизиологическая целостность, психологическая определенность, непрерывность жизненного опыта, степень соответствия социальным ожиданиям, принадлежность к той или иной общности [4].

Исследователи выделяют онтологическую, социологическую, психологическую и антропологическую трактовку термина «идентичность» [3].

Анализ исследований различных аспектов идентичности позволил выделить ряд общих характеристик.

А) Двойственная, диалектическая природа качества: идентичность является постоянным и фундаментальным свойством человека (и социальной группы), является условием нормального функционирования его сознания. С другой стороны, идентичность пластична и изменчива, так как человек и общество постоянно ее расширяет и переформулирует, видоизменяет. Идентичность меняется в силу того, что внешние и внутренние процессы, явления, события, вещи фильтруются, разделяются на «мое, мой» и «чужой, чужие».

Б) Двойственность идентичности проявляется в ее индивидуальной и социальной природе: ее называют точкой пересечения процессов в развитии личности. В случае, когда субъектом идентичности выступает определенная социальная группа, мы исследуем сложный процесс формирования социокультурной идентичности.

В) Идентичность выполняет интегративную функцию, объединяя, сплавливая в «я (мы) есть ___». При этом выделяется множество различных идентичностей: идеологическая, политическая, социальная (идентичность с семьей), экономическая, демографическая [2].

Важным положением для определения коммуникационной идентичности является социокультурная идентичность, которая «обладает формой институциональной структуры общества, в рамках которой каждая личность является элементом массового институционального сознания, отождествляя себя с расой, этическими и нравственными нормами, традициями и обычаями» [1]. Также важен тезис о том, что «идентичностью обладают как индивиды, так и группы, при этом индивиды приобретают и могут изменять свою идентичность только в группах» [3].

Идентичность в отношении к коммуникации может рассматриваться как идентичность коммуникативная и коммуникационная.

В первом случае речь идет о разделении представлений о ценностях и регламентах коммуникации на разных уровнях, от межличностной до массовой.

Коммуникативная идентичность производна от идентичности персональной и соответствует переживанию личности, содержание которого заключается в «это есть я в коммуникации, это в коммуникации мое, я в коммуникации такой». Коммуникационная идентичность может рассматриваться как понятие, производное от идентичности социальной, социокультурной в том смысле, что для его возникновения требуется отождествление себя с определенной общностью, переживание причастности к какому-либо комьюнити. Коммуникационная идентичность — это сеть циркулирующих коммуникаций, с различной степенью изоморфности воспроизводящая идентичность социокультурную.

Социальная группа, имеющая социокультурную идентичность, имеет коммуникационную идентичность как «idem» — тождественную, ту же самую. Коммуникационная идентичность существует с разной степенью изоморфности в пространстве массовых коммуникаций, социальных медиа. Коммуникационная идентичность способна выступать в двух аспектах: в первом она фиксирует степень изоморфности существующей, сформированной идентичности.

Допустим, что существует некоторая социальная общность, члены которой переживают чувство социокультурной идентичности, однако в информационном пространстве, пространстве массовых коммуникаций эта общность не существует, либо существует с разной степенью полноты и точности — изоморфности. Поэтому второй аспект коммуникационной идентичности — инструментальный. Коммуникации в целом выступают инструментом формирования идентичности других типов. Исходной ситуацией для формирования коммуникационной идентичности является ситуация, в которой для отождествления требуется знание и/или информация о том, что другие тождественны и разделяют важнейшие духовные культурные ценности и смыслы.

Методология таким образом разделяется, во-первых, на диагностическую, позволяющую исследовать степень изоморфности социального и коммуникационного измерений и, во-вторых, инструментальную — технологическую, которая определяет технологии формирования коммуникационной идентичности.

Рассмотрение идентичности в коммуникативном пространстве Большого Алтая на первом этапе направлено на изучение коммуникативной (как основы коммуникационной) идентичности аудитории, выявление представлений о ценностях и регламентах коммуникации. В качестве диагностических методов изучения коммуникативной идентичности могут быть использованы индивидуальные и групповые методы исследования. Авторами выступления были использованы два метода, позволяющие зафиксировать степень изоморфности существующей идентичности, — метод опроса и метод стратегической сессии. Методы были апробированы в рамках проведения летней школы PR и рекламы в Алтайском государственном университете в июне 2021 г.

Метод опроса позволяет собрать информацию о представлениях респондентов о Большом Алтае. Разработанный авторами опросник содержит открытые вопросы, направленные на выявление рациональных и эмоциональных аспектов концепта Большой Алтай, определение географических, исторических, этнографических, религиозных, лингвистических компонентов этих представлений, общественных и личных связей, обнаружение положительной и негативной реакции респондентов на те или иные составляющие сформированного образа Большого Алтая. Использование открытых вопросов дает возможность получить представление о позиции респондентов, предоставляет широкое поле для обработки собранной эмпирической информации, дальнейшей работы как с качественными, так и количественными результатами исследования.

Метод стратегической сессии как форма групповой работы, основанной на обмене мнениями участников сессии и направленной на нахождение новых идей, был использован для выявления точек формирования территориальной идентичности Большого Алтая.

Работа проводилась в несколько этапов. Первый этап — погружение в тему, формирование у респондентов знания, достаточного для принятия решений. Данный этап проходил в течение двух недель, эксперты, ученые и практики, специалисты в сфере медиакоммуникации, историки, этнографы, географы, креаторы, дизайнеры, визуализирующие территориальные бренды, формировали у аудитории представления о компонентах, входящих с позиции различных сфер в понятие Большой Алтай, и событиях, лежащих в коммуникационном поле Большого Алтая.

На втором этапе работы двум независимым группам, состоящим из людей одного возраста, но относящимся к разным этносам и регионам Большого Алтая, было предложено сформулировать точки формирования смыслового поля Большого Алтая (образы, объекты, явления, события), которые отражают личную идентичность участников сессии пространству Большого Алтая. В процессе выявления точек смыслового поля каждый из участников группы формулировал наиболее значимые личностные представления о Большом Алтае, актуализированные информационной составляющей первого этапа сессии. Затем в ходе групповой работы были выделены ключевые точки смыслового поля, которые находят отражение в представлении о Большом Алтае у каждого из участников. Также участникам сессии было предложено объединить все озвученные ими смысловые компоненты в единое определение идеи «Большой Алтай — это...».

Важным результатом стратегической сессии явилось то, что две независимо работающие группы пришли к практически одинаковым результатам и в выделении точек формирования смыслового поля Большого Алтая, и в формулировке идеи.

В качестве инструментальных методов формирования коммуникационной идентичности Большого Алтая на начальном этапе формирования изоморфности социокультурной и информационной идентичности, наш взгляд, могут быть эффективны технологии, активно используемые в опыте маркетинговых, PR- и рекламных компаний. Речь идет о технологиях вовлечения адресата в коммуникацию, предполагающих переход от стадии «незнания» о предмете коммуникации, в которой человек не проявляет к нему никакого интереса и не впускает его в свое коммуникативное пространство, к стадии «готовность к действию», в которой информация находит активное отражение в его деятельности, жизненных установках и ценностях.

Обобщив опыт различных технологий, обозначим следующие стадии формирования коммуникативной идентичности:

- 0 — нет интереса;
- 1 — интерес (за счет формирования минимального знания);
- 2 — любопытство к получению следующего блока информации;
- 3 — сопереживание, предполагающее эмоциональную оценку получаемой информации в соответствии с личностными представлениями;
- 4 — самоидентификация, восприятие информации как части личного коммуникативного пространства;
- 5 — готовность к действию.

На настоящем этапе единое медиапространство Большого Алтая только начинает выстраиваться. В его формировании прослеживаются как естественные, так и искусственные механизмы, в этот процесс включено множество акторов с различными социокультурными, экономическими и политическими установками. В такой ситуации задача изучения идентичности как платформы для построения коммуникационного пространства Большого Алтая представляется весьма перспективной, дающей толчок как дальнейшим научным изысканиям, так и практической деятельности по построению коммуникативного процесса Большого Алтая.

Литература

1. Галмагова Г.М., Кокаревич М.Н. Типология форм социокультурной идентичности // Вестник науки Сибири. — 2018. — № 3 (30).
2. Гучетль А.Р. Идентичность: интердисциплинарный анализ // Новые технологии. — 2017. — № 1. — С. 283–286.
3. Косенчук Л.Ф. Сущность идентичности и основные подходы к ее исследованию // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — С. 223–225.
4. Лысак И.В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38. — С. 130–138.

Сведения об авторах:

Комиссарова Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: lkomissarova@yandex.ru

Янчевская Ксения Александровна, кандидат филологических наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ksenia_yanshevskaya@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ)**

Г.А. Сарсембаева, Н.Л. Краснобаева

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан «Региональные особенности репродуктивного поведения гордских казахов: тенденции и перспективы» (грант АР 09260600)

Демографические процессы в Казахстане, трансформация репродуктивного поведения в сторону его модернизации. Анализ выявленных тенденций, их региональных особенностей через контент-анализ наиболее популярных интернет-СМИ Казахстана.

**INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL AND ETHNIC FACTORS
ON THE REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE POPULATION
OF KAZAKHSTAN IN THE MODERN PERIOD (BASED ON THE RESULTS
OF A CONTENT ANALYSIS OF REGIONAL INTERNET MEDIA)**

G.A. Sarsembaeva, N.L. Krasnobaeva

East Kazakhstan University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

Demographic processes in Kazakhstan, the transformation of reproductive behavior towards its modernization. Analysis of the identified trends, their regional characteristics, through content analysis of the most popular Internet media in Kazakhstan.

Социально-экономические и политические преобразования первых лет суверенитета повлекли за собой изменения основных детерминант демографического поведения населения Казахстана. Наблюдается снижение естественного прироста населения в основном за счет уменьшения рождаемости на 33,9% [1, с. 49, 79; 2, с. 25]. Происходит сокращение суммарного коэффициента рождаемости и нетто-коэффициента воспроизводства населения. Это наиболее ярко прослеживается у казахского населения, демографическую ситуацию которого в 90-е гг. можно оценивать как критическую. Наблюдается сокращение показателей рождаемости на 40,9%. Для сравнения, у русских рождаемость сократилась на 39,3%, украинцев — на 40,4%, белорусов — на 52,1% [1, с. 49, 79; 3, с. 153-154].

На современном этапе развития республики отмечается оздоровление демографических процессов в Казахстане, одним из показателей которого является увеличение естественного прироста населения, суммарного коэффициента рождаемости и нетто-коэффициента воспроизводства. Положительные изменения коснулись в большинстве своем казахского этноса, улучшение демографических процессов которого оказывает влияние на общереспубликанские показатели. Рождаемость увеличилась на 23,0% [3, с. 152-156].

В то же время у казахов все более явно ощущаются тенденции к изменению модели рождаемости в пользу суженного воспроизводства, а также к трансформации репродуктивного поведения в сторону его модернизации.

С целью выявления обозначенных выше тенденций, их региональных особенностей, а также влияния на данный процесс социокультурных и этнических факторов, авторами представленной статьи был проведен контент-анализа наиболее популярных интернет-СМИ Казахстана.

Для реализации поставленной цели авторами был очерчен круг основных задач, а именно:

- выявление наиболее посещаемых интернет-СМИ по регионам;
- проведение количественного контент-анализа региональных интернет-СМИ по тематическим направлениям:
 - социально-экономический блок,
 - репродуктивный блок (рождаемость, детство, репродуктивное здоровье),
 - традиционные установки в репродуктивном поведении,
 - современные установки в репродуктивном поведении,
 - правонарушения в семье;
- проведение качественного контент-анализа региональных интернет-СМИ по отмеченным основным кластерам, а также по блокам переменных, характеризующих:

- наличие комментариев и просмотров к анализируемым сообщениям на интернет-сайтах,
- количество посещений сайта (если ведется учет),
- эмоциональная направленность материала и комментариев;
- определение на основе контент-анализа ранжированного ряда факторов, влияющих на репродуктивные установки населения Казахстана в региональном разрезе.

Объект исследования стали интернет-СМИ по регионам.

Предметом исследования являлось отражение в интернет-СМИ процессов воспроизводства населения в различных аспектах.

Авторы предположили, что социокультурные факторы опосредованно влияют на региональные особенности репродуктивного поведения населения Казахстана и детерминированы социально-экономическими факторами.

Проанализировано 1523 информационных сообщения на русском и казахском языках, содержащие слова, относящиеся к категории «рождаемость, семья, дети, многодетность, разводы, алименты, смертность, бытовое насилие, похищение невест, пособия и пр.», на 46 региональных информационных интернет-сайтах 10 городов с 01.01.2020 по 01.01.2021.

Популярные интернет-ресурсы были выявлены в рамках проведения мониторинга наиболее активных, локально ориентированных сайтов при использовании систем: <https://mediametrics.kz/rating/>, <https://zero.kz/zerotrends/> [4, 5].

Дополнительно по ключевым словам и запросам (например: «Популярные сайты Алматы») использовались поисковые системы: Яндекс, Google.

Результаты контент-анализа представлены в таблице.

Контент-анализ региональных интернет-СМИ по вопросам влияния различных факторов на рождаемость, %

Регионы и города	Социально-экономический блок	Репродуктивные установки	Традиционные установки	Современные установки	Правонарушения
Юг	49,5	22,9	16,8	-	10,8
Запад	59,0	17,6	-	5,8	17,6
Север	25,0	25,0	12,5	5,4	32,1
Восток	46,5	17,3	12,1	6,8	17,3
Нур-Султан	52,4	14,3	9,5	9,5	14,3
Алматы	36,7	33,4	6,6	3,3	20,0
Всего	43,9	21,9	11,4	4,3	18,5

Обратимся к анализу интернет-СМИ в контексте обозначенной проблематики по регионам и отдельным городам Казахстана.

Анализ интернет-СМИ Южного региона позволяет констатировать, что наибольший удельный вес (49,5%) занимает информация, содержащая социально-экономический блок вопросов. В анализируемом кластере наряду с информационными сообщениями есть также материалы, освещающие проблемы многодетных семей, требующих решения: «семья замерзает без угля», «семья без жилья», «продажа ребенка», «семья инвалида умоляет помочь оплатить кредит», «многодетная семья просит помочь продуктами», «многодетная мать покончила жизнь самоубийством», «многодетные матери штурмуют акимат города» и др. Характер постановки вопросов отличается эффективной подачей и эмоциональным запросом для общественности.

Учитывая молодую возрастную структуру региона, существенное представительство в ней детей, а также высокие показатели рождаемости, можно предположить, что актуальность социально-экономических проблем, связанных с воспроизводством, будет только обостряться. Удельный вес возрастной когорты населения — 55-59 лет, которая сейчас находится в трудоспособном возрасте, достаточно низок. Доля же возрастной группы 10-14 лет существенна. Через 10 лет представители данной когорты начнут вступать в трудоспособный возраст. Неравнозначное соотношение возрастных когорт 55-59 лет и 10-14 лет в дальнейшем может спровоцировать рост безработицы, что, в свою очередь, еще более актуализирует проблему социально-экономической поддержки семей и в целом процессов воспроизводства.

В структуре интернет-СМИ Западного экономического региона 59,0% принадлежит материалу по социально-экономическому кластеру — наивысший показатель по республике. В подаче материала присутствует иждивенческий ряд, основная форма представления «семья получила (квартиру, соц. набор и др.)», «семье купили или подарили». Отсутствуют материалы решения проблем непосред-

ственно участниками (многодетная семья), например, приобретение жилья самостоятельно. Наряду с информационными сообщениями присутствует информация проблемного характера: «отбасы баспанасыз қалды», «көпбалалы анаға сертификат табыстаған облыс шенеуніктерінің басы дауға қалды». Показателем является малая представленность материалов, содержащих информацию по темам «женщина и карьера», «женщина в бизнесе».

Так же, как и южный регион страны, Западный Казахстан отличает молодая возрастная структура, высокие показатели суммарного коэффициента рождаемости. В связи с этим можно спрогнозировать нарастание тенденции обусловленности процессов воспроизводства решением социально-экономических вопросов. 17,6% от общего числа всех сообщений принадлежит информации о правонарушениях в семье (насилии над детьми, женщинами).

В Северном Казахстане наибольший удельный вес в структуре проанализированных региональных интернет-СМИ принадлежит материалу по правонарушениям. Показатель по данному кластеру в Северном Казахстане является самым высоким среди регионов страны — 32,1%. Актуальны вопросы семейного насилия. Отмечается особый рост бытового насилия, 60% женщин сталкивались с дебоширами, за 6 месяцев 1,5 тыс. наказанных. Характер подачи материалов — информационно-проблемный.

Анализ интернет-СМИ Восточного региона показывают, что наибольший удельный вес (46,5%) в них занимает информация, содержащая социально-экономический блок вопросов: «133 отбасы баспаналы болған еді», «төрт көпбалалы отбасы жалдамалы баспанаға ие болған», «көпбалалы отбасына үй алып берді», «29 многодетных семей получили ключи от новых квартир», «ключи для юных новоселов и их родителей вручили в Усть-Каменогорске», «125 многодетных семей отпразднуют новоселье в Семее», «Аким области встретился с многодетными матерями», «адресную социальную помощь получают 567 многодетных семей». В социально-экономическом блоке наряду с информационными сообщениями есть также материал, содержащий постановку проблемы, касающейся детей-инвалидов.

Анализ интернет-СМИ г. Нур-Султана позволяет констатировать, что наибольший удельный вес (52,4%) занимает информация, содержащая социально-экономический блок вопросов. В анализируемом кластере наряду с информационными сообщениями есть также материал, содержащий постановку проблемы, касающейся многодетных семей. Информационная подача материалов проблемная: «многодетные штурмуют акимат», «многодетные требуют выдать АСП и жилье», «мирный митинг, многодетные возмущены» и др. Основные материалы представлены в центральных СМИ, региональный проблемный аспект представлен косвенно.

В структуре интернет-СМИ г. Алматы наибольший удельный вес (36,7%) занимает информация, содержащая социально-экономический блок вопросов. На втором месте — репродуктивный кластер (33,4%), на третьем — вопросы противодействия бытовому насилию (20,0%).

В социально-экономическом блоке достаточно много сообщений, содержащих постановку проблемы: «многодетная семья ... живет в съемных квартирах», «глава семейства вынужден разрываться», «многодетная семья лишилась арендного жилья», «супруги с шестью детьми вынуждены ютиться у родственников».

Таким образом, контент-анализ наиболее посещаемых региональных интернет-СМИ по вопросам влияния этнических и социокультурных факторов на рождаемость позволяет констатировать следующее. Наибольшее число сообщений относится к социально-экономическому кластеру — 43,9%. Данный кластер включал вопросы, связанные с кредитами, алиментами, адресной социальной помощью, пособиями, всевозможными видами социальной поддержки многодетным семьям, а также семьям с низким уровнем дохода (предоставление квартир, бесплатных медикаментов, социальных пакетов) и пр. Лидером по анализируемому кластеру является Западный регион — 59,0%. Высоки показатели по данному блоку сообщений также и в Южном Казахстане — 49,5%.

Репродуктивный кластер затрагивал вопросы рождаемости, защиты детства и репродуктивного здоровья. В структуре всех кластеров данный блок занимает второе место — 21,9% всех сообщений. Авторы обращали внимание на сообщения по реализации проектов поддержки семьи и детства («Ауыл мектебі», «Счастливая семья»), а также на мероприятия, реализуемые в рамках формирования комфортной среды, публикацию материалов по строительству школ, ремонту дворов и домов школьников. По данному кластеру наибольшее число сообщений приходится на север страны — 25,0%. Существенны показатели также в г. Алматы.

Следующий блок «Традиционные установки в репродуктивном поведении» (11,4%). К данному кластеру относятся материалы о влиянии национальных традиций и обычаев, традиционных ценностей на семейное воспитание. Анализировался также материал по приобщению детей к достижениям

национальной культуры, народному прикладному искусству, обучение их народным играм. Лидером по анализируемому кластеру является южный регион — 16,8%.

Следующий кластер «Современные установки в репродуктивном поведении» — 4,3%. Был проанализирован материал, содержащий информацию по темам «женщина и карьера», «женщина в бизнесе», «женщина-начальник». Обращают на себя внимание сообщения по реализации проекта «Бизнес бастау» и активном участии в нем женщин. Наряду с названным содержится информация по развитию собственного бизнеса многодетными матерями. Наибольший удельный вес во данном блоку приходится на Восточный Казахстан — 6,8% и г. Нур-Султану — 9,5%. Обращает внимание факт отсутствия сообщений по анализируемому блоку в Южном регионе.

В структуре всех кластеров «Правонарушения в семье» занимают третье место — 18,5% всех сообщений. Анализировалась информация о лишении родительских прав, бытовом насилии, об уходах детей из семьи и их возвращении правозащитными органами. Наибольшее число сообщений по указанному блоку приходится на Северный регион — 32,1%, а также г. Алматы — 20,0%.

Итак, налицо обусловленность репродуктивного поведения населения Казахстана социально-экономическими факторами, которые, по результатам контент-анализа интернет-СМИ, вышли на первый план. Все остальные факторы, относящиеся к социокультурным: установки и ценности, традиции, трансформация семейных отношений, правовые нормы и прочие, влияют на прокреационные установки опосредовано, в зависимости от того, насколько они детерминированы социально-экономическими проблемами. Социокультурные факторы относятся к числу иррациональных или бытовых, поэтому зачастую не фиксируются в СМИ как проблемные, а воспринимаются как само собой разумеющиеся. В случае когда данная группа факторов трансформируется непосредственно в ту или иную проблему, она начинает приобретать рациональный характер, фиксируется в СМИ как социально-экономический материал.

Немаловажную роль в тенденциях репродуктивного поведения играет этнический фактор. Как отмечалось выше, в Южном и Западном экономических регионах (в которых удельный вес титульного населения составляет 76,9 и 86,9%), на социально-экономический фактор приходится наибольшее число сообщений (49,5 и 59,0%). Наряду с этим два указанных региона отличает молодая возрастная структура населения, существенное представительство в ней детей (34,2 и 28,2%), а также высокие показатели рождаемости.

Привычный алгоритм детерминированности эволюций репродуктивных установок и в целом демографических процессов социально-экономическими особенностями на определенном этапе развития может отклоняться от нормы. Как раз такую ситуацию мы наблюдаем в двух отмеченных регионах страны, когда демографические установки определяют социально-экономические процессы. Такой перевернутый алгоритм приводит к определенным проблемам: высокий уровень бедности, безработицы, семейное насилие, актуализирует вопросы поддержки многодетной семьи, семьи с низким уровнем дохода и прочее. Свидетельством чему является проблемный характер подачи части материала интернет-СМИ. Можно констатировать, что в регионах с высоким показателем социально-экономических проблем сосредоточен конфликтный потенциал, который в последствии может привести к кризисным явлениям в структуре «общество и власть» и социальному конфликту.

Литература

1. Демографический ежегодник Казахстана / Нацстатагентство Республики Казахстан. — Алматы, 1997. — 269 с.
2. Демографический ежегодник Казахстана: статистический сборник / под ред. Ж.А. Кулекеева. — Алматы, 1998. — 592 с.
3. Этнодемографический ежегодник Казахстана: статистический сборник / под ред. Ю.К. Шокаманова. — Алматы, 2006. — 440 с.
4. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mediametrics.kz/rating/>
5. [Электронный ресурс]. — URL: <https://zero.kz/zerotrends/>

Сведения об авторах:

Сарсембаева Гүлжан Алибековна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: gulzhan1974@mail.ru

Краснобаева Нелли Леонидовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану», Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: krasn_nelli@mail.ru

МОЛОДЕЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «РОССИЯ И ТЮРКСКИЙ МИР: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Модераторы: **Анисимова Инна Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Казаков Георгий Константинович, председатель Школы молодых тюркологов Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Муксинова Зарина Равильевна, аспирант Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СИНЬЦЗЯНА

Г.К. Казаков

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье рассматриваются основные этапы изучения китайскими археологами каменных изваяний, обнаруженных на территории Синьцзяна, начиная с середины XX в. Также рассмотрены основные тенденции и направления изучения каменных изваяний на современном этапе, ключевые работы, посвященные данной тематике. Представлена таблица географического распределения каменных изваяний по территории СУАР.

THE CONTEMPORARY STAGE OF STUDYING STONE SCULPTURES OF XINJIANG

G.K. Kazakov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the main stages of the study by Chinese archaeologists of stone statues found in Xinjiang, starting from the middle of the XX century. The main trends and directions of studying stone statues at the present stage, key works on this topic are also considered. Presented is a table of the geographical distribution of stone statues over the territory of the XUAR.

Каменные изваяния Синьцзяна являются важными источниками для изучения истории Центральной Азии. Они привлекают широкое внимание ученых многих стран (Китай, России, Казахстана, Монголии и др.). Исследователи пытаются выяснить происхождение и этническую принадлежность создателей изваяний, а также особенности культуры, религии и искусства разных народов. С конца XIX в. в горах Алтая и Тянь-Шаня, в Семиречье и на других территориях было обнаружено более тысячи древних и средневековых изваяний, изучение которых продолжается до сих пор. Большой научный интерес представляет обширная группа каменных изваяний, обнаруженных в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики (СУАР КНР). На протяжении длительного времени СУАР оставался регионом, закрытым для иностранных исследователей, и потому изучение археологических памятников китайскими специалистами во многом проходило независимо от их западных коллег.

К концу 2000-х гг. общее количество каменных изваяний, найденных в Синьцзяне, составило более 300. Ареал их расположения очень широк, каменные изваяния обнаружены практически во всех районах СУАР. Некоторые из них расположены вкопанными у погребально-поминальных сооружений, другие лежали на их поверхности или рядом. Часть обнаружена на пересеченной местности.

Официальное начало изучения каменных изваяний Синьцзяна китайскими исследователями относится к 1953 г. С 21 июля 1953 г. по 19 августа 1953 г. проводилась экспедиция [1] в 3 уездах Илийского округа: Инин, Чжаосу и Хочэн. По итогам экспедиции была организована рабочая группа, сформированная при Управлении культуры Северо-Западной Административной комиссии и Хозяйственном отделе Управления культуры народного правительства Синьцзяна. В 1960-70-х гг. количе-

ство исследований каменных изваяний СУАР было незначительно, исследовательская работа, в основном сводилась к следующим направлениям: раскопки, повторное изучение ранее найденных материалов и первые попытки систематического изучения всех найденных археологических объектов. Несмотря на малое количество исследований и публикаций, в этот период была выявлена важная проблема: расхищение и уничтожение каменных изваяний и других объектов культурного наследия, расположенных вблизи захоронений. Данная проблема вызвала немедленную реакцию Управления объектами культурного наследия СУАР. Было принято решение об активизации раскопок, изучения и охраны каменных изваяний на территории СУАР. В 1980-90-е гг. изучение объектов культурного наследия СУАР, в том числе и многочисленных каменных изваяний, входит в стадию устойчивого развития. В 1981 г. народное правительство СУАР опубликовало «Решение об усилении охраны объектов культурного наследия региона», в это же время была реорганизована Археологическая группа Синьцзянской академии общественных наук. Все это придало импульс к стремительному увеличению числа исследований и публикаций, посвященных изучению каменных изваяний на территории СУАР.

Начало XXI в. характеризуется возросшим интересом китайских исследователей к объектам материального культурного наследия Синьцзяна. В 2007 г. была проведена третья национальная перепись объектов культурного наследия региона, что значительно облегчило дальнейшие исследования. Изучение каменных изваяний СУАР больше не стремлением установить их этническую принадлежность, хронологию, назначение и особенности художественного оформления. Новый этап исследований можно охарактеризовать использованием междисциплинарного подхода, включающего методы таких дисциплин, как история, археология, религиоведение, антропология, география, искусствоведение и др. Начиная с этого момента был опубликован ряд работ, демонстрирующих новое понимание феномена каменных изваяний на территории СУАР.

В 2008 г. Ван Чживэй [2] объединил методы искусствоведения, религиоведения и культурной антропологии для изучения символического значения и назначения каменных изваяний. Им была предложена новая классификация каменных изваяний в зависимости от их назначения: изваяния, созданные для поклонения в рамках примитивных религиозных практик, изваяния, представляющие собой вместилище души с точки зрения шаманистских практик и погребальные изваяния тюркского периода.

В 2012 г. Ван Сяолин [4] выразил предположение, что каменные изваяния являются оригинальной художественной концепцией, которая символизирует дух родового коллективного сознания. Исходя из этого предположения, автор попытался, используя методы иконографии, интерпретировать духовную схему и символическое значение каменных изваяний для людей, живших в период их создания.

В 2013 г. Жэнь Баолэй [5] использовал последние археологические данные третьей национальной переписи объектов культурного наследия региона в сочетании с последними результатами работы китайских и зарубежных исследователей и обобщил взаимосвязь между каменными изваяниями и погребальными сооружениями, их физические характеристики и этнические черты. В его работе были выявлены общие характеристики, свойственные всем каменным изваяниям тюркского периода, на основании чего была предложена еще одна возможная классификация каменных изваяний СУАР. Основываясь на результатах археологических и этнологических исследований, Люй Кай [6] рассматривает феномен каменных изваяний как своего рода искусство резьбы с особым стилем и эстетическими целями. Это искусство сочетает элементы реализма и элементы идеалистичных представлений, отражает гармонию в отношениях между человеком и природой и дает подробное объяснение художественных характеристик каменных изваяний, что способствует их более глубокому и всестороннему пониманию.

В 2014 г. Тянь Юй [8] использовал ранее найденные материалы, посвященные найденным на территории Алтая каменным изваяниям и оленным камням, чтобы исследовать внутреннюю связь между шаманизмом и данными объектами, а также исследовать, в чем эта связь выражается. В результате своих исследований автор приходит к выводу о том, что и ранние каменные изваяния, и оленные камни представляют собой пережитки шаманизма, далее в работе анализируются процессы их возникновения, эволюции и развития. Юй Ванлин использовал большой объем научных публикаций, данных и изображений, чтобы найти связь между феноменом каменных изваяний и древнейших представлений человека о Вселенной. В процессе исследования он стремился установить характерные особенности пространственного расположения каменных изваяний и ближайших к ним погребальных сооружений.

В 2015 г. Ян Ли [10] интерпретировал роль и культурный феномен каменных изваяний, созданных в разные исторические периоды и в разных регионах, с точки зрения примитивных религиозных представлений, а затем раскрыл эволюционное развитие культурного контекста каменных изваяний от поклонения природе до поклонения предкам.

В 2016 г. Луан Фумин [12] в своем исследовании использовал методы комбинированного анализа для изучения характеристик временного и пространственного распределения и движущих факторов 432 культурных объектов в Синьцзяне от периода палеолита до наших дней (включая каменные изваяния и относящиеся к ним погребальные комплексы) и пришел к выводу, что простран-

ственное распространение культурных объектов в основном контролируется природными факторами, а на изменения во времени больше влияет антропогенный фактор. Природные факторы на ранней стадии имеют большее влияние, а антропогенные — играют ведущую роль в более поздний период.

Помимо этого, в данный период появился ряд работ, авторы которых активно используют современные информационные технологии в изучении каменных изваяний СУАР. Так, в результате исследования Су Юй [13] по изучению пространственного и временного распределения и эволюции каменных изваяний Синьцзяна была создана всеобъемлющая база данных, включающая в себя все обнаруженные на сегодняшний день каменные изваяния и их характерные черты. Наряду с этим также была создана соответствующая геоинформационная система, в которой все объекты из вышеупомянутой базы данных были географически привязаны к карте региона.

Таким образом, на современном этапе изучение каменных изваяний Синьцзяна китайскими исследователями обусловлено достаточным количеством археологических материалов для изучения. Можно выделить следующие направления исследований: на основании междисциплинарного подхода, использующие последние достижения как гуманитарных, так и естественных наук, и исследования с использованием современных информационных технологий, направленные на окончательную систематизацию, такие как создание баз данных и ГИС.

Общее количество обнаруженных на территории СУАР каменных изваяний

Район СУАР	Период / Кол-во обнаруженных изваяний			
	1949-1962	1962-1995	1995-2010	Итого
Округ Алтай	9	71	64	144
Округ Или	6	24	29	59
Бортала-Монгольская АО	3	24	26	53
Тачэн	1	20	10	31
Чанцзи-Хуэйская АО	2	11	1	14
Урумчи	1	4	1	6
Баянгол-Монгольская АО	0	4	2	6
Хами	2	2	0	4
Кызылсу-Киргизская АО	0	3	0	3
Аксу	0	1	0	1
Турфан	0	1	0	1
Итого	24	165	133	322

Литература

1. 新疆文化局新疆省文物调查工作组.新疆伊犁西北区的文物调查[J].文物参考资料,1953, 12:16-23.
2. 王志炜.新疆草原石人艺术符号浅探[J].艺术研究,2008,03:16-17.
3. 余立军.探寻新疆石人之谜 [N].新疆科技报,2011-01-14 (03).
4. 王晓玲.中亚草原石人之图像证史及艺术观念 [J].新美术,2010, 02: 59-62.
5. 任宝磊.略论新疆地区突厥石人分布与特征[J].西域研究, 2013,03:87-94.
6. 刘恺.岁月留痕—浅议草原石人之美[D].北京:中央美术学院, 2013.
7. 包桂红.从“萨满”思想解读亚欧草原石人及其手中杯[J].世界宗教文化, 2013,05: 74-82.
8. 田羽.新疆新疆阿勒泰地区发现的鹿石与草原石人 - - 兼论阿尔泰山早期萨满信仰[D].新疆:新疆师范大学,2013.
9. 于万玲.不朽的丰碑——草原石人的地域文化特征[D].内蒙古: 内蒙古师范大学, 2014.
10. 严丽.从“原始信仰”思想解读草原石人[J].黑龙江史志, 2015,11:41-45.
11. 王志炜, 史洪刚.新疆草原石人“蹀躞带”及其配饰研究[J].贵州民族研究, 2016,37(2):177-180.
12. 栾福明,熊黑钢,王昭国,等.旧石器时期以来新疆文化遗址分布特征及驱动因素[J].中国沙漠, 2016, 36(5):1-7.
13. 苏煜.丝绸之路沿线新疆草原石人文化遗址时空分布及演变研究[D].陕西师范大学· 2017.

Сведения об авторе:

Казакон Георгий Константинович, преподаватель кафедры востоковедения, Институт истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: kazakov-gk@yandex.ru

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В XX–XXI ВВ.

В.Е. Алексеева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Публикация посвящена изучению антропологических особенностей коренного населения Северного Алтая. Кумандинцы, челканцы, тубалары являются малочисленными этническими группами на территории Алтайского края и Республики Алтай, обладающие отличительными антропологическими характеристиками. В статье рассматриваются публикации отечественных антропологов, посвященные антропологии этнических групп Северного Алтая.

HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH ON THE INDIGENOUS POPULATION OF THE NORTHERN ALTAI IN THE XX–XXI CENTURIES

V.E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul (Russia)

The publication is devoted to the study of the anthropological features of the indigenous population of the Northern Altai. Kumandins, Chelkans, Tubalars are small ethnic groups on the territory of the Altai Territory and the Altai Republic that have distinctive anthropological characteristics. The article examines the publications of Russian anthropologists devoted to the anthropology of ethnic groups of the Northern Altai.

Проблема трансформации антропологического облика коренных малочисленных народов в сегодняшнем мире приобретает актуальность. Главным фактором, влияющим на этот процесс, является непрерывное развитие глобализации и ассимиляции, которые происходят в результате межэтнических браков между коренным населением и пришлыми многочисленными народами. Эта проблема затрагивает и коренное население Северного Алтая. Данные процессы в будущем могут привести к необратимой трансформации внешнего облика этнических групп Северного Алтая. Нужно отметить, что на территории Алтая длительный период времени происходили контакты между разными по антропологическому типу группами, что впоследствии привело к формированию нового не характерного для данного региона — североалтайского антропологического типа. Поэтому так важно изучение антропологического типа коренных народов.

Ни одна этническая группа не может существовать в изоляции от других народов. Каждый этнос стремится быть в контакте с другими народами, делиться своими знаниями и опытом. Совместное проживание на территории Северного Алтая кумандинцев, челканцев и тубаларов, а также прошлого славянского населения, не могло не привести к взаимодействию и взаимовлиянию.

Цель данного исследования — изучить метрические и описательные данные антропологических признаков коренного населения Северного Алтая на основе опубликованных материалов отечественных исследователей.

В группу северных алтайцев включают кумандинцев, челканцев, тубаларов. Общая численность коренного населения по переписи населения РФ 2010 г. на территории Алтайского края и Республики Алтай составляет 4545 человек, из которых челканцы — 1113 чел., тубалары — 1891 чел., кумандинцы — 2463 чел. [4, 5].

Северные алтайцы проживают в северных районах Республики Алтай и северо-восточных районах Алтайского края. Этническая территория челканцев охватывает северо-восточную часть Турочакского района в бассейне р. Лебедь, проживают также в Таштагольском районе Кемеровской области. Территория традиционного проживания тубаларов охватывает бассейн верхнего течения р. Бия и верховье р. Иша (первый приток р. Катунь). Сейчас тубалары проживают небольшими группами в Республике Алтай в Чойском, Турочакском, Майминском районах. Кумандинцы расселились вдоль верхнего течения р. Бия и ее притоков р. Неня, р. Кажа и р. Иша. Сейчас они проживают в Турочакском районе Республики Алтай, Красногорском, Солтонском районах Алтайского края и в г. Бийске [3, с. 72].

Антропологическое изучение северных алтайцев начатается с первой половины XX в. Одним из первых советских антропологов, изучавших народы Саяно-Алтая, в том числе северные группы алтайцев, является А.И. Ярхо. В 1924–1927 гг. им было проведено обширное антропологическое исследование аборигенного населения Северного Алтая. Аркадий Исаакович занимался сравнительным анализом антропологических признаков, на основании которого он сделал заключение, что северные алтайцы занимают среднее положение среди других представителей коренного населения Южной Сибири [1, с. 79].

Еще один выдающийся советский антрополог В.П. Алексеев, специалист в области исторической антропологии и географии человеческих рас, большое количество своих работ посвятил изучению антропологии народов Саяно-Алтая и многим другим. Исследователь считал, что антропологи-

чески коренное население Северного Алтая сближается с самоедами и западносибирскими уграми, а не с тюркскими и монгольскими народами Южной Сибири и Центральной Азии [2, с. 210].

Г.Л. Хить является автором новаторского направления — этнической дерматоглифики. В течение многих полевых сезонов Г.Л. Хить собирала отпечатки кистей рук, составившие основу уникальной коллекции по дерматоглифике народов СССР. Она принимала участие в Алтайской экспедиции, организованной институтом этнографии и антропологии РАН в 1969 г. По данным дерматоглифики, которые Г.Л. Хить удалось собрать в экспедициях, она выявила расогенетические связи населения Алтая — Саян.

Во второй половине XX в. исследованием народов Южного и Северного Алтая по дерматоглифике и краниологии занимался А.Р. Ким, который проводил антропологические экспедиции в Кемеровской области и Алтайском крае. В ходе экспедиционного изучения им были получены краниологические материалы шорцев и кумандинцев. На их основе ученый выделил своеобразный североалтайский антропологический тип, который выходит за пределы вариаций уральского и южносибирского типов и занимает самостоятельное таксономическое положение в расовой классификации народов Сибири. У северных алтайцев монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее, но присутствуют и европеоидные признаки. Северные алтайцы относятся антропологически, вместе с рядом угорских и самодийских народностей, к уральскому типу. Северные алтайцы, особенно кумандинцы, обнаруживают общность антропологического типа по измерительным и описательным признакам не с южными алтайцами, а с обскими уграми [1, с. 6].

На основе изученных опубликованных материалов антропологических признаков северных алтайцев, можно сделать вывод, что этнические группы Северного Алтая неоднородны по своему составу. Кумандинцы по диагностическим признакам выходят за пределы уральского и южносибирского антропологического типа, по этой причине их относят к североалтайскому антропологическому типу. Тубалары и челканцы имеют больше схожих морфологических признаков с южными группами, таким образом, их выделяют в южносибирский антропологический тип.

Литература

1. Аксянова Г.А. Антропология современных народов среднего Поволжья и Горного Алтая в связи с процессами тюркизации регионов // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. — Т. III. — С. 5-9.
2. Алексеев В.П. Историческая антропология: учеб. пособие. — М.: Высш. школа, 1979. — 216 с.
3. Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001. — № 4. — С. 154-159.
4. Назаров И.И. Традиционные знания коренных народов Алтая — Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. — Барнаул: Азбука, 2009. — 310 с.
5. Национальный состав населения Алтайского края 2010 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/4том.%20Национальный%20состав%20и%20владение%20языками,гражданство.pdf> Дата обращения: 20.03.2021г.
6. Национальный состав, владение языками, гражданство Республика Алтай 2010 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/4том.%20Национальный%20состав%20и%20владение%20языками,гражданство.pdf> Дата обращения: 20.03.2021г.
7. Ярхо А.И. Алтай-саянские тюрки: антропологический очерк / под ред. А.Н. Липского. — Абакан, 1947. — 148 с.

Сведения об авторе:

Алексеева Валерия Евгеньевна, студент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).
E-mail: alekseeva_2001_182@mail.ru

ЕДИНСТВО ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО МИРА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИНТЕНЦИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А.О. Воронько

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск (Россия)

В контексте изложенного «цивилизационного пробуждения» Самюэля Хантингтона можно проследить, как происходит формирование нового международного пространства на основе возрождающихся идентичностей. В связи с этим актуализируется задача утверждения единства русского и тюрко-монгольского мира для Российской Федерации и стран СНГ. Ведь несмотря на последовательную антизападную политику на международной арене, Россия после неудачных социальных экспериментов XX в. во многом утратила свою цивилизационную суть и пребывает на идеологическом распутье. Подобное положение вещей грозит дестабилизацией и развалом страны на имплицитном и эксплицитном уровне. Автор предлагает взглянуть на единство русского

и тюрко-монгольского мира в цивилизационной интенции Золотой орды как на наиболее эффективную и аутентичную форму интеграции, выходящую из исторической и философской перспективы. Предлагается синтезировать цивилизационный подход с идеей аутентичного экзистирования Dasein Мартина Хайдеггера, принципом множественности экзистенциалов Александра Дугина и таким образом преодолеть кризис, порожденный доминированием либеральной-демократии как наиболее точного выражения Постмодерна.

UNITY OF THE TURKO-MONGOL AND RUSSIAN WORLD IN THE CIVILIZATION INTENTION OF THE GOLDEN HORDE

A.O. Voronko

Pacific national university, Khabarovsk (Russia)

In the context of the civilizational awakening of Samuel Huntington, it is possible to trace how a new international space is being formed on the basis of reviving identities. In this regard, the task of establishing the unity of the Russian and Turkic-Mongolian worlds for the Russian Federation and the CIS countries is being actualized. Indeed, despite its consistent anti-Western policy in the international arena, Russia, after the unsuccessful social experiments of the 20th century, has largely lost its civilizational essence and is at an ideological crossroads. This state of affairs threatens to destabilize and collapse the country on an implicit and explicit level. The author proposes to look at the unity of the Russian and Türkic-Mongolian worlds in the civilizational intention of the Golden Horde as the most effective and authentic form of integration, emerging from a historical and philosophical perspective. It is proposed to synthesize a civilizational approach with Martin Heidegger's idea of authentic Dasein existence, Alexander Dugin's principle of multiple existentials, and thus overcome the crisis generated by the dominance of liberal democracy as the most accurate expression of Postmodernism.

В современном мире намечается конец либеральной гегемонии. Внутренняя суицидальная логика развития либеральной идеологии как наиболее точного выражения Модерна проявляется все более эксплицитно [3], доказательством чему может послужить «возрождение» и утверждение культурных идентичностей на международной арене [6]. Суверенная политика России и Китая становится все большим противовесом западному влиянию. Стоит обратить внимание и на активные проявления исламского мира, ярче всего выраженного в восстановлении власти Талибана на территории Афганистана. Кроме того, внутри либерально-демократических структур появляются «вызовы», выраженные в радикализованной политике Польши и Венгрии в рамках Евросоюза. Даже внутренняя ситуация в США, выраженная в «штурме Капитолия», говорит о нестабильности либеральной демократии.

Однако Россия на данный момент стоит на цивилизационном распутье, поскольку несмотря на внешнеполитическое противостояние западному либерализму, она в своем внутреннем содержании не может определиться с интенцией будущего развития. В связи с этим важно разобраться, что собой представляет «цивилизационное пробуждение» и каким образом связано единство русского и тюрко-монгольского мира.

Самюэль Хантингтон предвидел текущее изменение мира и ослабление либерального порядка через пробуждение культурных идентичностей [6]. В своем труде «Столкновение цивилизаций» он производит дескрипцию цивилизаций и прослеживает их интенции. Однако методы его анализа не позволяют более глубоко произвести дескрипцию их логики и наполнения. Хантингтон делает поверхностный срез очевидного и намечает горизонты исследования. В этой связи предлагается произвести синтез цивилизационного подхода с онтоисторической политикой Мартина Хайдеггера и принципом множественности экзистенциалов Александра Дугина [3]. Это позволит углубить понимание текущих процессов и выработать видение того, на чем следует сосредоточить внимание в современных геополитических условиях.

Онтоисторическая политика определяется через неаутентичное и аутентичное экзистирование Dasein. «Dasein» — многоуровневый, сложный термин, который корректнее перевести как «вот-бытие» [3].

Если происходит неаутентичное экзистирование Dasein Народа, то он выбирает время как преходящее. В таком режиме история есть наука о прошлом. Здесь Решение принято, но принято в пользу «не быть». И это судьба, область predetermined. Именно в таком состоянии Народ уязвим для позитивистских идеологий Модерна, в том числе и либерализма — потому как это становится его predetermined будущим. Либерализм есть предельная форма неаутентичного экзистирования Dasein. В этом смысле он есть грядущее, как абсолютизация прошлого и царство чистой эфемерности. Здесь история пишется такой фигурой, как dasMan, механическим обществом [3].

Исходя из этого, «возрождение цивилизаций» на современном этапе можно трактовать как начало перехода цивилизаций к аутентичному экзистированию Dasein. Выбор аутентичного экзистирования состоит из трех моментов. Хайдеггер описывает их так. «Послание» (Sendung) как печать бытия на становлении, как «бывшее» (Gewesene). Это бытие послано временем и составляет сущ-

ность времени как Народа. В самом себе Народ и есть Послание. Послание передается, и эта передача являет собой традицию. Традиция есть переданная временем интенция, вечность. Традиционное общество есть общество, экзистирующее как вечность. Оно не останавливает время искусственно, время Послания длится вечно [3].

Вторым моментом является будущее как Поручение (Auftrag). Такое будущее уже есть и представляет собой движение в сторону бывшего. Это будущее вечное, а значит, оно давно было. Поэтому движение вперед в аутентичной истории Народа и постоянный выбор бытия суть исполнения Поручения, нацеленного на бытие. Движение Народа к себе Самому (Selbst). Историческая интенция развертывается в структуре утверждения сути [3].

Аутентичному моменту настоящего (третий момент) соответствует Работа (Arbeit). Экзистирруя, Народ, принявший Решение аутентично экзистировать и движущийся в сторону исполнения Поручения, осуществляет Великое Делание. Оно состоит в том, что он преодолевает себя, «выбрасывать наружу творящее могущество вечности». Работа становится «эпифанией великой мощи бытия». Бытие раскрывается как сущее, и сосредоточением, ядром этого выступает Народ [3].

На этом шаге требуется принять принцип «множественности экзистенциалов», который выработал философ Александр Дугин, вдохновившись трудами исследователей постколониалистов [3]. Этот принцип утверждает, что у каждого Народа есть свои собственные экзистенциалы, которые исходят из фундаментально различного отношения к миру. Такой подход отрицает универсальность и делает экзистирование для каждого народа уникальным.

Однако различные пути экзистирования не исключают интеграционной основы. Если проанализировать исторический процесс, то можно выявить, что у некоторых народов наблюдается конгруэнтность, комплементарность по отношению к друг другу. Процесс трансверсального экзистирования конгруэнтных народов позволяет им обогащать и дополнять друг друга. Подобный подход согласуется с «симбиозом этносов» Льва Гумилева [2]. Таким образом, составляется совместная цивилизационная интенция.

Выводим следующее определение экзистирующей Цивилизации: Сущностный закон исторического бытия, в силу структуры которой совокупность конгруэнтных народов обеспечивает свою историческую длительность, т.е. возможность охранения своих Посланий и своей борьбы за свои Поручения.

Далее сконцентрируемся на России. Хантингтон определяет цивилизацию России, как «Orthodox civilization», что является сомнительным отражением сути [6]. По мнению автора, намного более точным будет употребление шпенглеровского определения «Русско-сибирская» [7]. Поскольку именно взаимодействие русского и тюрко-монгольского мира в большей степени породило ее.

История Руси из древле знает прецеденты взаимодействия тюркских племен и славян. Можно отметить неудачное взаимодействие Святослава Игоревича и печенегов. Или более поздние успешные союзы половецких племен и некоторых русских князей. Однако, как правило, это взаимодействие имело эпизодический и эфемерный характер. Наиболее глубокая интеграция славян и тюркских племен произошла при монгольском нашествии [1].

Монгольский период в истории России часто воспринимают в искаженном виде. А именно, сильна тенденция «демонизации» того исторического прошлого [1]. Однако все больше исследований сходятся на том, что интеграция Руси в Монгольскую империю имела множество позитивных аспектов. В частности, можно отметить взаимное цивилизационное обогащение и укрепление славян и тюрко-монгольских народов [4]. Исходя из методологии онтоисторической политики, можно утверждать, что данный период в своем кульминационном выражении являлся аутентичным экзистированием Dasein русского и тюрко-монгольского мира, пассионарным взрывом [2].

Русское царство как наследница Орды во многом продолжило ту экзистенциальную интенцию и сплотило вокруг себя тюрко-монгольские народы [1]. Нарастающее могущество экзистенциальной цивилизационной интенции выразилось в создании Российской империи, которая на долгое время станет значимой силой на международной арене.

Важно отметить, что на данный момент Россия является ориентиром для многих стран СНГ из орбиты тюрко-монгольского мира, которые ранее входили в состав единого государства Золотой Орды [5]. Также в самой России проживает большое количество тюрко-монгольских этносов, которые активно возрождают свои идентичности. В связи с этим важно отметить, что цивилизационный подход подразумевает под собой не только разделение на основе неприятия западных моделей существования, но именно что интеграционное пространство. Следует не допустить того, чтобы русский и тюрко-монгольский мир разъединился под воздействием геополитического конформизма или национализма Модерна, который не имеет ничего общего с традицией и являет собой деструктивную природу. Но и «социалистический» путь единства на качественном уровне доказал свою несостоятельность.

Наиболее эффективной цивилизационной интенцией для единства тюрко-монгольского и русского мира является идея наследия Орды. Данный подход не исключает идентичности, а обеспечива-

ет возможность аутентичного экзистирования множества идентичностей в едином цивилизационном поле. Сочетание без слияния, а различия без разрыва — наиболее точная характеристика Орды. Россия как прямая наследница Золотой Орды может стать ядром будущей интеграции на основе цивилизационного «возрождения». Можно трактовать это как путь восточного идентаризма, который выступит альтернативой западному движению.

Синтез цивилизационного подхода и аутентичного экзистирования множественного Dasein на основе интенции Орды позволит России качественно утвердиться на геополитической арене нового формата и создать привлекательный центр для интеграции и эффективного единства русского и тюрко-монгольского мира.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. А.И. Куркчи. Черная легенда: историко-психологический этюд / подг. текста и вступ. статья А. Фарзалиева // Хазар (Баку). — 1989. — № 1. — С. 5–43.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб.: Кристалл, 2001. — 399 с.
3. Дугин А.С. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия // Академический проект. — 2016. — 694 с.
4. Макаров Н. Русь. Век тринадцатый // Родина. — 2003. — № 11. — С. 20–22.
5. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 77–85.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. — 864 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. — 592 с.

Сведения об авторе:

Воронько Антон Олегович, магистр, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия).
E-mail: Voronko27@mail.ru

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ, ЧИНОВНИКИ И ВОЕННЫЕ XVIII — НАЧАЛА XIX В. О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ХАНСКОЙ ВЛАСТИ У КАЗАХОВ

О.Е. Гундова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 проект «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»)

Включение Казахской степи в состав России вызвало у имперских правящих кругов потребность в сборе сведений о традиционных политических институтах казахского общества. В докладе анализируются оценки государственности и ханской власти у казахов Младшего и Среднего жузов в работах ученых, чиновников и военных Российской империи XVIII — начала XIX в.

RUSSIAN SCIENTISTS, OFFICIALS AND MILITARY OF XVIII — EARLY XIX CENTURIES ON STATEHOOD AND KHAN POWER OF THE KAZAKHS

O.E. Gundova

Altai State University, Barnaul (Russia)

The inclusion of the Kazakh steppe in Russia caused the imperial ruling circles to collect information about the traditional political institutions of Kazakh society. The report analyzes the assessments of statehood and khan power among the Kazakhs of the Junior and Middle Zhuzes in the works of scientists, officials and military personnel of the Russian Empire of the XVIII — early XIX centuries.

Инкorporация Младшего и Среднего казахских жузов в Российскую империю с сохранением их традиционных политических институтов вызывала необходимость изучения государственности новых подданных в целях организации управления новыми территориями. До 1730-х гг., когда началось включение Казахской степи в состав империи, уровень осведомленности о казахском народе в России был крайне низким. Точные сведения об общественном устройстве и внутривнутриполитической жизни казахов появились у имперской правящей элиты лишь после поездки А.И. Тевкелева в ставку хана Абулхаира в 1731 г. [4, с. 5–6, 11].

Согласно свидетельствам очевидцев, казахский народ подразделялся на три политических объединения — жуза: Старший, Средний и Младший (Большая, Средняя и Малая, или Меньшая, орды). Во главе каждого из них стоял хан, избираемый из числа султанов-чингизидов. Звание хана не являлось наследственным, а могло быть приобретено лишь в результате официального акта избрания

[4, с. 58]. Именно процедура избрания хана подтверждала его легитимность в глазах казахского общества. По этой причине, когда после смерти хана Абулхаира в 1748 г. встал вопрос о преемнике, оренбургский губернатор И.И. Неплюев рекомендовал центральным властям учитывать традицию выборов хана: «Ханы бывают у них не по наследству, но по народному избранию. И тако, ежели со стороны е.и.в. в то, чтоб ханы их были наследственные вступиться, а их киргис-кайсацкие старшины и народ того не похотят и не примут, то принуждать их к тому неудобно, а, начав оное, иногда и без предосуждения быть может» [8, с. 394–395].

Рекомендации Неплюева были учтены имперскими властями и институт выборов хана был сохранен, однако в измененном виде. Теперь кандидатура хана согласовывалась с российской стороной, число участников выборов сократилось до нескольких наиболее лояльных старшин [11, с. 269–270], утверждение подкреплялось специальным документом — патентом на ханское достоинство со стороны российского монарха [8, с. 409–410, 444–447]. В последующие годы процедуры избрания и утверждения ханов упрощались, теряли сакральный смысл и превратились в церемонию назначения на должность [3, с. 18–22].

У имперских ученых, чиновников и военных не сложилось единого и внятного понимания полномочий казахского хана, а следовательно, природы казахской государственности. Например, П.И. Рычков сводил компетенции хана к функции военного полководца и регулированию отношений с внешними силами, судебному арбитражу. Относительно государственного устройства казахов он писал следующее: «Что надлежит до народного правления в обоих тех ордах, то оное между известными ныне формами правления ни с какою точно сравнить не можно. Может оно названо быть родовым или семянным (и так похожим несколько на демократию)» [5, 198–199, 202]. Е.К. Мейендорф также отмечал демократические черты в общественном устройстве казахов: «Власть хана покоится на общем признании: если уж он его приобрел, то может править деспотически, однако лишь тогда, когда он действует в интересах народа. Таким образом, это общественное мнение ограничивает его власть». Полномочия хана автор обозначил весьма расплывчато — он «фактически распоряжается жизнью и смертью киргизов» [12, с. 41–42]. По мнению Я.П. Гавердовского, «собственное правление в киргизских ордах можно было бы причислить к феодальному, если бы не затмевалось оно ныне правом сильного» [6, с. 430]. А.И. Левшин, сравнивая политическое устройство современных ему европейских обществ с казахским, пришел в выводу о том, что «непрочность властей, у киргизов существующих, неопределимость оных, слабость, свобода переходить из-под одной к другой, отсутствие законов, ненаказанность преступлений очень близки к тому понятию, которое обыкновенно разумеется под словом «анархия». И по сей-то причине народ киргиз-казачий не имеет ныне самостоятельного политического бытия» [10, с. 360–361].

Российские ученые, чиновники и военные отмечали, что власть казахского хана основывалась на его личном авторитете, харизме. По мнению П.И. Рычкова, хан, «которой хитр, смел и храбр в военных их делах, у того они (казахи. — О.Г.) больше держатся, почитают и уважают его, и куда б он ни похотел, многих последователей себе находит <...> А буде такой же народом избранной и произведенной хан и салтан случится быть нраву скромнаго и тихова, и ни с какой стороны не имеет себе подкрепления, покидает его народ и пристает к другим салтанам» [5, с. 199]. Распространению подобной оценки ханской власти, на наш взгляд, способствовала политическая ситуация, сложившаяся в казахских жузах в XVIII — начале XIX в. Так, представитель младшей ветви потомков хана Джанибека Абулхаир (1710–1748) был избран ханом Младшего жуза исключительно благодаря своим выдающимся личным качествам. В условиях быстро нарастающей военной конфронтации казахов с джунгарами, волжскими калмыками, башкирами и яицкими казаками решающим фактором при выборе хана стал полководческий талант. Младший современник Абулхаир-хана, хан Среднего жуза Аблай (1771–1781) также пришел к власти благодаря проявленным в борьбе с Джунгарией воинской доблести и организаторским талантам [7, с. 160–168]. Потомки этих выдающихся лидеров, оказавшись на ханском престоле при поддержке российского правительства, не обладали способностями и авторитетом своих предшественников и не имели влияния в казахском обществе. Так, в 1785 г. начальнику Оренбургского края О.А. Игельstromу было представлено письмо, подписанное 53 старшинами из 21 рода Младшего жуза, в котором они просили устранить от ханства детей хана Абулхаира [1, с. 185]. В 1795 г. два казахских султана и 19 старшин Среднего жуза подали императрице Екатерине II прошение об устранении с ханского престола наследника Аблая хана Вали [13, с. 84].

Наблюдатели фиксировали ограниченный характер ханской власти, ее слабость, второстепенную роль правителя по сравнению с родоначальниками родов и отделений. Так, по мнению И.Г. Георги, «хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которые бывают отчасти его братья, салтаны, дядья или их друзья» [2, с. 233]. А.И. Левшин считал, что утвержденным российским правительством ханам повинуются «только роды, участвовавшие в избрании их и кочующие близ границ наших, и то не все. Прочие, не признавая ни владычества России, ни властей ею постав-

ляемых, управляются самопроизвольно избранными старейшинами (аксакалами), биями, батырами и султанами» [10, с. 364].

Оценки имперских ученых, чиновников и военных ханской власти как слабой, лишенной авторитета у народа, приводили их к мысли о пересмотре роли хана в имперской системе управления Казахской степью. Начиная с 80-х гг. XVIII в. стали появляться проекты, предусматривавшие создание новой системы управления в казахских жузах. В 1788 г. полковник Д.А. Гранкин представил президенту Военной коллегии Г.А. Потемкину проект нового административного устройства в Младшем жузе. Он предусматривал ликвидацию института ханской власти и создание четырех территориальных единиц, управление которыми должны осуществлять султаны при поддержке родовой знати. Возможность исключения хана из новой системы управления автор проекта аргументировал следующим образом: «Хан (Нуралы. — *О.Г.*), ныне находящейся в Уфе, весьма древен в старости, так что он не желает и сам быть ханом. И ежели ему только предположить, что дан будет пенсия и отпустят его в свое жилище, то он неотменно склонится послать от себя к народу письмо со увещанием таким, дабы у них уже его, хана, не было и они бы о том не думали, а повиновались бы законом е.и.в.» [9, с. 129–130]. По-видимому, Д.А. Гранкин предполагал, что авторитет ханской власти ослаб настолько, что казахское общество может отказаться от этого института. Более взвешенной представляется позиция оренбургского генерал-губернатора О.А. Игельстрома, предлагавшего не упразднить ханскую власть, а лишь ограничить ее, создав при хане совет старшин [14, с. 57]. Аналогичный проект в 1795 г. представил императрице Екатерине II генерал-майор Я.В. Боувер. Документ предусматривал не ликвидацию ханской власти, а лишь расширение представительства казахской родовой знати в управлении Средним жузом путем создания при хане Вали совета старшин. Необходимость привлечения к управлению представителей кара-суек автор объяснял тем, что воля уважаемых старшин «на протчий народ часто более имеет влияния, нежели самого владельца (хана. — *О.Г.*) намерения» [9, с. 143–146]. Лейтмотивом вышеназванных проектов, безусловно, была интеграция казахских жузов в имперскую систему административно-территориального управления. Однако все авторы отмечали слабость авторитета хана в казахском обществе, ограниченность его власти и влияния в сравнении с родовой знатью. Именно в период 80-х гг. XVIII в. произошла первая попытка российских властей ликвидировать ханскую власть. В 1820-х гг. на основе уже имеющегося опыта Россия совершила серию успешных мероприятий, в результате которых институт ханской власти был упразднен [14, с. 57–60].

Таким образом, при оценке государственности и ханской власти у казахов имперские ученые, чиновники и военные выделяли три главных аспекта: выборность ханов, их личный авторитет и авторитет института ханской власти в обществе. Выборы степных правителей рассматривались наблюдателями как неотъемлемая составляющая института ханской власти, которая легитимизовала власть хана в казахском обществе. Объем власти казахского хана, по их мнению, был обусловлен личным авторитетом правителя: харизма и полководческий талант гарантировали хану народную поддержку, не обладающий ими правитель не пользовался авторитетом в обществе, даже будучи избранным и утвержденным в ханском достоинстве. Сам институт ханской власти очевидцы единодушно считали слабым и ограниченным, отказывая казахскому народу в государственности. Можно констатировать, что оценки политических институтов казахского общества в XVIII — начале XIX в. в работах ученых, чиновников и военных Российской империи были не всегда адекватными, собранные сведения часто характеризовались утилитарностью и дискретностью.

Литература

1. Вяткин М.П. Батыр Срым: учебное пособие. — Алматы, 1998. — 344 с.
2. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. — СПб., 2007. — 808 с.
3. Далаева Т.Т. Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия Исторические и социально-политические науки. — 2011. — № 2. — С. 15–24.
4. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). — Алматы, 2005. — 484 с.
5. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. IV. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. — Алматы, 2007. — 376 с.
6. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. — Алматы, 2007. — 624 с.
7. История Казахстана: народы и культуры: учебное пособие. — Алматы, 2000. — 636 с.
8. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. — Алма-Ата, 1961. — 743 с.
9. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). — Алма-Ата, 1964. — 575 с.
10. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Алматы, 1996. — 656 с.
11. Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. — Т. II, Ч. 2. — Алма-Ата, 1948. — 457 с.

12. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — М., 1975.
13. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. — Т. 1. — СПб., 1906. — 528 с.
14. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2014. — 272 с.

Сведения об авторе:

Гундова Ольга Евгеньевна, аспирант кафедры востоковедения, лаборант-исследователь отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: olga.gundova13@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОГО МАТЕРИАЛЬНО-ПРИКЛАДНОГО ЭТНОИСКУССТВА КЫРГЫЗОВ

Г.У. Байбосунова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

В статье рассматривается прикладная культура кыргызов, войлочное искусство, курак, виды декоративно-прикладного искусства, валяние войлока, значение орнаментов в ковроделии.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF TRADITIONAL MATERIAL-APPLIED ETHNIC ARTS OF THE KYRGYZ

G.U. Baybosunova

Kyrgyz National University, Bishkek (Kyrgyzstan)

The article examines the applied culture of the Kyrgyz people, felt art, kurak, types of arts and crafts, felting, the meaning of ornaments in carpet weaving.

Кочевой образ жизни, патриархально-родовой быт, ведение скотоводческого хозяйства наложили отпечаток на материальную культуру кыргызов. Жилища, одежда, пища, утварь, транспортные средства, музыкальные инструменты, изделия из кожи, игральные дощечки — тогуз коргоол и т.д. определялись сезонным характером хозяйственной деятельности.

Одним из основных видов материальной культуры были и есть декоративно-прикладное искусство кыргызов. К таким видам можно отнести шырдаки, ала кийиз, туш кийиз, чий, резьбу по дереву, курак и т.д. Мы рассмотрим один из интереснейших видов материальной культуры и искусства — войлочное искусство. Войлочное искусство у кыргызов появилось еще в древности, постепенно начало развиваться с развитием хозяйственно-экономического уклада жизни, и стало ориентироваться на кочевой образ жизни и затем на оседлый.

С 2012 г. войлочное искусство кыргызов вошло в список нематериального культурного наследия человечества на 7 сессии Межгосударственного комитета по нематериальному культурному наследию ЮНЕСКО.

Самый популярный на сегодняшний день войлочный вид ковра — шырдак [1] — очень красивый, красочный вид искусства, но и в то же время очень сложный по технике выполнения, изготовления. Основа шырдак — войлок готовится из отборной овечьей шерсти путем стеганья. Название происходит от слова «шырык», которое означает стегать. Обычно шырдак сшивается из двух цветов ярко окрашенного войлока. Краски для войлока и шерсти натуральные, которые тоже долго остаются яркими и естественными. Орнамент шырдак выполняется по мозаичной технике. Цвета располагаются естественно, переход цветов происходит гармонично. Шырдак также имеет симметричную композицию, слагающуюся из двух-трех цветов. Техника сшивания разрезанных по контуру орнамента контрастных пластов войлока, условно названная «мозаичной», позволяет выполнить четкий и более рафинированный узор, также уподобленный мотивам рога. На двухслойный войлок контрастных цветов наносится орнамент, контур которого вырезается. Затем войлок расслаивают и сшивают, учитывая фон и узор, с дублирующей войлочной основой. Шов укрепляют декоративным шнуром из шерстяных цветных ниток [2, с. 435].

Виды орнаментов бывают разные, которые, в свою очередь, несут в себе какой-то смысл. Поскольку кыргызы с древних времен были кочевыми, что говорит о связи прикладного искусства с природой, с образом жизни, с хозяйством. Каждый орнамент несет в себе смысл, имеет значение. Один шырдак не похож на другой, поскольку узоры, краски на них получаются оригинальными, не похожими друг на друга. В чем и проявляется мастерство кыргызских женщин-рукодельниц. В изображении на шырдаках бывают горы — Тенир-Тоо (Тянь-Шаньские), волны Ыссык-Куля, солнце, лу-

на, части тела животных: рога горного барана и т.д., что говорит о близости кыргыза с природой, о гармоничном развитии человека с природой.

На сегодняшний день актуальными в использовании являются белые, черные и алые тона цвета, что символизирует горы Ала-Тоо и Тенир-Тоо; коричневый цвет тоже является очень модным, как естественное, не крашенное войлочное изделие.

Ввиду трансформации материальной культуры, на сегодняшний день шырдаки тоже трансформировались и по форме, и по смысловому содержанию узоров и орнаментов. Например, сейчас делают шырдаки овальной формы, узоры смешанные, современного значения. В советское время были узоры звезды, серпа и молота. До исповедания кыргызами ислама были шырдаки с зооморфным орнаментом, с изображением животных, различных частей их тела и т.д. То есть трансформация неизбежна и необходима.

Шырдак является основным компонентом кыргызской юрты — прочным и долговечным жилищем, срок службы которого может достигать до 100 лет и более. Необходимость в быту ковров-шырдаков, ала-кийизов и т.д. проверена временем и социальными условиями кочевого образа жизни кыргызского народа. Обусловливается также тем, что войлочные ковры являются теплыми, прочными и долговечными в использовании. Шырдак обычно располагается на полу и служит как основной материал и атрибут жилья, для сохранения теплоты в жилище и вместе с тем несет в себе эстетическую функцию, обеспечивая красоту жилого помещения.

В домашнем быту женщины отвечали за все домашние дела, и ковроделие считалось одним из основных работ и обязанностей кыргызской женщины. В ковроделии воплощалось, как элемент изобразительного искусства, повествование каких-либо значимых событий, передавался сюжет из жизни людей, либо просто показывалась пейзажная композиция или сцены животных. Например, это нашло отражение в работе М.В. Рындина «Киргизский национальный узор» (1948), в рисунках которой живописно показаны орнаменты, зоологические узоры и раскрыты их значение и смысл.

Многие научные данные показывают сложный характер материальной культуры кыргызов, а также указывают на генетическую и этнокультурную связь с культурами соседних — древних и средневековых кочевых народов Центральной и Средней Азии. Можно с уверенностью утверждать об этнокультурной связи кыргызского ковра-шырдак с казахским ковром-текемет, с алтайским пазырыкским ковром, с китайским ковром и т.д. С древнейших времен и в периоды средневековья, в силу разных обстоятельств, материальная культура кыргызов пересекалась с материальной культурой живущих по соседству народов. Примечательно, что установившаяся генетическая и этнокультурная связь войлочного ковроделия и по сей день продолжается развиваться в этих государствах, что нашло подтверждение в книге С.М. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи».

Исторические свидетельства, а также результаты предпринятых в широких масштабах археологических исследований Южной Сибири, Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая позволяют утверждать, что в материальной культуре кыргызских племен в той или иной мере нашли продолжение традиции материальной культуры кочевников — от саков, усуней и гуннов до тюрков и монголов [3, с. 124].

Уникальность и оригинальность каждого ковра неоспоримы, ведь каждая мастерица вкладывает душу в изготовление войлочного искусства — шырдак. Сочетаются практичность, качество и художественно оформленная красота войлочного рукоделия.

Также шырдак традиционно являлось одним из составляющих приданого невесты, как мы знаем, родители невестки с рождения готовили ей приданое, в том числе и шырдак. Эта традиция сохранилась и по сегодняшний день, когда в некоторых регионах республики до сих пор готовят шырдаки для будущих невест.

Кочевой, полукочевой образ жизни, скотоводческое хозяйство обусловили появление такого вида войлочного ковра, как ала кийиз. Ала кийиз отличается от шырдака тем, что он изготавливается за сравнительно более короткое время, чем шырдак. Ала кийиз готовится техникой валяния, где тоже можно сочетать разные цвета войлока. Ала кийиз в основном используется и использовался кыргызами для повседневного применения в быту. Срок службы ала-кийиз составляет примерно до 40 лет.

В современном мире каждый народ стремится сохранить свою культуру, идентичность, передать свое культурное наследие следующему поколению. Быть на волне всего развивающегося мира и в то же время сохранить свое, отличное от других народов и наций.

В условиях глобализации в Кыргызской Республике очень много проводятся разные мероприятия, связанные с культурой, с сохранением этнических ценностей на государственном и на международном уровнях. Что свидетельствует о важности сохранения материального и духовного культурного наследия. В этом и заключается история культурного богатства кыргызского народа, связанная с философией сохранения и дальнейшего совершенствования ее самобытности и значимости. В каж-

дой национальной культуре отражается бытие того или иного народа, этапы развития его истории и этносознания.

Также к традиционным кыргызским видам декоративно-прикладного искусства, кроме войлочных ковров, вышивки, плетения узорных циновок из чия (степное растение), относится и «курак», представляемый собой искусство лоскутного шитья. Каждый из этих видов искусства имеет свою технику изготовления, свое значение в жизни кыргыза. Более того, каждый вид декоративно-прикладного искусства имеет свое особое место в этнокультуре кыргызов.

«Курак» переводится как соединить, сшить. Он является одним из древних видов декоративно-прикладного искусства, который сохранился и по сей день. Разноцветные куски ткани, разной формы соединяются путем шитья друг к другу. Курак особый вид орнаментальных композиций, особо подбранных цветов и кусков тканей. Это есть своего рода искусство, создание чего-то нового из старого. Что говорит о продолжении и развитии жизни, что жизнь диалектично развивается по своему пути.

Также каждый орнамент имел свое значение, например, круг с четырьмя линиями, пересекающимися в центре, это тундук — отверстие в верхней части юрты. Это символ солнца, вера, что кочевники жили в центре Вселенной. Треугольник — символ беременной женщины, репродукции и богатства.

В этнокультуре кыргызов курак связан с такими традициями и обычаями, как 40 дней ребенку после рождения, его одевают в одежду из 40 кусков — лоскутов ткани, это может быть рубашечка, платье. По традиции считалось, в этот день душа ребенка отделяется от матери, ребенок становится самостоятельным. Также курак служит обрегом, символом здоровья, обеспечивая адаптацию к жизни вне утробы матери, в результате чего более ясно слышит, видит и т.д.

По другой традиции после смерти человека всем родственникам раздавали «жырътыш» — куски тканей, одежду долго прожившего и уважаемого человека разрывали на куски и раздавали всем женщинам. Таким образом, через курак передается вся благодать, который умерший набрал за свою жизнь. Из старого куска материи изготавливается новый курак. В старом куске ткани дается начало новой жизни.

Отсюда можно сделать вывод, что в прикладном искусстве кыргызов хранится и глубоко таится смысл, который передавали женщины-рукодельницы. Мастерицы в своем искусстве просили небесные силы о здоровье и благополучии семьи, обереге от сглаз. В то же время шырдак, кийиз являлись очень теплыми для использования в быту. Каждый орнамент тоже нес в себе значение, определенный смысл, которые указывали на существование философского сознания у кыргызов на основе эмпирических знаний о картине мира и единстве природы и самого человека.

Литература

1. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе, 1990.
2. Курманова Г.А. Орнамент в декоративно-прикладном искусстве кыргызов // Вестник Ала-Тоо. — 2017. — № 2.
3. Чандыбаева А.М. Значение символов техники «курак» и их классификация по видам. [Электронный ресурс]. — URL: <http://yorkam.akdeniz.edu.tr/wp-content/uploads/2019/12/5.pdf>
4. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. — Изд-е 4. — Бишкек: Полиграфбумресурсы, 2019. [Электронный ресурс]. — URL: el-sozduk.kg.

Сведения об авторе:

Байбосунова Гулзат Усонбековна, магистр философии, преподаватель кафедры философии, теории и истории культуры факультета социально-гуманитарных наук, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: gulzatbaibosunova@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

З.Р. Муксинова

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек (Кыргызстан)

Раскрываются исторические особенности происхождения кыргызского народа в контексте этнокультурных процессов, происходящих в Центральной Азии. Исследуются вопросы, связанные с появлением кыргызов на Тянь-Шане, и высказываются предположения известных ученых и исследователей о енисейских корнях кыргызов, переселившихся на Тянь-Шань. Освещаются различные концепции, подтверждающие прямую генетическую преемственность между енисейскими и тянь-шаньскими кыргызами. Обосновывается устойчивость и преемственность традиций кыргызов, переселившихся с Енисея на Тянь-Шань.

INTERACTION OF TRADITIONS IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL PROCESSES OF CENTRAL ASIA

Z.R. Muksinova

Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek (Kyrgyzstan)

The historical features of the origin of the Kyrgyz people in the context of ethnocultural processes taking place in Central Asia are revealed. Issues related to the appearance of the Kyrgyz in the Tien Shan are investigated and the assumptions of famous scientists and researchers about the Yenisei roots of the Kyrgyz who moved to the Tien Shan are expressed. Various concepts are highlighted, confirming the direct genetic continuity between the Yenisei and Tien Shan Kyrgyz. The stability and continuity of the traditions of the Kyrgyz who migrated from the Yenisei to the Tien Shan are grounded.

О проблеме происхождения кыргызского народа нельзя сказать односложно. Известно, что для ответа на этот вопрос необходим комплексный анализ данных различных наук, в частности, истории, археологией, этнографии, антропологии, лингвистики. Особое место в этой проблеме заслуживает вопрос о связях тьянь-шаньских кыргызов. В исторических исследованиях ученых существует концепция, принадлежащая профессору А.Н. Бернштаму, согласно которой, между этими народами существует прямая генетическая преемственность, согласно которой енисейские киргизы на протяжении двух тысячелетий переселялись с Алтая на Тянь-Шань и в итоге составили ядро современных кыргызов.

Исследуя вопросы, связанные с историей Кыргызстана и кыргызов, сталкиваешься с большим количеством научных трудов, в которых бытуют противоречивые мнения ученых о кыргызах, их появлении на Тянь-Шане и этническом родстве с енисейскими кыргызами. Среди первых ученых, высказавших предположения о енисейских корнях кыргызов и переселения их из Центральной Азии на современную территорию Кыргызстана, были Г.Ф. Миллер [1] и Н.Э. Фишер [2]. Другой видный ученый Н.Я. Бичурин опровергал это мнение и считал их разными народами. Ч. Валиханов также опровергал переселение кыргызов на Тянь-Шань [3]. Исследователь В.В. Радлов, опираясь на данные этнографии и языкознания, высказал предположение, что кыргызы были переселены с первоначальных мест своего обитания к югу от Саян монголами в XIII в. по трем направлениям: на Тянь-Шань, в Верхний Енисей и к северу от Саян. Другой известный исследователь Центральной Азии Н.А. Аристов [4] высказал мнение о том, что кыргызы появились на Тянь-Шане в XVI в., хотя у него были оппоненты по данному вопросу в лице Г.Е. Грумм-Гржимайло, утверждавшего, что кыргызы в домонгольские времена обитали на территории Бурятии, оттуда в XIII в. переселились на Тянь-Шань [5].

Известный исследователь Центральной Азии и кыргызов в своих работах [6], опираясь на материалы археологической экспедиции, высказал свое мнение, что кыргызы появились в IV в. до н.э., причем тогда Енисей и Тянь-Шань входили в единую этнокультурную общность, которая была нарушена вторжением гуннов. С этого периода наступило расчленение кыргызов на две ветви — тьянь-шаньскую и енисейскую. Исследуя антропологические материалы, полученные археологической экспедицией АН СССР (1953–1955 гг.), исследования лингвистов, высказавших родство современного кыргызского и алтайского языков, этнограф С.М. Абрамзон пришел к мнению, что кыргызы и их культура сложились из двух компонентов — местного среднеазиатского населения и переселившихся на Тянь-Шань народов Центральной Азии [7].

На основании мнений и высказываний ученых по вопросу о появлении кыргызов на современной территории наиболее вероятной представляется точка зрения ученых о двухэтапном переселении части кыргызского этноса с Енисея в IX–X вв. до н.э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай, разделение кыргызов в начале II тысячелетия н.э. на два этноса: енисейские и восточно-туркестанские, и переселение в XV н.э. восточно-туркестанских на Тянь-Шань. Эту точку зрения высказали многие ученые в числе, которых В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков, В. Радлов, В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, О. Караев и другие [6, 8, 9, 10, 11]. Переселяясь с далекого Енисея на Тянь-Шань в течение почти двух тысячелетий, кыргызы были современными соучастниками большого культурно-творческого взаимодействия народов Тянь-Шаня. Переселившийся с Енисея на Тянь-Шань народ имел высокую культуру и традиции, выработанные веками. Енисейские кыргызы широко славились своими мастерами, ремесленниками, кузнецами, изделия которых были хорошо знакомы и ценились в Кыргызстане.

На Тянь-Шане переселившиеся с Енисея кыргызы продолжали вести кочевой образ жизни. Оставаясь кочевниками, они откладывали в своей народной памяти, в фольклоре и народном творчестве культурные ценности, накопленные народом в период его пребывания на Алтае. Многие народные традиции были запечатлены в кыргызском орнаменте, народном фольклоре из периода рассвета кыргызов домонгольской эпохи. Если говорить о народном фольклоре, то нельзя не упомянуть вели-

кий эпос «Манас», воспевающий кыргызского батыра и его походы, родившегося на Алтае и захороненного на Тянь-Шане.

Литература

1. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. — СПб., 1750. — Кн. 1. — С. 12–19.
2. Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774.
3. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинения в пяти томах. — Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. — Т. II.
4. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, и сведения об их численности // Живая старина. 1986. — Вып. III–IV.
5. Грумм-Гржимайло Г.Е. Реферат // Известия Государственного географического общества. — Л., 1934. — Т. 66. — Вып. 1.
6. Бернштам А.Н. История киргиз и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Краткие сообщения института истории материальной культуры. — М.; Л., 1947. — Вып. XVI.
7. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
8. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских киргизов. — Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2000.
9. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. — Иркутск, 1929.
10. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. — М., 1963. — Т. II. — 4.1. — С. 509–510.
11. Караев О. Арабские и персидские источники XI–XII веков о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968. — С. 30–93.

Сведения об авторе:

Муksiнова Зарина Равильевна, аспирант, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: muksinova312@gmail.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЙНОГО ТУРИЗМА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

А.Е. Тандыянова

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачева, г. Москва (Россия)

Активное развитие онлайн-реальности вовлекает в себя все больше сфер деятельности, в том числе и сферу историко-культурного наследия. Особенно это актуально для молодежи. Применение возможностей реального и виртуального туризма может стать одним из самых практичных и эффективных способов приобщения молодежи к историко-культурному наследию своей родины, региона, страны, поскольку позволяет легко соединить процесс просвещения с отдыхом.

THE EFFECTIVENESS OF VIRTUAL MUSEUM TOURISM IN POPULARIZATION OF THE REGION'S HERITAGE AMONG YOUNG PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI REPUBLIC)

A.E. Tandyjanova

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow (Russia)

The active development of online reality involves more and more spheres of activity, including the sphere of historical and cultural heritage. This is especially true for young people. The use of the possibilities of virtual tourism can become one of the most practical and effective ways to introduce young people to the historical and cultural heritage of their homeland, region, country, because it makes it easy to combine the process of education with recreation.

В настоящее время все большее развитие приобретает онлайн-реальность. Успех в виртуальной действительности сегодня приобретает такую же силу, как и успех в реальной действительности, а где-то даже опережает. Во многих сферах успех в виртуальной действительности ценится больше и определяет успех в реальной действительности. Одним из серьезных показателей данного факта у нас в стране можно считать признание силы успешных интернет-пользователей представителями высшей власти. В июне 2017 г. состоялся официальный «совет блогеров» в Государственной Думе, где к блогерам обратились за помощью в принятии государственных вопросов [8].

Особенно это актуально для молодежи. Как отмечают А.А. Лисенкова, А.Ю. Мельникова, «ценностное сознание молодого поколения, как и практически весь современный процесс социализации, протекает в социальных сетях, где они находят круг общения, «своих» и «чужих», дружат и враждуют, являя себя миру через его образное видение» [4]. По данным Системы аналитики соцмедиа и СМИ, в 2019 г. в России наибольший процент (31,7%) пользователей социальных сетей составляет молодежь возрастом 25–35 лет. Число пользователей социальных сетей старшего поколения возрастом от 45 и старше составляет 6,3% [9].

Конечно, онлайн-реальность не обошла и музейный туризм. Для оценки возможностей музейного туризма в популяризации наследия региона среди молодежи в сети Интернет была проведена научно-исследовательская экспедиция и одновременно велась ее онлайн-трансляция [2]. В данной статье с помощью проведенного исследования попытаемся оценить возможности музейного туризма в популяризации наследия региона среди молодежи, обратившись к анализу ее активности в интернет-пространстве.

Активное развитие онлайн-реальности отразилось на активном увеличении онлайн-площадок, что также требует к себе дифференцированного подхода. В данном исследовании интернет-пространство было разделено на две категории: официальные сайты и социальные сети. По ходу экспедиции информация сразу размещалась исследователем на официальных сайтах региональных государственных учреждений культуры и научных электронных журналах. Участники экспедиции размещали информацию в социальных сетях, т.е. в своих блогах.

В ходе анализа анкет участников исследования определилось, что выбор онлайн-площадки зависит от сферы занятости ее владельца [3]. Поэтому в ходе прохождения маршрута ребята должны были провести свое исследование рассматриваемых памятников со стороны своей специализации: культуры, туризма, наследия, музея, СМИ или профессионального блогера. Самой популярной социальной сетью среди молодежи оказалась Instagram, набравшая по четыре и пять тысяч просмотров за пять дней. Активно спросом у молодежи пользуются в ВКонтакте, за пять дней показал две-три тысячи просмотров. Отдельным пунктом можно выделить YouTube, где молодежь больше всего просматривает информацию в видеоформате. Менее всего просмотров показал Facebook — 78 простоев. Ok.ru из участников экспедиции вообще никто не пользовался. К официальным сайтам участники исследования интереса не проявляли. Количество просмотров публикаций участников экспедиции в социальных сетях отражены в таблице.

Количество просмотров публикаций участников экспедиции в социальных сетях

Город/сфера	Наследие	Музей	Культура	Туризм	Блогер/СМИ
Екатеринбург					4650
Саратов			48		
Москва				829	
Абакан					5000
Санкт-Петербург	147			3635	
Горно-Алтайск		82		1054	1342
Самара			102		

Понятно, что успех любого социального сервиса зависит от содержания и качества представляемой им информации, т.е. контента. Одним из главных критериев онлайн-сервиса является качественная картинка передаваемого объекта. Как уже отмечалось, в Республике Алтай объекты наследия визуально представлены слабо. Музеефицированные объекты наследия в регионе с наглядным представлением можно увидеть только в коллекционных музеях государственного и частного представления. Под открытым небом нет ни одного полностью музеефицированного объекта наследия. Поэтому для развития музейного туризма онлайн в регионе нет базы, нет контента. Эту же проблему отметили представители СМИ и блогеры региона во время исследования. Из-за отсутствия наглядного изображения и достоверной, полноценной информации об объектах наследия региона не на чем строить контент. Наглядно, современно представленной информации о наследии региона очень мало, на ней блог не построишь. Именно поэтому в регионе мало ребят, ведущих блоги о памятниках республики.

Из-за возросшей актуальности, активности и мобильности онлайн-реальности, в том числе и социальных сетей, в регионе музейный туризм все же пробивается в онлайн. Сейчас он представлен существующими региональными музеями. У государственных, частных музеев и центров культуры региона ведутся официальные сайты и социальные сети [6, 7]. Однако активность в них невелика.

В регионе активно развиваются частные культ-блоги, представляющие отдельные части культуры региона. Они ведут активную онлайн-жизнь и у них большое количество подписчиков. Если

у главного музея региона со столетней историей число подписчиков составляет 1421 человек [7], то у подобного культ-блога за два года число подписчиков составило 5214 человек [1]. На таких аккаунтах представлена качественно и интересно для читателя информация, с качественным фото- и видеоматериалом. Например, один из таких блогов «Шалтрак» представляет национальный алтайский костюм. Автор блога сам ищет информацию о костюмах, шьет их, фотографирует и снимает видео. В своем блоге автор рассказывает об особенностях, значении, стилях, истории национальных костюмов. Автор повествует, какие национальные костюмы носят сейчас и каково его значение для современной молодежи. Такой формат работы очень хорошо воспринимается молодежью. Еще до экспедиции ребята узнали о существовании такого блога, познакомились с особенностями алтайского национального костюма и во время экспедиции он был самым желанным пунктом посещения. Это и есть показатель эффективности виртуального музейного туризма.

В связи с активизацией работы онлайн усложнилась ее структура и интерфейс, что отразилось в усовершенствовании инструментов ее ведения. Для успешного ведения социальных сетей важен не только интересный материал, но нужно уметь его правильно преподнести. Это хорошо показал просмотр публикаций ребят, которые представляли разные сферы. Так, материалы ребят-блогеров набрали гораздо больше просмотров, чем материалы ребят-музеологов, результаты которых приведены в таблице.

Данные таблицы показывают, что музеологи, специалисты по наследию и культурологи предпочитают работу в «поле», с объектами наследия в реальной действительности, нежели работу в социальных сетях. Это наблюдалось и во время экспедиции, они долго работали с объектом наследия на месте, вместо поста в социальных сетях предлагали лучше написать качественную научную статью.

Главное внимание ребят-блогеров было сосредоточено на том, «как и о чем» написать, каким образом представить объект наследия на своей онлайн-площадке, как он будет воспринят его подписчиками. Этот же вопрос, «как и что писать в посту дня», вызывал большие споры и дискуссии между ребятами еще во время экспедиции. У ребят были абсолютно разные взгляды на сами рассматриваемые объекты наследия и на то, как написать о них в своем блоге.

Из анализа выложенных материалов экспедиции в онлайн видно, что для успеха в социальных сетях очень важно владеть инструментами их ведения. В наше время развитию онлайн-интерфейса уделяется большое внимание. Сейчас разработано множество курсов и школ по навыкам ведения социальных сетей. Во всех учреждениях, как государственных, так и частных, имеется отдельный специалист, который ведет социальные сети организации. Это говорит об их востребованности и актуальности.

Очень важно качественное изображение представляемого объекта. Посты без картинок читаются молодежью гораздо меньше или не читаются вообще. Для получения качественной картинки нужны хотя бы базовые навыки фотографа. Нужно уметь пользоваться современными обрабатывающими фотографии и видео приложениями. Важен принцип «меньше текста — больше картинок». Тексты должны быть «говорящими», важно отражать свое отношение и свои эмоции к рассказываемому. Видеоматериалы воспринимаются молодежью лучше, они информативнее и эффективнее. Для обработки видео тоже существует своя методика. Важно соблюдать свой стиль и график выкладывания материала на свою онлайн-площадку. На этом список инструментов ведения социальных сетей, конечно, не заканчивается. Это только элементарные, базовые, основные требования, которым ребята-блогеры обучали остальных участников во время экспедиции.

Активности и актуальности виртуальной реальности способствует активное развитие технологий. Современные технологии позволяют быстро и качественно перевести реальную действительность в цифровую. Мобильная и качественная техника позволяет передать столько информации, что в реальности на собирание подобной информации пришлось бы затратить несколько дней. Например, использование квадрокоптера позволяет собрать много качественных фото и видеоматериала с разных ракурсов и расстояний за несколько минут, не отходя от самого снимаемого объекта.

Информация на официальных сайтах государственных учреждений и научных электронных журналах, как показало исследование, молодежью не рассматривается. К такой информации обращаются только по мере необходимости, например, когда нужно написать статью, выполнить по работе или учебе задание и т.д.

Всего за время экспедиции было сделано 110 постов (80 — на официальном аккаунте проекта, 30 постов участников) и 210 сторис в соцсетях разных форматов: Инстаграмм Fb, ВК, Ютуб, написано 21 анонсов/новостей на официальных сайтах государственных учреждений, 15 научных и публицистических статей, снято 2 видеоролика.

На момент окончания экспедиции просмотр материалов об экспедиции в социальных сетях ее участников составлял 112 тыс., на официальных государственных сайтах учреждений культуры — 48 просмотров, на научных электронных журналах — 676 просмотров. Хотя материалы о музейном туризме в регионе в научных электронных изданиях были опубликованы гораздо ранее, чем материалы экспедиции в социальных сетях и имели больше времени для просмотра.

Анализ эффективности форм онлайн-изложений показал, что для популяризации объектов наследия среди молодежной аудитории, «живые» социальные сети самой целевой аудитории гораздо эффективнее, чем официальные сайты государственных учреждений культуры или сайты научных журналов. Социальные сети позволяют быстрее и доступнее преподнести информацию о показываемых объектах наследия именно целевой аудитории и сразу же получить от них обратную связь в виде отзывов. Критерии эффективности социальных сетей в популяризации объектов наследия:

- просты и доступны в использовании;
- современны;
- мобильны (непривязанность к офису);
- позволяют быстро наглядно ярко качественно получить нужную информацию на простом языке;
- площадка личной самореализации — в том числе и в приобщении к наследию;
- возможность быстро получить обратную связь;
- коммуникация, общение со своей аудиторией;
- предоставление онлайн поддержки и ресурсов;
- доступ к актуальной информации;
- возможность для профессионального развития;
- упрощают ведение работы.

Такая онлайн-работа позволила обеспечить просмотр и знакомство с wybranными объектами наследия для молодежи, которая не была в экспедиции. За неделю общий просмотр публикаций составляла более 112 тыс. Все публикации сопровождались активными, заинтересованными отзывами, отраженные в форме комментариев под публикациями. А это и есть показатель достижения цели экспедиции — сохранение и популяризация объектов наследия среди молодого поколения. Таким образом, виртуальный музейный туризм может служить способом популяризации объектов наследия региона среди молодежи.

Сегодня социальные сети являются очень значимым фактором в повседневной жизни молодежи. В социальных сетях молодежь проводит большое количество времени, что приводит к их киберсоциализации. Информация, расположенная в социальных сетях, влияет на их мировоззрение, ценности и интересы. Поэтому этот инструмент тоже можно активно применять и для привлечения внимания молодежи к объектам наследия. Привлечение интернет-пространства, в том числе и социальных сетей, на мой взгляд, поможет решить вопрос сохранения и популяризации наследия среди молодежи. Интернет — это универсальная площадка, где можно систематизировано уместить всю информацию об объектах наследия в воспринимаемом молодежью формате. Как отмечают В.В. Касьянов и В.Н. Нечипуренко, Интернет «открыл новые возможности для общения, сотрудничества, социализации, взаимодействия и координации между пользователями» [5].

Литература

1. Аккаунт «Шалтырак». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.instagram.com/shaltyrak/?igshid=120wc0hvgexr>
2. Блог «Познавай Алтай». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.instagram.com/poznavaialtai/>
3. Заявка на Всероссийский конкурс блогеров «Познавай Алтай». [Электронный ресурс]. — URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSejn4-pRo37T4zM3MojzDj4_078A_SVPvG2L-nwRwHa0ZvNaw/viewform?vc=0&c=0&w=1
4. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. — 2017. — Том 6. — № 4. — С. 322–329.
5. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология Интернета. — М., 2018.
6. Официальный сайт музея имени А.В. Анохина. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.museyanohina.ru/index.php/ru/>
7. Официальная страница в сети ВК музея имени А.В. Анохина. [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/el_museum
8. Первое заседание Совета блогеров в Госдуме. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2017/5947e6469a794764344b7a27>
9. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019. [Электронный ресурс]. — URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/>

Сведения об авторе:

Тандьянова Айсылу Ефимовна, аспирант, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва, Россия). E-mail: a.tandyjanava@mail.ru

ОБРЕТЕНИЕ КЫРГЫЗСТАНОМ НЕЗАВИСИМОСТИ: НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Д.Ж. Кумашов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)

Упоминания о древнем кочевом народе, кыргызах, пожелтевшими листьями истории насчитывает три тысячелетий. В промежутке этого времени кыргызам довелось увидеть и горе, и радость своей судьбы. История этого великого народа сложилась переплетением черных и белых полос. Ветер перемен подталкивал кыргызский народ то в одно, то в другое направление, но широта мыслей этого народа позволила сформировать в нем национальную идею создания государственности. Скольких своих мужественных воинов, сынов и дочерей потерял этот народ, насчитать невозможно. И вот в конце XX века кыргызам удалось достичь своей цели и идти по самостоятельному пути развития государственности. Создание современного Кыргызстана для многих народов стала первой удачей истории кыргызского народа. Дружба народов, проживающих в Кыргызстане, растет и крепнет, что является достижением и поводом гордости для этого государства. Выбор демократии как способа государственного управления стала исключительно правильным решением для последующего развития страны.

ACQUISITION OF ITS INDEPENDENCE BY KYRGYZSTAN: THE BEGINNING OF AN INDEPENDENT WAY OF STATEHOOD DEVELOPMENT

D.ZH. Kumashov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

Mentioning about the ancient nomadic people, about the Kyrgyz people with yellowed leaves of history has three thousand years. During this period, the Kyrgyz had a chance to see both grief and the joy of their fate. The history of this great people was formed by a binding of black and white stripes. The wind of change pushed the Kyrgyz people in one direction or another, but the breadth of the thoughts of this people made it possible to form in them the national idea of creating statehood. It is impossible to count how many of its brave warriors, sons and daughters this people lost. And at the end of the 20th century, the Kyrgyz managed, after three thousand years, to achieve their goal and follow an independent path of statehood development. Creation of modern Kyrgyzstan, which became the first success of the history of the Kyrgyz people for home and for many peoples. Friendship of the peoples living in Kyrgyzstan is growing and strengthening, which is an achievement and a reason for pride for this state. The choice of democracy as a method of government became an exceptionally correct decision for the subsequent development of the country.

Буквально недавно народ Кыргызстана отпраздновал юбилейную 30-летнюю дату обретения Кыргызстаном своей независимости, а именно 30 лет тому назад 31 августа 1991 г. Кыргызстан объявил о своей независимости и выходе из состава СССР. Но данная дата лишь резюмировала сложные политические процессы проистекавшие в тот период времени. В 1990 г. был избран новый парламент — Верховный Совет Кыргызской ССР 12 созыва при СССР. 10 апреля 1990 г. Совет полноценно начал свою работу.

24 октября 1990 г. Верховный Совет Кыргызской ССР вносит изменение в Конституцию Кыргызской ССР, открывая новую главу Президент Кыргызской ССР и 27 октября избирает первого Президента в истории кыргызского народа, тем самым делая своеобразные самостоятельные шаги еще в период нахождения в составе авторитарно-тоталитарного Советского Союза, определяя будущие контуры пути по обретению государственности [1, с. 1]. Продвижению идеи по созданию самостоятельного суверенного государства способствовала деятельность парламента Кыргызстана, которая в кыргызском народе именуется легендарным парламентом, потому что на плечи этого института была возложена очень большая ответственность в принятии судьбоносных решений, определивших дальнейшее развитие государственности многонациональной страны.

12 декабря 1990 г., когда никто не предполагал на тот момент о возможном прекращении существования СССР, Верховный Совет 12 созыва, который, как уже отмечалось выше, вошел в историю как легендарный парламент, принял первое судьбоносное решение — Декларацию о суверенитете Кыргызской Республики, тем самым определив новое название Кыргызстана — Кыргызская Республика, ликвидировав аббревиатуру Советская Социалистическая [2, с. 2]. Название Кыргызская Республика, соответствуя чаяниям и надеждам кыргызского народа, который стремился тысячелетиями иметь свою государственность, заложило крепкий фундамент в дальнейшем развитии. Видный ученый, бывший Президент, убежден, что государственность — это не только наличие пограничной территории и привычных государственных атрибутов, системы управления, но и великая национальная идея, которая веками живет в сознании людей, ведет их на ратный подвиг и на жертвы во имя своего народа, помогает нации выживать в трудные времена [3, с. 5]. В декларации о суверенитете, состоявшем из 15 статей, парламент заложил и претворил в жизнь идею разделения властей и установил, что государственная власть в Кыргызской Республике осуществляется на основе разделения на исполни-

тельную, законодательную и судебную системы, объявила политическое многообразие, партийный плюрализм, гарантировала права и свободы граждан Кыргызской Республики, предусмотренные Всеобщей Декларацией прав человека, а также обеспечила защищенность природы и природных ресурсов. Кроме этого, Кыргызская Республика отметила, что она имеет самостоятельную банковскую, финансовую системы и при необходимости имеет право вводить свою денежную единицу. А уже после несостоявшейся попытки государственного переворота в конце августа 1991 г. в Москве, названный августовским путчем, Верховный Совет, собравшись на внеочередную сессию, принял исходя из закона о государственном суверенитете от 15 декабря 1990 г. Декларацию о независимости Кыргызской Республики, которая стала логическим продолжением Декларации о государственном суверенитете, доказательством которого служит тот факт, что она состояла из 5 статей, где Парламент объявляет Кыргызстан независимым, суверенным, демократическим государством, просит мировое сообщество признать страну независимым и равным субъектом международного права, гарантирует приверженность общепризнанным принципам международного права [4, с. 3].

На основании принятого закона о независимости Турецкой Республики законом от 16 декабря 1991 г., Республики Казахстан Постановлением Верховного Совета от 23 декабря 1991 г., Постановлением Верховного Совета Узбекистан 4 января 1992 г., где первыми признают независимость Кыргызской Республики. Кыргызстан с этого момента начинает возводить стены государственности на основе прочного, крепкого фундамента. Демократия становится единственным способом государственного управления и развития всех сфер жизнедеятельности страны. В ходе 46-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее — ООН) 2 марта 1992 г. в соответствии с рекомендацией Совета безопасности ООН и резолюцией 46/225 Кыргызская Республика вступает в крупную, глобальную международную организацию — в ООН. На основании Декларации независимости Кыргызстан начинает формировать демократическое государственное управление путем претворения в жизнь систему разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, принимая первую Конституцию независимого Кыргызстана на 12 сессии Верховного Совета Кыргызской Республики 5 мая 1993 г. В Конституции утверждается, что Кыргызстан — демократическая республика, построенная на началах правового государства. 30 января 1994 г. проводится всеобщий референдум с явкой избирателей 96,02%, где Первый Президент Кыргызской Республики, избранный еще в период членства Кыргызстана в СССР, просит народ Кыргызстана подтвердить правовые основы его деятельности. Первый Президент Аскар Акаев, подтвердив свои президентские полномочия во взаимодействии с Правительством Кыргызской Республики, на основании и во исполнение законов, принимаемых парламентом Жогорку Кенеш, начинает курс экономического развития страны.

Кыргызская Республика, несмотря на выход из состава СССР, сохранила крепкие дипломатические и дружественные отношения с бывшими республиками СССР, в том числе с Россией. Для укрепления международного сотрудничества 8 декабря 1991 г. РСФСР, Беларусь и Украина подписывают соглашение о создании Содружества Независимых государств (СНГ), к которому в дальнейшем присоединяются и другие бывшие республики в составе СССР, в том числе Кыргызстан, ратифицировав Протокол к Соглашению о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. [5, с. 4]. Вступление Кыргызстана в СНГ стало важным событием в развитии дипломатических отношений государства. В марте 1992 г. в Алма-Ате состоялось заседание глав парламентариев СНГ и было принято решение о создании межпарламентской ассамблеи (далее — МПА). Медеткан Шеримкулов, председатель «легендарного» парламента Кыргызстана, пригласил своих коллег в город Бишкек. 16 сентября 1992 г. в Бишкеке состоялось первое заседание МПА СНГ, где были приняты многие нормативно-правовые акты по организационным вопросам дальнейшей деятельности межпарламентской ассамблеи СНГ: утвержден регламент работы МПА, путем тайного голосования был избран председатель МПА, решались вопросы финансирования организации, а также определен штаб-квартиры МПА СНГ. В качестве места постоянного пребывания МПА СНГ был определен Товарищеский дворец — колыбель российского парламентаризма. Перспективу работы МПА трудно переоценить. Создание МПА СНГ дало возможность всем парламентарским институтам стран-участниц свести к минимуму или же вовсе прекратить войну законов между республиками и создать единообразие нормативно-правовых актов, нацеленных на развитие демократии, правового государства, ликвидации советской системы управления. Выстраивание Кыргызстаном дружественных отношений с тюркскими народами и Россией является стратегическим направлением внешней политики. Только конструктивный диалог со странами позволит в экстраординарных конфликтообразующих ситуациях достичь дипломатического компромисса и повысить уровень междугосударственного общения. Кыргызстан всегда готов принимать непосредственное активное участие в международных делах и отвергает радикальные методы решения проблем международного уровня.

Литература

1. Закон Киргизской ССР «Об учреждении поста Президента Киргизской ССР и внесении изменений и дополнения в Конституцию (Основной закон) Киргизской ССР» № 222-12 от 24.10.1990. — Фрунзе, 1990.
2. Закон Киргизской ССР «Декларация о государственном суверенитете Киргизской ССР» № 273-12 от 15.12.1990. — Фрунзе, 1990.
3. Закон Кыргызской Республики «Декларация о государственной независимости Кыргызской Республики» от 31.08.1991 года № 578-12. — Бишкек, 1991.
4. Закон Кыргызской Республики «О ратификации Протокола к Соглашению о создании СНГ» от 06.03.1992 года № 840-12. — Бишкек, 1992.
5. Акаев А.А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». — Бишкек, 2001.

Сведения об авторе:

Кумашов Данияр Жолдошбекович, студент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: st091813@student.spbu.ru

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛЬНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Д.Б. Эзимова

Институт Истории и археологии Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад (Туркменистан)

В статье изучается вопрос экологического сотрудничества между Туркменистаном и странами Большого Алтая. Туркменистан проводит взвешенную внутреннюю и внешнюю политику, цель которой — охрана окружающей среды, обеспечение экологического благополучия и рационального использования природных ресурсов.

MODERN ENVIRONMENTAL POLICY OF THE NEUTRAL TURKMENISTAN AND THE GREATER ALTAI: PROSPECTS FOR INTERNATIONAL COOPERATION

J.B. Ezimova

The Institute of History and archeology of Academy of sciences of Turkmenistan, Ashgabat (Turkmenistan)

The article examines the issue of environmental cooperation between Turkmenistan and the countries of the Greater Altai. Turkmenistan pursues balanced domestic and foreign policy, the purpose of which is preservation of environment; ensure environmental well-being and rational use of water resources.

На современном этапе исторического периода регион Центральной Азии является наиболее прогрессирующим и перспективным для инновационного развития основных областей межгосударственных отношений. К таковым относится сотрудничество в сфере экологии и охраны окружающей среды. Территория Туркменистана и Большого Алтая, которые являются важной частью Центральной Азии, богаты природными ресурсами, что, в свою очередь, позволяет данному региону развиваться согласно мировым стандартам. Являясь прогрессивно развивающейся и одной из важных стран на мировой арене, Туркменистан, в первую очередь, уделяет большое внимание дружественным отношениям с соседними государствами. Наши народы связывает не только территориальное расположение, во многом идентичная культура и переплетения в истории, но и общие вопросы, решение которых требует всеобщих усилий. Туркменистан проводит взвешенную внутреннюю и внешнюю политику, цель которой — охрана окружающей среды, обеспечение экологического благополучия и рационального использования природных ресурсов.

Сегодня процесс охраны окружающей среды интегрируется в международные стратегии устойчивого развития. Это создает платформу для разработки новых технологий в области развития экологической культуры. Основная задача экологической истории состоит в том, чтобы человек научился видеть, читать и бережно относиться к истории не только в исторических местах, но и во всем окружающем его мире, так как следы человеческой истории сокрыты в природе: на скалистых осыпях, в степи, в джунглях.

Историческое исследование окружающей среды характеризуется движением в ее защиту. Как отмечает исследователь истории окружающей среды Й. Радкау: «Основным путем, по которому происходил синтез истории людей и истории природы, с античных времен служил географический и климатический детерминизм: характер народа проистекает из окружающего его ландшафта» [2, с. 20]. Л. Гумилев в своей работе «Этносфера: история людей и история природы» отмечает, что «...люди обитают на планете с крайне разнообразными географическими и климатическими услови-

ями — ландшафтами». И так как ландшафты входят в повседневную жизнь этносов как элементы, «тут физическая география смыкается с историей, ибо изменения ландшафтов столь же закономерны, сколь и старение этносов» [1, с. 14].

Первостепенной задачей экологической истории должно стать привлечение внимания к региональным особенностям, что также может принести пользу и политическим экологическим инициативам. Сегодня смысл экологической истории состоит в том, чтобы способствовать международному взаимопониманию в экологической политике, чтобы посредством сравнения выявлять самобытность и своеобразие множества государств и народов.

В эпоху глобальных перемен человечество, как никогда прежде, осознает свою связь с окружающим его миром. Воздействие человека на окружающую среду привело к возникновению экологических проблем мирового масштаба. В настоящее время происходит активное вовлечение гражданского общества в сферу защиты окружающей среды. Это свидетельствует о необходимости коллективного решения экологических проблем. Отличительной чертой международных отношений современного общества является повышенное внимание к вопросу экологической безопасности. Экологическое сотрудничество — это деятельность, осуществляемая для регулирования международных отношений по охране окружающей среды [5, с. 12].

Развивая приоритетные направления государственной политики, Туркменистан уделяет особое внимание установлению благоприятного экологического сотрудничества, основными целями которых являются создание экологической безопасности, сохранение экологического баланса природы, охрана окружающей среды, рациональное использование природных запасов, таких как вода, газ, электроэнергия, а также использование инновационных технологий в решении экологических проблем.

В силу возникших глобальных экологических вопросов большинство развитых и развивающихся стран идут по пути «зеленой» экономики и стараются развиваться в направлении экоинноваций. Экоинновации — довольно новое и очень перспективное направление развития экономики. Экоинновациями являются любые инновации, которые способны привести к уменьшению воздействия на окружающую среду; это разработка новых товаров, процессов и систем с наименьшим использованием природных резервов и минимальными выбросами ядовитых веществ [4].

Придерживаясь принципов устойчивого развития, а также поддерживая международные Конвенции по охране природной среды, Туркменистан активно внедряет их во внутреннюю государственную политику. На данный момент вопросы экологии решаются на государственном уровне, так как от экологического благополучия зависит качество жизни и дееспособность человека. Так, Туркменистан принял ряд законов, касающихся решения экологических проблем. Среди них Закон об охране окружающей среды, Об охране озонового слоя, Об охране атмосферного воздуха, также были приняты Лесной и Водный кодексы Туркменистана, Национальная стратегия по борьбе с изменением климата. С целью создать правовую обеспеченность выполнения данных законов Туркменистан также внес пункты о природной среде в главный Закон — в Конституцию государства.

Так, в частности, статьи 14, 53 Основного закона Туркменистана посвящены вопросам охраны окружающей среды [3]. В статье 14 говорится о том, что природные богатства, вода, флора и фауна Туркменистана являются общенациональным богатством и подлежат охране со стороны государства.

Статья 53 Конституции Туркменистана освещает права каждого человека, живущего в нашей стране, на экологически чистую среду, а также на право получать полную и достоверную информацию о вопросах экологии. В связи с этим был также принят Закон Туркменистана Об экологической информированности. Данный Закон позволяет гражданам страны быть в курсе экологической политики, проводимой в Туркменистане.

Наряду с правами на экологически чистую окружающую среду, у каждого человека есть и обязательства, которые он должен соблюдать в отношении природы и природных богатств. Наши предки всегда жили в гармонии с природой и окружающей средой. Они бережно относились к природным богатствам, которыми их щедро одарила туркменская земля. Туркменистан имеет перспективное расположение на пересечении континентов и благополучно влияет на всестороннее развитие страны. В средние века через территорию туркменской земли пролегали караванные пути, посредством которых осуществлялась торговля и культурный обмен. Со всех концов земли сюда стекались купцы, ди-

пломаты, поэты и ремесленники. Туркменская земля всегда была центром притяжения великих умов и мыслителей, путешественников и исследователей.

Туркменистан с 1993 г. является полноправным членом ЮНЕСКО — авторитетной организации, которая играет первостепенную роль в международной деятельности по сохранению памятников культуры и природных ландшафтов, работает над созданием условий для открытого диалога, основанного на уважении всеобщих ценностей и достоинства каждого народа. Туркменистан, присоединившись к Конвенции ЮНЕСКО по охране всемирного культурного и природного наследия, систематически проводит масштабную работу по сохранению для будущих поколений историко-культурных и природных ценностей, являющихся неотъемлемой частью мировой цивилизации. Конвенция о всемирном наследии представляет собой один из важнейших инструментов в сфере охраны природы на глобальном уровне и подписана почти всеми государствами мира, в том числе странами Центральной Азии. Все государства в регионе являются сторонами Конвенции и обладают высоким разнообразием экосистем.

Следует отметить, что проводимые в Туркменистане системные экологические реформы становятся новым фактором роста национальной экономики, основой для перехода в масштабах всего народного хозяйства к принципиально новой модели природопользования.

Большой Алтай, являясь трансграничным регионом, находится в центре Азии и объединяет четыре государства: Китай, Монголию, Казахстан и Россию. Символом Алтайских гор стала самая высокая вершина Белуха (4509 м), через которую проходит граница Российской Федерации и Республики Казахстан. Именно горы Алтая питают реки, которые также объединяют интересы России и центральноазиатских стран. Например, русло Иртыша проходит по территории Китая, откуда оно устремляется через Казахстан в Россию, а истоки реки берут начало в бескрайних степях Монголии. От того, насколько тщательно население этих стран будет заботиться о природных богатствах на территории трансграничного региона, зависит экологическое состояние каждой из них. Алтай — это уникальный регион, поражающий биологическим и климатическим разнообразием, «колыбель цивилизации», где соприкасаются различные культуры и религии, его география обуславливает необходимость международного и трансграничного экологического сотрудничества.

Объект «Золотые горы Алтая» включен в список всемирного наследия. Его статус обусловлен в том числе тем, что Алтай является одним из важнейших центров происхождения горных видов растений и животных в Северной Азии. Совершенствование режима охраны территорий и экологических коридоров, имеющих наибольшую ценность для сохранения природного наследия, выявление участков достаточных размеров и установление адекватных буферных зон имеет важнейшее значение для поддержания и улучшения природных процессов и состояния популяций видов. Таким образом, необходимо выявлять ключевые местообитания и экологические коридоры, важные для животных и их миграции, а также четко определять их границы в целях расстановки приоритетов. Принятие во внимание различных международных механизмов признания участков, имеющих глобальное значение, сведения о территориях (участках), имеющих международное значение и получивших признание в рамках других международных правовых инструментов или посредством таких механизмов, как инвентаризация участков, важных для сохранения биоразнообразия, проводимых на международном/региональном уровне, определяют универсальную ценность объектов всемирного наследия. Конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных, Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, а также соглашения и программы, реализуемые в рамках указанных конвенций, нацелены на укрепление транснационального сотрудничества и выявление трансграничных объектов в целях обеспечения экологической функциональности, гарантирующей поддержание природных процессов. Следует укреплять постоянный диалог между центральноазиатскими странами в будущем на основе частых регулярных обменов и усиления сотрудничества между заинтересованными сторонами, совершенствовать право применения и повышение совместимости между местными, национальными и международными нормативно-правовыми рамками.

В современном мире межкультурное взаимодействие в области экологии имеет разносторонний характер: вхождение стран в мировые экологические организации, участие в международных форумах по проблемам защиты и сохранения окружающей среды, совместное подписание долгосрочных и краткосрочных договоров по запрещению использования опасных материалов. Международное со-

трудничество в вопросах охраны природы является необходимым условием дальнейшего существования и процветания планеты.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. — М., 1993.
2. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. — М., 2014.
3. Конституция Туркменистана. — Ашхабад, 2016.
4. Рогоцкая С. Об устойчивом развитии и эко-инновациях: новые возможности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/678725/> (дата обращения: 12.10.2014)
5. Шестакова А.И. Опыт Европейского Союза в формировании основ экологической дипломатии. — СПб., 2017.

Сведения об авторе:

Эзимова Джэннет Бердыевна, аспирант, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан). E-mail: jennetka.je@gmail.com

ТАТАРСТАН В ТУРКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Е.И. Поздняков

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск (Россия)

Татарстан — уникальный субъект Российской Федерации. Испытывавшая серьезные накалы сепаратистских настроений Казань сегодня стала лицом федерализма нашей обновленной страны. У республики сохраняются особенные отношения с Турцией, часто идущие вразрез с мнением Москвы, а экономическое партнерство с Анкарой заметно опережает остальные регионы России. Подобное положение дел открывает нам огромные перспективы во внешней политике, однако оно же таит множество опасностей, связанных с воздействием иностранного государства на общественные настроения. Данная статья рассматривает пути снижения рисков во взаимодействии республик и зарубежных партнеров, а также описывает положительные моменты системы Татарстана, которые можно и нужно переложить на остальные автономные субъекты РФ.

TATARSTAN IN TURKO-RUSSIAN RELATIONS: PROSPECTS AND CHALLENGES

E.I. Pozdnyakov

Pacific national university, Khabarovsk (Russia)

Tatarstan is a unique subject of the Russian Federation. Experiencing serious tensions of separatist sentiments, Kazan today has become the face of the federalism of our renewed country. The republic maintains special relations with Turkey, which often run counter to the opinion of Moscow, and the economic partnership with Ankara is noticeably ahead of other regions of Russia. This state of affairs opens up great prospects for us in foreign policy, but it also conceals many dangers associated with the impact of a foreign state on public sentiment. This article examines ways to reduce risks in the interaction of the republics and foreign partners, and also describes the positive aspects of the Tatarstan system, which can and should be transferred to other autonomous subjects of the Russian Federation.

Федерализм, как форма территориального устройства России, стал ключом к выходу из кризиса идентичности начала 90-х гг. Распад Советского Союза, а также падение социалистического лагеря вызвали у представителей малочисленных народов потребность к самоопределению. Резко возросло внимание к национальным языкам, этническим культурам и принципам самоуправления. Данные процессы вызвали рост сепаратистских настроений в ряде регионов. Тем не менее нашей стране удалось сохранить целостность, что позволяет говорить о федерализме как о ключевом факторе спасения единой России. Несмотря на то, что подобное устройство способствует нахождению компромисса между центром и периферией, и именно оно позволяет более эффективно развивать экономику регионов, федерализм таит в себе и опасности, о которых не стоит забывать. Так, республики несколько более инициативны во внешнеполитическом плане, чем области и края. Для примера, Татарстан, обладающий особыми отношениями с Турцией, ежегодно получает огромные инвестиции из Анкары, что, с одной стороны, помогает России налаживать контакт с дан-

ным государством, но с другой — ставит Казань в шаткую ситуацию потенциального попадания под пагубное влияние амбициозной политики пантюркизма. Важно иметь целостную картину о перспективах и вызовах подобных практик, анализу которых и будет посвящена данная статья.

Турция стала первым государством, с которым Татарстан начал вести активный диалог. Уже в 80-х гг. стороны начинают тесное сотрудничество на волне возрождения национальных традиций в Казани. Тема культурного взаимодействия с Анкарой в целом играет важную роль в республиканский период Татарстана. Уже в 1993 г. начинается деятельность международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), в рамках которой Казань принимала активное участие во многих образовательных и обменных программах. Так, на территории Татарстана были открыты татаро-турецкие лицеи, а молодежь республики получила возможность поступления в университеты Анкары на особых условиях. С каждым годом растет и число конференций, форумов, направленных на актуализацию проблем исторических связей. Особое внимание уделяется литературному сотрудничеству сторон [2].

Столь обширный список взаимодействий в области культуры подтверждает серьезные намерения Анкары в отношении российской республики. Актуальность изучению мягкой силы Турции в отношении Татарстана придает и тот факт, что Анкара стала первой страной, с которой у Казани начали формироваться отношения в период суверенитета. Тесные связи между обеими сторонами существовали еще до распада СССР, однако с уходом в небытие некогда грозного кандидата на статус сверхдержавы Татарстану потребовалось нарастить взаимодействие с Турцией. Стоит отметить, что здесь важную роль играл фактор взаимодействия с Москвой: дружественный контакт с Анкарой помог бы Казани выстроить более комфортную линию отношений с российским правительством. Таким образом, уже в 1992 г. состоялась официальная встреча двух президентов — Минтимера Шаймиева и Тургута Озала [3]. Напомним, что именно в это время в отношениях Москвы и Казани произошел «раскол», вызванный результатами референдума о признании Татарстана суверенным государством, субъектом мирового права и ассоциированным с Россией. Соглашение, подписанное между Анкарой и Казанью, косвенно подтверждало данный статус, что стало своеобразным «тузом в рукаве» для Татарстана. Помимо этого, стороны пришли к заключению, что торговое и инвестиционное партнерство станет ключом к налаживанию крепких и дружеских отношений. Столь сильный виток сотрудничества принес свои плоды: уже в 1996 г. в Казани было открыто Генеральное консульство Турции, а с 1997 г. Татарстан обладает полномочным представительством в Стамбуле [3].

Подобное тесное взаимодействие российской республики и суверенного государства может настораживать. Действительно, мы часто слышим о том, что Анкара оказывает давление на общество Казани, в частности, делая подрастающее поколение в большей степени протурецким, чем пророссийским. Тем не менее крайне важно сохранять трезвость ума в данном вопросе и обращать внимание в большей степени на преимущества, чем на недостатки сложившейся системы. Так, инцидент 24 ноября 2015 г. (боевой самолет СУ-24 был уничтожен турецкими военными на территории Сирии) привел к похолоданию в отношениях наших государств. Благодаря серьезным дипломатическим усилиям обострения в диалоге Москвы и Анкары удалось избежать, однако даже осенью 2015 г. Татарстан придерживался позиции невмешательства, отстреливаясь фразами о «братском турецком народе» [4]. Этот случай демонстрирует потенциал Казани как важного «переговорщика» в отношениях не только с Турцией, но и со всеми тюркскими государствами. Особый статус Татарстана позволяет нам создать коридор дипломатии, на котором не скажется кризис отношений между Россией и условным членом ТЮРКСОЙ. Именно эта республиканская особенность способна благотворно сыграть не только в отношениях Турции и России, но и с другими исламскими государствами, при условии усиления двусторонних контактов суверенных государств Ближнего Востока и мусульманских республик РФ. Разумеется, позиции субъектов нашей страны не должны противоречить «генеральной линии», однако обладание стабильного дипломатического аппарата на случай «черных дней» — крайне полезная роскошь в условиях меняющегося мира.

Заинтересованность Турции в сотрудничестве с Татарстаном приобретает и четкое экономическое измерение. Российская республика стала главным субъектом нашей страны, в который поступают колоссальные инвестиции Анкары. В регионе действует 280 турецких предприятий, а капиталовложения данной страны в Татарстан составляют 26% от общей суммы, приходящейся на вливания

в республику извне [1]. Хорошо показывает себя особая экономическая зона «Алабуга», которая была создана в 2005 г. На базе «Алабуги» построены десятки предприятий, основным спонсором которых выступает Турция. Подобную практику можно считать успешной, ведь экономическое взаимодействие третьей страны не с Россией, но с ее отдельным субъектом, позволяет решать множество проблем в условиях санкционного давления. Так, мы можем заметить, что наивысшей доли в торговле с Татарстаном Турция заняла именно в 2015 г., уже после Украинского кризиса, что позволяет нам говорить о верности данного направления. Подобную практику можно существенно расширить на другие республики, создав в них особые экономические зоны, схожие по функционированию с «Алабугой» [4]. Необязательно и руководствоваться принципом «этнического родства»: для республик Дальнего Востока подойдет и вполне прагматическая ориентация на Китай. Пекин — перспективный торговый партнер для России, однако наше сотрудничество в основном заключается в продаже сырья. Однако уже сейчас КНР начинает планомерный заход на российский рынок производства, открывая заводы автомобильных компаний, таких как «Хавэйл Моторс». Таким образом, существует определенный спрос со стороны восточного соседа, который было бы логично удовлетворить за счет особых экономических зон в республиках.

Разумеется, столь сильное проникновение капиталов другого государства в субъект Российской Федерации влечет за собой некоторые опасные последствия. Так, экономическое взаимодействие непременно ведет к росту деятельности образовательных и культурных НПО со стороны вкладчика. Бизнес-кооперация или привлечение работников на производство требует высококвалифицированных кадров, желательно обладающих глубоким уровнем понимания культуры и языка страны-партнера. Именно поэтому работа неправительственных организаций важна, несмотря на всю таящуюся в ней опасность. Известны случаи массовых увольнений учителей-турок из лицеев Татарстана за скрытую пропаганду гюленизма. Подобные ситуации неизбежны. Важно «не пороть горячку», но правильно их решать, а еще лучше — предотвращать. Квоты на иностранных сотрудников, ежегодная отчетность — все это поможет не только обезопасить общество от пагубного влияния НПО, но и использовать их потенциал по максимуму.

Таким образом, Татарстан служит прекрасным примером того, как Россия может использовать республиканский потенциал во внешнеполитическом аспекте. Казань сохраняет верность родному государству, однако способна на большую гибкость в отношениях с таким противоречивым актором, как Анкара. Разумеется, растущие амбиции Эрдогана не могут не вызывать опасения со стороны Москвы, но умелое регулирование отношений Татарстана и Турции позволит преодолеть вызовы, открыв дорогу к реализации широких перспектив. Опыт Казани стоит переложить и на другие автономные субъекты нашей страны, что позволит РФ выстраивать более стабильные экономические и политические отношения с партнерами в ситуации обострения санкций против Москвы.

Литература

1. Воронцов Д.П. Оценка перспектив стимулирования внешнеэкономических связей региона в современных условиях (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. — 2018. — Вып. 4. — С. 13–17.
2. Сайфулина Ф.С. Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность // Филология и культура. — 2014. — Вып. 2. — С. 322–326.
3. Сизова А.С., Макаренко С.С. К вопросу этнократии в Татарстане. Влияние Турции на взаимоотношения Татарстана и РФ // Colloquium-journal. — 2020. — Вып. 13. — С. 120–122.
4. Сулейманов Р.Р. Влияние Турции в Татарстане: фактор «мягкой силы» // Мусульманский мир. — 2016. — Вып. 1.– С. 3–25.

Сведения об авторе:

Поздняков Евгений Игоревич, магистрант, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия). E-mail: Pozdnyakovev@mail.ru

Научное издание

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы II Международного алтаистического форума
Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г.*

Редактирование и подготовка оригинал-макета — *С.И. Тесленко*

Оформление обложки — ...

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать ...12.2021. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 29,08.

Тираж ... экз. Заказ № ...

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66